1724–1899

Сборникъ біографій Кавалергардовъ

СБОРНИКЪ БІОГРАФІЙ

КАВАЛЕРГАРДОВЪ

1801-1826

СБОРНИКЪ БІОГРАФІЙ

КАВАЛЕРГАРДОВЪ

1801-1826

ПО СЛУЧАЮ

СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ

КАВАЛЕРГАРДСКАГО ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ

ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ ПОЛКА

Составленъ подъ редакціей С. Панчулидзева

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

1906

Настоящая книга заключаетъ въ себѣ біографіи офицеровъ, служившихъ или числившихся въ Кавалергардскомъ полку при Императорѣ Александрѣ I, а именно съ 12 Марта 1801 г. по 1 Января 1826 г., за исключеніемъ біографій слѣдующихъ 22 лицъ:

М. С. Лунина 1-го, князя С. Г. Волконскаго, М. Ф. Орлова 1-го, свѣтлѣйшаго князя П. П. Лопухина, А. З. Муравьева 1-го, В. П. Ивашева, И. Ю. Поливанова 2-го, Ф. Ф. Вадковскаго (эти 8 лицъ выбыли изъ полка до 14 Декабря 1825 г.), А. Л. Кологривова, графа Л. П. Витгенштейна 1-го, графа З. Г. Чернышева, И. А. Анненкова, П. П. Свиньина, А. С. Горожанскаго, Н. А. Васильчикова, Н. Н. Де-Прерадовича, князя Ал. Н. Вяземскаго 2-го, Д. А. Арцыбашева, П. Н. Свистунова, А. М. Муравьева, а равно не служившихъ въ рядахъ полка, но числившихся по полковымъ спискамъ: П. И. Пестеля и А. А. Крюкова.

Біографіи этихъ лицъ, какъ участниковъ «14 Декабря», полкъ рѣшилъ не помѣщать въ своемъ «Сборникѣ».

Пусть судитъ ихъ исторія, но политика не дѣло воина.

Вступая на политическое поприще, онъ нарушаетъ свои священнѣйшія обязанности: измѣняетъ своему долгу предъ Престоломъ и Отечествомъ.

Въ день 14 Декабря Кавалергардскій полкъ остался неизмѣнно вѣренъ своему Государю, ходилъ въ атаку противъ мятежниковъ, вопреки стараніямъ нѣкоторыхъ изъ участвовавшихъ въ заговорѣ офицеровъ увлечь въ мятежъ ложными увѣреніями нижнихъ чиновъ.

11 Января 1800 года *Кавалергардскій корпусъ* былъ переформированъ Императоромъ Павломъ въ трехъэскадронный *Кавалергардскій полкъ* на одинаковомъ положеніи съ остальными гвардейскими полками, безъ присвоенія ему прежняго преимущества имѣть и нижнихъ чиновъ изъ однихъ дворянъ.

Шефъ Кавалергардскаго корпуса Ф. П. Уваровъ былъ тогда же переименованъ въ шефы Кавалергардскаго полка и состоялъ имъ до своей кончины, послѣдовавшей 20 Ноября 1824 г.

Біографіи гр. С. Ф. Апраксина, Р. Е. Гринвальда и барона И. А. Фитингофа, начавшихъ службу въ кавалергардахъ при Императорѣ Александрѣ I,

но послѣдовательно одинъ за другимъ командовавшихъ Кавалергардскимъ полкомъ при Императорѣ Николаѣ I, выдѣлены изъ настоящей книги (III т.) и перенесены въ послѣднюю книгу (IV т.) Сборника.

Біографіи расположены по старшинству поступленія лицъ въ Кавалергардскій полкъ.

Имя, отчество и фамиліи офицеровъ-кавалергардовъ, служившихъ въ рядахъ полка, напечатаны *жирнымъ* шрифтомъ, а офицеровъ, прикомандированныхъ къ полку, или числившихся въ офицерскихъ спискахъ полка, напечатаны *разрядкою*.

Непосредственное участіе въ работахъ редакціи Сборника приняли: Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Михаиловичъ, А. А. Голомбіевскій, Д. Я. Дашковъ, П. Я. Дашковъ, А. Н. Дубенскій, М. А. Пашковъ и М. А. Серебряковъ.

Съ чувствомъ глубокаго огорченія отмѣчаемъ понесенную редакціей тяжелую утрату въ лицѣ скончавшагося 24 Іюня 1904 года нашего уважаемаго историка Василія Алексѣевича Бильбасова, принимавшаго въ теченіе почти десяти лѣтъ самое близкое, живое и теплое участіе въ редакціонныхъ работахъ «Сборника біографій кавалергардовъ».

С. Панчулидзевъ.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

	стр.
Авдулинъ, Михаилъ Николаевичъ. . .	182
Авдулинъ, Николай Николаевичъ . . .	271
Аладьинъ, Владиміръ Семеновичъ. . .	277
Албрехтъ, Карлъ Федоровичъ . . .	306
Альбрехтъ 1-й, Александръ Ивановичъ .	126
Анненковъ 1-й, Петръ Аврамовичъ . .	91
Анненковъ 2-й, Гаврила Александровичъ	114
Анрепъ-Эльмптъ, графъ Іосифъ Романовичъ — *И. Поповъ*	277
Апраксинъ 1-й, графъ Петръ Иванович	94
Апраксинъ 2-й, графъ Василій Иванович	132
Апраксинъ 3-й, графъ Степанъ Федоровичъ	206
Араповъ 1-й, Устинъ Ивановичъ . . .	287
Араповъ 2-й, Александръ Николаевичъ— *В. Поповъ*	327
Араповъ 2-й, Петръ Ивановичъ . . .	288
Араповъ 3-й, Пименъ Николаевичъ . .	336
Арпсъ (потомъ Арпсъ-Гофенъ), баронъ Егоръ Карловичъ	159
Арсеньевъ, Дмитрій Николаевичъ . . .	22
Балабинъ, Петръ Ивановичъ	26
Балашевъ, Дмитрій Александровичъ . .	371
Бакунинъ, Василій Михайловичъ . . .	291
Барклай-де-Толли, князь Эрнестъ (Эрнстъ-Магнусъ) Михайловичъ. . .	272
Батуринъ, Алексѣй Петровичъ. . . .	354
Башмаковъ, Дмитрій Евлампіевичъ — *В. Жерве*	227
Безобразовъ, Григорій Михайловичъ	295
Беклешевъ, Николай Сергѣевичъ . . .	209
Бердяевъ, Михаилъ Николаевичъ — *В. Жерве*	234
Бехтѣевъ, Александръ Алексѣевичъ. .	284
Бобоѣдовъ, Гаврила Васильевичъ . . .	323
Бобринской, графъ Алексѣй Алексѣевичъ — *Н. Петровъ*.	393
Бобръ-Піотровицкій, Урбанъ Каетановичъ	392
Богдановичъ 1-й, Иванъ Петровичъ . .	326
Богдановичъ 2-й, Николай Петровичъ .	327
Бодиско, Константинъ Андреевичъ . .	266
Бороздинъ 2-й, Владиміръ Матвѣевичъ .	107
Брадке, Михаилъ Федоровичъ—*В. Жерве*	292
Бревернъ, Христоферъ (Христоферъ-Энгельбрехтъ) Ивановичъ	67
Булацель, Николай Афанасьевичъ. . .	318
Булгари, графъ Яковъ Николаевичъ. .	183
Бутурлинъ, Дмитрій Петровичъ—*Н. Совѣтовъ*	221
Бутурлинъ, Михаилъ Петровичъ—*Н. Совѣтовъ*	202
Бутурлинъ 1-й (4-й), Алексѣй Петровичъ — *Н. Совѣтовъ*	367
Бутурлинъ 2-й, Сергѣй Петровичъ — *Н. Совѣтовъ*	373
Вѣгичевъ, Степанъ Никитичъ—*В. Шереметевскій*	255
Вѣлавинъ 1-й, Николай Ивановичъ . .	109
Вѣлавинъ 2-й, Владиміръ Ивановичъ. .	110
Вѣлавинъ 3-й, Борисъ Ивановичъ . .	207
Вѣлкинъ, Федоръ Михайловичъ . . .	128
Валуевъ, Петръ Петровичъ.	170
Васильевъ 1-й, графъ Владиміръ Федоровичъ — *А. Голомбіевскій*.	24
Васильчиковъ 2-й, Дмитрій Васильевичъ — *И. Поповъ*	16
Васильчиковъ 4-й, Николай Ивановичъ.	208
Величко, Иванъ Ивановичъ	261
Веригинъ, Аполлонъ Никитичъ . . .	310
Веригинъ, Петръ Васильевичъ	384
Виртембергскій, принцъ Александръ (Фридрихъ-Вильгельмъ-Александръ) .	129
Віельгорскій (Велеурскій), графъ Матвѣй Юрьевичъ — *Н. Чулковъ* . .	263
Воейковъ, Сергѣй Петровичъ	138

	стр.
Волжинъ, Николай Афанасьевичъ. . .	309
Володиміровъ (1-й), Ростиславъ Евграфовичъ.	296
Воронецкій, князь Адамъ Іосифовичъ .	268
Всеволожской, Александръ Всеволодовичъ	305
Вяземскій 1-й, князь Андрей Николаевичъ	382
Гагаринъ, князь Андрей Павловичъ — *Н. Чулковъ*	124
Гагаринъ, князь Василій Федоровичъ .	162
Гагаринъ, князь Федоръ Федоровичъ— *Н. Чулковъ*	135
Гедеоновъ, Александръ Михайловичъ — *Н. Чулковъ*	214
Гешевъ, Федоръ Христофоровичъ . .	266
Глѣбовъ, Михаилъ Петровичъ	162
Голенищевъ-Кутузовъ, графъ Павелъ Васильевичъ — *А. Добошинскій* . . .	10
Голенищевъ-Кутузовъ-Толстой, Павелъ Матвѣевичъ	371
Голицынъ, князь Александръ Алексѣевичъ	344
Голицынъ, князь Иванъ Федоровичъ .	226
Голицынъ, князь Николай Михайловичъ	68
Голицынъ, князь Павелъ Алексѣевичъ	171
Горяиновъ, Николай Сергѣевичъ . . .	354
Горяиновъ, Сергѣй Алексѣевичъ . . .	307
Гревсъ 1-й, Алексѣй Александровичъ .	170
Гревсъ 2-й, Михаилъ Александровичъ .	206
Гудимъ-Левковичъ, Константинъ Ивановичъ	308
Гудимъ-Левковичъ, Николай Акимовичъ	391
Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ—*Н. Совѣтовъ*	28
Давыдовъ 3-й, Евдокимъ Васильевичъ— *Н. Совѣтовъ*	108
Дадіанъ, князь Александръ Тарасовичъ .	387
Даниловъ, Иванъ Александровичъ. . .	243
Девлетъ-Кильдѣевъ, князь Леонтій Тимофѣевичъ	318
Делингаузенъ 1-й, баронъ Федоръ (Фридрихъ) Федоровичъ	398
Демидовъ 1-й, Александръ Григорьевичъ — *П. Демидовъ*	345
Демидовъ 1-й, Павелъ Николаевичъ — *П. Демидовъ*	370
Де-Прерадовичъ, Николай Ивановичъ — *Н. Чулковъ*	103
Домогацкій, Николай Дмитріевичъ . .	310
Дубенскій, Порфирій Николаевичъ . .	402
Ермоловъ, Федоръ Александровичъ — *А. Голомбіевскій*	352
Жеребцовъ, Александръ Арсеньевичъ .	351
Загряжскій, Александръ Дмитріевичъ .	266
Зассъ, Петръ (Петръ-Густавъ-Отто) Андреевичъ	68
Засѣцкій, Николай Петровичъ . . .	132
Злотницкій 1-й, Эразмъ (Герасимъ) Антоновичъ	261
Злотницкой 2-й, Іосифъ Антоновичъ .	297
Зонъ (1-й), Александръ Павловичъ . .	274
Зотовъ, Николай Захаровичъ	349
Зубовъ 1-й, графъ Александръ Николаевичъ.	267
Зубовъ 2-й, графъ Платонъ Николаевичъ	305
Ивановъ, Алексѣй Александровичъ . .	327
Ивановъ (18-й), Николай Александровичъ	309
Изъѣдиновъ, Александръ Михайловичъ .	307
Ипсиланти, князь Александръ Константиновичъ — *В. Шереметевскій* . . .	194
Ипсиланти 1-й, князь Георгій Константиновичъ	282
Ипсиланти 2-й, князь Николай Константиновичъ	283
Іохимсенъ, Александръ	249
Каблуковъ 1-й, Платонъ Ивановичъ — *В. Жерве*	45
Каблуковъ 2-й, Владиміръ Ивановичъ .	47
Каверъ, Астафій Владиміровичъ. . .	212
Капнистъ, Петръ Николаевичъ . . .	311
Кирѣевскій, Николай Васильевичъ . .	276
Киселевъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ— *Н. Чулковъ*	144
Кноррингъ, фонъ, Карлъ (Готхардъ-Магнусъ) Антоновичъ	310
Кожинъ 1-й, Петръ Артамоновичъ . . .	310
Кожинъ 2-й, Петръ Николаевичъ. . . .	343
Кожинъ 3-й, Дмитрій Николаевичъ . .	344
Кожинъ 4-й, Павелъ Сергѣевичъ — *В. Жерве*	354
Колокольцовъ, Аполлонъ Аполлоновичъ	23
Колычевъ, Сергѣй Федоровичъ—*А. Голомбіевскій*.	130
Корбе, Иванъ Михайловичъ.	344
Коростовцевъ, Константинъ Ивановичъ .	367
Кропоткинъ, князь Иванъ Алексѣевичъ	111
Кутлеръ, Федоръ Львовичъ	317
Ланской, Петръ Петровичъ.	333
Ланской 1-й, Александръ Петровичъ. .	331
Ланской 1-й (потомъ 3-й), Сергѣй Петровичъ	130
Ланской 2-й, Павелъ Петровичъ . . .	230
Лау, фонъ, Николай Карловичъ . . .	265
Лачиновъ, Николай Емельяновичъ .	319
Левашовъ, графъ Василій Васильевичъ— *А. Голомбіевскій*	95
Левашовъ, Николай Федоровичъ . . .	251
Левашевъ 2-й, Константинъ Васильевичъ	226
Левенвольде 1-й, баронъ Карлъ (Фридрихъ-Карлъ-Іоганнъ) Карловичъ . .	15
Левенвольде 2-й, баронъ Казиміръ (Іоакимъ-Дидрихъ-Казиміръ)	16
Левшинъ, Гавріилъ Гавриловичъ . . .	272

	стр.
Левшинъ, Иванъ Николаевичъ	326
Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ (1-й), Иванъ Карловичъ.	292
Лизогубъ, Илья Ивановичъ—*Графъ Г. Милорадовичъ*	291
Лихачевъ, Федоръ Семеновичъ . . .	319
Лобановъ-Ростовскій, князь Александръ Яковлевичъ — *Н. Чулковъ*	163
Лопухинъ, Павелъ Александровичъ . .	269
Лосевъ, Николай Михайловичъ. . . .	95
Лунинъ 2-й, Никита Сергѣевичъ . . .	130
Львовъ, Дмитрій Михайловичъ. . . .	238
Львовъ, князь Александръ Дмитріевичъ.	312
Львовъ 2-й, Андрей Михайловичъ . .	332
Маматовъ, князь Евграфъ Матвѣевичъ .	295
Мантейфель 1-й, графъ Григорій Андреевичъ (Готгардъ-Іоахимъ)	349
Мантейфель 2-й, графъ Аристъ (Эрнстъ-Готгардъ) Андреевичъ.	367
Мензенкампфъ, Борисъ Петровичъ . .	251
Медемъ, баронъ Василій (Германъ-Вильгельмъ) Ивановичъ	269
Мельгуновъ, Александръ Васильевичъ .	129
Местръ, де-, графъ Рудольфъ Осиповичъ	165
Мещерскій, князь Николай Степановичъ	356
Минихъ 1-й, графъ Петръ (Петръ-Христофоръ) Сергѣевичъ	249
Минихъ 2-й, графъ Иванъ Сергѣевичъ .	249
Михельсонъ, Григорій Ивановичъ. . .	183
Могучій, Адамъ Станиславовичъ. . .	391
Муравьевъ 3-й, Александръ Захаровичъ.	268
Мухановъ, Сергѣй Николаевичъ—*Н. Чулковъ*	288
Мухортовъ, Николай Васильевичъ. . .	238
Мясоѣдовъ, Петръ Ивановичъ	313
Нееловъ, Дмитрій Ивановичъ	211
Неклюдовъ, Сергѣй Петровичъ . . .	211
Нелидовъ, Аркадій Аркадьевичъ . . .	399
Нелидовъ 1-й, Федоръ Аркадьевичъ . .	340
Новицкій, Александръ Николаевичъ . .	339
Новосильцевъ, Петръ Петровичъ — *А. Голомбіевскій*	387
Нотгофтъ, Петръ Ивановичъ	339
Обресковъ, Василій Александровичъ . .	138
Обресковъ 2-й, Алексѣй Михайловичъ .	209
Окуневъ, Григорій Александровичъ . .	212
Орловъ 2-й, Григорій Федоровичъ . .	162
Охотниковъ, Алексѣй Яковлевичъ — *Н. Панчулидзева*	19
Паленъ 3-й, фонъ-деръ, баронъ Матвѣй Ивановичъ — *К. Военскій*	172
Панинъ, графъ Александръ Никитичъ — *Н. Чулковъ*	314
Панинъ, Алексѣй Федоровичъ	344
Пашковъ, Андрей Ивановичъ	237
Пашковъ 1-й, Михаилъ Васильевичъ . .	347
Пашковъ 2-й, Федоръ Алексѣевичъ . .	382
Пашковъ 3-й, Егоръ Ивановичъ—*В. Жерве*	285
Пестель 2-й, Владиміръ Ивановичъ — *В. Жерве*	258
Петерсонъ, Александръ Христофоровичъ (Петровичъ)	249
Петрищевъ, Николай Ивановичъ . . .	210
Плохово, Дмитрій Николаевичъ . . .	112
Подольскій, Иванъ Дмитріевичъ . .	261
Подчаскій, Ипполитъ Ивановичъ . .	302
Полетика 1-й, Александръ Михайловичъ	350
Полетика 2-й, Михаилъ Михайловичъ .	351
Поливановъ 1-й, Александръ Юрьевичъ.	285
Понятовскій, Евгеній Осиповичъ . . .	340
Потоцкій, графъ Болеславъ Станиславовичъ	393
Прокудинъ, Алексѣй Неофитовичъ . .	124
Пусловскій, Владиславъ (Иванъ-Адамъ-Іосифъ-Агриппа) Войтеховичъ — *Н. Чулковъ*	379
Рагденъ, Федоръ Ивановичъ (Вильгельмъ-Іоганъ-Теодоръ-Фридрихъ-Морицъ) (баронъ Раденъ).	253
Рагозинъ, Владиміръ Андреевичъ . . .	22
Рейснеръ, фонъ, Александръ Андреевичъ	349
Репнинъ, князь Николай Григорьевичъ— *А. Голомбіевскій*	49
Римскій-Корсаковъ, Павелъ Александровичъ	129
Римскій-Корсаковъ, Романъ Александровичъ	273
Рожновъ, Михаилъ Сергѣевичъ . . .	137
Розенъ, баронъ Михаилъ (Мартынъ) Карловичъ — *В. Жерве*	251
Ростопчинъ, графъ Сергѣй Федоровичъ — *А. Голомбіевскій*	253
Рычковъ, Николай Васильевичъ. . .	262
Сазоновъ 2-й, Василій Дмитріевичъ . .	271
Сайнъ-Витгенштейнъ 2-й, графъ Станиславъ (Станиславъ-Христіанъ) Петровичъ	313
Самбургскій, Алексѣй Ивановичъ. . .	253
Сангушко, князь Романъ Евстафьевичъ— *А. Голомбіевскій*	361
Семевскій, Константинъ Васильевичъ .	354
Сиверсъ, Федоръ Евстафьевичъ. . .	297
Слѣпневъ, Федоръ Васильевичъ . . .	226
Смирновъ, Никита Николаевичъ . . .	210
Смиттенъ, Густавъ Густавовичъ . . .	236
Соллогубъ, графъ Левъ Ивановичъ — *А. Богдановъ*	23
Сталь 3-й, Александръ (Александръ-Фердинандъ) Федоровичъ	111
Сухтеленъ, графъ Павелъ Петровичъ — *А. Голомбіевскій*	114
Тарасовъ, Василій Петровичъ	273
Тепловъ, Яковъ Васильевичъ	326
Терпигоревъ, Сергѣй Ивановичъ . . .	326
Тимковскій 1-й, Владиміръ Ивановичъ .	340
Тимковскій 2-й, Павелъ Ивановичъ . .	392
Тимковскій 3-й, Александръ Ивановичъ	398

	стр.
Тимлеръ, Карлъ Петровичъ	275
Токаревъ, Алексѣй Гавриловичъ	346
Толстой, графъ Александръ Николаевичъ	341
Толстой, графъ Николай Ильичъ	270
Толстой 2-й, графъ Алексѣй Петровичъ	342
Толстой 3-й, графъ Александръ Петровичъ — *А. Селивановъ*	356
Трубецкой, князь Василій Сергѣевичъ — *А. Голомбіевскій*	139
Трубецкой, князь Никита Петровичъ	384
Трубецкой, князь Юрій Петровичъ	250
Тургеневъ 1-й, Сергѣй Николаевичъ — *А. Голомбіевскій*	239
Тургеневъ 2-й, Николай Николаевичъ — *А. Голомбіевскій*	243
Турчаниновъ, Александръ Александровичъ	266
Тухачевскій, Николай Николаевичъ	275
Уваровъ, Федоръ Петровичъ—*Н. Чулковъ*	1
Уваровъ 2-й, Федоръ Александровичъ — *А. Голомбіевскій*	133
Уваровъ 3-й, Федоръ Семеновичъ	113
Унгернъ-Штернбергъ, баронъ Борисъ Владиміровичъ (Бернгардъ-Вольдемаръ-Конрадъ)	16
Устиновъ, Василій Михайловичъ	339
Устиновъ, Михаилъ Михайловичъ	351
Фрезеръ, Вильгельмъ-Генрихъ	397
Ферзенъ, графъ Павелъ Карловичъ — *В. Жерве*	347
Хвостовъ, Александръ Александровичъ	284
Хорватъ, Николай Антоновичъ	344
Храповицкій 1-й, Иванъ Семеновичъ	112
Храповицкій 2-й, Иванъ Ивановичъ	125
Хрущовъ, Арсеній	238
Худолей, Егоръ Ивановичъ	251
Чернышевъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Ивановичъ—*Н. Чулковъ*	68
Чертковъ, Николай Дмитріевичъ—*А. Голомбіевскій*	297
Чертковъ 2-й, Василій Дмитріевичъ	288
Чоглоковъ, Александръ Павловичъ	366
Чудовскій, Казиміръ Ивановичъ	266
Шеншинъ 1-й, Николай Николаевичъ	110
Шеншинъ 2-й, Петръ Ипполитовичъ	210
Шепелевъ, Александръ Ивановичъ	245
Шепелевъ, Николай Ивановичъ	312
Шеппингъ, Оттонъ Дмитріевичъ (Отто-Густавъ)	247
Шереметевъ, графъ Дмитрій Николаевичъ	384
Шереметевъ 1-й, Сергѣй Васильевичъ— *В. Шереметевскій*	219
Шереметевъ 2-й, Алексѣй Федоровичъ	318
Шереметевъ 2-й, Василій Васильевичъ— *В. Шереметевскій*	241
Шереметевъ 3-й (потомъ 2-й), Петръ Васильевичъ	322
Шкуринъ 2-й, Павелъ Сергѣевичъ	193
Шнель, Александръ Андреевичъ	401
Щербатовъ, князь Федоръ Александровичъ	350
Эмме 2-й, Александръ Ивановичъ	272
Языковъ 1-й, Дмитрій Семеновичъ	233
Языковъ 2-й, Александръ Семеновичъ	234
Янушкевичъ, Николай Игнатьевичъ	353
Яхонтовъ, Александръ Андреевичъ — *А. Добошинскій*	92

Кавалергарды
въ царствованіе Императора Александра I.

Федоръ Петровичъ Уваровъ, 1769—1824, изъ древняго дворянскаго рода, считавшаго своимъ родоначальникомъ мурзу Минчака Косаева, который выѣхалъ въ Москву изъ Орды при Великомъ Князѣ Василіи Дмитріевичѣ. Предокъ той отрасли Уваровыхъ, къ которой принадлежалъ Федоръ Петровичъ, Александръ, жилъ въ началѣ XVI вѣка, и потомки его служили по Каширѣ, не достигая высокаго служебнаго положенія и не отличаясь богатствомъ. Дѣдъ Федора Петровича, поручикъ Илья Ивановичъ, имѣлъ только 187 душъ въ Веневскомъ, Елецкомъ и Каширскомъ уѣздахъ [1]), отецъ его, Петръ Ильичъ, дослужился до чина бригадира. Федоръ Петровичъ родился въ селѣ Хруславкѣ Веневскаго уѣзда, Тульской губ. 16 Апрѣля 1769 г. По обычаю того времени, онъ 6 лѣтъ былъ записанъ на службу въ артиллерію сержантомъ, а затѣмъ, не выѣзжая изъ родительскаго дома, прошелъ службу во всѣхъ родахъ оружія: 3 Ноября 1780 года былъ переведенъ изъ артиллеріи каптенармусомъ въ Преображенскій полкъ, состоя въ которомъ, 1 Апрѣля 1781 г. произведенъ въ сержанты, а 1 Декабря 1787 г. зачисленъ вахмистромъ въ Конную гвардію. Средства его отца были очень ограничены; самъ онъ былъ по какой-то причинѣ подъ судомъ и долженъ былъ жить въ Петербургѣ, а имущество было подъ запрещеніемъ. Только въ царствованіе Павла I ему удалось, при содѣйствіи сына, добиться оправданія. При такихъ обстоятельствахъ Уваровъ не могъ получить соотвѣтствующаго образованія и даже не имѣлъ возможности опредѣлиться на дѣйствительную службу. До 18-лѣтняго возраста онъ жилъ съ матерью безвыѣздно въ деревнѣ. Только въ 1787 г. нашелъ удобный случай пріѣхать къ отцу въ Петербургъ. Съ помощью покровителя своего, генерала Тутолмина, отецъ опредѣлилъ сына на службу [1]); 1 Января 1788 г. онъ былъ выпущенъ капитаномъ въ Софійскій пѣхотный полкъ и попалъ въ Олонецкую губ., въ войска, формировавшіяся для войны со Швеціей. 8 Сентября 1790 г. Уваровъ былъ произведенъ въ секундъ-майоры, съ переводомъ въ Смоленскій драгунскій полкъ. Лѣтомъ 1792 г. принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ и участвовалъ въ дѣлахъ при Столбцахъ и Мирѣ. Онъ находился въ Варшавѣ, когда въ ночь на 6 Апрѣля 1794 г. произошло нападеніе поляковъ на русскія войска. Въ продолженіе 36 часовъ ему пришлось отбиваться отъ мятежниковъ, но, наконецъ, удалось вмѣстѣ съ барономъ Игельстромомъ пробиться сквозь многочисленную толпу враговъ и выйти изъ города. За отличіе, оказанное въ этомъ

[1]) М. арх. Мин. Юст., Герольдм. конт., кн. 272, л. 569.

[1]) А. А. Бехтѣевъ, «Некрологія Ѳедора Петровича Уварова». СПб., 1825 г.

дѣлѣ, Уваровъ былъ произведенъ 10 Іюня въ премьеръ-майоры. Въ Іюнѣ и Іюлѣ 1794 г. принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ въ Литвѣ и во взятіи Вильны 31 Іюля. Въ теченіе этой кампаніи онъ состоялъ при дѣйствующемъ корпусѣ въ должности дежурнаго майора, которую исполнялъ, по выраженію формуляра, «съ отличнымъ усердіемъ, раченіемъ и расторопностью» [1]). 14 Мая 1795 г. Уваровъ былъ произведенъ Суворовымъ въ подполковники. О дальнѣйшей службѣ Федора Петровича въ теченіе 2 лѣтъ мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ современниковъ, не подтверждаемыхъ формуляромъ. Такъ, по словамъ А. М. Тургенева, онъ служилъ во Владимірскомъ драгунскомъ полку, откуда былъ командированъ въ безсмѣнные ординарцы къ графу В. А. Зубову [2]). А. И. Михайловскій-Данилевскій разсказываетъ, что Уваровъ былъ извѣстенъ за хорошаго кавалериста, и поэтому Зубовъ взялъ его къ себѣ въ ординарцы, чтобы онъ смотрѣлъ за его лошадьми [3]). Затѣмъ, по словамъ Тургенева, онъ служилъ въ Кинбурнскомъ драгунскомъ полку [4]). Въ Январѣ 1797 г. Уваровъ случайно проѣзжалъ черезъ село Радогощь Орловской губ., гдѣ въ это время происходили волненія среди крестьянъ. Для усмиренія ихъ тамъ находились полки Ахтырскій гусарскій (Линденера) и Ряжскій мушкатерскій. Федоръ Петровичъ принялъ участіе въ усмиреніи, взявъ на себя командованіе лейбъ-эскадрономъ ахтырцевъ и распоряженіе орудіями, и Линденеръ въ своемъ донесеніи Государю съ большой похвалой отзывался объ его дѣйствіяхъ. 9 Марта 1797 г. Уваровъ былъ переведенъ въ Екатеринославскій кирасирскій (гр. Салтыкова 2-го) полкъ [5]). 12 Апрѣля 1798 г. онъ былъ произведенъ въ полковники. 1798 годъ имѣлъ важное значеніе въ его жизни: ничѣмъ особенно не отличавшійся отъ своихъ товарищей, армейскихъ офицеровъ, онъ неожиданно достигъ такого высокаго положенія, на какое при обыкновенномъ ходѣ вещей не могъ разсчитывать. Живя въ Москвѣ, Уваровъ пріобрѣлъ благосклонность жены сенатора Екатерины Николаевны Лопухиной (р. 1763 г.) и даже, по словамъ сослуживца его, А. М. Тургенева, пользовался ея средствами. Въ Маѣ въ Москву пріѣхалъ Императоръ Павелъ. Вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ извѣстный переѣздъ Лопухиныхъ въ Петербургъ и назначеніе П. В. Лопухина генералъ-прокуроромъ. Ихъ возвышеніе вызвало и возвышеніе Уварова. Екатерина Николаевна не соглашалась переѣзжать въ Петербургъ безъ Федора Петровича, и поэтому пришлось хлопотать о его переводѣ. 21 Августа онъ былъ переведенъ въ Кирасирскій г.-м. Цорна полкъ, а 3 Сентября въ Конную гвардію. 19 Октября былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты, съ производствомъ въ генералъ-майоры, а въ началѣ 1799 г. получилъ орденъ св. Анны 1 ст.

9 Августа 1799 г. Федоръ Петровичъ былъ назначенъ шефомъ Кавалергардскаго корпуса, который съ его назначеніемъ былъ доведенъ до трехъ-эскадроннаго состава. 28 Августа первый эскадронъ названъ именемъ шефа корпуса [1]). 7 Октября корпусъ въ новомъ составѣ представился Государю, который остался вполнѣ имъ доволенъ и объявилъ Уварову «отмѣнную благодарность за скорое приведеніе въ должный порядокъ корпуса» [2]). Павелъ I и впослѣдствіи продолжалъ быть довольнымъ корпусомъ, и только разъ офицеры получили замѣчаніе за плохую ѣзду [3]). 11 Января 1800 г. повелѣно было переформировать Кавалергардскій корпусъ въ Кавалергардскій полкъ трехъ-эскадроннаго состава [4]), а на слѣдующій день Уварову было объявлено «особливое благоволеніе за содержаніе совершенно въ должномъ порядкѣ сформированныхъ изъ дворянъ эскадроновъ кавалергардовъ» [5]). Шефомъ новаго полка былъ назначенъ Уваровъ, онъ же и командовалъ полкомъ [6]). Въ званіи шефа онъ оставался до конца жизни. Для сформированія полка, по словамъ гр. Комаровскаго, были взяты лучшіе люди и лошади изъ Конной гвардіи, которой командовалъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, что породило неудовольствіе Цесаревича противъ Кавалергардскаго полка и его шефа [7]). 23 Апрѣля Государь присутствовалъ въ первый разъ на ученіи новаго полка на Царицыномъ лугу и остался вполнѣ доволенъ. На слѣдующій день онъ объявилъ Уварову свое благоволеніе. И въ послѣдующее время Государь часто былъ доволенъ полкомъ, хотя все-таки въ теченіе лѣта 1800 г. онъ объявилъ однажды полку свое неудовольствіе, а Уваровъ три раза получалъ выговоръ, между прочимъ «за незнаніе службы, и рекомендуется впредь оную болѣе знать» [8]). Но въ общемъ Федоръ Петровичъ пользовался неизмѣнно милостью Императора:

---

1) Леф. арх., Форм. сп. 1823 г., кн. 233.
2) Р. Старина, 1885/XI, 250.
3) Тамъ же, 1899/VI, 634.
4) Тамъ же, 1885/XI, 269.
5) Формуляръ.

1) Исторія Кавалергардовъ, II, 160.
2) Тамъ же, 162.
3) Тамъ же, 165.
4) Тамъ же, 167.
5) Тамъ же, 168.
6) Тамъ же, 176.
7) Р. Архивъ, 1867 г., 542.
8) Исторія Кавалергардовъ, II, 188

ему былъ пожалованъ командорскій крестъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, а 5 Ноября 1800 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Въ роковой день, 11 Марта, Федоръ Петровичъ былъ дежурнымъ генералъ-адъютантомъ. Ночью онъ расположился съ нѣсколькими офицерами своего полка близъ комнатъ Наслѣдника съ цѣлью охранять его, а по воцареніи Александра I сопровождалъ его при объявленіи войскамъ о кончинѣ Павла I и при переѣздѣ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ [1]). И при новомъ Императорѣ Уваровъ оставался однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ и почти всегда сопровождалъ его во время прогулокъ, и пѣшкомъ, и верхомъ [2]). 19 Марта ему повелѣно было быть попрежнему генералъ-адъютантомъ.

Въ 1805 г. Уваровъ принялъ участіе въ войнѣ съ Наполеономъ и отличился при Аустерлицѣ. Подъ его начальствомъ были полки Елизаветградскій гусарскій, Харьковскій и Черниговскій драгунскіе, расположенные на лѣвомъ флангѣ боевого порядка кн. Багратіона (лѣвое крыло арміи союзниковъ) и служившіе связью между Багратіономъ и центромъ арміи. Чтобы окончательно разобщить лѣвое крыло съ опрокинутымъ уже центромъ, Мюратъ двинулъ впередъ всю свою кавалерію. Впереди шла дивизія Келлермана (8 полковъ). Навстрѣчу ему пошелъ Уваровъ и удачно атаковалъ его двумя полками съ фронта, а третьимъ охватилъ правый флангъ Келлермана и опрокинулъ 5 переднихъ его полковъ, но бригада Себастіана, составлявшая частный резервъ, вынеслась впередъ и, въ свою очередь, охватила лѣвый флангъ Уварова, тогда какъ три послѣднихъ полка Келлермана атаковали правый его флангъ. Уваровъ былъ опрокинутъ и преслѣдуемъ Келлерманомъ, который опрокинулъ и кавалерію Чаплица, двинувшуюся на поддержку Уварова. Чаплицъ, отступая, навелъ Келлермана на нашу пѣхоту. Встрѣченные огнемъ, полки Келлермана дали тылъ, чѣмъ воспользовался Уваровъ, который бросился преслѣдовать французовъ, но, атакованный дивизіей Вальтера (изъ общаго резерва), былъ имъ опрокинутъ, съ потерею своей артиллеріи. Несмотря на такой конечный исходъ атакъ Уварова, должно признать, что онъ весьма много способствовалъ тому, что маневръ Мюрата и Ланна, клонившійся къ отрѣзанію Багратіону пути отступленія на Аустерлицъ, потерпѣлъ неудачу [3]).

За Аустерлицъ Уваровъ былъ награжденъ орденомъ *св. Георгія* 3 ст., за то, какъ сказано въ рескриптѣ, что, «доказавъ мужество свое и расторопность, кавалерійскому генералу потребную, съ твердостью сохранилъ до конца сраженія порядокъ въ командуемыхъ войскахъ и противъ многократныхъ атакъ непріятельской конницы, подкрѣпляемой пѣхотой и артиллеріей, дѣлалъ сильные отпоры» [1]). Кромѣ этого ордена, онъ за кампанію 1805 г. получилъ 28 Января 1806 г. орденъ св. Александра Невскаго. Александръ I очень высоко цѣнилъ заслуги Уварова въ этой войнѣ и однажды сказалъ о немъ: «Если армія въ своемъ отступленіи избѣгла бѣдствій, кои казались неминуемыми, то мы обязаны симъ усердію, распоряженіямъ и искуснымъ маневрамъ сего храбраго генерала» [2]). 8 Февраля 1807 г. Уваровъ былъ посланъ Государемъ къ Беннигсену съ письмомъ, въ которомъ Александръ Павловичъ убѣждалъ Беннигсена не отказываться отъ назначенія главнокомандующимъ. «Je vous envoie mon aide de camp, général d'Ouvarof... il est chargé de vous exprimer encore de bouche tous les sentiments d'estime que je vous porte. Plusieurs généraux se trouvant blessés, vous pouvez l'employer selon que vous jugerez bon et là où vous le croirez utile» [3]). Беннигсенъ предоставилъ Уварову командованіе кавалеріей праваго фланга арміи. 26 Мая Уваровъ атаковалъ непріятеля въ деревнѣ Вольфсдорфъ и, не допустивъ шедшія къ нему на помощь колонны, выгналъ его оттуда. 29-го, во время сраженія при Гейльсбергѣ, Беннигсенъ, увидѣвъ, что французская кавалерія послана въ обходъ нашего авангарда, послалъ навстрѣчу Уварова съ 25 эскадронами (полки Елизаветградскій, Курляндскій, Псковскій и Лифляндскій), который, сдѣлавъ стремительно нѣсколько атакъ одну за другой, замедлилъ наступленіе непріятеля. Французы нѣсколько разъ отбивали у насъ пушки, но ихъ каждый разъ возвращалъ Уваровъ. Позднѣе онъ со своею кавалеріей прикрывалъ правый флангъ. По его приказанію, 14-я пѣх. дивизія атаковала непріятеля и опрокинула его, а удачныя атаки кавалеріи довершили разстройство французовъ [4]). 2 Іюня, при Фридландѣ, Уваровъ, замѣтивъ, что непріятель усилился кавалеріей, немедленно пошелъ на подкрѣпленіе нашей конницы, повелъ сильную атаку, обратилъ непріятеля въ бѣгство и преслѣдовалъ его на большомъ разстояніи.

---

[1]) Исторія Кавалергардовъ, II, 278 и 279.
[2]) Р. Старина, 1880/XII, 802 — 804; Шильдеръ, II, 319 — 321.
[3]) Исторія Кавалергардовъ, III, 61—64.

[1]) Леф. арх., кн. Высоч. повел. за 1806 г., № 58.
[2]) «Благонамѣренный», 1822 г., № 44.
[3]) Собраніе П. Я. Дашкова.
[4]) Собраніе П. Я. Дашкова; Богдановичъ, II, 265 — 268.

Этимъ дѣйствіемъ, по свидѣтельству Беннигсена, онъ способствовалъ нашему успѣху. Послѣ сраженія Уваровъ исполнялъ должность дежурнаго генерала армій и способствовалъ успѣшности переправы арміи черезъ Нѣманъ [1]). Во время Тильзитскаго свиданія онъ находился при Государѣ [2]). Осенью 1807 г. Уваровъ ѣздилъ къ Наполеону [3]). 5 Ноября 1807 г. онъ былъ назначенъ командиромъ кавалеріи 1-й *дивизіи* (т.-е. корпуса), которой командовалъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Въ Февралѣ 1808 г. Уваровъ былъ командированъ къ Финляндской арміи въ распоряженіе главнокомандующаго и въ Мартѣ вернулся въ Петербургъ. 14 Мая 1808 г. назначенъ «командиромъ инфантеріи» 1-й дивизіи. Въ Іюлѣ того же года всѣмъ генералъ-адъютантамъ и флигель-адъютантамъ повелѣно было состоять въ командѣ Уварова, какъ старшаго генералъ-адъютанта [4]). Федоръ Петровичъ находился при Государѣ въ Эрфуртѣ, а въ 1809 г. два раза (въ Мартѣ и Ноябрѣ) сопровождалъ Александра Павловича въ его путешествіяхъ. Въ Апрѣлѣ 1810 г. Уваровъ былъ посланъ въ дѣйствующую противъ турокъ армію, гдѣ и находился съ 17 Мая по 28 Октября,

Ф. П. Уваровъ въ сраженіи при Батинѣ.

командуя сначала авангардомъ, а съ 7 Іюня 1-мъ корпусомъ [5]). Онъ принималъ участіе во взятіи Силистріи и неудачной осадѣ Шумлы, въ безуспѣшномъ штурмѣ Рущука 22 Іюля, во время котораго командовалъ одной изъ пяти колоннъ и былъ *контуженъ* въ правое плечо, въ сраженіи при Батинѣ, за которое получилъ *Георгія* 2 ст., и во взятіи Никополя. Въ 1811 г. Уваровъ былъ снова командиромъ гвардейской пѣхотной дивизіи [1]).

Во время Отечественной войны Уваровъ, командуя 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, участвовалъ въ сраженіяхъ при Вилькомірѣ (18 Іюня), Островнѣ (13 Іюля), Смоленскѣ (5 и 6 Августа).

При Бородинѣ корпусъ его, состоявшій изъ гвардейскихъ Драгунскаго, Гусарскаго, Уланскаго и Казачьяго, Нѣжинскаго драгунскаго и Елизаветградскаго гусарскаго полковъ и конно-артиллерійской роты № 5, входилъ въ составъ праваго крыла. Платовъ, считая возможнымъ обойти непріятеля съ лѣваго фланга, просилъ разрѣшенія атаковать его. Кутузовъ разрѣшилъ употребить для этой атаки и весь корпусъ Уварова. Между тѣмъ Наполеонъ всѣ свои усилія направилъ на центръ и лѣвый флангъ нашихъ войскъ и, считая центръ достаточно ослабленнымъ, рѣшилъ сокрушить его окончательнымъ ударомъ, но предположенная имъ атака была остановлена смятеніемъ на лѣвомъ флангѣ его войскъ. Смятеніе это вызвано было переходомъ Уварова и Платова въ наступленіе. Французы принуждены были отступить за находившійся за ними ручей, но Уваровъ не преслѣдовалъ ихъ, такъ какъ получилъ отъ Барклая-де-Толли приказаніе вернуться назадъ. Поискъ Уварова, хотя и не имѣлъ рѣшительныхъ послѣдствій, но былъ въ высшей степени полезенъ въ томъ отношеніи, что заставилъ Наполеона потерять въ бездѣйствіи 2 часа, въ продолженіе которыхъ былъ усиленъ нашъ лѣвый флангъ [2]). Во время отступленія русской арміи къ Москвѣ корпусъ Уварова былъ въ аріергардѣ и 29 Августа при селѣ Крымскомъ атаковалъ французскую кавалерію, отступившую послѣ этого въ разстройствѣ [3]). 1 Сентября Уваровъ участвовалъ въ военномъ совѣтѣ въ дер. Филяхъ и высказался за мнѣніе Беннигсена о необходимости дать подъ Москвой сраженіе [4]). 9 Сентября Уваровъ, по болѣзни, оставилъ командованіе корпусомъ, но 16-го ему было поручено начальство надъ всей кавалеріей 1-й и 2-й армій, кромѣ кирасирскихъ дивизій [5]). 6 Октября Уваровъ принялъ участіе въ Тару-

---

[1]) «Обозы и всѣ тягости... переправились, что было исполнено съ наилучшимъ порядкомъ, и въ чемъ я долженъ отдать всю справедливость обременившемуся послѣ г.-л. Эссена 1-го должностью дежурнаго генерала г.-л. Уварову... Онъ распоряженіями своими... и неусыпными наблюденіями сильнымъ образомъ споспѣшествовалъ и сему устройству и скорому ихъ переходу на другую сторону». (Всеподд. донесеніе Беннигсена 28 Іюля 1807 г., изъ собр. П. Я. Дашкова). — «Дежурнаго генерала Уварова важнѣйшая забота — пропитаніе», доносилъ Поповъ 7 Іюня. (Р. Стар., 1889/VI, 589; 1900/III, 755).

[2]) Р. Архивъ, 1885/IV, 476.

[3]) Сборникъ, LXXXIII, 102.

[4]) Леф. арх., оп. 206, св. 4, № 23686.

[5]) Леф. арх., дѣла ген. Уварова.

[1]) Адресъ-календарь на 1811 г.

[2]) Богдановичъ, 1812 г., II, 204—209.

[3]) Тамъ же, 241.

[4]) Тамъ же, 250.

[5]) Тамъ же, 353.

Поискъ Уварова при Бородинѣ, 26 Августа 1812 года.

тинскомъ дѣлѣ, а 22-го въ сраженіи при Вязьмѣ, во время котораго, будучи посланъ Кутузовымъ съ кирасирами и лейбъ-уланами поддержать Милорадовича и Платова, принужденъ былъ ограничиться канонадой съ дальняго разстоянія [1]). 4 Ноября, командуя кавалеріей авангарда, одержалъ верхъ надъ непріятелемъ около Краснаго, а черезъ 2 дня участвовалъ въ сраженіи при Красномъ [2]).

Въ 1813 г. послѣ Люценской битвы Уваровъ, находясь въ арріергардѣ, прикрывалъ отступленіе отряда принца Виртембергскаго къ Бауцену, а затѣмъ, послѣ пораженія арміи, ему была подчинена вся кавалерія, которая задерживала на каждомъ шагу непріятельскую пѣхоту, заставляя ее двигаться въ каре [3]). При Дрезденѣ, Кульмѣ и Лейпцигѣ Уваровъ находился при Государѣ. За Лейпцигъ онъ былъ 8 Октября произведенъ въ генералы отъ кавалеріи.

Въ 1814 г. участвовалъ въ сраженіяхъ при Бріеннѣ, Арси-сюръ-Объ и Фершампенуазѣ. Съ 17 на 18 Марта Федоръ Петровичъ былъ посланъ Государемъ въ Парижъ для предложенія перемирія военному министру Кларку. Въ 8 часовъ утра Уваровъ подъѣхалъ къ французскимъ аванпостамъ у Vert-Galant и потребовалъ пропуска въ Парижъ, но командовавшій войсками ген. Компанъ отказалъ въ пропускѣ, но принялъ письмо и согласился пріостановить военныя дѣйствія до полученія отвѣта на него [1]). Въ знаменательные дни 18 и 19 Марта Уваровъ находился также при Государѣ. Наградой за эту кампанію былъ орденъ св. Владиміра 1 ст. 18 Декабря 1814 г. былъ учрежденъ Комитетъ о раненыхъ, и Уваровъ былъ назначенъ его членомъ [2]).

По окончаніи войнъ съ Наполеономъ, въ теченіе 7 лѣтъ дѣятельность Уварова ограничивалась исключительно исполненіемъ обязанностей генералъ-адъютанта. Онъ почти безотлучно находился при Государѣ и сдѣлался однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему лицъ. По словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, только 4 человѣка пользовались особымъ правомъ входить къ Государю черезъ камердинерскую комнату: кн. П. М. Волконскій; гр. Аракчеевъ, лейбъ-медикъ Вилліе и Уваровъ [3]). Федоръ Петровичъ сопровождалъ Государя во время его путешествій въ Англію и Венгрію въ 1814 г. и по Россіи въ 1816 и 1818 гг. и состоялъ при его особѣ во время конгрессовъ въ Вѣнѣ, Ахенѣ и Лайбахѣ [4]). По окончаніи Лайбахскаго конгресса Уваровъ отправился путешествовать по Италіи. На обратномъ пути онъ узналъ о новомъ своемъ назначеніи: 1 Ноября 1821 г. ему повелѣно быть командующимъ гвардейскимъ корпусомъ, находившимся въ то время въ Сѣверо-западномъ краѣ. 20 Ноября онъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Въ Петербургъ корпусъ вернулся только въ концѣ Іюля 1822 г.—30 Августа 1823 г. Уваровъ, оставаясь въ прежнихъ должностяхъ, былъ назначенъ членомъ Государственнаго совѣта и 12 Декабря того же года получилъ орденъ св. Андрея.

Гвардейскій корпусъ подъ его начальствомъ неоднократно получалъ Высочайшія благоволенія за «порядокъ, внутреннее устройство,

---

[1]) Исторія Кавалергардовъ, III, 72, 77.
[2]) Сборн. Собств. Е. И. В. Канц., X, 105, 110.
[3]) Леф. арх., оп. 161, св. 5, д. 43, лл. 551 и 552; св. 3, д. 31, л. 488.

[1]) Weil, IV, 140.
[2]) Шильдеръ, III, 256.
[3]) Ист. Вѣстникъ, 1892/VII, 57; см. также «Записки» С. Г. Волконскаго, стр. 157.—Вмѣсто Вилліе, Волконскій называетъ кн. А. Н. Голицына.
[4]) Шильдеръ, III, 290; IV, 48, 110; Ист. Вѣстн., 1892/V, 360, 365; Бехтѣевъ.

соблюденіе чинопочитанія, фронтовую часть, за искусство и за быстрое произведеніе всѣхъ бывшихъ ученій и маневровъ» [1]). Въ 1823 г. Уваровъ принялъ участіе въ борьбѣ, которую вели Аракчеевъ, митрополитъ Серафимъ и архимандритъ Фотій противъ министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ кн. А. Н. Голицына. Враги Голицына воспользовались близостью Уварова къ Александру Павловичу, чтобы черезъ него открыть Государю глаза на опасность, угрожающую Православной церкви отъ Голицына и покровительствуемыхъ имъ мистиковъ. Какова была роль Уварова въ этомъ дѣлѣ, видно изъ записокъ Фотія: «Чрезъ сего отъ начала все пріяло содѣйствіе въ пользу церкви: сей открывалъ очи, внушалъ въ сердце» его (т.-е. Государя) «истину, но такъ искусно, что никто не могъ проникать въ сердце сего военачальника. Онъ по природѣ былъ скроменъ и скрытенъ, колико былъ предъ царемъ въ довѣренности и любви... Гладкій, оберъ-полиціймейстеръ, бывъ любимецъ Уварову, непрестанно доносилъ обо всѣхъ козняхъ зловѣрія и враговъ общихъ, онъ всѣ почти дѣла и бумаги чрезъ Уварова доводилъ тайно къ Императору». Уваровъ былъ посредникомъ между Государемъ и Фотіемъ, черезъ него была доставлена Государю записка Фотія противъ тайныхъ обществъ [2]). Враги Голицына одержали верхъ, и Александръ I, несмотря на свое расположеніе къ князю Голицыну, принужденъ былъ пожертвовать имъ.

Весною 1824 г. Уваровъ заболѣлъ, но продолжалъ заниматься службой. Въ Ноябрѣ у него образовался на спинѣ карбункулъ. Государь часто навѣщалъ его (Уваровъ занималъ помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ). 16 Ноября онъ причастился и 18-го подписалъ составленное наканунѣ завѣщаніе. 19-го силы его ослабѣли, но онъ все-таки принялъ командира Кавалергардскаго полка гр. Апраксина, съ которымъ бесѣдовалъ объ офицерахъ своего полка, затѣмъ простился съ духовникомъ, родными и друзьями. Поздно вечеромъ пріѣхалъ Государь и долго бесѣдовалъ съ умирающимъ, послѣ чего онъ уже ни съ кѣмъ больше не разговаривалъ и нѣсколько разъ лишался сознанія. 20-го утромъ онъ уже не узналъ Государя и въ 2 ч. дня скончался. Кавалергардскіе офицеры въ теченіе 5 дней дежурили у его тѣла. 25-го послѣдовалъ выносъ тѣла въ полковую церковь, а 27-го, послѣ отпѣванія въ той же церкви, состоялось погребеніе въ Духовской церкви Александроневской лавры, въ присутствіи Государя и Великихъ Князей [3]).

1) «Некрологія».
2) Р. Старина, LXXXVII, 179 и 424.
3) «Некрологія».

Федоръ Петровичъ былъ женатъ на княжнѣ Маріи Федоровнѣ Любомирской (род. 16 Іюля 1773 г., † 15 Марта 1810 г.), бывшей въ 1-мъ бракѣ за гр. Потоцкимъ, а во второмъ за гр. Валер. Ал. Зубовымъ († 1804 г.). Марія Федоровна оставила мужу значительное состояніе, въ составъ котораго входили обширныя имѣнія (родовыя) въ Волынской губерніи, дававшія ему возможность вести даже заграничную торговлю: вывозить въ Пруссію лѣсъ и поташъ [1]). Насколько велико было его состояніе, видно изъ того, что, выигравъ послѣ 17-лѣтняго процесса капиталъ въ милліонъ злотыхъ (150.000 р.), онъ не воспользовался имъ для себя лично: треть онъ пожертвовалъ въ инвалидный капиталъ, а отъ остальныхъ денегъ отказался въ пользу соперниковъ [2]). Наслѣдниками своими Уваровъ сдѣлалъ своихъ двоюродныхъ братьевъ Уваровыхъ. Въ знакъ признательности къ подчиненнымъ своимъ по гвардейскому корпусу, онъ оставилъ 400.000 р. на сооруженіе въ честь ихъ памятника, предоставивъ исполненіе Императору Александру Павловичу. Деньги эти были употреблены на сооруженіе Нарвскихъ тріумфальныхъ воротъ, открытыхъ 18 Августа 1834 года.

Почти всѣ, дошедшіе до насъ, отзывы современниковъ изображаютъ Уварова человѣкомъ ограниченнымъ, но честнымъ. Самую неблагопріятную для него характеристику сдѣлалъ его сослуживецъ по Екатеринославскому

М. Ф. Уварова.

полку, А. М. Тургеневъ, называющій Уварова глупымъ человѣкомъ, который счастьемъ своимъ обязанъ былъ не достоинствамъ своимъ,

1) «XIX вѣкъ», II, 273.
2) М. арх. М. И. д., II, 3, 1824, 21.

но своему широкоплечью, крѣпости мышцъ и крайней бѣдности (намекъ на отношенія къ Лопухиной). Уваровъ, по мнѣнію Тургенева, былъ въ полномъ смыслѣ слова баловень счастья: «Онъ былъ совершенный невѣжда и весьма небогатаго разсудка человѣкъ, ему ввѣряли команду,—онъ не умѣлъ ѣздить на конѣ и всегда держался за ремень, прикрѣпленный къ передней лукѣ сѣдла; его считали знатокомъ кавалерійскаго дѣла—онъ вѣчно въ разговорахъ дичь поролъ; два императора дичь Уварова благосклонно слушали. Денисъ Давыдовъ остро и справедливо сказалъ про Уварова, что онъ умничаетъ глупо, а дурачится умно» [1]). Гр. Ф. П. Толстой, извѣстный скульпторъ, говоритъ, что Уваровъ былъ недалекъ, но умѣлъ такъ поставить себя, что былъ любимъ Государемъ и уважаемъ Великими Князьями [2]). Михайловскій-Данилевскій, бывшій секретаремъ Кутузова, а затѣмъ флигель-адъютантомъ, и имѣвшій такимъ образомъ возможность близко познакомиться съ Федоромъ Петровичемъ, дѣлаетъ такую его характеристику: Уваровъ «одаренъ отъ природы менѣе нежели посредственными свойствами и не получилъ никакого образованія; онъ ничего не знаетъ и съ трудомъ умѣетъ писать... Отвѣты его бываютъ самые ничтожные и невразумительные; онъ говоритъ обыкновенно сіи слова: «конечно можно, однакоже... надобно подумать, подождать, посовѣтоваться, посмотрѣть» [3]). Впрочемъ, всѣ отдаютъ справедливость его честности и готовности помогать ближнему и особенно «искусству вести себя при дворѣ» [4]). Такимъ образомъ оба современника отмѣчаютъ умѣнье Уварова вести себя при дворѣ. Архимандритъ Фотій, очень сочувственно относящійся къ Уварову, не скрываетъ, однако, что онъ «мало разумѣлъ самъ, какъ по учености земной, такъ и по духовнымъ дѣламъ», но зато онъ «былъ всегда къ Царю совершенно преданъ, отечествомъ дорожилъ, русскихъ своихъ природныхъ всѣхъ уважалъ, церкви не былъ противникъ, но къ духовенству почтителенъ, общее благо поставлялъ за важное дѣло соблюдать, справедливъ всегда былъ, сколько могъ» [5]). Очень сочувственно относятся къ Уварову и братья Булгаковы. Александръ Яковлевичъ писалъ о немъ: «Онъ очень основательный, добрый человѣкъ и умно судитъ

Ф. П. Уваровъ.

о вещахъ» [1]). Константинъ же Яковлевичъ по поводу его кончины сообщалъ въ одномъ письмѣ: «Нельзя не сожалѣть искренно о человѣкѣ, который никогда никому вреда не дѣлалъ... Всѣ истинно и достойно объ немъ сожалѣютъ» [2]). Доброта — вотъ еще одно свойство Уварова, признаваемое за нимъ и друзьями и недругами.

Хотя формулярный списокъ Федора Петровича и говоритъ, что онъ «по-россійски, по-французски и по-нѣмецки читать и писать и исторію, географію и математику знаетъ», но современники утверждаютъ, что образованіемъ онъ не отличался. По поводу его историческихъ познаній Михайловскій-Данилевскій разсказываетъ слѣдующій случай: Во время поѣздки въ Крымъ въ Маѣ 1818 г. Александръ Павловичъ былъ въ Керчи на Митридатовой горѣ; Уваровъ вздумалъ говорить съ принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ о древностяхъ и сказалъ: «Взгляните на эту гору, построенія на ней столь древни, что даже живущій въ Крыму очень старый грекъ Павзаній не запомнитъ, кѣмъ они сооружены». Государь измѣнился въ лицѣ и замѣтилъ своему неудачно похвастившемуся познаніями генералъ-адъютанту: «Федоръ Петровичъ, оставимъ древности, это не наше дѣло» [3]). Въ особенности прославился Уваровъ своимъ французскимъ языкомъ. «Уваровъ», говоритъ кн. Вяземскій, «иногда удачно поражалъ французовъ на полѣ сраженія, но еще удачнѣе и убійственнѣе поражалъ французскій языкъ въ разговорѣ. Охота была смертная, а участь горькая. Извѣстенъ отвѣтъ его Наполеону, когда тотъ спросилъ его, кто командовалъ русской конницей въ блестящей атакѣ въ какомъ-то сраженіи: «Je, Sire» [4]). Отвѣтъ

---

1) Р. Старина, 1885/XI, 227, 248, 256.
2) Тамъ же, 1873/I, 40.
3) Кн. Вяземскій разсказываетъ, что Уваровъ на одномъ военномъ совѣтѣ, будучи спрошенъ главнокомандующимъ о мнѣніи, отвѣтилъ: «Что было, то мы видѣли, а что будетъ, то увидимъ». (Р. Арх., 1879/II, 106).
4) Р. Старина, 1899/VI, 635.
5) Тамъ же, LXXXVII, 179.

1) Р. Архивъ, 1900/III, 212.
2) Сборникъ, LXXVIII, 380 и 381.
3) Р. Старина, 1897/VII, 194.
4) Р. Архивъ, 1873 г., стр. 1979.

этотъ доставилъ Уварову прозвище «генерала Je» и былъ распространенъ въ современномъ обществѣ въ разнообразныхъ версіяхъ, точно такъ же, какъ и другія его ошибки, дававшія поводъ къ различнымъ шуткамъ [1]). Однажды Уваровъ и Милорадовичъ, тоже извѣстный плохимъ знаніемъ французскаго языка, горячо разговаривали о чемъ-то. Александръ Павловичъ обратился къ гр. Ланжерону съ вопросомъ, о чемъ они бесѣдуютъ. «Извините, Государь», отвѣтилъ Ланжеронъ, «я ихъ не понимаю, они говорятъ по-французски» [2]). Что же касается до умѣнья Уварова излагать письменно свои мысли, то дошедшія до насъ письма его и докладныя записки заставляютъ согласиться съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ, что писалъ онъ неграмотно.

Уваровъ былъ человѣкъ очень общительнаго и веселаго нрава и любилъ устраивать у себя пріемы. Коленкуръ сообщалъ въ Парижъ о блестящемъ празднествѣ, устроенномъ имъ въ 1808 г., и на которомъ присутствовали Императоръ Александръ Павловичъ, Императрица Елисавета Алексѣевна и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ [3]). Даже живя на водахъ въ Карлсбадѣ въ 1819 г., онъ далъ балъ, который посѣтили кронпринцъ датскій, Блюхеръ и другія высокопоставленныя особы [4]).

Что касается военныхъ дарованій Уварова, то онъ отличался качествами хорошаго кавалерійскаго офицера, но талантовъ полководца не имѣлъ, что признавалъ и самъ Императоръ Александръ Павловичъ: въ 1806 г. въ бесѣдѣ съ кн. Куракинымъ онъ упомянулъ Уварова въ числѣ генераловъ, «qui n'avaient ni expérience, ni talents militaires» [5]). Въ многочисленныхъ войнахъ, въ которыхъ принималъ участіе Уваровъ, онъ никогда не игралъ видной, болѣе или менѣе самостоятельной роли и не заслужилъ такой извѣстности, какъ Ермоловъ, Милорадовичъ, Раевскій, Дохтуровъ и другіе герои 1812 г. Возвышеніе не по заслугамъ вызывало недоброжелательное и часто несправедливое отношеніе къ нему со стороны такихъ людей, какъ А. П. Ермоловъ, А. А. Закревскій, кн. П. М. Волконскій, Н. Н. Муравьевъ-Карсскій. Особенно много насмѣшекъ вызывали его приказы по гвардейскому корпусу, попадавшіе даже въ переводѣ въ иностранныя газеты [6]). Закревскій писалъ по поводу ихъ кн. Волконскому: «Приказы корпуснаго командира... занимаютъ здѣсь весь городъ и до того прославились своею странностью, что многіе любопытные готовы платить хоть по 10 р. за листокъ, чтобы только имѣть ихъ. Вотъ какъ дорого цѣнятъ творенія нашего Федора Петровича, и признаться вамъ долженъ, что отъ сихъ сочиненій никто, кромѣ службы, не терпитъ» [1]). Въ 1822 г. по поводу возвращенія гвардіи въ Петербургъ въ журналѣ «Благонамѣренный» появилась статья, въ которой напечатаны были приказы Уварова по корпусу и сообщались біографическія о немъ свѣдѣнія, представлявшія собою сплошной панегирикъ. Статья эта, написанная, какъ предполагали, лицомъ, близкимъ къ Уварову, вызвала негодованіе Ермолова и Закревскаго. «Великолѣпное описаніе сего послѣдняго рыцаря, какъ бы и о Суворовѣ сказать болѣе невозможно было», выразился Ермоловъ по поводу статьи [2]); Закревскій же писалъ о ней кн. Волконскому, что она «всѣмъ кажется слишкомъ смѣшна и потому много раскупаютъ сей журналъ, тѣмъ болѣе, что въ ономъ помѣщено и толкованіе приказовъ, имъ отдаваемыхъ. Оно кажется, будто служитъ скромнымъ признаніемъ, что приказы до того безтолковы, что безъ поясненія никто понять ихъ не можетъ» [3]). Для насъ только-что упомянутые приказы интересны въ томъ отношеніи, что даютъ возможность познакомиться съ Уваровымъ, какъ съ начальникомъ, и на основаніи ихъ личность Уварова вырисовывается въ симпатичномъ обликѣ. Они свидѣтельствуютъ о заботахъ его о здоровьѣ подчиненныхъ и поддержаніи ихъ чести и добраго имени. «Долгъ каждаго начальника», говоритъ онъ въ приказѣ, направленномъ противъ вреднаго обыкновенія, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ, изъ щегольства перетягивать талью, «во всякомъ случаѣ сберегать солдатъ» [4]). Будучи убѣжденнымъ въ необходимости военныхъ дорожить хорошимъ о нихъ мнѣніемъ и «стараться пріобрѣтать оное во всякомъ случаѣ», и видя, что многіе молодые офицеры часто по неопытности совершаютъ поступки, которые могутъ повредить ихъ доброму имени, Уваровъ требуетъ, чтобы старшіе и болѣе опытные офицеры руководили своими младшими товарищами и предостерегали ихъ отъ такихъ поступковъ. Такъ какъ «настоящая цѣль состава всѣхъ войскъ есть защита отечества отъ непріятеля, а внутри для доставленія спокойствія жителямъ», то, по мнѣнію Уварова, слѣдуетъ избѣгать причинять мирнымъ гражданамъ какія-либо неудобства, чтобы не вызвать съ ихъ стороны

---

[1]) Р. Архивъ, 1867 г., стр. 1060; 1876/VI, 215; 1897/I, 451; Зап. Смирновой, 68.
[2]) Шильдеръ, IV, 463.
[3]) Сборникъ, LXXXVIII, 492.
[4]) Р. Архивъ, 1900/III, 205 и 207.
[5]) Тамъ же, 1868 г., 167.
[6]) Сборникъ, LXXIII, 408.

[1]) Сборникъ, LXXIII, 162.
[2]) Тамъ же, 405.
[3]) Тамъ же, 167.
[4]) Прик. по гвард. корпусу 25 Янв. 1822 г., № 10.

нареканій; слѣдуетъ, напримѣръ, при всякомъ проходѣ войскъ по улицѣ стараться занимать не болѣе половины ея, чтобы не стѣснять движенія. Заботясь о боевой подготовкѣ войскъ, онъ рекомендуетъ пріучать солдатъ къ службѣ передовыхъ отрядовъ: выставлять отводные караулы, передовые посты и ведеты, посылать патрули, ночные объѣзды и обходы; офицерамъ онъ совѣтуетъ бывать на маневрахъ, даже если они и не обязаны принимать въ нихъ участіе. Таковы приказы, вызвавшіе насмѣшки со стороны Закревскаго; впрочемъ, надо сознаться, встрѣчаются въ нихъ мѣста, могущія вызвать улыбку; такъ, Уваровъ говоритъ, что необходимо заботиться о здоровьѣ солдатъ, «дабы и по увольненіи ихъ... могли они, наслаждаясь безболѣзненнымъ состояніемъ въ нѣдрахъ семействъ своихъ, съ удовольствіемъ вспоминать о службѣ и прославлять попечительность начальства, доставившаго имъ таковое благосостояніе». И приказы по Кавалергардскому полку доказываютъ гуманное отношеніе Уварова къ подчиненнымъ. Онъ былъ умѣренъ въ своихъ взысканіяхъ и, повидимому, старался воздѣйствовать на нихъ не страхомъ, а стыдомъ [1]). За время командованія имъ полкомъ въ царствованіе Павла I наказанія, наложенныя имъ на офицеровъ, заключались главнымъ образомъ въ томъ, что онъ назначалъ лишнія дежурства и только 2 раза подвергнулъ виновныхъ домашнему аресту и то съ отправленіемъ должности, т.-е. съ сохраненіемъ оружія [2]). Конечно, не всегда дѣло шло вполнѣ гладко и не обходилось безъ столкновеній между начальникомъ и подчиненными [3]). Федоръ Петровичъ любилъ солдатъ, а они, съ своей стороны, были преданы и довѣряли ему, и, можетъ-быть, вполнѣ правы были тѣ люди, которые, по свидѣтельству М. И. Муравьева-Апостола, думали, что, будь въ 1820 г. командующимъ гвардейскимъ корпусомъ Уваровъ, онъ принялъ бы во вниманіе справедливыя жалобы солдатъ, и не случилось бы Семеновской исторіи [4]).

Аракчеевъ очень отрицательно относился къ той роли, какую игралъ Уваровъ при Императорѣ Александрѣ, и называлъ его «соглядатаемъ и наушникомъ». У насъ нѣтъ данныхъ, если не считать свидѣтельствъ Фотія, чтобы судить, насколько вѣрны эти слова; можетъ-быть, здѣсь говоритъ просто зависть къ человѣку, раздѣлявшему съ Аракчеевымъ расположеніе Государя; мы знаемъ только, что Уваровъ пользовался своимъ исключительнымъ положеніемъ и разрѣшеніемъ, даннымъ ему Государемъ, откровенно высказывать ему свои мысли, чтобы указывать Царю, чего требуетъ польза Россіи; другой вопросъ, насколько вѣрно онъ понималъ эту пользу. Въ этомъ отношеніи интересны двѣ записки, поданныя имъ Государю въ 1807 г. Послѣ Фридландской битвы онъ совѣтуетъ, «не теряя нимало времени, взять мѣры рѣшительныя, на одно иль на другое. Ежели еще воевать, то непріятелю штыкъ, границу свою заставя, и ежели нѣтъ, то нужно стараться кончить скорѣе, а иначе худо быть можетъ» [1]). За нѣсколько часовъ до Тильзитскаго свиданія онъ пишетъ: «Надлежитъ быть справедливымъ и къ несчастнымъ снисходительнымъ, тогда только отъ всѣхъ народовъ заслужимъ похвалу и благодарность. А затѣмъ, войдя въ подробности, надлежитъ стараться взять къ Россіи сколько можно болѣе, не для того, чтобы сдѣлать пріобрѣтеніе, Россія въ этомъ нужды не имѣетъ, но для того, чтобы, во-первыхъ, менѣе досталось сторонѣ противной, во-вторыхъ, чтобы было изъ чего удѣлить тѣмъ союзникамъ, которые пострадали и необходимую въ ономъ нужду имѣютъ» [2]). 18 Октября 1812 г. онъ, находясь въ дѣйствующей арміи, послалъ къ Государю письмо, въ которомъ писалъ: «Вотъ то время, какъ мнѣ кажется, что Вамъ, Государь, слѣдуетъ оказать

Ф. П. Уваровъ.

свою признательность дворянству и народу, объясня, сколько сильно единодушіе, ими оказанное, и что ихъ трудами, усердіемъ и всѣми напряженіями способовъ, наконецъ, врагъ Россіи уходитъ со стыдомъ и, узнавъ достоинство и твердость русскаго народа, внутри чувствъ

[1]) Исторія Кавалергардовъ, II, 167.
[2]) Тамъ же, 198.
[3]) См. «Записки С. Г. Волконскаго».
[4]) Р. Старина, 1873/VIII, 110.

[1]) Сборникъ, LXXXIX, 15 и 32.
[2]) Тамъ же, 32.

своихъ уважаетъ его и боится гибели своей находиться внутри Россіи» [1]). Михайловскій-Данилевскій, со словъ Де-Прерадовича, записалъ, что Уваровъ «подалъ записку Государю о бѣдственномъ положеніи Россіи, описывая въ оной, что всѣ состоянія вообще недовольны, что довѣріе исчезло, что налоги обременительны, что нѣтъ правосудія, и что промышленность годъ отъ года упадаетъ» [2]).

Другая почтенная черта въ характерѣ Уварова было отсутствіе мѣстничества. Д. Давыдовъ разсказываетъ, что во время боя у Колоцкаго монастыря 24 Августа 1812 г. Уваровъ, прибывъ со своей кавалеріей, обратился къ гр. Палену со словами: «Петръ Петровичъ, не то время, чтобы считаться старшинствомъ; вамъ порученъ аррьергардъ, я присланъ къ вамъ на помощь, приказывайте». Такія высокія черты забываются, за то долго помнятъ каждую ошибку, сдѣланную противъ правилъ французскаго языка [3]).

Малообразованный, съ неблестящими умственными способностями, безъ особыхъ дарованій, съ не очень строгими нравственными правилами, но въ то же время человѣкъ честный, добрый, старавшійся никому не дѣлать зла, Уваровъ былъ и хорошимъ начальникомъ, хорошимъ кавалерійскимъ офицеромъ и, что особенно замѣчательно, не рутинеромъ и не плацъ-парднымъ генераломъ. Въ эпоху апогея шагистики, Уваровъ, насколько то было въ его власти, относился къ ней весьма отрицательно. Н. А. Титовъ свидѣтельствуетъ, что въ Вильнѣ въ 1822 году передъ разводомъ, назначеннымъ въ Высочайшемъ присутствіи, когда генералъ Уваровъ пошелъ по фронту, то бригадный командиръ Великій Князь Николай Павловичъ подошелъ къ одному часовому, чтобы его поправить. Увидѣвъ это, Уваровъ сказалъ: «Оставьте его, Ваше Высочество, ему и безъ того предстоитъ стоять въ караулѣ 24 часа» [4]). Его приказъ по Кавалергардскому полку отъ 19 Апрѣля 1807 г. доказываетъ, что онъ отлично понималъ боевое кавалерійское дѣло, а послѣдній параграфъ приказа обличаетъ въ немъ человѣка съ большимъ служебнымъ тактомъ [5]), и если Уваровъ былъ «посредственностью», то во всякомъ случаѣ «*полезной*». Онъ достигъ высокаго положенія и до конца жизни пользовался неизмѣннымъ расположеніемъ Александра Павловича въ то время, какъ почти всѣ другіе участники событія 11 Марта были или удалены отъ двора, или не пользовались милостью Государя. Чѣмъ же объяснить такое отношеніе Александра къ человѣку, который долженъ бы служить постояннымъ напоминаніемъ о печальномъ событіи? Очевидно, онъ зналъ, что Уварова заставили принять участіе въ заговорѣ побужденія совсѣмъ другого рода, чѣмъ остальныхъ, и однимъ изъ такихъ побужденій была безъ сомнѣнія преданность Уварова Александру Павловичу. Съ первыхъ же дней новаго царствованія онъ является однимъ изъ самыхъ близкихъ лицъ къ молодому Монарху, который долженъ былъ узнать и оцѣнить его, конечно, еще въ предыдущее царствованіе. Сохранить же разъ занятое положеніе помогло то умѣнье жить при дворѣ, тотъ тактъ, который признавали за нимъ и друзья и недруги.

Н. Чулковъ.

Графъ Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, 1772 — 1843, сынъ гвардіи капитанъ-поручика Василія Петровича и жены его Маріи Трифоновны, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, ведущаго свое начало изъ Пруссіи отъ родоначальника, выѣхавшаго въ Россію, въ Новгородъ, въ половинѣ XIII вѣка, въ княженіе Вел. Кн. Александра Невскаго.. Девятилѣтнимъ мальчикомъ Кутузовъ былъ зачисленъ въ л.-гв. Конный полкъ (въ 1782 г.), въ слѣдующемъ году пожалованъ пажемъ, а въ 1788 г. камеръ-пажемъ. П. В. въ теченіе всей жизни любилъ вспоминать это время, когда ему приходилось дежурить при блестящемъ дворѣ Екатерины II. Въ 1794 г., 17 Марта, онъ былъ произведенъ въ поручики въ Конную гвардію; 17 Декабря 1796 года назначенъ флигель-адъютантомъ; 5 Апрѣля 1797 г. произведенъ

---

1) Сборникъ Собств. Е. И. В. Канцел., II, 418.
2) Ист. Вѣстникъ, 1892/VII, 71.
3) Соч. Д. Давыдова, II, 41.
4) Древняя и Новая Россія, 1878/III, 278.
5) Исторія Кавалергардовъ, III, гл. 4.

въ ротмистры, а 17 Апрѣля 1798 г., т.-е. 27-и лѣтъ, былъ уже полковникомъ [1]).

Пробывъ около года, съ 29 Марта 1799 г., въ отставкѣ, Кутузовъ 2 Декабря 1800 г. поступилъ вновь на службу въ Конную гвардію генералъ-майоромъ, а 23 Декабря того же года былъ переведенъ въ Лейбъ-Гусарскій полкъ. Въ ночь съ 11 на 12 Марта 1801 г. онъ арестовалъ своего шефа А. С. Кологривова. 16 Марта 1801 г. Кутузовъ былъ назначенъ командиромъ Кавалергардскаго полка, которымъ командовалъ два съ небольшимъ года. При сдачѣ полка кавалергардскіе офицеры поднесли ему серебряную вазу; при этомъ было прочитано слѣдующее стихотвореніе:

Любезный командиръ—тебя мы потеряли!
Тебя, котораго любили, почитали,
Который ласкою умѣлъ насъ привязать,
Умѣлъ подъ ласкою и строгость показать.
Но этой тягостью ты мало занимался,
Ты зналъ, что гдѣ въ душѣ начальникъ почитался,
Гдѣ благородствомъ лишь наполнены сердца,
Тамъ строгость ничего, но ласка дорога!
Какъ грустно потерять начальника такого!

———•••———

Притворства между насъ не видно никакого,
Безъ лести ты почтенъ, безъ лести ты любимъ,
Что видимъ мы въ тебѣ, то прямо говоримъ;
Но благодарность ту, что мы къ тебѣ имѣемъ,
Ее не изъяснить—а чувствовать умѣемъ.

16 Мая 1803 г. былъ назначенъ шефомъ вновь сформированнаго Бѣлорусскаго гусарск. полка. За отличное состояніе полка въ 1806 г. получилъ Высочайшее благоволеніе.

Съ Бѣлорусскимъ полкомъ Кутузовъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1806—1812 гг. въ отрядѣ генерала Милорадовича. Послѣ переправы арміи черезъ Днѣстръ и занятія Яссъ (16 Ноября 1806 г.) Кутузовъ принималъ участіе во взятіи Букареста (13 Декабря) и преслѣдованіи турокъ къ Журжѣ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ въ дѣлахъ подъ Турбатомъ (5 Марта), подъ Журжею (6 Марта) и находился при осадѣ Измаила, гдѣ особенно отличился, принимая съ Бѣлорусскими гусарами главное участіе въ отраженіи вылазки гарнизона крѣпости (12 Іюня), за что былъ награжденъ орденомъ *св. Георгія* 3 ст.

Разстроенное здоровье заставило Кутузова вернуться въ Россію до окончанія войны, и

9 Декабря 1807 г. онъ былъ уволенъ по болѣзни отъ службы. Черезъ годъ съ небольшимъ (2 Февр. 1809 г.) Кутузовъ вновь поступилъ на службу въ свиту Его Величества, а въ 1810 г., 14 Февраля, былъ назначенъ С.-Петербургскимъ оберъ-полицмейстеромъ и генералъ-адъютантомъ. Оберъ-полицмейстеромъ Кутузовъ оставался очень короткое время; въ 1811 г., 24 Сентября, по прошенію, онъ былъ уволенъ отъ этой должности, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта. За полезную дѣятельность, проявленную имъ въ должности оберъ-полицмейстера С.-Петербурга, онъ былъ награжденъ орд. св. Анны 1 ст., а при оставленіи этой должности—брилліантовыми знаками къ этому ордену.

Въ началѣ Отечественной войны Кутузовъ, состоя при Главной квартирѣ, сопровождалъ Императора Александра въ Вильну, а затѣмъ участвовалъ въ сраженіи подъ Витебскомъ (14 Іюля); по отправленіи Государя въ Смоленскъ и Москву, нѣкоторое время оставался при генералъ-квартирмейстерѣ 1-й арміи, а потомъ получилъ Высочайшее повелѣніе отправиться въ С.-Петербургъ, откуда выѣхалъ въ г. Або въ свитѣ во время поѣздки Государя въ Финляндію для свиданія съ наслѣднымъ принцемъ Шведскимъ.

Наиболѣе дѣятельное участіе въ войнѣ 1812 г. Кутузовъ проявилъ послѣ занятія французами Москвы, когда ему Высочайше поручено было сформировать особый отрядъ изъ ямщиковъ, набравъ ихъ съ ямовъ между Вышнимъ Волочкомъ и Москвою, для прикрытія, въ числѣ другихъ войскъ, Петербурга. Имъ было набрано 3747 конныхъ ямщиковъ и изъ нихъ сформированъ казачій ямской полкъ и конная артиллерійская полурота.

[1]) Въ чинѣ ротмистра Кутузовъ именнымъ указомъ Павла I былъ назначенъ въ распоряженіе ген.-лейт. Бердяева, которому поручено было поселеніе и устройство въ Новороссіи «около Азовскаго моря, между Молочныхъ водъ и р. Берды» выходцевъ изъ Франціи, при чемъ П. В. предписывалось доносить Государю о ходѣ дѣла и о количествѣ переселенцевъ. (Р. Старина, 1892/VII, 68 и 69).

Вскорѣ Кутузовъ получилъ въ командованіе главный отрядъ, выставленный на дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ и бывшій подъ начальствомъ Винценгероде, послѣ того какъ послѣдній былъ захваченъ въ Москвѣ въ плѣнъ. Прибывъ изъ Твери къ отряду, занимавшему покинутую французами Москву, Кутузовъ отсюда направился для дѣйствія на правое крыло отступающаго непріятеля и съ цѣлью открыть сообщеніе Главной арміи съ корпусомъ гр. Витгенштейна. Усиленными маршами онъ нагналъ французовъ и на р. Вопи, подъ с. Духовщиною (2 Октября), разбилъ французскій отрядъ, взялъ въ плѣнъ командовавшаго отрядомъ генерала Сансоне, много офицеровъ и болѣе 500 нижнихъ чиновъ.

Послѣ пораженія Наполеона подъ Краснымъ и отступленія его къ Березинѣ, отрядъ Кутузова, вмѣстѣ съ казаками Платова, преслѣдовалъ непріятеля съ праваго фланга и открылъ сообщеніе Главной арміи съ корпусомъ Витгенштейна.

Послѣ переправы Наполеона черезъ Березину Кутузовъ направился со своимъ отрядомъ черезъ Докшицы на Вильну, и 20 Ноября авангардъ его настигнулъ у Докшицъ аріергардъ баварскаго корпуса Вреде, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ до 200 офицеровъ и болѣе 1000 нижнихъ чиновъ. Далѣе, слѣдуя впереди корпуса Витгенштейна на Вильну и Ковно, онъ занялъ Тильзитъ. Отсюда онъ двинулся на выручку отряда г.-м. Властова, занявшаго дефиле при Пиклупененѣ для прегражденія пути корпусу Макдональда, отступавшаго изъ Курляндіи къ Тильзиту, принялъ на себя разбитый отрядъ Властова и, въ виду превосходныхъ силъ противника, отступилъ на главныя силы корпуса Витгенштейна къ Раущену.

При преслѣдованіи французовъ за предѣлами Россіи Кутузовъ былъ направленъ къ Кенигсбергу, занялъ послѣдній (25 Декабря 1812 г.), гдѣ захватилъ болѣе 9000 человѣкъ французовъ, 31 Декабря занялъ Эльбингъ. За Отечественную войну онъ былъ награжденъ орд. св. Владиміра 2-й ст., а въ 1813 г., 15 Сентября, былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Въ началѣ 1813 г. Кутузовъ былъ отозванъ въ Главную квартиру Государя. Въ сраженіяхъ при Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, Кульмѣ и Лейпцигѣ онъ неоднократно посылался съ Высочайшими повелѣніями къ сражающимся войскамъ. За участіе въ Лейпцигской битвѣ онъ былъ награжденъ лично Государемъ золотою саблею съ надписью «за храбрость». 7 Октября вечеромъ Государь позвалъ къ себѣ Кутузова и сказалъ ему: «Поѣзжай какъ можно скорѣе въ Петербургъ, отдай матушкѣ это письмо и доложи ей подробно о дарованной намъ Богомъ побѣдѣ». Императрица Марія Ѳеодоровна пожаловала ему брилліантовый перстень съ изображеніемъ на немъ чиселъ 4, 5 и 6 Октября. Въ 1813 же году онъ получилъ иностранные ордена, австрійскій Леопольда, прусскій Краснаго Креста, баварскій Максимиліана и шведскій Меча.

Возвратясь въ армію, когда она была уже за Рейномъ, Кутузовъ попрежнему состоялъ при Императорѣ Александрѣ I и находился въ сраженіяхъ при Бріеннѣ, Ларотіерѣ, Арсисюръ-Обѣ, Фершампенуазѣ и подъ Парижемъ. Изъ послѣдняго онъ былъ отправленъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о взятіи столицы Франціи.

«13 Апрѣля пушечные выстрѣлы возвѣстили намъ пріѣздъ Кутузова. Онъ прямо отправился къ Императрицѣ», такъ записала въ своемъ дневникѣ современница о прибытіи въ Петербургъ вѣстника изъ Парижа съ радостной вѣстью. Лобановъ посвятилъ ему особые стихи, ходившіе изъ рукъ въ руки и характеризующіе патріотическій подъемъ духа въ столицѣ.

О вѣстникъ побѣды и подвиговъ славныхъ!
О гость вожделѣнный и радостный нашъ!
О скоро ль въ Петрополь, на родину милу,
Примчишься на жаркихъ, ретивыхъ коняхъ?
О вѣстникъ, скорѣе! Обрадуй Царицу!
Обрадуй, восторгни сердца Россіянъ!
И радостны слезы узри на ланитахъ!
Но вижу я—пылью туманится даль—
Ретивые вихремъ ко граду несутся,
Лишь звонъ отъ копытъ, лишь паръ изъ ноздрей,
Се храбрый Кутузовъ! се вѣстникъ желанный!
Въ Парижѣ мы! — Слава тебѣ, Александръ!

15 Апрѣля происходило въ Петербургѣ торжественное богослуженіе въ Казанскомъ соборѣ и празднество по случаю покоренія Парижа. Вечеромъ въ театрѣ публика встрѣтила появленіе Кутузова «рукоплесканіями, продолжительными и радостными кликами». Купечество поднесло ему на серебряномъ блюдѣ кружку съ 4 т. червонцевъ. На другой день, 16 Апрѣля, Кутузовъ отослалъ деньги въ учрежденное тогда «Сословіе призрѣнія разоренныхъ отъ непріятеля жителей» съ письмомъ, въ которомъ между прочимъ говорилось: «Я уже и тѣмъ награжденъ безпредѣльно, что для С.-Петербурга былъ вѣстникомъ Славы нашего Великаго Государя и Россійскаго непобѣдимаго воинства и какъ бы орудіемъ того восторга, который видѣть и раздѣлять съ своими соотечественниками есть уже такое счастье, какимъ

только человѣкъ можетъ въ семъ мірѣ наслаждаться; но почтенное купеческое общество благоволило усугубить мое счастіе, оно ознаменовало на мнѣ чувства своего восхищенія, подаривъ меня серебрянымъ блюдомъ и кружкою съ 4 т. червонныхъ. Благодарность тотъ умѣетъ чувствовать, кто лучше употребляетъ дары, при томъ же я русскій: не умѣю ничѣмъ наслаждаться, если не раздѣляю моего наслажденія! Оставляю блюдо и кружку себѣ и дѣтямъ моимъ на память незабвеннаго дня и лестнаго мнѣ расположенія почтеннаго купеческаго общества, изъ червонныхъ же при такомъ всеобщемъ торжествѣ россіянъ и я въ восторгѣ сердца пожелалъ дать праздникъ, а участниками сего сдѣлать тѣхъ, которые въ нынѣшнюю войну понесли разореніе, въ семъ намѣреніи препровождаю въ сословіе.... подаренные мнѣ 4 т. черв. и ласкаю себя надеждою, что употребленіе оныхъ засвидѣтельствуетъ почт. купеч. обществу, чѣмъ я ему обязанъ: оно мнѣ дало средство сдѣлать такое дѣло, для совершенія котораго я въ жизни моей не имѣлъ бы ни случая, ни способа».

Послѣ окончанія войны 1814 г. Кутузовъ былъ назначенъ членомъ учрежденнаго въ этомъ году Комитета о раненыхъ. Затѣмъ, онъ сопровождалъ Государя на Вѣнскій конгрессъ и въ поѣздкѣ Императора Александра къ дѣйствующей арміи и присутствовалъ на смотру при Вертю.

Болѣе выдающаяся роль выпала на долю Кутузова на мирномъ поприщѣ. Съ Мая 1816 года по Апрѣль 1817 года Кутузовъ сопровождалъ Вел. Кн. Николая Павловича въ путешествіи по Россіи и за границей. Императрица Марія Ѳеодоровна интересовалась всѣми подробностями предстоящаго путешествія. По своей привычкѣ давать младшимъ сыновьямъ, при разлукѣ съ ними, письменныя наставленія, она и на этотъ разъ напутствовала В. Кн. Николая Павловича особымъ письмомъ отъ 8 Мая 1816 г., въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Je suis persuadée, cher Nikosche, que vous trouverez plaisir à consulter le g. Kutusof, dont vous appréciez si bien le mérite dans tous les cas douteux, et que vous recevrez constamment ses avis avec reconnaissance et déférence»....

По возвращеніи изъ путешествія В. Князя П. В. получилъ орд. св. Александра Невскаго. Въ Январѣ 1823 г. онъ былъ назначенъ, послѣ смерти гр. Коновницына, главнымъ директоромъ военно-учебныхъ заведеній и Царскосельскихъ лицея и пансіона, находясь въ непосредственномъ подчиненіи у главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, Цесаревича Константина Павловича. По отчисленіи, по прошенію, отъ названной должности, Кутузову былъ оставленъ мундиръ кадетскихъ корпусовъ. Въ 1823 же году Кутузовъ былъ назначенъ членомъ Совѣта о военныхъ училищахъ и Комитета, состоявшаго подъ вѣдѣніемъ сего Совѣта, а въ 1825 г. членомъ Совѣта, учрежденнаго при Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ Благородныхъ Дѣвицъ. «Кутузовъ былъ вполнѣ добрымъ начальникомъ», говоритъ одинъ современникъ (Одинцовъ), «но педагогическихъ познаній не имѣлъ»; въ памяти другого сохранилось воспоминаніе о его «высокомъ ростѣ, мужественной осанкѣ»....

Въ 1825 г. Кутузовъ едва совсѣмъ не оставилъ службы вслѣдствіе недоразумѣнія, возникшаго у него съ В. Кн. Константиномъ Павловичемъ по поводу жалобъ директора Московскаго корпуса на инспектора классовъ Кобылецкаго, наговорившаго ген.-майору Ушакову дерзостей въ совѣтѣ. Директоръ Ушаковъ обратился съ донесеніемъ объ этомъ происшествіи непосредственно къ Цесаревичу, въ чемъ Кутузовъ усмотрѣлъ «нарушеніе военной субординаціи» и «уничиженіе отъ подчиненнаго», и когда Константинъ Павловичъ приказалъ подвергнуть Кобылецкаго 8-дневному аресту, П. В. написалъ письмо, въ которомъ, излагая все происшествіе, жалуясь на обиду и отстаивая свои права, онъ

Графъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ.

просилъ «милостиваго предстательства объ увольненіи его отъ званія главнаго директора корпусовъ». «Желалъ было», писалъ онъ, «и надѣялся покончить остатки дней моихъ подъ лестнымъ начальствомъ В. И. В., но сколь ни убійственно для меня лишиться сего счастія, а съ симъ вмѣстѣ, можетъ-быть,

лишусь и милостей вашихъ, но сохраню честь, которая для меня всего на свѣтѣ дороже. Въ заключеніе всего, какъ отецъ, повергая себя къ стопамъ В. И. В., со слезами умоляю не лишить милостей сына моего». Вел. Князь, оправдывая Ушакова, сдѣлавшаго непосредственный докладъ «какъ о необыкновенномъ случаѣ», предоставлялъ Кутузову въ отношеніи Ушакова войти съ особымъ представленіемъ, написалъ ему два мягкихъ и любезныхъ письма, стараясь успокоить П. В.: «Привыкши васъ уважать еще съ молодости, и еще съ камеръ-пажескаго званія, я всегда былъ увѣренъ во взаимномъ вашемъ ко мнѣ усердіи и никогда въ ономъ не сомнѣвался... я не имѣлъ никакого намѣренія сдѣлать вамъ непріятность и потому надѣюсь, что сіе тѣмъ и кончится... Для меня весьма прискорбно и даже обидно было, что вы, объяснивъ о долговременной вашей службѣ, просите не лишать моего расположенія сына вашего. Мнѣ уже самому 46 лѣтъ, и я также служу 30, но увѣренъ, что никто не можетъ сказать, что если случилось у меня съ кѣмъ неудовольствіе, чтобы я мстилъ на родственникахъ, что совершенно есть для меня чуждо и противно моимъ мыслямъ». Кутузовъ успокоился и отвѣтилъ почтительнымъ письмомъ, съ выраженіемъ глубокой преданности и ссылаясь, что во всемъ «виновно одно разстроенное воображеніе»...

За образцовый порядокъ, коимъ всегда отличались подвѣдомственныя ему военно-учебныя заведенія, за бодрый, здоровый видъ кадетъ Кутузовъ неоднократно получалъ благодарность Государя. Въ 1832 г., когда онъ былъ командированъ, по Высочайшему повелѣнію, для осмотра Московскаго, Тульскаго, Александровскаго и Тамбовскаго кадетскихъ корпусовъ, ему была объявлена въ Высочайшемъ рескриптѣ отличная благодарность Его Величества за подробное, весьма обстоятельное донесеніе по поводу замѣченныхъ недостатковъ въ корпусахъ и желательныхъ въ нихъ усовершенствованій.

Послѣ убійства гр. Милорадовича Кутузовъ былъ назначенъ, 15 Декабря 1825 г., испр. должность С.-Петербургскаго генералъ-губернатора, 25 Декабря утвержденъ въ этой должности, а 28 Декабря назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. 22 Августа 1826 г. онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, а 14 Декабря этого же года уволенъ отъ должности Главнаго директора военно-учебныхъ заведеній. С.-Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ Кутузовъ пробылъ немного болѣе 4 лѣтъ. Дѣятельность Кутузова, какъ генералъ-губернатора, также находила Высочайшее одобреніе: за спокойствіе и порядокъ въ столицѣ во время различныхъ празднествъ и торжествъ онъ часто удостоивался Высочайшихъ благоволеній, а при оставленіи въ 1830 г., по прошенію, поста генералъ-губернатора Кутузовъ получилъ, 7 Февраля, Высочайшій рескриптъ съ выраженіемъ искренней благодарности Государя за постоянную отличную дѣятельность. 5 Апрѣля 1830 г. «за долговременную, ревностную службу и въ особенности за труды и отличную дѣятельность по званію С.-Петербургскаго генералъ-губернатора» ему пожалованъ былъ орд. св. Андрея Первозваннаго. Лѣтомъ 1831 г. Государь послалъ Кутузова въ Нижній-Новгородъ «собственно для принятія всѣхъ мѣръ, служащихъ къ безостановочному теченію ярмарочной торговли, къ успокоенію торговцевъ, къ устраненію отъ нихъ всякихъ стѣсненій и къ подаянію скораго пособія въ случаѣ появленія на самой ярмаркѣ холеры».

8 Ноября 1832 г. П. В. былъ возведенъ съ нисходящимъ отъ него потомствомъ въ графское Россійской Имперіи достоинство, при чемъ ему повелѣно было производить въ теченіе 19 лѣтъ по 8000 р. сер., вмѣсто назначенной въ 1821 г. аренды и денежнаго оклада въ 10/т. руб. асс. 16 Апрѣля 1841 г., въ день бракосочетанія Наслѣдника, гр. Кутузовъ получилъ орд. св. Владиміра 1 ст.

Въ это время, вслѣдствіе преклоннаго возраста и разстроеннаго здоровья, гр. П. В. съ 20 Апрѣля 1839 г., по Высочайшему приказу, находился въ отпуску впредь до возстановленія здоровья, при чемъ ему оставлены были всѣ оклады получаемаго имъ содержанія.

Тѣмъ не менѣе Кутузову еще разъ суждено было выступить на поприщѣ общественной дѣятельности. Въ 1841 г. распространились слухи, что по случаю бракосочетанія Наслѣдника Александра Николаевича будетъ объявлена «воля» крѣпостнымъ. Чтобы пресѣчь эти толки и успокоить населеніе, обманувшееся въ своихъ надеждахъ, а также, чтобы, по выраженію Государя, «приготовить пути для постепеннаго перехода къ другому порядку вещей», Николай Павловичъ рѣшилъ внести на обсужденіе Государственнаго Совѣта проэктъ указа, которымъ предполагалось регулировать отношенія помѣщиковъ и крестьянъ, по возможности обосновавъ ихъ на договорномъ правѣ. На 30 Марта 1842 г. было назначено засѣданіе Государственнаго Совѣта для обсужденія этого вопроса и редакціи указа. Въ этомъ-то засѣданіи и рѣшилъ принять участіе гр. П. В. Баронъ М. А. Корфъ разсказываетъ, что въ засѣданіи 30 Марта 1842 года, послѣ рѣчи Государя, прочтенія журнала и проэкта указа, «несмотря на всѣ свои приготовленія и репетиціи, графъ все-таки не

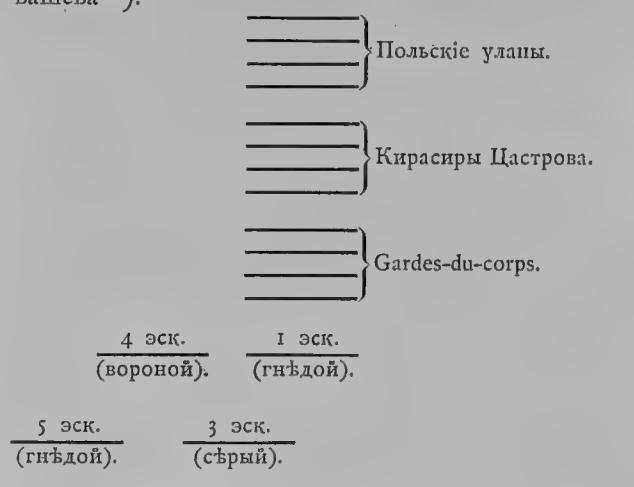
столько *проговорилъ*, сколько *прочелъ* свою рѣчь трепещущимъ голосомъ, почти про себя, по бумагѣ, едва державшейся въ дрожавшихъ его рукахъ. Это была лебединая пѣснь разслабленнаго старца — первая и послѣдняя! Государь встрѣтилъ и отпустилъ его почти какъ младенца, съ привѣтомъ и ласкою къ лицу, но безъ большого вниманія къ его лепету. Прочтя свою рѣчь, Кутузовъ воротился къ своему мѣсту въ совершенномъ изнеможеніи и уже больше не прерывалъ обычнаго молчанія».

1 Ноября 1843 г. гр. П. В. умеръ 71 года отъ роду. Государь присутствовалъ при отпѣваніи; ассистентами у гроба были офицеры лб.-гв. Коннаго полка, за гробомъ шелъ Кавалергардскій полкъ, а ордена несли офицеры военно-учебныхъ заведеній. Гр. Голенищевъ-Кутузовъ былъ похороненъ въ с. Шубинѣ (Тверской губерніи, Корчевскаго уѣзда). Онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Петровнѣ Неклюдовой и оставилъ 2 сыновей, Василія [1]) (р. 1803 г., генер.-адъютантъ) и Аркадія (р. 1809 г., сенаторъ) и 3 дочерей: Елисавету (за И. А. Михайловымъ), Марію (за бар. Л. Ф. Розеномъ) и Софью [2]).

А. Добошинскій.

Баронъ Карлъ (Фридрихъ-Карлъ-Іоганнъ) **Карловичъ Левенвольде 1-й,** 1779—1812, изъ Лифляндскихъ дворянъ, сынъ отст. майора русской службы Карла-Магнуса († 1799) и жены Августы-Луизы, рожд. баранессы Паленъ (1743—1801), родился въ Раппинѣ 15 Іюня 1799 г.; въ службѣ съ 1 Февраля 1790 года квартермейстеромъ въ лб.-гв. Конномъ полку; въ 1795 г. произведенъ въ вахмистры; 22 Янв. 1797 г. переведенъ корнетомъ въ Рижскій кирас. полкъ, 22 Августа 1798 г. переведенъ въ Кирас. Неплюева полкъ и 8 Декабря того же года произведенъ въ поручики; по расформированіи полка Неплюева переведенъ въ Кирас. Воинова (Стародубовскій) полкъ; въ Мартѣ 1801 года находился инспекторскимъ адъютантомъ при графѣ фонъ-деръ-Паленѣ; 19 Марта того же года переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, но не могъ тотчасъ же явиться, «ибо», рапортовалъ Левенвольде 22 Марта, «я нахожусь три недѣли боленъ»; въ 1802 г. произведенъ въ шт.-ротмистры и въ 1804 г. въ ротмистры. Баронъ Левенвольде участвовалъ въ знаменитой атакѣ кавалергардовъ подъ Аустерлицемъ и по окончаніи боя командовалъ кавалергардскими пикетами, отступившими послѣдними съ поля сраженія. 13 Сентября 1806 г. уволенъ отъ службы полковникомъ, а 11 Марта 1807 г. вновь поступилъ въ полкъ ротмистромъ и 10 Апрѣля прибылъ на походѣ къ полку; 27 Сентября того же года произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ 3 эскадрона, которымъ блестяще командовалъ.

Въ 1812 году Левенвольде выступилъ въ походъ съ полкомъ и 15 Мая принялъ отъ полковника С. Н. Ушакова, назначеннаго шефомъ Курляндскаго драг. полка, командованіе Кавалергардскимъ полкомъ. Во время Бородинскаго сраженія, когда французамъ удалось, наконецъ, прорвать нашъ центръ, единственнымъ кавалерійскимъ резервомъ остались кавалергарды и Конная гвардія. Въ это время отъ Горокъ подъѣхалъ къ бригадѣ Барклай. «Attaquiren Sie», спокойно сказалъ онъ Левенвольду. Громкимъ «ура!» отвѣчалъ полкъ на это приказаніе; 1 и 4 эскадроны двинулись рысью, за ними «en échiquier» пошли 3 и 5 [1]) эскадроны, подъ командой В. В. Левашева [2]).



---

[1]) См. его біографію, кн. IV.

[2]) Леф. арх., Форм. списокъ 1842 г., св. 1342. Инсп. Деп., № 425; Долгоруковъ, Р. Род. книга, II, 249; Фрейманъ, «Біогр. б. пажей», I, 78—81; Гр. Милорадовичъ, «Матеріалы для ист. Пажескаго корпуса», 140; Мих.-Данилевскій, III, 19; IV, 325; V, 61, 348, 352, 353; «Александръ I и его сподвижники», галл. Зимняго Дворца, IV; «Сборникъ», XCVIII, 89, 90, 112—118; Сборникъ Собств. Е. И. В. канцеляріи, II, 22, 35, 41, 60, 77, 78, 80, 96, 108, 114, 130, 134 и 135; Анненковъ, IV, 125; Манзей, III, 35; Зап. Ермолова, I, 317; Р. Стар., 1885/XI, 388—391; Переписка съ В. Кн. Константиномъ Павловичемъ; Р. Стар., 1895/IV, 95, 96, письма П. В. Кутузова; Васильчиковъ, «Сем. Разумовскихъ», IV, 519; «Зап. Хомутовой», Р. Арх., 1867 г., стр. 1054, 1056; «Зап. Одинцова», Р. Стар., 1889/XI, 302; «Восп. кн. Шаховского», Р. Арх., 1886/XI, 393; «Первый кад. корпусъ», Р. Стар., 1879/II, 313; «Изъ восп. о Моск. корпусѣ», Р. Арх., 1879/VII, 321.

[1]) Полк. архивъ; Висковатовъ, «Ист. Кавалергардовъ», изд. 1851, стр. 65; «Исторія Кавалергардовъ», изд. 1899 г., III.

[2]) Съ наброска М. П. Бутурлина.—2-й эскадронъ находился въ отрядѣ гр. Витгенштейна.

Въ небольшой и пологой лощинѣ, прямо противъ полка строилась въ полковыя эскадронныя колонны кавалерія Латуръ-Мобура: впереди Саксонскіе Gardes-du-corps, за ними Саксонскіе кирасиры Цастрова и Польскіе уланы. Пройдя между каре нашей пѣхоты, Левенвольде повелъ 1 эскадронъ прямо, а командиру 4 эскадрона Е. В. Давыдову приказалъ атаковать во флангъ. Замѣтивъ движеніе кавалергардовъ, непріятельская кавалерія начала развертывать фронтъ. Ясно слышались командныя слова: «En avant!», затѣмъ «Halte!» и «Par quatre à droite et à gauche!». Но было уже поздно. «Галопомъ! Маршъ!», скомандовалъ Левенвольде и, повернувъ лошадь налѣво, только успѣлъ закричать Давыдову: «Командуйте, Евдокимъ Васильевичъ, лѣвое плечо», какъ упалъ съ коня, пораженный картечью въ голову. Первая линія замялась, но, поддержанная второй, врубилась въ непріятельскую кавалерійскую колонну» [1]).

По отзыву его товарища М. П. Бутурлина: «Le colonel Baron de Löwenwolde était un bel homme, d'une taille grande et élancée, la tête haute, une physionomie allemande, très flegme, très pointif, excellent officier et qui aurait été loin, s'il eût vécu; très aimé, très respecté au régiment et brave comme son épée».

Оба брата Левенвольде, достойные представители нашего Балтійскаго дворянства, нашли смерть на полѣ сраженія, защищая, въ рядахъ кавалергардовъ, честь и достояніе своего отечества—Россіи.

Со смертью бар. Карла Карловича Левенвольде прекратился родъ Левенвольдовъ [2]).

Баронъ Борисъ Владиміровичъ (Бернгардъ-Вольдемаръ-Конрадъ) **Унгернъ-Штернбергъ,** 1777—1820, сынъ барона Вольдемара (р. 1739) и графини Дарьи Тизенгаузенъ, родился 10 Августа 1777 г., изъ Эстляндскихъ дворянъ; въ службѣ съ 1790 г. въ Конной гвардіи вахмистромъ, въ 1792 г. въ Семеновскомъ полку сержантомъ; 21 Ноября 1796 г. пожалованъ кавалергардомъ въ Кавалергардскіе эскадроны; 7 Ноября 1797 г. переведенъ обратно въ Конную гвардію унт.-офицеромъ; 14 Ноября произведенъ въ корнеты, съ переводомъ въ Московскій драг. полкъ; 1 Января 1798 г. переведенъ въ Лейбъ-Кирасирскій Ея Велич. полкъ и въ томъ же году, 14 Ноября, произведенъ въ поручики; 15 Мая 1801 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ и произведенъ въ 1802 г. въ шт.-ротмистры и избранъ полк. казначеемъ; въ 1804 году произведенъ въ ротмистры. Участвовалъ въ сраженіи при деревнѣ Шлатъ (26 Сент. 1799 г.). 22 Іюня 1805 г. уволенъ отъ службы по прошенію полковникомъ. Былъ женатъ съ 1810 г. на гр. Натальѣ Федоровнѣ Буксгевденъ (1782—1857) и имѣлъ дѣтей: Федора (1811—1862), Алексѣя (1813—1861), Александра (1818—1869) и Софью (1820—1863), замужемъ за Магнусомъ Ульгреномъ. Баронъ Борисъ Влад. Унгернъ умеръ 25 Сентября 1820 г. [1]).

Баронъ Казиміръ (Іоакимъ-Дидрихъ-Казиміръ) **Карловичъ Левенвольде 2-й,** 1780—1805, братъ бар. Карла Карловича, родился въ Раппинѣ 27 Іюля 1780 г.; въ службѣ съ 1790 г. квартермистромъ въ Конной гвардіи, въ 1795 г. вахмистромъ; 22 Января 1797 г. выпущенъ корнетомъ въ Рижскій кирас. полкъ; въ 1798 г. переведенъ въ новосформированный Кирасирскій Неплюева полкъ, гдѣ въ томъ же году поручикомъ; по расформированіи этого полка переведенъ, 6 Марта 1800 г., въ Стародубскій (Воинова) кирасир. полкъ; 15 Мая 1801 г. переведенъ тѣмъ же чиномъ въ кавалергарды; въ 1802 году произведенъ шт.-ротмистромъ, въ 1805 году ротмистромъ. Смертельно раненый въ рядахъ 3 эскадрона подъ Аустерлицемъ 20 Ноября 1805 г., умеръ на другой день. Женатъ не былъ [2]).

Дмитрій Васильевичъ Васильчиковъ 2-й, 1778—1859, принадлежалъ къ старой русской дворянской фамиліи, ведущей свое начало отъ общаго родоначальника съ Толстыми, нѣкоего Индрика, выходца изъ Германіи въ XIV вѣкѣ, и былъ сынъ бригадира Василія Алексѣевича Васильчикова и жены его Екатерины Иларіоновны, рожденной Овцыной. Семи лѣтъ отъ роду, по обычаю того времени, онъ былъ зачисленъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ 11 Января 1785 года; 4 Марта 1794 г. Васильчиковъ началъ дѣйствительную службу съ переводомъ въ лб.-гв. Конный полкъ и здѣсь, 15 Ноября 1796 года, былъ произведенъ въ корнеты. 7 Мая 1799 г. опредѣленъ къ Высочайшему Двору «дѣйствительнымъ камергеромъ». Будучи уже оберъ-егермейстеромъ, въ

---

1) Замѣтки М. П. Бутурлина (Собраніе П. Я. Дашкова).

2) Лобановъ-Ростовскій, I, 307.

1) Леф. арх.; Форм. сп., кн. 1; Долгорукій, II, 186; Свѣдѣнія, сообщ. бар. Освальдомъ Унгернъ-Штернбергомъ.

2) Полк. архивъ; Леф. арх., оп. 160, св. 124; Форм. сп. 1804 г., кн. 1; Лобановъ-Ростовскій, I, 308.

Д. В. Васильчиковъ 2-й.

преклонныхъ лѣтахъ, Васильчиковъ любилъ вспоминать эти годы далекой молодости и, по словамъ В. Д. Давыдова, «разсказывалъ, что, несмотря на строгость и страшные капризы Павла, никогда такъ весело не бывало, какъ при его дворѣ. Всѣ пользовались минутой, всѣ жили настоящимъ, а потому веселились до упаду и повѣсничали на славу». Онъ разсказывалъ также не мало эпизодовъ изъ этой эпохи своей жизни [1]). Въ 1800 г. Васильчиковъ опредѣленъ совѣтникомъ въ Государственную Экспедицію для ревизіи счетовъ; въ слѣдующемъ году, 7 Октября, былъ переведенъ ротмистромъ въ Кавалергардскій полкъ, а 4 Сентября 1802 г. произведенъ въ полковники и командовалъ въ Кавалергардскомъ полку эскадрономъ.

1 Марта 1804 года Васильчиковъ былъ вторично опредѣленъ «дѣйствительнымъ камергеромъ». Въ Кавалергардскомъ полку онъ прослужилъ до 13 Января 1808 года, когда былъ переведенъ въ Ахтырскій гус. полкъ.

Съ этимъ полкомъ Васильчиковъ въ 1809 г., съ 23 Мая по 22 Ноября, былъ въ походѣ въ Галиціи. Въ Отечественную войну Ахтырскій полкъ находился въ составѣ арміи князя Багратіона. Въ этомъ году за отличія въ дѣлахъ противъ французовъ Васильчиковъ былъ награжденъ: 28 Іюня въ сраженіи подъ мѣст. Миромъ — орд. св. Владиміра 3 ст., и за участіе въ Бородинскомъ бою — орд. *св. Георгія* 4 кл. Участвуя затѣмъ въ сраженіяхъ съ 16 Сентября по 22 Октября: при сел. Сатино (16 Сентября), при Вороновѣ (20 Сентября), не доходя до Тарутина (22 Сентября), подъ Тарутинымъ (6 Октября) и подъ Вязьмою (22 Октября) и затѣмъ въ преслѣдованіи непріятеля до Варшавы, Васильчиковъ за кампанію 1812 года былъ произведенъ 26 Декабря въ генералъ-майоры. Къ этому времени относится слѣдующій отзывъ Бутурлина о Васильчиковѣ: «Полк. Васильчиковъ— человѣкъ пылкій и выходящій изъ ряда храбрости. Доброта характера заставляетъ подчиненныхъ страстно любить его. Это одинъ изъ лучшихъ нашихъ офицеровъ для командованія полкомъ».

Въ 1813 году, перейдя съ арміей за границы Россіи, Васильчиковъ участвовалъ почти во всѣхъ сраженіяхъ войны за освобожденіе Германіи и кампаніи слѣдующаго года. 4 Марта 1813 г. онъ былъ въ Силезіи при блокадѣ кр. Глогау; 21 Апрѣля въ Саксоніи при м. Пегау; 27 Апрѣля подъ Дрезденомъ, «при удержаніи непріятельской переправы черезъ р. Эльбу, а потомъ до г. Бауцена въ ежедневныхъ арьергардныхъ дѣлахъ»; 8 и 9 Мая подъ Бауценомъ въ генеральномъ сраженіи; 10 Мая въ Силезіи «при атакѣ» подъ Рейхенбахомъ, а 18 и 19—подъ Яуромъ, за что награжденъ Прусскимъ орденомъ Краснаго Орла 2 кл.; 14 Августа при р. Кацбахъ «при пораженіи и разбитіи непріятеля»; за это дѣло Васильчиковъ получилъ орд. св. Анны 1 ст.; съ 20 по 27 Сентября подъ Рейхенбахомъ, Майсеномъ, Шлейнау и, наконецъ, участвовалъ въ 4-дневной «битвѣ народовъ» подъ Лейпцигомъ, за которую награжденъ орд. *св. Георгія* 3 кл.; 1813 г. окончился преслѣдованіемъ непріятеля до р. Рейна, переправой черезъ Рейнъ и 21 Декабря боемъ при мѣст. Мутерштатѣ.

Въ 1814 году, съ 17 Января по 23 Февраля, Васильчиковъ былъ въ сраженіяхъ при Ларотьерѣ, за которое получилъ орденъ св. Владиміра 2 ст., при с. Судронъ, при Лаферте-сюръ-Жуаръ, при Монмиралѣ, подъ Шатотіери. Въ сраженіи при Краонѣ онъ былъ *контуженъ*. За отличіе въ этихъ дѣлахъ Васильчиковъ былъ награжденъ золотою саблею, *алмазами украшенной,* и Прусскимъ крестомъ

---

[1]) «Однажды Императоръ Павелъ упалъ, вальсируя съ княжной Лопухиной, и вальсъ былъ запрещенъ, отданъ приказъ, чтобъ никто не смѣлъ впредь вальсировать. Такъ прошелъ годъ. Васильчиковъ, не боясь навлечь гнѣвъ Государя, ухаживалъ за княжной Лопухиной. Какъ-то разъ на балу она ему призналась, что очень желала бы провальсировать. Желая понравиться прелестной княжнѣ, Васильчиковъ рѣшился на поступокъ, который могъ бы обойтись ему весьма дорого. Онъ смѣло подошелъ къ оркестру и объявилъ ему, именемъ Государя, что велѣно играть вальсъ и, какъ только раздались первые звуки, онъ съ кн. Лопухиной полетѣлъ по залѣ къ изумленію всѣхъ. Государь въ это время вошелъ въ залу, посмотрѣлъ, нашелъ что эта пара отлично вальсируетъ, похвалилъ ихъ, и съ тѣхъ поръ помину не было о запрещеніи танца». (Памятн. замѣтки В. Д. Давыдова; Р. Старина, 1871/VI, 785 и 786).

«за заслуги». По взятіи Парижа Васильчиковъ «вступилъ туда съ бригадой, а изъ Парижа довелъ Гусарскую дивизію до Кракова. Въ 1815 г. вновь повелъ дивизію во Францію», участвовалъ на смотру при Вертю, а 1 Апрѣля возвратился въ Россію.

1 Сентября 1814 г. Васильчиковъ былъ назначенъ бригаднымъ командиромъ 2-й Гусарской дивизіи, съ которой вступилъ въ Парижъ. 26 Января 1816 г. онъ «назначенъ состоять при дивизіонномъ начальникѣ 1-й Уланской дивизіи, а 28 Декабря — командующимъ этой дивизіей. Дивизія эта стояла въ Твери. «Начальникъ ея, Д. В. Васильчиковъ», говоритъ въ своихъ запискахъ декабристъ Завалишинъ, «сдѣлался искреннимъ другомъ отца, а бригадные командиры, кн. Лопухинъ [1]) и кн. Хилковъ, оба тогда холостые, сдѣлались какъ бы членами нашего семейства и даже не держали стола у себя, и это было причиною, что и я, когда потомъ жилъ въ Петербургѣ, былъ принятъ, какъ родной, въ домахъ всѣхъ Васильчиковыхъ, Лопухина и Хилкова»... [2]).

23 Января 1818 года Д. В. Васильчикову Высочайше пожаловано на 12 лѣтъ, безъ платежа кварты, староство Репятицкое Гродненской губерніи, Пружанскаго повѣта, съ деревнями, а 12 Октября 1821 г. онъ получилъ, за исправность во время осмотра, алмазные знаки къ орд. св. Анны 1 ст.

Вслѣдъ за тѣмъ, черезъ годъ, Высочайшимъ приказомъ 16 Декабря 1822 года Д. В. Васильчиковъ былъ уволенъ, за болѣзнію, отъ службы, съ мундиромъ.

Въ отставкѣ Васильчиковъ пробылъ до 1830 г. Кромѣ пожалованной аренды, у него въ это время лично не было никакого состоянія. По формулярному списку 1822 г. за нимъ не показано имѣнія, только за братомъ его числилось 4/тыс. душъ. Онъ часто нуждался. Въ Декабрѣ 1823 г. умеръ графъ Петръ Кирилловичъ Разумовскій и завѣщалъ своей племянницѣ, женѣ Д. В., Аделаидѣ Петровнѣ, рожденной графинѣ Апраксиной (дочь графини Елизаветы Кирилловны Разумовской), 3/т. душъ въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ. «Поздравилъ я», писалъ А. Я. Булгаковъ брату въ Петербургъ, «кн. Татьяну Васильевну (жена кн. Дм. Вл. Голицына, Моск. ген.-губернатора, рожд. Васильчикова) съ чиномъ Ларіона Васильевича, а она, поблагодаря, отвѣчала: «Faites-moi plutôt compliment sur la fortune inespérée, qui tomba des nues à mon frère Dimitri! Стали говорить о покойномъ гр. П. К. Разумовскомъ. Иные сулятъ золотыя горы, а онъ, не обѣщая ничего, составилъ счастье столькихъ семействъ и распредѣлилъ все свое имѣніе между небогатыми. Всѣ его осыпаютъ благословеніями и похвалами. Поступокъ Разумовскаго нельзя довольно похвалить. Давыдовъ, Петръ Львовичъ [1]), дружень съ Д. В. Васильчиковымъ; этотъ описывалъ ему подробно трудное свое положеніе, долги, недостатки для воспитанія дѣтей, что это одно стоило ему 700 р. въ мѣсяцъ, что бьется, какъ рыба объ ледъ, а 2 дня послѣ того падаютъ съ неба ему 3200 душъ! Можно представить восхищеніе бѣднаго отца семейства. Станетъ блаженствовать и Богу молиться за покойнаго» [2]). Этотъ подарокъ Разумовскаго, дѣйствительно, положилъ основаніе будущему благосостоянію Васильчикова [3]).

5 Апрѣля 1830 г. Васильчиковъ снова поступилъ на службу и пожалованъ гофмейстеромъ, съ назначеніемъ вице-президентомъ Гофъ-Интендантской конторы. Черезъ годъ, 15 Апрѣля 1832 г., онъ переименованъ въ егермейстеры и назначенъ управляющимъ какъ «Егермейстерскимъ вѣдѣніемъ», такъ и всею придворною охотою. Вслѣдъ за тѣмъ, 19 Іюня, назначенъ членомъ по хозяйственной части въ коммиссію по постройкѣ Исакіевскаго собора, а 31 Декабря того же 1832 г.—управляющимъ гофмейстерскою частью двора Великаго Князя Михаила Павловича. Дѣятельность Васильчикова по егермейстерской части и по управленію дворомъ Вел. Князя была оцѣнена, и 6 Апрѣля 1835 г. ему изъявлена въ рескриптѣ «признательность Государя Императора за сохраненіе хозяйственными распоряженіями немаловажнаго остатка отъ штатныхъ расходовъ за 1834 г. по управленію егермейстерскимъ вѣдѣніемъ», а 9 Мая 1838 г. Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ письмомъ изъявилъ ему свою «благодарность и признательность» за дѣятельность по управленію его дворомъ. Въ ком-

---

1) См. его біографію.

2) Р. Старина, 1882/I, 15.—Ко времени командованія дивизіей въ Твери относится разсказъ В. Д. Давыдова о томъ, что въ 1821 г. Ил. Вас. Васильчикову, будущему князю, однимъ офицеромъ былъ представленъ списокъ заговорщиковъ, при чемъ въ подтвержденіе вѣрности доноса было сказано, что въ такой-то день у заговорщиковъ будетъ собраніе въ Твери, гдѣ стояла Уланская дивизія, которой командовалъ братъ Васильчикова. (При этомъ Давыдовъ ошибочно называетъ его *Николаемъ Васильевичемъ*, очевидно, это былъ Дмитрій Васильевичъ). Такъ какъ это показаніе подтвердилось, Ил. В. Васильчиковъ представилъ списокъ Государю, но онъ, не читая, возвратилъ его назадъ. (Р. Старина, 1871/VI, 790 и 791).

1) См. Сборникъ біографій Кавалергардовъ, II.

2) Р. Архивъ, 1901/IV, 606 и 607.

3) По форм. сп. 1851 г. за Васильчиковымъ числилось: родового имѣнія въ Псковской губ. 1170 д. и домъ каменный въ Петербургѣ; за женою 3500 д. въ Полт. и Черниг. губ., 320 д. въ Смоленской, винокуренный заводъ, заводъ овчарный въ 12/т. головъ, конскій до 200 лошадей и аренда въ 1517 рублей.

миссіи по постройкѣ Исакіевскаго собора онъ также получилъ выраженіе «Высочайшаго благоволенія». 20 Апрѣля 1838 г. Васильчиковъ былъ пожалованъ въ оберъ-егермейстеры, а 1 Іюля 1846 г. членомъ Государственнаго Совѣта. Часть своего времени и дѣятельности Васильчиковъ посвящалъ благотворительности, сначала, съ 1831 г., въ качествѣ члена Попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія, а затѣмъ, съ 1853 г.— его предсѣдателя, при чемъ состоялъ попечителемъ нѣсколькихъ больницъ.

За свою службу Васильчиковъ былъ награжденъ въ 1834 г. орд. Бѣлаго Орла, въ томъ же году—орд. св. Александра Невскаго, къ которому въ 1842 г. получилъ алмазные знаки, въ 1851 г. орд. св. Владиміра 1 ст., а 23 Апрѣля 1854 г. пожалованъ орд. св. Андрея Первозваннаго и въ 1856 г. — алмазными къ нему знаками. Въ 1831 г. Васильчикову была пожалована золотая табакерка съ портретомъ Государя «за труды по печальной церемоніи» при погребеніи тѣла Вел. Князя Константина Павловича, а въ 1842 г. пожалована на 12 лѣтъ аренда въ 1517 р. Кромѣ того, онъ состоялъ пенсіонеромъ по орденамъ св. Владиміра 2 ст., Георгія 3 кл. и Александра Невскаго, и имѣлъ иностранные ордена: прусскій—Краснаго Орла 1 ст., виртембергскій—Фридриха и гессенъ-дармштадтскій—Людвига.

Подъ конецъ жизни здоровье Васильчикова требовало частаго и усиленнаго лѣченія. Въ 1847 г. онъ былъ отпущенъ «къ заграничнымъ минеральнымъ водамъ на столько времени, сколько будетъ нужно въ томъ году для поправленія здоровья», а въ 1851 г., похоронивъ жену († 8 Марта), ѣздилъ лѣтомъ на 5 мѣсяцевъ въ Карлсбадъ. Васильчиковъ умеръ въ 1859 году. Похороненъ рядомъ съ женою въ с. Выбити Новгородской губерніи.

У него было 4 дочери: Елизавета (р. 2 Іюля 1805 г.; за Н. Я. Протасовымъ), Софія (р. 9 Марта 1809 г., †; за Н. М. Васильчиковымъ), Екатерина (р. 6 Декабря 1811 г., †; за гр. Г. Г. Кушелевымъ-Безбородко) и Татьяна (р. 19 Марта 1823 г., †; за гр. А. С. Строгановымъ).

По сохранившимся отзывамъ современниковъ, Д. В. Васильчиковъ, при красивой наружности, отличался мягкимъ характеромъ, радушіемъ, былъ веселый и живой человѣкъ. Васильчиковы были дружны съ семействомъ Бутурлиныхъ, именно съ гр. Анною Артемьевною, матерью автора «Записокъ», гр. М. Д. Бутурлина. Самъ Д. В. по родственному относился къ молодому Завалишину, былъ «очень милостивъ» къ В. Д. Давыдову, который «въ молодости каждую осень охотился у него въ продолженіе болѣе 4 лѣтъ», слышалъ отъ него не мало разсказовъ и впослѣдствіи жалѣлъ, что не записывалъ ихъ своевременно. Васильчиковъ любилъ также вспоминать свое боевое прошлое. «На засѣданіи (12 Января 1849 г.) капитула Георгіевскаго ордена», говоритъ гр. Граббе, «Воронцовъ представилъ за Ахты 4-хъ. Возраженіе Д. В. Васильчикова противъ права на полученіе этого ордена кап. Бучкіева, вопреки нашему общему мнѣнію и, кажется, Вел. Кн. Михаила Павловича; все засѣданіе прошло въ объясненіяхъ безъ рѣшенія. Сравненіе изъ собственной военной жизни генерала Васильчикова, самимъ сдѣланное, съ подвигомъ Бучкіева, — невинное, неловкое, неподходящее»... «Старой Преображенецъ», кн. Н. К. Имеретинскій, вспоминая Александровскихъ кавалеровъ времени своей молодости, говоритъ, что среди нихъ выдавался одинъ «высокій, стройный, необыкновенно живой. Его сѣдые волосы были красиво подняты и взбиты въ хохолокъ. По пріемамъ и, несмотря на шталмейстерскій мундиръ, можно сейчасъ было узнать гусара старыхъ временъ... И дѣйствительно, это былъ старый и знаменитый гусаръ, Д. В. Васильчиковъ, тотъ самый, котораго Блюхеръ расцѣловалъ на полѣ сраженія передъ войсками за лихую атаку его кавалерійской бригады во флангъ французамъ» [1]).

И. Поповъ.

Алексѣй Яковлевичъ Охотниковъ, 1780—1807, изъ дворянъ Землянскаго уѣзда Воронежской губ.; службу началъ сенатскимъ регистраторомъ и 21 Мая 1801 г. опредѣленъ эст.-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; чрезъ четыре мѣсяца (25 Сентября) произведенъ корнетомъ, 5 Ноября 1802 г. поручикомъ; 24 Іюня 1804 г. назначенъ полковымъ казначеемъ, 29 Марта 1806 г. шт.-ротмистромъ. 27 Октября 1806 года Охотниковъ подалъ прошеніе объ увольненіи его, «за имѣющеюся» въ немъ «грудной болѣзнью», въ отставку, и того же числа рапортъ былъ представленъ по командѣ. 29 Октября Цесаревичъ предписалъ шефу полка Уварову «Охотникова лично освидѣтельствовать въ болѣзни, и дѣйствительно ли онъ къ службѣ

---

[1]) Полк. арх.; Форм. списки 1822 и 1851 гг.; Арх. М. И. д., Intérieur, 1801, № 92; Анненковъ, IV, 142; Долгоруковъ, II, 95 и 100, 116 и 117; Лобановъ-Ростовскій, II, 153 и 154; Сборникъ, LX, 87; Пам. замѣтки В. Д. Давыдова, Р. Старина, 1871/VI, 785 и 786, 790 и 791; 1894/IX, 196; 1902/VI, 625; Записки стар. Преображенца, Р. Старина, 1900/XII, 600; Записки Д. И. Завалишина, Р. Старина, 1882/I, 15; Зап. книжка гр. Граббе, Р. Арх., 1888/III, 386; Зап. гр. Бутурлина, Р. Арх., 1897/I, 430; Письма А. Я. Булгакова, Р. Арх., 1901/IV, 606 и 607.

Алексѣй Яковлевичъ Охотниковъ.

неспособенъ, а что по тому окажется, мнѣ донести» [1]). 14 Ноября 1806 г. Охотниковъ былъ уволенъ по болѣзни въ отставку. Умеръ 20 Января 1807 г. и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. 20 Мая 1805 г. Охотниковъ былъ уволенъ въ 4-мѣсячный отпускъ, но заболѣлъ въ своемъ имѣніи Землянскаго уѣзда. 30 Августа ему было выдано медицинское свидѣтельство въ томъ, что онъ «дѣйствительно состоитъ въ тягчайшей болѣзни... прежде заболѣлъ горячкой и нынѣ чрезъ употребленіе лечительныхъ посредствій обратилась въ лихорадку, притомъ же страждетъ грудною болью отъ почечуйныхъ припадковъ, а потому находится слабъ и продолжать пути къ опредѣленному ему мѣсту въ полкъ не можетъ».

Когда прибылъ Охотниковъ къ полку, мы не можемъ указать точно, но онъ не участвовалъ въ Аустерлицкомъ сраженіи. 12 Января 1806 г. Охотниковъ былъ налицо въ полку [2]).

За два года до своей смерти Охотниковъ влюбился въ одну даму высшаго свѣта. Любовь эта привела его къ ранней могилѣ. По семейнымъ преданіямъ Охотниковыхъ, любовь эта была высокое и чистое чувство сожалѣнія къ несчастной, покинутой мужемъ, молодой женщинѣ. Изъ другихъ воспоминаній мы видимъ, что теща молодой женщины говорила, что ея невѣстка имѣла отъ Охотникова дочь.

По семейному преданію Охотниковыхъ, вся эта драматическая исторія произошла слѣдующимъ образомъ:

Мужъ—высокопоставленное лицо — невзирая на красоту, молодость и любовь къ нему своей жены, часто измѣнялъ ей. Ко времени ея сближенія съ Охотниковымъ, она была окончательно покинута своимъ мужемъ, который открыто ухаживалъ, даже въ ея присутствіи, за одной дамой того же круга. Про эту связь говорилъ весь Петербургъ. Иные не находили ничего въ томъ удивительнаго, считая забытую жену за слишкомъ серіозную и скучную, и вполнѣ оправдывали легкомысленность мужа; другіе смотрѣли съ сожалѣніемъ на молодую женщину, переносившую съ достоинствомъ это тяжелое и незаслуженное оскорбленіе. Между таковыми былъ и Охотниковъ. Чувство Охотникова возросло отъ сознанія, что оно никогда не встрѣтитъ взаимности, такъ какъ въ Петербургѣ всѣ говорили о неприступности молодой женщины и любви ея къ своему мужу.

Но, вѣроятно, послѣдняя измѣна переполнила чашу терпѣнія молодой женщины, и, покинутая, одинокая, она невольно замѣтила взгляды молодого офицера. Въ нихъ она прочла глубоко скрытое чувство любви и сожалѣнія къ ней; видя эту симпатію къ ея несчастію, она сама увлеклась. Любовь ихъ продолжалась два года. Наконецъ, наступилъ роковой день: осенью [1]) 1806 года, при выходѣ изъ театра, Охотниковъ былъ кѣмъ-то раненъ кинжаломъ въ бокъ. «Une voiture, vite», прошепталъ онъ своему другу, поддержавшему его, «je sais d'où vient le coup, qu'il ne jouisse pas de son triomphe, menez-moi chez moi, ma blessure n'est peut-être pas aussi grave: je pourrai vivre». Подозрѣніе его падало на брата мужа любимой женщины. Послѣднее время тотъ неустанно слѣдилъ за своей невѣсткою и, какъ думалъ Охотниковъ, преслѣдовалъ ее своею любовью.

Если убійство и было дѣло его рукъ, то навряд ли мотивомъ была любовь къ невѣ-

---

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., оп. 152, кн. 326, д. 35.

[2]) Сохранилось слѣдующее предписаніе генерала Кологривова Де-Прерадовичу: «Вслѣдствіе рапорта В. Пр. относительнаго для заблаговременнаго заготовленія и порядка во ввѣренный вамъ Кавалергардскій полкъ вещей, позволяется отправить въ С.-Петербургъ полк. казначея поручика Охотникова, а на проѣздъ ему билетъ при семъ къ вамъ препровождаю. На маршѣ городъ Брестъ-Литовскій. Генваря 12 дня 1806 г.».

[1]) Есть основанія предполагать, что покушеніе было совершено въ началѣ Октября, вѣроятно, въ ночь съ 4 на 5 Октября.—«Сего числа свидѣтельствована мною хранящаяся въ казенномъ ящикѣ въ ввѣренномъ вамъ Кавалергардскомъ полку исправляющаго должность, за болѣзнею полкового казначея штабсъ-ротмистра Охотникова, аудитора титулярнаго совѣтника Иванова полковая денежная сумма, обще съ Гг. штабъ- и оберъ-офицерами, и оказалась оная вся въ исправности налицо»... (Рапортъ Де-Прерадовича Уварову, 5 Октября 1806 года, Исх. журн., № 68).

сткѣ, а напротивъ—его любовь и преданность къ брату; если онъ и слѣдилъ за своей невѣсткою, то именно изъ-за боязни за честь брата.

Раненаго Охотникова привезли домой безъ чувствъ. Придя въ себя и увидя ужасъ окружающихъ, онъ просилъ не давать дѣлу огласки. Прислуга думала, что произошла дуэль, и, зная строгость закона относительно поединковъ, молчала, боясь повредить своему барину. Позванный знаменитый врачъ съ той же цѣлью опредѣлилъ болѣзнь воспаленіемъ [1]). По осмотру раны, врачъ сказалъ больному, что если рана черезъ три недѣли затянется, то можно будетъ надѣяться на полное выздоровленіе. Перевязавъ рану, врачъ остался ночевать у больного. Ночью докторъ подошелъ къ постелѣ раненаго. Больного на ней не было. Пораженный врачъ поспѣшилъ въ сосѣднюю комнату и тамъ увидѣлъ раненаго, почти безъ чувствъ, полулежавшаго на диванѣ, а на столѣ передъ нимъ лежало только-что оконченное письмо. Охотниковъ, боясь, что вѣсть о его болѣзни убьетъ беременную молодую женщину, хотѣлъ ее самъ успокоить и въ письмѣ умолялъ не вѣрить городскимъ слухамъ. Докторъ, будучи домашнимъ врачемъ молодой женщины и знавшій объ ихъ любви, чтобы успокоить больного и заставить его лечь, обѣщалъ лично передать письмо.

Несмотря на старательный уходъ, рана не заживала, и чрезъ три недѣли докторъ убѣдился, что никакой надежды болѣе не оставалось.

Чувствуя близкую кончину, Охотниковъ рѣшилъ привести въ порядокъ свои дѣла: онъ вызвалъ въ Петербургъ своего брата, который до этого и не зналъ даже о его болѣзни. Между тѣмъ несчастная женщина, знавшая о положеніи своего возлюбленнаго, только и думала о томъ, какъ его повидать. Наконецъ, съ помощью своей сестры ей удалось устроить это свиданіе. Черезъ доктора она предупредила больного о своемъ посѣщеніи. Свиданіе было назначено къ 9 часамъ вечера. Охотниковъ потребовалъ, чтобы его одѣли въ мундиръ и чтобы комнату убрали цвѣтами. Тяжело было молодой женщинѣ видѣть страшную перемѣну въ молодомъ человѣкѣ, но, зная, что всякое волненіе ему вредно, она старалась быть покойной и даже, улыбаясь, говорила о возможномъ счастіи въ будущемъ. Наступила минута разставанія. Понявъ нѣмую просьбу больного, молодая женщина поцѣловала его въ губы. «Я умираю счастливымъ», проговорилъ онъ, «но дайте мнѣ что-нибудь, что унесу съ собою»... Локонъ волосъ упалъ ему на грудь... Молодая женщина вышла изъ комнаты. Умирающій спряталъ локонъ на сердцѣ. Отчаяніе смѣнило возбужденіе и радость свиданія, и Охотниковъ впалъ въ безпамятство. Только къ утру онъ пришелъ въ себя и потребовалъ священника. Принявъ Святыхъ Тайнъ, Охотниковъ призвалъ своего брата и просилъ его положить съ нимъ въ гробъ золотой медальонъ, кольцо, которое онъ носилъ, и локонъ. Потомъ передалъ ему черную лаковую шкатулку съ золотой застежкою и велѣлъ ее передать послѣ его смерти лицу, которое придетъ за ней.

Простившись со всѣми домашними, утомленный больной закрылъ глаза. Докторъ взялъ его за пульсъ; умирающій открылъ глаза и обратился къ брату: «Прощайте, друзья мои, я васъ покидаю». Это были послѣднія его слова; скончался онъ тихо.

Смерть Охотникова едва не стоила жизни несчастной женщинѣ. Не боясь болѣе за него, она открыто предалась своему горю. Гнѣвъ мужа ее уже не страшилъ, и она рѣшилась увидать въ послѣдній разъ останки любимаго человѣка. Въ сопровожденіи своей сестры, въ глубокомъ траурѣ она вечеромъ поѣхала на его квартиру. Предупрежденный заранѣе, ихъ встрѣтилъ братъ покойнаго, который, проводивъ обѣихъ дамъ въ комнату, гдѣ покоился умершій, оставилъ ихъ однѣхъ. Подойдя къ гробу, молодая женщина опустилась на колѣни, долго плакала и молилась. Вставъ и приложившись ко лбу покойнаго, она вышла изъ комнаты.

На другой день ея сестра пріѣхала къ брату Охотникова и просила ей передать шкатулку. Получивъ шкатулку, она обратилась къ нему еще съ просьбою разрѣшить поставить памятникъ на могилѣ покойнаго. «Vous ne refuserez pas de céder vos droits? C'est une amie qui désire faire cette triste offrande à la mémoire du défunt».

Чрезъ шесть мѣсяцевъ на могилѣ стоялъ памятникъ, изображавшій скалу со сломаннымъ грозою дубомъ; у подножія скалы на колѣняхъ женская фигура въ покрывалѣ, держитъ въ рукахъ погребальную урну [1]).

Вотъ разсказъ этой печальной исторіи по семейнымъ преданіямъ Охотниковыхъ.

Подтвержденіе этому разсказу мы находимъ въ разговорахъ свекрови молодой женщины

---

[1]) Въ прошеніи объ отставкѣ.

[1]) На памятникѣ Охотникова слѣдующая надпись:
1. «Здѣсь погребено тѣло Кавалергардскаго пол-«ку Штабсъ-Ротмистра Алексѣя Яковлевича Охотни-«кова, скончавшагося Генваря 30 дня 1807 года на «26 году отъ своего рожденія».
2. «Подъ симъ камнемъ покоится прахъ любезнаго «намъ брата Петра Яковлевича Охотникова, скончав-«шагося 1801 года 25 Апрѣля на 26 году отъ ро-«жденія».

съ другомъ дома, занесенныхъ послѣднимъ въ свой дневникъ, и въ дневникѣ, веденномъ невѣсткой молодой дамы.

Въ разсказахъ свекрови проглядываетъ затаенное недоброжелательство къ невѣсткѣ и оправданіе сына: «Elle a certainement beaucoup d'esprit, mais elle a le défaut d'être très journalière et froide comme la glace; elle pourrait certainement être très heureuse avec son mari, qui fait tout ce qu'elle peut désirer, mais il a le cœur aimant, et elle est très froide». Затѣмъ теща упрекаетъ свою невѣстку въ ея нелюбви къ свѣту.

Говоря о послѣдней связи своего сына, она снова винитъ невѣстку: «C'est sa propre faute; elle a pu écarter cette liaison et même à présent pourrait encore ramener son mari si elle voulait s'y prêter; mais elle s'emportait contre lui, lorsqu'il s'approchait pour l'embrasser ou la caresser, elle le rudoyait... Ils ont de grands torts tous les deux, mais mon fils a été forcé de chercher des liaisons ailleurs, que sa femme aurait pu empêcher... son mari lui dit tout, elle sait tout»... На замѣчаніе собесѣдника, что такого рода признанія и заставляютъ молодую женщину поступать такъ сурово съ мужемъ, теща отвѣтила: «Oh! cela ne lui fait rien».

«Oh! mon Dieu», замѣчаетъ по поводу послѣднихъ словъ другъ дома, «je crois que la malheureuse femme avale son chagrin en écoutant ces belles confidences; mais je conçois bien que les caresses d'un homme doivent lui répugner lorsqu'elle pense que peut-être cinq minutes plus tôt il en a fait de plus tendres à une autre». Въ другой разъ разговоръ снова коснулся семейныхъ дѣлъ. Послѣ многихъ паузъ и недомолвокъ теща, наконецъ, рѣшилась повѣрить своему собесѣднику, что ея невѣстка была невѣрна своему мужу, и что послѣдній ребенокъ былъ отъ «красавца Охотникова», смерть котораго едва не свела въ могилу мать. «Je n'ai jamais pu comprendre la conduite de mon fils vis-à-vis de cet enfant, son peu de tendresse envers lui et sa mère. Il m'a confié ce secret qu'à la mort de la petite. Que sa femme lui ayant avoué sa grossesse, avait voulu s'en aller, partir, etc. Mon fils a agi envers elle avec la dernière générosité».

Далѣе она разсказала, что на могилѣ Охотникова воздвигнутъ дорогой памятникъ, который не могли поставить небогатые родственники: «On croit que c'est ma belle-fille qui l'a fait faire, et qu'elle y va quelquefois».

Охотниковъ, при жизни своей, свято хранилъ тайну и унесъ ее съ собою въ могилу!...

Н. Панчулидзева.

Дмитрій Николаевичъ Арсеньевъ, 1779—, сынъ генералъ-майора Николая Дмитріевича и его жены Вѣры Ивановны, рожд. Ушаковой; на службу былъ зачисленъ въ 1782 г. въ Архангелогородскій пѣх. полкъ; въ 1783 г. переведенъ сержантомъ въ Измайловскій полкъ, 8 Февраля 1796 г. переведенъ вахмистромъ въ л.-гв. Конный полкъ и въ томъ же году произведенъ въ корнеты, а въ 1799 г. въ поручики; 23 Ноября 1800 г. отставленъ отъ службы; 28 Января 1802 г. опредѣленъ въ Кавалергардскій полкъ и произведенъ въ шт.-ротмистры; 18 Дек. 1802 г. отставленъ отъ службы, съ мундиромъ. 14 Апр. 1807 г. принятъ майоромъ въ Польскій уланскій полкъ; въ 1809 г. назначенъ адъютантомъ къ принцу Голштейнъ-Ольденбургскому; въ 1810 г. произведенъ подполковникомъ въ л.-гв. Уланскій полкъ, съ оставленіемъ при прежней должности адъютанта, въ 1811 г. произведенъ полковникомъ, а 15 Дек. 1812 г. пожалованъ флигель-адъютантомъ. 10 Дек. 1815 г. уволенъ отъ службы, съ мундиромъ.

Былъ въ походахъ: въ 1807 г. въ Пруссіи—въ сраженіяхъ подъ Гутштатомъ (24 Мая), въ преслѣдованіи непріятеля до р. Пасарги (25 Мая), въ перестрѣлкѣ и стычкахъ при р. Пасаргѣ (26-го и 27-го), «у прикрытія марша аріергарда и при отраженіи непріятеля» у переправы подъ г. Гутштатомъ (28 Мая), подъ Гейльсбергомъ (29 Мая), Фридландомъ и у «прикрытія марша аріергарда» до мѣстечка Тильзита (съ 30 Мая по 7 Іюня) въ безпрестанной перестрѣлкѣ и «при наступленіи непріятеля въ сильныхъ отраженіяхъ».

Имѣлъ ордена св. Владиміра 3 ст. и Анны 2 ст. Былъ камергеромъ. Зналъ нѣмецкій, французскій и итальянскій языки.

Былъ женатъ на фрейлинѣ гр. Александрѣ Михайловнѣ Каховской и имѣлъ сыновей: Николая (р. 1803 г.) и Евгенія (р. 1808 г.). Имѣлъ 25 душъ въ Псковской губерніи Порховскаго уѣзда [1]).

Владиміръ Андреевичъ Рагозинъ, 1780—, изъ дворянъ, въ службѣ въ Измайловскомъ полку сержантомъ съ 20 Сентября 1785 г.; 17 Января 1797 г. выпущенъ подпоручикомъ въ Нашебургскій мушк. полкъ, гдѣ въ 1798 г. поручикомъ, а 17 Октября 1800 г. отставленъ отъ службы шт.-капитаномъ. 28 Января 1802 г. вновь принятъ на службу въ Кавалергардскій

---

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1815 г., кн. 3115; Фрейманъ, 257; Анненковъ, IV, 143; Долгорукій, IV, 250, 251; Свѣдѣнія, сообщенныя В. С. Арсеньевымъ.

полкъ, а 18 Марта того же года, «по неспособности къ кавалерійской службѣ, уволенъ въ отставку арміи штабсъ-капитаномъ». 6 Апрѣля 1803 г. опредѣленъ въ Кроштанскій гарн. полкъ, 16 Января 1806 г. переведенъ 10-мъ классомъ въ Коммиссаріатъ. 21 Октября 1811 г. уволенъ въ отставку по прошенію [1]).

Аполлонъ Аполлоновичъ Колокольцовъ, 1784—, изъ дворянъ Осташковскаго у. Тверской губ., сынъ предсѣдателя Пензенскаго суда д. ст. сов. Аполлона Никифоровича и Елисаветы Григорьевны, рожд. Грабовой; воспитывался въ Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ и 18 Ноября 1801 г. поступилъ эст.-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; 28 Янв. 1802 г. произведенъ въ корнеты, 2 Ноября 1803 г. въ поручики; переведенъ 15 Ноября 1804 г. въ Сумскій гус. полкъ ротмистромъ, а 26 Декабря 1808 г. уволенъ отъ службы «за ранами» майоромъ, съ мундиромъ. Онъ участвовалъ въ походахъ 1805, 1806 и 1807 гг.; въ 1806 году въ дѣлахъ при м. Лопачинѣ (13 Дек.), при м. Голиминѣ (14 Дек.) и получилъ Высочайш. благоволеніе. Въ Пр.-Эйлаускомъ сраженіи *контуженъ* въ щеку и шею и награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Умеръ холостымъ [2]).

Графъ Левъ Ивановичъ Соллогубъ, 1785—, католическаго вѣроисповѣданія, сынъ гр. Ивана Антоновича, ген.-ад. короля Станислава-Августа и генералъ-маіора русской службы, и 2-й жены его, фрейлины Натальи Львовны Нарышкиной, происходилъ изъ знатнаго Литовскаго рода, обладавшаго большими помѣстьями въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Польшѣ. Службу началъ 29 Марта 1801 г. въ Кавалергардскомъ полку, 22 Января 1802 г. корнетомъ, въ 1803 г. поручикомъ, 13 Марта 1805 г. уволенъ отъ службы шт.-ротмистромъ, съ мундиромъ. Чрезъ годъ, 8 Марта 1806 г., поступилъ поручикомъ въ лб.-гв. Гусарскій полкъ и выбранъ казначеемъ; 15 Января 1807 г. шт.-ротмистромъ. Въ кампанію 1807 г. участвовалъ въ сраженіяхъ при Гутштатѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ, гдѣ *контуженъ* ядромъ въ голову и награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. и золотою саблею, а также получилъ прусскій орд. «Pour le mérite». 7 Ноября того же года уволенъ въ отставку, съ мундиромъ.

5 Августа 1812 г. Соллогубъ поступилъ майоромъ «въ формируемый въ Москвѣ гр. Салтыковымъ полкъ, названный потомъ Иркутскимъ гусарскимъ»; 23 Августа того же года «истребованъ и находился» при Кутузовѣ, съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи, и участвовалъ при занятіи г. Вереи Дороховымъ, подъ Тарутинымъ въ отрядѣ гр. Орлова-Денисова и подъ Никольскимъ «при разбитіи» французскихъ гвардейскихъ драгунъ; подъ Вороновымъ (20—22 Сент.), подъ Мал. Ярославцемъ (9 и 10 Окт.) и награжденъ орд. св. Анны 2 ст. съ алмазами; при дальнѣйшемъ преслѣдованіи французовъ до границы Силезіи командовалъ кавалерійскимъ отрядомъ и за отличіе произведенъ въ полковники. «Оставался въ г. Бунцлау до кончины кн. Кутузова и препровождалъ тѣло его, по Высоч. повелѣнію, до Петербурга, гдѣ и оставался при особыхъ порученіяхъ управлявшаго Военнымъ министерствомъ кн. Горчаковѣ». 20 Января 1817 г. уволенъ за ранами полковникомъ и съ мундиромъ.

Гр. Соллогубъ былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ Горчаковой, родной сестрѣ канцлера кн. А. М. Горчакова. Анна Михайловна была очень хороша собой, несмотря на то, что еще въ молодости чрезвычайно пополнѣла.

Жили Соллогубы на широкую ногу, пока, благодаря несчастнымъ спекуляціямъ, Левъ Ивановичъ въ концѣ концовъ совершенно не разорился. Чтобъ составить понятіе о его жизни, приведемъ весьма характерный разсказъ, гдѣ Соллогубъ рисуется намъ весь, съ замашками и страстями помѣщика-бюрократа.

14 Іюня 1825 г. крестьянинъ Абрамовъ принесъ «въ даръ» графу застрѣленнаго «глухого тетерева». Въ имѣніи Льва Ивановича существовала цѣлая канцелярія, и вотъ по поводу тетерева начинается обширнѣйшая

---

1) Полк. арх.; Леф. арх., оп. 38, св. 69, д. 89; оп. 57, св. 381, д. 18936.

2) Полк. арх.; Леф. арх.; Форм. сп. 1808 г., кн. 851; Всемірная Иллюстрація, № 1226; Лобановъ-Ростовскій, I, 277; Свѣдѣнія, сообщ. гг. Колокольцовыми и Тверской арх. коммиссіей.

переписка: 19 Іюня 1825 года IV столъ хозяйственнаго отдѣленія «Управленія дома Его Сіятельства» пишетъ «всеподданнѣйшее донесеніе» графу, за № 3751, за подписями Управляющаго Управленіемъ и Правителя Отдѣленія. 20 Іюня 1825 года получается резолюція графа: «Крестьянину Абрамову за усердіе его выдать полтину, а глухого тетерева по надлежащему отдать на ледникъ впредь до моего повелѣнія». Объ этой резолюціи II столъ канцеляріи въ бумагѣ, за подписью домашняго секретаря и за № 3911, сообщаетъ «Хозяйственному отдѣленію». По поводу резолюціи «въ общемъ присутствіи главнаго управленія» назначается 21 Іюня, въ 5 часовъ пополуночи, собраніе изъ членовъ-правителей отдѣленій: хозяйственнаго, музыкальнаго, гардеробнаго, казначейскаго, полицейскаго и контрольнаго. Собраніе опредѣляетъ: 1) «о исполненіи графской резолюціи донести его сіятельству; 2) Хозяйственному отдѣленію отнестись въ отдѣленіе Казначействъ о немедленной выдачѣ Абрамову 50 коп.; 3) ключницѣ Варфоломѣевой послать ордеръ о храненіи на ледникѣ тетерева впредь до особаго приказанія его сіятельства... подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности; 4) подлинную птицу, свѣсивъ на безмѣнѣ въ общемъ присутствіи, записать (вѣсъ оной) въ приходо-расходную книгу; 5) составить журналъ (протоколъ) собранія».

Наконецъ, 28 Іюня, II Исполнительный столъ сообщаетъ въ Хозяйственное отдѣленіе, что «графъ Левъ Ивановичъ приказать изволилъ завтрашній день, по случаю праздника святыхъ апостоловъ Петра и Павла, а вмѣстѣ и розговѣнья, приготовить къ обѣденному столу глухого тетерева» и т. д... Назначается опять общее собраніе правителей отдѣленій, пишутся протоколъ и ордеры ключницѣ и главному кухмистру Симонову «о изготовленіи тетерева *въ видѣ жаренаго*».

Получивъ предписаніе, «главный кухмистеръ» пишетъ 28 Іюня «репортъ», за № 245, гдѣ въ концѣ говоритъ, что, «разсматривая онаго тетерева, нашелъ, что оный уже крайне сгнилъ и испущаетъ вельми смрадный запахъ, а частію поврежденъ мышами, какъ-то около крыльевъ и лапки отгрызены»...

Резолюція графа была такова: «Подозрѣваю злоупотребленіе, а потому приказываю чиновнику особыхъ порученій Игнашкѣ Скорохвату произвести строжавшее слѣдствіе, обще съ членомъ Медицыньскаго отдѣленія, цирюльникомъ Гришкою, и что открыто ими будетъ, о томъ со всею подробностію мнѣ донести».

Не приводимъ второй половины дѣла,— а именно слѣдствія о злоупотребленіи.

Такъ или иначе имѣніе Льва Ивановича было прожито; отъ громаднаго состоянія уцѣлѣла только сумма, на которую пріобрѣтено было с. Никольское.

Въ 1816 г. за нимъ показано въ Могилевской губ. имѣніе, нераздѣльное съ братомъ Александромъ, 9600 душъ, которыя затѣмъ были проданы казнѣ.

Левъ Ивановичъ имѣлъ семерыхъ дѣтей: Льва (р. 1811 г.); Георгія (р. 1816 г.); Николая (р. 1819 г.); Наталью (замужемъ за посланникомъ въ Туринѣ Ал. Мих. Обрезковымъ); Надежду (за Алексѣемъ Ник. Свистуновымъ); Елену (за г.-м. Вас. Вас. Энгельгардтомъ); Вѣру (за русск. консуломъ въ Любекѣ — Паншинымъ) [1]).

А. Богдановъ.

Графъ Владиміръ Федоровичъ Васильевъ 1-й, 1782—1839, былъ сынъ подполковника, позднѣе дѣйств. ст. совѣтника Федора Ивановича (1750—1798), младшаго брата Государственнаго казначея и перваго министра финансовъ графа Алексѣя Ивановича Васильева (1742 — 1807). Фамилія Васильевыхъ ведетъ свое начало отъ секретаря Адмиралтействъ-Коллегіи времени Петра Великаго Василія Васильева.

Гр. А. И. Васильевъ умеръ 15 Августа 1807 г., не оставивъ мужескаго потомства и указомъ 18 Августа того же года графскій титулъ, «сообразно прошенію покойнаго», былъ переданъ его племяннику, В. Ф. Васильеву.

---

1) Полк. арх.; Общ. арх. Гл. Штаба, Форм. сп. 1816 и 1817 гг., стр. 127; Р. Стар., 1879/VII, 567—575; Ист. В-къ, 1886/I, 43; 1886/III, 572, 585; Долгорукій, I, 63; Лобановъ-Ростовскій, II, 244 и 245; Свѣдѣнія, сообщ. графиней Н. М. Соллогубъ и о. П. Пирлингомъ.

В. Ф. Васильевъ началъ службу въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ въ 1798 году «юнкеромъ»; въ слѣдующемъ году онъ назначенъ переводчикомъ, а 8 Іюня 1801 г., въ чинѣ колл. асессора, былъ причисленъ канцелярскимъ чиновникомъ къ Лондонской миссіи. Черезъ полгода, 14 Февраля 1812 г., Васильевъ былъ пожалованъ поручикомъ въ Кавалергардскій полкъ, а 10 Февраля 1803 г. произведенъ въ шт.-ротмистры. Въ 1805 году, въ Іюлѣ, онъ былъ уволенъ въ 28-дневный отпускъ въ г. Ригу «для женитьбы на дочери оберъ-шталмейстера гр. Кутайсова, фрейлинѣ гр. Маріи Ивановнѣ» (р. 1787, † 1870), и вскорѣ затѣмъ, 9 Января 1806 г., уволенъ въ отставку. По Высочайшему повелѣнію, 5 Октября 1806 г. Васильевъ былъ вновь принятъ на службу штабсъ-капитаномъ въ Псковскій драг. полкъ и тотчасъ отправился въ дѣйствующую армію, гдѣ и находился съ 23 Октября по 14 Декабря, сначала въ авангардѣ генерала Седморацкаго «на аванпостахъ и стычкахъ съ непріятелемъ», а затѣмъ при главнокомандующемъ Беннигсенѣ, при которомъ состоялъ и во время сраженія при Пултускѣ. По словамъ Дениса Давыдова, съ извѣстіемъ объ этой побѣдѣ курьеромъ въ Петербургъ былъ посланъ В. Ф. Васильевъ, а въ родѣ Васильевыхъ хранится образъ и блюдо, поднесенные жителями столицы вѣстнику этого радостнаго событія. Вслѣдъ затѣмъ, 25 Декабря 1806 г. Васильевъ былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ обратно въ Кавалергардскій полкъ, а 1 Января 1807 г. произведенъ въ ротмистры и участвовалъ съ полкомъ въ походѣ въ Пруссію. 13 Января 1808 г. гр. Васильевъ былъ уволенъ «за болѣзнью» отъ службы, съ производствомъ въ полковники, имѣя ордена св. Владиміра 4 ст. и св. Іоанна Іерусалимскаго. Въ томъ же году, переименованный въ колл. совѣтники, онъ снова былъ опредѣленъ на службу и назначенъ командиромъ С.-Петербургской полицейской драгунской команды. 7 Апрѣля 1811 г. гр. Васильевъ былъ переименованъ въ полковники и назначенъ полиціймейстеромъ С.-Петербурга. Въ этотъ періодъ времени онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Вел. Кн. Константина Павловича и былъ къ нему очень близокъ.

Такъ какъ Васильевъ не участвовалъ въ походахъ 1812—14 гг. и оставался въ Петербургѣ, его надзору поручено было хозяйство Цесаревича въ Стрѣлиной мызѣ на время отсутствія Вел. Князя, находившагося въ арміи, и ввѣрены попеченіе и заботы о близкихъ и дорогихъ Цесаревичу лицахъ. Въ цѣломъ рядѣ писемъ Вел. Князя къ Васильеву, интересныхъ какъ для характеристики отношеній Цесаревича къ гр. Васильеву, такъ и личности писавшаго, Константинъ Павловичъ постоянно касается тѣхъ близкихъ его сердцу лицъ, заботы о которыхъ были поручены гр. Васильеву, при чемъ Цесаревичъ именуетъ себя «correspondant», а Васильева «éditeur bulletanique»... «Toutes les attentions que vous voulez bien témoigner à m-me Friderichs sont une marque d'amitié pour moi, et je vous en remercie bien sincèrement», писалъ Цесаревичъ. «Mes embrassements à mon petit. Dites-lui que je l'aime beaucoup, beaucoup»... «Depuis le 8 Juin (1813 г.) m-me F. est avec moi, et je suis très heureux chez moi; il ne me manque que le garçon; que serais-je heureux d'avoir toute ma famille avec moi à Strelna et vous y recevoir, vous autres amis». Вообще Цесаревичъ желалъ скорѣйшаго мира, скептически относился и рѣзко критиковалъ современное направленіе политики, считая ее несогласной съ русскими интересами, и не сочувствовалъ войнѣ, имѣвшей цѣлью низложеніе Наполеона и реставрацію Бурбоновъ, усматривая въ этомъ даже «le jacobinisme de Staël, Laharpe, etc.»..., при чемъ самое время казалось ему похожимъ на конецъ царствованія Екатерины II, «qui très brillant en scèneries, n'a été rien autre chose, comme l'on dit vulgairement, que de la poudre aux yeux»... «Le maréchal immortel n'a jamais voulu avancer», скорѣйшій миръ необходимъ и для общаго спокойствія и для Россіи: «la paix seule peut cicatriser les plaies de notre chère Russie».... «Fasse le Ciel que cela se passe à l'amiable, et que la paix suive et mette fin à cette guerre qui, à mon avis, n'a ni tête, ni queue. Vous ne vous faites pas d'idée, combien nous avons de mécontents à l'armée»... «Le grand talent de l'homme est de savoir s'arrêter à temps»... Высказываясь такъ откровенно, такъ искренно критикуя и осуждая современное положеніе дѣлъ, извѣщая о своихъ огорченіяхъ и радостяхъ, сообщая разныя щекотливыя новости изъ Главной квартиры арміи, Цесаревичъ во многихъ письмахъ прибавлялъ: «Voilà une lettre qui doit être autodafiée»... «brûlez ma lettre tout de suite après la lecture»... «après la lecture de cette incendiaire, cher éditeur, brûlez cette lettre, ce pamphlet ou bien ce griffonnage»... [1]).

12 Декабря 1816 г. гр. Васильевъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ командиромъ 2-й бриг. 1-й гусарской дивизіи, а черезъ годъ (12 Дек. 1817 г.) назначенъ

---

[1]) Переписка эта закончилась такимъ коротенькимъ письмомъ, много лѣтъ спустя (года нѣтъ): «Je vous attends, M. le comte, demain matin à 5 heures précises chez moi, et j'espère que vous voudrez bien vous y rendre». П. И. Бартеневъ къ этому письму сдѣлалъ примѣчаніе, что это письмо «вызовъ на поединокъ, который былъ тотчасъ устраненъ».

состоять по кавалеріи. 23 Февраля 1820 г. переименованный въ д. ст. совѣтники гр. Васильевъ былъ назначенъ Тульскимъ гражд. губернаторомъ. Но здѣсь онъ прослужилъ уже недолго. 10 Ноября 1822 г. гр. В. П. Кочубей писалъ Императору Александру I: «Генералъ Балашовъ настоятельно просилъ меня объ удаленіи Томскаго губернатора Крюкова и *ір. Васильева*. Я предложилъ ему повременить до возвращенія Вашего Величества»....[1]). 31 Мая 1823 г. Тульскимъ губернаторомъ былъ назначенъ Кривцовъ. Остатокъ жизни гр. Васильевъ, психически больной, провелъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 6 Мая 1839 г. Онъ погребенъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, около алтаря церкви. Его жена пережила его на 30 лѣтъ и погребена тамъ же, у входа въ церковь, рядомъ съ сыномъ, гр. Алексѣемъ Владиміровичемъ Васильевымъ (1809—1895). Кромѣ одного сына, у гр. В. Ф. Васильева были 3 дочери: Софія (р. 1807 г.; за И. А. Пушкинымъ), Анна (р. 1809, † 1868; за Рахмановымъ) и Елизавета (р. 1810, † 1902; дѣвица). Гр. А. В. Васильевъ не оставилъ мужескаго потомства, и графскій титулъ 28 Февраля 1878 г. переданъ В. С. Шиловскому, женатому на его дочери, гр. Аннѣ Алексѣевнѣ Васильевой [2]).

А. Голомбіевскій.

Петръ Ивановичъ Балабинъ, 1779—, изъ дворянъ, старшій сынъ ген.-майора Ивана Тимофеевича, родился въ Петербургѣ 21 Апр. 1779 г. и въ 1784 г. зачисленъ въ службу сержантомъ; въ слѣдующемъ году, 6-и лѣтъ отъ роду, отправленъ въ Англію, гдѣ и воспитывался до 1790 года, когда вернулся въ Россію. 1 Января 1794 г. выпущенъ въ армію капитаномъ и съ этого времени по 1798 г. находился «въ кампаніяхъ на Черномъ морѣ,

Петръ Ивановичъ Балабинъ.

подъ командою вице-адмирала Ушакова, а съ этого года состоялъ при немъ адъютантомъ и участвовалъ въ войнѣ противъ французовъ, находился при штурмѣ Видо и взятіи Корфу, при чемъ употребленъ былъ Ушаковымъ для переговоровъ съ французами. Въ 1799 г. онъ былъ командированъ Ушаковымъ въ небольшой десантный отрядъ подполковн. Скипора, отправленный противъ отряда генерала Гарнье, занимавшаго Римскую область, при чемъ Балабинъ былъ уполномоченъ участвовать въ заключеніи капитуляцій съ французскими гарнизонами». «Въ этомъ», писалъ Ушаковъ Балабину, «даю я вамъ полную довѣренность».

Но ранѣе, чѣмъ отрядъ Скипоры успѣлъ подойти къ Риму, Гарнье, въ силу заключеннаго имъ съ неаполитанцами и англичанами договора, очистилъ Римъ, и 30 Сентября 1799 г. Скипора вступилъ въ Римъ. «Вчерашняго числа», доносилъ Балабинъ Ушакову, «съ малымъ нашимъ корпусомъ вошли мы въ Римъ. Восторгъ, съ какимъ насъ встрѣтили жители, дѣлаетъ величайшую честь и славу россіянамъ. Отъ самыхъ воротъ св. Іоанна до солдатскихъ квартиръ обѣ стороны улицъ были усѣяны обывателями обоего пола. Даже съ трудомъ могли проходить наши войска. «*Виватъ Павло примо! Виватъ московито!*» было провозглашаемо повсюду съ рукоплесканіями». Проведя въ Римѣ четыре недѣли, отрядъ нашъ выступилъ въ обратный путь 29 Октября. Затѣмъ Ушаковъ возлагалъ еще рядъ важныхъ порученій на Балабина. «Онъ былъ», пишетъ Мих.-Данилевскій, «самымъ приближеннымъ лицемъ къ Ушакову и пользовался его полною довѣренностью». Ушаковъ испрашивалъ въ награду Балабину ордена св. Георгія и Вла-

---

[1]) «Вчера мнѣ сказывали», писалъ 15 Іюня 1822 г. А. Е. Булгаковъ, «что Васильевъ, губернаторъ Тульскій, такъ явно и безстыдно сталъ жить съ женой бывшаго тамошняго полицеймейстера Валуева, давая ей праздники и разоряясь на нее, что жена его, не могши болѣе терпѣть, его оставила и пріѣхала сюда къ брату своему. Говорятъ, что онъ, по требованію Балашова, оставляетъ и мѣсто свое». (Р. Арх., 1901/I, 420).

[2]) Полк. арх.; Леф. арх., Форм. сп. 1807 г., кн. 1; М. арх. М. И. д., IV—4—1801—9; IV—13—1802—14; Д. Давыдовъ, Сочиненія, I, 115; Письма В. Кн. Константина Павловича, въ Р. Архивѣ, 1882/I, 126—159; Р. Стар., 1881/XII, 882; 1893/III, 574, 578; Руммель и Голубцовъ, I, 164—166; Долгоруковъ, II, 222; Зап. С. Г. Волконскаго, 60; Надгр. надписи на Ваганьковскомъ кладбищѣ въ Москвѣ; Свѣдѣнія, сообщенныя граф. А. А. Васильевой-Шиловской.

диміра 4 ст., но получилъ онъ только орденъ св. Анны 4 степ.

16 Мая 1801 г. Балабинъ былъ переименованъ въ лейтенанты Черноморскаго флота, съ оставленіемъ адъютантомъ у адмирала Ушакова, а затѣмъ отправленъ въ Петербургъ «въ Морской комитетъ для сочиненія журналовъ», подъ руководствомъ в.-адм. Шишкова. 4 Сентября 1802 г. онъ былъ переведенъ, «по выбору и представленію» Ф. П. Уварова, поручикомъ въ кавалергарды, чрезъ недѣлю (11 Сентября) произведенъ шт.-ротмистромъ, чрезъ двѣ недѣли (28 Сент.) назначенъ полковымъ адъютантомъ. Обязанности полкового адъютанта Балабинъ исполнялъ по 26 Мая 1803 г., когда, «по словесному приказанію Цесаревича», уволенъ отъ должности; 19 Іюня того же года произведенъ ротмистромъ и назначенъ командующимъ «генеральскимъ» (5-мъ) эскадрономъ. Балабинъ выступилъ въ походъ 1805 г. съ полкомъ, но 26 Сентября откомандированъ адъютантомъ къ Ф. П. Уварову, при которомъ и находился въ Аустерлицкомъ сраженіи, за которое получилъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. 18 Сентября 1806 г. произведенъ полковникомъ. При выступленіи полка въ Прусскій походъ Балабинъ былъ вновь откомандированъ (21 Февраля 1807 г.) адъютантомъ къ Уварову, съ коимъ участвовалъ въ дѣлахъ при Шарникѣ и Квецѣ (24 Мая), Анкендорфѣ и Депенѣ (25-го) и награжденъ золотою шпагою, а за дѣло при Вольфсдорфѣ (26-го) и за Гейльсбергское сраженіе орденомъ *св. Георгія* 4 ст. [1]). Подъ Фридландомъ, когда сраженіе еще не было кончено, но уже нельзя было сомнѣваться въ его потерѣ, Уваровъ послалъ Балабина прямо отъ себя съ словеснымъ донесеніемъ къ Александру I, котораго онъ и засталъ близъ Юрбурга. Уже нѣсколькими часами ранѣе получилъ Государь донесенія потерявшихъ голову Беннигсена и дипломатическаго чиновника Цизмера. По возвращеніи изъ похода, Балабинъ (8 Ноября 1807 г.) вновь принялъ 5-й эскадронъ, но уже 20 Января 1808 г. сдалъ его и въ Февралѣ отправился съ Ф. П. Уваровымъ въ Финляндію, гдѣ находился при занятіи Тавасгуста и Свартгольма. Въ Августѣ того же года Балабинъ былъ посланъ въ Парижъ къ Наполеону съ извѣщеніемъ о согласіи Государя на Эрфуртское свиданіе. Балабинъ прибылъ въ Парижъ 29 Августа и на другой же день былъ представленъ Наполеону, а 31-го имѣлъ у него частную аудіенцію [1]). 7 Сентября Балабинъ отправился назадъ со словеснымъ отвѣтомъ Наполеона навстрѣчу къ выѣхавшему уже Государю, коего нашелъ въ Веймарѣ. Балабинъ сопровождалъ Государя въ Эрфуртъ, а оттуда до Веймара. Изъ Веймара онъ былъ посланъ съ письмами къ Императрицамъ въ Петербургъ, гдѣ и узналъ о пожалованіи своемъ 1 Октября флигель-адъютантомъ. Во время пребыванія въ Россіи прусской королевской четы онъ былъ назначенъ состоять при братѣ короля, принцѣ Вильгельмѣ, отъ котораго получилъ бриллiантовую табакерку при весьма любезномъ письмѣ.

Балабинъ оставался въ Петербургѣ безотлучно до Декабря 1811 г., когда былъ командированъ на Уралъ для осмотра поселенія казаковъ впереди Илецкой-Защиты. Едва успѣлъ онъ возвратиться изъ этой поѣздки, какъ въ Февралѣ 1812 г. на него было возложено устройство дежурства при «Обсерваціонномъ корпусѣ», формировавшемся въ Гродненской губерніи, но формированіе этого корпуса вскорѣ было отмѣнено. Въ Іюлѣ Балабинъ былъ откомандированъ въ Ригу къ г.-л. Эссену, а съ Сентября къ гр. Штейнгелю. Послѣ дѣла при Ушазѣ (7 Окт.) Балабинъ «поѣхалъ въ Петербургъ для личнаго объясненія Императору Александру по разнымъ обстоятельствамъ того времени». Затѣмъ онъ былъ прикомандированъ къ князю П. М. Волконскому, при его отправленіи для повѣрки донесенія и дѣйствій подполк. Дибича (брата фельдмаршала), формировавшаго въ Витебской губерніи «легіона» изъ плѣнныхъ, и былъ посланъ Волконскимъ со словеснымъ донесеніемъ къ Государю. Изъ Петербурга Балабинъ былъ откомандированъ въ Ригу къ маркизу Паулуччи. По прибытіи Государя къ арміи, Балабинъ вошелъ въ составъ Главной квартиры. 13 Сентября 1813 г. онъ былъ произведенъ генералъ-майоромъ и командированъ въ отрядъ бар. Розена, блокировавшаго Глогау, для исправленія должности дежурнаго штабъ-офицера. По прибытіи къ отряду (15/т. ополченія), Балабинъ немедленно

---

[1]) «Полк. Балабинъ и шт.-ротм. Чернышевъ находились 26 Мая при д. Вольфсдорфѣ, 29-го въ сраженіи при Гейльсбергѣ и при Фридландѣ 2 Іюня, посылаемы были имъ, г.-л. Уваровымъ, съ приказаніями, которыя производили съ особенною дѣятельностью и рвеніемъ подъ картечными выстрѣлами въ самомъ жесточайшемъ огнѣ, и рекомендуются имъ, генералъ-лейтенантомъ, какъ отличные, храбрые и неустрашимые офицеры, которые во всѣхъ дѣлахъ были ему совершенными помощниками. Баронъ Беннигсенъ». (Леф. арх., оп. 152, св. 563, д. 75).—За кампанію получилъ и прусскій «Пурлемеритъ».

[1]) Сборникъ, LXXXIX, 660. — «M. le comte. Le colonel Balabin arriva à Paris le 10, à minuit. Il eut le lendemain l'honneur de remettre à S. M. l'Empereur la lettre dont il était porteur... Monsieur Balabin vous rendra verbalement compte du désir qu'a témoigné l'empereur Napoléon de posséder l'Empereur Alexandre à Paris». (Гр. Толстой—гр. Румянцеву 7/19 Сентября 1808 г.; тамъ же, 689 и 690).

приступилъ «къ снабженію его всѣми потребностями, начиная съ одежды и обуви, и успѣлъ въ этомъ, несмотря на встрѣчавшіеся на каждомъ шагу затрудненія и недостатки, израсходовавъ деньгами только 13/т. руб.». Онъ оставался подъ Глогау до сдачи ея на капитуляцію 17 Апр. 1814 г. и былъ награжденъ орд. св. Владиміра 4-й степ., а также получилъ Прусскій орд. Краснаго Орла 2 ст. Въ 1815 г., во время вторичнаго похода къ Парижу, назначенъ командиромъ 2 бриг. 2 Драгунск. дивизіи, а затѣмъ командиромъ 1 бриг. 3 Драг. дивизіи, вошедшей въ составъ оккупаціоннаго корпуса гр. М. С. Воронцова. Пробывъ во Франціи около 2½ лѣтъ, Балабинъ 7 Янв. 1818 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью, съ мундиромъ. 16 Ноября 1826 г. вновь поступилъ на службу начальникомъ Петербургскаго жандармскаго округа; въ 1827 г. награжденъ орд. св. Анны 1 ст., въ 1832 г. тѣмъ же орденомъ съ Имп. короной и 10 Февраля того же года уволенъ по болѣзни въ отставку генералъ-лейтенантомъ, съ мундиромъ и полной пенсіей.

Балабинъ былъ женатъ на дочери эмигранта де-Пари, «милой, умной, доброй и смиренной женщинѣ». Имѣлъ дѣтей: Ивана (женатъ на Уваровой), Виктора (дипломатъ), Евгенія (перешелъ въ католичество), Елизавету (фрейлина; замужемъ за кн. В. Н. Репнинымъ) и Марію (за докторомъ Ал. Львов. Вагнеромъ).

По словамъ княжны В. Н. Репниной, Балабинъ былъ «оригинальнаго характера, честный и прямой человѣкъ. По настоянію Императора Николая, онъ надѣлъ жандармскій мундиръ, но, кажется, не долго вынесъ его. Я помню, что на вопросъ Н. К. Загряжской генеральшѣ Мердеръ (которая воспитывалась вмѣстѣ съ Варварой Осиповной у кн. Шаховской), почему Балабинъ подалъ въ отставку, она отвѣчала: «Parce que cet uniforme lui pesait» [1]).

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, 1784—1837, происходилъ изъ стараго дворянскаго рода, который ведетъ свое начало отъ знатнаго мурзы Минчака, сына мурзы Косая, въ первыхъ годахъ XV вѣка выѣхавшаго изъ Большой Орды на службу къ Вел. Князю Василію Дмитріевичу и принявшаго крещеніе съ именемъ Симеона Косаевича [1]). Сынъ Минчака, Давыдъ Семеновъ Минчаковъ, положилъ начало роду Давыдовыхъ, которые долгое время именовались Давыдовыми-Минчаковыми [2]). Давыдовъ родился въ Москвѣ 16 Іюля 1784 г. [3]). Отецъ его, Василій Денисовичъ, женатый на дочери генералъ-поручика Щербинина, Еленѣ Евдокимовнѣ, командовалъ Полтавскимъ легкоконнымъ полкомъ и, владѣя значительными помѣстьями въ Орловской и Московской губерніяхъ, былъ однимъ изъ зажиточныхъ людей своего времени. Принадлежа къ служилому дворянству и будучи, отчасти лично, отчасти черезъ жену, знакомъ съ многими видными дѣятелями славнаго Екатерининскаго вѣка, онъ воспитывалъ сына въ духѣ стародворянскихъ традицій. Въ гостепріимномъ домѣ Давыдовыхъ, отличавшихся широкимъ русскимъ хлѣбосольствомъ, встрѣчались и обмѣнивались разговорами представители этой блестящей эпохи. Несомнѣнно, что эти разговоры и разсказы отца заронили въ душу ребенка искру того патріотизма, которымъ всю жизнь отличался Давыдовъ. Въ этой атмосферѣ мальчикъ основательно ознакомился съ историческимъ прошлымъ своей родины и съ дѣяніями своихъ предковъ. Впослѣдствіи

Д. В. Давыдовъ.

Давыдовъ не разъ вспоминалъ свое знатное татарское происхожденіе, называя себя то «потомкомъ Батыя» [4]), то «исчадьемъ Чингисхана» [5]). Обстановка, окружавшая Давыдова

---

[1]) Полк. архивъ; Полк. приказы 26 Мая и 17 Окт. 1803 г.; Леф. арх.; Форм. сп. 1814 г., кн. 1; оп. 152, св. 563, дд. 74 и 75; оп. 160, св. 122, д. 267; оп. 206, св. 1, л. 30; Мих.-Данилевскій, «Сподвижники», VI; Сборникъ, LXXXIX, 660, 689—691; Tatistcheff, 428; Р. Арх., 1890/X, 227; Зап. Смирновой, 41.

[1]) Долгоруковъ, IV, 429.
[2]) Петровъ, Исторія родовъ р. дворянства, 297.
[3]) Сочиненія Д. В. Давыдова, изд. 1893 г., I, 1.
[4]) Стихотвореніе Д. Давыдова: «Графу П. А. Строганову».
[5]) Сочиненія, II, 100.

въ лѣтнее время, поддерживала въ немъ присущую каждому живому ребенку наклонность къ войнѣ и военнымъ играмъ. «Съ семилѣтняго возраста», разсказываетъ самъ Давыдовъ, «я жилъ подъ солдатской палаткой... Забавы дѣтства моего состояли въ метаніи ружьемъ и въ маршировкѣ, а верхъ блаженства—въ ѣздѣ на казачьей лошади» [1]). Во время ранняго дѣтства Давыдову удалось видѣть Екатерину II, Румянцова, Потемкина, Безбородка и говорить съ Суворовымъ [2]). Этотъ разговоръ оставилъ неизгладимый слѣдъ въ душѣ ребенка и имѣлъ рѣшающее значеніе на всю его будущность. Спустя много лѣтъ, Давыдовъ воспроизвелъ всѣ подробности этой бесѣды съ такой яркостью, какъ будто она происходила наканунѣ. Семья Давыдовыхъ жила въ 1793 г. въ с. Грушевкѣ Полтавской губерніи, гдѣ былъ расположенъ Полтавскій легко-конный полкъ. Сюда долженъ былъ прибыть на маневры Суворовъ. Завидѣвъ скачущаго во всю прыть полководца, о которомъ ходило уже много разсказовъ, Давыдовъ, выбѣжавшій вмѣстѣ съ братомъ изъ палатки, замеръ отъ восторга. «Поздоровавшись съ нами», разсказываетъ Давыдовъ, «Суворовъ спросилъ у отца моего наши имена; подозвавъ насъ къ себѣ еще ближе, онъ благословилъ насъ весьма важно, протянулъ каждому изъ насъ свою руку, которую мы поцѣловали, и спросилъ меня: «Любишь ли ты солдатъ, другъ мой»? Я со всѣмъ порывомъ дѣтскаго восторга мгновенно отвѣчалъ ему: «Я люблю графа Суворова; въ немъ все,— и солдаты, и побѣды, и слава»!—«О, помилуй Богъ, какой удалой»! сказалъ онъ, «это будетъ военный человѣкъ; я не умру, а онъ уже три сраженія выиграетъ»! [3]). Предсказаніе великаго человѣка, еще разъ имъ повторенное во время пребыванія Суворова въ домѣ Давыдовыхъ, такъ глубоко запало въ душу ребенка, что, когда отцу Давыдова, спустя много лѣтъ, предложили записать сына на службу въ Иностранную коллегію, Денисъ рѣшительно отказался и не хотѣлъ избрать другого поприща, кромѣ военнаго. Непосредственнымъ результатомъ этой бесѣды съ Суворовымъ было то, что маленькій Давыдовъ «бросилъ псалтырь, замахалъ саблею, выкололъ глазъ дядькѣ, проткнулъ шлыкъ нянѣ и отрубилъ хвостъ борзой собакѣ» [4]). Не безъ труда удалось заставить его вновь приняться за ученіе. Нужно замѣтить, впрочемъ, что ученіе это было очень поверхностное, и запасъ свѣдѣній, вынесенныхъ Давыдовымъ изъ родительскаго дома, очень невеликъ. Первое мѣсто въ учебной программѣ дворянской семьи того времени занимали музыка, танцы и, въ особенности, сильно распространенный тогда въ обществѣ французскій языкъ, который Давыдовъ изучилъ въ ущербъ родной рѣчи столь основательно, что долгое время не могъ освободиться отъ галлицизмовъ, испещрявшихъ его первыя литературныя произведенія.

Семья Давыдовыхъ жила зимой въ Москвѣ, уѣзжая лѣтомъ или въ Орловское помѣстье, или въ свое подмосковное имѣніе, с. Бородино — то самое Бородино, гдѣ впослѣдствіи Давыдову пришла безсмертная мысль о партизанской войнѣ. «Здѣсь я провелъ»—разсказываетъ онъ — «безпечныя лѣта моего дѣтства и ощутилъ первые порывы къ любви и славѣ». Любимымъ его занятіемъ въ это время была охота; обычнымъ отдохновеніемъ — чтеніе описаній подвиговъ русскаго войска, совершавшаго тогда свой безсмертный походъ по Италіи, подъ начальствомъ Суворова [1]).

Въ одинъ изъ своихъ зимнихъ пріѣздовъ въ Москву Давыдовъ познакомился съ воспитанниками Университетскаго благороднаго пансіона. Новые товарищи дали ему почитать бывшій тогда въ большомъ ходу сборникъ, издаваемый Н. М. Карамзинымъ: «Аониды или сборникъ разныхъ новыхъ стихотвореній». Этотъ сборникъ, три тома котораго вышли въ свѣтъ между 1796—97 гг., издававшійся по образцу подобныхъ же иностранныхъ альманаховъ, заключалъ въ себѣ произведенія лучшихъ тогдашнихъ поэтовъ. Знакомыя имена, встрѣченныя Давыдовымъ въ сборникѣ, навели его на мысль испробовать свои силы на литературномъ поприщѣ. Конечно, первые опыты были весьма неудачны: мысли не укладывались въ должной послѣдовательности, не давалась и риѳма. Результатомъ этой борьбы явилась небольшая пьеса въ сантиментальномъ духѣ: «Пастушка Лиза». Тѣмъ не менѣе, Давыдовъ не падалъ духомъ. Завязавшіяся и не прекращавшіяся на всю жизнь литературныя знакомства, тотъ интересъ, который проявляло общество къ литературнымъ занятіямъ, и свой собственный, несомнѣнно яркій и оригинальный, талантъ сдѣлали свое дѣло: Давыдовъ продолжалъ писать и стихами и прозою, а богатая всякими приключеніями жизнь предоставила въ его распоряженіе разнообразный матеріалъ.

Въ началѣ 1801 г., Давыдовъ, покинувъ родную Москву, пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ зачисленъ, не безъ затрудненія, благодаря своему небольшому росту, въ Кавалер-

---

[1]) Сочиненія, I, 81.
[2]) Тамъ же.
[3]) Сочиненія, I, 98 и 102.
[4]) Тамъ же, I, 1.

[1]) Сочиненія, II, 32 и 33.

гардскій полкъ эстандартъ-юнкеромъ. Самъ Давыдовъ передаетъ это событіе такимъ образомъ: «Наконецъ, привязали недоросля нашего къ огромному палашу, опустили его въ глубокіе ботфорты и покрыли святилище поэтическаго его генія мукóю и треугольною шляпою» [1]). Въ первое же посѣщеніе молодымъ кавалергардомъ своего двоюроднаго брата А. М. Каховскаго, сына извѣстнаго Екатерининскаго генерала, Давыдову пришлось услышать нѣсколько горькихъ истинъ относительно недостаточности и даже почти полнаго отсутствія спеціальнаго военнаго образованія. —«Что за солдатъ, братъ Денисъ»,—сказалъ ему, между прочимъ, Каховскій, — «который не надѣется быть фельдмаршаломъ! А какъ тебѣ снести званіе это, когда ты не знаешь ничего того, что необходимо знать штабъ-офицеру» [2]). Слова и насмѣшки эти не пропали даромъ. Со всѣмъ пыломъ своего увлекающагося характера принялся Давыдовъ за изученіе военныхъ наукъ, насколько ему дозволяли это служба и стѣсненныя матеріальныя обстоятельства. Какъ разъ въ это время отецъ Давыдова попалъ подъ судъ, имѣніе его было конфисковано, и семья Давыдовыхъ терпѣла немалую нужду. Давыдову нерѣдко приходилось питаться однимъ картофелемъ. Находясь во внутреннихъ караулахъ въ Кавалергардскомъ залѣ Зимняго дворца, молодой человѣкъ свелъ довольно близкое знакомство съ семеновцемъ Дибичемъ,—впослѣдствіи фельдмаршаломъ,—матеріальное положеніе котораго въ ту пору было также не блестящее. Здѣсь, въ бесѣдѣ съ глазу на глазъ, у молодыхъ людей возникла мысль брать уроки у нѣкоего майора Торри, служившаго прежде при Бертье, въ главномъ штабѣ Бонапарта, и выдававшаго себя за необыкновенно свѣдущаго спеціалиста. Они осуществили эту мысль и, стоя въ караулѣ, взаимно провѣряли другъ друга. Параллельно съ этими занятіями шли литературныя упражненія, и муза юнаго поэта пріобрѣтаетъ сатирическое направленіе. «Давыдовъ, кавалеристъ, написалъ двѣ басни, которыя тебѣ отправляю съ первымъ курьеромъ», писалъ гр. М. С. Воронцову 27 Октября 1803 г. С. Н. Маринъ, самъ поэтъ. «Маленькому Денису», извѣщалъ тотъ же Маринъ 24 Января 1804 г., «мыли за стихи голову: онъ написалъ «Сонъ», гдѣ всѣхъ ругаетъ безъ милосердія» [3]).

Наконецъ, двѣ басни, «Рѣка и Зеркало» и «Человѣкъ и Ноги», были доведены до свѣдѣнія начальства, и юный поэтъ, успѣвшій въ это время послѣдовательно получить чины корнета (9 Сент. 1802 г.) и поручика (2 Ноября 1803 г.), долженъ былъ разстаться со столицей и блестящимъ полкомъ и 13 Сентября 1804 г. перейти на службу въ Бѣлорусскій гус. полкъ, расположенный тогда въ Кіевской губерніи, въ окрестностяхъ г. Звенигородки. Не оставляя и тамъ своихъ литературныхъ занятій, молодой поручикъ, со всѣмъ пыломъ нерастраченныхъ силъ, пустился въ вихрь удовольствій. Къ этому времени относится его дружба съ типичнымъ представителемъ гусарства того времени, Бурцевымъ, которому поэтъ посвятилъ нѣсколько стихотвореній, прославляющихъ беззаботно-разгульную жизнь гусарской молодежи.

Но эта разсѣянная жизнь всего менѣе могла удовлетворить честолюбиваго молодого человѣка, уже «съ дѣтства мечтавшаго о боевой службѣ» [1]) и объ отличіяхъ на полѣ брани. Оставшіеся въ Петербургѣ его друзья, съ командиромъ эскадрона Лейбъ-Гусарскаго полка кн. Б. А. Четвертинскимъ во главѣ, не щадили усилій, чтобы устроить переводъ Давыдова въ столицу. Усилія эти, наконецъ, увѣнчались успѣхомъ. Въ 1806 г., 4 Іюля, Давыдовъ былъ переведенъ въ лейбъ-гусары поручикомъ [2]) и въ началѣ Сентября былъ уже въ Павловскѣ. «Мы жили ладно», разсказываетъ объ этой эпохѣ Давыдовъ, «у насъ было болѣе дружбы, чѣмъ службы, болѣе разсказовъ, чѣмъ дѣла, болѣе золота на ташкахъ, чѣмъ въ ташкахъ, болѣе шампанскаго (разумѣется, въ долгъ), чѣмъ печали, всегда веселье и всегда навеселѣ» [3]).

Пораженіе пруссаковъ при Іенѣ и Ауерштетѣ побудило Императора Александра подать помощь разбитому союзнику. Къ величайшей радости Давыдова, въ обществѣ заговорили о войнѣ и предстоящемъ походѣ въ Пруссію. Какъ на особенно популярномъ главнокомандующемъ, Государь остановился на фельдмаршалѣ гр. Каменскомъ. Давыдовъ бросился въ Петербургъ, изыскивая всѣ способы прикомандироваться къ какому-либо полку, назначенному въ походъ, или попасть въ адъютанты къ гр. Каменскому. Скоро ему пришлось убѣдиться, что всѣ его старанія, безъ чьей-либо вліятельной протекціи, не приведутъ ни къ чему.

«Колонны батюшекъ и бабушекъ, дядюшекъ и тетушекъ», разсказываетъ Давыдовъ, «какъ будто войско, принадлежащее Напо-

---

[1]) Сочиненія, I, 2.
[2]) Тамъ же, 2 и 3.
[3]) Архивъ Воронцова, XXXV, 413, 421.—Упомянутыя двѣ басни были: «Голова и Ноги» и «Рѣка и Зеркало»; стихотвореніе «Сонъ» не сохранилось.

[1]) Сочиненія, I, 118.
[2]) Манзей, III, 46.
[3]) Сочиненія, I, 109: «Встрѣча съ фельдм. гр. Каменскимъ».

леону, лѣзли на приступъ № 9 Сѣверной гостинницы, гдѣ остановился фельдмаршалъ. Всякій просилъ о своемъ кровномъ»... [1]). Тогда Давыдовъ, съ присущей ему смѣлостью и оригинальностью, не задумался сдѣлать ночью «набѣгъ» на квартиру престарѣлаго, болѣзненнаго фельдмаршала, отличавшагося къ тому же строптивымъ и вспыльчивымъ характеромъ. Изумленный старикъ сначала не могъ прійти въ себя отъ негодованія, но потомъ, разговорившись съ Давыдовымъ и узнавъ его фамилію, припомнилъ его отца и дѣда, съ которымъ былъ большимъ пріятелемъ. Въ концѣ концовъ гр. Каменскій обѣщалъ исполнить просьбу Давыдова о назначеніи его въ дѣйствующую армію. Однако, и фельдмаршалу было отказано въ этомъ назначеніи. Оставался еще одинъ путь, къ которому Давыдовъ и не замедлилъ прибѣгнуть. Сестра его пріятеля и эскадроннаго командира кн. Четвертинскаго, М. А. Нарышкина, пользовалась особымъ расположеніемъ Александра I. Своеобразныя манеры и оригинальная наружность Давыдова, его литературныя занятія давно уже останавливали на себѣ вниманіе Нарышкиной, будто бы видѣвшей въ глазахъ поэта «la flamme de l'immortalité» [2]). Послѣдняя рискованная выходка Давыдова еще болѣе возвысила его въ глазахъ Марьи Антоновны, и она обѣщала выхлопотать ему назначеніе.

Командиромъ авангарда дѣйствующей арміи былъ назначенъ кн. Багратіонъ, лично знакомый съ М. А. Нарышкиной. Передъ отъѣздомъ въ армію Багратіонъ сдѣлалъ визитъ Нарышкиной, и, по ея просьбѣ, взялъ себѣ въ адъютанты Давыдова (5 Дек. 1806 г.) [3]). Такъ, наконецъ, осуществилась завѣтная мечта его попасть въ дѣйствующую армію.

3 Января 1807 г. Давыдовъ выѣхалъ изъ Петербурга и 15 былъ уже въ Либштадтѣ, гдѣ засталъ Главную квартиру арміи [4]). Прибывъ на Морунгенскую равнину, гдѣ только-что произошло дѣло, онъ былъ потрясенъ видомъ груды искаженныхъ и обезображенныхъ тѣлъ и не могъ спать всю ночь. Давыдовъ имѣлъ случай видѣть всѣ части отступающей арміи, познакомиться съ ихъ командирами и изучить настроеніе солдатъ. «Въ сѣдлѣ, при блескѣ бивачнаго огня», онъ находилъ время заносить въ свою памятную книжку всѣ достойныя вниманія перипетіи этого похода.

Наша армія, тѣснимая Наполеономъ, медленно отступала къ Прейсишъ-Эйлау и 23 Января расположилась близъ д. Вольфсдорфъ. 24-го Багратіону пришлось прикрывать дальнѣйшее отступленіе отъ Вольфсдорфа къ Зандебергу. На разсвѣтѣ непріятель атаковалъ нашъ арріергардъ и вынудилъ Багратіона принять бой. Давыдовъ выпросился въ передовую цѣпь и здѣсь, въ первой перестрѣлкѣ съ непріятельскими фланкерами, получилъ свое боевое крещеніе. Возвратясь съ этой сшибки къ своему генералу, Давыдовъ, полный еще боевыхъ впечатлѣній, неожиданно былъ посланъ къ 5-му Егерскому полку, съ приказаніемъ немедленно отступать къ Дитрихсдорфу. Это распоряженіе очень огорчило пылкаго штабсъ-ротмистра и показалось ему ошибочнымъ. Отправляясь исполнить порученіе князя, Давыдовъ только и думалъ о томъ, какъ бы исправить ошибку. Ему пришло въ голову ударить на непріятеля съ передовою цѣпью, опрокинуть его и увлечь за собой весь 5-й Егерскій полкъ, начавшій уже отступать. Тогда, увидѣвъ это, и самъ Багратіонъ, по предположенію Давыдова, долженъ былъ подкрѣпить его всѣмъ арріергардомъ. Какъ у всякаго не въ мѣру нервнаго и увлекающагося человѣка, появившаяся въ головѣ мысль повлекла за собой немедленное исполненіе. Подговоривъ горсть казаковъ, гусаръ и уланъ, Давыдовъ смѣло бросился на непріятеля, смялъ его и началъ преслѣдовать. Скоро на выручку своимъ подоспѣли французскіе драгуны, и нашимъ храбрецамъ пришлось спасаться въ свою очередь. Доскакавъ до лѣса, гдѣ незадолго до того были паши егеря, Давыдовъ считалъ себя уже въ безопасности, но неожиданно столкнулся съ шестью французскими конно-егерями. Первымъ же ихъ выстрѣломъ была ранена лошадь Давыдова. Положеніе его стало критическимъ. Одинъ изъ конно-егерей схватилъ край раздувавшейся его шинели и чуть не стащилъ его съ лошади. Къ счастію, пуговица разстегнулась, и шинель осталась въ рукахъ француза. Наконецъ, лошадь Давыдова пала, и гибель была бы неизбѣжна, если бы его не выручили случившіеся въ этомъ лѣсу казаки [1]). Князь Багратіонъ, сильно безпокоившійся за участь своего адъютанта, былъ очень обрадованъ, увидавъ его невредимымъ, и представилъ его, не сдѣлавъ даже выговора, къ ордену св. Владиміра 4 степ. съ бантомъ. Слѣдующимъ послѣ Вольфсдорфа дѣломъ, въ которомъ Давыдову пришлось принимать участіе, было дѣло

---

[1]) Сочиненія, I, 110.
[2]) Р. Старина, т. V, 630.
[3]) Манзей, III, 46.
[4]) Сочиненія, I, 120.

[1]) Соч. Д. Давыдова, «Урокъ сорванцу». Статья эта раньше была напечатана подъ характернымъ для скромности автора заглавіемъ: «О томъ, какъ я, будучи штабсъ-ротмистромъ, хотѣлъ разбить Наполеона».

подъ Ландсбергомъ (26 Января), гдѣ большія непріятельскія массы напирали на нашъ слабый арріергардъ, грозя отрѣзать его отъ главной арміи, отступавшей къ Прейсишъ-Эйлау. Въ сильномъ нервномъ возбужденіи Давыдовъ, вмѣстѣ съ другими лицами штаба, не смыкалъ почти глазъ въ теченіе 4 сутокъ, удивляясь присутствію духа своего генерала, сдѣлавшагося его любимымъ героемъ. Бой завязался на открытой полянѣ, и потому скоро сказалась нужда въ кавалеріи. Давыдовъ былъ посланъ въ Главную квартиру просить подкрѣпленія, и Беннигсенъ приказалъ ему взять два первые попавшіеся полка. Съ Петербургскимъ драгунскимъ и Литовскимъ уланскимъ полками поспѣшилъ онъ на выручку арріергарда. Обрушившись на непріятеля, наши драгуны разсѣяли 18 линейный полкъ и взяли одного орла. Тѣмъ не менѣе, превосходныя силы французовъ оттѣснили нашъ арріергардъ къ Эйлау. Въ этомъ бою, Давыдовъ, какъ адъютантъ Багратіона, принималъ живѣйшее участіе.

Въ весенней кампаніи Давыдовъ принималъ участіе въ дѣлахъ подъ Альткирхомъ, подъ Деппеномъ, подъ Гейльсбергомъ, при чемъ получилъ орденъ св. Анны 2 ст. За Фридландъ Давыдовъ былъ награжденъ золотымъ оружіемъ [1]).

Находясь постоянно среди войскъ, живя съ ними одной жизнью, Давыдовъ раздѣлялъ

Д. В. Давыдовъ.

естественное и общее тогда чувство негодованія противъ французовъ и ихъ вождя. 8 Іюня въ Главную квартиру Беннигсена пріѣхалъ адъютантъ маршала Бертье, Луи Перигоръ, для переговоровъ о мирѣ. Ссылаясь на французскій воинскій уставъ, Перигоръ въ полной формѣ, въ медвѣжьей шапкѣ, вошелъ въ комнату, гдѣ находились наши генералы, и не пожелалъ снять шапки даже во время обѣда. «Если бы мы сбили шапку съ головы Перигора», съ негодованіемъ замѣчаетъ по этому поводу Давыдовъ, «изъ головы Наполеона вылетѣло бы нѣсколько статей мирнаго трактата. Дѣло было въ шапкѣ» [1]). Во время Тильзитскаго свиданія Давыдовъ съ берега наблюдалъ въ подзорную трубу и видѣлъ, какъ два недавнихъ противника, Александръ и Наполеонъ, одновременно сошлись на плоту, среди Нѣмана. Какъ это, такъ и послѣдующія свиданія, происходившія уже въ самомъ Тильзитѣ, описаны Давыдовымъ съ большою подробностью [2]).

Тильзитскимъ миромъ закончилась война 1806—7 годовъ, въ которой Давыдовъ началъ свое боевое поприще. Скудныя познанія, вынесенныя имъ изъ петербургскихъ уроковъ, расширились и пополнились подъ руководствомъ такого опытнаго боевого генерала, какимъ былъ Багратіонъ. Самыя ошибки, сдѣланныя русскими генералами въ борьбѣ съ Наполеономъ, послужили на пользу Давыдову, жадно слѣдившему за ходомъ кампаніи, развивъ въ немъ критическое чутье, умѣнье вѣрно схватить и оцѣнить положеніе вещей, которыя онъ не разъ потомъ обнаруживалъ. Благоговѣя передъ Суворовымъ, Давыдовъ усвоилъ всѣ лучшія его традиціи, узналъ и полюбилъ русскаго солдата, оцѣнилъ значеніе правильнаго снабженія войскъ провіантомъ и боевыми припасами и вынесъ глубокое отвращеніе къ пруссаковщинѣ, отъ которой не могли отдѣлаться многіе генералы въ эту кампанію.

Получивъ за эту кампанію, кромѣ упомянутыхъ орденовъ, еще золотой Прейсишъ-Эйлаускій крестъ и прусскій «Pour le mérite» [3]), Давыдовъ взялъ отпускъ и пріѣхалъ въ Москву. «Двадцати трехлѣтній юноша, я уже былъ штабсъ-ротмистромъ Лейбъ-Гусарскаго полка», разсказываетъ Давыдовъ, «украшенный двумя крестами на шеѣ и двумя на красномъ ментикѣ, покрытомъ золотомъ; я утопалъ въ наслажденіяхъ и, подобно всѣмъ людямъ этого возраста, былъ влюбленъ до безумія» [4]). Но среди празднествъ и кутежей Давыдовъ не забывалъ прежнихъ литератур-

---

[1]) Леф. арх., дѣла Инспект. Департ., св. 906, д. 1846 г. (Форм. сп. за 1836 г.).

[1]) Сочиненія, I, 301 и 302.
[2]) Тамъ же, 304 и слѣд.
[3]) Формулярный списокъ.
[4]) Сочиненія, II, 8.

ныхъ занятій. Наклонность къ эпиграммамъ вспыхнула въ молодомъ поэтѣ съ новой силой, и большая часть ихъ написана въ это время. Беззаботная гусарская жизнь, вино и любовныя похожденія—вотъ содержаніе остальныхъ его стихотвореній этого періода. Ко времени Отечественной войны его литературная физіономія окончательно выяснилась: въ кружкѣ молодыхъ литераторовъ онъ получилъ прозвище «Анакреона подъ доломаномъ», а немного позднѣе, въ извѣстномъ Парнасскомъ календарѣ Воейкова, онъ названъ «дѣйствительнымъ поэтомъ, генералъ-адъютантомъ Аполлона при перепискѣ Вакха съ Венерою» [1]).

Война съ Швеціей и движеніе русскихъ войскъ въ Финляндію заставили Давыдова покинуть шумную столицу и всѣ ея удовольствія и поспѣшить вслѣдъ за 21-й дивизіей, командиромъ которой былъ назначенъ Багратіонъ. По дорогѣ Давыдовъ познакомился съ адъютантомъ гр. Каменскаго, поручикомъ А. А. Закревскимъ. Это знакомство, перешедшее затѣмъ въ тѣсную дружбу, имѣло весьма важныя послѣдствія для будущности Давыдова.

Убѣдившись изъ словъ самого Багратіона, что назначеніе 21-й дивизіи, дѣйствовавшей въ южной Финляндіи, состояло, по сдачѣ Свеаборга, лишь въ томъ, чтобы «предаваться всякаго рода увеселеніямъ», Давыдовъ отпросился на сѣверъ въ отрядъ генерала Раевскаго и попалъ въ авангардъ подполковника Кульнева, съ которымъ познакомился и подружился еще въ 1804 г. Здѣсь однимъ изъ первыхъ дѣлъ Давыдова было занятіе 12 Апрѣля, съ однимъ эскадрономъ гусаръ и сотней казаковъ, острова Карлое, близъ крѣпости Улеаборга, что онъ удачно и исполнилъ [2]). Рядъ послѣдующихъ дѣлъ, изъ которыхъ можно упомянуть о дѣлѣ при овладѣніи Аландскими островами, гдѣ Давыдовъ, «командуя отрядомъ казаковъ, выбилъ непріятеля съ о. Бено и занялъ оный», доставилъ ему Высочайшее благоволеніе [3]).

Въ наступившей въ слѣдующемъ году войнѣ съ Турціей Багратіонъ былъ назначенъ главнокомандующимъ. Во время долгихъ приготовленій къ этому походу, на Давыдова, находившагося со своимъ генераломъ въ Молдавіи и уже давно не видавшаго отечества, напала такая сильная тоска по родинѣ, что Багратіонъ вынужденъ былъ, на свой страхъ, отпустить его въ Россію. Доѣхавъ до границы, Давыдовъ бросился на родную землю, со слезами долго ее цѣловалъ и черезъ двѣ недѣли возвратился въ армію. Это вниманіе Багратіона къ своему адъютанту спасло, по словамъ Давыдова, ему честь, ибо при томъ состояніи нервнаго возбужденія, въ которомъ Давыдовъ находился, онъ легко могъ дезертировать изъ арміи. Находясь весь этотъ годъ при Багратіонѣ, онъ участвовалъ при взятіи Мачина (18 Авг.) и Гирсова (22 Авг.); въ сраженіи при Рассеватѣ (4 Сент.), при обложеніи Силистріи и въ сраженіи подъ Татарицей (10 Окт.).

Въ 1810 г., Багратіона, получившаго команду надъ 2-й западной арміей, смѣнилъ гр. Каменскій. Давыдовъ, однако, остался въ Турціи и, поступивъ въ авангардъ своего друга Кульнева, 4 Марта получилъ чинъ ротмистра. Въ это время Давыдовъ успѣлъ взять отпускъ и съѣздить въ имѣніе Каменку Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губ., гдѣ жила вся семья Давыдовыхъ. Центромъ тамошняго общества былъ домъ А. Л. Давыдова, двоюроднаго брата Дениса. Жена Александра Львовича, Аглая Антоновна, рожденная герцогиня де-Граммонъ, отличалась красотою и любовью къ развлеченіямъ. Давыдовъ влюбился въ очаровательную хозяйку и посвятилъ ей два стихотворенія. Жизнь въ Каменкѣ навсегда осталась однимъ изъ лучшихъ воспоминаній поэта [1]).

Дѣйствія русской арміи при новомъ главнокомандующемъ были вначалѣ очень успѣшны. Взятіе Силистріи (22 Мая) и сраженіе подъ Шумлою (11 и 12 Іюня) доставили Давыдову алмазные знаки св. Анны 2 ст. [2]). Начавшіяся за тѣмъ неудачи и недовольство главнокомандующимъ заставили Давыдова подумать о возвращеніи къ Багратіону. Прибывъ изъ дѣйствующей арміи въ Житоміръ, Давыдовъ, по собственнымъ словамъ, «все время находился безъ дѣйствія, если исключить курьерскія поѣздки и бесѣды съ соименнымъ ему покорителемъ Индіи (Бахусомъ или Вакхомъ, иначе Діонисіемъ)» [3]).

Когда началась Отечественная война, Давыдовъ обратился къ Багратіону съ просьбой зачислить его въ ряды Ахтырскаго гусарск. полка, и 8 Апрѣля былъ переименованъ въ подполковники.

18 Іюня началось общее отступленіе 2-й арміи для соединенія ея съ первой. Во все это время Давыдовъ командовалъ 1-мъ батальономъ ахтырцевъ [4]) и принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Миромъ (26 Іюня) и Романовымъ (1 Іюля). 3 Августа Давыдовъ

---

[1]) Р. Старина, IX, 662.
[2]) Сочиненія, II, 11, 28.
[3]) Формулярный списокъ.

[1]) Сборн. біогр. кавалергардовъ, II, *А. Л. Давыдовъ.*
[2]) Формулярный списокъ.
[3]) Сочиненія, II, 4.
[4]) Гусарскіе полки состояли изъ двухъ батальоновъ, по 5 эскадроновъ въ каждомъ.

командовалъ ночной экспедиціей подъ Катанью (3 Авг.), участвовалъ затѣмъ въ дѣлахъ подъ Дорогобужемъ (11 Авг.), Максимовымъ (14 Авг.), Рожествомъ (19 Авг.), Поповкой (21 Авг.) и Покровомъ (23 Авг.) [1]). Но Давыдовъ тяготился положеніемъ рядового гусарскаго офицера и обратился къ Багратіону съ письмомъ, въ которомъ просилъ позволенія лично объяснить ему свой взглядъ на партизанскую войну, мысль о которой уже давно бродила въ его головѣ. 21 Августа, въ овинѣ при Колоцкомъ монастырѣ, Давыдовъ обстоятельно изложилъ князю свой взглядъ на положеніе вещей и значеніе партизанской и народной войны, которая должна была возникнуть, по его предположенію, въ тылу непріятеля. Съ большимъ вниманіемъ выслушалъ его Багратіонъ и обѣщалъ немедленно представить все дѣло на усмотрѣніе главнокомандующаго. Кутузовъ соглашался, въ видѣ опыта, дать Давыдову 50 гусаръ и 80 казаковъ для дѣйствія на непріятельскія сообщенія. Тщетно просилъ Давыдовъ увеличенія поручаемаго ему отряда до 1000 человѣкъ, указывая на важность предстоящей ему задачи. «Если такъ», сказалъ, наконецъ, онъ, «то я иду и съ этимъ числомъ; авось-либо открою путь большимъ отрядамъ» [2]). Снабдивъ на прощаніе отважнаго партизана картою Смоленской губерніи, Багратіонъ вручилъ ему письма къ генераламъ Васильчикову и Карпову, которые должны были дать лучшихъ людей для предполагаемой экспедиціи. У Васильчикова Давыдовъ былъ встрѣченъ всеобщимъ недовѣріемъ и насмѣшками. Злой и остроумный языкъ партизана, его эпиграммы, которыя не переставали сыпаться даже и въ это время, создали ему много враговъ, недовѣрчиво смотрѣвшихъ на задуманное имъ дѣло. «Кланяйся Павлу Тучкову» [3]), говорили Давыдову, «скажи ему, чтобы онъ уговорилъ тебя не ходить въ другой разъ партизанить» [4]). Эти насмѣшки, однако, нисколько не поколебали рѣшимости Давыдова. Въ жизни его наступила та пора, о которой онъ неоднократно и съ особенной любовью вспоминалъ впослѣдствіи. Предоставленный самому себѣ, авторъ плодотворной идеи о партизанской войнѣ «зарубилъ», по собственному выраженію, свое имя на этой грозной эпохѣ, и воспоминаніе объ Отечественной войнѣ неразрывно связано съ воспоминаніемъ о Давыдовѣ.

---

[1]) Формулярный списокъ.
[2]) Сочиненія, II, 34 и 35.
[3]) Генер.-майоръ, взятый въ плѣнъ подъ Лубинымъ (Валутиной горѣ) 7 Августа.
[4]) Сочиненія, II, 37.

Понимая, какъ важно подѣйствовать наружностью и костюмомъ на народное воображеніе, Давыдовъ замѣнилъ гусарскій ментикъ крестьянскимъ кафтаномъ, повѣсилъ на грудь образъ св. Николая и отпустилъ бороду. Тактика, которой рѣшилъ держаться Давыдовъ, заключалась въ томъ, чтобы, избѣгая открытыхъ стычекъ съ непріятельскими отрядами, налетать на нихъ врасплохъ, отбивать обозы, провіантъ и боевые запасы. Въ случаѣ неудачи нападенія, вся партія тотчасъ разсыпалась въ разныя стороны и собиралась въ заранѣе условленномъ мѣстѣ. Отнятымъ у непріятеля оружіемъ Давыдовъ вооружалъ крестьянъ, научая ихъ, какимъ образомъ слѣдуетъ дѣйствовать противъ общаго врага. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія партизана. Мало-по-малу, его партія значительно разрослась вслѣдствіе присоединенія къ ней двухъ казачьихъ полковъ, находившихся въ распоряженіи начальника калужскаго ополченія г.-л. В. Ф. Шепелева. Охотно поступали подъ команду Давыдова отбитые имъ отъ французовъ русскіе плѣнные солдаты и добровольцы. Усилившись такимъ образомъ, Давыдовъ продолжалъ свои «веселые и залетные поиски» въ окрестностяхъ Вязьмы, Дорогобужа и Гжатска, скоро обратившіе на себя вниманіе

Д. В. Давыдовъ.

французскаго губернатора Смоленска, генерала Бараге д'Илье, отрядившаго 2000 человѣкъ для поимки Давыдова. Получивъ въ подкрѣпленіе еще одинъ пришедшій съ Дона казачій полкъ, Давыдовъ отважился уже и на болѣе серіозныя дѣла. 28 Октября подъ Ляховымъ партизанскіе отряды Давыдова, Фигнера, Сеславина и графа Орлова-Денисова, соединившись

вмѣстѣ, общими силами атаковали отрядъ ген. Ожеро и заставили его положить оружіе. Эту побѣду оцѣнилъ самъ Кутузовъ, замѣтивъ, что въ первый разъ въ эту кампанію цѣлый непріятельскій отрядъ положилъ оружіе [1]). Изъ послѣдующихъ сраженій, въ которыхъ принималъ участіе Давыдовъ, слѣдуетъ отмѣтить дѣло подъ Краснымъ 4 Ноября, подъ Копысомъ 9 Ноября, гдѣ онъ разбилъ трехтысячное кавалерійское депо, и, наконецъ, подъ Бѣлыничами 14 Ноября, гдѣ трофеями, кромѣ плѣнныхъ, были еще большіе запасы оружія и провіанта [2]). 9 Декабря Давыдовъ занялъ своимъ отрядомъ Гродно. «Австрійскій корпусъ», говоритъ Ермоловъ, «вышедшій уже изъ границъ нашихъ, малымъ числомъ послѣднихъ войскъ своихъ занималъ еще городъ Гродно. Ген.-адъют. гр. Ожаровскій явился съ отрядомъ, предложилъ о сдачѣ и получилъ отказъ. Съ отрядомъ казаковъ, гораздо слабѣйшимъ, партизанъ Давыдовъ, безъ чванныхъ рѣчей придворнаго человѣка, не вдаваясь въ политику, приблизился къ передовой непріятельской стражѣ, угрожая, если не будетъ сданъ городъ, атаковать идущимъ за нимъ войскомъ. Раздался звукъ стакановъ между венгерскими гусарами, и при хвалѣ отечественному напитку, рука въ руку, въ знакъ пріязни. Съ начальникомъ ихъ сдѣлано условіе, и городъ нашъ! Въ одно время дошли до фельдмаршала рапорты: гр. Ожаровскаго, что австріецъ не сдаетъ города, и партизана Давыдова, что городъ имъ занятъ!» [3]).

Съ начала партизанскихъ дѣйствій до 23 Октября имъ было взято въ плѣнъ 3560 рядовыхъ и 43 штабъ- и оберъ-офицера. Плѣнныхъ Давыдовъ сдавалъ подъ расписку губернскому начальству.

По окончаніи Отечественной войны, голоса завистниковъ и враговъ Давыдова умаляли славу его партизанскихъ подвиговъ, упрекая его въ трусости и жестокости, будто бы проявленной имъ въ его наставленіяхъ крестьянамъ объ истребленіи французовъ. Упрекъ въ трусости падаетъ самъ собой, жестокость же неразрывно связана со всякой народной войной, цѣлью которой является совершенное истребленіе непріятеля.

Находясь уже на границѣ, Давыдовъ, произведенный въ полковники и желавшій имѣть какое-нибудь вещественное воспоминаніе о «минувшемъ великомъ годѣ» [4]), обратился съ письмомъ къ дежурному генералу арміи Коновницыну и просилъ себѣ въ награду орденъ св. Георгія, къ которому неоднократно былъ представляемъ. Въ селѣ Соколахъ онъ получилъ отъ Коновницына пакетъ съ поздравленіями и съ двумя орденами: св. Георгія 4 ст. и св. Владиміра 3-й. Здѣсь же, въ Соколахъ, партія Давыдова вошла въ составъ главнаго авангарда, порученнаго отличавшемуся большою строгостью генералу Винценгероде. Такимъ образомъ, привыкшему къ полной самостоятельности партизану пришлось сразу подчиниться строгой дисциплинѣ. Этотъ крутой переломъ былъ ему, конечно, не по душѣ.

Рядъ побѣдъ, одержанныхъ надъ непобѣдимыми прежде французами, поднялъ духъ нашей арміи, отъ солдата до генерала. По словамъ Давыдова, союзные генералы требовали «для удовлетворенія своего честолюбія столицъ» [1]). Безъ всякаго сомнѣнія, и самъ Давыдовъ былъ не чуждъ этихъ честолюбивыхъ помысловъ въ то время, когда передовой отрядъ, которымъ онъ командовалъ, достигъ Дрездена, занятаго сравнительно незначительными силами, подъ командою ген. Дюрюта. Вопреки прямому предписанію начальства, Давыдовъ вошелъ въ переговоры съ Дюрютомъ и, обманувъ его относительно численности и состава своего отряда, убѣдилъ французскаго генерала сдать ему половину города, такъ называемый «Новый Дрезденъ», лежащій на правомъ берегу Эльбы. Условія сдачи были ратифицированы Давыдовымъ и Дюрютомъ. Чтобы оградить свой слабый отрядъ отъ нападенія, Давыдовъ позволилъ себѣ заключить 48-часовое перемиріе, разсчитывая, что за это время успѣетъ получить подкрѣпленіе. Эти поступки были поставлены ему въ вину генераломъ Винценгероде, взбѣшеннымъ, по словамъ Давыдова, тѣмъ, что близкая добыча, Дрезденъ, ускользнула изъ его рукъ. Предписавъ Давыдову немедленно сдать команду, Винценгероде приказалъ ему отправиться въ Главную квартиру и тамъ ожидать суда. Разставаясь съ любимымъ начальникомъ, раздѣлявшимъ съ подчиненными, съ Бородинскаго сраженія, всѣ труды и невзгоды партизанской войны, вся партія Давыдова проливала слезы. Большое утѣшеніе доставила ему депутація гражданъ Дрездена, поднесшая ему благодарственный адресъ за безопасность, порядокъ и дисциплину, заведенные Давыдовымъ въ занятомъ городѣ [2]).

Въ Калишѣ, гдѣ находилась въ то время Главная квартира, Давыдовъ явился прямо къ начальнику штаба кн. П. М. Волконскому. По докладу Волконскаго Кутузову, главнокомандующій представилъ все дѣло на усмотрѣніе Государя, напомнивъ ему прежнія за-

---

[1]) Сочиненія, II, 97—102.
[2]) Формулярный списокъ.
[3]) Зап. Ермолова, I, 135.
[4]) Сочиненія, II, 152 и 153.

[1]) Сочиненія, II, 158.
[2]) Тамъ же, 181.

слуги Давыдова. Замѣтивъ, что «побѣдителей не судятъ», Государь освободилъ Давыдова отъ всякой отвѣтственности, и Кутузовъ отправилъ его обратно въ армію, приказавъ Винценгероде дать ему прежнюю команду. Однако, подъ предлогомъ разсѣянія партіи, Винценгероде не вернулъ Давыдову прежнихъ товарищей. Въ это время Давыдова приглашалъ къ себѣ А. И. Чернышевъ, но Давыдовъ отклонилъ это приглашеніе и не имѣлъ опредѣленнаго назначенія до осени.

Послѣ перемирія Давыдовъ получилъ въ свое распоряженіе 2 донскихъ полка и находился подъ начальствомъ полковника австрійской службы Менсдорфа, участвуя во всѣхъ дѣлахъ этого отряда до перехода нашей арміи черезъ Рейнъ. Служба подъ начальствомъ австрійца не была пріятна Давыдову. Видя себя, кромѣ того, обойденнымъ по службѣ людьми, бывшими ранѣе подъ его начальствомъ, Давыдовъ обратился съ письмомъ къ гр. Аракчееву. Перечисливъ свои заслуги, начиная съ предложенія о партизанской войнѣ, онъ писалъ: «Я просилъ нѣкоторыхъ близкихъ вельможъ къ Его Императорскому Величеству возобновить въ памяти его мою службу, но у нихъ одинъ отвѣтъ: «Не по моей части». Какъ будто доводить истину до Царя раздѣлено на части»? Письмо заканчивается просьбой «исходатайствовать поравненіе въ чинѣ съ сверстниками» [1]). Но наградой Давыдову за всю кампанію этого года было только Высочайшее благоволеніе [2]).

Слѣдующій 1814 г. застаетъ Давыдова уже въ авангардѣ арміи Блюхера, командиромъ Ахтырскаго гус. полка. Преслѣдуя остатки французской арміи, этотъ авангардъ имѣлъ рядъ сраженій, изъ которыхъ бой подъ Бріеномъ (17 Янв.) доставилъ Давыдову чинъ генералъ-майора. Послѣ кровопролитнаго дѣла подъ Краономъ, гдѣ всѣ генералы 2-й Гусарской дивизіи выбыли изъ строя, Давыдовъ временно командовалъ этой дивизіей, а потомъ бригадой, составленной изъ Бѣлорусскаго и Ахтырскаго гусарскихъ полковъ. Сраженіемъ подъ Фершампенуазомъ, гдѣ побѣда была одержана исключительно кавалеріей, и взятіемъ Парижа закончилась кампанія и вмѣстѣ съ ней боевые труды Давыдова.

23 Мая 1814 г. Давыдовъ получилъ шестимѣсячный отпускъ и уѣхалъ въ Москву отдохнуть отъ тягостей походной жизни, продолжавшейся съ небольшими перерывами съ начала 1807 г. Здѣсь, среди всякаго рода развлеченій, Давыдовъ бывалъ, между прочимъ, въ подмосковномъ селѣ Кунцовѣ, гдѣ жилъ директоръ театровъ Аполлонъ Майковъ, устраивавшій у себя пиры и спектакли, привлекавшіе лучшее Московское общество. На этихъ спектакляхъ Давыдовъ познакомился и увлекся танцовщицей А. И. Ивановой, о необыкновенной красотѣ которой свидѣтельствуетъ, между прочимъ, кн. Вяземскій [1]). Это увлеченіе внушило поэту нѣсколько стихотвореній, проникнутыхъ глубокимъ чувствомъ. Война и вольная гусарская жизнь составляютъ содержаніе другихъ произведеній этого періода [2]). Но надъ головой поэта висѣла крупная непріятность: въ концѣ этого года въ приказахъ по арміи было объявлено, что онъ получилъ генералъ-майорскій чинъ «по ошибкѣ», почему снова переименовывается въ полковники. Нелегко было честолюбивому молодому человѣку, который и безъ того считалъ себя обойденнымъ по службѣ, примириться съ этимъ униженіемъ, и Давыдовъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы добиться возстановленія своихъ правъ. Служебныя непріятности, всегда въ изобиліи сыпавшіяся на его голову, не ограничились однимъ этимъ. Поспѣшивъ изъ отпуска къ мѣсту своей службы, въ Ахтырскій полкъ, Давыдовъ неожиданно былъ задержанъ въ Варшавѣ Вел. Кн. Константиномъ Павловичемъ, подъ предлогомъ, что ему велѣно останавливать всѣхъ офицеровъ, ѣдущихъ изъ отпуска въ армію. Давыдовъ, желаніе котораго поскорѣе попасть въ свой полкъ, вслѣдствіе слуховъ о новой войнѣ, все усиливалось, тщетно обращался къ фельдмаршалу Барклаю, кн. П. М. Волконскому, Дибичу и Ермолову, умоляя ихъ помочь ему вырваться изъ «надоѣвшей Варшавы». Всѣ его письма остались безъ отвѣта [3]). Тогда Давыдовъ началъ осыпать письмами своего друга Закревскаго, который въ это время былъ занятъ новой организаціей Главнаго Штаба Е. И. В. и скоро сдѣлался дежурнымъ генераломъ этого штаба [4]). «Я писалъ, писалъ, просилъ, просилъ, чтобы вытащить меня изъ этой пропасти,—ни откуда не имѣю отвѣта; а, кажется, многаго не прошу, право, не чужой, а свой лобъ хочу подставить» [5]). Всѣ эти хлопоты не привели, однако, ни къ какому результату, и Давыдовъ на всю жизнь сохранилъ непріязнь къ Цесаревичу, что особенно замѣтно въ его оцѣнкѣ дѣйствій Великаго Князя во время польскаго возстанія.

Убѣдившись, что всѣ его старанія вылѣзть «изъ проклятаго омута» безполезны, Давы-

---

1) Сочиненія, III, 1491 и 50.
2) Формулярный списокъ.

1) Р. Архивъ, 1866 г., стр. 900.
2) Стихотворенія «Пѣсня» и «Пѣсня стараго гусара».
3) Письмо 1 Іюня 1815 г., Сборникъ, LXXIII, 509.
4) Письмо 17 Іюня 1815 г., Сборникъ, LXXIII, 509.
5) Тамъ же.

довъ принялся черезъ того же Закревскаго хлопотать о продленіи отпуска и возвращеніи генералъ-майорскаго чина.—«Вотъ уже годъ», писалъ онъ своему другу, «что я, сверхъ необыкновенныхъ притѣсненій, не знаю, что я: полковникъ или генералъ? Пора рѣшить меня и вовсе вытолкнуть изъ службы». Къ этому письму было приложено другое на имя Государя [1]). Давыдовъ просилъ Закревскаго вручить это письмо по адресу и быть ходатаемъ по его дѣлу передъ Государемъ. Просьба его, переданная Закревскимъ Александру I, возъимѣла свое дѣйствіе. Оказалось, что Давыдовъ былъ лишенъ чина потому, что его смѣшали съ его двоюроднымъ братомъ, А. Л. Давыдовымъ, производства котораго не желалъ Государь. Давыдову отдали старшинство со дня производства и возвратили чинъ.

Съ возвращеніемъ генеральскихъ эполетъ, Давыдовъ получилъ 21 Декабря 1815 г. назначеніе состоять при начальникѣ 1 Драгунской дивизіи [2]). Но это назначеніе казалось Давыдову несоотвѣтствующимъ его прежней службѣ и способностямъ. «Служа цѣлый вѣкъ по легкой, за что меня назначаютъ въ это пресмыкающееся войско», пишетъ онъ Закревскому и проситъ, если ужъ нельзя измѣнить этого назначенія, переписать его въ ту дивизію, которая расположена во Франціи [3]). Въ результатѣ всѣхъ стараній Давыдовъ 14 Марта 1816 г. получилъ было назначеніе состоять при начальникѣ 2 Конно-егерской дивизіи, расположенной около его имѣнія въ Орловской губерніи, но къ занятію и этой должности явилось неодолимое препятствіе: надо было сбрить усы, которые носили тогда лишь гусары, а Давыдовъ ни за что не хотѣлъ разстаться съ этой «красой природы, чернобурой, въ завиткахъ» [4]). Объ этомъ обстоятельствѣ узналъ самъ Государь [5]), и Давыдовъ былъ назначенъ въ Маѣ того же года во 2 Гусарскую дивизію, а затѣмъ въ Ноябрѣ назначенъ командиромъ 1 бригады той же дивизіи [6]). Находясь въ это время по дѣламъ службы въ Кіевѣ, Давыдовъ увидалъ Елиз. Ант. Злотницкую [7]), влюбился въ нее и сдѣлалъ ей предложеніе. Бракъ отсрочивался въ виду затруднительнаго матеріальнаго положенія жениха, имѣніе котораго послѣ смерти отца все еще состояло подъ запрещеніемъ, и почти всѣ доходы шли на уплату лежащихъ на немъ казенныхъ долговъ. Друзья Давыдова, съ Закревскимъ во главѣ, довели объ этомъ до свѣдѣнія Государя, который повелѣлъ сложить долги и сверхъ того назначилъ 6000 р. ежегодной аренды. Но во время частыхъ отлучекъ Давыдова, Злотницкая (1800—1864) въ 1820 г. вышла замужъ за кн. Петр. Алексѣев. Голицына (1792—1842). Обстоятельство это сильно задѣло за живое поэта, выразившаго волновавшія его чувства въ стихотвореніи, написанномъ съ большимъ сарказмомъ [1]). Полагая, что аренда назначена ему лишь по случаю свадьбы, Давыдовъ извѣстилъ Государя о случившемся. Однако, аренда была оставлена за нимъ.

Знакомство съ Жуковскимъ, кн. Вяземскимъ, Баратынскимъ, А. Тургеневымъ, открыло Давыдову двери въ Общество любителей россійской словесности, состоящее при Московскомъ университетѣ, которое въ засѣданіи 20 Мая 1816 г. единогласно выбрало поэта въ дѣйствительные члены. Почти въ то же время Давыдовъ сдѣлался членомъ другого извѣстнаго литературнаго общества «Арзамаса», которое Карамзинъ называлъ «русской академіей, составленной изъ молодыхъ людей, умныхъ и талантливыхъ». По обычаю, всякій вновь поступающій членъ долженъ былъ избрать себѣ особое прозвище, и Давыдовъ въ интимномъ кружкѣ друзей слылъ подъ названіемъ «Армянина».

19 Февраля 1818 г. Давыдовъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 7 пѣх. корпуса, а черезъ годъ съ небольшимъ занялъ эту же должность въ 3 пѣх. корпусѣ, расположенномъ въ Кременчугѣ. Въ это время онъ женился на дочери генер.-майора Софьѣ Николаевнѣ Чирковой.

Еще до отъѣзда своего на мѣсто службы Давыдовъ задумалъ изложить систематически правила и способы веденія партизанской войны и представить книгу на Высочайшее разсмотрѣніе. Новизна и важность разсматриваемаго предмета казались автору вполнѣ заслуживающими вниманія Государя и побуждали Давыдова не разъ обращаться съ просьбой къ Закревскому похлопотать о томъ, чтобы «Опытъ о партизанской войнѣ», переданный авторомъ Д. П. Бутурлину для врученія черезъ кн. П. И. Волконскаго Государю, достигъ своего назначенія. Въ одномъ изъ такихъ писемъ Закревскому Давыдовъ, между прочимъ, говоритъ: «Никто еще не писалъ объ употребленіи легкихъ войскъ, какъ я писалъ въ извѣстномъ тебѣ «Опытѣ», и всѣ, которые читали его, увѣряли меня, что онъ достоинъ

---

1) Сборникъ, LXXIII, 511.
2) Формулярный списокъ.
3) Сборникъ, LXXIII, 513.
4) Р. Старина, V, 635.
5) Сборникъ, LXXIII, 514; «Родъ Голицыныхъ», 170, 193.
6) Формулярный списокъ.
7) Сестра кавалергардовъ Эразма и Іосифа Злотницкихъ.

1) «Неужто думаете вы, что я слезами обливаюсь».

Д. В. Давыдовъ.

Монаршаго воззрѣнія, особенно въ такое время, какъ миръ дастъ намъ время привесть всѣ части въ порядокъ» [1]). Однако, вѣроятно, вслѣдствіе рѣзкихъ выходокъ Давыдова противъ нѣкоторыхъ участниковъ Отечественной войны, Волконскій медлилъ представленіемъ этого сочиненія Государю, что выводило изъ себя нетерпѣливаго автора, проживавшаго въ это время уже въ Кременчугѣ. Послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія Давыдова, было полученное имъ отъ Толя письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ его, что «сочиненіе правилъ о службѣ въ передовыхъ постахъ и вообще въ малыхъ отрядахъ» поручено ему Государемъ и просилъ Давыдова оказать ему содѣйствіе въ этой работѣ и снабдить его однимъ экземпляромъ своего сочиненія о партизанской войнѣ. Написавъ Толю довольно уклончивое отвѣтное письмо, съ просьбой отмѣчать всѣ заимствованныя имъ мѣста словами: «Изъ сочиненія Дениса Давыдова», онъ хлопоталъ черезъ того же Закревскаго, чтобы «исторгнуть» изъ рукъ Волконскаго завалявшееся у него сочиненіе и передать его Государю черезъ своего стараго знакомаго, Ил. В. Васильчикова, бывшаго въ 1812 г. шефомъ Ахтырскаго гус. полка. Однако, и Васильчиковъ отказался представить рукопись, и огорченный авторъ, получивъ ее обратно, рѣшилъ напечатать ее самъ, не показывая никому [2]).

Новая должность совершенно не удовлетворяла партизана, по натурѣ своей жаждавшаго живой и разнообразной дѣятельности и не выносившаго рутины. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опасался, что будетъ переведенъ въ Квартирмейстерскую часть, что сопряжено было съ лишеніемъ усовъ и замѣной сабли шпагою. «Ты смѣешься», писалъ онъ 5 Мая 1819 г. Закревскому, «но даю тебѣ честное слово, что ни минуты не останусь начальникомъ штаба, если вздумаютъ лишить сихъ остатковъ моего партизанства—особенно усовъ, которые я ношу съ тѣхъ поръ, какъ они пробиваться стали. Къ тому же самъ Государь сказалъ мнѣ, проѣзжая чрезъ Бѣлицу (когда я только что былъ переведенъ изъ драгунской дивизіи въ легкую кавалерію): «Что усы при тебѣ остались?» Я ему отвѣчалъ: «Государь, я къ нимъ привязанъ, какъ къ чести». Онъ на это сказалъ: «Ну! они при тебѣ навсегда останутся». Это, можетъ-быть, забыто, но я очень помню. Ради Бога, любезный другъ, спаси меня отъ посрамленія! довольно и того, что я сбрилъ бороду. Неужели же положено меня посвятить въ кастраты и лишить вывѣски силы и мужества» [1]). Имѣя въ своемъ распоряженіи много свободнаго времени, Давыдовъ находился въ оживленной перепискѣ со всѣми своими друзьями и живо интересовался тѣмъ общественно-политическимъ движеніемъ, которымъ была охвачена преимущественно военная молодежь во вторую половину царствованія Александра I. Чувствуя пробѣлъ въ своемъ образованіи, Давыдовъ накупилъ книгъ по разнымъ отраслямъ знаній и серіозно принялся за чтеніе. «Ко мнѣ прислали на 1000 руб. книгъ», пишетъ онъ Киселеву. «Я теперь весь зарытъ въ нихъ и предпринялъ курсъ фортификаціи въ Бусмарѣ, государственнаго хозяйства въ Сеѣ и politique constitutionnelle въ Benjamin Constant и Bentham, коихъ у меня полныя сочиненія. Времени много подъ руками; давай учиться, тѣмъ свободнѣй, что мѣсто начальника штаба совершенно пустое» [2]).

Однако, это пустое по работѣ мѣсто начальника штаба было очень тягостно для Давыдова, благодаря формализму и той утонченной утировкѣ въ дѣлѣ обученія солдатъ ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ, которыя достигли въ описываемое время своего апогея и вызывали неоднократно рѣзкія замѣчанія даже со стороны такого знатока и любителя фронта, какимъ былъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ [3]).

Несмотря на службу въ арміи многихъ образованныхъ и благородныхъ личностей, близко

---

[1]) Сборникъ, LXXIII, 515.
[2]) Сборникъ, LXXIII, 517 и 518.

[1]) Сборникъ, LXXIII, 414 и 515.
[2]) Соч. Д. Давыдова. Письма къ П. Д. Киселеву 7 Августа 1819 г.
[3]) Шильдеръ, IV, 16 и 17.

знакомыхъ Давыдову, каковы были, напр., извѣстный М. Ф. Орловъ и командиръ 6 корпуса Сабанѣевъ, пытавшіеся своимъ вліяніемъ и личнымъ примѣромъ смягчить тяжелую военную дисциплину и ввести по отношенію къ солдату болѣе гуманное обращеніе, Давыдовъ просто задыхался въ душной атмосферѣ тогдашнихъ ученій, парадовъ и неуклонно слѣдовавшей за ними палочной муштровки. Въ такомъ настроеніи онъ жадно слѣдилъ за событіями внѣшней политики, надѣясь, что какая-либо война вытащитъ его изъ этой обстановки, совершенно несоотвѣтствующей его вкусамъ и наклонностямъ. — «Душная моя должность», пишетъ онъ П. Д. Киселеву, «какъ тюрьма, гаситъ даже воображеніе мое; въ него такъ много вкралось прозы, что я себя не узнаю. Заговорили было, что Австрія на насъ вооружается; отъ радости трубка упала изъ зубъ моихъ, и я взглянулъ на саблю мою, снѣдаемую ржавчиною» [1])... Въ отвѣтъ на одно изъ подобныхъ писемъ, А. П. Ермоловъ писалъ Давыдову: «Вижу ропотъ твой противъ конгресса и боязнь, чтобы отдохновеніе Европы не навело ржавчины на острую саблю гусара-партизана. Примирись со спокойствіемъ: оно въ нынѣшнія времена не бываетъ слишкомъ продолжительнымъ» [2]). Въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ Ермоловъ выражаетъ увѣренность, что въ арміи мало найдется генераловъ, могущихъ замѣнить Давыдова.

Однако, Давыдовъ рѣшительно не могъ оставаться на своемъ мѣстѣ въ ожиданіи событій, какъ совѣтовали ему друзья. Въ его головѣ бродила мысль проситься въ заграничный отпускъ для излѣченія болѣзни съ тѣмъ, чтобы, разставшись съ опротивѣвшей ему должностью, зачислиться потомъ по кавалеріи. Онъ снова обратился къ своему вліятельному другу Закревскому, которому писалъ: «Ничего болѣе не имѣю сказать тебѣ, какъ то, что съ нетерпѣніемъ жду свободы моей. Ради Бога, сорви съ меня оковы! Нѣтъ случая, который бы могъ измѣнить мое намѣреніе! Мнѣ все такъ огадилось, что если я не совсѣмъ сбрасываю ливрею, то это потому, что неравно война... Еще кровь кипитъ! Но если бы хотѣли отказать мнѣ отпустить за границу, я и ливрею къ чорту! Нѣтъ, силъ недостаетъ» [3]). Наконецъ, 17 Марта 1820 г., исполнилось желаніе Давыдова—онъ получилъ отпускъ, съ зачисленіемъ по кавалеріи [4]). «Наконецъ, я свободенъ», съ восторгомъ сообщаетъ онъ своему другу, «учебный шагъ, ружейные пріемы, стойка, размѣры пуговицъ изгоняются изъ головы моей... Слава Богу, я свободенъ! Едва не задохся; теперь я на чистомъ воздухѣ... Я только въ куклы играть не хочу, и не хочу быть куклою—но отъ дѣла я не только не прочь, а изъ кожи готовъ лѣзть. Какъ ты думаешь, трудно мнѣ будетъ войти, или легко войду въ дѣйствующіе, когда двинутся впередъ?» [1]).

Проживая въ только-что купленномъ имъ с. Пріютовѣ и ведя спокойную жизнь деревенскаго помѣщика, Давыдовъ на свободѣ занялся передѣлкой и подготовкой къ печати, по указаніямъ друзей, своего «Опыта о партизанской войнѣ». Когда это произведеніе, вновь исправленное, было отпечатано, у автора опять появилась мысль поднести его Государю; но предварительно онъ рѣшилъ посовѣтоваться съ друзьями, мнѣніемъ которыхъ дорожилъ, и вмѣстѣ съ экземпляромъ, предназначеннымъ для Государя, послалъ по экземпляру Ермолову и Закревскому, прося ихъ внимательно прочитать «Опытъ» и, въ случаѣ надобности, остановить поднесеніе его Государю. Друзья, списавшись между собой, рѣшили, что это, хотя и разрѣшенное цензурой сочиненіе, слѣдуетъ еще во многомъ передѣлать, и Давыдовъ вполнѣ согласился съ этимъ мнѣніемъ [2]).

Вынужденное бездѣйствіе, однако, сильно надоѣдало Давыдову; и онъ задумалъ было проситься на Кавказскую пограничную линію служить подъ начальствомъ Ермолова. Эта мысль очень понравилась и Ермолову, который высоко цѣнилъ способности своего двоюроднаго брата. Ермоловъ сильно желалъ видѣть Давыдова начальникомъ пограничной линіи, на мѣстѣ вялаго и нерѣшительнаго генерала Сталя, и принялся, вмѣстѣ съ Закревскимъ, энергично хлопотать объ этомъ при посредствѣ кн. Волконскаго. Всѣ эти хлопоты, однако, не увѣнчались успѣхомъ. Прошлое Давыдова, его не всегда осторожные слова и поступки составляли неодолимое препятствіе. «Нѣтъ намъ удачи съ Денисомъ», съ грустью писалъ Ермоловъ къ Закревскому, «и больно видѣть, что неосторожность и нѣкоторыя шалости въ молодости могутъ навсегда заграждать путь человѣку способному» [3]).

Эта неудача удручающимъ образомъ подѣйствовала на Давыдова; онъ рѣшился немедленно выйти въ отставку и получилъ ее 14 Ноября 1823 г. Скоро Давыдову пришлось убѣдиться, что ему вообще не служить болѣе въ царствованіе Александра I: по смерти Сталя, Ермоловъ вновь сдѣлалъ попытку опре-

---

1) Соч. Д. Давыдова, Письмо 15 Ноября 1819 г.
2) «Чтенія» 1812 г., IV, 223.
3) Сборникъ, LXXIII, 519 и 520.
4) Формулярный списокъ.

1) Сборникъ, LXXIII, 521.
2) Тамъ же, 527—530.
3) Тамъ же, 409.

дѣлить на это мѣсто двоюроднаго брата, но получилъ отказъ и притомъ въ такой формѣ, что уже не рѣшался болѣе просить [1]). Въ то время, какъ друзья Давыдова продолжали хлопотать о немъ, онъ былъ поглощенъ хлопотами по устройству и приведенію въ порядокъ собственныхъ дѣлъ: онъ купилъ домъ на Знаменкѣ, въ которомъ жилъ съ семьею по зимамъ, лѣтнее же время проводилъ во вновь купленномъ при Москвѣ рѣкѣ имѣніи, откуда ѣздилъ осматривать имѣніе въ Симбирской губерніи, взятое за женой; кромѣ того, у него имѣлось еще имѣніе въ Бугульминскомъ уѣздѣ Оренбургской губ., въ которомъ было 402 души и винокуренный заводъ. Занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и псовой охотой, Давыдовъ не прерывалъ связи съ литературными кружками, въ которыхъ онъ всегда бывалъ желаннымъ гостемъ. Пушкинъ, познакомившись съ «Опытомъ» оцѣнилъ оригинальный слогъ автора въ слѣдующемъ стихотвореніи:

«Недавно я въ часы свободы
Уставъ наѣздника читалъ
И даже ясно понималъ
Его искусные доводы;
Узналъ я рѣзкія черты
Неподражаемаго слога» [2]).

Вращаясь постоянно въ кругу литераторовъ и не разрывая связей съ прежними сослуживцами, Давыдовъ, конечно, не могъ не знать о томъ идейномъ броженіи, которое съ особою силою, въ послѣдніе годы царствованія Александра I, охватило значительную часть молодежи и привело къ печальному событію 14 Декабря 1825 г. Пробудившаяся общественная мысль, вначалѣ самимъ правительствомъ обращенная на вопросы внутренней политики, теперь, съ наступленіемъ реакціи, будучи лишена возможности высказаться, безпомощно билась въ безпощадныхъ цензурныхъ тискахъ и, наконецъ, нашла себѣ выходъ во многихъ тайныхъ обществахъ. Наиболѣе останавливаетъ на себѣ вниманіе одно изъ такихъ обществъ, носившее названіе «Союза Благоденствія». Образовавшись по образцу подобнаго же нѣмецкаго общества, «Тугендбунда», оно скоро раздѣлилось на двѣ вѣтви: «Сѣверное» и «Южное» общества. Члены той и другой вѣтви были хорошо знакомы Давыдову, а въ составъ «Южнаго общества» входилъ даже его двоюродный братъ Василій Львовичъ. Какъ человѣкъ умный, Денисъ Давыдовъ не могъ не знать всѣхъ язвъ тогдашняго режима; какъ патріотъ, онъ, разумѣется, долженъ былъ горячо желать ихъ исправленія, но его прямой, солдатской натурѣ была противна мысль о заговорѣ и о насильственныхъ дѣйствіяхъ; а консервативно-монархическому складу его ума были совершенно чужды и непонятны тѣ фантастическіе проэкты перемѣны управленія, на которые были такъ тароваты заговорщики. На всѣ разсужденія его друзей по этому поводу онъ неизмѣнно отвѣчалъ: «Qu'il aime mieux l'arbitraire d'un grand tyran, mais unique, que l'arbitraire saupoudré d'éloquence d'une masse de petits tyrans» [1]). На предложеніе Василія Львовича вступить въ ихъ общество, Давыдовъ отвѣчалъ отказомъ, замѣтивъ, что онъ этого не понимаетъ: «Бунтъ, такъ бунтъ русскій; тотъ хоть погуляетъ, да броситъ, а нѣмецкій — гулять не гуляетъ, только мутитъ всѣхъ. Я тебѣ прямо говорю, что пойду его усмирять» [2]). Убѣдившись, что всѣ доводы не приведутъ ни къ чему, и что отказъ Давыдова является плодомъ его убѣжденія, а не трусости или непониманія, друзья оставили его въ покоѣ и даже, чтобы не подвергать отвѣтственности, высылали его изъ комнаты, когда хотѣли поговорить о своихъ дѣлахъ. Этимъ объясняется, почему событіе 14 Декабря ни мало не повредило его службѣ въ послѣдующее царствованіе.

Вступленіе на престолъ Императора Николая воскресило вновь у Давыдова надежду на продолженіе столь любимой имъ военной службы. «Царь у насъ молодой и молодецъ», писалъ онъ Закревскому, «авось-ли будетъ какая-нибудь войнишка, и мы поработаемъ вѣрой и правдой» [3]). Одновременно съ этимъ Давыдовъ обратился къ своему старому знакомому, И. В. Васильчикову, съ просьбой похлопотать о назначеніи его на вакантное мѣсто начальника штаба Гренадерскаго корпуса. Не получая долго отвѣта отъ Васильчикова, Давыдовъ снова прибѣгаетъ къ вліятельному ходатайству Закревскаго. Прося доставить ему мѣсто командующаго 2 Конно-егерской дивизіей, Давыдовъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «Неужто долго будемъ топтаться въ экзерцисъ-гаузахъ? Авось-ли Богъ дастъ и грянемъ; тогда надо будетъ людей закаленныхъ въ огнѣ, а я, слава Богу, закаливался не годъ, а 8 лѣтъ сряду, а кузнецомъ былъ Наполеонъ. Пожалуйста, постарайся о сей дивизіи, а если ужъ нельзя, то пока пусть причислятъ меня къ кавалеріи». Желаніе Давыдова исполнилось: 23 Марта 1826 г. онъ вновь былъ назначенъ состоять по кавалеріи [4]). Пріѣхавъ въ первыхъ числахъ Августа въ Мо-

---

[1]) Сборникъ, LXXIII, 441.
[2]) Соч. Пушкина, I, 247. (Изд. Литературн. фонда).

[1]) Р. Старина, V, 636.
[2]) Тамъ же, 637.
[3]) Сборникъ, LXXIII, 538.
[4]) Формулярный списокъ.

скву для представленія Государю, Давыдовъ обратилъ на себя вниманіе Николая Павловича и совершенно неожиданно получилъ, черезъ Дибича, предложеніе Государя ѣхать въ Грузію, гдѣ шла въ то время война съ персіанами [1]).

15 Августа Давыдовъ выѣхалъ къ мѣсту назначенія. По дорогѣ онъ нагналъ Грибоѣдова, который былъ съ нимъ знакомъ раньше. Совмѣстное путешествіе еще болѣе сблизило обоихъ писателей, и Грибоѣдовъ, въ письмѣ къ С. Н. Бѣгичеву [2]) отъ 7 Декабря 1825 г., находитъ, что Давыдовъ, «какъ умный и рѣшительный человѣкъ, не только исполнитель чужихъ предначертаній, но творецъ своего поведенія... во многомъ бы могъ исправить ошибки самого Алексѣя Петровича».

Въ это время дѣла наши на персидской границѣ находились далеко не въ блестящемъ состояніи. Большимъ силамъ неожиданно вторгнувшагося непріятеля Ермоловъ могъ противопоставить лишь 10 тысячъ, изъ которыхъ три, предназначенныя для дѣйствія противъ сардаря Эриванскаго и его брата Гассанъ-хана, поступили, съ прибытіемъ Давыдова, подъ его команду. 20 Сентября Давыдовъ имѣлъ дѣло подъ Амамхами, а 22-го, разбивъ наканунѣ на голову 4/т. отрядъ Гассанъ-хана при урочищѣ Мирокъ, вступилъ въ персидскіе предѣлы близъ урочища Судагендъ. Наканунѣ принятія на себя команды Давыдовъ заболѣлъ мѣстной лихорадкой и могъ держаться на конѣ только благодаря усиленнымъ пріемамъ хины [3]). Здоровье его вообще значительно пошатнулось, и онъ, убѣдившись, что военныя дѣйствія не возобновятся до конца Апрѣля, взялъ на это время отпускъ и уѣхалъ въ Москву лѣчиться. Во время его отсутствія послѣдовала отставка Ермолова и назначеніе на его мѣсто Паскевича.

Паденіе Ермолова имѣло самыя тягостныя послѣдствія для всѣхъ близкихъ ему лицъ, въ томъ числѣ и для Давыдова. Когда онъ прибылъ въ Грузію, за мѣсяцъ до окончанія отпуска, ему было предложено состоять при Главной квартирѣ, а отдѣльный 6/т. отрядъ поступилъ подъ команду г.-м. Панкратьева, не имѣвшаго за собой боевого прошлаго и бывшаго къ тому же тремя годами моложе Давыдова по службѣ [4]). «Я, можетъ-быть, побѣдилъ бы въ себѣ чувство оскорбленнаго самолюбія, если бы самъ просился въ Кавказскій корпусъ», писалъ впослѣдствіи Давыдовъ кн. П. Д. Горчакову, «но я почитаю, что тотъ, кто понимаетъ всю цѣну выбора своего Государя, унижаетъ его самымъ преступнымъ образомъ сотовариществомъ съ тунеядцами; это дѣло было уже не мое, но моего Государя, а потому я рѣшился выбыть изъ корпуса» [1]).

Убѣдившись, что совмѣстная съ Паскевичемъ служба рѣшительно невозможна, Давыдовъ, сославшись на свое сильно разстроенное здоровье — ревматизмъ и одышку [2]), оставилъ Грузію и прибылъ въ Мае на кавказскія минеральныя воды. Здѣсь онъ пользовался Нарзаномъ и своими занимательными разсказами и неподдѣльнымъ остроуміемъ собиралъ и привлекалъ къ себѣ все мѣстное общество [3]). Находясь на водахъ, Давыдовъ обратился съ письмомъ къ Дибичу. Перечисливъ вкратцѣ исторію своего назначенія, свои труды и заслуги въ эту кампанію и упомянувъ о незаслуженномъ оскорбленіи, Давыдовъ говоритъ, что, при такомъ положеніи вещей, онъ сочтетъ не за обиду, а за истинное благодѣяніе позволеніе возвратиться въ Россію. Дибичъ обѣщалъ войти съ докладомъ къ Государю объ отставкѣ Давыдова [4]). Немного спустя, Давыдовъ просилъ В. Ф. Адлерберга напомнить Дибичу объ этомъ обѣщаніи [5]). Наконецъ, Давыдовъ получилъ разрѣшеніе оставить армію и больной, физически и душевно, возвратился въ Москву къ своей семьѣ и дѣламъ, пришедшимъ за его отсутствіе въ совершенное разстройство. Большимъ утѣшеніемъ ему было продленіе ежегодной аренды въ 1500 р. еще на 12 лѣтъ.

Поселившись въ подмосковномъ селѣ Мышецкомъ, Давыдовъ жилъ тамъ почти безвыѣздно до 1830 г., лишь изрѣдка посѣщая Москву для свиданія съ докторами [6]). Болѣзни, которыхъ раньше онъ не зналъ, и семейныя привязанности, мѣшавшія ему вполнѣ отдаваться, какъ прежде, войнѣ, отразились и на его творчествѣ. Поэтъ живо чувствуетъ, что время золотой молодости и беззаботной гусарской жизни прошло для него безвозвратно [7]).

Во время холерной эпидеміи 1830 г. Давыдовъ предложилъ свои услуги въ качествѣ надзирателя одного изъ тѣхъ санитарныхъ участковъ, на которые была разбита Москва и ея окрестности. Получивъ въ свое завѣдываніе 20-й участокъ, Давыдовъ, съ присущей ему

---

1) Соч. Д. Давыдова, «Воспоминанія о 1826 г.».
2) См. его біографію.
3) Сборникъ, LXXIII, 545.
4) Тамъ же, 549; см. также Соч. Д. Давыдова, «Письмо къ Закревскому отъ 31 Авг. 1827 г.».

1) Соч. Д. Давыдова.
2) Сборникъ, LXXIII, 548.
3) «Чтенія», 1874 г., I, 98.
4) Соч. Д. Давыдова.
5) Тамъ же.
6) Сборникъ, LXXIII, 550.
7) Особенно это настроеніе сказалось въ стихотвореніи «Полусолдатъ».

оригинальностью, внесъ такъ много новаго въ дѣло управленія этимъ учрежденіемъ, что Московскій генералъ-губернаторъ, кн. Д. В. Голицынъ, предложилъ всѣмъ взять его за образецъ. Въ числѣ пріѣхавшихъ къ Давыдову, для ознакомленія съ участкомъ, находился де-Сангленъ, бывшій при Александрѣ I начальникомъ военной полиціи и, по самому свойству своей должности, не пользовавшійся популярностью среди военныхъ. Давыдовъ также со своей стороны не считалъ нужнымъ скрывать свои чувства по отношенію къ де-Санглену. Тѣмъ не менѣе, онъ принялъ его съ чисто русскимъ радушіемъ и, послѣ осмотра участка, предложилъ прочесть только-что имъ написанную біографію Раевскаго. Во время чтенія гость сдѣлалъ хозяину нѣсколько замѣчаній относительно неумѣстныхъ либеральныхъ идей въ этомъ сочиненіи, а авторъ, внимательно слѣдя за тѣмъ, какъ де-Сангленъ постоянно мѣнялъ разговоръ, наводя его на политическія темы, пришелъ къ убѣжденію, что передъ нимъ шпіонъ. Вскипѣвъ негодованіемъ, Давыдовъ немедленно обратился къ своему старинному пріятелю, начальнику Московскаго жандармскаго округа г.-л. Волкову, съ просьбой выяснить, дѣйствовалъ ли де-Сангленъ по порученію правительства или по собственному почину. Въ завязавшейся по этому

Д. В. Давыдовъ.

поводу перепискѣ между Волковымъ, кн. Голицынымъ и шефомъ жандармовъ Бекендорфомъ выяснилось, что де-Сангленъ не имѣлъ никакого порученія, и Бекендорфъ предложилъ уже Голицыну принять мѣры къ тому, чтобы де-Сангленъ впредь «не смѣлъ тревожить московскихъ жителей таковыми посѣщеніями». Но въ это время де-Санглену удалось получить аудіенцію у Государя и убѣдить его въ своей правотѣ, что было не трудно сдѣлать, такъ какъ, послѣ столкновенія съ Паскевичемъ, Давыдовъ вообще не пользовался при Дворѣ особенно лестной репутаціей: Давыдову вторичнымъ письмомъ къ Волкову пришлось отказаться отъ всякаго удовлетворенія [1]).

Внимательно слѣдя изъ своего уединенія за событіями внѣшней и внутренней политики, Давыдовъ, при первомъ извѣстіи о польскомъ возстаніи, обратился съ письмомъ къ начальнику Главнаго штаба, гр. А. И. Чернышеву, и просилъ дать ему отдѣльный отрядъ: «За долгъ поставлю не скрыть отъ вашего сіятельства», писалъ онъ, «что, хорошо зная себя, я увѣренъ, что полезнѣе буду въ командованіи летучимъ отрядомъ, по чину моему составленнымъ, чѣмъ въ рядахъ безъ собственныхъ вдохновеній и съ окованнымъ духомъ предпріятій» [2]). На этотъ разъ Давыдовъ безъ всякихъ затрудненій получилъ назначеніе и 12 Марта былъ уже въ Главной квартирѣ, гдѣ его ждалъ очень хорошій пріемъ. 15 Марта онъ былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго отряда, составленнаго изъ Финляндскаго драгунскаго и трехъ казачьихъ полковъ, входившаго въ составъ корпуса ген. Крейца. Задачей этого отряда было слѣдить за корпусомъ Дверницкаго, находившагося подъ Замостьемъ, оберегать Крейца отъ внезапнаго нападенія мятежниковъ и препятствовать возбуждать волненіе въ краю между Вислою и Бугомъ [3]). Появленіе знакомой фигуры партизана Отечественной войны было встрѣчено въ арміи, по словамъ Давыдова, съ восторгомъ [4]).

Когда Дверницкій вторгнулся на Волынь, то Давыдову было поручено отрѣзать ему путь отступленія. 6 Апрѣля Давыдовъ подошелъ къ Владиміру-Волынскому. Молодой гр. Стецкій, вооружившій банду на свой счетъ и запершійся во Владимірѣ, съ приближеніемъ русскихъ бѣжалъ. Защиту города взяла на себя жена его, весьма энергическая женщина. Но, несмотря на умныя ея распоряженія, Владиміръ былъ взятъ, и сама Стецкая едва не попала въ руки казаковъ, но была спасена однимъ офицеромъ [5]). «Въ числѣ плѣнныхъ находился, между прочимъ, самый вліятельный изъ инсургентовъ, дворянинъ Чернолускій,

---

[1]) Р. Старина, 1883/III, 571 и 572; LXXXVI, 561—564.
[2]) Сочиненія, Письмо 1 Янв. 1831 г.
[3]) Тамъ же, II, 283 и 284.
[4]) Тамъ же, 304.
[5]) Станкевичъ и Пузыревскій, 190.

котораго Давыдовъ, для примѣра строгости, приказалъ разстрѣлять, а трупъ повѣсить на висѣлицу» [1]). «Я», говоритъ Давыдовъ, «поставилъ здѣсь все вверхъ дномъ и отбилъ навсегда охоту бунтовать» [2]). Съ занятіемъ Владиміра волненіе на Волыни утихло.

За взятіе Владиміра Дибичъ вошелъ съ представленіемъ о награжденіи Давыдова орденомъ св. Георгія 3 ст. [3]), но, вмѣсто этого, Давыдовъ получилъ черезъ долгій срокъ орд. св. Анны 1 ст. — 27 Апрѣля Давыдовъ, вмѣстѣ съ г.-м. гр. Толстымъ, преслѣдовалъ и загналъ въ крѣпость Замостье корпусъ Хржановскаго, шедшій на выручку разбитаго Дверницкаго. Въ это время Давыдова постигла непріятность, неоднократно съ нимъ случавшаяся и раньше: у него по частямъ разобрали отрядъ, оставивъ въ его распоряженіи лишь одинъ казачій полкъ. Это заставило Давыдова просить начальника штаба арміи, Толя, дать ему какое-либо другое назначеніе [4]), и онъ поступилъ подъ начальство ген. Ридигера.

7 Іюля Ридигеръ переправился черезъ рѣку Вепржъ и разбилъ корпусъ Скржинецкаго подъ Лисабысомъ (Будзиско). Въ этомъ сраженіи Давыдовъ, командуя лѣвой колонной [5]), въ теченіе 3 часовъ выдерживалъ жестокій натискъ значительно превосходившаго его числомъ непріятеля, пока появленіе Ридигера въ тылу поляковъ не рѣшило сраженія [6]). За это сраженіе Давыдовъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Почти весь Августъ Давыдовъ, командуя то отдѣльнымъ отрядомъ, то всей кавалеріей Ридигера, находился въ движеніи усиленными маршами отъ Радома до г. Конска [7]), преслѣдуя корпусъ Рожицкаго, и 28 Августа отразилъ нападеніе этого генерала на мостовое укрѣпленіе на лѣвомъ берегу Вислы и получилъ св. Владиміра 2 ст. Это сраженіе было послѣднимъ въ жизни Давыдова.

По окончаніи войны онъ поселился почти безвыѣздно въ селѣ Маза Симбирской губ., изрѣдка посѣщая Петербургъ, Москву, Владиміръ и Пензу, гдѣ всюду у него былъ обширный кругъ знакомыхъ. Главнымъ его занятіемъ было чтеніе, литературные труды и переписка по поводу ихъ съ друзьями и издателями; отдыхомъ ему служила псовая охота, любовь къ которой онъ сохранилъ до смерти. Въ это время писателемъ-партизаномъ была написана большая часть его прозаическихъ сочиненій, носящихъ характеръ мемуаровъ. Владѣя весьма оригинальнымъ слогомъ, своеобразную силу и прелесть котораго живо чувствовалъ Пушкинъ, утверждавшій, что онъ научился быть оригинальнымъ у Давыдова, и въ молодости, по собственному признанію, подражавшій ему въ «крученіи стиха» [1]), писатель-партизанъ весьма ревниво оберегалъ свои произведенія отъ непрошенныхъ поправокъ и искаженій. Главными врагами его въ этомъ отношеніи были цензура, нещадно отсѣкавшая лучшія, по его мнѣнію, мѣста, и извѣстный издатель «Библіотеки для чтенія» Сенковскій, своими исправленіями совершенно обезличивавшій своеобразное перо писателя, присылавшаго ему статьи для помѣщенія въ его журналѣ. Особенно сильно пострадала отъ цензуры статья Давыдова «Взятіе Дрездена», присланная имъ Пушкину для помѣщенія въ «Современникѣ». Скрывъ свою досаду, онъ въ юмористическомъ тонѣ проситъ друга прислать ему эту статью: «Не замедли прислать мнѣ чадо мое, пострадавшее въ битвѣ; дай мнѣ налюбоваться на благородныя его раны и рубцы, полученные въ неравной борьбѣ, смѣло предпринятой и храбро выдержанной». «Успѣешь наглядѣться на ея благородныя раны», отвѣчалъ Пушкинъ, «покамѣстъ благодари за позволеніе напечатать ее въ настоящемъ видѣ» [2]).

Двѣ другія излюбленныя Давыдова статьи: «Воспоминаніе о Прейсишъ-Элаускомъ сраженіи» и «Встрѣча съ великимъ Суворовымъ» благополучно прошли горнило цензуры, но, попавъ въ руки Сенковскаго, подверглись стилистическимъ исправленіямъ, которыя жестоко оскорбили автора [3]). Пушкинъ, по этому поводу, въ письмѣ къ Давыдову замѣтилъ: «Сенковскому учить тебя русскому языку все равно, что евнуху учить Потемкина».

Прозаическими сочиненіями Давыдова не исчерпывается его литературная дѣятельность за этотъ періодъ. Встрѣча въ Пензѣ съ дочерью одного изъ мѣстныхъ помѣщиковъ Е. Д. Золотаревой, молодой дѣвушкой выдающагося образованія и красоты, внушила немолодому уже поэту нѣжное чувство и побудила его вновь взяться за лиру. Этому знакомству мы обязаны лучшими поэтическими произведеніями Давыдова, талантъ котораго

---

[1]) Пузыревскій, «Польско-Русская война 1831 г.», изд. 2, I, 189.
[2]) Сочиненія, II, 314.
[3]) Сочиненія, II, 341.
[4]) Сочиненія, II, 179—181.
[5]) Конно-егерск. дивизія Пашкова и 19 и 20 Егерскіе полки при 6 орудіяхъ.
[6]) Станкевичъ и Пузыревскій, 347; Сочиненія, II, 320.
[7]) Формулярный списокъ.

[1]) Р. Архивъ, 1874/II, 732.
[2]) Сочиненія, III, 221 и 222.
[3]) Тамъ же, 207—209.

достигъ теперь полнаго своего развитія [1]). Настойчивое ухаживаніе и переписка съ молодой дѣвушкой прекратились лишь съ выходомъ ея замужъ [2]).

Плодами своего вдохновенія, навѣяннаго любовью, поэтъ дѣлился съ друзьями, главнымъ образомъ, съ Н. М. Языковымъ, Пушкинымъ и Баратынскимъ. «Пенза — моя вдохновительница», писалъ онъ Языкову, «холмъ, на которомъ лежитъ этотъ городъ, есть мой Парнасъ съ давняго времени: здѣсь я опять принялся за поэзію. Посылаю вамъ что-то вдохновенное, но недостаточно обдѣланное; скажите ваше мнѣніе и, пожалуйста, исправьте, что вамъ не понравится. Я о томъ же писалъ и къ Баратынскому» [3]). Посылая Языкову одно изъ своихъ стихотвореній, Давыдовъ замѣчаетъ: «Всѣ эти посылки я дѣлаю не для того, чтобы вы стихи мои хвалили, а болѣе для того, чтобы вы ихъ бранили и изъявили бы мнѣніе ваше, гдѣ въ нихъ что надо исправить и какъ исправить! такъ со мною поступаютъ друзья мои: Баратынскій, Пушкинъ, Вяземскій; того же и отъ васъ прошу» [4]). Но друзья и современники признавали и высоко цѣнили въ немъ литературныя дарованія. Въ одномъ изъ своихъ посланій къ Давыдову Языковъ сдѣлалъ такую оцѣнку его стиха [5]):

«Не умретъ твой стихъ могучій,
Достопамятно живой,
Упоительный, кипучій
И воинственно—летучій
И разгульно—удалой» [6]).

Много времени долженъ былъ удѣлять Давыдовъ заботамъ о воспитаніи подроставшихъ дѣтей—четырехъ сыновей и одной дочери [7]). Будучи, по свидѣтельству старшаго сына, примѣрнымъ семьяниномъ и любящимъ отцомъ [8]), Давыдовъ не щадилъ усилій, чтобы дать дѣтямъ наилучшее воспитаніе. Старшаго сына онъ надѣялся помѣстить въ Институтъ инженеровъ путей сообщенія, второго готовилъ въ Училище правовѣдѣнія [9]). Незадолго до смерти, въ 1837 г., Давыдовъ началъ хлопотать о перенесеніи изъ с. Симлы Владимірской губ. на Бородинское поле праха кн. Багратіона, къ памяти котораго онъ постоянно чувствовалъ «глубочайшее благоговѣніе и самую искреннюю душевную признательность» [1]). Государь соизволилъ на это ходатайство, но самое перенесеніе было отсрочено до Августа 1839 г., когда должны были состояться открытіе памятника и маневры, повторявшіе Бородинское сраженіе. Давыдова очень занимало это дѣло. «Если честь сего перемѣщенія», писалъ онъ Ермолову, «возложена будетъ на меня—честь, которую я приму за истинное благодѣяніе (и на которую, впрочемъ, имѣю все право и потому, что я былъ болѣе времени, чѣмъ другіе, адъютантомъ князя, и потому, что я подалъ мысль о перемѣщеніи его праха и хлопочу о томъ), то мнѣ нужно будетъ получить на сіе предписаніе военнаго министра заблаговременно, дабы имѣть время распорядиться по сему случаю» [2]). Давыдову была оказана столь горячо желаемая имъ честь, но онъ не дожилъ до этого дня и внезапно умеръ отъ апоплектическаго удара, сидя за письмомъ къ старшему сыну. Тѣло его было перевезено въ Москву и погребено на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря. Жуковскій посвятилъ памяти друга слѣдующія строки:

«И боецъ, сынъ Аполлоновъ....
Мнилъ онъ гробъ Багратіоновъ
Проводить въ Бородино....
Той награды не дано:
Вмигъ Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ!» [3]).

По оригинальному складу ума, по разнообразнымъ талантамъ, по цѣльности своихъ убѣжденій, которымъ онъ не измѣнялъ никогда, и по горячему патріотизму Д. В. Давыдовъ представляетъ выдающуюся личность, и образъ этого поэта-воина, въ мирное время изучающаго политическую экономію или переводящаго Тацита [4]), но лишь только «загремятъ въ полѣ»—бросающаго все и спѣшащаго подъ знамена, глубоко симпатиченъ. Его всегдашняя отзывчивость, въ связи съ мягкостью и уступчивостью его характера, побуждали Давыдова раздѣлять всѣ шумныя и разгульныя похожденія товарищей, создавъ ему довольно прочную, но совершенно несоотвѣтствующую дѣйствительности репутацію кутилы par excellence. Люди, близко и хорошо знавшіе поэта, понимали, что, главнымъ обра-

---

1) Сюда относятся стихотворенія: «Море воетъ», «Вальсъ» и др.
2) Исторія этой любви и переписка приведены въ статьѣ г. Осипова: Ист. В-къ, XLI, 86—91.
3) Сочиненія, III, 190 и 191.
4) Тамъ же, 193—195.
5) Стихотвореніе: «Отвѣтъ».
6) Стихотворенія Н. М. Языкова. Изд. 1858 г., II, 35.
7) Василій, Николай, Денисъ, Ахиллъ и Юлія.
8) Р. Стар. 1872, V, 638.
9) Сочиненія, III, 205 и 206; 217—219.

1) Сочиненія, I, 246.
2) Сочиненія, III, 227 и 228.
3) «Бородинская годовщина» (Соч. Жуковскаго, 9-ое изд., III, 179).
4) Ист. Вѣстникъ, XXIX, 54.

зомъ, товарищескія чувства заставляли его принимать участіе въ этихъ кутежахъ и даже воспѣвать ихъ какъ все, выходившее изъ рамокъ обыденной жизни. Наиболѣе мѣткую характеристику Давыдова въ этомъ отношеніи далъ кн. Щербатовъ, сказавъ: «Davidoff, quand on le connait bien, n'est que le fanfaron du vice» [1]). Съ этимъ отзывомъ вполнѣ совпадаютъ слова Ермолова, сказанныя имъ Государю [2]) и показаніе родного сына объ образѣ жизни и привычкахъ Д. В. Давыдова.

Цѣльность взглядовъ и широта идеаловъ военнаго и политическаго, отчасти вынесенныя имъ изъ родительскаго дома, отчасти самостоятельно выработанныя Давыдовымъ въ болѣе свѣтлую историческую эпоху, къ которой принадлежала его ранняя молодость, не позволили ему, не смотря на всю любовь къ военному дѣлу и недостатокъ матеріальныхъ средствъ, оставаться на службѣ и подчиняться тому порядку, недостатки котораго онъ отлично понималъ своимъ яснымъ умомъ и не стѣснялся, во вредъ себѣ, обличать съ присущею ему откровенностью. Съ удивительною проницательностью, дѣлающею честь его вѣрному взгляду, Давыдовъ, въ своихъ запискахъ о Польской войнѣ, написанныхъ почти за четверть вѣка до Крымской кампаніи, ужасается наступленія такой поры, «когда дѣятельность умныхъ и свѣдущихъ людей будетъ необходима, а наше правительство будетъ окружено толпой неспособныхъ и упорныхъ въ своемъ невѣжествѣ людей..... Усилія этихъ лицъ», прибавляетъ писатель-патріотъ, «не допустить до него справедливыя требованія вѣка могутъ лишь ввергнуть государство въ рядъ страшныхъ золъ» [3]).

Сочиненія Д. В. Давыдова выдержали уже шесть изданій, изъ которыхъ первое, 1832 г., вышло еще при жизни автора и заключаетъ въ себѣ лишь его стихотворенія и автобіографію. Изъ послѣдующихъ изданій, 1840, 1848 и 1860 гг., наиболѣе полнымъ является послѣднее, сдѣланное сыновьями автора. Въ пятомъ изданіи, Суворина, напечатаны лишь стихотворенія и автобіографія; наконецъ, послѣднимъ по времени является редактированное А. О. Круглымъ шестое изданіе, снабженное статьей о литературной дѣятельности Давыдова и указателемъ личныхъ именъ. Это изданіе явилось безплатнымъ приложеніемъ къ журналу «Сѣверъ» въ 1893 г.

Н. Совѣтовъ.

---

1) Р. Старина, V, 629.
2) Тамъ же.
3) Сочиненія, II.

Платонъ Ивановичъ Каблуковъ 1-й, 1779—1835, родился въ с. Ильинскомъ Костромской губ.

Въ Январѣ 1791 г. Каблуковъ, на 12 году жизни, по тогдашнему обыкновенію дворянъ, былъ записанъ на службу въ Преображенскій полкъ подпрапорщикомъ, но оставался дома подъ надзоромъ родителей, тщательно занимавшихся его воспитаніемъ. Явясь въ полкъ въ 1798 г., онъ былъ 8 Сентября произведенъ въ портупей-прапорщики и на другой же день — въ прапорщики. Черезъ годъ онъ былъ произведенъ въ подпоручики, съ переводомъ въ Измайловскій полкъ, гдѣ служилъ лишь нѣсколько дней, такъ какъ 3 Окт. 1799 г. состоялся приказъ о переводѣ его снова въ Преображенскій полкъ. 17 Сентября 1802 г. Каблуковъ былъ переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, 5 Ноября того же года произведенъ поручикомъ, а 25 Іюня слѣдующаго года назначенъ полковымъ адъютантомъ; 5 Іюля 1805 г. произведенъ шт.-ротмистромъ. Подъ Аустерлицемъ Каблуковъ участвовалъ въ знаменитой атакѣ, выручившей нашу гвардейскую пѣхоту. Въ числѣ *раненыхъ* находился и Каблуковъ, которому пуля пробила ногу. Безъ чувствъ упалъ онъ съ лошади, послѣ сраженія найденъ французами между мертвыми и взятъ въ плѣнъ, изъ котораго возвратился только въ слѣдующемъ году. Императоръ Александръ пожаловалъ ему золотую шпагу съ надписью: «за храбрость».

Не прошло года послѣ возвращенія Каблукова изъ плѣна, когда, въ Февралѣ 1807 г., гвардія снова двинулась противъ французовъ, на усиленіе арміи Беннигсена. Съ 25 Марта по 24 Августа Каблуковъ участвовалъ съ полкомъ въ заграничномъ походѣ; въ Декабрѣ того же года онъ былъ произведенъ въ ротмистры, а 4 Февр. 1810 г.—въ полковники.

Рана, полученная имъ подъ Аустерлицомъ, несмотря на истекшіе съ тѣхъ поръ почти 3 года, давала себя знать и вынудила Каблукова проситься въ отпускъ для продолжительнаго лѣченія за границей. 25 Іюня этого года Вел. Кн. Константинъ Павловичъ далъ знать въ Кавалергардскій полкъ, что Государь соизволилъ уволенному за границу «для излѣченія отъ полученныхъ увѣчьевъ» полковнику Каблукову пожаловать вспомоществованіе въ двѣ тысячи рублей; кромѣ того, повелѣно было въ теченіе 6-мѣсячнаго отпуска сохранить ему и жалованье. Въ концѣ Ноября Каблуковъ писалъ изъ Парижа въ полкъ, что здоровье его еще не достаточно возстановилось и потому, въ виду истеченія срока отпуска, просилъ продлить его до Октября слѣдующаго года. Въ это время онъ состоялъ при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ, при которомъ и былъ оставленъ до конца 1811 г., когда враждебные замыслы Наполеона предвѣщали близкій, неминуемый разрывъ его съ Александромъ I.

Возвратясь изъ Парижа съ важными дипломатическими депешами, Каблуковъ въ началѣ весны пошелъ съ полкомъ въ походъ къ Вильнѣ и съ нимъ же совершилъ походъ отъ Вильны до Бородина. При размѣщеніи нашихъ войскъ на Бородинской позиціи, кавалергарды, вмѣстѣ съ другими полками 1 Кирасирской дивизіи, были поставлены въ резервѣ, позади центра. Уже въ самомъ началѣ боя Кутузовъ долженъ былъ ввести въ дѣло 2 Кирасирскую дивизію и 2 бригаду 1 Кирасирской. Только 1 бригада этой дивизіи—кавалергарды и Конная гвардія—не трогались съ мѣста, сберегаемые Кутузовымъ до послѣдней крайности, вмѣстѣ съ преображенцами и семеновцами. Когда послѣ невѣроятныхъ усилій, оказанныхъ обѣими сражавшимися арміями, Наполеонъ прорвалъ нашъ центръ, Барклай-де-Толли двинулъ лично впередъ кавалергардовъ и Конную гвардію [1]). Къ нимъ присоединились остатки нашихъ конныхъ полковъ, и вскорѣ начался безчисленный рядъ кавалерійскихъ атакъ. Въ этомъ бою Каблуковъ нѣсколько разъ ходилъ съ эскадрономъ въ атаку, былъ *раненъ* саблею въ правую руку и награжденъ орд. св. Владиміра 4 степени. Въ Сентябрѣ Каблуковъ былъ командированъ главнокомандующимъ въ Тверскую, Новгородскую и Ярославскую губерніи. Въ Январѣ 1813 г. онъ прибылъ обратно въ полкъ и участвовалъ въ сраженіи подъ Кульмомъ. За отличіе въ этомъ сраженіи Каблуковъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ въ Польскую армію Беннигсена. По прибытіи туда, онъ поступилъ въ отрядъ г.-м. гр. Крейца и командовалъ частью его кавалеріи при обложеніи кр. Магдебурга съ 26 Октября по 29 Ноября, при чемъ два раза участвовалъ въ дѣлахъ при вылазкахъ непріятеля. Каблуковъ особенно отличился 27 Октября, атаковавъ тремя эскадронами Пензенскаго коннаго ополченія двѣ колонны французской пѣхоты, одну послѣ другой; онъ опрокинулъ ихъ, захватилъ много плѣнныхъ и отбилъ пушку. Изъ-подъ Магдебурга Каблуковъ пошелъ въ отрядѣ Крейца подъ Гамбургъ, гдѣ нѣкоторое время командовалъ передовою цѣпью; въ началѣ Января 1814 г. переправился черезъ Рейнъ и за три дня до взятія Парижа прибылъ въ Нанси. 6 Мая, передъ выступленіемъ нашихъ войскъ въ обратный походъ въ Россію, онъ былъ назначенъ послѣ убитаго подъ Краономъ своего товарища, С. Н. Ушакова [1]), шефомъ Курляндскаго драг. полка, каковымъ и состоялъ до 1 Сентября 1814 г., когда во всѣхъ армейскихъ полкахъ были отмѣнены шефы. Въ то же время онъ былъ назначенъ командиромъ 2 бриг. 3 Драгунской дивизіи, съ которою и возвратился въ Россію, но въ Апрѣлѣ 1815 г., вслѣдствіе бѣгства Наполеона съ о-ва Эльбы во Францію, выступилъ опять въ походъ за Рейнъ и съ 22 Іюня по 21 Іюля командовалъ кавалерійскимъ отрядомъ при блокадѣ кр. Меца. Въ теченіе этихъ 4 недѣль Каблуковъ участвовалъ въ отраженіи вылазокъ гарнизона и за оказанныя въ нихъ отличія получилъ Высочайшее благоволеніе; въ Августѣ же онъ поступилъ въ отдѣльный корпусъ гр. Воронцова, съ которымъ оставался во Франціи до Ноября 1818 г. [2]). Передъ выходомъ изъ Франціи корпуса Воронцова, король Людовикъ XVIII пожаловалъ Каблукову орденъ Почетнаго Легіона 3 ст., а префектъ Лузьерскаго департамента лично поднесъ ему «въ знакъ уваженія и признательности короля» золотую медаль съ изображеніемъ Людовика XVIII. Еще находясь во Франціи, въ Іюлѣ 1818 г. Каблуковъ былъ назначенъ командиромъ 1 бриг. 3 Кирасирской дивизіи, а 26 Ноября 1823 г.—начальникомъ той же дивизіи, поселенной въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ. Начальникомъ военнаго поселенія въ этихъ губерніяхъ и войскъ, къ нему принадлежавшихъ, Каблуковъ былъ назначенъ 10 Апр. 1832 г. Къ этому времени онъ получилъ Георгія 4 ст. за 25 лѣтъ службы (1823 г.), Анненскую ленту «за приведеніе въ лучшее состояніе 3 Кирасирской дивизіи» (1825 г.), въ день коронованія Императора Николая I,

[1]) См. біогр. барона К. К. Левенвольда.

[1]) См. «Сборникъ біогр. кавалергардовъ», II.

[2]) См. біографію Д. Н. Мордвинова, «Сборникъ біогр. кавалергардовъ», II.

22 Августа 1826 года — чинъ генералъ-лейтенанта, затѣмъ алмазные знаки къ ордену св. Анны 1 ст. (1828 г.) и, наконецъ, орденъ св. Владиміра 2 ст. «за труды по устройству 3 Кирасирск. дивизіи и за значительныя выгоды, доставленныя черезъ собственное ея отъ земли продовольствіе» (1829 г.).

Вспыхнувшій въ Польшѣ мятежъ снова призвалъ Каблукова на поле сраженія. Поступивъ съ 3 Кирасирской дивизіей въ дѣйствующую армію, 25 Января 1831 г. онъ перешелъ границу у Цѣханова и находился при преслѣдованіи мятежниковъ къ Минску. Гроховская битва (13 Февр.) дала ему случай выказать свою личную храбрость, но не таланты кавалерійскаго генерала. Какъ извѣстно, молодецкій подвигъ Малороссійскихъ (Пр. Альберта) кирасиръ вызвалъ панику среди поляковъ и заставилъ самого главнокомандующаго кн. Радзивилла со свитой ускакать въ Варшаву. Каблуковъ, несмотря на то, что командиръ полка Мейендорфъ лично повелъ два дивизіона въ атаку, бросился и самъ съ ними въ атаку. Въ пылу сраженія, Мейендорфъ, опрокинувъ поляковъ, пробился назадъ чрезъ непріятельскія линіи; подъ *сопровождавшимъ* его Каблуковымъ лошадь пала въ эту самую минуту, пронзенная семью пулями. Атака Мейендорфа, за *ненахожденіемъ* Каблукова на своемъ мѣстѣ, не была поддержана остальными полками его дивизіи, что и было причиною лишь частичнаго успѣха атаки [1]). *Раненый* пулею, Каблуковъ былъ награжденъ орденомъ *св. Георгія* 3 ст.

Съ 27 Февраля по 9 Марта, состоя въ корпусѣ гр. Толя, Каблуковъ находился съ нимъ въ преслѣдованіи войскъ Дверницкаго, который и былъ принужденъ укрыться въ кр. Замостье. Возвратясь къ Главной арміи, Каблуковъ участвовалъ во всѣхъ ея передвиженіяхъ, при чемъ его дивизія отличилась въ бою подъ Нуромъ (10 Мая), гдѣ Стародубовскій кирас. полкъ «опрокинулъ конныхъ егерей и, преслѣдуя ихъ, захватилъ 1 орудіе; Орденскій кирас. полкъ прорвалъ двигавшееся противъ него каре и разсѣялъ его, а Новгородскіе кирасиры бросились на правый флангъ поляковъ, а Ново-архангельскіе уланы на ихъ центръ и смяли каре» [2]). Въ сраженіи подъ Остроленкой Каблуковъ «отличною храбростью, присутствіемъ духа и благоразумными распоряженіями много способствовалъ пораженію мятежниковъ, бывшихъ подъ начальствомъ Лубенскаго, и лично взялъ два непріятельскихъ орудія». За этотъ подвигъ онъ былъ награжденъ орд. св. Александра Невскаго. Въ продолженіе второй половины похода противъ поляковъ онъ находился въ Главной арміи. За свои дѣйствія во время приступа Варшавы 25 и 26 Августа и за участіе въ другихъ дѣлахъ этого похода Каблукову было объявлено Высочайшее благоволеніе. Послѣ паденія Варшавы онъ поступилъ подъ начальство гр. Палена и съ 12 по 20 Сентября преслѣдовалъ отступившихъ изъ Варшавы поляковъ.

По окончаніи Польской войны Каблуковъ провелъ зиму съ дивизіей въ Царствѣ Польскомъ, а весною 1832 г. возвратился съ нею на прежнія квартиры въ Херсонскую губернію. Въ этомъ же году ему была предоставлена власть командира отдѣльнаго корпуса, въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ командиромъ сначала Своднаго, а затѣмъ 2 Резервнаго кавалерійскаго корпуса, за отличное состояніе котораго въ 1834 г. ему были пожалованы алмазные знаки орд. св. Александра Невскаго—послѣдняя награда, полученная имъ на служебномъ поприщѣ.

Въ это время здоровье Каблукова начало разстраиваться. Онъ испросилъ себѣ 4-мѣсячный отпускъ за границу, но и тамъ пособія врачей не принесли ему пользы. Болѣзнь усиливалась, и Каблуковъ, чувствуя себя не въ силахъ болѣе командовать корпусомъ, 6 Января 1835 г., по прошенію, былъ уволенъ въ годовой отпускъ, съ назначеніемъ состоять по арміи. Отправляясь изъ Елизаветграда, корпусной своей квартиры, онъ отъѣхалъ только 50 верстъ, когда недугъ заставилъ его остановиться въ дер. Петриковкѣ. На другой день, 16 Мая 1835 г., Каблукова не стало. Онъ умеръ на рукахъ родныхъ.

Малороссійскому кирасирскому полку, очевидцу храбрости Каблукова, пришлось и отдать ему послѣднюю воинскую почесть: полкъ шелъ на маневры подъ Калишъ; случай привелъ его въ Петриковку въ день кончины Каблукова, и его боевые товарищи, глубоко чтившіе его память, со слезами отдали ему послѣдній долгъ [1]).

В. Жерве.

Владиміръ Ивановичъ Каблуковъ 2-й, 1780—1848, братъ Платона Ивановича, въ службѣ съ 1791 г. въ Преображенскомъ полку подпрапорщикомъ, въ 1798 году портупей-

---

[1]) См. біографіи *Зона* и *А. А. Гревса.*

[2]) Пузыревскій, I, 247.

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., оп. 161, св. 3, д. 32, л. 913; Нагр. дѣла, св. 2, д. 51; св. 10, д. 12; Станкевичъ и Пузыревскій, «Польская кампанія 1830—31 гг.»; Пузыревскій, «Польско-Русская война», изд. 1890 г.; Р. Арх., 1870 г., 370; Мѣс. рапорты 1812 г., Сентябрь; 1813 г., Январь.

прапорщикомъ; 17 Дек. 1798 г. произведенъ прапорщикомъ и въ 1799 г. подпоручикомъ. 8 Сент. 1802 г. переведенъ въ кавалергарды, гдѣ 5 Ноября того же года поручикомъ и 4 Іюля 1805 г. шт.-ротмистромъ.

Въ Аустерлицкомъ сраженіи, участвуя въ знаменитой атакѣ кавалергардовъ, «*раненъ* въ голову три раза саблею и въ бокъ два раза штыкомъ» [1]) и взятъ въ плѣнъ. «Оттуда находился въ обратномъ походѣ чрезъ Венецію въ Россійскіе предѣлы». По возвращеніи 7 Апрѣля 1806 года изъ плѣна былъ награжденъ золотою шпагою. Въ рядахъ же Кавалергардскаго полка Каблуковъ участвовалъ въ кампаніи 1807 года.

Въ 1808 году Каблуковъ произведенъ въ ротмистры, въ 1810 г. въ полковники и назначенъ командиромъ лейбъ-эскадрона, коимъ и командовалъ во все продолженіе Отечественной войны, и за Бородино награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. Затѣмъ онъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1813 и 1814 гг. Подъ Кульмомъ 18 Августа онъ сначала «прикрывалъ съ дивизіономъ батарею», а затѣмъ «посланъ былъ преслѣдовать непріятеля и на высотахъ Ноллендорфскихъ атаковалъ непріятельскую колонну, отбилъ 4 непріятельскія орудія и 20 прусскихъ, а также обозъ россійскихъ гвардейскихъ полковъ; при этомъ взялъ въ плѣнъ 35 об.-офицеровъ и 247 рядовыхъ», за что и былъ награжденъ орденомъ *св. Георгія* 4 ст.

13 Сентября Каблуковъ, за производствомъ командующаго Кавалергардскимъ полкомъ полковника Ершова въ генералъ-майоры, вступилъ въ командованіе полкомъ и за сраженіе подъ Фершампенуазомъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ оставленіемъ командующимъ полкомъ, и получилъ ордена: Австрійскій—Леопольда мал. креста, Прусскій—Краснаго Орла 2 ст. и Баварскій—Максимиліана. Каблуковъ былъ командующимъ полкомъ до 17 Іюля 1821 г., когда назначенъ командиромъ 2 бриг. 1 Кирасирской дивизіи и полковымъ командиромъ Лейбъ-Кирасирскаго Ея Вел. полка, при чемъ ему было пожаловано 4/т. десятинъ земли и орденъ св. Анны 1 ст.

За время командованія Лейбъ-Кирасирскимъ Ея Вел. полкомъ, Каблуковъ былъ награжденъ: брилліантовой табакеркой (1824 г.), чиномъ генералъ-лейтенанта, съ оставленіемъ командиромъ бригады и полкомъ (22 Авг. 1826 г.) и алмазными знаками къ орд. св. Анны 1 ст.

3 Февр. 1828 г. онъ назначенъ начальникомъ 4 Гусарской дивизіи, а въ слѣдующемъ году награжденъ орд. св. Владиміра 2 ст.

Каблуковъ отлично командовалъ полкомъ и дивизіей въ мирное время и неоднократно получалъ Высочайшія благоволенія.

Въ 1831 г. ему пришлось дѣйствовать въ Литвѣ. Съ 11 Мая онъ со своей дивизіей находился въ Вилейскомъ, Дисненскомъ, Боржовскомъ и Лепельскомъ уѣздахъ для уничтоженія мятежническихъ шаекъ, что и было имъ исполнено съ успѣхомъ. Послѣ отбитія Гельгуда отъ Вильны (7 Іюня), Каблукову было поручено преслѣдованіе $2^1/_2$-тысячнаго отряда Дембинскаго, для чего сформированъ былъ отрядъ изъ трехъ пѣх. полковъ, двухъ кавалерійскихъ полковъ, при 12 орудіяхъ. Дѣйствія Каблукова, оттѣснившаго первоначально (23 Іюня) Дембинскаго за Поневѣжъ, были столь нерѣшительны и движенія столь медленны, что Дембинскому удалось не только отойти на Поневѣжъ, но и захватить (27 Іюня) обозъ Каблукова. 2 Іюля начальство надъ отрядомъ принялъ генералъ Савоини, подъ начальствомъ коего Каблуковъ участвовалъ въ дѣлахъ при д. Малятѣ (4 Іюля) и при

В. И. Каблуковъ.

переправѣ Дембинскаго чрезъ Нѣманъ у Ивьи (11 Іюля). За дѣйствія у Поневѣжа (23 Іюля) онъ былъ награжденъ орд. св. Анны 1 ст. съ Имп. короной.

Въ 1833 г. ему была пожалована аренда въ 1500 руб.; 6 Янв. 1834 г. назначенъ сенаторомъ и 10 Окт. 1843 г. произведенъ въ дѣйств. тайн. совѣтники.

Былъ женатъ на меньшой дочери графа П. В. Завадовскаго, гр. Татьянѣ Петровнѣ, и

---

1) Раны эти давали себя чувствовать еще въ 1808 г.—«Г. ротм. Каблуковъ вслѣдствіе полученныхъ имъ ранъ въ голову и грудь имѣетъ въ сихъ частяхъ тѣла ломоту и на головѣ не можетъ носить каски». (Полк. арх. Рапортъ шт.-лекаря Флерова, 30 Марта 1808 г.).

имѣлъ дѣтей: Вѣру (р. 1820 г., замужемъ за кн. Голицынымъ), Олимпіаду (р. 1822 г., замужемъ за кн. Анат. Ив. Барятинскимъ), Клеопатру (р. 1826 г., замужемъ за Мессингомъ) и сына Александра (р. 1829 г., служилъ въ Кабардинскомъ полку, былъ женатъ на дочери генерала Пичугина, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ бездѣтнымъ. Жена его приняла монашество съ именемъ Антоніи и была казначеей въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ).

В. И. Каблуковъ умеръ 19 Апр. 1848 г. [1]).

Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, 1778—1845, былъ сынъ князя Григорія Семеновича Волконскаго отъ брака съ княжною Александрой Николаевной, дочерью послѣдняго представителя рода князей Репниныхъ, фельдмаршала кн. Николая Васильевича.

Князь Гр. Сем. Волконскій, сподвижникъ Румянцева и Суворова, получившій отъ этого послѣдняго прозвище «неутомимаго Волконскаго», послѣ продолжительной военной карьеры былъ съ 1803 по 1817 годъ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и умеръ въ 1824 г. въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи и званіи члена Государственнаго Совѣта.

Князь Г. С. Волконскій отличался большими странностями, причиной которыхъ было, вѣроятно, стремленіе подражать Суворову; онъ ходилъ съ непокрытою головою и въ одномъ камзолѣ, нагружалъ свою карету съѣстными припасами для раздачи нищимъ, становился среди улицы на колѣни для молитвы и т. п. Все это заставляло многихъ считать его «полоумнымъ чудакомъ». Воспитаніемъ дѣтей занималась кн. А. Н. Волконская, жившая отдѣльно отъ мужа, въ Петербургѣ; отецъ не участвовалъ въ этомъ дѣлѣ и мало имѣлъ вліянія въ семьѣ, онъ только любилъ своихъ троихъ сыновей, «лелѣялъ» ихъ, по выраженію кн. С. Г. Волконскаго; въ то же время, когда они были уже совсѣмъ взрослыми людьми, относился съ восторгомъ къ ихъ боевымъ успѣхамъ; но эксцентричность кн. Г. С. Волконскаго должна была имѣть вліяніе на его отношенія къ сыновьямъ. Такъ, самъ кн. Н. Г. Репнинъ разсказывалъ своей дочери о полученной имъ уже чуть ли не въ чинѣ полковника пощечинѣ отъ отца по какому-то ничтожному поводу. Раскаявшійся тотчасъ же, старикъ плакалъ, обнималъ сына, говоря: «Я тебѣ уже не отецъ, но будемъ друзьями» [1]).

По желанію дѣда, кн. Н. В. Репнина, кн. Н. Г. Волконскій поступилъ въ 1-й Кадетскій корпусъ, гдѣ и окончилъ свое воспитаніе. По свидѣтельству современника (М. И. Муравьева-Апостола), онъ «своимъ образованіемъ служилъ лучшею похвалою воспитанію, которымъ отличались наши офицеры» [2]). 9 Октября 1792 г. Волконскій вступилъ въ службу прапорщикомъ въ Измайловскій полкъ, 1 Января 1796 года произведенъ въ подпоручики, а 12 Декабря того же года — въ поручики. 14 Апрѣля 1797 г. онъ былъ переведенъ въ Лейбъ-Гусарскій полкъ и 29 Сентября того же года назначенъ флигель-адъютантомъ. 25 Сентября 1798 года произведенъ въ шт.-ротмистры, 20 Сентября 1799 года въ ротмистры, 27 Сентября 1800 года въ полковники, а 17 Сентября 1802 года Волконскій былъ переведенъ въ Кавалергардскій полкъ. Въ 1795 и 1796 гг. онъ находился въ арміи, расположенной въ Польшѣ; въ 1798 г. былъ командированъ въ свитѣ дѣда, кн. Репнина, въ Пруссію на коронацію короля Фридриха-Вильгельма III; въ то же время онъ посѣтилъ Вѣну также вмѣстѣ съ дѣдомъ, которому было поручено вести переговоры съ Австріей о союзѣ противъ Франціи. Въ 1799 г. находился въ корпусѣ генерала Германа, дѣйствовавшемъ въ Голландіи противъ французовъ, и участвовалъ въ авангардныхъ дѣлахъ и въ «генеральной баталіи» при Бергенѣ (8 Сентября.) [3]).

Послѣ неудачной экспедиціи Германа князь Волконскій до 30 Августа 1800 г. находился

---

1) Полк. архивъ; Леф. арх., оп. 161, св. 12; д. 81, л. 243; Нагр. дѣла, 1813 г., св. 2, д. 51; св. 10, д. 12; св. 14, д. 4; св. 15, д. 12; Ист. лб.-гв. Кирас. Ея Вел. полка, 347, 363, 366 и Прил. стр. 113; Станкевичъ и Пузыревскій, «Польская кампанія 1830—1831 гг.», 315 — 338; Долгорукій, II, 182; Р. Арх., 1883/III, 172; 1883/VI, 398; 1887/I, 128.

1) «Родъ кн. Волконскихъ», 702 — 706; Записки С. Г. Волконскаго, 80; Р. Архивъ, 1889/V, 155; Р. Стар., 1899/XII, 507.

2) Р. Архивъ, 1888/XI, 372.

3) Общ. Арх. Гл. Штаба, Форм. сп. 1819 г.; Р. Архивъ, 1872 г., 170 — 176.

на англійскомъ фрегатѣ «Sensible» въ крейсерованіи у французскихъ береговъ и на островѣ Джерсеѣ. Въ это время онъ пользовался особымъ расположеніемъ герцога Іоркскаго [1]).

Императоръ Павелъ былъ вообще милостивъ къ своему флигель-адъютанту, но одинъ разъ Волконскій едва не пострадалъ жестоко отъ вспыльчивости Государя. Какъ-то, поздно вечеромъ, Павелъ послалъ его съ порученіемъ къ Императрицѣ, Волконскій не успѣлъ еще возвратиться, какъ Императоръ Павелъ снова позвонилъ, и къ нему вошелъ другой дежурный адъютантъ (гр. Нессельроде), котораго Государь не любилъ за невзрачность и не допускалъ къ себѣ во внутренніе аппартаменты. Павелъ вспыхнулъ. Онъ уже забылъ о порученіи, данномъ Волконскому, и крикнулъ громовымъ голосомъ: «Ты зачѣмъ? Гдѣ Волконскій»? —«Какъ»? загремѣлъ Павелъ на явившагося Волконскаго, «я звоню, а ты не идешь»? — «Ваше Величество»... — «Оправдываться! въ Сибирь»! — «Ради Бога, Ваше Величество», промолвилъ мнимо виновный, «позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, проститься съ семействомъ». —«Можешь, и прямо въ Сибирь»! Въ домѣ Волконскихъ произошла потрясающая сцена. Оставивъ мать въ глубокомъ обморокѣ, князь Волконскій поспѣшилъ во дворецъ. На пути онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ посланцевъ, которые требовали его какъ можно скорѣе къ Императору. Павелъ встрѣтилъ его словами: «Что я надѣлалъ! Вѣдь совсѣмъ забылъ, что самъ тебя послалъ. Прости меня Христа ради», продолжалъ онъ, приподнимаясь на постели и низко кланяясь, «ну, а теперь ступай»! «Ваше Величество», сказалъ князь, «позвольте мнѣ возвратиться на минуту къ моимъ: мать была безъ памяти, когда я уѣхалъ изъ дома». «Что я надѣлалъ»! повторилъ Павелъ. Онъ опять поднялся и поклонился. «Я сейчасъ кланялся тебѣ», прибавилъ онъ, «а вотъ этотъ поклонъ передай отъ меня матери. Попроси ее, чтобы и она меня простила» [2]).

Въ Маѣ 1801 г. скончался кн. Репнинъ. За нѣсколько дней до его смерти къ нему пріѣхалъ кн. Н. Г. Волконскій. Кн. Репнинъ со слезами спрашивалъ внука, не участвовалъ ли онъ въ «несчастномъ событіи», или не зналъ ли про то? Внукъ, призвавъ Бога въ свидѣтели, поклялся, что ничего не зналъ и не слыхалъ. Тогда фельдмаршалъ, по словамъ Лубяновскаго, «павъ на колѣни, благодарилъ Бога, что спасъ его внука отъ тяжкаго грѣха, его отъ горести, а родъ его отъ посрамленія» [1]). Со смертью князя Николая Васильевича прекратилась мужская линія князей Репниныхъ и, согласно его желанію, Александръ I, 12 Іюля 1801 г., даровалъ кн. Н. Г. Волконскому съ его потомствомъ фамилію Репнина. «Да родъ князей Репниныхъ», говорилось въ указѣ, «столь славно отечеству послужившихъ, съ кончиною послѣдняго въ ономъ, не угаснетъ, но, обновясь, пребудетъ, съ именемъ и примѣромъ его, въ незабвенной памяти россійскаго дворянства» [2]).

Въ 1802 г. кн. Н. Г. Репнинъ вступилъ въ бракъ съ дочерью графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, гр. Варварой Алексѣевной. Фельдмаршалъ кн. Репнинъ, очень дружный съ гр. А. К. Разумовскимъ, желалъ этого брака и нарочно вызвалъ внука къ себѣ въ подмосковное село Воронцово въ то время, когда туда пріѣхалъ гр. Разумовскій съ дочерью. Молодые люди съ перваго взгляда полюбили другъ друга, но бракъ между ними тогда не состоялся, потому что гр. Разумовскій какъ разъ въ это время поссорился съ фельдмаршаломъ, а вскорѣ затѣмъ кн. Н. Г. Волконскій отправился на войну въ Голландію. Уже послѣ смерти дѣда кн. Репнинъ осуществилъ свою давнюю мечту и женился на гр. Разумовской. Свадьба отпразднована была 12 Сентября 1802 г. въ Батуринѣ, у дѣда новобрачной, гр. К. Г. Разумовскаго. На первый разъ кн. Репнинъ получилъ очень немного изъ громадныхъ богатствъ Разумовскихъ и большого состоянія своей тещи, рожденной гр. Шереметевой. Своенравный гр. А. К. Разумовскій, ссылаясь на то, что онъ обязанъ позаботиться о будущности двоихъ сыновей, съ большой неохотой согласился выдѣлить княгини Репниной только 50.000 руб. ассигн.; графиня же Варвара Петровна, жившая отдѣльно отъ мужа и дѣтей, послѣ долгихъ колебаній и то лишь по настоянію своего брата, гр. Н. П. Шереметева, рѣшилась дать дочери 50/т. руб. ассигн. на приданое, 4/т. на туалетъ, серебряный сервизъ, вѣсомъ около 6 пудовъ, и 3/т. душъ изъ Нижегородскихъ своихъ имѣній Лукояновской округи. Только впослѣдствіи, уже по кончинѣ гр. А. К. Разумовскаго († 1822 г.), кн. Репнина получила изъ отцовскаго состоянія имѣнія въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ въ 10/т. душъ, въ томъ числѣ и богатое мѣстечко Яготинъ Пирятинскаго уѣзда [3]).

Кампанію 1805 г. кн. Репнинъ совершилъ въ рядахъ Кавалергардскаго полка, командуя 4-мъ эскадрономъ. При Аустерлицѣ Репнинъ

---

1) Арх. М. И. д., Camp. 1805, France, P-ce Repnin, № 458 (карт. № 4).
2) Р. Архивъ, 1877/II, 265.

1) Р. Архивъ, 1872 г., 469.
2) «Родъ князей Волконскихъ», 714.
3) Васильчиковъ, «Семейство Разумовскихъ», II, 140 — 142.

произвелъ знаменитую атаку, художественно описанную въ «Войнѣ и Мирѣ». *Раненый* пулей въ голову и *контуженный* въ грудь, онъ былъ взятъ въ плѣнъ съ остаткомъ своего эскадрона, отъ котораго уцѣлѣло только 18 человѣкъ. Кавалергарды были приведены къ Наполеону. — «Кто старшій»? сказалъ онъ, увидѣвъ плѣнныхъ. Назвали Репнина.— «Вы командиръ Кавалергардскаго полка Императора Александра»? спросилъ Наполеонъ.— «Я командовалъ эскадрономъ», отвѣчалъ Репнинъ. — «Вашъ полкъ честно исполнилъ долгъ свой». — «Похвала великаго полководца есть лучшая награда солдату».—«Съ удовольствіемъ отдаю ее вамъ».

Раненаго кн. Репнина перевезли въ аббатство Мёлькъ, гдѣ ему отвели удобное помѣщеніе и окружили хорошимъ уходомъ. Княгиня Варвара Алексѣевна, слѣдовавшая за мужемъ и бывшая въ это время въ Тешенѣ, получила доступъ къ больному. Въ Брюнѣ Репнинъ снова былъ представленъ Наполеону, который даровалъ свободу ему и его товарищамъ, сказавъ, что возвращаетъ ихъ Императору Александру. Комендантъ Брюна (Pannetier), однако, отказывался отпустить плѣнныхъ прежде, чѣмъ они дадутъ честное слово не сражаться противъ Франціи. Военный министръ Бертье, къ которому была препровождена жалоба кн. Репнина на коменданта, держался такого же толкованія словъ Наполеона. Тогда Репнинъ заявилъ, что «онъ присягнулъ служить своему Государю до послѣдней капли крови и потому предложенія принять не можетъ». Все это замедлило освобожденіе плѣнника [1]). 30 Января 1806 г. Репнинъ былъ награжденъ орд. *св. Георгія* 4-й ст. Для лѣченія ему данъ отпускъ съ 16 Апрѣля по 1 Сентября 1806 г., а вслѣдъ за тѣмъ, 11 Сентября, «за болѣзнію отъ ранъ» онъ уволенъ отъ службы генералъ-майоромъ, съ мундиромъ.

Въ Декабрѣ того же года Нижегородское дворянство избрало князя Репнина уѣзднымъ начальникомъ земскаго войска и кандидатомъ въ губернскіе начальники. 11 Ноября 1808 г. онъ былъ вновь принятъ на службу, съ назначеніемъ состоять по арміи, а 7 Января 1809 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ при королѣ Вестфальскомъ Іеронимѣ. Въ инструкціи, данной Репнину, указывалось, что основаніемъ всей русской политики служитъ «самое дружеское единеніе и доброе согласіе» (l'union la plus intime et bonne harmonie) между Россіей и Франціей. «Усилія нашихъ общихъ враговъ», говорилось въ инструкціи, «ослабить эти узы только сдѣлаютъ ихъ болѣе прочными». Посланникъ долженъ былъ при всякомъ удобномъ случаѣ давать знать королю о дружескомъ къ нему расположеніи Императора Александра, избѣгая, впрочемъ, при этомъ преувеличеній (sans y mettre la moindre affectation). Онъ долженъ былъ также указывать на родственное участіе Государя къ королевѣ Екатеринѣ, рожденной принцессѣ Виртембергской. Въ виду этого родства, Императрица Марія Ѳеодоровна снабдила кн. Репнина письмами къ королю и къ своей племянницѣ-королевѣ. Посланнику вмѣнялось въ обязанность извѣщать свое правительство о событіяхъ въ Германіи, пріобрѣтшихъ тревожный характеръ вслѣдствіе войны между Наполеономъ и Австріей. Кромѣ этого, ему было поручено составить статистическій обзоръ Вестфаліи, ея населенія, военныхъ силъ, финансовъ, торговли, настроенія населеній и «степени привязанности» его къ новому правительству. Имѣя въ виду возможность осложненій въ Вестфаліи, правительство предписало кн. Репнину слѣдовать за королемъ, въ случаѣ удаленія его изъ Вестфаліи, и во всякомъ случаѣ не вступать ни въ какія сношенія съ временнымъ правительствомъ или регентствомъ [1]). Военныя событія замедлили прибытіе кн. Репнина въ Кассель; только 2 Іюля 1809 года онъ пріѣхалъ туда, а 11 Іюля былъ принятъ королемъ Іеронимомъ съ величайшей любезностью [2]).

Согласно съ инструкціей кн. Репнинъ подробно сообщалъ своему правительству о современныхъ событіяхъ, главнымъ образомъ о войнѣ и о передвиженіяхъ французскихъ и вестфальскихъ войскъ, а также о доходившихъ въ Кассель изъ Парижа слухахъ о политическомъ положеніи Европы.

Слѣдя за текущими событіями, русскій посланникъ только весьма рѣдко могъ имѣть хоть какое-нибудь вліяніе на ихъ ходъ. Такъ, въ Октябрѣ 1809 г. къ кн. Репнину обратился синдикъ г. Бремена Грёнингъ съ просьбой о «высокомъ покровительствѣ» Александра I въ виду ожидавшагося присоединенія этого ганзейскаго города къ Вестфаліи. Въ другой разъ кн. Репнину удалось сдѣлать заявленіе объ общемъ направленіи политики Россіи, удостоившееся полнаго одобренія со стороны гр. Румянцева. Въ отвѣтъ на слова прусскаго посланника, бар. Кюстера, о вѣроятности перемѣны въ политикѣ Россіи, кн. Репнинъ отвѣтилъ, что «принципы Императора неизмѣнны навсегда, и при его твердости и вѣрности

---

[1]) «Семейство Разумовскихъ», II, 142; IV, 114; Арх. М. И. д., Campagne 1805, France, № 458 (карт. № 4); «Родъ князей Волконскихъ», 704.

[1]) Арх. М. И. д., Cassel, 1809 г., №№ 13, 16, 19.
[2]) Тамъ же, №№ 29, 30, 33.

обязательствамъ не можетъ произойти никакой перемѣны въ политикѣ, если только будутъ съ нимъ откровенны и будутъ искать, какъ прежде, его дружбы» [1]).

Что же касается собственно Вестфальскихъ дѣлъ, то донесенія кн. Репнина главнымъ образомъ сообщали о придворныхъ торжествахъ. Иногда они заключали въ себѣ любопытныя подробности, какъ, напр., донесеніе отъ 5 Августа 1809 г. о томъ, какъ во время празднованія дня Наполеона въ замкѣ Napoleonshöhe король Іеронимъ около ½ часа бесѣдовалъ по-нѣмецки съ «добрыми поселянами» при несмолкаемыхъ крикахъ «es lebe der König» [2]). Отношенія между Россіею и Вестфаліей очень рѣдко давали поводъ къ дипломатическимъ переговорамъ между русскимъ посланникомъ и Кассельскимъ правительствомъ. Едва ли не самымъ важнымъ вопросомъ, о которомъ кн. Репнину пришлось вести переговоры, былъ вопросъ объ орденѣ Вестфальской короны. Король Іеронимъ, имѣвшій уже орденъ св. Андрея, желалъ сдѣлать Александра I кавалеромъ своего ордена и предложить въ распоряженіе Императора два знака этого ордена для обмѣны на русскіе ордена. Кн. Репнину было сообщено изъ Петербурга, что Государь согласенъ принять орденъ и пожаловать королевѣ орденъ св. Екатерины, какъ предлагалъ посланникъ, но что ему поручается найти средство для отклоненія мѣны орденами. Кн. Репнину удалось въ бесѣдѣ съ вестфальскимъ министромъ гр. Фюрстенштейномъ отклонить проэктъ короля со всевозможной деликатностью [3]).

При отсутствіи серіозной дипломатической дѣятельности и по свойству своего личнаго характера, князь Репнинъ естественно былъ склоненъ обращать преувеличенное вниманіе на мелочи этикета. На первыхъ же порахъ онъ обратилъ вниманіе на особыя отличія, которыми пользовался французскій посланникъ, сравнительно съ представителями другихъ государствъ. Почти въ то же время кн. Репнинъ возбудилъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли ему принимать приглашенія на обѣды во дворцѣ за гофмаршальскимъ, а не за королевскимъ столомъ. Эти заботы кн. Репнина не встрѣтили одобренія въ С.-Петербургѣ. По крайней мѣрѣ, въ депешѣ отъ 13 Февраля 1810 г. кн. Репнинъ писалъ, что «если его донесенія (о какомъ-то «point de cérémonial») показались Государю слишкомъ мелочными (minutieux) и имѣли несчастіе быть ему неугодными, то Его Величество, по своему благородному великодушію, соблаговолитъ отдать справедливость руководившимъ его побужденіямъ и даровать ему прощеніе». Въ заключеніе кн. Репнинъ просилъ канцлера не отказать ему въ своемъ «просвѣщенномъ руководствѣ» для избѣжанія на будущее время подобныхъ ошибокъ [1]). Кромѣ текущихъ дѣлъ, кн. Репнинъ занимался составленіемъ порученнаго ему статистическаго обзора Вестфаліи, и уже 15 Августа 1809 г. представилъ канцлеру два мемуара, одинъ о состояніи финансовъ Вестфаліи, другой — о настроеніи умовъ жителей этого королевства [2]). Затѣмъ, въ Октябрѣ 1809 г., имъ прислано еще обозрѣніе военныхъ силъ Вестфаліи и расходовъ на ихъ содержаніе [3]). Въ 1810 г. кн. Репнинъ былъ вынужденъ покинуть Вестфалію, гдѣ онъ пользовался расположеніемъ двора и общества [4]). Въ Мартѣ 1810 г. онъ получилъ извѣстіе о намѣреніи Александра I перевести его ко двору другого брата Наполеона I, Іосифа, короля Испанскаго. Это извѣстіе поставило Репнина въ самое тяжелое положеніе. Заявляя канцлеру, что «нѣтъ ни страны, ни службы, отъ которой онъ дерзнулъ бы отказаться, если бы на то была воля Его Имп. Величества», Репнинъ высказывалъ, что новое назначеніе для него чрезвычайно тягостно потому, что: 1) при оставленіи Касселя онъ немедленно долженъ будетъ уплатить занятые въ разсрочку 12.000 дукатовъ; 2) дурное состояніе здоровья (сильныя головныя боли и ежегодные приступы нервной лихорадки, послѣдствія аустерлицкой раны) требуетъ лѣченія въ Пирмонтѣ, близкомъ отъ Касселя. При дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ гр. Румянцевымъ онъ выговорилъ себѣ: 1) ссуду въ 12.000 дукатовъ на выгодныхъ условіяхъ; 2) усиленныя средства на путешествіе въ Мадридъ и на первое тамъ обзаведеніе; 3) право просить черезъ годъ объ отозваніи изъ Мадрида для устройства своихъ денежныхъ дѣлъ въ Россіи; 4) назначеніе къ нему адъютанта на случай, если ему придется сопровождать короля Іосифа въ походахъ противъ испанскихъ инсургентовъ; 5) позволеніе остаться въ Касселѣ до разрѣшенія отъ бремени его жены [5]). 30 Іюня кн. Репнинъ былъ принятъ королемъ въ прощальной аудіенціи, при чемъ ему была по-

---

[1]) Арх. М. И. д., Cassel, 1809 г., №№ 43, 58.
[2]) Тамъ же, 1810 г., № 21.
[3]) Арх. М. И. д., Cassel, 1809 г., № 64; 1810 г., №№ 4, 18, 35.

[1]) Арх. М. И. д., Cassel, 1809 г., №№ 91; 1810 г., №№ 20, 25.
[2]) Тамъ же, 1809 г., № 47.
[3]) Тамъ же, 1809 г., № 65.
[4]) Геттингенское ученое общество избрало его своимъ почетнымъ членомъ. (Cassel, 1809 г., № 20).
[5]) Арх. М. И. д., Cassel, 1810 г., №№ 5, 27, 28, 49. О назначеніи адъютанта см. «Матер. для Ист. Отечеств. войны», I, ч. II, 61.

жалована осыпанная алмазами табакерка съ портретомъ короля, и 5 Іюля выѣхалъ изъ Касселя въ Парижъ [1]).

Въ инструкціи, полученной Репнинымъ, говорилось попрежнему о «тѣсномъ союзѣ» съ Франціей для совмѣстной борьбы съ «гибельнымъ деспотизмомъ» Великобританіи и возстановленія общаго мира. «Я не имѣю», писалъ Александръ I, «болѣе тѣснаго союза, и не знаю болѣе полезнаго для моей Имперіи, чѣмъ тотъ, который существуетъ между мною и императоромъ Наполеономъ». Утвержденіе на тронѣ короля Іосифа разсматривалось, какъ единственный способъ къ прекращенію «безчисленныхъ бѣдствій» Испанской націи и къ установленію мира на континентѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Репнину внушалось стараться получать свѣдѣнія объ «истинномъ положеніи вещей» на Пиринейскомъ полуостровѣ и сообщать ихъ въ С.-Петербургъ «наиболѣе надежными способами». Посланникъ долженъ былъ поступать съ особой осторожностью и тактомъ. «Показывайте особую преданность королю, но не компрометируйте себя, особенно отъ моего имени», писалъ Александръ I, «если васъ побудятъ къ какому-нибудь официальному шагу по отношенію къ націи, или къ иностраннымъ державамъ, или къ лишенной трона династіи. Въ подобныхъ случаяхъ вы можете отвѣтить, что вы будете ждать моихъ приказаній» [2]). По прибытіи Репнина въ Парижъ обнаружилось, что Наполеонъ не расположенъ допускать непосредственныхъ сношеній между иностранными кабинетами и королемъ Іосифомъ, положеніе котораго въ это время было очень непрочно. 3 Августа кн. Репнинъ былъ принятъ Наполеономъ. Императоръ былъ чрезвычайно любезенъ, вспомнилъ о своемъ свиданіи съ княземъ подъ Аустерлицемъ, выразилъ желаніе познакомиться съ княгиней, но при этомъ убѣждалъ посланника остаться въ Парижѣ въ теченіе Сентября на томъ основаніи, что въ Испаніи въ это время «слишкомъ жарко». Кн. Репнинъ, отвѣтившій Наполеону, что онъ «пробудетъ при его дворѣ, пока ему позволитъ долгъ службы», писалъ своему правительству, что «этотъ разговоръ доказываетъ нежеланіе, чтобы наше правительство могло получать достовѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Испаніи» [3]). Черезъ мѣсяцъ кн. Репнинъ обратился къ министру иностранныхъ дѣлъ Шампаньи съ просьбой о прощальной аудіенціи у Наполеона. Въ отвѣтъ на это онъ былъ приглашенъ въ Фонтэнебло, гдѣ былъ вынужденъ провести нѣкоторое время, участвуя во всѣхъ придворныхъ увеселеніяхъ. Наполеонъ оказывалъ ему на каждомъ шагу знаки «своего высокаго благоволенія»: на балу Репнинъ танцовалъ съ Голландской королевой и визави съ императрицей, за столомъ занималъ мѣсто рядомъ съ супругой Наполеона; кромѣ того, онъ былъ допущенъ и въ частные императорскіе аппартаменты [1]). Не надѣясь получить аудіенціи, кн. Репнинъ 12 Октября снова обратился къ герцогу Кадорскому съ просьбой передать императору отъ его имени выраженіе признательности за гостепріимство. Вскорѣ былъ полученъ отвѣтъ Наполеона въ томъ смыслѣ, что Россіи нѣтъ настоятельной надобности непосредственно сноситься съ Мадридомъ, и что во всякомъ случаѣ кн. Репнину слѣдуетъ подождать въ Парижѣ окончанія Португальской экспедиціи, ибо тогда, «послѣ умиротворенія полуострова, можно будетъ обезпечить посланнику полную безопасность, въ которой императоръ желаетъ видѣть представителя своего Августѣйшаго союзника и друга». Въ отвѣтъ на это Репнинъ заявилъ герцогу, что «онъ будетъ сообразоваться съ волей императора Наполеона только до полученія новыхъ инструкцій отъ своего Августѣйшаго Повелителя». «Ваше Сіятельство», писалъ тогда же Репнинъ гр. Румянцеву, «изъ сего донесенія увидите, что здѣшнее правительство боится, чтобы чужестранныя державы знали настоящее положеніе дѣлъ въ Гишпаніи». При этомъ онъ просилъ объ отпускѣ его въ Россію «хотя на время» [2]). Проживая въ Парижѣ «въ праздности», кн. Репнинъ хотѣлъ принести хотя нѣкоторую долю пользы своему правительству. Ему удалось отправить въ Мадридъ члена своей миссіи, бар. Моренгейма, и завязать съ нимъ корреспонденцію. Въ то же время онъ заботился объ организаціи сообщенія между нимъ и Петербургомъ при помощи спеціальныхъ курьеровъ; для большей безопасности онъ самъ составилъ новый шифръ. Въ Ноябрѣ ему удалось прислать въ Петербургъ обзоръ расположенія французскихъ войскъ на Пиринейскомъ полуостровѣ. 25 Ноября канцлеръ извѣстилъ Репнина, что «его интересныя сообщенія встрѣтили самое горячее одобреніе со стороны Его Величества» [3]). Собирая свѣдѣнія объ Испаніи, Репнинъ слѣдилъ за положеніемъ дѣлъ во Франціи и другихъ странахъ: въ Декабрѣ онъ прислалъ «Описаніе о настоящемъ размѣщеніи французскихъ войскъ», пересланное гр. Румянцевымъ тогда же въ Военное министерство [4]).

---

1) Арх. М. И. д., Cassel, 1810 г., №№ 64, 66.
2) Арх. М. И. д., Madrid, 1810 г., № 1.
3) Арх. М. И. д., Madrid, 1810 г., №№ 8, 14.

1) Арх. М. И. д., Madrid, 1810 г., №№ 17 и 18.
2) Арх. М. И. д., Madrid, 1810 г., № 18.
3) Арх. М. И. д., Madrid, 1810 г., №№ 5, 8, 9, 12, 22; 1811 г., № 3.
4) «Матер. для Ист. Отечеств. войны», I, ч. II, 319.

Въ то же время онъ представилъ Румянцеву копію съ карты Германіи, на которой были обозначены новыя пріобрѣтенія Франціи и измѣненія во владѣніяхъ государей Рейнскаго Союза [1]). Въ виду нежеланія Наполеона пропустить Репнина въ Мадридъ, русское правительство изъявило согласіе на просьбу посланника объ отпускѣ въ Россію, и въ Мартѣ 1811 года Репнинъ прибылъ въ Петербургъ [2]). 2 Апрѣля 1811 г. ему былъ пожалованъ орд. св. Анны 1 ст. «за отличія и дѣятельное усердіе во время служенія по Иностранному министерству» [3]).

15 Марта 1812 г. Репнинъ былъ назначенъ командиромъ 9 кавал. дивизіи. Во время Отечественной войны онъ состоялъ въ корпусѣ гр. Витгенштейна и участвовалъ въ дѣлахъ подъ Клястицами (20 Іюля), Свольной (30 Іюля), Полоцкомъ (5 и 6 Авг., 6 и 7 Окт.) и Чашниками (20 Окт.). За отличіе въ этихъ бояхъ онъ получилъ орд. *св. Георгія 3 ст.* и золотую *съ алмазами* шпагу. Въ Ноябрѣ 1812 г. гр. Витгенштейнъ послалъ Репнина для веденія переговоровъ съ прусскимъ генераломъ Іоркомъ, стоявшимъ съ корпусомъ въ Курляндіи, но миссія кн. Репнина оказалась излишней, такъ какъ Рижскій военный губернаторъ маркизъ Паулуччи получилъ въ это время также полномочіе вести переговоры съ Іоркомъ [4]). Послѣ перехода русской арміи въ Германію Репнинъ, командуя авангарднымъ отрядомъ, переправился черезъ Одеръ близъ Кюстрина и 20 Февраля занялъ безъ сопротивленія Берлинъ; передовые отряды его войскъ преслѣдовали до Эльбы французовъ, бывшихъ подъ командой вице-короля Итальянскаго. 8 Марта 1813 г. Репнинъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ «за благоразумныя распоряженія при занятіи города Берлина». Въ кампанію 1813 г. Репнинъ, состоя при Государѣ, участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ, Кульмомъ и Лейпцигомъ, получилъ брилліантовые знаки орд. св. Анны 1 ст., прусскій орденъ Краснаго Орла 1 ст. и командорскій крестъ австрійскаго ордена Леопольда. 8 Октября 1813 г., въ тотъ день, когда Саксонскій король Фридрихъ-Августъ былъ отправленъ изъ Лейпцига въ Берлинъ въ качествѣ военно-плѣннаго, кн. Репнинъ былъ назначенъ отъ имени трехъ союзныхъ державъ генералъ-губернаторомъ королевства Саксонскаго, при чемъ ему было поручено начальство надъ находившимися въ королевствѣ русскими и саксонскими войсками на правахъ командира отдѣльнаго корпуса. Въ это время многіе города Саксоніи, въ томъ числѣ крѣпости Виттенбергъ и Торгау, находились еще во власти французовъ; самый Дрезденъ былъ занятъ войсками маршала Сенъ-Сира. Только послѣ сдачи Дрездена (30 Окт.) Репнинъ могъ прибыть въ столицу Саксоніи и вступить въ управленіе королевствомъ [1]). Въ Саксоніи кн. Репнина ожидали тяжелые труды и заботы. Положеніе королевства было самое печальное: край былъ разоренъ войною, города и деревни сожжены, армія разсѣяна, администрація дезорганизована, государственная касса пуста, 50.000 раненыхъ и больныхъ, принадлежавшихъ ко всѣмъ національностямъ, требовали ухода и лѣченія, множество сиротъ оставалось безъ призора, ощущался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, свирѣпствовалъ тифъ и другія заразныя болѣзни [2]). Временному правительству предстояло не только исцѣлить язвы, нанесенныя странѣ войною, и возстановить нормальный порядокъ, но и организовать армію для подкрѣпленія союзныхъ войскъ въ войнѣ съ Наполеономъ. Между тѣмъ саксонскіе финансы находились въ самомъ плачевномъ состояніи: въ государственномъ казначействѣ находилось только до 1.500.000 талеровъ, курсъ ассигнацій упалъ до 14 грошей за талеръ. Недоставало денегъ на обычные

Князь Н. Г. Репнинъ.

---

[1]) Арх. М. И. д., Madrid, 1810 г., № 24.

[2]) Тамъ же, 1810 г., № 2; 1811 г., № 4; Intérieur, 1811 г., № 7.

[3]) Моск. Арх. М. И. д., IV, 9—18, 11—13.

[4]) Сборникъ матер. арх. Собств. Е. И. В. Канц., X, 221, 408, 410.

[1]) «Stadtarchiv von Dresden», д. XXXIV, 46; Богдановичъ, Ист. Александра I, IV, 304.

[2]) «Uebersicht der Verwaltung des Gen. Gouvernements der hohen verbündeten Mächte im K. Sachsen», 1813—1814; Веберъ, Всемірн. Ист., XIV, 501 и 502.

расходы въ то время, когда были нужны значительныя суммы на расходы чрезвычайные, поэтому заботы временнаго правительства были прежде всего направлены на упорядоченіе финансовъ Саксоніи [1]). Благодаря принятымъ мѣрамъ, правительство достигло сбереженій на сумму свыше 1.220.000 талеровъ [2]).

Приводя въ порядокъ финансы Саксоніи, кн. Репнинъ долженъ былъ имѣть въ виду и денежные интересы Россіи. При назначеніи его генералъ-губернаторомъ Саксоніи ему было поручено разыскать фальшивыя русскія ассигнаціи, выпущенныя въ 1812 г. Наполеономъ на нѣсколько милліоновъ рублей. Репнинъ сдѣлалъ публикаціи о немедленномъ предъявленіи находившихся въ частныхъ рукахъ фальшивыхъ ассигнацій подъ угрозой ссылки въ Сибирь и наложенія штрафа, превышающаго въ пять разъ утаенную сумму. Розыскъ ассигнацій былъ произведенъ такъ успѣшно, что вскорѣ ихъ было предъявлено на 6.000.000 р. Кромѣ этого, 1.000.000 р. фальшивыми ассигнаціями былъ найденъ при обыскѣ у придворнаго банкира Фреге, получившаго ихъ отъ самого короля Фридриха-Августа. Фреге былъ освобожденъ отъ наказанія, благодаря заступничеству Репнина, написавшаго Государю, что банкиръ «поступилъ, какъ вѣрный подданный и честный человѣкъ, для котораго легче пострадать за своего государя, нежели обнаружить его неблаговидный поступокъ» [3]). Кромѣ этого, въ концѣ 1813 г. Репнинъ открылъ хранившуюся въ Кенигштейнѣ кассу герцогства Варшавскаго; за это ему 22 Января 1814 г. было объявлено Высочайшее благоволеніе и было повелѣно «отправить ассигнаціи, которыя, вѣроятно, всѣ фальшивыя, въ Петербургъ къ министру финансовъ, польскія облигаціи, купоны и піемонтскую монету къ Варшавскому генералъ-губернатору В. С. Ланскому, а прочія деньги и слитки серебра и золота хранить у себя и никуда не употреблять безъ высочайшаго повелѣнія» [4]).

Финансовыя мѣропріятія временного правительства привели къ самымъ благопріятнымъ результатамъ. Саксонскія бумаги поднялись въ цѣнѣ, и ассигнаціи, ходившія ранѣе по 14—16 грошей за талеръ, достигли курса въ $22^1/_2$ гроша [5]). Уплата процентовъ по всѣмъ государственнымъ долгамъ не прекращалась, при чемъ не приходилось прибѣгать къ выпуску новыхъ бумажныхъ денегъ. Жалованье чиновникамъ, которое ранѣе выдавалось иногда въ Саксоніи фарфоровыми издѣліями королевской фабрики, теперь выплачивалось наличными деньгами.

Упорядоченіе финансовъ доставило временному правительству средства для помощи населенію, пострадавшему отъ войны. Съ этой цѣлью была образована особая Вспомогательная и Возстановительная Коммиссія («Hülfs und Wiederstellungs Kommission»), въ которую было передано 300/т. талеровъ изъ государственнаго казначейства. Эта коммиссія дѣйствовала самостоятельно и только по отношенію къ отчетности была подчинена Правительственному Тайному Совѣту. Коммиссія раздавала нуждающимся безплатно и на льготныхъ условіяхъ хлѣбъ для прокормленія и обсѣмененія полей, рабочій и племенной скотъ, лѣсъ на постройку и дрова. Для удешевленія съѣстныхъ припасовъ были отмѣнены пошлины на ввозный хлѣбъ, скотъ и водку. Подати или были сложены, или взимались на льготныхъ условіяхъ. Обращено было особое вниманіе на призрѣніе инвалидовъ, вдовъ и сиротъ. Княгиня В. А. Репнина въ дѣлѣ благотворенія являлась дѣятельной помощницей своего мужа. Столица, значительно пострадавшая отъ войны, также была предметомъ постоянныхъ заботъ правительства. Была вновь построена взорванная арка моста на Эльбѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ было возобновлено движеніе судовъ по рѣкѣ, которому до этого времени препятствовало загражденіе русла обломками моста. Брюлевская терраса съ ея знаменитою лѣстницею была открыта для публики; находившіяся на ней развалины были частью снесены, частью употреблены для постройки на террасѣ бельведера. Точно такъ же былъ открытъ для публики «Большой садъ», лучшая часть котораго ранѣе была недоступна для дрезденцевъ, потому что въ ней помѣщался королевскій птичникъ съ фазанами. Расходы на возобновленіе моста и украшеніе Брюлевской террасы были покрыты главнымъ образомъ самимъ кн. Репнинымъ, который пожертвовалъ на это деньги отъ продажи палисадовъ, составлявшихъ по военному праву собственность генералъ-губернатора покореннаго города [1]).

Въ области администраціи и суда были преобразованы провинціальная администрація и полицейское управленіе столицы; завѣдываніе общественными зданіями было сосредоточено въ одномъ «Ober-Bau-Amt»; были возобновлены и улучшены почтовыя учрежденія, и установлена ежедневная почта между Саксоніей и Богеміей, при чемъ исправлены пути сообщенія. Не имѣя возможности въ столь ко-

---

1) «Uebersicht», 14, 37.
2) «Uebersicht», 11—14, 38.
3) Р. Архивъ, 1870 г., 390—393.
4) Сборникъ Собств. Е. И. В. Канцеляріи, IV, 12.
5) Р. Архивъ, 1870 г., 399.

1) «Uebersicht», 8, 25—27; Р. Архивъ, 1870 г., 394 и 395.

роткій промежутокъ времени произвести коренныя реформы въ судебномъ вѣдомствѣ, правительство достигло лишь отмѣны нѣкоторыхъ злоупотребленій и явно нецѣлесообразныхъ обычаевъ. Введенъ былъ новый способъ обнародованія законовъ, для чего былъ основанъ особый печатный органъ подъ заглавіемъ «General Gouvernements-Blatt», и была образована коммиссія для отмѣны леннаго устройства (Lehnwesen). Благодаря умѣлому и энергичному веденію военнаго хозяйства, правительство, несмотря на то, что войны уменьшили число людей, способныхъ носить оружіе, уже въ Январѣ 1814 г. выставило 6/т. армію; въ Февралѣ и Мартѣ къ нимъ было присоединено еще 12/т. человѣкъ, а 3/т. были оставлены въ предѣлахъ Саксоніи [1]). Заботясь объ организаціи арміи, правительство не упускало изъ виду интересовъ науки и искусства. Были преобразованы и расширены Академіи Художествъ, Инженерная, Артиллерійская, Лѣсная въ Тарандѣ и Горная во Фрейбергѣ. Кадетскій и Пажескій институты были преобразованы и соединены въ одно учебное заведеніе подъ названіемъ «Ritter-Akademie». Въ Медико-Хирургическую Военную Академію были приглашены новые профессора, устроены двѣ клиники на 18 кроватей каждая; къ нимъ присоединена еще поликлиника для бѣдныхъ; возстановлена была также психіатрическая больница въ Зонненштейнѣ [2]). Энергичная и полезная дѣятельность генералъ-губернатора Саксоніи была оцѣнена Императоромъ Александромъ I. Въ 1814 г. кн. Репнинъ получилъ двѣ награды: 5 Марта — чинъ генералъ-лейтенанта, а 2 Августа — орд. св. Владиміра 2 ст.

Личныя качества кн. Репнина привлекали къ нему жителей Саксоніи. Доступъ къ нему былъ открытъ; онъ всѣхъ терпѣливо выслушивалъ и старался, по возможности, исполнить всѣ просьбы [3]). Онъ поступалъ съ большимъ тактомъ и предупредительностью по отношенію къ королевской семьѣ: поселился не въ Большомъ дворцѣ, гдѣ жили сестра и племянники короля, а въ Брюлевскомъ; увеселительный замокъ Пильницъ былъ запечатанъ, и лѣтомъ кн. Репнинъ помѣщался тамъ въ особомъ флигелѣ; были запечатаны королевскій погребъ и даже королевская ложа въ придворномъ театрѣ.

Слабость кн. Репнина къ представительству какъ нельзя болѣе подходила къ занимаемому имъ посту. Въ Саксоніи онъ принималъ Датскаго короля Фридриха VI, которому давалъ обѣдъ въ Пильницѣ. Великая Княгиня Екатерина Павловна, пріѣхавъ въ Дрезденъ на три дня, осталась тамъ три недѣли, очарованная гостепріимствомъ князя. Въ честь Великой Княгини онъ далъ рядъ праздниковъ, изъ которыхъ одинъ, устроенный на Брюлевской террасѣ съ ужиномъ на 600 ч. и фейерверкомъ на Эльбѣ, стоилъ хозяину 30/т. талеровъ. Расходы на представительство, равнявшіеся милліону рублей, при содержаніи въ 12/т. талеровъ въ мѣсяцъ, совершенно разстроили денежныя дѣла Репнина [1]).

Само собою разумѣется, что дѣятельность кн. Репнина въ качествѣ генералъ-губернатора Саксоніи не у всѣхъ находила одинаковую оцѣнку. Возвратившійся въ свою столицу король Фридрихъ-Августъ, хотя и призналъ цѣлесообразными многія мѣры Репнина по управленію Саксоніей, однако, выражалъ недоброжелательство къ нему мелочными выходками. Такъ, онъ написалъ Императору Александру I письмо, въ которомъ весьма язвительно просилъ позволенія снять печати съ королевской ложи, запечатанной кн. Репнинымъ. «Ну, господинъ отставной король Саксонскій», шутливо замѣтилъ кн. Репнину Александръ I, «ты такъ напугалъ старика Фридриха, что онъ безъ твоего позволенія не смѣетъ даже въ театръ идти».

Болѣе серіозныя нареканія на кн. Репнина исходили изъ Англіи. Братъ его, кн. С. Г. Волконскій, будучи въ Лондонѣ, слышалъ въ парламентѣ яростные нападки на дѣятельность вице-короля Саксонскаго [2]). У Репнина не было недостатка въ недоброжелателяхъ и среди соотечественниковъ. Комендантъ Дрездена и начальникъ бригады ополченія А. Д. Гурьевъ сталъ въ открытую оппозицію генералъ-губернатору, доходившую до того, что 30 Августа, въ день именинъ Государя, Гурьевъ со всѣми своими шт.-офицерами не былъ на обѣдѣ у кн. Репнина, а вечеромъ въ тотъ же день демонстративно явился въ театръ. Смѣненный Репнинымъ, Гурьевъ сдѣлался открытымъ врагомъ его и поссорилъ съ нимъ своего отца, министра финансовъ [3]). Неблагопріятные для Репнина слухи распространялъ также кн. А. С. Меншиковъ. Сообщая въ Декабрѣ 1814 г. Закревскому слухъ о томъ, что городъ Лейпцигъ заплатилъ долги кн. Репнина, Меншиковъ писалъ: «Оно мнѣ показалось страннымъ по двумъ причинамъ: 1) что нѣмцы неподатливы, 2) что у Репнина не достаточно ума на столь искусное дѣло, и теперь, имѣвъ случай изслѣдовать сію вещь, я вижу, что я не ошибся.

---

1) «Uebersicht», 7, 8, 20.
2) Тамъ же, 12, 28—30.
3) Р. Архивъ, 1870 г., 383—387; «Uebersicht», 10.

1) Р. Архивъ, 1870 г., 379—399; Вигель, IV, 117; Кіевск. Стар., LV, 198.
2) Записки, 352, 367.
3) Р. Архивъ, 1870 г., 383—385.

При королѣ Саксонскомъ г. Лейпцигъ платилъ ему 30/т. талеровъ, чтобъ быть освобождену отъ постоевъ при проходѣ войскъ, и сіи деньги раздавались въ тѣ мѣста, кои отягощены были отъ льготы сего города. При вступленіи Репнина на престолъ, Лейпцигъ предлагалъ то же и на тотъ же предметъ черезъ совѣтника Опельна, управлявшаго финансами. Слово городу дано и сдержано, его освободили отъ постоевъ, но деньги, вмѣсто того, чтобы поступить въ казну, употреблены теперь на заплату Репнина долговъ» [1]).

Кн. Репнинъ управлялъ Саксоніей ровно годъ. 9 Октября 1814 г. ему было приказано передать Саксонію въ Прусское управленіе, что онъ и исполнилъ 8 Ноября. Король Прусскій при этомъ прислалъ Репнину орд. Чернаго Орла и 100/т. талеровъ. Прощаясь съ саксонскими чиновниками, кн. Репнинъ говорилъ: «Васъ ожидаетъ счастливая будущность. Саксонія останется Саксоніей; ея предѣлы будутъ не нарушимы. Либеральная конституція обезпечитъ ваше политическое существованіе и благоденствіе каждаго. Саксонцы, вспоминайте иногда о томъ, который въ теченіе года составлялъ одно цѣлое съ вами». Проводы отличались особенной торжественностью и сердечностью [2]).

Изъ Саксоніи Репнинъ пріѣхалъ въ Вѣну. Зима, проведенная имъ въ этомъ городѣ, была для него временемъ отдыха. Будучи въ сторонѣ отъ дѣятельности конгресса, князь и въ особенности княгиня принимали живое участіе въ разнообразныхъ увеселеніяхъ, сопровождавшихъ дипломатическіе переговоры. На праздникѣ, данномъ Императоромъ Александромъ во дворцѣ гр. Разумовскаго, 24 Ноября 1814 г., кн. В. А. Репнина, одѣтая въ богатый русскій костюмъ, привела въ восторгъ все общество участіемъ въ такъ называемой «русской кадрили» [3]). Кн. Репнинъ покинулъ Вѣну вмѣстѣ съ Александромъ I и состоялъ при Государѣ во время второго похода во Францію; при этомъ отъ Людовика XVIII онъ получилъ командорскій крестъ орд. св. Людовика.

По возвращеніи въ Россію, 29 Сентября 1816 г., кн. Репнинъ былъ назначенъ Малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ осеннюю распутицу съ семьей и большимъ обозомъ выѣхалъ онъ изъ Москвы; послѣ долгаго и труднаго пути прибыли въ Полтаву, бывшую центромъ Малороссійскаго генералъ-губернаторства.

Кн. Репнинъ не закрывалъ глазъ на трудности управленія Малороссіей съ ея вѣками сложившимися традиціями и разнообразнымъ составомъ населенія, права и обязанности котораго опредѣлялись въ то время не общегосударственными узаконеніями, а особыми архаическими уставами въ родѣ Литовскаго статута и Магдебургскаго права. Еще до пріѣзда на мѣсто службы кн. Репнинъ имѣлъ свѣдѣнія о безпорядкахъ въ краѣ и принималъ мѣры къ ихъ пресѣченію. Въ письмахъ съ дороги къ Черниговскому губернатору Бутовичу Репнинъ указывалъ, какъ на главное зло, на «непотизмъ», господствовавшій въ Малороссіи при замѣщеніи должностей по выборамъ отъ дворянства. «Великая Екатерина», писалъ онъ Бутовичу, «даровавъ Россійскому дворянству право избирать изъ среды себя какъ судей своихъ, такъ и всѣхъ чиновниковъ земской полиціи, на коихъ основывается общее благосостояніе и тишина цѣлаго государства, оказала довѣренность, которую оправдывать должно быть безпрестаннымъ стараніемъ каждаго изъ насъ. Но исполняетъ ли дворянство сію священную обязанность, отдавая, такъ сказать, на откупъ повѣтъ одной фамиліи? Можемъ ли мы, милостивый государь мой, какъ вышніе начальники, быть увѣрены, что каждый изъ чиновниковъ по повѣтамъ поспѣшитъ извѣстить насъ о безпорядкахъ и притѣсненіяхъ, когда они должны другъ другу потворствовать по родственническимъ своимъ связямъ»? Для предупрежденія такихъ злоупотребленій кн. Репнинъ тогда же секретно предложилъ Бутовичу: 1) «составить списокъ чиновниковъ, служащихъ по выборамъ, съ отмѣткою родства, между ними состоящаго; 2) собрать втайнѣ свѣдѣнія о живущихъ въ повѣтахъ дворянахъ, дабы можно было предназначить, кого желательно бы было, чтобы при будущихъ выборахъ избрали въ повѣтовыя мѣста». Отъ ближайшаго знакомства съ положеніемъ дѣлъ въ Малороссіи Репнинъ вынесъ еще менѣе утѣшительное впечатлѣніе. Полгода спустя, онъ писалъ тому же Бутовичу: «При теперешнемъ объѣздѣ моемъ Черниговской губерніи, съ горестью замѣтилъ я, что не только ни въ которомъ повѣтѣ ходъ дѣлъ не поправился, но даже въ иныхъ сдѣлался и хуже, недоимки нигдѣ не уменьшились, но, напротивъ, мѣстами и увеличились, однимъ словомъ, всѣ старанія ваши и мои тщетны, предписаній нашихъ не слушаются, а указовъ Губернскаго правленія и того болѣе, и я, поистинѣ теряя всю надежду къ исправленію столь закоренѣлаго зла, не знаю, какъ мнѣ послѣ сего объѣзда доносить Государю. Обязанность моя не сокрыть предъ нимъ правды, но, сказавъ ее,

---

1) Сборникъ, LXXVIII, 424.

2) Богдановичъ, V, 32 и 33; Stadtarchiv v. Dresden, XXXVI, 68, S. I; Р. Архивъ, 1870 г., 400 и 401.

3) Семейство Разумовскихъ, IV, 525; Р. Архивъ, 1897, II, 482 и 483; Изабе изобразилъ кн. В. А. Репнину въ русскомъ костюмѣ. (Миніатюра въ настоящее время принадлежитъ Е. Н. Орловой).

строгое и справедливое правосудіе обратится на виновныхъ. Единственный способъ облегчить участь сихъ послѣднихъ есть удалить еще прежде донесенія моего тѣхъ людей отъ занимаемыхъ ими ко вреду общему должностей, дабы я могъ увѣрить Государя Императора, что подобные люди уже болѣе въ Черниговской губерніи не существуютъ, и что мы съ вами совокупно приняли мѣры наидѣятельнѣйшія, видя, что угрозы наши ничтожны» [1]).

Недоброжелатели Репнина выставляли мѣры необходимой строгости «жестокостью и самовластіемъ»; люди же, расположенные къ нему, объясняли вліяніемъ правителя его канцеляріи Новикова. «Самъ князь показывалъ себя», по выраженію его подчиненнаго Сердюкова, «вельможей не изъ тѣхъ, кои лишь красуются въ лентахъ и наградахъ», но былъ примѣромъ трудолюбія и аккуратности. «Онъ вставалъ въ 3 часа утра, до 12 занимался дѣлами, самъ все читалъ и насъ училъ трудиться и любить правду; съ 12 часовъ принималъ просителей, занимался военною частью по своему званію военнаго губернатора; съ 2 до 4 часовъ опять слушалъ доклады, въ 6 часовъ обѣдалъ, до 9 отдыхалъ, съ 9 часовъ принималъ гостей, а нерѣдко и посѣтителей. При такомъ начальникѣ и мы были неутомимы. Проситель каждый получалъ непосредственно извѣщеніе повѣсткою о рѣшеніи генералъ-губернатора на его просьбу, и ни одна бумага у насъ не залеживалась по мѣсяцамъ, даже по недѣлямъ». Для приведенія въ порядокъ старыхъ дѣлъ малороссійскихъ генералъ-губернаторовъ была образована особая коммиссія изъ 20 членовъ, которая въ теченіе года разобрала 40/т. дѣлъ. Съ губернскими и повѣтовыми судебными и административными мѣстами кн. Репнинъ велъ обширную переписку, при чемъ онъ былъ неумолимъ къ нерадивымъ чиновникамъ и особенно къ прямымъ нарушителямъ закона. «Маршалъ», писалъ онъ Конотопскому маршалу по поводу одной неправильности, допущенной этимъ послѣднимъ, «чувствующій важность своего званія, долженъ быть первый помощникъ главному въ губерніи начальнику; онъ облегчаетъ труды его, говоря ему во всемъ правду, открывая злоупотребленія, безпорядки, развратные поступки и т. п. безъ всякаго лицепріятія и боязни; скрывая же что-нибудь, онъ не только не исполняетъ долга своего, но и измѣняетъ Богу и Государю». Считая «изъ первѣйшихъ обязанностей своихъ пещись объ уменьшеніи тяжбъ и споровъ, легко возникающихъ въ малороссійскихъ губерніяхъ», кн. Репнинъ не дѣлалъ въ этомъ отношеніи послабленій даже тестю своему гр. Разумовскому и однажды приказалъ не допускать въ собраніе Конотопскаго дворянства генерала Костенецкаго, прославившагося своимъ сутяжничествомъ. «Не важно», сказалъ при этомъ кн. Репнинъ маршалу Демчинскому, «не допустить какого-нибудь простого дворянина — нѣтъ, вы не допустите генерала, какъ неблагонамѣреннаго и неспокойнаго въ общежитіи человѣка, а я поддержу васъ!» [1]). Стремясь къ строгой законности, кн. Репнинъ не былъ сухимъ формалистомъ и смотрѣлъ на самую сущность дѣла. Это лучше всего видно изъ его отношеній къ бывшему полтавскому губернскому маршалу С. М. Кочубею. Этотъ послѣдній, сдѣлавшій очень многое для Полтавы и совершенно разорившійся вслѣдствіе роскошной жизни и широкой благотворительности, подвергался жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны своихъ кредиторовъ. Одинъ изъ нихъ, ст. сов. Могилянскій, осаждалъ кн. Репнина требованіями объ удовлетвореніи его претензій къ Кочубею. Не желая повредить Кочубею «неразвязкою долговыхъ дѣлъ», кн. Репнинъ съ великимъ терпѣніемъ и тактомъ поддерживалъ сношеніе съ этимъ заимодавцемъ, который къ тому же, какъ можно было съ увѣренностью думать, былъ «съ избыткомъ давно уже удовлетворенъ по займамъ» [2]).

Кн. Репнинъ особенно желалъ установленія нормальныхъ, основанныхъ на справедливости, отношеній между помѣщиками и ихъ крѣпостными. Въ письмахъ къ Императорамъ Александру I и Николаю I онъ высказывалъ взглядъ на закрѣпощеніе въ 1783 г. малороссійскихъ крестьянъ, какъ на «порабощеніе происками тогдашнихъ царедворцевъ, клевретовъ ихъ и нѣкоторыхъ малороссійскихъ старшинъ, пожертвовавшихъ счастіемъ родины для собственныхъ выгодъ». Онъ надѣялся на

---

1) Р. Арх., 1897, II, 485; Кіевск. Стар., XLII, 96—99. — Секретарь Сосницкой городовой ратуши Фіалковскій былъ уличенъ въ выдачѣ фальшивыхъ паспортовъ, и Черниговскій генеральный судъ присудилъ его къ удаленію отъ должности, къ вычету полугодового жалованья и къ штрафу двойной стоимости паспортовъ. Репнинъ постановилъ новый приговоръ, увеличивъ наказаніе: лишить дворянства и офицерскихъ чиновъ, взыскать штрафъ съ имѣнія и «оставить въ жительствѣ» только по его дряхлости. Дѣло восходило въ Сенатъ, который отмѣнилъ рѣшеніе суда, «яко слабое», и, наконецъ, 4 Марта 1821 г. было разсмотрѣно въ Государственномъ Совѣтѣ. Большинство членовъ признало приговоръ Репнина правильнымъ, и только извѣстный Н. С. Мордвиновъ принципіально былъ противъ, выражая, что «въ россійскомъ уголовномъ правѣ нѣтъ ни единаго закона, дозволяющаго вышнему лицу и мѣсту отягощать судьбу подсудимаго усугубленіемъ наказанія». Архивъ гр. Мордвиновыхъ, V, 464 и 465.

1) Кіевск. Стар., XLIX, 225—229; LV, 189, 198 и 199.

2) Тамъ же, XLIV, 135—141; XLVIII, 405—418

«возстановленіе со временемъ правъ малороссійскихъ крестьянъ, статутомъ и манифестами утвержденныхъ», а пока считалъ своимъ драгоцѣннѣйшимъ правомъ ходатайствовать предъ престоломъ за «сіе сословіе, столь полезное и столь обремененное». — «Попеченіе объ участи крестьянъ», писалъ Репнинъ Александру I въ 1818 г., «почиталъ я одною изъ священнѣйшихъ моихъ обязанностей: увѣщанія и угрозы, похвалы и взысканія безпрестанно употреблялись къ одной цѣли; у многихъ помѣщиковъ, не пекущихся о благосостояніи имъ подвластныхъ, отнято управленіе имѣніемъ и поручено опекѣ; нѣкоторые за тиранскіе поступки преданы уголовному суду и содержатся въ темницахъ» [1]). Въ Январѣ 1818 г., при открытіи дворянскихъ собраній въ Полтавѣ и Черниговѣ кн. Репнинъ произнесъ рѣчь, возбудившую общее вниманіе. Въ ней онъ призывалъ дворянъ къ «служенію отечеству въ помѣстьяхъ ихъ и подражанію милосердому Царю черезъ попеченіе о благѣ подвластныхъ имъ крестьянъ». Указавъ на «связь, существующую между помѣщиками и крестьянами», какъ на «отличительную черту русскаго народа», князь убѣждалъ дворянъ «не изыскивать все, что можетъ дать имъ крестьянинъ доходу, а то, что они могутъ отъ него требовать, не уменьшая благоденствія его». «Напротивъ», говорилъ онъ, «вы пожертвуете для сего изъ доходовъ вашихъ; вы устроите училище для малолѣтнихъ, больницы для недугующихъ; вы улучшите хижины крестьянъ вашихъ; вы снабдите неимущихъ скотомъ и плугами для раздѣлыванія земли; вы займетесь нравственностью подвластныхъ вамъ и отвлечете ихъ отъ порока, столь между простолюдинами здѣсь обыкновеннаго, и не будете на немъ основывать дохода своего. Тогда-то, по словамъ царскимъ, помѣстья ваши будутъ уподобляться добронравнымъ и благополучнымъ семействамъ»! Эта рѣчь, напечатанная по приказанію Репнина, произвела сильное впечатлѣніе на дворянство не одной только Малороссіи. Калужскій губернскій предводитель дворянства кн. Вяземскій обратился къ Репнину съ письмомъ, въ которомъ высказывалъ убѣжденіе, что рѣчь кн. Репнина «предназначена для всего Россійскаго дворянства», и что она «ничто иное есть, какъ истинное подтвержденіе и изліяніе кроткихъ и человѣколюбивыхъ правилъ Августѣйшаго Монарха во устахъ вышняго чиновника, одушевленнаго тѣми же благодѣтельными чувствами». Подобно многимъ, кн. Вяземскій полагалъ, «что слова сіи торжественно при полномъ собраніи дворянства не могли быть провозглашены безъ высочайшаго на то соизволенія». Идеализируя исторію крѣпостного права и современныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, кн. Вяземскій совѣтовалъ «не мыслить о химерическомъ новомъ положеніи, но токмо стараться поддержать во всей силѣ истинно-доброе старое, приложивъ попеченіе о повсемѣстномъ его наблюденіи и утвержденіи въ пользу крестьянъ». Рѣчь Репнина, вопреки ожиданіямъ кн. Вяземскаго, не встрѣтила одобренія правительства. Министръ Народнаго Просвѣщенія, кн. А. Н. Голицынъ, «словесно» приказалъ цензору Тимковскому не допускать помѣщенія рѣчи въ періодическихъ изданіяхъ. Яценковъ, издатель журнала «Духъ Журналовъ», напечатавшій рѣчь князя Репнина, какъ «официальную», долженъ былъ дать письменное обязательство «впредь ничего не печатать въ издаваемомъ имъ журналѣ безъ предварительнаго одобренія цензоромъ Тимковскимъ». Въ этомъ же году кн. Репнинъ представилъ Государю сочиненное С. М. Кочубеемъ «Учрежденіе для управленія имѣніемъ и крестьянами». Проэктъ Кочубея не отличался цѣлесообразностью, и Н. Н. Новосильцевъ справедливо далъ объ немъ отзывъ въ томъ смыслѣ, «что многія правила, содержащіяся въ представленномъ предначертаніи, не токмо не доставятъ крестьянамъ выгодъ, но, можетъ-быть, послужатъ еще къ стѣсненію нынѣшняго ихъ состоянія». Гораздо большаго вниманія заслуживаетъ всеподданнѣйшее письмо кн. Репнина отъ 16 Іюля 1818 г., при которомъ онъ препровождалъ отвѣтъ Кочубея. Репнинъ выражалъ мнѣніе, «что прежде общихъ государственныхъ мѣръ, коими явственнѣе опредѣлятся обязанности крестьянъ и помѣщиковъ, и коихъ всякій благомыслящій подданный не только что не боится, но даже искренно желаетъ, первый шагъ къ благосостоянію земледѣльцевъ будетъ опредѣлительность ихъ трудовъ». Съ этою цѣлью онъ просилъ позволенія «открыть въ Малороссіи подъ предсѣдательствомъ главнаго начальника совѣщаніе, въ коемъ бы участвовали маршалы и по два депутата съ каждаго повѣта, и заключеніе сего собранія представить на Высочайшее благоусмотрѣніе». Въ «опредѣлительности» трудовъ крѣпостныхъ кн. Репнинъ видѣлъ «легчайшій способъ для возстановленія личной свободы». Съ удивительной широтою взгляда онъ считалъ необходимымъ послѣдствіемъ этой основной реформы цѣлый рядъ другихъ, именно: надѣленіе бывшихъ крѣпостныхъ землею и узаконеніе ихъ гражданскихъ правъ и учрежденіе земельныхъ банковъ [1]). Неизвѣстно, какой от-

[1]) Кіевск. Стар., IV, 558; Сборникъ Собств. Е. И. В. Канцеляріи, VII, 172 и 173.

[1]) Кіевск. Стар., XXX, 117 — 123; Сборникъ Собств. Е. И. В. Канц., VII, 153—164, 171 — 173.

вѣтъ на это письмо получилъ кн. Репнинъ, но во всякомъ случаѣ его позднѣйшія обращенія къ дворянству, какъ, напр., рѣчь при выборахъ 1823 г., наполнены лишь общими мѣстами о необходимости «единодушія христіанскаго» и объ «отличительной чертѣ россійскаго дворянина: никогда не принадлежать самому себѣ, а всегда жертвовать Царю и соотчичамъ жизнью и имѣніемъ, умомъ и способностями» [1]).

Заботясь объ улучшеніи участи помѣщичьихъ крестьянъ, Репнинъ усердно отстаивалъ интересы «прежнихъ храбрыхъ поборниковъ Малороссіи, а нынѣ безгласныхъ казаковъ». По поводу проэкта министра финансовъ гр. Гурьева о запрещеніи казакамъ продавать принадлежащія имъ земли, Репнинъ представилъ въ 1821 г. въ Сенатъ обширную докладную записку, въ которой доказывалъ «безграничность правъ собственности малороссійскихъ казаковъ» [2]). Онъ прежде всего утверждалъ, что казаки, какъ первоначальные насельники края, имѣютъ право распоряжаться занятыми ими землями. «По истинѣ», писалъ онъ, «никто не давалъ земель сему воинственному народу, да и давать оныхъ не могъ. Распространяясь отъ жилищъ своихъ, занятыхъ ими съ незапамятныхъ временъ, они селились на земляхъ пустопорожжихъ кочующихъ около нихъ народовъ и удерживали ихъ оружіемъ». Анализъ русскихъ законовъ, касавшихся Малороссіи, приводилъ князя къ заключенію, что «права и преимущество казачьи никакимъ положительнымъ закономъ Россійской Самодержавной власти не были уничтожены, а, напротивъ, многократно оною подтверждены и укрѣплены». Кромѣ того, въ письмѣ къ гр. В. П. Кочубею отъ 23 Августа 1821 г. Репнинъ указывалъ на опасность отъ «измѣненія правъ народа, малообразованнаго, воинственнаго и сильно привязаннаго къ своей собственности». Письмо оканчивалось слѣдующими словами: «Тяжело для меня столь часто возражать мужамъ, призваннымъ Е. И. Величествомъ быть у кормила государственнаго управленія, лѣтами, опытностію, заслугами, уваженіемъ, качествами своими заслуживающихъ общее уваженіе; но измѣнилъ бы я вѣрности Государю, чести имени моего, долгу службы, если бъ не огласилъ смѣло то, что почитаю правдою».

Не мало энергіи потребовала отъ Репнина борьба съ послѣдствіями хлѣбнаго недорода, постигшаго Малороссію въ началѣ 20-хъ годовъ. Въ 1820 г. офиціальный отчетъ констатировалъ «недостаточный урожай въ Черниговской губерніи и не совсѣмъ достаточный въ Полтавской»; въ 1821 г. въ Полтавской губерніи урожай былъ уже «менѣе посредственнаго и скудный», въ Черниговской губерніи хлѣба также пострадали отъ морозовъ. Очевидно, отъ недостатка продовольствія среди населенія развились эпидемическія болѣзни, какія-то «корчи во всемъ тѣлѣ» въ Полтавской губерніи и «помраченіе разсудка, кровавый поносъ и невладѣніе руками» въ Черниговской [1]). По представленію князя Репнина, въ Петербургѣ обратили вниманіе на бѣдственное положеніе Малороссіи, и 25 Іюля 1821 г. Высочайшій рескриптъ уполномочилъ его принять «мѣры, необходимыми признанныя для пропитанія тамошнихъ жителей». Кн. Репнинъ успѣшно выполнилъ возложенную на него задачу. «Раздѣливъ съ вами», говорилъ Репнинъ дворянамъ на выборахъ 1823 г., «скорбь и труды въ несчастіи, недавно насъ постигшемъ, я дерзаю уже считать себя совершенно собратомъ вашимъ» [2]).

Неурожай 1820—21 гг. заставилъ Репнина принять нѣкоторыя стѣснительныя мѣры противъ евреевъ. Уже въ самомъ началѣ своего управленія Малороссіей князь, обративъ вниманіе на эксплоатацію народа евреями, распорядился: 1) «открыть между евреями прописныхъ; 2) воспретить имъ безпашпортное бродяжничество и пріемъ въ шинкахъ за вино вещей и одѣянія; 3) отказывать имъ, согласно §§ 37 и 42 «Положенія для евреевъ» 1804 г., въ содѣйствіи ко взысканію съ поселянъ долговъ, по шинкамъ сдѣланныхъ; 4) не дозволять дворянамъ и казакамъ передавать, въ противность законамъ, евреямъ права свободнаго винокуренія и продажи вина, и 5) воздерживать всемѣрно поселянъ отъ разврата и вредныхъ связей съ жидами». Въ то же время онъ, по порученію правительства, производилъ розыскъ фальшивыхъ ассигнацій. Окончивъ съ успѣхомъ это трудное и опасное дѣло (адъютантъ его Панинъ былъ отравленъ сбытчиками) [3]), кн. Репнинъ убѣдился, что торгъ фальшивыми ассигнаціями производили исключительно евреи. «Малороссійскій военный губернаторъ», писалъ впослѣдствіи князь Репнинъ, «измѣнилъ бы Богу, чести и Государю, если бы не возопилъ тогда о необходимости изгнать евреевъ изъ селеній». 29 Ноября 1821 г. былъ изданъ законъ о выселеніи евреевъ, какъ «существенно для обывателей вредныхъ», изъ селеній Черниговской губерніи въ тѣ города и мѣстечки, «гдѣ кто изъ нихъ

---

[1]) Кіевск. Старина, XXIX, 373—375.
[2]) Чтенія, 1864 г., II, отд. V, 83—130.

[1]) Варадиновъ, Ист. Мин. Внутр. д., III, 20, 100 и 101, 146.
[2]) Сборникъ Собств. Е. И. В. Канц., VI, 66 и 67; Кіевск. Старина, XXIX, 375.
[3]) Въ 1819 году кн. Репнину было объявлено Высочайшее благоволеніе за розыскъ фальшивыхъ ассигнацій.

состоялъ записаннымъ по ревизіи». 13 Мая 1822 г. дѣйствіе этого закона было распространено и на Полтавскую губернію [1]).

Независимо отъ заботъ о благосостояніи Малороссіи, кн. Репнинъ самымъ образомъ своей жизни пріобрѣлъ себѣ популярность среди всѣхъ классовъ населенія этого края. И здѣсь онъ не оставлялъ своей любви къ пышности и представительству. Онъ велъ роскошную жизнь, былъ гостепріименъ и щедръ; его балы и обѣды отличались великолѣпіемъ; онъ не уклонялся также отъ посѣщенія праздниковъ, которые устраивали малороссійскіе магнаты. Его канцелярія имѣла всегда столъ у него; всѣ обращались къ нему за пособіями, часто злоупотребляя его добротой. Проѣзжіе черезъ Полтаву художники и ремесленники сбывали князю свои произведенія, рисунки и проэкты, совершенно ему ненужные. Князь считалъ своимъ долгомъ заплатить деньги, и затѣмъ все, по выраженію Сердюкова, «сваливалось въ кучу безъ разсмотрѣнія». Благотворительность кн. Репнина не ограничивалась этими излишними подачками, но часто преслѣдовала высоко гуманныя цѣли. Такъ, онъ устроилъ спектакль для сбора денегъ на выкупъ изъ крѣпостной зависимости извѣстнаго артиста М. С. Щепкина и, когда выручка не достигла нужныхъ 10.000 руб., пожертвовалъ изъ своихъ средствъ 4500 р. Княгиня В. А. Репнина, бывшая еще въ Петербургѣ предсѣдательницей Патріотическаго общества, соперничала съ мужемъ въ дѣлѣ благотворительности. «Съ гордостью скажу», писалъ Репнинъ о своей женѣ Императору Николаю I, «что жизнь ея не безполезна отечеству». По иниціативѣ княгини былъ основанъ въ Полтавѣ «Благотворительный Институтъ Полтавскаго Дворянства». Княгиня не жалѣла силъ и денегъ на благо своего любимаго дѣтища. Правда, по ревизіи, произведенной въ 1830 г. проф. Гулакъ-Артемовскимъ, оказалось, что образовательная и воспитательная части не высоко стояли въ этомъ заведеніи: ученицы выносили изъ института одно лишь знаніе французскаго языка, а учитель танцевъ оказался подлежащимъ немедленному удаленію, какъ зараженный самою пагубною страстью». Но княгиню Репнину можно упрекнуть не въ недостаткѣ любви къ Институту, а только въ излишнемъ довѣріи. Эта излишняя довѣрчивость была въ значительной степени свойственна и характеру самого Репнина, и ею объясняются многіе недостатки его управленія. Изъ семи правителей канцеляріи князя одинъ «былъ ненавидимъ за педантизмъ и наушничество», другой — «дуракъ, впослѣдствіи получившій столбнякъ», третій—«краснобай, ничего дѣла не понимавшій». Само собою разумѣется, что были и недовольные управленіемъ Репнина; какъ на выраженіе этого недовольства, можно, напримѣръ, указать на стихотворный пасквиль, сохранившійся въ бумагахъ черниговскаго губернатора Бутовича [1]). Но вообще Репнинъ былъ очень популяренъ въ Малороссіи. Простолюдины любили своего «Репрія» за его прямое и сердечное отношеніе къ нимъ. Онъ всегда придавалъ особое значеніе непосредственному обращенію начальника къ простому народу, помимо всякихъ канцелярскихъ формальностей. «Нужно говорить народу языкомъ, который ему понятенъ, и бумага, подписанная генералъ-губернаторомъ, произведетъ болѣе впечатлѣнія на мужиковъ, чѣмъ указъ, подписанный совѣтникомъ Болдыревымъ, секретаремъ Выдринымъ и повытчикомъ Докукинымъ». Репнинъ питалъ особенныя симпатіи къ Малороссіи, къ ея культурѣ, исторіи и литературѣ. Бантышъ-Каменскій былъ близкимъ къ нему человѣкомъ и правителемъ его канцеляріи, и Репнинъ содѣйствовалъ собиранію матеріаловъ для его «Исторіи Малороссіи». Утверждаютъ даже, что, напр., описаніе сраженія подъ Берестечкомъ (XVI глава первой части) написана самимъ Репнинымъ. Котляревскій пользовался его покровительствомъ, и, благодаря ему, «Наталка-Полтавка» появилась на сценѣ [2]).

Восшествіе на престолъ Императора Николая I совпало съ весьма тяжелымъ испытаніемъ для князя Репнина. Младшій его братъ, кн. С. Г. Волконскій, былъ сосланъ послѣ 14 Декабря въ Сибирь на каторгу, какъ видный членъ тайныхъ обществъ. Кн. Н. Г. Репнинъ въ письмѣ къ Государю просилъ разрѣшенія передать брату его письмо. «Удостойте, Всемилостивѣйшій Государь», писалъ Репнинъ, «взглянуть на прилагаемыя при семъ строки, и Вы удостовѣритесь, что, утѣшая брата, припоминаю ему и долгъ его именемъ знаменитаго дѣда нашего.... Да память заслугъ сего великаго мужа преклонитъ сердце В. И. В. къ исполненію моленія моего». Кн. Репнинъ принималъ теплое участіе въ положеніи брата. Получивъ съ братомъ, кн. Никитой Волконскимъ, имѣніе сосланнаго, Репнинъ снабжалъ его деньгами и всѣмъ необходимымъ. Сохранились письма Репнина къ Иркутскимъ губернаторамъ о пересылкѣ къ С. Г. Вол-

---

[1]) «Чтенія» 1864 г., II, отд. V, 133 и 134; Р. Арх., 1897 г., II, 489; Полн. собр. зак., №№ 28821 и 29036.

[1]) Р. Старина, XCVI, 92.

[2]) Кіевск. Старина, LV, 184, 198; LIX, 150; LXI, отд. 2, 45; LXXI, 283—290; Полт. Губ. Вѣд., 1897 г., № 9; Р. Старина, 1875/IV, 152 и 153; Лихачева, Матер. для Ист. женск. образ., 109—118, 218—220.

конскому денегъ, вина, табаку и другихъ вещей [1]).

Участіе кн. С. Г. Волконскаго въ заговорѣ 14 Декабря не повліяло прямо на служебное положеніе его брата: въ день коронаціи, 22 Августа 1826 г., кн. Репнинъ былъ награжденъ орд. св. Александра Невскаго, а 25 Іюня 1828 г. — произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи. Несомнѣнно, однако, что преступленіе брата не могло не возбудить въ Императорѣ Николаѣ нѣкотораго скрытаго предубѣжденія противъ кн. Репнина. Впечатлѣніе это должно было усилиться вслѣдствіе того, что въ числѣ основателей Союза Благоденствія оказался Новиковъ, правитель канцеляріи кн. Репнина, въ 1825 г. уже умершій [2]). Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что неблагопріятнымъ для Репнина настроеніемъ Николая I пользовались недоброжелатели князя, которыхъ у него было не мало. Репнинъ, гордившійся тѣмъ, что не умѣетъ «льстить, яко царедворецъ», естественно не пользовался расположеніемъ этихъ самыхъ «царедворцевъ». Вліятельная нѣмецкая партія, среди которой одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ Е. Ф. Канкринъ, ненавидѣла князя, открыто и справедливо заявлявшаго, что «истинно русскіе должны окружать престолъ». Привычка кн. Репнина возражать «мужамъ, призваннымъ быть у кормила государственнаго управленія», не могла пріобрѣсти ему доброжелателей. Самая популярность Репнина среди малороссовъ, его родство съ Разумовскими и Гудовичемъ, заставляли осторожныхъ сановниковъ, въ родѣ кн. В. П. Кочубея, подозрѣвать его въ украйнофильствѣ и сепаратизмѣ. Малороссійскіе «паны», недовольные отношеніемъ Репнина къ крестьянскому вопросу, выставляли его революціонеромъ и вторымъ Мазепой.

Независимо отъ Петербургскихъ сплетенъ и интригъ, это время было тяжелымъ для Репнина по причинѣ появленія холеры, польскаго мятежа и постигшаго Малороссію неурожая. Какъ только обнаружилась холера на востокѣ Россіи, кн. Репнинъ немедленно принялъ мѣры противъ заноса болѣзни въ предѣлы Малороссійскаго генералъ-губернаторства. Губерніи Полтавская и Черниговская были отдѣлены отъ сосѣднихъ восточныхъ и южныхъ губерній карантинами. Тогда же военный губернаторъ обнародовалъ воззваніе, въ которомъ рекомендовалъ жителямъ рядъ извѣстныхъ въ то время предохранительныхъ средствъ. Не его вина, что принятыя мѣры не принесли существенной пользы: правда, въ 1830 г. холера, за исключеніемъ спорадическихъ случаевъ въ Кременчугѣ, не появлялась въ предѣлахъ Малороссійскаго генералъ-губернаторства, но весною 1831 г. болѣзнь проникла въ Черниговскую и Полтавскую губерніи и свирѣпствовала тамъ съ большою силою: по цифрамъ заболѣваній (48.826) и смертей (14.552), что составляло 13 на 100, Полтавская губернія превзошла всѣ губерніи Россіи [1]). 1830 годъ ознаменовался также обостреніемъ крестьянскаго вопроса. Въ теченіе короткаго времени въ Малороссіи было обнаружено три убійства помѣщиковъ крестьянами. По этому поводу генералъ-губернаторъ обратился къ Зеньковскому и, вѣроятно, къ другимъ повѣтовымъ маршаламъ съ отношеніемъ, въ которомъ признавалъ, что «происшествія сіи случиться могли не отъ чего болѣе, какъ отъ причинъ, заключающихся въ поступкахъ самыхъ помѣщиковъ, то-есть: или жестокости, или тяжкаго обремененія работами, либо распутства», и предлагалъ маршалу «имѣть неусыпное наблюденіе за обхожденіемъ помѣщиковъ съ ихъ крестьянами, и если кто-либо замѣченъ будетъ въ несообразныхъ съ законами дѣйствіяхъ, въ предупрежденіе возникающихъ отъ того безпорядковъ доводить до свѣдѣнія военнаго губернатора» [2]). Въ томъ же году кн. Репнинъ имѣлъ столкновеніе съ министромъ финансовъ Канкринымъ по еврейскому вопросу. Канкринъ въ это время обнаруживалъ склонность если не къ отмѣнѣ, то во всякомъ случаѣ къ смягченію ранѣе изданныхъ правилъ о проживаніи евреевъ исключительно въ городахъ и мѣстечкахъ [3]) и составилъ докладную записку, въ которой указывалъ, что: 1) «принужденное пребываніе евреевъ въ городахъ распространяетъ опустошеніе, увеличиваетъ бѣдность» и препятствуетъ отправленію государственныхъ повинностей, а 2) «жители деревень сожалѣютъ объ удаленіи отъ нихъ дѣятельныхъ и замысловатыхъ людей, которые, трудясь для видовъ собственной пользы, тѣмъ не менѣе раздѣляли оную съ хлѣбопашцемъ и давали оборотъ произведеніямъ его хозяйства. Владѣльцы же, съ своей стороны, затрудняются, не имѣя жидовъ, ибо чрезъ нихъ извлекали всякаго рода выгоды». Кн. Репнинъ со своею горячностью возсталъ противъ мнѣній «французскаго наблюдателя» (записка Канкрина была написана по-французски) и доказывалъ, что выселеніе евреевъ изъ деревень служитъ къ «огражденію болѣе двухъ милліоновъ малороссійскихъ обоего пола поселянъ

---

[1]) Гос. арх., I, Б, д. 305; Р. Архивъ, 1889 г., 17, 156; И. Вѣстн., 1894 г., II, 272—274.

[2]) Шильдеръ, IV, 210.

[1]) Р. Старина, XLVII, 209—222; Кіевск. Стар., XLIII, 153—155.

[2]) «Чтенія», 1874 г., II, отд. V, 46—50.

[3]) Полн. Собр. Зак. (Второе), №№ 6348 и 6554.

отъ соблазна, разврата и разоренія». Основываясь на своемъ десятилѣтнемъ опытѣ и съ цифрами въ рукахъ, кн. Репнинъ вооружался противъ мнѣнія о пользѣ, приносимой евреями малороссійской деревнѣ, и утверждалъ, что «евреи были тамъ всеобщими агентами преступленій, сбывали вино и сельскія произведенія для разврату, также дѣлали ссуды крестьянамъ не къ добру помѣщиковъ и поселянъ, но къ разоренію ихъ». «Монополія», писалъ онъ, «есть цѣль всѣхъ жидовскихъ дѣйствій, отъ Ротшильдовъ до шинкарей, ибо въ рукахъ сего пронырливаго и расчетливаго народа она потомъ содѣлываетъ ихъ властелинами торговли, промышленности, произведеній земли и, наконецъ, правительствъ». Въ заключеніе онъ касался отношеній между помѣщиками и крестьянами и выражалъ сожалѣніе, что «въ Малороссіи существуютъ еще такіе помѣщики, которые, бывъ равнодушны къ пользамъ крестьянъ, имъ принадлежащихъ, желаютъ для собственной своей временной корысти имѣть въ деревняхъ жидовъ и производить чрезъ нихъ обороты, позабывая, или не зная даже той простой истины политической экономіи, что, чѣмъ болѣе посредниковъ между производителемъ и потребителемъ, тѣмъ первый дешевле продаетъ, а послѣдній дороже покупаетъ для выгодъ посредниковъ. Иноземному можно только подобное помыслить и написать, русскому же тяжко даже и читать сіе» [1]).

Польскій мятежъ потребовалъ отъ Малороссіи значительныхъ жертвъ и поставилъ на очередь нѣкоторые вопросы, касавшіеся управленія этимъ краемъ и опредѣленія правъ и обязанностей его жителей. 15 Апрѣля 1831 г. Репнинъ получилъ отъ Государя повелѣніе представить соображенія относительно организаціи ополченія изъ казаковъ, подобнаго тому, какое было сформировано въ 1812 г. Кн. Репнинъ, отправивъ 20 Апрѣля требуемый проэктъ въ Петербургъ, писалъ, что «ни дворянство, ни казаки не помышляютъ о какомъ-либо вознагражденіи, ибо вѣрность и усердіе ихъ неограничены», и ходатайствовалъ объ уменьшеніи податей и облегченіи акциза съ винокуренія, «столь неосновательно и даже несправедливо обращеннаго въ поголовную подать». 6 Мая было объявлено о сформированіи 8 полковъ ополченія по 1000 человѣкъ каждый. При этомъ казакамъ были значительно облегчены подати. Съ своей стороны, Репнинъ сдѣлалъ все возможное, чтобы это ополченіе не было столь разорительнымъ для казаковъ, какъ ополченіе 1812 г., въ значительной степени подорвавшее ихъ благосостояніе. Въ ополченіе набирались люди молодые, отъ 20 до 40 лѣтъ, способные къ конной службѣ. Казаки должны были каждаго ополченца «одѣть просто» и снадбить пикою, третнымъ жалованьемъ и продовольствіемъ на мѣсяцъ, такъ что каждый ополченецъ обходился имъ въ мѣсяцъ 65 р. Помѣщики обязывались поставить лошадей и запасъ фуража на мѣсяцъ; все оружіе было казенное. Для предупрежденія какихъ-либо осложненій, военный губернаторъ лично выѣзжалъ для сформированія ополченія въ уѣзды, смежные съ губерніями, въ которыхъ обнаружились уже признаки мятежнаго духа. Организуя ополченіе, онъ въ то же время старался поднять духъ населенія и побудить его къ патріотической борьбѣ съ «вѣроломными и неблагодарными измѣнниками, отродьемъ тѣхъ самыхъ ляховъ, которые нѣкогда хотѣли уничтожить святую вѣру храбрыхъ предковъ малороссіянъ и отнять у нихъ собственность, но праотцами ихъ были побѣждены». Энтузіазмъ населенія превзошелъ всѣ ожиданія. Три четверти ополченцевъ составились изъ охотниковъ; даже евреи вызывались поступать въ ополченіе. Менѣе чѣмъ въ 6 недѣль полки были окончательно сформированы и двинуты въ Бѣлоруссію. Кн. Репнинъ рѣшилъ воспользоваться созывомъ ополченія для проведенія въ Малороссіи нѣкоторыхъ реформъ и въ ближайшемъ будущемъ для облегченія участи помѣщичьихъ крестьянъ. Въ письмѣ къ Государю отъ 31 Іюля 1831 г. онъ указывалъ, что правительство облегчило казаковъ, обѣщало облегченіе казеннымъ крестьянамъ и въ то же время предписало взыскивать подати съ помѣщичьихъ крестьянъ «съ нѣкоторою умѣренностію и снисхожденіемъ, не опредѣливъ однакожъ мѣры сего снисхожденія». «Я измѣнилъ бы Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь», писалъ кн. Репнинъ, «и отечеству, если бы умолкъ, предвидя стонъ шестисотъ тысячъ Вашихъ подданныхъ и разрывъ той связи народа, на коей обезпечено доселѣ спокойствіе имперіи... Каждый шестидесятилѣтній поселянинъ пользовался всѣми выгодами свободы, и память разсказовъ объ ней есть главнѣйшая причина ропота крестьянъ на ихъ помѣщиковъ и зависти къ казакамъ; но сіи вредныя для общаго спокойствія чувства не усугубятся ли въ помѣщичьихъ крестьянахъ, когда увидятъ они милосердіе В. И. В-ва, оказанное казакамъ, и попеченіе правительства о собратіяхъ ихъ, казнѣ принадлежащихъ, а на себѣ почувствуютъ всю строгость тягостнаго взысканія податей и недоимокъ?.. Не покажется ли имъ рабство ихъ еще тягостнѣе прежняго, не станутъ ли они проклинать своихъ владѣльцевъ, служащихъ для нихъ какъ будто преградою отеческаго

---

[1]) «Чтенія», 1864 г., II, отд. V, 131—142; Божеряновъ, 156.

милосердія В. И. В-ва ко всѣмъ вѣрноподданнымъ Вашимъ»? Петербургскіе противники называли «искательствомъ собственныхъ выгодъ» ходатайство за помѣщичьихъ крестьянъ со стороны кн. Репнина, мужа богатой малорусской помѣщицы. Касаясь этого щекотливаго для него пункта, Репнинъ утверждалъ, что «г. министръ финансовъ ошибается, почитая богатѣйшею помѣщицею владѣтельницу хотя 13/т. душъ крестьянъ, но изъ коихъ 5/т. совершенно нищихъ, не дающихъ ей ни одной копѣйки дохода, 3/т. едва усмиренныхъ мятежниковъ Нижегородской губерніи и 5/т. скудныхъ, и которые она получила отъ родителей своихъ въ наслѣдство съ 2.800/т. долгу».

Въ Октябрѣ 1831 г. Репнинъ отправилъ въ Петербургъ свой остающійся до сихъ поръ неизвѣстнымъ проэктъ объ обращеніи малороссійскихъ казаковъ въ особое военное сословіе. «На стражѣ у Днѣпра», писалъ онъ Государю, «стоялъ бы противъ легковѣрія польскаго народъ воинственный, и благоденствіе полмилліона Вашихъ подданныхъ упрочится на долгія времена». Въ то же время, признавая, что «прочное и на твердыхъ основаніяхъ улучшенное благосостояніе малороссійскихъ казаковъ зависитъ отъ усовершенствованія ихъ внутренняго управленія», кн. Репнинъ составилъ «особыя правила, относящіяся къ улучшенію устройства волостныхъ и сельскихъ правленій и вообще всѣхъ частей внутренняго управленія». Для разсмотрѣнія проэкта кн. Репнина былъ образованъ особый комитетъ; но члены его отнеслись несочувственно къ предложенной княземъ военной реформѣ, руководствуясь убѣжденіемъ, что «для блага имперіи (сохраняющей цѣлость и могущественное величіе свое подъ благотворною сѣнію самодержавія) не должны быть терпимы въ оной отдѣльныя самостоятельныя части или, лучше сказать, федеральныя соединенія провинцій на особыхъ правахъ».

«Хотя я по рожденію и хохолъ», писалъ Репнину кн. Кочубей, «но я болѣе русскій, чѣмъ кто другой, и по моимъ принципамъ, и по моему состоянію, и по моимъ привычкамъ. Мое званіе и занимаемый мною постъ ставятъ меня выше всякихъ легкихъ соображеній; я смотрю на дѣла вашихъ губерній съ точки зрѣнія общихъ интересовъ нашей страны. Микроскопическіе виды не мое дѣло». Кн. Репнинъ пытался разсѣять сепаратистскіе призраки, возстававшіе передъ глазами петербургскихъ сановниковъ. «Ради Бога», писалъ онъ кн. Кочубею, «будьте совершенно спокойны относительно нашихъ казаковъ,—это прекрасный народъ, у нихъ много общаго съ ихъ пріятелями-волами: имъ скажутъ «цобъ»—и они пойдутъ налѣво, «цобе»—пойдутъ направо, и вы знаете, что волы только тогда становятся упрямы, когда ихъ заставляютъ тащить свыше ихъ силъ... Нарѣчіе, обычаи, одежда различествуютъ, но вѣра, Царь и Русь есть для нихъ святыня нераздѣльная и неприкосновенная». Всѣ усилія кн. Репнина оказались тщетными: его проэктъ не былъ приведенъ въ исполненіе; мало того, самое дѣло объ ополченіи 1831 г. привело къ неожиданнымъ и весьма тяжелымъ для казаковъ послѣдствіямъ. Указомъ 25 Іюня 1832 г. было повелѣно учредить ежегодный наборъ изъ малороссійскихъ казаковъ, по пяти человѣкъ съ тысячи, для укомплектованія армейскихъ кавалерійскихъ полковъ, съ назначеніемъ пятнадцатилѣтняго срока службы. Въ виду усиленныхъ ходатайствъ кн. Репнина о льготахъ для казаковъ, рекрутскій наборъ былъ отложенъ до 1834 г., но эта видимая льгота оказалась весьма тяжелой для казаковъ. Указомъ отъ 8 Ноября 1832 г. было повелѣно «обратить въ семъ году на укомплектованіе кавалеріи большую часть людей изъ состава сформированныхъ въ 1831 г. 8 малороссійскихъ казачьихъ полковъ, предоставивъ Малороссійскому военному губернатору замѣнить нѣкоторое ихъ число очередными казаками, по неспособности ихъ къ службѣ и по другимъ особенно уважительнымъ причинамъ». Репнинъ могъ лишь принять мѣры къ тому, чтобы раскассированіе ополченія не привело къ безпорядкамъ среди казаковъ, которые шли въ ополченіе большею частью охотой. Для пріема ополченцевъ въ армію кн. Репнинъ назначилъ три пункта: въ Черниговѣ, Полтавѣ и Лубнахъ; на нихъ онъ производилъ пріемъ или самъ лично, или при посредствѣ своихъ адъютантовъ и чиновниковъ особыхъ порученій. Въ Полтавѣ при этомъ произошло какое-то «волненіе». «Все было успокоено», писалъ объ этомъ кн. Репнинъ кн. Кочубею, «при одномъ моемъ появленіи и строгомъ тонѣ, къ которому мои подчиненные не привыкли». Одновременно съ исполненіемъ этихъ трудныхъ и непріятныхъ обязанностей кн. Репнинъ былъ озабоченъ приготовленіями къ переписи казаковъ по случаю объявленной въ 1833 г. ревизіи и устройствомъ новаго управленія казачьимъ сословіемъ. 17 Января 1834 г. былъ изданъ «Уставъ объ управленіи малороссійскими казаками». Этотъ уставъ, ввѣряя «главное попеченіе» о казакахъ Малороссійскому военному губернатору, учредилъ въ Полтавѣ «Главную Хозяйственную Контору». Въ канцеляріи кн. Репнина, подъ его непосредственнымъ руководствомъ, составлялись «Наставленія Главной Хозяйственной Конторѣ малороссійскихъ казаковъ о порядкѣ производства дѣлъ» и «правила о произведеніи переписей малороссійскихъ казаковъ и опре-

дѣленіи ихъ повинностей». Не полагаясь на одну канцелярскую регламентацію, кн. Репнинъ озаботился выборомъ для казаковъ добросовѣстныхъ и способныхъ попечителей [1]).

Между тѣмъ Малороссію въ 1833—34 гг. постигъ опять страшный неурожай. Въ 1831 г. урожай оказался «посредственнымъ» въ обѣихъ малороссійскихъ губерніяхъ, а въ 1832 г. былъ «по сравненію даже съ прошлогоднимъ весьма скуденъ». Въ 1833 г., съ начала Апрѣля по конецъ Іюня, стояла «продолжительная, почти невиданная доселѣ» засуха, сопровождавшаяся палящими вѣтрами. Озимые хлѣба совсѣмъ высохли, яровые едва взошли; все пришлось скосить на кормъ скоту. Этотъ годъ былъ официально признанъ «неурожайнымъ въ полномъ значеніи слова» [2]). Народъ сжалъ лебеду, уродившуюся на поляхъ, «какъ лѣсъ», и кормился ею цѣлый годъ; къ хлѣбу подмѣшивали полову и жолуди, въ гречневую муку — золу, въ ржаную—бѣлую глину; пекли хлѣбъ изъ мякины, а за неимѣніемъ ея терли и ѣли почки липы и щавель. Въ 1834 г. повторилась засуха, слѣдствіемъ которой былъ новый неурожай. Кн. Репнину предстояла трудная задача заготовить продовольствіе и распредѣлить его между населеніемъ. Съ цѣлью выясненія степени нужды онъ лично объѣхалъ мѣстности, наиболѣе пострадавшія отъ неурожая. По его представленію, для одной Полтавской губерніи было отпущено изъ Государственнаго казначейства и изъ мѣстнаго продовольственнаго капитала до 5/милл. рублей. Репнинъ организовалъ покупку хлѣба при посредствѣ казенныхъ коммиссіонеровъ изъ завѣдомо честныхъ чиновниковъ и купцовъ; было также закуплено 40/т. пудовъ ржи въ Турціи. Скупщики хлѣба строго преслѣдовались; предводители должны были побудить дворянъ пустить свой хлѣбъ въ продажу, не ожидая возвышенія цѣнъ. Была произведена повѣрка числа нуждающихся, и въ Полтавской губерніи ихъ оказалось 219.278 человѣкъ; изъ нихъ на каждаго взрослаго выдавалось по 30 фунтовъ ржи въ мѣсяцъ, а на каждаго малолѣтняго половина этого количества. Въ самой Полтавѣ, раздѣленной на 8 участковъ, были устроены на средства благотворителей бараки, гдѣ за полъ-цѣны отпускалась порція хлѣба и мяса. Особенное вниманіе кн. Репнинъ обратилъ на продовольствіе помѣщичьихъ крестьянъ. Съ одной стороны, онъ заботился о поддержаніи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядка, «могущаго быть нарушеннымъ въ случаѣ крайности крестьянъ въ продовольствіи», съ другой, принималъ мѣры противъ возможнаго со стороны помѣщиковъ «безчеловѣчнаго равнодушія къ бѣдствію страждущихъ отъ голода». Въ Августѣ 1833 г. онъ разослалъ маршаламъ выписку изъ законовъ, угрожавшихъ помѣщикамъ лишеніемъ ихъ правъ на крѣпостныхъ въ случаѣ отказа кормить этихъ послѣднихъ. Онъ предписывалъ маршаламъ руководствоваться этими законами, «не давая имъ общей гласности, дабы не возбудить въ крестьянахъ излишнихъ требованій. При выдачѣ ссудъ помѣщикамъ приняты были мѣры, чтобы выданныя деньги не были употреблены ими на покупку предметовъ роскоши и на хозяйственные обороты. Просившій ссуду долженъ былъ доказать, что онъ не можетъ прокормить своихъ крѣпостныхъ; при выдачѣ ссуды помѣщикъ обязывался подпискою въ томъ, что онъ вполнѣ обезпечитъ своихъ крѣпостныхъ, подъ опасеніемъ наложенія на имѣніе опеки [1]). Труды кн. Репнина во время неурожая были оцѣнены Высочайшимъ рескриптомъ 30 Ноября 1834 г.: «Разсмотрѣвъ отчетъ о дѣйствіяхъ вашихъ по случаю бывшаго въ прошломъ 1833 г. неурожая, Я нахожу, что жителямъ Полтавской губерніи, наиболѣе нуждавшимся въ продовольствіи, оказаны были всѣ возможныя пособія. Мѣры, принятыя вами къ своевременному заготовленію хлѣба, къ обезпеченію продовольствія и обсѣмененію полей, а также къ сохраненію спокойствія, увѣнчаны были совершеннымъ успѣхомъ. Относя столь удовлетворительныя послѣдствія къ неусыпнымъ трудамъ вашимъ, Я вмѣняю себѣ въ удовольствіе изъявить вамъ за сіе Мою совершенную признательность» [2]). Этотъ рескриптъ былъ послѣдней милостью, полученной отъ Императора Николая кн. Репнинымъ. Чрезъ недѣлю—6 Декабря — онъ былъ уволенъ отъ должности Малороссійскаго военнаго губернатора и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и присутствовать по департаменту Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ [3]).

По переѣздѣ въ С.-Петербургъ, кн. Репнинъ продолжалъ интересоваться дѣлами Малороссіи и, въ качествѣ члена Государственнаго Совѣта, принималъ живое участіе въ обсужденіи законовъ, касавшихся этого края [4]). Но дѣятельность кн. Репнина въ Петербургѣ скоро прервалась самымъ неожиданнымъ и оскорбитель-

---

[1]) Кіевск. Стар., IV, 557—563; LV, 193—195; LVII, 159—161; LIX, 115—131, 143—156, 332—347; Р. Архивъ, 1872 г., 953—965.

[2]) Варадиновъ, Ист. Мин. Вн. д., IV, 355, 408, 486—489.

[1]) Кіевск. Стар., XVI, 580—585; LIX, 23; «Чтенія», 1874 г., II, отд. V, 50—53.

[2]) Сборникъ Собств. Е. И. В. Канц., VIII, 72.

[3]) Арх. Гос. Совѣта, Дѣла о членахъ Гос. Совѣта, 1834 г.

[4]) Кіевск. Старина, LIX, 347 и 348.

нымъ для него образомъ. Враги кн. Репнина, по удаленіи его отъ должности военнаго губернатора, получили полную возможность вредить ему, раскапывая дѣла по управленію имъ Малороссіей и отыскивая въ нихъ упущенія. Въ этомъ отношеніи особенно выгоднымъ для нихъ оказалось дѣло о постройкѣ зданія для Полтавскаго института. Въ 1827 г., по личному ходатайству кн. Репнина передъ Государемъ, на постройку института было ассигновано 200/т. рублей. Когда этихъ денегъ достало лишь на половину постройки, Репнинъ, безъ надлежащаго разрѣшенія, взялъ заимообразно еще 200/т. рублей изъ суммъ Полтавскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія. Кн. Репнинъ былъ виновенъ въ неосторожномъ несоблюденіи формальности, а отнюдь не въ злоупотребленіи казенными суммами: особая коммисія впослѣдствіи открыла, что всѣ деньги, взятыя изъ Приказа, были дѣйствительно израсходованы на постройку института, и что на тотъ же предметъ пошло 65/т. рублей изъ собственныхъ средствъ князя [1]). Но враги Репнина воспользовались этимъ дѣломъ, чтобы обвинить его въ хищеніи казенныхъ денегъ [2]). 28 Іюня 1836 г. состоялся указъ Государственному совѣту объ увольненіи Репнина «вовсе отъ службы» [3]).

«Князь», пишетъ Листовскій, «долженъ былъ явиться въ Красное село на маневры. Онъ встрѣтилъ Государя со свитою на плотинѣ, возлѣ какой-то деревушки. Государь такъ грозно посмотрѣлъ на него, что, какъ говорилъ князь графу Орлову, онъ, одинъ изъ героевъ 1812 года, считалъ себя совершенно уничтоженнымъ и никогда въ жизни не испытывалъ такого трепета и страха, какой онъ испыталъ подъ вліяніемъ этого взгляда. Затѣмъ Бенкендорфъ, подъѣхавъ къ нему, объявилъ Высочайшую волю: «Отправиться въ Петербургъ на свою квартиру и ожидать дальнѣйшаго повелѣнія» [4]).

Послѣ увольненія отъ службы, кн. Репнинъ съ семействомъ уѣхалъ за границу и жилъ большею частью въ Дрезденѣ, Римѣ и Флоренціи. Незаслуженная опала, разстройство денежныхъ дѣлъ и назначеніе опеки надъ имуществомъ тяжело отозвались на старомъ князѣ. Состояніе его духа въ это время было безотрадное. «Памятно мнѣ», говоритъ гр. Бутурлинъ, «какъ однажды (во Флоренціи) старый кн. Репнинъ, заказавши заупокойную службу по Императорѣ Александрѣ I, горько плакалъ во время богослуженія». Князя тянуло въ любимую имъ Малороссію. «Уповаю», говорилъ кн. Репнинъ малороссійскимъ дворянамъ въ 1818 г., «что не чуждъ уже я вамъ и что вы сохраните память приверженности моей и въ то время, ежели волею Монаршею перемѣнится мое служеніе; буде же нѣкогда прекратится оное, то среди же васъ буду искать себѣ успокоенія; дружба и уваженіе ваши будутъ и тогда лестнѣйшею для меня наградою отечества». Въ 1840 г., наконецъ, кн. Репнину удалось поселиться въ Яготинѣ (Пирятинскаго у., Полтавской губ.), бывшемъ раньше только его лѣтней резиденціей. Здѣсь былъ обширный барскій домъ съ картинной галлереей и рѣдкою библіотекой и раскошный паркъ съ искусственнымъ озеромъ въ 5 верстъ длиною. Въ Яготинѣ Репнинъ провелъ послѣдніе годы своей жизни. Онъ умеръ 7 Января 1845 г. и погребенъ въ церкви Троицкаго Густынскаго монастыря, близъ г. Прилукъ. Любовь малороссовъ къ своему бывшему генералъ-губернатору обнаружилась со всею силою при его погребеніи: на всемъ пути отъ Яготина до Густынскаго монастыря, несмотря на страшную стужу, гробъ встрѣчали и провожали смѣняющіяся депутаціи [1]).

Кн. Н. Г. Репнинъ, если и не былъ человѣкомъ выдающихся административныхъ талантовъ и государственнаго ума, несомнѣнно былъ добръ, храбръ и дѣятеленъ, безкорыстно преданъ дѣлу и долгу и никому не дѣлалъ зла. Любимой поговоркой Репнина, по словамъ его аудитора Имберга, была: «Доброе дѣло никогда плечи не жметъ и спать крѣпко не мѣшаетъ», и онъ—вельможа въ обхожденіи и жизни—дѣйствительно заботился о простомъ народѣ, умѣлъ прежде многихъ другихъ сознать его нужды и интересы и его тяжелое положеніе, быть его защитникомъ, доступнымъ и близкимъ къ нему. Имѣя особую склонность къ представительству, парадамъ, широкой и веселой жизни, онъ роскошью вельможи заслужилъ расположеніе народныхъ массъ, всегда любящихъ блескъ. Въ Дрезденѣ Репнинъ былъ дѣйствительнымъ вицекоролемъ, поражая нѣмцевъ праздниками и пирами, щедростью и широкой благотворительностью; въ Малороссіи — родственникъ Разумовскихъ — онъ жилъ такъ, что вспоминались времена послѣдняго гетмана, и недоброжелатели князя не безъ успѣха старались представить его въ глазахъ правительства «новымъ Мазепой»... Не обладая самъ твердымъ характе-

---

[1]) Кіевск. Старина, LV, 196 и 197.
[2]) Сборникъ Собств. Е. И. В. Канц., X, 12 и 13.
[3]) Тамъ же, VIII, 92; Арх. Гос. Совѣта, Дѣла о членахъ Гос. Совѣта.
[4]) Р. Архивъ, 1878 г., XII, 510; Кіевск. Старина, LV, 196. — Сердюковъ утверждаетъ, что сынъ кн. Н. Г. Репнина, кн. В. Н. Репнинъ, былъ лишенъ званія камеръ-юнкера.

[1]) Р. Архивъ, 1897/III, 85; Полт. Губ. Вѣд., 1897 г., № 9; Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, II, 143; Записки А. В. Кочубея, 213 и 214.

ромъ, но умѣя цѣнить самостоятельность и независимость взглядовъ другихъ, Репнинъ подпадалъ иногда подъ вліяніе близкихъ къ нему людей. Благодаря этому лица, не расположенныя къ князю, какъ Меншиковъ, находили въ немъ «недостатокъ ума», а доброжелатели, съ цѣлью обѣленія Репнина, могли многое полезное и высокое въ его дѣятельности, но неодобрительное въ то время съ узко-дворянской точки зрѣнія, приписывать вліянію его правителей канцеляріи. «Великій охотникъ пировать», по словамъ Вигеля, Репнинъ былъ горячъ и вспыльчивъ, но «даже въ тѣхъ случаяхъ, когда его доводили до того, что онъ дѣлался похожимъ на лютаго звѣря, онъ скоро смягчался», говоритъ Имбергъ. Однажды, по просьбѣ послѣдняго, онъ помиловалъ офицера Казанскаго ополченія, имѣвшаго въ пьяномъ видѣ столкновеніе съ саксонцами, въ другой разъ—солдата, бѣжавшаго съ караула. «Я очень радъ случаю, что могъ узнать тебя», сказалъ при этомъ князь Имбергу, «ты побѣдилъ меня, помѣшалъ мнѣ исполнить долгъ мой, но вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки сдѣлалъ доброе дѣло по человѣчеству. Когда ты, другъ мой, будешь постарше и поопытнѣе, то вспомнишь, что ты хотя и заставилъ меня сдѣлать доброе дѣло, но не совсѣмъ справедливое по моей обязанности».

Княгиня Репнина—о которой князь писалъ Государю, что «жизнь ея не безполезна для отечества»—по ея общественной и благотворительной дѣятельности и по вкусамъ своимъ подходила къ мужу; не обладая, однако, его обходительностью, она была мало доступна, унаслѣдовавъ вполнѣ столь извѣстное высокомѣріе второго поколѣнія Разумовскихъ. По словамъ Свербѣева, въ Швейцаріи «Репнины жили по-барски и исключительно въ этомъ отношеніи по-русски, широко и роскошно»... Княгиня, важная и недоступная дама, жила на «недосягаемой высотѣ своего Олимпа, взаперти отъ всѣхъ»... Учитель ихъ сына, Глаголевъ, «замерзалъ постоянно отъ окружавшаго его въ этой семьѣ холода»... Напротивъ, англійскій дипломатъ Уерри былъ другого мнѣнія о княгинѣ, говоря, что она въ «высшей степени любезная и пріятная особа, безъ малѣйшей аффектаціи и претензій». Весьма вѣроятно, что и тотъ и другой были правы. Біографъ семейства Разумовскихъ говоритъ, что княгиня Репнина въ 1856 г. поселилась въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, по Садовой: «восьмидесятилѣтнею старицею вернулась княгиня въ городъ, гдѣ протекли ея дѣтство и юность. Она была слаба и немощна, но въ дряхломъ тѣлѣ ея еще бодрствовалъ твердый и живительный духъ; дѣла ея до крайности были разстроены, отъ громаднаго нѣкогда богатства остались малыя крохи, но и эти крохи она дѣлила съ бѣдными, и не было примѣра, чтобы убогій уходилъ отъ ея порога безъ помощи и утѣшенія». Княгиня Репнина умерла 9 Октября 1864 г. и похоронена въ Густынскомъ монастырѣ, рядомъ съ мужемъ [1]).

Кн. Н. Г. Репнинъ имѣлъ сына Василія (женатаго на Елизаветѣ Петровнѣ Балабиной) и трехъ дочерей: Александру († 8 Октября 1836 г.; за гр. А. Г. Кушелевымъ-Безбородко), Варвару и Елизавету (1817—1855; за П. И. Кривцовымъ). Княжна Варвара Николаевна, другъ Гоголя и Шевченки, оставившая «воспоминанія объ отцѣ», не была замужемъ, отличалась выдающимися добродѣтелями и скончалась въ 1891 г. въ глубокой старости, не имѣя почти ничего изъ нѣкогда огромнаго состоянія ея родителей. Внукъ кн. Николая Григорьевича, кн. Николай Васильевичъ, служилъ, какъ и дѣдъ, въ кавалергардахъ [2]) и нынѣ Кіевскимъ губ. предводителемъ дворянства, а единственная правнучка кн. Н. Г. Репнина, княжна Ольга Николаевна, замужемъ за правнукомъ Императора Николая Павловича, герцогомъ Георгіемъ Николаевичемъ Лейхтенбергскимъ.

А. Голомбіевскій.

Христоферъ (Христоферъ-Энгельбрехтъ) **Ивановичъ Бревернъ,** 1782—1863, изъ Эстляндскихъ дворянъ, сынъ д. ст. с. Ивана Петровича (1711—1756) и Гертруды-Магдалины ф.-Курсель (1720—18..), родился 19 Декабря 1782 г.; въ службѣ съ 6 Сентября 1799 года унт.-офицеромъ въ Семеновскомъ полку, 27 Апрѣля 1802 г. прапорщикомъ и того же года Сентября 20 переведенъ корнетомъ въ кавалергарды, гдѣ въ 1803 г. поручикомъ. Въ Маѣ 1805 г. былъ уволенъ за границу для излѣченія болѣзни, а 29 Мая 1806 г. уволенъ за болѣзнью отъ службы шт.-ротмистромъ и съ мундиромъ. Въ 1811 г. избранъ Эстляндскимъ дворянствомъ гакенрихтеромъ, въ 1815 г. Вирмандскимъ уѣзднымъ судьей, въ 1821 г. ландратомъ, а въ 1827 г. назначенъ Курляндскимъ губернаторомъ, съ производствомъ въ статскіе совѣтники; въ 1832 г. произведенъ д. ст. совѣтникомъ. Онъ пробылъ губернаторомъ до 1853 года. Былъ женатъ (съ 1807 г.) на дочери ген.-лейт. Отто-Магнуса Штрандманъ (1746—1827) Юліи-Шарлоттѣ (р. 15 Ноября 1789, † 21 Іюня 1830) и имѣлъ дѣ-

---

[1]) Р. Архивъ, 1870 г., 383; Вигель, IV, 117; Р. Старина, 1886/VII, 162; Зап. Свербѣева, II, 289 и 290; Werry, «Mémoires», 235; Васильчиковъ, «Семейство Разумовскихъ», II, 144.

[2]) См. Сборникъ біогр. Кавалергардовъ, кн. IV.

тей: Аннету, баронессу Клейстъ (1808 — 18..), Юлію, баронессу Зельтенъ (1811 — 1850), Ивана (р. 1812 г.; съ 1862 г. Курляндскимъ губернаторомъ, сенаторъ), Терезу, баронессу фонъ-деръ-Роппъ (1814 — 1883), Каролину (1816 — 1837, гофмейстерина), Эмилію фонъ-Вевеллъ (1821 — 1894), Александра (р. 1823 г., фл.-адъютантъ), Елизавету фонъ-Вевеллъ (1825—1865), Клаудину (р. 1829 г.), замужемъ за Бреверномъ.

Былъ вотчинникомъ имѣнія Кикель Эстляндской губерніи.

Умеръ въ Митавѣ 4 Января 1863 г. [1]).

Петръ (Петръ-Густавъ-Отто) **Андреевичъ Зассъ,** 1779 —, изъ Эстляндскихъ дворянъ, сынъ ген.-майора, шефа Переяславскаго драг. полка Андрея (Андреаса-Бурхарда-Фридриха) Павловича (р. 30 Дек. 1731 г.) и жены его Елисаветы Астафьевны (фам. неизвѣстна), родился въ г. Козельцѣ въ Малороссіи. Началъ службу въ 1799 г. кавалергардомъ въ Кавалергардскомъ корпусѣ, 13 Января 1800 г. отставленъ отъ службы губ. секретаремъ; 9 Апрѣля 1801 г. принятъ въ службу корнетомъ въ Рижскій драг. полкъ. Въ 1802 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ. 9 Октября 1803 г. уволенъ отъ службы поручикомъ и вслѣдъ за симъ вступилъ въ бракъ съ фрейлиной Императрицы Маріи Ѳеодоровны, дочерью надв. совѣтника Вѣрой Чоглоковой [2]).

Князь Николай Михайловичъ Голицынъ, 1786—1812, былъ сынъ Ярославскаго губернатора кн. Михаила Николаевича (1756—1827) отъ второго его брака съ Федосьей Степановной Ржевской (1760—1795).

Въ 1802 г., 20 Сентября Н. М. Голицынъ изъ камеръ-пажей былъ произведенъ въ корнеты Кавалергардскаго полка, въ которомъ онъ и прослужилъ до 23 Сентября 1804 г., когда «за болѣзнію былъ уволенъ отъ службы». Поступилъ 24 Іюля 1805 г. снова на службу прапорщикомъ въ Кексгольмскій пѣх. полкъ и находился въ составѣ десантнаго корпуса гр. Толстого. Въ этомъ же году, 21 Августа, произведенъ въ подпоручики, а 27-го числа того же мѣсяца переведенъ въ л.-гв. Егерскій полкъ, тѣмъ же чиномъ. 15 Января слѣдующаго 1807 года назначенъ адъютантомъ Егерскаго полка, каковую должность занималъ до 13 Апрѣля 1810 г. Въ томъ же 1807 г. принималъ участіе въ походѣ въ Пруссію, а въ слѣдующемъ, произведенный 14 Января въ поручики, участвовалъ въ походѣ «на шведскую Финляндію», гдѣ въ Іюнѣ мѣсяцѣ принималъ участіе въ «вытѣсненіи непріятеля изъ г. Куопіи». Въ 1809 г. вмѣстѣ съ Егерскимъ полкомъ принималъ участіе въ покоренія Аландскихъ острововъ. 19 Марта 1810 г. кн. Голицынъ былъ произведенъ въ шт.-капитаны; онъ *умеръ* въ 1812 г. *отъ ранъ,* полученныхъ въ Бородинскомъ сраженіи. Женатъ не былъ [1]).

Свѣтлѣйшій Князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ, 1785—1857, сынъ сенатора генералъ-поручика Ивана Львовича (1736—1793) и жены его, Евдокіи Дмитріевны, рожд. Ланской (сестры Екатерининскаго фаворита), родился 30 Декабря 1785 г. Еще въ дѣтствѣ онъ, по обычаю, былъ записанъ въ военную службу вахмистромъ въ Конную гвардію. Воспитателемъ его былъ извѣстный въ свое время аббатъ Перренъ [2]). Будучи пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, Чернышевъ имѣлъ случай обратить на себя вниманіе Императора Александра I, благосклонность котораго къ нему съ тѣхъ поръ не прекращалась. Въ 1801 г., во время пребыванія въ Москвѣ, Чернышевъ, какъ сынъ сенатора, попалъ на одинъ изъ баловъ, данныхъ въ честь Александра Павловича. Въ одномъ экосезѣ онъ очутился возлѣ самого

---

[1]) Полк. архивъ; Лобановъ-Ростовскій, II, 395; Свѣдѣнія, сообщ. г.-л. Пашковымъ.

[2]) Полк. архивъ; Леф. арх.; Форм. сп. 1802 г., кн. 1; Арх. С.-Пет. дух. конс. 1803 г., д. 1969/933; Свѣдѣнія, сообщ. Эстляндскимъ депут. собраніемъ.

[1]) Леф. арх., оп. 153, св. 22; Родъ кн. Голицыныхъ, 197; Свѣдѣнія, сообщ. кн. Н. Н. Голицынымъ.

[2]) Военный Сборникъ, 1902/I, 2.

Государя. Веселая и пріятная физіономія мальчика, отличавшагося особенной ловкостью въ обращеніи и въ танцахъ, понравилась Александру Павловичу, и онъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Чернышевъ отвѣчалъ Государю умно, смѣло и забавно и еще болѣе понравился ему. На другой день къ Евдокіи Дмитріевнѣ пріѣхалъ президентъ Военной коллегіи И. В. Ламбъ, нѣкогда облагодѣтельствованный ея мужемъ. Она, разсказавъ Ламбу о вчерашнемъ балѣ, просила его исходатайствовать у Государя зачисленіе ея сына офицеромъ въ гвардію. Государь не нашелъ возможнымъ удовлетворить ея просьбу, такъ какъ молодой Чернышевъ не служилъ юнкеромъ, и, вмѣсто этого, предложилъ Александру Ивановичу званіе камеръ-юнкера, но послѣдній отвѣтилъ, что желаетъ посвятить себя военной службѣ. Тогда Государь 13 Октября пожаловалъ его въ камеръ-пажи [1]). Черезъ годъ, 20 Сентрябя 1802 г., Чернышевъ былъ произведенъ въ корнеты Кавалергардскаго полка, а 20 Іюня 1804 г. назначенъ адъютантомъ къ шефу полка, Уварову; 29 Сентября 1804 г. произведенъ въ поручики. Въ 1805 г. онъ принялъ участіе въ войнѣ съ Наполеономъ и за Аустерлицъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Посланный Уваровымъ съ донесеніемъ къ Государю, онъ остался при немъ и исполнялъ разныя его порученія [2]). 1 Ноября 1806 г. Чернышевъ былъ произведенъ въ шт.-ротмистры. Во время войны 1807 г. онъ, оставаясь все въ той же должности адъютанта, принималъ участіе въ дѣлахъ и сраженіяхъ при Ланау, Шарникѣ, Гутштатѣ, Акендорфѣ, Вольфсдорфѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ [3]). Золотая шпага съ надписью «за храбрость» и *Георгій 4 ст.* были наградой за эту кампанію. Въ 1808 г. Чернышевъ былъ посланъ курьеромъ въ Парижъ. Наполеонъ, узнавъ о пріѣздѣ Чернышева, пожелалъ его увидѣть на слѣдующій же день, хотя это былъ день не пріемный. Увидѣвъ на Чернышевѣ ордена Георгія 4 ст. и Владиміра, онъ сказалъ: «А, вы одинъ изъ недавнихъ моихъ враговъ. Гдѣ вы заслужили эти кресты»? Чернышевъ отвѣтилъ, что при Аустерлицѣ и Фридландѣ. Наполеонъ началъ разговоръ объ этихъ сраженіяхъ и сталъ критиковать дѣйствія русскихъ генераловъ. Чернышевъ оспаривалъ его мнѣніе, отстаивая честь русской арміи, и принудилъ Наполеона согласиться съ нимъ. Эта смѣлость очень понравилась Наполеону, и онъ съ тѣхъ поръ сталъ постоянно выказывать свое расположеніе къ Чернышеву [1]). Вернувшись въ Петербургъ въ началѣ Марта, Чернышевъ въ концѣ этого мѣсяца былъ снова посланъ въ Парижъ съ письмомъ Государя, въ которомъ онъ извѣщалъ Наполеона объ оккупаціи Финляндіи и о запрещеніи ввоза въ Россію англійскихъ товаровъ [2]). Пріѣхавъ въ Парижъ 9/21 Апрѣля, онъ не засталъ уже тамъ императора, уѣхавшаго въ Байонну, и послѣдовалъ за нимъ туда [3]). Когда началась война Австріи съ Франціей, Чернышевъ былъ посланъ къ Наполеону съ письмомъ Государя, въ которомъ онъ обѣщалъ свою помощь; Чернышевъ долженъ былъ остаться въ полномъ распоряженіи французскаго императора [4]) и, состоя при его особѣ, былъ свидѣтелемъ взятія Вѣны и сраженій при Аспернѣ и Ваграмѣ. При Аспернѣ австрійцы одержали верхъ надъ французами. Самъ Наполеонъ едва не попалъ въ плѣнъ. Сѣвъ въ лодку, чтобы переправиться черезъ Дунай, онъ замѣтилъ, что съ нимъ нѣтъ Чернышева, и, несмотря на угрожавшую опасность, только тогда разрѣшилъ двинуться съ мѣста, когда Чернышевъ былъ разысканъ и сѣлъ въ лодку. Не желая, чтобы до Александра I прежде дошли свѣдѣнія объ Аспернскомъ сраженіи изъ австрійскихъ источниковъ, Наполеонъ просилъ Чернышева описать Государю все, какъ было въ дѣйствительности. Чернышевъ написалъ донесеніе, вполнѣ согласное съ истиной, но закончилъ его такими словами: «Словомъ, французская армія была такъ разбита, что она теперь не существовала бы, если бы австрійскою командовалъ Наполеонъ». По всей вѣроятности, Наполеонъ прочелъ это донесеніе, и лесть ему понравилась, такъ какъ послѣ этого онъ больше обыкновеннаго былъ ласковъ съ Чернышевымъ. Черезъ нѣсколько дней Наполеонъ попросилъ Чернышева съѣздить въ Вѣну и узнать о расположеніи умовъ, надѣясь, что передъ русскимъ офицеромъ скрываться тамъ не будутъ. Чернышевъ поѣхалъ и увидѣлъ всеобщій восторгъ по поводу неожиданной побѣды. Возвратившись, онъ донесъ Наполеону, что, по мнѣнію австрійцевъ, французамъ помѣшалъ одержать побѣду «генералъ Дунай» (т.-е. разливъ рѣки). Наполеону очень понравилось это выраженіе, и онъ приказалъ Бертье внести его въ бюллетень [5]). Во время Ваграмской битвы Чернышевъ весь день находился при Наполеонѣ и получилъ отъ него крестъ Почетнаго Легіона. Наполеонъ первый сообщилъ

---

1) Военн. Сборникъ, 1902/I, 2; Р. Арх., 1873 г., 728.
2) Военн. Сборникъ, 1902/I, 3.
3) Леф. арх., оп. 152, св. 563, д. 75.

1) Р. Архивъ, 1873 г., 728.
2) Сборникъ, LXXXVIII, 607, 668, 670.
3) Тамъ же, LXXXIX, 503.
4) Военн. Сборникъ, 1902/I, 8.
5) Р. Архивъ, 1873 г., 728.

ему о пожалованіи его во флигель-адъютанты (приказомъ отъ 6 Іюня). Послѣ Ваграма Чернышевъ отправился въ Петербургъ съ письмомъ Наполеона отъ 9 Іюля. 10 Августа онъ снова выѣхалъ въ Австрію съ письмами Государя къ Наполеону и къ императору Францу и 20-го былъ уже въ Шенбруннѣ. 21-го, въ 7 часовъ утра, Наполеонъ принялъ его и казался очень довольнымъ, что снова его видитъ. На слѣдующій день Чернышевъ отвезъ письмо къ императору Францу, главная квартира котораго находилась въ окрестностяхъ Коморна, и затѣмъ вернулся въ Шенбруннъ въ распоряженіе Наполеона, который поручилъ ему отвезти въ Петербургъ его отвѣтное письмо [1]). 9 Октября 1810 г. онъ произведенъ въ ротмистры.

Въ Мартѣ 1810 г. Чернышевъ повезъ опять письмо Государя къ Наполеону въ Парижъ и съ этихъ поръ вплоть до весны 1812 г. прожилъ въ столицѣ Франціи, пріѣзжая въ Петербургъ только на короткое время съ письмами Наполеона. Государь называлъ его «la navette» для облегченія сношеній между императорами, а Жозефъ-де-Местръ прозвалъ его «l'éternel postillon». Но роль Чернышева не ограничивалась только тѣмъ, что онъ былъ посредникомъ въ перепискѣ монарховъ, она была гораздо значительнѣе. Русскимъ посломъ въ Парижѣ въ это время былъ кн. А. Б. Куракинъ, человѣкъ старый и не имѣвшій никакого значенія. Настоящимъ представителемъ Александра I сдѣлался Чернышевъ и, несмотря на свою молодость (ему въ то время было только 25 лѣтъ), обнаружилъ недюжинныя дипломатическія способности. Все, что Наполеонъ желалъ довести до свѣдѣнія Александра I, шло черезъ Чернышева. Въ то же время молодой дипломатъ зорко слѣдилъ за каждымъ шагомъ Наполеона и обо всемъ сообщалъ Государю. Отношенія между обоими монархами не имѣли уже тогда своего прежняго дружескаго характера. Хотя съ обѣихъ сторонъ не прекращались увѣренія въ дружбѣ и миролюбіи, но еще чаще можно было услышать взаимные упреки и подозрѣнія: ихъ вызывали, съ одной стороны, опасеніе возстановленія Польши и постоянные захваты чужихъ земель, съ другой — постепенное увеличеніе вооруженныхъ силъ и нарушеніе континентальной системы. Въ лицѣ Чернышева Наполеонъ пріобрѣлъ опаснаго врага: онъ постоянно старался усилить подозрительность Александра I и совѣтовалъ ему не только быть готовымъ къ отраженію нападенія со стороны Франціи, но и самому дѣйствовать наступательно.

Чернышевъ, пріѣхавшій въ Парижъ въ Мартѣ, оставался здѣсь до конца Октября. 23-го Наполеонъ вручилъ ему письмо къ Александру I и просилъ передать своему Государю его жалобу на то, что Швеція сохраняетъ дружескія отношенія съ Англіей. По пріѣздѣ въ Петербургъ Чернышевъ былъ произведенъ, 8 Ноября, въ полковники. Въ концѣ Ноября онъ былъ посланъ съ отвѣтнымъ письмомъ, при чемъ по дорогѣ ему поручалось заѣхать въ Стокгольмъ. Чернышевъ, знавшій и ранѣе «наслѣднаго принца шведскаго», когда тотъ былъ французскимъ маршаломъ Бернадоттомъ, полагалъ, что его очень легко направить противъ Наполеона. Въ этомъ ему удалось убѣдить и Государя. Чтобы завязать сношенія съ Бернадоттомъ, рѣшено было воспользоватья жалобой Наполеона на Швецію. Александръ I такъ и писалъ Наполеону, что Чернышевъ ѣдетъ въ Стокгольмъ, чтобы поддержать требованія Наполеона. Чернышевъ пріѣхалъ въ Стокгольмъ въ ночь на 2 Декабря, совершивъ очень трудное путешествіе черезъ Аландскіе острова, частью пѣшкомъ по льду Ботническаго залива, частью въ лодкѣ. Какъ престарѣлый король, такъ и наслѣдный принцъ приняли его очень ласково. Хотя первое свиданіе съ Бернадоттомъ происходило при свидѣтеляхъ, но Чернышевъ нашелъ удобную минуту сказать ему, что проситъ частной аудіенціи, такъ какъ имѣетъ къ нему порученіе отъ своего Государя. Аудіенція была дана на слѣдующій день, и Чернышевъ объяснилъ Бернадотту, что Императоръ Александръ намѣренъ сохранить миръ со Швеціей, не желаетъ стѣснять ея свободы и предоставляетъ ей сообразоваться въ своемъ поведеніи съ собственными выгодами. 7 Декабря Чернышевъ выѣхалъ изъ Стокгольма и 23-го былъ въ Парижѣ. Въ тотъ же день онъ былъ принятъ Наполеономъ. Во время бесѣды, продолжавшейся полтора часа, императоръ заявилъ, что его искреннее желаніе сохранить миръ съ Россіей, и что онъ отвѣчаетъ за сохраненіе его, если только сама Россія не произведетъ нападенія. Миролюбивыя

---

[1]) Военн. Сборникъ, 1902/I, 11; Vandal, II, 108, 135 — 138, 160. — Comeau разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ», что присутствіе представителей иностранныхъ армій казалось ему опаснымъ для будущаго, и въ особенности такого, какъ Чернышевъ, и что однажды въ разговорѣ съ Наполеономъ, вскорѣ послѣ Ваграма, онъ замѣтилъ ему: «Cet aide de camp favori d'Alexandre, ce colonel russe, ce comte de Czernitcheff, qui toute la campagne a été des nôtres, était-il bien sage de lui laisser voir les derrières de votre armée, les traînards, cet art de vivre sans magasins, par la seule vitesse de la marche?», и что тогда уже Чернышевъ, тщательно всматривавшійся въ устройство тыла французской арміи, высказывалъ, что средство побѣды надъ Наполеономъ заключается въ завлеченіи его въ глубь страны («Czernitcheff... disait que le moyen pour vous battre était de ne pas vous résister et de vous ramener très vite, quand on vous aurait entraîné bien loin». Souvenirs de guerres d'Allemagne, 423, 439).

заявленія Наполеона не обманули Чернышева. Въ своемъ донесеніи отъ 9 Января 1811 г. онъ писалъ: «Осмѣливаюсь сказать Вашему Величеству, что, несмотря на то, что рѣчи императора Наполеона исполнены миролюбія, всѣ его дѣйствія совершенно не согласны съ ними. Быстрота, съ какою въ продолженіе 6 мѣсяцевъ совершено столько насильственныхъ присоединеній, предвѣщанія, что за ними послѣдуютъ другіе захваты, деспотическія и насильственныя мѣры, которыя употребляетъ Наполеонъ для увеличенія своихъ войскъ, конскрипція нынѣшняго года..., наконецъ, предположеніе устроить подвижную національную гвардію болѣе нежели въ 300 тысячъ человѣкъ... всѣ эти обстоятельства ставятъ различныя европейскія державы въ крайне тревожное положеніе въ отношеніи французской имперіи. Поэтому единственное желаніе всякаго ревностнаго подданнаго Вашего Величества, истиннаго русскаго, должно состоять въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе прекратить войну съ турками, и если обстоятельства потребуютъ, то заключить миръ на какихъ бы то ни было условіяхъ. Это пожертвованіе будетъ съ избыткомъ вознаграждено тѣми выгодами, которыя необходимо послѣдуютъ, и тѣмъ положеніемъ, которое можетъ принять Россія — грознымъ и внушительнымъ, способнымъ заставить уважать ея волю во время мира, а въ случаѣ разрыва съ Франціей дастъ ей неизмѣримое преимущество — предупредить своего врага... Оно дастъ намъ возможность нанесть сильнѣйшій ударъ выгодамъ Наполеона, войдя въ соглашеніе съ Австріей и Швеціей, обѣщавъ первой часть Валахіи и Сербію и второй Норвегію, составляющую предметъ ея желаній, и тогда безпрепятственно занять Варшавское герцогство, объявить себя королемъ польскимъ и обратить противъ самого императора Наполеона тѣ средства, которыя онъ приготовилъ въ этомъ герцогствѣ для войны съ нами... Поляки, испытавъ уже всѣ тягости Наполеонова правленія, предпочли бы ваше правительство, которое обезпечило бы для нихъ будущее благоденствіе» [1]).

Это донесеніе живо характеризуетъ самого юнаго дипломата, который соединялъ ясное представленіе о западноевропейскихъ дѣлахъ съ непониманіемъ славянскаго вопроса, выразившимся въ готовности отдать Сербію въ руки Австріи.

16 Февраля 1811 г. Чернышевъ повезъ въ Петербургъ письмо Наполеона съ жалобой на неисполненіе Россіей своихъ обязательствъ относительно континентальной системы. Но самъ же французскій императоръ нарушилъ въ это время всякія права, изгнавъ герцога Ольденбургскаго, родственника русскаго царствующаго дома, изъ его владѣній. При отъѣздѣ Чернышева изъ Петербурга съ отвѣтнымъ письмомъ, канцлеръ гр. Румянцевъ въ прощальной бесѣдѣ съ нимъ коснулся вопроса о герцогствѣ Ольденбургскомъ, хотя и не прямо, а намеками. «Si l'on pouvait», сказалъ онъ, «parvenir à mettre les affaires de la Pologne, ainsi que celles de l'Oldenbourg, dans un même sac, les y bien mêler ensemble et puis le vider, l'alliance entre les deux empires en deviendrait bien solide, plus intime et plus sincère qu'autrefois». Чернышевъ хорошо запомнилъ эту фразу. 15 Марта онъ выѣхалъ изъ Петербурга, 19-го былъ въ Кенигсбергѣ, гдѣ передалъ герцогу Ольденбургскому письмо Государя, 23-го вечеромъ имѣлъ аудіенцію въ Берлинѣ у прусскаго короля, а 29-го былъ уже въ Парижѣ, хотя его ждали тамъ только на слѣдующій день. Первыя слова Наполеона при свиданіи съ нимъ были: «Ну, чего же у васъ ожидаютъ: войны или мира»? Чернышевъ отвѣтилъ, что Императоръ Александръ поручилъ ему передать, что намѣренъ сохранить миръ и дружбу съ Франціей, но съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что ихъ взаимныя отношенія потеряли прежнюю искренность. Слова эти не понравились Наполеону. Онъ протестовалъ противъ опасеній Государя, заявивъ, что, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 4 лѣтъ не нападетъ на Россію, если она сама не начнетъ войны, но въ то же время заявилъ, чтобы не думали, что онъ слабъ: онъ сейчасъ же можетъ выставить 300-тысячную французскую армію и безчисленныхъ союзниковъ. Затѣмъ онъ пожелалъ узнать, какого вознагражденія требуетъ Россія для герцога Ольденбургскаго, но Чернышевъ сначала отвѣтилъ, что не имѣетъ полномочій отвѣтить на этотъ вопросъ, а потомъ повторилъ фразу Румянцева. Наполеонъ, понявъ ее въ томъ смыслѣ, что Россія требуетъ всего герцогства, страшно разсердился и объявилъ, что скорѣе согласенъ на войну. Успокоившись, онъ спросилъ, дѣйствительно ли Императоръ Александръ предполагаетъ въ немъ намѣреніе возстановить Польшу. Чернышевъ отвѣтилъ, что хотя онъ и не можетъ дать утвердительнаго отвѣта, но, дѣйствительно, польскія дѣла тревожатъ Государя. Наполеонъ, взявъ своего собесѣдника за ухо, пожелалъ непремѣнно узнать его собственное мнѣніе по этому вопросу. Чернышевъ объявилъ, что слишкомъ молодъ и неопытенъ, чтобы имѣть собственное мнѣніе, но когда боль въ ухѣ сдѣлалась чувствительной, сознался, что считаетъ возстановленіе Польши одной изъ завѣтныхъ думъ Наполеона. Императоръ продолжалъ отрицать всякое подобное намѣреніе. Разговоръ продолжался $4^1/_2$ часа. Въ послѣдующихъ бесѣдахъ Наполеонъ высказалъ упреки, что Госу-

---

[1]) Сборникъ, XXI, 62.

дарь вооружается и стягиваетъ войска къ границамъ Польши.

5 Апрѣля Чернышевъ отправилъ донесеніе, въ которомъ высказалъ свой взглядъ на настоящее положеніе вещей и указывалъ три пути, по которымъ можетъ слѣдовать русское правительство. «Первый», писалъ онъ, «состоитъ въ томъ, чтобы тотчасъ и во что бы то ни стало заключить миръ съ турками, присоединить остающіяся тамъ наши войска ко всѣмъ тѣмъ, что мудрая предусмотрительность Вашего Величества уже собрала, двинуть ихъ впередъ съ возможною быстротою, воспользоваться удаленіемъ, въ которомъ находилась бы еще большая часть войскъ Наполеона,—все это въ видахъ достигнуть великой цѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ выручить Пруссію и присоединить къ себѣ ея войска. Исполненіе такого плана соединяло бы громадныя выгоды, могущественно повліяло бы на нравственную сторону всѣхъ европейскихъ народовъ, заинтересовало бы ихъ въ нашу пользу и перенесло бы наши силы на операціонную линію наикратчайшую, опирающуюся съ одной стороны на море, а съ другой на нейтральную страну. Второй — состоитъ въ томъ, чтобы воспользоваться расположеніемъ, которое выказываетъ императоръ Наполеонъ, чтобы вести переговоры, и, пользуясь одною изъ его мыслей, потребовать у него Данцигъ, взамѣнъ Ольденбургскаго герцогства, и очищенія трехъ прусскихъ крѣпостей, какъ гарантію его намѣреній въ отношеніи Польши. Было бы необходимо вести переговоры съ энергіей и съ твердостью, не позволяя затягивать ихъ, и, въ случаѣ отказа, тотчасъ же привести въ исполненіе первый планъ. Третій—состоитъ въ томъ, чтобы начать тѣ же переговоры и, показывая себя болѣе податливыми, расточать всѣ увѣренія и вообще всѣ доказательства, которыя клонились бы къ тому, чтобы успокоить Наполеона въ отношеніи къ намъ; одновременно согласиться на обезоруженіе и приказать нашимъ дивизіямъ нѣсколько отступить, не удаляя ихъ слишкомъ далеко, чтобы усыпить его и дать ему возможность сдѣлать новыя усилія въ отношеніи къ Испаніи; это, дѣлая его менѣе опаснымъ, позволило бы намъ ожидать того времени, когда онъ будетъ вполнѣ вовлеченъ въ эту новую борьбу, чтобы воспользоваться этимъ отвлеченіемъ». Противъ этихъ строкъ Императоръ Александръ написалъ: «Pourquoi n'ai-je pas beaucoup de ministres comme ce jeune homme» [1]).

Несмотря на ухудшеніе отношеній между Россіей и Франціей, Наполеонъ попрежнему былъ милостивъ къ Чернышеву, и всѣ окружающіе слѣдовали примѣру императора. Чернышевъ былъ желаннымъ гостемъ на всѣхъ балахъ и празднествахъ. Красивый и ловкій, прекрасный танцоръ, «grand mangeur de cœurs», какъ его называли, онъ пользовался громаднымъ успѣхомъ у дамъ. Утверждади даже, что сестра Наполеона, принцесса Полина Боргезе, была болѣе чѣмъ неравнодушна къ нему. Чернышевъ умѣлъ соединять пріятное съ полезнымъ и часто пріобрѣталъ въ дамскихъ будуарахъ очень цѣнныя для себя свѣдѣнія. Это не было, впрочемъ, единственнымъ источникомъ, откуда онъ почерпалъ свои свѣдѣнія. Когда ему удавалось проникать въ кабинеты представителей иностранныхъ державъ, онъ ловко косилъ глазами на бумаги, лежавшія на письменномъ столѣ, и кое-что подсматривалъ. У него были сношенія даже съ канцеляріей военнаго министерства. Министръ полиціи Савари, герцогъ Ровиго, слѣдившій за Чернышевымъ во время тайныхъ переговоровъ съ желавшимъ перейти на русскую службу генераломъ Жомини, обратилъ вниманіе и на эту сторону его дѣятельности, но другіе министры не могли допустить и мысли, чтобы подозрѣнія Савари были вѣрны, и покровительствовали Чернышеву. Онъ пользовался въ Парижѣ такимъ положеніемъ, что Савари называетъ его «une petite puissance». Не посвященный въ тайны высшей политики, министръ полиціи былъ очень возмущенъ, когда въ Апрѣлѣ 1811 г. Чернышевъ снова пріѣхалъ въ Парижъ. На слѣдующій же день послѣ его пріѣзда, по внушенію Савари, въ «Journal de l'Empire» напечатана была статья, подъ заглавіемъ «Les nouvellistes», съ намеками на Чернышева. «Ces messieurs», говорилось въ ней, « concluent que le présent est gros de l'avenir, et qu'on ne voyage pas si vite, si loin et si souvent, sans être chargé de la destinée de deux empires et de cinq ou six royaumes». Послѣ этого авторъ напоминалъ о майорѣ Баверѣ, который ѣздилъ по всей Европѣ, по порученію Потемкина. Его поѣздкамъ придавали огромное политическое значеніе, а оказалось, что Потемкинъ посылалъ его то за икрой, то за арбузами, то за виноградомъ. Наполеонъ былъ страшно разгнѣванъ безтактностью Савари и велѣлъ ему оставить Чернышева въ покоѣ. Редакторъ и авторъ замѣтки были подвергнуты взысканію. Этимъ Наполеонъ хотѣлъ смягчить впечатлѣніе, которое могла произвести журнальная замѣтка въ Россіи. Онъ не видѣлъ бѣды въ томъ, что Чернышевъ узнаетъ о его боевыхъ силахъ, и не мѣшалъ ему дѣйствовать въ прежнемъ духѣ. Пока онъ не думалъ еще серіозно о войнѣ съ Россіей, ему выгодно было, чтобы Россія знала о его огромныхъ военныхъ силахъ и чувствовала предъ ними страхъ. Но когда Напо-

---

[1]) Сборникъ, XXI, 108.

леонъ приступилъ къ приготовленіямъ къ походу противъ Россіи, тогда присутствіе Чернышева въ Парижѣ было признано имъ неумѣстнымъ. Его подвергли наблюденію, которое было поручено министру иностранныхъ дѣлъ Маре. Послѣдній же обратился къ помощи префекта полиціи Пакье. Но и Савари не хотѣлъ выпустить дѣла изъ своихъ рукъ и отдалъ полиціи приказъ слѣдить за Чернышевымъ. Его окружили сыщиками. Наблюденія были успѣшны: у него нашли докладъ Государю съ приложенными къ нему копіями съ документовъ, въ томъ числѣ таблицу съ указаніемъ организаціи всей арміи. Наполеонъ былъ въ негодованіи. Необходимо было найти измѣнника, сообщившаго документы. Но Наполеонъ не хотѣлъ давать огласки дѣлу до отъѣзда Чернышева, чтобы не осложнить преждевременно отношеній къ Россіи. Чернышевъ же, замѣтивъ, что за нимъ слѣдятъ, боялся, что его не выпустятъ изъ Парижа, и послалъ въ Петербургъ просьбу объ отозваніи. Но и Наполеонъ желалъ удаленія Чернышева и поэтому рѣшилъ послать его съ письмомъ въ Петербургъ. 13 Февраля 1812 г. произошло послѣднее свиданіе Наполеона съ Чернышевымъ, продолжавшееся 2 часа. Несмотря на то, что Наполеонъ уже рѣшилъ воевать, онъ все еще дѣлалъ видъ, что надѣется уладить взаимныя неудовольствія мирнымъ путемъ. 14 Февраля Чернышевъ выѣхалъ изъ Парижа. Передъ отъѣздомъ онъ уничтожилъ большое число бумагъ. Немедленно послѣ его отъѣзда произведенъ былъ въ его квартирѣ обыскъ. Въ каминѣ нашли только кучу пепла, но подъ ковромъ, лежавшимъ передъ каминомъ, оказалось попавшее туда, по всей вѣроятности, во время сожженія бумагъ письмо, подписанное буквой М. и заключавшее въ себѣ обѣщаніе доставить свѣдѣнія объ арміи. Слѣдствіе обнаружило, что подъ буквой М. скрывался мелкій чиновникъ военнаго министерства Мишель, завязавшій сношенія съ Чернышевымъ при посредствѣ швейцара русскаго посольства. Онъ доставлялъ свѣдѣнія чиновникамъ русскаго посольства еще за 8 лѣтъ передъ этимъ. Чернышевъ платилъ ему болѣе или менѣе крупныя суммы въ неопредѣленные сроки и обѣщалъ пенсію. Свиданія ихъ обыкновенно происходили у вышеупомянутаго швейцара, если же Мишель долго не являлся, то Чернышевъ отправлялся къ нему на квартиру. Открылось, что Чернышевъ старался подкупить и другихъ лицъ, обыкновенно такихъ, которыя привыкли тратить деньги, но не имѣли ихъ. Такъ, онъ безуспѣшно предложилъ 400 т. франковъ одному начальнику отдѣленія. Онъ дѣлалъ попытки подкупить и въ главномъ штабѣ и въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и торговли. Мишель, по приговору суда, былъ казненъ [1]).

Въ 1812 г. Чернышевъ сопровождалъ Государя въ Москву [2]) и въ Або, гдѣ происходили переговоры съ Бернадоттомъ. Въ началѣ Отечественной войны онъ состоялъ комендантомъ Главной квартиры и завѣдывалъ конвоемъ Государя [3]). 31 Августа онъ былъ отправленъ изъ Петербурга въ главную квартиру Кутузова, чтобы передать ему планъ военныхъ дѣйствій. Такъ какъ Москва была занята непріятелемъ, то ему пришлось ѣхать изъ Клина въ Красную Пахру кружнымъ путемъ черезъ Троицу, Киржачъ, Покровъ, Коломну, Каширу и Серпуховъ. 8 Сентября онъ явился къ Кутузову и вручилъ ему планъ. Фельдмаршалъ высказалъ сожалѣніе, что третьяго дня онъ послалъ Чичагову предписаніе, несогласное съ тѣмъ, что теперь предлагалось Государемъ,—слѣдовать съ Молдавской арміей къ Могилеву. На это Чернышевъ возразилъ, что въ такомъ случаѣ кн. Шварценбергъ не будетъ отрѣзанъ отъ главной арміи. По совѣщаніи съ Беннигсеномъ Кутузовъ рѣшилъ слѣдовать присланному плану и просилъ Чернышева ѣхать къ Чичагову и передать ему Высочайшее повелѣніе. 17 Сентября Чернышевъ встрѣтилъ армію Чичагова на маршѣ къ Любомлю и передалъ адмиралу планъ движенія къ Березинѣ [4]).

Въ началѣ Октября Чернышевъ былъ командированъ съ конным отрядомъ въ герцогство Варшавское для дѣйствій въ тылу арміи кн. Шварценберга. Изъ Бреста онъ направился къ Бялѣ, гдѣ заклепалъ 15 непріятельскихъ орудій, а потомъ отправился въ Мендзыржецъ и Сѣдлецъ на перерѣзъ шедшимъ къ Шварценбергу 2000 австрійцамъ. Узнавъ о намѣреніи Шварценберга окружить его и отрѣзать отъ Буга, Чернышевъ оставилъ противъ него наблюдательный отрядъ, а самъ направился къ Люблину, выславъ часть отряда по направленію къ Варшавѣ. По пути онъ истреблялъ непріятельскіе магазины и военные запасы. Появленіе Чернышева вызвало такой страхъ, что жители уходили толпами. Получивъ отъ Чичагова повелѣніе возвратиться, онъ привелъ съ собою 200 плѣнныхъ и доставилъ собранную имъ денежную контрибуцію, которая была роздана нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ экспедиціи [5]). 26 Октября

---

[1]) Сборникъ, XXI, 2, 40, 66, 125—144, 170; Vandal, II, 496, 512; III, 138, 235, 310, 312, 393; Mém. du duc de Rovigo, V, 124—135, 144, 204—217.

[2]) Р. Архивъ, 1875/II, 293.

[3]) Панчулидзевъ, «Ист. Кавалергардовъ», III, 177.

[4]) Богдановичъ, II, 342, 346; Сборн. Собств. Е. И. В. канц., X, 267, 271.

[5]) Богдановичъ, II, 457.

А. И. Чернышевъ.

Чернышеву было дано новое порученіе. Чичаговъ, получивъ свѣдѣнія о появленіи непріятеля со стороны Волковыска и Гродны, поручилъ Чернышеву съ казачьимъ полкомъ развѣдать о направленіи непріятеля и затруднить его движеніе. 27 Октября Чернышевъ, узнавъ, что генералъ Мооръ собирается устроить переправу на р. Нѣманѣ, чтобы соединиться съ Шварценбергомъ, находившимся уже въ Волковыскѣ, послалъ казаковъ уничтожить мосты на Нѣманѣ, а самъ пошелъ къ Зельвѣ и уничтожилъ мосты на р. Зельвянкѣ. Австрійцы были такимъ образомъ остановлены, и Чичаговъ выигралъ время для движенія къ Березинѣ. 28 Октября Чернышевъ получилъ приказаніе итти къ Лепелю для открытія сообщеній съ арміей гр. Витгенштейна. Выступивъ въ тотъ же день изъ Зельвы, онъ переплылъ Нѣманъ и пошелъ по мѣстности, занятой непріятельскими отрядами. По пути онъ захватилъ трехъ французскихъ курьеровъ, въ окрестностяхъ Минска освободилъ изъ плѣна ген.-ад. барона Винценгероде и другихъ и съ ними явился къ Витгенштейну въ м. Чашники, пройдя въ $4^1/_2$ сутокъ болѣе 350 верстъ. «За успѣшныя дѣйствія по возлагаемымъ на него порученіямъ и благоразумное исполненіе отважной экспедиціи» Чернышевъ, 22 Ноября, былъ произведенъ въ генералъ-майоры и пожалованъ генералъ-адъютантомъ.

Въ Декабрѣ 1812 г. гр. Витгенштейнъ, составивъ изъ казаковъ три летучихъ отряда, подъ начальствомъ Чернышева, Бенкендорфа и Тетенборна, выслалъ ихъ для дѣйствій въ лѣвый флангъ и въ тылъ принца Евгенія Богарне, отступившаго къ Познани. Съ 10 казачьими полками Чернышевъ настигъ принца 31 Декабря въ Маріенвердерѣ, вытѣснилъ его оттуда и взялъ 15 орудій и нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Узнавъ, что за Вартой находится литовская кавалерійская дивизія кн. Гедройца, онъ, несмотря на то, что въ это время при немъ было только около 500 человѣкъ, напалъ на нее у м. Цирке и взялъ въ плѣнъ самого князя, 20 офицеровъ и 400 солдатъ. Конецъ Января и начало Февраля 1813 года прошло въ томъ, что онъ со своимъ партизанскимъ отрядомъ тревожилъ непріятеля на лѣвомъ берегу Одера. 5 Февраля, соединившись съ Тетенборномъ, Чернышевъ сдѣлалъ попытку вытѣснить изъ Берлина маршала Ожро и даже проникъ въ городъ, но невозможность утвердиться въ немъ заставила его и Тетенборна отступить къ Ораніенбургу [1]). За дѣла при Маріенвердерѣ и Берлинѣ Чернышевъ получилъ *Георгія* 3 ст. Послѣ выступленія французскихъ войскъ изъ Берлина, Чернышевъ, 20 февраля, занялъ столицу Пруссіи. За взятіе Берлина онъ былъ награжденъ 8 Марта орд. св. Анны 1 ст.; 22 Февраля Чернышевъ имѣлъ опять дѣло съ принцемъ Евгеніемъ у м. Белицъ. Въ Мартѣ онъ получилъ порученіе наблюдать за Магдебургомъ. Узнавъ объ опасности, угрожавшей Люнебургу, Чернышевъ, соединившійся къ этому времени съ прусскими партизанами, въ 24 часа прошелъ 70 верстъ и 20 Марта подошелъ къ этому городу [2]). На слѣдующій день произошло сраженіе, закончившееся побѣдой союзниковъ: генералъ Моранъ, смертельно раненый, и весь французскій корпусъ достались побѣдителю. Наградой Чернышеву за это дѣло были алмазные знаки ордена св. Анны 1 ст. и прусскій орденъ Краснаго Орла 1 ст. При наступленіи французскаго отряда Даву Чернышевъ и пруссаки отступили за Эльбу [3]). Находясь со своимъ отрядомъ въ корпусѣ гр. Вальмодена на Нижней Эльбѣ, Чернышевъ узналъ о движеніи значительнаго непріятельскаго парка черезъ Гальберштадтъ въ Магдебургъ. Переправившись черезъ Эльбу и пройдя въ 36 часовъ болѣе 100 верстъ, онъ прибылъ къ Гальберштадту. Не обращая вниманія на усталость людей, Чернышевъ рѣшилъ немедленно напасть на непріятеля, успѣвшаго принять мѣры обороны. Русскія орудія открыли огонь такъ удачно, что сразу взорвали 5 зарядныхъ ящиковъ. Чернышевъ, воспользовавшись происшедшимъ отъ взрыва смятеніемъ, повелъ атаку и одержалъ полную побѣду [4]). 14 орудій, 16 офицеровъ и 800 нижнихъ чиновъ достались побѣдителю. Войдя затѣмъ въ сношенія съ Воронцовымъ, блоки-

---

1) Богдановичъ, «Исторія войны 1813 г.», I, 11, 21, 23, 31, 57.
2) Тамъ же, 84.
3) Тамъ же, 88.
4) Тамъ же, 358.

ровавшимъ Магдебургъ, Чернышевъ рѣшилъ вмѣстѣ съ нимъ напасть на Лейпцигъ. Дѣйствія начались очень успѣшно, но были прерваны извѣстіемъ о заключеніи перемирія. По возобновленіи военныхъ дѣйствій, отрядъ Чернышева вошелъ въ составъ арміи наслѣднаго принца шведскаго. 12 Августа онъ имѣлъ дѣло съ польскимъ отрядомъ при дер. Босдорфъ; во время сраженія при Гросберенѣ дѣйствовалъ во флангъ и тылъ непріятеля. 15 Августа Чернышевъ былъ посланъ съ 5 казачьими полками для наблюденія за десятитысячнымъ корпусомъ ген. Жерара, шедшимъ изъ Магдебурга въ Берлинъ, напалъ на него внезапно съ тыла между Любницемъ и Бельцигомъ въ то время, какъ онъ тѣснилъ пруссаковъ, и заставилъ его бѣжать въ Виттенбергъ. Въ память освобожденія Берлина и сраженія 15 Августа была выбита медаль съ надписью: «Berlin von den Franzosen befreit durch Tschernischef» [1]). Чернышевъ съ этихъ поръ сталъ пользоваться въ Германіи большой популярностью. Гр. Растопчинъ, путешествуя по Германіи, встрѣчалъ на многихъ станціяхъ его портреты. Художникъ изобразилъ его съ мѣхомъ на плечахъ; лицу онъ придалъ нѣчто романическое и выраженіе ума и даже геніальности [2]).

Въ началѣ Сентября Чернышевъ задумалъ экспедицію въ Вестфальское королевство. Онъ полагалъ, что занятіе столицы королевства,

А. И. Чернышевъ.

Касселя, прекративъ его существованіе, возбудитъ возстаніе противъ Наполеона и въ прочихъ частяхъ Германіи. Хотя овладѣть Касселемъ для легкаго казачьяго отряда безъ помощи пѣхоты было трудно, но Чернышевъ рѣшился на это предпріятіе, надѣясь на содѣйствіе мѣстныхъ войскъ и жителей и на внезапность нападенія. Испросивъ разрѣшеніе Бернадотта, онъ, съ отрядомъ изъ 2300 коней, выступилъ къ Эльбѣ. Переправившись черезъ рѣку на лодкахъ въ ночь на 3 Сентября, Чернышевъ расположился у Бернбурга и выслалъ партію для отвлеченія вниманія непріятеля и собиранія свѣдѣній. 12-го отрядъ выступилъ, двинулся окольными путями и, съ соблюденіемъ всѣхъ мѣръ предосторожности, 16-го утромъ подошелъ къ Касселю. Несмотря на всѣ предосторожности, Вестфальское правительство было предупреждено объ опасности, но мѣры, принятыя имъ, были недостаточны. Туманъ не позволилъ Чернышеву начать наступленіе ранѣе $9\frac{1}{2}$ ч. Король съ частью войскъ бѣжалъ. Вышедшія же навстрѣчу войска послѣ первой стычки отступили за р. Вале. Чернышевъ преслѣдовалъ ихъ и разсѣялъ пѣхоту. Нѣсколько гранатъ, брошенныхъ въ городъ, обратили въ бѣгство его защитниковъ. Казаки отворили городскія ворота съ помощью мѣщанъ, въѣхали въ городъ и утвердились въ Нижнемъ городѣ. Только у моста черезъ Фульду ихъ встрѣтилъ сильный ружейный огонь. Между тѣмъ въ тылу появились 2 непріятельскихъ полка, и Чернышевъ, боясь быть окруженнымъ, отступилъ къ Мельзунгену. Узнавъ, что эти полки въ очень жалкомъ положеніи, онъ послалъ сотню казаковъ ихъ преслѣдовать. 17-го явился въ Кассель отрядъ ген. Цандта, но тоже совершенно разстроенный. Чернышевъ, получивъ свѣдѣнія, что горожане собираются возстать противъ французовъ, двинулся опять къ городу, усиленный вновь сформированнымъ вестфальскимъ отрядомъ и 9 отбитыми у непріятеля орудіями. Когда онъ открылъ артиллерійскій огонь по городу, горожане возстали, и многіе изъ нихъ вышли навстрѣчу русскимъ. Чернышевъ послалъ парламентера съ предложеніемъ сдать городъ, на что послѣдовало согласіе. 19 Сентября русскіе были опять въ Касселѣ. Народъ привѣтствовалъ Чернышева радостными восклицаніями, какъ своего освободителя. Однако, русскіе не остались тамъ. Изъ опасенія, чтобы французскіе резервы, формировавшіеся на Рейнѣ, не вытѣснили ихъ изъ города, Чернышевъ отступилъ къ Эльбѣ [1]). 18 и 19-го происходило сраженіе при Ганау, въ которомъ Чернышевъ дѣйствовалъ совмѣстно съ баварцами. За Кассель и преслѣдованіе непріятеля Чернышевъ 20 Октября получилъ орденъ св. Владиміра 2-й ст. За кампанію 1813 г. онъ, кромѣ того, получилъ слѣдующіе иностранные ордена: Шведскій — Меча 1-й ст.,

[1]) Зап. Р. Археолог. Общества, X, 317.
[2]) «XIX вѣкъ», II, 114.

[1]) Богдановичъ, «Ист. Войны 1813 г.», II, 344—357.

Баварскій — Максимиліана 2-й ст., Нидерландскій — Вилгельма 2 ст., Гессенъ-Кассельскіе — Золотого Льва большого креста и за «военное достоинство» [1]).

Въ концѣ 1813 года отрядъ Чернышева составилъ авангардъ корпуса Винценгероде. 31 Декабря вечеромъ онъ началъ переправу черезъ Рейнъ у Дюссельдорфа, 5 Января 1814 г. настигъ непріятельскій арріергардъ и прогналъ къ Юлиху, 12-го занялъ Люттихъ, а 28-го крѣпость Авенъ. По занятіи 31 Января Лана, Чернышевъ предложилъ Винценгероде взять приступомъ Суассонъ, обнесенный древними каменными стѣнами. Винценгероде послѣ нѣкоторыхъ колебаній разрѣшилъ Чернышеву исполнить это, но съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ на себя отвѣтственность въ случаѣ неудачи. 1 Февраля высланные впередъ казаки были атакованы и отброшены. 2-го Чернышевъ послалъ своего адъютанта съ предложеніемъ сдаться, но получилъ отказъ. Первые два приступа были неудачны. Воспользовавшись затѣмъ смятеніемъ въ рядахъ непріятеля, вызваннымъ смертельной раной коменданта, Чернышевъ взорвалъ городскія ворота и вступилъ въ городъ. 3 генерала, 180 офицеровъ и болѣе 3000 солдатъ попали въ плѣнъ, нашъ же уронъ не превосходилъ 500 человѣкъ [2]). 20 Февраля Чернышевъ, тѣснимый значительными силами Нея и Груши, отступилъ за Эну, при чемъ пришлось переходить испорченный мостъ съ помощью набросанныхъ на него досокъ [3]). Послѣ сраженія при Краонѣ, 24 Февраля, ему было поручено прикрывать отступленіе арміи Блюхера къ Лану. Въ этотъ день онъ былъ атакованъ Неемъ у селенія Этувиль, но удержался на мѣстѣ и къ ночи отбилъ непріятеля. 25-го онъ имѣлъ жаркое дѣло съ корпусомъ Мармона. 4-го Марта, за отличіе при взятіи Суассона, Чернышевъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. 6 Марта союзники двинулись опять къ Энѣ. Въ то время какъ попытки пруссаковъ перейти рѣку были неудачны, Чернышевъ со своими казаками перешелъ ее въ бродъ и заставилъ непріятеля отступить [4]). 12 Марта, по соединеніи съ авангардомъ главной арміи, онъ былъ Высочайше командированъ для открытія непріятельскихъ дѣйствій между рѣками Объ и Марной [5]). 17-го Марта онъ настигъ у Вильнева 3 баталіона французской пѣхоты и совершенно разбилъ ихъ, а черезъ нѣсколько дней напалъ у Мальзерба на непріятельскій паркъ, слѣдовавшій въ Орлеанъ, и отбилъ 26 орудій. Узнавъ отъ плѣнныхъ, что недавно по той же дорогѣ прошелъ другой паркъ, Чернышевъ кинулся за нимъ вслѣдъ и, подойдя къ вечеру къ городу Питивье, занятому 200 егерями, взялъ его штурмомъ, при чемъ весь отрядъ егерей былъ уничтоженъ [1]). Занятіе союзниками Парижа прекратило войну. Въ теченіе 1814 г. Чернышевъ получилъ слѣдующіе иностранные ордена: австрійскій — Маріи-Терезіи 3 ст. и французскіе — командорскій крестъ св. Людовика и золотой крестъ Почетнаго Легіона [2]).

Во время пребыванія Государя въ Парижѣ Чернышевъ находился при немъ. И прежде расположенный къ молодому генералъ-адъютанту, Государь теперь въ особенности сталъ къ нему милостивъ и отличалъ его болѣе всѣхъ своихъ приближенныхъ, кромѣ кн. Волконскаго. Въ Іюлѣ 1814 г. Чернышевъ сопровождалъ Императора въ Англію, а затѣмъ въ Вѣну на конгрессъ. На всѣ празднества и вечера у вѣнскихъ сановниковъ Государь являлся въ сопровожденіи любимаго генералъ-адъютанта [3]). Чернышевъ считался однимъ изъ первыхъ кавалеровъ Вѣны и, по обыкновенію, былъ любимцемъ дамъ, съѣхавшихся со всѣхъ сторонъ. Но постоянныя удовольствія не мѣшали ему слѣдить за политическими дѣлами и быть недовольнымъ дѣйствіями русскихъ дипломатовъ. Свое мнѣніе онъ высказалъ въ письмѣ къ гр. Аракчееву: «Плоды путешествія нашего въ Лондонъ и дурныя распоряженія нашихъ дипломатовъ какъ въ Лондонѣ и Парижѣ, такъ и въ министерствѣ, истребили совершенно то вліяніе въ Европѣ, на которое мы имѣли неоспоримое право. Ваше Сіятельство, со свойственною вамъ прозорливостью, изволили предвидѣть въ Ахенѣ, съ какими неудобствами сопряжено намѣреніе наше въ разсужденіи Польши, особливо касательно до благоденствія и неприкосновенности Россіи; но никто, конечно, не ожидалъ, чтобы въ толь короткое время г. Меттернихъ и проч. успѣли лишить насъ всѣхъ союзниковъ, исключая Пруссіи, и возстановить противъ насъ всѣ европейскіе дворы, такъ что, въ случаѣ разрыва, и Франція, которой интересы въ теперешнемъ ея положеніи столько съ нашими были сходны, также объявится противъ насъ» [4]). Чернышева озабочивали также намѣреніе Александра Павловича даровать конституцію Польшѣ и его продолжительное отсутствіе изъ Россіи. «Если отъ Россіи желаютъ»,

---

1) Формуляръ.
2) Богдановичъ, «Ист. войны 1814 г.», 213.
3) Тамъ же, 305.
4) Тамъ же, 465.
5) Тамъ же, 496.

1) Богдановичъ, «Ист. войны 1814 г.», 584.
2) Формуляръ.
3) Р. Старина, 1899/VI, 641.
4) Васильчиковъ, «Семейство Разумовскихъ», IV, 535.

писалъ онъ Государю 4 Апрѣля, «такой же энергіи въ 1815 г., какую она проявила въ 1812 г., то... необходимо, чтобы Ваше Величество, не теряя времени, обнародовали въ ней ваши великодушныя намѣренія, которыя могутъ вызвать сочувствіе народа и главное... разсѣять всякое опасеніе въ томъ, что конституція, даруемая Вашимъ Величествомъ Польшѣ, является какъ бы знакомъ предпочтенія, — подобное же опасеніе со стороны народа, который такъ дорожитъ отеческимъ расположеніемъ своего монарха и при томъ монарха, столь горячо любимаго имъ, можетъ само по себѣ вызвать нѣчто въ родѣ разочарованія... Было бы также не безполезно... успокоить вашихъ подданныхъ относительно продолжительнаго отсутствія Вашего Императорскаго Величества и касательно продленія того способа управленія, которое не можетъ быть продолжительно и не лишено злоупотребленій, потому что управленіе это временное. Тогда Россія будетъ стремиться къ одной цѣли съ вашимъ войскомъ, и военная слава не истомитъ ея, такъ какъ она не будетъ имѣть ни малѣйшаго повода къ боязни и будетъ видѣть цѣль и награду за приносимыя ею жертвы» [1]).

Во время 100 дней Чернышевъ дѣйствовалъ противъ непріятеля впереди праваго фланга арміи и 19 Іюня овладѣлъ Шалономъ.

Въ 1818 г. Чернышевъ сопровождалъ Государя на конгрессъ въ Аахенъ и единственный изъ русскихъ бывалъ съ нимъ на вечерахъ у кн. Шварценберга [2]).

10 Марта 1819 г. Чернышевъ былъ назначенъ членомъ комитета объ устройствѣ Донского войска. Учрежденіе этого комитета было вызвано слѣдующими обстоятельствами. На Дону развилось аристократическое самовластье, общественныя войсковыя земли произвольно раздавались въ частную собственность сильнымъ людямъ, финансовая часть велась безпорядочно, взяточничество процвѣтало въ сильной степени. Указанныя неурядицы были слѣдствіемъ того, что войско Донское не имѣло для своего управленія опредѣленныхъ законовъ. Атаманъ Денисовъ рѣшилъ добиться для войска организаціи, соотвѣтствующей требованіямъ времени, и въ 1819 г. испросилъ Высочайшее повелѣніе на учрежденіе комитета для составленія положенія объ устройствѣ войска Донского. Комитетъ и былъ учрежденъ подъ предсѣдательствомъ Денисова. О причинахъ назначенія Чернышева членомъ этого комитета Государь такъ высказался въ рескриптѣ на имя Денисова отъ 10-го Марта: «Желая содѣйствовать вамъ, я почелъ нужнымъ назначить военнаго чиновника, извѣстнаго мнѣ своими похвальными качествами, для засѣданія въ семъ комитетѣ, коего работа должна имѣть весьма важное вліяніе на будущее устройство войска, столь много и полезно всегда содѣйствующаго успѣхамъ Россійскаго оружія. Выборъ мой палъ на генералъ-адъютанта моего Чернышева; онъ извѣстенъ храбрымъ донскимъ казакамъ по воинскимъ его дарованіямъ. Подъ его начальствомъ они во многихъ случаяхъ торжествовали надъ непріятелемъ и по его представленіямъ награждались чинами и украшались знаками отличія. Любимый ими на поприщѣ воинской славы и взаимно къ нимъ душевно привязанный, онъ, конечно, заслужитъ и въ семъ мирномъ трудѣ ихъ уваженіе, тѣмъ болѣе, что ему извѣстны предположенія мои по разнымъ частямъ устройства вообще арміи нашей, и онъ можетъ передать вамъ общія соображенія, кои съ пользою вы приложите къ войску Донскому» [1]). Комитетъ долженъ былъ «собрать воедино всѣ узаконенія относительно войска Донского, въ различныя времена по различнымъ случаямъ изданныя,... сообразить ихъ съ настоящимъ порядкомъ вещей и представить новое войсковое положеніе... и поспѣшествовать лучшему устройству, порядку и благоденствію донскихъ казаковъ» [2]).

Учрежденіе комитета возбудило противъ Денисова негодованіе донской аристократіи, предчувствовавшей уничтоженіе своихъ преимуществъ. Недовольные стали группироваться вокругъ Чернышева. Въ комитетѣ мнѣнія Денисова и Чернышева постоянно расходились. Атаманъ, по его словамъ, «видя въ Чернышевѣ нетвердыя познанія, какъ бытности казаковъ въ домахъ, такъ и въ военныхъ ихъ дѣйствіяхъ, принужденъ былъ оставаться при своемъ мнѣніи». Чернышевъ, съ своей стороны, жаловался на противодѣйствіе Денисова и сочувствующихъ ему членовъ комитета и совѣтовалъ Государю объявить атаману, что всякое недоразумѣніе, безпокойство или волненіе будетъ отнесено на счетъ мѣстнаго начальства и взыщется съ него съ примѣрною строгостью, какъ съ виновнаго въ нерадѣніи и слабости [3]). Отношенія ихъ стали въ высшей степени враждебными, и результатомъ было увольненіе Денисова. Главнымъ обвинительнымъ пунктомъ противъ него было распространеніе откупной системы питейной продажи, существовавшей уже въ станицахъ, и на всѣ войсковыя земли. Денисовъ сдѣлалъ это съ цѣлью поправить состояніе войсковой казны, но этимъ были уменьшены доходы помѣщиковъ, что и

---

1) Р. Старина, 1882/IV, 243.
2) Ист. Вѣстникъ, 1892/VI, 626.

1) Сборн. Собств. Е. И. В. канц., VIII, 269.
2) Р. Старина, 1894/VII, 210, 213.
3) Сборн. Собств. Е. И. В. канц., IX, 72.

возстановило ихъ противъ атамана. Затѣмъ произошли весной 1820 г. волненія среди казаковъ, а въ Іюнѣ и среди крестьянъ Екатеринославской губерніи. Виновникомъ безпорядковъ Чернышевъ прямо называлъ Денисова, распространившаго по войску копію со своего отношенія къ войсковому депутату, копію, которая была принята крестьянами за указъ о вольности. Весь Іюнь и Іюль прошли въ усмиреніи Чернышевымъ возставшихъ [1]). Учрежденная имъ слѣдственная коммиссія согласилась съ его мнѣніемъ о виновности атамана. Главнымъ сотрудникомъ Чернышева былъ членъ комитета сенаторъ Болгарскій, пользовавшійся репутаціей взяточника; онъ былъ постояннымъ корреспондентомъ Чернышева во время его частыхъ отлучекъ съ Дона. 25 Іюля 1820 г. Чернышеву, за труды въ Донскомъ комитетѣ, былъ пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго. 27 Января 1821 г. Денисовъ былъ уволенъ отъ должности, а 29-го Января Чернышевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета (оставался имъ до закрытія комитета 26 Мая 1835 г.), при чемъ комитетъ былъ переведенъ въ Петербургъ. 4 Мая 1823 г. въ Государственномъ Совѣтѣ составленъ былъ особый комитетъ для предварительнаго разсмотрѣнія проэкта Положенія о Донскомъ войскѣ [2]), а 23-го Апрѣля 1825 г. проэктъ былъ представленъ Чернышевымъ Императору Александру и затѣмъ переданъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Преемникомъ Денисова былъ назначенъ, по выбору самого Чернышева, генералъ Иловайскій. Однако, хорошія отношенія между ними продолжались недолго. Новый атаманъ донесъ 10 Августа 1826 г. Императору Николаю Павловичу, что въ проэктѣ Положенія допущены многія ошибки, обнаружившіяся при примѣненіи предположеній комитета къ дѣйствіямъ войскового управленія. «По трехлѣтнимъ таковымъ наблюденіямъ», писалъ онъ, «нѣкоторыя изъ предположеній комитетскихъ дѣйствительно оказались — одни недостаточными, другія нѣсколько несообразными съ порядкомъ вещей или противорѣчащими пользамъ края нашего, иныя же вовсе невозможными въ исполненіи. О многихъ изъ нихъ въ свое время доводилъ я до свѣдѣнія предсѣдательствующаго генералъ-адъютанта Чернышева для принятія мѣръ предосторожности». Все это произошло, по мнѣнію Иловайскаго, по слѣдующимъ причинамъ: вслѣдствіе отсутствія въ комитетѣ выборныхъ отъ войска членовъ и вслѣдствіе начальныхъ дѣйствій комитета, который, вмѣсто того, чтобы слѣдовать данной ему программѣ, потребовалъ по запискѣ Чернышева отъ войсковой канцеляріи разныхъ свѣдѣній по нѣкоторымъ военнымъ и гражданскимъ частямъ и занялся ихъ обсужденіемъ. Такимъ образомъ составлены были только отдѣльныя постановленія по разнымъ вопросамъ, изложенныя въ систематическомъ порядкѣ Чернышевымъ и Болгарскимъ, при чемъ были уничтожены только противорѣчія. Комитетъ совсѣмъ не собралъ свѣдѣній объ обычаяхъ, отчего произошли погрѣшности въ правилахъ объ управленіи станичномъ и калмыцкомъ, основанномъ на обычаяхъ. Въ заключеніе Иловайскій просилъ передать Положеніе на разсмотрѣніе новой коммиссіи, въ которую войдутъ члены, избранные всѣмъ войсковымъ обществомъ, и которая получитъ сводъ всѣхъ постановленій и обычаевъ. Государь передалъ записку Иловайскаго Чернышеву, который составилъ опроверженіе обвиненій атамана. Въ своей запискѣ Чернышевъ доказывалъ, что замедленіе въ преобразованіи Донского войска можетъ принести войску существенный вредъ. Въ особенности его возмущало предложеніе Иловайскаго составить коммиссію изъ выборныхъ членовъ. «Атаманъ», писалъ онъ, «охуждая составъ и порядокъ занятій комитета, бывшій, по словамъ его, главною причиною недостатковъ въ самомъ проэктѣ Положенія, и испрашивая дозволенія пересмотрѣть оный на Дону, явно присвояетъ небывалое въ Россіи право избранія довѣренныхъ членовъ общества или народныхъ представителей, которые бы, составляя для себя законы, находились въ непосредственномъ отношеніи къ Государственному Совѣту, себѣ же лично наименованіе правительствующаго. Въ государствѣ, гдѣ всякій законъ и всякое начальство проистекаетъ отъ единой самодержавной власти Государя, подобныя присвоенія и даже самыя мысли объ оныхъ не должны быть терпимы, наипаче въ лицѣ начальника военной области, гдѣ безмолвное повиновеніе есть существенная основа всѣхъ дѣйствій». Если же просьба Иловайскаго была бы удовлетворена, то «казачьи представители, защищая коренныя права свои, не избѣжали бы необходимости оскорбленія своихъ начальниковъ, оныя нарушившихъ, и тѣмъ ослабили бы военную дисциплину; оставаясь же безмолвными противъ утѣснителей, они невозвратно теряли бы существенныя пользы своего сословія; и, во-вторыхъ, представители чиновниковъ должны были бы состязаться съ терпящими отъ нихъ подчиненными и сдѣлаться судьями въ собственномъ дѣлѣ». Въ ходатайствѣ Иловайскаго Чернышевъ усматривалъ стремленіе получить въ свои руки проэктъ и уничтожить въ немъ все, что сдѣлано для водворенія порядка въ области, и утвердить въ ней произволъ и безотчетность. Въ заключеніе онъ просилъ Государя

---

[1]) Сборн. Собств. Е. И. В. канц., IX, 233, 241, 300.
[2]) Тамъ же, VI, 173.

повелѣть Иловайскому внести свои возраженія въ Донской комитетъ, на что послѣдовало согласіе. 7 Іюня 1827 г. Иловайскій, обвиненный въ допущеніи безпорядковъ и злоупотребленіяхъ, былъ уволенъ. Въ этомъ же году Чернышевъ предложилъ вводить постепенно нѣкоторые пункты Положенія до разсмотрѣнія ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ, что и повелѣно было исполнить. Проэктъ разсматривался въ Соединенныхъ департаментахъ военномъ, законовъ и экономіи, а заключенія ихъ представлялись непосредственно Государю безъ внесенія въ Общее собраніе Государственнаго Совѣта. Положеніе было утверждено 26 Мая 1835 г., послѣ чего Донской комитетъ былъ закрытъ. Чернышевъ, которому еще 21 Апрѣля 1823 г. за труды по составленію Положенія были пожалованы алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго, по завершеніи всего труда получилъ право носить мундиръ войска Донского. Войско же на собранныя по подпискѣ деньги поднесло ему богато украшенную шашку съ изображеніями на ней боевыхъ подвиговъ его съ донскими казаками въ 1812—15 гг. [1]).

Дѣятельность Чернышева не ограничивалась однимъ Донскимъ комитетомъ. 14 Марта 1819 г. онъ былъ назначенъ членомъ «Комитета, учрежденнаго 18 Августа 1814 г.» (Комитетъ о раненыхъ). 16 Іюня 1819 г. за усердную службу ему изъявлена была Монаршая благодарность. Въ 1820 г. Чернышевъ сопровождалъ Государя на конгрессы въ Троппау и Лайбахъ. Изъ Лайбаха онъ былъ посланъ съ «важнымъ порученіемъ» въ Мюнхенъ. На обратномъ пути, въ горахъ близъ Сенъ-Мишеля, коляска Чернышева опрокинулась, и онъ получилъ сильный ушибъ въ грудь съ переломомъ лѣвой ключицы на плечевой ея половинѣ. Нѣсколько дней больной находился въ опасномъ положеніи, но, благодаря усиліямъ врачей, выздоровѣлъ, хотя послѣдствія остались на всю жизнь: конецъ ключицы выступалъ впередъ, такъ что Чернышевъ долженъ былъ покрывать ее ватной подушкой для избѣжанія давленія на нее. Государь за время болѣзни Чернышева принималъ въ немъ большое участіе [2]).

18 Апрѣля 1821 г. Чернышевъ былъ назначенъ начальникомъ Гвардейской легкой кавалерійской дивизіи. Въ 1822 г. осенью онъ сопровождалъ Государя на конгрессъ въ Верону [3]) и получилъ сардинскіе ордена свв. Маврикія и Лазаря большого креста [4]), а въ Августѣ 1823 г. сопровождалъ Государя въ путешествіи по Россіи [1]). Въ 1824 г. Императоръ Александръ I отправился путешествовать по восточной Россіи, но на этотъ разъ безъ своего постояннаго спутника. Михайловскій-Данилевскій разсказываетъ о причинѣ этого обстоятельства слѣдующее: Чернышевъ, увѣренный въ томъ, что онъ, по обыкновенію, будетъ сопровождать Государя, сказалъ въ одномъ домѣ, что ему поѣздки уже наскучили, а теперь предстоитъ еще путешествіе въ Азію. Это доведено было до свѣдѣнія Государя, который посовѣтовалъ Чернышеву остаться въ Европѣ [2]). Впрочемъ, онъ оставался недолго вдали отъ особы Государя. Такъ какъ Александръ Павловичъ хотѣлъ ознакомиться съ донскими дѣлами, то ко времени его пріѣзда въ Новочеркасскъ Чернышевъ былъ вызванъ туда. Изъ Новочеркасска ему было разрѣшено пріѣхать въ Таганрогъ для обсужденія тѣхъ же дѣлъ [3]) и вслѣдствіе этого пришлось присутствовать при смерти Императора Александра и при вкрытіи его тѣла [4]). Изъ Таганрога Дибичъ командировалъ Чернышева во 2-ю армію для арестованія Пестеля и опечатанія его бумагъ. Чтобы удалить Пестеля изъ штабъ-квартиры его полка, главнокомандующій гр. Витгенштейнъ пригласилъ къ себѣ начальниковъ отдѣльныхъ частей дивизіи, а Чернышевъ отправился въ это время въ Вятскій полкъ и захватилъ бумаги Пестеля, уличавшія его [5]). Послѣ ареста Пестеля и по приведеніи арміи къ присягѣ, Чернышевъ вернулся въ Петербургъ и 4 Января 1826 г. былъ назначенъ членомъ слѣдственной коммиссіи о декабристахъ. По свидѣтельству какъ декабристовъ, такъ и правителя дѣлъ коммиссіи Боровкова, Чернышевъ во время допросовъ вдавался въ самыя мелкія и ни къ чему ненужныя подробности [6]). 25 Іюля 1826 г. Чернышеву была пожалована табакерка съ портретомъ Императора Николая I, а 22 Августа, въ день коронованія, онъ, «въ воздаяніе отличныхъ заслугъ, оказанныхъ Престолу и Отечеству, неутомимаго усердія въ исполненіи Высочайше возлагаемыхъ на него важныхъ порученій и въ изъявленіе Монаршаго благоволенія къ неусыпнымъ трудамъ, понесеннымъ имъ при открытіи злоумышленниковъ и произведенію о нихъ изслѣдованія», возведенъ былъ съ нисходящимъ потомствомъ въ графское Россійской имперіи достоинство. 6 Декабря

---

1) Р. Старина, 1874/II, 1, 2, 475, 476, 707—717; 1875/III, 44, 53.
2) Р. Старина, 1871/IV, 256.
3) Сборникъ LXXVIII, 453.
4) Формуляръ.

1) Ист. Вѣстникъ, 1892/VIII, 280.
2) Шильдеръ, IV, 481.
3) Р. Старина, 1872/VIII, 105.
4) Тамъ же, VI, 128; Шильдеръ, IV, 389.
5) Р. Старина, 1890/III, 491.
6) Шильдеръ, «Исторія Николая I», I, 330; Р. Старина, 1898/IV, 347.

1826 г. ему повелѣно было присутствовать въ Сенатѣ, 3 Февраля 1827 г. онъ былъ назначенъ товарищемъ начальника Главнаго штаба Е. И. В-ва и управляющимъ Военнымъ министерствомъ. 2 Октября того же года Чернышевъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, а 11 Апрѣля 1828 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. 6 Декабря 1828 г. Чернышеву «за неутомимую дѣятельность и усердіе, оказанныя въ своевременномъ снабженіи арміи многочисленными ея потребностями, въ прочномъ обезпечиваніи оной на будущее время и въ самомъ улучшеніи внутренняго устройства Военнаго министерства» пожалованъ орденъ св. Владиміра 1 ст. 8 Іюля 1829 г. ему пожалована аренда на 12 лѣтъ въ 8000 р., а 22 Сентября того же года «за благоразумное содѣйствіе мѣрами, отъ него зависѣвшими, успѣхамъ арміи въ войнѣ противъ турокъ», пожалованы 300.000 р. 17 Іюня 1830 г. онъ былъ награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла, 9 Августа назначенъ членомъ Сибирскаго комитета (закрытаго 9 Января 1838 г.). Въ 1831 г. Чернышевымъ составленъ былъ планъ веденія войны съ поляками по порученію Государя, недовольнаго медленностью и нерѣшительностью дѣйствій гр. Дибича. По этому плану предполагалось возложить усмиреніе Литвы на 1-ю резервную армію, войска же дѣйствующей арміи, усиленной подкрѣпленіями, должны были перейти Вислу ниже Варшавы, получая запасы продовольствія изъ Торна и изъ Россіи, черезъ Данцигъ, по Вислѣ [1]). 22 Августа 1831 г. Чернышеву былъ пожалованъ алмазами украшенный перстень съ портретомъ Императора Николая Павловича, а 31 Декабря «за отличную службу и пламенное усердіе къ пользамъ Государя Императора и Отечества и многія полезныя улучшенія во всемъ составѣ военнаго управленія» — орденъ св. Андрея Первозваннаго. Въ Январѣ 1832 г. онъ былъ зачисленъ въ списки гвардейскаго генеральнаго штаба.

Въ 1832 году было совершено преобразованіе военно-сухопутнаго управленія, и 1 Мая Чернышевъ былъ назначенъ военнымъ министромъ и непремѣннымъ предсѣдателемъ Военнаго совѣта. До 1832 г. военный министръ, будучи подчиненъ начальнику Главнаго штаба, имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи лишь хозяйственную часть; ему были вполнѣ подчинены департаменты коммиссаріатскій, провіантскій и медицинскій, а инженерный и артиллерійскій только по употребленію денежныхъ суммъ: инспекторы инженеровъ и артиллеріи дѣлали министру представленія только о хозяйственныхъ дѣлахъ. Реформа 1832 г. состояла въ слѣдующемъ: званіе начальника Главнаго штаба Его Императорскаго Величества было упразднено, вновь учреждены Военный совѣтъ и Генеральный аудиторіатъ, образованы канцеляріи Военнаго министерства и Военно-походная. Власть военнаго министра значительно расширена: въ его рукахъ сосредоточилось главное начальство надъ всѣми отраслями военнаго управленія, и онъ сталъ единственнымъ докладчикомъ Государю по всѣмъ дѣламъ военнаго вѣдомства. Проэктъ образованія министерства былъ Высочайше утвержденъ 1 Мая 1832 г., самое же «Учрежденіе министерства» было утверждено 29 Марта 1836 г. [1]).

2 Апрѣля 1833 г. Чернышевъ былъ назначенъ шефомъ С.-Петербургскаго уланскаго полка; 22 Апрѣля 1834 г. ему были пожалованы алмазные знаки ордена св. Андрея; 19 Октября дозволено принять прусскій орденъ Чернаго Орла; 21 Апрѣля 1835 г. пожалована аренда въ 8000 р. на 50 лѣтъ.

Въ концѣ 1834 г. былъ учрежденъ комитетъ для разсмотрѣнія предложенія Герстнера о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, членомъ котораго былъ назначенъ и Чернышевъ [2]). 5 Декабря 1837 г. Монаршее благоволеніе къ гр. Александру Ивановичу выразилось въ пожалованіи жены его, гр. Елизаветы Николаевны, въ статсъ-дамы [3]). 16 Октября 1839 г. ему пожалованъ былъ майоратъ въ Царствѣ Польскомъ (имѣніе Кленова Калишской губерніи въ 30.000 злотыхъ годового дохода), но онъ отъ него отказался и получилъ соотвѣтствующую денежную сумму [4]).

Въ 1839 г. командиръ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса В. А. Перовскій задумалъ экспедицію въ Хиву, но мысль его не встрѣтила сочувствія. Перовскій отправился тогда въ Петербургъ и, благодаря своимъ связямъ, сильно подвинулъ дѣло впередъ. Одинъ только Чернышевъ былъ противъ экспедиціи. На одномъ изъ придворныхъ баловъ Государь подошелъ къ военному министру и подозвалъ также Перовскаго. Предметомъ разговора сдѣлался Хивинскій походъ. Чернышевъ возражалъ противъ него, Перовскій же доказывалъ необходимость освободить русскихъ плѣнныхъ, томящихся въ неволѣ у хивинцевъ, и объявилъ, что принимаетъ экспедицію на свой страхъ и на свою отвѣтственность. «Когда такъ, то съ Богомъ», закончилъ споръ Государь. Черезъ нѣсколько дней составленъ былъ комитетъ изъ вице-канцлера гр. Нессельроде, Чернышева и Перовскаго. 12-го Марта 1839 г. рѣшена была

---

[1]) «Русск. военн. сила», II, 366.

[1]) П. С. З., отд. 2, VII, 5318; XI, 9038.
[2]) См. біографію гр. А. А. Бобринскаго.
[3]) Р. Старина, 1871/IV, 457.
[4]) Формуляръ; Р. Старина, 1893/II, 161.

экспедиція, цѣлью которой было: смѣстить хана и замѣнить его надежнымъ султаномъ Кайсацкимъ, упрочить, по возможности, порядокъ нашихъ сношеній съ Хивой, освободить всѣхъ плѣнныхъ и дать полную свободу нашей торговлѣ. Предпринятый зимою, походъ окончился очень неудачно, и Перовскій испросилъ Высочайшее соизволеніе на новую экспедицію весною [1]). Въ отвѣтъ на это послѣдовало секретное предписаніе военнаго министра Перовскому отъ 27 Февраля 1840 г. о томъ, что Государь Императоръ, «имѣя въ виду то невыгодное впечатлѣніе, которое неминуемо должно быть произведено неудачей настоящей противъ хана экспедиціи, изволитъ признавать необходимымъ возобновить ее сколько можно безотлагательно» [2]). Но лично Чернышевъ былъ противъ новаго похода, и въ концѣ концовъ вопросъ о немъ былъ рѣшенъ отрицательно.

24 Апрѣля 1840 г. Чернышевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета, учрежденнаго для введенія за Кавказомъ новаго гражданскаго устройства. Въ 1840 году былъ составленъ изъ 12 членовъ Государственнаго Совѣта комитетъ по поводу доклада Д. Н. Блудова о мѣрахъ къ уменьшенію числа дворовыхъ людей, существованіе которыхъ правительство признавало вреднымъ и опаснымъ. Чернышевъ, назначенный въ этотъ комитетъ, явился противникомъ мѣръ къ освобожденію дворовыхъ. Онъ не соглашался съ мнѣніемъ, что дворовые люди представляютъ опасность для государства, и находилъ, что въ настоящее время, при общей дороговизнѣ, недостаткѣ продовольствія и сомнительныхъ видахъ на будущій урожай и частныхъ распоряженіяхъ правительства относительно нѣкоторыхъ сословій, сильно волнующихъ умы, не время предпринимать столь важныя мѣры, которыя будутъ предвѣстіемъ измѣненія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. «Отъ мысли о свободѣ крестьянъ», говорилъ онъ, «неминуемо перейдутъ къ разнымъ другимъ послѣдствіямъ поколебать въ основаніи все государственное зданіе. Глубоко убѣжденному въ сей истинѣ, мнѣ кажется, что мы всѣ должны согласиться, что намъ нужны не нововведенія, столь опасныя, а поддержаніе и усовершенствованіе стараго. Благоговѣніе къ чистой вѣрѣ отцовъ, безусловная привязанность къ правительству, постоянное отеческое наблюденіе правительства къ искорененію всякихъ безпорядковъ и жестокостей и къ сохраненію семейныхъ и общественныхъ связей—вотъ что нужно для благоденствія земли русской». Въ случаѣ освобожденія «въ новомъ своемъ положеніи дворовые будутъ способны покуситься на все, и тогда-то могутъ дѣйствительно содѣлаться опасными въ высшей степени». Комитетъ собирался 3 раза: 3-го, 11-го (въ этотъ день была подана записка Чернышева) и 16-го Марта. 26-го предсѣдатель Государственнаго Совѣта кн. Васильчиковъ объявилъ Высочайшее повелѣніе: «Дѣло сіе оставить впредь до удобнаго времени» [1]). Въ томъ же 1840 г. Чернышевъ засѣдалъ въ Секретномъ комитетѣ для обсужденія финансовой реформы. Предметомъ засѣданій было изысканіе средствъ къ покрытію дефицита въ государственной росписи на 1841 г. 9 Января обсуждались записки кн. Друцкого-Любецкаго и министра финансовъ гр. Канкрина. Чернышевъ такъ же, какъ и кн. П. М. Волконскій и кн. А. С. Меншиковъ, заявилъ, что при важности и трудности дѣла онъ не рѣшается сейчасъ произнести свое мнѣніе, и выразилъ желаніе прочесть записки сперва у себя на дому, чтобы ближе ознакомиться съ ихъ содержаніемъ, на что Государь съ удовольствіемъ согласился. На засѣданіе 18-го Января онъ привезъ съ собою письменное мнѣніе, но такъ какъ очередь высказаться дошла до него поздно, то онъ просилъ дозволенія не читать своей записки, потому что «послѣ всего слышаннаго находитъ дѣло требующимъ еще ближайшаго соображенія». На засѣданіи 3 Февраля министръ финансовъ прочелъ свой проэктъ увеличенія государственныхъ доходовъ, при чемъ между прочимъ указалъ на необходимость уменьшить расходы военнаго вѣдомства, превысившіе всякую мѣру. Чернышевъ отвѣчалъ, по словамъ гр. Корфа, «трепещущимъ отъ досады голосомъ» и высказалъ, что ему непонятно, отчего министръ финансовъ смотритъ такъ строго на другія вѣдомства и, преувеличивая на бумагѣ ихъ издержки и требованія, не обратитъ сначала вниманія на свою часть, въ которой расходы такъ непонятно растутъ съ каждымъ годомъ [2]). Въ 1840 г. Чернышевъ, кромѣ того, былъ нѣкоторое время предсѣдателемъ Временнаго комитета о продовольствіи постигнутыхъ неурожаемъ губерній [3]).

16 Апрѣля 1841 г. гр. Чернышевъ былъ возведенъ съ нисходящимъ потомствомъ въ княжеское Россійской имперіи достоинство.

2 Апрѣля 1842 г. на него было возложено особое порученіе на Кавказъ и Закавказье. Незадолго до этого было произведено преобразованіе въ дѣлѣ управленія Кавказомъ, но многія реформы оказались несоотвѣтствующими мѣстнымъ нуждамъ и нравамъ жителей, даже невозможными въ исполненіи, и воз-

---

[1]) Р. Архивъ, 1891/I, 523, 524, 582, 592.
[2]) Р. Старина, 1873/VII, 249.

[1]) Заблоцкій-Десятовскій, «Гр. Киселевъ», II, 232.
[2]) Сборникъ, XC, 128.
[3]) Р. Старина, 1899/VIII, 293.

буждали ропотъ. Вновь назначенные чиновники оказались или неспособными или безнравственными; главнокомандующій на Кавказѣ, Головинъ, часто бывалъ простымъ орудіемъ въ рукахъ одной партіи. Постоянные жалобы и доносы обратили на себя вниманіе Николая Павловича. Безпокоили его и военныя неудачи. Онъ самъ было хотѣлъ туда ѣхать, но помѣшали празднованіе серебряной свадьбы и пріѣздъ короля прусскаго. Государь рѣшилъ послать, вмѣсто сѣбя, Чернышева, какъ предсѣдателя Закавказскаго комитета, съ порученіемъ обслѣдовать военную часть и все управленіе. Въ помощь ему былъ данъ статсъ-секретарь Позенъ для ревизіи гражданскаго устройства [1]). Чернышевъ выѣхалъ изъ Петербурга 2 Апрѣля и черезъ Одессу прослѣдовалъ моремъ въ Анапу. Результатомъ поѣздки Чернышева было прежде всего увольненіе главныхъ начальниковъ, Головина и Граббе. На кавказской линіи военный министръ предложилъ новую систему дѣйствій: занявъ всѣ выходы изъ горъ укрѣпленіями, оставаться въ оборонительномъ положеніи. По мнѣнію одного изъ кавказскихъ дѣятелей, ген. Филипсона, это значило передать всю иниціативу дѣйствій въ руки Шамиля; онъ думаетъ, что такая система едва ли могла прійти въ голову кому-нибудь изъ знающихъ Кавказъ и горцевъ. Вообще онъ не одобряетъ выбора Императора Николая I, потому что Чернышевъ совершенно не зналъ Кавказа и отличался самонадѣянностью. Затѣмъ составлено было новое положеніе о Черноморскомъ казачьемъ войскѣ, но, по словамъ упомянутаго выше Филипсона, многіе были имъ недовольны, такъ какъ оно было чисто кабинетнаго производства, безъ серіознаго изученія края и его потребностей [2]). По гражданскому управленію вниманіе князя обратилъ на себя вопросъ о бекахъ и агларахъ. По прибытіи его въ Закавказье, ему подали прошенія почетные аглары и беки, высшія мусульманскія сословія, лишенныя въ 1840 г.—первые управленія деревнями, а вторые потомственнаго владѣнія землей, съ жалобой на сдѣланную имъ несправедливость. Чернышевъ пріостановилъ приведеніе въ дѣйствіе Положенія объ агларахъ и бекахъ и велѣлъ вновь разсмотрѣть дѣло. Дальнѣйшая судьба этого вопроса была слѣдующая. Князь представилъ Государю, что лишеніе агларовъ и бековъ ихъ правъ — вопіющая несправедливость. Поэтому, при назначеніи гр. М. С. Воронцова намѣстникомъ кавказскимъ, ему было поручено какъ можно скорѣе разслѣдовать это дѣло. Въ 1846 г. права агларовъ и бековъ были возстановлены [3]).

На обратномъ пути Чернышеву пришлось проѣхать черезъ Донскую область. Въ Новочеркасскѣ ему былъ сдѣланъ блестящій пріемъ [1]). Чернышевъ думалъ остановиться на нѣкоторое время въ Москвѣ, чтобы отдохнуть, но пріятель его, московскій генералъ-губернаторъ кн. Д. В. Голицынъ, бывшій въ то время въ Петербургѣ, посовѣтовалъ ему немедленно пріѣхать въ Петербургъ. Причиной вызова было то, что Голицынъ узналъ о готовящейся противъ Чернышева интригѣ. Императоръ Николай I, подобно своему предшественнику, всегда былъ необыкновенно милостивъ къ Чернышеву и неоднократно выказывалъ ему свое расположеніе. «Je ne puis assez me louer de Чернышевъ, il fait parfaitement bien et se conduit de même», писалъ Государь гр. Дибичу 3 Апрѣля 1829 г. [2]). Однако, время отъ времени появлялись слухи, что паденіе Чернышева очень близко. Такой слухъ ходилъ, напримѣръ, въ Іюнѣ 1835 г. Преемникомъ его называли дежурнаго генерала П. А. Клейнмихеля, сотрудника Аракчеева, будущаго графа и главноуправляющаго путями сообщенія. Говорили, что мало-по-малу онъ прибираетъ въ свои руки дѣла министерства, и значеніе его такъ велико, что Чернышевъ самъ ѣздитъ къ нему принимать доклады [3]). Когда князь уѣхалъ на Кавказъ, въ публикѣ были увѣрены, что удаленіе его отъ особы Государя—предвѣстіе его паденія [4]). Въ отсутствіе его временное управленіе министерствомъ было поручено Клейнмихелю, который, дѣйствительно, задумалъ поколебать значеніе Чернышева. Отъ правителя канцеляріи Военнаго министерства Брискорна, служившаго въ этой должности съ 1832 г., онъ узналъ о нѣкоторыхъ безпорядкахъ въ министерствѣ и довелъ о нихъ до свѣдѣнія Государя. Пріѣздъ Чернышева не позволилъ Клейнмихелю довести до конца интриги [5]).

12 Августа кн. Чернышевъ вступилъ въ управленіе Военнымъ министерствомъ. 14 Августа Государь удостоилъ его рескрипта, въ которомъ благодарилъ за исполненіе порученія со свойственными ему рвеніемъ, точностью и нелицепріятной справедливостью. «Отчетъ, вами представленный», писалъ Государь, «раскрылъ мнѣ настоящее положеніе дѣлъ на положительныхъ данныхъ, а не на мечтаніяхъ надменной самонадѣянности, преступной, когда стремится затмить истину въ глазахъ правительства» [6]). 30 Августа, съ упраздненіемъ комитета

---

1) Р. Старина, 1900/I, 41.
2) Р. Архивъ, 1884/I, 333, 334, 338, 365.
3) Тамъ же, 1891/III, 506; 1892/IV, 447.

1) Р. Старина, 1875/XI, 232.
2) Тамъ же, 1881/XXX, 128.
3) Р. Архивъ, 1894/XI, 376.
4) Р. Старина, 1900/I, 41.
5) Тамъ же, 1894/I, 127.
6) Сборн. Собств. Е. И. В. канц., IX, 43.

для введенія за Кавказомъ новаго гражданскаго устройства, Чернышевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ вновь учрежденнаго комитета для предварительнаго разсмотрѣнія и соображенія всѣхъ вообще дѣлъ по управленію Закавказскимъ краемъ, подлежащихъ Высочайшему разрѣшенію. 20 Октября былъ уволенъ правитель канцеляріи Брискорнъ. Князь представилъ на его мѣсто барона Вревскаго, но Государь назначилъ Н. Н. Анненкова. Только въ 1849 г. ему удалось добиться назначенія Вревскаго [1]). Въ 1842 г. Чернышеву пришлось еще принимать участіе въ комитетѣ объ устройствѣ питейныхъ сборовъ. Относительно высказаннаго тамъ предположенія о заготовленіи впредь всего вина казною онъ былъ того мнѣнія, что эта операція должна быть признана вредной, какъ обращающая дѣло частной промышленности въ монополію казны. 11 Февраля 1843 г. князь засѣдалъ въ комитетѣ о замѣнѣ государственныхъ ассигнацій другими денежными знаками. Вмѣстѣ съ Нессельроде и госуд. контролеромъ Хитрово онъ былъ того мнѣнія, что не должно стѣснять себя въ этомъ дѣлѣ никакими преждевременными обѣщаніями, и, распредѣливъ всю операцію на нѣсколько лѣтъ, полагалъ, что обнародованіе о вымѣнѣ ассигнацій должно быть сдѣлано тогда, когда извлечется изъ депозитной кассы количество звонкой монеты, достаточное для составленія обезпечивающаго фонда въ 28.500.000 руб. Кромѣ того, Чернышевъ и Хитрово предлагали позволить въ теченіе переходнаго времени принимать въ депозитъ, кромѣ серебра, и золото, но не подъ прежніе депозитные билеты, а подъ кредитные [2]). 11 Апрѣля 1843 г. князь былъ назначенъ шефомъ Кабардинскаго егерскаго полка. Въ Мартѣ 1844 г. былъ вторично учрежденъ комитетъ для устройства сословія дворовыхъ людей, членомъ котораго былъ назначенъ и Чернышевъ. Въ засѣданіи 19 Марта читались мнѣнія членовъ комитета. Нѣкоторыя изъ нихъ читалъ самъ Государь, въ томъ числѣ и мнѣніе Чернышева, которое на этотъ разъ состояло въ слѣдующемъ: огромное число дворовыхъ, перешедшее къ нынѣшнимъ владѣльцамъ отъ предковъ, есть тягость, которую они несутъ безвинно и, можно сказать, съ великодушнымъ самопожертвованіемъ. Стремленіе помѣщиковъ уменьшить ихъ число обнаруживается весьма ясно и началось съ первыхъ годовъ столѣтія; такъ какъ они заслуживаютъ въ этомъ отношеніи не стѣсненія, а помощи, то правительство должно прибѣгнуть къ средствамъ справедливымъ и практически удобоисполнимымъ. Если положить, что четверть дворовыхъ находится въ прислугѣ у своихъ господъ, то для замѣны ихъ вольными потребовалось бы до 300.000 человѣкъ, число, которое не могло бы составиться въ городахъ. Притомъ, недостаточные помѣщики, лишась собственной прислуги, не имѣли бы средствъ существовать на службѣ. Дѣйствія правительства должны имѣть видъ не принужденія, а воззванія попечительнаго отца къ старшимъ дѣтямъ—дворянамъ. Правительству слѣдуетъ составить артели вольнонаемныхъ слугъ, ремесленниковъ и дворовыхъ, ходящихъ по паспортамъ. Для уменьшенія числа дворовыхъ онъ предлагалъ слѣдующія мѣры: «разрѣшить передачу дворовыхъ людей цѣльными семьями въ палаты государственныхъ имуществъ для обращенія въ государственныхъ крестьянъ. Дворовыхъ, отдаваемыхъ въ рекруты за дурное поведеніе, безъ зачета, можно бы принимать съ отнесеніемъ издержекъ на казну и съ освобожденіемъ помѣщиковъ отъ всѣхъ за нихъ повинностей. Перепись возобновлять каждыя 5 лѣтъ, чтобы слѣдить за успѣхомъ средствъ, предоставляемыхъ помѣщикамъ къ уменьшенію числа ихъ дворовыхъ. Указать помѣщикамъ пользу обращенія дворовыхъ на пашню, а мелкопомѣстнымъ отпускать изъ казенныхъ дачъ, за попенныя деньги, лѣсъ для постройки избъ, обращенныхъ на пашню. Внушать помѣщикамъ, чтобы они отдавали дѣтей своихъ дворовыхъ малосемейнымъ крестьянамъ и такимъ образомъ дѣлали изъ нихъ крестьянъ». Государь былъ, однако, того мнѣнія, что правительству слѣдуетъ обратить вниманіе только на дворовыхъ, отпускаемыхъ помѣщиками съ паспортами, и съ которыхъ они взимаютъ чрезмѣрный оброкъ. Въ отвѣтъ на это Чернышевъ предложилъ установить maximum для оброка, но Государь и другіе члены возстали противъ того [1]).

26 Марта 1844 г. было повелѣно С.-Петербургскому уланскому и Кабардинскому егерскому полкамъ именоваться впредь «уланскимъ и егерскимъ генералъ-адъютанта князя Чернышева полками». Въ этотъ же день князь получилъ Всемилостивѣйшій рескриптъ, въ которомъ Государь перечислялъ результаты его управленія Военнымъ министерствомъ: «Подъ вашимъ начальствомъ Военное министерство собственными средствами и безъ всякаго пособія со стороны государственнаго казначейства, но единственно благоразумнымъ хозяйствомъ и распорядительностью умѣло составить весьма значительные денежные и вещевые капиталы и продовольственные припасы, окончательное же устройство отчетности, утвержденной на прочныхъ и ясныхъ началахъ, вполнѣ обезпечиваетъ ихъ цѣлость и правильность употребленія. Такимъ

---

1) Р. Старина, 1894/I, 127, 131.
2) Сборникъ, XC, 169, 175.

1) Сборникъ, XC, 208.

образомъ, вашею неусыпною дѣятельностью, бдительнымъ надзоромъ и благонамѣренными усиліями въ теченіе 17 лѣтъ поставлены всѣ части сего обширнаго и многосложнаго управленія на ту высокую степень порядка, на которой я желалъ оныя видѣть». Въ 1845 г. шведскій король Оскаръ I пожаловалъ Чернышеву орденъ Серафима [1]). 31 Декабря 1846 г. онъ получилъ рескриптъ, въ которомъ ему объявлялась искренняя и совершенная признательность Государя за труды по Кавказскому комитету, доказывающіе «постоянную готовность и пламенное, неослабное рвеніе къ исполненію всѣхъ порученій». 25 Іюня 1848 г. ему былъ пожалованъ за сформированіе запасной арміи изъ безсрочно-отпускныхъ портретъ Императора Николая Павловича, алмазами украшенный, для ношенія въ петлицѣ, при рескриптѣ, въ которомъ перечислялись его заслуги, начиная съ Отечественной войны. 22 Августа Чернышевъ получилъ знакъ отличія безпорочной службы за 45 лѣтъ.

Здоровье князя Александра Ивановича осенью 1848 г. сильно пошатнулось вслѣдствіе бывшаго съ нимъ удара [2]), но это не помѣшало ему быть вскорѣ призваннымъ къ еще болѣе сложной дѣятельности. Послѣ смерти графа Левашева онъ былъ назначенъ 1 Ноября 1849 г. предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, а 6 Ноября и Комитета министровъ, съ сохраненіемъ прежнихъ званій и должностей. Чернышевъ замѣнилъ еще Левашева въ Секретномъ комитетѣ, учрежденномъ 5 Іюня 1848 г., «для разсмотрѣнія разныхъ предположеній къ отвращенію послѣдствій указа 8 Ноября 1847 г. о дозволеніи помѣщичьимъ крестьянамъ выкупаться изъ крѣпостного состоянія при продажѣ имѣній съ публичныхъ торговъ и правилъ, которыми разрѣшено покупать на счетъ правительства продающіяся съ публичныхъ торговъ частныя населенныя имѣнія» [3]). Князь сталъ на сторону тѣхъ, кто считалъ этотъ указъ въ высшей степени опаснымъ, потому что онъ вызвалъ волненіе среди крестьянъ, предполагавшихъ, что онъ даетъ имъ свободу; вмѣстѣ съ 4 единомышленными членами (противъ четырехъ противнаго мнѣнія) онъ находилъ нужнымъ отмѣнить указъ. Послѣ долгихъ колебаній Государь согласился съ этимъ мнѣніемъ. Хотя формально указъ не былъ отмѣненъ, но составлены были новыя правила, которыми его сила совершенно уничтожалась [4]).

Весною 1849 г. довѣріе Государя къ Чернышеву выразилось въ особомъ порученіи, возложенномъ на него. Уѣзжая въ дѣйствующую армію по случаю войны съ венграми, Николай Павловичъ издалъ слѣдующій секретный указъ отъ 2 Мая 1849 г. на имя князя Чернышева: «Отъѣзжая въ армію и за отбытіемъ любезнѣйшаго сына моего, Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника, поручаю вамъ, въ случаяхъ чрезвычайныхъ, которые могли бы потрясти общественное спокойствіе, принять главное начальствованіе надъ столицею и надъ войсками, въ С.-Петербургѣ и окрестностяхъ расположенными, съ властью, присвоенною званію главнокомандующаго въ военное время. По всегдашнему къ вамъ довѣрію Моему предоставляю сіе повелѣніе мое предъявить, когда востребуетъ надобность» [1]).

За заслуги, оказанныя во время Венгерской кампаніи, Чернышеву повелѣно было 22 Августа 1849 г. присвоить къ носимому имъ княжескому достоинству титулъ свѣтлѣйшаго. Въ полученномъ имъ по этому поводу рескриптѣ заслуги эти отмѣчались въ такихъ словахъ: «Неусыпными трудами вашими, неослабною дѣятельностью и благоразумною предусмотрительностью приготовлены всѣ способы и запасы, которые доставили возможность двинуть до 150.000 войскъ въ самый короткій срокъ, при полномъ обезпеченіи ихъ всѣми военными потребностями. Съ примѣрною исправностью войска снабжены всѣмъ имъ слѣдовавшимъ довольствіемъ отъ Военнаго министерства. Вмѣстѣ съ тѣмъ быстрое сформированіе резервовъ для дѣйствующихъ войскъ и отлично успѣшное ихъ снаряженіе доставляютъ возможность нашей арміи предстать тотчасъ послѣ войны въ томъ же устройствѣ и блистательномъ видѣ, въ коемъ она отправилась въ походъ. И все это совершено вами при множествѣ другихъ важныхъ государственныхъ занятіяхъ, которыя особеннымъ Моимъ довѣріемъ на васъ возложены». 28 Сентября Чернышеву разрѣшено было принять орденъ св. Стефана большого креста, пожалованный Австрійскимъ императоромъ за содѣйствіе къ снаряженію войскъ противъ мятежныхъ венгровъ. Послѣ осмотра Государемъ 2-го и 3-го пѣхотныхъ корпусовъ, вернувшихся изъ похода, Чернышевъ получилъ рескриптъ, въ которомъ повторялось, что военно-сухопутное вѣдомство обязано ему своимъ примѣрнымъ устройствомъ, и который заключался такими словами: «Отъ всей души благодарю васъ за службу вашу Мнѣ и Россіи».

Въ концѣ 40-хъ годовъ возникъ еще одинъ вопросъ, касавшійся нашихъ далекихъ окраинъ. Именно Восточно-сибирскій генералъ-губернаторъ Н. Н. Муравьевъ поднялъ вопросъ о

---

[1]) Формуляръ.
[2]) Р. Архивъ, 1888/X, 360.
[3]) «XIX вѣкъ», II, 194.
[4]) Заблоцкій-Десятовскій, «Гр. Киселевъ», II, 305.

[1]) Р. Старина, 1884/I, 159.

присоединеніи къ Россіи Амура. Въ отвѣтъ на это Западно-сибирскій генералъ-губернаторъ кн. П. Д. Горчаковъ конфиденціально сообщилъ Чернышеву, что Амуръ для Россіи излишенъ, что пространство отъ Якутска до Камчатки представляетъ собою границу, не требующую охраненія, и отстраняетъ жителей Сибири отъ сношеній съ иностранцами, которые могли бы содѣйствовать пагубной пропагандѣ между сибиряками, тѣмъ болѣе, что послѣдніе не питаютъ привязанности къ Россіи. Чернышевъ доложилъ письмо кн. Горчакова Государю и просилъ учредить комитетъ для обсужденія вопроса о возможности отложенія Сибири отъ Россіи. Государь сдѣлалъ резолюцію: «Будемъ имѣть въ виду по пріѣздѣ генерала Муравьева». Послѣдній пріѣхалъ въ Ноябрѣ 1850 г. и представилъ Государю записку объ Амурѣ. Для обсужденія амурскаго вопроса учрежденъ былъ комитетъ, такъ называемый «Гиляцкій», въ составъ котораго вошелъ и Чернышевъ. Относясь вообще очень скептически къ подобнымъ рискованнымъ предпріятіямъ на отдаленныхъ окраинахъ Россіи и будучи встревоженъ запиской Горчакова, онъ былъ противъ занятія устьевъ Амура и видѣлъ въ предпріятіи Муравьева лишь стремленіе прославиться. «Вы хотите воздвигнуть себѣ памятникъ», сказалъ онъ будущему графу Амурскому. Въ засѣданіи 19 Января 1851 г. Наслѣдникъ Цесаревичъ своимъ мнѣніемъ убѣдилъ нѣкоторыхъ членовъ комитета въ пользу занятія устьевъ Амура, но Чернышевъ съ гр. Нессельроде, Сенявинымъ и Вронченкомъ остался при прежнемъ мнѣніи. Государь повелѣлъ оставить военный постъ, поставленный капитаномъ Невельскимъ на устьѣ Амура, и такимъ образомъ занятіе устьевъ Амура было рѣшено [1]). Послѣдствія показали, что опасенія Чернышева были неосновательны.

3 Іюля 1851 г. Чернышеву повелѣно было состоять по спискамъ Кавалергардскаго полка, съ правомъ носить кавалергардскій мундиръ. 22 Апрѣля 1852 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Сибирскаго комитета. 26 Августа того же года князь послѣ 25-лѣтняго управленія Военнымъ министерствомъ былъ уволенъ по прошенію отъ должности военнаго министра, съ оставленіемъ во всѣхъ прочихъ должностяхъ. «Четыре войны», говорилось въ полученномъ Чернышевымъ по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея рескриптѣ, «совершенныя съ того времени и законченныя къ славѣ Россіи, требовали чрезвычайныхъ усилій и заботъ по управленію, вамъ подвѣдомственному; но неутомимостью вашею и неусыпною попечительностью вы превозмогли всѣ трудности и доставили прочныя средства какъ къ снабженію арміи малѣйшими потребностями, такъ и къ приведенію оной въ превосходное состояніе послѣ военныхъ дѣйствій». Упомянувъ затѣмъ о неоднократно уже заслужившихъ Высочайшее одобреніе заслугахъ Александра Ивановича по управленію Военнымъ министерствомъ, а также и о заслугахъ по исполненію обязанностей предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Комитета министровъ и Кавказскаго комитета, Государь вспомнилъ о началѣ его службы: «Императоръ Александръ I съ самыхъ юныхъ лѣтъ вашихъ принялъ васъ подъ Свое руководство и образовалъ изъ васъ одного изъ ревностнѣйшихъ и опытнѣйшихъ Моихъ сотрудниковъ. Слѣдуя сему примѣру», говорилъ въ заключеніе Государь, «Я желаю, чтобы сынъ вашъ, князь Левъ, былъ такъ же ко Мнѣ близокъ, какъ вы были близки ко Мнѣ и къ незабвенному Моему брату. Мнѣ пріятно съ этою цѣлью назначить его Моимъ флигель-адъютантомъ, и Я надѣюсь, что онъ будетъ такимъ же полезнымъ и вѣрнымъ слугою своему Государю и Россіи, какимъ неуклонно были вы». Кромѣ того, Чернышеву пожалованъ былъ въ потомственное владѣніе домъ, въ которомъ онъ жилъ (на углу Малой Морской и Гороховой), при чемъ повелѣно было, пока этотъ домъ будетъ оставаться въ родѣ князей Чернышевыхъ, производить на содержаніе его и на платежъ городскихъ повинностей по 15.000 р. сер. въ годъ изъ суммъ Государственнаго казначейства. 28 Августа въ память двадцатипятилѣтія управленія гвардейскимъ генеральнымъ штабомъ дозволено носить мундиръ этого штаба. Государь на прощанье

Князь А. И. Чернышевъ.

[1]) Р. Архивъ, 1878/III, 261—263, 268; Барсуковъ, «Гр. Муравьевъ-Амурскій», 282.

устроилъ обѣдъ въ Петергофѣ, послѣ того какъ чины Военнаго министерства простились въ залахъ Петергофскаго дворца со своимъ бывшимъ начальникомъ [1]). Чины вѣдомства Военнаго министерства, въ ознаменованіе юбилея Чернышева, составили капиталъ для воспитанія на проценты съ него въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ 10 малолѣтнихъ дѣтей, которымъ было присвоено наименованіе «пенсіонеровъ и пенсіонерокъ князя А. И. Чернышева». Государь же, сверхъ того, велѣлъ содержать на средства наградного капитала Военнаго министерства 2 кадетъ и 2 воспитанницъ Патріотическаго института, которымъ было присвоено такое же названіе. Донское дворянство и Донское торговое сословіе составили отдѣльные капиталы для содержанія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ по два отъ каждаго сословія «пенсіонера князя А. И. Чернышева».

Князь А. И. Чернышевъ (въ серединѣ).

Въ теченіе многолѣтняго управленія Чернышева Военнымъ министерствомъ въ военномъ вѣдомствѣ были произведены многочисленныя преобразованія. Система провіантскихъ заготовленій была кореннымъ образомъ измѣнена, порціонное довольство войскъ увеличено, составлено и издано положеніе о казенныхъ заготовленіяхъ. Изданы были уставы: госпитальный (1829 г.), рекрутскій (1831 г.), военно-уголовный (1832 г.) и управленія арміей въ мирное и военное время (1841 г.), положенія: о казачьихъ войскахъ (1835 г.), объ экономическомъ капиталѣ Военнаго министерства (1831 г.) и объ отчетности этого же министерства (1842 г.), штаты генеральнаго штаба (1832 г.) и учрежденіе Военнаго министерства (1836 г.). По госпитальной части учреждены были госпитальные запасы (1831 г.) и при непремѣнныхъ госпиталяхъ кадры на 15.000 человѣкъ (1838 г.). Изъ учебныхъ заведеній, кромѣ только что упомянутаго аудиторскаго училища, были учреждены Военная академія, 8 кадетскихъ корпусовъ и аудиторское училище. Въ 1841 г. окончено было военно-статистическое описаніе имперіи по губерніямъ и областямъ. Въ теченіе этого времени воздвигнуто было много крѣпостей и укрѣпленій: въ Александрополѣ, Варшавѣ (Александровская цитадель), Новогеоргіевскѣ, Ивангородѣ, Брестѣ-Литовскомъ, Вильнѣ (цитадель), Бомарзундѣ, Шушѣ, Новыхъ Закаталахъ и Ленкоранѣ. Въ 1831 г. преобразованы были военныя поселенія. Поселенные баталіоны были уничтожены, для солдатъ отведены особыя отъ крестьянъ поселенія, образовавшія округа пахатныхъ солдатъ, изъ числа которыхъ были совершенно выдѣлены зачисленные въ поселяне при образованіи военныхъ поселеній государственные крестьяне. Пахатные пѣхотные солдаты, вмѣсто обязанности продовольствовать войска, обложены были оброкомъ; въ селеніяхъ пахатныхъ округовъ расквартированы были дѣйствующія войска. Пахатные солдаты носили форму, брили бороду, но больше не обучались военнымъ упражненіямъ. Въ поселенной кавалеріи дѣйствующая часть была отдѣлена отъ поселенной, а въ 1834 г. въ ней установленъ былъ рекрутскій наборъ [1]). Въ 1833 г. произведено было общее преобразованіе армейской пѣхоты и кавалеріи и всей артиллеріи. Часть пѣхотныхъ полковъ была расформирована, оставшіеся полки первыхъ пяти пѣхотныхъ корпусовъ, вмѣсто 3 баталіоновъ, приведены въ составъ 4 дѣйствующихъ и 2 резервныхъ баталіоновъ, кромѣ 19-й дивизіи, гдѣ каждый полкъ имѣлъ по 3 дѣйствующихъ и по 1 резервному баталіону. Полки же 6-го корпуса получили по 2 дѣйствующихъ и по 2 резервныхъ баталіона каждый. Съ 1834 г. началось формированіе стрѣлковыхъ баталіоновъ по одному на каждый корпусъ. Резервные баталіоны были отдѣлены отъ дѣйствующихъ и образовали шесть резервныхъ дивизій. Въ 1842 году половина резервныхъ баталіоновъ была преобразована въ запасные баталіоны; въ мирное время они имѣли только незначительный кадръ, обязанности котораго главнымъ образомъ состояли въ храненіи складовъ оружія и обмундированія и въ обученіи безсрочно-отпускныхъ. На каждый кавалерійскій полкъ положено было по одному резервному и запасному эскадрону, но въ мирное время содержалась только часть ихъ. На Кавказѣ каждый полкъ состоялъ изъ 5 дѣйствующихъ баталіоновъ. Въ 1833 г. расформированы были конно-егерскіе полки и нѣсколько гусарскихъ и уланскихъ полковъ. Кирасирскіе, уланскіе и гусарскіе полки приведены въ составъ 8 дѣйствующихъ и одного резервнаго эскадроновъ, драгунскіе же—

[1]) Ист. Вѣстникъ, 1898/III, 808.

[1]) Русскія военныя силы. II, 427.

10 дѣйствующихъ и одного резервнаго. Впослѣдствіи кирасирскіе полки сведены были къ 6 дѣйствующимъ эскадронамъ и одному резервному. Артиллерійскія роты переименованы были въ батареи. Почти всѣ артиллерійскія бригады приведены въ составъ 4 дѣйствующихъ батарей (1 батарейная и 3 легкія) и одной резервной. Пѣхотные корпуса получили составъ въ 3 пѣхотныя дивизіи (въ дивизіи 2 бригады, въ бригадѣ 4 полка) съ одной легкой кавалерійской дивизіей (уланской или гусарской) и одной артиллерійской дивизіей, состоявшей изъ 3 бригады, по 3 батареи въ каждой. Самымъ важнымъ преобразованіемъ было установленіе безсрочныхъ отпусковъ и образованіе запасныхъ войскъ изъ безсрочно-отпускныхъ. Срокъ службы съ 25 лѣтъ былъ сокращенъ до 20 лѣтъ для музыкантовъ, евреевъ и солдатскихъ дѣтей и до 15 лѣтъ для остальныхъ. Послѣдніе въ теченіе 10 лѣтъ считались затѣмъ въ безсрочномъ отпуску и ежегодно къ 1 сентября являлись на мѣсяцъ для учебныхъ упражненій. Образованіе запасныхъ войскъ давало возможность значительно развивать въ военное время вооруженныя силы и содержать въ мирное время меньшее ихъ число. Запасныя части въ мирное время имѣли слабые кадры, резервные баталіоны содержались въ уменьшенномъ составѣ и не всѣ. До штатовъ военнаго времени тѣ и другіе доводились уже совершенно обученными безсрочно-отпускными. Впервые русская армія была быстро пополнена безсрочно-отпускными въ 1848 г. [1]). Положеніе офицеровъ было улучшено; имъ было увеличено жалованье и столовыя деньги, а на время корпусныхъ сборовъ назначено порціонное довольство. Съ 1832 г. разрѣшено всѣмъ офицерамъ носить усы. Съ этого же года принятъ рядъ мѣръ по упрощенію снаряженія и одежды солдата. Такъ, прежде всего были уничтожены совершенно излишніе для пѣхотныхъ солдатъ султаны на киверахъ, лядунки и нѣкоторые другіе предметы, что составило для казны нѣсколько милліоновъ экономіи [2]). Въ 1834 г. велѣно носить ранцы на ремняхъ, перекрещивающихся на груди. Въ 1844 г. кивера замѣнены касками; онѣ были такъ же тяжелы, какъ и кивера, но, будучи правильно пригнаны, не такъ жали голову, какъ первые. Съ 1842 г. начали вводить нарѣзное оружіе, такъ называемые стрѣлковые или ударные штуцера семилинейнаго калибра, съ 2 нарѣзами, вѣсомъ въ $10^1/_2$ фунт. Прежде пѣхотные солдаты попадали на разстояніи 300 шаговъ, теперь же мѣткая стрѣльба стала возможна на разстояніи до 600-700 шаговъ. Штуцера получили всѣ стрѣлковые баталіоны, а въ пѣхотныхъ полкахъ ими были вооружены только по 2 унтеръ-офицера и по 24 рядовыхъ въ каждомъ баталіонѣ. Кавалерія получила въ небольшомъ количествѣ кремневые штуцера въ $6^3/_4$ линіи съ 8 нарѣзами. Со второй половины сороковыхъ годовъ началась передѣлка кремневыхъ замковъ у ружей и кавалерійскихъ штуцеровъ въ ударные, но работа производилась очень медленно, такъ какъ дѣйствію пѣхоты огнемъ не придавали большого значенія, тогда какъ вся пѣхота въ большей части иностранныхъ армій имѣла уже ударныя нарѣзныя ружья, стрѣлявшія на 800-1200 шаговъ [1]). Такая медленность въ перевооруженіи русской арміи имѣла очень печальныя послѣдствія во время Крымской войны. Что же касается артиллерійскихъ орудій, то при Чернышевѣ были измѣнены ихъ калибръ и конструкція, а на Кавказѣ была введена въ 1842 г. горная артиллерія.

9 Ноября 1852 г. Чернышевъ былъ назначенъ почетнымъ президентомъ Военной академіи. 29 Мая 1853 г. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Военнаго совѣта новая станица въ землѣ войска Донского, основанная на мѣстѣ Усть-Грязновецкаго хутора, была наименована въ честь князя Александра Ивановича Чернышевскою. 22 Августа 1854 г. князь получилъ знакъ отличія безпорочной службы за 50 лѣтъ. Чернышевъ присутствовалъ при кончинѣ Императора Николая Павловича, который назначилъ его однимъ изъ своихъ душеприказчиковъ [2]).

Состояніе здоровья Чернышева въ это время было очень плохое. Сенаторъ К. Н. Лебедевъ записалъ въ своемъ дневникѣ за Февраль 1855 г.: «Графъ Панинъ велъ едва движущійся трупъ князя Чернышева, медленно подвигавшаго одну ногу за другою и готоваго упасть на каждомъ шагу» [3]). Такое состояніе здоровья заставило его проситься въ заграничный отпускъ для лѣченія, который и былъ ему разрѣшенъ 4 Мая 1855 г. до конца каникулярнаго времени. 2 Сентября ему было разрѣшено оставаться за границей всю зиму, съ сохраненіемъ всего содержанія. 1 Января 1856 г. Чернышевъ былъ утвержденъ въ званіи предсѣдателя Государственнаго Совѣта на 1856 годъ, но 5 Апрѣля этого года уволенъ по совершенно разстроенному здоровью отъ должностей предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Комитетовъ министровъ, Кавказскаго и Сибирскаго и отъ присутствія въ Сенатѣ, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта. 17 Апрѣля 1857 г. ему были пожалованы алмазами укра-

---

1) Русскія военныя силы, II, 430.
2) Р. Старина, 1900/IV, 128.

1) Русскія военныя силы, II, 430.
2) Ист. Вѣстникъ, 1898/III, 817.
3) Р. Архивъ, 1888/X, 260.

шенные портреты Императоровъ Николая Павловича и Александра Николаевича. Въ рескриптѣ на его имя, данномъ по этому поводу, между прочимъ было сказано: «Вы оказали много полезныхъ заслугъ, которыя останутся неразлучны съ достопамятными и славными воспоминаніями нашего отечества. Пользуясь постоянно неограниченнымъ довѣріемъ Императора Александра I, незабвеннаго Моего Родителя, и Моимъ, Вы посвящали всѣ минуты вашей жизни къ исполненію важныхъ обязанностей, на Васъ возлагавшихся, и, какъ выразился Императоръ Николай I, служили Россіи вѣрою и правдою». 22 Іюля 1856 г. Чернышеву было разрѣшено принять пожалованный ему Португальскимъ королемъ военный орденъ d'Abuco 1 ст.

Александръ Ивановичъ умеръ 8 Іюня 1857 г. въ Кастелламаре, близъ Неаполя. Отчасти ускорило его кончину огорченіе, что на коронацію Императора Александра II его не сдѣлали фельдмаршаломъ, одновременно съ княземъ М. С. Воронцовымъ.

Чернышевъ былъ женатъ три раза. Первой его женой, съ которой онъ вступилъ въ бракъ въ 1817 г., была полька Теофила Игнатьевна Моравская. Онъ былъ ея третій мужъ. Въ первомъ бракѣ она была за графомъ Старженскимъ, съ которымъ развелась, чтобы выйти за богача князя Доминика Радзивилла, но скоро овдовѣла. Про Чернышева говорили, что онъ счелъ своимъ долгомъ жениться на ней, такъ какъ она для него бросила влюбленнаго въ нее графа Артура Потоцкаго, про нее же разсказывали, что она рѣшила выйти за Чернышева, какъ за человѣка вліятельнаго, надѣясь, что съ его помощью она получитъ опеку надъ своей дочерью, княжной Стефаніей (впослѣдствіи свѣтлѣйшей княгиней Витгенштейнъ) [1]), унаслѣдовавшей все громадное состояніе отца. Бракъ былъ несчастливъ. Уже лѣтомъ 1818 г. Теофила Игнатьевна объявила своему мужу, что не въ состояніи дать ему счастья и предлагаетъ разъѣхаться. Чернышевъ принужденъ былъ согласиться на просьбу жены [2]). Она скончалась въ Варшавѣ 14 Сент. 1828 г. Второй супругой Чернышева была княжна Елизавета Александровна Бѣлосельская-Бѣлозерская, скончавшаяся отъ родовъ въ Январѣ 1824 г. послѣ кратковременнаго супружества. Третьей супругой Александра Ивановича, на которой онъ женился въ Августѣ 1825 г., была графиня Елизавета Николаевна Зотова (род. 1 Янв. 1809 г., † 25 Марта 1872 г. въ Римѣ), статсъ-дама и кавалерственная дама ордена св. Екатерины большого креста (съ 5 Дек. 1850 г.) [1]). Отъ третьяго брака Александръ Ивановичъ имѣлъ 4 дѣтей (кромѣ того, трехъ сыновей, умершихъ въ младенчествѣ): одного сына кн. Льва Александровича (р. 3 Сентября 1837 г., † 10 Февр. 1864 г.), флигель-адъютанта съ 15-лѣтняго возраста, и 3 дочерей: Елизавету Александровну, съ 1846 г. за княземъ Влад. Иван. Барятинскимъ [2]), Александру Александровну († 27 Дек. 1892 г.), съ 1851 г. за кн. Дмитр. Алексѣев. Лобановымъ-Ростовскимъ, и Марію Александровну (р. 1849 г.) [3]).

Состояніе Чернышева было довольно значительное. Родового имѣнія онъ имѣлъ 1173 души: 1145 въ Калужской губ., въ 3 уѣздахъ (Медынскомъ, Лихвинскомъ и Мещовскомъ) и 28 въ Костромской, въ 2 уѣздахъ (Галицкомъ и Чухломскомъ). О размѣрахъ его состоянія можно судить потому, что дочь его Елизавета Александровна при выходѣ замужъ получила отъ отца домъ на углу Милліонной и Мошкова переулка и капиталъ въ 100.000 руб. сер. [4]).

«Чернышева можно назвать», говоритъ Михайловскій-Данилевскій въ своихъ запискахъ, «любимцемъ счастья, ему удалось исполнить самымъ блистательнымъ образомъ всѣ порученія, которыя на него были возлагаемы, какъ во время мира, такъ и войны. Достигнувъ въ 12 лѣтъ до чина генералъ-лейтенанта, имя его

---

1) См. біогр. кн. Льва Петр. Витгенштейна, кн. IV.

2) Письма кн. Туркестановой, 479, 480, 704. — Вскорѣ послѣ брака Чернышевъ писалъ (11 Іюля 1817 г.): «Я самый счастливый человѣкъ подлѣ моей жены, которая красивѣе, чѣмъ когда-либо; она любитъ меня все болѣе и болѣе, какъ она сама выразила на подаренной мнѣ печати». (Р. Старина, 1896, IX, 673).

1) Р. Старина, 1871/IV, 457.

2) См. біогр. кн. В. Ив. Барятинскаго, кн. IV.

3) Лобановъ-Ростовскій, II, 357.

4) Р. Старина, 1894/XI, 45; Формуляръ.

сдѣлалось извѣстнымъ Россіи и Европѣ. Расторопность, острота ума и пріятная наружность сдѣлали его извѣстнымъ Государю, который началъ употреблять его для дипломатическихъ посылокъ въ разныя земли. Всѣ его военныя предпріятія свидѣтельствуютъ о его предпріимчивости. Онъ храбръ, въ войнѣ дальновиденъ, рѣшителенъ, но заботливъ и отъ сего непріятенъ для своихъ подчиненныхъ... Будучи избалованъ счастьемъ, онъ очень самонадѣянъ, и посему никто изъ окружающихъ Государя не любитъ столь, какъ онъ, разсуждать; онъ охотно говоритъ съ людьми, старѣе и опытнѣе его; онъ пишетъ на французскомъ языкѣ со вкусомъ, но плодовито... Что касается до свѣтскаго обращенія, то онъ можетъ служить образцомъ» [1]). Таковъ былъ князь Александръ Ивановичъ въ свои молодые годы. Внѣшнія качества его способствовали тому, что повсюду онъ былъ желаннымъ гостемъ и пользовался необыкновеннымъ успѣхомъ въ женскомъ обществѣ какъ Петербурга, такъ и Парижа, Вѣны и другихъ городовъ, гдѣ ему приходилось бывать. По наружности своей онъ былъ красавецъ. Прекрасное лицо его съ красивыми блестящими карими глазами отличалось умнымъ выраженіемъ. Роста онъ былъ выше средняго. Онъ прекрасно танцовалъ и въ особенности славился, по словамъ герцогини д'Абрантесъ (Жюно), какъ вальсеръ. Даже въ пожиломъ возрастѣ онъ могъ перещеголять въ этомъ отношеніи молодежь, но, конечно, общественное положеніе и возрастъ не позволяли ему предаваться такому времяпрепровожденію. А. М. Фаддѣевъ разсказывалъ, что Чернышевъ въ 1842 г. въ Тифлисѣ, имѣя 57 лѣтъ отъ роду, съ юношескимъ увлеченіемъ и искусствомъ ловко отплясывалъ лезгинку на вечерахъ у князя Чавчавадзе, правда, въ отдѣльной комнатѣ и въ присутствіи немногихъ избранныхъ зрителей [2]). Къ старости постепенно исчезали тѣ достоинства Чернышева, которыя привлекали къ нему свѣтское общество и заставляли забывать его недостатки, и рельефнѣе выдвигались несимпатичныя стороны его характера. Изъ вышеприведенной характеристики, сдѣланной Михайловскимъ-Данилевскимъ, видно, что Чернышевъ отличался большой самонадѣянностью. Другіе современники разсказываютъ о его надменности, тщеславіи и хвастливости. «Самодовольное тщеславіе Чернышева», говоритъ Гагаринъ, «ни съ чѣмъ не сравнимо» [3]). Даже очень расположенная къ нему княжна Туркестанова такъ отзывается о немъ: «Je ne connais pas d'homme plus impatientant, jamais il n'attend qu'on le nomme, il a toujours soin de se nommer lui-même, et voilà pourquoi on se moque de lui... Ce serait un homme propre à tout; je crois que lui-même n'en doute pas, mais la présomption ne prouve pas toujours la capacité» [1]).

Чернышевъ очень тщеславился своими военными подвигами и любилъ о нихъ разсказывать. Самыми любимыми темами его были взятіе Касселя и штурмъ Суассона, которые прямо сдѣлались «притчей во языцѣхъ». Извѣстный острякъ того времени кн. А. С. Меншиковъ не упускалъ случая поострить надъ слабостью Чернышева. Какъ-то въ разговорѣ княгиня Елиз. Никол. Чернышева спросила Меншикова: «Prince, dites-moi donc le nom de la ville qu'a prise Alexandre»? «Babylone, Madame», былъ отвѣтъ князя. А. О. Смирнова разсказываетъ, что причиной развода Чернышева съ первой женой было именно то, что онъ страшно надоѣлъ ей разсказами о своихъ военныхъ подвигахъ. Она спросила будто бы Императора Александра Павловича: «Est-ce qu'on a le droit de se séparer d'un mari qui vous tue d'ennui»?—«Très certainement», сказалъ Государь. — «Eh bien, je me sépare de votre Чернышевъ», заявила Теофила Игнатьевна [2]).

Упомянутою слабостью Чернышева многіе старались воспользоваться въ своихъ видахъ. Князь Н. С. Голицынъ разсказываетъ, что когда въ Военной академіи офицеру приходилось отвѣчать въ присутствіи Военнаго министра о войнахъ 1812—15 гг., то директоръ академіи Сухозанетъ сейчасъ же наводилъ рѣчь на подвиги Чернышева: на его партизанскія дѣйствія и въ особенности на взятіе Касселя и Суассона. Профессора и учащіеся очень потѣшались этимъ, князь же принималъ благосклонно лесть [3]). Булгаринъ въ своихъ запискахъ разсказывалъ о подвигахъ Наполеона въ Байоннѣ только затѣмъ, чтобы имѣть случай упомянуть о прибытіи туда Чернышева курьеромъ отъ Императора Александра I и угодить этимъ Военному министру, котораго просилъ о переводѣ своего родственника въ гвардейскій генеральный штабъ [4]). Но въ то время, какъ Чернышевъ любилъ хвастаться своими военными подвигами, къ своимъ дѣйствіямъ въ качествѣ Военнаго министра онъ относился очень скромно и считалъ себя простымъ исполнителемъ воли Государя. «Я», говорилъ онъ Н. Н. Муравьеву (Карсскому), «вижу множество вещей въ кругу дѣйствій моихъ, которыя я считалъ бы нужнымъ преобразовать,

---

1) Р. Старина, 1899/VI, 641.
2) Р. Архивъ, 1891/III, 257.
3) Р. Старина, 1890/II, 327.

1) Письма Туркестановой, 776, 781.
2) Р. Архивъ, 1895/VI, 338.
3) Р. Старина, 1883/II, 424.
4) Тамъ же, 1871/IV, 497.

но не вступаюсь въ сіе, какъ въ предметъ, не до меня касающійся, и ограничиваюсь однимъ исполненіемъ воли Государя, отъ коего усмотрѣнія преобразованія сіи зависятъ» [1]).

Высшее петербургское общество относилось къ Чернышеву недоброжелательно и не считало его своимъ. Можно даже сказать, что нерасположеніе къ нему было всеобщее. Великій Князь Михаилъ Павловичъ недолюбливалъ его и сохранялъ къ нему чисто офиціальныя отношенія. Разсказывали, что когда Чернышевъ пріѣзжалъ въ Михайловскій дворецъ, то Великій Князь посылалъ адъютанта спросить, кто пріѣхалъ, и если говорили, что Военный министръ, то приказывалъ принять, а если называли Чернышева, то отвѣтъ бывалъ, что Его Высочества нѣтъ дома [2]). Какъ на причину этого нерасположенія Великаго Князя къ Чернышеву указывали на слѣдующее обстоятельство: Великій Князь при пріѣздѣ министра къ разводу въ Михайловскомъ манежѣ не скомандовалъ ему «на плечо»; Чернышевъ громко замѣтилъ: «Ваше Имп. Высочество, Военный министръ прибылъ въ манежъ», и этимъ заставилъ отдать себѣ положенную по уставу честь [3]). Столь близкія къ Императору Николаю Павловичу лица, какъ графы А. Ф. Орловъ и А. Х. Бенкендорфъ, по свидѣтельству Н. Н. Муравьева (Карсскаго), ненавидѣли Чернышева и радовались всякой его неудачѣ [4]). Многіе относились съ предубѣжденіемъ къ знанію Чернышевымъ дѣла. А. П. Ермоловъ называетъ его человѣкомъ, «въ дѣлахъ не весьма свѣдущимъ» [5]). Что же касается его военныхъ подвиговъ, то относительно ихъ было еще больше сомнѣній. «Завистники его», говоритъ Михайловскій-Данилевскій, «говорили во время похода, что онъ обязанъ нѣкоторою частью своей славы пространнымъ донесеніямъ своимъ» [6]). Мартосъ въ своихъ запискахъ утверждаетъ, что Чернышевъ въ своей реляціи объ экспедиціи для открытія сообщеній между арміями Чичагова и Витгенштейна въ 1812 г. сильно преувеличилъ свои подвиги: «Онъ разсказываетъ тамъ, что переплылъ много рѣкъ въ виду многочисленнаго непріятеля, между тѣмъ какъ въ этой мѣстности только одна рѣка, а вмѣсто многочисленнаго непріятеля были только хлѣбопеки, которые скрылись, увидѣвъ казаковъ» [7]). Кн. Меншиковъ утверждалъ, что Чернышевъ взялъ Кассель «мошенническимъ образомъ» [1]). Фельдмаршалъ кн. Сакенъ говорилъ Н. Н. Муравьеву (Карсскому): «Ежели кто хочетъ имѣть совершенно ложное понятіе о послѣдней войнѣ россіянъ съ французами, тотъ читай только партизанскія стихотворенія Чернышева или записки его друга Данилевскаго» [2]). О взятіи Чернышевымъ Шалона въ 1815 г. Сакенъ разсказывалъ слѣдующее: Чернышевъ, занявъ безъ всякаго со стороны непріятеля сопротивленія Шалонъ, сдѣлалъ донесеніе, что взялъ этотъ городъ приступомъ. Сакенъ объяснилъ Александру Павловичу, какъ было дѣло, и Государь былъ очень сердитъ на Чернышева. Послѣдствіемъ этого были натянутыя отношенія между военнымъ министромъ и фельдмаршаломъ [3]). Что сомнѣніе въ подвигахъ Чернышева было очень распространено, доказывается тѣмъ, что и Вигель въ своихъ запискахъ придерживается такого взгляда. «Чернышевъ», пишетъ онъ, «быстро вскакалъ въ Берлинъ и еще быстрѣе и удачнѣе выскочилъ изъ него съ отрядомъ казаковъ, въ томъ же году вступилъ съ тріумфомъ въ опустѣвшій городъ Кассель... Онъ донесъ, что взялъ штурмомъ неукрѣпленный городъ Шалонъ на Марнѣ, не потерявъ ни одного человѣка, не убивъ ни одного непріятеля» [4]).

Конечно, во всѣхъ этихъ разсказахъ очень много преувеличеній, но самъ Чернышевъ виноватъ въ этомъ, позволивъ себѣ въ своихъ реляціяхъ много хвастовства, совершенно излишняго, такъ какъ его военныя заслуги были и такъ очевидны безъ всякаго подчеркиванія.

Чернышеву много повредило въ общественномъ мнѣніи его домогательства получить майоратъ декабриста графа З. Г. Чернышева, въ качествѣ родственника (онъ приходился декабристу семьюроднымъ племянникомъ), хотя самъ графъ Захаръ Григорьевичъ отказывался отъ родства съ нимъ. Во время суда надъ декабристами Александръ Ивановичъ встрѣтилъ графа словами: «Comment, cousin, vous — coupable aussi», и получилъ въ отвѣтъ: «Coupable—peut-être, mais cousin—jamais»! Государь передалъ просьбу Чернышева о майоратѣ въ Комитетъ министровъ, который призналъ ее неправильной [5]).

Многіе считали Чернышева интриганомъ. Такъ говорили, что онъ, желая быть военнымъ министромъ, дѣйствовалъ противъ своего предшественника графа А. И. Татищева. Во

---

1) Р. Архивъ, 1894/IX, 37.
2) Р. Старина, 1894/I, 132.
3) См. также Истор. Вѣстникъ, 1898/III, 796.
4) Р. Архивъ, 1894/IX, 41.
5) Р. Старина, 1872/VI, 507.
6) Тамъ же, 1899/VI, 641.
7) Р. Архивъ, 1894/II, 463.

1) Р. Архивъ, 1873/199.
2) Тамъ же, 1894/XI, 346.
3) Тамъ же, 1894/X, 199.
4) Вигель, IV, 162.
5) Р. Архивъ, 1880/III, 405; «Архивъ гр. Мордвиновыхъ», т. VII, стр. V—VIII.

время коронаціи на Татищева былъ поданъ доносъ о злоупотребленіяхъ его въ бытность генералъ-кригскоммиссаромъ. Слѣдствіе поручено было генералъ-адъютанту Храповицкому, который дѣйствовалъ по указаніямъ Чернышева [1]). Утверждали также, что онъ старался уронить въ глазахъ Николая Павловича фельдмаршала Дибича и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выставить передъ Государемъ сдѣланныя имъ ошибки. Дибичъ, однако, не вѣрилъ этимъ слухамъ и говорилъ, что считаетъ Чернышева своимъ другомъ, «исполненнымъ рыцарскихъ правилъ, честности и справедливости» [2]).

Недоброжелательное отношеніе общества не мѣшало Чернышеву, какъ сановнику, занимающему одинъ изъ высшихъ постовъ въ имперіи и отличаемому особеннымъ довѣріемъ Государя, пользоваться большимъ внѣшнимъ почетомъ. Когда онъ выходилъ изъ кабинета Государя послѣ доклада, всѣ другія высокопоставленныя лица, нѣкоторыя старше его чинами и лѣтами, вставали передъ нимъ [3]). Когда въ 1849 г. Государь проводилъ Пасху въ Москвѣ, по его желанію, въ Зимнемъ дворцѣ былъ такой же съѣздъ къ заутренѣ, какъ и при немъ. Первую роль здѣсь игралъ Чернышевъ. При возвращеніи князя изъ церкви, всѣ офицеры стояли по полкамъ, и онъ раскланивался на обѣ стороны [4]). Самъ Государь требовалъ выраженій почтенія къ князю: по словамъ Жерве, Государь, по возвращеніи откуда-то Чернышева, приказалъ Наслѣднику Цесаревичу поѣхать въ парадной формѣ поздравить его съ пріѣздомъ [5]).

Съ окружающими Чернышевъ былъ очень высокомѣренъ [6]) и не сбрасывалъ своего величія даже въ кругу родныхъ [7]). Впрочемъ, Жерве, стоявшій очень близко къ князю, старается защитить своего бывшаго начальника отъ обвиненія въ надменности и говоритъ, что Чернышевъ былъ не гордъ, но важенъ, былъ не надменъ, но трудно доступенъ всѣмъ, кромѣ своихъ подчиненныхъ. Въ осанкѣ своей и пріемахъ онъ имѣлъ что-то невольно внушавшее уваженіе. Просителей принималъ онъ важно, но вѣжливо; обходя представляющихся, руки никому не подавалъ, нѣкоторымъ говорилъ нѣсколько словъ, обыкновенно же кивалъ только головой [8]). Вообще же Чернышевъ никогда не позволялъ себѣ въ сношеніяхъ съ подчиненными такихъ грубыхъ пріемовъ, какъ графъ Клейнмихель и многіе другіе дѣятели Николаевскаго времени [1]).

И въ преклонномъ возрастѣ Чернышевъ сохранилъ очень представительную наружность. Держался онъ всегда прямо, одѣвался всегда щеголевато и вообще очень заботился о своей наружности, хотя и не до такой степени, какъ о томъ ходила молва [2]).

Несмотря на всѣ отрицательныя свойства его характера, происходившія какъ отъ недостатка воспитанія и образованія, такъ и отъ того, что его слишкомъ баловала судьба, князь Александръ Ивановичъ, обладавшій несомнѣннымъ умомъ и способностями, долженъ быть признанъ однимъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей царствованій Императоровъ Александра I и Николая I.

Н. Чулковъ.

Петръ Аврамовичъ Анненковъ 1-й, 1782—, изъ Курскихъ дворянъ, сынъ «поручика правителя» Курскаго намѣстничества Абрама Ивановича (1740—1810) и его жены Маріи Ивановны, рожд. Грязевой († 1808); въ службу вступилъ въ 1796 г. пажемъ, въ 1798 г. камеръ-пажемъ, 24 Сентября 1802 г. выпущенъ поручикомъ въ Кавалергардскій полкъ, въ 1804 г. произведенъ въ шт.-ротмистры, въ 1806 г. въ ротмистры, 4 Декабря 1807 г. уволенъ отъ службы по болѣзни полковникомъ, съ мундиромъ. Участвовалъ въ Аустерлицкомъ сраженіи, за что награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст., и въ походѣ 1807 г.

По выходѣ въ отставку Анненковъ поселился въ Курской губ. и со 2 Января 1813 г. по 1825 г. служилъ Курскимъ совѣстнымъ судьей, при чемъ въ 1818 г. награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. «въ воздаяніе ревностныхъ и отличныхъ трудовъ при сенаторѣ Мясоѣдовѣ, ревизовавшемъ Курскую и Орловскую губерніи». Затѣмъ два трехлѣтія былъ избираемъ губернскимъ предводителемъ дворянства и въ 1825 г. получилъ орденъ св. Анны 2 ст. и чинъ статскаго совѣтника. По свидѣтельству К. А. Полевого, которому Анненковъ оказывалъ покровительство, это былъ «богатѣйшій изъ Курскихъ помѣщиковъ, столько же любезный свѣтскій человѣкъ, сколько и роскошный русскій баринъ».

Анненковъ былъ женатъ на дочери д. ст. сов. кн. Маріи Дмитріевнѣ Прозоровской и

---

1) Р. Старина, 1898/IV, 610.
2) Тамъ же, 1891/I, 533.
3) Древн. и Нов. Россія, 1878/III, 386.
4) Р. Старина, 1900/IV, 33.
5) Истор. Вѣстникъ, 1898/III, 796.
6) Р. Архивъ, 1884/I, 337.
7) Р. Старина, 1895/III, 49.
8) Истор. Вѣстникъ, 1898/III, 445—447.

1) Истор. Вѣстникъ, т. XXXIX, 32.
2) Тамъ же, 1898/III, 446.

имѣлъ дѣтей: Аврама (р. 1810 г.), Дмитрія (р. 1811 г.), Николая (1813—1860; впослѣдствіи ген.-отъ-инфантеріи), Сергѣя (р. 1815 г.) и Анну (1822 г.) [1]).

Александръ Андреевичъ Яхонтовъ, 1786—1862, сынъ секундъ-майора Андрея Ивановича и его жены Анастасіи Ивановны, рожденной Щербинной, происходилъ изъ дворянъ Псковской губерніи. Яхонтовы ведутъ свой родъ отъ Христофора-Карла Дола, общаго родоначальника съ Левашовыми, выѣхавшаго въ Псковъ «изъ нѣмецъ» въ началѣ XIV в., а затѣмъ служившаго бояриномъ у Тверского великаго князя Александра Михаиловича. По окончаніи Пажескаго корпуса [2]), 26 Сентября 1802 г., Яхонтовъ былъ выпущенъ изъ камеръ-пажей корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ, а 4 Іюля 1804 г. произведенъ въ поручики.

Служа въ кавалергардахъ до 1811 года, Яхонтовъ сдѣлалъ съ ними походы 1805 и 1806 — 1807 гг., участвовалъ въ сраженіяхъ при Аустерлицѣ и былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й ст. Въ Мартѣ 1807 г., предъ выступленіемъ полка въ походъ, Яхонтову поручено было принять отъ полкового казначея, поручика Шеншина, полковую кладовую, что и было имъ исполнено 5 Марта, при чемъ «по скорому выступленію и по приказанію генерала принято имъ серебро въ сундукахъ за печатью казначейскою и аудиторскою, а сукно половинками по нумераціи»...

Въ 1808 г. Яхонтова постигло семейное несчастіе. 5 Ноября умерла его жена, Екатерина Александровна, родомъ гречанка, фамилія которой неизвѣстна. Она скончалась на 24 году жизни и похоронена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. На могилѣ ея мужъ поставилъ памятникъ съ надписью: «Памятникъ воздвигъ мужъ ея, шт.-ротм. Кавалергардскаго полка Ал. Андр. Яхонтовъ, оплакавъ купно съ дѣтьми о невозвратной потерѣ друга и чадолюбивой матери». Послѣ Е. А. осталось трое дѣтей: сыновья Николай (р. 1805 г.) и Валеріанъ (р. 1807 г.) и дочь Юлія (позднѣе замужемъ за г. Оливъ). Похоронивъ жену, Яхонтовъ уѣхалъ въ отпускъ въ Псковскую губернію, гдѣ у него были имѣнія въ Новоржевскомъ уѣздѣ, при сс. Юхновѣ и Мартюшовѣ. 14 Іюля 1809 г. Яхонтовъ былъ произведенъ въ ротмистры и въ концѣ года опять взялъ отпускъ на 28 дней, изъ котораго не вернулся въ срокъ, представивъ свидѣтельство о болѣзни. Состояніе здоровья его требовало серіознаго лѣченія, что было удостовѣрено лейбъ-хирургомъ Вилліе, и съ 1 Мая 1810 г. Яхонтовъ получилъ 4-мѣсячный отпускъ для поѣздки «къ цѣлительнымъ водамъ для излѣченія болѣзни». Въ Августѣ Яхонтовъ просилъ себѣ отсрочки послѣ 1 Сентября для окончанія курса лѣченія, при чемъ въ письмѣ на имя полкового командира Н. И. Депрерадовича, между прочимъ, писалъ: «Я ѣхалъ на Кавкаскъ (sic) и былъ уже за Москвою, но такъ сдѣлался боленъ, что не могъ по моей слабости, въ разсужденіи жаровъ, далѣе ѣхать, а присовѣтовали мнѣ и расхвалили вновь открывшія воды въ Тверской губерніи у генерала Кушелева въ Адріаполѣ, и что меня болѣе понудило, что Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ, ѣхавъ на Кавкаскъ, и рѣшился туда, и гдѣ мы теперь находимся, и чувствую нѣкоторое облегченіе, и докторъ увѣряетъ, что если я окончу полный курсъ пить воды, то я буду совершенно здоровъ, а оный продолжаться будетъ до 20 Сентября»... Несмотря на свидѣтельство доктора при минеральныхъ водахъ Фридбурга, Яхонтовъ отсрочки не получилъ, и, пріѣхавъ больной въ Торопецъ въ концѣ Августа, «по слабости» дальше ѣхать не могъ; онъ представилъ въ Военную коллегію свидѣтельство объ этомъ отъ Торопецкаго городничаго и тамошняго штабъ-лѣкаря. Въ половинѣ Сентября Яхонтовъ вернулся въ полкъ, а 13 Апрѣля 1811 г. совсѣмъ оставилъ службу, уволенный въ отставку, съ чиномъ полковника.

---

[1]) Полковой архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1806 г., кн. 1; Арх. М. В. дѣлъ, д. № 2404; Уничт. бумаги арх. Сената; Руммель и Голубцовъ, I, 60—62; Дневникъ Храповицкаго, изд. 1874, стр. 68; Записки К. А. Полевого, 48 и 49.

[2]) Р. Стар., 1870/IX, 294 и 295; Р. Архивъ, 1894, II, 266.

Послѣ вторженія Наполеона въ предѣлы Россіи, 12 Августа 1812 г., Яхонтовъ вновь поступилъ на службу полковникомъ въ Петербургское ополченіе, а 6 Сентября былъ назначенъ шефомъ волонтернаго полка его имени и, состоя въ авангардѣ корпуса маркиза Паулуччи, участвовалъ въ изгнаніи французовъ изъ предѣловъ Россіи; съ этимъ же полкомъ Яхонтовъ былъ въ походѣ конца 1812 г., участвовалъ въ авангардныхъ дѣлахъ при Мелаукенѣ (6 Дек. 1812 г.), при Лаузенкрузѣ (24 Дек.) и при занятіи Кенигсберга (25 Дек.); за послѣднее награжденъ орд. св. Владиміра 3-й ст. При движеніи гр. Витгенштейна отъ Кенигсберга на Маріенвердеръ для блокады Данцига, Яхонтовъ находился въ дѣлахъ съ непріятелемъ при Розенбергѣ (2 Янв. 1813 г.), при Ламенау (4 Янв.) и при преслѣдованіи французовъ до крѣпости Данцига; затѣмъ, съ 6 Января по 3 Мая, былъ въ отрядѣ Левиза (а послѣ герц. Александра Виртембергскаго), предназначенномъ для блокады Данцига. За участіе въ обложеніи этой крѣпости (6 Января) онъ былъ награжденъ прусскимъ орденомъ «pour le mérite». Во время осады принималъ участіе въ общей атакѣ укрѣпленія Данцига Оры (21 Февр.) и при отраженіи вылазки гарнизона крѣпости (12 Марта). Съ 3 Мая Яхонтовъ дѣйствовалъ въ партизанскихъ отрядахъ, участвовалъ въ дѣлѣ при Кенигсварте (7 Мая), въ сраженіи при Бауценѣ (8 и 9 Мая). Послѣ пораженія союзныхъ армій подъ Бауценомъ и отступленія ихъ на Герлицъ и Швейдницъ, Яхонтовъ находился сначала въ арьергардѣ, прикрывавшемъ отступленіе нашихъ войскъ, а затѣмъ до Пойшвицкаго перемирія дѣйствовалъ весьма удачно съ партизанами въ тылу непріятельской арміи; за участіе въ этихъ дѣйствіяхъ онъ удостоился получить Монаршее благоволеніе. Съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій Яхонтовъ находится въ Сѣверной арміи кронпринца Шведскаго. За отличіе, оказанное въ сраженіяхъ при Гроссъ-Беренѣ (11 Авг.) и Денневицѣ (21 Авг.) и при преслѣдованіи французовъ до крѣпости Торгау, А. А. Яхонтовъ былъ награжденъ орд. св. Анны 2-й ст., а за взятіе 4 орудій въ сраженіи подъ Лейпцигомъ (6 Окт.) удостоился получить орденъ *св. Георгія* 4-й ст.; въ этомъ сраженіи онъ былъ *раненъ* въ правый бокъ картечью и въ правую руку, выше локтя, гранатнымъ осколкомъ; кромѣ того, получилъ шведскій орденъ Меча.

Кампанію 1814 г. Яхонтовъ сдѣлалъ, также командуя волонтернымъ полкомъ, участвовалъ въ дѣлахъ у Арсисъ-сюръ-Объ (8 и 9 Марта), при Сенъ-Дизье (14 Марта), за отличіе въ которомъ награжденъ золотою саблею, при Витри (15 Марта) и участвовалъ во взятіи Парижа. За участіе въ войнѣ за освобожденіе Германіи, кромѣ золотой сабли, онъ получилъ Гессенъ-Кассельскій орд. «за военныя заслуги». По окончаніи войны волонтерный полкъ былъ «распущенъ въ нѣдра своихъ семействъ», а Яхонтовъ, 23 Авг. 1815 г., назначенъ «по особымъ порученіямъ, съ состояніемъ по кавалеріи»; 28 Марта 1820 г. назначенъ командиромъ Тираспольскаго конно-егерскаго полка, а 30 Авг. 1824 г. произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ командиромъ 1-й бриг. 1-й Драгунской дивизіи; 20 Октября 1827 года Яхонтовъ былъ переведенъ командиромъ 1-й бриг. 2-й Кирасирской дивизіи и 26 Іюня 1829 г. получилъ орденъ св. Анны 1-й ст. Съ этой бригадою онъ участвовалъ въ усмиреніи польскаго мятежа (1831 г.), командуя отдѣльнымъ отрядомъ, дѣйствовавшимъ въ Августовскомъ воеводствѣ, съ цѣлью уничтожить сильныя партіи мятежниковъ, подъ предводительствомъ кн. Мирскаго. Въ короткое время Яхонтову удалось водворить спокойствіе и безопасность въ этомъ краѣ. Съ 1 Апр. 1832 г. по 1842 г. онъ состоялъ начальникомъ 3-й Кирасирской дивизіи, при чемъ получилъ Имп. корону на орд. св. Анны 1-й ст.; 6 Дек. 1833 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 11 Ноября 1835 г. пожалованъ орд. св. Владиміра 2-й ст.; въ 1842 г., 12 Декабря, назначенъ состоять по кавалеріи, съ отчисленіемъ отъ должности. Въ 1843 г. Яхонтовъ былъ назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи военнаго суда при Московскомъ ордонансъ-гаузѣ, съ оставленіемъ по кавалеріи, и здѣсь, 3 Апр. 1849 г., получилъ орд. Бѣлаго орла. 8 Сент. 1855 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ во II отд. 6 департамента Сената въ Москвѣ, и въ 1861 г. произведенъ въ дѣйств. тайные совѣтники.

Въ 1837 г. ему была пожалована аренда, вмѣсто которой съ 1842 г. былъ назначенъ ежегодный отпускъ 1500 руб. сер.

Со времени назначенія въ Сенатъ А. А. до конца жизни безвыѣздно жилъ въ Москвѣ, на дачѣ, принадлежавшей его женѣ, въ Петровскомъ паркѣ. Онъ только изрѣдка уѣзжалъ въ отпускъ въ свои имѣнія; такъ, незадолго до смерти, онъ былъ уволенъ въ 4-мѣсячный отпускъ для поѣздки въ имѣнія свои и женины, по поводу «введенія уставныхъ грамотъ»; изъ этого отпуска онъ уже не вернулся.

У Яхонтова было довольно значительное состояніе: въ 1861 г., по формуляру, за нимъ числилось въ Псковской губерніи 2525 дес. земли и 128 душъ крестьянъ, а за женой — въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской гу-

берніи 6450 дес. и 700 душъ, и каменный домъ въ Одессѣ.

Яхонтовъ скончался въ Москвѣ, 20 Іюня 1862 г., 76 лѣтъ отъ роду, и погребенъ на Московскомъ Ваганьковскомъ кладбищѣ. Во второй разъ онъ былъ женатъ на вдовѣ Александрѣ Лазаревнѣ Куракиной, рожденной Текелли († 1863 г.), отъ которой дѣтей у него не было [1]).

А. Добошинскій.

Графъ Петръ Ивановичъ Апраксинъ 1-й, 1778—1852, сынъ г.-л. гр. Ивана Александровича († 1818) и жены его Маріи Александровны, рожд. Волкенштейнъ, поступилъ 22 Сентября 1800 г. юнкеромъ въ л.-гв. артиллерійскій баталіонъ; 28 Декабря 1801 г. произведенъ подпоручикомъ во 2 артиллер. баталіонъ; 28 Сентября 1802 г. переведенъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ. Въ 1803 г. графъ Апраксинъ назначенъ «генеральскимъ» адъютантомъ къ командиру полка Де-Прерадовичу; въ 1804 г. произведенъ въ поручики, въ 1807 г. въ шт.-ротмистры; 20 Февраля 1808 г. назначенъ адъютантомъ къ графу Аракчееву; 30 Августа 1809 г. произведенъ въ ротмистры. 1 Декабря 1811 г. назначенъ Петербургскимъ полицеймейстеромъ, съ переименованіемъ въ подполковники; въ 1812 г. произведенъ въ полковники; 27 Декабря 1817 г. уволенъ отъ службы генералъ-майоромъ, съ мундиромъ. Въ 1821 г. назначенъ Владимірскимъ губернаторомъ, съ переименованіемъ въ д. ст. совѣтники, и пробылъ губернаторомъ до 29 Іюля 1827 г., когда уволенъ изъ губернаторовъ, съ переименованіемъ въ генералъ-майоры.

13 Апр. 1830 г. опредѣленъ въ министерство Внутреннихъ дѣлъ по особымъ порученіямъ, съ переименованіемъ въ д. ст. совѣтники, и состоялъ при Закревскомъ во время его поѣздки по Россіи для принятія мѣръ къ прекращенію холеры; 12 Февраля 1831 г. назначенъ Тверскимъ губернаторомъ, но, не отправляясь къ должности, опредѣленъ 17 Апрѣля того же года въ корпусъ жандармовъ генералъ-майоромъ. Въ 1831—33 гг. неоднократно временно управлялъ Московскимъ жандармскимъ округомъ; 25 Іюня 1833 г. назначенъ начальникомъ Казанскаго жанд. округа; 3 Декабря 1841 г. уволенъ въ отставку тайнымъ совѣтникомъ; 22 Мая 1846 г. опредѣленъ вновь на службу членомъ совѣта Госуд. контроля. Апраксинъ участвовалъ въ сраженіи подъ Аустерлицемъ, за что получилъ орд. св. Анны 4 ст., и въ кампаніи 1807 года. Въ Турецкую кампанію 1810 г. находился адъютантомъ при Ф. П. Уваровѣ и участвовалъ въ дѣлахъ: 11 и 12 Іюля при Шумлѣ, за что получилъ «благоволительный рескриптъ»; при отраженіи вылазки 26 Іюня изъ Шумлы и получилъ орд. св. Владиміра 4 ст.; въ дѣлѣ у Чаушкіой (12 Іюля), гдѣ «въ послѣдней атакѣ гусаръ находился съ эскадронами впереди», и награжденъ золотою шпагою, въ сраженіи при Батинѣ (26 Августа) и получилъ орд. св. Анны 2 ст. съ алмазами; въ 1814 г. награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст., въ 1817 г.—орд. св. Анны 2 ст. съ алмазами, въ 1831 г. получилъ орд. св. Анны 1 ст., въ 1836 г.—тотъ же орденъ съ Имп. короной, въ 1837 г. — орд. св. Владиміра 2 ст., въ 1849 г.—орд. Бѣлаго орла. Представляя гр. Апраксина къ Аннѣ 1 ст., министръ внутреннихъ дѣлъ (В. Ланской) писалъ о немъ въ Комитетъ министровъ слѣдующее: «Владимірская губ., заключая въ себѣ болѣе милліона жителей, наслаждается вполнѣ тишиною и спокойствіемъ... Въ 1822 г. общее спокойствіе губерніи было нарушено волненіемъ мастеровыхъ на заводахъ Баташева, возникшимъ по смерти его отъ переустройства и состяжаній наслѣдниковъ о правахъ наслѣдства, и превратилось было въ пламя явнаго возмущенія». Гр. Апраксинъ, не прибѣгая къ войскамъ, прекратилъ какъ волненіе рабочихъ, такъ и «самыя неустройства по управленію заводскому. Государственныя подати и недоимки взыскиваются гр. Апраксинымъ съ особеннымъ успѣхомъ».

---

1) Полк. арх.; М. арх. М. Ю., Произв. Об.-Прок. 6 Деп., вязк. 172, Форм. списки за 1854, 1861 гг. и друг. докум.; Руммель и Голубцовъ, II, 808—810; Саитовъ, «Петербургскій Некрополь», 158; Фрейманъ, «Пажи», 134; Р. Стар., 1870/IX, 294 и 295; Р. Арх., 1894, II, 266; Свѣдѣнія, сообщенныя внукомъ А. А., К. Н. Яхонтовымъ.

Былъ женатъ на Аннѣ Андреевнѣ Кузминой-Караваевой и имѣлъ дѣтей: Марію (р. 6 Дек. 1811 г.), Елизавету (р. 8 Апрѣля 1813 г.), Николая (р. 22 Января 1816 г.), Любовь (р. 13 Марта 1819 г.) и Зинаиду (р. 30 Іюля 1822 г.).

Умеръ въ Петербургѣ 21 Декабря 1852 г.

Имѣлъ родовыхъ 528 душъ въ Новозыбковскомъ у. Черниговской губ. и 58 душъ въ Порховскомъ у. Псковской губ., да за женою состояло родовыхъ въ разныхъ уѣздахъ Владимірской губ. 1370 душъ и 40 душъ въ Семеновскомъ у. Нижегородской губерніи [1]).

Николай Михайловичъ Лосевъ, 1784—, изъ дворянъ Воронежской губ., сынъ гв. прапорщика Михаила Петровича и жены его дочери бригадира Варвары Степановны Карновичъ, 4-хъ лѣтъ отъ роду числился сержантомъ въ Преображенскомъ полку; въ 1796 г. поступилъ унт.-офицеромъ въ Конную гвардію; въ 1797 г. произведенъ корнетомъ въ Сумскій гус. полкъ. 9 Января 1802 г. Лосевъ вышелъ въ отставку поручикомъ, а 28 Сентября поступилъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ; 8 Сентября 1804 г. переведенъ поручикомъ въ Ахтырскій гус. полкъ; въ 1807 г. уволенъ отъ службы. Участвовалъ въ дѣлахъ при г. Цюрихѣ (14 и 15 Окт.) и при Шлатѣ (26 Окт. 1799 г.). Имѣлъ въ Воронежскомъ и Землянскомъ уѣздахъ 613 душъ [2]).

Графъ Василій Васильевичъ Левашовъ, 1783 — 1848, сынъ дѣйств. тайн. совѣтника и оберъ-егермейстера Василія Ивановича Левашова (р. 1740 — 1804), родился 10 Октября 1783 г. Древній дворянскій родъ, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію, ведетъ свое начало отъ нѣкоего «нѣмчина» Христофора Дола, который въ XIV в. выѣхалъ «изъ Нѣмецъ» въ Псковъ, а оттуда, крестившись съ именемъ Василія, пріѣхалъ на службу въ Тверь. В. И. Левашовъ не былъ женатъ, но имѣлъ внѣбрачныхъ дѣтей или «воспитанниковъ». Желая дать имъ права дворянства и передать фамилію, отецъ въ Сентябрѣ 1797 г. подалъ Императору Павлу I объ этомъ прошеніе: «Имѣю я шестеро дѣтей, коимъ по мѣрѣ силъ моихъ старался я дать приличное дворянамъ воспитаніе. Изъ нихъ трое мужескаго пола, Василій, Василій и Константинъ, къ службѣ В. И. Величеству мною подготовлены (а женскаго—Марья, Александра и Анна). Кому въ одиночествѣ своемъ могу я желать оставить по себѣ достояніе мое, какъ не тѣмъ, коимъ со дня рожденія ихъ я пріобыкъ желать блага и пещись о доставленіи имъ онаго! Довершите, Всемилостивѣйшій Государь, мое благополучіе, повелите имѣть имъ мое имя, дабы они могли, по приличію даннаго имъ мною воспитанія, пользоваться наслѣдствомъ имѣнія, которое вы, Государь, мнѣ пожаловать благоволили». На другой же день Левашову данъ былъ слѣдующій милостивый отвѣтъ: «Получивъ прошеніе ваше, я готовъ тѣмъ охотнѣе удовлетворить оному, что обстоятельства, вами прописываемыя, мнѣ совершенно извѣстны, но желалъ бы, чтобы вы сами, для отвращенія могущихъ встрѣтиться препятствій, облегчили рѣшеніе сего дѣла предварительнымъ и приватнымъ соглашеніемъ съ фамиліею своею, послѣ чего не останется мнѣ болѣе, какъ дать повелѣніе, на общемъ вашемъ согласіи основанное». Вѣроятно, соглашеніе это устроилось, такъ какъ 5 Августа слѣдующаго года дѣтямъ В. И. Левашова пожаловано было дворянское достоинство съ фамиліей Левашовыхъ [1]).

Въ 1799 г., 6 Февраля, 16-лѣтній В. В. Левашовъ поступилъ на службу губернск. регистраторомъ въ канцелярію С.-Петербургскаго военнаго губернатора графа Палена, и здѣсь

Графъ В. В. Левашовъ.

10 Октября слѣдующаго года произведенъ въ коллежскіе асессоры. На службѣ въ канцеля-

[1]) Полк. архивъ; Арх. Гос. контроля; Арх. Гос. полиціи; Долгорукій, II, 117 и 118; Милорадовичъ, I, 101.

[2]) Леф. арх.; Форм. сп. 1806 г., кн. 28; Свѣдѣнія, сообщ. Воронежскимъ деп. собраніемъ.

[1]) Ист. Вѣстникъ, 1886/X, 135; Руммель и Голубцовъ, I, 519, 532 и 533; Р. Архивъ, 1877/IV.

ріи Левашовъ оставался не долго, но и это, позднѣе, подавало поводъ говорить о немъ, что онъ началъ свою служебную дѣятельность въ «полицейскихъ драгунахъ». 13 Марта 1801 г. онъ былъ переименованъ въ майоры, съ назначеніемъ въ Лейбъ-Кирасирскій Его В-ва полкъ, изъ котораго 13 Декабря 1802 г. былъ переведенъ шт.-ротмистромъ въ Кавалергардскій. Левашовъ участвовалъ во всѣхъ походахъ и войнахъ противъ Наполеона, кончая Отечественной войной и взятіемъ Парижа. Въ 1805 г. онъ отличился при Аустерлицѣ и получилъ орд. св. Анны 3 ст., а въ кампанію 1806—1807 гг., произведенный 6 Марта 1806 г. въ ротмистры, участвовалъ въ сраженіяхъ при Пултускѣ, за которыя награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, при Янковѣ (24 Января 1807 г.), Ласбергѣ (25 Января) и Прейсишъ-Эйлау, гдѣ заслужилъ золотое оружіе. Остальную часть кампаніи онъ состоялъ при Платовѣ, былъ въ дѣлахъ при Гутштадтѣ и Пасенгеймѣ; за послѣднее получилъ прусскій орд. «за заслуги» [1]). Во время Тильзитскаго свиданія Императоровъ, Левашовъ командовалъ тѣмъ полуэскадрономъ кавалергардовъ, который составлялъ конвой Императора Александра I. 13 Іюня 1807 г. отъ Цесаревича было прислано къ полковому командиру Де-Прерадовичу приказаніе, «чтобы завтрашняго числа поутру, въ 11 часовъ, былъ у квартиры Государя Императора полуэскадронъ Кавалергардскаго полка во всевозможной чистотѣ; оный полуэскадронъ будетъ употребленъ для конвоя».

Это почетное назначеніе не обошлось для него безъ непріятности; въ приказѣ по полку 14 Іюня было объявлено: «Г. ротмистру Левашову дѣлается выговоръ за то, что сего числа, во время парада и когда дѣло шло довольно о важномъ, и при лицѣ самого Государя Императора, гг. офицеры сошли съ лошадей, и онъ не умѣлъ ихъ опять посадить, и ежели впредь не будетъ умѣть довести своихъ подчиненныхъ до надлежащаго послушанія, то отказано будетъ отъ командованія эскадрономъ».

16 Іюня Левашовъ переправился съ своей командой чрезъ р. Тильзитъ и пробылъ тамъ до 20-го, когда былъ смѣненъ полуэскадрономъ лейбъ-гусаръ [2]). Въ 1808 г., 5 Ноября, Левашовъ былъ произведенъ въ полковники. При Бородинѣ, когда при началѣ атаки кавалергардовъ бар. Левенвольдъ былъ убитъ, Левашовъ принялъ командованіе полкомъ и довершилъ, вмѣстѣ съ Конной гвардіей, ту атаку, которая рѣшила участь боя; въ этомъ бою онъ заслужилъ орд. *св. Георгія* 4 ст. Левенштернъ съ большой похвалой отзывается о дѣйствіяхъ Левашова подъ Бородинымъ. «Полковникъ Левашовъ», пишетъ онъ, «принялъ командованіе Кавалергардскимъ полкомъ. Я видѣлъ его въ самый критическій моментъ, когда, сопровождаемый нѣсколькими трубачами, онъ старался собрать свой полкъ, который былъ совершенно разсѣянъ; ему это удалось, благодаря выказанному имъ хладнокровію и умѣнью» [1]). Левашовъ во время атаки кавалергардовъ командовалъ 3 и 5 эскадронами [2]).

26 Декабря онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и вскорѣ затѣмъ назначенъ командующимъ 6-й кирасирской бригадой, а 10 Сентября 1813 г. назначенъ шефомъ Новгородскаго кирас. полка и бригаднымъ командиромъ (Новгородскаго и Стародубскаго полковъ) [3]). Въ битвѣ подъ Лейпцигомъ Левашовъ былъ *раненъ* пулею въ грудь и саблей въ руку, награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. и получилъ прусскій орд. Краснаго орла 2 ст. Раны потребовали продолжительнаго лѣченія, и Левашовъ 29 Октября былъ уволенъ въ отпускъ на 6 недѣль «для излѣченія раны и контузіи». Въ Январѣ 1814 г. Левашовъ снова былъ уже въ дѣйствующей арміи и участвовалъ въ дѣлахъ при мѣстечкѣ Бріенъ-Лешато (16 и 17 Января), при Труа (20 Февраля), въ нѣсколькихъ авангардныхъ стычкахъ, въ сраженіяхъ при Арси и Фершампенуазѣ, и при взятіи Парижа. За бой при Арси Левашовъ награжденъ золотымъ *съ алмазами* оружіемъ, а за взятіе Парижа орд. св. Анны 1 ст. [4]). По возвращеніи въ Россію войскъ, 25 Апрѣля 1815 г., Левашовъ былъ назначенъ командиромъ Лейбъ-Гусарскаго полка. Гусары стояли въ Павловскѣ, любимомъ мѣстопребываніи Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и Государыня очень была расположена къ Левашову. Въ письмахъ къ Великому Князю Николаю Павловичу она не разъ о немъ упоминаетъ, иногда при этомъ называетъ его особымъ шутливымъ именемъ: «усеньки кой черненьки», въ виду, конечно, того, что усы тогда носить могли одни только гусары. 1 Іюня 1815 г. Государыня писала: «Ils (лб.-гусары) partent après-demain: que Dieu les conduise; il est impossible de tenir une meilleure discipline; «усики кой черненьки» est un bon enfant, c'est dommage qu'il ait des manières singulières; il paraît au regret de partir».—«Левашовъ былъ такъ любезенъ, что явился во

---

[1]) Формулярный списокъ.
[2]) Полковой архивъ; Исторія кавалергардовъ, III, 145; Д. Давыдовъ, I, 311.

[1]) Р. Старина, 1900/XII, 579.
[2]) Исторія кавалергардовъ, III, 212.
[3]) Полковой архивъ; Формулярный списокъ.
[4]) Формулярный списокъ.

главѣ своихъ 2 эскадроновъ въ дворцовый дворъ проститься съ нами» (передъ выступленіемъ полка въ походъ по случаю событій на Западѣ), пишетъ Императрица въ другомъ письмѣ и при этомъ прибавляетъ: «et en vérité Lévaschef lui-même est un homme de mérite; ses ridicules sont des faiblesses de l'âge, dont il se corrigera, mais il a du sentiment, de l'humeur et de l'esprit». Расхваливая Левашова, Императрица не разъ еще останавливается на его «странныхъ, особенныхъ и смѣшныхъ манерахъ», которыя, очевидно, ей не нравились въ немъ, но она высказывала надежду, что это только «слабости его возраста»: «Le bon Lévaschef est venu diner encore hier chez nous et nous a dit adieu après la table; il était véritablement ému; il a certes du sentiment, de l'honneur et de la fierté dans l'âme. Il a manifesté ses principes dans la conversation en plusieurs occasions d'une manière estimable, et malgré ses manières un peu ridicules, il a trouvé grâce aux yeux de la comtesse [1]), qui lui veut du bien et en fait l'éloge» [2])... Свое благоволеніе Государыня выразила Левашову и официально; 26 Апрѣля 1815 г. въ приказѣ по Гвардейскому корпусу было объявлено: «Е. И. В. Государынѣ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ угодно было объявить мнѣ, что Е. В., бывъ въ г. Павловскѣ, узнала отъ всѣхъ вообще жителей, что нижніе чины лб.-гв. Гусарскаго полка примѣрнымъ поведеніемъ своимъ и ласковымъ обращеніемъ съ жителями г. Павловска заслуживаютъ общее уваженіе, я обязанностью себѣ поставляю таковое похвальное поведеніе нижнихъ чиновъ сдѣлать извѣстнымъ по корпусу, отдается при томъ полная справедливость старанію и попеченію г. генералъ-майора Левашова въ доведеніи полка до такой исправности, въ чемъ и Ея И. В-во объявить изволила Высочайшее свое благоволеніе» [3]). Если Государынѣ не нравились въ Левашовѣ его «manières singulières et ridicules», то въ отношеніи къ сослуживцамъ и подчиненнымъ онъ не скрывалъ и другихъ непріятныхъ свойствъ своего характера. По словамъ А. В. Кочубея, служившаго подъ его начальствомъ въ лейбъ-гусарахъ, офицеры особенно не любили его за «чванство» и «фанфаронство». «Надо правду сказать», пишетъ Кочубей, «что Левашовъ, кромѣ того, что былъ весьма непріятный начальникъ, былъ пренесносный человѣкъ; онъ сохранялъ старыя замашки фанфаронства, которымъ отличался при Александрѣ I весь Кавалергардскій полкъ. Самъ онъ весьма плохо зналъ службу, а занимался мелкими эскадронными ученіями; надо сказать правду, онъ былъ ловкій кавалеристъ. Человѣкъ онъ былъ вообще не глупый, но пустой, и имѣлъ слабость считать себя большимъ стратегикомъ. Полковой командиръ послѣ ученья имѣлъ обыкновеніе приглашать офицеровъ на обѣдъ. Обѣды эти были скучны и официальны, потому что Левашовъ не приглашалъ насъ даже снимать сабли и за обѣдомъ постоянно читалъ различныя нравоученія». Всѣ старались «улизнуть» раньше приглашенія. Но офицеры не любили его и «за пороки». Онъ былъ «своекорыстенъ и вытягивалъ изъ полка всевозможные доходы, въ особенности отъ обмундировки и фуража. Левашовъ былъ очень жестокъ съ нижними чинами: многихъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ вогналъ въ чахотку, безпощадно наказывая ихъ фухтелями» [1]). Въ 1817 году Левашовъ былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты, а 17 Іюля 1818 г. назначенъ командиромъ 2 бригады легкой Гвардейской кавалерійской дивизіи, съ оставленіемъ командиромъ лб.-гв. Гусарскаго полка, и вслѣдъ затѣмъ командированъ въ Варшаву. Съ этого времени командованіе полкомъ сдѣлалось номинальнымъ и поручено было сначала (1818 г.) официально полковнику Крекшину, а затѣмъ, самимъ Левашовымъ, Слатвинскому.

Въ 1820 году Левашовъ былъ назначенъ предсѣдателемъ суда надъ семеновцами послѣ ихъ возмущенія. «Странно показаться можетъ», говоритъ неизвѣстный авторъ замѣтки объ этомъ возмущеніи, «что въ президенты суда выбранъ человѣкъ, который никогда не отличался глубокими свѣдѣніями и еще менѣе справедливостью». Будто бы, «полагаясь на деспотическій и сумасбродный нравъ суда, Васильчиковъ думалъ, что никто скорѣе Левашова не обвинитъ младшихъ въ дѣлѣ со старшими... Второе, хотѣлось угодить Государю, выбравъ человѣка, имъ любимаго, и потѣшить сей довѣренностью самого Левашова, котораго онъ боялся». Но самъ Васильчиковъ писалъ кн. П. М. Волконскому, что онъ «не желаетъ подавать и вида вліянія на судъ, который стараются направить противъ него, полагая, что у Левашова довольно ума, чтобы почувствовать необходимость вывести начисто это дѣло». Въ то же время Волынскій спрашивалъ Васильчикова: «По какому поводу Левашовъ перемѣнилъ свое поведеніе съ вами со времени исторіи Семеновскаго полка, и въ чемъ это проявляется?» [2]). Проявилось это и въ пререканіяхъ по поводу командованія полкомъ.

---

[1]) Графиня (позднѣе св. княгиня) Ливенъ.
[2]) Р. Старина, 1903/II, 342, 347, 348.
[3]) Полковой архивъ.

[1]) «Записки» А. В. Кочубея, 140 — 145.
[2]) Р. Старина, 1871/XI, 543; XII, 662, 663.

И. В. Васильчиковъ въ Январѣ 1821 г. сдѣлалъ запросъ, почему Левашовъ самъ не подписываетъ бумагъ. Послѣдній отвѣтилъ рапортомъ, въ которомъ писалъ: «Я должности полкового командира лб.-гв. Гусарскаго полка съ себя не слагалъ; г. полк. Слатвинскій подписывалъ токмо въ мое отсутствіе нѣкоторыя бумаги, требующія немедленнаго исполненія, обязанности же сверхъ ввѣренныхъ мнѣ полка и бригады заключаются, какъ в. пр-ву извѣстно, въ Высочайшемъ порученіи мнѣ берейторской школы и таковомъ же повелѣніи присутствовать въ комитетахъ, утвержденныхъ 18 Августа 1814 года и 16 Ноября 1819 г.» [1]). На этотъ рапортъ 24 Января Васильчиковъ далъ «предписаніе», чтобы Левашовъ самъ подписывалъ бумаги во время пребыванія въ Петербургѣ, и чтобы въ его отсутствіе полк. Слатвинскій подписывалъ экстренныя бумаги, но не именовалъ себя командующимъ полкомъ. Васильчиковъ прибавлялъ къ этому: «Теперь долженъ вамъ замѣтить, что я и самъ въ оныхъ комитетахъ несу обязанности, да, сверхъ того, занимаясь другими важнѣйшими должностями, всегда самъ подписываю бумаги, идущія къ другимъ лицамъ и мѣстамъ» [2]). Въ дѣлѣ суда надъ семеновцами, Левашовъ ихъ оправдывалъ, и результатомъ было то, что онъ «впалъ въ немилость» [3]). Въ томъ же году, 18 Сентября, Левашову пожалованы были алмазные знаки орд. св. Анны 1 ст., а 22 Мая 1822 г. онъ уволенъ отъ командованія полкомъ и получилъ рескриптъ, съ изъявленіемъ Монаршей благодарности, и вслѣдъ затѣмъ, 21 Октября, былъ уволенъ и отъ командованія бригадой [4]). Что была за причина этого увольненія и въ чемъ заключались служебныя занятія Левашова въ теченіе почти 2 слѣдующихъ лѣтъ, намъ неизвѣстно, но 25 Іюня 1823 года онъ получилъ отъ Государя слѣдующій рескриптъ: «Вы испрашиваете ссуды 250/т. рублей изъ Инвалиднаго капитала на 10 лѣтъ. Обращаясь къ полезному намѣренію, съ которымъ составленъ Инвалидный капиталъ, я, къ сожалѣнію, нахожу невозможнымъ удовлетворить сему вашему прошенію по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что вы членъ комитета, которому ввѣрено попеченіе объ участи изувѣченныхъ воиновъ, и сбереженіе капитала, на пособіе для нихъ предназначеннаго, именно на сихъ же членовъ возложено; во-вторыхъ, что ссуда вамъ послужитъ примѣромъ и для другихъ, и такимъ образомъ большая часть Инвалиднаго капитала можетъ перейти въ руки членовъ комитета, сдѣлавъ чрезъ то невыгодное впечатлѣніе во всѣхъ благомыслящихъ. Что же касается до заимообразной выдачи изъ Инвалиднаго капитала гр. Остерману-Толстому, то оная, какъ въ указѣ моемъ комитету именно изображено, сдѣлана не въ примѣръ другимъ» [1]). 24 Мая 1824 года Левашовъ былъ снова назначенъ командиромъ и 2-й бригады легкой гвард. кавалерійской дивизіи, и Лейбъ-Гусарскаго полка, а въ слѣдующемъ году, 22 Іюля, получилъ орденъ св. Владиміра 2 ст. [2]). 14 Декабря 1825 года Левашовъ находился на площади при особѣ Государя Николая Павловича и «удостоился получить Монаршую признательность за примѣрный порядокъ, усердіе и точность въ исполненіи Высочайшихъ повелѣній», а 1 Января 1826 года произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Левашовъ пользовался полнымъ довѣріемъ Государя, ему поручено было производить первые допросы арестованныхъ декабристовъ, которые въ большинствѣ случаевъ дѣлалъ самъ Николай Павловичъ или въ его присутствіи — Левашовъ [3]); затѣмъ онъ былъ назначенъ членомъ Слѣдственной коммиссіи надъ декабристами. Въ качествѣ члена Слѣдственной комиссіи Левашовъ допрашивалъ декабристовъ и одинъ въ Петропавловской крѣпости [4]). Насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, и во время допросовъ, и въ засѣданіяхъ комитета Левашовъ держалъ себя съ достоинствомъ. Нѣтъ данныхъ, по которымъ можно было бы его обвинять, какъ нѣкоторыхъ другихъ изъ членовъ, въ насмѣшкахъ, колкостяхъ, язвительныхъ улыбкахъ, безпорядочныхъ вопросахъ (Чернышевъ, Бенкендорфъ) [5]). Онъ только настойчиво убѣждалъ декабристовъ раскаяться и все чистосердечно разсказать. Нѣкоторые изъ нихъ и обращались къ нему съ таковыми письмами раскаянія [6]). Трубецкой разсказываетъ, что 24 Декабря его начали допрашивать вмѣстѣ нѣсколько членовъ и требовали немедленнаго словеснаго отвѣта, пока, наконецъ, Великій Князь Михаилъ Павловичъ не сказалъ, что желаніе Трубецкого

---

[1]) Комитетъ по призрѣнію инвалидовъ и заслуженныхъ гражд. чиновниковъ.

[2]) Полковой архивъ.

[3]) Тотъ же неизвѣстный авторъ пишетъ, что Левашовъ «воспользовался симъ случаемъ, чтобы примириться съ общимъ мнѣніемъ. Его намѣреніе жениться на знатной и богатой дѣвушкѣ сего требовало». Р. Старина, 1871/XI, 541, 548.

[4]) Формулярный списокъ.

[1]) Сборникъ Собств. Е. И. Величества Канцеляріи, VI, 99.

[2]) Формулярный списокъ; Манзей, I, 145.

[3]) Напр., кн. Трубецкому, кн. Волконскому, Анненкову, Свистунову и др.

[4]) Записки кн. Трубецкого, 30 и 31.

[5]) См. Записки Трубецкого.

[6]) Напр., *Свистуновъ*, см. его біографію.

отвѣчать письменно справедливо. Въ этотъ же день Бенкендорфъ настойчиво требовалъ отъ Трубецкого признанія, что̀ именно сообщалъ онъ своей женѣ о Тайныхъ обществахъ, несмотря на отрицательныя увѣренія Трубецкого, что онъ ей никогда ничего не говорилъ. Левашовъ прервалъ Бенкендорфа и сказалъ: «Ecoutez, Benkendorff, c'est très probable, que le prince n'a voulu rien confier à sa femme et qu'elle n'a rien su» [1]). Какъ смотрѣлъ Левашовъ на все происшествіе 14 Декабря, видно изъ словъ его князю Трубецкому: «Ah, mon prince! vous avez fait bien du mal à la Russie, vous l'avez reculée de cinquante ans» [2]). То же онъ сказалъ и И. А. Анненкову, прибавивъ: «Вы заботились о судьбахъ народовъ, а связали Государю руки въ его благихъ намѣреніяхъ на 50 лѣтъ». Эти справедливыя слова, по собственному признанію Анненкова, глубоко поразили его [3]).

Въ 1826 году, 1 Іюля, Левашовъ оставилъ командованіе лб.-гв. Гусарскимъ полкомъ по случаю назначенія начальникомъ 1-й Кирасирской дивизіи, а ровно черезъ годъ, 1 Іюля 1827 года, главнымъ начальникомъ гвардейской Берейторской школы; въ 1829 году, 26 Апрѣля, получилъ орд. св. Александра Невскаго. Скоро Левашову пришлось оставить военное поприще и перейти на административную дѣятельность. 8 Февраля 1831 года онъ былъ назначенъ временнымъ военнымъ губернаторомъ Подольской и Волынской губерній, съ управленіемъ гражданской частью. Эти губерніи, съ своимъ разноплеменнымъ пестрымъ населеніемъ, послѣ Польскаго мятежа требовали особенно внимательныхъ заботъ и приведенія ихъ въ порядокъ. Дѣятельность В. В. Левашова вполнѣ оправдала возлагавшіяся на него ожиданія, и уже 22 Августа онъ былъ награжденъ орд. св. Владиміра 1 ст. «за отличное рвеніе, неутомимую дѣятельность и его благоразумныя распоряженія» по управленію этими губерніями. Менѣе чѣмъ черезъ годъ, 22 Января 1832 года, Левашовъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Кіевскимъ и генералъ-губернаторомъ Подольскимъ и Волынскимъ, а черезъ нѣсколько дней, 4 Февраля, ему предоставлено и управленіе гражданской частью въ Кіевской губерніи. Въ то время въ Кіевѣ первое мѣсто принадлежало не военному губернатору, а командующему 1-й арміей старому фельдмаршалу князю Ф. В. Сакену. При тщеславномъ характерѣ Левашова, ему трудно было выносить это, и неудивительно, что вскорѣ же у него начались недоразумѣнія съ фельдмаршаломъ. Все это, конечно, касалось по преимуществу мелочей, но глубоко оскорбляло старика. Н. Н. Муравьевъ-Карскій, состоявшій при кн. Сакенѣ, подробно перечисляетъ въ своихъ «Запискахъ» всѣ тѣ столкновенія, которыя возникали у фельдмаршала съ Левашовымъ: то послѣдній переставитъ музыку съ одного мѣста на другое, то откажется отъ офиціальнаго обѣда или опоздаетъ на него. Конечно, интересно не перечисленіе всѣхъ этихъ мелочей, въ которыхъ обнаруживалась «безтактность» или «невѣжливость» Левашова, а то, какіе отзывы о личности его находятся въ «Запискахъ» Муравьева, впрочемъ, къ нему явно нерасположеннаго. Хвастливость и болтливая несдержанность Левашова, по мнѣнію Муравьева, были первыми причинами, вызвавшими неудовольствіе Сакена. Фельдмаршалъ былъ огорченъ «слухами, распространенными Левашовымъ, будто бы Государь желалъ, чтобы фельдмаршалъ оставилъ мѣсто свое, ибо онъ весьма стѣсняетъ его въ распоряженіяхъ по войскамъ». — «Я хочу служить до конца дней своихъ», говоритъ фельдмаршалъ, «но если меня не хотятъ, то пущай мнѣ прямо сіе объявятъ, а не распространяютъ о семъ слуховъ». Муравьевъ былъ увѣренъ, что «несогласія между военными и гражданскими чиновниками» усилились, «подстрекаемыя дѣйствіями» Левашова, который «умышленно снисходительно» относился къ проступкамъ послѣднихъ. «Поступки Левашова были неосновательны во многихъ случаяхъ»; такъ, любя во всемъ внѣшность, онъ разрѣшилъ гражданамъ Кіева, на основаніи старинныхъ ихъ привилегій по Магдебургскому праву — являться въ мундирахъ и вооруженіи, «изобрѣсти» новые мундиры, а когда это не понравилось Государю, то не рѣшился сказать, что это было сдѣлано съ его вѣдома и одобренія. Когда въ 1835 году сдѣланы были распоряженія объ упраздненіи 1-й арміи, Чернышевъ поручилъ фельдмаршалу объявить объ этомъ Левашову, «извѣстному врагу князя», а этотъ послѣдній, прежде чѣмъ переговорить съ кн. Сакеномъ, «нескромно, съ торжественнымъ видомъ, разгласилъ» это по городу, и эти извѣстія дошли до стараго фельдмаршала «съ различными несносными слухами объ изгнаніи отсюда главной квартиры, по ходатайству Левашова». Военный губернаторъ такъ досаждалъ старику, что тотъ часто «видѣлъ во снѣ, что Левашовъ приходилъ къ нему съ предложеніемъ оставить мѣсто, и въ эти дни оставался особенно скучнымъ». Но однажды кн. Сакенъ и самъ высказался весьма рѣзко о Левашовѣ послѣ того, какъ тотъ отказался пріѣхать къ нему на офиціальный обѣдъ:

[1]) Записки Трубецкого, 34—36.
[2]) Тамъ же, 31.
[3]) См. его біографію.

«Забыться до такой степени передо мной! Гдѣ его заслуги? Я 69 лѣтъ служу вѣрно Государю, а онъ что̀ дѣлаетъ—рубитъ деревья въ Кіевѣ, да дома ломаетъ, и что онъ больше дѣлать умѣетъ? Да, знаешь ли, зачѣмъ онъ ко мнѣ ѣздитъ. Онъ боится пріятеля своего министра (А. И. Чернышева), который меня не любитъ и такой же...., какъ и онъ. Хороши будутъ дѣла въ государствѣ, когда такому .... человѣку безъ заслугъ ввѣряется управленіе министерства, столь важнаго!» [1]). Левашовъ перебилъ у фельдмаршала даже честь открытія древнихъ «Золотыхъ воротъ». Главный виновникъ «открытія и раскопки» воротъ, чиновникъ особыхъ порученій Лохвицкій, прямо заявлялъ, что онъ открылъ Золотыя ворота «съ пособіями и по убѣжденію фельдмаршала кн. Сакена», но уже въ 1833 году Левашовъ «по любви къ древностямъ» испросилъ отпускъ ежегодной суммы въ 1500 р. «на продолженіе раскрытія древностей подъ покровительствомъ гр. Левашова». Конечно, этому способствовало, какъ равно, вѣроятно, и развитію въ Левашовѣ «любви къ древностямъ» то обстоятельство, что 9 Сентября 1832 года, проѣздомъ черезъ Кіевъ, Государь Николай Павловичъ посѣтилъ мѣсто раскопокъ и, внимательно осмотрѣвъ уже раскрытыя развалины, прошелъ чрезъ Золотыя ворота и произнесъ: «Памятникъ, достойный сохраненія» [2]). Государь остался вообще доволенъ посѣщеніемъ Кіева, и 9 Октября 1832 г. Левашовъ получилъ Высочайшее благоволеніе «за отлично хорошее состояніе Кіевскаго госпиталя и устройство города Кіева», а 1 Іюня 1833 года былъ возведенъ, съ нисходящимъ потомствомъ, въ графское достоинство и 6 Декабря того же года произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи [3]). Между тѣмъ и слова князя Ф. В. Сакена о томъ, что Левашовъ «только рубитъ деревья и ломаетъ дома», имѣли основаніе. Въ то время, какъ Лохвицкій, благодаря «любви къ древностямъ» военнаго губернатора, открывалъ «Золотыя ворота» и раскапывалъ монастырь св. Ирины, знаменитый митрополитъ Кіевскій Евгеній (Болховитиновъ) постоянно препирался съ графомъ Левашовымъ и съ трудомъ защищалъ отъ его усердія древности, еще существующія, что не всегда удавалось. Гр. Бутурлинъ пишетъ, что «вандализмомъ гр. Левашова срыта была до основанія часть вала стараго Кіева, и тотъ же администраторъ, въ своемъ фронтовомъ рвеніи соблюдать прямую линію, срубилъ пирамидальные тополи, окаймлявшіе улицы, выравнялъ бугровые откосы одной изъ улицъ» [1]) и пр. Болѣе компетентный Мурзакевичъ въ своихъ запискахъ говоритъ тоже, что гр. Левашовъ, «въ видахъ улучшенія города, вѣками построеннаго не по плану, для выпрямленія улицъ коснулся тѣхъ древнихъ земляныхъ валовъ, которые въ нашествіе Батыя нѣкоторое время защищали такъ называемый Старый Кіевъ, съ княжьими теремами и Десятинной церковью. Остановить вандализма митрополитъ не могъ: планъ улицъ былъ конфирмованъ Императоромъ; знай онъ, что сглаживается почтенная старина, никогда бы не утвердилъ онъ представленной нелѣпости» [2]). А. И. Подолинскій изобразилъ Левашова въ баснѣ «Механикъ»: Помѣщикъ изъ столицы прислалъ въ деревню механика осмотрѣть мельницы, но механикъ «туда, сюда лорнетъ наводитъ, на что ни взглянетъ — не по немъ! Онъ все коверкаетъ, ломаетъ... и скоро все пошло верхъ дномъ». Нравоученіе же начинается словами: «Мы очень часто видимъ то же и въ городахъ иныхъ» [3])... Но, конечно, съ внѣшней стороны Кіевъ много выигралъ, и Государь, посѣтивъ его вторично въ 1835 году, потомъ разсказывалъ гр. Бенкендорфу, что городъ «улучшается съ каждымъ годомъ, и надо отдать справедливость гр. Левашову, въ управленіе котораго было пропасть сдѣлано къ его украшенію» [4]); въ то же время, 6 Ноября, Государь писалъ ст.-секр. Танѣеву: «Генералъ-адъютанту гр. Левашову заготовить благодарный рескриптъ за отличные успѣхи по устройству Кіева, при осмотрѣ моемъ найденные». Эти слова Николая Павловича цѣликомъ вошли въ рескриптъ, который гр. Левашовъ получилъ на другой же день, съ прибавленіемъ, что это «свидѣтельствуетъ о той заботливости и рвеніи, коими ознаменована всегда его служба» [5]). Въ это время гр. Левашовъ уже не былъ Кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, онъ былъ уволенъ отъ этой должности 9 Іюня 1835 года, а 9 Декабря того же года назначенъ Черниговскимъ, Полтавскимъ и Харьковскимъ генералъ-губернаторомъ; здѣсь онъ пробылъ меньше года (по 29 Октября 1836 г.). Въ Іюнѣ ст.-секретарь Танѣевъ писалъ гр. Левашову: «Дошло до свѣдѣнія Государя Императора, что въ Полтавѣ не оказались многія казенныя суммы, забранныя бывшимъ генералъ-губернаторомъ ген.-адъют. кн. Репнинымъ, что в. сіятельство, удостовѣрясь въ семъ, требовали отъ кн. Реп-

---

1) Р. Архивъ, 1894/X, 196—199, 204—206; XI, 344—362.
2) Чтенія въ Ист. Общ. Нестора, лѣтописца въ Кіевѣ, V; Оглоблинъ, «Къ исторіи открытія Золотыхъ воротъ», 5, 8.
3) Формулярный списокъ.

1) Р. Архивъ, 1897/II, 595.
2) Р. Старина, 1887/V, 130.
3) Тамъ же, 1885/I, 118.
4) Истор. Вѣстн., 1903/II, 454.
5) Сборникъ Собств. Е. И. В. Канцеляріи, X, 7; VIII, 84.

нина пополненія оныхъ, на что и получили въ отвѣтъ присылку 80/т. руб. и обѣщаніе доставить остальныя; Е. И. Величеству угодно, чтобы в. с. донесли Государю немедленно и подробно, въ чемъ происходило дѣло, ибо подобное обстоятельство слишкомъ важно, чтобы объ ономъ Е. В-ву не было извѣстно» [1]). Дѣло это, какъ извѣстно, имѣло для кн. Репнина непріятныя послѣдствія [2]), каково же было донесеніе Левашова, намъ неизвѣстно. Почти черезъ 2 года, 1 Января 1838 года, гр. Левашовъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а 27 Января 1839 года предсѣдателемъ Департамента Экономіи; въ то же время онъ сдѣланъ членомъ Коммиссіи о построеніи Исакіевскаго собора и членомъ комитета финансовъ; въ 1841 году ему повелѣно предсѣдательствовать въ комитетѣ о коннозаводствѣ Россійскомъ, съ правомъ доклада у Государя; въ 1842 году назначенъ членомъ комитета о постройкѣ С.-Петербургско-Московской жел. дороги; въ 1846 году — предсѣдателемъ особаго комитета по устройству Соляной части.

Графъ В. В. Левашовъ.

За это время гр. Левашову 16 Апрѣля 1841 г. пожалованъ орд. св. Андрея и 15 Апрѣля 1845 г. алмазные къ нему знаки, а 25 Іюля 1842 г. Высочайше повелѣно выдать единовременно 50/т. руб. сер. изъ Государственнаго казначейства [3]). Состоя членомъ Государственнаго Совѣта, гр. Левашовъ былъ приглашаемъ Государемъ въ особые секретные комитеты, собиравшіеся во дворцѣ для обсужденія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросовъ, подъ руководствомъ и предсѣдательствомъ самого Государя. Изъ «современныхъ записокъ» барона Корфа можно видѣть, что гр. Левашовъ не игралъ здѣсь видной роли и въ большинствѣ случаевъ примыкалъ къ кому-либо изъ болѣе выдающихся членовъ этихъ совѣщаній. Зимой 1840—41 гг. гр. Левашовъ участвовалъ въ особомъ комитетѣ, обсуждавшемъ записку П. Д. Киселева, въ которой онъ, обозрѣвая все русское законодательство о крѣпостномъ правѣ, высказывалъ убѣжденіе, что «отъ уничтоженія крѣпостного состоянія» явятся «важныя государственныя выгоды для народной промышленности и самого общественнаго спокойствія», при чемъ основная мысль была — освободить лично крестьянъ съ землей, обязавъ ихъ въ отношеніи къ помѣщикамъ извѣстными повинностями или оброкомъ. Левашовъ принадлежалъ къ большинству членовъ, не сочувствовавшихъ проэкту и находившихъ его трудноисполнимымъ. Такимъ образомъ въ комитетѣ проэктъ Киселева былъ измѣненъ въ самой основѣ: предложено было предоставить помѣщикамъ только добровольно, но каждый разъ съ Высочайшаго утвержденія, заключать условія съ крестьянами и опредѣлять ихъ повинности, при чемъ эти крестьяне, дѣлаясь лично свободными, являлись «обязанными» въ отношеніи къ помѣщику, отъ котораго получали участки земли во временное пользованіе [1]). Въ 1841 г. гр. Левашовъ участвовалъ въ «комитетѣ о средствахъ къ покрытію дефицита въ Государственной росписи на 1841 годъ». Этотъ комитетъ обсуждалъ записку кн. Друцкого-Любецкаго, который предлагалъ, для покрытія дефицита, явившагося отчасти результатомъ общаго состоянія финансовъ при гр. Канкринѣ, отчасти, и главнымъ образомъ, вслѣдствіе страшныхъ неурожаевъ въ Россіи въ 1840 году, выпустить новые билеты Государственнаго казначейства на 100/м. р. с., съ обязательнымъ ихъ хожденіемъ и пріемомъ во всѣ казенные платежи и съ меньшимъ 0/0 противъ банковаго. Гр. Левашовъ, вмѣстѣ съ кн. Варшавскимъ и другими 3 членами, присоединился къ проэкту Любецкаго, находя, что «когда *нужны деньги*, должны быть выпущены билеты съ обязательнымъ, а не факультативнымъ хожденіемъ» [2]). Въ томъ же году гр. Левашовъ засѣдалъ въ комитетѣ о выпускѣ билетовъ Сохранной казны и Заемнаго банка, по мысли самого Государя, при чемъ эти билеты должны были быть обезпечены недвижимой собственностью,

---

1) Сборникъ Собств. Е. И. В. Канцеляріи, X, 12.
2) См. біографію кн. *Н. Г. Репнина.*
3) Формулярный сп.; Сборникъ Собств. Е. И. Величества Канцеляріи, IX, 42.

1) Сборникъ, XCVIII, 106 — 109.
2) Тамъ же, 142 — 144.

заложенной въ Сохранной казнѣ, и не приносили процентовъ. Нессельроде и Левашовъ предлагали только прибавить, что новымъ билетамъ должно быть присвоено хожденіе наравнѣ со звонкой монетой и свободный во всякое время размѣнъ [1]). Въ то же время гр. Левашовъ состоялъ предсѣдателемъ въ особомъ комитетѣ, которому переданъ былъ на обсужденіе проэктъ ст.-секретаря Позена объ измѣненіяхъ въ системѣ питейныхъ сборовъ и о заготовленіи впередъ казной всего количества вина. Левашовъ находилъ, что «эта мѣра не только полезна, но, въ видахъ увеличенія откупного дохода, даже и необходима», но тутъ встрѣтились препятствія со стороны министерства финансовъ, въ смыслѣ недостатка свободныхъ денегъ въ казнѣ на такія большія единовременныя затраты. Въ 1843 году, въ «комитетѣ о замѣнѣ ассигнацій другими денежными знаками», гр. Левашовъ стоялъ за обмѣнъ ассигнацій на новые кредитные билеты и «не видѣлъ причины ни отлагать предложенную мѣру, потому что кредитные билеты уже обращаются въ народѣ, ни назначать сроки для ея исполненія, потому что они сами собой опредѣлятся количествомъ поступленія въ казну депозитныхъ билетовъ и звонкой монеты». Затѣмъ самъ предложилъ и полный планъ къ совершенію всей операціи [2]). Въ слѣдующемъ году гр. Левашовъ принималъ дѣятельное участіе въ «Комитетѣ объ устройствѣ дворовыхъ людей», при чемъ, «сознавая пользу уменьшенія числа дворовыхъ, считалъ необходимымъ принятіе рѣшительныхъ и немедленныхъ мѣръ». Въ засѣданіи 19 Марта Левашовъ читалъ самъ свое «мнѣніе». «Это мнѣніе, длинное и высокопарное», замѣчаетъ баронъ Корфъ, «было простой сколокъ съ читаннаго въ первомъ засѣданіи мнѣнія другого лица», а именно гр. Киселева... «Но ожиданіе второго автора или, лучше сказать, переписчика, что его мнѣніе восторжествуетъ, потому что оно было изложено въ смыслѣ прежнихъ Высочайшихъ предположеній, не сбылось. Государь выслушалъ бумагу равнодушно, даже холодно, и потомъ не упомянулъ о ней болѣе ни слова». Когда возникъ вопросъ объ отпускѣ дворовыхъ изъ имѣній, состоящихъ въ залогѣ, гр. Левашовъ высказалъ мнѣніе, что «убавленіе дворовыхъ въ имѣніи не можетъ имѣть вліянія на его цѣнность», и находилъ необходимымъ вообще облегчить помѣщикамъ возможность избавляться отъ дворовыхъ. Но оба эти положенія встрѣтили серіозныя возраженія: первое со стороны тов. министра финансовъ Вронченка, который указывалъ, что это можетъ породить затрудненія для кредитныхъ учрежденій, второе — не встрѣтило сочувствія, и Блудовъ возразилъ, что «весьма достаточно уже и того, что помѣщикамъ предоставлено ссылать своихъ людей въ Сибирь по одной своей волѣ, и къ новому еще облегченію нѣтъ ни надобности, ни нравственной справедливости». Затѣмъ гр. Левашовъ сдѣлалъ предложеніе «уничтожить классъ свободныхъ хлѣбопашцевъ и самую форму этого отпуска на волю, уменьшающаго площадь дворянской собственности», увѣряя, что эта мѣра увеличитъ отпускъ и перечисленіе крестьянъ «въ обязанныхъ поселянъ». Левашовъ зналъ, конечно, что Государь не сочувствуетъ закону о свободныхъ хлѣбопашцахъ, и, поэтому, не ожидалъ встрѣтить съ его стороны столь рѣзкое опроверженіе. «На это», прервалъ его Государь, «я никакъ не могу согласиться по той причинѣ, что, уничтожая одинъ законъ, надо бы дать взамѣнъ другой, а такого у меня нѣтъ. По общему, коренному закону покойнаго брата, подтвержденному и мною, кто однажды выбылъ изъ крѣпостного состоянія, тотъ уже никогда въ него возвратиться не можетъ»... [1]).

21 Февраля 1847 года умеръ предсѣдатель Государственнаго Совѣта князь И. В. Васильчиковъ. Предсѣдательствующимъ сдѣлался старшій изъ предсѣдателей департаментовъ, гр. Левашовъ. Но всѣхъ въ Петербургѣ интересовалъ вопросъ, кто будетъ преемникомъ Васильчикова. «Первымъ кандидатомъ», пишетъ баронъ Корфъ, «если не по степени дарованій, то по нѣкоторому виду права, называли гр. Левашова» (какъ старшаго и уже давно предсѣдательствовавшаго въ Гос. Совѣтѣ, когда кн. Васильчиковъ не могъ являться по болѣзни). Но Великій Князь Константинъ Николаевичъ говорилъ по поводу этихъ слуховъ: «Нѣтъ, ужъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта изъ полицейскихъ крючковъ, тутъ, право, не было бы никакого приличія... мнѣ самъ папа́ сказывалъ, что онъ служилъ въ полицейскихъ драгунахъ» [2]). На 1848 годъ гр. Левашовъ былъ назначенъ «предсѣдательствующимъ» въ Гос. Совѣтѣ, но съ оставленіемъ предсѣдателемъ Департамента Экономіи. Тѣмъ не менѣе гр. Левашовъ говорилъ Корфу: «Ce n'est que le titre qui manque, mais du reste c'est avec toutes les prérogatives de la place et avec le travail personnel».

Въ 1848 году въ Петербургѣ свирѣпствовала холера, и жертвой ея сдѣлался и графъ В. В. Левашовъ. Онъ заболѣлъ въ своемъ имѣніи «Осиновой рощѣ» (за Парголовымъ), но

---

[1]) Сборникъ, XCVIII, 164.
[2]) Тамъ же, 171, 184, 208, 225; Р. Архивъ, 1884/III, 167.

[1]) Сборникъ, XCVIII, 244, 259.
[2]) Р. Старина, 1900/III, 547.

былъ перевезенъ въ Петербургъ. Здѣсь, передъ смертью, его посѣтили Государь и Наслѣдникъ Цесаревичъ. Въ полной памяти, гр. Левашовъ скончался 23 Сентября и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, въ церкви Св. Духа. На выносѣ тѣла изъ дома присутствовали Государь Николай Павловичъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ.

«Отличительными чертами графа», говоритъ не всегда, впрочемъ, безпристрастный баронъ Корфъ, «при усердномъ и безотчетномъ исполненіи воли царской, были: тиранический деспотизмъ надъ всѣмъ, отъ него зависѣвшимъ, и, несмотря на очень ограниченную способность къ дѣлу, безмѣрное тщеславіе. Государь выразился о немъ такъ: «Душевно жалѣю о Левашовѣ, потому что видѣлъ съ его стороны самое строгое и ревностное исполненіе моихъ приказаній». Въ публикѣ онъ не пользовался ни особымъ довѣріемъ, ни большимъ уваженіемъ. Кто-то дивился, какъ онъ могъ подпасть холерѣ при своемъ постоянно умѣренномъ образѣ жизни. «Да», говорилъ одинъ изъ остряковъ, «онъ всегда былъ умѣренъ и не только въ образѣ жизни, но во всемъ: въ умѣ, въ способностяхъ, въ правилахъ»... Замѣчательно, какъ тщеславіе Левашова выразилось даже въ одномъ изъ предсмертныхъ распоряженій. Онъ завѣщалъ положить себя въ новомъ парикѣ, въ которомъ не было бы ни одного сѣдого волоса. «Хочу лечь въ землю молодцомъ», говорилъ онъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя ему 10 Октября исполнилось бы 66 лѣтъ, онъ былъ еще совершеннымъ молодцомъ, даже со всѣми пріемами молодого человѣка, которымъ вполнѣ соотвѣтствовали его фигура и весь наружный видъ» [1]). Впрочемъ, эта характеристика барона Корфа не противорѣчитъ и всѣмъ другимъ имѣющимся о гр. В. В. Левашовѣ даннымъ.

Гр. В. В. Левашовъ былъ женатъ 2 раза: первымъ бракомъ на Екатеринѣ Петровнѣ, рожд. Мятлевой (р. 26 Ноября 1800 г., † 21 Марта 1821 г.) и во второй разъ на Евдокіи Васильевнѣ Пашковой (р. 20 Ноября 1796 г., † 23 Мая 1868 г.). Отъ перваго брака у него была только одна дочь — Александра (р. 1821 г., † 11 Ноября 1880 г.; за А. А. Балашовымъ), а отъ второго — сыновья: Николай [2]) (р. 1827 г.; генералъ-адъютантъ) и Владиміръ (свиты Е. В. генералъ-майоръ) и дочь Екатерина (р. 1825 г., † 24 Іюня 1853 г.; за кн. Б. Д. Голицынымъ) [3]).

А. Голомбіевскій.

1) Р. Старина, 1900/III, 583 и 584; Саитовъ, «С.-Петербургскій Некрополь», 75.
2) См. его біографію, кн. IV.
3) Руммель и Голубцовъ, I, 533, 535.

Николай Ивановичъ Де-Прерадовичъ, 1767 — 1843, происходилъ изъ дворянъ Екатеринославской губ. Предки его, австрійскіе сербы, носили первоначально фамилію Прерадовичей, а послѣ возведенія ихъ въ 1722 г. императоромъ Карломъ VI въ дворянское достоинство королевства Венгерскаго [1]) присоединили къ своему родовому прозвищу частицу Де. Въ 1752 г. полковники австрійской службы Шевичъ и Райко (Родіонъ) Степановичъ Де-Прерадовичъ, дѣдъ Николая Ивановича, съ сербскими дружинами переселились изъ Австріи въ Россію и заселили мѣстность между рр. Луганью и Бахмутомъ, притоками Сѣвернаго Донца, получившую названіе Славяно-Сербіи (теперь Славяносербскій уѣздъ Екатеринославской губ.). Отецъ Николая Ивановича, Иванъ Родіоновичъ, командовалъ поочередно полками гусарскими Бахмутскимъ и Иллирическимъ, сформированными изъ приведенныхъ его отцомъ въ Россію сербовъ, затѣмъ — Елизаветградскимъ легкоконнымъ и Нарвскимъ карабинернымъ и дослужился до чина генералъ-майора [2]).

Николай Ивановичъ родился 13 Октября 1767 г. Дѣтство и отрочество его протекли въ суровой обстановкѣ только-что начинавшей заселяться Новороссіи, а 15-лѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ уже на дѣйствительной службѣ въ походѣ; понятно поэтому, что онъ не могъ получить основательнаго научнаго образованія, хотя, по свидѣтельству гр. де-Местра, говорилъ по-нѣмецки, но зато французскаго языка, столь распространеннаго въ то время, онъ не зналъ [3]). 10 лѣтъ отъ рожденія (1 Декабря 1777 г.) Де-Прерадовичъ былъ записанъ кадетомъ въ Волошскій

1) М. арх. М. И. д., III—1, 1804, № 20.
2) М. арх. М. Двора, оп. 354, № 45.
3) J. de Maistre, X, 368.

гус. полкъ и, числясь въ немъ, произведенъ въ адъютанты (24 Ноября 1778 г.) и въ подпоручики (1 Сент. 1781 г.). Будучи переведенъ 20 Февраля 1782 г. въ Украинскій гус. полкъ, онъ вскорѣ принялъ участіе въ походѣ въ Польшу, продолжавшемся съ Іюля 1783 г. по Май 1784 г., и во время похода переведенъ въ Елизаветградскій легкоконный полкъ (25 Декабря 1783 г.) и произведенъ въ поручики. 6 Августа 1787 г. его перевели въ Смоленскій драг. полкъ, въ которомъ онъ прослужилъ, съ небольшимъ перерывомъ, 10 лѣтъ. Въ 1789 г. во время войны съ Турціей Де-Прерадовичъ отправился волонтеромъ на войну и участвовалъ въ сраженіи при Каушанахъ и во взятіи Аккермана и Бендеръ. Лѣтомъ 1792 г. онъ, въ чинѣ капитана (съ 29 Февраля того же года), принялъ участіе въ польскомъ походѣ и былъ въ дѣлахъ при Столбцахъ, Мирѣ и Мстибовѣ. 7 Января 1793 г. онъ былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ секундъ-майора, но черезъ полгода (6 Іюля) снова принятъ въ тотъ же полкъ секундъ-майоромъ [1]).

Въ концѣ царствованія Екатерины II семью Де-Прерадовича постигло горе: отецъ его, сдавая Нарвскій полкъ, подвергся начетамъ и въ продолженіе 3 лѣтъ содержался подъ карауломъ. По вступленіи на престолъ Императора Павла I, Николай Ивановичъ обратился къ нему съ просьбой объ освобожденіи отца и предоставленіи ему возможности оправдаться предъ Государемъ. Просьба не имѣла успѣха, и 14 Декабря 1796 г. послѣдовала Высочайшая резолюція: «Сіе прошеніе приказать возвратить просителю, когда онъ явится» [2]).

Однако, вскорѣ Де-Прерадовичу, повидимому, удалось добиться милости Государя для себя самого: переведенный въ Гусарскій Шевича (Сумской) полкъ, 3 Сентября 1798 г. онъ произведенъ въ подполковники, черезъ 10 дней (13 Сентября) переведенъ въ лб.-гв. Гусарскій полкъ, а на слѣдующій день произведенъ въ полковники. Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра I, измѣнилось положеніе Де-Прерадовича. 9 Декабря 1801 г. ему повелѣно считаться по арміи, и только черезъ 2 года онъ вернулся въ гвардію и быстро достигъ высокаго служебнаго положенія. 19 Марта 1803 г. онъ опредѣленъ въ Кавалергардскій полкъ, а 16 Мая того же года произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ командиромъ этого полка [3]). 26 Ноября 1804 г. Де-Прерадовичу былъ пожалованъ орд. св. Георгія 4 ст. за 25-лѣтнюю службу [1]). Въ 1805 г. онъ принялъ съ полкомъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Кавалергарды выступили въ походъ въ Августѣ. Де-Прерадовичъ, кромѣ полка, командовалъ въ этомъ походѣ бригадой. Еще въ предѣлахъ Россіи у него произошло непріятное столкновеніе съ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. 29 Сентября Цесаревичъ, объѣзжая войска, замѣтилъ бричку, которая, какъ оказалось, принадлежала одному изъ кавалергардскихъ офицеровъ, несмотря на запрещеніе кавалерійскимъ офицерамъ имѣть съ собою въ походѣ повозки, и потребовалъ отъ Де-Прерадовича объясненія. Николай Ивановичъ отвѣтилъ, что бричка слѣдуетъ за полкомъ безъ его вѣдома. Въ тотъ же день Цесаревичъ приказалъ ему сдать командованіе полкомъ и *ѣхать позади полка*, а на слѣдующій день отдалъ приказъ, по которому Де-Прерадовичу «за слабое смотрѣніе и незнаніе, что происходитъ въ командуемомъ имъ полку, отказывается на 24 часа отъ команды полкомъ». Этотъ приказъ не могъ быть исполненъ, потому что еще наканунѣ Николай Ивановичъ, получивъ словесное приказаніе Цесаревича, велѣлъ показывать себя въ полковыхъ рапортахъ больнымъ. Дѣло дошло до Государя, и 10 Октября Цесаревичъ объявилъ Де-Прерадовичу благодарность за содержаніе полка въ порядкѣ и отсутствіе жалобъ со стороны обывателей, тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ числиться больнымъ до прихода полка въ Ольмюцъ, сборное мѣсто русской арміи [2]).

Подъ командой Де-Прерадовича Кавалергардскій полкъ отличился при Аустерлицѣ блестящей атакой, спасшей гвардейскую пѣхоту. Это былъ первый военный подвигъ, совершенный полкомъ. Наградой полковому командиру былъ орд. *св. Георгія* 3 ст. Во время обратнаго похода Де-Прерадовичъ командовалъ 3-мъ эшелономъ гвардейскаго корпуса (кавалергарды и лейбъ-егеря) [3]). Въ Февралѣ 1807 г. Николаю Ивановичу съ полкомъ снова пришлось идти въ походъ по случаю войны съ Франціей, но въ Прусской кампаніи ему не пришлось принять дѣятельнаго участія; во время Фридландской битвы онъ занималъ рѣчныя переправы [4]), а во время Тильзитскаго свиданія командовалъ находившимся противъ Тильзита отрядомъ, который состоялъ изъ преображенцевъ и кавалергардовъ [5]). 28 Октября 1810 г. Де-Прерадовичъ назначенъ команди-

---

1) Леф. арх., Форм. сп., 1834 г., кн. 706.
2) М. арх. М. Двора, оп. 354, № 45.
3) Формулярный списокъ.

1) Полковой архивъ.
2) Панчулидзевъ, «Исторія Кавалергардовъ», III, 27—30, 33.
3) Тамъ же, 79.
4) Висковатовъ, «Исторія Кавалергардовъ», 74.
5) Панчулидзевъ, III, 146.

ромъ 1-й Кирасирской дивизіи, съ оставленіемъ полковымъ командиромъ. 1 Января 1812 г. онъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст., а 15 того же Января назначенъ командиромъ всей гвардейской кавалеріи, съ оставленіемъ въ обѣихъ прежнихъ должностяхъ. Въ Отечественную войну первое столкновеніе Де-Прерадовича съ непріятелемъ произошло 15 Іюля близъ Витебска, когда онъ прикрывалъ лѣвое крыло арьергарда, которое французы пытались обойти [1]). 16 Іюля Дохтуровъ поручилъ ему открыть дорогу къ Смоленску, и онъ блестяще выполнилъ возложенную на него задачу: несмотря на сильную жару, онъ со своимъ отрядомъ, въ составъ котораго, кромѣ кавалеріи, входила и пѣхота, прошелъ безостановочно 75 верстъ въ 38 час. и, не встрѣтивъ на пути непріятеля, 18-го подошелъ къ Смоленску [2]). Въ Бородинскомъ сраженіи Де-Прерадовичъ не участвовалъ, такъ какъ въ этотъ день былъ боленъ, и находился въ Можайскѣ [3]). Затѣмъ Де-Прерадовичъ находился въ дѣлахъ при Тарутинѣ, Малоярославцѣ, Вязьмѣ, Красномъ и при преслѣдованіи непріятеля до границъ Россіи. Въ 1813 г., хотя онъ со ввѣренными ему войсками и участвовалъ во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ (при Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ), но участіе это было незначительно и состояло главнымъ образомъ въ прикрытіи отступленія арміи или въ нахожденіи въ резервѣ. Зато при Кульмѣ Кирасирская дивизія вписала новую славную страницу въ исторію своихъ боевыхъ подвиговъ. Де-Прерадовичу наградой за Кульмъ былъ чинъ генералъ-лейтенанта. Въ 1814 г. въ дѣлѣ у Феръ-Шампенуаза 1 Кирасирская дивизія была отправлена въ бой по личному ходатайству своего командира, и Де-Прерадовичъ рѣшилъ участь боя. За Феръ-Шампенуазъ онъ получилъ украшенную *алмазами шпагу* и иностранные ордена: австрійскій Маріи-Терезіи, прусскій Краснаго Орла 1 ст. и баварскій Максимиліана-Іосифа [4]). Едва кончились военныя дѣйствія, и войска вернулись въ Россію, какъ въ 1815 г., по случаю появленія Наполеона во Франціи, Де-Прерадовичу пришлось снова итти въ походъ, но на этотъ разъ только до Вильны. Весною 1819 г. онъ получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст. за 35-лѣтнюю службу, а 22 Іюля того же года назначенъ генералъ-адъютантомъ. Въ 1821 г., передъ выступленіемъ гвардіи въ походъ, ему пожаловано 150.000 р. асс., въ Сентябрѣ же, по окончаніи Бѣшенковичскихъ маневровъ, — орденъ св. Владиміра 2 ст. 1 Декабря того же года онъ назначенъ командиромъ 1 Резервнаго кавалерійскаго корпуса [1]). Болѣе года послѣ этого назначенія Де-Прерадовичъ продолжалъ еще командовать полкомъ, хотя, повидимому, послѣднее время командованіе причиняло ему непріятности и вызвало неудовольствіе начальствующихъ лицъ. Такъ, И. В. Васильчиковъ писалъ въ 1821 г. кн. П. М. Волконскому по поводу инспекторскаго смотра полку, произведеннаго бригаднымъ командиромъ: «Отвѣты были не единодушны; нѣкоторые совсѣмъ не отвѣчали на вопросы, которые имъ дѣлалъ бригадный командиръ; наконецъ, лейбъ-эскадронъ высказалъ претензіи, что не получилъ сапогъ и жалованья, что лосины 21 года имъ не выданы. Бригадный командиръ имъ доказалъ, что ихъ жалобы не основательны... Они почувствовали справедливость словъ бригаднаго командира, и тѣмъ дѣло кончилось. Но это все вамъ доказываетъ неудовольствіе полка на своего полкового командира и необходимость дать другого начальника... Я не желалъ бы повредить такому старому служакѣ, напротивъ; но есть время на все, и, не взваливая на него другихъ недостатковъ, просто нужно сознаться, что онъ слишкомъ старъ для занимаемой имъ должности». «Почему Де-Прерадовичъ не проситъ объ оставленіи командованія полкомъ?» отвѣчалъ на это письмо кн. Волконскій [2]). Наконецъ, 1 Февраля 1823 г. Николай Ивановичъ былъ уволенъ отъ командованія полкомъ по собственному желанію вслѣдствіе другихъ обязанностей [3]). Еще ранѣе, 10 Іюля 1822 г., онъ былъ назначенъ членомъ Высочайше утвержденнаго 18 Августа 1814 г. комитета (Александровскій комитетъ о раненыхъ). Въ 1824 г. получилъ орденъ св. Александра Невскаго; 10 Ноября того же года назначенъ временнымъ военнымъ губернаторомъ Выборгской стороны для поданія помощи пострадавшимъ отъ наводненія, но исполнялъ эти обязанности недолго, такъ какъ по смерти Уварова, какъ старшій, вступилъ въ командованіе гвардейскимъ корпусомъ [4]). 1 Января 1825 г. Де-Прерадовичъ получилъ украшенную алмазами золотую табакерку съ портретомъ Государя, 25 Декабря — алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго, 22 Августа 1826 г. — чинъ генерала-отъ-кавалеріи, 10 Августа 1828 г. зачисленъ въ списки Кавалергардскаго полка [5]). Въ 1828 г., по отъѣздѣ командира

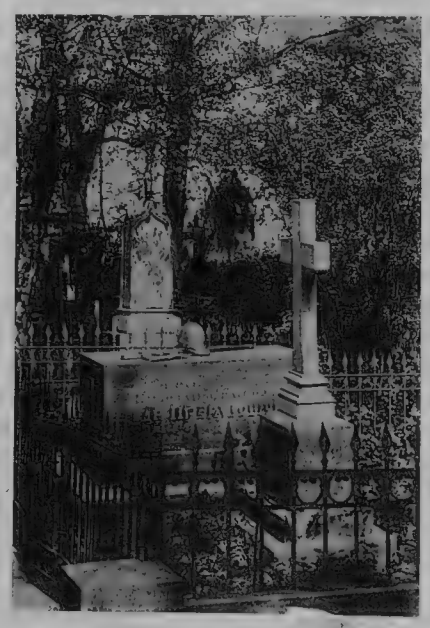
---

[1]) Висковатовъ, 82.
[2]) Панчулидзевъ, III, 183, 184, 292, 294 и 297.
[3]) Висковатовъ, 88.
[4]) Формулярный списокъ.

[1]) Формулярный списокъ.
[2]) Р. Архивъ, 1875/II, 91, 461.
[3]) Висковатовъ, 123.
[4]) Формулярный списокъ; Сборникъ, LXXVIII, 381.
[5]) Формулярный списокъ.

гвардейскаго корпуса, Вел. Кн. Михаила Павловича въ Турцію, Де-Прерадовичу предписано было принять начальство надъ войсками гвард. корпуса, выступающими въ походъ, и пожаловано вспомоществованіе въ размѣрѣ 50.000 р. асс. Подъ его начальствомъ гвардія совершила походъ въ Турцію. По переходѣ черезъ Дунай, 12 Августа онъ сдалъ командованіе Великому Князю [1]). 3 Декабря 1828 г. Де-Прерадовичъ получилъ орд. св. Владиміра 1 ст., а пожалованная еще въ 1816 г. аренда въ 2000 р. сер. продолжена на 12 лѣтъ. Въ 1829 г. онъ получилъ «за особенные труды въ теченіе войны» украшенную алмазами золотую табакерку съ портретомъ Государя, годовое жалованье и 50.000 р. асс. Съ 25 Декабря 1830 г. по 17 Февраля 1832 г. онъ командовалъ войсками гвардейскаго корпуса, не ушедшими въ походъ въ Польшу; въ 1833 г. пожаловано ему, вмѣсто аренды, по 4000 руб. сер. въ годъ на 12 лѣтъ. 28 Февраля 1835 г. Де-Прерадовичъ уволенъ по прошенію отъ командованія корпусомъ [2]). Просить объ увольненіи заставилъ его преклонный возрастъ; по словамъ Н. Н. Муравьева, онъ былъ въ это время до такой степени глухъ, что нужно было всякое слово кричать ему по нѣскольку разъ [3]). По оставленіи должности корпуснаго командира Де-Прерадовичъ до самой предсмертной болѣзни занимался усердно дѣлами Комитета о раненыхъ. Онъ скончался 16 Декабря 1843 г. и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Имя Де-Прерадовича должно занять почетное мѣсто въ исторіи Кавалергардскаго полка, совершившаго свои подвиги подъ его начальствомъ. Какъ командиръ, онъ былъ довольно взыскателенъ и скупъ на похвалы, будучи того мнѣнія, что «всякій офицеръ, особливо Кавалергардскій, исправляя порученіе хорошо, ничего больше не сдѣлалъ, какъ долгъ свой» [4]). Отдавая въ приказахъ свою благодарность, онъ обыкновенно мотивировалъ ее и часто прибавлялъ пожеланіе дальнѣйшаго усовершенствованія; въ случаѣ же необходимости не останавливался передъ выговоромъ въ довольно рѣзкой формѣ. Придерживаясь въ служебномъ отношеніи строгой дисциплины, Николай Ивановичъ считалъ, что внѣ службы и начальники, и подчиненные равны. С. Г. Волконскій разсказываетъ, какъ послѣ устроеннаго Кавалергардами обѣда, за которымъ было выпито много шампанскаго, участники стали показывать свою ловкость въ прыганьѣ, и Де-Прерадовичъ не отставалъ отъ другихъ [1]). Зато офицеры и любили своего командира. Любовь ихъ особенно обнаружилась, когда Николаю Ивановичу едва не пришлось выйти въ отставку вслѣдствіе неудовольствія Императора Александра Павловича, вызваннаго поведеніемъ кавалергардовъ. Государь, по словамъ С. Г. Волконскаго, былъ недоволенъ ихъ вольнодумствомъ и поручилъ Уварову передать Де-Прерадовичу, что тотъ составилъ ему корпусъ не офицеровъ, а вольнодумцевъ. Замѣчаніе Государя огорчило Николая Ивановича. Собравъ всѣхъ офицеровъ, онъ сообщилъ имъ слова Государя и объявилъ, что, несмотря на всю любовь и уваженіе къ полку, вынужденъ подать въ отставку. Офицеры, за исключеніемъ троихъ, просили его не покидать ихъ и взять обратно прошеніе объ отставкѣ. Де-Прерадовичъ, тронутый ихъ просьбой, отвѣтилъ, что не можетъ лично отъ себя просить о возвращеніи прошенія. Тогда офицеры послали къ Уварову депутацію съ просьбой не давать хода прошенію ихъ любимаго начальника, и прошеніе было возвращено [2]). Волконскій относитъ это событіе приблизительно къ 1811 г., но, можетъ-быть, его скорѣе слѣдуетъ отнести къ 1807 г.: 31 Декабря этого года Де-Прерадовичъ дѣйствительно представилъ шефу полка



Могила Н. И. Де-Прерадовича.

прошеніе на Высочайшее имя объ увольненіи отъ службы за болѣзнью [3]).

---

[1]) Лукьяновичъ, «Исторія войны 1828 и 1829 гг.», II, 1—7; III, 266.
[2]) Формулярный списокъ.
[3]) Р. Архивъ, 1899/III, 405.
[4]) Полк. приказъ 3 Іюня 1815 г.

[1]) «Записки С. Г. Волконскаго», 70.
[2]) Тамъ же, 130.
[3]) Исходящій журналъ 1807 г., № 912.

Де-Прерадовичъ былъ очень заботливымъ и снисходительнымъ командиромъ по отношенію къ нижнимъ чинамъ, сберечь которыхъ онъ старался, насколько было возможно: принималъ мѣры къ уменьшенію заболѣваній и лѣченію больныхъ; чтобы не изнурять людей конными и пѣшими ученіями, производилъ ихъ не раньше 8-9 часовъ, а лѣтомъ до наступленія жары или послѣ нея. Наказанія, налагавшіяся имъ на нижнихъ чиновъ, были умѣренны [1]). Особенно гуманно относился онъ къ молодымъ солдатамъ, совершившимъ по незнанію проступки, за которые полагалось суровое наказаніе, напр., шпицрутены [2]). Распоряженія Де-Прерадовича, касавшіяся обученія солдатъ, по отзыву полкового историка, весьма замѣчательны для того времени. Несмотря на то, что много труда затрачивалось на построенія, не имѣвшія никакого тактическаго значенія, строевое образованіе полка какъ въ парадномъ, такъ и въ боевомъ отношеніи было высокое. Требованія, предъявлявшіяся Де-Прерадовичемъ относительно порядка при походныхъ движеніяхъ, были разумны и снисходительны [3]), и, благодаря этому, онъ во всѣхъ походахъ съумѣлъ сохранить свой полкъ отъ изнуренія. *Безукоризненно честный, не допускавшій не только «ґрѣшныхъ», но и «безґрѣшныхъ» доходовъ,* Де-Прерадовичъ много заботъ прилагалъ и къ сбереженію коней: требовалъ «тѣла» лошадей и не допускалъ экономіи отъ фуража. Онъ дѣлалъ строгіе выговоры тѣмъ эскадроннымъ командирамъ, у которыхъ было много больныхъ, ссадненныхъ и потертыхъ лошадей, приписывая это обстоятельство ихъ худому смотрѣнію, и, наоборотъ, выражалъ свою благодарность тѣмъ командирамъ, у которыхъ такихъ лошадей совсѣмъ не было или было мало [4]).

Въ частной своей жизни Де-Прерадовичъ былъ, судя по немногимъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, жизнерадостнымъ человѣкомъ, не отказывавшимся при случаѣ и выпить, и потанцовать, и страстнымъ игрокомъ, способнымъ просидѣть за бостономъ нѣсколько ночей подъ рядъ [5]). Какъ человѣкъ, онъ былъ, по отзывамъ современниковъ, въ высшей степени добръ и честенъ, но не отличался образованностью и большими умственными способностями. Н. Н. Муравьевъ прямо называетъ его, можетъ-быть, нѣсколько увлекаясь, человѣкомъ недалекимъ, извѣстнымъ по ограниченности своихъ способностей [1]). Указанныя свойства были причиной того, что онъ никогда не игралъ видной самостоятельной роли, но не мѣшали ему честно исполнять свой долгъ.

Де-Прерадовичъ былъ женатъ на Натальѣ Павловнѣ Алединской (1778—1862) и имѣлъ отъ этого брака 2 сыновей (Николая [2]) и Михаила) и 2 дочерей (Екатерину и Анну). Личное его состояніе было незначительно: онъ владѣлъ 250 душами въ Бахмутскомъ уѣздѣ [3]).

Н. Чулковъ.

Владиміръ Матвѣевичъ Вороздинъ 2-й, 1781—, братъ Николая Матвѣевича [4]), въ 1785 г. зачисленъ сержантомъ въ Семеновскій полкъ, въ 1796 г. произведенъ въ Кексгольмскій мушк. полкъ подпоручикомъ, въ 1798 г. поручикомъ, въ 1800 г. шт.-капитаномъ. 17 Марта 1803 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ поручикомъ, въ 1806 г. произведенъ въ шт.-ротмистры, въ 1808 г. въ ротмистры, въ 1813 г. въ полковники, 28 Января 1816 г. переведенъ въ Глуховскій кирас. полкъ полковымъ командиромъ, въ 1819 г. произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 1 Драг. дивизіи, въ 1822 г. назначенъ командиромъ 2 бриг. 1-й Конно-егерской дивизіи, а въ 1823 г. уволенъ отъ службы. Участвовалъ въ сраженіи подъ Аустерлицемъ и награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст.; въ кампаніи 1807 г.; въ Бородинскомъ бою, гдѣ *раненъ* картечью въ правую ногу и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Долго болѣя отъ раны, Вороздинъ поправился только къ концу 1813 г., и въ Январѣ 1814 г. отправленъ былъ изъ Резервной арміи съ 8 гвардейскими эскадронами, но встрѣтилъ гвардію на обратномъ походѣ и присоединился къ полку въ Вюрцбургѣ. Имѣлъ орденъ св. Георгія 4 ст. за 25 л. службы. Женатъ былъ (послѣ 1816 г.) на дочери г.-м. Сергѣя Алексѣевича Кожина, Елисаветѣ.

У отца Вороздина было 630 душъ въ Опоческомъ и Торопецкомъ уѣздахъ Псковской губерніи [5]).

---

[1]) Панчулидзевъ, III, 428.
[2]) Полк. приказы 30 Августа и 1 Сентября 1815 г.
[3]) Панчулидзевъ, III, 425.
[4]) Полк. приказы: 22 Іюня 1815 г., 21 Августа 1815 г., 3 Августа 1821 г.
[5]) Сборникъ, LXXIII, 12; А. В. Кочубей, «Семейная хроника», 231, 232.

[1]) Р. Арх., 1885/III, 62; 1894/III, 405; «Записки С. Г. Волконскаго», 66, 130.
[2]) См. его біографію.
[3]) Формулярный списокъ.
[4]) См. Сборникъ, кн. II.
[5]) Полк. арх.; Леф. арх., Форм. сп. 1882 г., кн. 5194; Нагр. дѣла, св. 10, д. 12; Руммель и Голубцовъ, I, 389.

Евдокимъ Васильевичъ Давыдовъ 3-й (потомъ 6-й), 1786 — 1843, младшій братъ партизана-поэта, былъ вторымъ сыномъ въ семьѣ. Поступивъ въ 1801 году въ Кавалергардскій полкъ эст.-юнкеромъ, онъ въ слѣдующемъ году былъ произведенъ подпоручикомъ въ лб.-гв. Егерскій баталіонъ. Переведенный снова въ Кавалергардскій полкъ корнетомъ 26 Марта 1803 г. и произведенный въ 1804 г. въ поручики, Давыдовъ принялъ участіе въ кампаніи 1805 г. [1]). При Аустерлицѣ, *получивъ пять ранъ саблею, одну штыкомъ и одну пулею,* Давыдовъ былъ оставленъ замертво на полѣ сраженія. Пролежавъ до ночи, онъ пришелъ въ себя и кое-какъ добрелъ до ближайшей деревни, занятой нашими ранеными. Спустя 3 сутокъ, двое раненыхъ кавалергардовъ уговорили Давыдова пойти вслѣдъ за отступавшей русской арміей; на пути они были настигнуты эскадрономъ французскихъ конно-гренадеръ, отряженнымъ для собиранія раненыхъ, и попали въ плѣнъ. Къ счастію для Давыдова, эскадронный командиръ отдалъ его въ распоряженіе одного изъ своихъ офицеровъ, поручика Серюга, племянника Маре (герц. Бассано). Серюгъ принялъ въ изнемогавшемъ отъ ранъ и голода плѣнникѣ живѣйшее участіе. Посадивъ его на лошадь, Серюгъ доставилъ Давыдова до ближайшей деревни и оттуда отправилъ въ Брюнъ, гдѣ находилась главная квартира Наполеона [2]). Въ лазаретѣ Наполеонъ, обходя больныхъ, спросилъ Давыдова: — «Combien de blessures, monsieur?» — «Sept, Sire», отвѣтилъ Давыдовъ. — «Autant de marques d'honneur» [3]).

По возвращеніи изъ плѣна, Давыдовъ былъ награжденъ золотою шпагой и 1 Ноября 1806 г. произведенъ въ штабсъ-ротмистры. Едва оправившись отъ ранъ, онъ снова принялъ участіе въ борьбѣ съ Наполеономъ, участвуя съ полкомъ въ кампаніи 1807 года. По возвращеніи въ Россію, Давыдовъ 11 Февраля 1808 г. былъ назначенъ адъютантомъ къ г.-л. кн. Горчакову и во время Финляндской кампаніи состоялъ при главной квартирѣ гр. Буксгевдена [1]). Въ спискѣ чиновъ, отличившихся при осадѣ Свеаборга, молодой штабсъ-ротмистръ аттестованъ Буксгевденомъ, какъ офицеръ, который «исправлялъ возложенныя на него порученія съ расторопностью и оказывалъ неустрашимость». Посланный затѣмъ въ корпусъ Раевскаго, дѣйствовавшій на сѣверѣ Финляндіи, Давыдовъ и здѣсь «отличною храбростію и примѣрнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей обратилъ на себя непосредственное вниманіе начальства» [2]). Находясь всегда въ авангардѣ, онъ принималъ участіе въ дѣлахъ при Кушлейно, при Наухамисбо, при Куортанѣ, и получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ при занятіи г. Аленберга, «оказывая всюду примѣрную храбрость и примѣромъ своимъ воодушевляя стрѣлковъ» [3]).

Въ 1809 г. Давыдовъ былъ произведенъ въ ротмистры и, взявъ отпускъ, занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ денежныхъ дѣлъ. На родовомъ имѣніи, которымъ онъ владѣлъ сообща съ братомъ своимъ Денисомъ, лежалъ долгъ, сдѣланный ихъ отцомъ и простиравшійся до 100/т. рублей. Какъ разъ въ это время выступили со своими требованіями кредиторы; одинъ изъ нихъ, надв. совѣтникъ Федоръ Беклешовъ, особенно настойчиво требовалъ немедленной уплаты 3300 р. по векселю, выданному отцомъ Давыдовыхъ. Братья ссылались на то, что имѣніе ихъ заложено въ Государственномъ банкѣ; тогда проситель указалъ, какъ на источникъ для удовлетворенія его претензій, на принадлежавшія Давыдовымъ села Андрейково и Кеначево въ Псковскомъ уѣздѣ и село Степановское — въ Островскомъ, чистаго дохода съ которыхъ, за уплатою банку 2400 р., остается 850 р. Послѣ долгой переписки между братьями, служившими тогда уже въ разныхъ полкахъ, кредиторъ былъ удовлетворенъ [4]), окончательно же распутаться съ долгами Давыдовымъ удалось лишь послѣ Отечественной войны, когда за ихъ заслуги были сложены, по распоряженію Александра I, всѣ ихъ казенные долги.

---

[1]) Леф. арх., Дѣла Инсп. деп., Форм. сп. 1844 г., св. 1165, д. 909.

[2]) Сочиненія Д. Давыдова, изд. 1893 г., I, 284—286.

[3]) Р. Архивъ, 1866 г., 914.

---

[1]) Формулярный списокъ.

[2]) Леф. арх., оп. 152, св. 566, л. 2.

[3]) Формулярный списокъ.

[4]) Уничт. бум. арх. Сената.

Въ Отечественную войну и въ кампанію 1813—1814 гг. Давыдовъ находился въ рядахъ Кавалергардскаго полка и участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи, гдѣ командовалъ эскадрономъ, былъ *раненъ* и получилъ орд. св. Анны 2 ст. За сраженіе при Кульмѣ (17 и 18 Авг. 1813 г.) произведенъ въ полковники; подъ Фершампенуазомъ Давыдовъ командовалъ 2-мъ дивизіономъ и при атакѣ французской кавалеріи участвовалъ во взятіи 4 орудій, за что награжденъ орд. *св. Георгія* 4 ст. [1]) и получилъ прусскій орденъ «Pour le mérite» и баварскій—Максимиліана.

Въ 1818 г. Давыдовъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ, а въ слѣдующемъ, 6 Марта, начальникомъ штаба 6-го пѣх. корпуса и въ томъ же году переведенъ въ свиту Е. В. по квартирмейстерской части. Въ 1820 г. Давыдовъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ состоять при дивизіонномъ начальникѣ сначала 3-й, а потомъ 2-й Кирасирской дивизіи [2]). Братъ Денисъ, Ермоловъ и Закревскій принимали большое участіе въ его служебной карьерѣ и находились по этому поводу въ постоянной перепискѣ между собою. 15 Октября 1821 г. Ермоловъ писалъ Закревскому: «Евдокимъ прекрасно проводитъ время и малый любезный. Съ нимъ большое дѣлаютъ свинство, что не даютъ бригаду, тогда какъ есть многіе командиры въ поношеніе человѣчества» [3]). Наконецъ, 6 Февраля 1823 г., состоялось назначеніе его командиромъ 2-й бриг. 3-й Кирасирской дивизіи. Въ 1825 г. онъ былъ перемѣщенъ въ 1 бриг. 2 Кирасирской дивизіи, въ 1828 г. зачисленъ по кавалеріи и, наконецъ, въ 1834 г. занялъ должность предсѣдателя комиссіи военнаго суда при Московскомъ ордонансъ-гаузѣ [4]). Эту должность онъ занималъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1843 г. отъ рака на языкѣ [5]). Въ послѣдніе годы жизни Давыдовъ неоднократно получалъ награды орденами и деньгами. Такъ, въ 1836 г., ему былъ пожалованъ орденъ св. Станислава 2 ст., а въ слѣдующемъ тотъ же орденъ 1 ст.; въ 1841 г. онъ дважды получилъ пособіе по 1500 р., въ 1843 г. ему было назначено въ пособіе 600 червонцевъ и, кромѣ того, еще 838 р. 50 к.

Давыдовъ былъ женатъ на дочери г.-м. Николая Алексѣевича Ермолова, Екатеринѣ Николаевнѣ, и имѣлъ двухъ сыновей: Николая (кавалергарда) и Василія [6]).

[1]) Леф. арх., Нагр. дѣла, св. 15, д. 12.
[2]) Формулярный списокъ.
[3]) Сборникъ, LXXIII, 173.
[4]) Формулярный списокъ.
[5]) Р. Архивъ, 1901/XII, 464.
[6]) Формулярный списокъ.

Отличаясь живымъ и сообщительнымъ характеромъ, Е. В. Давыдовъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Денисомъ, считался однимъ изъ остряковъ своего времени [1]). Онъ находился въ постоянной дружеской перепискѣ съ княземъ П. А. Вяземскимъ, А. И. Тургеневымъ, Закревскимъ и другими выдающимися дѣятелями эпохи; въ ихъ воспоминаніяхъ и письмахъ, вмѣстѣ съ именемъ Дениса Давыдова, часто встрѣчается и имя его менѣе извѣстнаго брата. Могила Е. В. Давыдова находится въ Московскомъ Покровскомъ монастырѣ.

Н. Совѣтовъ.

Николай Ивановичъ Вѣлавинъ 1-й, 1784—, изъ древняго рода Нижегородскихъ дворянъ, сынъ ген.-лейт. Ивана Савиновича, на службу поступилъ 20 Февраля 1800 г. подпрапорщикомъ въ Преображенскій полкъ. 1 Октября 1802 г. переведенъ эст.-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; въ 1803 г. произведенъ въ корнеты, въ 1804 г. въ поручики; въ 1805 г. назначенъ полковымъ квартермистромъ; въ 1807 г. произведенъ въ шт.-ротмистры; 6 Января 1809 г. уволенъ въ отставку ротмистромъ и съ мундиромъ. Въ 1811 г. вновь поступилъ майоромъ въ Глуховской

[1]) Вотъ одинъ изъ анекдотовъ о его остроуміи: однажды, разстроенный немного тѣмъ, что жена его куда-то ускакала,... онъ сказалъ находившемуся тутъ же кн. К. А. Черкасскому: «Скажу вамъ, любезнѣйшій мой, что я пришелъ къ убѣжденію, что человѣку невозможно одновременно обзавестись каретою и женою; если желаешь имѣть дома жену, такъ не покупай кареты; а если уже не можешь обойтись безъ кареты, такъ не женись. И такъ, выбирай одно изъ двухъ». (Р. Архивъ, 1901/XII, 464).

кирас. полкъ и вслѣдъ за этимъ назначенъ адъютантомъ къ тестю своему г.-л. Эртелю; въ 1813 г. произведенъ въ подполковники и 19 Февраля 1816 г. уволенъ отъ службы полковникомъ. Съ 1821 г. былъ избираемъ три трехлѣтія Новгородскимъ губернскимъ предводителемъ; въ 1823 г. былъ пожалованъ алмазными знаками ордена св. Анны 2-й ст. Въ 1826 г. произведенъ въ статскіе совѣтники. Въ 1831 г. уволенъ по болѣзни отъ должности губернскаго предводителя, а въ 1833 г. вновь имъ избранъ. Въ 1834 г. ему пожаловано изъ Государств. Казначейства на 10 лѣтъ безъ процентовъ 25/т. рублей; въ 1835 г. получилъ Высочайшее благоволеніе за полезное содѣйствіе къ открытію въ Новгородѣ при гимназіи благороднаго пансіона и произведенъ въ дѣйств. ст. совѣтники. Въ 1836 г. получилъ Высочайшее благоволеніе за усердіе, оказанное имъ въ исполненіи обязанностей предсѣдателя въ Боровичскомъ рекрутскомъ присутствіи. По именному Высочайшему указу 1 Марта 1836 г. возведенъ въ званіе Новгородскаго губернскаго предводителя дворянства на 6 трехлѣтіе. Въ 1837 г. получилъ «особенное Монаршее благоволеніе за отлично-усердную службу, за благонамѣренныя на пользу ея дѣйствія, за дѣятельное участіе и похвальную заботливость, оказанную въ произведенномъ въ 1836 г. общемъ рекрутскомъ наборѣ». Въ 1840 г. награжденъ орденомъ св. Станислава 1-й ст.

Участвовалъ въ сраженіи подъ Аустерлицемъ и награжденъ орд. св. Анны 4 ст., и въ походѣ 1807 г.; въ 1812 г., въ дѣлахъ при Луцкѣ и Горбачевичахъ (3 и 4 Сент.), награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ; въ 1813 г. при Бауценѣ, Дрезденѣ и Кульмѣ; въ 1814 г. при Бріенѣ и Арси.

Съ 1808 г. былъ женатъ на дочери генерала Эртеля, Маріѣ Федоровнѣ, и въ 1833 г. имѣлъ дѣтей: Эмилію (17 л.), Аделаиду (15 л.) и Модеста (14 л.). Имѣлъ 375 душъ родовыхъ въ Устюжскомъ уѣздѣ и за женою тамъ же 34 дворовыхъ души и каменный домъ въ Петербургѣ [1]).

Владиміръ Ивановичъ Вѣлавинъ 2-й, братъ Николая Ивановича; въ службѣ съ 29 Февраля 1800 г. подпрапорщикомъ въ Преображенскомъ полку, откуда 1 Октября 1802 г. переведенъ юнкеромъ въ кавалергарды, 25 Марта 1803 г. эст.-юнкеромъ и 25 Іюня того же года корнетомъ, въ 1804 г. поручикомъ. Въ Аустерлицкомъ сраженіи былъ *раненъ* и награжденъ золотою шпагою. Въ 1807 г. произведенъ шт.-ротмистромъ.

Въ Іюлѣ 1808 г. вступилъ въ бракъ съ дочерью ст. сов. Анною Сергѣевною Шкуриною (р. 16 Сент. 1791 г., † 26 Янв. 1810 г.; погребена на Лазаревскомъ кладбищѣ Ал.-Невск. лавры), а 13 Ноября 1808 г. онъ за раною былъ уволенъ отъ службы, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья. Имѣлъ 1800 душъ при с. Чернухѣ Макарьевскаго у., Нижегородской губерніи [1]).

Николай Николаевичъ Шеншинъ 1-й, 1783—1811, изъ дворянъ Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда, сынъ оберъ-прокурора Сената, д. ст. сов. Николая Ивановича († 1826) и Анастасіи Алексѣевны, рожд. Рагозиной († 1787), 6 Марта 1800 г. поступилъ въ Преображенскій полкъ подпрапорщикомъ, 25 Марта 1803 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ эст.-юнкеромъ и 25 Іюня произведенъ въ корнеты, въ 1804 г. въ поручики, 23 Ноября 1806 г. избранъ полковымъ казначеемъ, въ 1808 г. произведенъ въ шт.-ротмистры, 11 Февраля 1810 г. въ ротмистры. Участвовалъ въ сраженіи при Аустерлицѣ. У отца Шеншина было въ Орловской губ. 2000 душъ крестьянъ.

Шеншинъ былъ убитъ на поединкѣ М. Н. Авдулинымъ. Сохранился слѣдующій разсказъ М. И. Муравьева-Апостола: «Императрица Елисавета Алексѣевна имѣла обыкновеніе гулять въ Лѣтнемъ саду по утрамъ и однажды была испугана появившимся неожиданно въ саду карауломъ кавалергардовъ, возвращавшимся послѣ смѣны въ свои казармы; она сказала объ этомъ Государю, и онъ приказалъ впредь карауламъ не проходить чрезъ Лѣтній садъ. Шеншинъ пошелъ однажды посмотрѣть, исполняется ли въ точности этотъ приказъ, и, войдя въ садъ, увидѣлъ шт.-ротмистра Авдулина, ведущаго свой караулъ по одной изъ аллей. Шеншинъ немедленно напомнилъ ему приказъ, Авдулинъ возразилъ, и слово за слово одинъ другому наговорили дерзостей. Они стрѣлялись, и Шеншинъ былъ убитъ. Несмотря на это, Авдулинъ даже не былъ судимъ и оставался въ полку, какъ будто ничего не происходило».

Насколько вѣренъ этотъ разсказъ, мы, за неимѣніемъ документовъ, не можемъ сказать; по полковому преданію, дуэль происходила въ

---

[1]) Полк. арх.; Арх. Д-та Герольдіи, кн. 92, л. 58; Арх. М. В. д., св. 31; Свѣдѣнія, сообщ. Новгородскимъ депутатскимъ собраніемъ.

[1]) Полк. арх.; Саитовъ, «Пет. Некрополь», 22.

одной изъ офицерскихъ квартиръ и не на пистолетахъ, а на палашахъ.

Поединокъ произошелъ въ самыхъ первыхъ числахъ Мая 1811 г., ибо похороны Шеншина состоялись 6 Мая. Въ тотъ же день было отдано въ приказѣ по полку: «Е. И. В. Государь Цесаревичъ и Вел. Кн. Константинъ Павловичъ приказать изволилъ сдѣлать замѣчаніе гг. полковникамъ Ушакову, барону Левенвольду и Ершову за то, что при погребеніи ротмистра Шеншина не были до конца у церемоніи тогда, когда приказомъ отдано было, чтобъ всѣмъ гг. штабъ- и оберъ-офицерамъ находиться при оной, и всѣ кромѣ ихъ были». Шеншинъ погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры [1]).

Александръ (Александръ-Фердинандъ) **Федоровичъ Сталь 3-й,** 1784—, изъ Эстляндскихъ дворянъ, 2 Іюня 1801 г. поступилъ унтеръ-офицеромъ въ Кавалергардскій полкъ, 25 Марта 1803 г. произведенъ эст.-юнкеромъ, 26 Іюня того же года корнетомъ, въ 1805 г. поручикомъ, 1808 г. шт.-ротмистромъ, въ 1810 г. ротмистромъ, въ 1813 году полковникомъ. 26 Янв. 1818 г. уволенъ отъ службы генералъ-майоромъ и съ мундиромъ. Участвовалъ въ сраженіи подъ Аустерлицемъ, гдѣ *раненъ,* и награжденъ золотою шпагою; въ кампаніи 1807 г.; въ Бородинскомъ боѣ и награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Въ 1813 г. за Кульмское сраженіе награжденъ орд. св. Анны 2 ст., а за сраженіе при Фершампенуазѣ—орд. *св. Георгія* 4 ст. и получилъ ордена: прусскій «Pour le mérite» и баварскій Максимиліана. Командовалъ съ 1813 г. 6-мъ эскадрономъ. Въ 1817 г. вступилъ въ бракъ съ дочерью прапорщика Александрою Васильевною Семевскою [2]).

Князь Иванъ Алексѣевичъ Кропоткинъ, 1777—1866, изъ дворянъ Рязанской губерніи, сынъ воеводы въ Яблоновѣ кн. Ивана Алексѣевича и Ольги Степановны, рожд. Тютчевой, родился 27 Янв. 1777 г. въ Яблоновѣ; воспитывался сначала въ Рязани, во французскомъ пансіонѣ, а затѣмъ въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ въ Петербургѣ; одновременно съ этимъ онъ числился въ службѣ съ 11 Февр. 1785 г. фурьеромъ въ Измайловскомъ полку, 21 Апрѣля подпрапорщикомъ, 8 Іюня того же года сержантомъ. 1 Янв. 1795 г. выпущенъ ротмистромъ въ Полтавскій легкоконный полкъ, въ 1798 г. переведенъ въ Малороссійскій кирас. полкъ и 15 Сент. 1802 г. уволенъ въ отставку майоромъ. 31 Окт. 1803 г. «принятъ паки въ службу и опредѣленъ» въ кавалергарды шт.-ротмистромъ, въ 1806 г. произведенъ въ ротмистры, 29 Сент. 1809 г. уволенъ за раною въ отставку, съ мундиромъ.

Въ Аустерлицкомъ сраженіи кн. Кропоткинъ былъ во время знаменитой атаки кавалергардовъ *раненъ* въ голову и взятъ въ плѣнъ. «При уборкѣ раненыхъ съ поля сраженія онъ отъ сильной потери крови былъ настолько слабъ, что его пришлось везти на лошади. Кн. Кропоткину вмѣстѣ съ другими кавалергардскими офицерами, взятыми въ плѣнъ, было предложено отпустить подъ условіемъ обѣщанія подъ честнымъ словомъ не драться въ продолженіе настоящей войны противъ французовъ. Условіе это было ими отвергнуто. Послѣ отправленія въ Вѣну, гдѣ они терпѣли большое стѣсненіе въ матеріальномъ отношеніи, Императоръ Александръ Павловичъ, узнавъ о тяжкомъ положеніи плѣнныхъ, посылалъ имъ денегъ, что между прочимъ доставило офицерамъ возможность посѣщать театръ. Однажды при выходѣ изъ театра офицеры придумали

Князь И. А. Кропоткинъ.

такую шутку: «они наняли всѣхъ людей съ фонарями и въ сопровожденіи ихъ отправились домой, такъ что остальная публика должна была возвращаться домой въ потемкахъ». По возвращеніи изъ плѣна кн. Кропоткинъ былъ награжденъ золотою шпагою. Тяжелая рана не помѣшала ему участвовать съ полкомъ въ

[1]) Полк. архивъ; Р. Старина, 1873/VI, 794; Руммель и Голубцовъ, II, 707—709; Саитовъ, «Некрополь», 148.

[2]) Полковой архивъ; Руммель и Голубцовъ, II, 358.

походѣ 1807 г., а по возвращеніи изъ похода ему была поручена постройка обмундированія для всего полка. Къ веснѣ слѣдующаго года здоровье Кропоткина ухудшилось: у него оказался «нарывъ внутри уха, изъ коего истекающая матерія запахомъ своимъ, свойственнымъ костоѣдицѣ, побуждаетъ заключать о гнили височной кости, близъ коей онъ былъ раненъ. Сверхъ сего, отъ сотрясенія, напряженія или поврежденія близлежащихъ нервовъ терялъ иногда зрѣніе, чувствуетъ ознобъ и трепетаніе въ суставахъ и подобные чувствительные припадки при сложныхъ огнестрѣльныхъ ранахъ по излеченіи даже наружной раны примѣченные» (т.-е. примѣчаются).

Выйдя въ отставку, кн. Кропоткинъ былъ выбранъ Лужскимъ уѣздн. предводителемъ дворянства и женился на Натальѣ Артамоновнѣ Кожиной, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей и сына Алексѣя (1817 г., женатъ на княжнѣ Антонинѣ Серг. Щербатовой). Кн. И. А. Кропоткинъ владѣлъ имѣніями: въ Рязанской губ. Пронскаго у. с. Носилово, Спасскаго у. с. Половское и Лужскаго у. Петербургской губ. с. Толчино. Въ Носиловѣ и Половскомъ имъ были построены каменныя церкви.

Умеръ 13 Февр. 1866 г. въ с. Половскомъ, гдѣ и похороненъ [1]).

Дмитрій Николаевичъ Плохово, 1784—, въ службу вступилъ унт.-офицеромъ въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ 23 Сентября 1801 г.; переведенъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ 8 Октября того же года, эст.-юнкеромъ 25 Марта и корнетомъ 20 Ноября 1803 г., поручикомъ 4 Іюля 1805 г. Въ Аустерлицкомъ сраженіи Плохово былъ *раненъ* и награжденъ золотою шпагою. 18 Сентября 1806 г. уволенъ въ отставку шт.-ротмистромъ, съ мундиромъ. Черезъ три года (18 Іюня 1809 г.) опредѣленъ въ Экспедицію Кремлевскихъ строеній, съ переименованіемъ въ колл. ассессоры. За родителями его въ разныхъ губерніяхъ состояло 1300 душъ [2]).

Иванъ Семеновичъ Храповицкій 1-й, 1786—1864, изъ дворянъ Смоленской губерніи, сынъ тит. сов. Семена Яковлевича (1752—1819) и его жены Маріи Львовны, рожд. Чернышевой; 14 Октября 1802 г. изъ юнкеровъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ переведенъ эст.-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; 12 Января 1804 г. произведенъ въ корнеты, въ 1805 г. въ поручики, въ 1808 г. въ шт.-ротмистры. Участвовалъ въ сраженіи подъ Аустерлицемъ, за что награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст., и въ кампаніи 1807 г.

8 Декабря 1810 г. Храповицкій уволенъ отъ службы за болѣзнью ротмистромъ; 16 Іюля 1812 г. поступилъ подполковникомъ въ «Московскую военную силу», изъ которой «по случаю роспуска оной» уволенъ 14 Декабря 1814 г. Въ 1818 г. пожалованъ камеръ-юнкеромъ, съ переименованіемъ въ надв. совѣтники, и опредѣленъ въ Московскій архивъ Иностранной коллегіи; 5 Іюля 1820 г. «переведенъ въ вѣдомство министра финансовъ»; 16 Іюля 1821 г. назначенъ Орловскимъ вице-губернаторомъ, съ производствомъ въ колл. совѣтники; въ 1822 году награжденъ орд. св. Анны 2 ст.; въ 1824 году — св. Владиміра 3 ст.; 28 Марта 1824 года назначенъ Московскимъ вице-губернаторомъ; въ 1825 г. произведенъ въ статскіе совѣтники; 22 Августа 1826 г. пожалованъ въ камергеры, 3 Апрѣля 1827 г. назначенъ Нижегородскимъ губернаторомъ; 7 Іюня 1827 г. произведенъ въ дѣйств. статскіе совѣтники, и ему объявлено Высочайшее благоволеніе за пониженіе по Нижегородской губерніи расходовъ на почтовую гоньбу и другія земскія повинности; 27 Января 1826 г. переведенъ губернаторомъ въ

И. С. Храповицкій.

Петербургъ, въ 1830 г. награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст., въ 1832 г. Имп. короной на св. Анну 1 ст.; въ 1834 г. ему назначена аренда по чину на 12 лѣтъ.

Былъ женатъ на дочери отставного бригадира Екатеринѣ Александровнѣ Хоненевой

---

[1]) Полк. архивъ; Долгорукій, I, 117; Свѣдѣнія, сообщ. кн. А. И. Кропоткинымъ.

[2]) Леф. арх., оп. 38, св. 123, д. 439; Сен. архивъ; Форм. сп. 1810 г., № 22, л. 46.

(† 1855 г.) и имѣлъ дѣтей: сына Семена (1811 — 1873; поручика лб.-гв. Гусарскаго полка) и дочь Александру († 1883; за адмираломъ гр. Л. Л. Гейденомъ). У Храповицкаго было 1046 душъ крестьянъ въ губерніяхъ: Смоленской, Владимірской и Саратовской.

А. Фигнеръ въ своихъ воспоминаніяхъ объ А. П. Ермоловѣ упоминаетъ о Храповицкомъ и такъ его характеризуетъ: «Въ числѣ немногочисленныхъ частыхъ посѣтителей Ермолова... мнѣ памятнѣе болѣе другихъ... задушевный пріятель Алексѣя Петровича И. С. Храповицкій, бывшій Петербургскій губернаторъ, носившій вслѣдствіе болѣзни просторное пальто и плисовые сапоги. Пріятная улыбка Ивана Семеновича и постоянно веселое настроеніе были чрезвычайно привлекательны. Достаточно было появленія Ивана Семеновича въ тѣсномъ кружкѣ А. П., чтобы оживить старика и возбудить въ немъ веселость. Иванъ Семеновичъ имѣлъ всегда въ запасѣ интересные анекдоты и мастерски ихъ разсказывалъ. Онъ былъ старшиною англійскаго клуба и всѣми уважаемый его членъ. Ив. Сем. любилъ, чтобы его посѣщали не иначе, какъ къ обѣду».

Умеръ 16 Февраля 1864 г. и погребенъ въ с. Николаевскомъ, Судогодскаго у. Владимірской губерніи [1]).

Федоръ Семеновичъ Уваровъ.

Федоръ Семеновичъ Уваровъ 3-й, 1786—1845, изъ дворянъ Смоленской губ., сынъ флигель-адъютанта Екатерины II, вице-полковника Лейбъ-Гренадерскаго полка Семена Федоровича и жены его Дарьи Ивановны, рожд. Головиной, младшій братъ министра Народнаго просвѣщенія и перваго графа этой фамиліи, рано лишился отца своего; въ 1798 г. зачисленъ юнкеромъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, въ 1799 г. «при реформѣ выключенъ былъ за малолѣтностію», а 7 Іюня 1801 г., по всеподданнѣйшему докладу канцлера гр. А. Р. Воронцова, въ виду того, что «отличаетъ себя особенными успѣхами въ воспитаніи и ученіи», вновь былъ опредѣленъ въ Коллегію тѣмъ же чиномъ, въ 1803 г. произведенъ переводчикомъ, въ 1804 г. опредѣленъ прапорщикомъ въ Лейбъ-Гренадерскій полкъ. 1 Іюня 1804 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ корнетомъ, въ 1805 г. произведенъ въ поручики, въ 1808 г. въ шт.-ротмистры, въ 1811 г. въ ротмистры. Передъ самой Отечественной войной Уваровъ перешелъ (24 Февр.) въ Екатеринославскій кирас. полкъ подполковникомъ и за сраженіе подъ Бородинымъ произведенъ въ полковники. 6 Окт. 1817 г. произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ командиромъ 1-й бриг. 2-й Кирасирской дивизіи, въ 1825 г. назначенъ состоять при дивизіонномъ начальникѣ 2-й Кирас. дивизіи, а 7 Янв. 1827 г. уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ, съ мундиромъ.

Участвовалъ въ сраженіи подъ Аустерлицемъ, за что получилъ орденъ св. Анны 4 ст., и въ кампаніи 1807 года. Въ 1812 г. въ сраженіи подъ Смоленскомъ (4, 5 и 6 Авг.), въ Бородинскомъ бою (24 и 26 Авг.), гдѣ *раненъ* въ правую руку пикою и въ шею получилъ «картечную контузію», за отличіе произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ Екатеринославскаго полка; въ дѣлахъ при Маломъ Ярославцѣ (11 и 12 Окт.), при г. Вязьмѣ (22 Окт.), подъ Краснымъ (5 и 6 Ноября), за что получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ; въ 1813 г. Уваровъ былъ подъ Люценомъ (20 Апр.), подъ Бауценомъ (7 и 8 Мая); въ 1814 г. — при Бріенѣ (20 Янв.), при Баръ-сюръ-Обѣ (15 Февр.), подъ Труа (19 Февр.), при д. Лабрюссель, гдѣ «за отбитіе непріятельскаго орудія» награжденъ орденомъ *св. Георгія* 4 ст.; при д. Арси (9 Марта), въ сраженіи при Фершампенуазѣ (13 Марта) и при взятіи Парижа (18 Марта), за что получилъ орд. св. Владиміра 3 ст. Уваровъ имѣлъ, кромѣ того, прусскій орденъ «за достоинства». Уваровъ считался отличнымъ полковымъ командиромъ.

[1]) Арх. М. Вн. д., 1835 г., св. 29, д. 74; М. арх. М. И. д., IV—13—1803—5; IV—1—1818—41; IV—8—1818—5; IV—13—1820—2; Общ. арх. М. Двора, оп. 1359, кн. 4, л. 136; Лобановъ-Ростовскій, II, 357; Руммель и Голубцовъ, II, 602 — 604; «Ист. В—къ», 1881 г., I, 151.

У Уварова было 1763 души въ с. Холму Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губ., гдѣ по выходѣ въ отставку жилъ безвыѣздно, занимаясь садоводствомъ. Умеръ въ Іюнѣ 1845 г. холостымъ [1]).

Гаврила Александровичъ Анненковъ 2-й, 1786—1845, изъ Пензенскихъ дворянъ, сынъ гв. прапорщика Александра Васильевича; началъ службу 12 Декабря 1801 г. унт.-офицеромъ въ Екатеринославскомъ кирас. полку, откуда 25 Марта 1802 г. переведенъ эст.-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; въ 1804 г. произведенъ корнетомъ, въ 1806 г. поручикомъ; участвовалъ съ полкомъ въ 1807 г. въ походѣ въ Пруссію и 15 Ноября 1807 г. уволенъ за болѣзнью отъ службы шт.-ротмистромъ, съ мундиромъ. 1 Января 1809 г. Анненковъ былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ и опредѣленъ за оберъ-прокурорскій столъ во 2-мъ департаментѣ Сената. 10 Февраля 1810 г. уволенъ отъ службы, съ чиномъ дѣйств. ст. совѣтника. Въ 1818 г. опредѣленъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ въ Коммиссію составленія законовъ. Въ 1819 г. пожалованъ орд. св. Анны 2-й ст., въ 1822 г. тѣмъ же орденомъ съ алмазными украшеніями. 29 Января 1826 г. уволенъ отъ службы.

Г. А. Анненковъ.

Былъ женатъ 1-мъ бракомъ на дочери Пензенскаго помѣщика Надеждѣ Артамоновнѣ Кожиной († до 1826 г.) и 2-мъ—(17 Янв. 1832 г.) на дочери тит. сов. Александрѣ Ив. Евдокимовой; отъ этого брака имѣлъ дѣтей: Петра, Софью, Авдотью и Петра (р. 1830 г.).

Имѣлъ 865 душъ въ Саранскомъ и Инсарскомъ уѣздахъ Пензенской губ.

Скончался въ с. Анненковомъ 29 Августа 1845 г., гдѣ и погребенъ. Вдова его скончалась въ Павловскѣ въ 1869 г. и погребена на Казанскомъ кладбищѣ около храма съ лѣвой стороны [1]).

Графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ, 1788 — 1833, происходилъ изъ голландской фамиліи ванъ-Сухтеленъ, получившей отъ Императора Александра I сначала баронское (6 Сентября 1812 г.), а за тѣмъ графское достоинство (21 Янв. 1822 г.) Великаго Княжества Финляндскаго въ лицѣ отца его, извѣстнаго инженеръ-генерала и русскаго посланника въ Стокгольмѣ, Петра Корниліевича Сухтелена (1751—1836), поступившаго въ 1782 г. на русскую службу и въ 1806 г. принявшаго со всѣмъ семействомъ русское подданство.

П. П. Сухтеленъ родился въ С.-Петербургѣ 23 Августа 1788 г. отъ брака его отца съ Эмеренціей-Вильгельминой Гартингъ (р. 1756 г.). Петръ Корниліевичъ, человѣкъ выдающагося ума и обширной учености, библіофилъ, обладатель громадной и цѣнной библіотеки, собиратель коллекцій ландкартъ, монетъ и медалей, въ теченіе 4 царствованій подвизался на поприщахъ военномъ, инженерномъ и дипломатическомъ (присоединеніе Финляндіи въ 1809 г.), пользуясь постояннымъ расположеніемъ и довѣріемъ четырехъ государей и всеобщей любовью, какъ человѣкъ. Подъ руководствомъ отца, отъ котораго онъ унаслѣдовалъ «благороднѣйшій характеръ», П. П. Сухтеленъ, «съ дѣтскихъ лѣтъ являвшій прекрасныя качества ума и сердца», получилъ блестящее образованіе, развившее его «отличнѣйшія способности». Сынъ не былъ ученымъ, какъ его отецъ, но былъ широко образован-

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх.; Форм. сп. 1825 г., кн. 7273; М. арх. М. И. д., IV—1—1801—88; IV—7—1803—20; Вигель, IV, 169; Р. Арх., 1871 г., стр. 63; Долгоруковъ, II, 270; Свѣдѣнія, сообщ. кн. А. Д. Голицынымъ.

[1]) Полк. архивъ; Арх. Д-та Герольдіи, св. 75 по Пензенской губерніи; Свѣдѣнія, сообщ. П. П. Анненковымъ.

нымъ, гуманнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ. Подобно отцу, онъ пользовался всеобщимъ расположеніемъ, а съ первымъ, имѣвшимъ несчастіе пережить сына, былъ до конца жизни въ близкихъ и наилучшихъ отношеніяхъ. 11 Августа 1811 г. С. Н. Марковъ писалъ изъ Петербурга гр. М. С. Воронцову: «Письмо это тебѣ отдастъ Сухтеленъ; онъ важный малый, и я надѣюсь, что ты его полюбишь, ибо онъ не изъ числа молодыхъ людей, которые, кромѣ себя, никого не почитаютъ, которые презираютъ всѣхъ, кто прежде ихъ родился. Онъ даже тѣмъ страненъ, что слушаетъ и любитъ своего отца». Скупой на похвалы Вигель такъ характеризуетъ этого «важнаго малаго»: «Мой Сухтеленъ также съ начала со мною поднялъ носъ; но онъ такъ неловко чванился, такъ мило пришепетывалъ, что я не могъ на него долго сердиться, и онъ самъ, наконецъ, почувствовалъ, какъ это смѣшно. Когда съ лѣтами прошло его легкомыслiе, остались одни его прекрасныя, благородныя свойства. Онъ былъ полезенъ, какъ воинъ и какъ гражданинъ, стоялъ уже на высокой степени, начиналъ Россіи замѣнять отца, какъ внезапная смерть похитила его у обоихъ, и пережившій его старецъ осужденъ былъ нѣсколько лѣтъ оплакивать его потерю».

П. П. Сухтеленъ началъ службу подъ начальствомъ отца, 26 Января 1802 года, колонновожатымъ въ свитѣ Е. И. В., по квартирмейстерской части; Петръ Корниліевичъ былъ тогда генералъ-квартирмейстеръ.

Молодой Сухтеленъ не провелъ и года въ званіи колонновожатаго. 23 Сентября того же года онъ былъ произведенъ въ подпоручики квартирмейстерской части, а чрезъ годъ переведенъ, по собственному его желанію, корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ. Семнадцати лѣтъ ему уже пришлось выступить на боевое поприще.

Въ Сентябрѣ 1805 года началась первая война Александра съ Наполеономъ. Сухтеленъ, состоявшій въ 4 эскадронѣ Кавалергардскаго полка, выступилъ съ нимъ въ походъ и 19 прибылъ подъ Аустерлицъ. Кавалергардскій полкъ находился въ послѣднемъ эшелонѣ ген. Малютина и вмѣстѣ съ лб.-казаками и лб.-гренадерами составлялъ резервъ гвардіи. Во время знаменитой атаки кавалергардовъ подъ Аустерлицемъ 4-й эскадронъ былъ почти весь истребленъ. Въ числѣ раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ офицеровъ былъ и Сухтеленъ, получившій *сабельный ударъ въ голову* и *контуженный ядромъ* въ правую ногу. Отецъ Сухтелена, участвовавшій въ томъ же сраженіи, состоя при Государѣ, узналъ о плѣнѣ своего 17-лѣтняго сына.

Отправляясь послѣ сраженія ночевать въ Позоржицъ, Наполеонъ встрѣтилъ дорогою нашихъ плѣнныхъ и, узнавъ, что между ними есть гвардейскіе офицеры, потребовалъ къ себѣ старшаго изъ нихъ. Явился кн. Репнинъ. «Вашъ полкъ честно исполнилъ свой долгъ», сказалъ ему Наполеонъ и, замѣтивъ Сухтелена, прибавилъ: «онъ слишкомъ молодымъ вздумалъ тягаться съ нами».—«Молодость не мѣшаетъ быть храбрымъ», смѣло отвѣчалъ Сухтеленъ. «Хорошій отвѣтъ, молодой человѣкъ! Вы далеко уйдете» [1]). Въ Апрѣлѣ 1806 года Сухтеленъ возвратился въ Россію и получилъ за Аустерлицъ золотую шпагу съ надписью: «за храбрость», и въ томъ же году, 15 Іюня, былъ произведенъ въ поручики. Въ Февралѣ 1807 г. Сухтеленъ, вернувшись изъ Швеціи, выступилъ съ Кавалергардскимъ полкомъ въ походъ и продѣлалъ всю кампанію съ полкомъ. Послѣ Тильзитскаго мира онъ былъ командированъ сопровождать отца, обозрѣвавшаго западныя границы Россіи, отъ Балтійскаго моря до Чернаго, съ цѣлью «снятія мѣстоположенія» и нанесенія на карту, и по возвращеніи изъ этой командировки былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст.

Во время Шведской войны Сухтеленъ опять состоялъ при своемъ отцѣ, находившемся при главнокомандующемъ гр. Буксгевденѣ, и былъ съ нимъ при занятіи Ловизы, Борго и Гельсингфорса. Во время осады Свеаборга онъ первый былъ посланъ для переговоровъ съ шведскимъ адмираломъ Кронштетомъ о сдачѣ крѣпости. Закончены переговоры были отцомъ Сухтеленомъ, и результатомъ ихъ была сдача Свеаборга. Графъ Буксгевденъ въ своемъ представленіи писалъ, что молодой Сухтеленъ «храбростью, трудами и благоразумными распоряженіями, въ разныхъ случаяхъ оказанными, заслуживаетъ особеннаго Монаршаго благоволенія»...

Награжденный званіемъ флигель-адъютанта, Сухтеленъ участвовалъ и въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ шведовъ, въ Карелiи и Саволаксѣ, былъ въ дѣлахъ при Иденсальми, Куопіо и Лапфіордѣ и награжденъ бантомъ къ ордену св. Владиміра 4 ст.; былъ при завоеваніи Аландскихъ острововъ, доходилъ до Улеаборга. Въ 1809 году онъ совершилъ съ Кульневымъ переходъ по льду Ботническаго залива на шведскій берегъ. 10 Мая того же года онъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры, а спустя годъ ѣздилъ въ Швецію, состоя при отцѣ во время чрезвычайнаго его посольства въ Стокгольмъ. По возвращеніи оттуда получилъ перстень (въ 750 рублей) и просилъ назначенія въ дѣйствующую южную армію. Въ половинѣ Ав-

[1]) См. біографію кн. Н. В. Репнина и кн. И. А. Кропоткина.

густа 1811 г. Сухтеленъ былъ уже на Дунаѣ въ главной квартирѣ Кутузова.

Желая нанести туркамъ рѣшительный ударъ, Кутузовъ поручилъ генералу Маркову переправиться съ отрядомъ за Дунай, въ тылъ находившихся на лѣвомъ берегу турецкихъ войскъ, и овладѣть лагеремъ подъ Рущукомъ. Порученіе Марковымъ было выполнено: 2 Октября онъ прогналъ турокъ и овладѣлъ непріятельскимъ лагеремъ. Во время этого дѣла Кутузовъ послалъ Сухтелена къ Маркову съ приказаніями. Сухтеленъ сѣлъ въ небольшую лодку, съ однимъ только молдаваниномъ гребцомъ, и поплылъ по Дунаю. Находившіеся на лѣвомъ берегу рѣки турки открыли по лодкѣ пушечный и ружейный огонь, но Сухтеленъ присталъ къ правому берегу, отдѣлавшись легкою *раною* въ ногу. За это онъ получилъ орд. св. Анны 2 ст. и почти въ то же время (Октября 11) былъ произведенъ въ ротмистры. Въ концѣ 1811 г. Сухтеленъ возвратился въ Петербургъ и оттуда былъ посланъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Англію, гдѣ провелъ нѣсколько времени на англійскомъ флотѣ адмирала Самарецъ. Сухтеленъ возвратился изъ Англіи осенью 1812 г. и въ Ноябрѣ былъ посланъ въ корпусъ гр. Витгенштейна, подходившаго къ Березинѣ. За участіе въ разныхъ дѣлахъ Сухтеленъ былъ 20 Февраля 1813 г. награжденъ чиномъ полковника. По переходѣ русскихъ войскъ за границу, баронъ Сухтеленъ находился при занятіи Берлина; послѣ того былъ въ разныхъ авангардныхъ дѣлахъ и подъ Зегаузеномъ, 23 Февраля, *раненъ пулею въ правую руку* выше локтя, на вылетъ, съ поврежденіемъ кости, и награжденъ орд. св. Анны 2 ст. съ алмазными украшеніями, а также получилъ прусскій орденъ «Pour le mérite».

Еще не совсѣмъ поправившись отъ раны, Сухтеленъ участвовалъ, 21 Марта, съ отрядомъ Чернышева во взятіи Люнебурга, а затѣмъ былъ назначенъ къ гр. Вальмодену начальникомъ штаба; но по истеченіи Пойшвицкаго перемирія, въ началѣ Августа, Сухтеленъ снова былъ назначенъ состоять при гр. Витгенштейнѣ и съ нимъ былъ въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ и Пирною, за которыя получилъ орд. св. Владиміра 3 ст., прусскій Краснаго Орла 3 ст. и шведскій кавалерственный крестъ ордена Меча. За Лейпцигъ онъ получилъ *Георгіевскій* крестъ изъ рукъ Витгенштейна и въ тотъ же день получилъ этотъ же орденъ изъ Главной квартиры за отличія въ предшествовавшихъ сраженіяхъ. Сухтеленъ оставался при Витгенштейнѣ во время преслѣдованія арміи Наполеона отъ Лейпцига до Рейна. Въ Декабрѣ 1813 года онъ былъ назначенъ командиромъ Волынскаго уланскаго полка, находившагося въ отрядѣ Чернышева. 1 Января 1814 г. Сухтеленъ участвовалъ со своимъ полкомъ въ переходѣ Чернышева черезъ Рейнъ, у Дюссельдорфа, и въ занятіи Люттиха, а потомъ при взятіи Намюра. Февраля 1 онъ былъ посланъ Чернышевымъ подъ Суассонъ, вмѣстѣ съ полк. К. Х. Бенкендорфомъ, и здѣсь около Суассона выбилъ французскихъ стрѣлковъ изъ виноградниковъ, покрывавшихъ возвышенія, чѣмъ значительно облегчилъ дѣйствія Чернышева на другой день (2 Февраля), когда послѣдній рѣшился взять Суассонъ приступомъ. Въ этомъ дѣлѣ Сухтеленъ командовалъ правымъ крыломъ Чернышева и вступилъ въ городъ, вслѣдъ за ворвавшеюся пѣхотою, съ двумя эскадронами Волынскихъ уланъ и двумя казачьими полками. За взятіе Суассона онъ произведенъ въ генералъ-майоры.

Затѣмъ Сухтеленъ участвовалъ 26 Февраля въ сраженіи при Ланѣ; 6 Марта въ пораженіи маршала Мармона у Бери-о-Бакъ и занятіи Реймса; 19 Марта участвовалъ въ нападеніи на арріергардъ Макдональда у Вильнева, а 23 Марта при атакѣ г. Петивье, близъ Орлеана: съ двумя эскадронами Волынскаго уланскаго полка онъ ворвался въ городъ и принудилъ гарнизонъ разбѣжаться. По заключеніи мира Сухтеленъ возвратился въ Россію, получивъ прусскій орд. Краснаго Орла 2 ст.

Въ началѣ 1815 года Сухтеленъ былъ посланъ въ Швецію, гдѣ, состоя при наслѣдномъ принцѣ (Бернадотѣ), участвовалъ въ походѣ въ Норвегію, за что получилъ командорскіе знаки ордена Меча и золотую медаль. Возвратясь изъ Норвегіи въ Россію, онъ былъ отправленъ съ донесеніями къ Государю, находившемуся на Вѣнскомъ конгрессѣ, а изъ Вѣны, по полученіи извѣстія о высадкѣ Наполеона во Франціи, былъ посланъ къ русской арміи, шедшей изъ Варшавскаго герцогства къ берегамъ Рейна. По переходѣ русскихъ войскъ за Рейнъ, Сухтеленъ командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ на лѣвомъ крылѣ арміи, а при оккупаціи Франціи завѣдывалъ Обскимъ департаментомъ. Здѣсь справедливостью и ласковымъ обращеніемъ съ жителями, онъ сумѣлъ снискать любовь и уваженіе французовъ, получилъ отъ Людовика XVIII орд. св. Людовика, былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 2-й Гусарской дивизіи и въ Декабрѣ 1815 г. возвратился съ нею въ Россію. Императоръ Александръ, зная его недостаточное состояніе, пожаловалъ ему аренду на 12 лѣтъ. Въ Октябрѣ 1819 г. Сухтеленъ былъ перемѣщенъ командиромъ 1-й бригады 1-й Гусарской дивизіи.

Въ началѣ царствованія Императора Николая I, 20 Мая 1826 г., Сухтеленъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ Главнаго Шта-

ба Его Имп. Вел. и въ этомъ званіи находился въ Москвѣ во время коронаціи. Въ день коронованія, 22 Августа, онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и получилъ единовременно 6/т. рублей ассигн. Сухтеленъ былъ близкимъ человѣкомъ къ начальнику штаба Дибичу и былъ другомъ, «frère d'armes», съ Паскевичемъ. Когда послѣдній былъ посланъ на Кавказъ для совмѣстныхъ съ Ермоловымъ дѣйствій противъ персіянъ, а затѣмъ и смѣнилъ его въ званіи командующаго Кавказскимъ корпусомъ, Сухтеленъ велъ съ нимъ дѣятельную частную переписку. Въ этихъ неофиціальныхъ письмахъ Сухтелена, этого, по выраженію біографа Паскевича кн. Щербатова, «alter ego» Дибича, отражались официальныя воззрѣнія начальника штаба, и нерѣдко замѣтно проявленіе воли самого Государя. Сухтеленъ, аккуратно извѣщая Паскевича о настроеніи Петербурга, въ своихъ письмахъ выказывалъ страстное желаніе быть въ дѣйствующей арміи, служить съ Паскевичемъ, завидовалъ своему другу К. Бенкендорфу, посланному на Кавказъ. Наконецъ, состоялось его назначеніе начальникомъ штаба Кавказскаго корпуса, и 14 Іюня онъ прибылъ къ Кавказскому корпусу. За взятіе крѣпости Сардаръ-Аббада (20 Сент.) ему пожалованы были алмазные знаки ордена св. Анны 1 ст. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ осадѣ и взятіи Эривани (1 Окт.). Когда русскіе вошли въ городъ, Сухтеленъ съ двумя ротами Гвардейскаго сводnаго полка пошелъ къ мечети, гдѣ собралось до 200 персіянъ съ самимъ защитникомъ крѣпости Гассанъ-ханомъ во главѣ, непріятель сдался, и Сухтеленъ «обезоруживъ хана, приставилъ къ нему стражу». За взятіе Эривани онъ былъ награжденъ орд. св. *Георгія* 3 ст. Послѣ покоренія Эривани Сухтеленъ участвовалъ въ походѣ Паскевича къ Тавризу, и во время пріѣзда персидскаго наслѣдника Аббасъ-Мирзы въ Дей-Карганъ для переговоровъ о мирѣ, участвовалъ въ нихъ. Переговоры были безуспѣшны; военныя дѣйствія возобновились, и Паскевичъ поручилъ Сухтелену начальство надъ лѣвымъ флангомъ своего корпуса. Сухтеленъ двинулся къ укрѣпленному городу Ардебилю и 26 Января занялъ его. Здѣсь, въ этомъ священномъ городѣ персіянъ, русскіе овладѣли богатой библіотекой рѣдкихъ восточныхъ рукописей, при чемъ исполнителемъ этого порученія былъ гр. Сухтеленъ, рапортовавшій 9 Февраля изъ Ардебиля: «Собравъ 8 числа сего Февраля, вечеромъ, здѣшнихъ хаджи и духовныхъ особъ, имѣющихъ надзоръ надъ мечетью Шеихъ-Сефи-Эдунна, я объявилъ имъ, что Россійское правительство, заботясь о способахъ воспитанія и благоденствія многочисленныхъ мусульманскихъ поколѣній, находящихся въ подданствѣ Россіи, крайне нуждается въ книгахъ и сочиненіяхъ знаменитыхъ писателей Востока, и что по поводу сего я получилъ приказаніе принять отъ нихъ заимообразно для узнанія и списанія оныхъ книгъ, составляющихъ такъ называемую библіотеку Шеихъ-Сефи. Почетные хаджи и муллы, послѣ долгихъ разсужденій и отговорокъ, согласились, наконецъ, прямо изъ моей квартиры слѣдовать въ мечеть, въ сопровожденіи полк. Реутта, офицеровъ и переводчиковъ, назначенныхъ для принятія и укладки книгъ». Издержки по пріобрѣтенію библіотеки не превышали 50 червонцевъ. За исключеніемъ алкорановъ и молитвенниковъ, книгъ оказалось 166, которыя и были препровождены въ Ардебильскую крѣпость. Затѣмъ книги были доставлены въ Тифлисъ. Хаджи и муллы просили, по перепискѣ, возвратить книги обратно, что и было имъ обѣщано» [1]).

Паденіе Ардебиля имѣло послѣдствіемъ своимъ заключеніе мира въ Туркманчаѣ, при чемъ Сухтеленъ участвовалъ въ окончательныхъ переговорахъ и при подписаніи договора 10 Февраля. 13 Марта, за взятіе Ардебиля Сухтеленъ былъ награжденъ званіемъ генералъ-адъютанта и по возвращеніи въ Петербургъ получилъ 50/т. рублей ассигн. Въ Петербургѣ онъ назначенъ былъ состоять при принцѣ Хозревѣ-Мирзѣ, пріѣхавшемъ въ Петербургъ во главѣ чрезвычайнаго посольства по поводу убійства Грибоѣдова. Отъ Хорзева-Мирзы Сухтеленъ получилъ орд. Льва и Солнца 1 ст.

Пробывъ всего мѣсяцъ въ Петербургѣ, Сухтеленъ 8 Мая отправился на Дунай къ дѣйствующей арміи. Онъ прибылъ къ войскамъ, осаждавшимъ Браиловъ, подъ начальствомъ Вел. Кн. Михаила Павловича; участвовалъ въ первыхъ дѣйствіяхъ противъ Брai-

---

[1]) По поводу библіотеки этой Чернышевъ писалъ къ гр. Паскевичу, 25 Апрѣля 1828 г.: «В. С. извѣстно, что во время военныхъ дѣйствій съ персіянами взяты въ Ардебилѣ рукописи на восточныхъ языкахъ. Государю благоугодно было, чтобы изъ сихъ трофеевъ библіотека была уложена съ особенною осторожностію и доставлена въ Главный Штабъ Его Величества, все остальное тоже сюда. Снять съ генерала Сухтелена обѣщаніе возвратить обратно библіотеку и пообѣщать отправить туда только копіи».

Министръ Народнаго просвѣщенія докладывалъ Государю о дальнѣйшемъ пріобрѣтеніи восточныхъ рукописей: «Отобранная у персовъ Ардебильская библіотека для С.-Петербургскаго университета, по каѳедрѣ восточныхъ языковъ, настолько цѣнное пріобрѣтеніе, что Академія Наукъ ходатайствуетъ для пользы университета и просвѣщенія, при дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, непремѣнно отбирать библіотеки не только на восточныхъ языкахъ, но и греческомъ, латинскомъ и сирійскомъ».

лова, а оттуда поѣхалъ къ Сатунову. Здѣсь находился онъ при переходѣ русскихъ войскъ черезъ Дунай и при взятіи Исакчи, затѣмъ сопровождалъ Государя «до занятія г. Бабадага» (30 Мая) и, возвратясь опять подъ Браиловъ, участвовалъ въ переговорахъ о сдачѣ города съ комендантомъ Браилова, Сулейманъ-пашею. 6 Іюня Браиловъ сдался. Послѣ этого Сухтеленъ отправился къ главной арміи, находившейся у Базарджика. Для обезпеченія со стороны Варны движенія арміи къ Шумлѣ, Сухтелену былъ порученъ отдѣльный отрядъ изъ 4 бат., 12 эск., 1 сотни, 12 орудій и 2 ротъ піонеровъ, всего 4558 человѣкъ; онъ долженъ былъ обложить Варну и открыть сообщеніе съ Черноморскимъ флотомъ, который долженъ былъ осаждать Варну съ моря. «Іюня 28», говорилъ Михайловскій-Данилевскій, «Сухтеленъ выступилъ изъ Базарджика и черезъ два дня пришелъ въ селеніе Дервент-Кіой, въ 10 верстахъ отъ Варны. Сбивъ непріятельскій наблюдательный отрядъ, онъ двинулъ свой авангардъ до деревни Аджемларъ, лежащей въ Варнской долинѣ; главныя силы отряда съ артиллеріею были остановлены затруднительными спусками съ горъ въ долину и дурнымъ состояніемъ дороги. Ночью на 1 Іюля піонеры съ чрезвычайными усиліями исправили крутой спускъ и сдѣлали дорогу удобопроходимой для орудій. Сойдя въ долину, Сухтеленъ наступалъ всѣмъ отрядомъ по Базарджикской дорогѣ, защищаемой многочисленною непріятельскою конницей, которая, нападая на наши колонны и уклоняясь при ихъ наступленіи, вела отрядъ Сухтелена прямо къ крѣпости. Колонны Сухтелена, готовыя отразить всякое непріятельское покушеніе, подъ прикрытіемъ цѣпи застрѣльщиковъ, постепенно подавались впередъ, оттѣсняя турецкихъ всадниковъ. Тѣсня турокъ, Сухтеленъ, наконецъ, расположился въ виду Варны, потерявъ въ тотъ же день 50 человѣкъ. Правое крыло его примкнуто къ лиману Девно, а лѣвое къ высотамъ и виноградникамъ. Въ ту же ночь съ возможною поспѣшностью приступлено было къ устроенію четырехъ редутовъ, объемомъ на одну роту такъ, чтобы, расположивъ во всѣхъ одинъ батальонъ, остальные три можно было, во избѣжаніе напраснаго урона, отодвинуть назадъ, внѣ дѣйствія крѣпостныхъ выстрѣловъ. Распорядясь такимъ образомъ, Сухтеленъ вошелъ въ сношенія съ главными лицами Варнскаго гарнизона, имѣя въ виду отвратить безполезное кровопролитіе, ибо, рано или поздно, крѣпость должна была пасть передъ русскимъ оружіемъ. Паша отвергъ предложеніе Сухтелена о сдачѣ и отказался отъ дальнѣйшихъ переговоровъ. Получивъ утромъ подкрѣпленіе изъ 1500 человѣкъ, непріятель

Графъ П. П. Сухтеленъ.

сдѣлалъ вылазку, намѣреваясь сбить Сухтелена съ позиціи. Отъ 8 часа утра до полудня турки вели жаркую перестрѣлку, но не нападали рѣшительно. Черезъ три часа потомъ они сдѣлали вторичную вылазку; вышелъ почти весь Варнскій гарнизонъ и устремился на позицію Сухтелена, стараясь обойти лѣвое крыло его. Турки опрокинули нашихъ стрѣлковъ и, совершивъ обходъ, начали угрожать тылу Сухтелена. Минута была рѣшительная. Дальнѣйшій успѣхъ турокъ могъ повлечь за собою пораженіе отряда. Они отрѣзали бы Сухтелену средства продовольствія и сообщенія съ главною арміею и заставили бы его отступить на гору, покинувъ обозы, больныхъ и раненыхъ, ибо спасти ихъ было бы невозможно по затруднительности подъема на гору. Сухтеленъ приказалъ г.-м. Купріянову ударить на турокъ въ штыки. Приказаніе было исполнено успѣшно; непріятеля опрокинули и гнали до Варны. Отбивъ турокъ, Сухтеленъ приказалъ немедленно построить еще два редута. Польза сихъ оборонительныхъ мѣръ явилась очевидною, когда на другой день, около полудня, пришло изъ Бургаса въ Варну вспомогательное войско въ числѣ 5000 человѣкъ. Непріятель, узнавъ о приближеніи къ нему свѣжихъ войскъ, весь этотъ день занималъ Сухтелена вылазками. Хладнокровно смотрѣлъ Сухтеленъ на прибывшее подкрѣпленіе, когда оно вступало въ Варну съ распущенными знаменами и громкою музыкою. Несмотря на затруднительность своего положенія, онъ твердо рѣшился выполнить возложенное на него порученіе: наблюдать крѣпость до прихода отряда Ушакова. «Остаюсь, остаюсь и остаюсь»! сказалъ онъ Ку-

пріянову. Укрѣпляясь по ночамъ, блокадный отрядъ долженъ былъ днемъ выдерживать безпрерывныя сильныя нападенія турокъ, упорно старавшихся сбить его съ позиціи. Непріятель много разъ покушался обходить наши фланги, особенно лѣвое крыло, и старался ударить въ тылъ Сухтелена войсками, посылаемыми въ бродъ черезъ Лиманъ, при селеніи Гебеджи, предполагая отрѣзать нашему отряду отступленіе. Шесть дней сряду повторяемыя турками нападенія, иногда длившіяся часовъ по десяти и болѣе, были постоянно отбиваемы Сухтеленомъ. Потеря, понесенная въ эти дни отрядомъ его, простиралась до 660 убитыхъ и раненыхъ.

«Іюля 6 пришелъ къ Варнѣ отрядъ г.-л. Ушакова, а Сухтеленъ получилъ приказаніе отвести отрядъ свой въ Праводы, сдать его тамъ ген.-ад. К. Х. Бенкендорфу и явиться въ Главную квартиру, бывшую подъ Шумлою, для занятія своей должности генералъ-квартирмейстера Главнаго Штаба Е. И. В. Сухтеленъ оставался подъ Шумлою до начала Сентября. Потомъ возвратился онъ подъ Варну, и послѣ паденія сей крѣпости ѣздилъ въ Праводы, имѣя Высочайшее повелѣніе удостовѣриться въ возможности оставить тамъ на зиму гарнизонъ, не подвергая его опасности. Осмотрѣвъ Праводы, Сухтеленъ донесъ, что войска наши могутъ тамъ зимовать, если будутъ сооружены укрѣпленія, которымъ представилъ онъ проэкты. Мнѣніе его было одобрено». Здѣсь Сухтеленъ пробылъ до 18 Іюля, когда возвратился къ арміи подъ Шумлу и тамъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ до 21 Сентября. Затѣмъ онъ былъ при осадѣ и взятіи Варны и при блокадѣ Силистріи. Когда было рѣшено снять блокаду, онъ прикрывалъ отступленіе, командуя арріергардомъ. Потомъ онъ вступилъ, до прибытія генерала Красовскаго, во временное командованіе сводным пѣх. корпусомъ, расположеннымъ въ Бабадагѣ, и управляющимъ гражданскою частью въ этой области, что и исполнялъ въ теченіе всей зимы. За Турецкую войну Сухтеленъ былъ награжденъ орд. св. Владиміра 2 ст. и *золотою шпагою съ алмазами*. По возвращеніи въ Петербургъ, въ Мартѣ 1829 г., онъ былъ уволенъ въ отпускъ за границу, для поправленія разстроеннаго здоровья; въ Іюнѣ ѣздилъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Варшаву. Въ Апрѣлѣ 1830 г. ему была пожалована украшенная брилліантами табакерка съ портретомъ Государя, а 21 Апрѣля того же года гр. Сухтеленъ былъ назначенъ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и командиромъ Отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса. При этомъ назначеніи Сухтеленъ получилъ «Высочайшее благоволеніе и совершенную признательность за отличное усердіе и дѣятельность, оказанныя во время исправленія должности генералъ-квартирмейстера Главнаго Штаба, къ полному удовольствію Его Величества».

Оренбургская губернія, «одна изъ отдаленнѣйшихъ провинцій Имперіи», по выраженію гр. Сухтелена, представляла собой въ началѣ XIX столѣтія обширнѣйшій край, пограничное положеніе котораго, его разноплеменное населеніе и природныя богатства привлекали особое вниманіе правительства со времени Петра Великаго, назвавшаго его «широкими воротами въ Азію». Она захватывала въ то время части Самарской и Уфимской губерній, имѣла 12 уѣздовъ, занимала пространство 350/т. кв. верстъ и населена была милліономъ душъ обоего пола. Вѣдѣнію военнаго ея губернатора подлежали, кромѣ того, Оренбургское и Уральское казачьи войска, Ставропольское калмыцкое, Башкирское и Мещеряцкое войска. Дѣвственный край съ многочисленнымъ разноплеменнымъ населеніемъ, поставленнымъ въ различныя гражданскія и экономическія условія, нуждался въ просвѣщенномъ и энергичномъ дѣятелѣ и таковаго получилъ въ лицѣ Сухтелена. По назначеніи губернаторомъ, не выѣзжая еще изъ Петербурга, онъ уже успѣлъ ознакомиться съ представленнымъ его предшественникомъ, ген. Эссеномъ, проэктомъ преобразованія Оренбургскаго казачьяго войска. 2 Іюля 1830 г. Сухтеленъ прибылъ въ Оренбургъ и вступилъ въ управленіе войскомъ и краемъ. Необыкновенно дѣятельная натура и выдающійся умъ позволили ему быстро ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, разобраться въ сложныхъ мѣстныхъ интересахъ и даже лично объѣхать нѣкоторыя части губерніи. Первое дѣло, которое встрѣтило его и на мѣстѣ, былъ вопросъ о преобразованіи Оренбургскаго казачьяго войска, численность котораго въ это время достигала 32.676 душъ мужеск. пола, положеніе же было бѣдственное и средствъ очень мало.

На увеличеніе численности войска и на поднятіе его матеріальнаго благосостоянія было прежде всего обращено вниманіе Сухтелена, который ходатайствовалъ: 1) о нарѣзкѣ войску изъ башкирскихъ земель отъ Сибири до земли Уральскаго войска полосы въ 15 в. шириною, 2) о зачисленіи въ казаки бѣлопахатныхъ солдатъ, смоленской шляхты, инородцевъ и государственныхъ крестьянъ, жившихъ на казачьихъ земляхъ и 3) объ обращеніи въ казачье сословіе 4 поселенныхъ баталіоновъ 28 пѣх. дивизіи. Увеличивая такимъ образомъ численность казаковъ, Сухтеленъ съумѣлъ изыскать источники для увеличенія войсковыхъ суммъ болѣе, чѣмъ на 300/т. руб.

ежегодно. Что касается до строевого устройства войска, онъ проектировалъ раздѣлить его на бригады и линейные полки (21 полкъ) по линіи и на кантоны внутри губерніи. Для строевого образованія казачьихъ полковъ предлагалъ прикомандировать къ нимъ до 30 кавалерійскихъ офицеровъ. Замѣтивъ, что младшіе казачьи офицеры живутъ крайне бѣдно и съ трудомъ могутъ содержать себя на службѣ, Сухтеленъ ходатайствовалъ о немедленномъ отводѣ хорунжимъ, сотникамъ и есауламъ временныхъ участковъ въ размѣрѣ отъ 60 до 120 десятинъ каждому. Что же касается до штабъ-офицеровъ, то онъ находилъ, что «если дать имъ много земли, то у нихъ уменьшатся честолюбіе и желаніе имѣть высшіе чины, что невыгодно для пользы службы; командуя полками или занимая должности по войсковому управленію, они нужды претерпѣвать не могутъ». Въ дальнѣйшей заботѣ о положеніи войсковыхъ офицеровъ Сухтеленъ нашелъ возможнымъ, за недостаткомъ чиновниковъ въ краѣ, командировать ихъ въ земскую полицію и уѣздные суды и даже исходатайствовалъ разрѣшеніе замѣщать ими должности дворянскихъ засѣдателей «по недостатку дворянства, видя въ этомъ единственное надежное средство къ предотвращенію накопленія дѣлъ». Въ началѣ слѣдующаго года (1832 г.) была удовлетворена просьба военнаго губернатора объ отпускѣ ежегодно суммы въ 3/т. р. изъ казны, вслѣдствіе недостаточности войсковыхъ доходовъ, на пенсіи и пособіе бѣднымъ семействамъ убитыхъ въ сраженіяхъ офицеровъ. Судъ, которому подлежали казаки, былъ отдѣленъ отъ Войсковой канцеляріи и переданъ вѣдѣнію особыхъ военно-судныхъ коммиссій, и затѣмъ исходатайствовано запрещеніе ссылать людей порочнаго поведенія на линію и въ Оренбургскую губернію, при чемъ на представленіе Сухтелена Государемъ была положена резолюція: «*Справедливо. Больше туда не посылать*».

Для улучшенія въ войскѣ лошадей около Оренбурга были заведены первые казачьи конскіе заводы. Окончательно былъ рѣшенъ споръ о земляхъ съ киргизами внутренней Букеевской орды, при чемъ за р. Малымъ Узенемъ построено было 5 новыхъ форпостовъ и отведена полоса земли въ 8 верстъ шириной, остальная земля поступила въ собственность киргизовъ. Земля Уральскаго войска представляла собой голую солончаковую степь, и земледѣліе давало только очень скудныя средства въ войсковую казну. Сухтеленъ исходатайствовалъ разрѣшеніе обращать въ войсковыя суммы весь доходъ отъ питейныхъ сборовъ (или откупную сумму) въ области. Построенные въ это время новые форпосты (теперь станицы) въ память этой Монаршей милости были названы «Царево-Николаевской», «Царевичевой» и «Благодарной» [1]). Какъ въ этихъ форпостахъ, такъ и въ другихъ поселеніяхъ Уральской области, Сухтеленъ выказывалъ особую заботу о положеніи церквей и ихъ причтовъ. При немъ было одновременно здѣсь заложено 10 каменныхъ церквей православныхъ и единовѣрческихъ.

Большую популярность въ войскахъ создала Сухтелену его удачная защита старинной привиллегіи уральцевъ на исключительное право рыбной ловли въ р. Уралѣ; когда возникло предположеніе снять Уральскій учугъ, преграждавшій ходъ рыбы вверхъ, и предоставить всѣмъ свободную ловлю, онъ указалъ, что ловля красной рыбы въ Уралѣ—главная доходная статья казаковъ, не занимающихся земледѣліемъ вслѣдствіе неплодородія почвы, и что иначе имъ «пришлось бы бѣдствовать»; въ то же время, увеличивая войсковыя средства, онъ требовалъ самой строгой отчетности въ ихъ расходованіи.

Голландецъ по происхожденію и лютеранинъ по вѣроисповѣданію Сухтеленъ пользовался особой любовью и расположеніемъ среди уральцевъ, въ большинствѣ случаевъ даже старообрядцевъ; память о немъ надолго его пережила, и въ каждомъ форпостѣ рядомъ съ иконами можно видѣть и теперь еще портретъ этого популярнѣйшаго изъ мѣстныхъ дѣятелей.

Гр. Сухтеленъ обратилъ затѣмъ вниманіе на поземельныя отношенія въ предѣлахъ башкирскихъ земель и удачно разрѣшилъ этотъ вопросъ, запутывавшійся въ теченіе 100 лѣтъ, со времени башкирскаго бунта 1735 г., и составлявшій больное мѣсто для здѣшней администраціи. Онъ призналъ башкиръ владѣльцами всѣхъ тѣхъ земель, «кои нынѣ имъ принадлежатъ»; поселившимся же на башкирскихъ земляхъ «припущенникамъ», русскимъ бобылямъ, тептерямъ, мещерякамъ и татарамъ должно было быть отведено отъ 15 до 30 десятинъ на душу. Башкирамъ была вновь разрѣшена продажа ихъ земель, но съ тѣмъ, чтобы оставалось не менѣе 40—60 дес. на душу. Стремясь обезопасить жизнь населенія отъ

---

[1]) Послѣдній форпостъ первоначально предполагалось назвать «Сухтеленскимъ»: какъ доносила Войсковая канцелярія гр. Сухтелену «изъ уваженія болѣе къ тому, что сіи новыя заселенія послужатъ незабвенной памятью нынѣшняго счастливаго времени для уральцевъ, удостоенныхъ многихъ Высокомонаршихъ лестныхъ милостей по особому ходатайству В. Сіятельства». Сухтеленъ не согласился и отвѣчалъ: «именованному же Сухтеленскимъ предлагаю дать другое приличное названіе, ибо воспоминанію меня будетъ время, когда я благополучно кончу службу свою здѣсь». (Арх. Оренб. Уч. Арх. Коммиссіи).

внѣшнихъ набѣговъ и грабежей киргизовъ и хивинцевъ, Сухтеленъ въ то же время озабочивался искорененіемъ воровства и въ особенности конокрадства, очень распространеннаго среди башкиръ, татаръ и мещеряковъ, употребляющихъ конину въ пищу, благодаря чему, открытіе кражъ и возвращеніе похищеннаго являлось рѣдко возможнымъ; съ этой цѣлью онъ исходатайствовалъ утвержденіе особыхъ правилъ о военномъ судѣ надъ конокрадами и объ отдачѣ въ солдаты и ссылкѣ въ Сибирь опороченныхъ людей. Для устройства поселенцевъ изъ внутреннихъ губерній Россіи учреждены двѣ спеціальныя должности чиновниковъ особыхъ порученій, при чемъ государственнымъ крестьянамъ также разрѣшено переселяться на новую линію, но съ зачисленіемъ ихъ въ казаки.

Мысль о распространеніи просвѣщенія въ краѣ была излюбленной у гр. Сухтелена; она никогда не оставляла его, всегда и всюду, въ той или другой формѣ онъ поднималъ вопросы о школѣ. Въ Уральскѣ была возобновлена школа, въ Оренбургѣ основано приходское училище, въ Верхнеуральскѣ, въ 5 дистанціяхъ и отрядахъ на линіи устроены школы для обученія казачьихъ дѣтей, наконецъ, при личномъ посѣщеніи въ 1831 г. Челябинска Сухтеленъ изыскалъ средства и убѣдилъ мѣстныхъ жителей сдѣлать пожертвованіе на учрежденіе уѣзднаго училища, которое и было утверждено министерствомъ Народнаго просвѣ-

Графъ П. П. Сухтеленъ.

щенія. Сухтеленъ же положилъ начало женскому образованію въ Оренбургскомъ краѣ. Находя, что въ Оренбургѣ трудно найти женщину, «надежную на услуги и знающую какое-либо ремесло»; что большинство предоставляется съ юныхъ лѣтъ «на произволъ природныхъ склонностей», Сухтеленъ энергично сталъ стремиться къ учрежденію женскаго училища для дѣтей средняго класса и нижнихъ чиновъ съ 2-лѣтнимъ курсомъ и комплектомъ въ 50 человѣкъ. Средства были найдены въ видѣ остатковъ отъ содержанія Неплюевскаго военнаго училища. 25 Апрѣля 1832 г. послѣдовало открытіе перваго въ краѣ женскаго училища, при чемъ оно было принято подъ покровительство Государыни Императрицы. Сухтеленъ такимъ образомъ добился осуществленія своей мечты воспитать женщину, «свободную пропитать себя собственнымъ трудомъ». Неплюевское училище, способствовавшее ему въ этомъ своими средствами, само было предметомъ постоянныхъ его заботъ. По его мысли, при училищѣ былъ устроенъ музей изъ предметовъ мѣстнаго производства и природныхъ богатствъ края, и составлены историческія и статистическія стѣнныя таблицы, которыя учащіеся всегда имѣли предъ своими глазами и наглядно знакомились съ роднымъ краемъ.

Съ цѣлью дать населенію врачебную помощь и имѣть врачей изъ мѣстныхъ уроженцевъ, Сухтеленъ посылалъ казаковъ въ фельдшерскія школы и башкиръ въ университетъ. На ряду съ заботами объ обученіи, имъ же положено начало изученію края. Уже въ 1832 г. было издано «Краткое обозрѣніе достопамятныхъ событій Оренбургской губерніи», съ прибавленіемъ географическаго и статистическаго ея описанія, составленное И. В. Жуковскимъ, «подъ непосредственнымъ»—какъ сказано въ предисловіи — «руководствомъ е. с. гр. Сухтелена, съ цѣлью изобразить оныя на таблицахъ для учащихъ въ Неплюевскомъ военномъ училищѣ», а также имѣя въ виду, что «оно съ пользою можетъ служить и для справокъ по дѣламъ службы». Къ слѣдующему году появилось другое изданіе, «Адресъ-Календарь» Оренбургской губерніи на 1833 г., едва ли не первое такого рода изданіе въ провинціи. Сумѣвши привлечь къ себѣ въ сотрудничество Жуковскаго, «человѣка замѣчательнаго ума, но вспыльчиваго, неподчиняющагося характера, нетерпѣвшаго служебной зависимости», Сухтеленъ искалъ вездѣ, гдѣ можно, сотрудниковъ по изученію края. Такъ, онъ обратилъ вниманіе на сосланнаго за основаніе общества «филаретовъ» поляка, магистра философіи Виленскаго университета, Зана, который въ это время занимался геологіей и геогнозіей края. Ему Сухтеленъ поручилъ составленіе минералогическаго музея для Неплюевскаго училища и коллекцій по ботаникѣ, зоологіи и археологіи, а также веденіе метеорологическихъ наблю-

деній, и затѣмъ исходатайствовалъ ему прощеніе и производство въ 14 классъ. Также воспользовался онъ и другимъ политическимъ сосланнымъ, полякомъ Виткевичемъ, лингвистомъ, прекрасно изучившимъ въ Оренбургѣ восточные языки. Ему Сухтеленъ давалъ различныя важныя порученія къ султанамъ-правителямъ Средней и Малой орды, предоставляя этимъ Виткевичу возможность изучить интересовавшіе его жизнь, нравы и обычаи киргизовъ. Въ 1831 г., съ 30-40 казаками, Виткевичъ разсѣялъ шайку киргизовъ въ 2/т. человѣкъ, намѣревавшуюся напасть на ставку султана Нураліева, и былъ произведенъ Сухтеленомъ въ портупей-прапорщики.

Сергіевскія минеральныя воды, находившіяся въ то время въ предѣлахъ Оренбургской губерніи, сильно интересовали просвѣщеннаго начальника края, и онъ, съ присущей ему энергіей, принялся за ихъ организацію. Особеннымъ побужденіемъ къ этому служило то обстоятельство, что «отправленные на сіи воды въ 1831 г. военно-служащіе въ разслабленіи послѣ лѣченія возвращались почти всѣ здоровыми». Между тѣмъ тамъ не было даже помѣщеній, и Сухтеленъ «вынужденъ былъ пригласить кочующихъ вблизи калмыковъ выставить нѣсколько кибитокъ, въ коихъ посѣтители съ большой радостью помѣщались». Особый комитетъ составилъ подробный планъ устройства водъ, представилъ проэктъ построекъ и смѣту въ 329/т. рублей. Сухтеленъ ходатайствовалъ объ отпускѣ изъ казны въ 4 года только 180/т. руб., остальныя же 150/т. ему предлагали дать въ 3 года почтосодержатели Оренбургской губерніи; при этомъ губернаторъ предполагалъ, кромѣ 2 лѣкарскихъ учениковъ, пригласить еще «не только опытнаго, но и образованнаго врача», съ окладомъ въ 3/т. руб., чтобы возложить на него, подъ своимъ личнымъ руководствомъ, описаніе края въ медицинскомъ отношеніи. Представленія Сухтелена получили Высочайшее утвержденіе 10 и 17 Мая 1832 года. 13 Марта слѣдующаго года (1833 г.) учреждена особая инвалидная команда при водахъ для наблюденія за зданіями и для полицейской службы.

Дѣятельность гр. Сухтелена по управленію Оренбургскимъ краемъ была осложнена посѣтившимъ край неожиданнымъ бѣдствіемъ, холерой, которая въ 1830 г. завезена была изъ Астрахани, а затѣмъ опять появилась лѣтомъ 1831 года. Пострадали г. Оренбургъ и юго-западная часть губерніи. Только 1 Октября холера прекратилась окончательно. Сухтеленъ разослалъ повсюду офицеровъ Оренбургскаго казачьяго войска для поддержанія порядка, который нигдѣ и не былъ нарушенъ, а при устьи Урала въ г. Гурьевѣ устроилъ карантинъ.

Гр. Сухтеленъ пробылъ губернаторомъ въ Оренбургѣ менѣе 3 лѣтъ, но и за этотъ короткій періодъ времени имъ было сдѣлано для края такъ много, что память объ этой свѣтлой личности сохранилась тамъ до сего времени. Даже краткій обзоръ его дѣятельности ясно показываетъ, сколько внесено имъ было энергіи, сколько душевныхъ и тѣлесныхъ силъ вложено Сухтеленомъ въ его дѣятельность.

Дѣятельность эта получила своевременно оцѣнку: 4 Марта 1832 г. Сухтелену «объявлена Высочайшая полная признательность за отличное усердіе и дѣятельное вниманіе, обращаемое имъ на всѣ предметы ввѣреннаго ему обширнаго отдѣльнаго Оренбургскаго края, что къ полному удовольствію Е. И. Величество замѣтить изволилъ изъ отчета», а 9 Апрѣля ему былъ пожалованъ орд. св. Александра Невскаго «за неутомимые труды и примѣрную заботливость о благоустройствѣ края, равно и войскъ»...

Кипучая дѣятельность, постоянное напряженіе силъ, многочисленныя раны, особенно сабельный ударъ по головѣ, полученный при Аустерлицѣ, имѣли результатомъ появленіе уже съ осени 1832 г. сильныхъ головныхъ болей, постепенно усиливавшихся. Не придавая имъ значенія, Сухтеленъ продолжалъ заниматься дѣлами, и 20 Марта 1833 г. «мгновенно» скончался въ половинѣ 10 вечера, на 46 году жизни. Тѣло покойнаго было набальзамировано.

22 Марта начальникъ штаба Оренбургскаго войска, генералъ Мистровъ, обратился съ отношеніемъ къ протоіерею военной Петропавловской церкви Содальскому съ просьбой дать разрѣшеніе на погребеніе тѣла Сухтелена въ оградѣ этой церкви, «согласно выраженнаго покойнымъ желанія во время холеры на случай его внезапной смерти», прибавляя, что хотѣлось бы «исполнить волю незабвеннаго и благодѣтельнаго начальника». 26 Марта совершено погребеніе въ оградѣ означенной церкви мѣстнымъ пасторомъ, запись же о смерти занесена въ православныя метрики [1]). Стеченіе народа при погребеніи Сухтелена было необыкновенное; жители Оренбурга, не исключая магометанъ, со слезами провожали въ могилу любимаго начальника и на себѣ довезли колесницу отъ губернаторскаго дома до церкви.

Получивъ извѣстіе о смерти гр. П. П. Сухтелена, Государь приказалъ не отдавать о семъ въ приказѣ, пока не будетъ приготовленъ къ этой печальной вѣсти его престарѣлый

---

[1]) Все это вызвало потомъ недоразумѣнія и переписку; потребовалось особое Высочайшее повелѣніе, чтобы прахъ выдающагося мѣстнаго дѣятеля остался непотревоженнымъ! На могилѣ Сухтелена стоитъ небольшой, но изящный памятникъ, изображающій гранитную скалу съ металлическимъ большимъ на ней крестомъ и скромной надписью.

отецъ, и 18 Апрѣля отправилъ въ Стокгольмъ гр. П. К. Сухтелену письмо такого содержанія: «Графъ Петръ Корниловичъ. Съ душевнымъ прискорбіемъ извѣстился я о смерти достойнаго сына вашего, гр. Павла Петровича, постигшей его внезапно 20 числа прошедшаго Марта среди безпрерывныхъ трудовъ и занятій по дѣламъ ввѣреннаго управленію его края. Престолъ и отечество лишились въ немъ вѣрнаго и надежнаго слуги, всегда и вездѣ съ пользою и честью исполнявшаго всѣ свои обязанности. Вполнѣ раздѣляя посѣтившее васъ несчастіе, надѣюсь, что Ниспославшій оное даруетъ вамъ силы перенести вашу горесть съ твердостью, смиреніемъ и вѣрою въ неизмѣнную благость Его Святаго Провидѣнія. Николай».

Получивъ, подъ руководствомъ отца, серіозное и блестящее образованіе, гр. П. П. Сухтеленъ зналъ языки французскій, нѣмецкій, голландскій, шведскій и итальянскій, прекрасно чертилъ и рисовалъ перомъ и, по отзыву А. Н. Оленина, былъ «любителемъ и тонкимъ знатокомъ искусства». Несмотря на природную пылкость характера, хорошее воспитаніе дало ему выдержку и умѣнье упорно заниматься дѣлами; своей доступностью и простымъ обращеніемъ онъ умѣлъ привлекать къ себѣ людей дѣльныхъ и полезныхъ, которые, незамѣтно для себя, осуществляли его желанія; среди простого народа, казаковъ, инородцевъ и магометанъ Оренбургскаго края онъ пользовался небывалой популярностью и любовью. Объ этомъ и теперь еще говорятъ Оренбургскіе старожилы, слышавшіе о немъ многое отъ отцовъ.

«Кончина гр. Сухтелена», говоритъ Занъ, «этого благодѣтеля и утѣшителя несчастныхъ, открывшаго дорогу для всѣхъ поляковъ, желавшихъ служить Россіи честно и искренно, унесла съ собой надежды многихъ истинно даровитыхъ и талантливыхъ людей. Съ кончиною его, можно сказать, подобные люди осиротѣли». «Его очень любили (въ Оренбургѣ)», разсказываетъ Гагернъ, «онъ сдѣлалъ много хорошаго, напр., учредилъ школы для магометанъ. Еще теперь (1839 г.) магометане ходятъ на поклоненіе его могилѣ и говорятъ: «Онъ былъ слишкомъ хорошъ, чтобы быть христіаниномъ, безъ сомнѣнія, онъ тайный послѣдователь Магомета». «Онъ былъ одинъ изъ лучшихъ начальниковъ Оренбургскаго края и одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени», говорится о гр. Сухтеленѣ въ Оренбургскомъ Адресъ-Календарѣ на 1895 г. (стр. 45). По свидѣтельству Михайловскаго - Данилевскаго, Сухтеленъ, дѣйствительно, былъ «рыцаремъ безъ страха и упрека»... Сухтеленъ состоялъ членомъ Военно-ученаго комитета (съ 1826 г.), Шведской военной академіи (съ 1831 г.), Лондонскаго географическаго общества и русской Военной академіи (съ 1832 г.), уставъ которой онъ составлялъ такъ же, какъ и уставъ Финляндскаго кадетскаго корпуса. Онъ прекрасно рисовалъ и гравировалъ. Сухтелену принадлежитъ сочиненіе «Précis des événements militaires de la dernière guerre entre la Russie et la Suède en 1808 et 1809» и краткая біографія его друга К. Х. Бенкендорфа, написанная въ 1829 году.

Снимокъ съ гравюры работы гр. Сухтелена.

Гр. П. П. Сухтеленъ былъ женатъ на гр. Варварѣ Дмитріевнѣ Зубовой, но въ семейной жизни не былъ счастливъ — жена не жила съ нимъ. У нихъ была дочь Ольга (р. 1815 г.), фрейлина, въ замужествѣ за кавалергардомъ А. П. Бутурлинымъ [1]).

А. Голомбіевскій.

---

1) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1832 г., № 12389; оп. 152, св. 564, д. 109; св. 566, дд. 2, 6 и 9 Общ. арх. Гл. Штаба, Форм. сп. 1818 г.; приказы по Кавказскому корпусу 1827 г., № 69; 1828 г., №№ 10, 15 и 32; Уничт. бумаги арх. Сената; Арх. Оренб. Арх. комиссіи; Арх. Петропавловской церкви въ Оренбургѣ; П. Собр. Законовъ (2 собр.), VI, №№ 4462, 4597, 4615, 4657, 4665, 4745; VII, №№ 5134, 5201, 5272, 5287, 5304, 5332, 5345, 5374, 5601; VIII, №№ 5999, 6043; Ermerin, II, 443—445; Долгоруковъ, III, 266 и 267; Михайловскій-Данилевскій, «Сподвижники Имп. Александра I», IV; Вигель, II, 45; Акты Кавказск. арх. комисс., VII, 561, 566, 589, 615, 657, 705; кн. Щербатовъ, «фельдм. Паскевичъ», II, 57, 295, 312, прил. 50—52, 103—107, 260; III, 35, 63—70, 102; «Военный Сборникъ», LXXXV, 223; «Арх. Воронцова», XXXV, 457; «Русск. Инвалидъ», 1837 г., №№ 4—6; «Письма Булгакова», Р. Арх., 1902/III; Жуковскій, «Кр. геогр. и стат. описаніе Оренб. края», составленное въ 1832 г., 2 изд.; «Адр.-Календарь и Памятн. книжка Оренб. губ.» на 1895 и 1900 гг.; Стариковъ, «Кр. ист. очеркъ Оренб. каз. войска», 83—88; Потто, «Ссыльные поляки въ Оренбургѣ», Ист. Вѣстн., 1889/XII, 588—592; «Записки Гагерна», Р. Стар., 1891/I, 4 и 5; Свѣдѣнія, сообщенныя г. Поповымъ и изъ Оренбурга: Н. Н. Ардашевымъ и С. Г. Севастьяновымъ.

Алексѣй Неофитовичъ Прокудинъ, 1785—1827, изъ дворянъ Нижегородской губерніи, поступилъ на службу унт.-офицеромъ 28 Января 1800 г. въ Полтавскій мушк. полкъ; 25 Апрѣля произведенъ въ подпрапорщики, а 7 Іюня — въ прапорщики. 18 Декабря 1802 г. уволенъ отъ службы «съ повышеніемъ чина» для опредѣленія къ статск. дѣламъ, но 12 Февраля 1804 г. снова поступилъ въ военную службу корнетомъ въ Екатеринославскій кирас. полкъ, изъ котораго 29 Сентября 1804 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ. За Аустерлицкое сраженіе награжденъ орд. св. Анны 4 ст. 15 Іюня 1806 г. Прокудинъ былъ произведенъ поручикомъ, а 18 Октября того же года уволенъ, за болѣзнью, въ отставку.

Поселившись въ своемъ имѣніи с. Круглые-Паны Нижегородской губ., въ 20 верстахъ отъ Саровской пустыни, Прокудинъ посвятилъ свою жизнь на дѣла милосердія: онъ ничего не жалѣлъ для нищихъ, больныхъ, сиротъ и убогихъ. На замѣчаніе родственниковъ и сосѣдей, что онъ разоряетъ своихъ дѣтей, Прокудинъ отвѣчалъ: «И, батюшка, я вѣрю, что Богъ ихъ не оставитъ. Ты слышишь ли, родной, вѣдь онъ проситъ-то Христа ради, ну, такъ какъ же ему не подать»?

Прокудинъ былъ женатъ на лютеранкѣ, дочери Митавскаго суперъ-интенданта Елизаветѣ Федоровнѣ Г. Разность вѣроисповѣданій глубоко его огорчала, и онъ часто старался склонить жену къ принятію православія, но эти разговоры приводили лишь къ взаимному неудовольствію. Тогда Прокудинъ обратился за совѣтомъ къ своему другу, схимонаху Саровской пустыни о. Марку. О. Маркъ, узнавъ о попыткахъ Прокудина привести жену къ православію, посовѣтовалъ ему этого не дѣлать, такъ какъ настойчивость въ такомъ дѣлѣ могла бы привести къ разстройству его семейнаго счастья. Вскорѣ послѣ этой бесѣды Елизавета Федоровна увидѣла слѣдующій сонъ: она увидѣла себя на крутомъ, обрывистомъ и песчаномъ берегу рѣки; другой же берегъ манилъ своей красотой и свѣжестью: зеленая трава была полна цвѣтовъ, на деревьяхъ висѣли сочные плоды. Было жарко, и жажда томила Прокудину, а между тѣмъ крутизна берега не позволяла ей спуститься къ рѣкѣ; позади же — ни воды, ни тѣни, все было мертво и пусто. Вдругъ на противоположномъ берегу показался старецъ, который, поманивая ее рукою, произнесъ: «Что жъ ты медлишь переходить на нашъ берегъ»? — «Да какъ же я перейду», отвѣчала Прокудина, «если я не могу даже подойти съ этой стороны къ водѣ, чтобы утолить нестерпимую мою жажду? Но кто же ты, добрый старецъ»? — «Я», отвѣчалъ старецъ, «Марко Ѳраческій [1]). Когда примешь истинную вѣру, то перейдешь сюда». При этомъ онъ наклонилъ дерево, перешелъ по немъ чрезъ рѣку и, взявъ Прокудину за руку, перевелъ на свою сторону. Прокудина разсказала сонъ мужу, который, памятуя совѣтъ о. Марка, равнодушно отвѣтилъ: «Э, мой другъ, мало ли что видится во снѣ! Нельзя всему вѣрить»!

Тотъ же сонъ повторился три раза: тогда Елизавета Федоровна потребовала отъ мужа, чтобы онъ немедленно ѣхалъ въ Арзамасъ къ архимандриту тамошняго Спасскаго монастыря Александру, который и присоединилъ ее къ православной церкви. Впослѣдствіи Прокудинъ заказалъ въ Москвѣ большую картину, изображающую это видѣніе.

А. Н. Прокудинъ скончался на 42 году, 1 Октября 1827 года. Нищіе горько оплакивали его кончину и на плечахъ своихъ несли гробъ его до могилы. Въ то время уже не было его друга о. Марка, но зато другой великій подвижникъ Саровской пустыни, о. Серафимъ, приготовилъ его къ смерти. «Готовься, Алексѣй», сказалъ Серафимъ Прокудину при послѣднемъ ихъ свиданіи, «тебѣ предстоятъ золотыя горы»!

Прокудинъ самъ себѣ назначилъ мѣсто для могилы и сталъ готовиться къ смерти, «какъ къ пріему давно-желаннаго друга, съ упованіемъ и твердостью христіанина». Алексѣй Неофитовичъ понималъ христіанское милосердіе не въ одномъ тѣсномъ значеніи вещественной милости, но и духовной. Онъ болѣе всего любилъ умиротворять враждующихъ между собою и не жалѣлъ никакихъ для этого усилій, устраняя всякое личное самолюбіе. Не разъ до его слуха доносились слова: «дуракъ, мотъ и ханжа»! Памятниками его благочестія служатъ построенныя имъ двѣ церкви, по обѣ стороны его дома, во имя Казанской Божіей Матери и Николая Чудотворца, и пожертвованное имъ въ Московскій Успенскій соборъ богато украшенное Распятіе, которое и понынѣ называется «Прокудинскимъ».

Елизавета Федоровна скончалась 3 Октября 1847 года [2]).

Князь Андрей Павловичъ Гагаринъ, 1787—1828, двоюродный братъ князей Федора и Василія Федоровичей Гагариныхъ и родной братъ бывшаго предсѣдателя Государственнаго

---

[1]) Св. Маркъ Ѳраческій, пустынникъ, подвизавшійся на Ѳраческой горѣ въ Египтѣ (память 5 Апрѣля).

[2]) Полк. арх.; Леф. арх., Донесенія общ. канц. 1806 г., кн. 323; Аѳонскіе листки, 2 изд. 1888 г., № 78; «Кормчій», 1893 г., № 14, стр. 164.

Совѣта и Комитета министровъ кн. Павла Павловича († 1872 г.). Онъ родился 11 Сентября 1787 г., рано лишился родителей: на второмъ году потерялъ отца, генер.-поручика и Московск. об.-коменданта, кн. Павла Сергѣевича († 1789 г.), а когда ему минуло 12 лѣтъ, скончалась его мать, кн. Татьяна Ивановна, рожд. Плещеева († 1800 г.). Гагаринъ получилъ воспитаніе въ извѣстномъ пансіонѣ аббата Николя, гдѣ его сотоварищами были М. Ф. Орловъ и кн. С. Г. Волконскій. На четырнадцатомъ году, 29 Января 1801 г., онъ былъ записанъ въ службу юнкеромъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ и, числясь тамъ, 1 Февраля 1804 г. произведенъ въ переводчики. Въ Іюнѣ того же года опредѣлился въ Кавалергардскій полкъ эстандартъ-юнкеромъ, а въ Сентябрѣ произведенъ въ корнеты. 23 Мая 1805 г. Гагаринъ выписанъ въ Нарвскій драг. полкъ прапорщикомъ [1]), а черезъ годъ, 15 Іюня 1806 г., переведенъ въ Нижегородскій драгунскій, гдѣ тоже прослужилъ недолго: 18 Октября того же года былъ уволенъ отъ службы, съ производствомъ въ подпоручики. Пробывъ въ отставкѣ нѣсколько мѣсяцевъ, 16 Марта 1807 г. кн. Гагаринъ вновь поступилъ на службу въ Курляндскій драг. полкъ, съ прежнимъ чиномъ прапорщика, и вскорѣ же принялъ участіе въ прусской войнѣ (въ сраженіи при Гутштатѣ, Вольфсдорфѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ), за которую былъ награжденъ аннинскимъ крестомъ и золотой саблею съ надписью «за храбрость». По окончаніи войны, 25 Сентября 1807 г., переведенъ въ лб.-гв. Гусарскій полкъ, съ чиномъ поручика, и 6 Марта 1808 г. произведенъ въ шт.-ротмистры. Во время шведской войны Гагаринъ состоялъ адъютантомъ при кн. М. П. Долгоруковѣ. 14 Октября 1810 г. былъ вторично уволенъ отъ службы, по болѣзни, съ производствомъ въ ротмистры [2]). Въ 1811 г. онъ вступилъ въ бракъ съ княжной Екатериной Сергѣевной Меншиковой (род. 6 Іюля 1794 г., † 21 Дек. 1835 г.).

Вторженіе Наполеона въ Россію вызвало въ Гагаринѣ желаніе выступить на защиту отечества, и онъ просилъ лично Государя о принятіи его вновь на службу. Государь обѣщалъ исполнить его просьбу, но почему-то приказъ объ опредѣленіи его на службу отданъ былъ только 6 мѣсяцевъ спустя: 22 Ноября Гагаринъ принятъ былъ въ Павлоградскій гус. полкъ, съ чиномъ майора; такимъ образомъ онъ могъ принять участіе только въ окончательномъ изгнаніи французовъ изъ русскихъ предѣловъ и въ войнѣ за освобожденіе Германіи. Замѣтивъ въ себѣ признаки развивающейся чахотки, онъ въ третій разъ подалъ въ отставку, и 8 Января 1816 г. былъ уволенъ отъ службы, съ производствомъ въ подполковники, но безъ мундира. 15 Іюля Государь, снисходя на прошеніе Гагарина, разрѣшилъ ему носить мундиръ Павлоградскаго полка.

Въ 1817 г. Гагаринъ поступилъ въ гражданскую службу, въ Экспедицію Кремлевскаго строенія, при чемъ былъ переименованъ въ статскіе совѣтники и пожалованъ въ званіе камергера. Въ 1820 г. былъ назначенъ членомъ коммиссіи для строенія и чиновникомъ для особыхъ порученій при главноначальствующемъ Кремлевской экспедиціей и пожалованъ въ церемоніймейстеры Высочайшаго Двора. Произведенный въ 1821 г. въ дѣйств. статскіе совѣтники, въ томъ же году былъ пожалованъ въ должность гофмаршала, а затѣмъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст. Въ 1826 г. пожалованъ въ шталмейстеры и назначенъ присутствующимъ въ придворной Конюшенной конторѣ и членомъ комитета главной дирекціи Императорскихъ театровъ. Гагаринъ окончилъ жизнь въ Петербургѣ самоубійствомъ 7 Января 1828 года, оставивъ 2 сыновей: князей Павла († 1837 г.) и Льва, и 4 дочерей: кн. Татьяну Андреевну Оболенскую (1812—1839), кн. Софію Андреевну, бывшую въ 1-мъ бракѣ за Д. Н. Анненковымъ, а во второмъ за домъ Педро Сузади-Ботелли, Наталью Андреевну Петрово-Соловово (1815—1893) и княжну Екатерину Андреевну, умершую въ Москвѣ въ преклонномъ возрастѣ 19 Ноября 1900 г. [1]).

Н. Чулковъ.

---

1) Выписка въ армію, вѣроятно, произошла за поступокъ, который, повидимому, заставилъ говорить о немъ тогдашнее общество; по крайней мѣрѣ, такое заключеніе можно вывести изъ опредѣленія, даннаго А. Я. Булгаковымъ князю въ 1811 г. въ письмѣ къ брату: «Князь Андрей Гагаринъ, что увезъ у Зиновьева дѣвку»...

2) У Гагарина, совмѣстно съ братомъ, было 2413 душъ.

Иванъ Ивановичъ Храповицкій 2-й, 1783—, изъ Смоленскихъ дворянъ; сынъ Смоленскаго вице-губернатора Ивана Юрьевича (1738—1800) и Анны Ивановны, рожд. Азанчевской; 11 Сентября 1800 г. поступилъ юнкеромъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ; 17 Января 1803 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ эст.-юнкеромъ; 29 Сент. произведенъ корнетомъ, въ 1806 г. поручикомъ; 14 Ноября

1) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. списки и дѣла Инспект. д-та, 2 отд., 2 ст., 1816 г., св. $^{25}/_{17}$, № 871; Р. Арх., 1870 г., 1556; 1900/1, 510, 512; Адресъ-календари за 1818—27 гг.; Долгоруковъ, «Русская родословная книга», I, 244, 246.

1806 г. назначенъ полковымъ адъютантомъ, въ 1808 г. шт.-ротмистромъ, въ 1811 г. ротмистромъ, 23 Сентября 1813 г. полковникомъ и командиромъ эскадрона.

Участвовалъ въ сраженіи подъ Аустерлицемъ и награжденъ орд. св. Анны 4 ст. и въ кампаніи 1807 г.; въ 1812 г. въ Бородинскомъ бою и награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ; въ 1813 г. подъ Кульмомъ и награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст.; въ 1814 г. подъ Фершампенуазомъ. За это сраженіе Храповицкій былъ дважды представленъ къ Георгіевскому кресту, но награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость», и получилъ ордена: австрійскій Леопольда малаго креста, прусскій «Пурлемеритъ» и баварскій Максимиліана.

Уволенъ отъ службы за болѣзнью 10 Февр. 1819 г. генералъ-майоромъ и съ мундиромъ.

У отца Храповицкаго было 1500 душъ въ Смоленской губерніи [1]).

Александръ Ивановичъ Альбрехтъ 1-й, 1787 — 1828, былъ сынъ Ивана Львовича, полковника Семеновскаго полка († 1839 г.), и его жены Эрмины Карловны, дочери лейбъ-медика К. Ф. Крузе. Фамилія Альбрехтовъ ведетъ свое начало изъ Пруссіи. Прадѣдъ А. И., Лудвигъ фонъ-Альбрехтъ, выѣхалъ въ Россію изъ Пруссіи во время 1-го путешествія Петра Великаго за границу въ 1697—1698 г., по вызову Як. Вил. Брюса, на племянницѣ котораго онъ былъ женатъ. Л. Альбрехтъ служилъ въ Преображенскомъ полку, участвовалъ въ осадѣ Данцига, а подъ Вильманстрандомъ (23 Авг. 1741 г.) лишился ноги. Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны Альбрехтъ пользовался особымъ расположеніемъ и довѣріемъ нѣмцевъ-правителей и долженъ былъ исполнять щекотливое порученіе—секретно наблюдать за Цесаревною Елисаветою. За это онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, получилъ орд. св. Александра Невскаго и мызу Котлы Ямбургскаго уѣзда, оставшуюся родовой у Альбрехтовъ. Воцареніе Императрицы Елисаветы не обѣщало Альбрехту ничего хорошаго, ему даже грозила ссылка въ Сибирь, но дѣло кончилось тѣмъ, что у него былъ отобранъ орденъ Александра Невскаго, и ему велѣно жить безвыѣздно у себя въ имѣніи, при чемъ Императрица, по преданію, сказала: «Пускай околѣваетъ съ голоду въ Котлахъ».

А. И. Альбрехтъ получилъ военное образованіе въ школѣ колонновожатыхъ, откуда 12 Марта 1803 г. переведенъ на службу въ Кавалергардскій полкъ эст.-юнкеромъ, а въ слѣдующемъ году произведенъ въ корнеты.

Съ первыхъ шаговъ своей службы Альбрехтъ принялъ участіе въ продолжительныхъ войнахъ начала царствованія Императора Александра I. Кампаніи 1805 и 1807 гг. Альбрехтъ сдѣлалъ съ Кавалергардскимъ полкомъ и участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Аустерлицемъ и Гейльсбергомъ, въ первомъ изъ нихъ онъ былъ *раненъ* въ голову, правую руку и бокъ и за отличіе былъ награжденъ «золотою шпагою» [1]). По окончаніи войны 1807 г. Альбрехтъ еще 2 года оставался въ полку, а въ 1809 г., по

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., оп. 161, св. 12, д. 81, л. 272; Руммель и Голубцовъ, II, 602 и 603.

[1]) Утромъ въ день боя Альбрехтъ съ 1-мъ взводомъ эскадрона отвозилъ полковые штандарты въ Аустерлицъ и потому слѣдовалъ въ хвостѣ полка. Три первые эскадрона кавалергардовъ, пройдя Вальк-мюльскую гать, развернулись вправо отъ нея и пошли въ атаку на непріятельскую пѣхоту; командиръ 4 эскадрона кн. Репнинъ пошелъ прямо передъ собою противъ кавалеріи Раппа; за Репнинымъ послѣдовалъ 5-й эскадронъ и взводъ Альбрехта. Подъ Альбрехтомъ и его вахмистромъ, вышедшими изъ атаки не ранеными, были убиты лошади. Они стали другъ къ другу спинами и отбивались палашами. Вскорѣ вахмистръ, тяжело раненый, упалъ; Альбрехтъ, оставшись одинъ и уже имѣвшій нѣсколько сабельныхъ ранъ на головѣ, получилъ новый ударъ сзади по головѣ, и почти въ то же мгновеніе конный гренадеръ выстрѣлилъ ему почти въ упоръ въ лицо, но промахнулся; Альбрехтъ продолжалъ защищаться, и, наконецъ, еще ударъ, по кисти правой руки перерѣзалъ у ней жилы, и палашъ выпалъ у него изъ руки. Обезсиленный, онъ упалъ замертво, лицемъ на раненую руку. Это случайное положеніе руки, придавленной къ землѣ, помѣшало слишкомъ сильному кровотеченію и спасло ему жизнь. Чрезъ нѣсколько часовъ, когда битва стихла, французскій солдатъ, прельщенный мундиромъ Альбрехта, чтобы разстегнуть колетъ, перевернулъ его штыкомъ на спину. Боль отъ новой раны привела Альбрехта въ чувство; онъ былъ отнесенъ на перевязочный пунктъ». (Панчулидзевъ, III).

производствѣ въ штабсъ-ротмистры, былъ переведенъ, 12 Дек., по желанію Вел. Кн. Константина Павловича, въ лб.-гв. Драгунскій (нынѣ Конногренадерскій) полкъ и здѣсь въ 1810 г. произведенъ въ капитаны, а 11 Октября 1811 г. въ полковники. Въ этомъ полку Альбрехтъ оставался до 1812 г.

Въ Отечественную войну Альбрехтъ командовалъ Сводным гвардейскимъ легко-кавалерійскимъ полкомъ, вошедшимъ въ составъ корпуса гр. Витгенштейна. 16 Іюля въ дѣлѣ подъ м. Волынцами Альбрехтъ взялъ въ плѣнъ 7 офицеровъ и 100 нижнихъ чиновъ, а за отличія, оказанныя въ дѣлахъ при Клястицахъ, Боярщинѣ, Сивошинѣ и Головщицѣ (18, 19 и 20 Іюля) награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст.; 30 Іюня онъ участвовалъ въ дѣлѣ у с. Каханово, 5 и 6 Августа въ дѣлахъ подъ Полоцкомъ и 10 Августа въ авангардномъ дѣлѣ подъ м. Бѣлымъ.

Съ наступленіемъ затишья въ военныхъ дѣйствіяхъ на берегахъ Двины (съ Августа по Октябрь), вслѣдствіе ожиданія обѣими сторонами подкрѣпленій, Альбрехтъ принялъ участіе въ поискахъ партизановъ, поддерживаемыхъ нашими легкими кавалерійскими отрядами (8, 9 и 10 Сентября при с. Дриссѣ); 15 Сентября съ 2 эскадронами, переправившись вплавь черезъ р. Двину, онъ занялъ съ боя г. Друю, а 16 Сентября м. Бельмонтъ, гдѣ захватилъ въ плѣнъ 6 офицеровъ и 200 нижнихъ чиновъ, за что награжденъ орд. св. Анны 2-й ст.

Съ открытіемъ Витгенштейномъ, по полученіи подкрѣпленій, наступательныхъ дѣйствій противъ маршала Сенъ-Сира, Альбрехтъ участвуетъ въ бояхъ 6 и 7 Октября подъ Полоцкомъ, при чемъ при преслѣдованіи французовъ онъ съ 3 экадронами отбилъ у непріятеля 12-орудійную батарею, за что награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст.; въ этомъ дѣлѣ онъ снова былъ *раненъ* въ правую руку.

При наступленіи гр. Витгенштейна отъ Полоцка къ Ушачу, Альбрехтъ со своимъ полкомъ поступилъ въ отрядъ Гельфрейха, высланный Витгенштейномъ для поддержки корпуса гр. Штейнгеля, дѣйствовавшаго противъ Баварскаго корпуса Вреде. Послѣ пораженія послѣдняго при Бибиничахъ (12 Окт.) Альбрехтъ преслѣдовалъ разбитыхъ баварцевъ до д. Коблучи, гдѣ напалъ на ихъ обозъ и захватилъ его вмѣстѣ съ 22 знаменами, спрятанными въ немъ; за это дѣло онъ получилъ орд. св. Владиміра 3-й ст., а за дѣла при Чашникахъ и Смолянцахъ (1 и 2 Ноября) алмазные знаки къ ордену св. Анны 2-й ст. 16 Ноября онъ участвовалъ въ плѣненіи дивизіи Партуно у Борисова, за что ему объявлено Монаршее благоволеніе. При преслѣдованіи французовъ за Березиною, Альбрехтъ

А. И. Альбрехтъ.

находился въ главной арміи Кутузова и за отличія въ концѣ года награжденъ золотою саблею.

Походъ 1813 г. Альбрехтъ сдѣлалъ, также командуя Сводным гвардейскимъ легко-кавалерійскимъ полкомъ и участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Люценомъ и Бауценомъ. Въ послѣднемъ сраженіи онъ *раненъ* осколкомъ гранаты въ бокъ и для излѣченія отправился въ Россію. Пролѣчившись около трехъ мѣсяцевъ и едва оправившись, онъ возвратился къ дѣйствующей арміи въ Теплицъ и участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Лейпцигомъ и наступленіи союзныхъ армій къ границамъ Франціи.

Въ походѣ 1814 года Альбрехтъ командовалъ тѣмъ же Сводным гвард. легко-кавалерійскимъ полкомъ и принялъ участіе въ дѣлахъ подъ Бріенномъ и д. Пиней (20, 21 и 22 Янв.), Монмиралемъ и Сезанномъ (3, 4 и 6 Февр.), при д. Судѣ и Сомпью (8, 10 и 11 Марта). Подъ Фершампенуазомъ (13 Марта) Альбрехтъ 8 разъ водилъ полкъ въ атаку, при чемъ отбилъ у французовъ 18 орудій. За отличіе, оказанное въ послѣднемъ дѣлѣ, онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и получилъ австрійскій, баварскій и прусскій кресты.

Послѣ возвращенія нашей арміи въ Россію Альбрехтъ былъ зачисленъ по кавалеріи, но уже въ 1815 г. назначенъ командиромъ гвардейской кавалеріи въ Варшавѣ, а въ 1817 г. командиромъ лб.-гв. Уланскаго Цесаревича полка, который поручено было ему сформировать, подъ личнымъ руководствомъ Константина Павловича, и въ слѣдующемъ году—командиромъ Варшавской гвардейской кавалерійской бригады. За скорое сформированіе Уланскаго полка Альбрехтъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст., а въ 1818 г. полу-

чилъ орденъ св. Станислава 1-й ст. Въ 1823 г. назначенъ командиромъ Гвардейской кавалерійской дивизіи въ Варшавѣ, съ оставленіемъ командиромъ лб.-гв. Уланскаго полка. Въ 1826 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ оставленіемъ въ занимаемыхъ должностяхъ.

Альбрехтъ, несомнѣнно, былъ храбрый боевой кавалерійскій офицеръ, умѣвшій удовлетворить и требованіямъ мирнаго времени, благодаря чему онъ пользовался постояннымъ, начиная съ 1809 г., покровительствомъ и расположеніемъ В. Кн. Константина Павловича. Это милостивое расположеніе къ нему Цесаревича видно уже изъ того, что Альбрехтъ былъ назначенъ командиромъ Уланскаго полка Цесаревича, бывшаго у него всегда на глазахъ, любимаго Константиномъ Павловичемъ, и всю вторую половину жизни провелъ въ Варшавѣ. Старшая сестра Альбрехта, Дарья Ивановна, была замужемъ за близкимъ къ Цесаревичу генераломъ, Андр. Ал. Жандромъ, убитымъ во время бунта 1830 г. мятежниками. Генералъ Одинцовъ въ своихъ запискахъ о Варшавѣ того времени говоритъ, что Цесаревичъ очень любилъ французскій театръ, и поэтому въ Варшавѣ была французская труппа, въ числѣ артистокъ которой была «красивая Констансъ, любовница А. И. Альбрехта, который былъ замѣчателенъ тѣмъ, что походилъ на Александра I». По словамъ Одинцова, Альбрехтъ, кромѣ того, любилъ играть въ карты и, «когда проигрывался, считалъ возможнымъ по полугоду не давать жалованья полку. Въ Варшавѣ полковые командиры получали въ свое распоряженіе всю сумму на жалованье, обмундированіе и продовольствіе полка, черезъ что имѣли большіе доходы» [1]).

Альбрехтъ былъ женатъ два раза: въ первый разъ на вдовѣ Бологовской, рожд. княжнѣ Кантакузенъ, во второй—на Маріи Антоновнѣ Ланге († 1830); дѣтей у него не было.

Онъ умеръ въ Варшавѣ 21 Августа 1828 г. на 40-мъ году жизни, «искренно оплаканный», пишетъ историкъ лб.-гв. Уланскаго Его Величества полка, «и Цесаревичемъ, и сослуживцами, и подчиненными» [2]).

---

1) «Курута страстно любилъ играть въ карты и проигрывалъ большую часть своихъ весьма значительныхъ доходовъ русскимъ генераламъ и въ особенности генералу Альбрехту». (Восп. Колачковскаго, Р. Стар., 1902/V, 415).

2) Леф. арх., Форм. сп. 1827 г.; Полковой архивъ; Лобановъ-Ростовскій, I, 12—14; Мих.-Данилевскій, «Галлерея Зимняго Дворца», V, 310 и 311; Записки А. А. Одинцова, Р. Стар., 1890/I, 26; Висковатовъ, «Исторія Кавалергардскаго полка», 62; Крестовскій, «Исторія лб.-гв. Уланскаго Е. В. полка», I, 89, 90, 134; II, 73 и 74; Панчулидзевъ, «Исторія Кавалергардовъ», III.

Ѳедоръ Михайловичъ Бѣлкинъ, 1785—, изъ древней дворянской фамиліи, сынъ Вяземскаго помѣщика, колл. совѣтника Михаила Николаевича. 26 Марта 1803 г. Бѣлкинъ изъ пажей былъ переведенъ эст.-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ, 17 Октября 1804 г. произведенъ въ корнеты, а 23 Октября 1806 г. въ поручики. Бѣлкинъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Аустерлицѣ и въ походѣ 1807 г. Въ 1809 г. произведенъ въ шт.-ротмистры. Въ Маѣ 1810 г. командированъ въ Москву и въ Малороссійскія губерніи для покупки 40 ремонтныхъ лошадей для Кавалергардскаго полка. 28 Марта 1812 г. произведенъ въ ротмистры. Во время Отечественной войны и похода 1813 г. Бѣлкинъ былъ въ сраженіи подъ Полоцкомъ (6 Октября), гдѣ «во время слѣдованія еще полка на мѣсто сраженія откомандированъ былъ со взводомъ для спасенія подбитой нашей пушки, что исполнилъ подъ сильными выстрѣлами, не допустилъ непріятельскихъ стрѣлковъ овладѣть оною и вывезъ съ мѣста сраженія; въ атакахъ находился всегда впереди и подавалъ собою примѣръ, а когда у полковника Ершова убита была лошадь, то онъ (Бѣлкинъ) нѣсколько времени командовалъ эскадрономъ и собралъ оный подъ непріятельскими выстрѣлами», и награжденъ орд. св. *Георгія* 4-й ст.; въ дѣлахъ при Чашникахъ (1 и 2 Ноября), при Батурѣ (11 Ноября), Борисовѣ (15 Ноября) и Студянкѣ (16 Ноября), гдѣ «съ начала дѣла командовалъ Кавалергардскимъ эскадрономъ и подкрѣплялъ Конногвардейскій эскадронъ во время атаки на кавалерію, и первый бросился на непріятельскихъ стрѣлковъ съ отличною храбростью, подавая собою примѣръ подчиненнымъ, гдѣ легко *раненъ* въ руку пулею», и получилъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ и въ 1813 г., командуя 2-мъ эскадрономъ [1]), за границей — участвовалъ въ сраженіи подъ Кульмомъ и награжденъ орд. св. Анны 2 ст. и вслѣдъ за симъ принялъ 2-й эскадронъ. 18 Февраля 1814 г. былъ откомандированъ въ Варшаву къ генералу Кологривову для формированія резервныхъ эскадроновъ.

31 Января 1816 г. Бѣлкинъ былъ уволенъ отъ службы «за болѣзнью» полковникомъ, съ мундиромъ. Вскорѣ онъ снова поступилъ на службу и былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ старшимъ полиціймейстеромъ въ Москвѣ. Въ 1821 г., по представленію Московскаго генералъ-губернатора, кн. Д. В. Голицына, Бѣлкинъ былъ награжденъ орд. св. Владиміра 3 ст. «за отличное усердіе и труды по производству

---

1) Командиръ 2-го эскадрона полк. И. З. Ершовъ былъ и командующимъ Кавалергардскимъ полкомъ.

слѣдственнаго дѣла о поимкѣ въ Москвѣ дѣлателя фальшивыхъ ассигнацій Карпова».

Бѣлкинъ имѣлъ хорошее состояніе и конскій заводъ. Въ 1815 г. онъ женился на дочери умершаго полковника Екатеринѣ Энгельгардтъ; бракъ былъ бездѣтенъ, и состояніе его перешло къ племянницѣ его, княгинѣ В. А. Урусовой, рожд. Энгельгардтъ, мать которой, А. М. Бѣлкина, была его сестрой [1]).

Принцъ Александръ Виртембергскій (Фридрихъ-Вильгельмъ-Александръ), 1804 — 1881, былъ сынъ герцога Александра, родного брата Императрицы Маріи Ѳеодоровны, отъ брака съ принцессою Антуанеттою Саксенъ-Кобургъ-Заалсфельдской, родился 8 Декабря 1804 г. и 2 Февраля 1805 г. былъ зачисленъ въ Кавалергардскій полкъ корнетомъ; былъ производимъ: 4 Апрѣля въ поручики, 18 Апрѣля въ штабсъ-ротмистры и 22 Августа въ ротмистры, а 6 Декабря 1827 г. въ полковники. По вступленіи на престолъ Императора Николая I, 9 Апрѣля, приказано было «корнета герцога Александра Виртембергскаго употребить на службу», и онъ находился въ лейбъ-эскадронѣ во время коронаціи. 11 Ноября того же года пр. Александръ былъ, по Высоч. повелѣнію, прикомандированъ къ Семеновскому полку «для узнанія пѣхотной фронтовой службы», а съ 7 Іюня по 13 Ноября 1827 г. былъ прикомандированъ съ тою же цѣлью къ гвардейской конной артиллеріи, откуда откомандированъ попрежнему къ Семеновскому полку. Несмотря на то, что былъ налицо, въ Петербургѣ, не находился во фронтѣ полка противъ мятежниковъ 14 Декабря 1825 г., а, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ и братомъ Эрнстомъ, наблюдалъ за мятежомъ изъ оконъ Зимняго дворца. Въ 1828 г., по особому желанію Императора Николая I, принцъ Александръ былъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Эрнстомъ, прикомандированъ къ 7-му корпусу пр. Евгенія Виртембергскаго. 14 Октября 1828 г. произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ шефомъ Стародубскаго кирас. полка. Во время осады Шумлы принцъ опасно заболѣлъ лихорадкою и долженъ былъ оставить дѣйствующую армію. Въ Польскую войну командовалъ 1-й бриг. Гвардейской кирас. дивизіи. Послѣ смерти своего отца (1833 г.) принцъ Александръ оставилъ русскую службу и удалился за границу. 5 Октября 1837 г. онъ вступилъ въ бракъ съ пр. Маріею Орлеанскою, дочерью короля Людовика-Филиппа, но овдовѣлъ черезъ годъ (21 Дек. 1838 г.). Остальное время своей жизни принцъ провелъ за границей. Онъ скончался въ преклонномъ возрастѣ 16 Октября 1881 г.

Отъ брака съ принцессой Маріей онъ имѣлъ одного сына Филиппа-Александра-Марію-Эрнста (р. 18 Іюля 1838 г.), который въ настоящее время является главою католической линіи Виртембергскаго дома, имѣющей ближайшее право на Виртембергскій престолъ послѣ короля Вильгельма II [1]).

Павелъ Александровичъ Римскій-Корсаковъ, 1785—1812, поступилъ 6 Іюня 1803 г. юнкеромъ въ Екатеринославскій кирас. полкъ, 16 Іюля переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, 12 Января 1804 г. произведенъ эст.-юнкеромъ, 13 Іюля 1805 г. корнетомъ, 1 Ноября 1806 г. поручикомъ.

Участвовалъ въ сраженіи подъ Аустерлицемъ и награжденъ орд. св. Анны 4 ст.; находился съ полкомъ въ кампанію 1807 г. и въ Отечественную войну. *Убитъ* подъ Бородиномъ, въ рядахъ лейбъ-эскадрона.

О Римскомъ-Корсаковѣ, огромнаго роста и необыкновенной силы, сохранилось преданіе, основанное на разсказахъ французскихъ офицеровъ, что, занесенный конемъ къ непріятелю и окруженный имъ, онъ на всѣ требованія сдачи отвѣчалъ ударами палаша, подъ которыми легло нѣсколько человѣкъ. Наконецъ, выстрѣлъ изъ карабина положилъ его на мѣстѣ [2]). «Погибъ добрый другъ гвардейскихъ артиллеристовъ, кавалергардскій ротмистръ Корсаковъ, одаренный богатырскою силою, и котораго сабля долго пролагала себѣ широкую дорогу въ рядахъ непріятеля, но картечь пробила его латы» [3]). «Онъ былъ необычайнаго роста и сильнаго сложенія», пишетъ Н. Н. Муравьевъ, «къ сему присоединялъ еще благородную душу» [4]).

Александръ Васильевичъ Мельгуновъ, 1782—1812, изъ дворянъ Казанской губ., гдѣ

---

[1]) Полк. арх.; Леф. арх., Форм. сп. 1815 г., кн. 1; Нагр. дѣла, св. 14, д. 4; Дѣла Инсп. деп., 1813 г., св. 9, дд. 101 и 438; оп. 153, св. 573, д. 976; оп. 161, св. 20, д. 116, л. 504; Мѣсячные рапорты 1814 г., Мартъ; М. арх. М. Ю., дѣла Управы Благочинія, в. 354; Долгоруковъ, IV, 67; Свѣдѣнія, сообщ. г. В. Бѣлкиной.

[1]) Полк. арх.; Р. Стар., XXVII, 82—92, 534, 776, 778, 791; Almanach de Gotha, 1853 г., 80; 1895 г., 116.
[2]) Висковатовъ, «Ист. Кавалерг. п-ка», изд. 1851 г.
[3]) Восп. Авр. С. Норова, Р. Арх., 1881/III, 200.
[4]) Полк. арх.; Р. Арх., 1885/X, 231; Р. Стар., 1874/VIII, 637.

у него было 780 душъ, въ 1799 г. поступилъ унт.-офицеромъ въ Казанскій гарн. полкъ; въ 1803 г. произведенъ въ порт.-юнкера; 13 Февраля 1804 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ эст.-юнкеромъ; 13 Іюля 1805 г. произведенъ въ корнеты, въ 1806 г. въ поручики; 24 Августа 1808 г. переведенъ ротмистромъ въ Глуховской кирас. полкъ; въ 1809 г. произведенъ въ майоры, а 18 Ноября 1812 г. исключенъ изъ списковъ умершимъ. Мельгуновъ участвовалъ въ сраженіи подъ Аустерлицемъ, за что награжденъ орд. св. Анны 4 ст., и въ кампаніи 1807 года [1]).

Сергѣй Петровичъ Ланской 1-й (потомъ 3-й), 1789—1832, изъ Новгородскихъ дворянъ, былъ сынъ Петра Сергѣевича и Елизаветы Романовны, рожд. Лепарской [2]), и старшій изъ четырехъ братьевъ Ланскихъ, служившихъ одновременно въ кавалергардахъ. 30 Августа 1804 г. Ланской изъ закорпусныхъ пажей опредѣленъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ, 24 Января 1805 г. эст.-юнкеромъ и 8 Октября на походѣ произведенъ въ корнеты. 16-лѣтнимъ юношей ему довелось принять боевое крещеніе подъ Аустерлицемъ, за что награжденъ орд. св. Анны 4 ст. Съ полкомъ же онъ участвовалъ и въ кампаніи 1807 г. Въ 1808 г. произведенъ въ поручики. Произведенный 12 Марта 1812 г. въ шт.-ротмистры, онъ выступилъ въ походъ съ дѣйствующими эскадронами и за Бородинское сраженіе получилъ золотое оружіе; 20 Февраля 1813 г. произведенъ въ ротмистры. Въ Кульмскомъ сраженіи Ланской не участвовалъ, такъ какъ былъ командированъ въ Варшаву для привода резервнаго эскадрона. Подъ Фершампенуазомъ онъ, «ударивъ на непріятельскую кавалерію, опрокинулъ оную и занялъ мѣсто непріятеля, потомъ собралъ свой эскадронъ подъ картечными выстрѣлами, атаковалъ орудіе, дѣйствовавшее по немъ, и взялъ оное», за что былъ награжденъ орденомъ *св. Георгія* 4 ст. Въ 1816 г. Ланской былъ произведенъ въ полковники и 18 Февраля 1818 г. назначенъ командиромъ Малороссійскаго кирас. полка, коимъ командовалъ до 25 Апрѣля 1825 г., когда былъ уволенъ отъ службы за болѣзнью генералъ-майоромъ, съ мундиромъ.

Умеръ 22 Мая 1832 г. холостымъ и погребенъ на старомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры [1]).

Никита Сергѣевичъ Лунинъ 2-й, —1805, братъ Михаила Сергѣевича, въ службѣ съ 1803 г. юнкеромъ въ Кавалергардскомъ полку; 8 Окт. 1805 г. произведенъ въ корнеты. *Смертельно раненъ* въ рядахъ лейбъ-эскадрона подъ Аустерлицемъ 20 Ноября 1805 г. [2]).

Сергѣй Федоровичъ Колычевъ, 1787—1854, сынъ бригадира Федора Федоровича (1745 — 1791) и его жены Прасковіи Ивановны, рожденной княжны Долгоруковой.

Колычевъ началъ службу юнкеромъ въ 1803 г. въ Екатеринославскомъ кирас. полку; черезъ 2 года, 1 Января 1805 г., переведенъ въ Кавалергардскій полкъ. 8 Октября 1805 г., уже на походѣ за границу, Колычевъ былъ произведенъ въ корнеты. За сраженіе при Аустерлицѣ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст. Въ кампаніи 1807 г. Колычевъ участвовалъ съ полкомъ; въ 1808 г. произведенъ въ поручики. Во время Отечественной войны Колычевъ все время былъ съ полкомъ въ дѣйствующей арміи и за сраженіе при Бородинѣ получилъ орд. св. Владиміра 4 ст. По переходѣ русской арміи за границу, въ 1813 г., 14 Января произведенъ въ шт.-ротмистры, а 20 Февраля того же года въ ротмистры; за сраженіе подъ Кульмомъ награжденъ орд. св. Анны 2 ст. Въ 1814 г., 13 Марта участвовалъ въ сраженіи при Фершампенуазѣ. «Во время первой атаки всей ли-

---

[1]) Леф. арх., Форм. сп. 1816 г., кн. 1998.

[2]) П. С. Ланской былъ младшимъ изъ восьми братьевъ сподвижника Кутузова Василія Сергѣевича Ланского.—Елизавета Романовна была сестрой доброй памяти Станислава Романовича Лепарскаго.

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1824 г., кн. 6112; Нагр. дѣла, св. 10, д. 12; св. 15, д. 12; Мѣсячные рапорты 1813 г.; Лобановъ-Ростовскій, I, 301; А. П. Арапова, «Записка о Ланскихъ» (рукопись).

[2]) Полк. арх.; Леф. арх., оп. 160, св. 124.

ніи непріятельской, командуя эскадрономъ, подавалъ примѣры храбрости своимъ подчиненнымъ и, благоразумно распоряжаясь, способствовалъ къ опрокинутію непріятельской линіи, при чемъ взято 3 пушки». За этотъ подвигъ Колычевъ былъ награжденъ орд. *св. Георгія* 4 ст. По возвращеніи въ Россію, въ Іюнѣ 1815 г., при проходѣ Кавалергардскаго полка чрезъ Псковскую губернію, у Колычева вышло столкновеніе съ Порховскимъ исправникомъ, капитаномъ 3 ранга Мягковымъ, имѣвшее для него печальныя послѣдствія. 19 Іюня 1815 г. начальнику штаба Гвардейскаго корпуса Сипягину, при проѣздѣ его черезъ г. Порховъ, исправникъ Мягковъ подалъ прошеніе, въ которомъ говорилось: «Сего Іюня 13 дня, часу въ 10 пополудни, былъ я у Порховскаго городничаго надв. сов. и кавалера Ачкасова съ прибывшимъ сюда провіантскимъ членомъ г. Струковымъ для учиненія торговъ на перевозку хлѣба. По прошествіи нѣкотораго времени бытности моей тамъ, вдругъ вошелъ къ нему, г. городничему, Кавалергардскаго полка г. ротмистръ и кавалеръ Колычевъ; прежде спросилъ, кто городничій, потомъ, кто исправникъ, и сказалъ мнѣ, какъ осмѣлился я то бранное слово, которое онъ прислалъ съ вѣстовымъ ко мнѣ, и которое я не имѣю смѣлости здѣсь выразить, отослать къ нему, г. Колычеву, съ тѣмъ же вѣстовымъ назадъ, сталъ меня ругать самымъ непристойнѣйшимъ образомъ съ такою азартностью, что ударилъ меня по лицу и разбилъ губы до крови; послѣ такого нечаяннаго и чувствительнѣйшаго со мной поступка, зная, что я невиненъ, тотчасъ я бросился объявить о семъ происшествіи того полка г. полковнику Бороздину».

Сипягинъ тотчасъ это прошеніе Мягкова препроводилъ къ командующему Кавалергардскимъ полкомъ ген.-майору Каблукову при отношеніи, въ которомъ писалъ: «Бывъ увѣренъ, что Кавалергардскаго полка офицеръ никогда не могъ бы сдѣлать такого непозволительнаго поступка, я въ обязанности нашелся для должнаго изслѣдованія препроводить при семъ къ в. пр. копію съ поданнаго ко мнѣ прошенія и прошу васъ, что по сему дѣлу окажется, не оставить меня увѣдомленіемъ вашимъ съ нарочнымъ въ гор. Вильну, гдѣ я буду находиться 23 числа». Въ поданномъ 21 Іюня командующему полкомъ объясненіи Колычевъ заявлялъ, что «прописанную» въ прошеніи Мягкова «обиду» онъ, «дѣйствительно, произвелъ, но оную сдѣлалъ не противъ службы, а совершенно партикулярнымъ образомъ, ибо онъ противъ меня былъ слишкомъ дерзокъ въ разговорѣ по моему чину и званію». Колычевъ былъ преданъ военному суду учрежденной по Высочайшему повелѣнію при полку комиссіи, начавшей свою дѣятельность 22 Декабря 1815 года.

Судъ тянулся почти 2 года. 13 Сентября 1817 года министромъ Юстиціи кн. Лобановымъ-Ростовскимъ было дано Пр. Сенату предложеніе слѣдующаго содержанія: «Г. дежурный генералъ, за отсутствіемъ начальника Главнаго штаба Е. И. В., сообщилъ мнѣ, что Кавалергардскаго полка ротмистръ Колычевъ, по произведенному надъ нимъ военному суду, оказался виновнымъ въ томъ: 1) что онъ при проходѣ помянутаго полка чрезъ Псковскую губернію 13 Іюня 1815 г., имѣя ночлегъ Порховскаго у. с. Опокахъ у крестьянина, выбилъ въ окнѣ стекла подъ предлогомъ, дабы избѣжать въ покояхъ дурного воздуха, за которыя хотя по соглашенію исправника Мягкова и обѣщался заплатить крестьянину 5 руб., но, вмѣсто того, присланному за деньгами велѣлъ человѣку своему дать только одинъ рубль, а вѣстовому сходить къ исправнику и сказать ругательное слово, каковымъ дѣйствіемъ сдѣлался не только начинщикомъ ссоры, но еще привлекъ и подчиненнаго своего къ противозаконному поступку; 2) въ ругательствѣ означеннаго исправника и ударѣ его по щекѣ рукою до крови за то, будто исправникъ чрезъ вѣстового сказалъ и ему въ отвѣтъ ругательство, что отъ исправника не было; 3) въ намѣреніи произвесть надъ тѣмъ исправникомъ дальнѣйшую месть, на каковой предметъ въ ту же самую ночь приходилъ искать его въ домѣ Порховскаго городничаго и потомъ къ женѣ Мягкова, съ офицерами и юнкерами Кавалергардскаго полка, которыхъ при производствѣ слѣдствія и суда сокрылъ, и 4) въ предстательствѣ за корнета Розена [1]), съ коимъ ѣздилъ къ полковнику Уварову для объявленія о болѣзни Розена тогда, когда начальство нашло уже его въ ложномъ рапортованіи себя больнымъ, гдѣ Розенъ, учиня дерзкій поступокъ, тѣмъ по суду подвергъ себя къ лишенію чиновъ [2]), — за все сіе, по докладу Аудиторскаго департамента, Высочайшей Е. И. Величества конфирмаціей состоявшагося въ 3 день Сентября, повелѣно: «Лиша его, Колычева, чиновъ и орденовъ, написать до выслуги въ рядовые, взыскавъ при томъ съ него и тѣ 5 руб. во удовлетвореніе крестьянина за разбитыя стекла, которыя были начальною причиною всѣхъ неудовольствій, по суду открывшихся»... 23 Сентября 1817 г. Колычевъ былъ написанъ рядовымъ въ Изюмскій гус. полкъ, стоявшій въ Шацкѣ Тамбовской губерніи. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ, 14 Октября того же года, онъ былъ Всемилости-

1) См. его біографію.
2) См. біографію барона М. К. Розена.

вѣйше прощенъ, съ возвращеніемъ орденовъ, и опредѣленъ ротмистромъ въ Екатеринославскій кирас. полкъ; 22 Сентября 1820 г. произведенъ въ подполковники, а 22 Декабря 1822 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью полковникомъ, съ мундиромъ.

С. Ф. Колычевъ умеръ въ 1854 г. въ своемъ имѣніи Бѣлевскаго уѣзда, селѣ Темряги, гдѣ и погребенъ около церкви. Онъ былъ женатъ на Аннѣ Ниловнѣ Левшиной, но дѣтей не имѣлъ [1]).

А. Голомбіевскій.

Николай Петровичъ Засѣцкій, 1788 —, изъ Вологодскихъ дворянъ, произведенъ изъ камеръ-пажей 1 Января 1806 г. корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ. 6 Января 1808 г. уволенъ по болѣзни въ отставку поручикомъ. По окончаніи службы поселился въ своемъ имѣніи (с. Семенково, близъ г. Вологды), гдѣ умеръ и погребенъ [2]).

Графъ Василій Ивановичъ Апраксинъ 2-й, 1788 — 1822, братъ Петра Ивановича, въ службѣ съ 22 Янв. 1802 года колонновожатымъ и того же года Сентября 11 произведенъ въ подпоручики; 3 Апр. 1806 г. переведенъ корнетомъ въ кавалергарды; въ 1808 г. поручикомъ; въ 1810 г. назначенъ шефскимъ адъютантомъ къ Ф. П. Уварову; въ 1813 г. шт.-ротмистромъ и ротмистромъ; 2 Апр. 1814 г. въ Парижѣ назначенъ флигель-адъютантомъ; 30 Авг. 1815 г. на смотру въ Вертю произведенъ за отличіе въ полковники. Апраксинъ былъ въ походѣ 1807 г. съ полкомъ и въ Турецкой войнѣ 1810 г. въ качествѣ адъютанта Ф. П. Уварова участвовалъ въ сраженіи подъ Шумлою (11 и 12 Іюня), за что награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ и въ отраженіи вылазки 26 Іюня. На штурмѣ Рущука (22 Іюля) Апраксинъ былъ *раненъ* въ правое плечо, но уже 16 Августа участвовалъ въ дѣлѣ при Батинѣ, а 26 Авг. въ Батинскомъ сраженіи и при занятіи Никополя (15 Окт.) [1]).

Умеръ «отъ болѣзни» въ 1822 г. и 26 Октября исключенъ изъ списковъ.

Гр. Апраксинъ «Васинька» хорошо былъ извѣстенъ кн. П. А. Вяземскому, который о немъ пишетъ: «Императоръ Александръ Павловичъ не любилъ Апраксина и, вѣроятно, потому, что Апраксинъ, будучи фл.-адъютантомъ, перешелъ къ В. К. Константину. Апраксинъ просилъ однажды объясненія, не зная, чѣмъ онъ подвергъ себя царской немилости. Государь сказалъ, что онъ видѣлъ, какъ Апраксинъ за столомъ смѣялся надъ нимъ и передразнивалъ его. Въ этомъ Апраксинъ не сознавался. Его мучило, что онъ не произведенъ въ генералы... Каррикатуры его превосходны. Чтобы дать понятіе объ его легкомысліи, достаточно сказать, что онъ во все время пребыванія своего въ Варшавѣ, когда всю судьбу свою поработилъ Вел. Князю, онъ писалъ на него каррикатуры одну смѣлѣе другой, по двадцати въ день. Кромѣ двухъ страстей—музыки и рисованія, имѣлъ онъ еще двѣ—духи и ордена. У него была точно лавка склянокъ съ духами, орд. лентами и орденами. Увѣряютъ даже, что по смерти его нашли у него нѣсколько экз. звѣзды Станислава 2 ст., на которую давно глядѣлъ онъ съ страстнымъ вожделѣніемъ. Онъ нѣсколько разъ былъ представляемъ къ ней, но по сказаннымъ причинамъ не получалъ ея отъ Государя. Къ довершенію, былъ онъ сердцемъ добрый, но нравовъ весьма легкихъ и уступчивыхъ. Въ характерѣ его и поведеніи не было достоинства нравственнаго. Его можно было любить, но нельзя было уважать». Однажды «разнесся слухъ, что папа умеръ. Многіе старались угадывать, кого на его мѣсто изберетъ новый конклавъ. «О чемъ тутъ и толковать»? перебилъ рѣчь Апраксинъ, «разумѣется, назначенъ будетъ военный». Это слово, сказан-

---

1) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1821 г., кн. 3962; Уничт. бумаги арх. Сената; Боде-Колычевъ, «Боярск. родъ Колычевыхъ», 397—399.

2) Полк. арх.; Леф. арх., Форм. сп., кн. 1; Свѣдѣнія, сообщ. г. Засѣцкимъ.

1) «Въ 1812, 1813 и 1814 годахъ, въ какихъ именно дѣлахъ противъ французскихъ войскъ находился и какими за отличіе орденскими знаками награжденъ, по недоставленію свѣдѣній, неизвѣстно».

ное въ тогдашней Варшавѣ, строго подчиненной военной обстановкѣ, было очень мѣтко и всѣхъ разсмѣшило. Замѣчательна удачная находчивость Апраксина въ подобныхъ случаяхъ. Онъ не зналъ исторіи, ничего никогда не читалъ, вѣроятно, какъ-то мелькомъ слышалъ про изреченіе и тутъ же примѣнилъ его такъ мѣтко, остроумно и забавно. Кромѣ саморощеннаго дарованія на острыя слова, Апраксинъ имѣетъ еще и другіе таланты: никогда не учась музыкѣ, поетъ онъ прекрасно и разыгрываетъ на клавикордахъ лучшія мѣста изъ слышанныхъ имъ оперъ; никогда не учась рисованію, онъ мастерски владѣетъ карандашомъ и рисуетъ прекрасныя каррикатуры. У генерала Сипягина [1]) есть *большой альбомъ, Апраксинымъ исписанный:* тутъ, въ смѣшныхъ и мѣткихъ изображеніяхъ проходитъ *все Петербурское общество.* Со временемъ этотъ альбомъ можетъ *сдѣлаться историческою достопамятностью*».

«Вспомнишь теперь (во время Польскаго возстанія)», писалъ Вяземскій А. Я. Булгакову 21 Дек. 1830 г., «о Васинькѣ Апраксинѣ: онъ намъ послѣ представилъ бы всю эту передрягу въ лицахъ. Твоя мысль о Карлѣ X очень хороша. Въ самомъ дѣлѣ, только бы ему папою быть: авось удержалъ бы онъ ключи царства земного. Кстати о папѣ и Апраксинѣ. Однажды разнесся слухъ въ Варшавѣ, что папа умеръ, и толковали мы, кто будетъ его преемникомъ. «О чемъ и думать», вскричалъ Апраксинъ, «ужъ, вѣрно, назначатъ военнаго»! Твоя шутка французская, а это коренная русская. Никому, кромѣ русскаго, не могла она войти въ голову, а при военномъ дворѣ Цесаревича была она еще какъ-то удачнѣе. У Апраксина, безъ всякаго образованія, было много ума d'à propos. Какъ пѣлъ онъ самоучкою и съ наслышки, такъ онъ былъ и уменъ. Совершенно ничего не зналъ и вдругъ, вмѣшавшись въ разговоръ, пуститъ шутку прямо въ цѣль и попадетъ вѣрнѣе всякаго» [2]).

Федоръ Александровичъ Уваровъ 2-й, 1780—1827, изъ Рязанскихъ дворянъ, началъ службу 17 Апрѣля 1796 г. сержантомъ въ Семеновскомъ полку, куда записанъ былъ въ 1785 г.; 26 Декабря 1796 г. переведенъ въ Тенгинскій мушк. полкъ подпоручикомъ; въ 1798 году произведенъ въ поручики, въ 1799 г. въ шт.-капитаны и 14 Марта 1800 г. въ капитаны, съ назначеніемъ адъютантомъ. Въ 1802 г. Уваровъ вышелъ въ отставку, а 26 Апрѣля 1806 г. вновь поступилъ на службу шт.-ротмистромъ въ Кавалергардскій полкъ; здѣсь въ 1809 г. онъ былъ произведенъ въ ротмистры и въ 1813 г. въ полковники. Еще во время первой своей службы, 18 лѣтъ, участвовалъ Уваровъ въ экспедиціи въ Голландію, гдѣ былъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ. Участвовалъ съ полкомъ въ Прусской войнѣ 1807 г.; съ полкомъ же участвовалъ въ Отечественной войнѣ и при Бородинѣ, былъ *раненъ* и награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, въ 1813 г. — подъ Кульмомъ, гдѣ получилъ орд. св. Анны 2 ст., въ 1814 г.—подъ Фершампенуазомъ, при чемъ за отличіе въ этомъ сраженіи награжденъ орд. *св. Георгія 4 ст.* и получилъ прусскій орденъ « pour le mérite ».

По возвращеніи въ Россію Уваровъ былъ уволенъ въ 6-мѣс. отпускъ (съ 29 Апрѣля) и въ это время женился на дочери д. ст. совѣтника Екатеринѣ Сергѣевнѣ Луниной, сестрѣ декабриста Лунина, а затѣмъ въ 1816 г. отпущенъ для лѣченія ранъ и 5 Ноября того же года «за ранами» уволенъ отъ службы, съ чиномъ статскаго совѣтника. Позднѣе, въ 20-хъ гг., онъ былъ дѣйств. ст. совѣтникомъ и камергеромъ; жилъ большею частью въ с. Большая Екатериновка Шацкаго уѣзда и занимался хозяйствомъ: развелъ большой паркъ, устроилъ стеклянный заводъ и пр. О немъ сохранилось воспоминаніе, какъ о хорошемъ хозяинѣ, но строгомъ, подчасъ жестокомъ помѣщикѣ, и какъ о «колдунѣ». Какъ человѣкъ образованный, любилъ чтеніе и собралъ значительную библіотеку. Онъ зналъ французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Его жена была также женщина просвѣщенная, обладавшая музыкальнымъ талантомъ и любившая искусство. Тѣмъ не менѣе, у дѣтей не сохранилось никакихъ рукописей или бумагъ отца—все это куда-то исчезло. У Ф. А. Уварова было только двое сыновей, Александръ и Сергѣй, послѣдній докторъ философіи, человѣкъ ученый.

Исчезновеніе Ф. А. Уварова въ 1827 г. было неожиданно, таинственно и осталось загадкой. Онъ вышелъ изъ дому и болѣе не возвращался.

Декабристъ С. Г. Волконскій, служившій одновременно съ Уваровымъ въ кавалергардахъ, въ своихъ «Запискахъ» говоритъ о немъ слѣдующее: « Черный Уваровъ [1]), добрый и честный малый, но съ большими претензіями

---

[1]) Ген.-ад. Николай Мартемьяновичъ Сипягинъ, нач. штаба гвард. корпуса.

[2]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1821 г., кн. 3934; оп. 152, св. 564, д. 67; кн. Вяземскій, VIII, 22 и IX, 43; Р. Арх., 1879/V, 112 и 113; «XIX вѣкъ», II, 250 и 266; Долгоруковъ, II, 117 и 118.

[1]) Въ отличіе отъ «бѣлаго», Федора Семеновича Уварова.

на умъ и красоту, не безъ перваго, но вовсе безъ послѣдней, et très susceptible, ce qui lui donnait une teinte d'être bretteur». Другой современникъ, князь П. А. Вяземскій, объ исчезновеніи Уварова занесъ слѣдующее въ свою «Старую записную книжку»: «Въ Кавалергардскомъ полку одного офицера прозвали *супъ*. Онъ былъ большой хлѣбосолъ и встрѣчнаго и поперечнаго приглашалъ de venir manger la soupe chez lui, то-есть, по-русски—щей похлебать. Между тѣмъ онъ былъ очень щекотливъ, взыскателенъ, раздражителенъ. «Бѣдовый онъ человѣкъ съ приглашеніями своими», говаривалъ Денисъ Давыдовъ, «такъ и слышишь въ приглашеніи его: покорнѣйше прошу васъ пожаловать ко мнѣ пообѣдать, а не то извольте драться со мною на шести шагахъ разстоянія». Этотъ оригиналъ и пригласитель съ пистолетомъ, приставленнымъ къ горлу, былъ, впрочемъ, образованный человѣкъ и пользовавшійся уваженіемъ. Около тридцатыхъ годовъ, онъ, изъ среды общества, изъ среды семейства, со дня на день, пропалъ безъ вѣсти. Никто не зналъ, кажется, и нынѣ не знаетъ, куда дѣвался онъ, какъ кончилъ и покончилъ ли съ жизнью своею. Объяснительной причины къ исчезновенію его также никто придумать не могъ. Года два-три спустя, на дѣтскомъ балу замѣтилъ я малолѣтняго сына его, танцовавшаго съ маленькою дочкою отца, который года два предъ тѣмъ зарѣзался. Разумѣется, эта встрѣча была дѣломъ случая, и, вѣроятно, дѣти и не знали о злополучной участи родителей своихъ, но и въ самомъ случаѣ бываетъ иногда много трагическаго драматизма».

Наконецъ, тогда же А. Я. Булгаковъ писалъ брату: «Ты пишешь объ Уваровѣ. Скажи, пожалуйста, стоило ли труда заварить кашу, начать процессъ, и отъ того только, что велѣно ему дать законный ходъ, посягнуть на себя. Своимъ гнуснымъ концомъ онъ завершаетъ мнѣніе, которое должно имѣть объ его нравственности. Жилъ, поступалъ дурно, а умеръ еще хуже... А Уварова тѣла таки не нашли. Положеніе его жены странно: вдова и не вдова».

Между тѣмъ и сама Е. С. Уварова въ официальной перепискѣ, которую ей пришлось вести съ III Отдѣленіемъ по причинѣ того участія и помощи, которую она оказывала своему брату М. С. Лунину [1]), сосланному въ Сибирь, не разъ касалась вопроса о смерти мужа. 19 Марта 1832 г. Уварова писала Бенкендорфу: «Depuis 5 ans j'ai quitté Pétersbourg dont le séjour était devenu crucifiant pour moi par la seule vue de cette Néva où mon malheureux époux a cherché la mort», а во Всеподданнѣйшемъ прошеніи 12 Сентября 1842 г., по тому же поводу, она говоритъ: «Je revendique les longs et loyaux services de mon mari qui fut un de vos plus fidèles sujets et dont toute une vie d'honneur ne fut hélas! ternie que par un incompréhensible suicide!»... Такимъ образомъ сама Уварова не признавала въ смерти мужа случайности, но причины не открывала. Въ томъ же письмѣ къ Бенкендорфу, прося опредѣленія сыновей — Александра (въ 1832 г. ему было 16 лѣтъ), котораго «покойный Государь пожаловалъ еще въ дѣтствѣ въ пажи», и Сергѣя въ Пажескій корпусъ, Уварова, говоря о своихъ сыновьяхъ, характеризовала и мужа въ такихъ выраженіяхъ: «Mes enfants ont hérité de leur père ce cœur tout russe, ce dévouement au Trône, ce noble enthousiasme pour le Souverain et la patrie qui ont caractérisé leur digne père! Comme lui ils s'émeuvent au seul récit d'une belle action, ils s'enflamment au seul mot d'honneur, de valeur militaire et comme lui, tout jeunes qu'ils sont, ils seraient prêts à verser tout leur sang pour leur Souverain!»

По семейнымъ преданіямъ, однако, исчезновеніе Уварова объяснялось трояко: 1) было предположеніе, что онъ утонулъ въ Невѣ, 2) что бѣжалъ въ Америку, и будто бы туда ѣздила къ нему Е. С. Уварова и 3) что онъ былъ тѣмъ таинственнымъ старцемъ Даніиломъ, котораго знали въ Сибири многіе декабристы [1]).

Уваровъ имѣлъ хорошія средства: ему принадлежали 500 душъ въ Рязанской и Ярославской губерніяхъ и, кромѣ того, имѣнія въ Тамбовской губерніи.

Е. С. Уварова жила большею частью за границей, гдѣ воспитывались и ея сыновья. Вдова и дочери А. Ф. Уварова живутъ и теперь за границей [2]).

А. Голомбіевскій.

---

[1]) См. біографію М. С. Лунина.

[1]) Свѣдѣнія, сообщенныя Г. А. Ряжскимъ, который зналъ С. Ф. Уварова и его сына, врача М. С. Уварова († 1903 г.). По мнѣнію г. Ряжскаго, старикъ Уваровъ, какъ и его мать, знали тайну, но не любили объ этомъ говорить и *никому* ея не открыли. Послѣ Ф. А. Уварова не сохранилось никакихъ писемъ или бумагъ, равно нѣтъ и его портрета. Нѣкоторыя книги перешли къ г. Ряжскому, которому удалось еще найти: 1) повѣстку отъ двора, вызывавшую Уварова для представленія Государю за нѣсколько дней до его исчезновенія, и 2) ручной типогр. шрифтъ Александровскаго времени; а внуку его попался уставъ какого-то тайнаго общества (вѣроятно, «Зеленая книга»), который и былъ имъ уничтоженъ.

[2]) Леф. арх., Полковой архивъ, Форм. сп. 1816 г., кн. 1; Арх. Госуд. Полиціи, д. 61/61, лл. 1, 2 и 123; Сочиненія кн. Вяземскаго, VIII, 468 и 469; Записки Волконскаго, 60; Р. Архивъ, 1901/III, 7 и 9.

Князь Федоръ Федоровичъ Гагаринъ, 1786 — 1863. Отца онъ лишился рано: князь Федоръ Сергѣевичъ (р. 1757 г.), дослужившійся до чина генералъ-майора, былъ на глазахъ сына умерщвленъ поляками въ Варшавѣ въ 1794 г. Мать его, княгиня Прасковья Юрьевна, рожденная княжна Трубецкая (1762 — 1848), славившаяся своей красотой, послѣ умерщвленія мужа была взята въ плѣнъ и освобождена Суворовымъ послѣ взятія Варшавы. Затѣмъ она поселилась въ Москвѣ и вышла вторично замужъ за П. А. Кологривова [1]). Проведя годы своего дѣтства и отрочества въ Москвѣ, кн. Ф. Ф. Гагаринъ 18 лѣтъ отъ роду опредѣлился на службу въ департаментъ министерства Юстиціи (3 Авг. 1804 г.), но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 20 Декабря 1804 г., перешелъ въ военную службу, въ Семеновскій полкъ, портупей-прапорщикомъ. Въ 1805 г. онъ совершилъ походъ въ Австрію и участвовалъ въ Аустерлицкомъ сраженіи. 24 Апрѣля 1806 г. Гагаринъ былъ произведенъ въ прапорщики, а 24 Августа того же года переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, съ переименованіемъ въ корнеты. Въ Декабрѣ этого года онъ былъ, по собственному желанію, командированъ въ распоряженіе барона Беннигсена для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ «съ тѣмъ, чтобы употребленъ былъ на службу при Лейбъ-Кирасирскомъ Его Величества полку» [2]). Въ рядахъ этого полка онъ и участвовалъ въ сраженіяхъ при Янковѣ (20 и 21 Янв. 1807 г.), Ландсбергѣ (25 Янв.), Прейсишъ-Эйлау, Гейльсбергѣ и Фридландѣ. За участіе въ этой кампаніи онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст., а за Прейсишъ-Эйлау ему былъ пожалованъ орденъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ Гагаринъ исполнялъ должность адъютанта, но каждый почти разъ, какъ возникала война, стремился на театръ военныхъ дѣйствій. 17 Мая 1808 г. былъ назначенъ адъютантомъ къ графу Остерманъ-Толстому, но уже въ концѣ этого года находился въ Закавказьѣ, гдѣ происходила война съ Персіей. Въ Октябрѣ участвовалъ въ осадѣ Эривани. Произведенный 5 Ноября въ поручики, онъ 17 Ноября отличился при штурмѣ Эривани, бросившись впередъ на приступъ для ободренія солдатъ. 12 Декабря 1809 г. Гагаринъ былъ назначенъ адъютантомъ къ фельдмаршалу гр. Гудовичу. Въ 1811 г. участвовалъ, въ качествѣ волонтера, въ турецкой войнѣ и 31 Января отличился при штурмѣ Ловчи, атаковавъ со стрѣлками Московскаго грен. полка непріятельскій редутъ, за что былъ награжденъ золотой саблей съ надписью «за храбрость». 20 Апрѣля 1812 г. онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ кн. П. И. Багратіону и принялъ затѣмъ участіе въ Отечественной войнѣ. За храбрость, оказанную при Бородинѣ, былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст., а 31 Октября 1812 г. произведенъ въ шт.-ротмистры. 25 Января 1813 г. былъ переведенъ въ Павлоградскій гус. полкъ, съ чиномъ майора, и 26 Мая назначенъ адъютантомъ къ генералу-отъ-инф. Дохтурову. Въ военныхъ дѣйствіяхъ принялъ участіе только осенью, по окончаніи перемирія, и былъ въ сраженіяхъ при Дрезденѣ и Кульмѣ. Попавъ затѣмъ въ отрядъ г.-м. Бенкендорфа, онъ съ эскадрономъ павлоградцевъ и казачьимъ полкомъ взялъ Тергейденъ и тѣмъ способствовалъ взятію на слѣдующій день Бенкендорфомъ Гертруденбурга. По вступленіи отряда въ Голландію, Гагаринъ съ 300 спѣшенными казаками и башкирами атаковалъ непріятеля, занимавшаго крѣпость Девентеръ и выбилъ его оттуда, захвативъ въ плѣнъ 60 человѣкъ. За отличіе при Девентерѣ получилъ орденъ *св. Георгія* 4 ст. По словамъ С. Г. Волконскаго, Гагаринъ отличился при защитѣ Бенкендорфомъ Голландской крѣпости Бреды, за что дума ордена св. Георгія, безъ представленія начальства, присудила ему крестъ. 1 Марта 1814 г. при взятіи Реймса командовалъ 1-мъ Башкирскимъ полкомъ и былъ взятъ въ плѣнъ, въ которомъ пробылъ недолго, такъ какъ военныя дѣйствія вскорѣ прекратились. 7 Апрѣля 1815 г. Гагаринъ былъ переведенъ изъ Павлоградскаго полка въ Тираспольскій конно-егерскій, въ которомъ пробылъ около 2 лѣтъ, послѣ чего, 20 Февраля 1817 г., переведенъ въ Оренбургскій уланскій полкъ;

---

1) См. Сборникъ біографій Кавалергардовъ, II.
2) Леф. арх., оп. 206, св. 1, л. 45.

14 Января 1819 г. произведенъ въ полковники, а 23 Октября того же года назначенъ командиромъ Гродненскаго (съ 1824 г. Клястицкаго) полка, которымъ командовалъ 8 лѣтъ.

Въ 1825 г. Гагаринъ былъ арестованъ по подозрѣнію въ принадлежности къ тайному обществу и подвергнутъ допросу. По его показанію, въ 1817 г. А. Н. Муравьевъ, зная, что Гагаринъ былъ прежде масономъ, предложилъ свести его на засѣданіе новаго тайнаго общества, собиравшагося въ Москвѣ, на квартирѣ Фонъ-Визина, на что Гагаринъ согласился. Число присутствующихъ на засѣданіи было невелико; большинство, за исключеніемъ Перовскаго и Якушкина, было ему незнакомо. Разговоръ, въ которомъ онъ не принималъ участія, касался представительнаго образа правленія. Гагаринъ побывалъ еще на одномъ засѣданіи, послѣ чего объ обществѣ ничего не слыхалъ и ни съ кѣмъ изъ членовъ общества сношеній не имѣлъ, кромѣ Артамона Муравьева; послѣдній, проѣзжая черезъ Торжокъ, гдѣ стоялъ полкъ Гагарина, видѣлся съ нимъ и сказалъ ему, что тоже принадлежитъ къ тайному обществу. Въ концѣ Января 1826 г. Гагаринъ заболѣлъ и былъ переведенъ изъ крѣпости для лѣченія въ Военно-сухопутный госпиталь. 1 Февраля онъ былъ вторично допрошенъ и къ вышеизложенному показанію добавилъ, что цѣль общества была ему неизвѣстна, и вообще онъ объ этомъ обществѣ ничего не зналъ; разговоръ о конституціи на первомъ изъ двухъ засѣданій, на которыхъ онъ присутствовалъ, былъ частный, а не общій, и послѣ двухъ посѣщеній общества, «убѣдившись въ неосновательности онаго, никакой связи, никакихъ сообщеній съ нимъ болѣе не имѣлъ». Допрошенный по поводу показанія Гагарина, Артамонъ Муравьевъ заявилъ, что ему было извѣстно то обстоятельство, что князь принятъ въ число членовъ тайнаго общества, но онъ совсѣмъ не помнитъ разговора съ нимъ въ Торжкѣ. О томъ, что Гагаринъ былъ членомъ тайнаго общества, показали: кн. Трубецкой, кн. Оболенскій и гр. Спиридонъ Булгари. Слѣдственный комитетъ, разсмотрѣвъ показанія, касающіяся Гагарина и его собственныя, въ засѣданіи 2 Февраля постановилъ: «какъ изъ всѣхъ показаній на князя Гагарина видно, что онъ принадлежалъ только къ составленному въ 1817 г. Александромъ Муравьевымъ Военному обществу, коего цѣль политическая не была всѣмъ членамъ открыта, что онъ въ преступномъ совѣщаніи, гдѣ Якушкинъ вызывалъ на цареубійство, не присутствовалъ, о семъ злодѣйскомъ намѣреніи ни прежде, ни послѣ не слыхалъ, а вскорѣ отсталъ отъ общества, то представить Государю Императору объ освобожденіи его». На представленіи комитета послѣдовала Высочайшая резолюція: «Выпустить».

6 Декабря 1827 г. Гагаринъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ состояніемъ по кавалеріи, а 4 Октября 1829 г. назначенъ командиромъ 1-й бригады 2-й Гусарской дивизіи, состоявшей изъ Павлоградскаго и Изюмскаго полковъ. Въ 1831 г. онъ, находясь со своей бригадой въ составѣ арміи, дѣйствовавшей противъ польскихъ мятежниковъ, 21 Марта перешелъ границу Царства Польскаго и былъ командированъ съ Павлоградскимъ полкомъ къ Сѣдлецу для наблюденія за движеніемъ непріятеля. 29 Марта въ дѣлѣ при Игани прикрывалъ этимъ полкомъ артиллерію, дѣйствовавшую изъ-за р. Мухавца во флангъ непріятелю. Затѣмъ, въ теченіе Апрѣля, участвовалъ во фланговыхъ движеніяхъ арміи отъ Сѣдлеца къ Ново-Минску и Ендржееву и обратно, а 12 Мая въ отраженіи отъ Сѣдлеца мятежниковъ, намѣревавшихся прорваться въ Россію, за что ему былъ пожалованъ орденъ св. Владиміра 3 ст. Въ концѣ Іюня онъ вмѣстѣ съ арміей двинулся на нижнюю Вислу и затѣмъ, въ теченіе Іюля, производилъ развѣдки съ Павлоградскимъ полкомъ. Съ 3 Августа Гагаринъ находился при главномъ штабѣ дѣйствующей арміи, 25 и 26 Августа участвовалъ въ сраженіи подъ Варшавой и штурмѣ ея и за отличіе, оказанное въ этихъ дѣлахъ, получилъ орденъ св. Анны 1 ст. Въ 1833 г., 19 Февраля, онъ былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 2-й Конноегерской дивизіи, но менѣе чѣмъ черезъ 2 мѣсяца, 2 Апрѣля, по случаю переформированія армейской кавалеріи и уничтоженія конноегерскихъ полковъ, уволенъ отъ должности, съ сохраненіемъ содержанія. 30 Декабря 1835 г. онъ, въ числѣ генераловъ, состоявшихъ по арміи и кавалеріи безъ должности, по особому Высочайшему повелѣнію уволенъ отъ службы, съ мундиромъ и съ пенсіей, равной одной трети оклада — 1000 руб. асс., но 7 Ноября 1836 г. повелѣно производить ему за свыше 30-лѣтнюю службу въ пенсіонъ со дня увольненія отъ службы по 2000 рублей [1]).

Князь Гагаринъ пріобрѣлъ въ современномъ ему обществѣ репутацію лихого кавалериста, игрока и дуэлиста. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ старался отличиться разнообразными выходками, о которыхъ ходило множество разсказовъ. Нѣкоторые изъ нихъ проникли и въ печать, благодаря воспоминаніямъ современниковъ. Такъ, извѣстный поэтъ и мужъ его сестры, кн. П. А. Вяземскій, разсказываетъ такой случай, происшедшій еще въ юности Гагарина:

---

[1]) За нимъ лично числилось 580 душъ въ Московскомъ уѣздѣ.

въ 1808 или 1809 году нѣсколько представителей московской блестящей молодежи собрались въ Царицынѣ на пикникъ и въ ожиданіи обѣда гуляли по парку. Одинъ изъ участниковъ пикника, С. С. Новосильцовъ, имѣлъ съ собой ружье и хотѣлъ выстрѣлить въ птицу. Гагаринъ остановилъ его словами: «Что за важность стрѣлять въ птицу, попробуй выстрѣлить въ человѣка».—«Охотно», отвѣтилъ Новосильцовъ, «хоть въ тебя».—«Изволь, я готовъ, стрѣляй». Новосильцовъ прицѣлился, но послѣдовала осѣчка. А. П. Валуевъ вырвалъ ружье изъ рукъ его и выстрѣлилъ. Тогда Гагаринъ сказалъ: «Ты въ меня цѣлилъ, это хорошо, но теперь будемъ цѣлить другъ въ друга, увидимъ, кто въ кого попадетъ; вызываю тебя на поединокъ». Вмѣшавшіеся пріятели насилу могли прекратить дѣло миролюбивымъ образомъ, и противники остались попрежнему добрыми товарищами. Другой разсказъ находится въ Запискахъ гр. М. Д. Бутурлина, служившаго подъ начальствомъ Гагарина. Послѣдній, разсказываетъ Бутурлинъ, пріѣхавъ однажды на почтовую станцію, заказалъ рябчика и вышелъ изъ комнаты. Вернувшись назадъ, онъ увидѣлъ, что одинъ изъ проѣзжающихъ завладѣлъ его жаркимъ, несмотря на предупрежденіе, что это чужой заказъ. Гагаринъ въ наказаніе заставилъ его съѣсть еще 11 рябчиковъ, угрожая ему заряженнымъ пистолетомъ. Этотъ именно анекдотъ, по словамъ Бутурлина, послужилъ для Загоскина темой для одного эпизода въ «Юріи Милославскомъ», гдѣ герой романа заставляетъ поляка съѣсть такимъ же образомъ жаренаго гуся. Во время польской войны Гагаринъ, по свидѣтельству того же Бутурлина, щеголялъ въ фуражкѣ набекрень безъ козырька, какъ у рядовыхъ, а въ отставку онъ, какъ ходилъ тогда слухъ, былъ уволенъ за то, что показывался въ Варшавѣ на общественныхъ гуляньяхъ съ дамами, общество которыхъ было сочтено неприличнымъ для генерала. До чего у него была развита страсть ко всякаго рода выходкамъ, видно изъ того, что на одномъ портретѣ онъ велѣлъ художнику придать пальцамъ на рукѣ положеніе, считающееся неприличнымъ. Разсказываютъ, что даже во время допроса послѣ ареста въ 1825 г. онъ, несмотря на серіозность положенія, не удержался отъ шутки. Другими слабостями Гагарина были, по словамъ Бутурлина, желаніе быть вездѣ на первомъ мѣстѣ, а въ пожилые годы стремленіе казаться молодымъ. Въ молодости онъ былъ извѣстенъ въ обществѣ подъ именемъ «Феденьки», а впослѣдствіи, когда онъ облысѣлъ, получилъ за свою черепообразную полуголую голову прозвище «tête de mort». Подобно многимъ своимъ современникамъ, Гагаринъ, вслѣдствіе полученнаго имъ воспитанія, былъ настоящимъ французомъ. Сестра его, кн. В. Ф. Вяземская, разсказывала, что послѣ взятія Парижа въ 1814 г. онъ былъ тамъ въ театрѣ, и до него дошелъ разговоръ въ сосѣдней ложѣ. Тамъ говорили о появленіи съ казаками русскаго дикаря и башибузука князя Гагарина (онъ, какъ выше было указано, командовалъ въ это время башкирскимъ полкомъ). Гагаринъ заговорилъ со своими сосѣдями на прекрасномъ французскомъ языкѣ и, когда они пожелали узнать его фамилію, изумилъ ихъ сообщеніемъ, что онъ тотъ самый башибузукъ, о которомъ они толковали.

Съ подчиненными ему офицерами Гагаринъ обращался, какъ съ товарищами, и павлоградцы и изюмцы были очень преданы своему бригадному командиру. Для характеристики отношеній его къ офицерамъ Бутурлинъ разсказываетъ слѣдующій эпизодъ: однажды, во время польской войны офицеры, поздно вечеромъ, метали банкъ въ палаткѣ на разостланномъ на землѣ коврѣ. Вдругъ подымается пола палатки, и къ общему изумленію изъ-подъ нея просовывается чья-то рука съ картой, и чей-то голосъ произноситъ: «Господа, атанде, пятерка пикъ идетъ ва-банкъ». Вслѣдъ за рукой показалась и черепообразная голова Гагарина.

Повидимому, однако, страсть къ выходкамъ и полковые интересы не играли исключительной роли въ жизни Гагарина, по крайней мѣрѣ въ годы его молодости. Изъ показанія его, даннаго въ 1826 г. слѣдственному комитету, видно, что онъ былъ масономъ; наконецъ, самое приглашеніе принять участіе въ тайномъ обществѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что его считали способнымъ сдѣлаться членомъ таковаго.

Выйдя въ отставку, Гагаринъ поселился въ Москвѣ и сталъ играть видную роль въ московскомъ обществѣ, но съ годами онъ постепенно превратился изъ лихого кавалериста въ раздражительнаго стараго холостяка, сдѣлался мало доступенъ, постоянно брюзжалъ, относясь ко всему порицательно; единственнымъ удовольствіемъ для него сдѣлалось куреніе трубки. Онъ скончался въ преклонномъ возрастѣ 6 Сентября 1863 г.[1]).

Н. Чулковъ.

Михаилъ Сергѣевичъ Рожновъ, 1789—, изъ дворянъ Новоторжскаго уѣзда, сынъ тайн. сов. Сергѣя Ивановича и Анны Петровны, рожд. Тыртовой, началъ службу «колонновожа-

---

[1]) Полк. арх.; Леф. арх., Инспект. Д-та 1836 г., 1 отд., 3 ст., св. 1028, д. 826; Гос. арх., I, Б, д. 171; Записки С. Г. Волконскаго, 294; Р. Арх., 1876/II, 201; 1897/II, 256, 435, 436; 1900/I, 512; Богдановичъ, Исторія войны 1813 г., II, 612; «Старина и Новизна», VI, 335 и 336.

тымъ»; переведенъ 22 Февр. 1804 г. юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ, съ которымъ участвовалъ въ Аустерлицкомъ сраженіи; 18 Мая 1806 г. эст.-юнкеромъ, а 15 Іюня того же года корнетомъ. Участвовалъ съ полкомъ въ походѣ 1807 г. Уволенъ въ отставку поручикомъ 9 Октября 1808 г. [1]).

Сергѣй Петровичъ Воейковъ, 1787—1812, изъ Тамбовскихъ дворянъ, 12 Марта 1804 г. поступилъ юнкеромъ въ Екатеринославскій кирас. полкъ; 1 Декабря переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; 18 Мая 1806 г. произведенъ въ эст.-юнкера, а 15 Іюня въ корнеты, 8 Декабря 1808 г. въ поручики.

Участвовалъ въ сраженіи подъ Аустерлицемъ въ походѣ 1807 г. Въ 1812 г. Воейковъ находился во 2-мъ эскадронѣ, вошедшемъ въ составъ отряда гр. Витгенштейна, и *убитъ* 6 Августа подъ Полоцкомъ во время знаменитой атаки кавалергардовъ и Конной гвардіи, спасшей отрядъ отъ полнаго пораженія.

По семейнымъ преданіямъ, братъ Воейкова, Дмитрій Петровичъ, служившій въ Бѣлорусскихъ гусарахъ, пришелъ вечеромъ послѣ боя на бивакъ кавалергардовъ спросить о братѣ и узналъ о его смерти. Товарищи передали брату пару пистолетовъ Кухенрейтера [2]), со словами: «Вотъ все, что осталось отъ твоего брата, еще уцѣлѣла лошадь, а самъ онъ былъ убитъ наповалъ снарядомъ во время атаки».

У матери Воейкова въ разныхъ губерніяхъ было 800 душъ крестьянъ [3]).

1) Полк. арх.; Свѣдѣнія, сообщ. Тверской арх. комиссіей.

2) Пистолеты эти переданы нынѣ внукомъ Д. П. Воейкова, кавалергардомъ Ф. И. Ладыженскимъ, въ полковой музей.

3) Полк. архивъ; Свѣдѣнія, сообщ. Ф. И. Ладыженскимъ.

Василій Александровичъ Обресковъ, 1782—1834, сынъ Выборгскаго генералъ-губернатора ген.-отъ-кав. Александра Васильевича († 1811 г.) [1]) и племянникъ Московскаго губернатора эпохи 12 года Николая Васильевича Обрескова, службу началъ въ 1802 г. юнкеромъ въ коллегіи Иностранныхъ дѣлъ; 1 Мая 1804 г. произведенъ въ корнеты, съ опредѣленіемъ въ Екатеринославскій кирас. полкъ; въ 1805 г. назначенъ адъютантомъ къ инспектору кавалеріи Обрескову; 23 Іюля 1806 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; въ 1808 г. поступилъ во фронтъ, въ 1809 г. поручикомъ; въ 1810 г. назначенъ адъютантомъ къ Московскому главнокомандующему гр. Гудовичу, въ 1812 году — къ гр. Растопчину; въ 1813 году шт.-ротмистромъ и пожалованъ орденомъ св. Владиміра 4 степени [2]), въ 1816 г. ротмистромъ; 25 Декабря 1816 года за болѣзнью уволенъ отъ службы, съ мундиромъ; въ 1817 г. опредѣленъ въ службу по кавалеріи подполковникомъ, съ назначеніемъ полицмейстеромъ въ Москву; въ 1821 г. пожалованъ орд. св. Анны 2-й ст.; въ 1823 г. произведенъ въ полковники; въ 1827 г. пожалованъ орд. св. Анны 2-й ст. съ алмазными украшеніями. 3 Сентября 1827 г. уволенъ отъ службы къ статскимъ дѣламъ, съ переименованіемъ въ статскіе совѣтники. Въ 1828 г. опредѣленъ впредь до вакансіи за оберъ-прокурорскій столъ 7-го департамента Сената. Въ 1831 г. получилъ Высочайшее благоволеніе за дѣятельность во время эпидеміи холеры въ Москвѣ, когда Обресковъ находился въ званіи начальствующаго надъ временными больницами, устроенными въ домахъ Пашкова и кн. Салтыкова. Въ томъ же году пожалованъ камергеромъ.

Участвовалъ въ походахъ и сраженіяхъ: въ 1808 г. при кн. Багратіонѣ въ Швеціи, въ сраженіяхъ у Мемеля и при занятіи г. Тавастгуса; въ сраженіи подъ г. Біернеборгомъ, за что получилъ Высоч. благоволеніе; 5 Марта при занятіи г. Або, откуда посланъ былъ гр. Буксгевденомъ къ Государю съ донесеніемъ о по-

1) Руммель и Голубцовъ, II, 191.—Мать его у Руммеля названа Анной Федор. Ермоловой ошибочно, А. Ф. была его бабка. См. «Записки» Свербѣева, т. I.

2) Графъ Растопчинъ представилъ Обрескова 17 Февр. 1813 г. къ ордену св. Анны 2 ст. «за то, что былъ употребленъ въ разныя посылки во время нашествія непріятеля въ Москву по выходѣ нашей арміи изъ оной; былъ съ полицейскими драгунами для успокоенія жителей въ Подольскомъ уѣздѣ и переловилъ до 60 человѣкъ непріятельскихъ мародеровъ». На это представленіе Государь рескриптомъ 14 Іюня 1813 г. отвѣчалъ: «Ежели Кавалергардскаго полка поручикъ Обресковъ не имѣетъ еще никакого ордена, то я жалую его кавалеромъ ордена св. Владиміра 4 ст., а буде орденъ сей имѣетъ, то св. Анны 2 класса»... (Леф. арх., Нагр. дѣла, св. 7, д. 5).

кореніи города, за что получилъ отъ Е. И. Величества брильянтовый перстень; 16 Сент. за дѣло при с. Зельзингъ (Химойса) пожалованъ орд. св. Анны 3 ст. Съ 5 Янв. 1809 г. былъ «употребляемъ кн. Багратіономъ для исполненія разныхъ порученій» и исполнялъ «важнѣйшія» порученія, находясь при покореніи острововъ Аландскихъ, за что и получилъ Монаршее благоволеніе.

Растопчинъ въ одномъ изъ писемъ къ женѣ (3 Окт. 1812 г.) такъ характеризовалъ своего адъютанта: «J'ai avec moi Obreskow, qui est le meilleur garçon du monde» [1]). Обресковъ присутствовалъ, между прочимъ, и при убійствѣ Верещагина.

Какъ Московскій полицмейстеръ, Обресковъ былъ не на своемъ мѣстѣ. Человѣкъ, любившій покойную жизнь, любившій хорошо покушать, болтунъ, онъ и самъ тяготился полицейской службой. Особенно досаждали ему пожары: онъ или просыпалъ ихъ, или опаздывалъ, или распоряжался такъ неудачно, что подавалъ поводъ къ остротамъ своихъ друзей и знакомыхъ (кн. Вяземскаго, Булгакова). «Обресковъ ужасный болтунъ», говоритъ его свояк А. Я. Булгаковъ въ одномъ изъ писемъ, «жалка наша полиція: пора посадить людей, какъ Брокеръ»... Двоюродный братъ Обрескова Свербѣевъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Человѣкъ онъ былъ добрый, не имѣвшій никакихъ претензій на умственныя способности, жившій одною матеріальной жизнью. Жена была умна, образована, славная музыкантша, но иногда несносная своимъ фразерствомъ; впослѣдствіи бросилась въ ханжество» [2]).

Былъ женатъ съ 1813 г. на княжнѣ Прасковьѣ Васильевнѣ Хованской, дочери сенатора Василія Алексѣевича Хованскаго и 1-й жены его Екатерины Петровны, рожд. Нарышкиной [3]). Имѣлъ дочь Екатерину (р. 1815 г.; была замужемъ за В. В. Обуховымъ).

Обресковъ имѣлъ 200 душъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ Нижегородской губ., да за женою его состояло 95 душъ крестьянъ въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губ. (с. Сѣнцово) [4]).

Князь Василій Сергѣевичъ Трубецкой, 1775—1841, принадлежавшій къ младшей вѣтви рода кнн. Трубецкихъ, родился 24 Марта 1775 г.; онъ приходился правнукомъ боярину кн. Юр. Юр. Трубецкому (1668—1739) и былъ сыномъ кн. Сергѣя Алексѣевича и кн. Елены Васильевны, рожденной княжны Несвицкой († въ Ноябрѣ 1831 г.).

Въ 1781 году, 6-и лѣтъ, Трубецкой былъ записанъ въ службу въ Преображенскій полкъ, 1 Января 1784 г. произведенъ въ сержанты, а 12 Февраля 1784 г. переведенъ въ Конную гвардію вахмистромъ.

18-и лѣтъ, произведенный 5 Января 1793 г. въ корнеты, кн. Трубецкой явился на службу и 1 Января 1796 г. произведенъ въ подпоручики, а 3 Февраля того же года пожалованъ въ камеръ-юнкеры.

По вступленіи на престолъ Императора Павла, Высочайшимъ приказомъ 8 Ноября 1796 г. кн. Трубецкой отчисленъ въ числѣ прочихъ камеръ-юнкеровъ отъ Коннаго полка, а 26 Февраля 1798 г. пожалованъ въ «дѣйствительные камергеры».

16 Іюня 1800 г. повелѣно было Трубецкого причислить къ Герольдіи, а чрезъ 3 дня (19 Іюня) онъ назначенъ «присутствующимъ членомъ» въ Камеръ-Коллегію. 14 Іюля 1800 г. 25-лѣтній кн. Трубецкой пожалованъ въ тайные совѣтники, но указомъ 25 Марта 1801 г. ему повелѣно отправлять попрежнему должность камергера при дворѣ.

Осенью 1805 года Трубецкой пожелалъ вступить въ ряды дѣйствующихъ войскъ и изъ тайныхъ совѣтниковъ опредѣленъ поручикомъ въ Маріупольскій гус. полкъ, 5 Янв. 1806 г. переименованъ въ майоры, съ зачисленіемъ по арміи.

Въ 1805 г., выступивъ съ своимъ полкомъ за предѣлы Имперіи, Трубецкой состоялъ во время похода адъютантомъ при кн. Багратіонѣ. Въ эту кампанію Трубецкой участво-

---

[1]) Р. Арх., 1901, II, 479.

[2]) Тамъ же, 1879/V, 101; 1901, II, 217, 340, 362; «Записки» Д. Н. Свербѣева, I, 128, 172.

[3]) «Ѣду», пишетъ А. Я. Булгаковъ 23 Сентября 1813 г., «чрезъ два дня съ Наташей (женой, рожд. Хованской) въ Кашинъ праздновать эту не по сердцу всѣмъ свадьбу Пашеньки съ Обресковымъ». (Р. Арх., 1900, II, 223).

[4]) Полк. арх.; Леф. арх., оп. 152, св. 566, №№ 2, 10 и 11; Уничт. бумаги арх. Сената; Долгорукій, I, 283; Руммель и Голубцовъ, II, 191 и 192.

валъ, 16 Ноября, въ стычкѣ при Вишау. Въ продолженіе этого дѣла, будучи посланъ отъ Багратіона съ приказаніемъ къ начальнику особаго отряда г.-м. гр. Витгенштейну, Трубецкой проскакалъ сквозь цѣпь непріятельскихъ фланкеровъ. По его возвращеніи къ Багратіону, ему поручена была команда надъ двумя эскадронами, съ которыми онъ атаковалъ французовъ, стоявшихъ на пути сообщенія Багратіона съ Витгенштейномъ, что и исполнилъ съ успѣхомъ. За Вишау Трубецкой былъ произведенъ (30 Января 1806 г.) въ подполковники.

Въ сраженіи подъ Аустерлицемъ Багратіонъ неоднократно посылалъ Трубецкого съ различными приказаніями, которыя приходилось передавать подъ «убійственнымъ» огнемъ французскихъ войскъ. Во время одной изъ такихъ посылокъ, замѣтивъ, что небольшой непріятельскій отрядъ врѣзался въ лѣвый флангъ войскъ Багратіона, Трубецкой собралъ «нѣсколько разсѣянныхъ кавалеристовъ и, ударивъ съ ними на непріятеля, опрокинулъ и прогналъ его», за что награжденъ (24 Февр. 1806 г.) золотою шпагою съ надписью «за храбрость».

1 Іюня 1806 г. Императоръ Александръ пожаловалъ его флигель-адъютантомъ, а 13 Сентября того же года Трубецкой произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ 4 эскадрона Кавалергардскаго полка [1]).

15 Ноября 1806 г. Трубецкой былъ, по Высочайшему повелѣнію, командированъ въ распоряженіе главнокомандующаго фельдмаршала гр. Каменскаго [2]), а затѣмъ, послѣ отъѣзда Каменскаго изъ арміи, поступилъ къ Беннигсену, который назначилъ Трубецкого бригадъ-майоромъ.

Въ сраженіи при Пултускѣ Трубецкой, «будучи посылаемъ съ различными приказаніями главнокомандующаго, передавалъ ихъ съ точностію, находясь въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, подъ сильными непріятельскими выстрѣлами», за что и награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ.—24 Января, командуя въ отрядѣ кн. Багратіона двумя батальонами Псковскаго мушк. полка, Трубецкой подъ Вольфсдорфомъ [3]) «опрокинулъ непріятеля, стремившагося на русскую батарею, и долгое время, удерживая позицію противъ превосходныхъ его силъ, мужественно отстоялъ батарею», за что пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. На другой день (25 Янв.) находился въ дѣлѣ близъ Ландсберга, а 26 и 27 Января участвовалъ въ бояхъ при Прейсишъ-Эйлау; за успѣшное исполненіе здѣсь разныхъ важныхъ порученій кн. Багратіона и главнокомандовавшаго Беннигсена произведенъ 15 Февраля въ генералъ-майоры и пожалованъ генералъ-адъютантомъ.

Послѣ сраженія при Пр.-Эйлау военныя дѣйствія возобновились только 24 Мая сраженіемъ при г. Гутштатѣ, гдѣ кн. Трубецкой, командуя бригадою, состоявшею изъ Псковскаго и Старооскольскаго мушк. полковъ, атаковалъ непріятельскій центръ, прорвалъ его и тѣмъ принудилъ французовъ къ безпорядочному отступленію, за что награжденъ орденомъ *св. Георгія* 4 ст.—28 Мая, находясь въ отрядѣ г.-л. Маркова, Трубецкой прикрывалъ переходъ арьергарда чрезъ рѣку Алле, а 29 Мая участвовалъ въ сраженіи при Гейльсбергѣ, гдѣ, командуя частью авангарда, овладѣлъ высотою при сел. Беверникъ съ однимъ Псковскимъ мушк. полкомъ. «Невзирая на превосходство непріятельскихъ силъ и сильный картечный огонь, онъ удерживалъ эту высоту болѣе двухъ часовъ». Затѣмъ, когда г.-м. Вердеревскій былъ раненъ, князь Трубецкой принялъ подъ свою команду и его отрядъ, состоявшій изъ Кексгольмскаго мушк. полка, части милиціи и двухъ конныхъ орудій. За Гейльсбергское сраженіе Трубецкой былъ награжденъ орденомъ *св. Георгія* 3 ст.

Послѣ этого кн. Трубецкой недолгое время былъ и. д. дежурнаго генерала арміи и завершилъ эту кампанію участіемъ 2 Іюня въ сраженіи подъ Фридландомъ. Затѣмъ онъ сопровождалъ Александра I во время пребыванія его въ Тильзитѣ. По окончаніи войны Трубецкой получилъ отъ короля Прусскаго ордена: «за заслуги» и Краснаго орла.

Во время Турецкой кампаніи, въ Маѣ 1809 г., кн. Трубецкой былъ командированъ Государемъ къ главнокомандовавшему фельдмаршалу кн. Прозоровскому съ повелѣніемъ о непремѣнномъ переходѣ арміи за Дунай. Поступивъ въ распоряженіе Прозоровскаго, Трубецкой былъ отправленъ имъ въ отрядъ г.-м. Исаева, который дѣйствовалъ вмѣстѣ съ сербами и во время неудавшагося штурма Кладова, 9 Іюля, командовалъ тремя колоннами праваго фланга атаки.

Вскорѣ затѣмъ скончался кн. Прозоровскій, и начальство надъ Молдавскою арміею принялъ кн. Багратіонъ. Оставшись при новомъ главнокомандующемъ, Трубецкой находился при взятіи Мачина, потомъ слѣдовалъ съ главной квартирой къ Гирсову, а оттуда къ Силистріи. На второмъ переходѣ отъ Гирсова, кн. Багратіонъ раздѣлилъ армію на три колонны: одну повелъ Милорадовичъ на Черноводы, а съ

---

[1]) Леф. арх., оп. 206, св. 1, л. 28.

[2]) Одновременно съ кн. Трубецкимъ командированы В. В. Левашовъ и кн. С. Г. Волконскій. (Исх. журн. Кавалерг. п., 1806 г., № 774).

[3]) Собственно въ ночномъ дѣлѣ въ лѣсу между д. Опенъ и Кашауненъ.

остальными, ввѣренными Платову и Маркову, самъ главнокомандующій направился къ крѣпости Кюстенджи. Находясь при послѣднихъ двухъ колоннахъ и командуя особымъ въ нихъ отрядомъ, Трубецкой, 29 Августа, въ то время, когда турки сдѣлали вылазку изъ крѣпости, разбилъ и преслѣдовалъ ихъ до самаго вала; 30 Августа Кюстенджи сдалась русскимъ войскамъ. За это дѣло кн. Трубецкой былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст.—Овладѣвъ Кюстенджи, кн. Багратіонъ направилъ Маркова на Карасу, а самъ съ корпусомъ Платова пошелъ на Черноводы и, соединясь тамъ съ Милорадовичемъ, атаковалъ 4 Сентября при Рассеватѣ 15-тысячный турецкій корпусъ подъ начальствомъ сераскира Хозрева-Махмута; здѣсь Трубецкой, командуя среднею колонною, состоявшею изъ двухъ батальоновъ 7 Егерскаго и одного 14 Егерскаго полковъ, при четырехъ орудіяхъ, «овладѣлъ съ двумя батальонами 7 Егерскаго полка четырьмя пушками непріятельскаго укрѣпленія, а съ батальономъ 14 Егерскаго полка съ боя занялъ городъ Рассеватъ, а остальною частью отряда подкрѣпилъ преслѣдованіе турокъ, которые обратились въ бѣгство». За это дѣло онъ былъ награжденъ *золотою, алмазами* украшенною *шпагою*.

Послѣ трехдневнаго отдыха въ Рассеватѣ русскія войска двинулись къ Силистріи и обложили ее. Верховный визирь Пелигванъ употребилъ всѣ усилія, чтобы спасти Силистрію. 7 Октября половина его арміи направилась изъ Рущука къ селенію Татарицѣ, лежащему на берегу Дуная, верстахъ въ 7 отъ Силистріи, заняла это селеніе и начала окапываться. Багратіонъ рѣшилъ атаковать непріятеля. 10 Октября, въ 4 часа утра наши войска выступили противъ непріятеля. Кн. Трубецкому съ его бригадой и четырьмя казачьими полками приказано было дѣйствовать противъ праваго непріятельскаго фланга. Казаки, ударивъ на турецкую конницу, взяли 300 человѣкъ въ плѣнъ и овладѣли турецкимъ ретраншментомъ. Между тѣмъ самъ Трубецкой съ тремя батальонами егерей, занявъ высоту на правомъ непріятельскомъ флангѣ и поставивъ батарею, поражалъ картечнымъ огнемъ турецкую кавалерію, чѣмъ способствовалъ прорыву центра непріятельской арміи. Въ это время Мухтаръ-паша подоспѣлъ къ Пелигвану на помощь съ 15/т. албанцевъ и съ ожесточеніемъ атаковалъ отрядъ кн. Трубецкого, который, построясь въ каре, въ продолженіе четырехъ часовъ упорно отбивался; послѣ усиленныхъ и неоднократныхъ нападеній, непріятель принужденъ былъ отступить, оставивъ на мѣстѣ сраженія множество убитыхъ и 5 пушекъ, взятыхъ имъ прежде у нашего отряда.

Однако, пришлось снять осаду Силистріи. Съ этимъ извѣстіемъ и для изустнаго изложенія Императору Александру положенія дѣлъ, вынуждавшихъ главнокомандующаго перейти на лѣвый берегъ Дуная, Багратіонъ командировалъ въ Петербургъ кн. Трубецкого. Государь за Татарицкое сраженіе наградилъ Трубецкого орденомъ св. кн. Владиміра 2 ст. (15 Іюля 1810 г.). Въ половинѣ Ноября 1809 г. Трубецкой возвратился къ главнокомандующему съ подтвержденіемъ отъ Государя оставаться въ Болгаріи и не переходить чрезъ Дунай. Трубецкой поступилъ снова подъ начальство Платова и провелъ остальное время зимы въ Рымникѣ.

Въ Мартѣ 1810 г., вмѣсто кн. Багратіона, главнокомандующимъ былъ назначенъ гр. Каменскій 2-й. По новому расписанію войскъ, кн. Трубецкому поручена была бригада, состоявшая изъ Шлюссельбургскаго и Староингерманландскаго мушк. полковъ. Въ послѣднихъ числахъ Апрѣля 1810 г. гр. Каменскій переправился черезъ Дунай, у Гирсова, овладѣлъ Силистріею и направился къ Шумлѣ. 11 Іюня Трубецкой посланъ былъ съ двумя батальонами Шлюссельбургскаго полка для занятія высотъ при крѣпости Шумлѣ. Лишь только успѣлъ онъ овладѣть первою высотою, какъ былъ атакованъ со всѣхъ сторонъ и вынужденъ былъ отступить, но, поддержанный Староингерманландскимъ полкомъ, возобновилъ атаку высоты, успѣлъ утвердиться на одной части горы, но другая часть оставалась за турками. Понимая, что гора составляетъ ключъ Шумлы, Верховный визирь обратилъ на защиту ея всѣ главныя свои силы; новыя толпы непріятельскія, ободряемыя присутствіемъ самого визиря, возобновили свой натискъ на отрядъ Трубецкого, но были храбро встрѣчаемы штыками пѣхоты, сомкнутой въ колонны, и неоднократно отражаемы. Это упорное, но нерѣшительное дѣло, начавшееся въ 10 часовъ утра, продолжалось до вечера, когда ночная темнота положила конецъ бою, и обѣ стороны провели ночь на своихъ мѣстахъ. Чтобы удержать высоты за собою, кн. Трубецкой построилъ до разсвѣта нѣсколько укрѣпленій и, получивъ въ подкрѣпленіе 8 батальоновъ, ожидалъ нападенія. На разсвѣтѣ 12 Іюня турки возобновили съ новыми силами свои атаки противъ праваго фланга, занимаемаго 7 Егерскимъ полкомъ. Завязался упорный бой, продолжавшійся опять въ теченіе цѣлаго дня, во время котораго побѣда постоянно колебалась. Между тѣмъ гр. Каменскій измѣнилъ планъ дѣйствій своихъ противъ Шумлы и приказалъ оставить гору. За двухдневный бой 11 и 12 Іюня, во время котораго подъ кн. Трубецкимъ ядромъ была

убита лошадь, ему пожалованъ орд. св. Анны 1 ст. съ алмазными украшеніями.

Чрезъ нѣсколько дней Трубецкой заболѣлъ и отправился въ Петербургъ. Такъ было офиціально. По свидѣтельству же С. Г. Волконскаго въ его «Запискахъ», кн. В. С. Трубецкой принадлежалъ къ числу недовольныхъ въ арміи и критиковавшихъ дѣйствія гр. Н. М. Каменскаго. «Неудовольствіе главнокомандующаго обратилось на тѣхъ лицъ, которыя позволяли себѣ порочить его дѣйствія и распоряженія... Независимая молодежь собиралась у гр. Павла Ал. Строганова и у кн. В. С. Трубецкого и судила, и рядила—каждый посвоему. Это все дошло до гр. Каменскаго, и онъ полагалъ укротить всѣ толки мѣрами строгости противъ Строганова и Трубецкого и обоимъ далъ приказаніе выѣхать изъ арміи въ Петербургъ... считая ихъ главою недовольныхъ».

Въ 1812 г. кн. Трубецкой находился при Государѣ въ Вильнѣ, когда получено было извѣстіе о переходѣ арміи Наполеона чрезъ Нѣманъ. Когда Александръ I отправился изъ Дриссы въ Москву, Трубецкой 6 Іюля съ дороги, изъ Ляхова, былъ посланъ впередъ въ Москву съ воззваніемъ къ первопрестольной столицѣ и съ манифестомъ о всеобщемъ ополченіи. 11 Іюля Государь прибылъ въ Москву и былъ восторженно привѣтствуемъ населеніемъ столицы: воззваніе и манифестъ сдѣлались уже извѣстны народу.

Затѣмъ кн. Трубецкой поступилъ опять въ ряды дѣйствующихъ войскъ и былъ назначенъ начальникомъ кавалеріи въ отдѣльный корпусъ Винценгероде.

По изгнаніи непріятеля изъ Россіи, когда корпусъ Ренье, отдѣлясь въ Варшавѣ отъ австрійцевъ, направился въ Саксонію чрезъ Калишъ, Кутузовъ послалъ наперерѣзъ его пути десятитысячный корпусъ Винценгероде. Кн. В. С. Трубецкому поручено было начальство надъ резервомъ этого корпуса, состоявшимъ изъ 35 эскадроновъ регулярной конницы, 3 казачьихъ полковъ и одной роты конной артиллеріи. 1 Февраля 1813 г. Винценгероде настигъ Ренье подъ Калишемъ и атаковалъ его; во время этого дѣла Трубецкой выслалъ во флангъ непріятеля два эскадрона Маріупольскаго гус. полка, которые и отбили двѣ пушки; за это онъ получилъ Высочайшее благоволеніе. Послѣ Калишскаго дѣла, продолжая командовать резервомъ Винценгероде, Трубецкой двинулся съ нимъ чрезъ Дрезденъ на Лейпцигъ. Въ это время Наполеонъ появился въ центрѣ Германіи съ новою арміею и 19 Апрѣля атаковалъ Винценгероде близъ Люцена. Въ этомъ дѣлѣ кн. Трубецкой, «по приказанію Винценгероде, съ успѣхомъ удерживалъ цѣлый день противника около деревни Старзиделя, несмотря на превосходство непріятельскихъ силъ». На другой день, 20 Апрѣля, въ генеральномъ сраженіи подъ Люценомъ Трубецкой, «находясь со ввѣренною ему кавалеріею на лѣвомъ флангѣ, атаковалъ нѣсколько разъ непріятельскую пѣхоту и принудилъ оную къ совершенному отступленію» [1]). При отступленіи русской арміи отъ Люцена, Трубецкой «получилъ повелѣніе присоединиться къ арріергарду», состоявшему подъ командою гр. Милорадовича, съ которымъ и участвовалъ въ арріергардныхъ дѣлахъ, 30 Апрѣля—подъ Бишофсверде, гдѣ «кавалерійскими атаками удерживалъ непріятельскія усилія», 3 Мая — подъ Гедау, гдѣ, «также нѣсколько разъ атаковалъ непріятеля». 8 Мая, въ первый день Бауценскаго боя, Трубецкой находился при отраженіи атакъ, веденныхъ маршалами Макдональдомъ и Удино противъ Милорадовича, и прикрывалъ отступленіе арріергарда отъ Бауцена; 9 Мая, «находясь въ первой линіи въ центрѣ позиціи и усмотрѣвъ, что непріятель устраиваетъ противъ него батарею», Трубецкой атаковалъ ее съ двумя эскадронами 3 Украинскаго казачьяго полка и однимъ—Черниговскаго конно-егерскаго; батарея была взята, и съ нея увезена одна пушка, такъ какъ передки прочихъ орудій были увезены непріятелемъ. За всѣ эти дѣла князь Трубецкой былъ произведенъ 15 Сентября 1813 г. въ генералъ-лейтенанты.

Послѣ Пойшвицкаго перемирія, окончившагося 7 Августа 1813 г., кн. Трубецкой состоялъ при Государѣ и былъ при немъ во время сраженій 14 и 15 Августа—подъ Дрезденомъ, а 18 Августа—подъ Кульмомъ.

Въ первый день Лейпцигской битвы (4 Окт.), во время боя подъ Госсе и Ауенгеймомъ, когда тяжело раненъ былъ командиръ Гренадерскаго корпуса Раевскій, Трубецкой получилъ личное повелѣніе Государя принять начальство надъ гренадерами. «Найдя Гренадерскій корпусъ расположеннымъ предъ фольваркомъ Дезенъ, занятымъ уже непріятелемъ, Трубецкой атаковалъ его, вытѣснилъ оттуда французовъ и тѣмъ возстановилъ прерванную линію сообщенія арміи». Продолжая командовать Гренадерскимъ корпусомъ, Трубецкой въ послѣдовавшіе два дня сраженія подъ Лейпцигомъ (6 и 7 Октября) находился на лѣвомъ флангѣ въ резервѣ. За Лейпцигскіе бои онъ во второй разъ получилъ *золотую* съ *алмазами шпагу*. Доведя Гренадерскій корпусъ до Фрейбурга, Трубецкой сдалъ начальство надъ нимъ возвратившемуся къ арміи Раевскому и поступилъ опять въ свиту Государя.

---

[1]) Оба показанія взяты изъ формуляра; они не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Въ 1814 году, состоя при Государѣ, находился при немъ во Франціи во время сраженій подъ Арси (8 Марта), подъ Фершампенуазомъ (13 Марта) и при взятіи Парижа (18 Марта).

Кромѣ перечисленныхъ наградъ, кн. Трубецкой имѣлъ иностранные ордена: австрійскіе Леопольда и Маріи-Терезіи, баварскій — Максимиліана и французскій — св. Людовика (21 Сент. 1815 г.).

Въ концѣ 1814 г. кн. Трубецкой опять сопровождалъ Государя за границу и былъ въ Вѣнѣ и въ Парижѣ.

По возвращеніи въ Россію, 26 Января 1816 г., назначенъ членомъ «Высочайше учрежденнаго 18 Августа 1814 года комитета для призрѣнія раненыхъ и увѣчныхъ воиновъ».

Въ 1817 г. князь Трубецкой былъ назначенъ состоять при королѣ Прусскомъ Фридрихѣ-Вильгельмѣ на время его пріѣзда въ Россію. Король пожаловалъ ему орденъ Краснаго орла 1-й ст. съ алмазами и свой портретъ.

Въ 1818 г. Трубецкой сопровождалъ Государя на конгрессъ въ Ахенъ, въ 1822 г.— въ Верону, гдѣ получилъ сардинскій орденъ свв. Маврикія и Лазаря.

Кн. Трубецкой находился въ Петербургѣ при полученіи извѣстія о кончинѣ Императора Александра. 5 Декабря 1825 г. Вел. Князь Николай Павловичъ писалъ кн. П. М. Волконскому: «Съ разрѣшенія Матушки всѣ флигель-адъютанты Государя, не находящіеся при войскахъ, и ген.-ад. Трубецкой, какъ одинъ здѣсь безъ должности находящійся, получили повелѣніе отправиться и явиться къ вамъ для нахожденія при тѣлѣ нашего ангела». Получивъ это извѣстіе, кн. Волконскій предполагалъ «поручить генералъ-адъютанту Трубецкому главное начальство при сопровожденіи тѣла». Командировка въ Таганрогъ, однако, не состоялась, и въ день 14 Декабря Трубецкой находился при Государѣ Николаѣ Павловичѣ. Баронъ Корфъ говоритъ, что Государь посылалъ Трубецкого «для изъявленія участія въ положеніи гр. Милорадовича и вмѣстѣ для полученія точнѣйшихъ о немъ извѣстій», а А. О. Смирнова въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что послѣ того, какъ Милорадовичъ былъ смертельно раненъ мятежниками, Трубецкой «былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Петербурга. Государь написалъ на листкѣ бумаги о назначеніи кн. Трубецкого, дававшемъ ему широкія полномочія, подписалъ и передалъ ему. Этотъ листокъ бумаги сохранился въ семействѣ Трубецкихъ, и почеркъ Государя въ эту важную минуту свидѣтельствуетъ о его спокойствіи и невозмутимой храбрости». Однако, и это назначеніе не состоялось, и генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ.

Въ концѣ Декабря 1825 г. кн. Трубецкой былъ посланъ въ Берлинъ, съ извѣщеніемъ о кончинѣ Императора Александра и о восшествіи на престолъ Императора Николая Павловича, и получилъ отъ короля золотую, украшенную брильянтами, табакерку съ портретомъ. По возвращеніи въ Петербургъ, Трубецкому былъ пожалованъ (4 Февр. 1826 г.) орденъ св. Александра Невскаго, а 22 Мая 1826 г. онъ назначенъ президентомъ Общества попечительнаго о тюрьмахъ. 22 Августа 1826 года, въ день коронованія Императора Николая I, Трубецкой былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, а 6 Декабря 1826 г. назначенъ сенаторомъ. Въ 1827 г., по Высочайшему повелѣнію, находился въ Варшавѣ предсѣдательствующимъ Комиссіи, посланной туда отъ Прав. Сената, для изслѣдованія дѣла о преданныхъ суду членахъ Польскихъ тайныхъ обществъ. 2 Дек. 1827 г. ему объявлено Монаршее благоволеніе за отличные труды его по званію президента Общества попечительнаго о тюрьмахъ, а 6 Апр. 1828 г. пожалована на 12 лѣтъ аренда въ 3/т. руб. сер.

Въ Турецкую кампанію 1828 г. Трубецкой находился въ Главной квартирѣ Государя, и въ день сдачи Варны (29 Сент. 1828 г.) ему пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго съ алмазными украшеніями.

30 Марта 1829 г. назначенъ «старшимъ предсѣдательствующимъ членомъ особаго комитета для составленія положенія объ улучшеніи исправительныхъ заведеній и составленное положеніе съ планами этимъ заведеніямъ представилъ Государю». Въ концѣ 1829 г., по заключеніи Адріанопольскаго мира, посланъ былъ въ Берлинъ для извѣщенія о томъ короля Прусскаго, отъ котораго снова получилъ золотую табакерку съ брильянтами и портретомъ, а 24 Іюня 1830 г. отправленъ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника въ Лондонъ для поздравленія короля Вильгельма IV съ восшествіемъ на престолъ и пожалованъ королемъ золотою табакеркою съ брильянтами и портретомъ.

Въ 1831 г., во время свирѣпствовавшей въ Петербургѣ холеры, Трубецкой былъ назначенъ 23 Іюня временнымъ военнымъ губернаторомъ Литейной, Рождественской и Каретной частей. «За отличную ревность, дѣятельность и усердіе во все время существованія болѣзни и прекращенія ея», 22 Августа 1831 г. пожалована ему золотая, украшенная брильянтами, табакерка съ портретомъ Государя. Высочайшими рескриптами, данными на его имя 30 Мая 1833 г. и 19 Мая 1834 г., изъявлено ему было Монаршее удовольствіе

и признательность за ревностные и успѣшные его труды по званію президента Общества попечительнаго о тюрьмахъ, а 22 Апрѣля того же года пожалованъ орденъ св. кн. Владиміра 1 степени.

6 Дек. 1835 г. кн. Трубецкой былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Высочайшимъ рескриптомъ 21 Іюля 1839 г. изъявлено было Трубецкому, какъ президенту Общества попечительнаго о тюрьмахъ, «совершенное Его Величества удовольствіе». Около того же времени, по его предложеніямъ, учрежденъ въ С.-Петербургѣ комитетъ для разбора и призрѣнія нищихъ.

Кн. В. С. Трубецкой скончался, послѣ продолжительной болѣзни, въ Петербургѣ 10 Февраля 1841 года и 12 Февраля погребенъ въ церкви Сошествія Св. Духа Александро-Невской лавры.

По сообщенію кн. Ал. В. Трубецкого, сына кн. В. С., «Государь присутствовалъ на похоронахъ его отца и во время ихъ говорилъ министру Двора, кн. П. М. Волконскому: —Досадно, совсѣмъ забылъ дать голубую ленту Трубецкому, все думалъ, что онъ давно уже ее имѣетъ. Очень, очень жалѣю.—Эти слова были тогда же переданы кн. Волконскимъ его матери».

«Красивый въ молодости и очень изящный, кн. Василій Сергѣевичъ», по словамъ А. О. Смирновой, «получилъ чисто французское воспитаніе и былъ большимъ любителемъ живописи»; онъ «пользовался всеобщимъ уваженіемъ». Кн. Трубецкой, вѣроятно, не чуждъ былъ и литературы: Пушкинъ бывалъ у него вмѣстѣ съ кн. Вяземскимъ и др.; онъ былъ близко знакомъ съ поэтомъ К. Н. Батюшковымъ. Послѣдніе годы жизни Трубецкого были всецѣло посвящены общественной благотворительности.

Князь Трубецкой былъ женатъ 2 раза: въ 1-й разъ (5 Мая 1805 г.)—на дочери герцога Курляндскаго Петра Бирона, принцессѣ Екатеринѣ-Фредерикѣ-Вильгельминѣ-Бенигнѣ (р. 8 Февр. 1781 г.), которая только передъ тѣмъ развелась (7 Марта 1805 г.) съ своимъ первымъ мужемъ кн. Ю. Роганомъ; черезъ годъ Трубецкой съ ней развелся (позднѣе, въ 1819 г., она вышла въ 3-й разъ за австрійскаго графа Шуленбурга); во 2-й разъ (въ 1812 г.)—на Софіи Андреевнѣ Вейсъ. Она была дочерью Виленскаго полицеймейстера, и кн. Трубецкой познакомился съ ней въ 1812 году во время пребыванія Государя въ Вильнѣ. По словамъ Н. Н. Муравьева, С. А. Вейсъ считалась одной изъ первыхъ красавицъ своего времени; она блистала на балахъ и собраніяхъ и у ней не было недостатка въ поклонникахъ, между прочимъ за ней ухаживалъ Ал. Н. Муравьевъ [1]). Отъ этого брака кн. Трубецкой имѣлъ дѣтей: Александра (р. 1813 г. † 11 Апр. 1889 г.), Сергѣя (р. 1814 г. † 1859 г.), Андрея (р. 1824 г. † 1881 г.), Владиміра (р. 1825 г. † 1850 г.) и Николая (почетн. мир. судья въ Симб. губ.), Елену (р. 1817 г. † 1831 г.), Марію (р. 1819 г. † 189.), въ замужествѣ за А. Г. Столыпинымъ, а потомъ за св. кн. С. М. Воронцовымъ; Ольгу (р. 1820 г.), за М. А. Устиновымъ, потомъ за Бланко; Софію (р. 1823 г.), за гр. Рибопьеромъ; Александру (р. 1827 г.), за гр. Апраксинымъ, потомъ за Шарлемъ де Ботъ, и Вѣру (р. 1829 г. † 1861 г.), за гр. Антоніемъ Эстергази [2]).

А. Голомбіевскій.

Графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, 1788 — 1872, происходилъ изъ древняго дворянскаго рода; отецъ его, Дмитрій Ивановичъ (1761—1820), занималъ мѣсто главноприсутствующаго въ Московской Оружейной палатѣ. Павелъ Дмитріевичъ родился въ Москвѣ 8 Января 1788 г., въ домѣ отца на Тверской. Онъ получилъ домашнее образованіе, довольно поверхностное, подъ руководствомъ гувернера-француза; на его нравственное воспитаніе имѣла большое вліяніе мать его, Прасковья Петровна (1763—1841), рожденная кн. Урусова, отличавшаяся умомъ и добрымъ характеромъ. Когда Киселеву минуло 17 лѣтъ, его записали на службу юнкеромъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ (25 Янв. 1805 г.), но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 28 Августа 1805 г., онъ былъ переведенъ въ канцелярію генералъ-ин-

---

[1]) Кн. П. Долгоруковъ пишетъ про мать С. А. Вейсъ («Mémoires», 59): «Une certaine dame Weisse avait, dans sa jeunesse, fait partie d'une troupe de baladins ambulants et dansé sur la corde dans les foires publiques».

[2]) Форм. списокъ, Полк. архивъ; Арх. Гл. Штаба, кн. 2128; Сенатск. арх., Высоч. указы; Сборникъ Собств. Е. И. В. канц., IX, 30; Михайловскій-Данилевскій, «Александръ I и его сподвижники», III; Долгоруковъ, Род. книга, I, 324; «Родъ Трубецкихъ», изд. кн. Трубецкой, 146, 149, 150, 252, 253, 302 и 303; «Les princes Troubetzkoï», Paris, 1887, 249 et 250; Шильдеръ, «Александръ I», III, 89, 269, 394; IV, 110, 430, 431, 434; Сборникъ, LXXXIII, 33, 152, 155, 183; Корфъ, «Восш. на престолъ Имп. Николая I», изд. 5, 223; Записки А. О. Смирновой, 61; Записки Жиркевича, Р. Стар., 1890/VIII, 228; Записки Пушкина, Р. Арх., 1880 г., II, 492; Записки Муравьева, Р. Арх., 1885/IX, 42; Записки гр. Комаровскаго, Р. Арх., 1867 г., 769; «Къ дневнику гр. Фоссъ», Р. Арх., 1885/IV, 473; «Изъ записокъ А. Г. Хомутовой», Р. Арх., 1867 г., 1054; «К. Н. Батюшковъ, его письма и очеркъ жизни», Р. Арх., 1867 г., 1455; «Записки С. Г. Волконскаго», 114 и 128.

Графъ П. Д. Киселевъ.

тенданта (кн. Волконскаго). Черезъ годъ (5 Окт. 1806 г.) онъ перешелъ въ военную службу въ Кавалергардскій полкъ, съ чиномъ корнета, и въ Февралѣ 1807 г. полкъ выступилъ въ походъ въ Пруссію. Въ Августѣ онъ вмѣстѣ съ полкомъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ и оставался вплоть до Отечественной войны. Во время пребыванія въ Петербургѣ короля и королевы прусскихъ (съ Декабря 1808 г. по Январь 1809 г.) Киселевъ состоялъ ординарцемъ при королевѣ Луизѣ. 10 Мая 1810 г. онъ былъ произведенъ въ поручики. Въ 1812 г., состоя въ 1-мъ эскадронѣ, онъ выступилъ 11 Марта изъ Петербурга и совершилъ походъ до Свѣнцянъ, а затѣмъ — къ Москвѣ. Во время Бородинскаго сраженія онъ, за убылью старшихъ офицеровъ, нѣкоторое время командовалъ эскадрономъ и получилъ орд. св. Анны 4 ст. Въ Сентябрѣ Киселевъ былъ назначенъ адъютантомъ къ гр. Милорадовичу, командовавшему арріергардомъ, и принималъ участіе въ дѣлахъ при Боровскомъ перевозѣ, Чериковѣ и Чернишнѣ, при чемъ за послѣднее получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. 6 Октября онъ былъ въ Тарутинскомъ сраженіи, а 11-го съ 3 сотнями казаковъ открылъ сношенія съ отрядомъ Винценгероде, находившимся на Петербургской дорогѣ. Въ тотъ же день Киселевъ вступилъ въ Москву, взялъ въ плѣнъ 120 человѣкъ и черезъ 2 дня выступилъ обратно. Послѣ этого Киселевъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Вязьмѣ, Дорогобужѣ и Красномъ и въ преслѣдованіи непріятеля до Борисова; получилъ за Вязьму орденъ св. Анны 2 ст., а за Красное золотую шпагу съ надписью «за храбрость». Произведенный 20 Февраля 1813 г. въ шт.-ротмистры, онъ во время кампаніи 1813 г. принималъ участіе въ сраженіяхъ при Герлицѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ и Лейпцигѣ. 17 Іюля произведенъ въ ротмистры (за отличіе въ сраженіи при Красномъ), а 1 Сентября ему былъ пожалованъ орденъ св. Анны 2 ст. съ алмазами (за Герлицъ). Въ 1814 г. онъ былъ въ дѣлахъ при Арсисюръ-Объ и Парижѣ. Въ теченіе всей войны Киселевъ продолжалъ быть адъютантомъ Милорадовича, и эта-то служба была причиной его возвышенія, давъ ему возможность сдѣлаться болѣе извѣстнымъ Императору Александру Павловичу: Милорадовичъ тяготился не только письменной отчетностью, но и подробнымъ словеснымъ докладомъ; въ его же штабѣ только Киселевъ оказался способнымъ толково докладывать Государю,—такимъ образомъ онъ получилъ возможность бесѣдовать съ Александромъ I, всегда остававшимся довольнымъ его докладомъ. 2 Апрѣля 1814 г. Киселевъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ, а черезъ 2 недѣли получилъ щекотливое порученіе произвести слѣдствіе, по жалобѣ короля Людовика XVIII, о произведенныхъ русскими войсками безпорядкахъ въ Бріеннѣ, удачно имъ исполненное. Во время Вѣнскаго конгресса онъ находился при Государѣ. Въ 1815 г. Киселевъ въ числѣ немногихъ сопровождалъ Государя во Францію, гдѣ опять получилъ порученіе, подобное прошлогоднему: разслѣдовать жалобы на мародерство русскихъ войскъ въ окрестностяхъ Реймса. Онъ доказалъ неосновательность этихъ жалобъ. Произведенный 30 Августа въ полковники, сопровождалъ Государя въ поѣздкѣ въ Москву, Кіевъ и Варшаву, продолжавшуюся съ 10 Августа по 13 Октября 1816 г. [1]). Во время пребыванія въ Москвѣ Киселевъ подалъ Александру I записку о постепенномъ уничтоженіи рабства въ Россіи [2]). 31 Мая 1817 г. Киселевъ получилъ новое порученіе. Генералъ-интендантъ 2-й арміи Жуковскій жаловался на притѣсненія со стороны главнокомандующаго гр. Беннигсена; послѣдній просилъ Государя прислать для разслѣдованія довѣренное лицо. Выборъ Государя палъ на Киселева. Отправляя его во 2-ю армію, Александръ Павловичъ поручилъ ему, кромѣ того, осмотрѣть всѣ войска, входящія въ составъ этой арміи, и сообщить имъ о нововведеніяхъ, принятыхъ послѣ войны въ гвардіи и 1-й арміи, а также инспектировать всѣ внутренніе гарнизоны, инвалидовъ, госпитали и военныя школы, которые будутъ по пути. На словахъ Государь объяснилъ, что поручаетъ ему осмотрѣть вообще все во 2-й арміи и во все вникнуть съ самой строгой точностью. Порученіе это показываетъ, что Киселевъ пріобрѣлъ полное довѣріе Императора Александра Павловича. Довѣріе это, по

---

[1]) А. П. Заблоцкій-Десятовскій, «Графъ П. Д. Киселевъ и его время», I, 1—36; Форм. списокъ.

[2]) Семевскій, «Крестьянскій вопросъ въ Россіи», I, 433.

словамъ самого Государя, вызвано было двумя качествами молодого флигель-адъютанта: его «franchise et loyauté toute particulière». Во время исполненія порученія Киселевъ, 29 лѣтъ отъ роду, былъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ «состоять при Особѣ Его Императорскаго Величества (6 Окт. 1817 г.)». Въ началѣ Мая 1818 года Киселевъ былъ посланъ въ Торнъ навстрѣчу ѣхавшему въ Россію прусскому королю Фридриху Вильгельму III и затѣмъ, въ теченіе всего времени, что прусская королевская семья пребывала въ Россіи, состоялъ при наслѣдномъ принцѣ.

22 Февраля 1819 г. Киселевъ получилъ назначеніе на видный постъ начальника штаба 2-й арміи, столь хорошо уже ему знакомой по предшествующимъ неоднократнымъ командировкамъ, а 27 Февраля онъ былъ зачисленъ въ свиту Е. В. по квартирмейстерской части. Назначеніе Киселева состоялось помимо главнокомандующаго арміей гр. П. Х. Витгенштейна и поэтому было непріятно послѣднему. Витгенштейнъ даже просилъ объ увольненіи отъ должности, но милостивый рескриптъ Императора Александра Павловича его успокоилъ. 16 Мая Киселевъ пріѣхалъ въ Тульчинъ, главную квартиру 2-й арміи, и немедленно представился главнокомандующему, который откровенно и просто съ нимъ объяснился на счетъ невольно возникшаго между ними недоразумѣнія [1]). Лѣтомъ 1820 г. Киселевъ занялся приготовленіемъ войскъ къ предстоявшему Высочайшему смотру и надѣялся получить послѣ смотра званіе генералъ-адъютанта. Надежда его, однако, не оправдалась. Огорченный этимъ, онъ даже думалъ оставить свою должность, хотя начальникъ главнаго штаба кн. П. М. Волконскій обѣщалъ, что онъ получитъ желаемую награду въ слѣдующемъ году, послѣ того какъ Государь осмотритъ всю армію. Причина неожиданной немилости заключалась въ томъ, что Государь остался не вполнѣ доволенъ фронтовой частью въ осмотрѣнныхъ имъ войскахъ. Киселевъ вообще не сочувствовалъ системѣ усиленныхъ фронтовыхъ занятій и старался ослабить петербургскія требованія, но видя, какъ Государь относится къ этому вопросу, и какъ его несогласіе съ господствующимъ взглядомъ отзывается на его собственной служебной карьерѣ, онъ началъ стараться показывать интересъ къ фронтовой службѣ и въ концѣ концовъ добился того, что Александръ Павловичъ нашелъ даже, что Киселевъ сдѣлался «страшнымъ пуристомъ въ фронтовой службѣ»; а удивленный внезапной перемѣной другъ его А. А. Закревскій писалъ ему: «Стыдно такъ жалѣть, что васъ не увидятъ въ знаніи учебнаго шага... я замѣчаю, что ты очень перемѣнился». На это замѣчаніе друга Киселевъ отвѣчалъ: «Опытъ заставилъ подчинить дѣйствія не внушеніямъ собственнымъ, но обстоятельствамъ, нами управляющимъ, и потому учебный шагъ для многаго содѣлывается нуженъ, и имъ занимаются, какъ необходимостью, и часто убѣждаюсь въ пользѣ его». Но, поневолѣ занявшись болѣе усердно шагистикою, Киселевъ былъ глубоко возмущенъ, когда оказалось, что всѣ непріятные для него труды были напрасны: въ Апрѣлѣ 1822 г. полученъ былъ приказъ ввести обученіе еще болѣе новому учебному шагу [1]). Все, что накипѣло у него на душѣ, онъ излилъ въ письмѣ къ Закревскому. «Фронтовыя занятія черезчуръ обширны», писалъ онъ, «требуемая точность и совершенство въ ученіи изнуряютъ солдата и уничтожаютъ охоту къ ученію. Безпрерывныя перемѣны обезохочиваютъ и учителей, и учащихся и, сверхъ того, доказываютъ явно или ничтожность перемѣнъ, или неосновательность прежнихъ приказаній». Далѣе онъ сообщаетъ, что, несмотря на ропотъ, все зимнее время было посвящено обученію учебному шагу, въ лагерное же время войска занимались сложными движеніями, маневрами и стрѣльбой въ цѣль; и въ нынѣшнемъ году онъ предполагалъ занять войска приготовленіемъ къ войнѣ. И вотъ, «въ то самое время», пишетъ онъ, «получаю я приказаніе уничтожить трехлѣтнія занятія и снова начать переучивать людей поодиночкѣ... Отклоните зло», умоляетъ онъ Закревскаго, «не дайте повода къ роптанію...» [2]). Признавая такимъ образомъ, что отъ введенія новаго учебнаго шага можетъ произойти только вредъ для арміи, Киселевъ просилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Государя. Успѣха онъ, однако, не достигъ: Закревскій отвѣтилъ ему только, что онъ можетъ не объявлять приказа по арміи, а знакомить ее съ вновь введеннымъ учебнымъ шагомъ постепенно.—3 Іюня 1821 г. Киселеву пожалованъ былъ орд. св. Анны 1 ст.

Въ Сентябрѣ 1821 г. Киселевъ вступилъ въ бракъ съ гр. Софьей Станиславовной Потоцкой, дочерью знаменитой красавицы гр. Софіи Потоцкой (въ первомъ бракѣ гр. Виттъ), извѣстной подъ именемъ «La belle fanariote» [3]). Осенью 1822 г. Киселеву пришлось предпринять поѣздку въ Берлинъ по случаю болѣзни тещи, но онъ уже не засталъ ея въ живыхъ [4]). Она оставила большое состояніе, изъ котораго на долю Софьи Станиславовны пришлось 2 милліона польскихъ злотыхъ [5]).

---

[1]) Заблоцкій-Д., I, 68, 73, 110; Форм. списокъ.

[1]) Заблоцкій-Д., I, 120—165.
[2]) Сборникъ, LXXVIII, 98—100.
[3]) См. біографію гр. И. О. Витта, II.
[4]) Заблоцкій, I, 169.
[5]) Сборникъ, LXXVIII, 109.

Въ началѣ 1823 г. командующій Одесскимъ пѣх. полкомъ подполковникъ Ярошевицкій былъ избитъ однимъ изъ офицеровъ въ присутствіи начальника дивизіи во время инспекторскаго смотра. Бригадный командиръ г.-м. Мордвиновъ зналъ о готовящемся скандалѣ, но не принялъ мѣръ, чтобы предупредить его. По представленію Киселева, главнокомандующій отстранилъ Мордвинова отъ командованія бригадой. Черезъ полгода Мордвиновъ явился къ Киселеву, потребовалъ отъ послѣдняго удовлетворенія, и Киселевъ согласился на дуэль. Она произошла 24 Іюня 1823 г., въ 40 верстахъ отъ Тульчина. На слѣдующее утро Мордвиновъ умеръ отъ раны. Киселевъ сдалъ свою должность дежурному генералу, донесъ о случившемся главнокомандующему и, въ ожиданіи рѣшенія своей участи, прожилъ 2 мѣсяца въ Одессѣ, пока начальникъ Главнаго штаба Дибичъ не извѣстилъ его, что Государь вполнѣ его оправдываетъ, хотя и находитъ, что для поединка лучше было бы поѣхать за границу. Смерть Мордвинова всегда лежала тяжелымъ бременемъ на душѣ Киселева, и, чтобы облегчить себя, онъ назначилъ его вдовѣ, оставшейся безъ всякихъ средствъ, ежегодную пенсію въ 1200 рублей, которую и выплачивалъ до самой ея смерти [1]).

Осенью 1823 года состоялся Высочайшій смотръ войскамъ 2-й арміи, послѣ котораго, 5 Октября, Государь поздравилъ Киселева своимъ генералъ-адъютантомъ и взялъ его съ собою на время поѣздки для осмотра южныхъ военныхъ поселеній. Весь 1824 г. Киселевъ провелъ въ путешествіяхъ. Сначала онъ побывалъ въ Москвѣ, гдѣ получилъ печальное извѣстіе о смерти своего единственнаго двухлѣтняго сына Владиміра, и въ Петербургѣ, гдѣ какъ онъ, такъ и жена его были очень ласково приняты при Дворѣ. Затѣмъ Киселевъ отправился въ заграничное путешествіе и 15 Декабря вернулся въ Тульчинъ [2]).

Собираясь ѣхать за границу, Киселевъ составилъ подробный отчетъ объ управленіи арміей съ 1819 по 1824 годъ.

20 Ноября 1825 г. Киселевъ получилъ извѣстіе, что Государь заболѣлъ крымской лихорадкой, и рѣшилъ, не испрашивая разрѣшенія, немедленно отправиться въ Таганрогъ съ докторомъ Шлегелемъ, спеціалистомъ по лѣченію этой болѣзни, но, пріѣхавъ въ Одессу, узналъ о кончинѣ Императора и вернулся въ Тульчинъ. Вскорѣ послѣ его возвращенія сюда явился А. И. Чернышевъ для производства слѣдствія о раскрытомъ во 2-й арміи заговорѣ. Киселевъ былъ оскорбленъ присылкой Чернышева, но принужденъ подчиниться [1]). 2 Января 1826 г. онъ выѣхалъ, по приказанію Витгенштейна, въ Петербургъ для представленія присяги арміи. Императоръ Николай Павловичъ принялъ Киселева очень холодно. Причиной этой холодности было то, что штабъ арміи ничего не зналъ о затѣвавшемся въ арміи заговорѣ [2]). Является вопросъ: зналъ ли Киселевъ о существованіи въ арміи тайнаго общества и о заговорѣ и даже, можетъ-быть, сочувствовалъ ему, или же ничего не подозрѣвалъ. Съ одной стороны извѣстно, что онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со многими изъ членовъ тайнаго общества. При немъ служили Басаргинъ, Бурцевъ; но Пестель, имѣвшій большое вліяніе на Витгенштейна и Рудзевича, съ назначеніемъ на мѣсто послѣдняго Киселева, пересталъ играть первенствующую роль въ штабѣ арміи, хотя Киселевъ, несмотря на предостереженія своихъ друзей, цѣнилъ его какъ умнаго и полезнаго для дѣла человѣка. По свидѣтельству Басаргина, Киселевъ участвовалъ въ бесѣдахъ офицеровъ и соглашался съ ними, что многое надо бы измѣнить въ Россіи, хотя Императору Александру I онъ очень былъ преданъ; Якушкинъ же прямо утверждаетъ, что Киселевъ зналъ о существованіи въ арміи тайнаго общества, но смотрѣлъ на него сквозь пальцы. Когда въ Кишиневѣ былъ арестованъ В. Ф. Раевскій, у него была найдена записка съ фамиліями, какъ оказалось, членовъ тайнаго общества и отослана къ Киселеву, отдавшему ее Бурцеву; послѣдній же, какъ членъ тайнаго общества, сейчасъ же догадался, что это за списокъ, и уничтожилъ его. Но если всѣ вышеприведенные факты могутъ дать поводъ къ мнѣнію о сочувствіи тайному обществу, то, съ другой стороны, извѣстно, что Киселевъ старался объ удаленіи изъ арміи офицеровъ, навлекшихъ на себя подозрѣніе въ вольнодумствѣ. Для наблюденія за ними онъ учредилъ даже свою секретную полицію и надѣялся съ ея помощью пресѣчь ихъ преступную дѣятельность. «Мнѣнія ихъ (лицъ неблагомыслящихъ) и дѣйствія», писалъ онъ Закревскому въ Январѣ 1822 г., «мнѣ извѣстны, и потому, слѣдя за ними, я не страшусь какой-либо внезапности и довершу издавна начатое». Можно, кажется, съ достаточнымъ основаніемъ утверждать, что Киселевъ, отличавшійся либеральнымъ образомъ мыслей, противникъ крѣпостного права, могъ вести съ лицами, оказавшимися членами тайнаго обще-

---

[1]) Заблоцкій, I, 174—186; Сборникъ, LXXVIII, 123.
[2]) Заблоцкій, I, 188—196.

[1]) Заблоцкій, I, 240 и 241.
[2]) Тамъ же, 246, 248.

ства, бесѣды въ духѣ идей ихъ общества, но о существованіи самаго общества и его преступныхъ замыслахъ онъ не зналъ. И біографъ Киселева, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, приходитъ къ заключенію, что «Киселевъ ничего не зналъ о существованіи тайнаго общества, хотя окружавшіе его и притомъ весьма близко стоявшіе къ нему и пользовавшіеся полнымъ его довѣріемъ адъютанты были членами того общества; понятно, что эти лица, имѣя возможность знать о мѣрахъ къ наблюденію, удобно могли своевременно принимать предосторожности къ сокрытію своихъ замысловъ, или къ отклоненію наблюденій въ другую сторону» [1]).

По возвращеніи Киселева въ Тульчинъ изъ Петербурга, туда отправился самъ главнокомандующій. Передъ его отъѣздомъ Киселевъ написалъ ему письмо по поводу немилости Государя, до свѣдѣнія котораго оно должно было быть доведено. Витгенштейнъ исполнилъ просьбу Киселева и затѣмъ письменно сообщилъ ему о результатѣ: «Ваше письмо я представилъ Государю, который меня увѣрилъ, что вы неправы, предполагая, чтобы Его Величество могъ имѣть хотя малѣйшее сомнѣніе въ вашемъ поведеніи... онъ не сохранилъ противъ васъ ни малѣйшаго неудовольствія; онъ долженъ былъ его показать вамъ при вашемъ пріѣздѣ сюда въ виду того, что значительная часть главной квартиры была замѣшана въ гнусномъ заговорѣ, котораго вы въ теченіе такого долгаго времени не могли открыть, имѣя въ непосредственномъ распоряженіи полицію » [2]).

Получивъ приказаніе отъ Государя присутствовать при его коронованіи, Киселевъ явился въ Москву. Здѣсь онъ былъ привлеченъ Дибичемъ къ совѣщанію о подготовлявшемся движеніи арміи противъ турокъ [3]). 5 Октября ему былъ пожалованъ орденъ св. Владиміра 2 ст. «за ревностное выполненіе обязанности по своему званію и при изготовленіи арміи къ походу» [4]). Конецъ 1826 года и начало 1827-го прошли въ приготовленіяхъ на случай войны съ Турціей. Киселевъ полагалъ, что единственный способъ, приличный въ сношеніяхъ съ Турціей, — дѣйствовать рѣшительно; слѣдя постоянно за Турціей и Австріей, онъ видѣлъ также опасность со стороны Австріи, которая можетъ помѣшать занятію Молдавіи и отвлечь часть нашихъ силъ [5]). Для обсужденія окончательнаго плана военныхъ дѣйствій Киселевъ былъ вызванъ въ Мартѣ 1828 г. въ Петербургъ и работалъ тамъ съ самимъ Государемъ, Дибичемъ и гр. Нессельроде. 8 Апрѣля онъ вернулся въ Тульчинъ, 12-го главная квартира выступила оттуда, 14-го объявлена война, а 26-го армія перешла черезъ Прутъ. Численность ея простиралась только до 106.000 чел., вопреки мнѣнію Киселева, высказанному имъ въ Петербургѣ при обсужденіи плана войны, что необходимо имѣть операціонную армію въ составѣ 160.000 чел. въ виду того, что до 40.000 чел. придется употребить для оккупаціи Молдавіи и Валахіи [1]). Кромѣ письменныхъ занятій по должности начальника главнаго штаба дѣйствующей арміи, Киселеву приходилось устраивать осаду Браилова и переправу черезъ Дунай. 27 Мая войска были посажены на суда и переправлены въ Болгарію. Киселевъ первый вступилъ на противоположный берегъ. Въ тотъ же день Киселевъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. По плану Дибича, вопреки мнѣнію Витгенштейна, прежде всего предпринята была главными силами осада Шумлы. По пути туда первая встрѣча съ непріятелемъ въ открытомъ полѣ произошла 8 Іюля, при переправѣ черезъ р. Буланлыкъ; Киселевъ находился при этомъ въ передовыхъ колоннахъ. Черезъ 3 дня главная квартира расположилась передъ Шумлой. Для обезпеченія праваго фланга позиціи Государь велѣлъ Киселеву устроить редутъ на оконечности того возвышенія, гдѣ была расположена армія. Онъ успѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе на глазахъ у Государя. Когда вслѣдъ за этимъ начался бой, онъ сражался наравнѣ съ солдатами и своимъ примѣромъ воодушевлялъ ихъ. Вечеромъ того же дня Государь призвалъ его къ себѣ въ палатку, обнялъ и пожаловалъ въ награду за участье въ обоихъ дѣлахъ 8 и 16 Іюля, золотую шпагу, украшенную алмазами, съ надписью «за храбрость» [2]). Положеніе Киселева въ теченіе кампаніи 1828 г. было довольно затруднительное: онъ былъ начальникомъ штаба при главнокомандующемъ, носившемъ это званіе номинально, всѣми военными дѣйствіями распоряжался сначала самъ Государь, а послѣ его отъѣзда Дибичъ [3]). 9 Февраля 1829 г. Киселевъ, одновременно съ увольненіемъ гр. Витгенштейна, былъ назначенъ командиромъ 4 резервнаго кавалерійскаго корпуса. Назначеніемъ этимъ онъ остался доволенъ. 12 Апрѣля онъ, сверхъ того, былъ назначенъ командующимъ всѣми войсками, оставшимися на лѣвомъ берегу Дуная, а 1 Мая ему было поручено командованіе

---

[1]) Заблоцкій, I, 79, 156—158, 243, 251, 252.
[2]) Тамъ же, 250 и 251.
[3]) Тамъ же, 256 и 257.
[4]) Форм. списокъ.
[5]) Заблоцкій, I, 266, 268.

---

[1]) Заблоцкій, 272, 273.
[2]) Тамъ же, I, 278—288, 296.
[3]) Тамъ же, I, 308—313; Р. Старина, 1880/XII, 922.

войсками, составляющими правый флангъ дѣйствующей арміи. 23 Іюня Киселеву подчинены были крѣпость Силистрія съ находившимися тамъ войсками и Дунайская флотилія. 22 Іюля Высочайше повелѣно считать его попрежнему въ Генеральномъ штабѣ [1]). Въ Августѣ Дибичъ предписалъ ему перейти изъ оборонительнаго положенія въ наступательное и немедленно переправиться черезъ Дунай, но, затѣмъ, въ виду начавшихся переговоровъ о мирѣ, ему было приказано пріостановить переправу и ограничиться дѣйствіями на лѣвомъ берегу Дуная. Несмотря на это, Киселевъ, въ виду движенія паши Скодрскаго изъ Албаніи къ Адріанополю, съ частью войскъ, состоящихъ подъ его командою, переправился въ Болгарію, дошелъ до Балканъ и, хотя миръ уже былъ заключенъ, отправилъ авангардъ на Шипку, чтобы безпокоить турецкій арріергардъ. Фланговое движеніе, предпринятое Киселевымъ, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ и охранило русскую армію отъ нападенія турокъ на ея тылъ [2]). 29 Сентября Киселеву пожалованъ былъ орденъ св. Александра Невскаго [3]).

4 Октября 1829 г. Киселевъ былъ назначенъ полномочнымъ предсѣдателемъ диванов княжествъ Молдавіи и Валахіи, съ оставленіемъ подъ командою его войскъ, въ Валахіи находящихся [4]). Россія, принявъ на себя протекторатъ надъ княжествами, старалась упорядочить ихъ внутреннее устройство и управленіе, и съ этою цѣлью еще въ 1827 г. организованы были какъ въ Молдавіи, такъ и въ Валахіи комитеты для составленія новаго уложенія. Дѣятельность ихъ, прерванная войною, возобновилась послѣ Адріанопольскаго мира, подъ предсѣдательствомъ Киселева. Онъ нашелъ княжества въ печальномъ положеніи: къ турецкому разоренію присоединились чума, голодъ и падежъ скота. Немедленно были приняты мѣры противъ этихъ бѣдствій. Финансовая система, которой придерживался Киселевъ, была основана на бережливости, отчетности, облегченіи налоговъ и правильности ихъ взиманія, и ея результатомъ было уменьшеніе податей, уплата долговъ и значительный остатокъ въ пользу Россіи [5]). Одной изъ главныхъ своихъ задачъ Киселевъ считалъ завязать торговыя сношенія княжествъ съ Россіей и «покорить молдаванъ и валаховъ на будущее время нашимъ воспитаніемъ и введеніемъ нашихъ обычаевъ и нравовъ».

Въ Іюлѣ 1830 г. Киселеву были предоставлены въ награду за заслуги по должности

Графъ П. Д. Киселевъ.

предсѣдателя диванов права командира отдѣльнаго корпуса въ мирное время, а 18 Декабря того же года онъ получилъ за 25-лѣтнюю службу орденъ св. Георгія 4-й ст. [1]). Въ томъ же 1830 г. закончили свои труды комитеты, составлявшіе регламентъ или основные законы для княжествъ, принявъ къ руководству мысли Киселева о введеніи поголовной подати (вмѣсто обложенія по количеству скота), установленіи суда, общаго для всѣхъ сословій, и трехъ судебныхъ инстанцій, постепенномъ введеніи несмѣняемости судей и уничтоженіе смертной казни и пытки [2]). Валахское ревизіонное собраніе, которое должно было разсмотрѣть регламентъ, было открыто Киселевымъ въ Бухарестѣ 10 Марта 1831 г. и закрыто 29 Апрѣля, послѣ того, какъ регламентъ былъ принятъ съ весьма незначительными измѣненіями. 8 Мая Киселевъ открылъ молдавское чрезвычайное ревизіонное собраніе въ Яссахъ, но вскорѣ оно было прервано холерной эпидеміей. Онъ мужественно вступилъ въ борьбу съ ней въ то время, какъ всѣ городскія власти разбѣжались. Чувствуя самъ приступы болѣзни, онъ лично осматривалъ госпитали и принималъ разныя мѣры противъ бѣдствія. Когда холера появилась и въ Бухарестѣ, то Киселевъ поспѣшилъ туда и добился прекращенія эпидеміи. Съ прекращеніемъ холеры въ Молдавіи, ревизіонное собраніе возобновило свои засѣданія въ началѣ Августа и продолжало до конца Октября. Органическій регламентъ или статутъ, выработанный при Киселевѣ, долго оставался основнымъ закономъ для обоихъ княжествъ, опредѣлялъ порядокъ избранія господарей, права

---

1) Форм. списокъ.
2) Заблоцкій, I, 308—313.
3) Форм. списокъ.
4) Тамъ же.
5) Заблоцкій, I, 376 и 377.

---

1) Форм. списокъ.
2) Заблоцкій, I, 350.

общаго собранія, финансовое управленіе, судопроизводство и т. п.

Одной изъ главнѣйшихъ реформъ, проведенныхъ Киселевымъ, была крестьянская. Здѣсь онъ впервые могъ примѣнить на практикѣ свои завѣтныя мысли объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Румынскіе крестьяне въ сущности были лично свободны, но, вслѣдствіе различныхъ ограниченій и стѣсненій перехода съ мѣста на мѣсто, снова какъ бы попали въ крѣпостное состояніе. Реформа была проведена на слѣдующихъ основаніяхъ: дворяне сохраняютъ право на землю, крестьяне пользуются личной свободой; помѣщикъ предоставляетъ крестьянамъ опредѣленное количество земли за соотвѣтствующія повинности; крестьянинъ, исполнившій свои обязанности по отношенію къ землевладѣльцу, имѣетъ право уйти отъ него. Однако, переселеніе было обставлено большими затрудненіями. Впослѣдствіи Киселевъ самъ сознавался, что составленное имъ положеніе показало ему всю трудность предмета и недостатокъ опытности [1]).

5 Апрѣля 1832 г. Высочайше было повелѣно не показывать Киселева въ спискахъ Генеральнаго штаба, но въ уваженіе къ долговременной его службѣ въ штабѣ разрѣшено ему носить мундиръ генеральнаго штаба. 10 Апрѣля того же года ему было пожаловано 600.000 турецкихъ піастровъ «за сокращеніе расходовъ по управленію княжествами и правильное установленіе доходовъ образомъ, для поселянъ необременительнымъ», и орденъ св. Владиміра 1-й ст. «за устройство княжествъ Молдавіи и Валахіи при преобразованіи оныхъ» [2]).

Въ концѣ 1831 г. произошло въ Турціи возстаніе египетскаго паши Магомета-Али, въ 1832 г. захватившаго всю Сирію. Слѣдя за положеніемъ дѣлъ на Востокѣ, Киселевъ представилъ гр. Нессельроде записку о положеніи Турціи и о политикѣ, которой должна держаться по отношенію къ ней Россія. Признавая необходимость сохраненія Турціи, онъ думалъ, что слѣдуетъ, чтобы Россія предложила ей свою помощь, потребовавъ въ вознагражденіе признаніе протектората и уступку крѣпости у входа въ Босфоръ. Въ то же время, не дожидаясь приказаній изъ Петербурга, онъ принялъ мѣры предосторожности: распорядился о приготовленіи войскъ къ походу и о приведеніи Силистріи на военное положеніе. Государь одобрилъ всѣ распоряженія Киселева. Въ Январѣ 1833 г. Порта, положеніе которой стало критическимъ, рѣшилась сама обратиться за помощью къ Императору Николаю Павловичу [3]), который, согласившись исполнить просьбу султана, 12 Февраля назначилъ Киселева начальникомъ Константинопольскаго вспомогательнаго отряда, съ сохраненіемъ прежнихъ должностей [1]). Но еще 5 Февраля турецкое правительство сообщило русскому послу, что оно, не отказываясь вообще отъ русской помощи, проситъ повременить съ присылкой флота и войскъ. Въ Мартѣ, по приказанію Государя, десантный отрядъ все-таки высадился въ Константинополѣ, Киселевъ же продолжалъ стоять передъ Дунаемъ въ ожиданіи требованія Порты, котораго такъ и не дождался: султанъ заключилъ съ египетскимъ пашой миръ [2]). 11 Іюля 1833 г. Киселевъ былъ назначенъ командиромъ 6-го пѣх. корпуса, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ, а 6 Декабря того же года ему были пожалованы алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго «за успѣшное сформированіе Константинопольскаго вспомогательнаго отряда, благоразумныя распоряженія къ движенію отряда» и за службу въ княжествахъ. Султанъ также счелъ своимъ долгомъ вознаградить Киселева за помощь и прислалъ ему украшенную брильянтами табакерку со своимъ вензелемъ [3]). Въ 1834 г. Киселеву пришлось оставить постъ предсѣдателя диванов княжествъ, вслѣдствіе разногласія съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ считалъ необходимымъ продолжить оккупацію княжествъ еще на 10 лѣтъ, а затѣмъ присоединить ихъ къ Россіи, такъ какъ Дунай долженъ быть ея естественной границей. Графъ Нессельроде высказалъ мнѣніе, что Киселевъ желаетъ продолжать оккупацію изъ личныхъ выгодъ. Въ отвѣтъ на это обвиненіе онъ черезъ графа же Нессельроде просилъ увольненія отъ должности предсѣдателя диванов, на что послѣдовало согласіе Государя. 19 Февраля 1834 г. ему было разрѣшено пріѣхать въ Петербургъ. Еще въ Маѣ 1831 г. валахское чрезвычайное собраніе поднесло Киселеву право валахскаго гражданства, отъ котораго онъ отказался, сославшись на то, что можетъ быть заподозрѣна искренность чувствъ собранія. Въ 1832 г. валахское собраніе возобновило прежнее постановленіе о дарованіи Киселеву правъ гражданства и, кромѣ того, предложило воздвигнуть ему памятникъ въ Бухарестѣ. Киселевъ принялъ на этотъ разъ званіе валахскаго гражданина, но отъ памятника отказался, указавъ на то, что «присуждать его принадлежитъ потомству, когда время и опытъ окончательно оправдаютъ мнѣніе современниковъ» [4]).

---

[1]) Семевскій, II, 19.
[2]) Форм. списокъ.
[3]) Заблоцкій, I, 400—406.

[1]) Форм. списокъ.
[2]) Заблоцкій, I, 410—413.
[3]) Форм. списокъ.
[4]) Заблоцкій, I, 422.

Кромѣ того, еще въ 1835 г. султанъ пожаловалъ ему титулъ бея; одновременно онъ прислалъ ему свой портретъ, украшенный брильянтами, на золотой цѣпи [1]).

22 Апрѣля 1834 г. Киселевъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. 9 Мая, на слѣдующій день по пріѣздѣ въ Петербургъ изъ Румыніи, онъ представлялся Государю, который милостиво поблагодарилъ его за услуги, оказанныя имъ Россіи въ столь важномъ и трудномъ дѣлѣ [2]). 20 Мая Киселевъ, по разстроенному здоровью, уволенъ былъ отъ командованія 6-мъ пѣхотнымъ корпусомъ [3]). Въ Сентябрѣ онъ отправился въ свитѣ Государя въ Москву и Орелъ, гдѣ были назначены смотры, и въ Орлѣ получилъ разрѣшеніе ѣхать въ Малороссію для устройства своихъ дѣлъ. Онъ поселился на нѣкоторое время въ имѣніи жены, Букахъ, и сталъ приводить въ порядокъ въ высшей степени запутанныя хозяйственныя дѣла. Здѣсь же онъ свидѣлся съ женой послѣ пятилѣтней разлуки. Къ хозяйственнымъ дѣламъ присоединились и дѣла семейныя. Дальнѣйшая совмѣстная жизнь оказывалась невозможной, вслѣдствіе легкомысленнаго характера Софіи Станиславовны и постояннаго проявленія ея польскихъ симпатій. 6 Декабря Киселевъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, съ присутствованіемъ по департаменту государственной экономіи. По совѣту друзей, онъ покинулъ Буки и въ Февралѣ 1835 г. пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ ему предстояло широкое поприще дѣятельности [4]).

Вскорѣ по возвращеніи въ Россію Киселеву пришлось принять участіе въ рѣшеніи одного изъ важнѣйшихъ, стоявшихъ на очереди, вопросовъ, именно вопроса крестьянскаго. Извѣстно, что рѣшеніе этого вопроса было завѣтной мечтой Императора Николая Павловича, но онъ не находилъ сочувствія въ ближайшихъ своихъ сотрудникахъ. Къ числу немногочисленныхъ среди сановниковъ сторонниковъ ограниченія крѣпостного права принадлежалъ Киселевъ. Уже не разъ обращалъ онъ вниманіе правительства на необходимость разрѣшить крестьянскій вопросъ. Наконецъ, только-что онъ сдѣлалъ попытку облегчить положеніе крестьянъ въ Молдавіи и Валахіи. Уже при первомъ представленіи Киселева, по возвращеніи изъ Румыніи, Государь сказалъ ему, что, читая его отчетъ о дунайскихъ княжествахъ, онъ болѣе всего обратилъ вниманія на крестьянскій вопросъ. Въ Іюлѣ произошелъ опять разговоръ между Государемъ и Киселевымъ на ту же тему. Государь, указавъ на необходимость преобразованія крѣпостного права, сдѣлалъ Киселеву такое предложеніе: «Помогай мнѣ въ дѣлѣ, которое я почитаю должнымъ передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи, и для того подумай, какимъ образомъ надлежитъ приступить безъ огласки къ собранію нужныхъ матеріаловъ и составленію проекта или руководства къ постепенному осуществленію мысли, которая меня постоянно занимаетъ, но которую безъ добраго пособія исполнить не могу». Киселевъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Государя [1]). Въ Мартѣ 1835 г. Государь учредилъ секретный комитетъ для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій, однимъ изъ членовъ котораго былъ назначенъ Киселевъ. Засѣданія комитета объ улучшеніи состоянія крестьянъ не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Вслѣдствіе этого Государь рѣшилъ выдѣлить изъ общаго вопроса о крестьянахъ дѣло объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ, которое не могло вызвать упорной оппозиціи, и возложить его на Киселева. 29 Апрѣля состоялся указъ объ учрежденіи V Отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи и о передачѣ въ него всѣхъ дѣлъ, относящихся до управленія казенными крестьянами, оброчными статьями и лѣсами Петербургской губерніи и о назначеніи Киселева главноуправляющимъ этимъ Отдѣленіемъ. Ознакомившись поближе съ дѣломъ, Киселевъ призналъ необходимымъ учредить отдѣльное министерство государственныхъ имуществъ [2]). Къ концу 1837 г. составленъ былъ проектъ новаго министерства и внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. 27 Декабря 1837 г. утверждены Государемъ учрежденіе и штаты министерства Государственныхъ имуществъ и подписанъ указъ о назначеніи Киселева министромъ Государственныхъ имуществъ [3]), а 1 Января 1838 г. послѣдовало открытіе министерства [4]). Само собой понятно, какія ближайшія обязанности входили въ кругъ вѣдѣнія министерства, но Императоръ Николай Павловичъ, учреждая его, несомнѣнно имѣлъ въ виду и болѣе обширные общегосударственные интересы и задачи. Принимая сенаторовъ, назначенныхъ въ составъ совѣта министра, Государь заявилъ имъ, что поручаетъ имъ часть, взяться за которую серіозно у него, несмотря на многолѣтнія заботы о ней, не хватило смѣлости. «Но», прибавилъ онъ, взявъ Киселева дружески за руку, «благодаря поддержкѣ,

---

1) Форм. списокъ.
2) Заблоцкій, II, 1 и 2.
3) Форм. списокъ.
4) Заблоцкій, II, 3—8.

1) Заблоцкій, II, 1 и 2; Семевскій, II.
2) Тамъ же, 14—22.
3) Тамъ же, 59—66.
4) Тамъ же, 74.

которую обѣщаетъ мнѣ Павелъ Дмитріевичъ, я надѣюсь, съ помощью его опытности и поддерживаемый его знаніями, совершить столь важное дѣло, отъ котораго такъ много зависитъ будущность Государства [1]).

На новое министерство возлагалось прежде всего «попечительство» надъ государственными крестьянами и колонистами, т.-е. заботы о ихъ нравственности и огражденіи ихъ правъ, поземельное устройство, обезпеченіе народнаго продовольствія, устройство денежныхъ сборовъ и натуральныхъ повинностей, охраненіе народнаго здравія; кромѣ того, въ кругъ его вѣдомства входили: оцѣнка, описаніе и межеваніе казенныхъ земель, лѣсное дѣло, сельскохозяйственное образованіе, собираніе и распространеніе свѣдѣній по земледѣлію и сельскому хозяйству, принятіе необходимыхъ мѣръ къ дальнѣйшему развитію сельскаго хозяйства и усовершенствованію отдѣльныхъ отраслей его [2]). По мысли Киселева сельская община получила значеніе основной административной единицы. Для завѣдыванія общественными дѣлами учреждены мірскіе сходы и сельское управленіе изъ выборныхъ, за исключеніемъ писаря, властей. Нѣсколько сельскихъ обществъ составляли волость, размѣръ которой былъ увеличенъ въ сравненіи съ прежнимъ, а нѣсколько волостей составляли округъ, съ окружнымъ начальникомъ во главѣ, въ свою очередь, подчиненнымъ палатѣ Государственныхъ имуществъ. На обязанности окружныхъ начальниковъ лежали попеченіе о благоустройствѣ казенныхъ крестьянъ и надзоръ за ихъ самоуправленіемъ. Судебной власти имъ не было предоставлено, но для разбора менѣе важныхъ дѣлъ были учреждены выборные суды двухъ инстанцій: сельскія и волостныя расправы, въ руководство которымъ былъ составленъ «Сельскій Судебный Уставъ». Для ознакомленія крестьянъ съ основными правилами благоустройства изданъ былъ «Сельскій Полицейскій Уставъ». Для личнаго ознакомленія съ дѣломъ Киселевъ ежегодно совершалъ поѣздки по разнымъ частямъ Россіи и входилъ въ непосредственныя сношенія съ крестьянами, разспрашивая ихъ о злоупотребленіяхъ и давая имъ наставленія [3]).

Почти двадцатилѣтнее управленіе Киселева министерствомъ Государственныхъ имуществъ дало положительные результаты. Въ теченіе всего этого времени онъ настойчиво проводилъ мысль, что государственные крестьяне должны быть не источникомъ дохода для казны, а предметомъ попеченія для правительства, и что они составляютъ свободное состояніе. Онъ постоянно заботился объ огражденіи ихъ правъ и препятствовалъ передачѣ ихъ въ другія вѣдомства [1]). Когда же, послѣ 1848 г., у него явилось опасеніе, что государственные крестьяне могутъ быть обращены въ крѣпостныхъ частныхъ владѣльцевъ, то онъ старался, хотя и безуспѣшно, выхлопотать торжественное подтвержденіе правъ ихъ состоянія.

Ревизія, произведенная въ 1837 году, обнаружила печальное положеніе казенныхъ крестьянъ. Со времени учрежденія министерства Государственныхъ имуществъ положеніе государственныхъ крестьянъ, несмотря на частые неурожаи и холерныя эпидеміи, измѣняется: ихъ благосостояніе поднимается настолько, что во время Крымской войны они дѣлаютъ значительныя пожертвованія. Такихъ результатовъ Киселевъ достигъ рядомъ разумныхъ мѣръ. Какъ и въ каждомъ дѣлѣ, и въ дѣятельности Киселева были ошибки, а учрежденія, вызванныя имъ къ жизни, на практикѣ оказывались не такъ хороши, какъ въ теоріи. Такъ, крестьянамъ была тягостна опека палатъ и окружныхъ начальниковъ; много страдали они и отъ незаконныхъ поборовъ и другихъ злоупотребленій своего начальства, доводившаго иногда ихъ до открытаго бунта, но съ этимъ зломъ трудно было бороться: взяточничество, напримѣръ, господствовало тогда во всѣхъ вѣдомствахъ, и перемѣна состава служащихъ при общемъ низкомъ уровнѣ нравственнаго развитія тогдашняго чиновничества не могла бы измѣнить положенія дѣла. Лично же Киселевъ всегда стремился поддерживать законность, «единое прочное основаніе всякаго порядка и благосостоянія», какъ онъ выразился въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ [2]).

Параллельно съ заботами Киселева объ улучшеніи состоянія государственныхъ крестьянъ шла его дѣятельность по измѣненію положенія частновладѣльческихъ крестьянъ. Съ 1835 г., по поводу мысли Государя о разрѣшеніи крестьянамъ выкупаться на свободу при продажѣ имѣній, доставшихся разночинцамъ, Киселевъ въ особой запискѣ высказалъ свой взглядъ на задачу, предстоявшую правительству. Въ опроверженіе мнѣнія министра финансовъ, находившаго, что пріобрѣтеніе свободы нѣсколькими тысячами семействъ не можетъ принести государству существенной пользы, и что для вѣрнѣйшаго достиженія цѣли требуются мѣры не частныя, но общія, онъ утверждалъ, что «все законодательство проистекаетъ наиболѣе изъ случаевъ не общихъ, но частныхъ»... Поэтому Киселевъ предлагалъ, между про-

---

[1]) Кони, «В. К. Елена Павловна»; Главные дѣятели освобожденія крестьянъ, 16.
[2]) Тамъ же, 72 и 73.
[3]) Заблоцкій, II, 76, 80, 82, 85, 107.

[1]) Заблоцкій, II, 133—138.
[2]) Тамъ же, 185.

чимъ, такое рѣшеніе вопроса, предложеннаго Государемъ: оставлять крестьянъ, доставшихся по наслѣдству личнымъ дворянамъ и разночинцамъ, въ ихъ владѣніи съ тѣмъ, чтобы крестьяне, оставаясь крѣпкими землѣ, на которой живутъ, несли по ней обязанности на опредѣленныхъ закономъ условіяхъ. Такимъ образомъ создается новый классъ условныхъ земледѣльцевъ. Это правило могло бы быть распространено и на капиталистовъ, которымъ можетъ быть разрѣшена на такихъ условіяхъ покупка населенныхъ имѣній; нѣтъ никакого сомнѣнія, что и дворяне, сознавъ свою собственную выгоду и даже по одному внушенію христіанскаго человѣколюбія, постепенно даруютъ крестьянамъ свободу условную, съ крѣпостью ихъ только одной землѣ. «Такимъ образомъ, съ постепеннымъ ходомъ времени и обстоятельствъ, сопряженіемъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ частныхъ мѣръ, нечувствительно и безъ гибельныхъ для государства сотрясеній можетъ быть достигнута цѣль важная, то-есть уничтоженіе въ Россіи крѣпостного состоянія» [1]). Съ 1839 по 1848 г. учрежденъ былъ рядъ секретныхъ комитетовъ для обсужденія крестьянскаго вопроса, въ которыхъ Киселевъ принималъ дѣятельное участіе. 10 Ноября 1839 г. Государь учредилъ секретный комитетъ объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Этому комитету Киселевъ представилъ записку о мѣрахъ къ усиленію дѣйствія закона 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Онъ возставалъ одинаково какъ противъ освобожденія крестьянъ безъ земли, по примѣру Остзейскаго края, такъ и противъ предоставленія земли въ полную собственность крестьянъ. Въ первомъ случаѣ создается пролетаріатъ; второй способъ содѣйствуетъ развитію демократіи. Для избѣжанія такой опасности право владѣть населенной землей должно быть предоставлено исключительно дворянству, «необходимому звену, соединяющему верховную власть съ народомъ», которое можетъ исполнять свое высокое назначеніе, лишь сохраняя вліяніе на народную массу и имѣя средства къ обезпеченному существованію. Проектъ Киселева заключался въ томъ, что крестьяне пользуются личной свободой и получаютъ отъ помѣщика опредѣленный земельный надѣлъ, за который исполняютъ соразмѣрныя повинности или платятъ оброкъ, установленные закономъ и обезпечиваемые круговой порукой. Помѣщикамъ предоставляется въ ихъ имѣніяхъ полицейская и судебная власть. Крестьяне, съ согласія помѣщика, могутъ переходить въ другое состояніе. Сохраняется общинное пользованіе землей, такъ какъ только надѣленіе землей цѣлаго сельскаго общества можетъ обезпечить крестьянамъ права личной свободы и средство существованія. Въ Мартѣ 1840 г. записка Киселева внесена была на разсмотрѣніе въ комитетъ. Несмотря на желаніе Государя сохранить обсужденіе крестьянскаго вопроса втайнѣ, слухи о проектѣ Киселева распространились по всей Россіи, стали даже назначать день — 16 Апрѣля 1841 года, день свадьбы Цесаревича Александра Николаевича,— когда крестьянамъ будетъ дарована свобода. Проектъ Киселева встрѣтилъ въ комитетѣ сильную оппозицію, во главѣ которой стоялъ князь Меншиковъ. Послѣ продолжительныхъ преній рѣшено было ограничиться измѣненіемъ закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, и въ результатѣ явился законъ 2 Апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, по которому помѣщики получили право отдавать крестьянамъ участки земли въ пользованіе за условленныя повинности. Когда новый законъ обсуждался въ Государственномъ Совѣтѣ, Киселевъ заявилъ, что воздерживается отъ споровъ лишь въ надеждѣ, что законъ этотъ послужитъ предисловіемъ къ чему-нибудь лучшему [1]). Практическое значеніе закона 1842 г. было самое ничтожное, тѣмъ болѣе что осуществленіе его было обставлено различными затруднительными формальностями, но все-таки онъ создалъ Киселеву, какъ иниціатору его, популярность среди сторонниковъ освобожденія крестьянъ, и съ этихъ поръ онъ сталъ получать многочисленныя записки, разсматривавшія вопросъ объ измѣненіи положенія крестьянъ. Но въ то же время законъ этотъ возбудилъ къ нему ненависть въ защитникахъ крѣпостного права [2]). Въ 1840 и 1844 гг. поднятъ былъ вопросъ о помѣщичьихъ дворовыхъ людяхъ, и въ томъ и другомъ году учреждены были комитеты для разсмотрѣнія мѣръ къ уменьшенію ихъ числа. Киселевъ, бывшій членомъ обоихъ комитетовъ, предложилъ рядъ мѣръ къ постепенному отдѣленію дворовыхъ людей отъ крѣпостныхъ путемъ превращенія ихъ въ цехъ слугъ свободнаго состоянія и высказался за преимущество наемнаго труда передъ крѣпостнымъ [3]). Въ 1847 г. Киселевъ по поводу одного частнаго случая высказалъ въ Комитетѣ министровъ мысль о необходимости разсмотрѣть законодательнымъ путемъ вопросъ о крестьянской земельной и вообще недвижимой собственности; Комитетъ постановилъ испросить на это Высочайшее разрѣшеніе, и въ результатѣ явился законъ 3 Марта 1848 г., давшій крестьянамъ право покупать недвижимость съ согласія по-

[1]) Заблоцкій, II, 223—225.

[1]) Заблоцкій, II, 242—259.
[2]) Семевскій, II, 77.
[3]) Заблоцкій, II, 230—241; Сборникъ, XCVIII.

мѣщика. Въ томъ же 1847 г. (8 Ноября) изданъ былъ еще законъ, который долженъ былъ способствовать постепенному освобожденію крѣпостныхъ: крестьяне получили право выкупаться при продажѣ имѣній съ публичнаго торга. Во время обсужденія этого закона въ Особомъ секретномъ комитетѣ Киселевъ предложилъ выкупать крестьянъ, не имѣющихъ собственныхъ средствъ, самой казнѣ, и комитетъ постановилъ открыть ему для приведенія въ исполненіе его мысли, въ видѣ опыта, годичный кредитъ до 300.000 р. сер. въ Заемномъ банкѣ, не давая, однако, сему дѣлу огласки. Законъ 8 Ноября вызвалъ сильную оппозицію и, несмотря на всѣ старанія Киселева, былъ отмѣненъ въ 1849 г. [1]). Въ 1848 г. одинъ частный случай далъ поводъ Киселеву высказать свою мысль о необходимости опредѣлить закономъ власть помѣщиковъ надъ крестьянами. При разборѣ въ Государственномъ Совѣтѣ дѣла о неповиновеніи помѣщикамъ Дубровинымъ ихъ крестьянъ, Киселевъ заявилъ, что «если виновныхъ крестьянъ подвергаютъ тяжелымъ наказаніямъ, несмотря на то, что они доведены были до неповиновенія незаконными и притѣснительными распоряженіями помѣщиковъ, то и виновниковъ этого слѣдуетъ предать взысканію и, что всего важнѣе, слѣдуетъ обратить

Графъ П. Д. Киселевъ.

вниманіе на недостатокъ опредѣлительныхъ указаній въ законѣ о власти помѣщика и, въ отвращеніе подобныхъ угнетеній въ будущемъ, измѣнить и пояснить этотъ законъ» [2]). Такимъ образомъ всѣ усилія Киселева были направлены къ постепенному освобожденію отдѣльныхъ группъ крестьянъ и къ урегулированію крѣпостного права посредствомъ уничтоженія помѣщичьяго произвола. Въ 50-хъ годахъ, когда послѣ 1848 г. прекратилась дѣятельность секретныхъ комитетовъ, онъ даже утверждалъ, что всегда преслѣдовалъ главнымъ образомъ послѣднюю цѣль, т.-е. урегулированіе крѣпостного права. «Никогда не было рѣчи», писалъ онъ кн. М. С. Воронцову, «объ абсолютномъ освобожденіи, а только единственно о регуляризаціи крѣпостного права, съ цѣлью отнять у дурныхъ помѣщиковъ возможность злоупотреблять своими правами, случайно введенными въ сводъ нашихъ законовъ и несогласныхъ съ справедливостью. Я могу сказать, что этого и до сихъ поръ желаю изъ страха, потому что, чѣмъ болѣе я всматриваюсь, тѣмъ болѣе страшусь возстанія крестьянъ, грозящаго спокойствію Россіи и существованію дворянства» [1]). Письмо это важно въ томъ отношеніи, что выясняетъ одну изъ причинъ, побудившихъ Киселева итти по избранному имъ направленію.

Дѣятельность Киселева въ качествѣ министра Государственныхъ имуществъ вызвала рядъ пожалованныхъ ему наградъ: 26 Марта 1839 г. онъ былъ возведенъ въ графское достоинство «въ особенности за успѣшное образованіе министерства Государственныхъ имуществъ», 16 Апрѣля 1841 г. получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, а 15 Апрѣля 1845 г. алмазные къ нему знаки; 26 Апрѣля 1846 г. пожалованная еще въ 1836 г. аренда по 6000 р. въ годъ продолжена на 12 лѣтъ, 10 Декабря 1852 г. пожалованъ брильянтами украшенный портретъ Государя [2]).

Съ перемѣной царствованія измѣнилось и поприще дѣятельности Киселева. Во время затруднительныхъ обстоятельствъ, которыя испытывала Россія въ началѣ царствованія Императора Александра II, Киселевъ неоднократно призывался на совѣщанія по дѣламъ внѣшней политики, и у Государя явилась мысль назначить его посломъ въ Парижъ. 1 Іюля 1856 г. въ Петергофѣ, послѣ обѣдни, онъ былъ приглашенъ въ кабинетъ Государя, встрѣтившаго его такими словами: «Вамъ говорили гр. Орловъ и кн. Горчаковъ, я здѣсь прошу не о согласіи, а о пожертвованіи съ вашей стороны». Киселевъ, указавъ на свой преклонный возрастъ, болѣзни, отношенія къ женѣ и неспособность къ дипломатической службѣ, тѣмъ не менѣе согласился принять предложенное званіе на томъ основаніи, что, состоя на службѣ Государя, не считаетъ возможнымъ от-

---

[1]) Заблоцкій, II, 294—308.
[2]) Тамъ же, 321 и 322.

[1]) Заблоцкій, II, 325.
[2]) Формулярный списокъ.

казываться отъ исполненія его воли [1]). Назначенный 11 Іюля 1856 г. посломъ въ Парижъ, Киселевъ продолжалъ управлять министерствомъ до 26 Августа, дня коронованія Императора Александра II. Въ этотъ день ему были пожалованы украшенные алмазами портреты Императоровъ Николая Павловича и Александра Николаевича.

Дѣятельность Киселева, какъ министра Государственныхъ имуществъ, вызвала самыя противорѣчивыя сужденія. Въ то время, какъ одни признавали ее въ высшей степени полезной, доведшей казенныхъ крестьянъ до благосостоянія, другіе признавали ее вредной и нисколько не улучшившей ихъ положенія. Его отношеніе къ крестьянскому вопросу, убѣжденіе въ необходимости ограничить власть помѣщиковъ, пугало крѣпостниковъ, считавшихъ Киселева человѣкомъ опаснымъ, слишкомъ далеко зашедшимъ въ своихъ либеральныхъ стремленіяхъ; по свидѣтельству гр. М. А. Корфа, онъ былъ ими ненавидимъ [2]). Для характеристики отношенія къ нему нѣкоторой части общества интересна карикатура на министерство Государственныхъ имуществъ, появившаяся въ началѣ 50-хъ годовъ: рисунокъ изображалъ скверную коляску, которую тащили въ гору нѣсколько клячъ (по числу департаментовъ министерства); на козлахъ сидитъ товарищъ министра Гамалѣй, дремлющій и опустившій вожжи; въ колескѣ же сидитъ гр. Киселевъ, съ республиканской шапкой на головѣ, и пускаетъ мыльные пузыри, для которыхъ мыло натираетъ сидящій подлѣ него одинъ изъ его ближайшихъ сотрудниковъ, статсъ-секретарь Корнѣевъ [3]). Но и сторонники крестьянской реформы находили много недостатковъ въ созданныхъ Киселевымъ учрежденіяхъ: они обвиняли его въ томъ, что онъ слишкомъ регламентировалъ крестьянскую жизнь и далъ чрезмѣрно широкую и неопредѣленную власть окружнымъ начальникамъ, что крестьяне мало принимаютъ участія въ своемъ самоуправленіи и имѣютъ слишкомъ много начальства, заботящагося главнымъ образомъ объ исправномъ взысканіи недоимокъ [4]); обвиняли и во многомъ другомъ, въ чемъ былъ виновенъ не онъ, а его чиновники, не отличавшіеся, впрочемъ, отъ чиновниковъ другихъ вѣдомствъ. Сенаторъ К. Н. Лебедевъ, очень сочувственно относившійся къ Киселеву за то, что онъ облегчилъ положеніе казенныхъ крестьянъ и заботился о ихъ нравственномъ и умственномъ развитіи, находилъ, тѣмъ не менѣе, его крестьянскія учрежденія плохими [5]), а Хомяковъ, по словамъ П. И. Бартенева, такъ выражался о Киселевѣ по поводу его реформы: «Чтобъ ему ни дна, ни покрышки» [1]).

И по оставленіи поста министра Киселевъ не оставался равнодушнымъ къ крестьянскому дѣлу. Въ Петербургѣ считали необходимымъ справляться съ его мнѣніемъ. Императоръ Александръ II бесѣдовалъ съ нимъ объ освобожденіи крестьянъ въ 1857 г. въ Киссингенѣ, а Великій Князь Константинъ Николаевичъ переписывался съ нимъ. Свой взглядъ на это дѣло, нѣсколько измѣнившійся съ 1840 г. по отношенію къ дворянскому и крестьянскому землевладѣнію, Киселевъ изложилъ въ своихъ письмахъ къ Великому Князю. «Крестьянская земля», писалъ онъ, «должна оставаться (съ вознагражденіемъ помѣщиковъ) въ полной и неотъемлемой собственности крестьянъ... Крестьяне не поймутъ освобожденія безъ родной земли». Въ пользованіи крестьянами землей должно быть сохранено общинное начало [2]). Такимъ образомъ освобожденіе крестьянъ съ землей посредствомъ выкупа послѣдней у помѣщиковъ и сохраненіе общиннаго начала, — таковы тѣ начала, на которыхъ, по мнѣнію Киселева, должна быть основана крестьянская реформа, и которыя, дѣйствительно, были положены въ ея основу.

Киселевъ ѣхалъ въ Парижъ съ непріятнымъ чувствомъ. Помимо того, что ему тяжело было разставаться съ вѣдомствомъ, всецѣло созданнымъ его трудами, въ столицѣ Франціи его могла ожидать непріятная встрѣча съ женой, съ которой онъ разстался болѣе 25 лѣтъ тому назадъ. Къ тому же и положеніе его, какъ русскаго посла во Франціи, было въ высшей степени затруднительное. Хотя Императоръ Александръ II лично симпатизировалъ больше всего Пруссіи и не питалъ довѣрія къ Наполеону III, министръ Иностранныхъ дѣлъ кн. Горчаковъ не признавалъ союза съ Пруссіей достаточнымъ для возвращенія Россіи прежняго ея значенія и надѣялся достигнуть этого путемъ сближенія съ Франціей. Государь согласился сдѣлать попытку въ этомъ направленіи. Такимъ образомъ на Киселева легла задача позаботиться не только о возстановленіи мирныхъ отношеній между двумя имперіями и о забвеніи недавней борьбы, но также и о болѣе тѣсномъ сближеніи между ними, и, дѣйствительно, онъ употребилъ всѣ старанія достичь его [3]).

Киселевъ пріѣхалъ въ Парижъ 26 Октября 1856 г., 2 Ноября былъ принятъ Наполеономъ частнымъ образомъ, а 12-го представился ему оффиціально въ Тюильрійскомъ дворцѣ. Импе-

[1]) Заблоцкій, III, 2—7.
[2]) Тамъ же, II, 145, 154, 155.
[3]) Р. Старина, 1879/XI, 335.
[4]) Р. Архивъ, 1886/XII, 505.
[5]) Тамъ же, 1893/I, 353.

[1]) Р. Архивъ, 1886/III, 508.
[2]) Заблоцкій, II, 334—336.
[3]) Татищевъ, «Императоръ Александръ II», I, 230.

раторъ французовъ отнесся къ нему въ высшей степени милостиво, и скоро между ними установились наилучшія отношенія. Уже весной 1857 г. Наполеонъ настолько сблизился съ Киселевымъ, что повѣрялъ ему свои заботы и опасенія по дѣламъ внутреннимъ. Императрица Евгенія была также очень внимательна къ русскому послу. Желая завязать болѣе близкія отношенія съ русскимъ Царствующимъ домомъ, Наполеонъ пригласилъ посѣтить Парижъ Вел. Кн. Константина Николаевича, который и пріѣхалъ туда въ Апрѣлѣ 1857 г. Вторымъ шагомъ къ сближенію должно было послужить свиданіе обоихъ императоровъ. Лѣтомъ 1857 г. Императрица Марія Александровна пріѣхала въ сопровожденіи Государя въ Киссингенъ для лѣченія. Сюда по этому случаю съѣхались представители Россіи при нѣкоторыхъ европейскихъ дворахъ, въ томъ числѣ и Киселевъ. Въ бесѣдѣ съ Государемъ онъ между прочимъ высказалъ, что Россіи слѣдуетъ всячески стараться о союзѣ съ Франціей, на которую одну она можетъ опереться, такъ какъ Пруссія, связанная съ Германіей, въ состояніи оказать поддержку, только пока Россія находится въ хорошихъ отношеніяхъ съ Франціей. Въ отвѣтъ на это Государь изъявилъ согласіе на свиданіе съ Наполеономъ, если послѣдній самъ его предложитъ [1]). Однако, Наполеонъ началъ колебаться, опасаясь, чтобы сближеніе съ Россіей не вызвало разрыва съ Англіей. Несмотря на колебанія съ обѣихъ сторонъ, свиданіе было устроено, благодаря королю Виртембергскому, пригласившему обоихъ императоровъ въ Штутгартъ отпраздновать 15 Сентября 1857 г. 76-лѣтнюю годовщину его рожденія. Сюда явился и Киселевъ, чтобы встрѣтить Государя. Свиданіе имѣло результаты противоположные тѣмъ, на которые разсчитывали друзья франко-русскаго союза; оно произвело на Императора Александра неблагопріятное впечатлѣніе, вслѣдствіе безтактности Наполеона, упомянувшаго о польскомъ вопросѣ. Тѣмъ не менѣе Англія была встревожена и задумала тройственный союзъ изъ Англіи, Австріи и Пруссіи въ противовѣсъ двойственному изъ Россіи и Франціи. При такихъ обстоятельствахъ Франціи важно было узнать, какого содѣйствія можетъ она ожидать отъ Россіи въ случаѣ, если итальянскія дѣла доведутъ до войны съ Австріей. Разговоръ на эту тему завелъ съ Киселевымъ французскій министръ Иностранныхъ дѣлъ гр. Валевскій. Киселевъ отвѣчалъ уклончиво, но все-таки заявилъ, что Франція можетъ начать переговоры съ Россіей о постановкѣ на австрійской границѣ войскъ для отвлеченія части военныхъ силъ Австріи. Между тѣмъ Россія, желая поддержать миръ, предложила обсудить итальянскій вопросъ на общеевропейскомъ конгрессѣ, но Австрія отказалась отъ участія въ конгрессѣ и неожиданно напала на Сардинію. Поступокъ Австріи вызвалъ войну съ Франціей, продолжавшуюся всего 6 недѣль. Осенью 1859 г., во время пребыванія Государя въ Варшавѣ, туда собрались для совѣщанія въ Высочайшемъ присутствіи, подъ руководствомъ министра Иностранныхъ дѣлъ, представители Россіи въ главныхъ европейскихъ государствахъ, въ томъ числѣ и Киселевъ. Онъ представилъ записку о заключеніи оборонительнаго договора съ Франціей, но Государь, недовѣріе котораго къ Наполеону все болѣе и болѣе увеличивалось подъ вліяніемъ иностранной политики послѣдняго, нашелъ необходимымъ отсрочить рѣшеніе вопроса до заключенія мира между Франціей и Италіей [1]). «До тѣхъ же поръ», сказалъ Государь, «слѣдуетъ поддерживать добрыя отношенія, но съ тѣмъ вмѣстѣ слѣдить за ходомъ этой политики, которая, повторяю, внушаетъ мнѣ мало довѣрія». Такимъ образомъ въ Варшавѣ выяснилось, что Россія намѣрена уклониться отъ намѣченнаго въ началѣ царствованія Императора Александра II пути. Главной союзницей ея сдѣлалась теперь Пруссія. Несмотря на это, Киселевъ остался твердымъ сторонникомъ прежней политики, а чѣмъ болѣе знакомился онъ съ положеніемъ дѣлъ во Франціи, тѣмъ больше считалъ необходимымъ поддерживать существующій тамъ порядокъ, полезный для спокойствія Европы. «Людовикъ-Наполеонъ», писалъ онъ въ своемъ дневникѣ, «полицеймейстеръ, котораго полезно сохранить хотя бы для того только, чтобы предотвратить потрясенія, къ сожалѣнію, неразлучныя съ его исчезновеніемъ. Но надо его связать помощью трактатовъ, которые обуздывали бы его склонность къ опаснымъ предпріятіямъ» [2]).

По возвращеніи Киселева изъ Варшавы въ Парижъ, положеніе его стало еще болѣе затруднительнымъ, такъ какъ Наполеонъ очень рѣзко высказывалъ свое неудовольствіе по поводу перемѣны политики Россіи. Ставшій на очередь восточный вопросъ какъ будто нѣсколько сблизилъ Россію и Францію. Со времени Парижскаго мира обѣ имперіи держались одинаковой политики по отношенію къ Турціи, поддерживая балканскихъ христіанъ и содѣйствуя ихъ автономіи. Уже вскорѣ послѣ пріѣзда Киселева въ Парижъ ему пришлось принять участіе въ рѣшеніи вопроса о внутренней организаціи Молдавіи и Валахіи, близкаго ему по предшествующей дѣятельности въ княжествахъ. Онъ проводилъ мысль о необходимости соединить оба княжества въ одно и поставить во главѣ

---

[1]) Татищевъ, 238.

[1]) Заблоцкій, III, 128 и 129.
[2]) Тамъ же, III, 131.

ихъ пожизненнаго, а не наслѣдственнаго господаря. Его мнѣніе и было принято [1]). Въ 1859 и 1860 гг. произошло возстаніе турецкихъ христіанъ, подавленное турками съ большою жестокостью, что побудило кн. Горчакова снова поднять вопросъ о бѣдственномъ положеніи единовѣрнаго намъ населенія Балканскаго полуострова. Киселеву поручено было войти съ французскимъ правительствомъ въ подготовительное сношеніе по восточнымъ дѣламъ. Новый министръ Иностранныхъ дѣлъ, Тувенель, отвѣтилъ ему, что Наполеонъ съ удовольствіемъ принимаетъ предложеніе петербургскаго кабинета, какъ доказательство дружескаго довѣрія Императора Александра. Послѣ того, какъ рѣзня христіанъ въ Сиріи устранила колебанія нѣкоторыхъ державъ, въ Парижѣ собралась обще-европейская конференція по восточнымъ дѣламъ, въ которой русскимъ уполномоченнымъ былъ Киселевъ. Ободренный успѣхомъ, Горчаковъ поручилъ ему развѣдать, не пожелаютъ ли въ Парижѣ облечь соглашеніе съ Россіей въ форму письменнаго договора, такъ какъ тѣсный союзъ между Россіей и Франціей обезпечилъ бы взаимныя политическія выгоды обоихъ государствъ. Начались переговоры Киселева съ Тувенелемъ и самимъ Наполеономъ, и выработана была программа соглашенія, по которой между прочимъ Балканскій

Графъ П. Д. Киселевъ.

полуостровъ, если уже нельзя будетъ сохранить Оттоманской имперіи, долженъ состоять изъ федераціи небольшихъ независимыхъ государствъ, со столицей въ вольномъ городѣ Константинополѣ. Оставалось только подписать оборонительный договоръ, какъ извѣстіе о предстоящемъ свиданіи Императора Александра съ императоромъ австрійскимъ и принцемъ-регентомъ прусскимъ уничтожило всѣ труды Киселева. Оно возбудило тревогу въ Наполеонѣ, и Морни заявилъ Киселеву, что императоръ видитъ въ этомъ событіи воскрешеніе Священнаго Союза. Свиданіе императоровъ и правителя Пруссіи состоялось въ Октябрѣ 1860 г. Какъ и въ предыдущемъ году, въ Варшаву съѣхались русскіе представители при главныхъ европейскихъ дворахъ, пріѣхалъ и Киселевъ. Государь въ разговорѣ съ нимъ высказалъ опять недовѣріе къ Наполеону и неодобреніе его итальянской политикѣ. Несмотря на это, Киселевъ, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, подалъ записку о пользѣ оборонительнаго союза съ Франціей. Государь написалъ на запискѣ: «Противъ кого?» Недовольный, вѣроятно, французскими симпатіями своего посла, онъ предложилъ ему занять постъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, но Киселевъ отказался отъ почетнаго предложенія [1]). Хотя стараніями кн. Горчакова во время варшавскаго свиданія было отклонено все, что могло имѣть характеръ, враждебный Франціи, отношенія между ней и Россіей все болѣе и болѣе обострялись. Въ концѣ 1860 г. Киселеву поручено было потребовать объясненій по поводу того, что въ Парижѣ образовалось, подъ покровительствомъ принца Наполеона, скопище польскихъ выходцевъ, высылавшихъ въ польскія и литовскія губерніи Россіи воззванія и эмиссаровъ, съ обѣщаніемъ Польшѣ помощи со стороны Франціи. Киселевъ, испросивъ аудіенцію у императора, лично передалъ ему жалобу русскаго двора. Наполеонъ очень предупредительно отнесся къ русскимъ требованіямъ. По его приказанію, принцъ Наполеонъ явился къ Киселеву для оправданія. Когда же въ Парижѣ было получено извѣстіе о варшавскихъ демонстраціяхъ, то Наполеонъ рѣшился гласно выразить свое осужденіе этимъ безпорядкамъ. Было приготовлено соотвѣтствующаго содержанія правительственное сообщеніе и прежде напечатанія его въ «Moniteur» было привезено къ Киселеву на просмотръ самимъ Тувенелемъ. Въ Петербургѣ, однако, не удовлетворились этой статьей и продолжали выражать неудовольствіе на Наполеона и его правительство [2]). При натянутыхъ отношеніяхъ Россіи и Франціи Киселевъ чувствовалъ свое положеніе неловкимъ и даже сталъ по возможности избѣгать встрѣчъ съ императоромъ. Несогласіе во взглядахъ на внѣшнюю политику Россіи и все увеличивающаяся слабость здоровья заставляли

1) Заблоцкій, III, 59.

1) Заблоцкій, III, 202 и 203.
2) Тамъ же, 215—218.

его подумывать объ оставленіи своего поста. Въ Петербургѣ тоже были недовольны Киселевымъ и находили, что онъ «проведенъ» Наполеономъ. Въ половинѣ 1862 г. онъ получилъ письмо отъ Горчакова съ сообщеніемъ, что для облегченія ему бремени управленія посольствомъ посылается баронъ Будбергъ. Киселевъ увидѣлъ въ этомъ намекъ и поспѣшилъ съ подачей прошенія объ отставкѣ. Государь не принялъ ея, но 9 Августа 1862 г. уволилъ его только отъ должности посла, съ оставленіемъ въ званіяхъ члена Государственнаго Совѣта и генералъ-адъютанта [1]).

Привыкнувъ къ парижской жизни, Киселевъ и по оставленіи своего поста продолжалъ жить въ Парижѣ [2]). Часть лѣта и осень Киселевъ проводилъ обыкновенно въ Баденъ-Баденѣ и Швейцаріи, куда на это время пріѣзжала и Великая Княгиня Елена Павловна, раздѣлявшая его привязанность къ Франціи. Въ 1866 г. Вел. Кн. Марія Николаевна заѣзжала въ Парижъ, «чтобы освѣдомиться о здоровьѣ стараго друга». Въ 1867 г. Государь на третій день по пріѣздѣ въ Парижъ со своими сыновьями посѣтилъ Киселева [3]), а 6 Октября 1867 г. назначилъ его шефомъ 20-го пѣх. Углицкаго полка [4]). Между тѣмъ физическія и умственныя силы Киселева постепенно ослабѣвали, и 14 (26) Ноября 1872 г. онъ тихо скончался въ Парижѣ. 24 Декабря тѣло его было предано землѣ на его родинѣ, въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ, рядомъ съ родителями и любимымъ братомъ.

Киселевъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей царствованія Императора Николая I. Съ этимъ согласны даже и противники его. Такъ, гр. Корфъ называетъ его однимъ изъ самыхъ блестящихъ государственныхъ людей не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Лица, близко знакомыя съ дѣятельностью Киселева на разнообразныхъ поприщахъ, признаютъ въ немъ обширный умъ истинно государственнаго человѣка, отличительными свойствами котораго были осторожность, обдуманность и систематичность; разъ принятыя начала онъ проводилъ настойчиво; хотя инициатива въ главныхъ мѣропріятіяхъ исходила отъ него, но онъ не считалъ себя непогрѣшимымъ и всегда съ уваженіемъ относился къ совѣщательнымъ учрежденіямъ [5]).

Киселевъ не получилъ основательнаго образованія, но пополнилъ его впослѣдствіи упорнымъ трудомъ. «Не разъ самъ я отъ него слышалъ», разсказываетъ его адъютантъ Басаргинъ, «какъ трудно было ему сдѣлаться изъ свѣтскаго полотера дѣловымъ человѣкомъ, и сколько безсонныхъ ночей онъ долженъ былъ проводить, будучи уже флигель-адъютантомъ, чтобы нѣсколько образовать себя». По свидѣтельству гр. Корфа, Киселевъ, «зная изъ иностранныхъ языковъ одинъ лишь французскій, умѣлъ посредствомъ чтенія и еще болѣе посредствомъ усвоенія себѣ всего, что разъ услышитъ, стяжать множество энциклопедическихъ познаній, такъ что очень мало было предметовъ, о которыхъ онъ не могъ бы вести бесѣды, всегда живой и остроумной» [1]). И въ преклонномъ возрастѣ онъ былъ любителемъ чтенія, но, читая книги самаго разнообразнаго содержанія, отдавалъ предпочтеніе древнимъ авторамъ, Светонію и Плутарху [2]).

Въ молодости Киселевъ отличался горячимъ характеромъ, и друзьямъ приходилось умѣрять его нравъ [3]). Постепенно, однако, опытъ его заставилъ, по его выраженію, «подчинять дѣйствія не внушеніямъ собственнымъ, но обстоятельствамъ, нами управляющимъ», и въ зрѣломъ возрастѣ умъ большею частью бралъ у него перевѣсъ надъ сердцемъ, что и дало поводъ его недругамъ объяснять его дѣйствія расчетомъ: «Вездѣ и во всемъ», говоритъ Корфъ, «дѣйствуетъ только умъ, честолюбіе и расчетъ»...

По отзывамъ лицъ, близко знавшихъ Киселева, онъ отличался благороднымъ, истинно-рыцарскимъ характеромъ. О его благородствѣ свидѣтельствуетъ его поведеніе во время печальной исторіи съ Мордвиновымъ и его отношеніе послѣ 14 Декабря къ тѣмъ изъ декабристовъ, къ которымъ онъ былъ расположенъ, напр., къ Басаргину и М. Ф. Орлову; онъ не побоялся навѣстить послѣдняго, когда тотъ опальнымъ жилъ въ Москвѣ. Проникнутый чувствомъ законности, онъ никогда не прибѣгалъ къ деспотическимъ мѣрамъ, и всякій произволъ возбуждалъ въ немъ негодованіе даже и въ глубокой старости; твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ не поступался ими въ угоду друзьямъ и былъ противникомъ лести. Врагамъ своимъ никогда не мстилъ, но относился къ нимъ съ великодушіемъ или презрѣніемъ. Со своими подчиненными онъ былъ всегда вѣжливъ, хотя имѣлъ привычку говорить всѣмъ «ты», переходя на «вы» въ случаѣ неудовольствія; умѣлъ цѣнить ихъ труды, и всякій чиновникъ, безвинно пострадавшій, могъ найти

---

[1]) Заблоцкій, III, 297—300, 316—321; Татищевъ, I, 411—414.
[2]) Тамъ же, 351, 366.
[3]) Тамъ же, 383, 404.
[4]) Формулярный списокъ.
[5]) Заблоцкій, II, 185 и 186.

[1]) Заблоцкій, III, 427.
[2]) Тамъ же, 362, 377.
[3]) Тамъ же, I, 71.

у него защиту; но зато человѣкъ, не оправдавшій его надеждъ, не могъ разсчитывать на его снисхожденіе [1]).

На ряду съ отзывами, изображающими Киселева рыцарски-благороднымъ человѣкомъ, гуманнымъ начальникомъ, встрѣчаются и отзывы, совершенно противоположные, въ которыхъ онъ является надменнымъ и склоннымъ къ деспотизму сановникомъ. По словамъ Инсарскаго, служившаго подъ начальствомъ Киселева, первое впечатлѣніе, производимое имъ, благодаря его красивой наружности и любезности, свойственной придворному, было самое благопріятное; при ближайшемъ же знакомствѣ лица, поставленныя въ обязательныя къ нему отношенія, убѣждались въ его деспотизмѣ, эгоизмѣ, безсердечіи и хитрости [2]). С. Д. Полторацкій отличительнымъ свойствомъ Киселева считаетъ склонность къ самовластію и самоуправству [3]). Другой Полторацкій, родной племянникъ Киселева, называетъ своего дядю надменнымъ сановникомъ, отличающимся важностью и недосягаемымъ величіемъ («дядя-пьедесталъ») [4]).

Какъ поклонники Киселева, такъ и его порицатели, подъ вліяніемъ какихъ-либо личныхъ чувствъ, увлекаются въ ту или другую сторону, и ихъ мнѣнія должно принимать съ извѣстными ограниченіями. Но зато съ полнымъ довѣріемъ мы можемъ отнестись къ безпристрастію отзывовъ тѣхъ лицъ, которыя указываютъ какъ положительныя, такъ и отрицательныя стороны его характера, или же, имѣя основанія относиться къ Киселеву враждебно, не скрываютъ его достоинствъ. Къ числу такихъ людей принадлежитъ Е. Ф. фонъ-Брадке, заслужившій всеобщее уваженіе своей гуманностью и независимостью характера, бывшій директоромъ департамента, когда Киселевъ управлялъ министерствомъ; онъ даетъ такую характеристику своего начальника: «При страстномъ, въ высшей степени нетерпѣливомъ характерѣ... и совершенномъ незнаніи порядка дѣлопроизводства не могло быть недостатка въ столкновеніяхъ (съ Брадке).., но онъ дѣйствовалъ вполнѣ благородно... Его въ сущности благонамѣренное направленіе и пламенное стремленіе къ пользамъ порученной ему почти половинной части народонаселенія имперіи искупали многіе недостатки, которые были послѣдствіемъ его свѣтскаго образованія и постояннаго вращенія въ высшихъ общественныхъ сферахъ. При своей высокомѣрной и величавой наружности онъ обладалъ, однако, большимъ сердечнымъ смиреніемъ и часто бывалъ весьма обходителенъ» [1]). Характеристика Брадке такимъ образомъ подтверждаетъ въ общихъ чертахъ вышеприведенные благопріятные Киселеву отзывы современниковъ. Сенаторъ К. Н. Лебедевъ находилъ много отрицательныхъ сторонъ въ дѣятельности Киселева; тѣмъ болѣе значенія пріобрѣтаетъ его общая оцѣнка личности главнаго сотрудника Николая I въ крестьянскомъ дѣлѣ: «Чувствуешь особенное уваженіе къ свѣтлому, заботливому и предусмотрительному уму графа Киселева, истинно государственнаго человѣка» [2]).

Характеризуя гр. Киселева, А. Ф. Кони говоритъ, что онъ былъ «настоящимъ слугой Государства въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Глубоко преданный своему Монарху, онъ былъ не менѣе преданъ и родинѣ, будущему благу которой, прозрѣваемому свѣтлымъ умомъ, онъ, несмотря на ранніе общественные и служебные успѣхи, умѣлъ приносить въ жертву свое самолюбіе. Онъ былъ усерденъ, неподкупенъ— Царю наперсникъ, но не рабъ».

Теперь, когда улеглись страсти, поднятыя дѣятельностью Киселева, и сошли съ исторической сцены его противники, безпристрастное потомство можетъ вполнѣ согласиться какъ съ вышеприведенными словами Лебедева и Кони, такъ и съ мнѣніемъ біографа Киселева, что одного того, что «Павелъ Дмитріевичъ первый изъ государственныхъ людей Россіи сталъ утверждать, что наступило время обратить вниманіе на несчастное положеніе крестьянъ, этихъ жертвъ своего невѣжества и безучастнаго къ нимъ отношенія со стороны властей», достаточно, чтобы имя графа Киселева сохранило почетное мѣсто въ русской исторіи [3]).

Н. Чулковъ.

Баронъ Егоръ Карловичъ Арпсъ (потомъ **Арпсъ-Гофенъ),** 1790—, сынъ богатаго Нарвскаго купца, возведеннаго въ баронское Римской имперіи достоинство въ 1791 году и записаннаго въ дворянскую книгу Эстляндской губерніи, гдѣ имѣлъ «$22^1/_2$ гака, на коихъ 330 душъ вольныхъ крестьянъ»; въ службу вступилъ 2 Ноября 1804 г. колонновожатымъ, 28 Января 1806 г. переведенъ эст.-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ и 30 Ноября того же года, 16-и лѣтъ отъ роду, произведенъ въ корнеты; въ 1807 г. участвовалъ съ полкомъ въ Прусскомъ походѣ; въ Шведскую войну 1808 г. находился во время осады

---

1) Заблоцкій, III, 425—448; Истор. Вѣстникъ, 1885/VI, 654—656.
2) Р. Старина, 1894/I, 31.
3) Тамъ же, 1892/V, 226—229.
4) Ист. Вѣстникъ, 1893/IX, 547; X, 43.

1) Р. Архивъ, 1875/III, 291.
2) Тамъ же, 1893/IV, 367.
3) Заблоцкій, I, Предисловіе, стр. VIII.

Свеаборга при гр. Буксгевденѣ, а затѣмъ былъ откомандированъ къ генералу Раевскому. Участвовалъ въ дѣлахъ: при киркѣ Лаппо (22 Іюня и 2 Іюля) и награжденъ орд. св. Анны 4 ст., при Кухаламбе (19 Авг.), при Куортане (Руонѣ, 20 Авг.) и при киркѣ Клицо (28 Авг.) и за отличіе произведенъ въ поручики (12 Дек.). Въ Отечественную войну Арпсъ-Гофенъ находился въ рядахъ дѣйствующихъ эскадроновъ полка и подъ Бородиномъ, во время знаменитой атаки Гвардейской кирас. бригады, *раненъ* по лицу и лѣвой рукѣ саблей и награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Не выбывая изъ строя, онъ участвовалъ во всей остальной кампаніи, а равно въ кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ. За Кульмское сраженіе, когда онъ въ рядахъ лейбъ-эскадрона атаковалъ у Ноллендорфа французовъ, при чемъ былъ *раненъ* штыкомъ въ ногу, награжденъ орд. св. Анны 2 ст.; подъ Фершампенуазомъ, командуя 6-мъ эскадрономъ, взялъ у непріятеля два орудія, за что награжденъ орд. *св. Георгія* 4 ст.—30 Авг. 1818 г. Арпсъ-Гофенъ принялъ отъ полковника Сталя 6-й эскадронъ.

Въ 1817 г. бар. Арпсъ-Гофенъ былъ преданъ суду за вступленіе въ бракъ съ женою отставного гвардіи полковника Михаила Путятина. Обстоятельства этого дѣла были слѣдующія: Александра Петровна Путятина, рожд. Демидова [1]), по ея показаніямъ, была обвѣнчана «болѣе 10 лѣтъ тому назадъ» съ Михаиломъ Путятинымъ, человѣкомъ весьма развратнымъ, но женою его не была. Затѣмъ она сблизилась съ Арпсъ-Гофеномъ и имѣла отъ него ребенка. Желая покрыть эти отношенія церковнымъ бракомъ и дать ребенку настоящаго отца, она, по словамъ Петербургской консисторіи, «воспользовавшись независимостью отъ Путятина въ жизни», заключила съ мужемъ 12 Сентября 1816 г. маклерскую сдѣлку, согласно которой было опредѣлено: 1) просить имъ обоимъ о расторженіи брака (на основаніи постановленія соотвѣтствующему пункту ст. 45 нынѣ дѣйствующаго Свода Законовъ Гражданскихъ [2]); 2) при этомъ Путятинъ обязался «не дѣлать женѣ своей никакой препоны къ разводу и еще

менѣе того ко вступленію ея въ новый брачный союзъ.... разлучиться съ нею навѣки, жить навсегда порознь и до ея образа жизни никакого дѣла не имѣть, ни по нравственной, ни по хозяйственной, ни по политической части»; 3) съ своей стороны, Путятина принимала на себя «платежъ долговъ его, коихъ число 145/т. рублей», уплачивала ему 61/т. руб., обѣщавъ, «сверхъ того, дать еще ему 500 человѣкъ крѣпостныхъ своихъ людей». Вслѣдъ за этимъ Путятинъ, въ отвѣтъ на письмо жены, не только писалъ ей, что не поставитъ «никакой препоны къ разводу, еще менѣе того ко вступленію ея въ новый брачный союзъ», но высказывалъ «желаніе видѣть наступившею ту минуту, когда не будетъ ничего общаго между ними».

Арпсъ-Гофенъ повѣнчался съ Путятиной въ церкви Ораніенбаумскаго госпиталя, при чемъ при обыскѣ свидѣтелями расписались его товарищи, командующій Кавалергардскимъ полкомъ ген.-майоръ В. И. Каблуковъ и поручикъ В. И. Пестель.

Вскорѣ затѣмъ (13 Марта 1817 г.) Путятинъ подалъ доносъ въ консисторію, и 15 Іюня 1818 г. состоялось Высочайшее повелѣніе «судить военнымъ судомъ генералъ-майора Каблукова, полковника Арпсъ-Гофена и поручика Пестеля». 21 Августа 1819 г. въ Каргополѣ послѣдовалъ Высочайшій указъ на имя начальника Главнаго штаба кн. Волконскаго такого содержанія:

«Бригадный командиръ генералъ-майоръ Каблуковъ 2-й [1]), Кавалергардскаго полка полковникъ баронъ Арпсъ-Гофенъ и штабсъ-ротмистръ Пестель 2-й [2]) по суду, надъ ними

---

[1]) Дочь тайн. сов. Петра Григорьевича (1740—1826) и Екатерины Алексѣевны Жеребцовой (1748—1810).

[2]) Рѣшеніе консисторіи по этому дѣлу изложено столь подъячески-циничнымъ языкомъ, что оно рѣшительно неудобно для печати. Особенно тяжелое впечатлѣніе производитъ это рѣшеніе тѣмъ, что не только апостольскія и святоотеческія постановленія, но даже слова Евангелія приводятся въ немъ вперемежку съ самыми цинническими подробностями дѣла.

[1]) Владиміръ Ивановичъ Каблуковъ 2-й.

[2]) Владиміръ Ивановичъ Пестель 2-й.

произведенному, обвиняются въ томъ: Каблуковъ—что онъ, вопреки закона и правилъ вѣры, не только дозволилъ Арпсъ-Гофену вступить въ бракъ съ полковницею Путятиною, имѣющею въ живыхъ законнаго мужа, но былъ еще ходатаемъ въ его пользу и подписалъ обыскъ, удостовѣряющій несправедливо, будто ко вступленію ихъ въ бракъ нѣтъ никакого препятствія, а баронъ Арпсъ-Гофенъ и Пестель, зная, что ни греко-россійская, ни лютеранская церковь безъ расторженія брака не дозволяютъ женѣ, имѣющей живого мужа, выходить за другого, изъ нихъ Пестель написалъ и подписалъ вмѣстѣ съ Каблуковымъ обыскъ, Арпсъ-Гофенъ же, не объявя священнику, его вѣнчавшему, что у Путятиной есть въ живыхъ законный мужъ, осмѣлился приступить къ таинству брака, который уже впослѣдствіи, какъ незаконный, расторгнутъ духовнымъ правительствомъ.

«Аудиторскій департаментъ, основываясь на 6-й статьѣ Дворянской грамоты и прочихъ узаконеніяхъ, полагаетъ: подсудимыхъ генералъ-майора Каблукова, полковника Арпсъ-Гофена и штабсъ-ротмистра Пестеля, за означенныя противозаконныя ихъ дѣйствія, лиша чиновъ, дворянскаго достоинства и орденовъ, написать въ рядовые.

«Таковое заключеніе Аудиторскаго департамента, какъ основанное на сущности закона и непоколебимости священныхъ правилъ вѣры, Я нахожу правильнымъ; но, пріемля единственно во уваженіе прежнюю отличную службу подсудимыхъ и въ надеждѣ, что они, раскаясь чистосердечно въ проступкѣ своемъ, столь тяжкому наказанію ихъ подвергавшему, загладятъ оный будущимъ поведеніемъ ихъ и службою, Я Всемилостивѣйше ихъ прощаю, не касаясь, впрочемъ, рѣшенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, коему оставаться во всей его силѣ по предмету расторженія брака Арпсъ-Гофена съ Путятиною; а потому повелѣваю: призвавъ ихъ, Каблукова, Арпсъ-Гофена и Пестеля, объявить имъ прежде приговоръ Аудиторіата, дабы видѣли чему подлежали они за ихъ преступленіе, а потомъ Всемилостивѣйшее Мое прощеніе, и засимъ дѣло объ нихъ считать оконченнымъ.

«О исполненіи сей воли Моей вы предложите Аудиторскому департаменту».

Въ формулярныхъ спискахъ Кавалергардскаго полка Арпсъ-Гофенъ показанъ женатымъ, но въ формулярѣ 1832 г. по Лейбъ-Гусарскому полку показанъ холостымъ. Въ 1821 г. онъ получилъ орд. св. Владиміра 3 ст.; съ 17 Іюля того же года, по уходу изъ полка В. И. Каблукова, былъ командующимъ Кавалергардскимъ полкомъ. Однако, Арпсъ-Гофенъ не былъ назначенъ командиромъ Кавалергардскаго полка: полкъ получилъ слѣдующій за нимъ полковникъ гр. Ф. С. Апраксинъ, и 11 Іюня 1822 г. Арпсъ-Гофенъ былъ отчисленъ по кавалеріи. Чрезъ три года (22 Іюля 1825 г.) онъ былъ опредѣленъ въ лб.-гв. Гусарскій полкъ, которымъ командовалъ его товарищъ по Кавалергардскому полку, В. В. Левашевъ (графъ).

Вскорѣ по вступленіи на престолъ (6 Янв. 1826 г.) Императоръ Николай Павловичъ назначилъ бар. Арпсъ-Гофена флигель-адъютантомъ, а чрезъ 1½ мѣсяца (27 Февр.)—командующимъ лб.-гв. Казачьимъ полкомъ. 6 Декабря того же года онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ оставленіемъ командиромъ полка. Прокомандовавъ лейбъ-казаками 1½ года, Арпсъ-Гофенъ былъ переведенъ командиромъ къ лейбъ-гусарамъ (4 Іюня 1827 г.). Съ этимъ полкомъ онъ сдѣлалъ Турецкую кампанію 1828 года, гдѣ находился при осадѣ Варны. Въ 1829 г. получилъ ленту св. Станислава 1 ст.

Въ Польскую кампанію 1831 г. Арпсъ-Гофенъ выступилъ со своимъ полкомъ и участвовалъ въ «авангардномъ дѣлѣ» у Стараго-Якаца (5 Мая); «при отступленіи гвардейскаго корпуса къ Рудкамъ и далѣе на Тыкочинъ, въ виду многочисленной непріятельской арміи, сильно на него наступавшей (8—10 Мая), и за оное дѣло награжденъ орд. св. Анны 1 ст.»; затѣмъ за дѣло у Шиманова (3 Авг.) награжденъ орд. св. Анны 1 ст. съ имп. короной. Бар. Арпсъ-Гофенъ находился передъ полкомъ въ первый день штурма Варшавы (25 Авг.), «а послѣ онаго заболѣлъ и отправился въ вагенбургъ въ м. Подольшинъ, по покореніи же Варшавы прибылъ въ оную 28 числа»....

20 Января 1832 г. бар. Арпсъ-Гофенъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бриг. 1-й Легкой гвард. кавал. дивизіи, съ оставленіемъ командиромъ полка, а 23 Сентября 1833 г. уволенъ въ отставку за болѣзнью, съ мундиромъ и пенсіономъ ⅔ оклада. Въ 1857 г. «вдовѣ ген.-майора Арпсъ-Гофена» была Высочайше пожалована пенсія изъ суммъ Министерства Двора, по 380 р. въ годъ [1]).

---

[1]) Полк. арх.; Леф. арх., Форм. сп. 1832 г., кн. 11912, оп. 152, св. 566, дд. 1, 2 и 8; Нагр. дѣла, св. 10, д. 12; св. 14, д. 4; св. 15, д. 12; Дѣла Инсп. деп., 1 ст., 2 отд., 1818 г., св. 140/138, д. 453; Арх. Гл. В. Суднаго управленія, 1819 г.; Арх. М. Двора, оп. 1365/15, 1857 г., д. 297; Манзей, III, 115; Пузыревскій, «Польско-Русская война 1831 г.», 2 изд., I, 414 и 415; Лобановъ-Ростовскій, I, 181; Долгоруковъ, III, 303.

Григорій Ѳедоровичъ Орловъ, 1790—1853, сынъ гр. Ѳедора Григорьевича Орлова и младшій братъ князя Алексѣя Федоровича и Михаила Федоровича [1]). Вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ онъ воспитывался въ пансіонѣ аббата Николя [2]). 17 Августа 1801 г. былъ записанъ на службу юнкеромъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ [3]). 16 Марта 1806 г. Орловъ былъ опредѣленъ въ Кавалергардскій полкъ эстандартъ-юнкеромъ, а 30 Ноября того же года произведенъ въ корнеты, послѣ чего принялъ съ полкомъ участіе въ прусской кампаніи 1807 г.; 27 Сентября 1810 г. произведенъ въ поручики. Въ теченіе войнъ 1812—14 гг. онъ все время служилъ въ дѣйствующей арміи, получилъ *нѣсколько ранъ* и *лишился ноги*. Въ Сентябрѣ 1812 г., состоя при главнокомандующемъ Барклаѣ-де-Толли, Орловъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. [4]); 20 Февраля 1813 г. произведенъ въ штабсъ-ротмистры, въ 1815 г. состоялъ адъютантомъ г.-л. гр. Ливена [5]), 16 Января 1816 г. произведенъ въ ротмистры, съ назначеніемъ въ адъютанты къ главнокомандующему 1-й арміей кн. Барклаю-де-Толли, а 25 Іюня 1818 г.—въ полковники. 11 Ноября 1819 г. Орловъ былъ уволенъ въ заграничный отпускъ для излѣченія ранъ, а 6 Января 1825 г. уволенъ за ранами отъ службы, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно жилъ за границей, сначала въ Парижѣ [6]), а потомъ во Флоренціи, гдѣ и скончался въ 1853 г. Въ Парижѣ женился на французской актрисѣ Виргиніи Вентзель, по отзыву современника, умной и привѣтливой женщинѣ [7]). Отъ этого брака у него была одна только дочь Антонина Григорьевна, бывшая замужемъ за домомъ Іоакимомъ Орсини, графомъ де Ривальта д'Орбассанъ.

Михаилъ Петровичъ Глѣбовъ, 1790—1853, изъ Тульскихъ дворянъ, сынъ полковника Петра Ивановича († до Іюля 1812 г.) и Маріи Васильевны Ченцовой [8]), опредѣленъ 5 Апр. 1806 г. изъ пажей въ Кавалергардскій полкъ эст.-юнкеромъ и 30 Ноября того же года корнетомъ; 23 Февр. 1809 г. утвержденъ, по выбору офицеровъ, полк. квартермистромъ; въ 1810 г. поручикомъ, въ 1813 г. шт.-ротмистромъ, 16 Января 1816 г. ротмистромъ и 17 Декабря того же года уволенъ за болѣзнью въ отставку, съ мундиромъ. Участвовалъ въ кампаніи 1807 г. и за Фридландъ награжденъ золотою шпагою [1]) и прусск. орд. «Pour le mérite». Въ послѣдующихъ кампаніяхъ Глѣбовъ не участвовалъ, такъ какъ съ 1812 года и до выхода въ отставку ему было поручено ремонтированіе полка. Женатъ былъ дважды: 1) на Аннѣ Петровнѣ Новосильцовой, дочери П. А. Новосильцова и Лачиновой, и отъ этого брака имѣлъ четырехъ сыновей; 2) на Е. И. Баранчеевой, бракъ бездѣтный. Выйдя въ отставку, Глѣбовъ поселился въ своемъ с. Панинѣ, близъ г. Тулы, и «одинъ изъ первыхъ построилъ сахарный заводъ и завелъ плужную пашню. Но впослѣдствіи хозяйство отошло на задній планъ. Единственными занятіями его были чтеніе и охота съ гончими. Библіотека его была обширная, и въ ней было все, что печаталось до 50-хъ годовъ лучшаго на русскомъ и французскомъ

языкахъ по политической исторіи, естественной исторіи и медицинѣ, по литературѣ же—мало». Глѣбовъ имѣлъ въ деревнѣ больницу и самъ лѣчилъ.

Умеръ въ 1852 или 1853 г. въ с. Панинѣ, гдѣ и похороненъ. Тамъ же похоронена и вторая его жена [2]).

Князь Василій Ѳедоровичъ Гагаринъ, 1787 [3])—1829, братъ князя Ѳедора Ѳедоровича, поступилъ на службу 14 Мая 1806 г.

---

[1]) Годъ рожденія Орлова въ точности неизвѣстенъ; въ 1824 г. ему было 34 года.

[2]) Семейная хроника; Записки А. В. Кочубея, стр. 21.

[3]) М. арх. М. И. д., IV—1—1801—28; Леф.. арх., Форм. сп., кн. 6082.

[4]) Леф. арх.; Нагр. дѣла, св. 5, д. 9.

[5]) Адресъ-календарь на 1815 г.

[6]) Р. Арх., 1901/I, 59 и 60.

[7]) Тамъ же, 1897/II, 46.

[8]) Родная племянница ген.-аншефа И. А. Заборовскаго.

[1]) Главнокомандующій Беннигсенъ представилъ Глѣбова къ ордену св. Анны 4 ст.

[2]) Полк. арх.; Леф. арх., оп. 152, св. 563, д. 75; Свѣдѣнія, сообщ. П. Н. Глѣбовымъ.

[3]) Въ 1811 г., какъ видно изъ его формуляра, ему было 24 года.

въ Кавалергардскій полкъ эстандартъ-юнкеромъ и 30 Ноября того же года произведенъ въ корнеты. Участвовалъ съ полкомъ въ прусской кампаніи 1807 г.—10 Августа 1808 г. Гагаринъ подалъ прошеніе о переводѣ его въ Маріупольскій гус. полкъ, но 24 Августа произведенъ въ поручики, съ переводомъ въ Ингерманландскій драг. полкъ, въ которомъ оставался до 17 Августа 1810 г., когда былъ переведенъ въ Дерптскій драг. полкъ. Съ 5 Октября 1810 г. находился на Балканскомъ полуостровѣ и участвовалъ въ сраженіяхъ при Рущукѣ и Малой Слободзеѣ. 24 Декабря 1811 г., по болѣзни, уволенъ отъ службы, съ производствомъ въ штабсъ-капитаны. О дальнѣйшихъ обстоятельствахъ жизни Гагарина не сохранилось извѣстій, кромѣ того только, что въ Мартѣ 1826 г. онъ былъ въ Парижѣ, а въ Мартѣ слѣдующаго года въ Италіи [1]).

Князь Александръ Яковлевичъ Лобановъ-Ростовскій, 1788—1866, сынъ князя Якова Ивановича (1760—1831), малороссійскаго генералъ-губернатора, члена Государственнаго Совѣта, отъ брака съ Александрой Николаевной, рожд. Салтыковой (1764—1829), родился 19 Іюля 1788 г. и получилъ образованіе въ знаменитомъ пансіонѣ Николя, гдѣ одновременно съ нимъ учились М. Ф. и Григ. Ф. Орловы, кн. С. Г. Волконскій и кн. Андр. П. Гагаринъ. На 14 году отъ рожденія, 9 Октября 1801 г., былъ записанъ на службу актуаріусомъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, а въ слѣдующемъ году (12 Августа 1802 г.) назначенъ юнкеромъ въ Московскій архивъ Иностранныхъ дѣлъ; 25 Августа 1805 г. назначенъ туда же переводчикомъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (22 Января 1806 г.) уволенъ отъ службы въ архивѣ для опредѣленія къ другимъ дѣламъ. Новымъ мѣстомъ службы князь избралъ комиссаріатъ, куда опредѣленъ 6 Февраля того же года комиссіонеромъ 10 класса. Но здѣсь ему пришлось прослужить очень недолго, а вмѣстѣ съ комиссаріатомъ онъ покинулъ и гражданскую службу: 30 Ноября 1806 г. былъ опредѣленъ въ Кавалергардскій полкъ корнетомъ. Въ слѣдующемъ году Лобановъ принялъ съ полкомъ участіе въ войнѣ съ французами и во время Тильзитскихъ переговоровъ состоялъ ординарцемъ при дядѣ своемъ, князѣ Дмитріи Ивановичѣ. Произведенный 9 Октября 1809 г. въ поручики, Лобановъ въ 1810 г. принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ. Прибывъ въ Молдавскую армію 24 Марта, участвовалъ во взятіи Силистріи, въ сраженіи при Шумлѣ, за которое получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, штурмѣ Рущука, сраженіи при Батинѣ, за которое былъ награжденъ золотой шпагой, и взятіи Плевны, Ловчи и Сельви; за отличіе въ послѣднихъ дѣлахъ произведенъ въ шт.-ротмистры. Въ Отечественной войнѣ онъ не участвовалъ, а состоялъ ремонтеромъ. 6 Февраля 1813 г.

назначенъ командиромъ 3 Полтавскаго казачьяго полка и 14 Августа 1814 г. произведенъ въ подполковники, 6 Мая 1815 г. переведенъ въ Изюмскій гус. полкъ, гдѣ прослужилъ меньше года, и 22 Марта 1816 г. уволенъ отъ службы, съ производствомъ въ полковники, а 26 Августа 1817 г. вновь принятъ на службу подполковникомъ въ лб.-гв. Конно-егерскій полкъ и назначенъ адъютантомъ къ кн. П. М. Волконскому. 12 Декабря того же

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп., кн. 1243; Кн. донесеній 1811 г., д. 502; Остаф. архивъ, III, 138, 147.

года назначенъ флигель-адъютантомъ; 27 Апрѣля 1819 г. переведенъ въ лб.-гв. Гусарскій полкъ и 5 Іюня того же года произведенъ въ полковники. 25 Марта 1828 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ состоять по кавалеріи, но уже 24 Сентября уволенъ отъ службы по болѣзни, съ мундиромъ и пенсіономъ въ размѣрѣ одной трети жалованья. Разсказываютъ, что поводомъ къ отставкѣ былъ выговоръ, полученный имъ отъ Императора Николая Павловича за то, что онъ явился во дворецъ въ старой формѣ.

Лобановъ былъ масономъ: 29 Декабря 1817 г. онъ, будучи членомъ совѣта ложи «Палестины на востокъ Петербурга», былъ избранъ намѣстникомъ великаго мастера ложи «св. Георгія Побѣдоносца на востокъ Мобежа».

Оставивъ службу, кн. Лобановъ могъ теперь вполнѣ предаться своимъ природнымъ влеченіямъ: у него была страсть собирать всевозможныя коллекціи, изъ которыхъ многія оказались полезными въ научномъ отношеніи. Онъ обладалъ хорошимъ состояніемъ: ему принадлежали 2278 душъ крестьянъ въ Орловской губерніи и большой каменный домъ въ Петербургѣ. Кромѣ того, онъ женился на одной изъ самыхъ богатыхъ невѣстъ въ Россіи, графинѣ Клеопатрѣ Ильиничнѣ Безбородко. Впрочемъ, бракъ этотъ, сначала счастливый, оказался неудачнымъ, и супруги разошлись совершенно. Размолвка, какъ говорили, началась послѣ того, какъ Лобановъ проигралъ въ Кіевѣ не только много денегъ, но и полученное за женою имѣніе въ Подольской губерніи. Богатство позволяло ему жить открыто и пышно въ его громадномъ домѣ на Адмиралтейскомъ проспектѣ (теперь канцелярія Военнаго министерства). О постройкѣ этого дома разсказывали слѣдующее: однажды въ присутствіи Лобанова Императоръ Александръ I выразилъ желаніе, чтобы мало обстроенная Исакіевская площадь украсилась хорошими зданіями, и Лобановъ поспѣшилъ исполнить желаніе Государя. Въ 20-хъ годахъ его любимымъ мѣстопребываніемъ сдѣлался Парижъ, гдѣ онъ продолжалъ вести открытый образъ жизни. Лобановъ пріобрѣлъ расположеніе короля Карла X и получилъ отъ него въ аренду замокъ и лѣсъ для охоты въ Фонтенбло. Каждый вечеръ, по окончаніи спектаклей въ Парижѣ, многіе артисты и артистки пріѣзжали ужинать къ Лобанову въ Фонтенбло. Широкая жизнь въ концѣ концовъ нѣсколько разстроила его состояніе, и онъ рѣшилъ продать свой петербургскій домъ, но не находилось покупщика. Тогда онъ задумалъ разыграть домъ въ лотерею и выпустилъ милліонъ билетовъ по рублю за билетъ, но лотерея не была разрѣшена Императоромъ Николаемъ I. Впослѣдствіи Лобановъ опять переѣхалъ въ Петербургъ и поселился на углу Большой Морской и Гороховой. Разъ въ годъ онъ давалъ раутъ для мужчинъ, на который собиралось избранное общество. Рауты отличались такой же роскошью, какъ и прежніе его пріемы. На лобановскихъ раутахъ устраивались всегда билліардные турниры. Князь пользовался большою любовью петербургскаго общества.

Выше уже было упомянуто, что Лобановъ былъ страстнымъ собирателемъ. Большею частью то, что онъ собиралъ, имѣло отношеніе къ какому-нибудь интересовавшему его историческому вопросу. Такъ, въ 20-хъ годахъ его очень интересовалъ вопросъ о русской княжнѣ Аннѣ, дочери Ярослава Мудраго, вышедшей замужъ за французскаго короля Генриха I. Позднѣе онъ заинтересовался судьбой несчастной шотландской королевы Маріи Стюартъ и такъ чтилъ ея память, что не позволялъ, чтобы кто-нибудь въ его присутствіи дурно о ней отозвался. Въ Шотландіи друзья называли его въ шутку Queen Mary's fourth husband. Онъ извлекъ изъ архивовъ и напечаталъ три тома писемъ Маріи Стюартъ и собралъ богатое (до 800 №№) собраніе ея портретовъ. Между прочимъ ему принадлежалъ самый достовѣрный портретъ Маріи работы, какъ предполагаютъ, одного изъ лучшихъ учениковъ Жеана Клуэ младшаго (Jehan Clouet le jeune). Лобановъ завѣщалъ его Эрмитажу, куда еще раньше перешелъ отдѣлъ его библіотеки, касавшійся шотландской королевы. За пожертвованіе этихъ книгъ ему была назначена пожизненная пенсія. Труды Лобанова облегчили работу Минье и другихъ изслѣдователей, разрабатывавшихъ исторію Маріи Стюартъ. Къ числу собраній, имѣвшихъ научную цѣнность, принадлежитъ собраніе книгъ по военному искусству и картъ (каталогъ этого собранія былъ изданъ въ 1823 г. въ Парижѣ на французскомъ языкѣ), принадлежащее теперь Главному штабу, и портретовъ Петра Великаго. Онъ напечаталъ списки портретовъ Петра, имѣющихся у него и въ Публичной библіотекѣ, пополнилъ собраніе послѣдней своими экземплярами. Впослѣдствіи онъ пожертвовалъ это собраніе Публичной библіотекѣ. Кромѣ упомянутыхъ собраній, у него было еще обширное собраніе каталоговъ разныхъ картинныхъ галлерей, снабженное, въ свою очередь, хорошимъ каталогомъ, и, наконецъ, собраніе тростей и палокъ, принадлежавшихъ разнымъ историческимъ лицамъ. Эту послѣднюю у него пріобрѣлъ гр. Воронцовъ-Дашковъ.

Повидимому, Лобановъ, пока еще не пристрастился къ исторіи, интересовался религіозными вопросами; по крайней мѣрѣ такъ за-

ставляютъ предполагать двѣ книги, изданныя имъ въ началѣ его ученой дѣятельности: Евангеліе отъ Матѳея, переведенное имъ на русскій языкъ, и молитвы, читаемыя при Божественной литургіи. Обѣ книги были изданы въ 1821 г. въ Парижѣ и напечатаны въ типографіи Дидо, спеціально для этого вырѣзаннымъ шрифтомъ, принадлежавшимъ самому князю. Въ концѣ своей жизни богословъ и историкъ Лобановъ является передъ нами въ качествѣ гастронома: онъ издалъ, безъ обозначенія своего имени, два сборника разнообразныхъ меню на французскомъ языкѣ.

Еще въ началѣ своей дѣятельности, при появленіи первыхъ трудовъ, Лобановъ былъ избранъ въ члены Парижскаго Société des bibliophiles français, въ память чего была выбита медаль. Въ Россіи онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Императорскаго Русскаго географическаго общества.

Въ 1822 г. онъ чуть было не сдѣлался издателемъ сочиненій Пушкина. Послѣдній былъ долженъ 1000 р. Н. В. Всеволожскому и уступилъ ему, въ видѣ уплаты долга, право изданія своихъ сочиненій, тотъ же переуступилъ это право Лобанову. Изданіе это не состоялось, по желанію Пушкина.

Наибольшую извѣстность Лобановъ пріобрѣлъ, какъ основатель и первый командоръ Императорскаго Россійскаго яхтъ-клуба. Первые годы его дѣятельности въ Яхтъ-клубѣ были временемъ процвѣтанія этого учрежденія. Морскимъ дѣломъ Лобановъ занимался, какъ любитель. Еще будучи флигель-адъютантомъ, онъ имѣлъ свои яхты, изъ которыхъ былъ извѣстенъ двѣнадцатипушечный бригъ «Пожарскій». Впослѣдствіи были извѣстны его яхтъ-шкуны: «Рогнѣда», «Русалка», «Александра» и «Голубка». Всѣ онѣ были куплены въ Англіи, за исключеніемъ «Александры», неудачно построенной въ Архангельскѣ, по системѣ инженера Бурачка.

Кн. А. Я. Лобановъ умеръ 26 Ноября 1866 г. въ Петербургѣ, пережив жену на 26 лѣтъ (она скончалась 21 Декабря 1840 г.) и не оставивъ потомства. Онъ погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры [1]).

Н. Чулковъ.

Графъ Рудольфъ Осиповичъ де-Местръ (Rodolphe-Aimée-André comte de Maistre), 1799—1866, былъ сынъ извѣстнаго Іосифа де-Местра, дипломата и писателя, автора «Soirées de Saint-Pétersbourg» и друг., игравшаго значительную роль въ царствованіе Императора Александра I. Въ эпоху революціи Іосифъ де-Местръ занималъ должность сенатора въ Савойѣ, и, когда республиканскія войска заняли Пьемонтъ, онъ покинулъ отечество, желая остаться вѣрнымъ своему государю. Сдѣлавшись эмигрантомъ, онъ всецѣло отдался интересамъ Савойскаго дома, исполнялъ разныя порученія своего монарха и въ 1802 г. прибылъ въ Петербургъ въ качествѣ представителя Сардинскаго короля.

Мать графа Рудольфа, Франциска Моранъ (Morand Saint-Sulpice), принадлежала къ Савойской знати. Это была женщина высокообразованная, твердаго характера и высокихъ нравственныхъ правилъ. Среди постоянныхъ тревогъ и опасностей, связанныхъ съ частыми переѣздами мужа, самоотверженная мать не забывала о воспитаніи сына и сумѣла дать ему блестящее, по тому времени, образованіе. Вспоминая о дѣтствѣ, Рудольфъ де-Местръ впослѣдствіи разсказывалъ, что даже во время дороги, чернильница, бумага и перья всегда находились въ каретѣ, и уроки такимъ образомъ не прекращались. Въ минуту сильной досады, юноша Рудольфъ, потерявъ однажды терпѣнье, написалъ въ своей тетради слѣдующую латинскую фразу: *Coelum et terra transibunt, scriptura autem unquam transibit* [1]). При этомъ графиня де-Местръ, къ удивленію людей ее знавшихъ, не переставала быть свѣт-

---

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1827 г., кн. 8346; Руммель и Голубцовъ, I, 558; «Иллюстрированная газета», 1866 г., № 49; «Русскій Архивъ», 1865 г., стр. 1093; 1866 г., стр. 1174; 1868 г., стр. 2012; 1878/VI, 262; Извѣстія Имп. Русск. Археолог. Общ., IX, 367; «Кронштадтскій Вѣстникъ», 1867 г., № 17; «Современная Лѣтопись», 1867 г., № 3; Courrier Russe, 1866 г., № 16; Саитовъ, Некрополь, 176; «Семейная Хроника», Записки А. В. Кочубея ,21, 35; Отчетъ Имп. Русск. географ. общ. за 1866 г.

[1]) Т.-е. скорѣе небо и земля перестанутъ существовать, нежели прекратится писаніе.

ской, увлекательной женщиной. Изъ послужного списка графа Рудольфа видно, что онъ зналъ пять языковъ: латинскій, французскій, нѣмецкій, итальянскій и русскій, которому, конечно, уже обучился по пріѣздѣ въ Россію.

Въ 1805 г. Рудольфъ вызванъ былъ отцомъ въ Петербургъ, гдѣ онъ и занялъ мѣсто секретаря при своемъ отцѣ. Такое рѣшеніе возникло у Іосифа де-Местра въ виду того, что Рудольфу въ это время уже исполнилось 16 лѣтъ, и, какъ убѣжденный патріотъ, онъ не хотѣлъ, чтобы сынъ его служилъ «человѣку, который лишилъ престола его государя». Благодаря отъѣзду, Рудольфъ избѣжалъ рекрутскаго набора, и вскорѣ затѣмъ Сардинскій король наградилъ его орденомъ св. Маврикія и назначилъ жалованье въ 4000 франковъ. Пробывъ два года въ качествѣ секретаря, Рудольфъ 23 Января 1807 г. былъ зачисленъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ. Этотъ выдающійся успѣхъ иностранца слѣдуетъ отнести къ тому сочувствію, которое проявлялъ императоръ Александръ I къ Сардинскому королю и къ самому Іосифу де-Местру.

Нѣтъ основанія предполагать, что Іосифъ де-Местръ имѣлъ въ виду для сына военную карьеру. Напротивъ, въ своихъ письмахъ къ родственникамъ онъ смотрѣлъ на него, какъ на своего помощника, и радовался его талантамъ. Молодой Рудольфъ скоро усвоилъ себѣ трудный русскій языкъ и служилъ для отца переводчикомъ [1]). Отецъ чрезвычайно желалъ видѣть сына принятымъ ко Двору, однако, Рудольфъ не сразу попалъ въ Эрмитажъ, хотя и посѣщалъ уже вмѣстѣ съ отцомъ дома вельможъ и министровъ. Въ письмѣ своемъ къ кавалеру де-Росси 2 Февраля 1806 года Іосифъ де-Местръ пишетъ: «Au dernier bal de l'Impératrice-Mère, on lui présenta la liste, suivant l'usage, où le maître des cérémonies avait placé mon fils et le baron de Silverstorpe, chargé d'affaires de Suède et chambellan de S. M. Suédoise. L'Impératrice effaça leurs deux noms avec son propre crayon; trois jours après l'Empereur a admis mon fils (mais non l'autre) en écrivant de sa main à côté de mon nom: «et son fils». При этомъ Іосифъ де-Местръ въ своихъ «Запискахъ» прибавляетъ, что такая особенная милость Государя по отношенію къ юношѣ офицеру привела въ изумленіе весь Дворъ [2]).

Быть-можетъ, Іосифъ де-Местръ и предпочелъ бы для сына русскую гражданскую службу, но, несмотря на блестящее образованіе Рудольфа, онъ едва ли могъ скоро выдвинуться на этомъ поприщѣ [1]). Оставалась служба военная. Но тутъ любящій отецъ опять затруднялся, боясь за сына, которому пришлось бы, по правиламъ, начать съ унтеръ-офицерскаго чина и нести службу солдата. Однако, хлопоты и протекціи устранили это препятствіе. Первоначально Государь высказался, что «графъ долженъ для соблюденія формы прослужить 8 дней въ какомъ-нибудь другомъ полку», и де-Местръ отецъ писалъ по этому поводу кавалеру де-Росси: «Cette petite anecdote vous montre le système du pays» [2]). Но дѣло уладилось и безъ 8-дневной службы, и графъ былъ принятъ 8 Января 1807 г. непосредственно въ Кавалергардскій полкъ, съ чиномъ корнета [3]).

Въ своихъ запискахъ Іосифъ де-Местръ отмѣчаетъ, что будущее сына рисуется ему весьма блестящимъ: «Когда онъ (Рудольфъ) будетъ ротмистромъ, у него будетъ прекрасная квартира, вполнѣ достаточная для женатаго человѣка. Полковникъ получаетъ 12.000 пьемонтскихъ ливровъ и фуражъ на 15 лошадей, а при самомъ обыкновенномъ счастьи онъ можетъ быть произведенъ въ полковники 25-26 лѣтъ отъ роду» [4]). Между прочимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ было передано де-Местру, что Императоръ не можетъ принять его сына высшимъ чиномъ, но что нечего безпокоиться о судьбѣ молодого человѣка, покровителемъ котораго является Александръ I [5]). Это лестное вниманіе выразилось между прочимъ въ томъ, что обмундированіе Рудольфа Государь принялъ на свой счетъ, и де-Местръ высказываетъ по этому поводу большое удовольствіе: «C'est une grande affaire pour moi: l'épée seule coûte 200 roubles, le casque autant, l'écharpe autant, etc. Денежныя дѣла де-Местра были далеко не блестящи [6]).

Чтеніе писемъ Іосифа де-Местра, относящихся къ этому времени, производитъ впечатлѣніе, что онъ съ душевнымъ прискор-

---

1) Oeuvres complètes de Joseph de Maistre, X, 131, 181.
2) Тамъ же, X, 58, 66, 67, 156, 159, 211.

1) «L'état civil ne présentait qu'une chance lointaine et fort douteuse, et moi j'avais besoin d'un état subit; il n'y avait donc que le militaire et dans le militaire il n'y avait que la Troupe sacrée (les Gardes)». (Oeuvres, X, 257, 258, 270, 273, 303, 307 et 388).
2) Тамъ же, 274.
3) «L'Empereur me charge de vous dire», сказалъ де-Местру баронъ Будбергъ, «qu'il agrée non seulement sans difficulté, mais avec le plus grand plaisir la demande que vous lui avez faite. Il accepte votre fils dans le premier corps de sa Garde (les Chevaliers-Gardes) et le reçoit tout de suite au grade de cornette». (Oeuvres, X, 274). — «Je te dis, je te répète que son admission comme officier dans les Chevaliers-Gardes est une faveur insigne»... (Тамъ же, 310).
4) Oeuvres, X, 304.
5) Тамъ же, 308.
6) Тамъ же, X, 310—315, 384; XI, 9, 12; Полк. архивъ.

біемъ хлопоталъ о помѣщеніи сына на русскую службу, подчиняясь необходимости, въ виду невозможности служить своей родинѣ. Въ 1807 г. всей гвардіи былъ объявленъ походъ, но Рудольфъ былъ назначенъ въ резервный эскадронъ, оставшійся для охраны столицы. Молодому графу это было не по душѣ. Предстоящая кампанія и отличія манили его къ себѣ. Іосифъ де-Местръ такъ разсказываетъ это событіе: «Ce jour là il montait la garde; je ne le vis point du tout le jour. Rentré chez moi après minuit je le trouvai au lit, je lui dis: «Rodolphe, je viens d'apprendre ton sort». Il me répondit: «Je l'ai appris aussi, mais j'y ai mis ordre». En effet, il était allé chez les généraux prier, supplier qu'on l'ôtât de cette réserve, qu'il voulait absolument marcher, etc... Les supérieurs lui répondirent qu'ils ne pouvaient se prêter à son désir sans mon agrément». Спрошенный полковымъ начальствомъ, Ж. де-Местръ отвѣтилъ: «Décidez la chose comme il vous plaira, sans supposer que je suis au monde» [1]). Рудольфъ бросился хлопотать о переводѣ его въ дѣйствующіе эскадроны. 13 Марта онъ выступилъ въ походъ съ полкомъ [2]). «Je ne pus résister à la triste envie de descendre au pied de l'escalier pour le voir passer; quand il m'aperçut, il donna un coup d'éperon et passa au grand trot en me disant d'un ton ferme: «Adieu, papa». — «Le voilà loin, ma chère», писалъ Ж. де-Местръ своей сестрѣ, «bien monté, bien habillé, bien accompagné. Il a fait confidence à mon valet de chambre, que si les Gardes ne donnaient pas (ce qui est infiniment probable) il saurait bien se jeter dans quelque autre corps qui ferait la guerre. Voilà comment il s'est alimenté, s'est enflammé entre mes mains, sans que je m'en sois aucunement mêlé» [3]).

15 Февраля 1808 г. де-Местръ былъ командированъ въ Давыдовскую крѣпость съ транспортомъ сухарей, испеченныхъ въ Кавалергардскомъ полку для Финляндской арміи. Вскорѣ затѣмъ (21 Мая) онъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, откомандированъ «въ помощь къ назначенному бригадъ-майоромъ въ подвижной корпусъ г.-л. Барклая-де-Толли полковнику Паулуччи». Де-Местръ участвовалъ въ дѣлахъ при Яровайсѣ (2 Іюня), за что награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст., и при Куопіо (2 Іюля). Въ 1810 г. гр. Рудольфъ былъ произведенъ въ поручики.

Выѣзды въ свѣтъ не мѣшали, однако, гр. Рудольфу продолжать свое образованіе. Вмѣстѣ съ сыномъ герцога де-Серра-Капріола, барономъ Дамà, и кн. Петромъ Голицынымъ онъ слушалъ курсъ философіи у ученаго іезуита о. Розавена, «et», писалъ Ж. де-Местръ, «je puis vous assurer, que ces quatre candidats de la philosophie, dont trois officiers de la garde, sont un phénomène des plus curieux à St-Pétersbourg. Le mien a saisi cette étude avec passion. Il fut un temps où peut-être je ne m'y serais pas prêté, mais la manière dont il a fait la guerre donne beaucoup de grâce à l'étude: je le laisse aller... il s'est formé chez lui un groupe de jeunes gens, presque tous du même âge, dont la conduite contraste singulièrement avec l'incroyable *dissolutezza* de la jeunesse de ce pays» [1]).

Въ 1809 г. Жозефъ де-Местръ, опасаясь, что Рудольфъ можетъ быть вынужденъ сражаться за Наполеона, просилъ уволить его въ отпускъ. «A l'égard de mon fils», писалъ онъ Сардинскому королю, «Votre Majesté sait déjà que j'ai été boudé de la manière la plus visible pour avoir demandé qu'il fût mis dans l'état de semestre. J'ai laissé passer quelques jours, après quoi j'ai demandé qu'il soit ôté de ce corps des chevaliers-gardes et mis simplement à la suite de S. M. I. Cette destination lui conserverait les entrées de l'Ermitage en le mettant à l'abri de toute guerre qui me choquerait. Je n'ai point encore de réponse, mais je me crois sûr de n'avoir point déplu» [2]).

Однако, ни того, ни другого не случилось, и Рудольфъ продолжалъ службу въ Кавалергардскомъ полку, что требовало не малыхъ расходовъ [3]). Жозефъ де-Местръ разсказываетъ, что Рудольфъ высказывалъ на службѣ такую «exactitude obstinée», которая тронула Цесаревича. «L'autre jour à l'exercice le Grand-Duc

---

1) Oeuvres, X, 308, 310—315.

2) «Dites-moi», писалъ Ж. де-Местръ своему министру Росси, «si vous pouvez vous représenter ce Rodolphe de Lausanne criant l'épée à la main: «Mort et carnage!» dans une mêlée. Il a le diable au corps, et c'est un de ces diables froids, les plus diables de tous». (Тамъ же, 308).

3) Тамъ же, 431.

1) «Des dames tout à fait collet-monté l'admettent même dans la société de leurs filles. Il vient de faire grande figure dans une fête de famille chez la comtesse... qui s'appelle Barbe (nom fort à la mode ici). Comme il fallait un spectacle sans amour, Rodolphe a traduit en vers français et totalement purifié une inconcevable farce du théâtre allemand de Kotzebue, intitulée *Antoine et Cléopâtre*. A la fin il a chanté à la comtesse des couplets assez bien tournés qui étaient uniquement de jeux de mots sur ce mot de *Barbe*. Lorsqu'il a dit en finissant:

«Sans approfondir,
«Chacun doit choisir
«Une Barbe sans barbe,
—le salon a retenti d'applaudissements».
(Oeuvres, XI, 501).

2) Oeuvres, XI, 258.

3) «Mon fils me coûte 4000 roubles, quelquefois moins, quelquefois plus... Il vit cependant ici d'une manière qui surprend tout le monde et vous n'en serez pas surpris vous-même lorsque vous saurez que l'établissement d'un officier chevalier-garde est ici de 8000 roubles par an, outre le carrosse à quatre chevaux». (Oeuvres, XI, 258).

le montra aux généraux qui l'environnaient en leur disant: «Que dites-vous de notre petit Italien?» Puis il lui dit à lui: «Comment avez-vous si bien appris le russe?» — «Monseigneur, il n'y a rien d'étonnant, puisque je sers la Russie depuis quatre ans». Le Grand-Duc continua à le montrer à ses officiers» [1]). Отношенія Цесаревича къ Кавалергардскому полку не были тайной и для Ж. де-Местра, потому что вслѣдъ за этимъ онъ прибавляетъ, что Рудольфъ мысленно обратился къ Великому Князю со словами: «Honorez-moi de votre indifférence» [2]).

Первую половину войны 1812 года гр. Рудольфъ провелъ въ рядахъ Кавалергардскаго полка. Онъ участвовалъ въ поискѣ Де-Прерадовича отъ Витебска къ Смоленску (16—18 Іюля), о которомъ писалъ отцу: «De Vitebsk à Smolensk nous sommes venus dans une seule marche, c'est-à-dire que nous avons marché deux jours et une nuit en ne nous arrêtant que pour nourrir nos chevaux. Il m'est arrivé le 17 ce qui ne m'était pas encore arrivé depuis que je sers: c'est de marcher 24 heures juste à cheval, sans boire, ni manger, ni dormir... Quels hommes! Quels chevaux! Quel courage! Je commence à croire le grand miracle possible. Je ne serais point étonné *si tout ceci finissait par une opération à la Charles-Martel*» [3]). За Бородино де-Местръ былъ награжденъ орд. св. Владиміра 4-й ст.; 5 Ноября назначенъ адъютантомъ къ адмиралу Чичагову и участвовалъ въ дѣлахъ при Студянкѣ (12 Ноября) и при взятіи Вильны (28 Ноября). По удаленіи Чичагова изъ ввѣренной ему арміи, де-Местръ «явился къ графу Витгенштейну», который и оставилъ его при себѣ адъютантомъ. Въ качествѣ адъютанта гр. Витгенштейна де-Местръ былъ произведенъ въ шт.-ротмистры; весь 1813 г. онъ находился при томъ же Витгенштейнѣ, а затѣмъ въ 1814 г. состоялъ при генералѣ Раевскомъ. За Лейпцигскіе бои былъ награжденъ орд. св. Анны 2 ст., а за дѣла при Жуанвиллѣ (18 Января), Баръ-сюръ-Объ (15 Февр.), Лобрисель (19 Февр.) и Труа (20 Февр.) золотою шпагою. Онъ участвовалъ въ сраженіи при Арси (8 Марта) и при взятіи Парижа [4]).

Сохранилось воспоминаніе, что Рудольфъ де-Местръ въ Парижѣ, поспѣшивъ освободиться отъ служебныхъ обязанностей, немедленно отправился въ церковь St-Roch, гдѣ тотчасъ исповѣдывался, къ немалому удивленію священника, пораженнаго этой просьбой русскаго офицера.

Гдѣ находился де-Местръ съ Апрѣля 1814 г. по 1816 годъ, мы указать не можемъ, но 5 Января 1816 г. отдано было въ приказѣ по полку о зачисленіи явившагося «изъ командировки, находившагося адъютантомъ при адмиралѣ Чичаговѣ шт.-ротмистра гр. Мейстера» налицо.

Неявка продолжительное время изъ командировки имѣла грустныя послѣдствія для гр. де-Местра; въ тотъ же день онъ былъ у кн. П. М. Волконскаго, коему на другой день подалъ нижеслѣдующій рапортъ:

«Какъ в. с-во изволили объявить мнѣ прямо волю Е. И. В. въ разсужденіи меня, то и причины, къ оправданію поведенія моего служащія, считаю я себя обязаннымъ представить также прямо на благоразсмотрѣніе в. с-ва. Въ пользу мою имѣю я два приказа, одинъ утвержденный, коимъ назначенъ адъютантомъ къ адмиралу Чичагову, а другой отъ г. ген.-отъ-кав. гр. Витгенштейна, которымъ предписалъ онъ мнѣ исправлять при немъ должность адъютанта, не перемѣняя званія своего. Приказы сіи не были уничтожены, и я не полагалъ возможнымъ оставить генерала, при коемъ находился безъ его на то воли, или же безъ повелѣнія кого-либо изъ моихъ начальниковъ, и такимъ образомъ, считая себя совершенно правымъ, находился я вездѣ, гдѣ могъ видѣть имѣющихъ право быть моими начальниками. Привязанность мою къ службѣ доказалъ я, находясь въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, и былъ бы также въ походѣ 1815 года, если бъ корпусъ г. ген.-отъ-кав. гр. Витгенштейна успѣлъ быть противопоставленъ непріятелю. Въ походахъ тѣхъ пріобрѣлъ отличныя засвидѣтельствованія о моей службѣ и получилъ орд. св. Анны 2-й ст. за сраженіе при Лейпцигѣ, золотую шпагу за сраженіе при Баръ-сюръ-Объ, и, сверхъ того, г. ген.-отъ-кав. гр. Витгенштейнъ представилъ меня къ повышенію чиномъ за отличіе въ авангардныхъ сраженіяхъ, цѣлый мѣсяцъ продолжавшихся въ окружностяхъ Дрездена. Изъ вышеписаннаго в. с-во усмотрѣть изволите, что званіемъ адъютанта адм. Чичагова пользовался я только, дабы находиться всегда ближе къ непріятелю и быть тамъ употребленнымъ съ большею пользою и дѣятельностію, нежели въ резервѣ. Справедливость, в. с-ву свойственная, дастъ мнѣ смѣлость покорнѣйше просить васъ повергнуть сіе объ-

---

[1]) Oeuvres, XI, 501.
[2]) Тамъ же, 502.
[3]) Тамъ же, 191 et 192.
[4]) 23 Ноября/5 Декабря 1813 г. Ж. де-Местръ писалъ Императору Александру: «Si V. M. I. se trouvait heureusement dans le cas de lui» (королю Сардинскому) «envoyer quelques bonnes paroles, mon fils, Sire, ne pourrait-il point être le porteur et qu'il eût l'honneur de s'y présenter *avec le chiffre* de l'Empereur Alexandre I, l'Auguste protecteur de son père». (Арх. М. И. д., Sardaigne, 1813, № 35).

ясненіе къ стопамъ Е. И. В. и исходатайствовать мнѣ милость, дабы я при первомъ производствѣ обойденъ не былъ. Я смѣю льстить себя надеждою, что в. с-во не отвергнете просьбы солдата, который, служа офицеромъ девять лѣтъ, никогда не нарушалъ обязанностей своихъ и въ продолженіе службы, имѣвъ счастіе находиться въ кампаніяхъ 1807, 1808 въ Финляндіи, 1812, 1813 и 1814 годовъ, не подалъ причины къ обойденію, которое лишитъ меня репутаціи, мною пріобрѣтенной».

На этотъ рапортъ послѣдовалъ 11 Января отвѣтъ кн. Волконскаго:

«По Высочайшему повелѣнію, на рапортъ вашъ ко мнѣ, отъ 4 Января послѣдовавшему, объявляю, что вы вовсе не имѣли права находиться вездѣ, гдѣ только могли видѣть имѣющихъ право быть вашими начальниками, но должны были, на основаніи Высочайшаго указа, въ 1-й день Іюля 1806 г. состоявшагося объ адъютантахъ, сами явиться въ полкъ, для принятія приказаній отъ командира онаго» [1]).

20 Января дежурный генералъ Главнаго штаба Закревскій увѣдомилъ Де-Прерадовича, что «при производствѣ на вакансіи по ввѣренному в. пр-ву Кавалергардскому полку 16 числа текущаго мѣсяца Государь Императоръ повелѣть соизволилъ штабсъ-ротмистровъ онаго полка, состоящихъ адъютантами: при адмиралѣ Чичаговѣ графа Мейстра... обойти производствомъ... за неявку въ полкъ въ продолженіе цѣлаго года». Однако, 16 Марта де-Местръ былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ ротмистра, а 30 Іюня того же года уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ, при чемъ гр. Каподистрія ходатайствовалъ предъ Сардинскимъ правительствомъ о принятіи королемъ Рудольфа де-Местра на свою службу [2]). Кромѣ русскихъ орденовъ, де-Местръ былъ кавалеромъ сардинскаго ордена свв. Маврикія и Лазаря и прусскаго «Pour le mérite».

Выйдя въ отставку, графъ Рудольфъ продолжалъ жить въ Петербургѣ, исполняя неофиціально обязанности секретаря Сардинскаго посольства; вскорѣ затѣмъ онъ получилъ увѣдомленіе, что принятъ на сардинскую службу подполковникомъ (lieutenant-colonel et adjudant-général). Дни пребыванія Жозефа де-Местра въ Россіи были сочтены: въ началѣ 1816 года Нессельроде сообщилъ ему, что Государь, недовольный его дѣйствіями по распространенію католицизма въ средѣ русскаго высшаго общества, совѣтуетъ ему самому просить о своемъ отозваніи изъ Петербурга. По просьбѣ Ж. де-Местра онъ былъ принятъ Государемъ, представилъ ему свои оправданія, но не могъ переубѣдить Александра Павловича, и со всей семьей, за исключеніемъ сына, уѣхалъ изъ Петербурга 15 Мая 1816 г.; графъ Рудольфъ же, по просьбѣ отца, былъ признанъ Государемъ 14 Мая повѣреннымъ въ дѣлахъ Сардиніи, впредь до прибытія новаго представителя Сардиніи [1]). Р. де-Местръ исполнялъ обязанности повѣреннаго въ дѣлахъ до конца Августа, когда прибылъ новый повѣренный, графъ Брузаско [2]), и выѣхалъ изъ Петербурга въ серединѣ Сентября курьеромъ въ Туринъ [3]).

Въ 1837 г. Р. де-Местръ былъ назначенъ губернаторомъ и комендантомъ Ниццы. Помня съ благодарностью Россію, пріютившую и его, и отца его, и дядю Ксавье, графъ Рудольфъ всегда былъ обаятельно любезенъ со всѣми русскими, проводившими зиму подъ ласковымъ небомъ юга. Въ Ниццѣ между прочимъ онъ познакомился съ извѣстной А. О. Смирновой (рожденной Россетъ), другомъ Гоголя и хорошо знакомой всѣмъ тогдашнимъ литераторамъ. В. Шенрокъ сообщаетъ, что Рудольфъ де-Местръ старался переманить А. О. Смирнову въ католичество во время ея пребыванія за границей. Дѣйствительно, Смирнова почему-то крайне интересовалась іезуитами и охотно ихъ посѣщала [4]).

Въ 1848 году де-Местръ былъ произведенъ въ генералы; въ 1849 г. онъ подалъ въ отставку.

Въ 1866 г. онъ скончался въ домѣ своей сестры, герцогини де-Лаваль-Монморанси.

---

[1]) Леф. арх., оп. Канц. Нач. Гл. шт., св. 13, д. 54.

[2]) «L'objet de ses désirs se borne à obtenir des bontés du Roi, l'uniforme de sa maison avec un grade à l'armée analogue au rang dont il a été revêtu en Russie et un emploi qui lui permettrait de réaliser le vœu qu'il forme de servir S. M. avec utilité même en temps de paix. A cet égard des fonctions actives dans la carrière diplomatique, conforme à ses talents et à une expérience déjà acquise, sembleraient accomplir toutes ses espérances et lui présager des succès qui embrasseraient à la fois ses intérêts et ceux du service de Votre Auguste Souverain». (Письмо гр. Каподистрія маркизу С. Марсану 7 Іюля 1816 г.; Арх. М. И. д., Sardaigne, 1815, № 3).

[1]) Арх. М. И. д., Sardaigne, 1817, №№ 14, 16, 17.—Государь желалъ отозванія де-Местра изъ Россіи, но съ тѣмъ, чтобы это отозваніе не могло повредить ему въ глазахъ короля. (Арх. М. И. д., Sardaigne, 1816, №№ 64 и 65; Turin, 1816, №№ 34 и 35). Изъ этой переписки можно усмотрѣть, что настоящими причинами отозванія Ж. де-Местра едва ли не были слѣдующія обстоятельства: 1) громкіе нападки его на Библейское общество и 2) донесеніе королю изъ Петербурга 2/14 Іюня 1813 г., въ которомъ онъ подвергалъ ѣдкой критикѣ образъ дѣйствія какъ нашихъ генераловъ, такъ и самого Александра I. Копія съ этого донесенія попала въ руки Татищеву и была доставлена имъ изъ Лондона 24 Сент./6 Окт. 1813 г. въ министерство Иностранныхъ дѣлъ. (Тамъ же, Madrid, 1813, № 57).

[2]) C-te Cotti de Brusasco.

[3]) Тамъ же, №№ 25 и 26.

[4]) Р. Стар., 1888/VI, 599.

Графъ Рудольфъ де-Местръ былъ женатъ на Шарлоттѣ (Charlotte-Espérance) де-Планъ де-Сіесъ († 7 Марта 1881 г.). Онъ имѣлъ 3 сыновей: Іосифа-Евгенія (женатъ на de Menthon), Карла-Ксавье (женатъ на Asselin de Villequier), Франциска (женатъ: 1] на Inchault de la Moncière и 2] de Villeneuve) и двухъ дочерей, по замужеству: маркиза Фассати и княгиня Медолаццо [1]).

Алексѣй Александровичъ Гревсъ 1-й, 1779—, изъ дворянъ Орловской губ., Карачевскаго уѣзда, въ службѣ съ 4 Іюля 1796 г. гвардіи сержантомъ; 25 Декабря того же года переведенъ унт.-офицеромъ въ Кавалергардскіе эскадроны, при расформированіи которыхъ выпущенъ, 26 Ноября 1797 г., корнетомъ въ Малороссійскій кирас. полкъ; 15 Сентября 1802 г. уволенъ въ отставку поручикомъ; 6 Іюня 1804 г. опредѣленъ въ провіантскій штатъ чиномъ 12 класса; 23 Сентября 1806 г. переведенъ въ Гродненскій (Клястицкій) гус. полкъ корнетомъ; въ 1807 г. произведенъ въ поручики. Въ рядахъ Клястицкаго полка Гревсъ участвовалъ въ Прусской войнѣ 1807 г., въ сраженіяхъ и дѣлахъ: подъ Мѣшаницами (31 Янв.) и получилъ Высочайшее благоволеніе; Гутштатомъ (24 Мая), Секендорфомъ (25-го), Гейльсбергомъ (29-го) и награжденъ орд. св. Анны 3-й ст. и золотымъ оружіемъ; Фридландомъ (2 Іюня). Вѣроятно, подъ Гейльсбергомъ Гревсъ и получилъ «сабельную *контузію*», отъ которой еще въ 1809 г. страдалъ «частыми дурнотами рода обмороковъ». Переведенъ въ кавалергарды 29 Февраля 1808 г. и произведенъ въ 1810 г. въ шт.-ротмистры. Участвовалъ съ полкомъ въ Отечественной войнѣ и за Бородино получилъ орд. св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ; 20 Февраля 1813 г. произведенъ въ ротмистры и за Кульмское сраженіе (17 и 18 Августа) награжденъ орд. св. Анны 2 ст.

3 Іюня 1816 г. Гревсъ былъ произведенъ въ подполковники, съ переводомъ въ 3-й Украинскій казачій (Новомиргородскій уланскій) полкъ, и 18 Января 1818 г. назначенъ полковымъ командиромъ этого полка, а 6 Мая того же года произведенъ въ полковники. Онъ командовалъ полкомъ до 2 Октября 1827 г., когда былъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 3-й Уланской дивизіи, 10 Мая 1828 года назначенъ командиромъ 2-й бриг. 3-й Кирасирской дивизіи и награжденъ алмазными знаками къ орд. св. Анны 2 ст., а въ 1830 г. орд. св. Владиміра 3 степени.

Гревсъ участвовалъ въ Польской войнѣ 1831 г., въ Гроховскомъ сраженіи и награжденъ орд. св. Анны 1-й ст.—А. К. Пузыревскій такъ отзывается о дѣйствіяхъ Гревса въ этомъ сраженіи: «Бригадный командиръ Гревсъ не обладалъ ни рѣшительностью, ни должной смѣлостью для поддержанія атаки кирасиръ пр. Альберта». Затѣмъ Гревсъ участвовалъ въ дѣлѣ при Нурѣ (10 Мая), за которое получилъ орд. св. Анны 1 ст. съ Имп. короною. По окончаніи войны перемѣщенъ сначала (10 Ноября) командиромъ 2-й бриг. 3-й Уланской дивизіи, а затѣмъ (25 Декабря) 2-й бриг. 2-й Уланской дивизіи и въ 1836 г. получилъ аренду въ 1000 р. на 12 лѣтъ и вслѣдъ за симъ уволенъ 14 Февраля того же года по домашнимъ обстоятельствамъ въ отставку тѣмъ же чиномъ, съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ.

Былъ женатъ на дочери надв. сов. Красовскаго Маріѣ Ивановнѣ, владѣвшей въ Чигиринскомъ у. Кіевской губ. 500 душами. Имѣлъ дѣтей: Дарью (р. 1827 г.), Ксенію (р. 1829 г.) и сыновей—кавалергардовъ: Константина и Петра [1]).

Петръ Петровичъ Валуевъ, 1786 — 1812, изъ дворянъ Орловской губ., гдѣ у отца его было 1100 душъ; 16 Августа 1797 г. зачисленъ юнкеромъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ; въ 1799 г. назначенъ переводчикомъ; въ 1800 г. переведенъ въ Московскій архивъ той же Коллегіи; въ 1801 г. произведенъ въ колл. асессоры; въ 1805 г. произведенъ въ

[1]) Полк. архивъ; Нагр. дѣла 1813 г., св. 17, д. 3, л. 232.

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., оп. 120, св. 73; Форм. сп. 1835 г., кн. 1743; Пузыревскій, «Русско-Польская война», I, 106—108 и 111. См. біографіи: *П. А. Каблукова* и *А. П. Зона.*

надв. совѣтники; 26 Ноября 1806 г. переведенъ въ С.-Петербургскій грен. полкъ прапорщикомъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ фельдмаршалу гр. Каменскому, а послѣ его отъѣзда состоялъ адъютантомъ при гр. Остерманѣ-Толстомъ. При отъѣздѣ Каменскаго изъ арміи его сопровождалъ Валуевъ, и съ нимъ же фельдмаршалъ послалъ донесеніе Государю о своей болѣзни [1]). 9 Апрѣля 1807 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ. Участвовалъ въ сраженіи подъ Пр.-Эйлау (26 и 27 Янв.), гдѣ *раненъ* пулею въ голову; состоя адъютантомъ при кн. Горчаковѣ, участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Гейльсбергомъ и подъ Фридландомъ. «Во все время продолженія дѣла 29 Мая при Гейльсбергѣ, неоднократно посылаемъ былъ отъ кн. Горчакова въ опаснѣйшія мѣста съ приказаніями, которыхъ смѣлымъ, быстрымъ и точнымъ исполненіемъ, ни одна часть не осталась въ недоразумѣніи, и, сверхъ того, Валуевъ неоднократно былъ со стрѣлками впереди; 2 Іюня при Фридландѣ равномѣрно употребляемъ былъ для доставленія приказаній и выполнялъ все ему поручаемое, невзирая на опасности, съ примѣрнымъ отличіемъ и неустрашимостью», за что награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ и получилъ Прусскій орденъ «Pour le mérite».

По окончаніи Прусской войны поступилъ во фронтъ, а въ 1810 г. состоялъ адъютантомъ при Ф. П. Уваровѣ, въ Молдавской арміи, участвовалъ въ сраженіи при Батинѣ (26 Авг.) и награжденъ золотымъ оружіемъ. *Убитъ* подъ Бородиномъ [1]).

Князь Павелъ Алексѣевичъ Голицынъ, 1782—1848, сынъ Ярославскаго губернатора кн. Алексѣя Петровича отъ второго его брака съ Екатериной Ивановной Богдановой, въ 1797 году поступилъ въ Сенатскую юнкерскую школу, а черезъ два года за отличные успѣхи пожалованъ коллегіи-юнкеромъ и опредѣленъ въ VI департаментъ Сената; въ 1803 г. поступилъ эст.-юнкеромъ въ Кирасирскій Военнаго Ордена полкъ и въ слѣдующемъ 1804 г. произведенъ въ корнеты. Съ Орденскимъ полкомъ онъ участвовалъ въ кампаніи 1805 и 1806 гг. и за дѣло подъ Голиминымъ (14 Дек. 1806 г.) получилъ Всемилостивѣйшую благодарность; 20 Апр. 1807 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ ген.-ад. И. В. Васильчикову. Участвовалъ въ дѣлахъ: подъ Алленштейномъ (21 Января), Вольфсдорфомъ (23 Янв.), Ландсбергомъ (25 Янв.), въ Пр.-Эйлаускомъ бою (26 и 27 Янв.), при Петерсдорфѣ (24 Мая) и при Гутштатѣ (25 Мая), гдѣ награжденъ орд. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Въ этомъ дѣлѣ подъ нимъ была убита лошадь, и онъ самъ былъ *контуженъ* въ ногу во время атаки Орден-

[1]) «Весьма немногимъ извѣстна истинная причина предосудительнаго поступка гр. Каменскаго. Разсказъ адъютанта его Валуева, неотлучно при немъ находившагося, нѣсколько правдоподобенъ. 11-го вечеромъ пришла петербургская почта; чемоданы, какъ обыкновенно это дѣлалось, были принесены прямо къ фельдмаршалу; адъютантъ долженъ былъ отбирать письма, адресованныя на имя графа Каменскаго, остальныя же надлежало разослать по принадлежности. Когда фельдмаршалъ велѣлъ подать себѣ пакеты, Валуевъ отвѣчалъ: «Нѣтъ полученнаго на имя вашего сіятельства». Тогда графъ спросилъ: «На чье же имя есть пакеты?»—«На имя многихъ, кромѣ вашего сіятельства», отвѣчалъ Валуевъ. Тогда графъ, придя въ изступленіе, сталъ кричать: «Что это значитъ? Такъ-то поступаютъ со мной: презрѣніе! недовѣрчивость! Распечатывай всѣ безъ исключенія пакеты, какъ казенные, такъ и партикулярные». Валуевъ повиновался, и изъ первыхъ писемъ графъ увидѣлъ, что нѣкоторые окружавшіе его чиновники приняли на себя благородную обязанность увѣдомлять графа Ливена о поступкахъ, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ его. Сверхъ того, на одного изъ значительнѣйшихъ лицъ главной квартиры графа Толстого возложена была обязанность наблюдать за нимъ: онъ былъ снабженъ бланкетами, подобно тѣмъ, какіе были даны самому фельдмаршалу при отправленіи его въ армію. Человѣкъ хладнокровный, затаивъ на время оскорбленіе, удалилъ бы мало-по-малу изъ арміи лица, которыя онъ имѣлъ поводъ подозрѣвать. Человѣкъ энергическій, арестовавъ ихъ, выслалъ бы ихъ немедленно изъ арміи; человѣкъ бѣшеный, необузданный, поступилъ бы подобно графу Каменскому. Написавъ донесеніе Государю и отношеніе Ливену, исполненныя выраженіями непристойными, и отправивъ ихъ въ тотъ же вечеръ съ Валуевымъ, онъ оставилъ армію, съ повелѣніемъ каждой дивизіи отступать особо къ нашимъ границамъ». (Соч. Д. Давыдова, I, 182 и 183).

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., оп. 152, св. 563, д. 75; св. 594, д. 97; Сочин. Д. Давыдова, изд. 1893 г., I, 115, 182 и 183; Р. Стар., 1900/XII, 577; Зап. Волконскаго, 69, 85, 114 и 128.

ского полка; затѣмъ участвовалъ въ сраженіи подъ Фридландомъ. Въ 1810 г. произведенъ въ поручики; въ Январѣ 1812 г. вышелъ за болѣзнью въ отставку шт.-ротмистромъ, но въ Октябрѣ того же года вновь поступилъ на службу ротмистромъ въ Ахтырскій гус. полкъ и принималъ участіе въ кампаніяхъ 1812 — 1814 гг. сперва съ полкомъ, а съ 1813 г. старшимъ адъютантомъ 4 кавалерійскаго корпуса. За отличія при М.-Ярославцѣ и при Красномъ награжденъ орд. св. Анны 2-й ст. и прусскимъ орд. «Pour le mérite»; за дѣло при Бріенѣ и сраженіе при Ларотьерѣ — золотой саблей. 9 Сентября 1814 г. за отличіе переведенъ въ лб.-гв. Гусарскій полкъ подполковникомъ. Въ Ноябрѣ того же года уволенъ въ отставку полковникомъ, съ мундиромъ. Въ 1816 г. назначенъ состоять при Московскомъ генералъ-губернаторѣ по особымъ порученіямъ, съ переименованіемъ въ колл. совѣтники и пожалованіемъ въ званіе камергера. Въ 1826 г. въ чинѣ статскаго совѣтника перемѣщенъ въ министерство Внутреннихъ дѣлъ для особыхъ порученій. Въ 1828 г. назначенъ попечителемъ Калинкинской больницы. Въ 1830 году былъ произведенъ въ дѣйствит. статск. совѣтники и получилъ званіе гофмейстера. Умеръ въ 1848 г. и погребенъ въ с. Братцовѣ («Троицкое-Кайнарджи»), подъ Москвою. Былъ женатъ съ 1811 г. на воспитанницѣ гр. С. П. Румянцева, Варварѣ Сергѣевнѣ Кагульской, «la princesse Babet» (1794—1875); отъ этого брака было девять человѣкъ дѣтей: Зинаида (1813 — 1879), за кн. Н. А. Щербатовымъ; Николай (1814 — 1886), писатель; Сергѣй (1815 — 1888), ген.-отъ-инф., членъ Редакціонн. комиссіи; Михаилъ старшій († въ молод. годахъ); Ольга (1819 — 1886), за полк. П. П. Чичеринымъ; Варвара (1821 — 1857), за полк. В. С. Шереметевымъ; Михаилъ (1822—1868), вице-адмиралъ; Марія (1826—1881), за тайн. сов. В. Я. Скарятинымъ; Павелъ (1828—1882), шт.-ротмистръ [1]).

Баронъ Матвѣй Ивановичъ фонъ-деръ Паленъ 3-й, 1779—1863, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, сенаторъ и членъ Государственнаго Совѣта, родился 19 Февраля 1779 г. [2]) въ родовомъ имѣніи Пальмсъ Эстляндской губерніи, сынъ кавалергарда барона Ивана Алексѣевича [3]) и баронессы

Беаты ф.-д. Паленъ, рожденной графини Стенбокъ [1]).

По обычаю того времени, Паленъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ былъ зачисленъ въ Конную гвардію квартирмейстеромъ и, проходя послѣдовательно по ступенямъ военнаго чинопроизводства, вступилъ въ 1797 г. въ дѣйствительную службу корнетомъ, съ переводомъ въ Рижскій кирас. полкъ. Въ слѣдующемъ 1798 г. онъ переводится во вновь сформированный Кирасирскій Неплюева полкъ, въ которомъ въ томъ же году произведенъ поручикомъ; черезъ два года, по расформированіи этого полка, переведенъ обратно въ Рижскій драгунскій полкъ, въ которомъ и получаетъ первое боевое крещеніе. Онъ участвовалъ съ полкомъ въ дѣлахъ при Янковѣ (22 Янв.), Ландсбергѣ (25 Янв.) и въ Пр.-Эйлаускихъ бояхъ (26 и 27 Янв.), гдѣ заслужилъ первое свое военное отличіе — орденъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ; 20 Апрѣля, за отличіе, переведенъ тѣмъ же чиномъ, со старшинствомъ со дня производства, въ Кавалергардскій полкъ [2]), и затѣмъ 30 Апрѣля того же года участвовалъ въ ночномъ дѣлѣ подъ Остроленкой, за что награжденъ золотою шпагою [3]); по окончаніи кампаніи получилъ прусскій орденъ «за заслуги». 31 Августа Паленъ прибылъ къ полку [4]), 13 Сентября назначенъ адъютантомъ къ генералу Тучкову 1-му, командовавшему во время Шведской кампаніи 5 дивизіей, входившей въ составъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Финляндіи, и 31 Декабря произведенъ въ штабсъ-ротмистры. Участвуя

---

[1]) Леф. арх., оп. 152, св. 563, д. 74; Форм. сп. 1811 г., кн. 1, «Родъ кн. Голицыныхъ», 189, 213 и 214.
[2]) Свѣдѣнія, сообщ. гр. К. И. Паленомъ и г.-л. Пашковымъ.
[3]) См. «Сборникъ біогр. Кавалергардовъ», II.

[1]) Дочь Карла-Магнуса графа Стенбока и Анны-Маргариты фонъ Бломъ. (Долгорукій, II, 257).
[2]) Полк. архивъ.
[3]) Арх. Гос. Совѣта; Форм. списокъ.
[4]) Полковые приказы.

во время Финляндской войны во многихъ дѣлахъ [1]), бар. Паленъ проявилъ особую храбрость и распорядительность въ сраженіяхъ при киркѣ Сикаіоки и занятіи г. Брагештедта (6 Мая). При Сикаіокѣ ему поручено было командованіе частью кавалеріи, каковое порученіе было имъ исполнено съ «отмѣннымъ мужествомъ», и, согласно донесенію гр. Буксгевдена, непріятель принужденъ былъ «обратиться къ ретирадѣ». Орденъ св. Анны 2 ст. былъ наградой за это дѣло [2]). Особенно дѣятельное участіе принималъ Паленъ въ ночномъ бою (30 Окт. 1808 г.) при Иденсальми: благодаря его распорядительности и личной храбрости, во-время предупреждена была и отбита атака шведскихъ партизановъ Сандельса. Партизаны, пробравшись черезъ болота, окружавшія наши позиціи, стремительно напали на стоявшія у лѣса роты и, опрокинувъ ихъ, мгновенно появились въ землянкахъ Низовскаго и Ревельскаго пѣх. полковъ, гдѣ перекололи нѣсколькихъ солдатъ. Партизаны достигли уже нашихъ батарей и готовились разрушить мостъ; Сандельсъ ждалъ отъ нихъ условленнаго ракетнаго сигнала, чтобы атаковать съ фронта. Въ это время Паленъ, приведя съ собою лб.-гв. Егерскій баталіонъ, напалъ съ нимъ въ тылъ непріятеля и привелъ его въ совершенное разстройство: партизаны обратились въ бѣгство, отчаянно пробиваясь сквозь наши ряды и оставивъ на мѣстѣ болѣе 200 человѣкъ убитыми, при чемъ взятъ былъ въ плѣнъ и самъ предводитель партизановъ—Мальмъ. За это дѣло баронъ Паленъ награжденъ былъ орд. *св. Георгія 4 ст.* [3]).

11 Ноября того же 1808 г. онъ участвовалъ при занятіи нашими войсками Улеаборга, а въ слѣдующемъ 1809 г. находился въ отрядѣ гр. Строганова, гдѣ командовалъ «препорученнымъ ему кавалерійскимъ отрядомъ», съ которымъ участвовалъ въ дѣлахъ на остр. Сатунгѣ (3 Марта) въ Аландскомъ проливѣ, близъ остр. Сингельскеркъ (5 Марта) и 7 Марта на шведскомъ берегу при м. Гриссельгаммѣ [4]).

9 Окт. 1809 г. Паленъ былъ произведенъ въ ротмистры и вмѣстѣ съ Ф. П. Уваровымъ отбылъ въ Молдавскую армію. Въ Маѣ и Іюнѣ 1810 г. бар. Паленъ, состоя адъютантомъ при Уваровѣ, находился при осадахъ Силистріи и за сраженія 11 и 12 Іюня подъ Шумлою удостоенъ благоволительнаго рескрипта [1]). При вылазкѣ турокъ изъ Шумлы 26 Іюня бар. Паленъ «во все продолженіе 24 часовъ сраженія, не сходя почти съ лошади, находился во всѣхъ опасностяхъ, развозя приказанія и даже оставался часто на пунктахъ между сражающимися. Ген.-лейт. Уваровъ», писалъ главнокомандующій, «отдаетъ всю справедливость симъ отличнымъ офицерамъ, объясняя притомъ, что отчасти ихъ исправностью въ исполненіи даваемыхъ имъ порученій достигъ онъ до успѣха въ томъ дѣлѣ» [2]). За это сраженіе Паленъ былъ произведенъ въ полковники. При неудачномъ штурмѣ Рущука (22 Іюля) онъ былъ *раненъ* въ правое плечо, и 26 Августа того же года участвовалъ въ сраженіи при Батинѣ и пожалованъ вторично орденомъ св. Анны 2 ст. 15 Октября находился при занятіи Никополя.

Въ Отечественную войну Паленъ сначала былъ командированъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ къ Тучкову [3]), а затѣмъ съ 14 Октября командовалъ летучимъ отрядомъ и первый открылъ сообщенія между Большою арміей и корпусомъ гр. Витгенштейна. Преслѣдуя затѣмъ непріятеля, онъ имѣлъ съ нимъ дѣло при Россіенахъ. Въ Декабрѣ 1812 г., съ переходомъ нашихъ войскъ черезъ Нѣманъ, онъ находился 24 числа при занятіи Кенигсберга. Въ Январѣ слѣдующаго 1813 г. онъ былъ командированъ съ отрядомъ для обложенія крѣп. Пилау. «Во время двухнедѣльной его команды блокадою отбилъ значительный транспортъ съ провіантомъ и фуражемъ». Затѣмъ Паленъ отбилъ двѣ непріятельскія вылазки [4]) и былъ награжденъ алмазными украшеніями къ ордену св. Анны 2 ст. и назначенъ комендантомъ Кенигсберга. Въ Мартѣ того же года Паленъ поступаетъ подъ начальство ген.-ад. А. И. Чернышева и участвуетъ въ дѣлахъ: подъ Вербеномъ (12 Марта) и при Зеегаузенѣ (16). При взятіи Люнебурга (21 Марта) Паленъ, «командуя двумя казачьими полками, повелъ атаку по лѣвому берегу р. Ильменя на засѣвшаго въ городѣ многочисленнаго непріятеля и тѣмъ обратилъ на себя значительныя силы непріятеля, а когда вытѣсненъ оный былъ изъ города и покушался пробиться чрезъ отрядъ его, то искусственными движеніями присоединилъ къ себѣ еще 200 казаковъ, занялъ всѣ проходы, могущіе

---

[1]) Кромѣ нижепоименованныхъ дѣлъ, бар. Паленъ участвовалъ: при киркѣ Леппо-Вирдѣ (28 Февр.), при Куопіо (3 Марта), при киркѣ Пигаіоки (4 Апр.), при киркѣ Кельвіо (8 Мая), при киркѣ Перхо (29 Іюня), при киркѣ Лаппо (2 Іюля), при занятіи Тайлова (18 Сент.), при д. Каупиненѣ (д. Иденсальми, 15 Окт.) и 27 Октября при д. Веримѣ. (Полк. архивъ; Арх. Гос. Совѣта; Форм. списокъ).

[2]) Леф. арх., оп. 152, св. 566, д. 2.

[3]) Мих.-Данилевскій, «Опис. Финляндской войны», 337; Ист. л.-гв. Егерскаго п-ка, 64 и 65.

[4]) Полковой архивъ.

[1]) Леф. арх., оп. 152, св. 564, д. 7.

[2]) Тамъ же.

[3]) Полк. архивъ.

[4]) Леф. арх., Нагр. дѣла, св. 8, д. 94.

служить къ отступленію, чѣмъ самымъ содѣйствовалъ къ совершенному пораженію непріятеля, атакуя его, отбилъ 2 знамя, 2 пушки и взялъ въ плѣнъ большое число шт.- и об.-офицеровъ и нижнихъ чиновъ» [1]). За отличія, оказанныя въ послѣднемъ дѣлѣ, произведенъ 21 Марта въ генералъ-майоры.

Въ Апрѣлѣ 1813 г. онъ участвуетъ при атакѣ и бомбардированіи Гамбурга генераломъ Вандамомъ; въ дѣлѣ подъ Таухомъ (18 Мая), «командуя казачьими полками Сысоева 3-го и Грекова 18-го, первый повелъ атаку на непріятельскую конную дивизію и, несмотря на упорное оной защищеніе, ворвался въ мѣстечко и истребилъ совершенно два непріятельскихъ полка. Сверхъ того, будучи старшимъ, служитъ ген.-ад. Чернышеву какъ полезными совѣтами, такъ и ревностнымъ исполненіемъ возлагаемыхъ на него порученій» [2]). За это дѣло и за дѣло подъ Лейпцигомъ (20 Мая) Паленъ получилъ орд. св. Владиміра 3 ст. Перейдя затѣмъ подъ начальство Винценгероде и командуя особымъ кавалерійскимъ отрядомъ, баронъ Паленъ участвовалъ въ дѣлахъ при Гроссъ-Беренѣ (16 Авг.), Марцанъ (20), Кропстетѣ (21) и Денневицѣ (25), за каковыя награжденъ орденомъ *св. Георгія* 3 ст.; 27 Августа онъ участвуетъ при взятіи кр. Торна. 16 Октября подъ Лейпцигомъ Паленъ командовалъ авангардомъ Сѣверной арміи и пожалованъ орд. св. Анны 1 ст. [3]). Съ 9 Ноября по 22 Декабря 1813 г. Паленъ находился при блокадѣ Гамбурга и «многократно отражалъ непріятельскія вылазки»; 26 Ноября участвовалъ въ дѣлѣ при д. Сикъ противъ французскихъ и датскихъ войскъ, находившихся подъ начальствомъ ген. Вишеры, которыя разбилъ и преслѣдовалъ до самаго Гамбурга, за что награжденъ *золотою шпагою, украшенною алмазами*.

Въ 1814 году, съ 1 по 7 Января, баронъ Паленъ находился при блокадѣ датской крѣпости Ренсборгъ до заключенія Кильскаго мира, за что 7 Января получилъ командорскій крестъ шведскаго ордена Меча. Затѣмъ онъ перешелъ Рейнъ близъ Кельна и участвовалъ въ многочисл. дѣлахъ въ предѣлахъ Франціи: при замкѣ Порсье (14 Февр.), при г. Ретель (17), при Суассонѣ (20), при м. Бери-о-бакъ (22) и при Краонѣ (23), гдѣ за отличіе пожалованъ алмазными знаками къ ордену Анны 1 ст., при Лаонѣ (25—26 Февр.), Анизи-ле-шато (27), Круа (28), Реймсѣ (3 Марта), Эперне (5), Фремонѣ-Луа (10), С.-Дизье (11), Баръ-ле-Дюкъ (12) и при бомбардированіи г. Санса (22 и 23). За отличіе въ этихъ дѣлахъ награжденъ орд. св. Владиміра 2 ст. и получилъ прусскій орденъ Краснаго Орла 2 ст.

По окончаніи кампаніи 1814 года баронъ Паленъ возвратился въ Россію.

Высочайшимъ приказомъ отъ 12 Іюля 1818 г. [1]) баронъ Паленъ былъ уволенъ по прошенію отъ военной службы. Дѣйствительные мотивы прошенія неизвѣстны. Можно, однакоже, предполагать, что на это рѣшеніе имѣли вліяніе два обстоятельства: бракъ и престарѣлые годы отца, который и умеръ вскорѣ. Новая эра жизни наступила для барона Палена: онъ женится на Елизаветѣ фонъ Эссенъ (27 Мая 1817 г.); уѣзжаетъ въ свое родовое помѣстье Пальмсъ въ Эстляндской губерніи и, послѣ тревогъ боевой жизни, отдается деревенскому покою и супружескому счастью. Послѣднее, однако, продолжалось недолго: 22 Января 1820 года онъ потерялъ жену, оставившую ему сына Александра [2]). Впрочемъ, 25 Августа 1823 г. онъ вступаетъ во второй бракъ съ Екатериной Арвеліусъ, отъ которой впослѣдствіи имѣлъ четырехъ дочерей. Вторая супруга не только сопутствовала барону Палену во всю его долгую жизнь, но даже пережила его на 6 лѣтъ [3]). Обѣ супруги были уроженки Эстляндіи и это, несомнѣнно, еще тѣснѣе связало барона Палена съ балтійскимъ дворянствомъ и повліяло на всю его дальнѣйшую дѣятельность. При скудости біографическихъ свѣдѣній, касающихся перваго періода жизни барона Палена (до его отставки), весьма трудно сказать, явилась ли его филистерская педантичность и исключительная преданность балтійскому дворянству, даже вопреки общегосударственнымъ интересамъ, результатомъ происхожденія и воспитанія. Быть можетъ, остзейскій шовинизмъ развился у него впослѣдствіи, когда вся окружающая обстановка прибалтійскаго помѣщика, занимавшаго къ тому же мѣсто ландрата Эстляндской губ., способствовала незамѣтно, но неуклонно къ созданію типа русскаго нѣмца, типа столь часто встрѣчавшагося въ первой половинѣ XIX столѣтія на общественномъ и государственномъ поприщѣ русской жизни.

Въ дальнѣйшемъ мы будемъ имѣть дѣло съ барономъ Паленомъ исключительно съ точки зрѣнія его дѣятельности въ Прибалтійскомъ краѣ, а потому естественно является

---

1) Леф. арх., оп. 152, св. 11, д. 4.
2) Тамъ же, св. 8, д. 31.
3) Мих.-Данилевскій, «Опис. войны 1813 г.», II, 178.

1) Эстляндскій дворянскій архивъ за 1817 годъ.
2) Тамъ же.
3) Скончалась 18 Авг. 1869 года.

вопросъ: что жъ такое представлялъ изъ себя баронъ М. П. фонъ-деръ-Паленъ, какъ человѣкъ, который, какъ и всѣ прочіе, могъ сказать: «homo sum et humani nihil a me alienum puto»; были ли въ его жизни періоды сердечныхъ увлеченій, порывовъ и т. п.? Какія обстоятельства предшествовали его первому и второму браку, играло ли здѣсь роль болѣе или менѣе давнее чувство, или это было просто необходимое слѣдствіе перехода отъ безпокойной военной жизни къ болѣе уравновѣшенному состоянію,—вопросъ этотъ остается положительно неизвѣстнымъ. Строгая выдержанность характера барона Палена, его холодное и неуклонное исполненіе своихъ обязанностей какъ бы исключаютъ возможность предположенія въ его жизни романическаго элемента. Впрочемъ, въ письмахъ кн. Ал. Бор. Куракина къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ встрѣчается мимоходомъ намекъ на юношеское увлеченіе Палена француженкой, дѣвицей de Bassompierre, о которой 17 Іюля 1807 г. кн. Куракинъ пишетъ Императрицѣ изъ Межевицъ: «C'est la fille d'un émigré de beaucoup de mérite, auquel M-me de Cracovie accorde un asile chez elle, et que le baron de Pahlen, officier de nos gardes du corps, a demandé en mariage» [1]).

Въ это время Паленъ только что вернулся изъ Прусскаго похода; онъ имѣлъ отъ роду всего 28 лѣтъ и, весьма вѣроятно, влюбился въ дѣвицу Бассомпьеръ при переходѣ нашихъ войскъ черезъ Польшу. Къ сожалѣнію, кромѣ этого отрывочнаго свѣдѣнія о молодости бар. Палена, другихъ не имѣется, и имя его нигдѣ болѣе не встрѣчается рядомъ съ именемъ дочери французскаго эмигранта. Рокъ, очевидно, не судилъ Матвѣю Ивановичу выбрать себѣ подругу жизни внѣ его любимой родины.

Должность ландрата Эстляндской губерніи бар. Паленъ занималъ въ теченіе 7 лѣтъ, съ 18 Февраля 1821 г. Судя по дальнѣйшей его дѣятельности, онъ былъ, вѣроятно, полнымъ приверженцемъ остзейскаго дворянства и дѣйствовалъ всецѣло въ его интересахъ. О томъ же, какъ понимались въ его время эти интересы, видно будетъ изъ послѣдующаго очерка перехода латышей въ православіе, т.-е. того періода исторіи Прибалтійскаго края, съ которымъ неразрывно связано имя барона М. И. фонъ-деръ-Палена. Въ 1828 году о М. И. Паленѣ вновь вспомнили въ Петербургѣ: онъ производится въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ сенаторомъ въ 5 департаментъ, и въ томъ же году назначается попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа, преемникомъ гр. Ливена, занявшаго постъ министра Народнаго Просвѣщенія. Съ открытіемъ въ 1802 г. возобновленнаго Дерптскаго университета должность попечителя была самостоятельна, и только бар. Паленъ совмѣстилъ эту должность съ болѣе обширною и отвѣтственною, а именно въ 1830 году онъ переименовывается въ ген.-лейтенанты, съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ и Рижскимъ военнымъ губернаторомъ. Съ 1801 г. Рижскій военный губернаторъ значился одновременно и генералъ-губернаторомъ Прибалтійскаго края. Мысль о совмѣщеніи въ одномъ лицѣ должности генералъ-губернатора и попечителя учебнаго округа дѣятельно проводилась въ то время въ Петербургѣ (напримѣръ, извѣстнымъ Паулуччи) [1]), но трудно сказать, какая собственно отъ такого совмѣстительства ожидалась польза. Быть можетъ, этого желала всесильная въ то время нѣмецкая партія, отстаивавшая обособленность Дерптскаго университета; быть можетъ, имѣлся въ виду и нѣсколько буйный характеръ дерптскихъ студентовъ, требовавшій непосредственнаго надзора лица, облеченнаго высокой административной властью. А что въ тѣ времена, дѣйствительно, бывали случаи студенческихъ безпорядковъ, доходившихъ даже до открытаго столкновенія съ русскими офицерами, видно хотя бы изъ дѣла о «студенческихъ безчинствахъ», въ 1804 году [2]). Въ дальнѣйшей біографіи барона Палена мы не будемъ держаться строго-хронологическаго порядка, а раздѣлимъ его дѣятельность на три періода: 1) бар. Паленъ—попечитель учебнаго округа (1828—1835), 2) бар. Паленъ—начальникъ отряда, дѣйствовавшаго въ Самогитіи противъ польскихъ мятежниковъ (1831 г.) и 3) бар. Паленъ—генералъ-губернаторъ Прибалтійскаго края (1830—1845). Къ такому порядку изложенія насъ особенно побуждаетъ и то обстоятельство, что мрачная исторія такъ называемаго возмущенія латышей, кидающая тѣнь подозрѣнія въ пристрастности Палена, значительно смягчается его гуманными чертами, проявившимися по отношенію къ Дерптскому университету и даже къ польскимъ повстанцамъ. Въ интересахъ безпристрастія нужно, однакоже, замѣтить, что въ этихъ двухъ случаяхъ Паленъ имѣлъ дѣло съ близкими ему, по національности, студентами, или съ поляками, слишкомъ далеко стоявшими отъ интересовъ его родины, тогда какъ латыши и ихъ стремленіе уйти изъ полнаго подчиненія помѣщикамъ затрогивали больно какъ матеріальныя выгоды, такъ и прерогативы власти остзейскаго дворянства. Во всякомъ случаѣ

---

1) Р. Архивъ, 1868 г., 232.

1) Р. Стар., 1890/II, 363.
2) Р. Арх., 1882/X, 265—282.

черезчуръ рѣзкое осужденіе барона Палена нѣкоторыми изъ нашихъ писателей едва ли справедливо, и личность его рисуется намъ съ весьма хорошихъ сторонъ, особенно тамъ, гдѣ онъ не находится подъ давленіемъ сословныхъ требованій и предразсудковъ.

Въ дѣятельности Палена, какъ попечителя округа, особенно интересенъ случай о разслѣдованіи тогда еще вновь образовавшейся студенческой корпораціи. Въ Ноябрѣ 1833 г. было получено извѣщеніе шефа жандармовъ гр. Бенкендорфа о томъ, что «въ Дерптѣ существуетъ тайное общество подъ названіемъ буршеншафтъ (Burschenschaft), основанное въ 1827 г. по образцу однородныхъ съ нимъ обществъ въ Германіи, и что къ этому обществу принадлежитъ до 150 студентовъ [1]). Паленъ немедленно поручилъ ректору университета Парроту «принять безотлагательно всѣ соотвѣтствующія мѣры; особенно же, заарестовавъ двухъ главныхъ заправителей общества, строжайше розыскать въ ихъ квартирахъ бумаги, касающіяся существованія общества».

Парротъ арестовалъ трехъ вожаковъ, но вскорѣ ихъ освободилъ, донося Палену, что въ корпораціи не замѣчены никакія политическія тенденціи и что для рѣшенія всего дѣла совершенно достаточно университетскаго суда.

Баронъ Паленъ, повидимому, совершенно согласился съ ректоромъ университета и употребилъ всѣ мѣры къ тому, чтобы дѣло о «тайномъ обществѣ» не дошло въ Петербургъ въ преувеличенномъ видѣ. Онъ высказываетъ убѣжденіе, что вся «затѣя» студентовъ «ничто иное, какъ глупое подражаніе (Nachäffung) подобнымъ обществамъ въ германскихъ университетахъ, и что общество не только не имѣло въ виду угрожать безопасности государства, но что истинная цѣль его заключается въ облагороженіи студенчества». Изъ этого, однакоже, не слѣдуетъ выводить, что Паленъ сочувствовалъ студенческимъ корпораціямъ; по крайней мѣрѣ онъ указываетъ и на ихъ отрицательныя стороны. «Хотя», пишетъ онъ, «тенденція сего общества, по образцу подобныхъ въ Германіи, и не направлена къ низверженію существующихъ въ государствѣ порядковъ, тѣмъ не менѣе нельзя не считать незаконнымъ учрежденіе всякаго рода обществъ и братствъ безъ разрѣшенія начальства. Наконецъ, общество буршеншафтъ вредно отзывается на его членахъ, такъ какъ множествомъ возложенныхъ уставомъ на нихъ обязанностей и безполезныхъ занятій отвлекаетъ юношество отъ истинной цѣли пребыванія въ университетѣ—научнаго образованія, и питаетъ въ немъ ложную мысль о своемъ высокомъ значеніи и достоинствѣ. Подобное вырожденіе академической жизни повело въ Германіи къ самымъ печальнымъ заблужденіямъ». Далѣе указываются и неудобства уже чисто полицейскаго характера: «Такъ какъ всякое подобнаго рода общество легко можетъ повести къ злоупотребленіямъ и безпорядкамъ, то нѣтъ сомнѣнія, что начальству слѣдуетъ принять строгія мѣры и, прекративъ существованіе незаконнаго общества, подвергнуть наказанію, соотвѣтственно винѣ, его учредителей и главныхъ покровителей».

27 Ноября 1833 г. Паленъ пріѣхалъ въ Дерптъ, чтобы лично присутствовать на университетскомъ судѣ. Здѣсь выяснилось, что общество не имѣло сношеній съ всеобщимъ германскимъ буршеншафтомъ—вопросъ, очевидно, весьма безпокоившій судей. Постановленіе суда оказалось весьма гуманнымъ и не выходило изъ предѣловъ снисходительныхъ отеческихъ мѣръ: общество рѣшено закрыть; исключить одного студента, уже дважды передъ тѣмъ судившагося, а прочихъ членовъ общества наказать лишеніемъ зимнихъ вакацій и продержать ихъ въ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ (черезъ сутки); знавшимъ же о существованіи «фехтбодена» (фехтовальный залъ) и не донесшимъ начальству, сдѣлать строгій выговоръ; старшинъ общества, впредь до утвержденія постановленія, держать въ карцерѣ.

Но въ Петербургѣ въ то время на такое «тайное общество», да еще имѣющее однимъ изъ своихъ девизовъ «свободу», посмотрѣли очень строго. Россія только что пережила польскій мятежъ, невольно чуялась крамола и на окраинахъ: мягкій приговоръ университетскаго суда былъ кассированъ. 12 Февраля 1834 года повелѣно было: «исключивъ изъ университета 17 членовъ Дерптскаго буршеншафта, отдать ихъ подъ строгій полицейскій надзоръ, а трехъ изъ членовъ не принимать на государственную службу».

Послѣдняя мѣра являлась очень строгимъ наказаніемъ, тѣмъ болѣе, что отдача подъ надзоръ полиціи во времена Императора Николая Павловича почти всегда соединялась именно съ опредѣленіемъ виновныхъ на государственную службу.

Кромѣ дѣла о буршеншафтѣ, неизвѣстно ничего выдающагося въ дѣятельности попечителя Дерптскаго учебнаго округа, да и врядъ ли представлялся поводъ для какихъ-либо крупныхъ мѣропріятій въ университетѣ, основанномъ впервые еще въ 1632 году и до сравнительно недавняго времени жившемъ по старому уставу 1799 года.

Въ 1831 г. наступила тяжелая пора, когда въ Польшѣ возникли легкомысленныя надежды на возстановленіе самостоятельнаго польскаго

---

[1]) Р. Стар., 1890/II.

государства и глухо заволновали край. Въ народѣ велась дѣятельная пропаганда, и вскорѣ стали появляться мятежническія банды, распространившія волненія на Самогитію и нѣкоторые уѣзды Курляндской губерніи. На Остзейскаго генералъ-губернатора было возложено умиротвореніе края въ ближайшихъ къ Курляндіи мѣстностяхъ.

Возстаніе еще не приняло такихъ внушительныхъ размѣровъ, какъ это было позднѣе, пламя еще не разгорѣлось, и казалось, что потушить его возможно будетъ мѣрами убѣжденія и кротости, прибѣгая къ оружію лишь въ крайнихъ случаяхъ. Въ этихъ видахъ было повелѣно, чтобы бар. Палену сопутствовалъ предсѣдатель римско-католич. коллегіи, князь-епископъ Симонъ Гедройцъ. Марта 22 1831 г. Паленъ получилъ Высочайшій рескриптъ, уполномочивавшій его по всѣмъ дѣламъ, относящимся къ соблюденію въ Курляндіи тишины и спокойствія, имѣть права и власть, предоставленныя командирамъ корпусовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду Высочайшей воли, бар. Паленъ пригласилъ курляндское дворянство къ составленію собственными средствами временнаго коннаго земскаго ополченія для сохраненія въ Курляндіи тишины и порядка. Въ этомъ дѣлѣ остзейскій генералъ-губернаторъ выказалъ большую энергію: немедленно же было сформировано конно-земское ополченіе и, кромѣ того, составленъ особый конный отрядъ охотниковъ изъ жителей Риги и Митавы, на что Государь далъ свое соизволеніе и приказалъ нижнихъ чиновъ этого отряда снабдить оружіемъ, лошадьми и производить имъ отъ казны во все время службы продовольствіе и фуражъ по положенію легкой армейской кавалеріи. Отрядъ этотъ, по распоряженію бар. Палена, былъ составленъ Рижскимъ полицеймейстеромъ Васкульскимъ изъ 1235 человѣкъ [1]).

Непосредственно, въ качествѣ командующаго отрядомъ войскъ (2000 чел., 6 орудій), дѣйствовавшихъ во время возстанія, Паленъ принималъ участіе въ дѣлахъ: 11 Апрѣля на курляндской границѣ при Олленской корчмѣ и при станціи Кольве; 12 и 15 Апрѣля въ Виленской губерніи, подъ мѣстечкомъ Янишками; 30 Апрѣля при д. Вешвянахъ близъ г. Тельшъ; 13 Мая при занятіи м. Ретау и вытѣсненіи мятежниковъ изъ лѣсовъ и болотъ по пути отъ м. Кейданы до м. Ретау [2]). Эта дѣятельность бар. Палена по усмиренію мятежа не осталась безъ наградъ, и 6 Декабря 1831 г. ему пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго.

Помимо этихъ военныхъ дѣйствій въ Литвѣ, бар. Паленъ, какъ уже было упомянуто выше, при помощи епископа Гедройца выполнялъ волю Государя, желавшаго подѣйствовать на мятежниковъ увѣщаніями и тѣмъ вернуть ихъ къ вѣрноподданническому долгу. Въ виду невозможности дѣйствовать одними личными увѣщаніями, Гедройцъ преимущественно разсылалъ воззванія, напечатанныя въ Петербургѣ на русскомъ и литовскомъ языкахъ.

Изъ донесеній Гедройца къ главноуправляющему дух. дѣлами иностранныхъ исповѣданій Д. Н. Блудову видно, что епископъ приписывалъ значительный успѣхъ этимъ воззваніямъ, хотя этому и противорѣчитъ крайне рѣзкое отвѣтное письмо, полученное кн. Гедройцемъ 14 Мая 1831 года отъ предводителя мятежниковъ Шавельскаго повѣта, Франциска Шеміота, въ которомъ послѣ цѣлаго ряда упрековъ между прочимъ говорится: «Князь, оставь миссію, которая неприлична твоему сану и помрачаетъ славу; припомни себѣ, что ты полякъ, а также не забудь и того, что есть судъ потомства на землѣ и судъ Божій на небеси!» [1]). Вообще положеніе епископа Гедройца было крайне щекотливо и двусмысленно, и, при всей его преданности русскому престолу, онъ, очевидно, тяготился возложеннымъ на него порученіемъ. Въ своей перепискѣ съ Блудовымъ онъ робко защищаетъ польское духовенство и старается вообще не проявлять самостоятельныхъ дѣйствій, а лишь строго выполняетъ официальныя предписанія начальства. Баронъ Паленъ не могъ не замѣтить такого отношенія и, съ своей стороны, старался побудить епископа къ болѣе энергичной дѣятельности. Паленъ самъ издалъ прокламацію къ литовскому народу и приказалъ всѣхъ обывателей, не исключая и духовенства, вновь приводить къ присягѣ на вѣрность Государю, если они присягали правительству мятежниковъ, а потомъ уразумѣли свои заблужденія и раскаялись. На этотъ предметъ имъ былъ составленъ особый присяжный листъ, въ которомъ, сверхъ клятвы вѣрности, прибавлено обѣщаніе не вступать въ сношенія съ мятежниками и о дѣйствіяхъ ихъ доносить. Присяжные листы были переданы и кн. Гедройцу, съ предписаніемъ приводить къ новой присягѣ заблудшихъ, но раскаявшихся овецъ изъ числа духовныхъ лицъ. Епископъ, однакоже, усмотрѣлъ въ этомъ распоряженіи Палена нѣкоторое оскорбленіе своему сану. Онъ отвѣчалъ Палену, что не имѣетъ никакихъ свѣдѣній,

---

[1]) Сборникъ, XCVIII.

[2]) Станкевичъ и Пузыревскій, «Польская кампанія 1830—31 гг.», 300—304; Пузыревскій, «Польско-Русская война», изд. 1890 г., I, 285—288.

[1]) Переписка епископа кн. Гедройца съ графомъ Д. Н. Блудовымъ. (Р. Арх., 1869 г.).

кто собственно изъ духовенства былъ въ сообществѣ съ мятежниками, и, сверхъ того, заявилъ, что не считаетъ себя «въ правѣ входить въ дѣла, относящіяся совершенно къ полицейскимъ обязанностямъ», — поэтому онъ проситъ доставлять къ нему въ церковь для присяги тѣхъ, кого начальство найдетъ нужнымъ. Этимъ самымъ епископъ какъ бы совершенно отказывался отъ всякой личной иниціативы. Между тѣмъ бар. Паленъ распорядился, чтобы мѣстныя полицейскія власти приводили въ церковь лицъ, замѣченныхъ въ колебаніи вѣрноподданническихъ чувствъ. Въ письмѣ отъ 20 Апрѣля 1831 г. на имя Блудова Гедройцъ съ явной ироніей отзывается о дѣйствіяхъ генералъ-губернатора. Послѣ дѣла 15 Апрѣля при Янишкахъ русскими войсками были захвачены въ плѣнъ крестьяне, которые сознались, что взялись за оружіе, будучи принуждены къ этому силою мятежниками. Баронъ Паленъ рѣшилъ ихъ отпустить, снабдивъ печатными воззваніями съ цѣлью распространенія ихъ среди народа. Чтеніе Высочайшаго указа 22 Марта и воззванія было обставлено торжественно, и крестьянъ увѣщевали не имѣть дѣла съ мятежниками, обѣщая отпустить по домамъ. Затѣмъ слѣдовала раздача экземпляровъ прокламаціи. «Но поелику», пишетъ кн. Гедройцъ, «потомъ Г. Генералъ-Губернаторъ призналъ нужнымъ тѣхъ же плѣнныхъ отправить во внутреннія губерніи, кромѣ самаго малаго числа неспособныхъ къ службѣ, то весь помянутый обрядъ остался безъ дальнѣйшаго послѣдствія».

Въ томъ же письмѣ Гедройцъ смиренно соглашается слѣдовать совѣту Палена—купить себѣ лошадь для похода, хотя и предвидитъ «нѣкоторыя неудобства по сану своему». Повидимому, баронъ-протестантъ не особенно ладилъ съ епископомъ-католикомъ, и ихъ переписка носитъ отпечатокъ взаимной холодности, не чуждой ироніи. Сознавалъ ли самъ Паленъ свои весьма посредственные успѣхи въ дѣлѣ усмиренія мятежа, или такова была воля высшаго начальства, но въ концѣ Мая 1831 г. генералъ-губернаторъ уже возвратился во ввѣренныя ему губерніи, а главноначальствованіе надъ русскимъ отрядомъ въ Самогитіи передано г.-м. Ширману. Возможно и то, что назначеніе командующимъ корпусомъ въ Самогитіи бар. Паленъ получилъ преимущественно какъ генералъ-губернаторъ сосѣдняго края, и главная цѣль его была охраненіе границъ Курляндіи, а не самостоятельныя и обширныя военныя дѣйствія, къ которымъ было вынуждено прибѣгнуть русское правительство по мѣрѣ все разгоравшагося мятежа. Нельзя не замѣтить, что во всей своей дѣятельности въ Литвѣ бар. Паленъ является превосходнымъ исполнителемъ предначертаній начальства, строго слѣдуя преподанной имъ программѣ дѣйствій, но остается именно холоднымъ исполнителемъ чужой воли, чуждымъ личной иниціативы, энергіи и самостоятельности. Это свойство характера, вѣроятно, не дало ему возможности создать себѣ военную славу, несмотря на быстрые успѣхи по лѣстницѣ чиновъ и отличій; это же свойство, очевидно, легло въ основу знаменитаго дѣла о латышахъ, гдѣ онъ явился исполнителемъ опять-таки чужихъ стремленій и желаній—на этотъ разъ желаній остзейскаго дворянства.

Чтобы выяснить движеніе, начавшееся въ 30-хъ годахъ среди латышей, необходимо обратиться къ 1819 году, когда произошло освобожденіе остзейскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Освобожденіе это носило совершенно своеобразный характеръ: латышамъ земли не дали и тѣмъ самымъ поставили ихъ въ полную экономическую зависимость отъ мѣстнаго дворянства. Вѣчно-наслѣдственная аренда тоже не была установлена, и помѣщикъ могъ во всякое время увеличить арендную плату и прогнать крестьянина не только съ земли, но даже изъ дома. Съ точки зрѣнія правовой крестьяне также оказались въ полнѣйшемъ подчиненіи у землевладѣльцевъ, хотя и существовали нѣкотораго рода самоуправленіе и даже свой судъ. Всѣ дѣла крестьянъ вѣдало вотчинное правленіе (Gutsverwaltung), фактически всегда исполнявшее волю помѣщика. А правленіе это могло подвергать виновныхъ тѣлесному наказанію, которое и практиковалось въ широкихъ размѣрахъ *вмѣстѣ* съ денежными штрафами. Едва ли гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, не только Россіи, но и всего земного шара, бывали случаи, чтобы наказуемый розгами, вставъ съ позорной скамьи, принужденъ былъ доставать кошелекъ и уплачивать денежную пеню. Повсюду одинъ видъ кары замѣняетъ другой—въ Лифляндіи оба вида совмѣщались. Плата взималась какъ бы за тѣ розги и палки, которыми только что истязали несчастнаго. Это носило названіе «похвальнаго обычая» *(eine löblichs Gewohnheit)* [1]). Жаловаться крестьянамъ было некуда, ибо высшія инстанціи всецѣло находились въ рукахъ того же дворянства. Да и какимъ образомъ могъ латышъ вообще добиться правды, когда даже показанія его на судѣ записывались на нѣмецкомъ языкѣ, незнакомомъ крестьянину. Контракты помѣщиковъ съ крестьянами писались на самый короткій срокъ и были крайне обременительны и односторонни: помѣщикъ выговари-

---

[1]) Статья Самарина, «Православные Латыши въ 1841—42 гг.». (Р. Арх., 1869 г., 1234).

валъ себѣ все, крестьянинъ не былъ гарантированъ ничѣмъ. Въ сущности, для остзейскихъ крестьянъ, послѣ освобожденія, наступила еще горшая кабала, и бывшіе завоеватели-рыцари еще рѣзче отдѣлили себя отъ илотовъ-латышей, которые фактически попрежнему оставались въ самомъ безправномъ положеніи. Такимъ образомъ самое крѣпостное право во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, несмотря на всѣ его темныя стороны, казалось раемъ въ сравненіи съ мнимой свободой прибалтійскихъ крестьянъ.

Таково было положеніе дѣлъ въ Остзейскомъ краѣ, когда нѣсколько послѣдовательныхъ неурожаевъ довели лифляндскихъ крестьянъ, въ 1841 году, до полнаго обнищанія. Появились голодъ и болѣзни. Народъ изнывалъ и въ отчаяніи сталъ обращаться съ жалобами къ мѣстному начальству, при чемъ въ просьбахъ своихъ крестьяне нерѣдко обвиняли помѣщиковъ, не дававшихъ имъ достаточныхъ средствъ къ пропитанію. На ряду съ этимъ въ народѣ стала распространяться молва о возможности переселенія, появились слухи о какой-то роскошной и теплой по климату «Эйской» землѣ, и вскорѣ толпы крестьянъ стали приходить въ Ригу съ просьбами поскорѣе вывести ихъ изъ Лифляндіи. Такъ какъ большинство этихъ просителей не имѣли узаконенныхъ видовъ на отлучку изъ дому отъ вотчинныхъ конторъ, то губернское начальство отнеслось къ нимъ строго и сурово: ихъ били палками, брили имъ головы въ губернскомъ правленіи [1]) и послѣ надлежащаго увѣщанія выпроваживали домой.

Въ Іюнѣ 1841 г. одна изъ такихъ голодныхъ и запуганныхъ крестьянскихъ артелей забрела на архіерейское подворье, въ которомъ въ то время проживалъ представитель православной церкви въ Прибалтійскомъ краѣ преосвященный Иринархъ, викарій архіепископа Псковскаго. Къ православному духовенству латыши давно тяготѣли: въ русскомъ священникѣ они видѣли добраго, благостнаго пастыря, не гордаго, не гнушавшагося темнымъ, сѣрымъ народомъ, но, напротивъ, съ привѣтомъ и любовью входящаго въ грязную избу, чтобы утѣшить скорбящаго и недужнаго. Тепломъ вѣяло на души обездоленныхъ латышей отъ православнаго духовенства, и невольно потянуло ихъ туда, гдѣ вѣра Христова не даетъ различія между людьми и открываетъ одинаково всѣмъ мирное пристанище для измученной души.

Было и такъ, что латыши, прослышавъ о добротѣ русскаго Государя, прямо говорили: «Хотимъ исповѣдывать ту же вѣру, что и Царь нашъ». Неизвѣстно какъ, но мечты о переходѣ въ православіе соединялись въ умахъ латышей съ представленіемъ о лучшей долѣ, о какихъ-то иныхъ земляхъ, куда, будто бы, переселяютъ всѣхъ, принявшихъ православіе.

Это заблужденіе имѣло очень пагубныя послѣдствія, ибо остзейская партія не преминула изобразить все движеніе латышей, какъ возмущеніе, какъ бунтъ, раздутый злонамѣренными людьми, желавшими посѣять смуту въ народѣ, подговаривая его къ переселенію.

Какъ бы то ни было, латыши обратились къ преосвященному Иринарху и просили его принять отъ нихъ прошенія о желаніи перейти въ православіе и о переселеніи. Преосвященный взялъ прошенія и препроводилъ ихъ въ Петербургъ къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода гр. Протасову и вмѣстѣ съ тѣмъ, сжалившись надъ голодными, далъ имъ по куску хлѣба. Вѣсть о добромъ архипастырѣ быстро распространилась, и народъ повалилъ къ нему толпами. Новыя просьбы Иринархъ снова отправилъ въ столицу, но крестьянамъ внушилъ, чтобы они *вернулись къ своимъ занятіямъ, повиновались помѣщикамъ и не думали о переселеніи*. Не принимать просьбъ о присоединеніи въ лоно Православной церкви православный архіерей не имѣлъ нравственнаго права. Одновременно съ этимъ епископъ извѣстилъ гр. Протасова о бѣдственномъ положеніи народа и о преслѣдованіяхъ со стороны губернскаго начальства. Дѣло дошло до Государя и вызвало его справедливое негодованіе: министру Внутреннихъ дѣлъ гр. Строганову и гр. Бенкендорфу объявлено Монаршее неудовольствіе. Тогда вся нѣмецкая партія, наполнявшая всѣ министерства и, по мѣткому выраженію Ю. Самарина, представлявшая въ самомъ центрѣ правительства «особое министерство Остзейскихъ дѣлъ», взволновалась и вознегодовала на Иринарха. Петербургскіе друзья немедленно извѣстили барона Палена обо всемъ, и послѣдній сталъ непримиримымъ врагомъ Иринарха. Между генералъ-губернаторомъ и русскимъ архіереемъ возникла рѣзкая переписка, началась открытая война, окончившаяся столь плачевно для преосвященнаго. На свои запросы Паленъ получилъ отъ епископа отвѣтъ, что прошенія латышей препровождены въ Петербургъ. Генералъ-губернаторъ увидѣлъ въ этомъ посягательство на его права, какъ дѣйствіе, ограничивавшее прерогативы его власти. Домъ архіерея былъ окруженъ солдатами, впрочемъ, переодѣтыми, дабы не возбуждать всеобщаго вниманія; каждаго латыша, приходившаго къ епископу, арестовывали и приводили въ губернское правленіе. При этомъ генералъ-губернаторъ из-

[1]) Отношеніе бар. Палена къ мин. вн. дѣлъ 13 Іюля 1841 г., № 670.

вѣстилъ Иринарха, чтобы онъ никого не принималъ съ просьбами, если тотъ предварительно не обращался къ губернскому начальству. Преосвященный отвѣчалъ, что отказывать людямъ, приходящимъ съ цѣлью присоединенія къ православію, онъ не можетъ, а что бритыя головы ясно свидѣтельствуютъ о предварительномъ посѣщеніи просителей гражданскихъ властей.

Результатомъ этихъ обостренныхъ отношеній между Иринархомъ и бар. Паленомъ явилось донесеніе послѣдняго въ Петербургъ о томъ, что *Рижскій архіерей способствуетъ возмущенію края и поселяетъ въ народѣ ложную надежду на переселеніе*. Нашелся и свидѣтель въ лицѣ нѣкоего Спасскаго, исключеннаго изъ духовнаго званія за несоотвѣтствующее сану поведеніе. На основаніи этихъ донесеній остзейскаго генералъ-губернатора, гр. Протасовъ представилъ Государю всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ личность преосвященнаго Иринарха явилась передъ глазами Императора въ новомъ, нежелательномъ видѣ, и на искренняго служителя православія была брошена тѣнь подозрѣнія въ неблаговидныхъ политическихъ поступкахъ. Докладъ возымѣлъ свое дѣйствіе: Государь въ своей резолюціи приказалъ, чтобы Иринарху было сдѣлано «строгое внушеніе о неправильности и неблагоразуміи его дѣйствій».

Вслѣдствіе такого распоряженія епископъ пересталъ принимать прошенія, соединявшія два ходатайства: о переселеніи и присоединеніи; но это не остановило латышей. Хотя имъ и было разъяснено, что переходъ въ православіе не сопряженъ ни съ какими матеріальными выгодами, тѣмъ не менѣе крестьяне отвѣчали съ искреннимъ убѣжденіемъ: «Если Государю угодно, чтобы мы оставались на настоящихъ мѣстахъ своего жительства, то мы останемся спокойно; только мы хотимъ быть русскими по православной вѣрѣ и ея обрядамъ». Искренній ревнитель православія, Иринархъ не могъ не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ такому отрадному стремленію латышскаго народа. Съ другой стороны, его постоянныя донесенія въ Петербургъ и его запросы могли имѣть свое воздѣйствіе, результатомъ котораго явилось бы благопріятное отношеніе со стороны Петербурга къ насажденію православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Естественно поэтому, что для остзейскаго дворянства явилось необходимымъ представить это новое и по существу совершенно невинное движеніе среди латышей, какъ бунтъ противъ правительства и сопротивленіе мѣстнымъ властямъ. Въ то время въ столицѣ особенно чутко прислушивались къ донесеніямъ подобнаго рода. Новый докладъ генералъ-губернатора, поданный Государю черезъ графовъ Строганова и Бенкендорфа, изобразилъ весь Остзейскій край охваченнымъ народнымъ возмущеніемъ: Иринархъ и православные священники были изображены чуть не демагогами, потрясающими основы государства; говорилось и о тайныхъ собраніяхъ крестьянъ, даже о какой-то кассѣ, будто бы находящейся въ рукахъ преосвященнаго; что при архіерейскомъ домѣ состоитъ отставной солдатъ, спеціально служащій проводникомъ латышскихъ выборныхъ, препровождаемыхъ имъ къ православнымъ священникамъ для подробнаго разъясненія о выгодахъ перехода въ православную вѣру; что тѣ же священники, будто бы, обѣщаютъ за перемѣну вѣры: дома, земли, скотъ и все хозяйственное обзаведеніе; что, наконецъ, крестьяне совершенно отказываются отъ работъ, и что не далѣе какъ осенью 1841 г. должна послѣдовать кровавая развязка.

Такъ началась исторія знаменитаго «бунта латышей», подавленіемъ котораго энергично занялся остзейскій генералъ-губернаторъ. Въ Лифляндію были введены казаки и пѣхотныя войска, которые къ крайнему своему удивленію нигдѣ не находили бунтовщиковъ. Какъ на единственный примѣръ «военныхъ дѣйствій», можно указать лишь на одинъ случай: по дорогѣ къ Ригѣ казаками окруженъ обозъ латышей, ѣхавшихъ за провизіей. «Виновные» были схвачены и разсажены по тюрьмамъ. Преосвященный Иринархъ писалъ по этому поводу гр. Протасову: «Сіе волненіе или возмущеніе ничто иное есть, какъ сильное и почти всеобщее желаніе крестьянъ присоединиться къ Православной Церкви».

Однако, всѣ сообщенія Иринарха, вся его защита несчастныхъ латышей не привели ни къ чему и только погубили самого преосвященнаго, который не видѣлъ себѣ нигдѣ поддержки и одиноко стоялъ, защищая дѣло православія. Въ какомъ видѣ была представлена дѣятельность Иринарха бар. Паленомъ, видно уже изъ тѣхъ необычныхъ мѣръ, которыя были приняты по отношенію къ нему, какъ къ лицу, облеченному высокимъ духовнымъ саномъ: его не вызвали въ Петербургъ для выслушанія «объясненій», не отозвали даже во Псковъ къ епархіальному архіерею; за нимъ присланъ былъ изъ Петербурга чиновникъ (Скрипицынъ), которому поручено *вывезти* преосвященнаго изъ Риги. Одновременно вызвано въ Петербургъ нѣсколько православныхъ священниковъ для допроса. Началось дѣло, но самъ Государь, повидимому, ему не сочувствовалъ, и оно не имѣло особыхъ послѣдствій: священниковъ размѣстили по Петербургской епархіи, а Иринарха назначили викарнымъ въ Воронежъ. Интересны обстоятельства, сопро-

вождавшія выѣздъ преосвященнаго изъ Риги, такъ какъ при этомъ особенно ярко сказалось крайне характерное отношеніе генералъ-губернатора къ русскому архіерею. Когда въ Ригу пріѣхалъ Скрипицынъ, онъ потребовалъ подорожную для Иринарха. Генералъ-губернаторъ прислалъ подорожную Скрипицыну «съ будущимъ», желая этимъ, очевидно, указать, что православный епископъ удаляется изъ Риги не добровольно и какъ бы подъ арестомъ. Скрипицынъ, однако, настоялъ на отдѣльной подорожной для Иринарха, отвѣтивъ Палену, что самъ онъ, Скрипицынъ, въ подорожной не нуждается, а архіерей — лицо свободное, не стѣсненное въ своихъ дѣйствіяхъ.

На мѣсто Иринарха былъ назначенъ въ 1842 году, уже съ саномъ епископа Рижскаго, ректоръ Московской духовной академіи архимандритъ Филаретъ (впослѣдствіи архіеп. Черниговскій). Положеніе его было, естественно, весьма тяжелое: генералъ-губернаторъ встрѣтилъ его съ видимымъ предубѣжденіемъ и каждое дѣйствіе епископа подвергалъ строжайшему контролю, ревниво оберегая свою власть и вмѣстѣ съ тѣмъ и права прибалтійскихъ дворянъ, видѣвшихъ въ стремленіи латышей къ православію покушеніе на свои исконныя помѣщичьи права. Опасаясь участи Иринарха, преосвященный Филаретъ держалъ себя крайне осторожно, но, конечно, не могъ отказывать латышамъ въ пріемѣ прошеній о переходѣ, тѣмъ болѣе, что эти ходатайства болѣе не соединялись съ мечтами о переселеніи. Кромѣ того, просители принимались не иначе, какъ въ присутствіи полицеймейстера, и о каждомъ выдающемся случаѣ Филаретъ лично или письменно сообщалъ бар. Палену. Тѣмъ не менѣе генералъ-губернаторъ продолжалъ выражать неудовольствіе и оставался увѣреннымъ, что православное духовенство интригуетъ противъ мѣстныхъ властей и совращаетъ латышей разными обѣщаніями. Единовѣрческій священникъ Емельяновъ былъ обвиненъ въ подстрекательствѣ латышей. Когда къ Филарету явились два латыша изъ Венденскаго уѣзда, открыто заявившіе, что они никакихъ мірскихъ выгодъ не ожидаютъ и не требуютъ, но хотятъ «быть одной вѣры съ Царемъ», балтійскія власти снова пришли въ ужасъ. Въ Венденъ генералъ-губернаторомъ былъ немедленно командированъ Вольмарскій депутатъ Гагемейстеръ *для открытія виновныхъ по горячимъ слѣдамъ*. Допрашиваемыхъ сѣкли, при чемъ нѣкоторые получили до 60 розогъ, въ томъ числѣ одинъ 70-лѣтній старикъ [1])... Ревнителю православія, человѣку души возвышенной и доброты необыкновенной, Филарету пришлось отписываться въ Петербургъ, защищая себя отъ многосложныхъ обвиненій. «Положеніе мое тяжко», писалъ Филаретъ гр. Протасову, «какъ только можетъ быть. Съ своей стороны, считаю за нужное присовокупить и ту мысль мою, что если худо мнѣ теперь, долженъ я ждать болѣе худшаго, когда сочтутъ себя оскорбленными какими-либо донесеніями моими. Моя доля—терпѣть и молить Бога».

Дѣйствительно, Паленъ приходилъ въ страшное негодованіе, когда узналъ, что въ Петербургъ доходятъ извѣстія изъ Прибалтійскаго края помимо него, и, повидимому, не допускалъ мысли о правѣ преосвященнаго непосредственно сноситься съ Св. Синодомъ. Ему, очевидно, хотѣлось, чтобы Государю все дѣло было доложено въ томъ видѣ, какъ его считалъ нужнымъ представить генералъ-губернаторъ и мѣстные элементы. Несмотря, однако, на всѣ интриги противъ Филарета, Государь нашелъ всѣ его дѣйствія «благоразумными и осмотрительными». Къ тому же времени графа Строганова замѣнилъ энергичный Л. А. Перовскій въ качествѣ министра Внутреннихъ дѣлъ, и дѣло о священникѣ Емельяновѣ приняло благопріятный оборотъ,— на почвѣ его не удалось нѣмецкой партіи создать обвиненія противъ русскаго духовенства и Филарета. Генералъ-губернатора вызвали въ Петербургъ для объясненій. Иринархъ тоже прибылъ въ столицу изъ Воронежа и былъ принятъ съ благоволеніемъ. Стали даже поговаривать, что Государь хочетъ поставить на очную ставку Палена и Иринарха въ своемъ присутствіи...

Переходъ латышей въ православіе теперь уже не считался синонимомъ бунта, и желающимъ разрѣшено вступать въ лоно Православной Церкви, съ соблюденіемъ при этомъ условій, предписанныхъ закономъ. Доклады бар. Палена, имѣвшіе цѣлью представить положеніе дѣлъ въ очень опасномъ для окраины состояніи, не имѣли уже успѣха. Напротивъ, Государь очень заинтересовался жизнью прибалтійскихъ крестьянъ и даже повелѣлъ учредить повсемѣстно для латышей и эстонцевъ богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ, а не на нѣмецкомъ. Баронъ Паленъ не нашелъ теперь поддержки въ Петербургѣ, а вскорѣ (въ 1844 г.) скончался и всесильный гр. Бенкендорфъ. Въ 1845 г. бар. Паленъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, съ повелѣніемъ присутствовать въ военныхъ дѣлъ департаментѣ. Графъ А. Ф. Орловъ, замѣнившій гр. Бенкендорфа, и Перовскій, явившійся на смѣну гр. Строганову, употребили всѣ усилія, чтобы на мѣсто бар. Палена на постъ генералъ-губернатора въ Ригу назначено

---

[1]) Русск. Архивъ, 1869 г., 1351.

было лицо русскаго происхожденія. И, дѣйствительно, выборъ палъ на Е. А. Головина, на котораго въ дѣлѣ обрусѣнія края были возложены столь большія, но, къ сожалѣнію, не оправдавшіяся надежды [1]).

Въ томъ же 1845 году баронъ Матвѣй Ивановичъ былъ назначенъ членомъ Высоч. утв. при Государств. Совѣтѣ комиссіи для разсмотрѣнія двухъ первыхъ томовъ «свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ». Замѣчательно, что здѣсь, при обсужденіи столь важныхъ вопросовъ, касавшихся его родины, бар. Паленъ всецѣло высказался въ пользу реорганизаціи быта мѣстныхъ крестьянъ, экономическое положеніе которыхъ онъ признавалъ крайне тяжелымъ. Такимъ образомъ, не будучи подъ непосредственнымъ вліяніемъ мѣстныхъ сословныхъ интересовъ, не находясь въ пылу борьбы за балтійско-дворянскія прерогативы, Паленъ снова является человѣкомъ, преисполненнымъ искренняго желанія добра и правды, независимо отъ вопроса о религіи и національности, будетъ ли страдающимъ лицомъ русскій, нѣмецъ или бѣдный, закабаленный латышъ. Эта черта характера несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ душѣ баронъ Матвѣй Ивановичъ былъ человѣкомъ сердечнымъ и гуманнымъ, отзывчивымъ къ человѣческому горю, но, къ сожалѣнію, не могшимъ оградить себя отъ вліянія мѣстнаго дворянства, навязавшаго ему крайне неблагодарную роль защитника и поборника своихъ узко-сословныхъ интересовъ и стремленій.

Въ 1847 г. бар. Паленъ, согласно прошенію, былъ уволенъ въ отпускъ впредь до выздоровленія, съ назначеніемъ пенсіи по 6000 руб. въ годъ. Съ этихъ поръ кончается его поприще на служеніе отечеству, и онъ мирно доживаетъ свои дни въ родовомъ имѣніи Пальмсъ, удостоенный многочисленныхъ отличій, знакомъ безпорочной полувѣковой службы и на склонѣ дней обрадованный вниманіемъ короля Прусскаго, прислашаго ему въ 1858 году орденъ «Pour le mérite» съ короною.

Баронъ М. И. скончался въ 1863 году.

Имѣніе Пальмсъ до настоящаго времени находится во владѣніи потомства бар. Матвѣя Ивановича, внукъ котораго, баронъ Алексѣй Александровичъ фонъ-деръ-Паленъ, старшій сынъ бар. Александра Матвѣевича (родившійся отъ второй супруги М. И. Екатерины Арвеліусъ), живъ и состоитъ его владѣльцемъ.

К. Военскій.

---

[1]) Р. Архивъ, 1881/III, 85. — Тамъ же, 1895/IV, 431 и 432.

Михаилъ Николаевичъ Авдулинъ, 1780—, братъ Алексѣя Николаевича, въ службѣ съ 26 Апрѣля 1797 г. въ Конной гвардіи, откуда пожалованъ кавалергардомъ въ Кавалергардскій корпусъ 21 Января 1799 г.; при переформированіи корпуса въ Кавалергардскій полкъ выпущенъ, 18 Августа того же года, корнетомъ въ Лейбъ-Гусарскій полкъ; 1 Мая 1801 г. переведенъ поручикомъ въ Екатеринославскій кирас. полкъ. Съ этимъ полкомъ онъ участвовалъ въ дѣлахъ при Насельскѣ (12 Дек. 1806 г.), Пултускѣ (14 Дек.), при Сентендорфѣ (25 Мая 1807 г.) и въ Гейльсбергскомъ и Фридландскомъ сраженіяхъ; 14 Сентября 1807 г. переведенъ тѣмъ же чиномъ въ кавалергарды, гдѣ въ 1810 г. шт.-ротмистромъ. Въ 1811 г. убилъ на дуэли своего полк. товарища Шеншина. Въ 1813 г. Авдулинъ произведенъ ротмистромъ и въ 1816 г. полковникомъ; 23 Августа 1817 г. Авдулинъ переведенъ въ Псковскій кирас. полкъ и 23 Марта 1818 г. назначенъ полковымъ его командиромъ. Въ Отечественную войну онъ находился во 2-мъ эскадронѣ (Ершова), откомандированномъ въ отрядъ гр. Витгенштейна, гдѣ особенно отличился въ знаменитой атакѣ кавалергардовъ и Конной гвардіи 6 Августа при Полоцкѣ, за что и награжденъ орд. *св. Георія* 4 ст.; 6 Октября подъ тѣмъ же Полоцкомъ Авдулинъ былъ *раненъ* «черепкомъ отъ бомбы въ лѣвую ногу» и награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, а затѣмъ участвовалъ въ дѣлахъ при Чашникахъ (1 и 2 Ноября) и при Студенкѣ (16-го), гдѣ командовалъ эскадрономъ. По присоединеніи 2-го эскадрона къ полку, Авдулинъ участвовалъ въ весенней кампаніи 1813 г., а затѣмъ былъ откомандированъ въ резервные эскадроны. Псковскими кирасирами Авдулинъ командовалъ до 12 Декабря 1824 г., когда былъ произведенъ генералъ-майоромъ, съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 2-й Кирас. дивизіи, но вслѣдъ за симъ (10 Февр. 1825 г.) преданъ былъ суду «за неисправную сдачу» полка. При сдачѣ полка Петрищеву [1]) Авдулинъ, по взаимному ихъ соглашенію, обязался уплатить 39750 р., но не былъ въ состояніи внести этой суммы въ Аудиторіатскій департаментъ. Судъ призналъ Авдулина виновнымъ «въ неисправностяхъ» по полку, но, «на основаніи манифеста 22 Августа 1826 года и во уваженіе къ долговременной и отличной его службѣ, бытности въ походахъ и сраженіяхъ и полученной имъ раны, отъ суда и ареста освободить», обративъ взысканіе на его имущество. 30 Января 1830 г. Императоръ Николай Павловичъ утвердилъ этотъ докладъ,

[1]) См. его біографію.

повелѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ уволить Авдулина отъ службы, и Высочайшимъ приказомъ 15-го Февраля онъ былъ уволенъ отъ службы [1]).

Григорій Ивановичъ Михельсонъ, 1791—1817, сынъ извѣстнаго генерала Ивана Ивановича Михельсона, разсѣявшаго полчища Пугачева, и Шарлотты Ивановны, рожд. Ребиндеръ. И. И. Михельсонъ былъ щедро вознагражденъ Императрицею Екатериною II: нѣсколько селъ, въ томъ числѣ Иваново (Воронино), походившее скорѣе на городъ, были пожалованы ему. Онъ приложилъ немало трудовъ къ благоустройству пожалованныхъ имѣній.

Но только до его смерти († 17 Авг. 1807 г.) имѣнія находились въ цвѣтущемъ состояніи. Съ его кончиною имѣнье перешло въ руки сына его Григорія, переведеннаго 13 Сентября 1807 г. изъ камеръ-юнкеровъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ; 12 Мая 1809 г. уволенъ въ отставку поручикомъ. Хозяйство въ имѣньи съ этой поры начинаетъ падать и, «благодаря особенному умѣнью и безпутству владѣльца», въ десять лѣтъ все было прожито и съ землями и крестьянами перешло въ казну. Михельсонъ сдѣлалъ все для крушенія благосостоянія, оставленнаго отцомъ.

По сохранившимся отрывочнымъ свѣдѣніямъ о личности Михельсона, онъ рисуется человѣкомъ мало привлекательнымъ, распутнымъ и прожигателемъ жизни. Говорятъ, что онъ дѣлалъ «формальные набѣги» на Великія Луки, при чемъ даже пускалъ въ ходъ пожалованныя отцу пушки. Лѣтомъ онъ усыпалъ путь до Невеля солью, скупая послѣднюю въ городѣ всю, оставляя жителей безъ этого необходимаго предмета потребленія. Онъ ѣздилъ нерѣдко по соли на саняхъ, какъ бы зимой по снѣгу. Многія продѣлки Михельсона сходили ему, однако, благополучно съ рукъ. По преданію, онъ былъ крестникомъ Императрицы Екатерины II и тѣмъ избѣгалъ отвѣтственности за кутежи и проказы.

Жизнь Михельсона сгорѣла скоро. Ночью съ 15 на 16 Ноября 1817 г. онъ умеръ и 22 числа похороненъ въ склепѣ подъ Ивановской церковью, рядомъ съ гробами отца и сестры Елизаветы Ивановны.

Другая сестра Михельсона, Елена, фрейлина, прекрасно образованная, красавица, но нѣмая, до 38 лѣтъ оставалась дѣвицей и вышла впослѣдствіи замужъ за вдовца, барона Петра Карловича Розена. Она только двумя годами пережила брата. Согласно будто бы предсказаніямъ и предостереженіямъ медиковъ, она умерла въ 1819 г. во время родовъ. Только мать Григорія Ивановича, Шарлотта Ивановна, пережила недолго дѣтей. Еще при жизни Ив. Ив. Михельсона, Шарлотта Ивановна оставила с. Иваново и, разойдясь съ мужемъ, поселилась въ с. Палибинѣ, близъ гор. Невеля, гдѣ вела жизнь вначалѣ весьма расточительную, но потомъ скромную. Когда Палибино было взято за долги Опекунскимъ совѣтомъ, Шарлотта Ивановна переѣхала въ сельцо Изерковище Велижскаго у. и умерла почти въ нищетѣ въ концѣ 30 годовъ. Шарлотта Ивановна воспитала свою внучку, дочь Григорія Ивановича, Екатерину Григорьевну Эльсонъ, которая впослѣдствіи вышла замужъ за отставного шт.-ротмистра Ивана Матвѣевича Гибера-фонъ-Грейффенфельса († Февр. 1866 г.). Другіе двое изъ дѣтей Михельсона, Михаилъ и Григорій Григорьевичи, воспитывались—на средства генерала Воинова, къ которому перешло состояніе Михельсоновъ—въ Академіи художествъ. Дѣти эти были прижиты Михельсономъ отъ крѣпостной дѣвушки Авдотьи Калиничны, съ которой за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, какъ говоритъ преданіе, онъ будто бы повѣнчался.

Михаилъ Эльсонъ, художникъ, умершій въ Невелѣ, и мать его Евдокія Калинична погребены также въ церковной оградѣ Ивановской церкви [1]).

Графъ Яковъ Николаевичъ Булгари,—1828, второй сынъ уроженца острова Корфу, д. ст. сов. гр. Николая Марковича Булгари († до 1826 г.), оказавшаго «услугу, ревность и усердіе къ службѣ и отечеству» [2]) при взятіи Корфу, и Терезы (отчество и фамилія неизвѣстны). 9 Дек. 1807 г. гр. Яковъ Булгари былъ опредѣленъ изъ подполковниковъ «службы Іоническихъ острововъ» корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ [3]), а черезъ полгода (22 Іюля 1808 года) уволенъ отъ военной службы и пожалованъ камеръ-юнкеромъ.

Съ 1813 по 1817 годъ Булгари былъ и. д. начальника Радзивилловскаго таможен-

---

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1829 г., кп. 10431; Инсп. деп., 1813 г., св. 9, д. 438; 2 Отд., 3 ст., 1828 г., св. 630, д. 507; Манзей, III, 31; «Ист. Кавалергардовъ», III; Р. Стар., 1873/VI, 794; см. біографію *Н. Н. Шепшина*.

[1]) Полк. арх.; Уничт. бумаги арх. Сената; Р. Стар., 1890/XII, 716, 719, 721, 722, 724, 727 и 728.

[2]) М. арх. М. И. д., II—13—1826—20; III—1—1818—135; Арх. Д-та Герольдіи.

[3]) «Г. корнету гр. Булгари имѣть смотрѣніе какъ за вновь учрежденнымъ, такъ и полковымъ госпиталемъ». (Полк. приказъ 8 Іюня 1808 г.).

наго округа и дослужился до чина дѣйств. ст. совѣтника [1]). Здѣсь онъ имѣлъ служебныя и личныя столкновенія съ волынскимъ губернаторомъ Гижицкимъ [2]).

Если вѣрить Булгари, то ему были сказаны Императоромъ Александромъ I въ Вѣнѣ въ 1815 году нижеслѣдующія слова: «Je sais qu'on cabale contre vous et c'est toujours ainsi quand je choisis moi-même un employé, mais sur la garantie de mon honneur vous n'avez rien à redouter, car je vous épaulerai toujours» [3]).

Въ 1816 году Булгари жаловался сначала своему начальству, а затѣмъ и Государю на Гижицкаго. «Злоупотребительная власть губернатора» [4]), писалъ Булгари 2 Октября 1816 г. директору департамента внѣшней торговли, «и увѣренность его, что можетъ управлять губерніей по своей прихоти, къ сожалѣнію, побуждаютъ меня, противъ моей воли, защищать общее благо. Какъ ничто не удерживаетъ его отъ преступленій, такъ ничто не удержитъ меня отъ того, чтобы ясно доказать ему образъ моихъ поступковъ въ дѣлахъ моего вѣдѣнія» [5]). Менѣе чѣмъ черезъ недѣлю (7 Октября) Булгари писалъ: «Я думалъ найти убѣжище въ истинѣ сенатора (Сиверса), но онъ отвѣтствуетъ противнымъ. Онъ не имѣетъ довольно власти дѣйствовать отдѣльно и самимъ собою. Сей праводушный судья, хотя имѣетъ достопочтенныя качества, но, къ несчастью, совсѣмъ не помнитъ, что приказываетъ. Все, кажется, дѣлается случайно и слѣдственно превращается въ худую сторону. Губернаторъ пользуется, а порокъ торжествуетъ».—«Заговоръ противъ всей моей линіи и разныя притѣсненія, чинимыя губернаторомъ, чтобы привесть меня по дѣламъ моимъ въ замѣшательство, довели меня до такого изнеможенія, что я съ трудомъ могу начертать сіи строки... Я предваряю в. пр-во, что Его Величество обо всемъ уже увѣдомленъ» [6]).

«Дѣла Волынской губерніи», доносилъ Булгари 10 Дек. 1816 г., «никогда не были въ столь жалкомъ положеніи, какъ нынѣ... Я препроводилъ въ департаментъ документы засвидѣтельствованные, предполагая вскорѣ увидѣть прекращеніе разбойничьей системы, установленной въ Волынской губерніи. Я полагалъ, что законы доставляютъ какую-нибудь пользу, но, видя беззаконіе ненаказаннымъ, почелъ за благо просить увольненія отъ службы, полагаясь притомъ на милостивое заступленіе моего начальства. Жалоба моя заслуживаетъ вниманія в. пр-ва, паче вашего о томъ чаянія. Она основана во всемъ на доказательствахъ неизмѣняемыхъ. Г. Сиверсъ легко можетъ извлечь губернатора изъ презрѣнія, но трудно будетъ скрыть явныя дѣла и преобразить истину... Еще одна просьба къ в. пр-ву: прошу отдать дѣло на разсмотрѣніе людямъ благомыслящимъ; Государь Императоръ самъ не откажетъ мнѣ въ ономъ, по безпримѣрному его правосудію».

9 Ноября 1817 года Булгари подалъ всеподданнѣйшее прошеніе, въ коемъ писалъ, что «борьба» возникшихъ противъ него въ 1814 и 1815 гг. въ Радзивилловѣ «спорныхъ дѣлъ» поставила его въ необходимость заложить въ 1816 г. купцу Забадаеву «фамильныя алмазныя вещи», которыя затѣмъ были назначены въ продажу на Кіевской ярмаркѣ. Между тѣмъ Гижицкій «насильственно» захватилъ тѣ вещи, объявивъ ихъ контрабандою, арестовалъ Забадаева и подвергнулъ самого Булгари и его жену «оскорбительнымъ допросамъ полиціи» и только черезъ годъ возвратилъ Булгари эти вещи. Въ заключеніе Булгари взывалъ къ Монаршему правосудію [1]).

Чѣмъ кончилась эта борьба Булгари съ Гижицкимъ, мы не можемъ указать, но онъ, приводя въ письмѣ къ Бенкендорфу сказанныя ему въ 1815 г. въ Вѣнѣ слова Александра Павловича, писалъ: «L'Empereur m'a tenu parole, et je suis sorti victorieusement d'une lutte tout à fait inégale» [2]).

По выходѣ Булгари въ отставку, гр. Анна Род. Чернышева [3]) поручила Булгари завѣдываніе своими дѣлами.

---

[1]) Арх. Погр. стражи.

[2]) Арх. Гос. Совѣта; Журн. д. Гр. и Дух. дѣлъ, 1820, ч. II, д. 81.—Варфоломей Каэтановичъ Гижицкій волынскимъ губернаторомъ съ 1816 по 1824 г. О немъ см. Зап. С. Г. Волконскаго, 388 — 395.

[3]) Письмо къ Бенкендорфу 4 Янв. 1826 г. (Гос. арх., I, Б, д. 170).

[4]) Булгари писалъ по-французски. Мы приводимъ переписку Булгари по переводамъ на русскій языкъ, сдѣланнымъ въ 1818 г. министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ, по требованію ревизовавшаго сенатора Ф. Сиверса.

[5]) М. арх. М. И. д., I—III—1818—34; см. Р. Стар., 1902/X, 34.

[6]) Донесеніе 15 Октября.

[1]) М. арх. М. И. д., I — III — 1818 — 34.

[2]) Письмо 4 Янв. 1826 г., Гос. арх., I, Б (д. 170).— Между прочимъ Булгари обращался за содѣйствіемъ къ сенатору гр. Стройновскому и получилъ въ отвѣтъ типичнѣйшее произведеніе бюрократическаго режима: «Прошу васъ, любезный графъ», писалъ 26 Іюля 1816 г. Стройновскій Булгари, «принять въ разсужденіе сказанное между нами, что для *устраненія отъ Императора всякихъ неудовольствій* должны мы *скрыть отъ него* погрѣшности нашего губернатора, чего требуетъ отъ насъ также и уваженіе къ сенатору, по представленію коего получилъ онъ сіе званіе». (М. арх. М. И. д., I — III — 1818 — 34). Далѣе этого некуда итти бюрократическому цинизму... оно даже превосходитъ поступокъ самого Булгари: «пріобщеніе къ дѣлу» частной переписки...

[3]) Родилась 1794 г., † 9 Іюля 1830 г.; она была чрезъ кн. Дм. Конст. Кантемира († 17 Іюня 1820 г. въ Кіевѣ) въ родствѣ съ женою гр. Я. Булгари. (Арх. Гос. Совѣта, Журн. д-та Гр. и Дух. дѣлъ, 1828 г., ч. 8, д. 374).

2 Апрѣля 1825 года генералъ Шеншинъ и д. ст. сов. Дашковъ были командированы, по Высочайшему повелѣнію, въ Харьковъ для производства выемки бумагъ Булгари и, по Высочайшему повелѣнію, потребовали объясненій относительно участія его въ возстаніи Ипсиланти. Во исполненіе этого повелѣнія Булгари представилъ Шеншину письмо (отъ 2 Мая 1825 г.) на Высочайшее имя, въ которомъ подробно излагалъ ходъ событій, предшествовавшій возстанію Ипсиланти: «...fort de ma conscience et de la pureté de mes intentions je n'ai jamais, par l'amour que j'ai pour ma patrie, cru séparer ses intérêts de ceux de Votre Majesté. Partant de ce principe... j'ai lieu de me réjouir de pouvoir accorder en même temps mes devoirs comme sujet de V. M. et comme patriote à l'égard des miens. Je serais l'être le plus object si je cachais la vérité ou si je faisais le métier de délateur. Le mépris de V. M. serait pour le dernier ce que j'aurais à recueillir, et pour le premier une juste punition. Heureusement pour moi que tout ce que j'ai fait ou cru faire me font également éviter ces deux écueils. — Mais puisque par la publicité qu'il a plu à V. M. de donner à cette affaire, tout le poids de la haine ou l'hommage de la considération publique sera désormais le partage de mon existence civile et morale attachée à celle des prédécesseurs, des contemporains et des successeurs de ma famille, aux individus de laquelle V. M. et ses prédécesseurs ont daigné de tout temps donner des marques si éclatantes de leur faveur et de leur protection, j'ai tout lieu d'espérer que l'erreur d'un moment, toutefois que V. M. l'envisage ainsi, ne sera pas de poids à détruire le passé, le présent et l'avenir, car, malgré tous les coups et les revers que ma famille devrait éprouver, elle sera, comme elle le fut toujours, la plus soumise et la dévouée aux véritables intérêts de cet empire. Lorsqu'on céda aux Anglais les îles Joniennes, j'ai cru m'apercevoir après quelques années que par l'état administratif de ce gouvernement, il visait à se rendre le maître absolu de ces îles et à étendre même son domaine sur le continent et l'Archipel. Ceci posé, un des premiers pas pour atteindre ce but eût été celui de détruire le commerce grec dans le Levant, afin d'affaiblir leurs forces et diminuer les ressources. Pour y parvenir on aurait dû sans doute insinuer à la Porte que la marine des Grecs augmentant de jour en jour, pourrait prendre sur la Turquie un caractère imposant et lui faire éprouver des secousses. Il fallait donc prévenir les coups qui auraient pu être dirigés sur la marine marchande des Grecs. Plusieurs de leurs bâtiments arboraient déjà le pavillon Russe, et j'ai cru que les autres en devaient faire autant. J'étais alors à Odessa vers la fin de 1818. Plusieurs capitaines grecs s'y trouvaient et venaient me voir. Je les engageais donc et je les invitais d'engager pareillement leurs concitoyens d'obtenir pour leurs navires le pavillon impérial. Je leur communiquais mes idées, et pour appuyer davantage mes assertions et leur inspirer plus de confiance, je leur disais que j'étais au fait de ce qui se passait. Je les persuadais également d'augmenter leurs équipages et leur artillerie pour se garantir contre tout événement. Ce plan qui n'était qu'à moi seul, je ne l'ai jamais communiqué à qui que ce soit, et il n'y a que V. M. qui pour la première fois en ait connaissance. Par là j'ai cru paraliser les mouvements supposés du gouvernement anglais. J'ai considérablement accru la marine commerciale de la Russie et j'ai en même temps protégé le commerce et la navigation de mes compatriotes. L'an 1819 étant à Odessa, j'ai accordé un asile dans ma maison à un Grec natif de S-te Maure (Stavro) qui s'était sauvé de cette île pour s'être compromis dans une affaire contre les Anglais. Le baron de Stroganoff l'avait appuyé auprès du comte Langeron à Odessa. Ce Grec ayant traversé la Morée, une partie de l'Epire et de la Macédoine m'avait assuré que ses compatriotes avaient été dans plusieurs villes désarmés par les Turcs et que ces derniers se proposaient de renouveler en Grèce les vêpres siciliennes. A cette même époque les princes Nicolas et George Ypsylanti, Mano et le colonel George Cantacouzine se trouvaient à Odessa. Ce Grec et moi leur fîmes part de cette catastrophe à laquelle on devait d'autant plus y ajouter foi que le massacre des Grecs, s'il n'était pas alors généralement prononcé sur la masse entière, il ne cessait pourtant pas d'avoir toujours lieu individuellement, comme cela est notoire à l'Europe. Depuis lors nous parlâmes de ce qu'il fallait faire pour l'affranchissement de notre patrie. Mon avis était que dépourvus, comme nous l'étions de tous moyens propres à nous mettre dans un état d'opposition, il fallait:

1. Chercher d'acquérir des notions claires et positives sur les intentions de la Russie, but essentiel et principal: tâche que chacun de nous devait remplir tacitement.

2. S'assurer si les Serviens et les Bulgares considéraient avec nos idées.

3. Mettre Ali pascia d'Epire dans nos intérêts et l'engager d'embrasser la religion grecque Orthodoxe, afin qu'il se trouva forcé, en cas d'urgence, de se déclarer notre défenseur et nous ouvrir ses trésors que dans notre position j'envisageais comme le remède le plus efficace.

4. Expédier un individu de confiance auprès de lui pour le préparer.

5. De hâter toujours la propagation des lumières par l'éducation publique. Après l'exécution de ce plan je voulais que les Grecs, les Serviens, les Bulgares et même les Turcs réclamassent

de la Porte une garantie des privilèges et un code législatif pour assurer ainsi notre indépendance politique. Pour ce qui concernait la Grèce cette réclamation aurait été dressée au nom de la nation, signée par les chefs pour nous-mêmes et présentée à la Porte, bien sûr qu'après que nous aurions connu les intentions bienveillantes de V. M. elle eût appuyé notre demande. Ces messieurs, sans rejeter mon plan, trouvaient trop de lenteur dans mes mesures, mesures qui, soumises à des développements succesifs, eussent par le temps qu' elles exigeaient pu compromettre le salut de la Grèce. Là-dessus ils m'observèrent: 1) Que d'après la relation de Stavro les Grecs étaient d'un moment à l'autre menacés du coup fatal. 2) Que devant mettre plusieurs dans le secret, celui-ci une fois éventé la perte de la Grèce était infaillible si elle n'eût pas été en état de prendre les armes. Selon eux, le plan que j'avais proposé devait subir les modifications suivantes: songer d'abord à posséder des fonds pour envoyer des gens affidés examiner l'état actuel de la Grèce: calculer ses forces et ses moyens, sonder les esprits et les opinions, connaître enfin leurs besoins pour la mettre sur un pied de défense. Les députés pour la Bulgarie et la Servie devaient non seulement sonder ces peuples du côté des opinions, mais s'assurer aussi, si en cas de besoin ils étaient prêts à nous défendre et à nous soutenir. Or, sans avoir consolidé le plan dans toutes ses parties en forme de système, faute d'individus que nous devions employer sur le champ et faute de moyens pécuniaires pour soutenir une pareille entreprise, nous arrêtames pour le moment de contribuer chacun d'après ses moyens à fournir une somme. Les deux pr. Ypsylanti s'engagèrent de donner la dot de leur sœur montant à 30/m., duc de Cantacouzine 100/m. et moi ce que j'aurais pu. Nous pensâmes ensuite à l'individu qu'on devait au moins envoyer chez le pascia de l'Epire, et notre choix tomba sur un certain prince Viasemsky qui, par son caractère de général russe congédié, eût concilié les intérêts de sa nation et de la nôtre. Nous lui parlâmes à cet égard et nous le trouvâmes fort porté à la chose et plein de zèle pour la cause commune. Au moment que nous allions mettre un terme définitif à nos décisions sur son compte, il nous fut rapporté que pendant la nuit il avait des conférences secrètes avec le consul anglais M. Gems résidant à Odessa. Le personnage pour lors nous devint suspect, et nous renonçâmes non seulement au projet de nous servir de lui, mais nous prîmes le parti de nous séparer momentanément pour détourner l'attention du consul anglais qui certes n'aurait pas manqué d'en informer son gouvernement. J'abandonnai Odessa où je ne suis resté que deux mois, et je me retirai à la campagne. Là je n'ai donné aucune suite active à la chose, persuadé que les Ypsylanti et Cantacouzine m'auraient tenu au courant de ce qu'ils auraient mûri. Le 27 Sept. 1820 j'ai reçu une lettre du prince Alexandre Ypsylanti par laquelle il me dit qu'il n'y avait plus rien à espérer d'Ali-pascia me parlant des affaires d'une manière couverte. Il est naturel que ses frères avec lesquels nous avions parlé à Odessa sur la Grèce lui aient communiqué mon plan et par conséquent fait mention d'Ali-pascia. Il me dit donc qu'il n'y a plus rien à espérer de ce pascia d'après les notions que probablement lui ont été fournies par des voies particulières et par celles qu'il a peut-être puisées lui-même dans les journaux. Quant à sa manière couverte, ne s'étant jamais expliqué avec moi là-dessus, et s'agissant d'une chose si délicate, il devait nécessairement voiler son style.

La même année j'allais à Pétersbourg où je rencontrai de nouveau les frères Ypsylanti, y compris Alexandre. C'est là que parlant avec Nicolas de ce qui s'était passé à Odessa, et entamant de nouveau la question, il me parla pour la première fois d'une association secrète qu'il nommait Eterie et qui avait pour but l'affranchissement de notre patrie. Je voulais connaître les auteurs et l'origine de cette société, mais sans satisfaire catégoriquement à ma demande il éluda toutes mes questions se bornant à me dire que des personnages fort marquants y avaient part. Je lui demandai si l'Eterie était répandue en Europe, et qui en étaient les agents. Il me répondit qu'elle était fort répandue, que la plupart des seigneurs grecs et des marchands en étaient, mais voilà tout. Je lui demandai quelles étaient les qualités requises pour y être admis? « Aucune », me répondit-il. « Il ne s'agit que d'être bon Grec et bien intentionné ». Je revins à la charge pour en connaître les premiers auteurs, mais il garda le plus profond silence. Néanmoins, si je devais tirer une conséquence des probabilités, je dirais, qu'il est possible que l'Eterie ait pris naissance dans l'étranger et que les frères Ypsylanti n'en soient pas les premiers auteurs. Il se pourrait qu'à Vienne lors du congrès la souscription qu'on y fit pour les universités de la Grèce ait fourni la première idée de l'Eterie, ou que celle-ci ait motivé la souscription. Effet ou cause, principe ou résultat—les probabilités sont égales. Moi-même je fus des contribuants pour le plan d'éducation publique, mais les affaires de ma gestion comme chef de cercle, absorbant à cette époque mon attention entière, prenaient tout mon temps. Je ne me mis point en contact, ni en relation avec aucun de mes compatriotes et je ne fréquentai pas même la société de Manuk-Bey qui donnait fréquemment des repas où se rassemblaient les personnages les plus marquants et où j'aurais pu puiser des notions qui m'auraient servi maintenant

à donner plus de vraisemblance à mes conjectures. Le métropolitain Ignace et le comte Capodistria sous les auspices desquels cette souscription a été faite, pourraient parfois donner des renseignements plus positifs à ce sujet. Parlant de ces conjectures, on aurait lieu de supposer que le métropolitain Ignace devrait appartenir à l'Eterie soit comme Grec, soit en l'envisageant comme principe de la souscription pour les écoles, soit comme un des individus qui ont été les plus persécutés par les Turcs, soit par ces connaissances locales, soit par ses relations, soit par son caractère religieux, soit enfin par ses lumières. Qu'au nombre de ses agents on peut présumer Cumbari et Mavro à Odessa, Stavro Ioanni à Vienne, Varvaky à Taganrog, Antonopulo à Trieste et un négociant grec de Janina à Moscou qui, si je m'en souviens, s'appelait Patzimadi et qui m'a dit lui-même être en correspondance avec le pr. Alexandre Ypsylanti, dont il était le caissier, toutefois que ma mémoire ne me trahisse pas. Mais comme je jure sur mon honneur que ce ne sont que des suppositions n'appartenant pas à l'Eterie et n'ayant rien entendu de positif, l'on ne doit donner à cette déclaration qu'une valeur conjecturale. Au reste, c'est au gouvernement de pénétrer plus avant dans ce mystère. Le prince Nicolas Ypsylanti m'a montré une demi-feuille de papier de poste qu'il disait être un diplôme. J'y vis une croix, un drapeau, quelques lettres grecques et des chiffres. Il me dit que cette société se basait sur des principes religieux et qu'il y avait une parole de passe et des attouchements. Il n'a pu nécessairement m'en donner l'explication avant que je ne fusse de la confrérie. Je lui dis enfin que son frère Alexandre devait aussi appartenir à cette société. Il me répondit que non. La méfiance que je voyais dans le prince à mon égard, l'inexpérience que je lui connaissais, réfléchissant d'ailleurs que là où il s'agit de secourir sa patrie, on pouvait se passer de formulaires, de modes et de société et qu'une agrégation de cette nature qui comptait d'après son assertion des personnes fort distinguées, mais aussi des marchands et des gens du bas peuple, ne la recommandaient pas trop; je refusais formellement d'y participer, réitérant néanmoins ma parole de ne pas manquer à mes engagements et de faire pour ma patrie tout ce qui aurait dépendu de moi sans mystère, ni associations. A Pétersbourg j'ai parlé plusieurs fois sur les affaires de ma patrie au prince Alexandre Ypsylanti qui ne m'a jamais rien dit au sujet de l'Eterie. Je lui fis part de ma façon de penser et de mon plan d'Odessa, que j'ai déjà détaillé. Bien loin de tomber d'accord avec moi, il m'observa que, quand on est libre, il faut agir avec plus d'énergie et que des tempéraments comme les miens traîneraient la chose en longueur pour en recueillir de fort minces résultats quand même l'événement eût justifié mon attente. Que les Grecs n'avaient pas de temps à perdre, m'assurant que V. M. avait dit à un personnage marquant que les Grecs parlaient beaucoup sans rien faire, et qu'il y avait des raisons pour espérer l'affranchissement de notre patrie d'une manière plus solide et plus active que ne le promettait mon plan.

Appelé à Kieff par mes affaires, j'y trouvai de nouveau Alexandre Ypsylanti, ses frères, y compris Alexandre Cantacouzine. Notre entretien roula avec le premier sur le même sujet, mais j'ai vu qu'à l'instar des autres il s'écartait toujours de mon système et en me répétant sans cesse qu'il fallait s'y prendre d'une manière plus vigoureuse et sans me développer les moyens pour y parvenir, il m'invita en dernier lieu de me trouver vers la fin du mois de février à Kichineff, où il m'aurait fait part de ce que, selon lui, il fallait opérer définitivement et qu'alors nous aurions pu discuter sur des points d'une si haute importance. Avant de quitter Kieff, Alexandre Cantacouzine et Dimitry Ypsylanti me rappelèrent ma promesse et me sollicitèrent beaucoup à la tenir, vu qu'il fallait absolument de l'argent. Dépourvu de fonds, je leur livrai les diamants de ma femme qu'ils mirent en gage pour 40/m. roubles. Je retirai un reçu dans lequel il est dit «de remettre cette somme au pr. Alexandre Ypsylanti pour l'usage connu». De remettre au pr. Alexandre: 1) Parce que je ne pouvais mieux me reposer que sur le chef de ma famille, et d'autant plus que c'est lui seul qui m'a toujours fait sentir que le plan qu'il avait en vue quelque motif qu'il eût à me le cacher avait néanmoins des apparences de légitimité. 2) Parce que c'était lui qui m'avait assigné un rendez-vous à Kichineff à l'effet de prendre des délibérations sur ce qu'il fallait définitivement opérer. Pour l'usage connu. C'est-à-dire la délivrance de notre patrie, dont les moyens devaient être développés à Kichineff.

De Kieff je partis pour Kharcoff où la complication des affaires de ma famille me retinrent et où j'ai appris au mois de Mars l'invasion qu'Alexandre Ypsylanti avait fait en Valachie par une proclamation qui circulait en ville et parlait d'une haute puissance qui soutenait son entreprise en invitant tous les Grecs à prendre les armes. Dix jours après cette nouvelle me fut annoncée par une lettre du pr. Dimitri, datée le 25 Février de Kichineff, sans aucun détail. Je fus, à la vérité, ébloui et presque assuré de la légitimité de son entreprise ne pouvant m'imaginer que revêtu, comme il l'était, du caractère de général russe, il put s'émanciper de la sorte sans y être tacitement autorisé par des intentions favorables du Cabinet de St-Pétersbourg et cela d'autant plus que je rappelais à mon souvenir qu'Ypsylanti avait toujours gardé avec moi une grande réserve

et que tout ce qu'il m'avait dit ne me confirmait que trop dans cette assurance. Ceci une fois posé et déjà après l'entrée d'Ypsylanti en Valachie j'ai dit, comme il résulte des papiers trouvés chez moi, que mes 40/m. roubles pouvaient servir pour l'achat de 5/m. fusils. Pouvais-je dire ou devais-je dire autre chose en pareille circonstance? A quel autre usage aurait pu servir mon argent quand il n'y avait plus à opter qu'à mourir ou à se défendre.

Si l'entreprise d'Ypsylanti a été faite à mon insu, comme il est indubitablement prouvé par ce qu'il précède, le coup était pourtant parti. Secourir les Grecs était toujours mon but. L'événement inopiné n'a fait que changer l'application des moyens. Le principe était définitivement toujours le même. Au mois de Mai je partis pour Pétersbourg où le c-te Capodistria et M. de Rodofinikin me firent voir clairement que c'est à Ypsylanti que ma nation doit le coup mortel dont elle a été frappée, et que V. M. avait d'une manière officielle condamné son entreprise.

C'est là que sollicitant M. le c-te de Capodistria de soumettre à V. M. le malheureux état où la Grèce allait être plongée par le coup inconsidéré d'Ypsylanti, il me répondit qu'il ne servait pas V. M. pour servir ses affections.

La lettre que j'écrivis au pr. Alexandre Ypsylanti après connaissance de cause, prouve combien j'ai blâmé et hautement réprouvé la conduite de ce général, en le rendant responsable des maux qui affligeaient ma patrie.

J'ai fortement senti toute l'inconvenance de ses procédés; bien loin de me laisser surprendre par la magie éblouissante d'une action d'état, triste avorton du moment, j'ai vu qu'en empiétant sur les droits des souverains il paralisait par là les opérations légitimes du pouvoir. Donner les apparences de se modeler sur l'Espagne par une cause diamétralement opposée, c'était détruire ses propres droits, car en se servant des mêmes moyens par lesquels l'ordre social menaçait d'être troublé dans plusieurs points de l'Europe, on autorisait le pouvoir suprême à porter le même jugement sur la cause légitime, comme sur celle qui ne l'était pas. De retour à Pétersbourg j'ai reçu par la poste d'Odessa une lettre de la part des Grecs qui me sollicitaient vivement d'engager l'amiral Sinavine à accepter le commandement de la flotte grecque. Je donnai sur-le-champ cette lettre à S. E. M. le comte Miloradovitch qui, de son côté, s'est mis en voiture pour la porter au c-te Capodistria. Le résultat m'est inconnu.

Le mal était déjà fait. Ypsylanti avait porté le coup fatal: ma nation allait être la victime de ce pas inconsidéré, et la fureur des Turcs allait venger sur l'innocence le crime du prince. Ma nation, en un mot, allait disparaître de la surface de la terre. J'ai dû nécessairement changer de plan, le mien ayant été entièrement éconduit. C'est alors que, dans un moment d'enthousiasme patriotique, animé de ce feu dont tout bon citoyen brûle à l'aspect touchant de la perte de sa patrie, j'ai dressé la proclamation qui commence «l'arbitre du sort des humains et par laquelle j'encourageais mes concitoyens à défendre le sol natal et les tombeaux de nos ancêtres... Je déclarai que leur salut ne dépendait que de la valeur de leurs bras; qu'ils étaient seuls et qu'il ne leur restait qu'à courber la tête sous la hache ottomane, s'ils se laissaient intimider. Voilà l'unique pièce de ma création. Je me souviens d'avoir entendu parler à Pétersbourg de cette même pièce que j'ai envoyée à d'Ambrosio à Odessa pour la faire passer en Grèce. J'ignore s'il l'a reçue. Je sais qu'on m'a dit qu'Economus l'avait corrigée, emplifiée et traduite en grec. J'en avais une copie dans mes papiers, mais j'ignore ce qu'elle ait pu devenir.

J'ai écrit une lettre au prince Mavrocordato, dont on a trouvé la copie dans mes papiers. J'ai donné cette lettre à un certain Nicolaidi qui venait d'Odessa pour aller à Paris. Je n'ai jamais reçu de réponse ni de lui, ni du prince. Je vais expliquer les motifs qui m'ont engagés à cela:

1) Mavrocordato, né fanariote, ne pouvait jamais m'inspirer trop de confiance. D'ailleurs nous, Grecs, nous les appelons les enfants illégitimes de la Grèce. 2) Je savais que Mavrocordato était mal avec Dimitri Ypsylanti et Colocotrony. 3) J'avais, comme j'ai encore, trop de sujet pour ne pas croire que Dimitri Ypsylanti, à moins d'être le sujet le plus ingrat, ne pouvait qu'être attaché à la Russie; je devais par conséquent présumer qu'ils ne divergeaient que dans les opinions politiques à l'égard de cet empire. Quant à Colocotrony, je sais que cet officier a servi la Russie comme capitaine de débarquement en Morée de temps de la guerre. Je savais que Colocotrony était fort lié avec le c-te Capodistria du temps que les armées russes occupaient les îles Joniennes. Je sais que Colocotrony soutenait Dimitri Ypsylanti; je devais donc supposer qu'il ne s'agissait que d'une différence d'opinion à l'égard de la Russie et que Mavrocordato penchait pour l'Angleterre. Je me suis donc décidé à lui écrire au risque de compromettre tous les miens à Corfosi pour lui faire concevoir que nos intérêts sont bien loin de s'allier avec ceux de l'Angleterre qui, de son côté, pouvait désirer d'occuper la Peninsule et les Isles, mais que de notre côté nous devions faire tous nos efforts pour l'empêcher. Je lui disais que, selon moi, la politique de la Russie ne pouvait être que précaire, c. à d. subordonnée aux événements, et que tôt ou tard elle aurait fini par favoriser nos vues; mais que dans un cas désespéré et toutefois qu'une nécessité absolue les eût forcée de recourir à l'appui d'une puissance étrangère, ils devaient au pis aller

s'adresser à la France ou à l'Amérique, car la protection de l'Angleterre n'eût infailliblement que changé la forme de notre asservissement. Je lui observai qu'il fallait redoubler de vigilance pour éviter toute espèce de froissement avec la Russie, attendu que nos ennemis à ce que l'on m'avait assuré se plaisaient à faire déjà circuler des pièces apocryphes, propres à indisposer les deux nations, qui, à mes yeux, n'en faisaient qu'une seule.

Je me suis à la vérité servi de l'expression: «je suis peut-être le seul qui ait provoqué tout cela».

1. Parce que j'eus l'amour-propre de croire que, d'après mes conseils donnés aux capitaines grecs à Odessa, j'avais, pour ainsi dire, fourni une flotte à la Grèce, première base de sa défense.

2. Parce que ayant toujours eu à cœur de voir ma patrie soulagée du poids qui l'accablait et à l'abri des dangers qui la menaçaient, non par les moyens violents adoptés et mis en exécution par Ypsylanti, mais par ceux que j'avais dans le temps proposés à Odessa; je m'étais toujours employé à son bien-être ayant en dernier lieu fait le sacrifice de la dernière de mes ressources.

3. Le plus essentiel: parce que je voulais par là attirer dans mon parti et gagner la confiance d'un homme qui m'était suspect et qui pouvait par ses moyens sinon détruire du moins affaiblir en Grèce le parti russe et seconder les vues de l'Angleterre.

J'ai encouragé et expédié plusieurs grecs dans leur patrie leurs fournissant les moyens pour faire le voyage en Grèce.

Ypsylanti était en Valachie. Les Grecs n'avaient donc plus d'autres partis que de défendre leur vie menacée d'une mort la plus sûre et la plus ignominieuse.

Leur entreprise devenait donc, par droit de conservation, légitime et nécessaire.

Pouvais-je donc dans ces conjonctures, grec comme je le suis, laisser tout-à-coup refroidir mon zèle et priver mes compatriotes des ressources qui leurs étaient si nécessaires? D'ailleurs ces mêmes Grecs venant de la Russie, secourus par un individu qui a fidèlement servi Votre Majesté dont toute la famille lui est dévouée, ne portaient-ils pas tacitement avec eux le témoignage et l'assurance que, bien loin de s'abandonner au désespoir et d'embrasser tout autre parti étranger, la Grèce devait toujours rester fidèle à ses principes et attendre du temps ce que les circonstances empêchaient peut-être momentanément d'opérer?

J'ai écrit une lettre à milord Erskin en réponse à une autre que milord avait fait imprimer dans le «Times», et dans laquelle prenant le plus vif intérêt à la cause de ma nation, il disait que le coup d'Ypsylanti partait de la Russie, que si V. M. n'avait pas encore pris jusqu'alors une part active, cela n'était que l'effet des circonstances politiques du moment et un juste résultat des engagements de la S-te alliance, mais que V. M. était portée à satisfaire, tôt ou tard, les sentiments de son cœur ayant déjà fait marcher des troupes sur les frontières.

Deux motifs m'ont engagés en mon particulier à lui répondre. Celui de la reconnaissance pour le tableau qu'il donnait à l'Europe des souffrances de ma nation, et plus encore pour lui prouver que la Russie n'avait pas provoqué l'entreprise d'Ypsylanti, et que c'était le simple mouvement de ce dernier. J'ai traité avec de la délicatesse et même avec de la politique ce qui pouvait avoir trait au Gouvernement anglais, considérant que je parlais à un individu de cette nation et que d'ailleurs la bienséance me dictait des lois.

Je ne me suis pas trop appesanti sur ce qui était dit à l'égard de V. M., car il ne m'appartenait d'aucune manière d'oser me donner un caractère de si haute importance en m'érigeant le défenseur de V. M., d'autant plus qu'on aurait pu regarder cette lettre comme une pièce de commande.

J'ai donné à Pétersbourg cette lettre cachetée à M. Tomson le priant de la faire parvenir à son adresse, et j'en ai lu la copie, il y a deux ans, à M. le gouverneur de Kharcoff, en lui motivant les raisons qui m'avaient engagées de répondre à milord. Cette copie existait dans mes papiers.

J'ai été cent fois sur le point d'aller en Grèce, mais cent fois j'y ai renoncé croyant déplaire à V. M. et compromettre la Russie; certes, que mon but, si j'avais exécuté ce voyage, n'était que celui de consolider le dévouement que toute ma nation doit à cet empire; de détruire tout autre parti; de ramener les malintentionnés; d'opérer par l'union la délivrance de mes concitoyens que j'envisagerai toujours comme les enfants adoptifs de la Russie.

C'est depuis trois ans que je ne me suis nullement imminé des affaires publiques. Il n'y a que quelques semaines que par une suite de la gêne que j'éprouve dans mes affaires, ne pouvant plus, malgré ma bonne volonté, soutenir l'existence de mon frère Spiro et de mon cousin André je projetai de les envoyer à Corfou rétablir, autant que possible, l'héritage de nos pères et passer après en Grèce si l'horizon se fût éclairci.

Mon frère Spiro, après avoir pris son congé à cause de santé, a demandé en vain d'être de nouveau admis au service de V. M.

Mon cousin André, après avoir servi V. M. en Palestine où il a tout perdu, attend depuis 36 mois les résultats de ses nombreuses réclamations. Leur jeunesse inactive et leur capacité m'autorisaient en quelque sorte à le mettre à même de relever la nullité de leur existence actuelle.

Au reste, aucun de ma famille n'est encore en Grèce.

Mon fils sert dans le régiment des Cuirassiers de S. M. l'Impératrice. Mon frère Marc est au collège de affaires étrangères. Mon frère Antoine est à Corfou, ainsi que tous mes autres parents.

Aussitôt que la politique s'était prononcée, je n'ai fait que soupirer et gémir en secret sur les maux de mes concitoyens.

Je l'atteste sur mon honneur, je le jure devant Dieu et V. M. et je suis prêt à paraître devant tous les tribunaux de la terre pour prouver que je ne dis que la vérité et rien que la vérité.

Je me permets maintenant une récapitulation de tout ce qui précède, que je réduis à quatre points principaux sur lesquels reposent toutes mes opérations qui n'ont que deux principes constants et invariables: savoir la délivrance de ma patrie en servant V. M. I.: 1) J'ai conçu le plan de la flotte, plan comme on le voit qui devait prévenir les mauvaises intentions d'un gouvernement étranger et qui augmentant la marine marchande russe, cimentait un nouveau lien de ma nation avec l'empire protecteur. 2) Pour l'affranchissement de ma patrie j'ai, comme il a déjà été détaillé, proposé mes vues à Odessa que le récit de Stavro avait provoquées.

Quant à l'idée de briser la chaîne de mes concitoyens, elle est née avec moi et doit être transmise à tout grec par le sang de ses pères.

Elle s'est particulièrement fortifiée en moi avec l'âge; elle est devenue sacrée par les opérations de mes pères, autorisées et commandées par les Souverains de la Russie; sacrée par les témoignages authentiques que V. M. et ses prédécesseurs ont légué par écrit en faveur de ma nation; sacrée par les torrents de sang que depuis des siècles mes concitoyens versent de leur sein pour cette même cause; sacrée enfin par l'assurance intime que je porterai dans le tombeau que de quelque manière que les événements puissent tourner la face des choses, le cœur de V. M. lui parlera toujours en notre faveur. 3) J'ai donné des bijoux pour 40/m. roubles. Pourrait-on me reprocher que mon argent est la mèche qui a fait sauter la mine? J'ai là-dessus assez prouvé la droiture de mes intentions. 4) J'ai dressé une proclamation pour les Grecs. Ce mouvement patriotique, produit par la position alarmante de mes compatriotes, ne peut être considéré que comme une étincelle jetée dans un vaste incendie et dont je ne suis pas le moteur. D'après cet exposé V. M. aura lieu de voir que mes principes et mes vues ne sont point arbitraires et qu'elles se lient intimement aux véritables intérêts de ma patrie; intérêts qu'on ne peut d'aucune manière séparer de ceux de l'Empire de Russie.

Je ne saurais trop revenir sur ce point si essentiel que je n'ai jamais perdu et que je ne perdrai jamais de vue. Savoir: que si par la funeste prépondérance du gouvernement anglais qui chaque jour étend sourdement ses conquêtes sur l'esprit et sur l'opinion de la Grèce il parvint enfin d'arracher l'arbre le plus colossal et dont les racines étaient si profondes, j'entends l'amour et le dévouement des Grecs pour la Russie, j'aimerais autant que la Grèce se trouvât dans son premier état que de la voir dénaturée et lancée hors de son système porter des chaînes dorées, mais non moins pesantes.

J'ai constamment sous les yeux les lettres de V. M. et de ses prédécesseurs où l'on trouve ces expressions si consolantes pour nous: «Votre Patrie sera toujours l'objet de ma constante sollicitude». Que la haute prépondérance d'une politique universelle ait fait prendre à celle de la Russie des développements contraires à mon attente, n'importe. Il me semble en tout cas qu'il faudrait à V. M. en Grèce un homme actif, entreprenant, jouissant de la confiance des Grecs et passionnément dévoué à V. M. pour écarter autant que possible l'influence des Anglais qui ne vise qu'à porter des atteintes morales au parti que V. M. a dans ses contrées.

La marche que les Anglais ont suivie dans leurs opérations n'est malheureusement que trop méthodique et cohérante dans tous ses points. Il faut opposer une digue à ce torrent qui menace de gagner tant de terrain. Les Anglais s'érigeront en protecteurs pour forcer leurs protégés d'abjurer la reconnaissance qu'ils doivent à leur premier, seul et véritable soutien: la Russie. Ils promettront l'indépendance politique, des privilèges, des droits et l'asservissement réel sera le sort qu'on leur prépare. Les îles Joniennes n'en font-elles pas foi?

Ne sommes-nous sous une férule tyrannique? Avons-nous des véritables droits, des privilèges? Non, tout n'est qu'apparent. Aucune garantie personnelle, aucun droit d'existence politique, tout est arbitraire et le pouvoir absolu, concentré dans la personne du lord commissaire. Le c-te Capodistria lui-même s'est convaincu de cette vérité, mais malheureusement c'était trop tard. L'on pouvait et l'on devait prévoir en son temps que les Anglais par supercherie auraient obtenu des individus de leur choix la constitution qui convenait le mieux à leurs vues et à leurs intérêts. C'est par suite de ce pouvoir arbitraire qu'on nous dépouille chaque jour, qu'on froisse notre existence, qu'on nous mine dans nos ressources, qu'on morcelle nos biens, qu'on nous paralyse de toutes les manières; enfin c'est à ma famille qu'on fait surtout un crime de rester dévoué à V. M. et la punition a suivi de près le jugement.

Pour terminer ce long exposé après avoir montré jusqu'aux derniers replis de mon cœur et parlé à V. M. avec la franchise, la sincérité et la hardiesse qui conviennent au caractère d'un sujet fidèle à celui d'un homme qui n'a rien à se re-

procher, je supplie V. M., comme le dernier acte de sa faveur, de prendre lecture de la lettre que mon frère m'adressa de Paris et qui se trouve entre les mains de la Commission par l'entremise de laquelle V. M. recevra cet exposé.

Je regarde cette lettre comme la source purificatoire qui doit laver toutes les taches, dont la malveillance, l'envie, l'avarice et la haine ont pu nous salir. C'est dans les épanchements du cœur, dans une correspondance familière qu'elle y trouvera les preuves les plus éclatantes de notre dévouement. Elle y verra les élans passionnés d'un sujet fidèle, dévoré de l'amour du service.

J'ose assurer solennellement V. M. que je n'ai point d'autres ennemis que les siens. Ma gestion en qualité de chef de cercle depuis 1813 jusqu'à l'an 1817 en est la preuve la plus irrévocable.

J'ai rempli scrupuleusement mes devoirs, découvert les abus, enchaîné la rapine, affronté les plus grands dangers, échappé cinq à six fois à la mort, organisé le cercle et triplé les revenus de la couronne. Je suis prêt à le prouver si toutefois on l'ignore. Cependant mes ennemis non contents d'attenter à mes jours, allèrent jusqu'à saisir les bijoux de ma femme qu'on désigna comme objets de contrebande. J'ai dû subir par l'organe de la police les interrogatoires les plus humiliants et l'examen fini, après un an mes effets me furent rendus sans autre forme de procès, sans indemnité morale, sans dédommagement positif, sans me restituer dans l'estime de V. M. Les frais de mes courses pour le service tant à Vienne qu'à Paris et à Pétersbourg, les estafettes, des courriers, des dépenses extraordinaires faites pour le même objet, les sommes qui de droit me revenaient provenant des saisies et des perceptions, qu'on n'a jamais refusé à qui que ce soit, et que je réclame depuis huit ans, ne m'ont pas encore été accordés.

J'eus le malheur de déplaire au ministre qu'on a certainement éconduit et mal informé sur mon compte. Cependant V. M. daigna alors sanctionner toutes mes représentations déférées à la discussion de deux Comités consécutifs d'après lesquels il fut prouvé que les coupables que j'avais désignés comme tels, l'étaient effectivement et que tout ce qu'on s'est plu de forger sur mon compte a été trouvé de la plus insigne fausseté. Je n'attendais que cela pour remercier V. M. et réclamer sa justice. Mais comme on ajourna toujours l'acte public de cette procédure et que je ne voyais pas les résultats de la cause dont le jugement définitif tombait en ma faveur; que les représentations de s. e. le sénateur de Sivers ne furent couronnées d'aucun succès, représentations qui avaient pour but de me faire obtenir le Cordon de S-te Anne, et une indemnité pécuniaire en récompense des services qu'il avait su apprécier en suivant le fil de mes opérations; ne voulant d'ailleurs plus fatiguer l'attention de V. M. par les réclamations réitérées, je pris le parti de quitter Pétersbourg, j'abandonnai tout pour trouver dans la charrue des moyens d'existence, d'autant plus que mon état devenait de jour en jour plus problématique. Il était écrit dans ma destinée que je ne devais trouver nulle part du repos, et que mes blessures devaient toujours saigner.

Je trouvai dans l'uniformité de la vie domestique le même acharnement, les mêmes persécutions qui me poursuivirent sans relâche du temps de mon service. La commisération de mes parents et notamment celle du défunt prince Cantémir m'avait accordé un morceau de pain, mais ce même morceau de pain m'a été disputé, ou, pour mieux dire, arraché et, comme il n'y avait point de lois humaines qui puissent autoriser mes ennemis à cet acte de violence, ont fit l'application d'un Oukas au prince Cantémir en falsifiant le sens par des interprétations arbitraires et pour l'examen duquel quatre années consécutives n'ont pas encore suffi; chose inouïe, et que sans doute V. M. daignera prendre en considération. Mais tout ce qui étonnera V. M. c'est que ceux à qui l'examen de cette affaire est déféré, guidés par des motifs d'animosité personnelle sapent en secret l'édifice de ma cause, celui de mon bien-être et l'avenir de mes enfants. Si V. M. connaissait tout et plus particulièrement les détails de cette abominable intrigue, Elle me pardonnerait de Lui parler avec autant d'assurance et l'abandon entier d'un cœur navré d'amertume.

C'est dans cette triste position, percé de tant de coups que j'ai reçu de V. M. l'ordre par lequel je me vois arraché à mes occupations domestiques, lésé dans l'opinion publique et dont mes ennemis en tireront profit ayant beaucoup plus de latitude pour achever leur ouvrage.

Sire! Maintenant plus que jamais je n'ai d'autre appui auprès de V. M. que V. M. même et si Elle daigne par un acte de sa clémence aller à la source de la persécution acharnée de mes ennemis, V. M. la trouverait sans doute dans le système que moi, ainsi que tous les miens, ont de tout temps suivi en servant V. M. avec le zèle et le désintéressement le plus décidé.

Oui, Sire, ces principes sont l'héritage sacré, les dernières volontés de nos ancêtres. Mon père au lit de la mort par son testament dont l'original se trouvait dans les papiers rendus à la Commission, menaça ses enfants de sa malédiction, s'ils ne serviront pas jusqu'à leurs derniers jours la Russie, comme il l'a fait lui-même.

Mes papiers, Sire, prouvent que je ne possède pour tout bien que 125/m. roubles de dettes. Voilà les trésors qu'on m'a supposé et qu'on me suppose encore. Il est certain que sans l'appui et la générosité de la maréchale comtesse Czernischeff je n'aurais pas de quoi manger.

J'ai eu peut-être le malheur innocent par excès de zèle de déplaire à V. M., mais si mes faibles

services ne pouvaient rien en ma faveur et si décidément V. M. a retiré de moi sa main protectrice, pouvais-je oublier à mon particulier les bienfaits et la manière magnanime par laquelle V. M. a de tout temps récompensé ma famille?

Non, Sire, je n'ai jamais tracé de ligne divergente à mes principes et à mes devoirs, et si mon malheur allait jusqu'au point de ne mériter après l'effusion de mon âme, après cet aveu sincère la confiance et la protection paternelle de V. M. qui seul peut, après tout ce qui vient de m'arriver, me réintégrer dans mon existence civile et sauver ma famille, je dois annoncer à V. M. que je ne me croirais plus autorisé d'exister et qu'Elle redeviendrait encore le père de mes enfants auxquels je ne pourrais léguer que l'humiliant souvenir de ma triste destinée.

Въ 1825 г. Булгари жилъ въ Бѣлгородѣ и Харьковѣ, гдѣ велъ противъ родственниковъ Харьковскаго губернатора Муратова процессъ о полученіи наслѣдства женою его [1]).

24 Декабря [2]) Булгари былъ, по Высочайшему повелѣнію, арестованъ въ Харьковѣ, доставленъ въ Петербургъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. На него пало подозрѣніе вслѣдствіе близости его къ бабушкѣ Вадковскаго, гр. Чернышевой, и участія въ заговорѣ единственнаго сына его, поручика лейбъ-Кирасирскаго Ея Вел. полка гр. Николая Булгари. При первомъ допросѣ гр. Яковъ Булгари показалъ Левашеву, что въ 1811 или 1812 г. онъ поступилъ въ масонскую ложу, что никогда ни къ какому другому тайному обществу не принадлежалъ, что всѣ его сношенія съ Вадковскимъ ограничивались тѣмъ, что онъ видывалъ его у гр. Чернышевой, что Вадковскій въ Бѣлгородѣ останавливался у него, и что, напротивъ, видя «дружеское сношеніе» Вадковскаго съ сыномъ, онъ написалъ послѣднему, что находитъ «фамильярство сіе лишнимъ». На этомъ допросѣ помѣтка карандашомъ: «Шервудъ и Вадковскій говорятъ, что Яковъ Булгари не принадлежалъ къ обществу; зналъ либеральный образъ мыслей Вадковскаго и даже говорилъ, что его не должно никуда принимать» [3]).

То же самое повторилъ Булгари и при послѣдующихъ допросахъ, прибавивъ, что, дѣйствительно, Шервудъ былъ у него въ 1824 г., но что онъ, Булгари, «не имѣлъ ни надобности, ни времени рекомендовать его Вадковскому, ибо они сейчасъ подружились до того даже, что Вадковскій просилъ исходатайствовать отъ гр. Чернышевой письмо для Шервуда къ Аракчееву. Я», писалъ Булгари, «счелъ неумѣстнымъ, чтобы графиня вмѣшивалась въ такія дѣла, а потому просьба Вадковскаго осталась безъ удовлетворенія». Вадковскій, по словамъ Булгари, былъ весьма имъ недоволенъ потому, что полагалъ, «яко бы» Булгари «не желалъ ускорить совершенія актовъ, по коимъ гр. Чернышева располагала отдѣлить для Вадковскихъ часть имѣнія Воронежской губерніи». Свои показанія Булгари заключалъ тѣмъ, что онъ «часто упрашивалъ именемъ графини начальниковъ Вадковскаго, чтобы они увѣщевали его быть скромнымъ въ своихъ разговорахъ, кои заставляли ея с-во часто ему отказывать, входя къ ней. Вадковскій и то предписывалъ моей *ловкости*, а потому и неудивительно, что, потерявъ сына, хотѣлъ не щадить и отца» [1]). 4 и 12 Января Булгари обратился съ письмами къ Бенкендорфу. Опуская изъ нихъ цвѣты краснорѣчія, подчасъ чисто восточнаго, обратимъ вниманіе на то, что въ письмѣ къ Бенкендорфу онъ такъ описываетъ свое арестованіе и путешествіе въ Петербургъ: «J'étais au lit bien souffrant lorsque le gouverneur m'a sommé de passer chez lui [2]). Ne voulant pas désobéir et ignorant la cause de cet appel, je me suis rendu chez lui, qui d'un air heureux me dit: «Vous êtes mon prisonnier». Dragons, police, boutchniks et un feldjeger m'ont cerné et, sans domestique, dans un clin d'œil de chez lui j'étais déjà parti. J'ai traversé 7 gouvernements en parade, et on m'a transporté ici en moins de 7 jours par un froid de 20 degrés. Confié la même nuit à un corps-de-garde, le commandant M. de Bassoutsky (avec lequel j'ai eu jadis un démêlé) me fit déshabiller par ses soldats et m'ôtant bottes, chemises etc. et après m'avoir ainsi laissé avec ma pelisse, l'officier me désigna le plancher pour lit avec les soldats ensemble. Le médecin m'a prescrit le lendemain des médecines, car il m'a trouvé à peine vivant. Deux heures après je fus transporté dans une for-

---

[1]) « J'habite Kharkoff parce que ma femme ayant fait un héritage qu'on nous conteste, j'ai dû lutter contre tout le monde pour arracher ses biens de l'administration d'une tutelle spoliatrice, ce qui m'a valu les plus grands désagréments, attendu que le gouverneur Mouratoff était le premier intéressé à nous frustrer de l'héritage en faveur des parents de sa femme». (Письмо Бенкендорфу 4 Янв. 1826 г., Гос. арх., I, В, д. 170).

[2]) Гос. арх., I, В, д. 273.

[3]) Тамъ же, д. 170.

[1]) Гос. арх., I, В, д. 170.—«Vatcovsky, petit-fils de la maréchale c-sse Czernischeff était le seul des parents qui l'a fréquentée, car elle n'a jamais voulu voir chez elle ni Grégoire Czernischeff, ni son fils Zachar, capitaine aux chevaliers-gardes». (Письмо Як. Булгари къ Бенкендорфу 4 Янв. 1826 г., д. 170).

[2]) Муратовъ доносилъ Дибичу, со словъ предсѣдателя Гражд. палаты Вринева, находившагося у Булгари въ то время, когда послѣдній получилъ приглашеніе пріѣхать къ губернатору, что Булгари сказалъ: «Мнѣ кажется, что губернаторъ зоветъ меня къ себѣ не за партикулярнымъ дѣломъ, а за чѣмъ-нибудь другимъ, и для того, на всякій случай, я возьму съ собою денегъ». (Письмо Муратова Дибичу 29 Дек. 1825 г., Гос. арх., I, В, д. 170).

teresse où l'on m'a *da capo* déshabillé et où on me fit endosser du vieux linge qui probablement avait servi jadis à des malfaiteurs. Enfermé dans une chambre froide et humide avec mes infirmités, il est impossible que je puisse vivre encore dix jours malgré que le médecin tâche de me soutenir par des remèdes que je prends chaque trois heures [1])... Je n'ai rien à me reprocher dans ma conduite que d'avoir pris part aux affaires de ma Patrie sans la permission ou l'adhésion de l'Empereur. Mais la politique ne s'était pas encore prononcée.

Une vérité toujours constante sera celle que j'ai pris part de cœur et d'âme aux événements de ma malheureuse patrie, parce qu'en ma qualité de grec je n'ai rien trouvé d'infamant. J'ai voulu et je voudrais encore délivrer mon pays d'après le plan que j'avais adopté et que S. M. l'Empereur Alexandre de glorieuse mémoire n'ignorait certainement pas ... depuis 4 ans que la politique s'était prononcée, je n'ai fait que soupirer et gémir en secret sur les maux de mes concitoyens, ne s'étant plus déjà immiscé des affaires publiques [2])... Aujourdhui beaucoup pire qu'hier, je ne fais que déplorer le sort d'un fils qui ne m'a jamais donné lieu de me plaindre, et pour lequel je verse un torrent de larmes, certes que personne n'en laissera dans ce cachot de plus amères. Mais tout en déplorant son sort confié à la clémence du Souverain, je ne puis, mon général, déplorer non plus le mien qui est affreux sous tous les rapports».

На вопросъ Комитета о принадлежности къ тайному обществу гр. Якова Булгари Вадковскій отвѣчалъ: «Смѣло увѣряю, что ему и не дѣлали предложенія вступить въ наше общество, ибо я, принявши гр. Николая, нѣсколько разъ повторялъ ему, чтобы онъ отнюдь не открывалъ отцу своему ввѣряемой ему тайны... И Шервудъ въ разговорахъ со мною не скрывался въ чувствахъ своихъ къ гр. Якову. Какъ онъ, такъ и я, мы знали графа за человѣка болтливаго, словоохотливаго и притворнаго... я близокъ былъ съ нимъ единственно въ угожденіе бабушкѣ» [3]).

Комитетъ, на основаніи показаній Шервуда и Вадковскаго, рѣшительно утверждавшихъ о непринадлежности гр. Якова къ тайному обществу, полагалъ освободить его, обязавъ реверсомъ не выѣзжать изъ Петербурга до окончанія дѣла. Государь приказалъ: «Нанять ему квартиру, или если онъ боленъ, то помѣстить его въ госпиталь подъ надзоромъ», и гр. Яковъ былъ помѣщенъ въ Сухопутный госпиталь. Въ Апрѣлѣ онъ выздоровѣлъ, и Комитетъ, «не видя никакой причины считать его прикосновеннымъ по дѣлу и держать подъ арестомъ», представилъ его къ освобожденію, обязавъ реверсомъ о невыѣздѣ изъ города до окончанія дѣла.

Государь согласился съ симъ представленіемъ, и 4 Апрѣля гр. Яковъ былъ освобожденъ изъ госпиталя [1]).

Булгари былъ съ 1804 г. женатъ на дочери «ключарессы», княжны Маріи Матв. Кантакузеной († 14 Іюня 1808 г.) и боярина Плюгера Кричулеско [2]), Елизаветѣ Захаровнѣ (Зофировнѣ), и въ 1808 г. имѣлъ дѣтей: Николая (5 л.), Матвѣя (1 г.) и близнецовъ Елизавету и Марію (1 мѣс.) [3]).

Для характеристики Булгари, какъ семьянина, мы имѣемъ неложное свидѣтельство его сына:

«Je ne dirai pas un seul mot pour me justifier, je confie ma malheureuse destinée à la bonté paternelle de V. M. I. Je n'ai que 18 ans et j'ai déjà blanchi dans le malheur. J'ose assurer, Sire, que je n'ai nullement mérité tous les maux appesantis sur moi, et j'ai plus que lieu de croire que Dieu punit en moi les péchés de mon père. Si jamais je suis assez heureux pour pouvoir avant ma mort revoir encore une fois mon généreux Monarque, je prendrai la liberté d'arroser ses pieds de mes larmes et verser dans son sein paternel tous les chagrins de mon cœur et lui faire part des malheurs de ma pauvre mère qui ont été de tout temps inséparables des miens... Je finis, Sire, en remettant en vos mains paternelles tout ce qui me restait au monde de plus cher, et tout ce que je ne dois plus revoir. Soyez le protecteur de ma pauvre mère, le père de mes deux sœurs qui restent dans la misère» [4]).

Гр. Булгари умеръ 4 Августа 1828 г. [5]).

Павелъ Сергѣевичъ Шкуринъ 2-й, 1789—, изъ дворянъ, 27 Января 1804 г. поступилъ колонновожатымъ въ свиту Е. И. В. по Квартермистерской части; 15 Іюля 1805 г. произведенъ въ порт.-прапорщики, съ переводомъ въ Преображенскій полкъ; 25 Октября того же года переведенъ эст.-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ и 14 Февр. 1808 г. произведенъ въ

---

1) Письмо 4 Янв. 1826 г., д. 170.
2) Тамъ же, письмо 6 Марта 1826 г.
3) Показаніе Вадковскаго 10 Янв. 1826 г. въ дѣлѣ № 156 (гр. Спиридона Булгари, брата гр. Якова).— Французъ Caula или Caole, гувернеръ «воспитанника» гр. Якова Булгари, отозвался о послѣднемъ, какъ о человѣкѣ «безмѣрной вѣтрености и пустословія». (Письмо Муратова Дибичу, въ д. 170).

1) XCI Журналъ Комитета.
2) Арх. Гос. Совѣта, Дѣла Гр. д-та, 1836 г., д. 96/6754, лл. 46, 50 и 51.
3) Леф. арх., Форм. сп. 1808 г., кн. 1.
4) Письмо «Ce Janvier 1826» въ дѣлѣ № 273.
5) Арх. Гос. Совѣта, Дѣла Гр. д-та, 1836 г., д. 96/6754, л. 169.

корнеты; въ 1810 г. произведенъ въ поручики, въ 1813 г. въ шт.-ротмистры; въ 1815 г. назначенъ адъютантомъ къ кн. Барклай-де-Толли, въ 1816 г. въ ротмистры; 4 Марта 1818 г. пожалованъ флигель-адъютантомъ, 25 Іюня—полковникомъ. 2 Октября 1827 г. произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 2-й Конно-егерской дивизіи, въ 1832 г. назначенъ состоять по кавалеріи, а 1 Февраля 1834 г. уволенъ отъ службы, съ мундиромъ и пенсіей. Участвовалъ съ полкомъ въ кампаніяхъ 1807 г. и 1812 г., за что награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст., и подъ Малымъ Ярославцемъ (12 Окт.), за отличіе въ которомъ получилъ орд. св. Владиміра 4 ст. Въ 1813—1814 гг. состоялъ при ген. Беннигсенѣ и участвовалъ въ дѣлѣ подъ Дрезденомъ (1 Окт.), въ сраженіи подъ Лейпцигомъ (6 Окт.), за что награжденъ орд. св. Анны 2 ст., при д. Фрозѣ (27 Окт.). Въ 1814 г. въ дѣлахъ при Гасмѣ и Горонѣ, на островѣ Вильгельмсбургѣ (28 Янв. и 5 Февр.), при взятіи Тифемтанской батареи (4 Марта) и награжденъ золотою шпагою.

У Шкурина было 640 душъ въ Царскосельскомъ, Ораніенбаумскомъ и Лугскомъ уѣздахъ Петербургской губ. [1]).

Князь Александръ Константиновичъ Ипсиланти, 1792—1828, принадлежалъ къ древней и богатой греческой фамиліи, считавшейся наиболѣе знатной въ Константинопольскомъ Фанарѣ. Родъ Ипсиланти происходилъ отъ трапезондскихъ Комненовъ. Отецъ его, князь Константинъ, составившій заговоръ для освобожденія Греціи, былъ послѣдовательно господаремъ Молдавіи и Валахіи. Въ 1806 г. онъ, какъ ревностный приверженецъ Россіи, лишился власти и бѣжалъ въ Кіевъ. Этотъ поступокъ повлекъ за собой казнь его восьмидесятилѣтняго отца и конфискацію какъ его обширныхъ имѣній въ княжествахъ, такъ и роскошнаго дворца въ Терапіи, близъ Константинополя [1]).

Отъ второго брака съ Елизаветой Вакареско кн. Константинъ имѣлъ пять сыновей: Александра, Димитрія, Георгія, Николая и Григорія и двухъ дочерей: Екатерину и Марію [2]). Старшій изъ сыновей, кн. Александръ, родился въ Декабрѣ 1792 г. [3]). По свидѣтельству формуляра, онъ «грамотѣ по россійски, по нѣмецки, по французски и по молдавански читать и писать умѣлъ и алгебры зналъ». Его образованіе было тѣмъ поверхностнѣе, что онъ, по свидѣтельству даже весьма расположенной къ нему родственницы, графини Эдлингъ (рожд. Стурдза), отличался «легкомысліемъ и лѣностью къ умственнымъ занятіямъ, помѣшавшими ему въ развитіи драгоцѣнныхъ задатковъ, данныхъ ему природою» [4]). Князь Александръ 15 лѣтъ былъ представленъ ко Двору, при чемъ Императрица Марія Ѳеодоровна обѣщала «покровительствовать ему при вступленіи его въ свѣтъ». 12 Апрѣля 1808 г. онъ поступилъ «изъ малолѣтнихъ Молдавскихъ князей» въ Кавалергардскій полкъ, съ чиномъ корнета. Движеніе Ипсиланти по службѣ шло быстро: 27 Сентября 1810 г. онъ былъ произведенъ въ поручики, 18 Октября 1812 г.—въ шт.-ротмистры, 20 Февраля 1813 г.—въ ротмистры; 6 Іюля 1813 г. переведенъ подполковникомъ въ Гродненскій (Клястицкій) гусарскій полкъ. Во время войны съ Наполеономъ Ипсиланти участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, при чемъ обнаружилъ большую храбрость, доходившую иногда до безразсудства. Находясь въ корпусѣ Витгенштейна, онъ въ 1812 г. участвовалъ въ дѣлахъ при Якубовѣ, при Клястицахъ и Головчицѣ (18—20 Іюля) и представленъ къ

---

[1]) Леф. арх., Форм. сп. 1831 г., № 11731; Нагр. дѣла, 1813 г., св. 17, д. 2, л. 2; 1814 г., св. 13, д. 49; см. біографію М. П. Бутурлина.

[1]) Rizo-Rangabé, «Livre d'or de la noblesse phanariote», 154 et 155; Mendelssohn-Bartholdy, «Geschichte Griechenlands», I, 143 и 144; Jarry de Mangy, «Iconographie Instructive», 1829, p. 45.

[2]) Отъ перваго брака съ Каллимахи была одна дочь Елена.

[3]) «Iconographie Instructive», не совсѣмъ точная въ хронологіи, называетъ днемъ его рожденія 24/13 Декабря.

[4]) Pouqueville, «Histoire de la régénération de la Grèce», III, 54; Prokesch-Osten, «Geschicte des Abfalls der Griechen vom türkischen Reiche», I, 13; Ѳеоктистовъ, «Борьба Греціи за независимость», 34; Р. Арх., 1887/I, 205 и 206.

слѣдующему чину [1]); затѣмъ два раза при Полоцкѣ (6 Авг. и 6 Окт.). За первое сраженіе при Полоцкѣ, гдѣ Ипсиланти состоялъ «въ конвоѣ» при Витгенштейнѣ, при чемъ участвовалъ «и при отбитіи отъ непріятельскихъ рукъ нашихъ орудій» [2]), онъ получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст., а за второе золотую саблю съ надписью «за храбрость». Въ дѣлѣ при Чашникахъ (19 Окт.) онъ состоялъ при кн. Яшвилѣ, а во второмъ дѣлѣ при Чашникахъ (31 Окт.) и въ дѣлахъ при Смолянцахъ (1 и 2 Ноября) при гр. Витгенштейнѣ и представленъ къ слѣдующему чину [3]). Во время кампаніи 1813 г. Ипсиланти участвовалъ въ сраженіи при Бауценѣ (20 Апр.), за которое получилъ орд. св. Анны 2 ст. Въ сраженіи при Дрезденѣ (13, 14, 15 Авг.), во время отступленія при деревнѣ Пролисъ, у Ипсиланти была *оторвана* ядромъ правая рука. Раненый немедленно былъ произведенъ въ полковники. За ту же кампанію онъ получилъ прусскій орденъ «за заслуги» [4]).

Увѣчье, полученное Ипсиланти, сдѣлало его неспособнымъ къ дѣйствительной военной службѣ. Онъ долго страдалъ отъ раны, но при этомъ сохранялъ спокойное и даже веселое настроеніе духа, и 1813 — 1815 годы Ипсиланти провелъ за границей. Благодаря своей молодости, веселому нраву и почетному увѣчью, кн. Ипсиланти возбуждалъ къ себѣ общій интересъ и сочувствіе. Императоръ Александръ I былъ чрезвычайно милостивъ къ юному инвалиду [5]) и 1 Января 1816 г. пожаловалъ его флигель-адъютантомъ. 12 Декабря 1817 г. онъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 1-й Гусарской дивизіи. Еще въ 1810 г. Ипсиланти вступилъ въ масонскую ложу «Палестины»; впослѣдствіи мы видимъ его въ ложѣ «Трехъ добродѣтелей», вмѣстѣ съ главнѣйшими представителями декабристовъ [6]).

Вращаясь въ высшемъ европейскомъ обществѣ и вѣрно служа своему второму отечеству, Ипсиланти не забывалъ о печальномъ положеніи своей родины. Еще во время откровенныхъ бесѣдъ съ друзьями юности «надежда, что греческій народъ нѣкогда будетъ свободенъ, являлась ему радужнымъ сномъ» [7]). Время Вѣнскаго конгресса было особенно благопріятно для патріотическихъ надеждъ грековъ. Ихъ соотечественникъ гр. Каподистріа былъ довѣреннымъ лицомъ и ближайшимъ сотрудникомъ Александра I по иностраннымъ дѣламъ; благодаря его стараніямъ, въ Вѣнскій трактатъ не была внесена статья, гарантирующая неприкосновенность Порты. Не только славяне, но и греки полагали, что «освободитель Европы» намѣренъ сдѣлаться и освободителемъ христіанскаго Востока: самое имя «Священнаго союза» вводило многихъ въ заблужденіе относительно цѣли этого учрежденія и возбуждало увѣренность, что этотъ союзъ можетъ быть направленъ противъ враговъ Креста. Общество «Друзей музъ», имѣвшее цѣлью устройство въ Греціи школъ и охрану мѣстныхъ древностей, пользовалось щедрыми пособіями отъ Императора Александра. Иной характеръ носило другое общество—«Этерія», которое втайнѣ подготовляло освобожденіе Греціи путемъ насильственнаго переворота. Во главѣ этого общества стояла таинственная «Верховная Власть», за которую многіе считали самого Императора Александра; вожаки Этеріи всѣми силами старались поддерживать это убѣжденіе, ни на чемъ не основанное. Напротивъ, близко знакомый со взглядами русскаго правительства, русскій министръ, грекъ Каподистріа, категорически заявлялъ, что «Императоръ Россійскій вовсе не намѣренъ воевать съ турками и разстроить свои отношенія къ Англіи, что для пользы грековъ сдѣлано будетъ все, что возможно сдѣлать, не подвергаясь случайностямъ войны, но что для этого грекамъ надлежитъ вооружиться терпѣніемъ и покориться своей судьбѣ, а между тѣмъ дать хорошее національное воспитаніе ихъ дѣтямъ, предоставивъ прочее времени и Провидѣнію» [1]).

Вербуя повсюду членовъ, этеристы остановили свое вниманіе и на семействѣ Ипсиланти. Меньшой братъ Александра Ипсиланти, кн. Николай, вступивъ въ 1818 г. въ Этерію, поспѣшилъ привлечь своихъ братьевъ къ участію въ этомъ обществѣ. Но кн. Александръ, перелистовавъ Этеристическій катехизисъ, предложенный ему братомъ, рѣшительно заявилъ, что онъ не вступитъ въ общество до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ, въ чьихъ рукахъ находится пресловутая «Верховная Власть». Въ бесѣдахъ съ этеристами А. Ипсиланти являлся убѣжденнымъ послѣдователемъ графа Каподистріа. Приводя нерѣдко подлинныя слова русскаго министра, онъ твердилъ грекамъ, что нельзя воскресить народъ посредствомъ чуда, что Россія слишкомъ велика, чтобы думать о грекахъ, и что, разсчитывая лишь на свои

---

[1]) Леф. арх., Нагр. дѣла, св. 9, д. 9.
[2]) Леф. арх., Дѣла Инсп. деп., св. 9, д. 101.
[3]) Тамъ же, д. 328.
[4]) Леф. арх., Форм. сп., кн. 2913; Soutsos, 23—29.
[5]) Mendelssohn, I, 144.
[6]) Р. Арх., 1887/I, 205, 206, 302—304, 408, 423; Пыпинъ, «Обществ. движеніе при Александрѣ I», 320.
[7]) Р. Арх., 1887/I, 206.

[1]) Палеологъ и Сивинисъ, «Истор. очеркъ народной войны за независимость Греціи», 11—13; Сборникъ, III, 215—220, 224—226, 240—249, 301 и 302.

собственныя силы, они не должны будить спящаго тигра [1]).

1820 годъ былъ рѣшительнымъ въ исторіи Этеріи, вожаки которой постановили приступить къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ турокъ, предполагая воспользоваться разрывомъ между Портою и Али-пашею, почти независимымъ властителемъ Эпира, Ѳессаліи и Мореи [2]).

Въ концѣ 1819 г. пелопонесскіе старѣйшины на съѣздѣ въ Триполицѣ рѣшили послать въ Россію И. Папарригопуло, съ цѣлью развѣдать о высшей власти Этеріи и войти съ ней въ соглашеніе относительно борьбы съ турками. По отъѣздѣ Папарригопуло областные совѣты отправили въ Россію другого уполномоченнаго, Эммануила Ксанѳоса, которому было уже прямо поручено предложить гр. Каподистріа главное руководство Этеріей.

Положеніе Каподистріа было чрезвычайно затруднительно. Какъ греческій патріотъ, онъ желалъ скорѣйшаго освобожденія своего отечества; какъ противникъ Меттерниха, онъ могъ надѣяться, что отступленіе Александра I въ греческомъ вопросѣ отъ ультра-консервативныхъ началъ Священнаго союза нанесетъ смертельный ударъ вліянію австрійскаго канцлера, но какъ близкое лицо къ русскому Императору, онъ зналъ силу вліянія Меттерниха на Александра и былъ увѣренъ, что возстаніе грековъ, не поддержанное Россіей, поведетъ только къ безполезному кровопролитію. Поэтому онъ сталъ убѣждать Ксанѳоса оставить мысль о насильственномъ переворотѣ. Потерпѣвъ неудачу у гр. Каподистріа, Ксанѳосъ обратился къ кн. А. Ипсиланти. Предложеніе Ксанѳоса соотвѣтствовало желаніямъ Ипсиланти, человѣка крайне легкомысленнаго и весьма честолюбиваго. 31 Марта 1820 г., онъ признанъ былъ генералъ-эфоромъ, т.-е. блюстителемъ «Верховной Власти», съ титуломъ «Благодѣтеля». Вмѣстѣ съ этимъ Ксанѳосъ передалъ кн. А. Ипсиланти всѣ текущія дѣла и денежные документы Этеріи [3]). Для того, чтобы быть ближе къ главнымъ центрамъ Этеріи, Ипсиланти испросилъ себѣ заграничный отпускъ для лѣченія раны и въ Іюлѣ выѣхалъ изъ Петербурга черезъ Москву, на югъ Россіи, въ сопровожденіи Ксанѳоса, своего секретаря Маноса и адъютанта Ипатоса. При этомъ онъ высказывалъ намѣреніе посѣтить Дунайскія княжества по своимъ имущественнымъ дѣламъ и Парижъ для рѣшенія вопроса о своемъ константинопольскомъ дворцѣ, переданномъ Портою французскому посольству; съ этою цѣлью онъ взялъ даже у гр. Каподистріа рекомендательное письмо къ герцогу Ришелье [1]).

Въ Москвѣ Ипсиланти былъ встрѣченъ съ восторгомъ мѣстными этеристами. Черезъ Кіевъ, гдѣ онъ простился со своею матерью, онъ проѣхалъ въ Одессу. Въ этомъ городѣ, родинѣ Этеріи, Ипсиланти провелъ конецъ лѣта и начало осени. Пріемъ, встрѣченный тамъ генералъ-эфоромъ, долженъ былъ нѣсколько охладить его горячее увлеченіе дѣломъ Этеріи. Богатые одесскіе банкиры греки относились недовѣрчиво къ рискованному предпріятію Ипсиланти и были скупы на пожертвованія [2]).

Кн. А. Ипсиланти, живя на югѣ Россіи, преобразовалъ внутреннее устройство Этеріи и велъ обширную переписку по внѣшнимъ ея дѣламъ [3]).

Дѣлая приготовленія къ борьбѣ съ турками, Ипсиланти еще не зналъ, гдѣ должно открыться возстаніе. 18 Іюля онъ назначилъ Георгаки главнокомандующимъ «Дунайской арміей»; 14 Августа поручилъ Перревосу начальство надъ «Эпирской арміей», но вопросъ о томъ, какая изъ этихъ «армій» должна начать военныя дѣйствія, оставался нерѣшеннымъ. Эта медленность, повидимому, тяготила Ипсиланти. Для выбора театра военныхъ дѣйствій вожаки этеристовъ собрались на совѣщаніе, происходившее въ Измаилѣ 19 Сентября 1820 года.

Первоначально Ипсиланти склонялся къ тому, чтобы черезъ Тріестъ ѣхать въ Морею и тамъ поднять знамя возстанія 25 Марта 1821 г. На совѣщаніи въ Измаилѣ архимандритъ Дикэосъ увѣрилъ собраніе въ томъ, что Пелопонесцы обладаютъ значительными силами и вполнѣ готовы къ возстанію. Вслѣдствіе этого была принята резолюція объ открытіи военныхъ дѣйствій въ Пелопонесѣ. Но, оставивъ Измаилъ, Ипсиланти совершенно измѣнилъ планъ войны съ турками и рѣшилъ начать возстаніе въ княжествахъ 2 Ноября.

Этотъ планъ нельзя признать вполнѣ неблагоразумнымъ; этеристы могли достигнуть

---

[1]) Mendelssohn, I, 138; Soutsos, 23—32.

[2]) Чтенія, 1864, II, 119; Prokesch-Osten, I, 15; Rizos-Neroulos, «Histoire grecque moderne», 276; Сборникъ, III, 264.

[3]) Prokesch-Osten, I, 31; Чтенія, 1864, II, 126; Соловьевъ, «Александръ I», 484; Ѳеоктистовъ, 32; Сборникъ, III, 256.—Въ одномъ изъ своихъ писемъ, именно отъ 5 (17) Ноября 1821 г., Каподистріа такъ оцѣниваетъ свое участіе въ возстаніи: «Sans vouloir porter les Grecs à secouer le joug, je les ai cependant poussés, sans le savoir et sans le vouloir, à ce qu'ils font aujourd'hui». (Вѣстникъ Всем. ист., VII, 99). Mendelssohn, 146 и 147; Prokesch-Osten, I, 13 и 14.

[1]) Сборникъ, III, 255; Чтенія, 1864, II, 127. Разсказы о томъ, будто кн. Ипсиланти видѣлся съ Александромъ I передъ своимъ отъѣздомъ за границу, представляются грубымъ вымысломъ. (Soutsos, 34; Записки Смирновой, 53).

[2]) Чтенія, 1864, II, 127; Mendelssohn, I, 147 и 148.

[3]) Rizos-Neroulos, 280; Mendelssohn, I, 146; Prokesch-Osten, I, 24.

успѣха только въ томъ случаѣ, если бы ихъ поддержала Россія, и всякому было ясно, что открытіе враждебныхъ дѣйствій противъ турокъ въ княжествахъ представляло много шансовъ на вмѣшательство Россіи въ войну, происходящую у самыхъ границъ ея. Къ тому же турки были очень слабы въ княжествахъ: въ Браиловѣ было только 700 турокъ, крѣпости по правому берегу Дуная были почти лишены гарнизоновъ и припасовъ, а, вслѣдствіе войны съ Али-пашей, были отозваны войска изъ Болгаріи и Ѳракіи [1]).

Начало возстанія было отложено до 1821 г. Конецъ осени и начало зимы Ипсиланти провелъ въ Кишиневѣ, гдѣ мужъ его сестры Екатерины, генералъ Катакази, былъ губернаторомъ.

Въ началѣ 1821 г. обстоятельства сложились такъ, что Ипсиланти счелъ нужнымъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Тяжкая болѣзнь и послѣдовавшая 13 Января смерть господаря Валахіи Александра Сутцо была благопріятна для утвержденія этеристовъ въ странѣ, оставшейся безъ правительства. Пользуясь этимъ, Владимиреско съ войскомъ въ 4000 человѣкъ, состоявшимъ изъ пандуровъ и всякаго хищнаго сброда, поднялъ знамя возстанія въ Чернецахъ. Онъ, правда,

Князь А. К. Ипсиланти.

объявлялъ, что дѣйствуетъ не противъ Порты, но желаетъ защитить валаховъ отъ притѣсненій со стороны господаря и бояръ; но этеристы въ это время вполнѣ разсчитывали на него [2]). Въ это же время съ Балканскаго полуострова пришли извѣстія объ открытіи турками заговора этеристовъ. Все это заставляло думать, что турки могутъ заблаговременно помѣшать возстанію [1]). Хотя 10 Февраля этеристы Дукасъ и Орфаносъ нарочно пріѣзжали въ Кишиневъ, чтобы увѣдомить генералъ-эфора о неподготовленности Молдавіи къ возстанію, но Ипсиланти ночью 22 Февраля, имѣя заграничный паспортъ, за подписью Нессельроде, выѣхалъ къ турецкой границѣ. Въ 6 часовъ пополудни онъ въ русской генеральской формѣ перешелъ черезъ замерзшій Прутъ въ сопровожденіи только брата Георгія и двухъ приближенныхъ къ нему лицъ и отправился въ Яссы.

Прибывъ въ Яссы, Ипсиланти остановился въ домѣ княгини Кантакузенъ. Этеристы встрѣтили его съ энтузіазмомъ; онъ обнималъ ихъ, говоря: «Я пришелъ умереть съ вами». Къ Ипсиланти немедленно явился господарь съ своимъ опекуномъ Ризосомъ [2]). 24 Февраля Ипсиланти обнародовалъ прокламацію къ грекамъ, наполненную высокопарными фразами о необходимости единенія, о слабости врага и о всеобщемъ сочувствіи дѣлу греческой свободы. Въ ней греки призывались, между прочимъ, къ подражанію европейскимъ народамъ, старавшимся «пріумножить свою свободу», и что какъ бы указывало на связь греческаго возстанія съ революціонными движеніями въ Испаніи, Америкѣ и Неаполѣ, столь ненавистными Священному союзу; сверхъ того, упоминаніе объ ожидаемой помощи со стороны какой-то «державной силы» компрометировало русское правительство, такъ какъ прокламація Ипсиланти какъ бы обѣщала немедленное вступленіе въ Молдавію русскихъ войскъ [3]).

Такъ же неудачно была составлена и прокламація къ народу Молдавіи, изданная Ипсиланти въ одинъ день съ воззваніемъ къ грекамъ. Въ то же время Ипсиланти отправилъ въ Лайбахъ два письма на имя Императора Александра и гр. Каподистріа, въ которыхъ просилъ оказать поддержку дѣлу греческой свободы; еще 23 Февраля онъ увѣдомилъ о своемъ прибытіи въ Яссы русскаго посланника въ Константинополѣ бар. Строганова [4]). Тогда же онъ писалъ въ Кишиневъ къ ген. Инзову, извиняясь въ томъ, что скрылъ отъ него свои приготовленія.

---

[1]) Mendelssohn, I, 149 и 150; Соловьевъ, «Александръ I», 484 и 485; Rizos-Neroulos, 282; Палеологъ и Сивинисъ, 15; Чтенія, 1864 г., II, 128; Ѳеоктистовъ, 35 и 36; Prokesch-Osten, I, 22; Сборникъ, LIV, 632; Заболоцкій, «Гр. Киселевъ и его время», IV, 10—12.

[2]) Rizos-Neroulos, 278, 280 и 281; Mendelssohn, I, 151 и 152; Prokesch-Osten, I, 18, 23 и 24; Нилъ Поповъ, «Россія и Сербія», I, 170—172.

[1]) Чтенія, 1864 г., II, 128, 133, 135; Файфъ, «Исторія Европы», XIX в., II, 187—189; Prokesch-Osten, I, 18; Богдановичъ, VI, 23; Pouqueville, III, 61; Rizos-Neroulos, 278, 281; Mendelssohn, I, 152 и 153.

[2]) Rizos-Neroulos, 287—289; Soutsos, 56; Mendelssohn, I, 153; Чтенія, 1864 г., II, 109, 128 и 129; Заболоцкій, IV, 12.

[3]) Чтенія, 1864 г., II, 107.

[4]) Rizos-Neroulos, 290; Prokesch-Osten, III, 63; Сборникъ, III, 264; Заболоцкій, IV, 12.

Ипсиланти пробылъ въ Яссахъ 6 дней. На третій же день была отслужена торжественная обѣдня въ церкви Трехъ Святителей въ присутствіи генералъ-эфора и его солдатъ, при чемъ митрополитъ освятилъ мечъ Ипсиланти и знамена. Среди этеристовъ господствовалъ сильный энтузіазмъ, они клялись не брить бородъ до тѣхъ поръ, пока не увидятъ креста на куполѣ св. Софіи. «Прекрасная минута надежды и свободы», восклицаетъ Пушкинъ по поводу этой церемоніи [1]). Тотъ же Пушкинъ писалъ по поводу событій въ Молдавіи: «Первый шагъ кн. Ипсиланти прекрасенъ и блистателенъ! Онъ счастливо началъ! 28 лѣтъ, оторванная рука, цѣль великодушная. Отнынѣ онъ принадлежитъ исторіи». Съ поэтомъ былъ согласенъ и практическій дѣятель П. Д. Киселевъ. «Ипсиланти», писалъ онъ Закревскому, «перейдя за границу, перенесъ имя свое въ потомство. Помоги ему Богъ въ святомъ дѣлѣ; желалъ бы прибавить: и Россія» [2]).

Трудно было выбрать время, менѣе благопріятное надеждамъ грековъ на помощь Россіи, чѣмъ Февраль 1821 года. Императоръ Александръ былъ тогда на конгрессѣ въ Лайбахѣ, гдѣ онъ находился въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи съ Императоромъ Францемъ и Меттернихомъ. Австрійскія войска, усмирявшія въ это время королевство обѣихъ Сицилій, разсѣяли карбонаровъ подъ Ріэти въ тотъ самый день, когда Ипсиланти обнародовалъ въ Яссахъ свою прокламацію. Въ это же время союзные монархи были опечалены извѣстіемъ о военной революціи въ Александріи и о провозглашеніи конституціи въ Сардинскомъ королевствѣ; вслѣдъ за тѣмъ были получены и «чудовищныя извѣстія» о вторженіи Ипсиланти въ Молдавію, случившемся за три дня до мятежа въ Піэмонтѣ. «Изумленіе, страхъ и ярость», пишетъ Стурдза, «овладѣли членами конгресса при полученіи сей загадочной вѣсти. Догадки, опасенія таинниковъ политической науки, всѣ ихъ распросы мѣтили на Россію». Положеніе Императора Александра и гр. Каподистріа было крайне затруднительно. Самыя противоположныя чувства долженъ былъ испытывать Александръ I, читая письмо Ипсиланти. «Благородныя движенія народовъ исходятъ отъ Бога», писалъ Ипсиланти, «и, безъ сомнѣнія, по Божію вдохновенію поднимаются теперь греки свергнуть съ себя четырехвѣковое иго. Долгъ въ отношеніи къ отечеству и послѣдняя воля родительская побуждаютъ меня посвятить себя этому дѣлу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ среди грековъ образовалось тайное общество, имѣющее единственною цѣлью — освобожденіе Греціи; оно выросло быстро, и его вѣтви распространяются повсюду, гдѣ только есть греки. Я смѣю увѣрить Ваше Императорское Величество, что никакія человѣческія силы не могутъ остановить этотъ благородный порывъ грековъ, и что сопротивленіе общему желанію націи можетъ только погубить ее навсегда, тогда какъ, управляя ея энтузіазмомъ, должно надѣяться спасти ее. Государь! Неужели вы предоставите грековъ ихъ собственной участи... Не презрите мольбы 10.000.000 христіанъ, которые возбуждаютъ ненависть тирановъ своею вѣрностью нашему Божественному Искупителю. Спасите насъ, Государь, спасите религію отъ ея гонителей... Освободите насъ, Государь! Очистите Европу отъ этихъ кровожадныхъ чудовищъ и удостойте ко всѣмъ великимъ именамъ, которыя Вамъ даетъ признательная Европа, присоединить имя освободителя Греціи». Въ заключеніе Ипсиланти просилъ уволить его вмѣстѣ съ братьями изъ русской службы [1]). Это письмо было написано со знаніемъ характера Императора Александра: оно взывало къ его гуманности, льстило его самолюбію и подлаживалось подъ его піэтистическое настроеніе. Но, какъ членъ Священнаго союза и охранитель его началъ, Александръ долженъ былъ строго осудить поступокъ Ипсиланти. Поэтому на тайной конференціи, состоявшейся въ Лайбахѣ въ присутствіи обоихъ Императоровъ, кн. Меттерниха и прусскаго министра гр. Бернсторфа, Александръ поспѣшилъ разсѣять подозрѣнія на счетъ своей солидарности съ Ипсиланти. Онъ торжественно заявилъ о своей вѣрности началамъ Священнаго союза, о своемъ принципіальномъ отвращеніи къ революціи и предложилъ Францу I вспомогательную армію въ 95.000 человѣкъ. Въ этомъ же смыслѣ былъ составленъ гр. Каподистріа отвѣтъ на письмо Ипсиланти. «Безъ сомнѣнія», писалъ Каподистріа, «человѣку врождено желаніе улучшенія своей участи; безъ сомнѣнія, многія обстоятельства заставляютъ грековъ желать не всегда оставаться чуждыми своимъ собственнымъ дѣламъ; но развѣ они могутъ надѣяться достигнуть этой высокой цѣли путемъ возмущенія и войны междоусобной? Развѣ какой-нибудь народъ можетъ подняться, воскреснуть и получить независимость темными путями заговора? Не таково мнѣніе Императора. Онъ старался обезпечить грекамъ свое покровительство договорами, заключен-

---

[1]) Rizos-Neroulos, 287—291; Pouqueville, III, 109; Пушкинъ (ред. Морозова), VII, 18; Заболоцкій, IV, 13; Jarry-de-Mangy, 45.

[2]) Пушкинъ, VII, 19; Сборникъ, LXXVIII, 64.

[1]) Prokesch-Osten, III, 61 и 62; Соловьевъ, 485 и 486.

Князь А. К. Ипсиланти.

ными между Россіею и Портою. Какъ вы смѣли обѣщать жителямъ княжества поддержку великаго государства? Если вы разумѣли здѣсь Россію, то ваши соотечественники увидятъ ее неподвижною, и скоро ихъ справедливый упрекъ обрушится на васъ... Никакой помощи, ни прямой, ни косвенной, не получите вы отъ Императора, ибо мы повторяемъ, что недостойно его подкапывать основанія Турецкой имперіи постыдными и преступными дѣйствіями тайнаго общества. Если вы намъ укажете средства прекратить смуту безъ малѣйшаго нарушенія договоровъ, существующихъ между Россіею и Портою, то Императоръ не откажется предложить турецкому правительству принять мудрыя мѣры для возстановленія спокойствія въ Валахіи и Молдавіи. Во всякомъ другомъ случаѣ Россія останется только зрительницею событій, и войска Императора не тронутся. Ни вы, ни ваши братья не находятся болѣе въ русской службѣ, и вы никогда не получите позволенія возвратиться въ Россію». Тогда же, 9 Марта, было офиціально объявлено объ исключеніи Ипсиланти изъ списковъ. Посланнику бар. Строганову было вмѣнено въ обязанность сообщить Портѣ о всѣхъ этихъ мѣрахъ [1]).

Ипсиланти всѣми своими дѣйствіями какъ бы подтверждалъ господствовавшее въ Лайбахѣ убѣжденіе, что самъ Богъ сражается за Махмуда II, Меттерниха и Генца. Онъ окружилъ себя «цѣлой арміей родныхъ и льстецовъ». Всѣ важнѣйшія дѣла шли черезъ братьевъ А. Ипсиланти, его друга Кантакузена и разныхъ пронырливыхъ «блюдолизовъ», въ родѣ В. Каравіа. По отношенію ко всѣмъ прочимъ Ипсиланти велъ себя такъ, какъ будто на его головѣ уже находилась корона Восточной имперіи: онъ всѣхъ отталкивалъ отъ себя своею надменностью и строгимъ соблюденіемъ этикета, напоминавшаго церемоніи византійскаго двора; онъ и его братья, какъ «багрянородные» принцы, ходили по особой лѣстницѣ, на которую не дозволялось ступать обыкновеннымъ смертнымъ; съ боярами онъ обращался, какъ съ лакеями, и заставлялъ ихъ по цѣлымъ часамъ дожидаться въ передней. Въ его главномъ штабѣ господствовала полная дезорганизація. Совѣтники Ипсиланти, по выраженію Ризоса, «не знали ни того народа, на который они напали, ни того, освобожденіе котораго они выставляли своею задачею». Бояре были напуганы слухами о демократическихъ проектахъ Ипсиланти; низшіе классы обманулись въ своихъ надеждахъ на реформы. Богатые страдали отъ произвольныхъ реквизицій; ихъ пугалъ примѣръ банкира Андрея Паули, съ котораго Ипсиланти взыскалъ 600.000 піастровъ, выдавъ ему неимѣвшую значенія расписку. Войско Ипсиланти было бременемъ для страны. Эти шайки, жившія на счетъ горожанъ и крестьянъ и въ своихъ безчинствахъ доходившія, какъ это было въ Галацѣ, до осквернія церквей, всего болѣе способствовали непопулярности среди валахомолдаванъ Ипсиланти и его дѣла [1]).

Всѣ дѣйствія Ипсиланти отличались медленностью и нерѣшительностью. Войско его, состоявшее въ Яссахъ изъ 3000 человѣкъ, постепенно возросло до 6 — 8000; но когда у него было 2000, онъ объявлялъ, что у него 10.000, а собравъ 6000, онъ показывалъ численность войска въ 20.000 и прибавлялъ, что скоро подъ его начальство поступитъ русская армія въ 30.000 человѣкъ. Первая продолжительная остановка была на границѣ Валахіи въ Фокшанахъ, гдѣ Ипсиланти издалъ прокламацію къ «дакамъ», т.-е. валахамъ, такую же безсодержательную и безцѣльную, какъ и прежнія. Здѣсь же онъ образовалъ отборный отрядъ изъ 500 юношей хорошихъ семействъ. Въ это время дѣла принимали все болѣе и болѣе неблагопріятный для него оборотъ. По приказанію Порты, патріархъ произнесъ анаѳему противъ Ипсиланти и его сообщниковъ. Греки, конечно, понимали, что патріархъ дѣйствовалъ по принужденію, но румыны, среди которыхъ австрійскіе агенты усердно распространяли патріаршее посланіе объ анаѳемѣ, отнеслись къ дѣлу формально и признали Ипсиланти

[1]) Гос. Арх., III, 68; Mendelssohn, I, 157—159; Prokesch-Osten, III, 65—67, 70; Соловьевъ, 486 и 487; Богдановичъ, VI, 25; Чтенія, 1864 г., II, 107; Сборникъ, III, 212, 269.

[1]) Mendelssohn, I, 163, 165 и 166; Rizos-Neroulos, 281, 282, 308; Чтенія, 1864 г., II, 133; Ѳеоктистовъ, 38, 49; Р. Арх., 1892/III, 162; Заблоцкій, IV, 12.

отщепенцемъ, находящимся подъ клятвою вселенскаго патріарха. Декларації бар. Строганова, предостерегавшія русскихъ подданныхъ отъ участія въ дѣлѣ Ипсиланти, также производили невыгодное для него впечатлѣніе [1]).

28 Марта Ипсиланти вступилъ въ Бухарестъ, простоявъ передъ этимъ два дня вблизи столицы, въ Колентинѣ. Его мучили тяжелыя сомнѣнія. Онъ не скрывалъ неувѣренности въ успѣхѣ своего дѣла. Въ это время онъ предложилъ пограничнымъ турецкимъ начальникамъ перемиріе до тѣхъ поръ, пока «Россійскій министръ въ Константинополѣ, согласно съ волей своего Императора, предложитъ Портѣ условія, на основаніи которыхъ княжества могли бы покориться». Бар. Строганова Ипсиланти увѣдомилъ письмомъ, что по полученіи отвѣта изъ Лайбаха онъ немедленно отступилъ, сообщивъ объ этомъ каймакаму новоназначеннаго господаря Каллимахи, и «идетъ, чтобы повергнуть передъ Его Величествомъ Императоромъ просьбы и желанія грековъ». Несмотря на такой упадокъ духа, Ипсиланти думалъ объ удовольствіяхъ: онъ совсѣмъ некстати пригласилъ въ Бухарестъ труппу актеровъ, для спектаклей которыхъ отвелъ разграбленный монастырь Марійени [2]).

Ипсиланти недолго пробылъ въ Бухарестѣ. 1 Апрѣля онъ отступилъ на сѣверъ, къ Тырговишту. Въ это время силы турокъ съ трехъ сторонъ: отъ Виддина, Силистріи и Браилова надвигались на Малую Валахію и Молдавію. Ипсиланти, основываясь на мнѣніи большинства, рѣшилъ не начинать военныхъ дѣйствій. Онъ только показывалъ видъ, что готовится къ встрѣчѣ турокъ: устраивалъ шанцы, производилъ смотры и ученія. Для защиты Яссъ онъ отправилъ кн. Георгія Кантакузена съ отрядомъ въ 800 человѣкъ. Но турки одерживали одну побѣду за другою. 2 Мая ими былъ взятъ Галацъ, а 17 Мая турецкая армія заняла Бухарестъ. Въ Тырговиштѣ господствовала полная деморализація: дезертиры оказывались даже среди «священной дружины»; бѣжалъ близкій къ Ипсиланти его домашній врачъ Мауранатосъ; этеристы даже вели съ турками переговоры относительно убійства или выдачи Ипсиланти. 27 Мая произошло авангардное дѣло при монастырѣ Нохетто, гдѣ отрядъ грековъ былъ совершенно разбитъ турками. Бѣглецы произвели панику въ лагерѣ при Тырговиштѣ, и Ипсиланти, бросивъ часть обоза, отступилъ въ Кимполунгу, еще ближе къ австрійской границѣ [1]).

Нѣсколько оправившись отъ пораженія при Нохетто, 1 Іюня Ипсиланти переправился черезъ Ольту, съ цѣлью возбудить возстаніе въ Сербіи, и сталъ въ Рымникѣ; въ это время его армія имѣла до 7500 человѣкъ, но страдала недостаткомъ въ артиллеріи, которая состояла едва ли не исключительно изъ пушекъ, забранныхъ въ Яссахъ и Бухарестѣ и употреблявшихся ранѣе для салютовъ во время парадныхъ обѣдовъ господарей [2]). Турки занимали уже Краіову, а передовой ихъ отрядъ въ 2000 человѣкъ предупредилъ грековъ, овладѣвъ Драгачаномъ. Былъ составленъ планъ окружить турокъ въ Драгачанѣ. Этотъ планъ былъ хорошо обдуманъ: 5000 грековъ имѣли цѣлью отрѣзать отступленіе туркамъ. 7 Іюня произошло сраженіе, имѣвшее рѣшительное вліяніе на судьбу Ипсиланти. Турки, видя превосходство греческихъ силъ, выступили изъ Драгачана и зажгли эту деревню, но, затѣмъ, увидя слабость кавалерійскаго ихъ отряда, дали имъ отпоръ и безъ труда разсѣяли кавалерію Каравіа, предводитель которой къ довершенію всего сражался въ пьяномъ видѣ. Затѣмъ турки бросились на «священную дружину» и перебили ее. Греческая армія въ паническомъ страхѣ обратилась въ бѣгство. Удалось спасти только знамя и остатки «священной дружины» и прикрыть отступленіе грековъ отъ турокъ, которые сами болѣе всѣхъ были удивлены своей неожиданной побѣдой. Ипсиланти отступилъ въ монастырь Козіа, у самой австрійской границы, и вступилъ въ переговоры съ комендантомъ крѣпости Роттентурна относительно пропуска его чрезъ австрійскую территорію. Комендантъ объявилъ, что у него есть приказъ относительно пропуска Ипсиланти черезъ Австрію въ Гамбургъ, состоявшійся въ силу рѣшенія обоихъ Императоровъ, и подтвердилъ честнымъ словомъ, что Ипсиланти нечего опасаться на Австрійской территоріи. Ипсиланти, съ цѣлью замаскировать свое бѣгство, объявилъ солдатамъ, что Австрія начинаетъ войну съ Турціей, и устроилъ торжество въ честь этого радостнаго событія: былъ молебенъ, колокольный звонъ и даже иллюминація [3]); Ипсиланти пилъ за здоровье Императора Франца. Во время празднества Ипсиланти, подъ предлогомъ переговоровъ съ австрійскими властями, перешелъ 15 Іюня границу въ сопровожденіи обоихъ братьевъ. Послѣ 36-часовой

---

[1]) Mendelssohn, I, 163, 166; Чтенія, 1864, II, 132—135; Rizos-Neroulos, 292, 296; Pouqueville, III, 108; Prokesch-Osten, III, 106, 108; Ѳеоктистовъ, 38, 54.

[2]) Mendelssohn, I, 165 и 166; Rizos-Neroulos, 294; Pouqueville, III, 109.

[1]) Mendelssohn, I, 167—170; Чтенія, 1864 г., II, 134—138; Rizos-Neroulos, 322 et 323; Prokesch-Osten, I, 75.

[2]) Mendelssohn, I, 167; Pouqueville, III, 112.

[3]) Mendelssohn, I, 170—174; Soutsos, 86—88; Rizos-Neroulos, 324.

остановки въ Роттентурмѣ Ипсиланти отправился далѣе. Въ деревнѣ Орлай, близъ Германштадта, адъютантъ генералъ-губернатора вручилъ ему паспортъ для проѣзда черезъ Гамбургъ въ Америку; въ этомъ документѣ Ипсиланти былъ названъ «русскимъ подданнымъ и богатымъ купцомъ Дмитріемъ Палэогенидомъ», но въ Темешварѣ комендантъ задержалъ Ипсиланти и отправилъ его въ Арадъ до полученія инструкцій изъ Вѣны [1]).

Въ это время вѣнскій и петербургскій кабинеты рѣшали судьбу Ипсиланти. Согласно договорамъ, Австрія и Порта имѣли право не выдавать другъ другу политическихъ преступниковъ лишь въ томъ случаѣ, если они поставлены въ невозможность вредить странѣ, изъ которой бѣжали. Каподистріа настаивалъ на томъ, чтобы Ипсиланти, какъ состоявшаго въ русской службѣ, отправить въ Россію и предать военному суду, выражая надежду, что слѣдствіе «разъяснитъ все, что происходило въ Одессѣ и Кишиневѣ, и черезъ то самое подозрѣніе и клевета перестанутъ преслѣдовать невинныхъ». Но Александръ согласился съ вѣнскимъ кабинетомъ, предполагавшимъ подвергнуть бѣглецовъ заключенію въ одной изъ австрійскихъ крѣпостей [2]).

Послѣ десятидневнаго пребыванія въ Арадѣ князю Ипсиланти было объявлено, что Императоръ Францъ, «движимый присущимъ ему чувствомъ великодушія», согласенъ дать бѣглецамъ убѣжище въ своихъ владѣніяхъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Ипсиланти далъ письменно честное слово за себя и за своихъ спутниковъ не покидать назначеннаго ему мѣстожительства и не имѣть ни съ кѣмъ сношеній, помимо австрійскихъ властей; ему было присвоено имя бар. Шёнварта. Въ сопровожденіи плацъ-адъютанта и двухъ своихъ спутниковъ, Ипсиланти былъ переведенъ въ крѣпость Мункачъ, куда прибылъ 14 Іюля. Комендантъ сдѣлалъ выговоръ плацъ-адъютанту за то, что онъ привезъ «политическаго преступника» днемъ, а не ночью. У Ипсиланти были отобраны всѣ его вещи, и онъ былъ отведенъ въ казематъ со сводами и маленькимъ окномъ у самаго потолка; вся меблировка состояла изъ кровати съ соломеннымъ тюфякомъ и судна. Ипсиланти умолялъ коменданта прислать ему нужныя вещи и служителя, безъ котораго онъ, какъ безрукій, не могъ обходиться, и особенно не заключать его отдѣльно отъ его товарищей. Комендантъ согласился только на эту послѣднюю просьбу. Тутъ они провели семь недѣль безъ всякаго сообщенія съ міромъ. Лишь послѣ долгихъ просьбъ комендантъ выдалъ Ипсиланти нѣкоторыя вещи. Заключенные страдали отъ лишенія свѣжаго воздуха, и комендантъ разрѣшилъ имъ прогулки между 10 и 11 часами вечера на бастіонѣ, около котораго находились отхожія мѣста гарнизона. Наконецъ, изъ Вѣны былъ полученъ приказъ, дозволявшій заключеннымъ вести переписку и освобождавшій ихъ отъ многихъ стѣсненій. Черезъ годъ отношенія коменданта, майора Бѣлошича, къ узникамъ почему-то измѣнились, и онъ сталъ дѣлать имъ стѣсненія, вредно отзывавшіяся на ихъ здоровьѣ. Проболѣвъ всю зиму 1822—23 г., Ипсиланти послалъ въ Вѣну жалобу на коменданта, которую присланный слѣдователь нашелъ основательною. Въ Іюлѣ 1823 г. узники были подъ конвоемъ перевезены въ Чехію, въ крѣпость Терезіенштадтъ. Здѣсь Ипсиланти былъ почти постоянно боленъ; по совѣту врача, онъ просился на воды въ Теплицъ или Маріенбадъ, но ему было дозволено въ концѣ лѣта 1826 г. съѣздить на Пичтзанскія воды въ Венгріи, послѣ чего онъ опять жестоко проболѣлъ всю зиму.

Братья Ипсиланти со времени ихъ задержанія въ Австріи не теряли надежды на измѣненіе своей участи. Еще въ Ноябрѣ 1821 г. мать ихъ, княгиня Елизавета Ипсиланти, обратилась къ Александру I съ ходатайствомъ о смягченіи участи ея сыновей. Императоръ отвѣтилъ, что «обязанности высшаго порядка, независимыя отъ всякихъ личныхъ взглядовъ, запрещаютъ ему исполнить ея желанія» [1]).

Воцареніе Императора Николая I оживило надежды Ипсиланти на улучшеніе ихъ участи, и они нѣсколько разъ обращались съ письмами къ Государю и Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Только въ 1827 г. русскому послу въ Вѣнѣ было приказано заявить, что русскій дворъ при настоящихъ обстоятельствахъ ничего не имѣетъ противъ освобожденія Ипсиланти, но что они не будутъ допущены въ Россію.

Въ Ноябрѣ 1827 г. А. Ипсиланти былъ выпущенъ на свободу. Онъ предполагалъ жить въ Веронѣ или Венеціи, но болѣзнь позволила ему доѣхать только до Вѣны, гдѣ онъ и провелъ послѣдніе дни жизни. Онъ умеръ отъ разрыва сердца 19 Января 1828 г. въ Вѣнѣ.

В. Шереметевскій.

---

1) Разсказъ А. Ипсиланти о его заточеніи въ Австріи напечатанъ у Soutsos'a, стр. 86—96; ср. Моск. арх. М. И. д., II—11—1826—20.

2) Mendelssohn, I, 173 и 174; Prokesch-Osten, I, 75; Сборникъ, III, 268.

1) Всѣ документы, касающіеся сношеній семейства Ипсиланти съ русскимъ правительствомъ и этого послѣдняго съ австрійскимъ по дѣламъ Ипсиланти, см. Моск. арх. М. И. д., II—11—1826—120.

Михаилъ Петровичъ Бутурлинъ, 1786—1860, старшій сынъ отставного капитана Измайловскаго полка Петра Михайловича и Марьи Алексѣевны, рожд. княжны Шаховской, родился 13 Мая 1786 г. Происходя изъ старинной дворянской семьи, Бутурлинъ вышелъ изъ родительскаго дома съ основательнымъ знаніемъ языковъ и 25 Марта 1807 г. поступилъ на службу эст.-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ. Вмѣстѣ съ полкомъ ему пришлось совершить Прусскій походъ 1807 г.; 5 Іюля 1808 года онъ произведенъ корнетомъ, а въ 1810 году поручикомъ; 15 Марта 1811 года назначенъ полковымъ адъютантомъ. Весенній походъ 1812 г. до окрестностей Вильны Бутурлинъ совершилъ съ полкомъ. «Мы сюда (Друю) пришли вчерашняго числа (16 Апрѣля)», писалъ Бутурлинъ своему отцу, «и останемся еще и завтрашній день; здѣсь переправа чрезъ Двину. Мы получили, т.-е. нашъ полкъ, приказаніе остановиться въ м. Опсы Виленской губ., это за два перехода отсюда. Я сегодня исповѣдывался и пріобщался, къ счастію, что здѣсь есть русская церковь... Я удивляюсь, какъ эта старинная церковь осталась здѣсь, она была, вѣроятно, еще прежде, нежели этотъ край достался Польшѣ, и среди всѣхъ прочихъ, которыя тогда приняли Римскую вѣру, удержалась одна бѣдная церковь; теперь строеніе деревянное и худо».—Во время нахожденія полка подъ Вильною 29 Мая 1812 г. назначенъ старшимъ адъютантомъ 1-й Кирасирской дивизіи [1]). Увѣдомляя объ этомъ отца, Бутурлинъ писалъ: «Я теперь представленъ въ 1-й дивизіи кирасиръ въ старшіе адъютанты. Эта новая должность, которой прежде не было, довольно видная, зато весьма хлопотливая. Это въ маломъ кругу дивизіи—то, что въ корпусѣ дежурный штабъ-офицеръ, или въ арміи дежурный генералъ» [1]). Поглощенный новою должностью, Бутурлинъ поддерживалъ переписку съ отцомъ. «Мы пришли сюда вчера», писалъ онъ изъ дер. Затворники близъ Свѣнцянъ 17 Іюня во время суматохи, послѣдовавшей отъ неожиданнаго для войскъ перехода непріятеля чрезъ Нѣманъ, «я кое-какъ могъ урваться, чтобы написать вамъ нѣсколько строкъ, можетъ-быть, мы очень скоро будемъ въ дѣлѣ; я прошу вашего благословенія и надѣюсь на Бога, живъ или мертвъ—не сдѣлаю вамъ стыда, я въ первый разъ еще увижу рубку, однако, авось Богъ поможетъ... Я просилъ генерала, что ежели буду убитъ, то деньги мои отдать людямъ, которые со мною; поручаю ихъ вамъ» [2]). Первое дѣло, которое увидѣлъ Бутурлинъ, было дѣло подъ Витебскомъ. Особенно отличился онъ подъ Смоленскомъ. Вызвавшись добровольно въ отрядъ полк. Вуича, Бутурлинъ «съ удивительною храбростью и рвеніемъ разставлялъ егерскія цѣпи» [3]). Увѣдомляя, по обыкновенію, своего отца о всѣхъ важныхъ происшествіяхъ, Бутурлинъ писалъ объ этомъ такъ: «Хотя наши (1 Кирасирская дивизія) еще не дрались, однако, я былъ въ сраженіи, просился у генерала (Де-Прерадовича) посмотрѣть и воспользовался симъ случаемъ: одинъ разъ я былъ 6 часовъ, а другой разъ 11 часовъ въ огнѣ. Сей послѣдній разъ я находился въ отрядѣ полковника Вуича, который имѣлъ препорученіе; я былъ при немъ, и ему угодно было меня аттестовать такъ, что мнѣ нельзя не быть ему благодарнымъ, тѣмъ болѣе, что репутація Вуича извѣстна по всей арміи, какъ храбрѣйшаго офицера» [4]). Вуичъ хотѣлъ даже рапортомъ увѣдомить старика Бутурлина о доблестномъ поведеніи сына, но М. П. упросилъ не дѣлать этого.

26 Августа, во время Бородинскаго боя, Бутурлинъ находился при кн. Д. В. Голицынѣ, который командовалъ кирасирами. Послѣ знаменитой атаки кавалергардовъ и Конной гвардіи, положившей предѣлъ атакамъ французской кавалеріи, «Барклай приказалъ трубить «аппель», но у однихъ лошади занесли, другіе же въ пылу боя и грохота выстрѣловъ не слышали сигнала [5]) и пронеслись до ручья Семеновки,

---

[1]) Командиръ Кавалергардскаго полка Н. И. Де-Прерадовичъ одновременно былъ и начальникомъ 1-й Кирасирской дивизіи.

[1]) Письмо отъ 3 Мая 1812 г., № 13. (Собр. П. Я. Дашкова).

[2]) Письмо отъ 17 Мая 1812 г., № 21.

[3]) Формуляръ.

[4]) Письмо отъ 10 Авг. 1812 г., № 27.

[5]) «Viele russische Cuirassiere kamen auf diese Art (преслѣдуя опрокинутаго непріятеля) mit uns zurück;

на берегу котораго непріятельская кавалерія стала сбираться. Около сотни кавалергардовъ разныхъ эскадроновъ, увлекшись преслѣдованіемъ, наскочили на фронтъ непріятельской кавалеріи; кавалергарды стали собираться къ своимъ офицерамъ и тоже выстроились. Старшимъ въ этой кучкѣ оказался пор. Шкуринъ. Оба фронта стояли одинъ противъ другого неподвижно. Въ такомъ положеніи засталъ ихъ дивизіонный адъютантъ М. П. Бутурлинъ. «Что мнѣ дѣлать?» сказалъ Шкуринъ Бутурлину, «если поворочу налѣво-кругомъ, они сядутъ на плечи; съ другой стороны, полковыя трубы играютъ аппель, стоять опять нельзя—непріятеля много, и онъ все усиливается». Бутурлинъ отвѣтилъ, что на мѣстѣ Шкурина онъ атаковалъ бы, такъ какъ это единственное средство къ спасенію. Шкуринъ замѣтилъ, что и онъ того же мнѣнія, но боится отвѣтственности за дѣйствіе въ противность полковому сигналу, и потому упросилъ Бутурлина объявить ему приказаніе атаковать. Бутурлинъ согласился. «Съ мѣста! Маршъ-маршъ!» скомандовалъ Шкуринъ. Непріятель, не ожидавшій атаки, смѣшался и далъ тылъ, а Шкуринъ, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными, поскакалъ назадъ къ полку» [1]).

«Вчера былъ цѣлый день въ дѣлѣ», писалъ 27 Августа изъ Можайска Бутурлинъ, «и, благодаря Бога, живъ; меня въ 10 ч. утра ранили картечью или пулею—не знаю; только пробило шинель съ воротникомъ, мундиръ и жилетъ, а раны не сдѣлано; видно, мертвая пуля или картечь, какъ лѣкарь говоритъ... меня перевязали, и въ 12 ч. я опять поѣхалъ въ дѣло, и Богъ вынесъ до конца». Такъ сгоряча оцѣнивалъ Бородинскій бой одинъ изъ его участниковъ. 28 Августа изъ с. Нара онъ писалъ: «Дѣло было важное и славное», а 31 Августа изъ Москвы: «За 26 число можно благодарить, что Богъ вынесъ; вы не представите, что это было: мы не уступили ни шага, 14 часовъ была совершенная бойня; тѣ, кои были подъ Пр.-Эйлау, подъ Нови и въ другихъ баталіяхъ, говорятъ, что это было ничего предъ сею; нашего полка убито и ранено 16 офицеровъ, непріятель, конечно, долженъ потерять гораздо болѣе». Наконецъ, чрезъ мѣсяцъ, 4 Октября, изъ д. Колодези: «Вы не можете вообразить, что это за адъ былъ; кавалерійскія атаки уже точно шутки; я былъ въ 6-ти съ княземъ, а то безпрерывный огонь; ядра, а особливо картечь и гранаты, такъ что нигдѣ мѣста выбрать (нельзя)—такъ и сыпетъ; счастливъ, кого Богъ вынесъ; такого огня, вѣрно, уже не будетъ. При князѣ насъ было шесть: одинъ убитъ, четверо ранены—трехъ самихъ, а у четвертаго 3 лошади убило; одинъ только Неклюдовъ (Серг. Петр.) уцѣлѣлъ, отдѣлался шинелью прострѣленною, да еще ему убытокъ: его же шинель и на мнѣ была прострѣлена пулей, которая меня ранила».

За Бородино Бутурлинъ былъ награжденъ орд. св. Анны 4 ст. Затѣмъ онъ участвовалъ въ дѣлѣ при Чернишнѣ, гдѣ былъ «употребленъ съ порученіями въ опаснѣйшихъ мѣстахъ» [1]) подъ Тарутинымъ, Малымъ Ярославцемъ, Вязьмою [2]) и подъ Краснымъ. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ Бутурлинъ находился ординарцемъ при ген.-ад. Васильчиковѣ, а подъ Мало-Ярославцемъ при г.-м. Толѣ и награжденъ орд. св. Владимира 4 ст., а за Красное—золотою шпагою [3]).

По прибытіи въ Вильну Бутурлинъ писалъ 12 Декабря: «Государь по пріѣздѣ своемъ сюда пожаловалъ свѣтл. князя орденомъ св. Георгія 1 класса. Вчера былъ у Его Свѣтлости балъ, однако, я не былъ, п. ч. еще нездоровъ; мы такъ уже отвыкли быть въ городѣ, что даже дома кажутся странными, а по улицамъ боимся ходить, все кажется задавятъ». Въ Февралѣ 1813 г. Бутурлинъ былъ произведенъ въ шт.-ротмистры.

Перейдя границу, онъ живо заинтересовался окружающею его обстановкою: нарядный видъ нѣмецкихъ деревень, чистота улицъ, постройки и костюмы жителей служатъ постоянною темою его писемъ къ отцу [4]). Привыкшаго къ обстановкѣ русской широкой помѣщичьей жизни, Бутурлина особенно поражала нѣмецкая расчетливость и аккуратность и отсутствіе дворни: «Что меня удивляетъ здѣсь», писалъ онъ изъ Франкфурта на Майнѣ, «это чистота въ домахъ; у моего хозяина преогромный домъ въ три этажа, услуга же его состоитъ: кухарка, горнишная дѣвка и еще одна женщина для черной работы, да одинъ человѣкъ, который камердинеръ, служитъ за столомъ, на всѣхъ посылкахъ, кучеръ и конюхъ,—и все въ порядкѣ [5]): пара вороныхъ всегда вычищена, шоры, коляска въ исправности, а въ комнатахъ любо посмотрѣть, и ко всему этому хозяинъ жалуется, что этотъ человѣкъ лѣнивъ, а я только удивляюсь, какъ его достаетъ на всѣ

---

ich glaube aber, dass keiner gefangen genommen wurde, denn ihre Pferde waren noch sehr kräftig, und es handelte sich für diese Reiter nur darum, kehrt zu machen». (Schreckenstein, 111).

[1]) Ист. Кавалергардовъ, III, 213.

[1]) Формуляръ.

[2]) «Третьяго дня подъ Вязьмою мы стрѣляли изъ нашей конной артиллеріи, когда они (непріятель) выходили изъ города, а они нашей дивизіи никакого вреда не сдѣлали». (Письмо 24 Окт.).

[3]) Леф. арх., Нагр. дѣла, св. 10, д.д. 1 и 15.

[4]) Письма 1813 г., №№ 10, 11, 16.

[5]) Письмо 31 Дек. 1813 г.

работы». Въ кампанію 1813 г. Бутурлинъ находился въ сраженіяхъ подъ Люценомъ, Бауценомъ и Дрезденомъ. Въ знаменитые дни Кульма Бутурлинъ оказалъ немалую услугу. 17 Августа, когда отрядъ гр. Остермана преградилъ путь у Кульма корпусу Вандамма, 1-я Кирасирская дивизія выступила утромъ на Теплицъ. Въ головѣ колонны шли кавалергарды. Пока шли въ горахъ, не было слышно пушечныхъ выстрѣловъ, и полки были далеки отъ мысли о предстоявшемъ имъ участіи въ сраженіи. Кн. Голицынъ и Де-Прерадовичъ отправились впередъ къ Теплицу. Старшимъ при дивизіи остался командиръ Конной гвардіи Арсеньевъ. Кавалергарды уже начали спускаться въ Теплицскую долину, какъ прискакалъ квартермистерскій офицеръ Дистъ, настоятельно требуя подкрѣпленія Остерману. «По отсутствію старшихъ начальниковъ, Арсеньевъ былъ въ нерѣшимости исполнить требованіе Остермана, но, постигая важность обстоятельствъ и поддержанный дивизіоннымъ адъютантомъ Бутурлинымъ (М. П.), велѣлъ полковнику Ершову вести Кавалергардскій полкъ на мѣсто сраженія» [1]). Вслѣдъ за кавалергардами пошли и остальные полки дивизіи. «Приспѣли кирасирскіе полки 1-й дивизіи, и правое крыло мое стало неодолимо», доносилъ Государю Остерманъ. За Кульмское сраженіе Бутурлинъ былъ награжденъ орд. св. Анны 2 ст.; затѣмъ онъ находился въ трехдневномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ. Заболѣвъ въ концѣ Ноября сильнѣйшею лихорадкою, онъ принужденъ былъ оставаться долгое время во Франкфуртѣ на Майнѣ. Остальное время кампаніи до взятія Парижа Бутурлинъ находился въ арміи. Въ 1816 году онъ былъ произведенъ въ ротмистры, въ слѣдующемъ году (6 Іюля) назначенъ адъютантомъ къ князю П. М. Волконскому, а 12 Декабря того же года флигель-адъютантомъ; въ 1818 году онъ былъ произведенъ полковникомъ; 22 Іюля 1825 года переведенъ въ лб.-гв. Драгунскій полкъ; 2 Октября 1827 года произведенъ въ генералъ-майоры и до 1829 г. находился въ командировкахъ въ различныхъ губерніяхъ, между прочимъ въ Оренбургскомъ краѣ, дважды заслуживъ за это время Высочайшее благоволеніе. Болѣзнь заставила его выйти въ отставку 23 Окт. 1829 г. Уже уволенный, онъ остался, однако, по Высочайшему повелѣнію, въ Оренбургскомъ краѣ до окончанія возложеннаго на него порученія. Выйдя въ отставку, Бутурлинъ поселился въ Москвѣ, въ своемъ родовомъ домѣ въ Кудринѣ. Въ 1830 г. онъ, по предложенію Московскаго генералъ-губернатора, завѣдывалъ холернымъ участкомъ въ Мѣщан-

ской части, за что получилъ орденъ св. Владиміра 3 ст. [1]).

24 Ноября 1831 г. Бутурлинъ снова поступилъ на службу, съ состояніемъ по кавалеріи, и къ концу года былъ назначенъ Нижегородскимъ губернаторомъ. Назначеніе его Нижегородскимъ военнымъ и гражданскимъ губернаторомъ было непосредственнымъ распоряженіемъ Государя, лично его знавшаго. Трудность управленія губерніей, значительной по пространству и населенію, наводняемой ежегодно во время ярмарки разноплеменнымъ людомъ, не могла ускользнуть отъ Бутурлина, который, въ прощальной аудіенціи, умолялъ Государя освободить его отъ этого назначенія и удостоился услышать слѣдующія слова, характеризующія важность новаго поста и репутацію, которой пользовался Михаилъ Петровичъ: «Это мѣсто», сказалъ Государь, «не равняется съ другими; узелъ Европы съ Азіею и множество пріѣзжающихъ на ярмарку даютъ ему особую важность. Мнѣ надобно знать, кто у меня тутъ; тутъ надобны руки да руки, глаза да глаза. Я знаю твои правила, твердость твоего характера, твою ко мнѣ преданность,—вотъ отчего я тебя опредѣлилъ». Дальнѣйшія опасенія Бутурлина Государь успокоилъ словами: «Знай Меня!» и, подавъ руку, поцѣловалъ его [2]).

Бутурлинъ приложилъ всѣ усилія, чтобы оправдать Царское довѣріе. Не было такой отрасли, въ которую бы не вникалъ онъ, ежедневно работая съ 6 часовъ утра до поздней ночи. Строгое соблюденіе закона, равное со всѣми обращеніе и полная доступность скоро доставили ему всеобщее уваженіе. Соблюдая

---

[1]) Висковатовъ, «Ист. Кавалергардскаго полка», изд. 1851, стр. 110 и 111.

[1]) Формуляръ.

[2]) Изъ бумагъ М. П. Бутурлина.

интересы казны, Бутурлинъ входилъ во всѣ мелочи, особенно по казеннымъ подрядамъ и постройкамъ и народному продовольствію, и сумѣлъ въ первые 14 мѣсяцевъ съэкономить 2.620.000 рублей. Это усердное отстаиваніе казенныхъ денегъ приводило нерѣдко Бутурлина къ столкновенію со многими лицами, стоявшими во главѣ подряднаго и строительнаго дѣла, среди которыхъ онъ скоро нажилъ враговъ. Съ другой стороны, непоколебимая честность, строгая законность и недоступность посторонним вліяніямъ быстро привели его къ серіозному столкновенію съ нѣкоторою частью вліятельнаго мѣстнаго дворянства, привыкшаго раньше вмѣшиваться во всѣ отрасли губернаторской дѣятельности. Во главѣ оппозиціонной партіи сталъ богатый, извѣстный своимъ буйствомъ и своеволіемъ далеко за предѣлами губерніи, кн. Грузинскій, губернскій предводитель, дававшій у себя пріютъ бѣглымъ крестьянамъ. По приказанію губернатора, въ домѣ и имѣніяхъ кн. Грузинскаго была произведена провѣрка крестьянъ. Это еще болѣе обострило вражду. Партія недовольныхъ все увеличивалась. Въ ея рядахъ находился и мѣстный жандармскій штабъ-офицеръ майоръ Тиличеевъ. 10 Октября 1834 г., во время пребыванія Государя въ Нижнемъ, дворянство надѣялось, что Государь удостоитъ ихъ балъ своимъ посѣщеніемъ. Просьба объ этомъ была, однако, отклонена Николаемъ Павловичемъ, которому было извѣстно столкновеніе губернатора съ партіей кн. Грузинскаго. Но на слѣдующій день, вслѣдствіе рапорта, поданнаго жандармскимъ офицеромъ гр. Бенкендорфу и доведеннаго до свѣдѣнія Государя, прежнее рѣшеніе было отмѣнено, и Государь прибылъ въ собраніе [1]). Этотъ случай значительно поднялъ духъ и усилилъ дерзость партіи. По отъѣздѣ Государя въ городѣ были пущены слухи, что онъ разгнѣванъ на Бутурлина, что губернатора смѣняютъ и т. п. Отношенія губернатора къ окружающимъ его лицамъ еще ухудшились послѣ столкновенія Бутурлина съ губернскимъ прокуроромъ, бывшимъ домашнимъ учителемъ и секретаремъ графа Д. Н. Блудова, женатымъ на родственницѣ княгинѣ Грузинской и жившимъ въ домѣ кн. Грузинскаго. Столкновеніе это, тяжело отозвавшееся на Бутурлинѣ, произошло по слѣдующему поводу. Крестьяне помѣщика Зубова хотѣли подать жалобу Государю во время его путешествія, но мѣстный исправникъ не допустилъ ихъ до этого. Губернаторъ предложилъ Губернскому правленію предать исправника суду и циркуляромъ объявилъ объ этомъ по губерніи, предупреждая, что всякій, кто осмѣлится «преграждать кому-либо путь къ стопамъ Его Имп. Величества», будетъ отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду. Губернское правленіе согласилось съ мнѣніемъ губернатора, но губернскій прокуроръ вошелъ съ протестомъ и, вопреки ясно выраженному постановленію закона, осмѣлился написать, что «не только находитъ поступокъ исправника невиннымъ, но даже не могущимъ подлежать разсмотрѣнію: онъ правъ и долженъ былъ такъ поступить». Губернатору удалось, однако, отстоять свою точку зрѣнія, и жалоба крестьянъ была разсмотрѣна.

Партія кн. Грузинскаго прибѣгла и къ болѣе мелкимъ оскорбленіямъ: на званые обѣды, которые устраивали ея представители и къ которымъ приглашался весь городъ, одинъ губернаторъ не получалъ приглашенія. Къ Бутурлину являлись лица, намекавшія, что единственнымъ выходомъ изъ непріятнаго положенія является для него примиреніе съ партіей и уступка всѣмъ ея требованіямъ. Однако, всѣ эти усилія разбились о непоколебимую твердость Бутурлина, нимало не измѣнившаго своего ровнаго и одинаково любезнаго со всѣми обхожденія. О натянутыхъ отношеніяхъ между губернаторомъ и жандармскимъ офицеромъ очень скоро узналъ гр. Бенкендорфъ и потребовалъ объясненія у Бутурлина; послѣдній отвѣчалъ обширною запискою, заключающей подробный обзоръ его губернаторской дѣятельности и излагающей причины столкновенія: «Я не имѣю причины скрываться и таиться отъ г. жандармскаго майора», писалъ Бутурлинъ, «еще менѣе оскорблять или обижать того, кто за мною смотритъ и за кѣмъ я не могу наблюдать, того, передъ кѣмъ я безоруженъ, а онъ мнѣ вредить можетъ». Защищаясь отъ упрека въ недоброжелательствѣ, Бутурлинъ писалъ: «Никогда никакого недоброжелательства майору не оказывалъ и объ его обхожденіи со мною крайне сожалѣю».—«Ваше Сіятельство», добавлялъ онъ въ заключеніе, «теперь вы знаете истину; здѣсь есть партіи, а г. майоръ тутъ ничего не виноватъ, ибо если онъ сдѣлался орудіемъ партіи, то онъ человѣкъ, могъ также ошибиться, и при томъ столько къ завлеченію его было употреблено стараній, что, дѣйствительно, можетъ-быть, и естественно ему было завлещись» [1]). Гр. Бенкендорфъ вполнѣ удовлетворился представленными объясненіями: «Съ особеннымъ удовольствіемъ», писалъ онъ Бутурлину, «удостовѣрился, что отношенія ваши съ майоромъ Тиличеевымъ совершенно не сходны съ тѣми свѣдѣніями, которыя я получилъ по сему предмету». Вмѣстѣ съ тѣмъ Бенкендорфъ успокаивалъ Бутурлина относи-

[1]) Р. Арх., 1899/III, 463.

[1]) Изъ бумагъ М. П. Бутурлина. Записка гр. Бенкендорфу.

тельно происковъ кн. Грузинскаго и его партіи [1]). Такимъ образомъ М. П. изъ этой исторіи вышелъ побѣдителемъ.

Во время своей службы губернаторомъ онъ, кромѣ Высочайшихъ благоволеній, получилъ ордена св. Станислава и Анны 1 ст. и за выслугу въ оберъ-офицерскихъ чинахъ 25-ти лѣтъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст., получилъ затѣмъ къ ордену св. Анны Имп. корону и наконецъ орденъ св. Владиміра 2 ст. Кромѣ перечисленныхъ орденовъ, онъ получилъ въ 1843 году золотую съ вензелемъ Е. И. В. табакерку. 16 Апрѣля 1841 года Бутурлинъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Кромѣ наградъ знаками отличія, онъ получилъ и денежныя: въ 1837 году ему было повелѣно выдавать ежегодно въ теченіе 12 лѣтъ по 1500 р., а съ Декабря 1842 года ежегодное содержаніе увеличено еще на 2000 р. Въ 1842 г. Бутурлинъ просилъ уволить его отъ занимаемой должности, ссылаясь на разстроенное здоровье и ослабѣвшее зрѣніе, но Государь отклонилъ это ходатайство, и онъ оставался на своемъ посту до 17 Ноября 1846 г., когда былъ уволенъ, съ мундиромъ и пенсіономъ въ 1145 р. въ годъ [2]). Послѣ отставки Бутурлинъ жилъ въ Москвѣ до своей смерти, послѣдовавшей 26 Іюня 1860 года. Могилы его и его жены находятся въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Отъ брака съ кн. Анной Петровной Шаховской у него было двое дѣтей: сынъ Сергѣй, служившій въ кавалергардахъ, и дочь Варвара, вышедшая замужъ за Мих. Ив. Леонтьева. М. П. Бутурлинъ былъ владѣльцемъ дома въ Москвѣ, въ Кудринѣ, въ приходѣ ц. Покрова, и 900 душъ въ Московской и Владимірской губерніяхъ.—Съ 1799 г. въ родѣ Бутурлиныхъ существовало командорство ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, учрежденное крестнымъ отцомъ М. П. Бутурлина, д. ст. сов. Н. Ив. Бутурлинымъ. Первымъ командоромъ былъ сынъ учредителя—Порфирій. По статуту, командорство, послѣ смерти перваго командора, вмѣстѣ съ обезпечивающимъ его командорскимъ имѣніемъ, состоявшимъ изъ с. Краснаго съ деревнями, Вязниковскаго уѣзда Владимірской губерніи, перешло къ М. П. Бутурлину.

Н. Совѣтовъ.

Графъ Степанъ Федоровичъ Апраксинъ 3-й, см. кн. IV.

Михаилъ Александровичъ Гревсъ 2-й, 1791—1846, братъ Алексѣя Александровича, на службу поступилъ 21 Іюля 1806 г. юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; 29 Января 1808 г. произведенъ въ эст.-юнкеры и 20 Сентября того же года въ корнеты, въ 1811 г. въ поручики, въ 1813 г. въ шт.-ротмистры; въ 1816 году, по «разстроеннымъ дѣламъ», переведенъ майоромъ въ Каргопольскій драг. полкъ.

Дѣйствительная причина перевода въ армію заключалась въ слѣдующемъ: 31 Марта 1816 г. Гревсъ и Даниловъ [1]) играли въ карты противъ подпоручика л.-г. .....скаго полка П. А. Нащокина въ квартирѣ послѣдняго. Проигравъ 25/т. рублей, Даниловъ прекратилъ игру и, захвативъ карты, уѣхалъ домой. Карты оказались фальшивыми. 2 Апрѣля Даниловъ дрался на дуэли съ Нащокинымъ; секундантомъ съ обѣихъ сторонъ былъ Зонъ [2]). Послѣ дуэли Гревсъ сказалъ Нащокину: «Г. Нащокинъ, я вамъ свой проигрышъ заплачу». Эти слова возбудили сомнѣніе Данилова, и когда Гревсъ уѣхалъ, онъ спросилъ Нащокина, не былъ ли съ нимъ въ половинѣ Гревсъ? Нащокинъ отвѣтилъ утвердительно. Даниловъ передалъ это А. С. Языкову. 10 Апрѣля Языковъ съ Даниловымъ поѣхали къ Нащокину. Нащокинъ подтвердилъ свое заявленіе, обѣщалъ подтвердить его письменно, но прислалъ письмо, «несообразное прежнимъ своимъ словамъ». Тогда Языковъ и Даниловъ объявили о случившемся офицерамъ, которые поручили С. В. Шереметеву, Языкову [3]) и Данилову получить отъ Нащокина рѣшительный отвѣтъ. Подъ угрозой представить фальшивыя карты по начальству, Нащокинъ далъ записку, въ которой говорилъ, что Гревсъ былъ съ нимъ въ половинѣ противъ Данилова. По возвращеніи офицеровъ въ полкъ, они показали записку Гревсу и объявили ему, что онъ «не можетъ быть терпимъ въ обществѣ офицеровъ». Гревсъ на это сказалъ, что сейчасъ же привезетъ записку отъ Нащокина, противную данной уже имъ, и, дѣйствительно, чрезъ нѣсколько часовъ привезъ новую записку, въ которой Нащокинъ утверждалъ, что первую записку онъ выдалъ вслѣдствіе угрозъ пріѣхавшихъ кавалергардовъ. Обѣ записки были представлены командиру полка Де-Прерадовичу, который приказалъ командующему полкомъ В. И. Каблукову изслѣдовать дѣло. Каблуковъ поѣхалъ къ Нащокину съ Шереметевымъ, Языковымъ и Даниловымъ. На вопросъ Каблукова, былъ ли Гревсъ съ нимъ

---

1) Письма гр. Бенкендорфа М. П. Бутурлину.
2) Формуляръ.

1) См. его біографію.
2) См. его біографію.
3) См. ихъ біографіи.

въ половинѣ, Нащокинъ отвѣчалъ, что не былъ, при чемъ объяснилъ, что далъ уличающую Гревса записку потому, что Шереметевъ, Языковъ и Даниловъ ломились въ дверь и принудили его дать ее. Однако, тутъ же находившійся очевидецъ посѣщенія, подпоручикъ Акуловъ, не только не подтвердилъ словъ Нащокина, но сказалъ Каблукову, что офицеры «вошли тогда, когда человѣкъ имъ отворилъ дверь, вошли безъ шума и ни въ чемъ принужденія Нащокину не дѣлали». Де-Прерадовичъ мнѣніемъ полагалъ, что «Гревсъ, не имѣя противъ себя никакихъ доказательствъ, обвиненъ быть не можетъ, на однѣхъ же догадкахъ я заключенія своего основать не могу». Императоръ Александръ повелѣлъ: за самовольное производство изслѣдованія — Гревса, Шереметева, Языкова и Данилова арестовать на двѣ недѣли каждаго, а затѣмъ Данилова (за дуэль съ Нащокинымъ) и Гревса перевести въ армейскіе полки по положенію (т.-е. съ повышеніемъ двумя чинами).

Въ 1817 г. Гревсъ переведенъ въ 1 Украинскій уланск. полкъ, но, «не отправляясь къ оному», оставался въ Каргопольскомъ полку до прикомандированія къ Московскому драг. полку; въ 1817 г. произведенъ въ подполковники; въ 1818 г. переведенъ вторично въ Каргопольскій драг. полкъ; въ томъ же году прикомандированъ къ Московскому драг. полку; въ 1820 г. назначенъ командиромъ 1 Бугскаго уланск. полка; въ 1820 г. произведенъ въ полковники; 13 Августа 1824 г. отрѣшенъ отъ командованія полкомъ и преданъ военному суду «за распоряженіе казенными деньгами безъ позволенія начальства». Судъ призналъ его виновнымъ въ томъ, что онъ «взялъ изъ казеннаго ящика 22.300 р. не для собственныхъ нуждъ, но на покупку строевымъ лошадямъ сѣна, по случаю бывшаго тогда крайняго недостатка». На основаніи манифеста 22 Августа 1826 г., онъ былъ освобожденъ отъ суда и взысканія и переведенъ въ Дерптскій конно-егерскій полкъ, въ 1827 г. переведенъ въ Кинбурнскій драг. полкъ, въ томъ же году переведенъ въ Лифляндскій конно-егерскій; 11 Августа 1828 г. назначенъ командиромъ Кинбурнскаго полка; 14 Августа 1829 г. произведенъ въ ген.-майоры, съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 2 Кирасирской дивизіи; 27 Февраля 1832 г. назначенъ командующимъ поселенными эскадронами 2 Кирас. дивизіи, 13 Марта 1834 г. назначенъ состоять по кавалеріи. «За вытребованіе изъ Балтской коммиссаріатской коммиссіи денегъ съ 1820 г. по 1824 г. подъ предлогомъ пользованія поселянъ во временныхъ лазаретахъ», отставленъ отъ службы «съ тѣмъ, чтобы и впредь въ оную не опредѣлять» [1]). 7 Марта 1839 г. вновь опредѣленъ на службу ген.-майоромъ, съ прикомандированіемъ къ 7 Легкой кавалер. дивизіи; 29 Апрѣля 1840 г. назначенъ командиромъ 2 бриг. 3 Легкой кавалер. дивизіи; 29 Декабря 1841 г. перемѣщенъ командиромъ 2 бриг. 1 Уланской дивизіи, 6 Декабря 1842 г. командиромъ 2 бриг. 2 Уланской дивизіи, 14 Апрѣля 1843 г.—командующимъ 1 Легкой кавалер. дивизіей и 10 Октября того же года произведенъ въ ген.-лейтенанты. 19 Марта 1846 г. исключенъ изъ списковъ умершимъ.

Участвовалъ съ кавалергардами въ походахъ: 1807 г. и 1812 г. и за сраженіе подъ Бородиномъ награжденъ орд. св. Анны 4 ст. Въ 1813 г. находился въ резервныхъ эскадронахъ; въ концѣ Сентября 1813 г. въ Богеміи подошелъ «2-й резервный эскадронъ», сформированный Кологривовымъ въ «Резервной арміи». Эскадронъ привелъ въ самомъ блестящемъ видѣ М. А. Гревсъ: «несмотря на форсированные марши и дальнее разстояніе, изъ числа 6 унт.-оф., 3 музыкантовъ, 132 рядовыхъ и 136 строевыхъ лошадей, на пути ни одного человѣка, ни лошади не оставилъ, больныхъ людей вовсе нѣтъ, также на пути ни одинъ не умеръ и не бѣжалъ». Въ 1814 г. Гревсъ участвовалъ въ сраженіи при Фершампенуазѣ и награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. Въ 1831 г. находился въ дѣлахъ при р. Сокольдѣ (25 Іюня) и Дольбовѣ (19 Іюля). Въ 1832 г. получилъ орд. св. Владиміра 3 ст. и въ 1842 г. — орд. св. Станислава 1 ст.

Въ 1825 г. имѣлъ, нераздѣльно съ братьями, 230 душъ Орловской губ., Карачевскаго у., при с. Волковѣ и д. Северидовѣ.

Былъ женатъ на дочери ген.-отъ-кавалеріи Маріи Ивановнѣ Дуниной и въ 1845 г. имѣлъ дѣтей: Елену (18 л.), Николая (14 л.), Михаила (12 л.) [2]).

Борисъ Ивановичъ Вѣлавинъ 3-й, 1790—, меньшой братъ Николая и Владиміра Ивановичей; въ службѣ съ 7 Іюня 1806 г. колонновожатымъ; 2 Ноября того же года переведенъ юнкеромъ въ кавалергарды; 29 Января 1808 г. эст.-юнкеромъ и 20 Сентября того же года корнетомъ, въ 1812 г. поручикомъ, въ 1813 г. шт.-ротмистромъ, 16 Іюля 1816 г. ротмистромъ, а 26 Августа 1817 г.

---

[1]) См. Сб. біогр. кавалергардовъ, II, Лазичъ.

[2]) Леф. арх., Форм. сп. 1845 г., кн. 8138; Полк. архивъ; Полк. прик. 27 Сент. 1813 г.; оп. Канц. нач. Гл. штаба, св. 14, д. 193; оп. 161, св. 5, д. 43, л. 914; Арх. Гл. в. судн. упр., 1826 г., св. 17, д. 44.

уволенъ въ отставку «за ранами» полковникомъ, съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ.

Бѣлавинъ участвовалъ съ полкомъ въ Прусской кампаніи 1807 г. и въ войнахъ 1812—14 гг. За Бородинское сраженіе награжденъ орд. св. Анны 4 ст. Подъ Кульмомъ 17 Августа онъ весь день находился во фланкерной цѣпи и, «бывъ раненъ пулею въ правую плечевую кость съ поврежденіемъ оной», бросился съ фланкерами отъ двухъ эскадроновъ на непріятельскую батарею, взялъ два орудія и заставилъ отступить уланъ, прикрывавшихъ батарею. За этотъ подвигъ награжденъ орд. *св. Георгія* 4 ст., а за сраженіе при Фершампенуазѣ—орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ.

По выходѣ въ отставку поселился въ с. Чернухѣ Макарьевскаго у., Нижегородской губерніи, доставшемся ему по раздѣльному акту 1806 г., и 12 Января 1852 г. женился на дочери губ. почтмейстера, Аннѣ Андреевнѣ Рудневой, отъ которой дѣти хотя и были, но родились мертвыми. Умеръ на Кавказѣ и похороненъ въ построенной имъ въ с. Чернухѣ церкви. По смерти Б. И. с. Чернуха перешла къ брату его Владиміру [1]).

Николай Ивановичъ Васильчиковъ 4-й, 1792—1855, изъ дворянъ Московской губ., сынъ отставного бригадира Ивана Николаевича и жены его Федосьи Николаевны, рожд. Кротковой, родился 28 Марта 1792 г. и числился въ пажахъ. «Вліяніе Наполеоновскихъ войнъ такъ неотразимо дѣйствовало на современную молодежь, что всѣ поголовно стремились къ военной службѣ, и Иванъ Николаевичъ, уступая просьбамъ сына, привезъ его еще подросткомъ къ близкому родственнику и другу Василію Алексѣевичу Васильчикову, благодаря вліянію котораго, Николай Ивановичъ поступилъ 15 лѣтъ отъ роду, 11 Февраля 1807 г., юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; 29 Января 1808 г. произведенъ въ эст.-юнкеры, 5 Ноября того же года въ корнеты, 14 Января 1813 г. въ поручики, 20 Февраля того же года въ шт.-ротмистры, въ 1816 г. въ ротмистры; въ 1818 г. назначенъ командиромъ эскадрона; въ 1819 г. произведенъ въ полковники; 28 Марта 1820 г. назначенъ полковымъ командиромъ Новгородскаго кирас. полка, а 27 Февраля 1824 г. уволенъ отъ службы генералъ-майоромъ, съ мундиромъ.

Васильчиковъ сдѣлалъ кампаніи 1812—14 гг. съ Кавалергардскимъ полкомъ; за Бородино награжденъ орд. св. Анны 4 ст., за Кульмъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ и за Фершампенуазъ — орденомъ св. Анны 2 ст. Въ 1816 г. былъ командированъ, по Высоч. повелѣнію, для выбора людей изъ Екатеринославскаго и Новгородскаго кирас. полковъ на укомплектованіе Кавалергардскаго полка и «за хорошій выборъ» получилъ Монаршее благоволеніе. Въ 1820 г., командуя Новгородскимъ полкомъ, получилъ за смотры и маневры брильянтовый перстень.

Цѣльная натура Васильчикова, воспитанная въ преданіяхъ старины, не долюбливала французовъ за ихъ легкомысліе и революціонныя увлеченія, и впослѣдствіи онъ охотно вспоминалъ, какъ ему довелось нагнать на нихъ страху, и отчасти даже гордился, что принадлежалъ къ малой кучкѣ людей, окрещенной французами прозвищемъ «ogre russe».

Приводимъ изъ его воспоминаній два эпизода, имѣющіе отношеніе къ Кавалергардскому полку. Въ 14-мъ году, когда кавалергарды стояли въ Версали, эскадронный командиръ Серг. Петр. Ланской заболѣлъ, и Васильчиковъ временно вступилъ въ сію должность. Одинъ изъ подчиненныхъ ему солдатъ, молодой и красивый, бѣжалъ и привелъ Васильчикова въ неописанное негодованіе. Онъ видѣлъ въ этомъ поступкѣ позоръ чуть ли не всему полку. Онъ приказалъ товарищамъ отыскать его хоть со дна морского, и, несмотря на различныя затрудненія, черезъ нѣсколько дней его привели въ эскадронъ. Что сталось съ Васильчиковымъ, когда, взамѣнъ кавалергардскаго мундира, онъ увидѣлъ на плечахъ дезертира столь ненавистную ему французскую революціонную блузу — «carmagnole». Онъ моментально разорвалъ ее на немъ въ клочки и немедленно предалъ солдата военному суду. Несмотря на заступничество многихъ, на романическую подкладку этого побѣга, Васильчиковъ настоялъ, чтобы солдатъ былъ

---

1) Полк. архивъ; «Ист. Кавалергардовъ», III; Свѣдѣнія, сообщ. Нижегородской арх. комиссіей.

разстрѣленъ [1]). Мѣстное населеніе сильно вознегодовало на него за жестокую расправу, и, когда онъ проѣзжалъ по улицѣ, мальчишки преслѣдовали его криками: «Ogre russe, colonel barbare, cannibale!»

Можетъ статься, что это обстоятельство послужило поводомъ къ весьма комическому инциденту, происшедшему при выступленіи кавалергардовъ изъ Версали.

На плацу собралась масса уличныхъ зѣвакъ, отпускавшихъ разныя остроты и плоскія шутки насчётъ русскихъ, полагая, что, за непониманіемъ нарѣчія, это пройдетъ безнаказанно. Солдаты въ самомъ дѣлѣ добродушно смѣялись имъ въ отвѣтъ, но офицеровъ эти выходки раздражали, и одинъ изъ нихъ, выведенный изъ терпѣнія нахальствомъ одного французика, шнырявшаго между группами, и явнаго зачинщика издѣвательствъ, указалъ на него фланговому вахмистру атлетическаго тѣлосложенія, внушительно добавивъ: «Проучи-ка его хорошенько!» Французъ былъ маленькій, худенькій, юркій, съ длинной всклоченной рыжей шевелюрой. Вахмистръ ловко подскакалъ къ нему, запустилъ всю ладонь въ волосы и такъ тряхнулъ его въ воздухѣ, что французикъ опомнился уже на ногахъ, моментально оплѣшивѣвъ, а у вахмистра болтался въ рукахъ импровизованный парикъ. Картина мгновенно измѣнилась: проученный забіяка исчезъ въ толпѣ, которая разразилась неистовымъ смѣхомъ, награждая оглушительными рукоплесканіями недюжиннаго побѣдителя.

Васильчиковъ не только любилъ службу, но до тонкости зналъ ее, и въ старости съ гордостью припоминалъ, что лучшіе кавалерійскіе генералы прошли его школу: Р. Е. Гринвальдъ, Петръ Петр. Ланской, Ал. Ник. Араповъ (командиры Кавалергардскаго, Коннаго и Кирасирскаго Его Вел. полковъ) служили въ его эскадронѣ и, несмотря на строгую дисциплину, сохранили на всю жизнь самыя лучшія товарищескія отношенія. Послѣ французской кампаніи Васильчиковъ прослужилъ еще четыре года въ Кавалергардскомъ полку и 27 лѣтъ отъ рода былъ назначенъ командиромъ Новгородскаго кирасирскаго Вел. Кн. Елены Павловны полка. Сдавъ его въ образцовомъ порядкѣ послѣ 6-лѣтняго командованія, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ подмосковномъ имѣніи, три раза къ ряду избираемый предводителемъ дворянства Серпуховскаго уѣзда.

Долголѣтняя его дружба съ братьями Ланскими скрѣпилась еще тѣснѣе бракомъ съ сестрою ихъ Маріей Петровной, отъ которой онъ имѣлъ пять дочерей и сына Николая, живущаго и понынѣ. Онъ не женатъ, и съ нимъ пресѣкается эта вѣтвь Васильчиковыхъ. Николай Ивановичъ Васильчиковъ скончался 27 Января 1855 года и похороненъ въ своемъ родовомъ имѣніи, селѣ Лопаснѣ Серпуховскаго уѣзда, Московской губерніи [1]).

Алексѣй Михайловичъ Обресковъ 2-й, 1788—1810, сынъ д. т. сов. Михаила Алексѣевича (1754—1842) и Екатерины Александровны, рожд. Талызиной, въ службѣ съ 10 Августа 1802 г. юнкеромъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, откуда переведенъ тѣмъ же чиномъ 20 Сентября 1807 г. въ кавалергарды; 29 Января 1808 г. произведенъ эст.-юнкеромъ и 5 Ноября того же года корнетомъ; 12 Апрѣля назначенъ адъютантомъ къ кн. С. Ф. Голицыну. Обресковъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1810 г., въ сраженіи при Батинѣ находился при главнокомандующемъ гр. Каменскомъ и награжденъ орд. св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ; 9 Іюня переведенъ адъютантомъ къ М. Л. Кутузову. Въ одномъ изъ дѣлъ съ непріятелемъ въ 1810 г. Обресковъ былъ *убитъ*, но былъ исключенъ изъ списковъ только 12 Февраля 1813 г. и потому показанъ произведеннымъ въ поручики 13 Января 1812 г. [2]).

Николай Сергѣевичъ Беклешовъ, 1789—1859, изъ дворянъ Псковской губерніи, сынъ ген.-лейт. Сергѣя Андреевича и Екатерины Ивановны, рожд. Осокиной, въ 1801 г. поступилъ на службу пажомъ; въ 1806 г. въ камеръ-пажи; 20 Ноября 1808 г. произведенъ подпоручикомъ въ Кавалергардскій полкъ и въ томъ же году поручикомъ; въ 1810 г. избранъ полковымъ казначеемъ; въ 1813 г. шт.-ротмистромъ и ротмистромъ; въ 1816 г. принялъ эскадронъ; въ 1817 г. полковникомъ; 13 Февраля 1819 г. переведенъ въ Псковскій кирас. полкъ; 14 Декабря 1820 г. по домашнимъ обстоятельствамъ уволенъ отъ службы, съ мундиромъ; съ 1822 г. по конецъ 1826 г. былъ Островскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства; 27 Декабря 1826 г. опредѣленъ за об.-прокурорскій столъ во 2-й департаментъ Сената, съ производствомъ въ статскіе совѣтники, гдѣ получалъ разныя командировки по министерству юстиціи; въ 1830 г., за пожертвованія на богоугодныя заведенія по-

---

[1]) Случая разстрѣлянія за все время существованія кавалергардовъ не было. Равно изъ матеріаловъ Полкового архива и архивовъ военнаго вѣдомства усматривается, что за все время пребыванія полка во Франціи не было ни одного случая наказанія шпицрутенами.

[1]) Полк. арх.; Леф. арх., Форм. сп. 1824 г., кн. 5376; Записка А. П. Араповой.

[2]) Полк. архивъ; Леф. арх., кн. повелѣній Военнаго м-ра, № 131; Руммель и Голубцовъ, II, 191 и 192.

лучилъ «Высочайшее благоволеніе»; въ 1832 г. награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. съ Имп. короной и опредѣленъ правителемъ канцеляріи статсъ-секретаря у принятія прошеній, на Высоч. Имя приносимыхъ; въ 1833 г. произведенъ въ дѣйств. статскіе совѣтники; въ 1835 г. пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст.; въ 1837 г. уволенъ отъ службы по прошенію. Съ 1841 года былъ избираемъ семь трехлѣтій Псковскимъ губ. предводителемъ. Состоя губ. предводителемъ, награжденъ званіемъ камергера (1842 г.), орденомъ св. Анны 1 ст. и чиномъ тайнаго совѣтника (1856 г.).

Въ 1812 г. Беклешовъ былъ оставленъ въ Петербургѣ начальникомъ оставшихся командъ полка, а затѣмъ формировалъ тамъ 2-й резервный эскадронъ, съ которымъ выступилъ 13 Февраля 1813 г. въ походъ и въ Маѣ того же года присоединился къ полку. Затѣмъ онъ участвовалъ въ сраженіи подъ Кульмомъ (17 и 18 Авг.) и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст., а 7 Декабря, какъ ротмистръ, былъ отчисленъ отъ должности казначея. Въ 1814 г. находился въ сраженіи подъ Фершампенуазомъ (13 Марта) и награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст.

Былъ женатъ (съ 1818 г.) на дочери д. ст. с. Маріи Васильевнѣ Сушковой (р. 1792, † 30 Марта 1853); бракъ бездѣтный. За Беклешовымъ состояло въ Псковской губерніи родовыхъ 756 душъ, а за женой 3 души дворовыхъ. Н. С. Беклешовъ умеръ по кратковременной болѣзни 12 Ноября 1859 г. [1]).

Никита Николаевичъ Смирновъ, 1789—1810, изъ дворянъ, 13 Октября 1803 г. поступилъ актуаріусомъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ; 26 Сентября 1807 г. опредѣленъ въ Кавалергардскій полкъ юнкеромъ; 29 Января 1808 г. произведенъ въ эст.-юнкеры, 11 Декабря въ корнеты; въ 1810 г. назначенъ адъютантомъ къ гр. Каменскому 2-му.

Убитъ 22 Іюля 1810 г. при штурмѣ Рущука [1]).

Петръ Ипполитовичъ Шеншинъ 2-й, 1787—1811, изъ дворянъ Орловской губ., гдѣ за отцомъ его состояло 1260 душъ, сынъ секундъ-майора Ипполита Ивановича, родился 10 Февраля 1787 г.; поступилъ 5 Января 1805 г. актуаріусомъ въ Московскій архивъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ; 8 Марта 1807 г. опредѣленъ баталіоннымъ адъютантомъ Витебскихъ стрѣлковъ, съ чиномъ губ. секретаря; 23 Окт. 1808 г. переведенъ въ Курляндскій драг. полкъ прапорщикомъ, а 14 Января 1809 г.— въ Кавалергардскій полкъ корнетомъ. Умеръ 7 Декабря 1811 г. и погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры [2]).

Николай Ивановичъ Петрищевъ, 1790—1832, изъ дворянъ Курской губерніи, сынъ Ивана Гавриловича и Елизаветы Николаевны, рожд. Пашковой, родился 14 Октября 1790 г.; находясь дома, въ Москвѣ, на службу зачисленъ въ 1801 г. юнкеромъ въ Москов-

[1]) Полк. арх.; Арх. М. В. д., д. 8/343, 1859 г.; Уничт. бумаги арх. Сената; Лобановъ-Ростовскій, I, 44 и 45.

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., оп. 152, кн. 456, д. 1909.

[2]) М. арх. М. И. д., IV—1, 1805—II; IV—13—1808—31. Полк. архивъ; Руммель и Голубцовъ, II, 707, 709; Саитовъ, «Некрополь», 149.

скій архивъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ; въ 1805 г. произведенъ переводчикомъ; 8 Апрѣля 1808 г. переведенъ эст.-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; 10 Мая 1809 г. произведенъ въ корнеты, въ 1813 г. въ поручики и шт.-ротмистры; въ 1817 г. назначенъ старшимъ адъютантомъ 1-й Кирасирской дивизіи и произведенъ въ ротмистры, въ 1819 г. въ полковники, съ назначеніемъ дежурнымъ шт.-офицеромъ при 1-мъ Резервномъ кавалер. корпусѣ; 19 Марта 1825 г. назначенъ командиромъ Псковскаго кирас. полка; въ 1827 г. произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 1-й Уланской дивизіи; въ 1828 г. назначенъ состоять при начальникѣ 2-й Гусарской дивизіи; 9 Марта 1831 г. за болѣзнью уволенъ отъ службы, съ мундиромъ и пенсіономъ $^2/_3$ жалованья.

Участвовалъ съ полкомъ въ походахъ 1812, 1813 и 1814 гг. и находился въ сраженіяхъ: подъ Бородиномъ, за что награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст.; 13 Марта подъ Фершампенуазомъ, гдѣ *раненъ* палашомъ выше брови лѣваго глаза и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ.

За маневры, бывшіе въ 1821 г. при м. Бѣшенковичахъ, награжденъ орд. св. Анны 2 ст.

Былъ женатъ (съ 1813 г.) на дочери бригадира гр. Надеждѣ Федоровнѣ Апраксиной. Имѣлъ 10 человѣкъ дѣтей, въ томъ числѣ: Ивана (1815—1855), Елизавету (1816—1884), Надежду (1817—1882), Елену (р. 1823), Александра (р. 1825 г.). Вдова его вышла замужъ за гр. И. О. Витта [1]).

За отцомъ его состояло въ Дмитріевскомъ уѣздѣ Курской губ. 60 душъ и за женой въ Лихвинскомъ уѣздѣ Калужской губ. 200 душъ крестьянъ. Умеръ въ 1832 г. и погребенъ въ с. Воскресенскомъ Епифанскаго уѣзда, Тульской губерніи [2]).

Дмитрій Ивановичъ Нееловъ, 1786 —, изъ дворянъ Казанской губерніи; 24 Апрѣля 1805 г. поступилъ унт.-офицеромъ въ Навагинскій мушк. полкъ; въ 1806 г. произведенъ въ подпрапорщики и 10 Октября 1807 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ юнкеромъ; 10 Мая 1809 г. произведенъ корнетомъ, а 23 Апрѣля 1810 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью поручикомъ. Участвовалъ въ дѣлахъ: подъ Сохочиномъ (12 Дек. 1806 г.), Пултускомъ (14 Дек.), при Вексельмюнде (3 Мая), у м. Ворнсдитена (28 Мая), при Гейльсбергѣ (29 Мая) и подъ г. Кенигсбергомъ (1 и 2 Іюня).

У отца Неелова было 1000 душъ въ Казанской губерніи [1]).

Сергѣй Петровичъ Неклюдовъ, 1790 — 1874, изъ дворянъ Старицкаго у. Тверской губ., сынъ об.-прокурора Петра Васильевича и Елизаветы Ивановны, рожд. Левашевой (дочь кап.-поручика Ивана Михайловича), родился 27 Мая 1790 г.; въ службѣ съ 6 Февраля 1806 г. юнкеромъ въ Иностранной коллегіи; 7 Декабря 1808 г., по Высочайшему повелѣнію, «не въ примѣръ другимъ» переведенъ эст.-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; 9 Октября 1809 г. произведенъ въ корнеты; черезъ годъ (26 Ноября 1810 г.) назначенъ дивизіоннымъ адъютантомъ 1 Кирас. дивизіи; 13 Января 1813 г. произведенъ въ поручики, а 27 Іюля перемѣщенъ адъютантомъ къ кн. Д. В. Голицыну; 23 Сентября произведенъ въ шт.-ротмистры, въ 1817 г.—въ ротмистры; 13 Марта 1819 г. переведенъ въ Иркутскій гус. полкъ полковникомъ, а 24 Октября за болѣзнью уволенъ отъ службы, съ мундиромъ; затѣмъ былъ переименованъ въ дѣйств. ст. совѣтники. Неклюдовъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 гг. и былъ награжденъ: за Бородино орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, за Красное—св. Анны 2 ст., за Кульмъ—золотою шпагою, за Лейпцигъ—алмазами къ орд. св. Анны 2 ст.

Былъ женатъ на дочери оберъ-церемоніймейстера Ив. Ал. Нарышкина—Варварѣ (р. 27 Мая 1790 г., † 13 Апр. 1874 г.) и имѣлъ дѣтей: Петра и Елизавету (близнецы, р. 1 Сент. 1815 г.), Василія (р. 14 Декабря 1818 г.), Михаила (р. 19 Янв. 1830 г.), Екатерину

---

[1]) См. его біографію, кн. II.

[2]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1830 г., № 10440; Свѣдѣнія, сообщ. Е. Н. Петрищевой.

[1]) Полковой архивъ.

(р. 5 Сент. 1812 г.; замужемъ за Д. Н. Замятнинымъ), Ольгу (р. 21 Іюня 1823 г.), Варвару (р. 19 Августа 1825 г.; замужемъ за кавалергардомъ Э. А. Готманомъ), Марію (р. 30 Дек. 1826 г.) и Елизавету (р. 24 Ноября 1828 г.; замужемъ за Н. Г. Казнаковымъ, мать кавалергардовъ Николая и Александра Казнаковыхъ). Умеръ на пятый день послѣ кончины жены 18 Апрѣля 1874 г. и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Н. Н. Муравьевъ въ своихъ «Запискахъ» пишетъ: «Во Франкфуртѣ (въ 1813 г.) по вечерамъ я ходилъ къ адъютантамъ кн. Голицына, съ которыми былъ хорошо знакомъ; тамъ были Неклюдовъ, Башмаковъ, Ланской... все порядочные молодые люди... Мы занимались музыкой и проводили довольно пріятно вечера» [1]).

Григорій Александровичъ Окуневъ, 1789—, изъ дворянъ Бѣжецкаго у., Тверской губ., сынъ тайнаго совѣтника Александра Гавриловича и Татьяны Александровны, рожд. Хрущевой, 21 Октября 1803 г. поступилъ актуаріусомъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ; въ 1807 г., по выдержаніи экзамена («переводитъ хорошо съ нѣм. и франц. на россійскій и съ россійскаго на французскій, а въ наукахъ имѣетъ основательныя свѣдѣнія»), произведенъ переводчикомъ; 7 Декабря 1808 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ эст.-юнкеромъ; 9 Октября 1809 г. произведенъ корнетомъ. Въ Отечественную войну Окуневъ находился въ отрядѣ гр. Витгенштейна, исполняя обязанности адъютанта Своднаго кирас. полка. 6 Августа подъ Полоцкомъ онъ, «вслѣдъ за майоромъ Семекою, вскочилъ на непріятельскую батарею, но, замѣтивъ, что конногвардейскій эскадронъ далеко пронесся къ городу, онъ «подъ картечными выстрѣлами на мосту трубилъ аппель для собранія онаго». За этотъ подвигъ Окуневъ былъ награжденъ золотой шпагой. 6 Октября подъ Полоцкомъ онъ при второй атакѣ «получилъ нѣсколько ранъ въ голову палашами» и награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. Въ дѣлахъ при Чашникахъ (19 и 31 Окт.), Смолянахъ (1 Ноября) и Любомлѣ (2 Ноября) находился при гр. Витгенштейнѣ и за отличіе произведенъ въ шт.-ротмистры. Въ Январѣ 1813 г. Окуневъ былъ посланъ гр. Витгенштейномъ съ донесеніями къ Государю, но заболѣлъ въ Штаргартѣ и отправился въ госпиталь въ Эльбингѣ; у него «отъ полученныхъ ранъ», говорится въ свидѣтельствѣ врача, «правая сторона головы пухнетъ и приключаетъ весьма великую боль». Кампаніи 1813 и 1814 гг. Окуневъ продѣлалъ въ рядахъ кавалергардовъ и награжденъ за Кульмъ орд. св. Анны 3 ст., а за Фершампенуазъ тѣмъ же орденомъ 2 ст.; 14 Января 1813 года произведенъ поручикомъ, а чрезъ мѣсяцъ (20 Февр.) за отличіе шт.-ротмистромъ; въ 1814 г. назначенъ шефскимъ адъютантомъ къ Ф. П. Уварову; 16 Января 1816 г. ротмистромъ, а 22 Мая отчисленъ въ строй. 26 Мая 1817 г. уволенъ отъ службы за ранами полковникомъ, съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ.

Денисъ Давыдовъ въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому изъ Варшавы 16 Окт. 1815 г. писалъ: «Царя ждемъ къ 24-му сего мѣсяца, а такъ какъ съ нимъ Уваровъ, то, по геометрической пропорціи, выходитъ, что и Окуневъ еще явится. Съ какимъ нетерпѣніемъ я его ожидаю, какъ онъ будетъ мнѣ читать свою Героиду, и какъ я ему при послѣднемъ стихѣ объявлю, что героиня его Героиды замужемъ. Все это меня восхищаетъ». (Примѣчаніе Вяземскаго: «Окуневъ былъ кавалергардскимъ офицеромъ. Онъ писалъ французскіе стихи въ родѣ Колорадо и Дората, которые читалъ съ большимъ восторгомъ и съ произношеніемъ нѣсколько гасконскимъ») [1]).

У матери Окунева было 250 душъ въ Псковской губерніи [2]).

Астафій Владиміровичъ Каверъ, 1773—, изъ Лифляндскихъ дворянъ, на службу поступилъ 15 Сентября 1793 г. вахмистромъ въ Казанскій драг. полкъ; въ 1797 г. произведенъ въ эст.-юнкеры, 11 Іюня 1799 г. въ корнеты, въ 1806 г. въ подпоручики; 31 Марта 1808 г. назначенъ адъютантомъ къ ген.-отъ-инф. Барклаю-де-Толли; 28 Февр. 1809 г. переведенъ въ Татарскій уланск. полкъ и произведенъ въ поручики; 7 Января 1810 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; 13 Ноября 1811 г. переведенъ въ л.-гв. Уланскій полкъ и произведенъ въ шт.-ротмистры; въ 1813 г. за отличія въ кампаніяхъ произведенъ въ ротмистры и въ полковники; 27 Марта 1814 г.

---

1) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1818 г., кн. 1541; Наградн. дѣла, св. 1, д. 15; св. 14, д. 4; св. 17, д. 16, л. 5; оп. 161, св. 12, д. 81, л. 345; Р. Арх., 1886/I, 53; Свѣдѣнія, сообщ. Тверской арх. ком.; Лобановъ-Ростовскій, II, 16; Руммель и Голубцовъ, II, 119; Саитовъ, «Некрополь», 91.

1) Р. Архивъ, 1866 г., стр. 897 и 901.

2) Полк. архивъ; Леф. арх., оп. 161, св. 12, д. 81, л. 244; Нагр. дѣла, св. 14, д. 4; Дѣла Инсп. деп., 1813 г., св. 9, дд. 3, 101 и 328; М. арх. М. И. д., IV—1—1803—42; IV—14—1807—7; IV—13—1808—15; Свѣдѣнія, сообщ. Тверской арх. комиссіей.

назначенъ командиромъ Новороссійскаго драг. полка; 25 Іюля 1820 г. произведенъ въ ген.-майоры, съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 2-й Драг. дивизіи; 6 Февраля 1823 г. назначенъ командиромъ 2-й бриг. 2-й Драг. дивизіи.

Былъ въ Польскомъ походѣ 1794 г. и въ дѣлахъ и сраженіяхъ: при Анкендорфѣ (23 Янв. 1807 г.), при Гейльсбергѣ (25 Янв.), въ 1808 г. — подъ Карайсомъ (2 Іюня); 1809 г., во время перехода черезъ Кваркенъ награжденъ орд. св. Анны 4 ст.; въ 1812 году подъ Витебскомъ награжденъ орд. св. Влад. 4 ст.; — Смоленскомъ (5—7 Авг.) и Тарутинѣ (6 Окт.); въ 1813 г., при осадѣ кр. Торна, въ сраженіяхъ подъ Кенигсвартомъ и Бауценомъ, при Кульмѣ и награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст.; подъ Лейпцигомъ (4—7 Окт.), въ 1814 г. 20 Янв. подъ Бріеномъ. По окончаніи войны получилъ прусскіе ордена: Краснаго Орла 3 ст. и «Pour le mérite»; въ 1823 г. награжденъ орд. св. Георгія за 25 л. службы, въ 1826 г. ему пожалована аренда на 12 лѣтъ, а 25 Іюня 1830 г. орд. св. Владиміра 3 ст.

Каверъ, въ дѣлѣ у Курова, 19 Февраля 1831 г., выказалъ не только свою малую способность, но и малодушіе. «Отрядъ Тухачевскаго [1]), оставленный Крейцомъ у Пулавъ, не имѣя никакой возможности остановить Дверницкаго, началъ 19 Февраля отступать на Куровъ, куда двинулся и Дверницкій; Тухачевскій отходилъ безъ потерь къ Маркушеву на соединеніе съ корпусомъ, какъ вдругъ услышалъ сзади себя канонаду. Причина ея была слѣдующая. Назначенный наблюдать за кр. Замостьемъ ген. Каверъ сдѣлалъ поискъ къ Туробину и Янову съ отрядомъ, состоявшимъ изъ Финляндскаго драг. полка, 2 сот. казаковъ и 15 орудій. По окончаніи экспедиціи, вмѣсто того чтобы возвратиться къ Замостью, котораго онъ и такъ не долженъ былъ оставлять безъ наблюденія, Каверъ со всѣмъ отрядомъ двинулся къ Бѣлжицѣ, которая вовсе не входила въ назначенный ему Крейцомъ раіонъ дѣйствій. Прибывъ къ Бѣлжицѣ и узнавъ тамъ о переходѣ непріятеля на правый берегъ Вислы, Каверъ направился черезъ Ванвольницы къ Курову и такимъ движеніемъ, ставъ впереди отряда Тухачевскаго, съ которымъ не открылъ никакой связи, подставилъ себя подъ удары всего корпуса Дверницкаго.

«Мало того, выйдя къ Курову, генералъ этотъ занялъ позицію впереди мѣстечка, вмѣсто того, чтобы стать за плотиной, спѣшить драгунъ и оборонять мѣстечко. Дверницкій, приблизившись къ Курову и замѣтивъ русскую кавалерію, тотчасъ велѣлъ пѣхотѣ занять рощу вправо отъ дороги, а уланамъ — выждать выхода пѣхоты изъ рощи и тогда уже повести атаку. Но уланы, не дожидая пѣхоты, смѣло бросились на нашихъ драгунъ, захватили 4 орудія, едва успѣвшія дать по одному выстрѣлу, и опрокинули нашъ отрядъ, а затѣмъ погнали его. Каверъ не только не встрѣтилъ атаку атакой же, но самъ немедленно далъ тылъ, а за нимъ понеслись и драгуны, перепрыгивая черезъ загораживавшую входъ на плотину рогатку, которую въ торопливости не успѣли даже отодвинуть. Тухачевскій, услыша выстрѣлы, повернулъ свой отрядъ назадъ и пошелъ на выручку; на него нестройной толпой неслись финляндскіе драгуны, преслѣдуемые польскими уланами. Тухачевскій, пропустивъ драгунъ, встрѣтилъ поляковъ атакой, опрокинулъ два эскадрона 4-го уланск. полка и эскадронъ Понятовскаго и успѣлъ отбить у нихъ одно орудіе, но, видя постепенно прибывающія къ непріятелю подкрѣпленія, сталъ отступать къ Люблину, тѣснимый сильно поляками. Обезумѣвшій Каверъ прискакалъ въ Люблинъ съ однимъ ординарцомъ, ворвался къ Крейцу и объявилъ, что весь полкъ уничтоженъ» [1]).

26 Марта 1831 г. Каверъ былъ отчисленъ отъ должности и преданъ суду (при 1-й гус. дивизіи), по которому оказался виновнымъ:

1) «въ томъ, что вопреки приказанія корпуснаго командира, возложившаго на его отрядъ наблюденіе за кр. Замостье, «выйдя изъ черты, ему назначенной», сдѣлалъ поискъ къ м. Красникъ, не увѣдомилъ о томъ Крейца и оставилъ Замостье безъ наблюденія;

2) «въ нераспорядительности при наступленіи подъ м. Куровымъ на ввѣренный ему отрядъ непріятеля, ибо, хотя для удержанія онаго отъ сильнаго натиска, Каверъ устроилъ батарею изъ 2-хъ орудій на весьма выгодномъ для пораженія непріятеля мѣстѣ, но открылъ огонь съ оной уже тогда, какъ непріятельскія войска, принятыя по ошибкѣ за эскадронъ Финляндскаго драг. полка, находились въ 30 саж. отъ батареи; при томъ не сдѣлалъ надлежащаго распоряженія и о необходимомъ прикрытіи сей батареи, отчего непріятель овладѣлъ оною безъ всякаго сопротивленія, и хотя г.-м. Каверъ отзывается, что для прикрытія орудій предназначенъ имъ былъ 4-й эск. Финляндскаго драг. полка, но сего не доказалъ, а, напротивъ еще того, командовавшій симъ эскадрономъ майоръ Дробатовскій и онаго же эскадрона два офицера (изъ коихъ послѣдніе двое подъ присягою) свидѣтельствуютъ, что они о таковомъ прикрытіи орудій на пристроенной при шлагбаумѣ у Курова батареи ни отъ кого приказанія не

[1]) См. его біографію.

[1]) Пузыревскій, I, 128 и 129.

получали, что утвердилъ и полковой командиръ полк. Дмитріевъ.

3) «Въ самовольной отлучкѣ отъ отряда при ретирадѣ онаго отъ Курова послѣ взятія непріятелемъ помянутыхъ орудій и въ несоблюденіи должнаго порядка въ сдачѣ сего отряда въ команду старшему по немъ полковнику Тухачевскому, которому сказалъ только, что боленъ и ѣдетъ въ корпусную квартиру; и хотя по дѣлу доказано, что въ сіе время г.-м. Каверъ, дѣйствительно, былъ одержимъ припадками, которыми періодически страдаетъ съ давняго времени, однакожъ, на основаніи воинскаго 94-го Артикула и толкованія на оный, не долженъ былъ отлучаться самъ собою, но обязывался испросить дозволенія на сіе начальства, особенно въ то время, когда отлучкою своею могъ подвергнуть отрядъ сей, при тогдашнемъ разстройствѣ, опасности, отъ которой избѣгъ оный единственно благоразумнымъ распоряженіемъ Тухачевскаго. При томъ подсудимый Каверъ о болѣзни своей ни въ тотъ день, ни прежде начальству не доносилъ;

и 4) «Въ неосновательномъ донесеніи корпусному командиру, по прибытіи въ Люблинъ, насчетъ потери нашей въ означенномъ дѣлѣ, сказывая, что непріятелемъ отбито пять пушекъ, тогда какъ таковыхъ отбито было только двѣ; и хотя г.-м. Каверъ отзывается, что донесеніе свое по сему предмету основалъ на показаніи встрѣтившихся съ нимъ на дорогѣ какихъ-то артиллерійскихъ солдатъ, но таковой отзывъ не заслуживаетъ уваженія потому, что никто изъ слѣдовавшихъ съ Каверомъ офицеровъ тѣхъ артиллерійскихъ солдатъ не видалъ; притомъ остальныя четыре орудія, находившіяся при отрядѣ, слѣдовали съ прочими войсками подъ командою полковника Тухачевскаго и отбиты непріятелемъ не были».

По соображеніи всѣхъ сихъ обстоятельствъ Генералъ-Аудиторіатъ полагалъ: «подсудимаго г.-м. Кавера, за отступленіе отъ данной ему инструкціи, нераспорядительность въ дѣлѣ съ непріятелемъ подъ м. Куровымъ, отлучку по приключившейся ему болѣзни отъ отряда, не испрося на сіе предварительно дозволенія начальства, и неосновательное донесеніе корпусному командиру по предмету потери въ означенномъ дѣлѣ, на основаніи воинскаго Сухопутнаго устава 94 Артикула и Полевого уголовнаго уложенія для большой дѣйствующей арміи §§ 14 и 15, лишивъ чиновъ и орденовъ, написать въ рядовые». Вмѣстѣ съ тѣмъ Генералъ-Аудиторіатъ повергалъ на Высочайшее воззрѣніе, что «Каверъ, продолжая безпорочно службу 40 лѣтъ, въ томъ числѣ болѣе 30 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ, находился во многихъ походахъ и сраженіяхъ противъ непріятеля; что отъ нераспорядительности его въ дѣлѣ подъ м. Куровымъ значительной потери не послѣдовало; что отлучку отъ отряда сдѣлалъ онъ единственно по постигшей его тогда болѣзни, и что, по отбытіи его, отрядъ, ему ввѣренный, не потерпѣлъ пораженія. Притомъ г.-м. Каверъ, вскорѣ послѣ неудачнаго дѣла подъ Куровымъ, а именно 27 Февраля 1831 года, какъ донесъ Главнокомандовавшій, отчасти загладилъ описанный поступокъ оказаннымъ имъ самоотверженіемъ при взятіи приступомъ города Люблина, гдѣ съ неустрашимостью велъ пѣшкомъ эскадронъ Финляндскаго полка на приступъ къ мельницѣ».

На докладѣ Генералъ-Аудиторіата, 27 Іюня 1833 года, послѣдовала собственноручная Его Величества конфирмація: «г.-м. Кавера уволить отъ службы» [1]).

Въ 1844 г. Каверъ обратился въ Кіевѣ къ Императору Николаю Павловичу съ просьбою «вступить вновь на службу», и Государь, снисходя къ крайне стѣсненному положенію сего генерала, Высочайше соизволилъ разрѣшить ему... вступить въ гражданскую службу.

Въ 1830 г. Каверъ былъ вдовъ и имѣлъ дѣтей: Елизавету (20 л.), Николая (18 л.), Федора (8 л.), Елену ($6^1/_2$ л.) и Александру (4 л.) [2]).

Александръ Михайловичъ Гедеоновъ, 1791 — 1867, происходилъ изъ дворянскаго рода, принадлежавшаго къ смоленской шляхтѣ. Отецъ его, Михаилъ Яковлевичъ (1756 — 1802), котораго онъ рано лишился, дослужился до чина полковника, а затѣмъ въ гражданской

1) Леф. арх., Инсп. деп., 1833 г., св. 635, д. 2519.
2) Тамъ же, Форм. сп. 1830 г., кн. 11066.

службѣ до дѣйств. ст. совѣтника. Мать его, Татьяна Александровна, рожденная Талызина, послѣ смерти мужа вступила во второй бракъ съ Тверскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства Сергѣемъ Алексѣевичемъ Шишкинымъ. Гедеоновъ получилъ домашнее воспитаніе и на 13 году (31 Декабря 1803 г.) былъ записанъ на службу юнкеромъ въ Московскій архивъ Иностранныхъ дѣлъ, а 30 Марта 1805 г. опредѣленъ въ военную службу, въ свиту Е. И. В. по квартирмейстерской части колонновожатымъ; произведенный 8 Ноября 1808 г. въ подпоручики, 8 Января 1810 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; 30 Апрѣля того же года назначенъ адъютантомъ къ полковому командиру Н. Н. Де-Прерадовичу и 28 Сентября произведенъ въ поручики. Прослуживъ въ Кавалергардскомъ полку полтора года, Гедеоновъ 9 Іюня 1811 г. переведенъ въ Ямбургскій драг. полкъ капитаномъ и съ этимъ полкомъ принялъ участіе во время Отечественной войны въ Клястицкомъ и Полоцкомъ сраженіяхъ; 5 Марта 1813 г. переведенъ въ Казанскій драг. полкъ, который входилъ въ составъ корпуса, блокировавшаго Данцигъ. Во время осады Гедеоновъ неоднократно отличался, въ особенности смѣлой атакой на мызу Шальмюль, гдѣ едва не захватилъ командовавшаго французскими войсками генерала Раппа, и былъ тяжело *контуженъ*. Ордена: св. Анны 4 ст. и Владиміра 4 ст. съ бантомъ и прусскій «Pour le mérite» были наградой за его отличія. Герцогъ Виртембергскій, обративъ на него вниманіе, взялъ его въ адъютанты и возлагалъ на него отвѣтственныя порученія. Онъ былъ посланъ, въ качествѣ парламентера, къ Раппу для переговоровъ о сдачѣ крѣпости, а послѣ сдачи ея отправленъ съ донесеніемъ къ Императору Александру, котораго засталъ въ Труа. Находясь при главной квартирѣ вплоть до окончанія войны, Гедеоновъ участвовалъ въ дѣлахъ при Баръ-сюръ-Объ, Феръ-Шампенуазѣ и Парижѣ; 14 Августа 1814 г. былъ назначенъ опять адъютантомъ къ герцогу Александру.

23 Февраля 1816 г. Гедеоновъ былъ уволенъ отъ службы по прошенію за ранами, съ чиномъ майора и съ мундиромъ. Въ отставкѣ пробылъ около года, послѣ чего поступилъ въ гражданскую службу: 17 Апрѣля 1817 г. опредѣленъ въ экспедицію Кремлевскаго строенія въ число смотрителей. На новомъ поприщѣ Гедеоновъ быстро достигъ высокаго служебнаго положенія. Первыми успѣхами онъ, по всей вѣроятности, былъ обязанъ родственнымъ связямъ, такъ какъ по матери приходился внучатнымъ племянникомъ пользовавшемуся всеобщимъ уваженіемъ въ Москвѣ С. С. Апраксину, женатому на сестрѣ Московскаго генералъ-губернатора кн. Д. В. Голицына; дальнѣйшими же успѣхами — расположенію своего непосредственнаго начальника кн. Н. Б. Юсупова, очень ему покровительствовавшаго и награждавшаго его, по мнѣнію нѣкоторыхъ, не въ мѣру заслугъ. Впрочемъ, нерасположенный къ нему вообще А. Я. Булгаковъ находилъ, что Гедеоновъ былъ полезенъ придворному вѣдомству тѣмъ, что «зналъ Москву и всѣ лица хорошо». Уже черезъ полгода послѣ поступленія на службу онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст. (10 Ноября 1817 г.). 14 Января 1818 года назначенъ присутствующимъ въ экспедиціи Кремлевскаго строенія и оставался въ этой должности до 22 Августа 1831 года, когда экспедиція была преобразована въ Московскую дворцовую контору, а онъ назначенъ совѣтникомъ этой конторы. Помимо своихъ прямыхъ обязанностей, Гедеонову приходилось исполнять и нѣкоторыя другія, на него возлагавшіяся. Въ 1822 г. былъ директоромъ итальянской оперы, находившейся въ домѣ его дѣда Апраксина. Обязанности директора театра были на него возложены, вѣроятно, потому, что онъ былъ большой театралъ и самъ подвизался на сценѣ въ качествѣ любителя; жена его тоже была талантливая пѣвица-любительница, обладавшая красивымъ сопрано. Впрочемъ, управленіе Гедеоновымъ оперой было, повидимому, не совсѣмъ удачно, а его близкія отношенія къ театру закончились скандаломъ вслѣдствіе его непрошеннаго вмѣшательства въ частную жизнь одной замужней артистки, чуть не доведшаго его до дуэли съ другимъ ея поклонникомъ. Въ 1828 г. засѣдалъ въ комитетѣ по сооруженію въ Москвѣ храма Христа Спасителя, при чемъ ему было ввѣрено управленіе имѣніями, купленными въ казну для храма; наградою за труды былъ орденъ св. Владиміра 3 ст. (16 Ноября 1828 г.). Во время холеры 1831 г. Гедеоновъ завѣдывалъ Новинской частью и получилъ въ награду брильянтовый перстень (21 Апр.). Кромѣ вышеуказанныхъ наградъ, онъ за время своей 15-лѣтней службы въ Москвѣ получилъ чины надв. совѣтника (4 Февр. 1820 г.), колл. совѣтника (19 Авг. 1821 г.), ст. совѣтника (4 Марта 1823 г., послѣ того, какъ, на основаніи указа 6 Авг. 1809 г., представилъ 16 Дек. 1822 г. аттестатъ отъ Московскаго университета, удостовѣрявшій его познанія въ наукахъ, «гражданской службѣ свойственныхъ») и дѣйств. ст. совѣтника (6 Сент. 1823 г.), ордена св. Анны 1 ст. (25 Марта 1825 г.) и той же степени съ Императорской короной (13 Февр. 1830 г.), придворныя званія камергера (14 Авг. 1826 г.) и церемоніймейстера (30 Окт. 1831 г.)

и денежную награду въ 5000 руб. (2 Янв. 1833 г.).

Въ 1833 г. Гедеоновъ перемѣнилъ поприще своей дѣятельности: 13 Мая этого года былъ назначенъ и. д. директора Императорскихъ петербургскихъ театровъ. Назначеніе это произошло слѣдующимъ образомъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ какъ разъ тогда, когда директоръ театровъ кн. Гагаринъ подалъ въ отставку вслѣдствіе отказа министра увеличить театральный бюджетъ на 200.000 руб. Гедеоновъ, узнавъ отъ кн. П. М. Волконскаго объ отставкѣ Гагарина, заявилъ, что охотно взялъ бы должность директора. Въ тотъ же день подписанъ былъ указъ о его назначеніи, а вечеромъ онъ явился въ театръ знакомиться съ новыми подчиненными. Утвержденный въ должности при производствѣ въ тайные совѣтники (31 Дек. 1834 г.), Гедеоновъ въ теченіе четверти вѣка стоялъ во главѣ петербургской театральной дирекціи и съ 1 Февраля 1842 г. распространилъ свою власть и на московскіе театры. Должность директора театровъ, стоявшая сравнительно невысоко на придворной іерархической лѣстницѣ, при немъ достигла высшихъ ступеней ея: 5 Января 1835 г. повелѣно было считать директора въ числѣ вторыхъ чиновъ Двора и носить ему придворный мундиръ, а 26 Августа 1847 г. повелѣно считать его уже въ числѣ первыхъ чиновъ Двора и опредѣлено ему жалованье, положенное президенту придворной конторы. Награды, полученныя Гедеоновымъ за 25 лѣтъ, были слѣдующія: ордена св. Владиміра 2 ст. (5 Дек. 1836 г.) и Бѣлаго Орла (18 Апр. 1842 г.), двѣ золотыя табакерки съ украшенными брильянтами портретами Императоровъ Николая I (14 Апр. 1845 г.) и Александра II (25 Мая 1858 г., по случаю 25-лѣтняго юбилея), чинъ дѣйств. тайн. совѣтника (30 Іюня 1846 г.) и аренда по чину на 12 лѣтъ (26 Авг. 1856 г.). Съ 1848 г. Гедеоновъ былъ членомъ Негласнаго комитета 2 Апрѣля.

Первые годы управленія Гедеоновымъ Императорскими театрами были лучшимъ временемъ его дѣятельности. Несмотря на то, что кн. Гагарину отказано было въ увеличеніи театральнаго бюджета, Гедеонову удалось добиться того, что 2 Мая 1834 г. повелѣно было покрыть оказавшіяся передержки изъ Кабинетскихъ суммъ и ежегодно вносить въ смѣту для выдачи изъ Казначейства, въ дополненіе къ отпускаемымъ на театры суммамъ, по 230.000 руб. съ тѣмъ, однако, чтобы впредь никакихъ долговъ не дѣлать. Послѣ этого Гедеоновъ главное вниманіе обратилъ на сокращеніе расходовъ и поднятіе театральныхъ сборовъ, и уже 25 Марта 1836 г. ему было объявлено совершенное Высокомонаршее благоволеніе за немаловажное сбереженіе въ суммахъ по расходамъ дирекціи на 1835 г. и значительное умноженіе сборовъ. Тѣмъ не менѣе безъ дефицитовъ обойтись, оказалось, невозможно, и съ 1834 г. по 1845 г. было уплачено изъ суммъ Кабинета болѣе полумилліона рублей, а съ 1847 г. по 1855 г. болѣе 300.000 руб.

Въ первый же годъ Гедеоновъ занялся реформой Театральнаго училища, а затѣмъ пріобрѣлъ въ собственность дирекціи огромный домъ противъ Александринскаго театра, куда и перевелъ всѣ театральныя учрежденія, помѣщавшіяся прежде въ различныхъ зданіяхъ. Хозяйственно-административная часть при немъ измѣнилась къ лучшему. Гедеоновъ обратилъ также вниманіе на безправное положеніе актеровъ и исходатайствовалъ артистамъ 1-го разряда за 20-лѣтнюю службу потомственное почетное гражданство. Затѣмъ онъ выхлопоталъ выдачу пенсій вдовамъ и сиротамъ артистовъ. Въ благодарность за первую изъ вышеуказанныхъ милостей актеры поднесли Гедеонову изящный серебряный позолоченный кубокъ, и тронутый этимъ директоръ пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ. Вообще первое время актеры были очарованы его привѣтливостью и простотою; къ такому отношенію они не привыкли при прежнихъ директорахъ. Съ лѣтами характеръ Гедеонова испортился.

Желая поднять сборы, Гедеоновъ обратилъ въ равной степени вниманіе на всѣ подвѣдомственные ему театры. Драматическій театръ былъ въ большомъ пренебреженіи при его предшественникѣ. Онъ сталъ посѣщать театръ почти ежедневно, замѣчалъ успѣхи молодыхъ артистовъ и поощрялъ ихъ похвалой или матеріальнымъ вознагражденіемъ. Драматическая труппа была совершенно отдѣлена отъ оперной; уничтожено обыкновеніе давать передъ балетомъ комедіи и водевили «для съѣзда публики», не обращавшей обыкновенно никакого вниманія на то, что происходило въ это время на сценѣ. Вмѣсто упраздненной итальянской оперы, сформирована была нѣмецкая опера, отличавшаяся хорошими голосами и музыкальностью исполнителей и дѣлавшая хорошіе сборы. Русская опера до Гедеонова почти не существовала, такъ что собственно онъ положилъ ей основаніе. Отдѣливъ, какъ указано выше, оперную труппу отъ драматической, онъ рѣшилъ ставить по-русски большія оперы иностранныхъ композиторовъ. Первымъ опытомъ была постановка оперы Мейербера «Робертъ Дьяволъ», стоившая до 60.000 руб. Опытъ, благодаря трудамъ капельмейстера К. А. Кавоса, оказался блестящимъ, и въ сезонъ 1835 г. поставлены были оперы

Мейербера, Россини, Обера, Герольда; вскорѣ послѣ этого геніальный Глинка положилъ начало и самобытной русской оперѣ: въ 1836 г. была поставлена его «Жизнь за Царя». Въ 1844 г. была возстановлена итальянская опера, послѣ того какъ имѣли большой успѣхъ гастроли Рубини, пѣвшаго съ русскими артистами. Въ этой оперѣ Гедеоновъ далъ возможность петербуржцамъ услышать лучшихъ знаменитостей того времени: Віардо, Бозіо, Тамберлика, Маріо и др. Много вниманія удѣлялъ онъ и балету. Вообще время управленія Гедеоновымъ петербургскими театрами было блестящимъ періодомъ въ ихъ исторіи по роскоши и изяществу постановки и составу исполнителей. Меньше вліянія могъ онъ оказывать на московскіе театры: сюда наѣзжалъ онъ только изрѣдка въ качествѣ грознаго ревизора.

Съ теченіемъ времени Гедеоновъ совершенно охладѣлъ къ драмѣ и оперѣ и все вниманіе обратилъ на балетъ, а въ послѣдніе годы на французскій театръ. По словамъ Каратыгина, режиссеру съ трудомъ удавалось выпросить у дирекціи нѣсколько десятковъ рублей на постановку новой драмы. Классическія пьесы давались при самой плачевной обстановкѣ. Зато балетъ достигъ высокой степени процвѣтанія, и Петербургъ въ этомъ отношеніи превзошелъ всѣ европейскія столицы, въ особенности съ пріѣздомъ Тальони. Такъ какъ балетъ пополнялся воспитанницами Театральнаго училища, то Гедеоновъ обращалъ большое вниманіе на это учебное заведеніе и относился къ его питомкамъ, какъ добрый, чадолюбивый отецъ. Въ то время въ большой модѣ было ухаживаніе молодежи за театральными воспитанницами, и Гедеоновъ употреблялъ много стараній, чтобы оградить ихъ отъ ухаживателей, но въ концѣ концовъ убѣдился въ безуспѣшности своихъ стараній и утѣшалъ себя тѣмъ, что воспитанницы не въ монастырь готовятся. При пріемѣ поступающихъ въ училище онъ обращалъ вниманіе на то, чтобы онѣ были миловидны. «Если не будетъ талантлива», говаривалъ онъ, «то чтобы мебель была красивая на сценѣ».

Нѣкоторые современники называютъ Гедеонова глубокимъ знатокомъ театра, изучившимъ сцену всесторонне и добросовѣстно. Дѣйствительно, онъ чутко угадывалъ вкусы большинства публики, посѣщавшей театры, и умѣлъ ей угодить выборомъ пьесъ, но былъ далекъ отъ пониманія истиннаго искусства. И если при немъ поставлены были и «Ревизоръ», и оперы Глинки, то не онъ явился иниціаторомъ ихъ постановки. «Дѣло извѣстное, что искусство для Гедеонова не существуетъ», замѣчаетъ Глинка въ одномъ изъ своихъ писемъ. Гедеоновъ долго противился постановкѣ «Жизни за Царя» и передалъ оперу на разсмотрѣніе Кавосу въ надеждѣ, что тотъ ее отвергнетъ, такъ какъ самъ написалъ оперу на тотъ же сюжетъ, но безпристрастный Кавосъ не оправдалъ ожиданій своего начальника. Какъ относился Гедеоновъ къ искусству, видно изъ слѣдующихъ разсказовъ современниковъ. Нѣмецкая артистка Каролина Бауеръ передаетъ, что однажды во время представленія трагедіи Шиллера «Донъ-Карлосъ» Гедеоновъ приказалъ актерамъ, игравшимъ короля и Позу, уйти со сцены, не окончивъ діалога, подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ болтовня надоѣла двору. Каратыгинъ же разсказываетъ, что какъ-то въ Александринскомъ театрѣ давали старую пьесу, дѣлавшую хорошіе сборы, а въ Большомъ театрѣ новый балетъ, не имѣвшій успѣха, и Гедеоновъ по этому поводу воскликнулъ: «Ну, чего эта глупая публика не видала на Александринскомъ театрѣ? Ломится на старую пьесу, а новаго балета смотрѣть не хочетъ». Воспитанный на французской литературѣ, онъ, по свидѣтельству Куликова, плохо зналъ русскую литературу, по-русски писалъ неправильно и ничего не читалъ, кромѣ театральныхъ рецензій въ «Сѣверной Пчелѣ».

Въ 50-хъ годахъ Гедеоновъ всецѣло былъ поглощенъ поздней страстью къ одной изъ артистокъ французскаго театра и бо́льшую часть времени проводилъ за кулисами этого театра. Въ сущности онъ ужъ только номинально стоялъ во главѣ театральнаго вѣдомства, вся же власть перешла въ руки управляющаго конторой Императорскихъ театровъ Кирѣева, безъ стѣсненія обиравшаго казну и нажившаго дома и имѣнія. Примѣру Кирѣева слѣдовали и другіе чиновники. Говорили, что Гедеоновъ все это зналъ, но, по своему мягкосердечію, сквозь пальцы смотрѣлъ на злоупотребленія своихъ подчиненныхъ. Наконецъ, новый министръ Императорскаго Двора, гр. Адлербергъ, обратилъ вниманіе на то, что творится въ театральномъ вѣдомствѣ. Кирѣевъ и другія начальствующія лица были удалены, а вмѣсто нихъ назначены чиновники почтоваго вѣдомства, во главѣ котораго стоялъ также гр. Адлербергъ. Дѣло измѣнилось только въ томъ отношеніи, что, вмѣсто Кирѣева, театральнымъ властелиномъ сдѣлался завѣдующій репертуаромъ Ѳедоровъ, а порядки остались тѣ же. Гедеонову дали дослужить до юбилея, и 25 Мая 1858 г. онъ былъ уволенъ отъ должности, съ пожалованіемъ въ оберъ-гофмейстеры.

Гедеоновъ былъ типичный представитель своего времени. По внѣшности онъ былъ настоящій баринъ и царедворецъ. Будучи, по

общимъ отзывамъ, человѣкомъ очень добрымъ, онъ старался придать себѣ внѣшность строгаго начальника. Привѣтливый и вѣжливый съ равными, всѣмъ подчиненнымъ, актерамъ и чиновникамъ, даже женщинамъ, говорилъ «ты». Человѣкъ своенравный, самолюбивый и упрямый, Гедеоновъ въ своихъ распоряженіяхъ былъ безапелляціоненъ, не терпѣлъ противорѣчій и не допускалъ мысли, что можетъ въ чемъ-нибудь ошибаться. Онъ также терпѣть не могъ, чтобы у него чего-нибудь просили, и первымъ дѣломъ отказывалъ, хотя затѣмъ соглашался на просьбу. Каратыгинъ разсказываетъ, что одинъ изъ актеровъ, зная эту странность директора и желая перейти на службу въ Москву, сталъ просить, чтобы его не переводили туда. «А вотъ за то, что ты пришелъ просить, ты и поѣдешь туда», объявилъ Гедеоновъ. Нервный и раздражительный, онъ былъ чрезвычайно вспыльчивъ и нисколько не старался себя сдерживать. Будучи въ хорошемъ расположеніи духа, онъ относился снисходительно къ подчиненнымъ, готовъ былъ каждому помочь, но зато совершенно преображался въ минуты гнѣва: тогда онъ кричалъ и на актеровъ, и на чиновниковъ, и ругалъ ихъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Любимая угроза его была: «Я тебя въ солдаты отдамъ»; эту фразу въ пылу гнѣва онъ говорилъ и женщинамъ. Подвергшихся его гнѣву актеровъ онъ сажалъ подъ арестъ въ такъ называемую «трубную» (комната для пожарныхъ въ Александринскомъ театрѣ) и не только за служебные проступки, но и по частнымъ жалобамъ; такъ, однажды, онъ посадилъ туда Васильева 1-го по жалобѣ его кухарки. Будучи въ гнѣвѣ, Гедеоновъ не поддавался никакимъ просьбамъ и убѣжденіямъ. Въ такія минуты онъ обыкновенно ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за спину и безпрерывно свистя. Желающіе видѣть его спрашивали у курьера: «Свиститъ?» и если получался отвѣтъ: «Посвистываетъ», то немедленно уходили. Однако, какъ бы ни былъ великъ его гнѣвъ, онъ мгновенно исчезалъ, если Гедеоновъ замѣчалъ на глазахъ у распекаемаго слезы, вида которыхъ онъ не выносилъ. Продолжая казаться строгимъ, онъ готовъ былъ все исполнить, лишь бы утѣшить огорченнаго. Многіе злоупотребляли этой слабостью директора или «генерала», какъ всѣ его обыкновенно называли. «При всѣхъ своихъ недостаткахъ и слабостяхъ», говоритъ Каратыгинъ, «онъ былъ, дѣйствительно, человѣкъ доброй души, существеннаго зла онъ, конечно, никому изъ артистовъ не сдѣлалъ, но могъ бы сдѣлать много добраго русскому театру, если бъ не увлекался своимъ чрезмѣрнымъ самолюбіемъ и умѣлъ укрощать свой строптивый и упрямый характеръ; самое его мягкосердечіе было иногда некстати и заставляло его оказывать снисхожденіе людямъ, которые этого не заслуживали... Какъ бы то ни было, но большая часть артистовъ, служившихъ при немъ, и особенно театральныхъ чиновниковъ, съ благодарностью о немъ вспоминаютъ». Дѣйствительно, къ 25-лѣтнему юбилею Гедеонова артисты, по иниціативѣ Сосницкаго, на собственныя средства отлитографировали портретъ его съ надписью: «Благодарное сословіе артистовъ составило между собою и для себя». Однако, нельзя сказать, чтобы онъ относился ко всѣмъ одинаково и умѣлъ цѣнить дѣйствительные таланты. Многіе изъ первостепенныхъ артистовъ не безъ основанія жаловались на притѣсненія со стороны директора. Такъ, онъ не любилъ В. В. Самойлова и сестры его Вѣры Вас. Самойловой, преслѣдовалъ пѣвицу Воробьеву; извѣстный балетмейстеръ Дидло долженъ былъ выйти въ отставку вслѣдствіе недоразумѣній съ директоромъ. Вообще Гедеоновъ не выносилъ людей, державшихъ себя независимо и не старавшихся угождать начальству. Кромѣ того, у него, по словамъ Каратыгина, была слабость создавать таланты, которые, однако, не пользовались успѣхомъ у публики и только заграждали дорогу настоящимъ дарованіямъ.

У Гедеонова были двѣ страсти: карты и женщины. По поводу его любовныхъ похожденій ходило много анекдотовъ. Еще въ Москвѣ извѣстны были его увлеченія актрисами, въ особенности итальянской пѣвицей Анти. Во времена директорства его фаворитками были танцовщица Андреянова и французская артистка Миля. Увлеченіе Андреяновой началось, когда она была еще воспитанницей театральнаго училища. Гедеоновъ являлся къ ней тогда ежедневно во время обѣда воспитанницъ; сама же она получала обѣдъ отъ него. Андреянова имѣла большое вліяніе на Гедеонова. По словамъ Головачевой-Панаевой, онъ, гроза всего театральнаго міра, покорно сносилъ съ ея стороны обиды и смиренно ей повиновался. Андреянова, впрочемъ, не очень злоупотребляла своимъ вліяніемъ на Гедеонова. Иначе пошло дѣло при ея преемницѣ Миля. Отъ нея стали зависѣть ангажементы и бенефисы, ради нея на французской сценѣ серіозная комедія и драма уступили мѣсто водевилямъ.

Послѣдніе годы своей жизни Гедеоновъ провелъ большею частью въ Парижѣ, куда онъ послѣдовалъ за Миля, и здѣсь же скончался въ Апрѣлѣ 1867 г. Погребенъ на кладбищѣ Père Lachaise.

Личное состояніе Гедеонова было незначительно, и онъ жилъ на жалованье. По вы-

ходѣ въ отставку ему была назначена пенсія въ 8.000 руб. сер. Отъ матери онъ унаслѣдовалъ вмѣстѣ съ братомъ 350 душъ крестьянъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ, Тверской губ. Одно время онъ владѣлъ 2 каменными домами въ Москвѣ.

Гедеоновъ былъ женатъ на Натальѣ Павловнѣ Шишкиной (род. 1790 г., † 8 Февр. 1840 г.), племянницѣ его вотчима, и имѣлъ отъ этого брака 3 сыновей: Сергѣя († въ молод.), Михаила (1814—1815 г.) и Степана (1815—1878), директора Эрмитажа и Императорскихъ театровъ [1]).

Н. Чулковъ.

Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ 1-й, 1792—1866, принадлежалъ къ вѣтви Шереметевыхъ, происходившей отъ Василія Петровича, брата фельдмаршала, и былъ старшій сынъ Василія Сергѣевича отъ брака съ Татьяной Ивановной Марченко. С. В. Шереметевъ родился 28 Августа 1792 г.; въ службу вступилъ 4 Марта 1808 г. корнетомъ въ Литовскій уланск. полкъ; 1 Мая 1809 г. переведенъ въ Лейбъ-Гренадерскій полкъ прапорщикомъ, а 8 Января 1809 г.—въ Кавалергардскій полкъ. Въ Отечественную войну Шереметевъ участвовалъ въ сраженіяхъ: при Бородинѣ, при чемъ былъ *раненъ* саблею въ лицо и въ правую руку, а пулею въ ногу и награжденъ орд. св. Анны 4-й ст.; въ 1813 г., при Кульмѣ получилъ орд. св. Владиміра 4-й ст.; въ 1814 г., при Фершампенуазѣ награжденъ орд. св. Анны 2 ст.; 14 Января 1813 г. произведенъ въ поручики, 23 Сентября того же года—въ шт.-ротмистры, 15 Октября 1819 г.—въ ротмистры и 15 Февраля 1819 г. назначенъ командиромъ эскадрона, а чрезъ мѣсяцъ (13 Марта) произведенъ въ полковники и 22 Сентября того же года награжденъ орд. св. Анны 2-й ст. съ алмазами. 15 Декабря 1825 г. Шереметевъ, находившійся наканунѣ въ строю Кавалергардскаго полка противъ мятежниковъ, назначенъ флигель-адъютантомъ; 22 Августа того же года получилъ орд. св. Владиміра 3 ст.; 6 Декабря 1827 г. произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 1-й Кирасирской дивизіи; 31 Октября 1828 г. назначенъ командиромъ 2-й бригады 4 Уланской дивизіи. Во время Турецкой кампаніи Шереметевъ въ 1828 г. былъ, по Высоч. повелѣнію, прикомандированъ къ Легкой гв. кав. дивизіи и находился при осадѣ Варны; въ 1829 году, командуя авангардомъ отряда гр. Крейца, напалъ 20 Мая при д. Эскимилѣ (близъ Туртукая) на турокъ, находившихся подъ командой Гассанъ-паши, и разбилъ ихъ, за что награжденъ орд. *св. Георгія* 4-й ст.; затѣмъ онъ командовалъ при осадѣ Силистріи всей кавалеріей осаднаго корпуса; 13 Іюля участвовалъ въ сраженіи при Айдосѣ и получилъ орд. св. Анны 1 ст.; 19-го разбилъ турокъ при Ямболи и 21-го занялъ городъ; 31-го—въ сраженіи при Сливно. За Ямболи и Сливну получилъ *золотую съ алмазами саблю.* 23 Августа Шереметевъ занялъ Демотику, Фереджикъ и Айроболь.

Въ 1831 г. Шереметевъ участвовалъ въ Польской войнѣ; 11 Мая разбилъ при Майданекѣ (Подольской губ.) отрядъ генерала Колышки «и освободилъ изъ плѣна г.-м. Щучнаго, 1 шт.-офицера, 10 об.-офицеровъ, двѣ пушки и 50/т. руб. и гналъ поляковъ до Австрійской границы»; 26-го участвовалъ въ дѣлѣ при Ухонѣ и 28-го при Хеямѣ. За Польскую войну награжденъ орд. св. Владиміра 2 ст.

1 Августа 1832 г. былъ отчисленъ отъ должности, а 2 Апрѣля 1833 г. назначенъ командиромъ 2 бригады 1 Легкой кавалерійской дивизіи. 29 Мая 1835 года Шереметевъ былъ уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ, а въ 1837 г. избранъ Нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства; въ этой

[1]) Руммель и Голубцовъ, «Род. Сборникъ», I, 182; Форм. списки (Общій арх. М. Двора, оп. 1359, д. 23, стр. 778 и оп. 31/1622, д. 12, разр. I); Полковой архивъ; Р. Архивъ, 1901/I, 51, 403, 411, 432; II, 171; III, 36; 1902/III, 527; Р. Старина, 1872/I, 323; 1879/I, 434—452; 1884/X, 64, 132—135; 1886/XII, 623—627; 1889/XI, 546 и 547; 1892/VIII, 451—466; 1895/IV, 102 и 103; VI, 4—11; 1896/IV, 44; 1899/X, 12; Истор. Вѣстникъ, 1882/II, 438 и 439; 1889/I, 31—65; 1891/I, 132; 1892/II, 417 и 418; III, 338; 1894/I, 125, 350—357; 1903/IV, 27, 425; Записки А. В. Кочубея, 45; «Заря», 1903 г., № 23; «Новое Время», № 9696; Ю. Арнольдъ, «Воспоминанія», вып. II, 105; «Иллюстр. Газета», 1867 г., № 20; Ежегодникъ Имп. театровъ, 1893—94 гг., прилож. 2, стр. 56; С. В. Танѣевъ, «Театр. мелочи», вып. V, 57.

должности пробылъ до 18 Августа 1839 г. и былъ произведенъ въ тайные совѣтники.

Вторую половину жизни С. В. Шереметевъ провелъ въ Нижегородской губерніи, гдѣ у него были обширныя имѣнія. Главной вотчиной его было «знаменитое когда-то» село Богородское (Горбатовскаго уѣзда), въ которомъ вмѣстѣ съ 28 приписными деревнями числилось 4908 душъ. Крестьяне, занимавшіеся кожевеннымъ производствомъ и торговлей, были на оброкѣ, при чемъ наименьшій окладъ былъ въ 25 руб., а высшій доходилъ до 1500 руб. Село было очень благоустроено. Въ немъ была: больница на 50 кроватей, при ней находился докторъ, аптека и богадѣльня, съ отдѣленіемъ для роженицъ, три училища, запасные хлѣбные магазины и усыпальница при одной изъ четырехъ каменныхъ церквей. Богородское раздѣлено было на 20 участковъ; въ каждомъ участкѣ домовладѣльцы избирали посредствомъ баллотированія по два кандидата въ должность «думчихъ» или окладчиковъ, изъ которыхъ одного и утверждалъ помѣщикъ. «Думчіе» ежегодно дѣлали раскладку всѣхъ податей и повинностей, наблюдали за порядкомъ, каждый въ своемъ участкѣ, и разбирали всѣ тяжбы и споры между крестьянами. Дѣлалось это такъ: тяжущіеся изъ 20 человѣкъ думчихъ отводили тѣхъ, которымъ они не желали поручать разбирательства своего дѣла; изъ остальныхъ же избирались трое по жребію. Приговоръ думчихъ представлялся на утвержденіе помѣщика и, по утвержденіи, приводился въ исполненіе. Бурмистръ и староста также избирались обществомъ. Кромѣ того, въ имѣніи существовалъ сиротскій судъ. Несмотря на это, крестьяне были недовольны помѣщикомъ; между прочимъ, они жаловались на то, что Шереметевъ пріобрѣталъ у крестьянъ въ полную собственность на весьма невыгодныхъ для нихъ условіяхъ земли, купленныя ими, согласно съ тогдашними законами, на имя помѣщика. Шереметевъ весьма строго поступалъ съ «закоренѣлыми» ослушниками, ссылая ихъ въ другое свое село Юрьино (Васильсурскаго уѣзда) и лишая ихъ нерѣдко всего благосостоянія, какимъ они пользовались въ Богородскомъ. Какъ человѣкъ гордаго и властнаго характера, Шереметевъ былъ въ открытой враждѣ также и съ мѣстнымъ начальствомъ въ лицѣ губернаторовъ, кн. М. А. Урусова и А. Н. Муравьева. Особенно крупныя столкновенія съ крестьянами и съ губернаторомъ Муравьевымъ Шереметевъ имѣлъ передъ крестьянской реформой, зимою 1858—59 гг.

Понимая, что неминуемо послѣдуетъ освобожденіе крѣпостныхъ, Шереметевъ предложилъ крестьянамъ выкупиться на волю, при чемъ за каждый оброчный рубль крестьянинъ долженъ былъ заплатить 25 руб. капитальной суммы. Послѣ рѣшительнаго отказа отъ выкупа со стороны крестьянъ, ожидавшихъ предстоящей эмансипаціи, Шереметевъ принялъ противъ нихъ разныя жестокія и стѣснительныя мѣры. Самъ уѣздный предводитель Стремоуховъ, открыто державшій сторону Шереметева, долженъ былъ признать, что этотъ послѣдній «усилилъ строгость свою въ управленіи, увлекаясь за предѣлы благоразумной и справедливой строгости», хотя и объяснялъ его дѣйствія «разными нелѣпыми толками въ народѣ по поводу ожидаемой вольности». Губернаторъ, желая оградить крестьянъ отъ произвола Шереметева, приказалъ опечатать бумаги въ Богородскомъ вотчинномъ правленіи и просилъ министра Внутреннихъ дѣлъ назначить формальное слѣдствіе. 28 Марта 1859 г., по Высочайшему повелѣнію, былъ командированъ флигель-адъютантъ гр. Бобринскій, съ порученіемъ, «войдя въ личныя сношенія съ Шереметевымъ, истребовать отъ него объясненія по сему предмету и, повѣривъ оныя, если это окажется нужнымъ, убѣдить его къ прекращенію неблаговидныхъ и стѣснительныхъ для крестьянъ дѣйствій; въ случаѣ же уклоненія отъ того Шереметева, распорядиться о производствѣ формальнаго слѣдствія». Миссія гр. Бобринскаго съ внѣшней стороны имѣла большой успѣхъ. Горбатовскіе дворяне поднесли ему адресъ, въ которомъ благодарили его за «возстановленіе въ глазахъ крестьянъ вліянія и значенія мѣстныхъ властей, дворянствомъ избранныхъ»; въ то же время Бобринскій, уже 10 Апрѣля, могъ сообщить Муравьеву, что, «благодаря снисхожденію т. сов. С. В. Шереметева, ему удалось привести крестьянъ его къ повиновенію, чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что предъ отъѣздомъ его крестьяне служили благодарственный молебенъ за милости, оказанныя имъ ихъ помѣщикомъ».

Шереметевъ сложилъ съ оброчнаго оклада по 25 коп. съ рубля и обѣщалъ «отнынѣ даже не предлагать крестьянамъ выкупа, а еще менѣе понуждать, предоставляя жить спокойно и заниматься своими промыслами, и, ожидая въ скоромъ времени окончательнаго преобразованія быта помѣщичьихъ крестьянъ, вполнѣ согласенъ не употреблять болѣе переселенія, какъ мѣры наказанія, равнымъ образомъ не отдавать своихъ крестьянъ въ рекруты безъ согласія на то уѣзднаго предводителя дворянства». Но и послѣ этого не прекратилась распря между Шереметевымъ и Муравьевымъ: первый негодовалъ на то, что Муравьевъ,

опечатавъ его бумаги, поступилъ съ нимъ, «какъ дѣлается только съ государственными преступниками, къ числу которыхъ онъ не можетъ быть причисленъ по долговременной и преданной его службѣ престолу и отечеству». «Къ тому же», писалъ онъ по этому поводу, «въ родѣ Шереметевыхъ (мы всѣ гордимся тѣмъ) измѣнниковъ никогда не было и съ Божіею помощью не будетъ». Муравьевъ въ то же время жаловался на дѣйствія гр. Бобринскаго и на «извѣты» Шереметева и Стремоухова. «Личная вражда и давнее соперничество обострили отношенія двухъ современниковъ, давно другъ друга изучившихъ и нечаянно столкнувшихся на Нижегородской почвѣ... Столкновеніе произошло рѣзкое, безпощадное. Страннымъ образомъ роли перемѣнились: старый декабристъ и мистикъ явился въ роли карающаго администратора, а старый солдатъ, враждебный движенію 25 года, теперь явился человѣкомъ оппозиціоннымъ. Старые счеты всплыли между ними, и столкнулись двѣ непреклонныя воли». Въ концѣ концовъ Стремоухову, по Высочайшему повелѣнію, былъ объявленъ выговоръ, а на имя Шереметева изъ министерства Внутреннихъ дѣлъ былъ присланъ конфиденціальный пакетъ, содержаніе котораго осталось неизвѣстнымъ, а его и имѣніе взяли въ опеку. Результатомъ было то, что Шереметевъ «покинулъ навсегда Россію и уже глубокимъ старикомъ поселился въ Женевѣ; тамъ, говорятъ, его встрѣчали въ церкви»... С. В. Шереметевъ, съ «несомнѣннымъ умомъ», былъ «замѣчательной личностью по неутомимой дѣятельности и по непреклонной силѣ воли»; въ то же время это былъ человѣкъ тяжелаго и неудобнаго характера», въ которомъ сохранилась «военная закваска временъ Александра I»... «Военныя достоинства его были извѣстны Императору Александру II, который однажды въ разговорѣ съ своимъ флигель-адъютантомъ С. А. Шереметевымъ, восхваляя эти достоинства его «тезки», приговаривалъ: «C'était un mauvais coucheur»!

С. В. Шереметевъ умеръ 6 Января 1866 г. и погребенъ въ Сергіевой пустыни, близъ Петербурга. Воспитанница его, Юлія Сергѣевна Сергѣева, вышла замужъ за Бориса Алексѣевича Шереметева (1831—1886) [1]).

В. Шереметевскій.

---

1) Полк. архивъ; Арх. м. Вн. д., св. 22, д. 163; Сборн. Нижегор. Арх. Комм., III, 68—73; Р. Стар. 1901/II, 350—353; Ист. Вѣстн., XIX, 468; Барсуковъ, «Родословіе Шереметевыхъ», 13, 14, 23; «Записная книжка» Г. С. Ш., I, 44 и 45; Свѣдѣнія, сообщ. В. В. Шереметевымъ и А. П. Барсуковымъ; см. біографію Бобоѣдова.

Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, 1790—1849, братъ Михаила Петровича, родился 30 Апрѣля 1790 г. и былъ второй сынъ въ семьѣ. Какъ и большинство дворянъ того времени, принадлежавшихъ къ высшему кругу, онъ получилъ хорошее домашнее воспитаніе. Въ отроческихъ годахъ онъ ѣзжалъ съ отцомъ къ извѣстному общественному дѣятелю и писателю Н. И. Новикому, имѣніе котораго, с. Авдотьино Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи, находилось въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Бутурлиныхъ [1]). Быть можетъ, этому знакомству Бутурлинъ обязанъ рано сказавшейся въ немъ любви къ книгамъ.

15 Февраля 1808 г. Бутурлинъ поступилъ въ Ахтырскій гус. полкъ корнетомъ. Наступившій послѣ Эрфуртскаго свиданія миръ былъ непродолжителенъ, и Россія скоро была вынуждена помогать своему новому союзнику, Наполеону, въ его борьбѣ съ Австріей. Собранная подъ начальствомъ кн. Голицына на западной границѣ армія наша, въ составѣ которой находился и Ахтырскій полкъ, перешла Бугъ 23 Мая и вступила въ предѣлы Австріи. Бутурлинъ, участвовавшій въ стычкахъ этого похода, возвратился въ отечество вмѣстѣ съ своимъ полкомъ 27 Октября, и 13 Февраля 1810 г. былъ переведенъ за отличіе въ Кавалергардскій полкъ [2]). Бутурлинъ служилъ во 2-мъ эскадронѣ (Ершова), которому, при выступленіи полка въ походъ, приходилось по жребію обратиться въ запасный. Всѣ хлопоты Бутурлина о переводѣ въ одинъ изъ дѣйствующихъ эскадроновъ остались безуспѣшны, и 26 Марта 1812 г. онъ перешелъ подпоручикомъ въ Свиту Е. И. В. по квартирмейстерской части — учрежденіе, впослѣдствіи переименованное въ Генеральный штабъ. Въ началѣ Августа Бутурлинъ сильно заболѣлъ и потому не могъ участвовать въ Бородинскомъ бою [3]). Участіе въ разныхъ аріергардныхъ дѣлахъ доставило ему 14 Августа чинъ поручика; 22 Сентября того же года онъ получилъ орденъ св. Анны 4 ст.—6 Октября произошло Тарутинское сраженіе, положившее начало бѣгству «Великой арміи». За участіе

---

1) Р. Архивъ, 1873/XI, 2148.

2) Р. Старина, XLV, 210.

3) «Я вчера видѣлъ братца, онъ боленъ, у него уже недѣля какъ продолжается кровавый поносъ и остановить всего лучше краснымъ виномъ, а у нихъ (въ штабѣ) не было; я уже вчера добылъ ему въ полку у насъ 2 бутылки и сегодня послалъ еще бочеточекъ; я очень удивился вчера, видя, что его везутъ на телѣжкѣ, и весьма слабъ, такъ что съ нимъ дѣлаются почти обмороки; поносъ у него проходитъ, но слабость чрезвычайно велика». (Письмо М. П. Бутурлина къ отцу, 10 Августа, изъ лагеря при с. Усвятье; Собраніе П. Я. Дашкова).

въ этомъ дѣлѣ Бутурлинъ былъ награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. Принимая участіе въ преслѣдованіи французовъ до Вильны, онъ находился въ сраженіи при Маломъ Ярославцѣ и въ дѣлѣ при Вязьмѣ. За отличіе въ послѣднемъ въ кампанію этого года дѣлѣ при Вильнѣ онъ былъ награжденъ золотою шпагою и 24 Декабря того же года переведенъ тѣмъ же чиномъ снова въ Кавалергардскій полкъ.

Съ перенесеніемъ въ слѣдующемъ 1813 г. войны за предѣлы Россіи Бутурлинъ участвовалъ въ дѣлахъ «при Гринвальдѣ 18 Августа, при Гейерсбергѣ — 29, при Кульмѣ — 17 Сентября» и, наконецъ, въ «битвѣ народовъ» подъ Лейпцигомъ (4 и 6 Окт.), гдѣ былъ *раненъ* и получилъ орденъ св. Анны 2 ст. Несмотря на рану, онъ находился въ авангардномъ дѣлѣ при Рейнѣ 11 Октября и 23 Октября былъ произведенъ въ шт.-ротмистры.

Кампанія 1814 года застаетъ Бутурлина въ рядахъ союзной арміи; онъ принимаетъ участіе въ авангардныхъ дѣлахъ въ окрестностяхъ города Труа и въ сраженіи при Арси (8 и 9 Марта), за что ему было объявлено Высочайшее благоволеніе. Сраженіемъ при Фершампенуазѣ 13 Марта и боемъ подъ Парижемъ 18-го, во время котораго Бутурлинъ находился на аванпостахъ близъ Эссона, закончились его походные труды [1]). Кампанія 1812 — 1814 гг., помимо уже перечисленныхъ знаковъ отличія, доставила ему еще слѣдующіе иностранные ордена: французскіе — командорскій крестъ Почетнаго легіона и кавалерскій св. Людовика, прусскій — Pour le mérite и баденскій — Церингенскаго льва.

По окончаніи боевой службы, Бутурлинъ, юный штабсъ-ротмистръ, украшенный военными орденами, посвящаетъ себя военно-историческимъ трудамъ, при чемъ, вслѣдствіе полученнаго имъ образованія не будучи въ состояніи литературно излагать свои мысли по-русски, пишетъ на французскомъ языкѣ. Первый его трудъ «Кампанія 1799 г. въ Италіи» обратилъ, какъ говорятъ, на себя вниманіе Жомини; по крайней мѣрѣ сохранилось извѣстіе, будто написанная Жомини, уже въ Россіи, «Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui-même au tribunal de César, d'Alexandre et de Fréderic» составлена при дѣятельномъ сотрудничествѣ Бутурлина.

25 Января 1816 г. Бутурлинъ былъ назначенъ адъютантомъ къ начальнику Главнаго штаба, кн. П. М. Волконскому. Въ томъ же 1816 г. онъ подалъ кн. Волконскому мемуаръ на французскомъ языкѣ, заключавшій въ себѣ теоретическія соображенія относительно обороны южной и западной границъ Россіи.

1 Іюля 1817 г. Бутурлинъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и, уже въ чинѣ ротмистра, сопровождалъ Государя на конгрессъ въ Ахенъ. 13 Марта произведенъ въ полковники. Въ это время Бутурлинъ, задумавъ писать исторію походовъ русскихъ въ XVIII столѣтіи, испросилъ разрѣшеніе собирать матеріалы въ Архивѣ Иностранной коллегіи, и, въ сотрудничествѣ съ прикомандированнымъ къ нему отлично образованнымъ офицеромъ, А. Корниловичемъ [1]), составилъ четырехтомную «Исторію походовъ россіянъ въ XVIII ст.», съ приложеніемъ 1 тома плановъ. И это сочиненіе было изложено Бутурлинымъ по-французски и переведено на русскій языкъ А. Корниловичемъ.

Къ этому времени относятся хлопоты Бутурлина получить мѣсто генералъ-квартирмейстера 2-й арміи. Вскорѣ затѣмъ Бутурлинъ попалъ въ Испанію. Король Фердинандъ VII обратился къ Священному союзу за помощью противъ революціи, и на Веронскомъ конгрессѣ было рѣшено возстановить его права путемъ вооруженнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Испаніи. Бутурлинъ, въ качествѣ военнаго представителя Россіи, былъ прикомандированъ къ экзекуціонной экспедиціи герцога Ангулемскаго, которому было поручено приведеніе въ исполненіе рѣшенія конгресса. Бутурлинъ находился въ Испаніи съ 8 Іюня по 23 Октября 1823 г., и за эту кампанію онъ, въ Ноябрѣ того же года, былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст., а отъ испанскаго короля получилъ орденъ Карла III. Сверхъ того, за отличное исполненіе возложенныхъ на него порученій, 1 Янв. 1824 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ состоять по кавалеріи, а 4 Марта снова причисленъ къ Свитѣ Е. И. В. по квартирмейстерской части [2]).

Въ 1824 году Бутурлинъ женился на дочери тайн. сов. Елисаветѣ Михайловнѣ Комбурлей. Отъ этого брака у него было двое дѣтей: сынъ Петръ Дмитріевичъ, родившійся въ 1826 г. и служившій въ Конной гвардіи, бывшій адъютантомъ у министра Путей сообщенія, гр. Клейнмихеля, и участвовавшій въ Венгерской кампаніи 1849 г., и дочь Анна Дмитріевна, вышедшая замужъ за графа Павла Сергѣевича Строганова, нынѣ статсъ-дама и гофмейстерина при Ея Величествѣ Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

---

[1]) Формуляръ.

[1]) Р. Стар., LXVIII, 504; Р. Арх., 1880/III, 298.
[2]) Формуляръ.

30 Іюня 1824 года состоялось назначеніе Бутурлина генералъ-квартирмейстеромъ 1-й арміи, главнокомандующимъ которой былъ гр. Сакенъ. Бутурлинъ не спѣшилъ къ мѣсту своего назначенія и значительную часть времени проводилъ въ Петербургѣ. Между нимъ и гр. Сакеномъ возникла переписка. Письма Бутурлина, съ Января 1823 г. по конецъ 1828 г., заключаютъ любопытныя подробности о придворныхъ и военныхъ новостяхъ. Сообщая своему начальнику о судѣ надъ декабристами, Бутурлинъ съ удовольствіемъ констатируетъ твердость новаго правительства и его желаніе быть вполнѣ безпристрастнымъ: «Образъ дѣйствія новаго правительства», пишетъ онъ, «отличается такою твердостью, искренностью, величіемъ, что невольно возбуждаетъ удивленіе. Все дѣлается явно, на виду у всѣхъ» [1]). Отвѣчая на одно изъ писемъ Сакена относительно этого же событія, Бутурлинъ выражаетъ глубокую радость по поводу того, что «попытки презрѣнныхъ негодяевъ нарушить стройный порядокъ, господствующій въ 1-й арміи, были столь успѣшно и быстро подавлены... Его Величество», добавляетъ далѣе онъ, «изволилъ говорить со мною объ этомъ событіи и сказалъ, что съ удовольствіемъ видитъ, насколько огромная масса хорошихъ людей превосходитъ число дурныхъ».

Въ Москвѣ, во время коронаціи Николая Павловича, Бутурлинъ получилъ орденъ св. Анны 1 ст. Возвратясь въ Петербургъ, Бутурлинъ просилъ гр. Сакена продлить ему отпускъ, указывая на необходимость окончить собираніе матеріаловъ для задуманной имъ работы. Результатомъ занятій въ архивахъ было появленіе въ 1829 г. «Картины войнъ Россіи съ Турціей въ царствованіе Екатерины II и Александра I», написанной Бутурлинымъ по-французски и переведенной на русскій языкъ Ѳ. Булгаринымъ. Въ слѣдующемъ году было издано продолженіе «Картины войнъ», подписанное Ѳ. Булгаринымъ.

Въ Іюнѣ 1828 г. Бутурлинъ прибылъ, наконецъ, къ мѣсту своей службы, въ г. Могилевъ, но пробылъ тамъ очень недолго. Сославшись на судебный процессъ своей тещи, требовавшій его присутствія въ Петербургѣ, Бутурлинъ взялъ сначала отпускъ на 28 дней, а затѣмъ и совсѣмъ остался въ Петербургѣ для устройства своихъ домашнихъ дѣлъ. «Съ великимъ прискорбіемъ», писалъ онъ Сакену, «долженъ я подчиниться печальной необходимости оставить службу. Мой долгъ отца семейства, долгъ, котораго нельзя преступить безнаказанно, вмѣняетъ мнѣ это въ тяжелую обязанность» [1]). Вмѣсто отставки, Бутурлинъ получилъ 9 Февраля 1829 г. новое назначеніе генералъ-квартирмейстеромъ 2-й арміи, дѣйствовавшей противъ Турокъ. Эта кампанія была послѣдней въ жизни Бутурлина, оставившаго затѣмъ военную службу.

5 Мая онъ участвовалъ въ обложеніи Силистріи, осада которой затянулась на долгое время. Оставивъ достаточное число войскъ для осады этой крѣпости, Дибичъ съ главными силами поспѣшилъ на выручку ген. Рота, на котораго наступали большія непріятельскія массы подъ начальствомъ визиря. Произошло Кулевчинское сраженіе, навлекшее на Бутурлина много непріятностей и послужившее поводомъ къ его отставкѣ. Задуманный планъ окружить визиря, отрѣзавъ его отъ Балкановъ, не удался вслѣдствіе большихъ интерваловъ между отдѣльными частями и медленнаго движенія нашихъ войскъ; въ несчастномъ сраженіи при Эски-Арнаутъ-Ларѣ (5 Мая), предшествовавшемъ Кулевчѣ, отрядъ ген. Отрощенка былъ почти истребленъ. Бутурлинъ былъ обвиненъ Дибичемъ въ ошибочномъ составленіи диспозиціи и оставленіи пострадавшаго отряда безъ поддержки. Впрочемъ, Бутурлину удалось оправдаться, и онъ, ссылаясь на разстроенное здоровье, просилъ объ увольненіи отъ занимаемой должности. Представляя Государю рапортъ о Кулевчинскомъ сраженіи, Дибичъ ходатайствовалъ о назначеніи Бутурлина сенаторомъ. «Съ тѣмъ же курьеромъ, Ваше Императорское Величество», писалъ Дибичъ, «получите мое представленіе о Бутурлинѣ. Мнѣ весьма жаль его лишиться; онъ за все это время обнаружилъ много усердія и честности. Онъ проситъ меня, какъ милости, уволить его отъ должности квартирмейстера, чувствуя, что его физическія силы не дозволяютъ ему исполнять оную такъ, какъ онъ желалъ бы, и какъ того служба требуетъ... Осмѣливаюсь испрашивать, какъ особой милости, назначенія Бутурлина въ Сенатъ; примѣръ подобнаго назначенія представляетъ ген. П. Нейгардтъ» [2]). Ходатайство Дибича не было уважено. Получивъ 1 Іюня 1829 г. орденъ св. Владиміра 2 ст., Бутурлинъ сдалъ свою должность ген. Бергу и возвратился въ Петербургъ. «Бутурлинъ пріѣхалъ противу желанія», писалъ Закревскому находившійся въ это время въ дѣйствующей арміи П. Д. Киселевъ, «и съ восхищеніемъ возвращается въ домъ свой» [3]).

---

[1]) В. Уч. арх.; Письма къ Сакену, № 2, стр. 7.

[1]) Письма къ Сакену, № 28, стр. 85.
[2]) Р. Старина, XXXII, 158.
[3]) Сборникъ, LXXIII, 170.

Въ концѣ 1829 г. Бутурлинъ подалъ въ отставку, и 4 Января 1830 г. уволенъ по домашнимъ обстоятельствамъ отъ службы, съ мундиромъ и пенсіономъ 1/3 жалованья. Въ Августѣ того же года онъ уѣхалъ съ семействомъ въ Италію [1]).

По возвращеніи изъ-за границы, начинается служба Бутурлина въ гражданскихъ чинахъ. Переименованный Высочайшимъ указомъ 14 Мая 1833 г. изъ генералъ-майоровъ въ тайные совѣтники, 18 Мая того же года онъ былъ назначенъ сенаторомъ; 1 Января 1839 г. пожалованъ орденомъ Бѣлаго Орла; 6 Дек. 1840 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и 24 Окт. 1843 г. назначенъ директоромъ Императорской Публичной библіотеки, съ оставленіемъ въ прежнихъ званіяхъ. Однимъ изъ первыхъ распоряженій новаго директора было открытіе библіотеки для ежедневныхъ занятій, тогда какъ раньше она была открыта только 3 раза въ недѣлю, и запрещеніе вечернихъ занятій съ лампами.

Въ это время Бутурлинымъ написана трехтомная «Исторія смутнаго времени» — единственное сочиненіе, написанное авторомъ на русскомъ языкѣ. 1-го Янв. 1845 г. онъ пожалованъ былъ орденомъ св. Александра Невскаго, а въ 1846 г. произведенъ въ дѣйств. тайные совѣтники [2]).

Февральская революція 1848 г., отголосокъ которой раздался по всей Европѣ, причинила немало тревоги и безпокойства нашему правительству, которое рѣшилось оградить русское общество отъ революціонныхъ идей, не останавливаясь ни передъ какими мѣрами, и открыто стало на путь реакціи. «Не даромъ говорится», пишетъ современникъ, «что страхъ есть худой совѣтникъ; и когда, подъ вліяніемъ такого страха, стали думать о томъ, какъ предохранить Россію отъ революціоннаго повѣтрія, то забыли, что тѣ причины, которыми были вызваны февральскіе дни въ Парижѣ и мартовскіе въ Берлинѣ, у насъ не существовали и, благодареніе Богу, и существовать не могли, а между тѣмъ предпринятыя, по совѣту этого страха, реакціонныя мѣры оказали глубокое, продолжительное и неблагопріятное вліяніе на развитіе нашей народной жизни» [3]). Однимъ изъ сторонниковъ такихъ крайнихъ мѣръ былъ Бутурлинъ, выступившій даже съ проектомъ закрытія университетовъ. «Третьяго дня, въ 7 часовъ утра», записалъ гр. П. А. Валуевъ въ своемъ дневникѣ, «гр. Віельгорскій привезъ извѣстіе о Берлинской катастрофѣ. Вверху всѣ въ крайнемъ смущеніи... Наши псевдогосударственные мужи не знаютъ, за что взяться. Другіе придумываютъ сумасбродныя распоряженія. Д. П. Бутурлинъ совѣтуетъ закрыть всѣ университеты и гимназіи» [1]).

Реакція вылилась и достигла своего апогея въ возникшемъ по иниціативѣ барона М. А. Корфа «особомъ комитетѣ». Въ поданной Цесаревичу докладной запискѣ Корфъ настаивалъ на необходимости подвергнуть особой цензурѣ наши періодическія изданія, которыя, «пользуясь малоразумѣемъ тогдашней цензуры, позволяли себѣ печатать Богъ знаетъ что и, по проповѣдуемымъ подъ разными иносказательствами, но очень прозрачными для посвященныхъ формами, коммунистическимъ идеямъ могли сдѣлаться небезопасными для общественнаго спокойствія». Подобная же записка «о либерализмѣ, коммунизмѣ и соціализмѣ, господствующемъ въ цензурѣ и во всемъ министерствѣ Народнаго Просвѣщенія», по внушенію того же барона Корфа, была подана Государю бывшимъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа гр. Строгановымъ, желавшимъ повредить въ мнѣніи Государя своему врагу, министру Народнаго Просвѣщенія гр. Уварову. Результатомъ этихъ докладовъ было учрежденіе въ концѣ Февраля особаго временнаго комитета, состоявшаго, подъ предсѣдательствомъ кн. Меншикова, изъ ген.-ад. гр. А. Г. Строганова, Д. П. Бутурлина, барона Корфа, статсъ-секретаря Дегая и начальника штаба корпуса жандармовъ Дубельта и облеченнаго самыми широкими цензурными полномочіями. Въ такомъ составѣ комитетъ просуществовалъ съ небольшимъ мѣсяцъ и 2-го Апрѣля былъ преобразованъ въ постоянное учрежденіе, состоявшее, подъ предсѣдательствомъ Бутурлина, изъ статсъ-секретарей Корфа и Дегая и получившее названіе «Негласнаго Комитета 2 Апрѣля». Членамъ Комитета поручалось просматривать всѣ вышедшія и уже подвергшіяся цензурѣ произведенія печати, отмѣчать упущенія цензоровъ и ихъ начальства, т.-е. министерства Народнаго Просвѣщенія, и дѣлать обо всемъ этомъ докладъ Государю. Высочайшія резолюціи на докладахъ конфиденціально препровождались прямо къ министру Народнаго Просвѣщенія для исполненія: авторовъ предосудительныхъ, съ точки зрѣнія членовъ Комитета, произведеній и цензоровъ, пропустившихъ ихъ въ печать, ждала серіозная кара.

Хотя объ учрежденіи Комитета не было сообщено въ законодательномъ порядкѣ, однако, слухъ о немъ быстро проникъ въ

---

[1]) Письма къ Сакену, № 33.
[2]) Формуляръ.
[3]) Р. Старина, XCVII, 8.

[1]) Р. Старина, LXX.

общество, и когда выяснился духъ этого учрежденія, среди литераторовъ и издателей распространилась настоящая паника. Люди различныхъ направленій, взглядовъ и убѣжденій единогласно сходятся въ оцѣнкѣ дѣятельности Комитета, получившаго, по имени предсѣдателя, названіе «Бутурлиновскаго», и тѣхъ условій, въ которыя была поставлена наша печать, называя это печальнѣйшее время въ исторіи нашего просвѣщенія эпохой цензурнаго террора [1]). «Комитетъ прямо обвинялъ, кого находилъ нужнымъ, въ распространеніи преступныхъ идей, не требуя объясненій отъ обвиняемыхъ, не дѣлая запросовъ министру Просвѣщенія, не приглашая его въ свои засѣданія, не сносясь съ нимъ, налагая карательныя мѣры на основаніи своихъ докладовъ» [2]). «Бутурлинъ дѣйствуетъ въ качествѣ предсѣдателя какого-то высшаго, негласнаго Комитета по цензурѣ», записалъ Никитенко въ своемъ дневникѣ, «и дѣйствуетъ такъ, что становится невозможнымъ что бы то ни было писать и печатать» [3]). Трудно себѣ и представить, конечно, чтобы этотъ Комитетъ, который самъ его иниціаторъ, баронъ Корфъ, называетъ «какимъ-то наростомъ въ нашей администраціи» [4]), могъ дѣйствовать иначе, усиливаясь найти что-либо запретное въ произведеніяхъ печати, уже прошедшихъ горнило весьма строгой и придирчивой цензуры. При такихъ условіяхъ, чтобы оправдать самое существованіе Комитета, его члены должны были обращать особое вниманіе не на «видимую цѣль» автора, какъ то предписывалось неотмѣненнымъ цензурнымъ уставомъ, но на предполагаемую, и читать между строкъ» [5]). Впрочемъ, и сами члены Комитета не сознавали ясно, въ чемъ заключаются ихъ обязанности. Самъ Бутурлинъ, по разсказамъ кн. Меншикова, «былъ въ большихъ попыхахъ и признавался, что находится въ затруднительномъ положеніи, ибо не можетъ себѣ дать отчета, въ чемъ должна состоять обязанность Комитета, котораго онъ былъ предсѣдателемъ» [6]). О характерѣ Бутурлина и его образѣ мыслей въ эту эпоху свидѣтельствуетъ слѣдующій разсказъ гр. Блудовой. Отецъ разскащицы, бывшій въ большой дружбѣ съ Бутурлинымъ, подъ конецъ, въ 1848 г., совершенно разошелся съ нимъ въ мнѣніяхъ относительно цензуры, такъ какъ Бутурлинъ былъ сторонникомъ самыхъ крайнихъ мѣръ. Такъ, онъ предлагалъ вычеркнуть изъ акаѳиста Божьей Матери нѣсколько строкъ, осуждающихъ дурныхъ правителей, находя, что эти строки революціонны. На замѣчаніе собесѣдника, что акаѳистъ сочиненъ св. Дмитріемъ Ростовскимъ, котораго никто не считалъ за революціонера, Бутурлинъ не обратилъ вниманія. Когда же изъ разговора выяснилось, что подобныя же мѣста можно найти и въ Евангеліи, Бутурлинъ, переходя въ шуточный тонъ, замѣтилъ, что, еслибы Евангеліе не было такъ распространено, то и въ немъ слѣдовало бы сдѣлать необходимыя цензурныя поправки [1]).

5 Апрѣля 1849 г. Бутурлинъ получилъ алмазные знаки къ ордену св. Александра Невскаго [2]), а 9 Октября его уже не было въ живыхъ. Онъ погребенъ въ Духовской церкви Александро-Невской лавры.

Бутурлинъ имѣлъ 813 душъ родовыхъ въ Коломенскомъ у. Московской губ., Старицкомъ у. Тверской губ., Ряжскомъ, Зарайскомъ и Егорьевскомъ уѣздахъ Рязанской губ. и благопріобрѣтенныхъ 92 души въ Александровскомъ у. Екатеринославской губ., дачу на Каменномъ островѣ и 1695 дес. въ Тавастгустской губ. За женою его состояло до 5000 душъ въ Сумскомъ у. Харьковской губ., Мелитопольскомъ у. Таврической губ. и Александровскомъ у. Екатеринославской губерніи.

Военно-историческія сочиненія Бутурлина не имѣли научнаго значенія и давно всѣми позабыты [3]); но «Бутурлиновскій» комитетъ,

---

[1]) Ист. Вѣстникъ, XII, 354.
[2]) Тамъ же, XL, 307.
[3]) Р. Старина, LXV, 386.
[4]) Ист. Вѣстникъ, 1899/X, 189.
[5]) Тамъ же, XII, 354.
[6]) Тамъ же, 1899/X, 190.

[1]) Р. Архивъ, 1874/I, 726 и 727. Разсказъ перепечатанъ въ Ист. Вѣстн., 1899/X, 190 и 191.
[2]) Формуляръ.
[3]) Послѣ Д. П. Бутурлина остались слѣдующія сочиненія:
1) Военн. исторія походовъ Россіянъ въ XVIII ст. Изд. при Главномъ Штабѣ Е. И. Вел. Въ 4 томахъ. Соч. на фр. яз. флигель-адъютантомъ Е. И. Вел. Д. Бутурлинымъ. Спб. 1819—1823. 8⁰ Ц. 20 руб. Съ франц. перев. А. Хатовымъ и А. Корниловичемъ.
2) Планы и карты къ военной исторіи походовъ Россіянъ въ XVIII ст. Гравированы и печатаны при Главн. Штабѣ Е. И. Вел. Спб., S. a. 4⁰.
3) Исторія нашествія Наполеона на Россію въ 1812 г., съ оффиціальныхъ документовъ и др. достовѣрныхъ бумагъ россійскаго и французскаго генеральн. штабовъ, пер. съ фр. г.-майоръ А. Хатовъ; 2 части. Спб., 1823-24, 8⁰. Отрывки изъ этого сочиненія были напечатаны въ «Сынѣ Отечества», 1822, ч. I.
а) То же. Изд. 2-е, Александра Смирдина. Спб., 1837-1838, 8⁰. Ц. 7 р. 15 коп.
4) Картины войнъ Россіи съ Турціей въ царствованія Императрицы Екатерины II и Александра I. 2 части. Пер. съ фр. Изд. Н. Греча. Спб., 1829 г., 8⁰. 3 часть сост. Ѳ. Булгаринымъ.
5) Картина осенняго похода 1813 г. въ Германіи, послѣ перемирія до обратнаго перехода французской арміи чрезъ Рейнъ. Соч. г.-майора Д. П. Бутурлина, служ. продолженіемъ Исторіи нашествія Императора Наполеона на Россію; пер. съ фр.; съ топограф. картою окрестностей Лейпцига, планомъ Лейпциг-

незавидно прославившій его имя, нанесъ существенный, чувствуемый донынѣ ущербъ русскому просвѣщенію.

Н. Совѣтовъ.

Константинъ Васильевичъ Левашевъ 2-й, 1785 — 1813, младшій братъ графа В. В. Левашева, началъ службу въ 1804 г., 25 Января, юнкеромъ въ департаментѣ министерства юстиціи; въ слѣдующемъ году, 29 Марта, поступилъ въ Бѣлорусскій гус. полкъ и 26 Ноября 1806 г. произведенъ въ корнеты. Участвовалъ въ Турецкой войнѣ: въ дѣлахъ при Урженицѣ (11 Дек. 1806 г.), Турбатѣ (5 Марта 1807 г.), за которое награжденъ орд. св. Анны 4 ст., при осадѣ Журжи и Измаила, въ сраженіи при Обилешти (2 Іюня), гдѣ награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст., и при блокадѣ Силистріи; 12 Іюля 1810 г. переведенъ въ кавалергарды; 14 Января 1813 г. произведенъ въ поручики и 20 Февраля того же года въ шт.-ротмистры. Левашевъ участвовалъ съ полкомъ въ Отечественной войнѣ и за Бородино награжденъ золотой шпагой. *Умеръ* 15 Мая 1813 г. *отъ ранъ,* полученныхъ при Маломъ Ярославцѣ (12 Окт. 1812 г.) [1]).

Федоръ Васильевичъ Слѣпневъ, 1780—, изъ дворянъ Московской губ., гдѣ за отцомъ его, въ Бронницкомъ уѣздѣ, состояло 12 душъ крестьянъ; въ службу вступилъ 22 Ноября 1798 г. унт.-офицеромъ въ Кирасирскій Каменева полкъ, гдѣ 8 Февраля 1799 г. эст.-юнкеромъ, и 12 Ноября того же года корнетомъ въ Кирасирскій Чернышева (послѣ гр. де-Ламберта) полкъ, по расформированіи котораго переведенъ 9 Марта 1800 г. въ Тверской драг. полкъ, гдѣ въ 1802 г. шефскимъ адъютантомъ, въ 1804 г. подпоручикомъ, въ 1808 г., 11 Февраля поручикомъ, а 2 Іюня адъютантомъ къ гр. Каменскому 1-му; 14 Апрѣля 1810 г. переведенъ въ Стародубовскій кирас. полкъ; 12 Августа 1810 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, съ оставленіемъ адъютантомъ, и 20 Февраля 1813 г. произведенъ шт.-ротмистромъ. 13 Января 1816 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе гр. Каменскому отослать Слѣпнева на службу въ полкъ и обойти производствомъ; 10 Февраля онъ зачисленъ налицо, а 13 Апрѣля того же года переведенъ майоромъ въ Серпуховскій ул. полкъ.

Участвовалъ въ дѣлахъ: при Татарищѣ (Раузницѣ?) 8 Ноября и подъ Аустерлицемъ; въ Турецкихъ кампаніяхъ: при с. Капитанъ-Махмутѣ (23 и 24 Мая 1807 г.) и награжденъ орд. св. Анны 4 ст.; «при штурмѣ Браиловскихъ ретраншаментовъ» (20 Апр. 1809 г.). Въ 1809 году Слѣпневъ находился при занятіи кр. Тульчи (2 Авг.) и «при удержаніи твердой позиціи при г. Кюстенджи съ 25 Сентября по 12 Ноября», въ 1810 г. при штурмѣ Базарджика (22 Мая) и награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ; въ двухдневномъ сраженіи при Шумлѣ 11 и 12 Іюня находился «съ охотниками и стрѣлками» и награжденъ орд. св. Анны 2 ст., а за отличіе въ сраженіи подъ Шумлою 23 Іюля переведенъ тѣмъ же чиномъ въ кавалергарды. Въ Отечественную войну онъ участвовалъ въ сраженіи при Городечнѣ (31 Іюля). Съ Серпуховскимъ полкомъ Слѣпневъ участвовалъ въ Кавказской войнѣ въ экспедиціи кн. Эристова въ Чарское владѣніе (съ 9 Дек. 1826 г. по 1 Янв. 1827 г.), а затѣмъ командовалъ (по 13 Мая 1828 г.) Своднымъ полкомъ 2-й бриг. 2-й Уланск. дивизіи въ отрядѣ полк. кн. Бековича-Черкасскаго, находившемся въ Кахетіи.

Слѣпневъ показанъ «больнымъ при полку съ 1 Декабря 1828 г.»; 9 Января 1829 г. произведенъ въ подполковники и 22 Февраля того же года уволенъ отъ службы за болѣзнью, съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ [1]).

Князь Иванъ Федоровичъ Голицынъ, 1789 — 1835, былъ сынъ извѣстнаго мецената князя Федора Николаевича, куратора Московскаго университета (1751 — 1827), отъ второго его брака съ княгиней Варварой Ивановной Волконской, рожденной Шиповой. Князь Голицынъ началъ военную службу въ 1805 г. колонновожатымъ, а въ 1807 г. произведенъ въ прапорщики въ Свиту Е. И. В. по квартирмейстерской части; въ слѣдующемъ 1808 г. произведенъ въ подпоручики и въ этомъ же году откомандированъ въ Молдавскую армію кн. Прозоровскаго. Кн. Голицынъ принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ этой кампаніи и выказалъ незаурядную храбрость. 16 Апрѣля 1809 г., во время поиска за Дунаемъ

скаго сраженія и картою театра войны за независимость Германіи. Спб., 1830, 8⁰. Отрывки были напечатаны въ «Славянинѣ», тт. 13, 14 и 15.

6) Исторія смутнаго времени въ Россіи, въ нач. XVII в., 3 части. Спб., 1839. Типографія А. Смирдина, 8⁰. Часть 1-я. Ц. 8 р. 50 к. Часть 2-я. 1841 г. Тип. А. Бардина и К. Часть 3-я. 1846 г. Тип. К. И. Жернакова, 23.

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1811 г., кн. 1; Руммель и Голубцовъ, I, 533.

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1828 г., кн. 9210.

къ Мачинскому укрѣпленію, былъ *раненъ* въ ногу пулей; за участіе въ сраженіи при Татарищѣ (10 Октября) награжденъ орд. св. Анны 3 ст.; въ Маѣ слѣдующаго 1810 г. участвовалъ въ осадѣ и взятіи Силистріи; награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ за храбрость, выказанную имъ при отраженіи непріятельской вылазки изъ Шумлы. Участвуя вмѣстѣ съ охотниками въ штурмѣ Рущука, бывшемъ въ началѣ Августа, Голицынъ былъ *раненъ* картечью въ лѣвое плечо. Въ Сентябрѣ того же года, находясь уже въ Москвѣ по «препорученіямъ гр. Каменскаго» (главнокомандующаго), онъ былъ переведенъ въ Кавалергардскій полкъ и получилъ приказаніе немедленно явиться къ полку. Но князь Голицынъ не могъ по болѣзни тотчасъ исполнить приказанія. Во время своей болѣзни онъ былъ произведенъ въ поручики, а въ 1811 году назначенъ адъютантомъ къ командовавшему резервными войсками кн. Лобанову-Ростовскому и потому не принималъ участія въ походахъ 1812—1814 гг.; въ 1813 г. за отличіе произведенъ въ ротмистры; въ Іюнѣ 1815 г. переведенъ въ Бѣлорусскій (пр. Оранскаго) гусарскій полкъ подполковникомъ, а въ Октябрѣ того же года уволенъ для «излѣченія болѣзни» на Пирмонтскія воды, гдѣ и пробылъ до Ноября 1817 г., когда снова явился къ полку. 25 Декабря 1822 г. уволенъ отъ службы «за ранами полковникомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья».

Въ Октябрѣ 1831 г. кн. Голицынъ снова поступилъ на службу директоромъ секретной части канцеляріи Московскаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына, съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи подполковникомъ и въ 1832 г. произведенъ въ полковники. Состоя въ этой должности, онъ «весьма важныя и трудныя порученія исполнялъ своевременно и безъ всякихъ упущеній», за что въ 1834 г. награжденъ орд. св. Станислава 3-й ст., а въ Сентябрѣ того же года орд. св. Анны 2 ст., украшеннымъ Импер. короной. Въ голодный 1833 г. князь Голицынъ вмѣстѣ съ своими братьями сдѣлалъ крупное пожертвованіе въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, за что и удостоился получить Высочайшее благоволеніе. Умеръ 18 Сентября 1835 г. и похороненъ въ своемъ имѣніи, с. Ново-Михайловскомъ Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда.

Былъ холостъ. За нимъ числилось въ общемъ владѣніи съ братомъ, кн. Михаиломъ, въ Тульской и Владимірской губб. 2422 души крестьянъ [1]).

Дмитрій Евлампіевичъ Башмаковъ, 1792—1835, изъ дворянъ Казанской губерніи, родился 31 Августа 1792 г., былъ сынъ Казанскаго прокурора Евлампія Михайловича (1760—1816) и Анны Алексѣевны, рожденной Вагнеръ, окончившей курсъ Смольнаго института въ первомъ выпускѣ отъ его основанія.

Получивъ домашнее образованіе, Башмаковъ 2 Марта 1809 г. поступилъ въ Кава-

лергардскій полкъ юнкеромъ; въ 1810 г. произведенъ въ эст.-юнкера и 9 Іюня 1811 г. въ корнеты, въ 1813 г., 20 Февраля въ поручики, 23 Сентября того же года въ шт.-ротмистры, въ 1818 г. въ ротмистры и въ 1819 г. въ полковники. Во время Отечественной войны Башмаковъ сначала со-

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1822 г., кн. 4694; 1834 г., кн. 1314/2; «Родъ кн. Голицыныхъ», 185.

стоялъ «чиновникомъ» (ординарцемъ) при Барклаѣ-де-Толли, участвовалъ въ сраженіяхъ при Витебскѣ (14 Іюля) и Смоленскѣ (4, 5 и 6 Августа), за что былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Въ грамотѣ на этотъ орденъ значится: «Вы, бывъ посыланы съ частью казаковъ для воспрепятствованія на лѣвомъ флангѣ переправѣ части непріятельской кавалеріи, не допустили оную и мужественно прогнали за рѣку». За отличіе въ Бородинскомъ сраженіи Башмаковъ получилъ орденъ св. Анны 4 ст., при чемъ въ грамотѣ и на этотъ орденъ было отмѣчено, что «во всѣхъ атакахъ мужествомъ и храбростью своею онъ поощрялъ нижнихъ чиновъ къ пораженію непріятеля». 9 Октября 1812 г. Башмаковъ былъ назначенъ адъютантомъ къ кн. Д. В. Голицыну; 5 и 6 Ноября участвовалъ въ сраженіи подъ Краснымъ, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст.

Въ кампаніи 1813 г. онъ снова участвовалъ въ цѣломъ рядѣ сраженій (Люценъ, Бауценъ, Дрезденъ), награжденъ золотымъ оружіемъ за Кульмскій бой, «во все время котораго», какъ сказано въ грамотѣ на эту награду, «развозилъ приказанія въ опасныя мѣста и съ неустрашимостью вводилъ разстроенныхъ людей въ дѣло, поощряя ихъ къ пораженію непріятеля». Въ сраженіи подъ Лейпцигомъ Башмаковъ снова отличился: по свидѣтельству князя Голицына, во все время сраженія онъ вмѣстѣ съ другимъ кавалергардомъ, Неклюдовымъ, мужественно проѣзжалъ подъ сильнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ и «исполнялъ съ точностью при учиненной 2-ю дивизіею при дер. Пробстъ-Гейдѣ атакѣ по должности своей, исправлялъ разстроенные отъ сильнаго огня ряды и вводилъ оные въ свои мѣста и тѣмъ способствовалъ успѣху дѣла». За это же сраженіе онъ получилъ орденъ «Pour le mérite», а затѣмъ и похвальный листъ за храбрость, подписанный въ походѣ прусскимъ королемъ. Въ послѣдующемъ періодѣ той же кампаніи, въ 1814 г., онъ принималъ участіе въ сраженіяхъ при Бріенѣ, Шалонѣ, Лаферте (съ вюртембергскими войсками), Арсисъ-сюръ-Объ (съ баварскими), Фершампенуазѣ и, наконецъ, былъ при взятіи Парижа.

Въ 1815 г. въ Казани былъ сильный пожаръ, отъ котораго отецъ Башмакова понесъ убытку около 110 т. р.

Въ Ноябрѣ 1817 г. Башмаковъ былъ отчисленъ во фронтъ и въ 1819 г. произведенъ въ ротмистры, а въ слѣдующемъ году въ полковники и назначенъ командиромъ 6-го эскадрона, а затѣмъ «имени своего» (2-й эск.). Лѣтомъ 1820 г. онъ поѣхалъ лѣчиться за границу, при чемъ Государь «позволилъ ему пробыть столько времени за границею, сколько будетъ нужно для излѣченія», и, по словамъ гр. М. Д. Бутурлина, весною 1821 года онъ былъ во Флоренціи и продолжалъ затѣмъ путешествіе въ южную Италію. Во время занятія Неаполя австрійцами, онъ имѣлъ тамъ дуэль съ австрійскимъ офицеромъ кн. Вальдекомъ, неизвѣстно по какому поводу, при чемъ былъ опасно раненъ пулею въ бокъ.

23 Января 1824 г. Башмаковъ женился на внучкѣ Суворова, княжнѣ Варварѣ Аркадьевнѣ Суворовой [1]), и черезъ два года послѣ этого (13 Апр. 1825 г.) былъ уволенъ къ статскимъ дѣламъ, переименованъ въ дѣйств. статскіе совѣтники и пожалованъ камергеромъ, съ назначеніемъ чиновникомъ особыхъ порученій къ Новороссійскому генералъ-губернатору гр. Воронцову. Вигель въ своихъ «Запискахъ» отзывается о «молодомъ красавчикѣ» Башмаковѣ, котораго зналъ въ этотъ періодъ его жизни, что «трудно было сыскать человѣка самонадѣяннѣе, упрямѣе и непонятливѣе Башмакова, котораго, между прочимъ, кто-то въ Одессѣ прозвалъ brise-raison».

Миртовая вѣтвь, подаренная Башмакову Императоромъ Александромъ I.

Однако, мы имѣемъ о немъ и другія свѣдѣнія, которыя въ иномъ свѣтѣ рисуютъ его, какъ человѣка и какъ общественнаго дѣятеля Таврической губерніи.

Башмаковъ посѣтилъ Крымъ въ 1824 г. Плѣнившись красотами южнаго берега, онъ рѣшилъ поселиться здѣсь навсегда и купилъ себѣ возлѣ Никитскаго сада имѣніе Мшатку (около 500 дес.). Въ 1825 г. онъ сопровождалъ Императора Александра въ его поѣздкѣ по Крыму. Въ семьѣ Башма-

---

[1]) Варвара Аркадьевна овдовѣла въ 1835 г. и вышла затѣмъ замужъ за кн. Андрея Ивановича Горчакова.

ковыхъ хранится миртовая вѣтвь, подаренная Александромъ Павловичемъ Башмакову 26 Октября 1825 г. въ Никитскомъ саду. По семейному преданію, Государь передалъ эту вѣтвь «въ знакъ добрососѣдскихъ отношеній», такъ какъ высказалъ при этомъ намѣреніе поселиться навсегда въ Никитскомъ саду.

Въ Мшаткѣ Башмаковъ началъ строить большой красивый домъ, при чемъ всѣ матеріалы, кромѣ камня и лѣса, приходилось доставлять черезъ горы, не имѣвшія еще дорогъ, а работниковъ выписывать изъ внутренней Россіи. Несмотря на большія препятствія и затраты, постройка была окончена въ годъ, и Башмаковъ поселился въ своемъ домѣ, послѣ чего принялся за виноградныя плантаціи, посадивъ около 50/т. лозъ. Такъ прожилъ онъ въ своемъ имѣніи безвыѣздно два года. По отзыву одного изъ знавшихъ его лицъ [1]), «въ короткое время Мшатка изъ пустыни преобразилась въ Эдемскій садъ и сдѣлалась гостепріимнымъ пріютомъ для всѣхъ странниковъ»... Теперь южный берегъ Крыма уже весьма населенъ и довольно обработанъ: симъ обязаны мы, кромѣ благотворнаго вліянія и примѣра нашего генералъ-губернатора, конечно, большею частью первымъ поселенцамъ, отважно перенесшимъ всѣ тягости пустынной жизни, въ числѣ которыхъ Башмаковъ былъ однимъ изъ главныхъ» [2]).

Не ограничиваясь этимъ, онъ купилъ въ степи большія земли и перевелъ туда крестьянъ изъ Россіи. Въ это время попечителемъ колонистовъ южнаго края Россіи былъ генералъ Инзовъ, къ которому въ 1829 г. Башмаковъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій; въ 1830-хъ же годахъ въ попечительномъ комитетѣ о тѣхъ же колонистахъ онъ состоялъ непремѣннымъ членомъ. Изъ «семейнаго списка» Башмакова видно, что въ Октябрѣ 1832 г. онъ былъ уже однимъ изъ крупныхъ помѣщиковъ Таврической губ. (Евпаторійск. у.), такъ какъ, кромѣ 230 душъ крестьянъ въ Казанской губ., Спасскаго уѣзда, онъ имѣлъ 25 душъ на южномъ берегу, при дер. Чобаторъ, что нынѣ Дмитріева, строеніе «съ разными обзаведеніями, фруктовымъ садомъ въ 10/т. деревъ, виноградникомъ въ 120/т. кустовъ, кои даютъ дохода 10/т. рублей; въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, при дер. Чобаторъ, Чорманъ и Камышли 5/т. десят. съ разными постройками, конскимъ заводомъ, овцеводствомъ «шлипанской» и простой породы», приносившихъ вообще дохода 6/т. рублей.

Видъ дома въ Мшаткѣ.

Оцѣнивъ полезные труды Башмакова по устройству внутренняго хозяйства Крыма, мѣстное дворянство въ Декабрѣ 1832 года избрало его своимъ губернскимъ предводителемъ. Ради этой должности ему пришлось оставить коронную службу. Онъ переѣхалъ въ Симферополь и здѣсь купилъ себѣ домъ, въ которомъ и поселился. По семейнымъ преданіямъ, художникъ И. К. Айвазовскій обязанъ былъ Д. Е. Башмакову развитіемъ своего таланта. Сынъ бѣдныхъ армянъ, талантливый мальчикъ рисовалъ на стѣнахъ дома Башмакова; послѣдній вмѣстѣ съ губернаторомъ Нарышкинымъ и сенаторомъ Казначеевымъ обратили вниманіе на маленькаго Айвазовскаго (Гайвазовскаго), котораго они привезли въ Петербургъ и помѣстили на казенный счетъ въ Академію художествъ. Впослѣдствіи знаменитый художникъ всегда хранилъ благодарную память къ Д. Е. Башмакову и его женѣ.

Повидимому, Башмаковъ зарвался въ своихъ сельскохозяйственныхъ предпріятіяхъ, ибо въ 1833 году обратился къ Государю съ письмомъ, въ которомъ испрашивалъ ссуду въ 75/т. руб. на 10 лѣтъ.

Въ бѣдственный 1833 г. Башмаковъ вполнѣ раздѣлялъ труды губернскаго начальства къ возможному пособію страждущимъ. Онъ занимался устройствомъ одной части дороги, пролагавшейся по южному берегу Крыма. Вскорѣ затѣмъ онъ составилъ планъ дворянскаго дома въ Симферополѣ, съ проектомъ пріобрѣтенія необходимыхъ для того суммъ, и сдѣлалъ проектъ для учрежденія здѣсь общества сельскаго хозяйства. Призванный въ 1834 г. въ Петербургъ для присутствованія при открытіи памятника Императору Александру, онъ и тамъ неутомимо ходатайствовалъ о нуждахъ Крыма, привлекая туда новыхъ поселенцевъ. Въ Ноябрѣ Башмаковъ возвратился въ Симферополь и по пути сюда узналъ объ опасной болѣзни жены

---

[1]) Письмо въ Одессу; Одесскій Вѣстникъ 1835 г., № 7.

[2]) Въ одномъ изъ писемъ (4 Сент. 1830 г.) къ кн. Ал. Ник. Голицыну сенаторъ М. П. Штеръ съ восторгомъ описывалъ прелести Мшатки и ея хозяина, «съ душою благороднаго рыцаря, положившаго латы и мечъ за прагомъ сельскаго уединенія».

послѣ родовъ; ей стало легче, но вскорѣ онъ получилъ извѣстіе о большихъ безпорядкахъ, происшедшихъ въ его отсутствіе въ одномъ изъ его имѣній, а затѣмъ и о кончинѣ матери, жившей въ Мшаткѣ. Всѣ эти неожиданныя душевныя потрясенія, несомнѣнно, повліяли на его здоровье, и въ концѣ Декабря онъ серіозно захворалъ: у него оказалось воспаленіе мозга, перешедшее затѣмъ въ нервную горячку, отъ которой онъ и скончался въ ночь на 3 Января 1835 г. Башмаковъ погребенъ въ Симферополѣ, въ Старомъ соборѣ.

У Башмакова были дѣти: Александръ (1825—1888), Аркадій (1826—1880), кавалергардъ, Марія (1828—1897), въ замужествѣ за А. Д. Батуринымъ, Елена (1829—1899), въ замужествѣ за граф. А. Е. Канкринымъ, Сергѣй (1831—1877) и Михаилъ (1834—1836) [1]).

В. Жерве.

Павелъ Петровичъ Ланской 2-й, 1792—1873, второй братъ Сергѣя Петровича, 1 Іюля 1809 г. поступилъ изъ закорпусныхъ пажей юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; въ 1810 г. произведенъ въ эст.-юнкера, 12 Іюля 1811 г. въ корнеты, 20 Февр. 1813 г. въ поручики и 23 Сент. въ шт.-ротмистры, въ 1817 г. въ ротмистры, въ 1820 г. въ полковники; 15 Дек. 1825 г. назначенъ флиг.-адъютантомъ; 29 Сент. 1828 г. произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 1-й Кирасирской дивизіи; въ 1830 г. назначенъ начальникомъ резервныхъ эскадроновъ гвардейской кавалеріи и въ томъ же году (15 Дек.) командиромъ Образцоваго кавалерійскаго полка; 17 Апр. 1837 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ начальникомъ 1-й Легкой кавалерійской дивизіи и завѣдующимъ Образцовымъ кавалерійскимъ полкомъ; 24 Окт. 1848 г. назначенъ командиромъ Гвардейскаго резервн. кавалер. корпуса; 30 Марта 1849 г. уволенъ за болѣзнью отъ службы, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья, а чрезъ мѣсяцъ (13 Мая) вновь поступилъ на службу, съ назначеніемъ состоять въ распоряженіи главнокомандующаго дѣйствующею арміею. 13 Іюня Ланской прибылъ въ главную квартиру Паскевича; 12 Сентября былъ прикомандированъ ко 2-му Резервному кавалер. корпусу, «для пріобрѣтенія свѣдѣній и опытности по управленію войсками по части военныхъ поселеній», а 25 Сент. назначенъ завѣдующимъ Образцовымъ кавалер. полкомъ; въ 1850 г. назначенъ предсѣдателемъ Комитета, учрежденнаго для составленія проекта ремонтированія кавалеріи, 19 Мая 1854 г. командующимъ всѣми резервными и запасными гвардейскими эскадронами и резервною бригадою 7-й Легкой кавалер. дивизіи, 18 Янв. 1855 г. командующимъ гвардейскимъ резервнымъ Кавалерійскимъ корпусомъ и произведенъ въ ген.-отъ-кавалеріи (27 Марта); 1 Янв. 1856 г. назначенъ членомъ Военнаго Совѣта, въ 1862 г. предсѣдателемъ комиссіи для разсмотрѣнія и обсужденія вопроса «по ремонтированію кавалеріи и другихъ относящихся къ устройству этого рода войскъ», въ томъ же году членомъ Комитета для обсужденія организаціи войскъ и инспекторомъ войскъ, съ оставленіемъ членомъ Военнаго Совѣта; 10 Февр. 1873 г. исключенъ изъ списковъ умершимъ.

Участвовалъ съ Кавалергардскимъ полкомъ въ Бородинскомъ боѣ и награжденъ орд. св. Анны 4-й степ., въ сраженіяхъ: подъ Кульмомъ и награжденъ орд. св. Владиміра 4-й ст., при Фершампенуазѣ и награжденъ орд. св. Анны 2-й ст.

Былъ награждаемъ: 22 Авг. 1825 г. орд. св. Анны 2-й ст. съ алмазами; въ 1827 г. брильянтовымъ перстнемъ; въ 1831 г. орд. св. Станислава 1-й ст.; въ 1833 г. пожалована аренда въ 1500 руб. сер. на 12 лѣтъ; въ 1834 г. орд. св. Георгія 4-й ст. за 25 лѣтъ службы; въ 1835 г. орд. св. Анны 1-й ст.; въ 1838 г. аренда увеличена на 500 р. ежегодно и выдано единовременно 10 т./р. асс.

---

[1]) Семейный списокъ 1832 г. пом. Евпат. у. Д. Е. Башмакова; Леф. арх., св. 5, д. 9, за 1812 г., св. 17, д. 16, л. 5; копіи съ грамотъ; Полк. архивъ; Арх. Мин. Внутр. дѣлъ, Форм. сп. 1833 г., св. 31; Долгоруковъ, II, 66; Зап. Вигеля, VI, 188 и 189; Фрейманъ, «Пажи», 454; Разсказы Львовой; Р. Стар., 1880/III, 637; Зап. Бутурлина, Р. Арх., 1897/I, 630 и 631; II, 18; Свѣдѣнія, сообщ. гг. А. А. и С. А. Башмаковыми и гр. Е. Д. Канкриной.

«за понесенныя во время командованія Образцовымъ кавал. полкомъ издержки»; въ 1839 г. аренда увеличена еще на 1000 р. сер. (всего 3000 руб.); въ 1843 г. получилъ прусскій орденъ Краснаго Орла 2-й ст. съ брильянтовой звѣздою и Нидерландскій — Вильгельма 2 ст.; въ томъ же году награжденъ орд. св. Анны 1 ст. съ Имп. короною; въ 1844 г. орд. св. Владиміра 2-й ст.; въ 1845 г. сложенъ долгъ Заемному банку 2796 руб.; въ 1846 г. аренда въ 3000 руб. продлена еще на 6 лѣтъ и награжденъ орд. Бѣлаго Орла; въ 1853 г. пожалованъ табакеркою съ портретомъ Его Имп. Величества; въ 1854 г. «подаркомъ по чину»; въ 1858 г. аренда въ 3000 руб. продлена еще на 6 лѣтъ; въ 1861 г., въ день пятидесятилѣтней службы, сложенъ окончательно долгъ по двумъ домамъ въ Заемномъ банкѣ; въ 1863 и 1870 гг. аренда въ 3000 руб. продлена еще на 6 лѣтъ; въ 1870 году опредѣленъ пенсіонъ на орд. св. Георгія 150 р. и св. Владиміра 300 р.

Въ 1863 г. Ланскому «*пожалованъ для ношенія мундиръ Кавалеріардскаго полка*»; въ 1866 г. награжденъ орд. св. Александра Невскаго, алмазами украшенный; въ 1870 г. получилъ серебряный знакъ за устройство вольнорабочихъ по оружейнымъ заводамъ.

Ланской имѣлъ въ С.-Петербургѣ два каменныхъ дома — родовой и благопріобрѣтенный [1]).

«Съ первыхъ служебныхъ шаговъ», разсказываетъ А. П. Арапова, «ему пришлось вынести всѣ лишенія и трудности походной и боевой жизни. Его впечатлительная натура до глубокой старости сохранила воспоминанія всего пережитого въ эти годы народной скорби и отечественной славы. Онъ заносилъ массу эпизодовъ въ своихъ мемуарахъ, по несчастію утерянныхъ послѣ его смерти. Изъ его разсказовъ запечатлѣлся въ семейной памяти случай, не лишенный интереса и для современной намъ эпохи. Въ самый разгаръ народныхъ страстей, въ ожесточенной борьбѣ иноплеменныхъ армій проявленіе рыцарскаго великодушія въ отдѣльныхъ случаяхъ заронило въ далекой Франціи плодотворныя сѣмена, приведшія, почти сто лѣтъ спустя, къ прославленному франко-русскому союзу.—Во время одной изъ самыхъ жаркихъ битвъ на германской территоріи (если не ошибаюсь, это было подъ Кульмомъ) корнету Ланскому, посланному съ донесеніемъ, пришлось, въ сопровожденіи вѣстового, догонять эскадронъ по уже опустѣвшему полю сраженія. Прислушиваясь къ удалявшейся перестрѣлкѣ, онъ сосредоточенно соображалъ дальнѣйшій путь, какъ вдругъ раздирающій вопль привлекъ его вниманіе. Въ нѣсколькихъ шагахъ, рядомъ съ убитой лошадью, лежалъ раненый драгунскій офицеръ, а сопровождавшій Ланского солдатъ заносилъ уже палашъ надъ его головой, чтобы прикончить врага. Офицеру на видъ было не болѣе шестнадцати лѣтъ, и на красивыхъ, почти дѣтскихъ чертахъ страданіе уже смѣнилось выраженіемъ тупого, почти животнаго страха. При взглядѣ на Ланского искра надежды блеснула въ глазахъ француза. Напрягая остатокъ силъ, онъ высоко закинулъ обѣ руки надъ головой, скрещивая пальцы ладонями наружу. Этотъ жестъ, извѣстный между франъ-масонами подъ названіемъ: «A moi! les enfants de la veuve», былъ отчаянный призывъ, на который каждый членъ обязанъ былъ откликнуться, и онъ словно замеръ въ предсмертной тревогѣ. Ланской никогда не былъ масономъ, но отъ нѣкоторыхъ лицъ [1]), случайно зналъ кой-какіе пріемы братства. Ему не захотѣлось обмануть послѣдней надежды обреченнаго на смерть, и со свойственной ему живостью онъ окликнулъ солдата: «Стой!... Лежачаго не бьютъ. Покупаю у тебя плѣннаго; за мной золотой»... И, спрыгнувъ съ лошади, подбѣжалъ къ офицеру, своимъ платкомъ перевязалъ его рану, оказавшуюся неопасной, но обезсилившей его сильной потерей крови, напоилъ изъ собственной фляги и, на благодарныя изліянія спасеннаго, звавшаго его братомъ, добродушно отвѣтилъ: «Vous faites erreur; je ne suis pas maçon, mais à double titre de chrétien et de chevalier-garde je ne puis rester sourd à l'appel d'un frère d'armes en détresse». Сознавая, что этой случайной помощью ограничиться нельзя, Ланской бережно посадилъ «плѣнника» къ себѣ на лошадь и доставилъ до первой деревушки, виднѣвшейся поблизости. Ланской не былъ богатъ, но у него нашлась пара золотыхъ, которые онъ сунулъ недоумѣвавшему передъ этой картиной мѣстному крестьянину, поручая ему уходъ за французскимъ драгуномъ. Каждая минута была дорога, чтобы нагнать ушедшій полкъ. Спасенный юноша въ пылу благодарности бросился ему на шею, тщетно умоляя великодушнаго русскаго офицера сказать ему свое имя.—«A quoi bon? Nous ne nous reverrons jamais»!—«Ma mère pourra au moins prier pour celui qui lui a conservé son

---

[1]) Полк. архивъ; Общ. арх. Гл. штаба, Форм. сп. 1870 года; А. П. Арапова, «Записка о Ланскихъ» (рукопись).

[1]) Его двоюродный братъ, Сергѣй Степановичъ Ланской, впослѣдствіи министръ Внутренн. дѣлъ и графъ, былъ предсѣдателемъ одной изъ Петербургскихъ ложъ.

unique enfant».—Quant à cela, pas de refus. Pour vous je suis chevalier-garde, pour elle je me nomme Paul; et la-dessus, bonne chance, camarade!—Онъ пришпорилъ коня и скрылся изъ виду. Въ теченіе своей долгой жизни, хотя полкъ и фамилія француза были ему извѣстны, онъ не сдѣлалъ никакой попытки освѣдомиться объ его дальнѣйшей участи, чтобы не вызвать проявленія, какъ ему казалось, незаслуженной благодарности.

Часто вспоминалъ Ланской о трудностяхъ походной жизни въ 12-мъ году. Съ удаленіемъ отъ Москвы, доставка провіанта становилась все затруднительнѣе, и самые богатые офицеры рады были раздѣлить скудную солдатскую пищу. Весьма часто и ея не было, и послѣ долгаго перехода приходилось уснуть съ тощимъ желудкомъ. Наступившіе морозы еще сильнѣе голода донимали войско. Когда Кавалергардскому полку пришлось обходить Москву, Николаю Ивановичу Васильчикову удалось выписать изъ своего имѣнія Лопасня (въ 65 верстахъ по Тульскому шоссе) полушубокъ, и этотъ единственный экземпляръ теплой одежды служилъ предметомъ зависти для всѣхъ товарищей. Вся обмундировка во время похода успѣла обратиться въ грязные лохмотья, а замѣнить ихъ было нечѣмъ. Единственная забота офицеровъ была раздобыть въ выжженныхъ и разоренныхъ помѣстьяхъ что-либо теплое. Сергѣй Петровичъ Ланской съ радостной благодарностью получилъ отъ московской помѣщицы Недобровой, сжалившейся надъ его замореннымъ видомъ, ваточный капотъ, и тутъ же напялилъ его на лохмотья мундира. Но еще куріознѣе фигуру представлялъ Евдокимъ Васильевичъ Давыдовъ [1]). На его долю выпали три разноцвѣтныя, набивныя шали, и, не долго думая, онъ одной окуталъ станъ, а остальныя превратилъ въ шаровары.

Великій Князь Константинъ Павловичъ нагналъ полкъ на походѣ въ Вильну; онъ былъ воспитанъ въ понятіяхъ строгой выправки Гатчинскихъ баталіоновъ, и можно себѣ представить его негодованіе при видѣ фантастическихъ одѣяній кавалергардскихъ офицеровъ. Но больше всѣхъ онъ распекъ Давыдова. Вызвавъ его передъ фронтъ, онъ раздраженно сталъ ворочать его во всѣ стороны, приговаривая: «Хорошъ! хорошъ! полюбуйтесь»! И тутъ же сгоряча отдалъ приказъ, чтобы всѣ иначе не появлялись, какъ въ надлежащей формѣ. Въ виду полной невозможности исполнить приказъ, офицеры одинъ за другимъ заявляли о болѣзни и удалялись въ обозъ.

Это столкновеніе дошло до Кутузова, который не задумался отмѣнить распоряженіе Великаго Князя и, въ свою очередь, отдалъ приказъ приблизительно въ такихъ выраженіяхъ: такъ какъ Россіи нужны всѣ ея сыны, то онъ не только разрѣшаетъ, но проситъ офицеровъ не стѣсняться формой, а главное беречь здоровье, чтобы быть въ состояніи защищать родину. То же самое разрѣшалось солдатамъ. Съ этого эпизода во все время кампаніи Константинъ Павловичъ всячески избѣгалъ встрѣчи съ Кавалергардскимъ полкомъ.

«Вообще Цесаревичъ не долюбливалъ кавалергардовъ. За царствованіе Екатерины II онъ усвоилъ себѣ воззрѣніе остальной гвардіи на «бархатниковъ», попрекая ихъ изнѣженностью, считая ихъ больше дворцовымъ украшеніемъ, чѣмъ настоящими воинами-служаками. Не сумѣю подлинно опредѣлить эпоху слѣдующаго инцидента [1]), но только достовѣрно, что при какомъ-то случаѣ Константинъ Павловичъ очень рѣзко отозвался о Кавалергардскомъ полку. Такъ какъ обвиненіе оказалось незаслуженнымъ, то ему было приказано свыше извиниться передъ полкомъ. Онъ выбралъ день, когда полкъ былъ въ сборѣ на ученіи, подѣзжая къ фронту, громогласно сказалъ: «Я слышалъ, что кавалергарды считаютъ себя обиженными мною, и я готовъ имъ предоставить сатисфакцію — кто желаетъ»? и, насмѣшливо оглядывая ряды, онъ разсчитывалъ на неизбѣжное смущеніе передъ столь неожиданнымъ вызовомъ.

«Но одинъ изъ офицеровъ, М. С. Лунинъ, извѣстный всему Петербургу своей беззавѣтной храбростью и частыми поединками, пришпоривъ лошадь, выросъ передъ нимъ. «Ваше Высочество», почтительнымъ тономъ, но глядя ему прямо въ глаза, отвѣтилъ онъ: «честь такъ велика, что одного я только опасаюсь: никто изъ товарищей не согласится ее уступить мнѣ».

«Дѣло замяли, и дуэль, понятно, не могла состояться».

Ланской былъ большой знатокъ и любитель лошадей, къ тому же замѣчательный кавалеристъ. Выѣздкой онъ могъ поспорить съ самымъ опытнымъ берейторомъ. Онъ пользовался особымъ расположеніемъ Великаго Князя Михаила Павловича, который цѣнилъ его знаніе и любовь къ службѣ. Благодаря вліянію Великаго Князя, онъ былъ назначенъ командиромъ Образцоваго полка, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы создавать инструкто-

---

[1]) См. его біографію.

[1]) Это случилось на походѣ въ Моравію въ 1805 году.

ровъ для всей русской кавалеріи. Его вспыльчивый характеръ и горячій нравъ служили богатой темой разнымъ анекдотамъ. Такъ, напр., про него разсказывали, что однажды, недовольный ходомъ ученія, имъ производимаго, онъ среди манежа бросился на песокъ, задрыгалъ ногами и приказалъ себя накрыть шинелью, чтобы не глядѣть, какъ безобразно смѣна проходитъ мимо него [1]).

«Зла онъ не помнилъ, и гнѣвъ его никогда не былъ продолжителенъ. Доступный для всѣхъ, онъ всей душой былъ радъ помочь всякому и во всѣхъ ввѣренныхъ ему должностяхъ пользовался искренней любовью своихъ подчиненныхъ. Теперь еще въ разныхъ углахъ обширной Россіи, благодаря его многочисленнымъ ученикамъ, живетъ теплая память о «Павлѣ Петровичѣ», олицетворявшемъ русскій типъ отца командира, отзывчиваго на всякую нужду и горой стоявшаго за своихъ.

«Императоръ Александръ Николаевичъ въ бытность свою Цесаревичемъ всегда самымъ сердечнымъ образомъ относился къ Ланскому.

«Въ день празднованія 50-лѣтія сраженія при Кульмѣ, онъ вспомнилъ уцѣлѣвшаго участника и пожаловалъ ему мундиръ Кавалергардскаго полка, съ которымъ были связаны доблестныя воспоминанія его молодости, и который Ланской всегда считалъ высшей изъ дарованныхъ ему наградъ.

«Послѣднее его назначеніе было членомъ Военнаго совѣта, гдѣ онъ попрежнему всегда горячо отстаивалъ свои независимые взгляды и мнѣнія.

«Семейная жизнь Ланского протекла не безъ романической подкладки. Первый разъ онъ женился на Надеждѣ Николаевнѣ Полетикѣ, рожденной Масловой. Она была замужемъ за его товарищемъ по полку, и бракъ этотъ былъ расторгнутъ, какъ недѣйствительный. Мать Ланского, воспитавшая всю семью свою въ самыхъ строгихъ правилахъ, воспротивилась этому выбору и наотрѣзъ отказала въ своемъ согласіи. Послѣ продолжительной борьбы Ланской принесъ въ жертву сыновнее повиновеніе женщинѣ, съ которой онъ считалъ себя связаннымъ долгомъ чести. Съ матерью произошелъ полный разрывъ. Предчувствія ея оправдались. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ довольно бурной семейной жизни, Надежда Николаевна бѣжала за границу съ секретаремъ итальянскаго посольства Griffeo, оставивъ на рукахъ мужа двухъ малолѣтнихъ сыновей, Николая и Павла, и молодую сироту родственницу, Е. В. Маслову, которую она взяла на воспитаніе. Вслѣдствіе громкаго скандала, началось бракоразводное дѣло, тянувшееся болѣе 20 лѣтъ, по окончанія котораго онъ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, вторично женился на этой воспитанницѣ, Евдокіи Васильевнѣ, думая обезпечить ея будущность посмертной пенсіей. Но ему суждено было нѣсколькими годами пережить ее. Онъ поѣхалъ въ Неаполь навѣстить старшаго, разбитаго параличомъ сына и скончался тамъ 25 Января 1873 года. Тѣло было перевезено въ Петербургъ, отпѣто 22 Февраля въ Кавалергардской церкви и предано землѣ въ Александро-Невской лаврѣ».

[1]) «Знавшіе его близко увѣряли, что его горячность, доходившая иногда до самозабвенія, была не что иное, какъ проявленіе сильной нервности. По этой или другой причинѣ П. П. Ланской позволялъ себѣ такія вещи, которыя изобличали въ немъ полнѣйшее отсутствіе способности владѣть собою. На ученьи въ манежѣ онъ пронзительнымъ, крикливымъ голосомъ не переставалъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, кричать, бѣгая съ бичемъ съ одного конца манежа до другого. Можно себѣ представить, къ какимъ результатамъ приводило обученіе такимъ способомъ. Всѣ теряли головы, никто не зналъ, чего генералъ требуетъ. Лошади, напуганныя хлопаньемъ его бича, метались, какъ угорѣлыя, и изъ всего этого происходила невообразимая неурядица. Я испыталъ его запальчивость, чуть было не стоившую мнѣ жизни.

«Однажды Ланской дѣлалъ прикомандированнымъ офицерамъ манежную ѣзду; подо мной была очень горячая лошадь. Напуганная хлопаньемъ бича, она взвилась на дыбы. Ланской, замѣтивъ это, вмѣсто того, чтобы дать мнѣ возможность успокоить коня, хлопнулъ его бичемъ по брюху. Лошадь опрокинулась и придавила меня собою. Около четырехъ мѣсяцевъ я былъ боленъ, да и потомъ долгое время разстроенное мое здоровье постоянно напоминало мнѣ о П. П. Ланскомъ. Онъ славился въ свое время, какъ отчаянный наѣздникъ, и до глубокой старости сохранилъ страсть къ верховой ѣздѣ. Любимымъ его занятіемъ была выѣздка или, вѣрнѣе, наѣздка верховыхъ лошадей, которыхъ онъ очень выгодно сбывалъ молодымъ офицерамъ. Съ ранняго утра Ланской былъ уже въ манежѣ или на плацу и вмѣстѣ съ полковымъ берейторомъ Старцовымъ и прапорщикомъ Ивановымъ, произведеннымъ изъ унтеръ-офицеровъ учебнаго эскадрона, занимался работою лошадей на развязкѣ, на кордѣ или подъ ранжирнымъ сѣдломъ. Относясь съ запальчивостью къ людямъ, Ланской такъ же горячо обращался и съ несчастными животными, попадавшими ему на выѣздку. Цуки капцуномъ, бичъ, хлыстъ, шпоры, все пускалось въ дѣло, чтобы заставить ошалѣвшую лошадь дѣлать то, чего онъ хотѣлъ, но чего она, запуганная или истомленная, не могла понять. Если ему не удавалось наѣздить лошадь, онъ сдавалъ ее берейторамъ, и тѣ кое-какъ поправляли напорченное. Ланской изрѣдка присутствовалъ на нашихъ кадровыхъ ученьяхъ, но когда приходилъ въ манежъ или на плацъ, гдѣ мы учились, то сейчасъ же начиналась страшная суета». (Р. Стар., 1887/VII, 158 и 159).

Дмитрій Семеновичъ Языковъ 1-й, 1793—1856, изъ дворянъ Муромскаго у., сынъ артиллеріи поручика Семена Григорьевича, былъ записанъ въ 1802 г. въ Московскій университетскій благородный пансіонъ; въ 1806 г. «произведенъ студентомъ»; 22 Окт. 1809 опредѣленъ

въ кавалергарды юнкеромъ, въ 1810 г. эст.-юнкеромъ, 20 Ноября 1811 г. корнетомъ, въ 1813 году поручикомъ и шт.-ротмистромъ, 25 Іюня 1818 г. ротмистромъ, а черезъ три дня (28 Іюня) переведенъ въ Арзамасскій конно-егерскій полкъ подполковникомъ, «для замѣщенія вакансіи эскадроннаго командира», при чемъ Высочайше повелѣно было произвести его въ полковники, согласно старшинства его въ Кавалергардскомъ полку; 3 Апрѣля 1822 г. уволенъ въ отставку за раною полковникомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья; 25 Іюля 1827 г. вновь поступилъ на службу подполковникомъ въ Корпусъ жандармовъ; въ 1828 г. произведенъ полковникомъ и въ 1832 г. назначенъ начальникомъ 4 жандармскаго округа; 10 Сентября 1835 г. произведенъ ген.-майоромъ и 23 Ноября того же года назначенъ директоромъ департамента Внѣшней торговли; 6 Декабря 1847 г. произведенъ въ тайные совѣтники; 1 Января 1850 г. уволенъ отъ должности директора, съ назначеніемъ членомъ Совѣта министра финансовъ, а 9 Января 1853 г. уволенъ въ отставку.

Языковъ участвовалъ въ Отечественной войнѣ, подъ Бородиномъ былъ *раненъ* пулею въ лѣвую ногу и награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст., что не помѣшало ему въ день Тарутинскаго сраженія находиться въ строю. Съ полкомъ же сдѣлалъ онъ кампанію 1813 и 1814 гг. и за Кульмское сраженіе награжденъ орд. св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, а за Фершампенуазъ—св. Анны 2-й ст.; въ 1828 г. награжденъ брильянтовыми знаками къ орд. св. Анны 2 ст., въ 1832 г.—орд. св. Владиміра 3-й ст., въ 1834 г.—арендою въ 800 руб. на 12 лѣтъ, въ 1837 г.—орд. св. Станислава 1 ст., въ 1839 г.—св. Анны 1 ст., въ 1841 г.—тѣмъ же орденомъ съ Имп. короной и орд. св. Георгія 4-й ст. за 25 лѣтъ службы, въ 1844 г.—золот. табакеркою съ портретомъ Императора, въ 1847 г.—орд. св. Владиміра 2 ст., въ 1849 г.—арендою на 6 лѣтъ по 1200 р. въ годъ, въ 1849 г.—орд. Бѣлаго орла.

Былъ женатъ на дочери колл. асесс. Фіоніи (Фленѣ) Николаевнѣ Языковой и въ 1821 г. имѣлъ сыновей, будущихъ кавалергардовъ: Николая (р. 5 Сентября 1818 г.) и Дмитрія (р. 2 Февраля 1821 г.). Имѣлъ 1068 душъ въ губерніяхъ: Владимірской, Новгородской, Симбирской и Саратовской да за женою 536 душъ въ Симбирской и Нижегородской губерніяхъ [1]).

Александръ Семеновичъ Языковъ 2-й (потомъ 3-й), 1793 —, братъ Дмитрія Семеновича, въ 1802 г. записанъ въ Московскій университетскій благородный пансіонъ; въ 1807 г. «произведенъ студентомъ», а 22 Октября 1809 г., одновременно съ братомъ, поступилъ юнкеромъ въ кавалергарды; въ 1810 г. эст.-юнкеромъ, 20 Ноября 1811 г. корнетомъ, 20 Февраля 1813 г. поручикомъ; 6 Іюля назначенъ полк. адъютантомъ. Должность полков. адъютанта Языковъ фактически исправлялъ только до зимы того же года, когда и. д. полкового адъютанта былъ назначенъ Андр. Ив. Пашковъ; числился же Языковъ адъютантомъ до конца 1814 года [1]). 23 Сентября того же года онъ произведенъ шт.-ротмистромъ, 25 Іюня 1818 г. — ротмистромъ, а черезъ три дня переведенъ въ Тираспольскій конно-егерскій полкъ; 3 Апрѣля 1822 г. уволенъ по болѣзни въ отставку полковникомъ, съ мундиромъ. Языковъ участвовалъ въ Отечественной войнѣ и за Бородино награжденъ орд. св. Анны 4-й ст., за Кульмъ — св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и за Фершампенуазъ — св. Анны 2 ст. [2]).

Михаилъ Николаевичъ Бердяевъ, 1792—1861, изъ дворянъ Харьковской губ. (VI кн.), сынъ ген.-лейт. Николая Михайловича, поступилъ 3 Декабря 1809 г. въ Кавалергардскій полкъ юнкеромъ; въ 1810 г. произведенъ въ эст.-юнкера, 29 Ноября 1811 г. произведенъ въ корнеты. При выступленіи полка въ 1812 г. оставленъ при оставшейся командѣ въ Петербургѣ. Въ 1813 г. произведенъ въ поручики. Въ Маѣ 1813 г., находясь въ резервномъ эскадронѣ Беклешева, присоединился къ полку, а 17 и 18 Августа съ честью участвовалъ въ сраженіи подъ Кульмомъ, гдѣ, «находясь въ оба дня при фланкерахъ, подавалъ примѣръ храбрости своимъ подчиненнымъ, а 18-го, при ретирадѣ непріятеля, ударивъ на прикрытіе стрѣлковъ у пушекъ, взялъ два орудія и представилъ по командѣ». За этотъ подвигъ Бердяевъ получилъ орд. *св. Георгія* 4 ст. Въ Сентябрѣ того же года произведенъ въ шт.-ротмистры. Въ 1814 г. участвовалъ въ сраженіи при Фершампенуазѣ и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ; въ 1816 г. получилъ Высочайшее благоволеніе и 500 руб. «за приводъ искупленнаго ремонта»; въ томъ же году произведенъ въ ротмистры и черезъ три дня

---

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1822 г., кн. 3984; Наградн. дѣла, св. 10, д. 12; св. 14, д. 4; св. 15, д. 12; Арх. Мин. Финансовъ, Форм. списокъ; Руммель и Голубцовъ, II, 775.

[1]) Леф. арх., оп. 161, св. 12, д. 82, л. 394.

[2]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1821 г., кн. 3990; Нагр. дѣла, св. 10, д. 12; св. 14, д. 4; св. 15, д. 12; Руммель и Голубцовъ, II, 775.

послѣ этого переименованъ въ подполковники, съ оставленіемъ въ полку; 15 Сентября 1819 г. произведенъ полковникомъ, съ переводомъ въ Лифляндскій конно-егерскій полкъ. Въ этомъ полку онъ прослужилъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ и 19 Февраля 1820 г. былъ назначенъ командиромъ Арзамасскаго конно-егерскаго полка, которымъ затѣмъ командовалъ около 9 лѣтъ съ полнымъ успѣхомъ: за этотъ промежутокъ времени ему нѣсколько разъ было объявлено Высочайшее благоволеніе, въ 1823 г. ему пожаловано 3 тыс. десятинъ земли, затѣмъ (въ 1824 г.) 5 тыс. рублей и, наконецъ, въ 1829 г., уже по сдачѣ полка, «въ уваженіе усердной службы и примѣрнаго состоянія, до котораго доведенъ бывшій въ командованіи его Арзамасскій конно-егерскій полкъ», пожаловано было ему еще 10 тыс. рублей. И дѣйствительно, этотъ полкъ, въ командованіе имъ Бердяева, считался однимъ изъ образцовыхъ въ арміи; сюда посылали на исправленіе такъ называемыхъ «отъявленныхъ негодяевъ», которые, однако, «вскорѣ становились хорошими людьми. Секретъ такого быстраго перевоспитанія заключался не въ мордобитіи и палкахъ, а въ осмысленной дисциплинѣ и безукоризненной справедливости, согрѣтой любовью къ ближнему».

10 Мая 1828 г. Бердяевъ былъ произведенъ въ ген.-майоры, съ назначеніемъ командиромъ 2-й бриг. 3-й Уланской дивизіи, къ которой прибылъ, однако, только 1 Сентября слѣдующаго года. Въ 1830 г. онъ снова неоднократно удостоивался Высочайшаго благоволенія, въ томъ числѣ за усердіе при устройствѣ округовъ военнаго поселенія 3-й Уланской дивизіи; въ томъ же году онъ получилъ орденъ св. Владиміра 3 ст.

Въ Польской войнѣ Бердяевъ участвовалъ съ своею бригадою, входившею въ составъ 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса гр. Витта. 1 Февраля 1831 г. Бердяевъ переправился черезъ р. Ливъ, преслѣдуя мятежниковъ къ с. Миставу, а 6-го участвовалъ въ пораженіи ихъ при с. Циганкѣ. 13-го Февраля подъ Гроховымъ онъ командовалъ бригадою изъ л.-гв. Уланскаго Цесаревича и Украинскаго уланскаго полковъ и награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст. [1]). Во время преслѣдованія затѣмъ противника отъ м. Згержа до Остроленки Бердяевъ получилъ пакетъ отъ солдатъ Арзамасскаго полка. Въ пакетѣ находилась медаль, заказанная солдатами Арзамасскаго полка, которую они послали ему, съ просьбою надѣть на грудь. Медаль имѣетъ форму сердца, на одной сторонѣ котораго вырѣзано Распятіе, а на другой надпись: «*Боже храни за твою къ намъ добродетель*». «Отецъ мой», пишетъ А. М. Бердяевъ, «считалъ эту медаль высшею наградою своей жизни, со слезами на глазахъ про нее разсказывалъ и не снималъ съ груди до смерти».

14 Мая Бердяевъ участвовалъ въ сраженіи подъ Остроленкою, затѣмъ въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ и въ дѣлѣ при с. Сельковѣ, а когда снова принялъ свою уланскую бригаду, то, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта бар. Остенъ-Сакена, 4 Августа перешелъ черезъ Вислу и 16-го прибылъ въ Рашинъ и участвовалъ въ штурмѣ Варшавы. Вскорѣ послѣ этого, въ началѣ Ноября, онъ сдалъ бригаду и былъ уволенъ въ отпускъ для излѣченія болѣзни, съ состояніемъ по кавалеріи. Въ Февралѣ 1834 г. онъ былъ прикомандированъ къ министерству Внутреннихъ дѣлъ, но въ Августѣ 1835 г. назначенъ начальникомъ штаба войска Донского; въ 1837 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1836 г. ему пожалованъ казачій мундиръ войска Донского и «по чину» имѣніе въ Царствѣ Польскомъ. Однако, здоровье его понемногу разстроивалось, требовало лѣченія, вслѣдствіе чего въ Маѣ 1839 г. онъ уѣхалъ на воды на Кавказъ и въ Одессу, при чемъ на лѣченіе болѣзни ему было пожаловано 5 тыс. руб. Несмотря на лѣченіе, здоровье его все-таки не возстановилось, и онъ долженъ былъ оставить службу, отъ которой и былъ уволенъ, съ мундиромъ и пенсіей, 11 Декабря 1839 г.

Бердяевъ былъ женатъ на дочери подполковника Ник. Дм. Бахметьева и имѣлъ дочь Софію (р. въ 1838 г.) и сыновей Николая (р. въ 1833 г.) и Александра (р. въ 1836 г.), изъ которыхъ послѣдній также служилъ въ кавалергардахъ. Когда, въ 1852 г., Императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ

Школу и при обходѣ спальни юнкеровъ замѣтилъ у одной койки надпись съ фамиліей Бердяева, то спросилъ: «Ты сынъ Михаила Николаевича»? Получивъ утвердительный отвѣтъ, Государь съ участіемъ разспрашивалъ о немъ и сказалъ: «Напиши отцу,

[1]) См. біографіи Зона и П. И. Каблукова.

что я его помню, люблю и очень жалѣю, что болѣзнь препятствуетъ ему продолжать его полезную службу». Пройдя нѣсколько шаговъ, Государь остановился и опять обратился къ Бердяеву со словами: «Напиши также отцу, что медаль его я не забываю», и тутъ же Государь разсказалъ сопровождавшему его директору школы генералу Сутгофу о медали. Императоръ Александръ II также милостиво относился къ Михаилу Николаевичу: «Не проходило бала или обѣда во дворцѣ», пишетъ А. М. Бердяевъ, «чтобы Государь при встрѣчѣ со мною, кавалергардскимъ офицеромъ, не разспрашивалъ объ отцѣ и нѣсколько разъ вспоминалъ о медали, видимо сознавая все ея нравственное значеніе».

По выходѣ въ отставку, Бердяевъ жилъ въ Кіевѣ и все время былъ очень боленъ. Офицеры, служившіе при немъ въ Арзамасскомъ полку, часто пріѣзжали къ нему въ Кіевъ и встрѣчали здѣсь съ его стороны самый радушный пріемъ. Когда Государь Александръ II посѣщалъ Кіевъ, то обыкновенно присылалъ узнавать объ его здоровьѣ и звать его къ Себѣ. Нѣсколько ветерановъ-солдатъ арзамасцевъ нашли пріютъ въ его деревнѣ (въ Кіевскомъ уѣздѣ, въ м. Обуховѣ, гдѣ у него было 840 душъ) и жили тамъ на полномъ содержаніи до самой своей смерти; они были вполнѣ счастливы, доставляли утѣшеніе и своему бывшему отцу-командиру.

Бердяевъ скончался 7 Іюля 1861 г. и погребенъ въ церкви м. Обухова. Сынъ его врѣзалъ въ надгробную плиту медаль арзамасцевъ, которая можетъ служить лучшею эпитафіею для Михаила Николаевича [1]).

В. Жерве.

Густавъ Густавовичъ Смиттенъ, 1793—1864, изъ Лифляндскихъ дворянъ, пожалованныхъ въ это достоинство Шведскимъ королемъ Карломъ XI въ 1684 г., лютеранскаго вѣроисповѣданія, былъ сынъ Эриха-Густава, владѣльца имѣнія Оденкатъ Эстляндской губ., и жены его, рожденной фонъ-Тизенгаузенъ, воспитывался въ Peterschule въ Петербургѣ и 11 Февраля 1808 г. поступилъ на службу пятидесятникомъ въ Эстляндскую милицію; 7 Марта 1810 г., по Высоч. повелѣнію, опредѣленъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; 1 Января 1811 г. эст.-юнкеромъ; 20 Ноября того же года произведенъ въ корнеты; въ

1813 г.—въ поручики; въ 1814 г. назначенъ адъютантомъ къ фельдмаршалу кн. Барклай-де-Толли; въ 1816 г. въ шт.-ротмистры, въ 1818 г. въ ротмистры; въ томъ же году перемѣщенъ адъютантомъ къ гр. Сакену; 10 Августа 1820 г. за отличіе произведенъ въ полковники, съ опредѣленіемъ въ Переяславскій конно-егерскій полкъ; 13 Января 1825 г. назначенъ командиромъ этого полка; 20 Марта 1826 г. уволенъ отъ службы, за ранами, генералъ-майоромъ, съ мундиромъ и полной пенсіей; 25 Апрѣля 1828 г. опредѣленъ полковникомъ въ Нѣжинскій конно-егерскій полкъ и 18 Ноября того же года назначенъ командиромъ Смоленскаго ул. полка; 22 Сентября 1829 г. за отличіе въ сраженіи противъ турокъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 4-й гус. дивизіи; въ 1831 г. назначенъ состоять при начальникѣ 6-й уланск. дивизіи, въ 1832 г. командиромъ 1-й бриг. 2-й конно-егерск. дивизіи, въ 1833 г. командиромъ 2-й бриг. 2-й гус. дивизіи, въ томъ же году командиромъ 1 бриг. 5-й легкой кав. дивизіи, въ томъ же году командиромъ 2-й бриг. той же дивизіи; въ 1835 г. эта дивизія переименована въ 4-ю; въ томъ же году назначенъ состоять по кавалеріи безъ должности, но съ прежнимъ содержаніемъ.

Участвовалъ съ Кавалергардскимъ полкомъ въ Отечественной войнѣ; подъ Бородиномъ *раненъ* пулей въ правое колѣно и награжденъ орд. св. Анны 4-й ст.; въ 1813 г., по излѣченіи раны, велѣно «считать его при гр. Барклай-де-Толли»; въ 1814 г. участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Бріеномъ (20 Янв.), Баръ-сюръ-Объ (16 Февр.), при Фершампенуазѣ (13 Марта) и подъ Парижемъ (18 Марта), гдѣ награжденъ орд. св. Владиміра 4-й ст.; въ 1815 г. находился при Высочайшемъ смотрѣ войскъ подъ

---

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., оп. 161, св. 5, д. 43, лл. 689 и 690; св. 1236, № 1947; Нагр. дѣла, св. 14, д. 4; Др. и Нов. Россія, 1877/I, 319; Свѣдѣнія, сообщенныя А. М. Бердяевымъ.

Вертю (28 Авг.). Въ 1828 г. противъ турокъ, при пораженіи непріятельской кавалеріи подъ Шумлой (8 Іюля) и въ сраженіяхъ подъ этой крѣпостью (16, 17 и 27 Іюля, 11 Авг. и 20 Сент.), гдѣ награжденъ орд. св. Анны 2 ст.; въ дѣлахъ при слѣдованіи къ Силистріи (8 Окт.); въ 1829 г. въ дѣлѣ при Эскимили (20 Мая) и покореніи Силистріи (21 Мая), въ дѣлахъ при Дервишъ-Джеванѣ (7 Іюля), Миземврiи (10 Іюля), Айдосѣ (13 Іюля), Ямболи (19 Іюля), Сливно (31 Іюля) и награжденъ орд. св. Владиміра 3 ст., вторично при Ямболи (2 Авг.), при Адріанополѣ (съ 7 по 22 Авг.), Демотикѣ (23 Авг.), Ирепонѣ (31 Авг.). Въ Польскую войну 1831 г. находился въ Минской, Витебской и Виленской губерніяхъ, для очищенія оныхъ отъ мятежническихъ партій. Сверхъ названныхъ, имѣлъ ордена: «Pour le mérite» и Почетнаго легіона. 19 Января 1836 г. уволенъ отъ службы за раною, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада.

Былъ женатъ: первымъ бракомъ на баронессѣ Врангель, а вторымъ — на дочери подполковника Елизаветѣ Федоровнѣ фонъ-Шилль. Первый бракъ былъ бездѣтенъ, а отъ второго брака имѣлъ дѣтей: Наталію (р. 1836 г.), Владиміра (р. 1837 г., директоръ канц. Госуд. Контроля), Александра (р. 1839 г., †), Елизавету (р. 1840 г., по мужу Зундштремъ), Софію (р. 1843 г., †), Густава (р. 1844 г., управляющій Таурогенской таможней) [1]).

Андрей Ивановичъ Пашковъ, 1793—1850, изъ дворянъ Московской губерніи, второй сынъ подполковника Ивана Александровича (1758—1828) и его жены Евдокіи Николаевны, рожд. Яфимовичъ (1770—1838); въ службѣ съ 1807 г. пятидесятникомъ въ Московской милиціи; 10 Марта 1810 г. поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; 2 Января 1811 г. произведенъ въ эст.-юнкера, 20 Ноября того же года въ корнеты, въ 1813 г. въ поручики и осенью того же года назначенъ и. д. полкового адъютанта (утвержденъ 30 Ноября 1814 г.); 16 Янв. 1816 г. произведенъ въ шт.-ротмистры и 2 Марта того же года назначенъ адъютантомъ къ Ф. П. Уварову; 22 Іюня 1817 г. переведенъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ и произведенъ въ ротмистры, въ 1819 г. въ полковники; 27 Февраля 1826 г. уволенъ въ отставку «по домашнимъ дѣламъ и семейному раздѣлу», съ чиномъ генералъ-майора и съ мундиромъ, состоя въ должности егермейстера.

Участвовалъ съ Кавалергардскимъ полкомъ въ кампаніяхъ 1812—1814 гг. Подъ Бородиномъ *контуженъ* ядромъ въ спину и награжденъ орд. св. Анны 4 ст.; 8 и 9 Апр. подъ Бауценомъ, состоя при Уваровѣ, награжденъ золотою шпагою; 17 и 18 Авг. подъ Кульмомъ и награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ; 13 Марта 1814 г. при Фершампенуазѣ награжденъ орд. св. Анны 2 ст. и получилъ прусскій орденъ «за заслуги»; въ 1825 г. награжденъ орд. св. Анны 2 ст., алмазами украшенный.

По выходѣ въ отставку, Пашковъ много занимался музыкою и принималъ живое участіе, состоя членомъ, въ дѣятельности «С.-Петербургскаго общества любителей музыки».

Подъ конецъ своей жизни Пашковъ, вслѣдствіе неудачъ въ семейныхъ дѣлахъ, предался «магнетическому лѣченію больныхъ». Съ самаго утра квартира его была наполнена людьми, жаждущими исцѣленія. Пашковъ лѣчилъ больныхъ молитвами и «прикосновеніемъ рукъ». Въ 1844 г. онъ лѣчилъ Армянскаго патріарха Нерсеса.

А. И. Пашковъ былъ женатъ: первымъ бракомъ съ 1819 г. на гр. Екатеринѣ Дмитріевнѣ Зубовой († въ Апрѣлѣ 1821 г.) и имѣлъ дѣтей: Дмитрія (1820—1833), Евдокію (1821—1893, замужемъ за генераломъ Александромъ Борисовичемъ Рихтеромъ), и вторымъ бракомъ, съ 1824 г., на гр. Аделаидѣ Гавриловнѣ Моденъ (1803—1844), отъ которой имѣлъ дочь Александру (р. 5 Іюня 1825 г.), фрейлину Высочайшаго двора.

Пашковъ погребенъ въ Сергіевскомъ монастырѣ близъ инвалиднаго дома гр. Зубовыхъ [1]).

---

[1]) Полк. архивъ; Указъ объ отставкѣ; Свѣдѣнія, сообщ. В. Г. Смиттеномъ.

[1]) Полк. арх.; Лобановъ-Ростовскій, II, 79—81; Свѣдѣнія, сообщ. А. А. Пашковой и гр. Е. А. Мордвиновой.

Дмитрій Михайловичъ Львовъ, 1793—1842, изъ дворянъ Калужской губерніи, сынъ генералъ-майора Михаила Лаврентьевича и Анны Егоровны, рожд. Замятиной, вступилъ въ службу въ 1807 г. въ Калужское ополченіе и въ 1808 г. произведенъ въ колл. регистраторы; 29 Апрѣля 1810 г. опредѣленъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; въ 1811 г. произведенъ въ эст.-юнкера, а 19 Марта 1812 г. въ корнеты. Участвовалъ съ полкомъ въ Отечественной войнѣ и за Бородино получилъ орденъ св. Анны 4 ст.; 23 Сентября назначенъ адъютантомъ къ Н. И. Де-Прерадовичу; въ 1813 г. произведенъ въ поручики; за Кульмъ награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, а за Фершампенуазъ орд. св. Анны 2 ст. и получилъ ордена: прусскій «pour le mérite» и баварскій Максимиліана. Въ 1817 г. Львовъ былъ произведенъ въ шт.-ротмистры и въ томъ же году, 29 Ноября, назначенъ дивизіоннымъ адъютантомъ 1-й Кирасирской дивизіи; въ 1818 г. произведенъ въ ротмистры, 29 Января 1823 г. въ полковники; 22 Февраля 1824 г. назначенъ присутствующимъ въ экспедицію Кремлевскаго строенія, съ пожалованіемъ въ званіе камергера; въ 1826 г. произведенъ въ статскіе совѣтники, а въ 1830 г. ему пожалованъ орденъ св. Анны 2 ст. съ Имп. короной. Одновременно Львовъ завѣдывалъ Кремлевскимъ архитектурнымъ училищемъ и 7 Ноября 1831 г. произведенъ въ дѣйств. статскіе совѣтники; въ 1833 г. назначенъ присутствующимъ въ строительномъ комитетѣ при Московскомъ университетѣ, въ которомъ засѣдалъ до 1838 г. Въ томъ же году началась его служба по благотворительнымъ учрежденіямъ въ качествѣ члена попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія и попечителя Сиротскаго дома; 15 Мая 1835 г. Львовъ былъ уволенъ отъ должности совѣтника Дворцовой конторы и назначенъ попечителемъ Московскаго Дворцоваго архитектурнаго училища. Въ томъ же году онъ принималъ участіе въ устройствѣ въ Москвѣ выставки русскихъ мануфактурныхъ издѣлій, будучи членомъ выставочнаго комитета; 10 Ноября 1837 г. назначенъ членомъ по искусственной части въ комиссію для построенія Храма Спасителя. Разнообразная дѣятельность Львова была награждена орденами: св. Станислава 1 ст. (1834 г.), Анны 1 ст. (1836 г.) и той же степени съ Имп. короной (1837 г.) и Владиміра 2 ст. (1839 г.).

Д. М. Львовъ женатъ не былъ. Владѣлъ 359 душами крестьянъ въ Калужской и Орловской губ. и каменнымъ домомъ въ Москвѣ, послѣднимъ совмѣстно съ сестрой. Скончался онъ 17 Марта 1842 г. и погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ [1]).

Арсеній Хрущовъ, 1793—, изъ Тульскихъ дворянъ, на службу поступилъ 17 Февраля 1812 г. юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; 21 Октября того же года произведенъ въ корнеты, 23 Сентября 1813 г. въ поручики. Затѣмъ Хрущовъ назначенъ въ Кавалерійскіе резервы ген. Кологривова, при выступленіи которыхъ изъ г. Могилева заболѣлъ и поступилъ въ Могилевскій госпиталь, гдѣ находился еще въ Августѣ 1814 г. и, не прибывая къ полку, былъ 4 Января 1816 г. «выключенъ изъ списковъ за долговременное неприбытіе изъ отпуска». Въ Мартѣ того же года онъ, по Высочайшему повелѣнію, преданъ суду при Петербургскомъ ордонансгаузѣ, при чемъ показалъ, что «во время бытности его въ своихъ деревняхъ въ 1813 году въ г. Рославлѣ и въ Тульской деревнѣ свидѣтельства отъ лѣкарей и прошеніе объ отставкѣ были имъ посланы въ полкъ». Высочайшей конфирмаціей 19 Октября 1816 г. Хрущовъ былъ отставленъ отъ службы.

Въ Отечественную войну находился со 2-мъ эскадрономъ въ отрядѣ гр. Витгенштейна и за сраженіе подъ Полоцкомъ 6 Октября награжденъ знакомъ отличія Военнаго ордена [2]).

Въ 1840 г. въ Рославльскомъ уѣздѣ былъ помѣщикъ Василій Арсеньевичъ Хрущовъ, вѣроятно, сынъ этого Хрущова.

Николай Васильевичъ Мухортовъ, 1793—, изъ дворянъ Орловской губ., 9 Марта 1812 г. поступилъ въ Кавалергардскій полкъ юнкеромъ; 21 Октября того же года произведенъ за отличіе въ сраженіи корнетомъ, въ 1813 г. поручикомъ. Участвовалъ въ дѣлахъ при г. Полоцкѣ (6 Авг. и 6 Окт.) и награжденъ знакомъ отличія Военнаго ордена, въ дѣлѣ при Чашникахъ (1 и 2 Ноября); 30 Ноября 1816 г. уволенъ отъ службы за болѣзнію штабсъ-ротмистромъ. Въ 1823 г. поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій при главноначальствующемъ надъ Экспедиціей Кремлевскихъ строеній, съ переименованіемъ въ тит. совѣтники [3]).

---

1) Полковой архивъ; Семейный архивъ; Форм. списокъ; Общій Арх. М. Двора, оп. 1359, кн. 13, стр. 365; Руммель и Голубцовъ, I, 593.

2) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1815 г., кн. 1; Дѣла Инсп. деп., 1816 г., св. 18/13, д. 298; 1816 г., д. 4050; Руммель и Голубцовъ, II, 643.

3) Полк. архивъ; Уничт. бумаги арх. Сената.

Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ 1-й, 1793—1834, отецъ писателя Ивана Сергѣевича, происходилъ изъ стариннаго рода Тульскихъ и Орловскихъ дворянъ, ведущаго свое начало отъ знатныхъ золото-ордынскихъ выходцевъ XV вѣка. Прадѣдъ С. Н. Тургенева, Романъ Семеновичъ, былъ кавалергардомъ въ 1726 году и позднѣе бригадиромъ [1]), а отецъ, Николай Алексѣевичъ (1755, † 7 Іюня 1833) [2]), служилъ въ Семеновскомъ полку и вышелъ въ отставку въ 1780 г. прапорщикомъ. Онъ былъ женатъ на Елизаветѣ Петровнѣ Апухтиной. С. Н. Тургеневъ родился 15 Декабря 1793 г. въ родовомъ своемъ имѣніи, с. Тургеневѣ, Чернскаго уѣзда Тульской губерніи, въ 18 верстахъ отъ с. Спасскаго-Лутовинова; у отца его было всего только 140 душъ крестьянъ.

Въ 1810 г., 24 Апрѣля, шестнадцатилѣтній Тургеневъ поступилъ на службу юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ, а черезъ годъ, 27 Іюня 1811 г., былъ произведенъ въ эст.-юнкера. Тургеневъ участвовалъ въ Бородинскомъ бою, гдѣ «храбро врѣзался въ непріятеля и поражалъ онаго съ неустрашимостью», при чемъ былъ «*раненъ* картечью въ руку» и награжденъ знакомъ отличія Военнаго ордена. Въ кампаніи 1813 г. Тургеневъ не принималъ участія; онъ оставался въ Россіи при резервныхъ эскадронахъ, которые тогда формировалъ генералъ Кологривовъ. За это время Тургеневъ былъ произведенъ—21 Октября 1812 г. въ корнеты, а 23 Сентября 1813 г. въ поручики.

Въ Мартѣ 1814 г. съ резервнымъ эскадрономъ Тургеневъ былъ командированъ за границу для присоединенія къ полку. Онъ встрѣтилъ полкъ только 30 Іюня около Вюрцбурга въ Саксоніи на обратномъ походѣ изъ Франціи и вмѣстѣ съ полкомъ возвратился въ Россію.

Въ Ноябрѣ 1815 г. Тургеневъ былъ уволенъ въ отпускъ въ Орловскую губернію и здѣсь, 14 Января 1816 г., женился на Варварѣ Петровнѣ Лутовиновой, богатой владѣлицѣ населенныхъ имѣній въ губерніяхъ Курской, Калужской, Орловской, Тульской и Тамбовской, доставшихся ей послѣ дяди, передъ тѣмъ скоропостижно умершаго, Ив. Ив. Лутовинова, у котораго она жила съ 1810 года. Тургеневу было въ то время всего 23 года; «онъ былъ очень хорошъ собой: удивительные темные глаза, смѣлые и мужественные... взглядъ какой-то русалочный, свѣтлый и загадочный; чувственныя губы и едва замѣтная усмѣшка». Одна нѣмецкая владѣтельная принцесса высказала разъ В. П. Тургеневой, что она «послѣ Императора Александра I не видала никого красивѣе ея мужа». Варвара Петровна была на 6 лѣтъ старше своего мужа; она родилась 30 Декабря 1787 года. Невысокаго роста, сутуловатая, смуглая брюнетка съ большимъ носомъ, подъ старость сизымъ, съ лицомъ, попорченнымъ оспой, В. П. Лутовинова была очень нехороша собой: большіе черные глаза, загоравшіеся злымъ блескомъ, не только не красили ея лица, но придавали ему еще непріятное выраженіе. Зато она была единственной наслѣдницей большого Лутовиновскаго состоянія, заключавшагося въ нѣсколькихъ тысячахъ крѣпостныхъ душъ, и хорошо понимала, что ея мужъ любилъ не ее, а ея состояніе, что она была для него хорошая, выгодная партія... При некрасивой наружности В. П. Тургенева обладала еще и очень тяжелымъ характеромъ, хотя, говорятъ, была «умна и обаятельна», когда этого хотѣла. По отзыву И. С. Тургенева, «его мать была женщиной, вылившейся въ форму XVIII и первыхъ десятилѣтій XIX вѣка»...

Послѣ женитьбы С. Н. Тургеневъ, просрочивъ отпускъ, вернулся въ полкъ и 9 Августа 1817 г. былъ произведенъ въ шт.-ротмистры. Въ началѣ 1817 года Тургеневъ былъ командированъ отъ полка на югъ для закупки ремонта на 19/т. рублей. Въ этой командировкѣ онъ пробылъ весь годъ, разъѣзжая по Малороссіи и закупая лошадей на частныхъ заводахъ (гр. Гудовича, Лукина, Тургенева и пр.) и по ярмаркамъ, и частью проживая у себя въ Орловской губерніи.

6 Іюля 1818 г. Тургеневъ былъ произведенъ въ ротмистры, а 20 Октября 1819 г. переведенъ подполковникомъ сверхъ комплекта въ Екатеринославскій кирас. полкъ, стоявшій на югѣ.

Въ 1816 г., 4 Ноября, родился старшій сынъ Тургеневыхъ, Николай († 1879 г.), 28 Октября 1818 г.—второй, Иванъ, будущій

---

[1]) Сборн. біогр. Кавалергардовъ, I, 207.

[2]) Надпись на памятникѣ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ. Умеръ 78 лѣтъ.

писатель; третій и послѣдній сынъ, Сергѣй, родился 18 Марта 1821 г. (эпилептикъ; онъ умеръ въ 1839 г.). 20 Февраля 1821 г., С. Н. Тургеневъ вышелъ въ отставку полковникомъ и поселился съ семьею въ с. Спасскомъ-Лутовиновѣ Мценскаго уѣзда. Жизнь въ Лутовиновѣ протекала такъ же, какъ и въ большей части богатыхъ «дворянскихъ гнѣздъ» того времени: многочисленная дворня, свой оркестръ, свои пѣвчіе и театръ, частые гости со всего уѣзда и постоянно мѣнявшіеся гувернеры у дѣтей — всякіе швейцарцы и нѣмцы сомнительнаго качества... И. С. Тургеневъ рано выучился у нихъ французскому языку, но узналъ и полюбилъ русскую литературу, только благодаря крѣпостному камердинеру матери, съ увлеченіемъ читавшему Россіаду Хераскова. Всѣ домочадцы, начиная съ дѣтей, много терпѣли отъ жестокости Варвары Петровны и вспыльчивости Сергѣя Николаевича. Долго наблюдая сцены деспотизма матери надъ крѣпостными, И. С. Тургеневъ всю жизнь помнилъ впечатлѣнія молодости и сознавался, что онъ «выросъ среди побоевъ и истязаній»: В. П. знала одно педагогическое средство — розгу. «Драли меня», разсказывалъ Иванъ Сергѣевичъ, «за всякіе пустяки чуть не каждый день»... Сергѣй Николаевичъ мало этимъ интересовался; жизнь въ Спасскомъ доставляла гораздо болѣе удовольствій мужу, чѣмъ женѣ: она хорошо знала наклонности мужа... Ив. Серг. Тургеневъ не часто вспоминалъ своего отца, но когда это случалось, съ полной искренностью опредѣлялъ преобладавшую черту его характера: «Отецъ мой былъ великій ловецъ передъ Господомъ»...

Есть извѣстіе, что послѣдніе годы жизни С. Н. Тургеневъ страдалъ тяжкой болѣзнью, которую врачи считали каменной и совѣтовали ѣхать для лѣченія и операціи въ Парижъ. Въ 1822 г. Тургеневы отправились всей семьей за границу въ Германію, Францію и Швейцарію. Они ѣхали въ 2 каретахъ и фургонѣ на своихъ лошадяхъ со множествомъ крѣпостныхъ. Это путешествіе едва не стоило жизни будущему писателю: въ Бернѣ, осматривая яму съ городскими медвѣдями, маленькій Иванъ Тургеневъ сорвался и чуть не упалъ въ яму; къ счастью, отецъ успѣлъ его подхватить.

Въ началѣ 1827 г. Тургеневы переѣхали въ Москву, гдѣ купили себѣ домъ на Самотекѣ. Вѣроятно, здоровье Сергѣя Николаевича требовало постояннаго лѣченія, къ тому же дѣти подрастали, и ихъ нужно было помѣщать въ учебныя заведенія. Извѣстно, что И. С. Тургеневъ былъ сначала отданъ въ пансіонъ Вейденгаммера, затѣмъ жилъ у директора Лазаревскаго института Краузе и, наконецъ, въ 1833 г. поступилъ въ Московскій университетъ. Лѣто этого года Тургеневы жили на дачѣ около Донского монастыря, противъ Нескучнаго сада, по крайней мѣрѣ такъ говоритъ Тургеневъ въ своей повѣсти «Первая любовь»: въ героѣ разсказа писатель изобразилъ своего отца, и, по словамъ автора, въ повѣсти этой «нѣтъ ни одной строчки придуманной». Можно прибавить, что противъ Нескучнаго сада и въ настоящее время еще существуетъ старинный домъ съ колоннами, большимъ садомъ и флигелями, гдѣ, повидимому, происходили событія, разсказанныя въ повѣсти... Лѣтомъ 1833 г. умеръ 78-лѣтній старикъ Н. А. Тургеневъ, отецъ С. Н., и былъ похороненъ въ Донскомъ монастырѣ.

Между тѣмъ старшій сынъ Тургеневыхъ, Николай, поступилъ въ военную службу въ Петербургѣ; туда же въ началѣ 1834 г. переѣхала и вся семья. «Черезъ полгода отецъ мой», говоритъ И. С. Тургеневъ въ повѣсти «Первая любовь», «скончался отъ удара въ Петербургѣ, куда только что переселился съ матерью и мною».

С. Н. Тургеневъ умеръ въ Петербургѣ 30 Октября 1834 года.

Кромѣ приведенныхъ выше, другихъ свѣдѣній о С. Н. Тургеневѣ, какъ о человѣкѣ, не имѣется, а потому будетъ не лишнимъ посмотрѣть, какимъ именно пытался изобразить отца сынъ-писатель.

Высокаго роста, красивый, сильный и смѣлый, презиравшій робкихъ людей, прекрасный наѣздникъ, онъ былъ человѣкомъ, полнымъ силъ, жаждущимъ и торопящимся жить и умѣющимъ пользоваться благами жизни... «Отецъ», говоритъ авторъ, «обходился со мной равнодушно-ласково, матушка не обращала вниманія... другія заботы поглощали ее. Мой отецъ, человѣкъ еще молодой и очень красивый, женился на ней по расчету, она была *старше его 10 годами*. Мать вела печальную жизнь: постоянно волновалась, ревновала, сердилась, но не въ присутствіи отца — она очень его боялась, а онъ держался строго, холодно, отдаленно; я не видалъ человѣка болѣе изысканно спокойнаго, самоувѣреннаго и самовластнаго. Размышляя впослѣдствіи о характерѣ моего отца, я пришелъ къ тому заключенію, что ему было не до меня, не до семейной жизни, онъ любилъ другое и насладился этимъ другимъ вполнѣ... «Самъ бери, что можешь», говорилъ онъ сыну, «а въ руки не давайся, самому себѣ принадлежать — въ этомъ вся штука жизни... А знаешь ли, что можетъ дать свободу человѣку? — Воля, собственная воля; и власть она дастъ, которая лучше свободы. Умѣй хотѣть — и будешь свободнымъ и командовать будешь»... Если Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ былъ

дѣйствительно такимъ, какимъ изображенъ герой повѣсти, — онъ былъ полной противоположностью своему знаменитому сыну, которому именно и не хватало того, въ чемъ, по убѣжденію отца, была вся «штука жизни»...

Послѣ смерти С. Н. Тургенева, Варвара Петровна сдѣлалась еще болѣе черствой и причудливой. Она стала вести еще болѣе замкнутую жизнь; высокомѣріе ея не имѣло границъ... Въ силу ли дѣйствительнаго преклоненія предъ памятью мужа или вслѣдствіе того же безмѣрнаго тщеславія, Варвара Петровна сдѣлала изъ кабинета его какое-то святилище, никому недоступное: все оставалось на прежнемъ мѣстѣ, на стѣнѣ висѣлъ писанный въ Парижѣ портретъ Сергѣя Николаевича, задернутый занавѣсью [1])... Эта черствая, озлобленная женщина никого не любила: она разошлась съ сыновьями; нужда и семейныя невзгоды, и горе, потеря внуковъ, не трогали ея... Дольше другихъ она ладила съ братомъ мужа, Н. Н. Тургеневымъ, въ теченіе многихъ лѣтъ управлявшимъ ея имѣніями.

В. П. Тургенева умерла 16 Ноября 1850 г. въ Москвѣ, на Остоженкѣ, въ д. Лошаковскаго и погребена на кладбищѣ Донского монастыря, рядомъ съ могилой отца ея мужа, Н. А. Тургенева [2]).

А. Голомбіевскій.

Василій Васильевичъ Шереметевъ 2-й, 1794 — 1817, братъ Сергѣя Васильевича, родился 1 Марта 1794 года. Изъ эстандартъ-юнкеровъ Кавалергардскаго полка, 21 Октября 1812 г., былъ произведенъ въ корнеты, 23 Сентября 1813 г. — въ поручики, а 15 Октября 1817 г. — въ шт.-ротмистры. Въ томъ же 1817 г. Шереметевъ былъ убитъ на дуэли камеръ-юнкеромъ гр. А. П. Завадовскимъ. Обстоятельства, вызвавшія эту дуэль, были слѣдующія: Шереметевъ увлекся извѣстной тогда балериной

Истоминой, которая около двухъ лѣтъ была у него на содержаніи и жила съ нимъ на одной квартирѣ. Въ Ноябрѣ 1817 г. между нимъ и Истоминой произошелъ разрывъ. Истомина увѣряла, что она «давно намѣревалась, по безпокойному его характеру и жестокимъ съ нею поступкамъ, отойти отъ него»; нѣкоторыя лица изъ высшаго Петербургскаго общества предполагали наоборотъ, что Шереметевъ, «по юнымъ лѣтамъ своимъ, вѣроятно, ничѣмъ другимъ передъ нею не провинился, какъ тѣмъ, что обмелѣлъ его карманъ». Какъ бы то ни было, Истомина 3 Ноября переѣхала отъ Шереметева на отдѣльную квартиру, а 5 Ноября изъ театра отправилась къ гр. Завадовскому вмѣстѣ съ А. С. Грибоѣдовымъ, квартировавшимъ тогда у Завадовскаго. Объ обстоятельствахъ этого визита Истомина на слѣдствіи показала, что, «когда она была 5 числа, въ понедѣльникъ, въ танцахъ на театрѣ, то знакомый какъ ей, такъ и Шереметеву, вѣдомства Госуд. Коллегіи Ин. дѣлъ губ. секр. Грибоѣдовъ, часто бывшій у нихъ по дружбѣ съ Шереметевымъ и знавшій о ссорѣ ея съ нимъ, позвалъ ее съ собою ѣхать къ служащему при театральной дирекціи д. ст. сов. кн. Шаховскому, къ коему по благосклонности его нерѣдко ѣзжала, но, вмѣсто того, завезъ ее на квартиру Завадовскаго, но не сказывая, что его квартира, куда вскорѣ пріѣхалъ и Завадовскій, гдѣ онъ, по прошествіи нѣкотораго времени, предлагалъ ей о любви, но въ шутку или въ самомъ дѣлѣ, того не знаетъ, но согласія ему на то объявлено не было, съ коими посидѣвши нѣсколько времени, была отвезена Грибоѣдовымъ на свою квартиру». По этому поводу Грибоѣдовъ показалъ, что онъ Истомину «пригласилъ ѣхать единственно для того только, чтобъ

---

[1]) Портретъ этотъ неизвѣстно гдѣ находится.

[2]) Леф. арх., Форм. сп. за 1820 г.; Наградн. дѣла, св. 94; Полков. арх.; Руммель и Голубцовъ, II, 545 и 546; Сборникъ біогр. Кавалергардовъ, I, 207; Ивановъ, И. С. Тургеневъ, 7 — 11; Mourier, Tourguénefl à Spasskoé; 7 — 8, 47, 56, 73 etc.; Житова, «Семья Тургенева», В. Евр., 1884, XI, 72 — 124; «Тургеневъ въ его разсказахъ», Р. Стар., 1883/X, 202—204; Рында, «Черты изъ жизни Тургенева», И. Вѣстн., 1894/II, 414, 419; Аргамакова, «Сем. Тургенева», И. Вѣстн., 1884/II, 325—330; Колонтаева, «Восп. о Спасскомъ», Ист. Вѣстн., 1885/V, 41 — 46, 54 — 60; Муромцевъ, Воспом., Р. Арх., 1890/I, 386 и 387; Фетъ, «Мои воспоминанія», I, 269; Первое собраніе писемъ Тургенева, 233; «Нива», 1884 г., 15 и 38; Полн. Собр. Сочин. И. С. Тургенева, тт. I и VII (изд. Маркса).

узнать подробнѣе, какъ и за что она поссорилась съ Шереметевымъ, и какъ онъ жилъ до сего времени за недѣлю на квартирѣ гр. Завадовскаго, то и завезъ на оную, куда пріѣхалъ и Завадовскій, но объяснялся ль онъ ей въ любви, не помнитъ, но послѣ отвезъ въ ея квартиру». Завадовскій сначала утверждалъ, что онъ «ее въ театрѣ, на лѣстницѣ лично приглашалъ къ себѣ, когда она оставитъ Шереметева, побывать въ гостяхъ у него, но съ кѣмъ она пріѣхала къ нему, не знаетъ и о любви, можетъ-быть, въ шуткахъ говорилъ и дѣлалъ разныя предложенія», но на очной ставкѣ съ Грибоѣдовымъ онъ взялъ назадъ свое показаніе и заявилъ, что онъ «ошибся, принявши визитъ Истоминой на свой счетъ». Разсказывали, что Истомина, опасаясь Шереметева, просила Грибоѣдова ждать ея съ санями у Гостинаго двора, куда балерина пріѣхала въ театральной каретѣ. На третій день послѣ этого приключенія Шереметевъ просилъ прощенія у Истоминой и звалъ ее къ себѣ, а когда она стала выражать свое прежнее желаніе «ѣхать къ кн. Шаховскому», то Шереметевъ, подобно Грибоѣдову, подъ этимъ самымъ предлогомъ завезъ ее къ себѣ и грозилъ застрѣлиться, если она не останется у него. Видя Шереметева «въ такомъ чистосердечномъ раскаяніи и не желая довести до отчаянія», Истомина согласилась на его предложеніе. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней Шереметевъ замучилъ Истомину разспросами о томъ не была ли она у кого-нибудь во время ихъ ссоры, при чемъ грозилъ застрѣлить уже ее. Вынудивъ у Истоминой признаніе о ея визитѣ Завадовскому, Шереметевъ вызвалъ его на дуэль. Правда, секундантъ и другъ Шереметева, лб.-гв. Уланскаго полка корнетъ Якубовичъ [1]), утверждалъ, что причиной дуэли былъ какой-то «поступокъ Завадовскаго, не дѣлавшій чести благородному человѣку», но разъяснить эти слова отказался, ссылаясь на обѣщаніе хранить тайну, данное имъ умиравшему Шереметеву, а отъ очной ставки съ Завадовскимъ уклонился, прося «пощадить его, не давъ случая видѣть убійцу друга его и виновника всѣхъ его несчастій». Вообще подробности поединка не были вполнѣ выяснены, потому что оба—Завадовскій и Якубовичъ—старались всячески выгородить прочихъ участниковъ дуэли. Въ Петербургѣ носились слухи, что дуэль была предположена двойная, и что Якубовичъ посовѣтовалъ Шереметеву вызвать Грибоѣдова, а самъ обѣщалъ стрѣляться съ Завадовскимъ; Грибоѣдовъ будто бы, наоборотъ, предложилъ Шереметеву стрѣляться съ Завадовскимъ, а самъ сдѣлалъ вызовъ Якубовичу. Дуэль между Грибоѣдовымъ и Якубовичемъ, состоявшаяся въ Тифлисѣ осенью 1818 г., какъ бы подтверждаетъ эти слухи. Официальное слѣдствіе, производившееся Кавалергардскаго полка полковникомъ Ланскимъ 3-мъ совмѣстно съ полицеймейстеромъ полковникомъ Ковалевымъ, выяснило только, что 9 Ноября, въ 4 часа дня, Шереметевъ съ Якубовичемъ пріѣхалъ къ Завадовскому и потребовалъ отъ него «тотъ же часъ драться на смерть». Завадовскій просилъ дать два часа срока для того, чтобы пообѣдать, и тогда Якубовичъ рѣшилъ отложить дуэль до 10 Ноября. На другой день, въ 9-мъ часу утра, Шереметевъ и Якубовичъ пріѣхали снова къ Завадовскому для переговоровъ о дуэли, при чемъ Шереметевъ, какъ и наканунѣ, говорилъ, что онъ «ничѣмъ не обиженъ», но что поединокъ долженъ быть смертельнымъ, потому что онъ «клятву далъ». Якубовичъ, правда, опровергалъ показанія Завадовскаго о суровыхъ условіяхъ дуэли и о клятвѣ Шереметева, но эти показанія были подтверждены гвардейской артиллеріи подпоручикомъ бар. Строгановымъ, бывшимъ въ то время у Завадовскаго. Завадовскій тщетно старался успокоить Шереметева и отклонить его отъ дуэли, просилъ между прочимъ у него письменнаго вызова. Баронъ Строгановъ также не могъ убѣдить Шереметева въ безцѣльности поединка. 10 Ноября дуэль не могла состояться потому, что для нея не выбрали еще мѣста, а 11-го—вслѣдствіе снѣжной погоды. Только въ понедѣльникъ 12 Ноября, въ два часа дня, противники съѣхались на Волковомъ полѣ. Барьеръ былъ сдѣланъ на 18 шагахъ, и было условлено, что кто первый выстрѣлитъ, тотъ долженъ подойти къ барьеру. Завадовскій и Якубовичъ отрицали присутствіе секундантовъ; но молва называла свидѣтелями дуэли Грибоѣдова, лейбъ-гусара Каверина и доктора Іона. Шереметевъ выстрѣлилъ первый, выведенный, по словамъ Якубовича, изъ терпѣнія медленностью Завадовскаго, и оторвалъ пулею край воротника у сюртука противника. При этомъ Шереметевъ, по словамъ Завадовскаго, повторилъ, что если этотъ послѣдній не попадетъ, то онъ по немъ стрѣляетъ вновь. Тогда Завадовскій, ради самообороны, вынужденъ былъ стрѣлять въ Шереметева. Согласно съ несовсѣмъ достовѣрнымъ разсказомъ Завадовскаго о дуэли, находящимся въ «Воспоминаніяхъ» Пржецлавскаго, Завадовскій стрѣлялъ сначала нарочно мимо и предлагалъ примиреніе, отъ котораго Шереметевъ, одно время колебавшійся, отказался, по настоянію Грибоѣдова. По даннымъ, добытымъ слѣдствіемъ, Завадовскій, бывшій

[1]) Декабристъ.

отличнымъ стрѣлкомъ, цѣлился очень долго, сдѣлалъ два раза вспышку на полкѣ и одинъ разъ осѣчку и только послѣ этого выстрѣлилъ въ Шереметева. Пуля попала въ бокъ, а по другимъ свѣдѣніямъ—прошла черезъ животъ и засѣла въ лѣвомъ боку. Шереметевъ тотчасъ упалъ, но потомъ поднялся на ноги и стоялъ до тѣхъ поръ, пока его не положили для перевязки, которую, какъ утверждалъ Якубовичъ, желая, вѣроятно, выгородить присутствовавшаго при дуэли врача, онъ сдѣлалъ раненому самъ. По совершенно неправдивому извѣстію «Записокъ» Н. Н. Муравьева, Якубовичъ послѣ окончанія поединка между Шереметевымъ и Завадовскимъ «съ досады» выстрѣлилъ въ послѣдняго и прострѣлилъ ему шляпу. Якубовичъ отвезъ Шереметева на его квартиру, гдѣ этотъ послѣдній и умеръ 13 Ноября, въ $5^3/_4$ часа пополудни. Онъ былъ погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Говорили, что отецъ Шереметева просилъ Государя не подвергать Завадовскаго наказанію, и Императоръ Александръ Павловичъ, выслушавъ объясненія Завадовскаго, призналъ, что убійство Шереметева было совершено «въ необходимости законной обороны». Завадовскій былъ отправленъ за границу, а Якубовичъ переведенъ на Кавказъ [1]).

В. Шереметевскій.

Иванъ Александровичъ Даниловъ, 1795—, изъ дворянъ Тульской губ. (VI кн.), сынъ капитана Семеновскаго полка Александра Ивановича и Александры Ивановны, рожд. Шеншиной, родился 16 Іюня 1795 г.; въ службѣ съ 12 Января 1812 г. юнкеромъ въ Кавалергардскомъ полку и за отличіе подъ Бородиномъ получилъ солдатскій георгіевскій крестъ и произведенъ 21 Октября того же года корнетомъ. Съ полкомъ же онъ сдѣлалъ кампаніи 1813 и 1814 гг. и за Кульмъ награжденъ орд. св. Анны 4 ст., а за Фершампенуазъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ; 23 Сент. 1813 г. произведенъ поручикомъ. Даниловъ былъ прикосновененъ къ дѣлу о нанесеніи С. Ф. Колычевымъ оскорбленія дѣйствіемъ Порховскому исправнику Мягкову, но Колычевъ выгородилъ его. По дѣлу подпоручика Нащокина былъ, по Высочайшей волѣ, арестованъ на 2 недѣли, съ выпискою «по положенію» въ армію, и 13 Мая 1816 г. переведенъ ротмистромъ въ Бѣлорусскій (пр. Оранскаго) гус. полкъ, гдѣ 4 Мая 1823 г. произведенъ майоромъ, съ переводомъ въ Александрійскій гус. полкъ, откуда 26 Ноября того же года переведенъ обратно въ Бѣлорусскій полкъ, а 14 Января 1825 г. уволенъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ подполковникомъ, съ мундиромъ. По выходѣ въ отставку женился на Марьѣ Сергѣевнѣ, рожд. Савиной (изъ рода лейбъ-компанца Никиты Саввича Савина) (р. 8 Сент. 1805, † 2 Мая 1878) и имѣлъ дѣтей: Александра (р. 27 Дек. 1828—†), Сергѣя (30 Янв. 1830—†), Константина (р. 24 Мая 1836), Георгія (р. 26 Марта 1839).

Имѣлъ 1065 душъ въ Тульской и Орловской губерніяхъ. Умеръ 28 Сентября 1842 г. и погребенъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ погребена и жена его [1]).

Николай Николаевичъ Тургеневъ 2-й, 1795—1881, младшій братъ Сергѣя Николаевича, на 17-мъ году, какъ и старшій братъ, поступилъ на службу 17 Февраля 1812 г. юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ. Оба брата служили въ одномъ эскадронѣ, вмѣстѣ участвовали въ Отечественной войнѣ и въ Бородинскомъ бою, въ числѣ первыхъ «храбро врѣзались во фронтъ непріятеля», за что и награждены знакомъ отличія Военнаго ордена, въ одинъ и тотъ же день (21 Октября 1812 г.) произведены въ корнеты и перечислены въ резервные эскадроны, а 23 Сентября 1813 г.—въ поручики, также въ одинъ день съ братомъ Сергѣемъ Николаевичемъ.

[1]) Полк. архивъ; Дѣло о дуэли въ Леф. архивѣ, оп. 1, св. 74/109, № 949; Р. Стар., 1874/II, 161—163; 1883/III, 384—386; 1900/II, 119; Русск. Арх., 1886/II, 331; Саитовъ, «Некрополь», 190; Свѣдѣнія, сообщ. А. П. Барсуковымъ.

[1]) Полк. арх.; Леф. арх., д. канц. нач. Гл. шт., св. 14, д. 193; Форм. сп. 1824 г., кн. 6151; см. біогр. *С. Ф. Колычева* и *М. А. Гревса.*

6 Ноября 1816 г. Н. Тургеневъ былъ уволенъ отъ службы по болѣзни штабсъ-ротмистромъ.

А. А. Фетъ познакомился съ Тургеневымъ, когда ему было уже далеко за 60 лѣтъ; когда-то «ломавшій подковы», онъ и теперь казался «могучимъ старикомъ»; веселый, остроумный и общительный, онъ былъ любимъ всѣми сосѣдями и знакомыми. Фетъ называетъ его «милѣйшимъ старикомъ, незабвеннымъ здравомысломъ» и т. п., а графъ Л. Н. Толстой однажды, на похвалы Фета только что уѣхавшему домой Н. Н. Тургеневу, тоже воскликнулъ: «Онъ прелесть!» и, схвативши у кого-то зубочистку-перо въ бисерномъ чехольчикѣ, прибавилъ: «въ своемъ пышномъ бѣломъ галстукѣ и шелковой муаровой жилеткѣ песочнаго цвѣта—онъ вотъ что!» Если вспомнить моду двадцатыхъ годовъ на бисерные часовыя цѣпочки, кошельки, то лучше нельзя было выразить всего общаго тона Н. Н. Тургенева, что не мѣшало ему быть вполнѣ хорошимъ, добрымъ и толковымъ человѣкомъ.

Послѣ смерти (въ 1834 г.) брата Сергѣя Николаевича, Тургеневъ въ теченіе болѣе 10 лѣтъ былъ главнымъ управляющимъ у его вдовы, матери знаменитаго романиста. «Главнымъ лицомъ въ домѣ», говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Колонтаева, «былъ родной братъ ея мужа, Н. Н. Тургеневъ; онъ управлялъ ея имѣніями и завѣдывалъ всѣми дѣлами, хотя полновластнымъ хозяиномъ не былъ, потому что все дѣлалось по иниціативѣ Варвары Петровны». Имѣть дѣло съ ней было не легко, и, помимо труда по управленію ея обширными имѣніями, Николаю Николаевичу приходилось еще устранять и улаживать проявленія или послѣдствія самодурства и жестокости этой деспотичной женщины. Незадолго до смерти Варвары Петровны († 1850 г.), Тургеневъ навлекъ на себя ея неудовольствіе женитьбой на одной изъ ея горничныхъ. Тургеневъ оставилъ Спасское-Лутовиново и переселился въ свое маленькое имѣньице Сухово Карачевскаго уѣзда.

Весной 1858 г. И. С. обратился къ дядѣ Николаю Николаевичу съ предложеніемъ принять на себя труды по управленію всѣми его имѣніями, такъ хорошо ему знакомыми. Въ это время Н. Н. Тургеневъ былъ уже второй разъ женатъ «на совсѣмъ молоденькой женщинѣ, болѣе годившейся ему во внучки», Елизаветѣ Семеновнѣ Бѣлокопытовой (р. 1823 г.), и имѣлъ отъ нея двухъ дочерей: Варвару, замужемъ въ 1-мъ бракѣ за Н. В. Арсеньевымъ, во 2-мъ — за ген. С. И. Мосинымъ, и Екатерину—за Конушевичемъ.

И. С. Тургеневъ говорилъ Николаю Николаевичу: «Не безпокойся, дядя, твои дѣти—мои дѣти, и мое состояніе—ихъ состояніе», и въ видѣ обезпеченія выдалъ дядѣ векселъ на 20/т. рублей.

Переселившись въ Спасское, старикъ Тургеневъ зажилъ здѣсь полнымъ хозяиномъ; племянникъ пріѣзжалъ сюда гостемъ, отношенія его съ дядей были прекрасныя; Ив. Серг. былъ чрезвычайно внимателенъ и съ домашними Ник. Ник., выписывалъ для нихъ газеты и журналы, подарилъ имъ рояль, снисходительно выслушивалъ ихъ безыскусственное пѣніе... Фетъ, братья гр. Толстые и другіе сосѣдніе помѣщики были частыми гостями у Н. Н. Тургенева, а въ день именинъ старика (9 Мая) и его жены (5 Сентября) въ Спасскомъ бывалъ «пиръ горой», съ фейерверкомъ на лугу, устраивавшимся, по старой памяти, бывшими дворовыми. За обѣдомъ «дядя въ новой черной муаровой ермолкѣ, могучій и веселый, всегда самъ становился у верхняго конца стола, ловко разсылая гостямъ уху изъ налимовъ».

Первое время И. С. Тургеневъ былъ, повидимому, доволенъ управленіемъ дяди, но уже съ 1864 г. начались между ними недоразумѣнія изъ-за денежныхъ расчетовъ, доходности имѣній и отчетности по управленію. Поселившись въ Баденѣ, И. С. сталъ все чаще и настойчивѣе требовать присылки денегъ и указывать на недостаточность доходовъ съ имѣній. Не привыкшій къ такимъ требованіямъ племянника, Ник. Ник. упорно отказывался отъ высылки денегъ и жаловался всѣмъ на чрезмѣрную требовательность Ивана Сергѣевича. Уже въ концѣ 1864 г. И. С. Тургеневъ обращался къ П. В. Анненкову съ просьбой подыскать ему управляющаго, «такъ какъ дядя старѣетъ и путаетъ его дѣла». Проживъ затѣмъ лѣтомъ 1865 г. мѣсяцъ въ Спасскомъ, Тургеневъ, очевидно, подъ вліяніемъ личныхъ переговоровъ съ дядей, нѣсколько измѣнилъ свое намѣреніе и въ Мартѣ 1866 г. писалъ Анненкову въ такомъ смыслѣ: «Мнѣ нуженъ молодой человѣкъ, честный и дѣльный, который сперва бы помогалъ моему одряхлѣвшему дядѣ, а потомъ замѣнилъ бы его. Я бы предоставилъ дядѣ управленіе и распоряженіе однимъ Спасскимъ, а остальныя всѣ дѣла поручилъ бы этому молодому чечеловѣку».

Когда въ 1867 г. Тургеневъ нашелъ управляющаго (Кишинскаго) и предписалъ ему принять отъ дяди управленіе такъ, какъ тотъ пожелаетъ ему сдать, не требуя ни въ чемъ отчета, Ник. Ник., по разсказу Фета, «громко рыдалъ каждый разъ, когда въ рѣчахъ касался грозящей ему сдачи управленія не лично Ивану». «Злополучный старецъ» даже демонстративно началъ топить печи, вмѣсто дровъ,

полынью, обильно росшей на копаныхъ чаплыгинскихъ поляхъ, «ничего не желая, какъ только разойтись по всей справедливости, не давая возможности возникновенію слуховъ, могущихъ повредить его доброму имени, этому единственному достоянію его дочерей».

20 Мая 1867 г. Н. Н. Тургеневъ оставилъ, наконецъ, Спасское, получивъ предварительно «изъявленіе благодарности» отъ племянника въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и обѣщаніе пенсіи въ 1000 р. въ годъ. Окончательный разрывъ между дядей и племянникомъ произошелъ тогда, когда вскорѣ Ив. Серг. узналъ, что безденежные векселя въ 20/т. руб., данные имъ дядѣ въ обезпеченіе его дѣтей при вызовѣ изъ Юшкова, представлены Ник. Ник. ко взысканію. Въ оплату векселей Ник. Ник. было сначала предложено получить Холодово, одно изъ имѣній Тургенева, а затѣмъ они были выкуплены за наличныя деньги.

Въ началѣ 1872 года Ник. Серг. Тургеневъ сообщилъ брату, что 80-лѣтній ихъ дядя ослѣпъ и помѣщенъ въ больницу, а 23 Марта Ив. Серг. въ отвѣтъ на это писалъ: «Картина Н. Тургенева—слѣпого въ больницѣ, возбудила во мнѣ жалость... все-таки я глубоко любилъ его—и не могу я не дорожить этимъ прошедшимъ. Я непремѣнно посѣщу его, да и ты, братъ, могъ бы тоже сдѣлать, вспомнивъ, что мы всѣ люди, жалкія, слабыя, на смерть осужденныя существа. Сегодня—тотъ, завтра—я, какъ же не сострадать къ своему ближнему—и кто изъ насъ безгрѣшенъ; кто имѣетъ право строго судить другого».

Н. Н. Тургеневъ умеръ въ 1881 году; жена его умерла въ 1874 году [1]).

А. Голомбіевскій.

Александръ Ивановичъ Шепелевъ, —1813, изъ Калужскихъ дворянъ, сынъ бригадира Ивана Дмитріевича и Елизаветы Петровны (фам. неизвѣстна), поступилъ въ кавалергарды въ Іюлѣ 1712 г., юнкеромъ. За Бородино, «гдѣ храбро врѣзался во фронтъ непріятеля», награжденъ знакомъ военнаго ордена и 21 Октября того же года произведенъ корнетомъ.

Въ походѣ 1813 г. исправлялъ должность полк. квартермистра, участвовалъ въ Кульмскомъ сраженіи и награжденъ орд. св. Анны 4-й ст., а 13 Декабря произведенъ въ поручики. Въ сраженіи подъ Фершампенуазомъ *смертельно раненъ* при послѣдней атакѣ кавалергардовъ, рѣшившей исходъ дѣла, и къ вечеру того же дня (13/25 Августа) скончался въ с. Connantray, гдѣ и погребенъ. Н. Н. Муравьевъ, описывая смерть А. И. Шепелева, говоритъ: «Молодой, красивый собой и хорошій офицеръ; пуля, минуя кирасу, поразила его подъ мышку». На другой день полковой священникъ о. Гратинскій похоронилъ Шепелева близъ наружной ограды кладбищенской церкви (нынѣ упраздненной) д. Коннантрэ. «Зрѣлище было трогательное», говоритъ Муравьевъ, «потому что всѣ любили его въ полку. Генералъ Де-Прерадовичъ обнялъ покойника, котораго въ буркѣ опустили въ могилу при отданіи послѣдней чести на трубахъ и залпами изъ пистолетовъ» [1]).

О кончинѣ и мѣстѣ погребенія Шепелева, благодаря содѣйствію барона Л. А. Фредерикса, полкъ имѣлъ возможность собрать нижеслѣдующія свѣдѣнія:

«Département de la Marne. Arrondissement d'Epernay. Ville de Fère-Champenoise.

Le 27 Février 1896.

A Monsieur le Général Baron de Fréedéricksz,
Agent Militaire de Russie.

Monsieur le Général,

En réponse à Votre lettre du 22 Février courant, j'ai l'honneur de Vous faire connaître qu'il n'existe pas de monument commémoratif aux combats de la Fère-Champenoise, soit sur le champ même de bataille, soit dans les communes voisines.

J'ignorai l'existence d'un monument funéraire sur le lieu de sépulture de M. le Lieutenant Schépéleff, mais les indications contenues dans Votre lettre m'ont permis de faire des recherches, qui viennent d'aboutir, et dont je m'empresse de Vous communiquer le résultat.

---

1) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1816 г., кн. 1; Нагр. дѣла, св. 94; Руммель и Голубцовъ, II, 545, 546, 897; Фетъ, «Мои воспоминанія», I, 249, 255, 269, 276, 374, 409; II, 69, 70, 113—115, 165, 168, 173, 357; Гутьяръ, «И. С. Тургеневъ и его дядя Н. Н. Тургеневъ», Орловск. Вѣстн., 1899, Іюнь (отд. отт.); Семенковичъ, По поводу ст. Гутьяра «И. С. Тургеневъ и Фетъ», Вѣстн. Евр., 1900/IV, 857—859; Колонтаева, «Восп. о с. Спасскомъ», Ист. Вѣстн., 1885/X, 46, 54, 60; Mourier, «I. S. Tourguéneff à Spasskoé», 6 et 7; Арсеньевъ, «Родъ бр. Арсеньевыхъ», 80.

1) Р. Архивъ, 1886/II, 97 и 98.

Il existe à Connantray (village situé à six kilomètres à l'ouest de Fère-Champenoise), sur l'ancien cimetière, près de l'église, une simple dalle de pierre, sans inscription, connue par les habitants comme marquant le lieu de sépulture d'un officier Russe, tué en 1814.

Mon collègue de Connantray a bien voulu m'envoyer la copie que Vous trouverez ci-jointe d'un acte dressé le 25 Mars 1814, constatant le décès de Mr «Alexandre Chapelle», âgé d'environ 27 ans, Lieutenant de la Garde Impériale Russe, mort de ses blessures [1]).

Il paraît évident qu'il y a eu erreur de nom dans cet acte. «Chapelle» est un nom absolument français que l'on n'a pu obtenir qu'en estropiant plus ou moins le mot russe prononcé ou écrit soit par le blessé, soit par ceux qui l'accompagnaient.

Voici quelques autres renseignements que mon collègue m'a fournis, tant d'après ses souvenirs personnels que d'après les récits qui se sont transmis dans les familles, depuis 1814.

L'officier blessé sur le champ de bataille a été ramené à Connantray, dans la maison du nommé Martel, maréchal-ferrant, où il est mort.

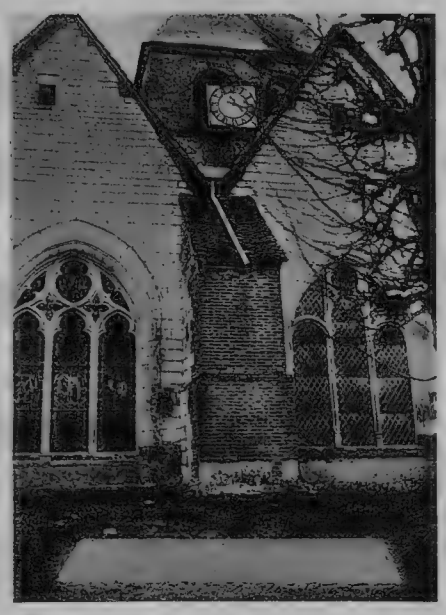
La cérémonie d'inhumation a été faite par un aumônier russe, en présence du curé de Connantray.

Il y a plus de cinquante ans (c'était approximativement de 1838 à 1840), trois dames russes, parentes d'un officier russe, tué à la bataille de Fère-Champenoise, sont venues de Paris, pour faire des recherches relativement à ce parent. A Fère-Champenoise un postillon, nommé André, leur ayant appris qu'un officier russe était inhumé à Connantray, elles sont allées prier sur sa tombe.

«Je vois encore», me dit mon collègue, «la mère et ses deux filles à genoux sur la pierre. La mère a fait casser un morceau de la pierre recouverte de mousse et l'a enroulé dans son mouchoir de poche blanc.

«Monsieur de Connantray (propriétaire du château de ce nom), se trouvant présent, a invité ces dames à aller au château, mais elles ont poliment refusé».

[1]) Extrait des registres de l'état civil de la commune de Connantray, pour l'année 1814.— L'an mil huit cent quatorze, le vingt-cinquième jour du mois de Mars, à sept heures du soir—par devant nous, Marc Hilaire, Maire de la commune de Connantray, Département de la Marne, canton de la municipalité de Fère-Champenoise—sont comparus Monsieur Boyer de Cauzel, âgé de soixante-treize ans, desservant la commune de Connantray, Nicolas-Marc Laurin, âgé de quarante-neuf ans, adjoint au maire de ladite commune, lesquels nous ont déclaré que le sieur Alexandre Chapelle, âgé de vingt-sept ans environ, Lieutenant de la Garde Impériale de Russie, est mort de ses blessures ledit jour vingt-cinq Mars, et ont, les déclarants, signé avec nous le présent acte, après que lecture leur en a été faite. Ont signé: Boyer de Cauzel, Laurin et Marc Hilaire Colin.



Могила А. И. Шепелева.

Quelques années avant la guerre de 1870, un parent de cet officier est resté une huitaine au château de Connantray et a remis une petite somme au curé; il a promis d'envoyer de l'argent pour faire placer dans l'église une inscription rappelant le souvenir du défunt, ce qui n'a pas été fait.

D'un autre côté, le facteur rural Emile Lheureux me communique les détails suivants qu'il tient des habitants de Connantray, notamment d'une veuve Royer actuellement âgée de 90 ans.

«Le lieutenant russe a été blessé entre le village de Connantray et la ferme de Nozet située sur le même territoire. Les trois dames russes venues en 1838 ont fait célébrer un service à l'église de Connantray. Le neveu du Lieutenant [1]), venu un an avant la guerre de 1870, avait demandé la concession à perpétuité du terrain recouvert de la pierre funéraire, ce qui n'a pu lui être accordé, l'ancien cimetière étant supprimé.

«La commune a offert de transporter les restes dans le nouveau cimetière, — mais ce parent a déclaré que c'était un sacrilège en Russie de toucher aux restes des morts. Malgré la suppression du cimetière la sépulture dont il s'agit a été respectée et la pierre subsiste toujours».

La photographie de la dalle nue qui constitue tout le monument funéraire, présenterait peu d'intérêt. Cependant je me chargerai volontiers de la faire exécuter, si Vous le désirez.

Quant au champ de bataille ce n'est pas une photographie, mais une carte qu'il faut pour l'embrasser dans son ensemble. De Sommesous où commença la bataille par l'attaque de l'armée alliée contre les corps de Marmont et de Mortier,

[1]) Это былъ А. В. Сухово-Кобылинъ.

à Fère-Champenoise la distance est de 16 kilomètres; il y a encore 8 kilomètres de Fère-Champenoise à Bannes où la journée du 25 Mars se termina par l'écrasement des divisions Pacthod et Amey.

Je me tiens à Votre disposition, Monsieur le Général, et je serai heureux de recueillir, pour Vous les transmettre, tous autres renseignements que Vous pourriez désirer.

Malgré les souffrances que l'invasion de 1814 a causées à nos pères, les populations Champenoises partagent les sentiments de la France entière envers la Nation Russe. Russes et Français dorment côte à côte depuis un siècle sur bien des champs de bataille; et aujourd'hui leurs fils réconciliés, unis par une solide amitié, honorent partout d'un même culte, sans distinction de nationalité, les morts glorieux dont ils ont la garde.

Veuillez agréer, mon Général, l'assurance de mes sentiments les plus respectueux.

Guyot-Prieu.

Въ 1899 г. кавалергарды возобновили памятникъ на могилѣ. При этомъ Реймскій архитекторъ Brunnette отказался отъ вознагражденія за свои труды. По докладѣ о семъ Августѣйшему Шефу, былъ пожалованъ г. Брюнетту орденъ св. Анны 3 ст. [1]).

Оттонъ Дмитріевичъ [2]) (Отто-Густавъ) Шеппингъ, 1790 — 1874, младшій сынъ Эрнеста-Дидриха (1749—1818) и жены его, рожденной графини Елизаветы Стакельбергъ (1760—1837). Воспитываясь въ пансіонѣ аббата Николя, числился въ службѣ съ 1805 г. юнкеромъ въ Иностранной коллегіи. 12 Января 1810 г. причисленъ къ миссіи въ Берлинѣ и въ 1811 г. произведенъ переводчикомъ. Въ то время въ Берлинѣ, какъ извѣстно, фактически царствовалъ не король, а французскій посланникъ, зорко наблюдавшій за сношеніями прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ съ русскимъ посланникомъ, а потому, дабы не навлечь подозрѣній, сношенія эти происходили ночью чрезъ посредство Шеппинга.

11 Мая 1812 г. Шеппингъ былъ уволенъ изъ Иностранной коллегіи и въ Іюнѣ поступилъ юнкеромъ въ 4 Конно-артиллерійскую роту (Мерлина) и 23-го того же мѣсяца произведенъ прапорщикомъ за отличіе въ дѣлахъ при м. Катержишкахъ (21—23 Іюня). Затѣмъ онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Витебскомъ (14 и 15 Іюля), Смоленскомъ (4 и 5 Авг.), Бородиномъ (24 и 26 Авг.), Тарутиномъ (6 Окт.) и награжденъ орд. св. Анны 4 ст.; при М.-Ярославцѣ (12 Окт.), Красномъ (4—6 Окт.). 18 Дек. 1812 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, а на другой день «прикомандированъ, по Высочайшей волѣ Государя Императора, къ ген.-ад. Чернышеву, отправляющемуся по особеннымъ порученіямъ». Назначеніе это, очевидно, состоялось по той причинѣ, что на Чернышева возлагалось занятіе Берлина, а Шеппингъ по предыдущей своей службѣ въ этой столицѣ могъ быть ему особенно полезенъ. Съ Чернышевымъ онъ участвовалъ въ дѣлахъ при Маріенвердерѣ (31 Дек.), Циркѣ (30-го), Пинне (31-го), Шереповѣ и Шилинѣ (1 Февр.) [1]) и въ атакѣ 8 Февраля Берлина, гдѣ Шеппингъ «изъ первыхъ ворвался въ городъ... во время удара, дѣланнаго полк. Тетенборномъ, потомъ, когда раненъ былъ артиллерійскій офицеръ, подъ сильными картечными и ружейными выстрѣлами, командуя двумя орудіями, принудилъ непріятельскія (орудія) молчать и колоннамъ наносилъ большой вредъ». Отрядъ Чернышева ворвался въ городъ, но не могъ въ немъ удержаться и отступилъ къ Ораніенбургу. За рядъ дѣлъ, предшествовавшихъ налету на Берлинъ, Шеппингъ былъ произведенъ въ поручики, а за послѣднее дѣло награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ.

20 Февраля въ Берлинъ вступилъ авангардъ отряда гр. Витгенштейна. Съ авангар-

---

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., мѣс. рапорты, св. 1; Нагр. дѣла, св. 14, д. 4; Р. Стар., 1882/VIII, 419; Лобановъ-Ростовскій, II, 388.

[2]) Въ формулярныхъ спискахъ полка до 1824 г. назывался Дмитріемъ Андреевичемъ.

[1]) Въ одномъ изъ этихъ дѣлъ Шеппингъ, «будучи посланъ ген.-ад. Чернышевымъ съ партіей для захваченія непріятельскихъ пикетовъ, столь успѣшно оное исполнилъ, что завладѣлъ однимъ трактомъ и потомъ встрѣтилъ всѣхъ по оному кинувшихся непріятелей, положа многихъ на мѣстѣ, взялъ въ плѣнъ 1 офицера, 2 унт.-офицеровъ и 22 рядовыхъ». (Леф. арх., Нагр. дѣла, св. 8, д. 94).

домъ вступилъ и Шеппингъ, «où il fut reçu en triomphateur par ses nombreuses connaissances. Le soir de cette entrée, Schœpping se trouvant au théâtre, dans la loge de l'une des élégantes de Berlin, la princesse royale parut, coiffée d'une casquette militaire russe; naturellement, toutes les dames voulurent l'imiter, et Schœpping dut prêter la sienne à la belle comtesse de ***, mais il la prévint, en riant, qu'il n'osait guère répondre de la propreté d'un couvre-chef qui s'était trouvé à tant de bivouacs et avait fait tant de chemin» [1]).

Кампаніи 1813, 1814 и 1815 гг. Шеппингъ сдѣланъ ординарцемъ при Чернышевѣ. За участіе въ дѣлѣ у Люнебурга (21 Марта), съ донесеніемъ о которомъ Шеппингъ былъ посланъ къ Государю, произведенъ шт.-ротмистромъ и награжденъ орд. св. Анны 2 ст.; за дѣло при Таухѣ получилъ золотую шпагу; за Лейпцигское сраженіе, гдѣ, по донесенію Винценгероде, находился 6 Октября при немъ, «несмотря на усиленіе болѣзни, былъ весь день въ сраженіи и исполнялъ всѣ возлагаемыя на него порученности съ неустрашимостью», награжденъ брильянтовыми знаками орд. св. Анны 2 ст. За взятіе Суассона произведенъ ротмистромъ [2]). 3 Октября 1814 г. онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ Чернышеву. Въ 1815 г. Шеппингъ отъ Фурбаха до Шалона командовалъ аванпостами отряда Чернышева и за дѣло у Шалона (19 Іюня) назначенъ 1 Августа флигель-адъютантомъ. Въ 1817 г. онъ былъ назначенъ въ числѣ другихъ лицъ, посланныхъ въ Берлинъ для сопровожденія въ Россію принцессы Шарлотты (Императрица Александра Ѳеодоровна), и 12 Декабря того же года произведенъ въ полковники. Черезъ два года (19 Марта 1819 г.) назначенъ помощникомъ начальника штаба Гвардейскаго корпуса и въ 1821 г. за смотры у Бѣшенковичей награжденъ орд. св. Владиміра 3 ст. Въ 1822 г. Шеппингъ женился на Маріѣ Дмитріевнѣ Чертковой (1800—1874, сестра кавалергарда Николая Дмитріевича) и имѣлъ дѣтей: сына Дмитрія и дочь, замуж. за бар. Притвицемъ. 28 Ноября 1824 г. вышелъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ генералъ-майоромъ, съ мундиромъ, и поселился въ Москвѣ.

Имѣлъ иностранные ордена: прусскій Пурлемеритъ—за войну 1813 г., шведскій Меча—за войну 1814 г. и французскій «военнаго достоинства» (!)—за войну 1815 года.

Послѣднія 20 лѣтъ своей жизни Шеппингъ проводилъ за границей и преимущественно въ Парижѣ, откуда во время осады 1870 г. переѣхалъ въ Висбаденъ, гдѣ умеръ 13/25 Января отъ старческой гангрены. Вдова пережила его—день въ день—на 6 мѣсяцевъ и похоронена въ Висбаденѣ.

«Schœpping», говоритъ его біографъ, «fut l'un des cavaliers les plus élégants du grand monde de Pétersbourg, dans les premières années qui suivirent la paix. Cette royauté mondaine lui valut du célèbre poète Pouschkine une épigramme qu'il se plaisait souvent dans sa vieillesse à citer en riant».

. . . . . .

Какъ ты, мой другъ [1]), въ неопытныя лѣта,
Опасною прельщенный суетой,
Терялъ я жизнь и чувства, и покой;
Но угорѣлъ въ чаду большого свѣта
И отдохнуть убрался я домой.
И, признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣе
Младыхъ повѣсъ счастливая семья,
Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ воленъ я,
Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую сильнѣе,
И гдѣ мы всѣ прекрасные друзья,—
Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
Гдѣ умъ хранитъ невольное молчанье,
Гдѣ холодомъ сердца поражены,
Гдѣ Бутурлинъ [2]), невѣждъ законодатель,
Гдѣ Шёппингъ—царь, а скука предсѣдатель,
Гдѣ глупостью единой всѣ равны.
Я помню сихъ дѣтей честолюбивыхъ,
Злыхъ безъ ума, безъ гордости спѣсивыхъ,
И, разглядѣвъ тирановъ модныхъ залъ,
Чуждаюсь ихъ укоровъ и похвалъ! .....

Въ другомъ стихотвореніи, «Чаадаеву», Пушкинъ говоритъ:

«Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
Вольнолюбивыя надежды оживимъ,
И счастливъ буду я; но только, ради Бога,
Гони ты Шёппинга отъ нашего порога.

У Шеппинга былъ единственный сынъ Дмитрій (1823—1895), православный, и такимъ образомъ съ кончиною Оттона Дмитріе-

---

[1]) «Bornsmünde», 39.

[2]) «Командуя эскадрономъ Павлоградскихъ гусаръ и двумя орудіями противъ вышедшаго изъ кр. Юлихъ непріятеля, казаки, отступая отъ крѣпости, вели непріятеля на скрывшихся гусаръ за высотою. Непріятель неожиданно былъ встрѣченъ артиллеріею, и въ то же время шт.-ротм. Шеппингъ повелъ эскадронъ въ атаку, опрокинулъ непріятеля и вмѣстѣ съ полкомъ Сысоева истребилъ сію колонну, взявъ въ плѣнъ 1 офицера и 98 рядовыхъ, а въ сраженіи при кр. Круи г. Шеппингъ командовалъ находившимися впереди 100 чел. казаковъ и прогонялъ нѣсколько разъ вышедшаго непріятеля изъ Круи до самой деревни, при чемъ до 30 чел. взялъ въ плѣнъ». (Леф. арх., Нагр. дѣла, св. 12, д. 16).

[1]) Стихотвореніе это озаглавлено: «Къ кн. А. М. Горчакову».

[2]) Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ; см. его біогр.

вича прекратилось лютеранское вѣроисповѣданіе въ этой фамиліи; «sa descendance», говоритъ біографъ, «domiciliée à Moscou est complètement russe de nationalité et de religion» [1]).

Графъ Петръ (Петръ-Христоформъ) **Сергѣевичъ Минихъ 1-й,** 1790—1828, изъ дворянъ Витебской губ., сынъ гр. Сергѣя Сергѣевича (Эрнстъ-Густавъ, р. 1744, † 1812); въ 1808 г. поступилъ юнкеромъ въ Лейбъ-Кирасирскій Его Вел. полкъ; въ 1810 г. произведенъ въ корнеты; 25 Декабря 1812 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; 20 Февраля 1813 г. произведенъ въ поручики, съ переводомъ штабсъ-ротмистромъ въ Новгородскій кирас. полкъ; въ 1816 г. ротмистромъ, въ 1818 г. майоромъ, съ переводомъ въ Малороссійскій кирас. полкъ, въ 1827 г. подполковникомъ. 5 Февраля 1828 г. исключенъ изъ списковъ умершимъ.

Участвовалъ въ Отечественной войнѣ: подъ Бородиномъ *контуженъ* въ лѣвую ногу и получилъ орд. св. Анны 4 ст.; подъ г. Вязьмой (22 Окт.), подъ Краснымъ (6 Ноября); въ 1813 г. въ сраженіяхъ: подъ Люценомъ, Бауценомъ, Дрезденомъ, Кульмомъ (17 и 18 Августа), за отличіе въ которомъ награжденъ орд. св. Владиміра 4-й ст., въ бояхъ подъ Лейпцигомъ (4, 5 и 6 Окт.); въ 1814 г. въ дѣлахъ подъ Бріеномъ (20 Янв.), въ сраженіи при Фершампенуазѣ (13 Марта), за что получилъ орденъ св. Анны 2 ст., и при взятіи Парижа (18 Марта). Въ 1826 г. гр. Минихъ за маневры и смотръ въ г. Курскѣ получилъ Высочайшее благоволеніе и брильянтовый перстень съ гранатомъ.

Былъ женатъ на дочери майора Генріеттѣ Астафьевнѣ (Генріэтта-Каролина) Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ и имѣлъ сына Христофора (р. 27 Авг. 1825 г.) [2]).

Графъ Иванъ Сергѣевичъ Минихъ 2-й, 1794—1814, братъ Петра Сергѣевича, 27 Мая 1807 г. поступилъ юнкеромъ въ Лейбъ-Кирасирскій Его Вел. полкъ; 4 Ноября того же года эст.-юнкеромъ, 12 Іюля 1810 г. корнетомъ. 27 Января 1813 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, а 11 Апрѣля 1814 г. исключенъ изъ списковъ умершимъ [1]).

Александръ Христофоровичъ (Петровичъ) Петерсонъ, 1759—1825, въ службу вступилъ 14 Дек. 1784 года сержантомъ въ Измайловскій полкъ, 17 Янв. 1797 года выпущенъ подпоручикомъ въ С.-Петербургскій грен. полкъ и 22 Октября того же года уволенъ въ отставку. Въ 1806 г. вновь поступилъ на службу въ Милицію адъютантомъ къ областному начальнику 2-й области ген.-отъ-инф. Беклешову. 14 Сент. 1807 г. пожалованъ камеръ-юнкеромъ и въ 1809 г. причисленъ къ Берлинской миссіи. 3 Іюня 1812 г. Петерсонъ поступилъ на военную службу подпоручикомъ и за отличія, оказанныя въ дѣлахъ подъ Витебскомъ и Смоленскомъ, награжденъ орд. св. Владиміра съ бантомъ, а за Бородино, гдѣ былъ *раненъ* пулею въ голову, — золотымъ оружіемъ; 6 Февр. 1813 г. онъ былъ переведенъ за отличіе въ кавалергарды, съ производствомъ въ поручики; 23 Марта того же года произведенъ въ шт.-ротмистры. Въ кампанію 1814 г. Петерсонъ состоялъ при отрядѣ А. Х. Бенкендорфа, при чемъ особенно отличился въ дѣлѣ при Лувенѣ, гдѣ взялъ 21 орудіе, изъ коихъ 16 потопилъ, а 5 доставилъ къ Бенкендорфу, за что награжденъ (19 Дек. 1815 г.) орд. *св. Георгія* 4 ст. 30 Авг. 1814 г. уволенъ отъ военной службы, съ производствомъ въ дѣйств. ст. совѣтники, пожалованіемъ камергеромъ и причисленіемъ къ Коллегіи Иностр. дѣлъ. Въ 1818 г. уволенъ въ безсрочный отпускъ и 19 Декабря 1825 г. исключенъ изъ списковъ умершимъ. Женатъ не былъ [2]).

Александръ Іохимсенъ, 1789—, въ Іюнѣ 1812 г. изъ коллежскихъ регистраторовъ поступилъ корнетомъ въ 3-й Украинскій казачій полкъ; въ Декабрѣ переведенъ въ Московскій гус. (Иркутскій) полкъ; 22 Февр. 1813 г. за отличіе переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; 5 Апрѣля 1814 г. за отличіе произведенъ въ поручики; 18 Марта 1815 г. переведенъ ротмистромъ въ Новгородскій кирас. полкъ, а въ 1816 г. уволенъ за болѣзнью майоромъ. Въ кампанію 1813 г. Іохимсенъ состоялъ ординарцемъ при пр. Евгеніи Виртембергскомъ и

---

[1]) Полк. арх.; Леф. арх., оп. 161, св. 1, д. 17, л. 407; Нагр. дѣла, св. 8, дд. 31, 94; св. 11, д. 4; св. 17, д. 1; «Bornsmünde, Chef de la famille Schoepping depuis 1499», Berlin, 1882, pages 36—40; Лобановъ-Ростовскій, II, 365; Р. Стар., 1901/IX, 432.

[2]) Полк. арх.; Леф. арх., Форм. сп. 1827 г., кн. 8375; Долгорукій, II, 139; «Россія и русскій дворъ», изд. 1891 г., стр. 311 и 312.

[1]) Леф. арх., Форм. сп. 1812 г., кн. 2666.

[2]) Леф. арх., Нагр. дѣла, св. 12, дд. 3, 6, 16, 17 и 586; св. 17, д. 1; Арх. М. И. д., Послужные списки, № 26; оп. 503, св. 3017, д. 417.

участвовалъ въ слѣдующихъ сраженіяхъ и дѣлахъ: подъ Люценомъ (20 Апр.), при д. Вейсихъ, Штифельдѣ (30 Апрѣля, Бишофсверде), Бишофсвердѣ (3 Мая, Гедау), Бауценѣ (8 и 9 Мая), подъ Рейхенбахомъ (10 Мая), Треттендорфомъ (11 Мая), Гейферсдорфомъ (13 Мая), Стригау (20 Мая); подъ кр. Кенигштейномъ (14 Августа, Кричвицѣ), подъ г. Бергейстбергомъ (16 Мая), при Кульмѣ (17 и 18 Авг.), Ноллендорфѣ (2 Сентября) и при Кульмѣ (5 Сент.). Въ 1814 г. и до перевода въ армію находился «по особымъ препорученіямъ» при бар. Винценгероде. Іохимсенъ имѣлъ орденъ св. Анны 4 ст. и золотую саблю съ надписью за храбрость [1]).

Князь Юрій Петровичъ Трубецкой, 1796—, изъ дворянъ Московской губ., сынъ кн. Петра Николаевича и его жены Надежды Ивановны, рожд. Пестовой, опредѣленъ 1804 г., 10 Августа, «въ сословіе дворянъ сверхъ комплекта» въ департаментъ министерства Юстиціи; 31 Декабря того же года произведенъ въ юнкера коллегіи; въ 1808 г. тит. совѣтникомъ, съ опредѣленіемъ къ дѣламъ об.-прокурора 6 департамента Сената; 29 Іюня 1812 г. опредѣленъ поручикомъ въ 3 Украинскій казачій полкъ; 22 Февраля 1813 г. за отличіе въ дѣлахъ подъ Калишемъ переведенъ въ Кавалергардскій полкъ корнетомъ; 5 Апрѣля 1814 г. произведенъ въ поручики; 10 Сентября 1815 г. «за неприличный офицеру поступокъ» переведенъ въ Нарвскій драгунскій полкъ тѣмъ же чиномъ, а 4 Января 1817 г. отставленъ отъ службы.

Кн. Трубецкой участвовалъ въ Отечественной войнѣ, «въ разныхъ дѣлахъ партизанскихъ, подъ командою подполковника графа Витта» (Ив. Осип.); въ 1813 г. былъ въ сраженіяхъ подъ Калишемъ, Люценомъ, Бауценомъ и Бишофсвердомъ, гдѣ былъ *контуженъ,* послѣ чего находился на излѣченіи въ Пруссіи; затѣмъ, «явясь къ полку», былъ въ сраженіи подъ Кульмомъ и награжденъ орд. св. Анны 4 ст. Въ Январѣ 1814 г. кн. Трубецкой былъ назначенъ адъютантомъ къ гр. Ланжерону и участвовалъ въ дѣлахъ: при м. Лизе (16 и 17 Февр.), при переправѣ черезъ р. Уркъ (19 Февр.), при отбитіи атаки на Суассонъ (21 Февр.), за что вторично получилъ орд. св. Анны 4 ст. и прусскій орд. «за достоинство», «при занятіи штурмомъ» горы Монмартръ, за что награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ.

Въ чемъ заключался «неприличный офицеру поступокъ» кн. Трубецкого, намъ неизвѣстно. Изъ дошедшихъ до насъ бумагъ видно, что онъ въ концѣ 1814 г. находился въ Костромѣ, рапортуясь больнымъ. Между тѣмъ въ полкъ поступили требованія: 1) отъ ген.-интенданта Пирогова объ отобраніи отъ Трубецкого «отчета въ отпущенныхъ ему въ 1814 г. отъ бывшаго въ Нанси Россійскаго ген.-губернатора т. сов. Алопеуса на прогоны отъ Нанси до Парижа и обратно, примѣрно 400 франковъ»; 2) отъ гр. Ланжерона, который, препровождая 31 Октября 1814 г. въ полкъ аттестатъ на жалованье Трубецкого, писалъ, что «деньги, которыя слѣдовали въ жалованье, удержаны на уплату долговъ, которыхъ еще осталось... женѣ моей 100 р., подполковнику Коржавину 525 р. и священнику Ящаринскому 500 р.».

На требованіе полка отъ 7 Янв. 1815 г. прибыть къ мѣсту служенія, Трубецкой писалъ (2 Февр. 1815 г.), что онъ «еще не излѣчился отъ своей болѣзни». «Я имѣю», писалъ онъ, «опухоль въ ногахъ и обструкцію въ боку, что привело меня въ такую слабость, что я еще съ постели не встаю». 25 Марта Трубецкой послалъ прошеніе въ полкъ о переводѣ его въ Александрійскій гус. полкъ. «Нынѣ увѣдомясь», писалъ Трубецкой, «о разореніи отъ врага всего имѣнія дѣда моего, дѣйств. тайн. сов. и кавалера кн. Трубецкого, отъ котораго все мое благосостояніе зависитъ, увидѣлъ черезъ то, что я не въ состояніи содержать себя прилично въ гвардейскомъ полку»... Прошеніе это, «яко незаконное», было возвращено, ибо «первое, въ заглавіи пропущено отчество и не по формѣ написано, а второе, и того важнѣе: назначенъ полкъ, куда проситъ перевода, что отъ начальства воспрещено; буде же желаетъ быть переведеннымъ въ армію, то не означать полка». Но еще до полученія полкомъ этого прошенія Трубецкой былъ, «по Высочайшей волѣ», вытребованъ въ С.-Петербургъ, куда и выѣхалъ, какъ свидѣтельствовалъ 19 Апрѣля губернаторъ, «не получивъ еще совершеннаго выздоровленія». Прибывъ къ полку, кн. Трубецкой подалъ 4 Мая прошеніе о переводѣ въ армію, и 10 Сентября о немъ было отдано въ полковомъ приказѣ: «Переведеннаго, по Высочайшей резолюціи, впредь до воспослѣдованія Высочайшаго приказа онаго полка поручика кн. Трубецкого предписывается изъ списковъ выключить». Осенью Трубецкой находился въ Виленскомъ госпиталѣ, откуда «по выздоровленіи» отправился въ С.-Петербургъ.

Кн. Ю. П. Трубецкой былъ женатъ на Людовикѣ Игнатьевнѣ Чайковской и имѣлъ сына кн. Юрія и дочь кн. Надежду (за Кушковскимъ) [1]).

[1]) Полк. арх.; Леф. арх., Дѣла Инсп. деп., св. 6/14, № 62; Нагр. дѣла, 1814 г., св. 12, д. 16.

[1]) Полк. арх.; Леф. арх., Форм. сп. 1816 г., кн. 38; «Родъ Трубецкихъ», 298.

Николай Федоровичъ Левашовъ, 1792—, сынъ сенатора Федора Ивановича (1752, † послѣ 1816 г.) и жены его Евдокіи Николаевны (фам. неизвѣстна, р. 1775), былъ двоюродный братъ по отцу гр. В. В. Левашова. Началъ службу 28 Февраля 1811 г. юнкеромъ въ Кавалергардскомъ полку, въ томъ же году, 14 Декабря, произведенъ въ эст.-юнкера, съ переводомъ въ лб.-гв. Гусарскій полкъ корнетомъ. Во время войны 1812 г. Левашовъ участвовалъ во всѣхъ крупныхъ сраженіяхъ; былъ подъ Витебскомъ, Смоленскомъ, при Бородинѣ, Тарутинѣ, Маломъ Ярославцѣ, а за отличіе въ сраженіяхъ подъ Краснымъ получилъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Въ 1813 г., 1 Іюня, переведенъ опять въ Кавалергардскій полкъ. За Кульмское сраженіе награжденъ орд. св. Анны 4 ст., а 23 Сентября произведенъ въ поручики. Въ 1814 г. участвовалъ въ сраженіи при Фершампенуазѣ. 17 Декабря 1815 г. переведенъ ротмистромъ въ Новгородскій кирас. полкъ, а 27 Марта 1818 г. уволенъ по болѣзни отъ службы майоромъ. Въ 1818 г. былъ холостъ; въ родословной показанъ бездѣтнымъ [1]).

Борисъ Петровичъ Мензенкампфъ, 1792—, изъ дворянъ Лифляндской губ., въ 1810 г. поступилъ юнкеромъ въ Гродненскій гус. полкъ, въ 1812 г. переведенъ въ Дворянскій кавалерійскій эскадронъ и 27 Декабря того же года произведенъ въ корнеты, съ прикомандированіемъ къ резервнымъ эскадронамъ Кавалергардскаго полка; 12 Марта 1813 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, 24 Мая 1814 г. произведенъ въ поручики, 13 Декабря того же года переведенъ въ Екатеринославскій кирас. полкъ ротмистромъ, въ 1819 г. переведенъ майоромъ въ Псковскій кирас. полкъ, а въ 1820 г. уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ. Участвовалъ въ осенней кампаніи 1813 г. и былъ въ сраженіи подъ Кульмомъ (17 и 18), гдѣ за отличіе награжденъ орд. св. Анны 4 ст., въ сраженіи при Фершампенуазѣ и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. Въ 1831 г. Мензенкампфъ служилъ комиссіонеромъ 8 класса въ Симферопольскомъ провіантскомъ комиссіонерствѣ.

Былъ женатъ на Софіи Александровнѣ (фам. неизвѣстна) и имѣлъ сына Георгія [2]).

1) Леф. арх., Форм. сп. 1817 г., кн. 793; Руммель и Голубцовъ, I, 532 и 533.

2) Леф. арх., Дѣла Инсп. деп. 1820 г., св. 289/240, № 336.

Егоръ Ивановичъ Худолей, —1855, изъ Смоленскихъ дворянъ, въ службѣ съ 9 Февр. 1811 г. въ Ахтырскомъ гус. полку юнкеромъ, въ Ноябрѣ того же года переведенъ въ Дворянскій кавалерійскій эскадронъ, откуда 27 Декабря 1812 г. произведенъ корнетомъ въ гвардейскіе резервные эскадроны полка и 13 Марта 1813 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, съ которымъ участвовалъ въ Кульмскомъ сраженіи, и награжденъ орд. св. Анны 4-й ст. 17 Ноября того же года Худолей былъ преданъ суду при Лейбъ-Кирасирскомъ Ея Вел. полку «за сдѣланныя имъ грубости» своему эскадронному командиру, полк. Уварову. По Высоч. утвержденному приговору суда, былъ посаженъ на 3 мѣсяца въ крѣпость и тѣмъ же чиномъ 10 Августа 1814 г. переведенъ въ Финляндскій драг. полкъ. Чрезъ два года (13 Мая 1816 г.) уволенъ въ отставку поручикомъ.

По выходѣ въ отставку жилъ въ своей родовой усадьбѣ, дер. Стрянѣ, Рославльскаго уѣзда, гдѣ имѣлъ 45 десятинъ. Былъ женатъ на Агафьѣ Григорьевнѣ (фам. неизвѣстна), умершей послѣ 1875 г. 107 лѣтъ отъ роду. Бракъ бездѣтный. Худолей умеръ въ 1855 или 1856 г. и похороненъ на кладбищѣ д. Стряни [1]).

Баронъ Михаилъ (Мартынъ) **Карловичъ Розенъ,** 1796—1873, сынъ бар. Карла-Густава, инженернаго подполковника (дважды женатаго: на Варварѣ Пржезорской и Каролинѣ фонъ-Толь). Отъ второго брака [2]) онъ имѣлъ сыновей, Александра (р. 1840 г.) и Михаила (р. 1841 г.), и дочь Александру (р. 1843 г.), въ замужествѣ за кн. Гагаринымъ.

Получивъ домашнее воспитаніе, 14 Октября 1811 г. вступилъ въ службу юнкеромъ въ Ямбургскій драг. полкъ, откуда въ 1812 г. переведенъ въ Дворянскій кавалерійскій полкъ. Здѣсь, 27 Декабря того же года, онъ былъ произведенъ «въ корнеты по арміи», а 2 Марта 1813 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ. Осенью этого же года Розенъ выступилъ съ резервными эскадронами въ заграничный походъ и 15 Августа принялъ участіе въ сраженіи при Дрезденѣ, за отличіе въ которомъ былъ награжденъ орд. св. Анны 4 ст., а также подъ Кульмомъ и Лейпцигомъ, а затѣмъ, вступивъ въ предѣлы Франціи, участвовалъ въ сраженіи при Фершампе-

1) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1814 г., кн. 3171; Свѣдѣнія, сообщ. Г. Л. Худолеемъ.

2) М. К. Розенъ, по словамъ бар. А. Е. Розена, былъ женатъ: въ первомъ супружествѣ на дѣвицѣ Куликовской, во второмъ—на княжнѣ Н. А. Щербатовой и въ третьемъ—на Аграфенѣ Шидловской.

нуазѣ, за что получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст. Участіемъ во взятіи Парижа онъ закончилъ свою боевую дѣятельность за границей, откуда возвратился съ полкомъ въ 1814 г. Во время пребыванія въ Парижѣ бар. Розена герцогъ Беррійскій пожаловалъ ему орденъ Лиліи.

Къ сожалѣнію, служба его въ Кавалергардскомъ полку вскорѣ омрачилась печальнымъ событіемъ: 6 Ноября 1815 г., какъ значится во всеподданнѣйшемъ рапортѣ Цесаревича Константина Павловича (отъ 29 Ноября того же года, № 599), «корнетъ баронъ Розенъ осмѣлился противъ начальника своего, полковника Уварова 2-го, быть дерзкимъ и грубымъ и за сіе хотя онъ арестованъ, но за таковой поступокъ, противный службѣ, г.-л. Депрерадовичъ представляетъ о преданіи его, корнета барона Розена, военному суду». На рапортѣ Цесаревича сохранилась резолюція: «Приказано уже его отдать, а потому и оставьте сію бумагу оконченною. Графъ Аракчеевъ». Это единственный офиціальный документъ, который мы имѣемъ о «дерзкомъ и грубомъ» поступкѣ Розена. По словамъ его родственника, декабриста Розена, Михаилъ Карловичъ вызвалъ на дуэль своего эскадроннаго командира Фед. Ал. Уварова. Судъ кончился въ 1817 г., и 15 Октября Розенъ былъ разжалованъ рядовымъ въ Нижегородскій драг. полкъ.

Ермоловъ доставилъ Розену случай отличиться въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Чечнѣ. 15 Сентября онъ участвовалъ во взятіи штурмомъ с. Дада-юртъ, окончательно взятаго русскими только послѣ истребленія всѣхъ его защитниковъ. Онъ находился на кавказской линіи, участвуя въ дѣйствіяхъ противъ горцевъ при Захайканѣ, при разореніи с. Горячевскаго и другихъ Качалинскихъ деревень. При заложеніи крѣпости «Внезапной» Розенъ былъ *раненъ* пулею въ голову. 6 Ноября 1819 года за отличіе въ сраженіи онъ произведенъ въ поручики, а въ 1822 г. въ шт.-капитаны, послѣ чего, въ слѣдующемъ году, переведенъ былъ въ лб.-гв. Кирасирскій Его Вел. полкъ шт.-ротмистромъ.

Рисуя бытъ и типы нижегородцевъ ермоловской эпохи, Потто, коснувшись и барона Розена, какъ одного изъ типичныхъ офицеровъ этого полка, говоритъ: «Пребываніе подобныхъ личностей въ Нижегородскомъ полку было болѣе или менѣе кратковременно, но оно всегда оставляло въ немъ свои значительные слѣды. Нижегородцы, слыша о ихъ подвигахъ, связывали съ ихъ именами имя своего полка, невольно подчинялись обаянію ихъ славы, съ гордостью говорили о нихъ, дѣлали ихъ предметомъ полковыхъ преданій».... Значитъ, и въ исторіи нижегородцевъ, одного изъ доблестнѣйшихъ полковъ русской арміи, Розенъ оставилъ по себѣ благодарную и свѣтлую память.

Боевая его служба закончилась на Кавказѣ. Прослуживъ въ Кирасирскомъ полку меньше года (при чемъ четыре мѣсяца пробылъ въ отпуску), въ 1824 г. онъ былъ переведенъ въ сформированный тогда лб.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ и въ слѣдующемъ году произведенъ ротмистромъ. Однако, кавказская рана давала себя чувствовать: служить становилось настолько трудно, что, напр., въ 1827 г. онъ долженъ былъ взять отпускъ на 4 мѣсяца и, кромѣ того, просить двухмѣсячную отсрочку, которая и была ему разрѣшена Вел. Кн. Константиномъ Павловичемъ. — 24 Октября 1828 г. баронъ Розенъ былъ уволенъ отъ службы, за раною, подполковникомъ, съ мундиромъ и полною пенсіею.

Черезъ семь лѣтъ, когда здоровье его возстановилось, онъ посвятилъ себя общественной службѣ; будучи избранъ предводителемъ Валковскаго уѣзда (Харьковск. губ.) на трехлѣтіе съ 1 Января 1835 г., по окончаніи срока, онъ былъ вновь избираемъ еще два трехлѣтія. Въ этомъ уѣздѣ у него съ женою было имѣніе въ 881 дес. земли и 190 душъ; кромѣ того, въ Полтавской губ. онъ владѣлъ 1900 дес. земли и 50 душами крестьянъ. Въ 1841 г. Розенъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Харьковской казенной палаты, а затѣмъ и членомъ совѣта Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ по хозяйственной части. Занимая безвозмездно послѣднюю должность, въ 1843 г. онъ былъ награжденъ брильянтовымъ перстнемъ съ вензелемъ Государя, а черезъ два года—чиномъ статскаго совѣтника. По Высочайшему повелѣнію, съ Ноября 1847 г., сверхъ жалованья по должности предсѣдателя Харьковской казенной палаты, Розенъ получалъ и пенсіонъ, данный ему при увольненіи изъ военной службы. Помимо ордена св. Анны 2 ст. и затѣмъ Императорской короны къ нему, знаковъ отличія за безпорочную службу и Высочайшихъ благоволеній, Розенъ получилъ въ 1850 г. искреннюю благодарность министра финансовъ «за доведеніе подвѣдомственныхъ ему частей казенной палаты до возможной исправности». За службу по званію члена совѣта Харьковскаго института, въ 1858 г. онъ былъ произведенъ въ дѣйств. статскіе совѣтники, а въ 1860 г. (3 Апр.) награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. *съ мечами*. Въ слѣдующемъ году Императоръ Александръ II посѣтилъ Харьковъ и въ день своего тезоименитства, 30 Августа, снова удостоилъ его Монаршею милостью — орденомъ св. Станислава 1 ст.

Въ 1873 году, семидесяти-семи лѣтъ отъ роду, бар. Розенъ скончался въ Харьковѣ [1]).

В. Жерве.

Федоръ Ивановичъ (Вильгельмъ-Іоганнъ-Теодоръ-Фридрихъ-Морицъ) **Рагденъ** (баронъ Раденъ), 1790—, изъ Курляндскихъ дворянъ, сынъ поручика русской службы Рейнгольда-Іоганна (р. 1757, † 1799), вотчинника имѣній Карпицекъ и Посцокинъ Ковенской губ., и бар. Бенигны ф.-Ганъ, родился 13 Апрѣля 1790 г. и въ 1811 г. поступилъ рядовымъ въ Изюмскій гус. полкъ, 1 Января 1812 г. юнкеромъ; 24 Марта переведенъ въ Дворянскій кавалерійскій эскадронъ; 27 Декабря произведенъ въ корнеты, съ прикомандированіемъ къ гвардейскимъ резервнымъ эскадронамъ; 12 Марта 1813 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; въ 1816 г. произведенъ въ поручики, въ 1818 г. въ шт.-ротмистры, въ 1819 г. въ ротмистры; съ 16 Мая 1815 г. по 4 Ноября 1819 г. былъ полк. казначеемъ; 12 Сентября 1820 г. переведенъ «по разстроеннымъ домашнимъ обстоятельствамъ» подполковникомъ въ Каргопольскій драг. полкъ и, не прибывая въ полкъ, былъ уволенъ 17 Марта 1822 г. отъ службы за болѣзнями полковникомъ. Участвовалъ съ полкомъ: въ осенней кампаніи 1813 г. и въ кампаніи 1814 г., въ сраженіяхъ: подъ Кульмомъ (17 и 18 Авг.), за что награжденъ орд. св. Анны 4-й ст., и подъ Фершампенуазомъ и награжденъ орд. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Былъ женатъ на Марфѣ Веригиной и имѣлъ дѣтей: Александра, Николая и Юлія. Владѣлъ имѣніемъ Романеей въ Новгородской губерніи [2]).

Алексѣй Ивановичъ Самбургскій, 1794—, изъ дворянъ Смоленской губ., службу началъ юнкеромъ въ Лейбъ-Кирасирскомъ Его В-ва полку 9 Марта 1811 г., 9 Февраля 1812 г. поступилъ въ Дворянскій кавалерійскій эскадронъ и 27 Декабря того же года произведенъ корнетомъ, а 17 Марта 1813 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; 11 Января 1816 г. произведенъ въ поручики и 18 Мая переведенъ ротмистромъ въ Новгородскій кирас. полкъ; 10 Августа 1820 г. произведенъ въ майоры, 26 Іюня слѣдующаго года переведенъ въ Стародубскій кирас. полкъ, а 1 Апрѣля 1826 г. уволенъ отъ службы за болѣзнію подполковникомъ, съ мундиромъ. Участвовалъ съ полкомъ въ осеннемъ походѣ 1813 г. и въ походѣ 1814 г. и за Кульмское сраженіе награжденъ орд. св. Анны 4 ст., а за Фершампенуазъ — орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Женатъ былъ на дочери ген.-майора Вѣрѣ... Заплатиной и имѣлъ сына Митрофана. Владѣлъ имѣніемъ въ Обоянскомъ уѣздѣ [1]).

Графъ Сергѣй Федоровичъ Ростопчинъ, 1795—1835, старшій сынъ графа Федора Васильевича, перваго графа этой хотя и древней, но до того времени ничѣмъ невыдававшейся дворянской фамиліи, ведущей свое начало отъ татарина Рабчака (Ростопчи), выходца изъ Крыма въ первой половинѣ XV вѣка. Мать его гр. Екатерина Петровна, рожденная Протасова (1775—1856), фрейлина Императрицы Екатерины II, была женщина «страннаго нрава», черствая и скупая, склонная къ мистицизму и ярая католичка.

Рожденіе сначала нѣжно-любимаго, а потомъ отвергнутаго, сына было радостно привѣтствовано отцомъ. Въ письмѣ Ростопчина къ его другу, гр. С. Р. Воронцову, отъ 20 Августа 1795 г. сказано: «Послѣ того, какъ я сообщилъ вамъ радостное извѣстіе,

---

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1814 г., кн. 1; Дѣла Общ. канц. В. М-ва 1815 г., св. 128, д. 4222/4673; оп. 161, св. 20, д. 116, л. 116; Форм. сп. 1861 г.; Долгоруковъ, I, 118; бар. А. Е. Розенъ, «Очеркъ исторіи фамиліи Розенъ», 58, 70 и 71; «Зап. декабриста», Лейпцигъ, 1870, стр. 36 и 566; Потто, «Ист. Нижегор. драг. п.», II, 172; Свѣдѣнія, сообщ. бар. Розенами.

[2]) Полк. архивъ; Свѣдѣнія, сообщ. Курляндскимъ дворянск. собраніемъ.

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1825 г., кн. 6879; Нагр. дѣла, св. 14, д. 4, оп. 153, св. 573, д. 976; оп. 161, св. 20, д. 116, л. 530.

что у меня родился сынъ, я три раза принимался писать вамъ». Впослѣдствіи гр. С. Ф. Ростопчинъ вышелъ слабымъ и болѣзненнымъ человѣкомъ. 12 Декабря 1809 г. Ростопчинъ былъ пожалованъ камеръ-пажомъ, «оставляя его на дому»; 23 Марта 1812 г., по Высочайшему повелѣнію, безъ экзамена произведенъ поручикомъ въ Ахтырскій гус. полкъ. Въ качествѣ адъютанта Барклая онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ и при Бородинѣ, а въ день оставленія Москвы его отцомъ, 2 Сентября, по словамъ гр. Сегюра, былъ очевидцемъ убійства Верещагина, котораго гр. Ф. В. Ростопчинъ, «исполнясь патріотической горести объ участи Москвы, симъ преступникомъ предвѣщенной, и опасаясь, чтобъ онъ не избѣгнулъ какъ-либо отъ достойнаго наказанія, отдалъ его для наказанія народу, который отъ горести и отчаянія почелъ его недостойнымъ жить и предалъ смерти». 12 Марта 1813 г. молодой Ростопчинъ былъ переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, съ оставленіемъ адъютантомъ при Барклаѣ, и за Лейпцигъ награжденъ орд. св. Анны съ алмазами, а 2 Апрѣля 1814 г. произведенъ въ шт.-ротмистры. «Моему сыну всего 18 лѣтъ», писалъ Ростопчинъ-отецъ гр. Воронцову въ 1813 г., «онъ служитъ усердно и на хорошемъ счету, былъ адъютантомъ у генерала Барклая. Подъ нимъ ранено 3 лошади, а въ Бородинскомъ сраженіи пуля оторвала у него рукавъ шинели и оцарапала руку, но онъ остался на конѣ и на своемъ мѣстѣ. Хотя онъ и единственный сынъ, но первая его обязанность служить отечеству, на что я его благословляю».

Недолго, однако, гр. Ф. В. Ростопчину пришлось радоваться служебнымъ успѣхамъ сына. Уже въ слѣдующемъ 1815 году, надѣлавъ долговъ, гр. С. Ф. Ростопчинъ уѣхалъ за границу для лѣченія. Осенью 1816 г. онъ вернулся изъ отпуска во фронтъ полка, а 6 Марта слѣдующаго года уволенъ на два года за границу для лѣченія болѣзни. Въ 1818 г. Ростопчинъ жилъ въ Парижѣ вмѣстѣ съ родителями, и отецъ заботился о серіозномъ лѣченіи сына и о поправленіи его расшатаннаго здоровья: «Le comte Serge», писалъ отецъ, «a commencé une cure et s'en trouve bien; après l'avoir bien examiné, Gall a trouvé que ses suffocations, produites par les spasmes des poumons, ont leur source dans les attaques nerveuses auxquelles l'estomac donne lieu par sa faiblesse, et la maladie étant déjà assez enracinée a dégénéré en habitude de corps. Les remèdes sont simples et le régime aisé, mais il y a une grande sévérité sur de certaines jouissances auxquelles on résiste difficilement à 23 ans; cependant l'état de maladie menaçant de devenir plus sérieux et même incurable, le c-te Serge veut se piquer de fermeté». Несмотря на это рѣшеніе, «сильно мотая въ Парижѣ», говорится въ «Запискахъ» Богуславскаго, «Ростопчинъ задолжалъ значительную сумму денегъ. Старикъ отецъ рѣшительно отказался платить долги сына, предоставляя кредиторамъ поступить съ нимъ по законамъ. Молодого Ростопчина, по приговору суда, не замедлили заключить въ тюрьму, гдѣ онъ и высидѣлъ опредѣленное время». Это извѣстіе находитъ себѣ полное подтвержденіе въ письмахъ Ростопчина. 3 Октября 1819 года гр. Ф. В. писалъ въ Лондонъ о пережитыхъ огорченіяхъ: «Je promenais mes chagrins, lorsque le c-te Serge est venu mettre le comble, en se faisant arrêter pour dettes et conduire à S-te Pélagie. Le malheur de ce jeune homme est d'avoir une faiblesse de caractère qui l'a toujours mis à la disposition de tout gueux qui s'en emparait à son profit. Sa mauvaise santé, au lieu de lui imposer l'obligation de la soigner, lui a fait prendre le parti de vivre du jour au lendemain. Son adage était: «Courte et bonne». Depuis l'année 1813, il ne m'a donné aucun sujet de contentement. Il savait qu'il faisait des dettes, ne payait rien et dépensait tout. Dans le courant de l'année 1813, et jusqu'au mois de Juin de l'année 1814, je lui ai fait passer 32 m. r., et observez, qu'il était aide de camp de Barclay, que ses chevaux étaient nourris et qu'il mangeait à la table du maréchal. J'ai payé, à deux reprises, à peu près 80 m. r., et pendant son séjour ici, à peu près 30 m. Outre que tous ses comptes étaient payés et qu'il avait les entrées du spectacle, il avait chaque mois 700 fr. pour ses plaisirs. Dans ce moment il ne sait pas lui-même ce qu'il doit, ayant donné des lettres de change. Par une fatalité singulière, il joue, sans avoir la passion du jeu et ne refusera pas de boire, ayant le vin presqu'en horreur. J'ai écrit à Pétersbourg qu'il ait son congé: car, avec une santé détruite et sa conduite, il ne peut que traîner peu de temps, et je ne sais si sa mort sera un malheur pour moi, mais à coup sûr cela sera un bienfait pour lui. Vous m'obligerez beaucoup à ne pas me parler de lui, ni de tout ce qui le regarde. Il est commodément dans une chambre; son domestique y va tous les jours, et je l'y laisserai longtemps pour le forcer à la réflexion. J'ai cessé de l'aimer dès que je l'ai vu autre qu'il ne devait être. Ce jeune homme s'est tué lentement lui-même; mais il n'a pas le droit de ruiner ses sœurs et son frère».

Высочайшимъ приказомъ 2 Октября 1820 г. гр. С. Ростопчинъ былъ уволенъ отъ службы «по болѣзни», а 4 Октября 1821 г. Ростопчинъ-отецъ писалъ гр. М. С. Воронцову: «Je suis occupé à faire sortir de S-te Pélagie mon ci-devant fils et je le fais partir tout de suite

pour Florence, où il restera Dieu sait combien de temps, car ses dettes en Russie sont inconnues. Ainsi, voilà un homme de 27 ans, entré avec de grands avantages dans le monde, qui, par la faiblesse de caractère et par une manière de voir du siècle, se voit privé de patrie, de service, de l'avenir et condamné à végéter le reste de ses jours comme étranger».

Долговыя обязательства въ Россіи не предъявлялись ко взысканію «по неизвѣстности о мѣстѣ пребыванія» С. Ростопчина. Въ Мартѣ 1824 г. гр. Ф. В. Ростопчинъ былъ страшно огорченъ потерей любимой младшей дочери Елизаветы (р. 1807 г.). «Вотъ графъ и богатъ, все имѣетъ въ избыткѣ», писалъ брату въ Петербургъ А. Я. Булгаковъ, «да я не промѣняю своего положенія. Я же его утѣшаю всякій день. Разлученъ отъ двухъ дочерей, сына имѣетъ негодяя, другого больного, дочь прелестная умерла, жена страннаго нрава, хотя и добродѣтельная». Скоро водянка и паралличное состояніе сломили и самого гр. Ф. В. Ростопчина; въ Декабрѣ 1825 года уже не оставалось надежды на его выздоровленіе. 28 Декабря А. Я. Булгаковъ, проводившій почти все время около умиравшаго, писалъ брату: «Когда онъ пересталъ говорить о дѣтяхъ (дочеряхъ и мл. сынѣ), то я ему сказалъ: Графъ! Вашъ старшій сынъ подъ гнѣвомъ, не умрите, не простивши его. — Ah, mon bon ami, combien je vous remercie; vous m'avez rappelé l'autre jour que j'étais chrétien et maintenant que je suis père, пожалъ мнѣ руку и сказалъ графинѣ: Je bénis et pardonne Serge; si ses dettes surpassent le bien que je lui laisse, donnez-lui une pension de 20 m. r. par an»; 31 Декабря Булгаковъ писалъ гр. М. С. Воронцову, что «онъ благословилъ и простилъ своего сына Сергѣя и поцѣловалъ его портретъ»...

Гр. С. Ф. Ростопчинъ былъ женатъ на итальянкѣ Маріѣ Игнатьевнѣ, рожд. княжнѣ де-Круи-Сольжъ (de-Croy-Solges), вдовѣ гр. Филиппи. Бутурлинъ въ своихъ «Запискахъ» (за 1834 г.) пишетъ: «Гр. Филиппи, племянница гр. Кастель-Альфьери, Сардинскаго министра при Тосканскомъ дворѣ, исписанная оспой, вышла вторымъ бракомъ въ 30-хъ гг. за гр. С. Ф. Ростопчина, въ котораго влюбилась, когда онъ путешествовалъ по Италіи, и послѣдовала за нимъ въ Россію». До брака у нея родился сынъ, который воспитывался бабушкой, гр. А. П. Ростопчиной, а потомъ гр. Сегюръ во Франціи, гдѣ жилъ и умеръ.

Послѣдніе годы жизни гр. Ростопчинъ провелъ въ подмосковной матери, въ знаменитомъ Вороновѣ, сохранивъ связи съ гр. Екатериной Петровной, фанатичной католичкой, благодаря женѣ, особѣ католическаго вѣроисповѣданія. Какихъ религіозныхъ убѣжденій держался гр. С. Ф. Ростопчинъ, намъ неизвѣстно, но въ 1818 г. онъ былъ членомъ масонской ложи «Des amis du Nord». Онъ умеръ отъ астмы въ Москвѣ 4 Апрѣля 1835 г. и погребенъ на Пятницкомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилой отца. Дѣтей у него не было [1]).

А. Голомбіевскій.

Степанъ Никитичъ Бѣгичевъ, 1790—1859, принадлежалъ къ древнему роду, происходившему отъ выходца изъ Золотой Орды. Бѣгичевы въ 1788 г. были записаны въ IV часть дворянской книги по Калужской губерніи, но въ 1838 г., по прошенію С. Н. Бѣгичева, онъ съ семействомъ былъ переписанъ въ VI часть родословной книги Московской губерніи. Въ 1795 г. Бѣгичевъ былъ записанъ въ Пажескій корпусъ, 2 Августа 1802 года произведенъ въ корнеты въ Александрійскій гусарск. полкъ, а 21 Августа того же года переведенъ прапорщикомъ въ Олонецкій мушкет. полкъ. Въ 1803 году, 21 Сентября, былъ уволенъ отъ службы за болѣзнью. Будучи въ отставкѣ, въ

---

1) Полк. архивъ, Леф. арх., Форм. сп., кн. 2354; оп. 152, св. 586; М. арх. М. Ю., дѣла Упр. Благочинія, вяз. 172, 173, 355, 356, 360; Руммель и Голубцовъ, II, 341 — 345; Долгоруковъ, Род. книга, II, 217 и 218; Ségur, «Vie du c-te Rostopchine», 211—215; Поповъ, «Дѣло Верещагина», 14 и 15 (изъ «Чтеній» 1885 г.); «Записки Богуславскаго», Р. Стар., 1879/IX, 110 и 111; «Записки гр. Бутурлина», Р. Арх., 1897/II, 49 и 548; Кедровъ, «Гр. Ростопчина», Р. Арх., 1888/III, 489 и 490; Арх. кн. Воронцова, VIII, 273, 335, 337, 339, 341, 347, 357, 372, 439, 456, 497, 507, 534, 537, 538; XXXVIII, 534; «Письма Ростопчина», Р. Арх., 1887/I, 182 и 184; «Письма А. Я. Булгакова», Р. Арх., 1901/IV, 45 и 49; VI, 235; Гр. Л. Ростопчина, «Моя бабушка»; Истор. Вѣстн., 1904/III, 875—878; Tableau de la grande loge Astrée pour l'an 1818—19, p. 175; Надгробная надпись на Пятницкомъ кладбищѣ, въ Москвѣ.

1807 г. Бѣгичевъ поступилъ въ «избранный изъ Тульской милиціи баталіонъ стрѣлковъ». Въ 1813 г., 13 Января, онъ былъ вновь принятъ на службу корнетомъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ ген.-отъ-кав. А. С. Кологривову, своему родственнику, а 21 Мая 1813 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, съ оставленіемъ въ прежней должности; въ 1814 г. произведенъ въ поручики; 26 Января 1817 г. отчисленъ во фронтъ и 13 Марта 1818 г. произведенъ въ шт.-ротмистры. Бѣгичевъ находился въ гвардейскомъ отрядѣ, посланномъ въ 1817 г. въ Москву, гдѣ исполнялъ должность адъютанта кавалерійской бригады гвардейскаго отряда; 13 Марта 1819 г. произведенъ въ ротмистры; 9 Іюля 1819 г. переведенъ въ Тираспольскій конно-егерскій полкъ подполковникомъ, а 15 Сентября 1823 г. уволенъ отъ службы, за болѣзнью, полковникомъ.

Частная жизнь болѣе, чѣмъ военная служба, соотвѣтствовала спокойному, чуждому честолюбія, характеру Бѣгичева, за который А. С. Грибоѣдовъ шутливо титуловалъ его «ваше флегмородіе». Изъ писемъ Грибоѣдова къ Бѣгичеву видно, что этотъ послѣдній задолго до выхода въ отставку тяготился службой въ гвардіи, своими отношеніями къ какимъ-то «казарменнымъ готтентотамъ» и генераламъ, у которыхъ «подбородокъ не опушился». Бракъ Бѣгичева (29 Апрѣля 1823 г.) съ весьма богатой Анной Ивановной Барышниковой обезпечилъ ему, имѣвшему до того времени лишь 175 душъ, независимое отъ служебной карьеры положеніе, и, выйдя черезъ полгода послѣ женитьбы въ отставку, онъ только исполнилъ свое давнее желаніе.

Домъ Бѣгичева въ Москвѣ являлся сосредоточіемъ избраннаго общества, состоявшаго изъ видныхъ представителей современной литературы и искусства: въ 20-хъ годахъ постоянными посѣтителями его дома были кн. В. Одоевскій, Д. В. Давыдовъ и В. Кюхельбекеръ; А. Н. Верстовскій пѣвалъ тамъ свои романсы подъ аккомпанементъ Грибоѣдова. Тонкіе гастрономическіе обѣды и изысканный погребъ Бѣгичева славились на всю Москву.

Бѣгичевъ былъ членомъ Союза Благоденствія. Вѣроятно, былъ принятъ въ союзъ Никитою Муравьевымъ въ 1817 году, во время нахожденія гвардейскаго отряда въ Москвѣ.

При допросѣ въ Слѣдственномъ комитетѣ Ивашевъ показалъ, что былъ принятъ въ тайное общество «ротмистромъ» Бѣгичевымъ. 5 Марта 1826 г. Комитетъ потребовалъ отъ Ивашева поясненія: «Гдѣ имѣетъ нынѣ мѣстопребываніе помянутый Бѣгичевъ? въ службѣ ли онъ или въ отставкѣ, въ какомъ чинѣ? равно въ какихъ сношеніяхъ съ кѣмъ изъ членовъ находился и какое принималъ участіе въ дѣлахъ общества»? Ивашевъ далъ слѣдующее показаніе: «Ротмистръ Бѣгичевъ, въ Кавалергардскомъ полку тогда служившій, вскорѣ послѣ того, какъ принялъ меня въ общество (разрушенное въ 1821 г.), перешелъ въ конно-егерскій полкъ (кажется, въ Дерптскій) [1]). Въ 1823 или 1824 г. я видѣлъ его въ Москвѣ; онъ былъ уже въ отставкѣ, полагаю, полковникомъ, и, сколько могъ я изъ словъ его заключить, не принадлежалъ уже обществу. Онъ жилъ тогда, т.-е. въ Москвѣ, въ домѣ тестя своего Барышникова. Вотъ что извѣстно мнѣ о сношеніяхъ его съ членами тайнаго общества: для принятія меня въ оное онъ досталъ мнѣ прочесть 1-ю часть *Устава* или правилъ сего общества, отъ кого же — не знаю. Помнится мнѣ, что я видалъ у него Оленина, офицера, принадлежащаго Гвардейскому Штабу Его Величества [2]), и я познакомленъ былъ съ нимъ, какъ съ членомъ общества. Еще разъ подвелъ онъ меня познакомиться со свитскимъ офицеромъ, имя котораго забылъ тогда же, но лицо его осталось мнѣ довольно памятно, и нѣсколько лѣтъ послѣ того призналъ въ немъ Никиту Муравьева. Такъ какъ есть два брата Бѣгичевыхъ (то), чтобы обозначить того, о которомъ здѣсь говорю, я прибавлю еще, что имя его Степанъ. Другого же брата [3]) его я не знаю».

18 Марта нѣкоторые изъ заговорщиковъ были запрошены Комиссіей о томъ: «Когда, гдѣ и кѣмъ принятъ въ тайное общество Бѣгичевъ? въ какихъ сношеніяхъ съ кѣмъ изъ членовъ находился и какое принималъ участіе въ дѣйствіяхъ общества? Оставался ли онъ въ обществѣ послѣ уничтоженія онаго въ 1821 г. и гдѣ теперь находится»?

Никита Муравьевъ показалъ, что «Бѣгичевъ находился весьма малое время въ Союзѣ Благоденствія... онъ никогда никакого участія въ дѣлахъ общества не принималъ и вышелъ изъ онаго гораздо прежде разрушенія онаго. Сколько мнѣ извѣстно, онъ въ отставкѣ и живетъ въ деревнѣ, въ Московской губерніи».

Сергѣй Муравьевъ - Апостолъ — что «былъ Бѣгичевъ одинъ въ обществѣ, который, однакожъ, мнѣ не былъ знакомъ, и не знаю кѣмъ онъ принятъ былъ»...

Пестель: «Я слышалъ отъ адъютанта Ивашева, что Бѣгичевъ былъ членъ общества до 1821 года. Болѣе же никакихъ подробностей

---

[1]) Тираспольскій конно-егерскій полкъ.

[2]) Офицеръ свиты Его Имп. Вел. по квартермистерской части, состоявшій при Гвардейскомъ корпусѣ.

[3]) Дмитрій Николаевичъ Бѣгичевъ служилъ также адъютантомъ у генерала Кологривова, числился въ лб.-гв. Гусарскомъ полку и въ 1807 году уволенъ въ отставку шт.-ротмистромъ. (Манзей, III, 42).

о немъ ни отъ кого никогда не слыхалъ и самъ его никогда не видалъ»...

Бурцовъ: «Бѣгичева я, служа въ гвардіи, лично не зналъ и даже въ лицо никогда не видалъ. Помню только, что при самомъ началѣ существованія общества о немъ говорили, какъ о человѣкѣ, способномъ быть приняту, и, кажется мнѣ, что это слышалъ я отъ Никиты Муравьева. Но былъ ли онъ, дѣйствительно, принятъ... не знаю. Во всякомъ случаѣ дѣйствія его по обществу не могли быть значительными, ибо съ 1819 года до сего дня я о немъ ни слова ни отъ кого не слыхалъ... Если Бѣгичевъ былъ принятъ въ общество, то, конечно, упомянутымъ Муравьевымъ, ибо знаю, что съ нимъ онъ былъ знакомъ».

Остальные спрошенные (кн. Трубецкой, Митьковъ, Нарышкинъ, Якушкинъ и Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ) отвѣтили, что имъ Бѣгичевъ совершенно неизвѣстенъ.

24 Марта Комитетъ постановилъ: «Отставного ротмистра Бѣгичева внести въ списокъ 42-хъ отставшихъ членовъ Союза Благоденствія, кои оставлены безъ вниманія».

Личность С. Н. Бѣгичева возбуждаетъ особый интересъ, благодаря его тѣсной дружбѣ съ А. С. Грибоѣдовымъ и тому вліянію, какое онъ имѣлъ на творца «Горя отъ ума». Дружба съ Грибоѣдовымъ завязалась въ 1813—15 гг., въ то время, когда Грибоѣдовъ служилъ въ Иркутскомъ гусарск. полку, состоявшемъ въ командѣ А. С. Кологривова. Бѣгичевъ скоро пріобрѣлъ благотворное вліяніе на юнаго гусара, только-что вышедшаго изъ-подъ суровой материнской опеки; дружба съ Бѣгичевымъ спасла Грибоѣдова отъ многихъ увлеченій и постепенно направила его отъ разсѣянной и пустой жизни къ серіознымъ занятіямъ. «Ты, мой другъ», писалъ Грибоѣдовъ Бѣгичеву, «поселилъ въ меня или, лучше сказать, развернулъ свойства, любовь къ добру; я съ тѣхъ поръ только началъ дорожить честностью и всѣмъ, что составляетъ истинную красоту души, съ того времени, какъ съ тобою познакомился и—ей Богу! когда съ тобою нѣсколько побываю вмѣстѣ, становлюсь нравственно лучше, добрѣе. Мать моя тебя должна благодарить, если ей сдѣлаюсь хорошимъ сыномъ». Грибоѣдовъ глубоко уважалъ и сердечно любилъ Бѣгичева и, по собственному признанію, «себя совершенно поработилъ его нравственному превосходству». Письма Грибоѣдова къ Бѣгичеву отличаются необыкновенною задушевностью: «Милый», «безцѣнный», «другъ сердечный», «безцѣнный другъ», «душа, другъ и братъ» — таковы обычныя обращенія къ Бѣгичеву со стороны Грибоѣдова. «Тебя, мой милый, люблю съ каждымъ годомъ и мѣсяцемъ болѣе и болѣе», писалъ Грибоѣдовъ Бѣгичеву черезъ 12 лѣтъ послѣ начала ихъ дружбы. Любовь къ Бѣгичеву распространялась у Грибоѣдова и на всѣхъ близкихъ къ этому послѣднему людей. «Я врагъ крикливаго пола», писалъ Грибоѣдовъ Бѣгичеву, «но двѣ женщины не выходятъ у меня изъ головы: твоя жена и моя сестра; я не разлучаю ихъ ни въ воспоминаніяхъ, ни въ молитвахъ». Съ нѣжнымъ участіемъ освѣдомлялся Грибоѣдовъ о женѣ Бѣгичева передъ ея первыми родами. Когда Грибоѣдовъ узналъ о рожденіи старшей дочери Бѣгичева, по его признанію, первымъ движеніемъ его было «летѣть къ Бѣгичеву, поздравить его и обнять крѣпко-накрѣпко». Грибоѣдовъ сожалѣлъ о томъ, что онъ «не вмѣстѣ» съ Бѣгичевымъ, но въ то же время считалъ «его пріязнь и въ отдаленности для себя благодѣяніемъ». У него онъ искалъ «прибѣжища» и отъ «пустоты душевной» и отъ часто нападавшей на него «тоски неизвѣстной». «Скажи мнѣ что-нибудь въ отраду», писалъ онъ Бѣгичеву во время одного изъ приступовъ меланхоліи.—«Ты меня старѣе, опытнѣе и умнѣе», писалъ онъ въ другомъ подобномъ случаѣ, «сдѣлай одолженіе, подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумасшествія или пистолета, и я чувствую, что то или другое у меня впереди».

Отношенія Бѣгичева къ Грибоѣдову вполнѣ подтверждали мнѣніе этого послѣдняго, что Бѣгичевъ любилъ его «тоже, какъ только братъ можетъ любить брата». Не одинъ разъ, повидимому, Бѣгичевъ оказывалъ дружескую помощь деньгами, безъ которой «корабль Грибоѣдова остался бы на мели». Бѣгичевъ берегъ и лелѣялъ талантъ Грибоѣдова, всѣми силами поощрялъ его къ занятіямъ литературой, радовался его успѣхамъ на этомъ поприщѣ и былъ до крайности ревнивъ къ его славѣ, какъ писатель. «Вѣчно попрекаешь меня малодушіемъ», оправдывался Грибоѣдовъ передъ своимъ другомъ, «не попрекнешь же впредь, право, нѣтъ, музамъ я не лѣнивый служитель». Когда, въ 1825 году, М. А. Дмитріевъ помѣстилъ въ «Вѣстникѣ Европы» рѣзкую статью о Грибоѣдовѣ, Бѣгичевъ «съ жаромъ вступился» за друга и написалъ опроверженіе, которое хотѣлъ напечатать. Только усиленныя настоянія Грибоѣдова отклонили его отъ этого намѣренія. «Я привыкъ тебя уважать», писалъ по этому поводу Грибоѣдовъ Бѣгичеву, «это чувство къ тебѣ вселяю въ каждаго новаго моего знакомца; какъ же ты могъ думать, что допущу тебя до личной и публичной схватки... и все это за человѣка, который бы хотѣлъ, чтобы всѣ на тебя смотрѣли, какъ на лицо высшаго значенія, неприкосновенное, друга, хранителя, котораго я избралъ себѣ съ раннеи молодости, какъ отчасти по симпатіи, такъ

равно столько же по достоинству. Итакъ, плюнь... въ одномъ только случаѣ возьмись за перо въ мою защиту, если я буду въ отдаленіи, или умру прежде тебя, и кто-нибудь, мой ненавистникъ, вздумаетъ чернить мою душу и поступки». Совмѣстное житье съ Бѣгичевымъ было особенно плодотворно для творчества Грибоѣдова: лѣто 1823 г. поэтъ провелъ въ Тульскомъ имѣніи Бѣгичева, с. Екатериновскомъ, и здѣсь, въ садовой бесѣдкѣ написалъ третій и четвертый акты «Горя отъ ума».

Авторитетъ Бѣгичева такъ высоко стоялъ въ глазахъ Грибоѣдова, что, по свидѣтельству племянницы Бѣгичева, Е. П. Соковниной, Грибоѣдовъ рѣшился принять постъ посланника въ Тегеранѣ только по настоянію своего друга. Бѣгичевъ былъ увѣренъ, что, при знаніи Грибоѣдовымъ восточныхъ языковъ, при его знакомствѣ съ нравами и обычаями персіянъ, онъ могъ оказать на этомъ постѣ большія услуги Россіи. На пути въ Персію, въ Тулѣ Грибоѣдовъ пробылъ три дня у Бѣгичева и былъ очень мраченъ. Бѣгичевъ замѣтилъ ему это, и Грибоѣдовъ, взявши его за руку, сказалъ съ глубокою горестью: «Прощай, братъ Степанъ! Врядъ ли мы съ тобой увидимся»!.. «Къ чему эти мысли»? возразилъ Бѣгичевъ, «ты бывалъ и въ сраженіяхъ, но Богъ тебя миловалъ». «Я знаю персіянъ», отвѣчалъ Грибоѣдовъ: «Аллаяръ ханъ мой личный врагъ, онъ меня уходитъ! Не подаритъ онъ мнѣ заключеннаго съ персіянами мира»!

Извѣстіе объ убійствѣ Грибоѣдова сильно поразило Бѣгичева: онъ сразу посѣдѣлъ и никогда не могъ утѣшиться, считая себя виновникомъ гибели своего друга.

Скончался Бѣгичевъ 22 Августа 1859 года и былъ погребенъ въ с. Екатериновскомъ Епифанскаго уѣзда, Тульской губерніи.

Отъ брака съ А. И. Барышниковой онъ имѣлъ: сыновей Никиту, Ивана и Дмитрія и дочерей Надежду, Екатерину и Марію [1]).

В. Шереметевскій.

---

1) Полк. арх.; Гос. арх., I, Б, д. 253; Леф. арх., Форм. сп. 1822 г., кн. 4682; Выписка изъ протокола Моск. Дв. Депут. Собр. отъ 16 Февр. 1838 г., за № 127; «Ист. Вѣстн.», 1889/III, 663—673; Р. Стар., 1874/I, 154; Письма Кирѣевскаго къ А. Ѳ. Малиновскому и письма Грибоѣдова къ С. Н. Бѣгичеву, ред. М. Н. Логинова, 3—5, 11, 14, 16, 18—21, 23, 26, 28, 33, 34, 38, 41; П. Собр. соч. Грибоѣдова, ред. Шляпкина, I, 44, 48, 200, 213; Скабичевскій, «Грибоѣдовъ, его жизнь и литер. дѣятельность» (Біогр. Павленкова), 48 и 63; Сочиненія Д. Давыдова, 1893 г., II, 196; Свѣдѣнія, сообщ. М. С. Бѣгичевой.

Владиміръ Ивановичъ Пестель 2-й (потомъ **3-й**), 1798—1865, дворянинъ Смоленской губерніи, лютеранскаго вѣроисповѣданія, сынъ Ивана Борисовича, генералъ-губернатора Сибири, и братъ декабриста Павла Ивановича. Будучи ребенкомъ, В. И. Пестель жилъ въ Дрезденѣ съ своимъ гувернеромъ и по возвращеніи въ Россію былъ помѣщенъ отцомъ въ Пажескій корпусъ; шестнадцати лѣтъ камеръ-пажъ Пестель былъ выпущенъ, 13 Іюня 1813 г., корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ и тотчасъ же отправился въ заграничный походъ. Въ концѣ Сентября онъ прибылъ къ полку.

1 Янв. 1814 г. онъ вступилъ съ полкомъ въ предѣлы Франціи, гдѣ 13 Марта участвовалъ въ сраженіи при Фершампенуазѣ и награжденъ орд. св. Анны 4-й ст. — 18 Окт. 1814 г. возвратился съ полкомъ въ Россію.

Въ 1816 г. произведенъ въ поручики и назначенъ адъютантомъ къ командиру полка Де-Прерадовичу, въ 1818 г. — въ шт.-ротмистры, въ 1819 г. въ ротмистры, отчисленъ во фронтъ и принялъ эскадронъ. 12 Дек. 1825 г. произведенъ въ полковники.

Государь Николай Павловичъ однажды смотрѣлъ Кавалергардскій полкъ поэскадронно и оставался недоволенъ имъ. «Доходила очередь до моего эскадрона», разсказывалъ Пестель. «Наканунѣ смотра, я поѣхалъ въ полковыя казармы, вызвалъ эскадронъ и объявилъ людямъ, что ученья не будетъ, такъ какъ они превосходно знаютъ дѣло и непремѣнно подарятъ меня милостивымъ словомъ Государя. На другой день, въ урочный часъ, прибылъ грозный Государь и, принявъ отъ меня рапортъ, подскакалъ къ эскадрону, окруженный своею свитою. Когда Государь поздоровался съ эскадрономъ, его первымъ словомъ было: «Вотъ молодцы! Людьми смотрятъ»!... Смотръ

прошелъ блистательно: я и эскадронъ удостоились счастья получить Царское спасибо. Вечеромъ того же дня я доказалъ своимъ товарищамъ, эскадроннымъ командирамъ, что они замучили своихъ солдатъ, что нельзя все возлагать на крикъ, а подчасъ и колотушки,— нужно дать мѣсто и собственнымъ силамъ солдатъ, вселить въ нихъ довѣріе къ себѣ» [1]). Это автобіографическое показаніе Пестеля подтверждаетъ, со словъ Пестеля, г. Н. Браилко, который свидѣтельствуетъ, что «въ результатѣ вышло семидневное, безъ объясненія причинъ, сидѣніе Пестеля на гауптвахтѣ: кто-то доложилъ Государю, что Пестель къ смотру людей не приготовлялъ» [2]). По формуляру за Пестелемъ значились въ это время въ Витебской губерніи и уѣздѣ 300 душъ крестьянъ, заложенныхъ въ банкѣ на 24-лѣтній срокъ.

Наступило 14 Декабря 1825 г. Вѣрныя своей присягѣ войска Гвардейскаго корпуса, по Высочайшему повелѣнію собранныя на Дворцовой и Исаакіевской площадяхъ, усмиряли бунтъ мятежниковъ. Въ строю этихъ войскъ находился и Пестель, свято исполняя долгъ службы, за что удостоился въ числѣ прочихъ получить Высочайшую признательность, объявленную на слѣдующій день въ Высочайшемъ приказѣ. Нѣсколько дней спустя, братъ его, Павелъ, былъ арестованъ въ числѣ другихъ участниковъ заговора, заточенъ въ Петропавловскую крѣпость и 13 Іюля 1826 г. казненъ. Это былъ тяжкій ударъ для всей семьи Пестель. Императоръ Николай Павловичъ не считалъ семью отвѣтственною за поступки одного изъ ея членовъ, щедро изливалъ милости на брата государственнаго преступника: 1 Янв. 1826 г. онъ награжденъ орд. св. Анны 2 ст., 14 Іюля 1826 г. назначенъ флигель-адъютантомъ, съ оставленіемъ въ полку, 22 Марта 1827 года получилъ алмазные знаки къ орд. св. Анны 2-й ст. Въ 1828 и 1829 гг. на Пестеля, какъ флигель-адъютанта, возлагались особыя порученія, за «отличное исполненіе» которыхъ онъ удостаивался Высочайшаго благоволенія.

Въ Польской кампаніи 1831 года Пестель участвовалъ съ Кавалергардскимъ полкомъ. За эту войну онъ получилъ орд. св. Анны 2-й ст. съ Имп. короною.

6 Окт. 1831 г. Пестель былъ произведенъ въ ген.-майоры, съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 2-й кирасирской дивизіи; 25 Февр. 1832 г. былъ утвержденъ командиромъ 2-й бригады той же дивизіи; въ томъ же году, 8 Апрѣля, ему была пожалована аренда по чину на 12 лѣтъ, вмѣсто коей повелѣно было отпускать арендныя деньги по 1000 р. сер. ежегодно, и въ томъ же году, 8 Октября, былъ награжденъ орд. св. Владиміра 3 ст.—23 Февр. 1834 г. былъ назначенъ состоять по кавалеріи и тѣмъ же приказомъ уволенъ въ отпускъ за границу для излѣченія болѣзни на 6 мѣсяцевъ. 26 Декабря 1836 г. Пестель былъ причисленъ къ министерству Внутреннихъ дѣлъ для назначенія, при вакансіи, гражданскимъ губернаторомъ, съ сохраненіемъ военнаго чина и мундира, а также и получаемаго содержанія по званію бригаднаго командира. 31 Авг. 1839 г. онъ былъ назначенъ Херсонскимъ гражданскимъ губернаторомъ; съ 1841 года сталъ и военнымъ губернаторомъ Херсона. Болѣе пяти лѣтъ занималъ Пестель эти должности, и Государь, цѣня его полезную службу, изливалъ на него попрежнему свои милости. Такъ, въ 1842 г. Пестель получилъ орд. св. Станислава 1 ст. и въ томъ же году, сверхъ получаемаго оклада, прибавочное содержаніе по 2 тыс. руб. сер. въ годъ «лично, доколѣ будетъ занимать должность Херсонскаго губернатора»; въ 1844 г. ему было объявлено Высочайшее удовольствіе за удовлетворительность распоряженій при проходѣ на Кавказъ черезъ Херсонскую губернію въ зимнее время войскъ 5-го пѣх. корпуса и въ томъ же году былъ удостоенъ ордена св. Анны 1 ст. и Георгія 4 ст. за выслугу 25 лѣтъ.

22 Января 1845 г. переведенъ губернаторомъ же въ Таврическую губернію и 17 Марта произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Въ первый же годъ его службы въ Крыму посѣтилъ Симферополь Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ, тогда еще 17-лѣтній юноша. Въ числѣ лицъ, его сопровождавшихъ, находился Н. Н. Мурзакевичъ, который въ своихъ «Запискахъ» [1]) отмѣтилъ между другими «смѣшными или странными случаями», что «въ Симферополѣ губернаторъ Пестель не зналъ дороги къ гимназіи, и гдѣ живетъ таврическій муфтій». Несмотря на то, 6 Декабря того же 1845 г., по Высочайшему повелѣнію, предписано было, сверхъ получаемаго оклада и прибавочнаго содержанія въ 2 тыс. р. сер., производить Пестелю еще 2 тыс. руб. сер. прибавочнаго жалованья. Черезъ два года послѣ этого онъ получилъ орд. св. Анны 1 ст. съ Имп. короною, а въ 1850 г. «за взысканіе сполна въ 1849 г. слѣдовавшаго съ податныхъ состояній, кромѣ казенныхъ крестьянъ, годового оклада податей совокупно съ вступившими недоимками» ему было объявлено

---

1) Изъ записокъ Н. Иванова, бывшаго чиновникомъ особыхъ порученій при Таврическомъ губернаторѣ В. И. Пестелѣ.

2) Р. Архивъ, 1897/VI, 290.

1) Русск. Старина, 1887/XII, 672.

монаршее благоволеніе. Ту же милость за успѣшное взысканіе полугодового оклада податей получилъ онъ и въ слѣдующемъ году, когда Государь, кромѣ того, пожаловалъ его орденомъ св. Владиміра 2 ст. За услуги, оказанныя герцогу Ангальтъ-Кетенскому по дѣламъ, относившимся къ состоявшей тогда въ Таврической губерніи Ангальтской колоніи, Пестель получилъ въ 1851 г. Ангальтскій орденъ Альберта-Медвѣдя большаго креста. Судя по этимъ отличіямъ, необходимо признать Пестеля хорошимъ администраторомъ [1]), вполнѣ отвѣчавшимъ требованіямъ правительственной власти. Онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ Императора Николая Павловича: по представленіямъ Пестеля, не только избранный дворянствомъ Херсонской губерніи предсѣдатель уголовной палаты не былъ утвержденъ, но даже цѣлый крымско-татарскій эскадронъ былъ уничтоженъ, благодаря неумѣлымъ распоряженіямъ Пестеля. Этотъ эскадронъ формировался на счетъ татаръ и отправлялся въ Петербургъ, гдѣ и входилъ въ составъ конвоя Его Величества. Сформированный въ Симферополѣ эскадронъ, при выступленіи въ Петербургъ, получалъ деньги въ Симферополѣ, гдѣ и устраивались попойки при прощаніи. Желая избѣгнуть этого, Пестель распорядился, чтобы деньги выдавались не въ Симферополѣ, а въ мѣст. Коровкѣ. Въ результатѣ этого распоряженія оказалось слѣдующее: «эскадронъ взбунтовался и отказался присягать. Загнали его пѣшимъ во дворъ городской полиціи. Пріѣхалъ Пестель и началъ увѣщевать татаръ, хотя ни одинъ изъ новобранцевъ ни слова не понималъ по-русски; дѣлу помогали переводчики. Долго шло безполезное увѣщаніе, — присягать отказывались! Тогда Пестель, обыкновенно сдержанный, вспылилъ, обнажилъ саблю и ударилъ перваго стоявшаго возлѣ него татарина. Затѣмъ началось поголовное наказаніе розгами, а послѣ этого — присяга. Деньги все-таки выдали въ Коровкѣ. Случай этотъ происходилъ въ 1845 или 1846 году. Долго никто не зналъ о судьбѣ эскадрона, но, наконецъ, пришло страшное извѣстіе: по прибытіи эскадрона въ Петербургъ Государь Николай Павловичъ приказалъ всѣхъ нижнихъ чиновъ размѣстить по армейскимъ пѣхотнымъ полкамъ, сравнивъ ихъ общею службою на 25 лѣтъ! Понятно, что послѣ этого срока никто почти на родину, въ Крымъ, изъ нихъ не возвратился. Всѣ они погибли отъ суровой дисциплины, русской пищи и незнанія русскаго языка» [2]). Неумѣнье Пестеля дѣйствовать въ экстраординарныхъ случаяхъ погубило не только татаръ, но и самого Пестеля.

Пестель былъ еще Таврическимъ губернаторомъ, когда началась война 1853 г. Пестель дѣлалъ все, что могъ, для содѣйствія арміи, собиравшейся понемногу въ Крымъ. Когда объяснилось намѣреніе непріятеля высадиться въ Крыму, онъ получилъ предписаніе министра Внутреннихъ дѣлъ, въ случаѣ опасности со стороны непріятеля, вывезти изъ Симферополя всѣ присутственныя мѣста заблаговременно; кн. Меньшиковъ подтвердилъ ему это приказаніе.—Пестель не принималъ, однако, никакихъ мѣръ. 2 Сентября 1854 года высадка совершилась. Наканунѣ Алминскаго сраженія Пестель былъ у главнокомандующаго и получилъ вновь приказаніе вывезти изъ Симферополя присутственныя мѣста заблаговременно — и все же не вывозилъ. Результатъ Алминскаго сраженія, 8 Сентября, въ тотъ же день сдѣлался извѣстенъ Симферополю, гдѣ каждый выстрѣлъ его былъ ясно слышанъ. Только теперь Пестель назначилъ на 11-е Сентября вывозъ изъ города присутственныхъ мѣстъ. Вывозя ихъ, подъ прикрытіемъ маленькаго отряда воинской команды, Пестель не имѣлъ возможности сдѣлать это секретно. Многія семейства выѣхали изъ Симферополя въ сѣверные уѣзды губерніи еще раньше; теперь собрались и двинулись остальныя — 5-6/тыс. человѣкъ и болѣе 1000 подводъ. Въ 18-и верстахъ отъ города получено было разрѣшеніе главнокомандующаго возвратиться въ Симферополь. По словамъ очевидцевъ, Пестель, рѣшившись такъ несвоевременно покинуть Симферополь, «сѣлъ въ коляску вмѣстѣ со своею фавориткою (женою одного изъ чиновниковъ) и направился во главѣ поѣзда» [1]). Слухи о «забавномъ путешествіи» жителей Симферополя быстро разошлись повсюду, и Пестель въ концѣ 1854 г. былъ уволенъ отъ службы безъ прошенія. Только Императоръ Александръ II смягчилъ его участь, и Пестель 29 Апр. 1855 г. былъ назначенъ сенаторомъ, съ оставленіемъ по кавалеріи. Въ 1858 г. Всемилостивѣйше повелѣно было производить ему, вмѣсто аренды, изъ государственнаго казначейства по 1.200 р. ежегодно, а въ 1863 г.— по 3000 р. арендныхъ денегъ ежегодно на 12 лѣтъ. Въ 1862 г. онъ получилъ орд. Бѣлаго Орла и 1 Янв. 1865 г. произведенъ въ дѣйств. тайные совѣтники.

Пестель былъ женатъ (съ 1822 г.) на дочери отст. бригадира Амаліи Петровнѣ Хра-

---

[1]) Завадовскій, «Столѣтіе Тавриды», I, 250—264.
[2]) Русскій Архивъ, 1897 г., II, 298.

[1]) Одесскій Вѣстникъ, 1865 г., № 70; Р. Старина, 1875/XI, 549; Р. Архивъ, 1897/VI, 290—292.

повицкой (католичкѣ), но не жилъ съ своею женою и не оставилъ по себѣ потомства. 19 Января 1865 г. Пестель умеръ въ Москвѣ [1]).

В. Жерве.

Иванъ Ивановичъ Величко, 1789—, изъ дворянъ Полтавской губ., Прилуцкаго уѣзда; въ службу вступилъ 20 Сентября 1808 г. изъ пятидесятниковъ корнетомъ въ Лубенскій гус. полкъ; въ 1810 г. произведенъ поручикомъ, въ 1814 г. шт.-ротмистромъ; въ 1815 г. переведенъ въ Лифляндскій конно-егерск. полкъ; въ 1819 г. произведенъ капитаномъ; въ 1820 г. переведенъ въ 4-й Украинскій (Елисаветградскій) полкъ ротмистромъ; въ 1826 г. произведенъ майоромъ; за отличіе въ сраженіи противъ польскихъ мятежниковъ произведенъ 13 Марта 1831 г. въ подполковники; 24 Апрѣля 1832 г. назначенъ командующимъ Новомиргородскимъ уланскимъ полкомъ, а 19 Января 1835 г. утвержденъ командиромъ сего полка; въ 1837 г. произведенъ полковникомъ; 3 Іюня 1841 г. уволенъ отъ службы, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья.

Своихъ имѣній не имѣлъ. Былъ женатъ на тамбовской помѣщицѣ, по смерти которой получилъ 85 душъ крестьянъ, переданныхъ имъ дѣтямъ. Дѣтей отъ сего брака было: Надежда (р. 1824 г.), Анна (р. 1825 г.), Софія (р. 1828 г.), Иванъ (р. 1829 г.), Вѣра (р. 1830 г.), Любовь (р. 1832 г.), Елизавета (р. 1833 г.) и Александра (р. 1834 г.). Участвовалъ въ Отечественной войнѣ, въ дѣлѣ подъ Мозыремъ (13 Окт.); въ 1813 г. былъ прикомандированъ къ Кавалергардскому полку, съ которымъ находился: въ сраженіяхъ подъ Лейпцигомъ и 13 Марта 1814 г. подъ Фершампенуазомъ и за послѣднее дѣло награжденъ орд. св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ; въ 1831 г. въ польской войнѣ: въ сраженіи при Ваверѣ (7 Февр.); въ дѣлахъ у Непоренты (9 и 12 Февр.); въ Гроховскомъ сраженіи; въ дѣлахъ у Соломянки (26 Мая); Оваитѣ (4 Іюля), и въ штурмѣ Варшавы. Имѣлъ орд. св. Георгія 4 ст. за 25 лѣтъ службы и орд. св. Станислава 2 ст. (въ 1834 г.). Въ 1835 г. пожалована аренда на 12 лѣтъ по 700 р. [2]).

Иванъ Дмитріевичъ Подольскій, 1785—1823, изъ дворянъ Вятской губ.; въ службу вступилъ юнкеромъ въ Борисоглѣбскій драг. полкъ 11 Марта 1804 г.; 5 Октября 1806 г. произведенъ прапорщикомъ, въ 1811 г. поручикомъ; 1 Сентября 1812 г. переведенъ въ Гвардейскіе кавалерійск. резервы; 16 Апрѣля 1814 г. переведенъ въ лб.-гв. Кирасирскій полкъ; 27 Октября того же года назначенъ полковымъ адъютантомъ, въ коей должности пробылъ по 6 Дек. 1817 г.; въ 1816 г. произведенъ штабсъ-ротмистромъ, въ 1820 г. ротмистромъ; переведенъ 7 Мая 1821 г. майоромъ въ Стародубовскій кирас. полкъ. Участвовалъ въ походахъ: въ 1804 г. противъ закубанцевъ, при взятіи въ плѣнъ султана Бахты-Гирея; въ Февралѣ 1807 г. противъ чеченцевъ; въ 1808 г. въ Персіи, гдѣ участвовалъ въ осадѣ и штурмѣ Эривани; въ 1810 г. противъ кабардинскихъ мятежниковъ, въ сраженіи въ ущельяхъ между рѣками Баксаномъ и Малахіи и за эту экспедицію удостоенъ Высочайшимъ благоволеніемъ. Въ 1813 г. находился въ составѣ резервнаго эскадрона, направленнаго къ Кавалергардскому полку. Въ 1814 г. состоялъ прикомандированнымъ къ Кавалергардскому полку и участвовалъ съ нимъ въ сраженіи при Фершампенуазѣ, гдѣ, при взятіи двухъ орудій, былъ сильно *контуженъ* картечью въ грудь и награжденъ орд. *св. Георгія* 4 ст.—Подольскій вступилъ въ Парижъ 19 Марта съ Кавалергардскимъ полкомъ и съ нимъ же вернулся въ Россію.

Женатъ не былъ. 28 Января 1823 г. исключенъ умершимъ [1]).

Эразмъ (Герасимъ) **Антоновичъ Злотницкій 1-й,** 1788—, сынъ генералъ-лейтенанта, поступилъ 14 Авг. 1805 г. «изъ капитановъ польскихъ бригадъ» подпоручикомъ въ Новороссійскій драг. полкъ; въ 1808 г. произведенъ въ поручики, 28 Мая 1811 г. въ шт.-капитаны и въ этомъ же году (18 Іюля) за отличіе въ дѣлахъ въ Молдавіи въ капитаны. Въ 1812 г. и до кончины кн. Кутузова онъ состоялъ адъютантомъ при немъ; 1 Іюня 1813 г. произведенъ въ майоры, а 17 Іюля того же года переведенъ «за отличіе въ сраженіи тѣмъ же чиномъ» въ Кавалергардскій полкъ. Де-Прерадовичъ возбудилъ вопросъ, какимъ старшинствомъ считать Злотницкаго. На всеподданнѣйшемъ о томъ докладѣ Императоръ Александръ I написалъ 3 Сентября 1813 г. карандашомъ: «Весьма довольно будетъ для него быть переведеннымъ ротмистромъ въ Кавалергардскій полкъ». Однако, переиме-

---

1) И. Р. И. О., Форм. сп. сенаторовъ; Общ. арх. Гл. шт., 1859 г., кн. 600.

2) Леф. арх., Форм. сп. 1839 г., кн. 4298.

1) Леф. арх., Форм. сп. 1822 г., кн. 4658.

нованія Злотницкаго не состоялось, и онъ показывался въ полковыхъ спискахъ *майоромъ* до 14 Сентября 1815 г., когда былъ переименованъ не въ ротмистры, а штабсъ-ротмистры, вслѣдствіе Высочайшаго замѣчанія, что майоровъ «не должно быть въ гвардіи». Въ 1815 г. Цесаревичъ сдѣлалъ представленіе о томъ, «что шт.-ротмистръ Кавалергардскаго полка Злотницкій, переименованный въ сіе званіе изъ майоровъ по переводѣ въ гвардію, долженъ получить, наравнѣ съ прочими его товарищами, чинъ полковника». На это представленіе послѣдовала Высочайшая резолюція: «Желаніе Злотницкаго неумѣренное; его слѣдуетъ произвести въ ротмистры, наравнѣ съ Монтрезоромъ», и 16 Января 1816 г. онъ былъ произведенъ въ ротмистры, а 30-го числа того же мѣсяца переведенъ въ Екатеринославскій кирас. полкъ подполковникомъ; 5 Мая 1817 г. переведенъ въ Астраханскій кирас. полкъ, а 10 Апрѣля 1818 г. уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ полковникомъ, съ мундиромъ. Злотницкій участвовалъ въ сраженіяхъ при Кремсѣ (Дюренштейнѣ, 30 Окт. 1805 г.) и награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость», и въ Аустерлицкомъ сраженіи и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. Въ 1808 г. участвовалъ въ штурмахъ Браилова и Рущука; въ 1810 и 1811 гг. «за отличія въ дѣлахъ» произведенъ въ капитаны. Въ 1812 г. Злотницкій состоялъ адъютантомъ при князѣ Кутузовѣ и за Бородинскій бой награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. [1]).

Николай Васильевичъ Рычковъ, 1786—183., изъ дворянъ Оренбургской губ., сынъ надворн. совѣтника Василія Петровича и Надежды Петровны, рожд. Репьевой; на службу поступилъ въ 1807 г. изъ отставныхъ переводчиковъ Колл. Иностранныхъ дѣлъ юнкеромъ въ Лубенскій гус. полкъ. Въ томъ же году произведенъ въ корнеты, въ 1808 г. назначенъ шефскимъ адъютантомъ, въ 1810 г. поручикомъ. 28 Февраля 1811 г. уволенъ отъ службы по болѣзни. Въ 1812 г. принятъ вновь въ Орденскій кирас. полкъ и назначенъ дивизіоннымъ адъютантомъ 9-й кавалерійской дивизіи (кн. Н. Г. Репнина). 4 Сентября 1813 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, съ оставленіемъ адъютантомъ при кн. Репнинѣ. Въ 1815 г. перемѣщенъ адъютантомъ къ кн. П. М. Волконскому. 16 Января 1816 г. произведенъ въ шт.-ротмистры, а 9 Декабря того же года назначенъ командиромъ 1-го Тептярскаго казачьяго полка, съ переименованіемъ въ майоры. 18 Ноября 1819 г. уволенъ отъ службы. Въ 1825 г. поступилъ въ Черниговскій конно-егерскій полкъ. 3 Февраля 1827 г. за ранами уволенъ отъ службы подполковникомъ, съ мундиромъ и пенсіею.

Участвовалъ въ сраженіяхъ: въ 1812 г. въ отрядѣ гр. Витгенштейна подъ Клястицами и Полоцкомъ (6 Авг. и 6 Окт.) и награжденъ орд. св. Владиміра 4-й ст., 6 и 7 Октября «командовалъ особеннымъ отрядомъ кавалеріи для прикрытія лѣваго фланга корпуса, занялъ м. Каменку и взялъ въ плѣнъ 3-хъ офицеровъ и 250 человѣкъ нижнихъ чиновъ», за что награжденъ орд. св. Анны 2 ст. Затѣмъ находился въ отрядѣ ген.-адъют. Голенищева-Кутузова «и былъ употребляемъ по разнымъ порученіямъ какъ имъ, такъ и г.-м. Дибичемъ, неоднократно посылаемъ для переговора съ прусскими войсками, а при отступленіи отъ Тильзита корпуса Макдональда посылаемъ былъ къ сему маршалу съ порученіями». Въ 1813 г. находился въ дѣлѣ при занятіи Берлина въ авангардѣ кн. Репнина; послѣ перемирія съ партизанскимъ отрядомъ кн. Кудашева «назначенъ былъ для сдѣланія коммуникаціи съ арміей Шведскаго кронъ-принца, съ коимъ (Кудашевымъ) и прошелъ сквозь всю французскую армію и обратно». Состоя при гр. Платовѣ и въ авангардѣ подъ командою г.-м. Кайсарова, былъ въ сраженіяхъ подъ Алтенбургомъ и Лейпцигомъ, гдѣ былъ *раненъ* пулею въ ногу и награжденъ золотою шпагою. Въ сраженіи подъ Ганау *раненъ* пулею въ правую ногу на вылетъ. «По полученіи облегченія отъ раны» Рычковъ возвратился къ кн. Репнину, назначенному ген.-губернаторомъ Саксоніи. Въ 1814 г. получилъ орденъ «Pour le mérite», а за исправное выполненіе возложенныхъ на него «по дипломатической части дѣлъ»—награжденъ кн. Репнинымъ Саксонскимъ орденомъ.

По выходѣ въ отставку жилъ въ с. Сулѣ Бугульминскаго уѣзда, гдѣ у него были обширныя помѣстья. За время нахожденія за границей сильно разстроилъ свои дѣла, и съ него еще въ 1822 г. взыскивалось «заплаченные, по Высоч. указу изъ Кабинета Е. И. В., саксонскому банкиру 18.972 р. и, сверхъ того, по разнымъ претензіямъ болѣе 18/т. рублей».

Въ 1814 г. въ г. Дрезденѣ вступилъ въ бракъ съ племянницей посланника Алопеуса, дочерью ст. сов. Вильгельминою фонъ-Нотбекъ. Имѣлъ дѣтей: Дмитрія (р. 1815 г.), женатаго на Растовской, Софью (р. 1816 г.), въ замужествѣ за шт.-ротмистромъ И. П. Рычковымъ, Зинаиду (р. 1817 г.), въ замужествѣ за кап.-лейтенантомъ Мертваго, и Наталію, умершую въ дѣтствѣ.

---

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., оп. 153, св. 42, д. 1784; Форм. сп. 1817 г., кн. 787.

Умеръ приблизительно въ 1830-хъ гг. и погребенъ въ С.-Петербургѣ на Волковомъ кладбищѣ [1]).

Графъ Матвѣй Юрьевичъ Віельгорскій (Велеурскій), 1794—1866, происходилъ изъ польскаго дворянскаго рода, утвердившагося на Волыни и, по всей вѣроятности, бывшаго первоначально русскимъ и православнымъ. Въ графское Свящ. Римской имперіи достоинство былъ возведенъ дѣдъ Матвѣя Юрьевича въ 1787 г., отецъ же его, графъ Юрій Михайловичъ (1753, † 1809) былъ польскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, а затѣмъ перешелъ на русскую службу и дослужился до чина д. т. сов. и званія сенатора. Матвѣй Юрьевичъ родился 15 Апрѣля 1794 г., отъ перваго брака отца съ графиней Софьей Дмитріевной Матюшкиной (1755—1796), слѣдовательно, по матери онъ былъ русскій и поэтому православный. Благодаря расположенію Императора Павла къ гр. Ю. М. Віельгорскому, Матвѣй Юрьевичъ, вмѣстѣ съ братомъ, ребенкомъ былъ пожалованъ въ кавалеры Мальтійскаго ордена. На десятомъ году (11 Января 1804 г.) онъ былъ записанъ на службу юнкеромъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ и черезъ полгода (23 Іюля) уволенъ «въ чужіе края до окончанія наукъ». 25 Іюня 1812 г., 18-и лѣтъ, онъ поступилъ на дѣйствительную службу корнетомъ въ 3-й Украинскій казачій полкъ, но продолжалъ числиться въ Коллегіи, откуда былъ исключенъ только 28 Февраля 1817 г. Участіе его въ Отечественной войнѣ ограничилось встрѣчами съ непріятелемъ при Мордахъ (28 Окт.) и Лосицахъ (29 Окт.). Въ послѣднемъ дѣлѣ ему удалось отличиться: будучи командированъ со взводомъ на аванпосты, онъ былъ отрѣзанъ непріятелемъ и подвергся преслѣдованію, но успѣлъ присоединиться къ полку и не потерялъ при этомъ ни одного человѣка. 18 Января 1813 г. Віельгорскій за отличіе былъ произведенъ въ поручики. Состоя въ корпусѣ г.-м. Эссена, онъ участвовалъ въ началѣ 1813 г. въ изгнаніи непріятеля изъ русскихъ предѣловъ, послѣ чего былъ прикомандированъ къ командующему кавалерійскимъ корпусомъ ген.-адъют. кн. В. С. Трубецкому [1]) и 15 Февраля назначенъ его адъютантомъ. Находясь безотлучно при князѣ, Віельгорскій принималъ участіе въ сраженіяхъ при Бауценѣ, Герлицѣ, Дрезденѣ и Лейпцигѣ. За Герлицъ (11 Мая) онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст., а за Лейпцигъ переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, съ оставленіемъ адъютантомъ (30 Окт.). По перенесеніи военныхъ дѣйствій во Францію, онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Бріеннѣ, Арси, Фершампенуазѣ и Парижѣ, и за послѣднее получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ (18 Марта 1814 г.). Во время войны 1815 г. Віельгорскій находился при Главной квартирѣ. Кромѣ русскихъ орденовъ, онъ во время войнъ съ Наполеономъ получилъ еще прусскій орденъ «Pour le mérite». 2 Декабря 1817 г. Віельгорскій былъ произведенъ въ шт.-ротмистры, а 13 Марта 1819 г.—въ ротмистры. 18 Января 1821 г. отчисленъ во фронтъ, при чемъ приказано было, «въ случаѣ если ему до прибытія на службу въ полкъ будетъ доставаться къ производству, то обходить». Не прибывая къ полку, 12 Ноября того же года, переведенъ подполковникомъ въ Псковскій кирас. полкъ, гдѣ 18 Іюля 1822 г. назначенъ командиромъ дивизіона. Въ 1824 г. онъ заболѣлъ и 11 мѣсяцевъ пробылъ въ отпуску для лѣченія болѣзни. Въ 1825 г. былъ командированъ для закупки ремонта; на обратномъ пути, находясь въ г. Дмитріевскѣ, заболѣлъ («періодическимъ удушьемъ и кровохарканьемъ») и принужденъ былъ подать въ отставку; 1 Апрѣля 1826 г. онъ былъ уволенъ по болѣзни отъ службы полковникомъ, съ мундиромъ.

Въ отставкѣ Віельгорскій былъ недолго и поступилъ въ гражданскую службу: 26 Марта 1827 г. онъ былъ переименованъ въ колл. совѣтники, пожалованъ въ званіе камергера и назначенъ членомъ комитета Театральной

---

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1826 г., кн. 7650; св. 17, д. 6, л. 78; Нагр. дѣла, св. 8, д. 93; Уничт. бум. арх. Сената; Свѣдѣнія, сообщ. А. Н. Селивановымъ.

[1]) См. его біографію.

дирекціи. Послѣднюю должность занималъ до упраздненія комитета 24 Апрѣля 1829 г.; 21 Сентября того же года вторично опредѣлился въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ и 8 Ноября назначенъ для занятій въ Петербургскій Главный архивъ этой коллегіи. 18 Апрѣля 1831 г. произведенъ въ статскіе совѣтники. Въ этомъ же году принималъ участіе въ прекращеніи холеры, свирѣпствовавшей въ Петербургѣ, и за его дѣятельность, 30 Декабря, ему было объявлено Монаршее благоволеніе. 1 Января 1833 г. Віельгорскій былъ назначенъ вице-директоромъ департамента хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, а 23 Апрѣля 1834 г. директоромъ того же департамента. 6 Апрѣля 1835 г. онъ былъ произведенъ въ дѣйств. статскіе совѣтники и пожалованъ въ должность шталмейстера при Великой Княжнѣ Маріи Николаевнѣ [1]). Въ должности директора департамента онъ оставался до 16 Іюля 1839 г., когда, послѣ выхода Вел. Княжны Маріи Николаевны замужъ для нея былъ образованъ дворъ, и Матвѣю Юрьевичу повелѣно быть въ должности шталмейстера ея двора. 10 Апрѣля 1843 г. онъ былъ пожалованъ въ шталмейстеры двора В. Кн. Маріи Николаевны. Кромѣ конюшенной части, Віельгорскій управлялъ и дворомъ Вел. Княгини, при чемъ нѣсколько разъ сопровождалъ ее во время заграничныхъ путешествій: въ 1838 г. онъ состоялъ при Великихъ Княжнахъ Маріи Николаевнѣ и Ольгѣ Николаевнѣ, въ 1840 и 1842 гг. при В. Кн. Маріи Николаевнѣ и ея супругѣ герцогѣ Максиміліанѣ Лейхтенбергскомъ, а въ 1851 г. при одной Великой Княгинѣ. Въ 1836 г. ему случайно пришлось находиться при особѣ Государя Николая Павловича, съ которымъ произошелъ несчастный случай при проѣздѣ черезъ Чембаръ Пензенской губерніи; Віельгорскій же въ это время находился въ отпуску въ своемъ Пензенскомъ имѣніи.

За время своей службы въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ и при дворѣ Великой Княгини онъ получилъ слѣдующія награды: орд. св. Владиміра 3 ст. (17 Апр. 1837 г.), Станислава 1 ст. (1 Іюля 1839 г.), Анны 1 ст. (15 Окт. 1841 г.), Бѣлаго Орла (1 Марта 1847 г.) и св. Владиміра 2 ст. (7 Апр. 1851 г.), и украшенную брильянтами табакерку съ портретомъ Государя, пожалованную 19 Апрѣля 1840 г., по случаю крещенія первой дочери В. Кн. Маріи Николаевны, княжны Александры Максиміліановны. Кромѣ того, онъ получилъ во время заграничныхъ поѣздокъ иностранные ордена: прусскій — Краснаго Орла 2 ст., съ брильянтами, и баварскій — св. Михаила большаго креста. Въ день коронаціи Императора Александра II, 26 Августа 1856 г., онъ былъ пожалованъ въ оберъ-гофмейстеры, съ увольненіемъ отъ управленія дворомъ В. Кн. Маріи Николаевны, а затѣмъ ему повелѣно было состоять при вдовствующей Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Кромѣ того, онъ былъ членомъ комиссіи, учрежденной для управленія дѣлами опеки надъ дѣтьми В. Кн. Маріи Николаевны. По смерти Императрицы Александры Ѳеодоровны онъ былъ назначенъ состоять при Императрицѣ Маріи Александровнѣ.

Вмѣстѣ со своимъ братомъ Михаиломъ Юрьевичемъ, «геніальнѣйшимъ дилетантомъ», по выраженію Р. Шумана, Матвѣй Юрьевичъ игралъ видную роль не только въ придворной, но и въ общественной жизни, и заслужилъ почетную извѣстность, какъ талантливый дилетантъ-меценатъ, покровитель ученыхъ, литераторовъ, художниковъ и въ особенности музыкантовъ. Домъ Віельгорскихъ, по словамъ ихъ внука, М. А. Веневитинова, былъ «проводникомъ въ Петербургское высшее общество артистовъ, композиторовъ и ихъ произведеній и, такъ сказать, академіей музыкальнаго вкуса». Оба брата собирали вокругъ себя лучшія музыкальныя силы столицы. Иностранные артисты, прежде появленія передъ публикой выступали на музыкальныхъ вечерахъ у Віельгорскихъ. Такія предварительныя испытанія часто дѣлались по порученію театральнаго начальства. Матвѣй Юрьевичъ не только покровительствовалъ музыкантамъ, но и самъ былъ талантливый музыкантъ, унаслѣдовавъ музыкальныя способности отъ отца, одного изъ учредителей Петербургскаго Филармоническаго общества. Онъ игралъ на віолончели, сочинялъ пьесы для этого инструмента и въ молодости хорошо пѣлъ. Онъ былъ ученикомъ віолончелиста Адольфа Мейнгарда, и игру его многіе считали артистической. «Матвѣй играетъ на віолончели такъ, какъ, должно быть, играютъ ангелы въ концертахъ Господа Бога въ раю», говоритъ одинъ современникъ. Не только въ столицѣ, но и въ провинціальной глуши не покидалъ Матвѣй Юрьевичъ своихъ музыкальныхъ занятій. Псковскій кирасирскій полкъ, въ который онъ былъ переведенъ изъ Кавалергардскаго полка, стоялъ въ уѣздномъ городѣ Орловской губерніи, Сѣвскѣ. По со-

---

[1]) По поводу этого назначенія гр. Соллогубъ разсказываетъ слѣдующій анекдотъ: въ Великую субботу, прикладываясь въ дворцовой церкви къ плащаницѣ, Матвѣй Юрьевичъ уронилъ нечаянно съ одной ноги башмакъ и за тѣснотой не могъ его поднять. Государь замѣтилъ это и, подозвавъ графа, сказалъ ему: «Mais, mon cher comte, pour que vous ne perdiez pas une autre fois vos souliers, je vous donne les bottes». (Истор. Вѣстн., 1885/II, 364).

сѣдству, въ Курской губерніи, находилось имѣніе Луизино (Фатѣевка), гдѣ жилъ его братъ Михаилъ Юрьевичъ, бывшій въ это время въ опалѣ послѣ женитьбы на своячиницѣ. Здѣсь въ теченіе зимы 1822 и 1823 гг. часто устраивались концерты, съучастіемъ оркестровъ графа Чернышева и Теплова, сосѣдей Віельгорскихъ, при чемъ соло на віолончели исполнялъ Матвѣй Юрьевичъ. Въ Петербургѣ, въ домѣ Віельгорскаго собирался первый русскій квартетъ, состоявшій изъ автора народнаго гимна А. Ѳ. Львова, Маурера, Вильде и самого хозяина. Въ 1838—1840 гг. онъ выступалъ публично въ любительскихъ концертахъ, устраивавшихся въ Дворянскомъ собраніи въ пользу Патріотическаго общества и дѣтской больницы. Графъ былъ обладателемъ драгоцѣнной віолончели работы Страдиваріуса, которую онъ, шутя, называлъ своей женой. Впослѣдствіи онъ ее подарилъ извѣстному віолончелисту К. Ю. Давыдову, восхитившись его игрой въ Бетховенскомъ квартетѣ. Передача инструмента новому владѣльцу произошла при торжественной обстановкѣ во время концерта Давыдова въ залѣ Дворянскаго собранія. Віельгорскій, взойдя на эстраду, вручилъ свою драгоцѣнность концертанту со словами: «Не нахожу никого достойнѣе получить мой Страдиваріусъ, кромѣ васъ». Слова эти были покрыты дружными аплодисментами публики. Матвѣй Юрьевичъ былъ однимъ изъ основателей и первыхъ директоровъ Русскаго Музыкальнаго общества (теперь Императорскаго). Свою богатую библіотеку и инструменты Матвѣй Юрьевичъ завѣщалъ Петербургской консерваторіи, основанной Музыкальнымъ обществомъ.

Кромѣ музыкантовъ, покровительствомъ графа пользовались и художники. До самой своей смерти онъ былъ вице-предсѣдателемъ Общества поощренія художниковъ, чередуясь въ этомъ званіи съ Прянишниковымъ. Обществу онъ былъ полезенъ своей близостью къ предсѣдателямъ общества, герцогу Лейхтенбергскому и Вел. Кн. Маріи Николаевнѣ. Сталкиваясь постоянно съ различными знаменитостями на поприщѣ искусства и литературы, Матвѣй Юрьевичъ любилъ оставлять у себя воспоминанія объ этихъ встрѣчахъ, и результатомъ этого былъ альбомъ, наполненный портретами и автографами знаменитыхъ писателей, композиторовъ, музыкантовъ и пѣвцовъ. Большинство портретовъ—гравюры, есть нѣсколько акварелей извѣстнаго портретиста Соколова; между прочимъ Соколову принадлежатъ портреты Жуковскаго, Крылова, Брюллова и братьевъ Рубинштейновъ. Изображеніе Пушкина сдѣлано Райтомъ сепіей. Большинство портретовъ снабжено автографами оригиналовъ.

Віельгорскій былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей Общества посѣщенія бѣдныхъ, возникшаго въ Апрѣлѣ 1846 г. и закрытаго въ 1855 г. Онъ носилъ званіе члена-благотворителя этого общества.

Состояніе Матвѣя Юрьевича было значительное: ему принадлежали два имѣнія въ Пензенской губерніи—родовое (2481 душа) и благопріобрѣтенное (3025 душъ) въ Чембарскомъ уѣздѣ и дача Павлино на 17-й верстѣ по Петергофской дорогѣ (110 десятинъ). Женатъ онъ не былъ. Въ 1820 г. былъ помолвленъ съ баронессой Еленой Григорьевной Строгановой, но вскорѣ послѣ помолвки заболѣлъ, и бракъ разстроился, что вызвало много толковъ въ петербургскомъ обществѣ. 28 Сентября А. И. Тургеневъ писалъ князю П. А. Вяземскому о Віельгорскомъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ помолвка сдѣлана, и счастье, котораго надежда одна животворила его, ему объявлено, онъ онѣмѣлъ, и нѣсколько дней уже лѣкарства на него не дѣйствуютъ, и на него нашелъ родъ столбняка. Говорятъ, что это что-то нервическое въ желудкѣ... Сегодня увѣряли меня, что ему отказали уже или по крайней мѣрѣ положено отказать». Невѣста вышла впослѣдствіи за И. Д. Черткова, а женихъ такъ и остался холостякомъ.

Матвѣй Юрьевичъ умеръ въ Ниццѣ 21 Февраля 1866 г. и погребенъ въ Петербургѣ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры [1]).

Н. Чулковъ.

Николай Карловичъ фонъ-Лау, —1816, изъ дворянъ Воронежской губ., въ службѣ съ 13 Марта 1812 г. юнкеромъ въ Кавалергардскомъ полку; 13 Декабря 1813 г. произведенъ корнетомъ, 4 Января 1816 г. поручикомъ. Въ 2½ часа ночи съ 19 на 20 Мая «самопроизвольно пострѣлилъ себѣ изъ пистолета пулею въ животъ навылетъ спину, отъ которой раны съ 20 на 21 число пополуночи въ 3 часа умре», и погребенъ 23 Мая [2]).

---

[1]) Полк. архивъ, III, 95; Леф. арх., Форм. сп. 1825 г., кн. 6878; Нагр. дѣла, св. 8, 9, 17; Арх. М. Двора, Форм. сп. 1856 г., сп. № 31/1622, разр. № 1, дѣло 3, л. 540; Долгоруковъ, III, 95; Саитовъ, «Некрополь», 27; Р. Стар., 1881 г., XXXI, 640, 645, 650; 1886/XI, 485; 1888/VI, 692; 1889/II, 244 и 245, IV, 553, 611; Р. Арх., 1869 г., 1000; 1878/VI, 266; И. Вѣстн., 1898/I, 84; Русск. Музык. Газета, 1900 г., №№ 15—17; Остафьевскій Арх., II, 77, 184 и прим. 425.

[2]) Полк. архивъ; Леф. арх., Дѣла Инсп. д-та, 1816 г., св. 1/22, № 206.

Федоръ Христофоровичъ Гешевъ, 1788—, изъ дворянъ Петербургской губ., 22 Марта 1812 г. изъ сенатскихъ регистраторовъ поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ и оставленъ въ Петербургѣ, 15 Декабря произведенъ въ корнеты, 15 Іюля 1815 г. переведенъ поручикомъ въ Лейбъ-Кирасирскій Ея Вел. полкъ, въ 1816 г. произведенъ въ шт.-ротмистры, въ 1818 г. переведенъ въ Лифляндскій конно-егерскій полкъ, въ 1819 г. въ Троицкій пѣх. полкъ, съ переименованіемъ въ шт.-капитаны, въ 1821 г. произведенъ въ капитаны, а въ 1822 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью.

Гешевъ прибылъ къ полку изъ резервовъ въ Маѣ 1813 г., участвовалъ съ нимъ въ кампаніяхъ 1813 и 1814 гг. и находился въ Кульмскомъ сраженіи (17 и 18 Авг.) и при Фершампенуазѣ (13 Марта), за что получилъ орд. св. Анны 4 ст. [1]).

Александръ Дмитріевичъ Загряжскій, 1795—187., изъ Тульскихъ дворянъ, сынъ гв. подпоручика Дмитрія Ивановича и его жены Марфы Николаевны, рожд. Тарбеевой, въ службѣ съ 14 Марта 1813 г. юнкеромъ въ Кавалергардскомъ полку, гдѣ 13 Декабря 1813 г. произведенъ корнетомъ, 16 Мая 1815 г. назначенъ и. д. полкового квартермистра, а 1816 г. уволенъ въ отставку, по болѣзни, поручикомъ. Участвовалъ съ полкомъ въ Лейпцигскихъ сраженіяхъ и въ кампаніи 1814 г.; за Фершампенуазъ награжденъ орд. св. Анны 4 ст.

Былъ женатъ на Аннѣ Алексѣевнѣ, рожд. Мансуровой, и имѣлъ дѣтей: Алексѣя (р. 1820 г.), Дмитрія (р. 1823 г.), Ивана (р. 1825 г.), Николая (р. 1836 г.) и Анну (р. 1822 г.) [2]).

Константинъ Андреевичъ Бодиско, 1791—, изъ дворянъ Московской губ., въ 1812 г. поступилъ изъ статской службы въ 3-й Украинскій казачій полкъ корнетомъ; въ 1813 г. назначенъ адъютантомъ къ бар. Винцегероде; за сраженіе при Деневицѣ произведенъ въ поручики. Посланный къ Бернадотту съ донесеніемъ о взятіи кр. Ротенбургъ, Бодиско получилъ шведскій орденъ Меча. 6 и 7 Октября участвовалъ въ Лейпцигскихъ бояхъ, гдѣ *раненъ* въ правую челюсть и *контуженъ* въ правую руку; за отличіе въ этомъ дѣлѣ

переведенъ 11 Января 1814 г. въ Кавалергардскій полкъ; 25 Марта того же года посланъ къ Государю съ ключами отъ взятыхъ городовъ Намюра и Брюсселя и награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. Кромѣ того, онъ участвовалъ въ дѣлахъ подъ Суасономъ (25 Февр.) и С.-Дизье (14 Марта), за послѣднее дѣло награжденъ орд. св. Анны 2 ст. 26 Мая 1815 г. Бодиско прибылъ къ полку и зачисленъ въ 6-й эскадронъ; въ 1817 г. произведенъ въ шт.-ротмистры; 28 Іюня 1818 г. переведенъ въ Екатеринославскій кирас. полкъ майоромъ, а въ 1819 г.—въ Астраханскій кирас. полкъ.

26 Октября 1819 г. уволенъ отъ службы за болѣзнями. Былъ женатъ на дѣвицѣ Чарнышъ, имѣлъ дѣтей: Константина (ген.-отъ-кавалеріи), Василія, Евгенія, Николая и Елену (замужемъ за Станкевичемъ) [1]).

Александръ Александровичъ Турчаниновъ опредѣленъ 2 Февраля 1814 г. изъ губ. секретарей подпоручикомъ въ Лейбъ-Кирасирскій Ея Вел. полкъ, 28 Марта 1815 г. Высочайше переведенъ «по представленію Его Имп. Высочества» въ Кавалергардскій полкъ подпоручикомъ, а 25 Янв. 1816 г. уволенъ по болѣзни отъ службы [2]).

Казиміръ Ивановичъ Чудовскій, 1784 [3])—1845, «изъ польскаго шляхетства Могилевской губ.», сынъ камергера короля Станислава-Августа, потомъ Минскаго губер-

---

[1]) Леф. арх., Форм. сп. 1821 г., кн. 4052.

[2]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1815 г., кн. 1; Руммель и Голубцовъ, I, 282—286; Свѣдѣнія, сообщ. С. Загряжскимъ.

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Инсп. д-тъ, св. 259/205; Свѣдѣнія, сообщ. гг. Бодиско.

[2]) Полк. архивъ; Ист. л.-гв. Кирас. Ея Вел. п-ка, Приложенія, стр. 110.

[3]) По другимъ свѣдѣніямъ родился въ 1791 г.

натора, Ивана Чудовскаго и жены его Элизы Сулистровской (сестра Виленскаго губ. предводителя дворянства), кончилъ курсъ кандидатомъ юридическихъ наукъ въ Виленскомъ университетѣ; 2 Марта 1812 г. изъ пятидесятниковъ Могилевской милиціи опредѣленъ въ Псковскій драг. полкъ корнетомъ; 10 Декабря назначенъ адъютантомъ къ ген.-отъ-инф. Римскому-Корсакову; 5 Апрѣля произведенъ въ поручики и переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, въ 1816 г. въ шт.-ротмистры, въ 1819 г. въ ротмистры; 14 Сентября 1822 г. уволенъ отъ службы за ранами полковникомъ и съ мундиромъ. Участвовалъ въ дѣлахъ: при д. Кочергишкахъ (23 Іюня 1812 г.), Гедеоновой (7 Авг.), въ Бородинскомъ бою, при Крымскомъ (29 Авг.), Вороновой (15 Сент.), Вальковой (22 Сент., Спассъ-Купля), подъ Тарутиномъ (6 Окт.), Мал.-Ярославцемъ (13 и 14 Окт.), Вязьмою (22 Окт.) и подъ Краснымъ (2—6 Ноября). Чудовскій имѣлъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, полученный за сраженіе при Фершампенуазѣ, орд. св. Анны 4 ст. и прусскій «Pour le mérite» [1]).

По семейнымъ преданіямъ, Императоръ Александръ I, коему Чудовскій очень понравился, лично поздравилъ его корнетомъ Кавалергардскаго полка, но вслѣдствіе представленія Вел. Кн. Константина Павловича о томъ, что это производство противорѣчитъ основнымъ военнымъ постановленіямъ, по коимъ до производства въ первый офицерскій чинъ всякій долженъ прослужить нижнимъ чиномъ, Чудовскій былъ опредѣленъ въ Псковскій кирас. полкъ, однако, все же прямо корнетомъ.

По выходѣ изъ военной службы, Чудовскій состоялъ въ распоряженіи Виленскаго ген.-губернатора Римскаго-Корсакова и былъ уѣзднымъ предводителемъ сначала Борисовскаго уѣзда Минской губ., затѣмъ Овручскаго уѣзда Волынской губ. (въ общемъ около 9 лѣтъ) и награжденъ орд. св. Анны 2 ст. съ алмазами. Онъ имѣлъ около 4000 душъ въ губерніяхъ Могилевской, Минской и Волынской. «Видный собою, ловкій, отличный танцоръ, charmant causeur», Чудовскій «писалъ стишки и въ общемъ былъ блестящимъ свѣтскимъ человѣкомъ». Онъ былъ три раза женатъ: 1) на княжнѣ Констанціи Іосифовнѣ Радзивиллъ, 2) на княжнѣ Маріи Друцкой-Любецкой, племянницѣ министра Друцкого-Любецкаго и 3) на дѣвицѣ Элизѣ Зеленской, дочери послѣдняго стольника Луцкаго. Отъ послѣдняго брака имѣлъ двухъ дочерей, нынѣ умершихъ [2]).

Графъ Александръ Николаевичъ Зубовъ 1-й, 1797—1875, сынъ оберъ-шталмейстера гр. Николая Александровича (1763—1805) и гр. Натальи Александровны, рожд. Суворовой (1775—1844), родился 5 Марта 1797 г. и получилъ образованіе въ Пажескомъ корпусѣ, который окончилъ весьма успѣшно: имя его было записано на мраморную доску. 14 Апрѣля 1814 г. онъ былъ выпущенъ изъ камеръ-пажей Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ кавалергарды; 16 Января 1816 г. произведенъ въ поручики; 3 Апрѣля 1817 г. назначенъ адъютантомъ къ шефу Кавалергардскаго полка Ф. П. Уварову; 25 Іюня 1818 г. произведенъ въ шт.-ротмистры и 9 Ноября 1819 г. въ ротмистры; 12 Февраля 1820 г. вернулся во фронтъ и получилъ въ командованіе 7-й запасный эскадронъ. Однако, эскадрономъ онъ прокомандовалъ только около года и 21 Августа 1821 года назначенъ адъютантомъ къ кн. П. М. Волконскому. Въ этой должности Зубовъ оставался до 18 Іюня 1825 г., когда произведенъ въ полковники и снова получилъ эскадронъ. 21 Января 1827 г. уволенъ отъ военной службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Въ 1831 г., состоя въ придворномъ званіи камергера, Зубовъ былъ назначенъ для особыхъ порученій въ министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ. Въ этой должности онъ оставался до 1837 г. Впослѣдствіи онъ дослужился до чина дѣйств. статскаго совѣтника. Въ 1821 г. Зубовъ вступилъ въ бракъ съ кн. Натальей Павловной Щербатовой (р. 30 Іюля 1801 г., † 15 Октября 1858 г.) и имѣлъ отъ этого брака 5 дѣтей, изъ коихъ одинъ только сынъ дожилъ до зрѣлаго возраста: 1) гр. Николая, (р. 1822, † ....); 2) гр. Павла (р. 1823,† 1825); 3) гр. Анастасію (р. 1825, † 1837); 4) гр. Валентина (р. 1831, † 1833); 5) гр. Платона Александровича, умершаго въ 1890 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника. Гр. А. Н. Зубовъ скон-

[1]) Полковой архивъ.

[2]) Уничт. бумаги арх. Сената; Свѣдѣнія, сообщ. К. Чудовскимъ и гр. В. В. Старженскимъ.

чался 20 Ноября 1875 г. и погребенъ въ Троицко-Сергіевой пустыни, близъ Петербурга [1]).

Князь Адамъ Іосифовичъ Воронецкій, 1800—1864, сынъ польскаго генерала кн. Іосифа, сына Флоріана, и его жены Теодоры, рожд. Вылковыйской.

Кн. Воронецкій 14 Января 1814 г. былъ произведенъ изъ камеръ-пажей корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ, 16 Января 1816 г. произведенъ въ поручики и назначенъ 3 Іюня того же года адъютантомъ къ г.-ад. гр. Ожаровскому. 25 Іюля 1818 года кн. Воронецкій былъ произведенъ въ шт.-ротмистры, 9 Ноября 1819 г. въ ротмистры и 1 Іюня 1821 г. переведенъ въ лб.-гв. Уланскій Цесаревича полкъ, стоявшій въ Варшавѣ; 21 Мая 1825 г. произведенъ въ полковники. Въ ночь съ 17 на 18 Ноября 1830 г., когда началось Польское возстаніе, кн. Воронецкій командовалъ 3-мъ эскадрономъ, который былъ «на очереди», и понесъ въ эту ночь особенно большую потерю какъ въ людяхъ, такъ и въ особенности въ лошадяхъ. Затѣмъ онъ выступилъ съ полкомъ въ походъ; по 13 Февраля 1831 г. «былъ въ походахъ по Царству Польскому и въ Россіи находился, а 13 числа Февраля былъ въ дѣйствительномъ сраженіи противъ мятежниковъ подъ Прагою, за что и награжденъ орд. св. Анны 2 ст., откуда обратно въ Россійскіе предѣлы до г. Гродно, откуда, преслѣдуя мятежниковъ, до г. Вильны и, не доходя до онаго, заболѣлъ въ м. Мерче, а оттуда прибылъ къ полку на службу въ Варшаву». 28 Февраля 1832 г. кн. Воронецкій былъ уволенъ отъ службы генералъ-майоромъ. По выходѣ въ отставку, былъ предводителемъ дворянства Люблинской губ. («marszalek szlachty»), гдѣ онъ владѣлъ имѣніями Рейзвицъ и Голково. 5 Іюня 1852 г. онъ получилъ подтвержденіе о княжескомъ достоинствѣ съ нисходящимъ потомствомъ.

Кн. Воронецкій былъ женатъ на Леокадіи Потоцкой († 1876), дочери Францишка Ксаверія на-Венявахъ-Потоцкаго (герба Любичъ), и имѣлъ дѣтей: сыновей Генриха († 1872 г.) и Мечеслава, камеръ-юнкера и имѣющаго потомство, и дочь кн. Наталію-Марію (р. 1846 г.), за Станиславомъ Лазоцкимъ [2]).

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп., кн. 1591; Семейный архивъ; Адресъ-календари 1831—1837 гг.; Висковатовъ, «Исторія Кавалергардовъ», LVI.

[2]) Леф. арх., Форм. сп. 1831 г., кн. 11157; Румель и Голубцовъ, II, 166; Лобановъ-Ростовскій, I, 102 и 103; Dunin-Borkowsky, «Genealogie Żyjących rodów polskich», 117 i 118; XIII, 213; Р. Старина, 1873/V, 593.

Александръ Захаровичъ Муравьевъ 3-й (впослѣдствіи 2-й), 1795—1842, братъ Артамона Захаровича, службу началъ въ 1811 г. колонновожатымъ. Въ 1812 г. произведенъ въ прапорщики свиты Е. И. Вел. по квартермистерской части, въ 1813 г. въ подпоручики и поручики за отличіе въ сраженіяхъ, въ 1814 г. въ шт.-капитаны; 30 Апрѣля 1814 г. «за отличіе въ сраженіяхъ» переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; 7 Іюля 1815 г. назначенъ адъютантомъ къ фельдмаршалу Барклаю-де-Толли (затѣмъ къ Сакену); въ 1818 г. ротмистромъ; въ 1820 г. произведенъ за отличіе въ полковники, съ переводомъ въ Арзамасскій конно-егерскій полкъ; въ 1824 г. назначенъ командиромъ Александрійскаго гус. полка, съ пожалованіемъ на подъемъ 5000 р. асс.; въ 1829 г. произведенъ за отличіе въ сраженіяхъ въ ген.-майоры и назначенъ командиромъ 1-й бригады 3-й Гусарской дивизіи, въ 1830 г. перемѣщенъ командиромъ 2-й бригады той же дивизіи, въ 1832 г. назначенъ командиромъ 1-й бригады той же дивизіи; въ 1834 г. назначенъ командиромъ 1-й бригады 7-й Легкой кавалерійской дивизіи и въ 1836 г. награжденъ орд. Владиміра 2 ст.; въ 1839 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ назначеніемъ начальникомъ 2-й Легкой кавал. дивизіи; въ 1842 г. назначенъ начальникомъ 4-й Легкой кавал. дивизіи. 8 Декабря 1842 г. исключенъ изъ списковъ умершимъ.

Походы: Отечественная война — при адмиралѣ Чичаговѣ — въ стычкѣ при д. Кляшкахъ на р. Лѣсной; въ дѣлѣ при д. Стаховѣ (16 Ноября) находился при блокадѣ кр. Торнъ, гдѣ исправлялъ должность адъютанта при траншей-майорѣ; участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Кенигсвартомъ (7 Мая); Бауценомъ, за что награжденъ орд. св. Анны 4 ст.; подъ Дрезденомъ; Кульмомъ, за что пожалованъ орд. св. Владиміра 4 ст. и получилъ орденъ «Pour le mérite»; 4-го и

6-го Октября подъ Лейпцигомъ; въ 1814 г. подъ Парижемъ. Въ Турецкую кампанію 1828 г. по переправѣ черезъ р. Дунай находился въ авангардѣ и былъ въ сраженіяхъ при Базарджикѣ (25 Іюня); 29-го, пройдя м. Козлуджи, при с. Эмтенѣ; 6 Іюля «при общемъ движеніи арміи подъ кр. Шумлу и за отличіе въ семъ дѣлѣ награжденъ орд. св. Анны 2 ст.»; 14-го — при отступленіи отряда Ридигера изъ Эски-Стамбула; 28-го — при отраженіи вылазки изъ кр. Шумлы. Въ кампанію 1829 г.—въ дѣлѣ при с. Ровно (25 Мая); въ сраженіи при Кулевчѣ; 31-го при взятіи кавалерійскою атакою двухъ непріятельскихъ редутовъ (дѣло у Эски-Стамбула), «командуя Александрійскимъ гус. полкомъ, своеручно взялъ непріятельское знамя и награжденъ орд. *св. Георгія* 3 ст.»; 7 Іюня находился въ экспедиціи къ Джумаю; 18 Іюня прибылъ къ Силистріи и былъ при ея занятіи; 14 Іюля въ дѣлѣ при кр. Шумлѣ; 25-го и 28-го въ дѣлахъ при д. Касаплы и Марашѣ и награжденъ орд. св. Анны 1 ст.; 29 Августа въ дѣлѣ при Шумлѣ и 31-го въ экспедиціи въ Разградъ, командовалъ отрядомъ.

Въ Польскую кампанію 1831 г.: участвовалъ 13 Апрѣля въ дѣлѣ у Люлинской корчмы, 19 Іюля «находился при вылазкѣ непріятельской кавалеріи и отбилъ оную», 4 Августа при взятіи 2-хъ редутовъ и предмѣстья Новое-Мѣсто и награжденъ Имп. короной къ ордену св. Анны 1 ст.—Денежныя награды: за отличіе въ сраженіяхъ 1829 г. — аренду въ 1000 руб. сер. въ годъ; въ 1835 г. аренда увеличена на 500 руб.; въ 1839 г.— «сложенъ со счета» долгъ его Гос. Заемному банку по залогу имѣнія въ 26.833 руб.

Былъ женатъ на дочери г.-м. Еленѣ Алексѣевнѣ Корфъ; дѣтей не имѣлъ.

Имѣлъ въ Новгородскомъ уѣздѣ 100 душъ и въ Лужскомъ уѣздѣ Петербургской губ. 40 душъ; за женою его состояло 300 душъ въ Можайскомъ уѣздѣ Московской губерніи [1]).

Павелъ Александровичъ Лопухинъ, 1792—, изъ дворянъ, сынъ Александра Васильевича, въ службѣ съ 1806 года пажомъ въ Пажескомъ корпусѣ. Въ 1812 году выпущенъ корнетомъ въ Сумскій гус. полкъ; въ 1813 году произведенъ въ поручики; 30 Апрѣля 1814 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ. Въ 1816 г. переведенъ ротмистромъ въ Ахтырскій кирас. полкъ; въ 1818 г.—во Владимірскій уланск. полкъ; въ 1821 г. произведенъ въ майоры, съ переводомъ во 2-й Бугскій (Одесскій) ул. полкъ; въ 1827 г.—въ Новоархангельскій ул. полкъ, но «по случаю преданія его суду» въ полкъ не явился. 29 Марта 1838 г. уволенъ отъ службы «съ тѣмъ, чтобы и впредь не опредѣлять».

Участвовалъ въ сраженіяхъ: при взятіи г. Визны (23 Ноября 1812 г.), при Таузнѣ (14 Дек.), при д. Розенбергѣ (2 Янв.), Латау (3 Янв.), при взятіи укрѣпленія Лангофа (23 Янв.), подъ м. Овью (25 Марта), подъ Берлиномъ (8 Февраля), Деневицами (25 Февр.), при кр. Торгау (27 Февр.), подъ Лейпцигомъ (6 Окт.), 23 Ноября—противъ датскихъ войскъ близъ г. Гамбурга при д. Сатъ. Въ 1814 г. при д. Бергобанъ (21 Февраля), «при стычкѣ при Красель» (23 Февр.), подъ Ланомъ (25 Февр.), при занятіи непріятелемъ г. Реймса (1 Марта), 13-го и 14-го «при Алтыннѣ» (?). Имѣлъ ордена: св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ и св. Анны 4 ст.

Былъ подъ слѣдствіемъ «за неумѣренное наказаніе денщика своего розгами и рядового Вовченка фухтелями за партикулярныя свои дѣла, и употребленіе ихъ и рядовыхъ Кущубенка и Клименка въ домашнія услуги». По манифесту 22 Августа 1826 г. освобожденъ отъ взысканія. Въ 1827 г. былъ подъ судомъ, съ арестованіемъ и «содержаніемъ въ крѣпости», за «возбужденіе военныхъ поселянъ округа 2-го Бугскаго ул. полка къ принесенію на начальство жалобъ, разъѣзжая для сего по полямъ».

Былъ женатъ на дочери майора Нифанскаго, дѣвицѣ Бабіанѣ. Имѣлъ въ 1837 г. дочь Софью (18 л.) и сына Александра (16 л.) [1]).

Баронъ Василій (Hermann-Wilhelm) **Ивановичъ Медемъ,** 1788—1824, изъ дворянъ Курляндской губ., сынъ гв. капитана Ивана Ивановича, въ 1807 г. поступилъ поручикомъ въ баталіонъ Курляндскихъ вольныхъ стрѣлковъ; по расформированіи 1-го Финляндскаго полка переведенъ въ Перновскій пѣх. полкъ подпоручикомъ, а въ 1809 г., по переименованіи Курляндскихъ стрѣлковъ въ егерскій баталіонъ, переименованъ прапорщикомъ; въ 1811 г., при переименованіи этого егерскаго баталіона въ 1-й Финляндскій полкъ, поступилъ въ послѣдній и произведенъ въ немъ въ подпоручики, 19 Апрѣля 1812 г. — въ поручики. Въ 1813 г. Медемъ былъ переведенъ въ Лейбъ-Кирасирскій Его Вел. полкъ; 10 Мая 1814 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ;

---

[1]) Леф. арх., Форм. сп. 1841 г., кн. 5746; Лобановъ-Ростовскій, I, 412.

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1837 г., кн. 2869; Долгорукій, II, 55.

23 Апрѣля 1816 г. переведенъ ротмистромъ въ Глуховскій кирас. полкъ, въ 1818 г. произведенъ въ майоры, а 12 Марта 1820 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью подполковникомъ, съ мундиромъ.

Участвовалъ въ 1812 г. въ арріергардномъ дѣлѣ подъ г. Гданскомъ (Данцигъ); въ 1813 г. подъ Бауценомъ, «гдѣ, будучи во все время, подавалъ примѣръ собою подчиненнымъ и прикрывалъ ретираду нашей арміи отъ д. Липекъ до Рейхенбаха», за что награжденъ орд. св. Анны 4 ст., подъ Кульмомъ (17 и 18 Авг.) и награжденъ орд. св. Анны 2 ст., подъ Лейпцигомъ (4, 5 и 6 Окт.), «гдѣ получилъ сильную *контузію* въ ляжку», въ 1814 г., при Фершампенуазѣ, за которое награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ и получилъ, «по представленію г.-л. пр. Саксенъ-Кобургскаго» (короля Бельгійскаго Леопольда I), прусскій орденъ «за заслуги».

Медемъ былъ женатъ на Аннѣ Прокофьевнѣ (Іоаннѣ-Луизѣ) Дистерло и имѣлъ двухъ сыновей: Альфонса и Василія. «Нѣмецкой, французской, англійской, латинской и грамотѣ читать и писать умѣетъ, математикѣ, исторіи и географіи знаетъ». Умеръ въ 1824 г., «разстроивъ на службѣ свое наслѣдственное состояніе, и оставилъ свою семью въ затруднительномъ матеріальномъ положеніи» [1]).

Графъ Николай Ильичъ Толстой, 1795—1837, сынъ графа Ильи Андреевича, бывшаго Казанскимъ губернаторомъ, и графини Пелагеи Николаевны, рожденной княжны Горчаковой (1762—1838).

Родъ Рязанскихъ дворянъ Толстыхъ ведетъ свое начало отъ знатнаго выходца «изъ Нѣмецъ, изъ Цесарской земли», Индриса, явившагося въ половинѣ XI в. въ Черниговъ съ двумя сыновьями, Литвиносомъ и Зимененомъ, и дружиною. Въ Черниговѣ они приняли православіе и были боярами, а внукъ родоначальника, Андрей Харитоновичъ, выѣхалъ на службу въ Москву къ Великому Князю Василію Темному и, получивъ здѣсь прозвище «Толстого», положилъ начало фамиліи Толстыхъ.

Графъ Ник. Ил. Толстой былъ праправнукъ виднаго сотрудника Петра Великаго, Петра Андреевича Толстого, возведеннаго въ графское достоинство 7-го Мая 1724 года. Онъ получилъ домашнее воспитаніе и, по обычаю того времени, въ 1800 г., пяти лѣтъ, былъ зачисленъ въ службу губернскимъ регистраторомъ; въ 1810 г. произведенъ въ колл. регистраторы, а въ 1811 г. въ губ. секретари. Въ половинѣ 1812 года семнадцатилѣтній Толстой поступилъ корнетомъ въ 3-й Украинскій казачій регулярный полкъ; 18 Августа того же года былъ переведенъ въ Иркутскій гус. полкъ. Изъ формулярнаго списка о службѣ гр. Н. И. Толстого видно, что почти весь заграничный походъ 1813 г. онъ совершилъ въ рядахъ русской дѣйствующей арміи. Онъ участвовалъ во всѣхъ наиболѣе крупныхъ дѣлахъ 1813 г. и въ множествѣ мелкихъ сраженій и стычекъ: 20 Апрѣля — въ Люценскомъ сраженіи, при чемъ 27 Апрѣля былъ произведенъ въ поручики «за отличіе въ арріергардныхъ дѣлахъ при отступленіи арміи и при удержаніи непріятеля подъ Дрезденомъ и при переправѣ чрезъ р. Эльбу». 8 и 9 Мая Толстой былъ въ двухдневномъ сраженіи при Бауценѣ, а 13 и 14 Августа, за участіе въ «сильной», хотя и безуспѣшной для союзниковъ, «рекогносцировкѣ» у г. Дрездена, былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Наконецъ, 4—7 Октября участвовалъ въ знаменитой битвѣ подъ Лейпцигомъ и получилъ за отличіе чинъ штабсъ-ротмистра. Въ половинѣ Октября Сѣверная армія союзниковъ дошла до Геттингена, и 17 Октября отсюда графъ Толстой былъ отправленъ курьеромъ въ Петербургъ къ военному министру «съ нужными депешами». Возвращаясь изъ Россіи обратно къ арміи, Толстой въ мѣстечкѣ Сентъ-Оби былъ захваченъ французами въ плѣнъ и пробылъ въ плѣну до взятія Парижа союзными войсками 19 Марта 1814 года. Семейное преданіе сохранило разсказъ и память о преданномъ гр. Толстому крѣпостномъ его денщикѣ, который при взятіи въ плѣнъ «спряталъ себѣ въ сапогъ деньги графа и за все время плѣна почти не разувался, чтобы не обнаружить ихъ; этимъ онъ до того растеръ себѣ ногу, что нажилъ большую рану; зато, когда гр. Толстой былъ освобожденъ отъ плѣна русскими войсками, онъ могъ жить въ Парижѣ, не нуждаясь».

По возвращеніи въ Россію, 14 Августа 1814 г., гр. Толстой былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ штабсъ-ротмистра въ Кавалергардскій полкъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ брату военнаго министра, своему родственнику по матери, князю А. И. Горчакову. Въ кавалергардахъ Толстой числился немного болѣе трехъ лѣтъ и въ Декабрѣ 1817 г. былъ переведенъ майоромъ въ Бѣлорусскій гус. (пр. Оранскаго) полкъ.

Во время своего перевода въ армію, графъ Толстой находился въ 4-мѣсячномъ отпуску (съ 30-го Ноября 1817 г.) и занятъ

---

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1819 г., кн. 2379; Нагр. дѣла, св. 8, д. 74; Свѣдѣнія, сообщ. М. Н. Медемомъ.

былъ хлопотами по устройству своихъ домашнихъ дѣлъ. Въ 1822 году онъ женился на княжнѣ Маріи Николаевнѣ Волконской, единственной дочери генералъ-аншефа, князя Николая Андреевича Волконскаго, принесшей въ родъ Толстыхъ извѣстное въ настоящее время всему образованному міру родовое имѣніе кн. Волконскихъ «Ясная Поляна» (Крапивенскаго уѣзда, въ 15 верстахъ отъ Тулы).

Послѣ смерти отца, гр. Толстой наслѣдовалъ имѣніе Чернскаго уѣзда, с. Никольское-Вяземское, находившееся въ опекѣ за долги. На его попеченіи остались мать, гр. Пелагея Николаевна, привыкшая къ роскошной жизни, и родственница Т. А. Ергольская, впослѣдствіи воспитавшая его сына гр. Льва Николаевича. Гр. Н. И. Толстой выкупилъ отцовское имѣніе, устроилъ его, выстроилъ тамъ каменную церковь, привелъ также въ порядокъ имѣнія, полученныя за женой.

14 Марта 1819 г. графъ Н. И. Толстой былъ уволенъ по болѣзни въ отставку подполковникомъ. Одно время, въ началѣ 20-хъ годовъ, онъ числился «смотрительскимъ помощникомъ» при отдѣленіи Московскаго Комендантскаго управленія и только 8 Января 1824 г. окончательно уволенъ въ отставку «по домашнимъ обстоятельствамъ».

Живя въ Ясной Полянѣ, графъ Толстой дѣятельно занимался хозяйствомъ, былъ добрымъ, гуманнымъ помѣщикомъ и особенно заботился о благосостояніи своихъ крестьянъ. «Однажды, послѣ долгой отлучки, подъѣзжая къ Ясной Полянѣ», разсказываетъ одинъ изъ внуковъ гр. Николая Ильича, «и встрѣтивъ нищаго, онъ его остановилъ, разспросилъ и, узнавъ, что нищій изъ его деревни, велѣлъ ему сѣсть на козлы, и, пріѣхавъ домой, сдѣлалъ внушеніе своему прикащику за то, что хотя одинъ его крестьянинъ нищенствуетъ».

Счастливая семейная жизнь гр. Н. И. Толстого продолжалась не долго: въ 1831 г. графиня Марія Николаевна умерла.

Графъ Николай Ильичъ пережилъ жену на шесть лѣтъ. Въ 1837 году онъ скоропостижно умеръ въ Тулѣ и погребенъ въ семейномъ склепѣ, въ Качаковскомъ приходѣ, къ которому принадлежитъ сельцо Ясная Поляна.

По свидѣтельству одного изъ внуковъ, нѣкоторыя черты графа Н. И. Толстого и его жены, графини Маріи Николаевны, изображены сыномъ ихъ Львомъ Николаевичемъ въ «Войнѣ и мирѣ» въ лицѣ Николая Ростова и княжны Марьи.

У гр. Н. И. Толстого было четыре сына: Николай (р. 21 Іюня 1823 г., † 1860 г.), Сергѣй (р. 17 Февраля 1825 г.), Дмитрій (р. 23 Апрѣля 1827 г.) и Левъ, знаменитый писатель (р. 28 Августа 1828 г.), и одна дочь Марія (р. 7 Марта 1830 г., вышедшая замужъ за гр. Валеріана Петровича Толстого) [1]).

Василій Дмитріевичъ Сазоновъ (2-й), 1797—, изъ Рязанскихъ дворянъ, на службу поступилъ въ 1813 г. юнкеромъ въ Дворянскій кавалерійскій эскадронъ; въ томъ же году произведенъ въ корнеты въ Стародубовскій кирас. полкъ; въ 1814 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; 15 Іюля 1816 года произведенъ въ поручики и 12 Дек. того же года переведенъ ротмистромъ въ Оренбургскій уланск. полкъ. Въ 1819 г. переведенъ въ Ямбургскій уланск. полкъ. 27 Ноября 1819 г. уволенъ за болѣзнью отъ службы майоромъ.

Имѣлъ не раздѣленныхъ съ братомъ (Алексѣемъ) 470 душъ въ Рязанскомъ и Спасскомъ (с. Ирцы) уѣздахъ Рязанской губерніи [2]).

Николай Николаевичъ Авдулинъ, 1789—, братъ Алексѣя и Михаила Николаевичей, въ службѣ съ 17 Мая 1803 г. юнкеромъ въ Московскомъ драг. полку, въ 1806 г. фанен-юнкеромъ, 20 Мая 1808 г. прапорщикомъ въ Ямбургскій драг. полкъ, 22 Марта 1812 г. поручикомъ и 8 Марта 1813 г. переведенъ въ Казанскій драг. полкъ, откуда 13 Дек. 1814 г. переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Кавалергардскій полкъ; 5 Декабря 1816 г. произведенъ шт.-ротмистромъ, съ переводомъ въ лб.-гв. Кирасирскій полкъ, а 23 Октября 1818 г. уволенъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ ротмистромъ, съ мундиромъ. Участвовалъ въ кампаніи 1806—7 гг. въ дѣлахъ: 14 Декабря—при Голиминѣ, 23 Января—«въ арріергардѣ», 24-го при Нейкелковомъ, 25-го при Ландсбергѣ, 26 и 27 подъ Пр.-Эйлау и 2 Іюня при Фридландѣ; въ 1813 г. при блокадѣ Данцига, въ дѣлахъ 19 и 28 Мая. За отцомъ Авдулина состояло во Владимірской губерніи 47 душъ [3]).

---

1) Въ письмѣ А. Я. Булгакова отъ 22-го Мая 1822 года говорится: «Княгиня Волконская, дочь покойнаго Николая Сергѣевича, съ большими бровями, старая дѣвушка, дурная собой и которая, не надѣясь на сладость замужества, раздала часть имѣнія жившей у нея англичанкѣ, теперь сожалѣетъ о своей щедрости, будучи помолвлена за гр. Толстого, сына Ильи Андреевича, брата гр. Федора Андреевича». (Р. Арх., 1901/III, 415).

2) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1817 г., кн. 837; Ист. Ямбургскаго уланск. полка, 714.

3) Леф. арх., Форм. сп. 1817 г., кн. 767.

Гавріилъ Гавріиловичъ Левшинъ, 1792—, сынъ майора Гавріила Федуловича и Маріи Петровны, рожд. Апухтиной; съ 1804 г. пажомъ; 21 Декабря 1809 г. выпущенъ въ Волынскій ул. полкъ корнетомъ. Участвовалъ въ Турецкихъ войнахъ: въ 1810 г.—безсмѣннымъ ординарцемъ у главнокомандующаго, и за сраженіе у Шумлы 11 и 12 Іюля награжденъ орд. св. Анны 4 ст., а за Батинское сраженіе произведенъ въ поручики; въ 1811 г. за дѣло подъ Видиномъ (9 Окт.) «рекомендованъ начальству». Въ 1812 г. прикомандированъ къ казачьему генералу Мартынову и участвовалъ въ дѣлахъ «у рѣки Береза», у Молодечны. Затѣмъ откомандированъ къ «кавалерійскимъ резервамъ», формируемымъ ген. Кологривовымъ, и за отличіе произведенъ въ шт.-ротмистры, съ переводомъ въ Кавалергардскій полкъ 13 Декабря 1814 г. Переведенъ 6 Февраля 1816 г. въ Павлоградскій гус. полкъ майоромъ и 6 Января 1818 г. уволенъ въ отставку по болѣзни подполковникомъ. Въ 1817 г. былъ холостъ [1]).

Александръ Ивановичъ Эмме 2-й, 1794—, изъ Лифляндскихъ дворянъ, сынъ Рижскаго коменданта ген.-лейт. Ивана Федоровича, въ службу вступилъ пажомъ 27 Декабря 1809 г., произведенъ корнетомъ въ Сумскій гус. полкъ 27 Августа 1812 года, 19 Октября того же года поручикомъ, въ 1813 г. шт.-ротмистромъ за отличіе, 9 Марта 1814 года ротмистромъ и того же года 30 Декабря переведенъ шт.-ротмистромъ въ кавалергарды; не прибывая къ полку, переведенъ 26 Марта 1815 г. въ лб.-гв. Конно-егерскій (нынѣ Драгунскій) полкъ капитаномъ; 10 Апрѣля 1817 г. онъ былъ переведенъ майоромъ въ Ахтырскій гус. полкъ, гдѣ въ 1826 г. подполковникомъ и въ 1829 г. за отличіе полковникомъ; 30 Мая 1830 г. переведенъ въ Каргопольскій драг. полкъ и 27 Іюня 1831 г. назначенъ командиромъ его; 18 Марта 1834 г. переведенъ въ Курляндскій драг. полкъ, но, не прибывая по болѣзни къ полку, уволенъ былъ въ продолжительный отпускъ, откуда 5 Января 1837 г. уволенъ въ отставку генералъ-майоромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ.

Въ Отечественную войну Эмме состоялъ при гр. Витгенштейнѣ и участвовалъ въ дѣлахъ при Чашникахъ (19 Октября), Смолянахъ (1 и 2 Ноября) и за отличіе произведенъ въ поручики; въ 1813 г. въ отрядѣ г.-м. Дернберга при взятіи Люнебурга (21 Марта), затѣмъ въ Дрезденскихъ сраженіяхъ, за что награжденъ орд. св. Анны 4 ст. и въ дѣлахъ у Гейльсдорфа (3 Сентября), Кульма (5 Сентября), Вахау (Либертвольковицъ, 2 Октября) и въ сраженіи при Лейпцигѣ (4—7 Октября), за что награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Затѣмъ онъ находился въ дѣлѣ у Бутельштедта (12 Окт.). Въ 1814 г.: при Баръ-сюръ-Объ (15 Февр.), Лабрюсель (19), Труа (20), Арси (9 Марта), Фершампенуазѣ (13 Марта) и при взятіи Парижа. За всѣ эти дѣла произведенъ ротмистромъ и получилъ баденскій «Военный орденъ» 3 ст. и прусскій «за заслуги».

Въ Турецкую кампанію 1828 г. онъ состоялъ при генералѣ Ридигерѣ и находился въ дѣлахъ при кр. Кюстенджи (5—12 Іюня), при Козлуджѣ (29 Іюня и 2 Іюля), въ сраженіи 8 Іюля при Шумлѣ, въ экспедиціи къ Чифлику и сраженіи при Эски-Стамбулѣ (17—19 Іюля), въ поискѣ къ с. Драгкіой и Котешу (25 и 26 Іюня), при Эски-Стамбулѣ (3 и 14 Августа), Кюстенджи (26), при Шумлѣ (28), за что получилъ Высоч. благоволеніе. Въ кампанію 1829 г. Эмме находился при генералѣ Ротѣ въ дѣлѣ при Марашѣ (Эски-Стамбулѣ, 31 Мая), за что произведенъ въ полковники.

Въ Польскую кампанію 1831 г. участвовалъ съ полкомъ въ дѣлахъ при Боремлѣ (6 и 7 Апрѣля), Люлинской корчмѣ (15 Апрѣля) и получилъ Высоч. благоволеніе; за сраженіе при Будзишкѣ (7 Іюня) награжденъ орд. св. Анны 2 ст.

Былъ женатъ на дочери помѣщика Гернинскаго, Изабеллѣ Антоновнѣ, и въ 1836 г. имѣлъ сына Андрея лютеранскаго вѣроисповѣданія.

Въ графѣ объ имущественномъ положеніи въ формулярѣ Эмме показано: «Лифляндской губ., въ Дерптскомъ уѣздѣ, оставшееся послѣ смерти бабки его имѣніе и состоитъ за отцомъ его, а какое имѣніе, о томъ ему неизвѣстно по давней бытности въ домѣ» [1]).

Князь Эрнестъ (Эрнстъ-Магнусъ) Михайловичъ Барклай-де-Толли, 1798—1871, сынъ фельдмаршала Михаила Богдановича (1761—1818) и жены его Елены Ивановны ф.-Смиттенъ († 1828), родился 10 Іюля 1798 г.; произведенъ 7 Мая 1815 г. изъ камеръ-пажей въ Кавалергардскій полкъ корнетомъ, съ назначеніемъ состоять при фельдмаршалѣ Барклай-де-Толли; въ 1817 году поручикомъ; 29 Сентября того же года назначенъ флигель-адъютантомъ, въ 1819 г. шт.-ротмистромъ, въ 1821 г. ротмистромъ. 3 Декабря

[1]) Леф. арх., Форм. сп., кн. 830; Лобановъ-Ростовскій, I, 114 и 115.

[1]) Леф. арх., Форм. сп. 1836 г., кн. 2200.

1824 г. уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ полковникомъ и съ мундиромъ. Былъ женатъ на бар. Леокадіи Кампенгаузенъ. Умеръ 17 Окт. 1871 г. [1]).

Василій Петровичъ Тарасовъ, 1779—, изъ дворянъ Михайловскаго уѣзда Рязанской губ., въ 1797 г. поступилъ въ Лейбъ-Кирасирскій Ея Вел. полкъ эст.-юнкеромъ, 9 Дек. 1800 г. произведенъ въ корнеты, въ 1807 г. въ поручики, въ 1812 г. въ шт.-ротмистры, въ 1813 г. въ ротмистры; 9 Янв. 1815 г. переведенъ въ лб.-гв. Кирасирскій Его Вел. полкъ, 2 Апр. того же года — въ Кавалергардскій полкъ; 13 Марта 1818 г. произведенъ въ полковники и 8 Іюня того же года переведенъ въ Новгородскій кирас. полкъ; 13 Февраля 1819 г. назначенъ командиромъ Глуховского кирас. полка; 25 Іюня 1827 г. произведенъ въ генералъ-майоры, съ оставленіемъ командиромъ полка, а 9 Февраля 1828 г. уволенъ отъ службы за ранами, съ мундиромъ и пенсіей.

Участвовалъ: въ дѣлѣ при д. Шлатѣ 2 Сентября 1799 г. (!), въ сраженіи подъ Аустерлицемъ, гдѣ «отъ пролета ядра получилъ въ затылокъ *контузію*»; въ 1812 г. въ сраженіяхъ при Бородинѣ, подъ Краснымъ (3—9 Ноября), за что награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст.; въ 1813 г. въ знаменитомъ отступленіи гр. Остермана-Толстого отъ Пирны къ Кульму (14—18 Августа); имѣлъ орденъ св. Георгія 4 ст. за 25 лѣтъ службы. Тарасовъ командовалъ въ кавалергардахъ 7-мъ запаснымъ эскадрономъ, принявъ его 7 Іюня 1815 г.; былъ образцовымъ командиромъ и неоднократно получалъ благодарности начальства.

«Извѣстно всему полку», читаемъ въ полковомъ приказѣ 21 Октября 1815 г., «какія предъ выступленіемъ въ походъ лошади были оставлены въ 7 запасномъ эскадронѣ, т.-е. выборъ самыхъ худшихъ — кромѣ ихъ пороковъ — въ тѣлѣ и содержаніи, а нынѣ оныя приведены въ самое хорошее состояніе. Отдавъ совершенную благодарность г-ну ротмистру Тарасову за его ревностное и отличное стараніе по службѣ, полковой командиръ постарается при удобномъ случаѣ о похвальной его службѣ довести до свѣдѣнія».

Былъ женатъ на дѣвицѣ Ольгѣ Евграфовнѣ Хлоповой [2]).

[1]) Полк. архивъ; Долгорукій, II, 85; Р. Стар., 1871/III, 277; Свѣд., сообщ. Эстл. двор. деп. собраніемъ.

[2]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1828 г., кн. 226.

Романъ Александровичъ Римскій-Корсаковъ, 1788—, въ службу опредѣленъ 12 Іюля 1808 г. изъ милиціи корнетомъ въ Литовскій уланскій полкъ. 28 Іюня 1812 г. разжалованъ главнокомандующимъ кн. Багратіономъ въ рядовые. «Литовскаго уланскаго полка корнетъ Римскій-Корсаковъ», всеподданнѣйше доносилъ 3 Іюля кн. Багратіонъ, «24 Іюня, прискакавъ въ главную мою квартиру въ м. Кореличу, донесъ мнѣ: что непріятель съ тыла насъ атакуетъ, что онъ зажегъ Новогрудокъ, и что Корсаковъ самъ слышалъ перепалку; впослѣдствіи же времени, донесеніе сіе оказалось вовсе несправедливымъ. Какъ таковой поступокъ доказываетъ малодушіе сего офицера, которое легко могло обратиться ко вреду службы В. И. В. и произвесть въ арміи фальшивую тревогу, то я, для удержанія другихъ отъ подобныхъ же поступковъ, разжаловалъ корнета Корсакова въ рядовые, съ опредѣленіемъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ». О разжалованіи Корсакова было объявлено въ Высоч. приказѣ 5 Іюля 1812 г.—Чрезъ мѣсяцъ (1 Августа) Корсаковъ былъ вновь произведенъ въ корнеты, съ переводомъ обратно въ Литовскій уланскій полкъ, съ которымъ участвовалъ въ сраженіи подъ Смоленскомъ (4 и 5 Авг.), въ дѣлахъ: при д. Лужкахъ (15-го), г. Гжатскомъ (20-го), Колоцкомъ монастырѣ (23 и 24-го), въ Бородинскомъ бою, въ дѣлахъ при с. Знаменскомъ (11 Сент.), подъ Красною Пахрою (14 и 15-го), Чириковымъ (17-го), Вороновомъ (20 и 21-го), «22-го на Тарутинскомъ полѣ», подъ Тарутинымъ (6 Окт.), М.-Ярославцемъ (12—14 Окт.), Вязьмою (22-го), Дорогобужемъ (25 и 26-го) и подъ Краснымъ (3—8 Ноября). «По изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Отечества, былъ оставленъ въ г. Ловичахъ для присмотра больныхъ, потомъ отправленъ въ Кавалерійскіе резервы». 12 Декабря 1814 г. Корсаковъ былъ переведенъ въ л.-гв. Кирасирскій полкъ, а весною 1815 г., по ходатайству Цесаревича — въ Кавалергардскій полкъ. Послѣдній переводъ фактически не состоялся, вѣроятно, вслѣдствіе отмѣтки въ кондуитномъ его спискѣ, присланномъ изъ л.-гв. Кирасирскаго полка, гдѣ было сказано, что Корсаковъ «преданъ» пьянству и игрѣ. 22 Мая было отдано въ приказѣ по полку, что, «по Высочайшей резолюціи, онъ, Корсаковъ, оказался несоотвѣтственнымъ переводу въ гвардію (и) оставляется попрежнему въ Литовскомъ уланскомъ полку» [1]).

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1814 г., кн. 3197; оп. 153, св. 12, д. 1373.

Александръ Павловичъ Зонъ (1-й), 1797—1833, изъ дворянъ Московской губ., 20 Мая 1812 г. поступилъ юнкеромъ въ Московскій гус. полкъ; 7 Декабря переведенъ въ Иркутскій гус. полкъ; 15 Декабря 1813 г. произведенъ корнетомъ, съ переводомъ въ Новгородскій кирас. полкъ; 13 Декабря 1814 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; 15 Апрѣля 1816 г. переведенъ въ Орденскій кирас. полкъ поручикомъ [1]); въ 1819 г. произведенъ въ шт.-ротмистры, въ 1822 г. въ ротмистры, въ 1829 г. въ майоры; въ 1830 г. переведенъ въ Новомиргородскій уланск. полкъ и прикомандированъ къ Малороссійскому (пр. Альберта) кирасирскому полку, гдѣ командовалъ 1-мъ дивизіономъ. Зонъ участвовалъ въ Гроховскомъ сраженіи (13 Февр. 1831 г.), гдѣ Малороссійскій полкъ рѣшительною атакою сбилъ центръ непріятельскихъ войскъ съ позиціи и отбилъ два орудія, а Зонъ, «вогнавшись за непріятелемъ въ самую Прагу, взятъ былъ въ плѣнъ, раненый въ лопатку лѣвой руки пулею на вылетъ, и находился въ ономъ до окончанія военныхъ дѣйствій». За отличіе въ сраженіи Зонъ произведенъ 29 Сентября 1831 г. въ подполковники, съ переводомъ въ Малороссійскій кирас. полкъ.

19 Мая 1833 г. Зонъ получилъ шестимѣсячный отпускъ въ Баденъ для излѣченія отъ ранъ, но на пути туда умеръ въ г. Варшавѣ и 1 Августа исключенъ изъ списковъ умершимъ [2]).

Приводимъ классическое писаніе этой знаменитой атаки. Наша кавалерія выстроилась приблизительно въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди 24 конн. орудія Герштенцвейга, лѣвѣе—уланы Его Высочества, правѣе — кирасиры принца Альберта. Во второй линіи уступами за правымъ флангомъ уланъ—Стародубовскіе кирасиры, за лѣвымъ флангомъ малороссійцевъ—кирасиры Новгородскіе, въ 3-й линіи за центромъ — Орденскіе кирасиры. «Толь созвалъ полковыхъ командировъ, объяснилъ имъ цѣль атаки, важность роли кавалеріи въ этомъ случаѣ и приказалъ начать атаку по его сигналу, такъ какъ необходима была единовременность усилій, чтобы отбросить поляковъ къ Гославскимъ болотамъ и отрѣзать отъ Праги. Толь, увидѣвъ, что польскій баталіонъ собирается на лѣвомъ флангѣ батареи Герштенцвейга, съ уланами Его Высочества бросается на него, но уланы задержаны канавою. Толь приказываетъ подвезти орудія и дѣлаетъ залпъ; въ это время уланы переходятъ канаву, и Толь снова бросается въ атаку, увлекается ею и оставляетъ кирасиръ безъ руководителей, такъ какъ Виттъ еще ранѣе уѣхалъ съ Украинскими уланами, а командиръ 3-й кирасирской дивизіи, Каблуковъ, ускакалъ съ Толемъ. Между тѣмъ у кирасиръ происходитъ слѣдующее: одна польская батарея начинаетъ сильно вредить полку Альберта; Мейендорфъ бросается на эту батарею. Атака производится по-дивизіонно: впереди полковникъ Зонъ съ 1-мъ дивизіономъ, за нимъ Мейендорфъ со 2-мъ, далѣе Гревсъ съ 3-мъ. Подполковникъ Зонъ рубитъ все встрѣчающееся; каре косиньеровъ разбѣгается, каре изъ 8-го полка изрублено, польскіе уланы, бросившіеся на него, опрокинуты. Мейендорфъ подбираетъ остатки, но Гревсъ начинаетъ мало-по-малу отставать и, наконецъ, совсѣмъ остановился подъ предлогомъ, что нельзя оставить батарею безъ прикрытія, какъ будто бы не было сзади войскъ.

«Первый и второй дивизіоны несутся далѣе; передъ ними разступаются польскія линіи; Зонъ натыкается снова на пѣхотное каре, рубитъ его, несется къ Пражскимъ укрѣпленіямъ, врывается въ нихъ. Мейендорфъ не отстаетъ. Подполковникъ Смагинъ доносится даже до моста. Атака эта произвела страшный безпорядокъ въ польской арміи: смятеніе было общее, деморализація распространилась повсюду. Радзивиллъ ускакалъ съ своею свитою въ Варшаву; Шембекъ, атакованный въ то же время Ольвіопольскими и Сумскими гусарами, бросился назадъ къ болотамъ Сасской-Кемпы. Весь правый флангъ поляковъ пришелъ въ смятеніе; все бросилось бѣжать къ Прагѣ; Висла покрылась массою людей, ищущихъ спасенія въ Варшавѣ. Остатки лѣваго устраиваются въ каре и начинаютъ отступать. Между тѣмъ Толь возвращается къ 3-й кирасирской дивизіи и, замѣчая отсутствіе 2 дивизіоновъ, разузнаетъ о ходѣ дѣла. Зонъ и Мейендорфъ, доскакавъ, куда лишь можно было, видятъ, что за ними никого нѣтъ; приходилось возвращаться назадъ тою же дорогою. Но уже это сдѣлать было трудно: 5 эскадроновъ (2 и 5 ул. полка) Каицкаго стараются заградить имъ путь, но неудачно. Поляки выставляютъ ракетную батарею, но также неудачно. Кирасиры несутся впередъ, поляки въ изумленіи разступаются; еще одно усиліе, и кирасиры возвращаются къ своему полку. Между тѣмъ Зонъ, уже на обратномъ пути къ своимъ, былъ раненъ и упалъ; въ пылу битвы думали, что онъ убитъ, но онъ былъ поднятъ поляками и перенесенъ въ Варшаву, гдѣ съ нимъ обращались почтительно изъ уваженія къ его храбрости. Для излѣченія его прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ, но раны его были неизлѣчимы, и онъ скоро умеръ. Невольно рождается вопросъ: если два дивизіона произ-

---

1) См. біографію М. А. Гревса.

2) Леф. арх., Форм. сп. 1833 г., кн. 36, см. біографіи *П. И. Каблукова* и *А. А. Гревса*.

вели такой переполохъ у непріятеля, — что бы случилось, если бы вся дивизія ихъ поддержала? Конечно, ударъ былъ бы довершенъ, пораженіе поляковъ было бы полное; результаты сраженія были бы иные; но главные начальники увлеклись частною атакою, некому было руководить дивизіею и поддержать усилія Мейендорфа. Атака кирасиръ продолжалась 20 минутъ; пространство, пройденное ею, ровно $2^1/_2$ версты, потеряна половина людей. Между тѣмъ одновременно съ атакою кирасиръ вся линія русскихъ войскъ должна была наступать...» [1]).

Карлъ Петровичъ Тимлеръ, 1795—1843, изъ дворянъ Петербургской губ., лютеранскаго вѣроисповѣданія, сынъ генералъ-майора; на службу поступилъ 22 Янв. 1814 г. изъ пажей корнетомъ въ Изюмскій гус. полкъ и въ томъ же году (13 Дек.) переведенъ сперва въ лб.-гв. Конный полкъ, а чрезъ два дня (15 Дек.) въ Кавалергардскій полкъ; въ 1816 г. произведенъ въ поручики, 6 Іюня 1818 г. въ шт.-ротмистры, а 8 Ноября переведенъ въ Нарвскій драг. полкъ майоромъ; не прибывая къ полку, переведенъ въ 1819 г. въ Митавскій драг. полкъ; съ 1824 г. по 1826 г. командовалъ при главной квартирѣ 1-й арміи учебнымъ кавалерійскимъ дивизіономъ и въ 1826 г. за отличіе произведенъ въ подполковники, въ 1834 г. въ полковники; въ 1838 г. былъ прикомандированъ на 5 мѣсяцевъ, а въ 1840 г. на 11 мѣсяцевъ къ лб.-гв. Гусарскому полку; въ 1841 г. назначенъ окружнымъ штабъ-офицеромъ 1-го военнаго округа Оренбургскаго казачьяго войска, съ состояніемъ по кавалеріи; 9 Іюня 1843 г. исключенъ изъ списковъ умершимъ.

Участвовалъ въ 1831 г. въ дѣлахъ у м. Шотъ (20 Іюня) и Ероголы (23 Іюня) и награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. и въ дѣлѣ у Новаго-Мѣста (2 Іюля). Въ 1829 г. награжденъ не въ зачетъ годовымъ жалованьемъ въ 1200 рублей, въ 1831 г. полугодовымъ жалованьемъ. Въ 1825 г. получилъ благодарность главнокомандующаго «за отличное состояніе» и выѣздку лошадей учебнаго кавалерійскаго дивизіона и «превосходную» выправку людей. Въ 1836 г. награжденъ орд. св. Станислава 3 ст., въ 1838 г. орд. св. Георгія 4 ст. за 25-лѣтнюю службу.

Былъ женатъ на дочери помѣщика Юліи Маковецкой и имѣлъ въ 1842 г. дѣтей: Михаила (р. 1829 г.), Ольгу (р. 1831 г.), Юлія (р. 1832 г.), Екатерину (р. 1835 г.), Александра (р. 1836 г.). Дѣти вѣроисповѣданія римско-католическаго [1]).

Николай Николаевичъ Тухачевскій, изъ Тульскихъ дворянъ, былъ выпущенъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Кирѣевскимъ, изъ кам.-пажей 31 Мая 1815 г. корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ [2]), въ 1816 г. произведенъ въ поручики, а 19 Іюня 1817 г. переведенъ въ Семеновскій полкъ, съ назначеніемъ бригаднымъ, а въ 1819 г. дивизіоннымъ адъютантомъ къ ген.-ад. Потемкину; въ 1819 г. шт.-капитаномъ, въ 1821 году переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ, въ 1822 г. капитаномъ, съ оставленіемъ адъютантомъ; 6 Апрѣля 1824 г. произведенъ полковникомъ, съ переводомъ въ Лифляндскій конно-егерскій (короля Виртембергскаго) полкъ; 17 Сентября 1827 г. назначенъ командиромъ Тверскаго драг. полка и 25 Іюня 1830 года награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст. Съ тверцами Тухачевскій сдѣлалъ Польскую кампанію и участвовалъ въ дѣлахъ: при Козеницѣ (Новавеси, 7 Февраля 1831 г.), Высокомъ (18-го), Куровѣ (19-го) и награжденъ орд. св. Владиміра 3 ст.; при взятіи г. Люблина (27 Февр.), при Бабинѣ (4 Апр.), Вроновѣ (5-го), Казиміровѣ (6-го), при Каміенкѣ (27-го), Любартовѣ (28-го), Ленчно (29-го) и с. Старомъ Замостьѣ (30-го), при Раціонжѣ (11 Іюля) и за отличіе въ немъ произведенъ въ ген.-майоры, а вслѣдъ затѣмъ уволенъ (12 Августа) въ отпускъ для излѣченія болѣзни, съ зачисленіемъ по кавалеріи. Спустя $2^1/_2$ года (13 Марта 1834 г.), онъ получилъ 1 бригаду 7-й Кавалер. дивизіи и награжденъ (30 Іюня) орд. св. Станислава 2 ст., но чрезъ $^1/_2$ года (30 Ноября) сдалъ бригаду и былъ зачисленъ по министерству Внутр. дѣлъ. Въ 1836 г. былъ командированъ въ г. Орелъ для обревизованія дѣйствій квартирной комиссіи, что и исполнилъ удовлетворительно къ 1838 г. и былъ назначенъ членомъ въ военно-судную комиссію надъ горнымъ инженеромъ г.-м. Шленевымъ. Въ этой комиссіи онъ пробылъ годъ, а 5 Іюля 1839 г. назначенъ командиромъ 1-й бригады 2-й Кавал. дивизіи; въ

1) Станкевичъ и Пузыревскій, «Польская кампанія 1830—31 гг.», 128.

1) Леф. арх., Форм. сп. 1842 г., св. 179, № 224.

2) «Камеръ-пажъ Николай Тухачевскій представлялъ собою самый красивый типъ славянина, какой только можно было встрѣтить въ Петербургѣ. Сложеніемъ и чертами лица напоминалъ онъ древняго Антиноя. Напудренная голова придавала ему еще больше изящества. Его двоюродный братъ Кирѣевскій, бывшій также пажемъ, не уступалъ ему наружностію, хотя черты лица у него были менѣе правильны. Какъ у всѣхъ русскихъ, музыкальное чувство въ нихъ было сильно развито отъ природы». (Зап. Оже, Р. Арх., 1877/II, 241).

1844 г. награжденъ орд. св. Станислава 1 ст.; 22 Сентября 1845 г. переведенъ командиромъ во 2-ю бриг. 1-й Уланской дивизіи, а 6 Мая 1846 г. назначенъ наказнымъ атаманомъ Дунайскаго казачьяго войска, а 8 Ноября 1847 г. уволенъ въ отставку за болѣзнью, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья.

Тухачевскій не былъ удостоенъ знакомъ отличія безпорочной службы «потому, что, по военно-судному дѣлу, произведенному надъ прапорщикомъ Тверскаго драг. полка Рыцкимъ, преданнымъ суду за нетрезвое поведеніе, не найдено никакихъ уликъ и доказательствъ, чтобы офицеръ сей былъ нетрезваго поведенія, хотя же бывшій полковой командиръ его, г.-м. Тухачевскій представлялъ, что будто бы неоднократно замѣтилъ онъ Рыцкаго въ нетрезвомъ видѣ и дѣлалъ ему за то выговоры и даже аресты; и сверхъ того г. Тухачевскій основывался на донесеніи эскадроннаго командира полк. Фишбаха, но сей штабъ-офицеръ отозвался, что онъ прап. Рыцкаго въ нетрезвомъ видѣ болѣе одного раза никогда не замѣчалъ, почему и о дурномъ поведеніи его полковому командиру не доносилъ; равнымъ образомъ служившіе съ нимъ въ одномъ эскадронѣ четыре офицера нисколько въ томъ его не обвиняютъ, показавъ подъ присягою, что пьянымъ его никогда не видали, самъ же Рыцкій отвѣчалъ, что сильно и до безчувствъ никогда не напивался, а употреблялъ вино по мѣрѣ для пользы здоровья, и должность свою исполнялъ безъ упущенія, да и по полковымъ дѣламъ, чтобы принимаемы были со стороны Тухачевскаго или эскадроннаго командира какія-либо мѣры, предписанныя въ полковничьей инструкціи къ воздержанію его, Рыцкаго, отъ неприличнаго поведенія, или дѣлаема была взыскательность за упущеніе его по службѣ, ничего не видно, и даже никому изъ офицеровъ о томъ неизвѣстно, притомъ и прежняя его, Рыцкаго, служба, какъ военная, такъ и гражданская, засвидѣтельствована бывшимъ его начальствомъ съ отличной стороны.

«Главнокомандовавшій 1-й арміею 14 Марта 1833 г. конфирмовалъ: г.-м. Тухачевскому неосновательное и преувеличительное представленіе его о поступкахъ Рыцкаго, коихъ по суду не обнаружено, поставить на видъ».

Тухачевскій былъ дважды женатъ; 2-мъ бракомъ на дѣвицѣ Федосьѣ Егор. Сердобинской, отъ которой имѣлъ дочь Надежду (р. 7 Февр. 1839 года) и сына Николая (р. 21 Марта 1841 г.) [1]).

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1843 г., кн. 6967; Дѣла Инсп. деп. 1839 г., св. 1048, ч. I, л. 54; 1847 г., св. 1510, д. 681; Р. Арх., 1877/II, 241; Вигель, III, 173; IV, 149.—См. біографію *А. В. Кавера*.

Николай Васильевичъ Кирѣевскій, 1797—1870, изъ дворянъ Орловской губ., сынъ Василія Александровича, 28 Февраля 1815 г. поступилъ изъ камеръ-пажей въ Кавалергардскій полкъ корнетомъ, въ 1816 г. произведенъ въ поручики, въ 1818 г.—въ шт.-ротмистры; 15 Апрѣля 1821 г. уволенъ за болѣзнью отъ службы ротмистромъ [1]). Выйдя въ отставку, поселился въ своемъ имѣніи, с. Шаблыкинѣ, Карачевскаго уѣзда.

По семейнымъ преданіямъ, «причина его выхода изъ Кавалергардскаго полка была слѣдующая: ему былъ порученъ ремонтъ; имѣя огромное состояніе, онъ ничего не жалѣлъ на пріобрѣтеніе лошадей, и, говорятъ, что лошади были одна лучше другой, но, несмотря на это, весь ремонтъ былъ забракованъ. Онъ разсердился и вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ до кончины своей, сколько извѣстно, больше уже ни въ какую службу не вступалъ. У него была охота псовая изъ лучшихъ въ Россіи, а позднѣе го́да заставили его перейти на ружейную, которой онъ и занимался до конца жизни. Собраніе оружія у него было замѣчательное. Домъ его, походившій на дворецъ, состоялъ изъ нѣсколькихъ десятковъ комнатъ; принималъ онъ всѣхъ, при чемъ всѣ гости его пользовались полною свободою: жили сколько хотѣли, и нѣкоторые уѣзжали, даже не видѣвъ хозяина, что было очень удобно для бѣдныхъ людей, потому что они пользовались столомъ, лошадьми, услугой, однимъ словомъ, всѣмъ, чего хотѣли;

[1]) Кирѣевскій еще въ Августѣ 1817 г. подавалъ прошеніе объ увольненіи по домашнимъ обстоятельствамъ въ отставку, но взялъ его обратно. (Полк. архивъ).

и это продолжалось въ теченіе всей его жизни. Человѣкъ онъ былъ очень добрый и отзывчивый на всякое доброе дѣло. Его портретъ имѣется въ Орловской мужской гимназіи, въ воспоминаніе его пожертвованій. Охотничьи разсказы Осковскаго, Прокудина-Горскаго и Делоне полны воспоминаній о немъ. Самъ онъ издалъ свои воспоминанія въ 1856 году подъ заглавіемъ: «*Сорокъ лѣтъ охоты*». Второе изданіе было послѣ его смерти. Н. В. Кирѣевскій былъ замѣчательный гитаристъ и, кажется, оставилъ музыкальныя сочиненія въ рукописи».

Женатъ не былъ. Имѣлъ до 6000 душъ въ Карачевскомъ и Дмитровскомъ уѣздахъ. Умеръ 20 Февраля 1870 г. и похороненъ въ с. Шаблыкинѣ [1]).

Владиміръ Семеновичъ Аладьинъ, 1796—1876, изъ дворянъ Московской губ., сынъ бригадира Семена Федоровича и жены его Маріи Павловны, рожд. Ляпуновой (имѣвшихъ 3000 душъ), въ 1810 г. поступилъ студентомъ въ Московскій университетъ и одновременно опредѣленъ канцеляристомъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, 31 Декабря 1812 г. произведенъ въ колл. регистраторы, а черезъ полгода (3 Іюня 1813 г.) опредѣленъ въ Костромское резервное ополченіе прапорщикомъ; въ 1814 г. переведенъ въ Невскій пѣх. полкъ и командированъ въ Учебный караб. полкъ, откуда 15 Мая 1815 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ корнетомъ; въ 1817 г. произведенъ въ поручики и назначенъ адъютантомъ къ ген.-адъют. Балашову; въ 1819 г. шт.-ротмистромъ, въ 1822 г. ротмистромъ; 29 Января 1823 г. отчисленъ во фронтъ и 22 Апрѣля того же года переведенъ въ Екатеринославскій кирас. полкъ подполковникомъ, а въ 1825 г. уволенъ къ статскимъ дѣламъ, съ повышеніемъ чина. Въ 1827 г. опредѣленъ въ департаментъ Министерства юстиціи колл. совѣтникомъ, гдѣ «управлялъ комиссіею для разбора старыхъ дѣлъ»; въ 1833 г. произведенъ въ статскіе совѣтники, а 13 Іюля 1836 г. уволенъ въ отставку дѣйств. ст. совѣтникомъ. 23 Сентября 1843 г. вступилъ въ Москвѣ въ бракъ съ дочерью ген.-адъют. бар. Гр. Вл. Розена, фрейлиною Софьей Григорьевной, и имѣлъ двухъ дочерей: одну, замужемъ за гр. П. И. Коновницынымъ, другую—сначала за Павломъ Титовымъ, а затѣмъ, за Дмитріемъ Хлюстинымъ. Аладьинъ умеръ 2 Февраля 1876 г. и похороненъ въ Москвѣ, въ Андроніевскомъ монастырѣ [1]).

Графъ Іосифъ Анрепъ-Эльмптъ

Графъ Іосифъ Романовичъ Анрепъ-Эльмптъ (полная фамилія Камеке-фонъ-деръ Гёэ-Геннантъ-Вольфеншильдъ-фонъ-Анрепъ, графъ Эльмптъ), 1796—1860, происходилъ изъ древняго Вестфальскаго рода и былъ сынъ Рейнгольда-Генриха-Романа, убитаго въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи при Морунгенѣ 13 Января 1807 г. [2]), и его жены, Вильгельмины Карловны фонъ-Анрепъ изъ дома Тигалане († 21 Апрѣля 1824 г.).

Службу въ Кавалергардскомъ полку Анрепъ началъ 28 Февраля 1815 г., будучи произведенъ въ корнеты изъ камеръ-пажей 17-и лѣтъ отъ роду. Въ 1816 г. произведенъ въ поручики, а 2 Апрѣля 1818 г. назначенъ адъютантомъ къ ген.-адъют. Дибичу, будучи зачисленъ въ спискахъ полка до 1826 г. Въ 1819 г. произведенъ въ штабсъ-ротмистры, въ 1822 г.—въ ротмистры и въ 1826 г. — въ полковники. 16 Сентября этого года Анрепъ назначенъ командиромъ Харьковскаго уланск. полка. Въ 1818 г. Анрепъ вступилъ членомъ въ масонскую ложу «Des amis du Nord» [3]).

Въ Турецкую войну 1828 и 1829 гг. Анрепъ со своимъ полкомъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, при чемъ неоднократныя награды за боевыя отличія и Высочайшія благоволенія за состояніе полка какъ въ мирное,

---

[1]) Полк. архивъ; Свѣдѣнія, сообщ. С. Кирѣевскимъ; Е. Н. Тевяшовъ, «Описаніе гравюръ и литографій», 102.

[1]) Полк. арх.; Леф. арх., Форм. сп. 1824 г., кн. 6111; Уничт. бумаги арх. Сената; Долгорукій, III, 397; Метрич. свидѣтельства и свѣдѣнія, сообщ. С. Г. Аладьиной.

[2]) Фрейманъ, «Пажи», 57.

[3]) Tableau de la grande loge Astrée pour l'an 58, 18/19, p. 175.

такъ и въ военное время достаточно характеризуютъ его, какъ прекраснаго командира. 9—11 Іюля онъ участвовалъ въ сраженіи при Силистріи, а 16 Августа, при отраженіи вылазки турокъ изъ Силистріи, *раненъ* двумя пулями въ грудь и правую руку; въ 1829 году, по излѣченіи отъ ранъ, съ 27 Апрѣля вновь участвовалъ въ бояхъ со своимъ полкомъ до окончанія войны. За отличіе въ дѣлѣ при Буланлыкъ (29 Мая) награжденъ золотымъ оружіемъ; перейдя Балканы—въ сраженіи при Дервишъ-Джеванѣ (7 Іюля), занятіи лагеря при Даутли (10 Іюля) награжденъ орд. св. Владиміра 3 ст.; за сраженіе подъ г. Сливно (31 Іюля) орд. *св. Георія 4 ст.* [1]).

Во время усмиренія польскаго мятежа Анрепъ, съ 24 Января по 4 Апрѣля 1831 г., временно командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ, участвуя съ нимъ въ сраженіяхъ на Гроховскихъ поляхъ (11 Февраля) и затѣмъ оперируя въ окрестностяхъ крѣпости Старо-Замостье до прибытія начальника этого отряда, извѣстнаго Дениса Давыдова.

«Для молодого штабъ-офицера», разсказываетъ Давыдовъ, «сдача такового отряда, каковъ былъ мой, когда непріятель подъ глазами, не только прискорбна, но это есть великое несчастіе, но Анрепъ сдалъ отрядъ мнѣ такъ, какъ не многіе. Онъ изложилъ мнѣ всѣ извѣстныя ему подробности о корпусѣ Дверницкаго, о Замостьской крѣпости, о распоряженіяхъ своихъ, о мнѣніи своемъ относительно надзора непріятеля, изложилъ мнѣ порядокъ службы, имъ заведенный, объѣздилъ со мной аванпосты свои, истолковавъ, по какимъ предположеніямъ и для чего каждый пикетъ на такой-то возвышенности, на такомъ-то скатѣ, показалъ на картѣ дороги и пункты, до коихъ доходятъ его разъѣзды; разсужденіями своими на счетъ общихъ и сего отряда частныхъ обстоятельствъ онъ меня обрадовалъ находкою въ арміи столь ревностнаго офицера. Впослѣдствіи онъ отлично усердною службою своей оправдалъ мое о немъ мнѣніе, а возвышенностью чувствъ, воинственною и какою-то рыцарскою осанкой представилъ мнѣ ближайшее сходство съ тѣмъ идеаломъ истинно военнаго человѣка, который столь давно мерещился моему воображенію. «Говорятъ, что онъ похожъ на покойнаго, убитаго при Морунгенѣ отца своего. Отецъ его пользовался общимъ уваженіемъ въ россійской арміи; я его не зналъ, но, по пріѣздѣ моемъ въ армію въ 1807 г., первое мертвое тѣло, которое я встрѣтилъ, было тѣло сего отличнаго генерала» [2]).

4 Марта 1831 г. Анрепъ, 35-и лѣтъ отъ роду, былъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ командиромъ 1-й бриг. 2-й Драгунской дивизіи. Въ отрядѣ барона Крейца участвовалъ въ дѣлахъ при Бабинѣ и Вроновѣ противъ Сѣраковскаго (4—7 Апрѣля), въ сраженіи въ Фирлейскомъ лѣсу и при разбитіи Хржановскаго при Любартовѣ (27 и 28 Апрѣля). Наградами за боевыя отличія во время Польской войны были: за сраженіе при Раціонжѣ (11 Іюля)—*золотая сабля,* украшенная *алмазами,* 12 Августа—Высочайшее благоволеніе, 25 и 26 Августа за штурмъ Варшавскихъ укрѣпленій—орд. св. Анны 1 ст. [1]).

Анрепъ командовалъ бригадою до 1834 г., когда, вслѣдствіе одной досадной и непріятной случайности, ему пришлось на время оставить службу [2]). Въ двадцатыхъ числахъ Сентября этого года въ Орелъ пріѣхалъ Императоръ Николай Павловичъ и съ 21 по 26 производилъ смотры войскъ 3-го Резервнаго кавал. корпуса, въ составъ котораго входила и бригада Анрепа. На одномъ изъ ученій Государь, желая показать, какъ слѣдуетъ дѣйствовать драгунамъ, лично руководилъ заданіями о появленіи предполагаемаго противника. Сильный вѣтеръ мѣшалъ слышать команды даже на близкомъ разстояніи, а Анрепу со своей бригадой пришлось быть на отдаленномъ отъ Государя флангѣ, въ то время какъ приказанія слѣдовали быстро одно за другимъ и не успѣвали исполняться. Нетерпѣніе Государя сбило всѣхъ съ толку, и, благодаря несчастной случайности, бригада Анрепа оказалась тыломъ къ предполагаемому противнику. Государь разсердился, наговорилъ Анрепу непріятностей и самъ повернулъ его бригаду. Затѣмъ, отъѣхавъ на противоположный флангъ, Государь скомандовалъ отступленіе эшелонами; команды этой Анрепъ не слышалъ и тоже началъ отступать, чѣмъ навлекъ на себя новый гнѣвъ и, получивъ приказаніе вложить саблю въ ножны и отъѣхать отъ бригады, до конца ученья оставался въ сторонѣ простымъ зрителемъ [3]). Хотя сообщающій объ этомъ фактѣ въ своихъ запискахъ Н. Н. Муравьевъ и докладывалъ Государю послѣ маневра, что все произошло по недоразумѣнію или недослышкѣ, аттестовавъ Анрепа съ самой лучшей стороны, и другихъ послѣдствій для сего послѣдняго не было, тѣмъ не менѣе онъ не могъ снести оскорбленія и, выждавъ нѣкоторое время для приличія, въ Январѣ 1835 г. подалъ въ отставку, выставивъ причиной лѣченіе болѣзни отъ ранъ. Пробывъ въ отставкѣ болѣе 5 лѣтъ, Анрепъ 14 Іюля

---

[1]) Формулярный списокъ.
[2]) Р. Старина, 1872/X, 368 и 369.

[1]) Формулярный списокъ.
[2]) Р. Арх., 1894/X, 161.
[3]) Тамъ же, 188 и 189.

1839 г. вновь поступилъ на службу, съ зачисленіемъ по кавалеріи при Кавказскомъ корпусѣ, а въ Ноябрѣ того же года былъ назначенъ управляющимъ Джаро-Бѣлоконскою областью и командующимъ Лезгинскою кордонною линіею.

Принявъ эту должность отъ предмѣстниковъ, управлявшихъ областью исключительно мѣрами строгости и устрашенія, Анрепъ, воспитанный съ дѣтства матерью въ чувствахъ добра и справедливости, совершенно измѣняетъ характеръ управленія. Не удовольствовавшись охраненіемъ Грузіи, онъ задумалъ покорить лезгинъ не силою оружія, а мѣрами кротости и строгой справедливости. Идеалистъ въ душѣ, считая войну зломъ и будучи убѣжденъ, что всѣ недоразумѣнія съ лезгинами могутъ быть разрѣшены мирнымъ путемъ, онъ рѣшилъ предпринять миссіонерскую поѣздку въ самое сердце Дагестана, чтобы, путемъ убѣжденія горцевъ, добиться устройства у нихъ гражданскаго порядка, отклонить отъ разбоевъ и грабежей и заставить ихъ подчиниться русскому управленію [1]).

Поѣздка эта, не имѣвшая, впрочемъ, особыхъ результатовъ, представляется современниками различно: по исторіи Нижегородскаго полка (т. IV, гл. IX) Анрепъ, въ сопровожденіи адъютанта своего, прапорщика Колюбакина, и отставного капитана Шаликова, съ переводчикомъ и 33 туземными милиціонерами двинулся изъ Закаталъ черезъ главный хребетъ въ Тлессерухское общество. Несмотря на предостереженія вліятельнаго горца, старшины одного мирнаго селенія, объ угрожавшей ему опасности, Анрепъ рѣшилъ во чтобы то ни стало выполнить свою идею. Въ первомъ же аулѣ, счастливо избѣгнувъ подготовлявшагося покушенія на его жизнь, Анрепъ собралъ общество, говорилъ имъ черезъ переводчика о пользѣ цивилизаціи и гражданскаго порядка и, убѣдивъ горцевъ въ своихъ мирныхъ намѣреніяхъ, проѣхалъ дальше по многимъ ауламъ и обществамъ, встрѣчаемый и провожаемый громадными толпами изумленнаго его смѣлостью и любопытнаго народа. Близъ аула Мукратль, при остановкѣ экспедиціи на ночлегъ, въ Анрепа изъ-за угла однимъ изъ жителей былъ произведенъ выстрѣлъ, но пуля по счастью пробила только сюртукъ генерала. Суевѣрные горцы приписали эту случайность Божьей волѣ, съ большимъ почтеніемъ отнеслись къ Анрепу, а преступника выдали ему головой. Анрепъ, воспользовавшись случаемъ, сказалъ черезъ переводчика собравшимся горцамъ приличную рѣчь и къ удивленію и радости ихъ помиловалъ и отпустилъ преступника. Проѣхавъ такимъ образомъ черезъ Тлессерухъ, Мукратль, Гунибъ, Чохъ и Казикумухъ, Анрепъ черезъ Ретулъ вернулся въ Закаталы.

Эта смѣлая и рискованная поѣздка имѣла, однако, послѣдствіемъ то, что, во-первыхъ, во всѣхъ Анкратльскихъ обществахъ наибы, кадіи, старшины и муллы, выбираемые народомъ, стали утверждаться Русскою властью, и, во-вторыхъ, она явилась первымъ опытомъ вывести полудикое населеніе *Лезгистана* изъ состоянія самаго грубаго безначалія. Благодаря довѣрію и уваженію горцевъ къ Анрепу, спокойствіе на Лезгинской линіи продолжалось относительно долго.

Результаты этой поѣздки оцѣнены были по достоинству приказомъ по Кавказскому корпусу генерала Головина отъ 12 Ноября 1840 года и Высочайшимъ награжденіемъ Анрепа орд. св. Владиміра 2 ст. [1]).

Другіе же разсказываютъ объ этой экспедиціи, казавшейся многимъ не безъ основанія сумасбродной, въ юмористическомъ видѣ [2]).

За время управленія Джаро-Бѣлоконской областью Анрепомъ были составлены камеральное описаніе и топографическая карта вновь покорившихся лезгинскихъ племенъ.

6 Февраля 1841 г. Анрепъ былъ назначенъ начальникомъ Черноморской береговой линіи [3]).

Въ послѣднее время управленія Черноморской береговой линіей Н. Н. Раевскимъ предполагалось при новыхъ Черноморскихъ укрѣпленіяхъ учредить поселенія для колонизаціи края русскимъ населеніемъ, но въ это время посыпались съ линіи непріятныя и тревожныя извѣстія о возобновленіи набѣговъ воинственнаго племени Убыховъ на покорившихся горцевъ и на гарнизоны укрѣпленій. Одновременно

---

[1]) Р. Арх., 1884/I («Воспоминанія Г. И. Филипсона»), 200; Приказъ по Кавк. отд. корп. 12 Декабря 1840 г. (Арх. Кавк. В. Окр., д. 62, 1840 г.).

[1]) Арх. Кавк. В. Окр., 1840 г., № 62.

[2]) «Колюбакинъ, бывшій со своимъ генераломъ, разсказывалъ съ большимъ юморомъ, что послѣ довольно продолжительной бесѣды съ Анрепомъ старикъ-горецъ всталъ съ бурки и сказалъ очень спокойно: «Ну, генералъ, ты сумасшедшій; съ тобой безполезно говорить». По мнѣнію Колюбакина, «это-то убѣжденіе и спасло Анрепа и всѣхъ его спутниковъ отъ вѣрной погибели: горцы, какъ и всѣ дикари, имѣютъ религіозное уваженіе *къ сумасшедшимъ*. Они возвратились благополучно, хотя, конечно, безъ всякаго успѣха. Кто знаетъ Кавказъ, тотъ пойметъ, сколько нужно было неустрашимости, самопожертвованія и сумасбродства, чтобы пуститься на такое предпріятіе, которое ни въ какомъ случаѣ не могло имѣть успѣха, а изъ тысячи шансовъ одинъ такой, что проповѣдникъ не погибнетъ или не будетъ взятъ въ плѣнъ со всѣми своими спутниками. Такой подвигъ живо напоминаетъ Донъ-Кихота, отворившаго клѣтку льва и вызвавшаго его на честный бой». (Р. Арх., 1884/I, 200 и 201).

[3]) Кавказскій Сборникъ, IX, 494.

съ этимъ произошли безпорядки и въ Цебельдѣ и Абхазіи [1]).

Въ виду этого, Анрепъ просилъ отсрочить занятіе и заселеніе линіи на Кубани отъ Варениковой пристани до форта «Раевскій» и дать ему время привести все въ порядокъ. Отсрочка была дана.

Осматривая береговую линію, Анрепъ былъ удивленъ ея большими размѣрами и отдавалъ полную справедливость своему предшественнику, сумѣвшему поставить развитіе новаго края на значительную высоту. Но во время объѣзда онъ не могъ не обратить вниманія на плохое санитарное состояніе войскъ, особенно въ Абхазіи, напримѣръ: «Сухумъ казался каменнымъ гробомъ; нельзя было встрѣтить свѣжаго, здороваго лица, а еще лѣто не начиналось». По возвращеніи въ Керчь, Анрепъ просилъ разрѣшенія въ этомъ году ограничиться довершеніемъ работъ по укрѣпленію Новороссійска и ущелья Жоадзеръ для прегражденія горцамъ пути въ Абхазію [2]).

Оградивъ такимъ образомъ хотя нѣсколько Абхазію отъ набѣговъ, Анрепъ началъ и здѣсь примѣнять тотъ же характеръ дѣйствій, какъ и въ Дагестанѣ. Неуклонной справедливостью и гуманнымъ отношеніемъ къ мирнымъ горцамъ, онъ въ короткое время достигъ того, что довольно многочисленное племя прибрежныхъ Джигетовъ и 700 дворовъ умѣренныхъ Убыховъ, подъ начальствомъ князя Аубла-Ахметова, уже въ Маѣ того же года изъявили полную покорность. На донесеніе объ этомъ Анрепъ получилъ въ отвѣтъ милостивый Высочайшій рескриптъ [3]).

Но за то остальные Убыхи, къ концу Іюня, вновь возобновили свои набѣги, особенно на вновь покорившихся Джигетовъ. Набѣги эти заставили, наконецъ, Анрепа признать единственнымъ средствомъ для ихъ прекращенія усмиреніе силой оружія [4]). Такимъ образомъ, несмотря на Высочайшее повелѣніе ограничиться въ этомъ году на Черноморскомъ побережьи мирнымъ устройствомъ вновь присоединенныхъ областей, Анрепъ теперь самъ испрашивалъ разрѣшеніе на серіозную военную экспедицію въ землю враждебныхъ Убыховъ, для наказанія и устрашенія этого племени. Соображенія о возведеніи новыхъ укрѣпленій и объ организаціи этого похода во всѣхъ частяхъ были утверждены, и Анрепъ началъ дѣятельныя приготовленія къ экспедиціи [5]). Къ 16 Іюля въ укрѣпленіи св. Духа (въ землѣ Джигетовъ) собранъ былъ отрядъ, численностью около 2 тысячъ человѣкъ, но Анрепъ выжидалъ прибытія назначенныхъ къ нему частей 13 пѣх. дивизіи и судовъ Черноморскаго флота. Отряду представлялось два пути: одинъ — по узкой прибрежной полосѣ, заливаемой волнами при незначительномъ даже вѣтрѣ и представляющей дефиле въ 28 верстъ, другой — кружная тропа по горнымъ хребтамъ, приводящая въ середину земли Убыховъ. Трудностей было много на обоихъ путяхъ, но движенію прибрежнымъ путемъ могъ содѣйствовать флотъ, при кружномъ же — приходилось отъ него отказаться. Въ виду этихъ соображеній, собравъ весь свой отрядъ (численностью около 6000 человѣкъ при 6 трехфунтовыхъ и 4 десятифунтовыхъ единороговъ) [1]) къ концу Августа въ укрѣпленіе св. Духа, Анрепъ могъ начать движеніе только лишь 8 Октября, такъ какъ флотъ долженъ былъ прибыть къ 5 Октября. Несмотря на такую потерю времени, давшую возможность Убыхамъ собраться и укрѣпить всѣ проходы безчисленными завалами, отрядъ Анрепа 11 Октября, послѣ непрерывнаго кровопролитнаго трехдневнаго боя, былъ уже въ укрѣпленіи Навагинскомъ. Этой экспедиціей Анрепъ совершенно успокоилъ край и, къ концу 1841 г., могъ уже безъ помѣхъ заняться мирнымъ устройствомъ предположенныхъ Раевскимъ поселеній на Кубани.

За эту экспедицію Анрепъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и пожалованъ генералъ-адъютантомъ (1 Іюля 1842 г.). Кромѣ того, по окончаніи устройства двухъ новыхъ укрѣпленій и переправы у Варениковой пристани на Кубани, для обезпеченія русскихъ переселенцевъ изъ Донскихъ и Черноморскихъ казаковъ, онъ удостоился Высочайшаго благоволенія (14 Ноября 1842 г.), при чемъ особенно отмѣчалось, что, «достигая съ твердостью цѣли, имъ преимущественно были употреблены мѣры кротости и миролюбивыхъ отношеній съ горскими племенами, и тѣмъ положено доброе начало къ совершенному ихъ покоренію» [2]).

Остальное время своего начальствованія береговой линіей Анрепъ посвятилъ окончательному умиротворенію края, привлекъ большое число поселенцевъ и обратилъ особенное вниманіе на расширеніе и увеличеніе торговли.

Многіе изъ его проектовъ, съ весьма незначительными измѣненіями, были позднѣе приведены въ исполненіе его преемникомъ барономъ Будбергомъ (братъ жены Анрепа отъ

---

[1]) Р. Архивъ, 1884/I, 202, 203 и 204.
[2]) Тамъ же, 204.
[3]) Кавказскій Сборникъ, III, 195.
[4]) Тамъ же, XIV, статья Н. В. 1840, 1841 и 1842 гг.
[5]) Тамъ же, XIII, ст. Н. А. Волконскаго.

[1]) Арх. Кавк. В. Окр.; Строевой рапортъ за вторую половину Августа, дѣла Ген. штаба 1841 г., № 119.
[2]) Формулярный списокъ.

разныхъ отцовъ), принявшимъ начальство надъ береговой линіей въ концѣ 1843 года.

Въ началѣ 1843 г. Государь Николай Павловичъ, будучи недоволенъ дѣйствіями начальника Кавказской линіи Головина и командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса Граббе, командировалъ военнаго министра гр. Чернышева для разслѣдованія и провѣрки ихъ управленія. Въ виду ожидавшагося проѣзда Чернышева черезъ береговую линію, начальникъ штаба Анрепа, полк. Филипсонъ подалъ ему мысль воспользоваться этимъ для округленія области въ смыслѣ болѣе самостоятельнаго управленія ею. Анрепъ одобрилъ эту мысль, и къ пріѣзду Чернышева была составлена памятная записка о присоединеніи къ черноморской береговой линіи Мингреліи и Гуріи.

Оставшись очень доволенъ всѣмъ видѣннымъ на Черноморскомъ побережьи, Чернышевъ взялъ записку Анрепа и уже изъ Кутаиса послалъ ее Государю на утвержденіе. Проектъ Анрепа вскорѣ вернулся утвержденнымъ во всѣхъ пунктахъ, такъ что онъ въ послѣднее время управлялъ областью совершенно самостоятельно, сносясь непосредственно съ Петербургомъ [1]).

Во время Венгерскаго возстанія 1849 года Анрепъ былъ назначенъ начальникомъ авангарда арміи, но закончилъ свое участіе въ кампаніи принятіемъ сложившихъ оружіе венгерскихъ войскъ и надзора за ними до передачи австрійскому правительству [2]). «Въ послѣднюю войну, когда Русь выручала нѣмца (въ Венгріи)», говоритъ Меньковъ, «Анрепъ велъ авангардъ, да не надолго... Кн. Варшавскій раскусилъ его; обласкалъ онъ, голубчика, по-своему, и бродилъ нашъ Анрепъ по Венгріи безъ авангарда, безъ команды, какъ съ боку припека» [3]). 21 Апрѣля 1848 г. Анрепу былъ пожалованъ орд. Бѣлаго Орла, 31 Августа 1849 г.—св. Александра Невскаго, а 22 Февраля 1850 г. онъ назначенъ командиромъ 1-й гвард. кавалерійской дивизіи [4]).

Участіе Анрепа въ Восточной войнѣ 1853—1855 гг. весьма невыгодно отразилось на его карьерѣ.

При вступленіи русской арміи въ предѣлы Дунайскихъ княжествъ Анрепу поручено было командованіе авангардомъ арміи, и 18 Іюня 1853 г. онъ получилъ предписаніе главнокомандующаго кн. М. Д. Горчакова стараться предупредить вторженіе турокъ въ княжества быстрымъ появленіемъ русскихъ отрядовъ на лѣвомъ берегу Дуная противъ турецкихъ крѣпостей, но въ то же время избѣгать столкновенія съ значительными массами непріятеля. 12 Октября Анрепу было предписано: «Стараться атаковать непріятеля во время самой переправы его (чрезъ Дунай)», но вслѣдъ затѣмъ въ концѣ Ноября онъ былъ назначенъ начальникомъ Мало-Валахскаго отряда, стоявшаго въ Краіовѣ, на мѣсто генерала Фишбаха. «При настоящемъ положеніи Малой Валахіи», писалъ кн. Горчаковъ, «какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніи, находя присутствіе ген.-ад. гр. Анрепа-Эльмпта необходимымъ въ Краіовѣ, я приказалъ сему генералу временно отправиться въ Малую Валахію, подчинивъ начальству его ген. Фишбаха». 25 Декабря сраженіе при Четати и ФонтошъБанулуй было проиграно (съ 3 тыс. противъ 18 тыс. турокъ и 20—30 орудій), съ большими для русской арміи потерями, благодаря тому, что Анрепъ, слыша гулъ канонады, занимался въ Быйлешти по случаю праздника Рождества церковнымъ парадомъ... Императоръ Николай Павловичъ, получивъ реляцію, изъ которой, по ея неясности, ничего не могъ понять, потребовалъ отвѣта: 1) «зачѣмъ войска были растянуты; 2) зачѣмъ по первому свѣдѣнію о движеніяхъ турокъ Анрепъ не пошелъ имъ прямо въ тылъ, что, кажется, просто было; 3) отчего Анрепъ опоздалъ»... Кн. Горчаковъ въ отвѣтѣ Государю признавалъ всѣ распоряженія Анрепа ошибочными. Прочитавъ записку Горчакова о боѣ при Четати, Государь написалъ ему: «Нахожу, что Анрепъ оплошалъ непростительно, авось загладитъ въ будущемъ, но подобные случаи къ пораженію не часто представляются. Надѣюсь, что Липранди будетъ остороженъ». 19 Января начальникомъ Мало-Валахскаго отряда былъ назначенъ ген. Липранди, а Анрепъ отрѣшенъ отъ командованія, при отступленіи же русской арміи изъ Дунайскихъ княжествъ ему поручено было начальство надъ арріергардомъ [1]).

Графъ П. Х. Граббе въ своей записной книжкѣ отмѣтилъ: «Дѣло подъ Калафатомъ генерала Анрепа навело грусть на дворъ и общество. Потеря наша огромна, 2025 человѣкъ изъ строя выбыло. Распоряженія, очевидно, нелѣпы» [2])...

По возвращеніи арміи въ предѣлы Россіи, Анрепъ былъ отчисленъ въ свиту; 17 Августа 1858 г. пожалованъ орд. св. Александра Невскаго съ алмазами, а 17 Апрѣля 1860 г. произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи [3]).

---

1) Р. Архивъ, 1884/II, 336.
2) Біогр. Словарь Имп. Истор. общ., II, 206.
3) Меньковъ, Записки, I, 39.
4) Біогр. Словарь, II, 206.

1) Богдановичъ, Восточная война, I, 97, 124, 164, 180—184; II, 117; Меньковъ, I, 74, 85, 86, 171; Р. Стар., 1893/IX, 541.
2) Р. Архивъ, 1889/IV, 557.
3) Біогр. Словарь, II, 206.

Весьма расположенный къ Анрепу, Филипсонъ такъ характеризуетъ своего бывшаго начальника: онъ былъ рыцарь—но не печальнаго образа. Высокій ростомъ, прекрасно сложенный, съ чертами лица пріятными и выразительными, онъ имѣлъ манеры изящныя, держалъ себя благородно и независимо. Въ его выраженіи было всегда что-то восторженное. Вообще воображеніе уносило его часто за предѣлы дѣйствительности. Оставаясь одинъ, онъ нерѣдко видѣлъ то, чего передъ нимъ не было, велъ разговоръ вслухъ и произносилъ цѣлые монологи съ живой жестикуляціей. Умственныя способности и образованіе были не выше средняго уровня. Во всѣхъ дѣлахъ онъ прежде всего привязывался къ мелочамъ, изъ-за которыхъ ему не всегда видна была самая важная сторона дѣла. Онъ былъ честенъ и храбръ, опасность для него не существовала. Мнѣ случалось видѣть его подъ градомъ пуль, окруженнаго убитыми и ранеными, разговаривающаго спокойно и съ досаднымъ добродушіемъ. Анрепъ былъ добръ и со всѣми учтивъ. Я сказалъ бы, что онъ былъ и справедливъ, если бы онъ не былъ пристрастенъ къ нѣмцамъ. Вообще онъ былъ остзейскій рыцарь до мозга костей. Въ его гербѣ было множество предметовъ, о которыхъ онъ мнѣ разсказывалъ легенды. На его вопросъ, «какой у меня гербъ?» я отвѣчалъ шутя: «Громъ въ чистомъ полѣ». —«То-есть туча и молнія?»—«Ничего нѣтъ: просто громъ».—«Гм! значитъ, у васъ совсѣмъ нѣтъ герба!» Это, кажется, его очень удивило» [1]).

Тотъ же Филипсонъ разсказываетъ, что, Н. Н. Раевскій, служившій вмѣстѣ съ Анрепомъ адъютантомъ у Дибича, характеризовалъ его словами: «C'est un mouton qui rêve» [2]). Н. Н. Муравьевъ-Карсскій (въ 1845 г.) «считалъ Анрепа истинно честнымъ человѣкомъ, неспособнымъ ко лжи», но, когда тотъ пускался въ разсужденія о Ермоловѣ, говоря, что тотъ своими поступками и жестокостями на Кавказѣ повредилъ русскому дѣлу, напугавъ горцевъ, Муравьевъ называлъ это «сужденіемъ глупымъ, давно осмѣяннымъ и отвергнутымъ» [3]). Желчный Меньковъ считаетъ Анрепа «нѣмецкой бездарностью, проникнутой неимовѣрной увѣренностью въ собственныхъ достоинствахъ, которыхъ не имѣлъ... это былъ типъ недоученнаго нѣмца, случайно попавшаго въ герои. Съ красивой наружностью, съ взъерошеннымъ на лбу хохломъ, съ шашкой черезъ плечо и съ пистолетомъ за поясомъ, явился нашъ Мюратъ-наѣздникъ передъ войскомъ!» [4]).

При сужденіи о странностяхъ Анрепа, кажется, нужно принимать во вниманіе и то, что его старшій братъ (Романъ) страдалъ явнымъ проявленіемъ сумасшествія и во время одного изъ припадковъ погибъ въ болотѣ близъ Серпухова (1828 г.), при чемъ за нимъ не признавали «обширнаго ума и тогда, когда онъ не лишался еще онаго» [1]).

Съ 28 Октября 1832 г. Анрепъ былъ женатъ на графинѣ Цециліи-Филиппинѣ Эльмптъ (р. 30 Января 1810 г., † 5 Сент. 1892 г.) и 6 Мая 1853 г. былъ возведенъ въ графское Россійской Имперіи достоинство, съ присоединеніемъ фамиліи жены. Дѣти ихъ: 1) Романъ [2]) (Рейнгольдъ-Филиппъ-Іоганнъ, р. 1834, † 1888); 2) Жозефина (р. 1836, † 1838); 3) Александрина (р. 1838 г.; за бар. Будбергомъ); 4) Марія (р. 1843 г.; за гр. Кейзерлингомъ); 5) Іосифъ (р. 1844, † 1880); 6) Цецилія (р. 1847 г.; за гр. Кейзерлингомъ) [3]).

Графъ Анрепъ умеръ 28 Іюля 1860 г. [4]).

О супругѣ Анрепа Филипсонъ даетъ такой отзывъ: «Мадамъ Анрепъ, урожденная графиня Эльмптъ, очень умная великосвѣтская дама. При дворѣ и въ петербургской аристократіи у нея было много короткихъ связей, черезъ которыя она много разъ умѣла выручать своего мужа изъ неловкихъ положеній. Вообще она имѣла на него большое, но не дурное вліяніе. Она была уже не первой молодости, но сохранила свѣжесть и миловидность Бальзаковской 30-лѣтней красавицы. Когда семейство Анрепа пріѣхало въ Керчь, я бывалъ у нихъ почти каждый день и всегда видѣлъ между супругами дружбу и полнѣйшую гармонію. Дѣти у нихъ были прекрасныя, и мать ихъ очень хорошо вела, хотя не совсѣмъ одинаково любила». Жили супруги «прилично, но расчетливо и совершенно по-нѣмецки» [5]).

И. Поповъ.

Князь Георгій Константиновичъ Ипсиланти 1-й, 1795 — 1829, былъ третій сынъ бѣжавшаго въ Россію валахскаго господаря. Онъ получилъ домашнее образованіе; въ его формулярѣ отмѣчено, что онъ «по-россійски, по-французски и по-гречески, исторіи, географіи и арифметики, геометріи и алгебры знаетъ». 28 Мая 1815 г. онъ поступилъ на службу въ Кавалергардскій полкъ корнетомъ; въ 1817 г.

---

[1]) Р. Архивъ, 1884/I, 201.
[2]) Тамъ же, 1883/VI, 355.
[3]) Тамъ же, 1895/III, 342 и 343.
[4]) Меньковъ, I, 39, 76.

[1]) Р. Архивъ, 1893/II, 340.
[2]) Кавалергардъ; см. Сборникъ біографій кавалергардовъ, IV.
[3]) Свѣдѣнія, сообщ. г.-м. Пашковымъ.
[4]) Тамъ же.
[5]) Р. Арх., 1884/I, 201; II, 333.

произведенъ въ поручики, въ 1819 г. — въ шт.-ротмистры.

Въ 1818 г. Георгій Ипсиланти, по убѣжденію своего брата Николая, вступилъ въ члены Этеріи. Въ 1820 г., Февраля 14, онъ былъ уволенъ въ шестимѣсячный отпускъ для излѣченія болѣзни и отправился вмѣстѣ съ своими братьями, Александромъ и Николаемъ, на югъ Россіи для приготовленія къ возстанію въ Дунайскихъ княжествахъ. Прежде чѣмъ принять открытое участіе въ возстаніи, Г. Ипсиланти, не прибывая изъ отпуска, подалъ 8 Сентября прошеніе объ отставкѣ и 20 Октября былъ уволенъ отъ службы, «по домашнимъ обстоятельствамъ», ротмистромъ. При переправѣ черезъ Прутъ въ Февралѣ 1821 г. Г. Ипсиланти слѣдовалъ за своимъ братомъ Александромъ. Во время военныхъ дѣйствій въ княжествахъ онъ находился при своемъ старшемъ братѣ, числясь въ рядахъ «Священной дружины». Послѣ пораженія этеристовъ при Драгачанѣ Г. Ипсиланти вмѣстѣ съ братьями бѣжалъ въ Австрію, гдѣ шесть лѣтъ содержался, какъ государственный преступникъ, сначала въ Мункачѣ, а съ 1823 г.— въ Терезіенштадтѣ. Въ Ноябрѣ 1827 г. онъ вмѣстѣ съ братьями былъ выпущенъ на свободу, но ему былъ запрещенъ въѣздъ въ Россію. Послѣ смерти своего старшаго сына, княгиня Е. Ипсиланти, въ Мартѣ 1828 года, обратилась къ Императору Николаю I съ письмомъ, въ которомъ просила о дозволеніи ея сыновьямъ въѣзда въ Россію. Съ подобнымъ же письмомъ она обратилась и къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ Апрѣлѣ 1828 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на въѣздъ въ Россію князей Георгія и Николая Ипсиланти, при чемъ они были поставлены подъ надзоръ мѣстныхъ властей.

Князь Георгій Ипсиланти былъ женатъ на княжнѣ Маріи Мурузи, дочери казненнаго въ 1821 г. великаго драгомана кн. Константина Мурузи, и имѣлъ отъ нея одну дочь Софію, вышедшую впослѣдствіи замужъ за графа Рома [1]).

Князь Николай Константиновичъ Ипсиланти 2-й, 1796—, былъ младшимъ въ своей семьѣ. Подобно братьямъ, онъ получилъ хорошее домашнее образованіе. Былъ очень красивъ, ловокъ и считался блестящимъ танцоромъ: на балу у ген. Инзова, въ Кишиневѣ, онъ, по отзывамъ очевидцевъ, «превзошелъ всѣхъ поляковъ мазуркой».

---

[1]) Полк. арх.; М. арх. М. И. д., II—11—1826—120; Bizo-Ran gabé, «Livre d'or de la noblesse Phanariote», 154 et 155.

28 Мая 1815 г. Н. Ипсиланти поступилъ на службу въ Кавалергардскій полкъ корнетомъ; въ 1817 г. произведенъ въ поручики, въ 1819 г.—въ шт.-ротмистры; 25 Августа 1818 г. назначенъ адъютантомъ къ ген.-отъкав. Раевскому. Н. Ипсиланти рано вступилъ въ число масоновъ; въ 1818 г. онъ состоялъ казначеемъ ложи «Сѣверныхъ друзей». Въ томъ же 1818 г. онъ сдѣлался членомъ Этеріи. Его привлекъ въ нее братъ его зятя, Гаврiилъ Катакази, въ Кишиневѣ. Получивъ отъ Катакази «чинъ» пріема въ члены Этеріи, Ипсиланти «съ жаромъ разспрашивалъ его объ организаціи и верховной главѣ этого общества», но Катакази отвѣчалъ, что онъ ничего болѣе не знаетъ, такъ какъ и его «учитель» не сообщилъ ему ничего иного. Ипсиланти не удовольствовался этимъ отвѣтомъ; онъ отправился въ Одессу, чтобы узнать подробности объ организаціи Этеріи. Несмотря на безуспѣшность этихъ разысканій, онъ весь отдался дѣлу пропаганды: подъ его вліяніемъ въ члены Этеріи поступили братья его, Димитрій и Георгій, постельникъ молдавскаго господаря Ризосъ Нерулосъ, племянникъ того же господаря Григорій Сутцо и секретарь А. Ипсиланти Маносъ. Онъ пытался, хотя и безуспѣшно, привлечь въ Этерію и А. Ипсиланти.

Въ 1820 г. Н. Ипсиланти вмѣстѣ съ своими братьями отправился на югъ Россіи. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ возстанію и, между прочимъ, имѣлъ въ Скулянахъ свиданіе съ Ризосомъ по дѣламъ Этеріи. Въ Февралѣ 1821 г. вмѣстѣ съ братомъ Александромъ онъ перешелъ Прутъ, не запасшись даже какимъ-нибудь документомъ въ родѣ паспорта, какой имѣлся у его брата. Послѣ этого 22 Апрѣля онъ былъ исключенъ изъ списковъ русской арміи. Во время военныхъ дѣйствій Н. Ипсиланти состоялъ въ рядахъ «Священной дружины» и съ этой дружиной при Драгачанѣ поддержалъ Каравія въ его безразсудномъ нападеніи на турокъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ сражался съ отчаянной храбростью, и Георгаки, чтобы заставить его отступить, насильно поворотилъ его коня и увлекъ къ его старшему брату. Вмѣстѣ съ братьями Н. Ипсиланти бѣжалъ въ Австрію и раздѣлилъ съ ними тюремное заключеніе. Онъ умеръ вскорѣ послѣ своего освобожденія [1]).

---

[1]) Полк. архивъ, 1820 г.; Mendelssohn-Bartholdy, «Geschichte Griechenlands», I, 138, 139, 147, 151, 171; Труды Бессарабск. Арх. Ком., I, 134; Soutsos, «Histoire de la révolution grecque», 29—32; «Чтенія», 1864, II, 136 и 137; Tableau de la grande loge Astrée pour l'an 58, p. 173; Заболоцкій, «Гр. Киселевъ», IV, 12.

Александръ Александровичъ Хвостовъ, 1788—1855, сынъ сек.-майора Александра Ивановича и его жены Екатерины Алексѣевны, рожденной Шельтингъ, въ службѣ съ 1803 г. въ департаментѣ министра Финансовъ, гдѣ 31 Декабря того же года колл. регистраторомъ, въ 1804 г. губернск. секретаремъ. Въ 1806 г. (31 Декабря 1805 г.) Хвостовъ былъ командированъ въ отправленное въ Китай посольство, а оттуда возвратился 14 Мая 1807 г. и опредѣленъ журналистомъ въ Горный департаментъ и произведенъ титул. совѣтникомъ; 7 Марта 1808 г. переведенъ для наблюденія за школами на Богословскіе заводы, съ производствомъ въ 8-й классъ, а затѣмъ, 7 Сент. 1809 г., чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ Финансовъ и награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст.; 22 Іюня 1810 г. опредѣленъ секретаремъ при директорѣ Горнаго департамента. 18 Мая 1813 г. Хвостовъ опредѣленъ шт.-ротмистромъ въ Гродненскій гус. полкъ и 30 Ноября того же года назначенъ адъютантомъ къ генералу Кологривову; 10 Декабря 1815 г. переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Кавалергардскій полкъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ нач. штаба Гвард. корпуса Сипягину; въ 1818 г. произведенъ ротмистромъ, а 24 Февр. 1820 г. уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, полковникомъ.

Женатъ былъ съ 21 Февр. 1826 г. на Маріи Ивановнѣ Пашковой (р. 1791 г.). Имѣлъ въ Прилукскомъ повѣтѣ Полтавской губерніи 300 душъ [1]).

Александръ Алексѣевичъ Бехтѣевъ, 1795—, изъ дворянъ Покровскаго у., Владимірской губ., родился 1 Апрѣля 1795 г. и 2 Іюля 1812 г. поступилъ студентомъ въ Московскій университетъ; 10 Января 1813 г. произведенъ корнетомъ въ конный полкъ Костромского ополченія; 13 Марта назначенъ адъютантомъ къ г.-л. Бардакову; 27 Августа переведенъ во 2-й пѣх. полкъ того же ополченія, съ оставленіемъ адъютантомъ; 4 Марта 1814 г. переведенъ въ Орденскій кирас. полкъ и награжденъ орд. св. Анны 4 ст.; 10 Декабря 1815 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; 1 Іюня 1816 г. назначенъ шефскимъ адъютантомъ къ Ф. П. Уварову, въ 1817 г. поручикомъ, въ 1819 г. шт.-ротмистромъ, въ 1821 г. находился при Уваровѣ въ Лайбахѣ во время конгресса, въ 1822 г. ротмистромъ, въ 1823 г. награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. Въ 1823 г., 11 Ноября, Бехтѣевъ былъ уволенъ отъ военной службы за болѣзнью колл. совѣтникомъ, съ причисленіемъ къ Иностранной коллегіи, и 6 Декабря того же года пожалованъ камергеромъ. 31 Декабря 1825 г. Высочайшимъ указомъ повелѣно «находиться при особѣ Его Величества по дѣламъ Собственной Е. В. Канцеляріи»; въ 1826 г. награжденъ орд. св. Анны 2 ст., въ 1827 г.—брильянтовымъ перстнемъ. Въ 1828 г. уволенъ по болѣзни въ отпускъ за границу на 6 мѣсяцевъ, съ пожалованіемъ 1000 червонныхъ; въ 1829 г. пожалованъ перстнемъ съ вензелемъ Государя и произведенъ въ статскіе совѣтники; въ 1830 г. награжденъ орд. св. Анны 2 ст. съ Имп. короною. 28 Ноября 1830 г. Бехтѣевъ былъ назначенъ управляющимъ канцеляріей назначеннаго временнымъ Подольскимъ и Волынскимъ ген.-губернаторомъ ген.-ад. Потемкина. По смерти Потемкина и назначеніи на его мѣсто В. В. Левашева, Бехтѣевъ былъ командированъ въ Каменецъ-Подольскъ для удостовѣренія въ расположеніи умовъ въ сей губерніи и для подряда отъ дворянства воловъ на мясную порцію дѣйствующей арміи, а затѣмъ возвратился въ Петербургъ и 20 Апрѣля 1831 г. награжденъ орд. св. Владиміра 3 ст. Затѣмъ онъ былъ назначенъ по случаю холеры «попечителемъ здороваго состоянія жителей Петергофской дороги», а 9 Августа назначенъ правителемъ дѣлъ Высоч. учрежденной комиссіи для изслѣдованія бунта Новгородскихъ военныхъ поселеній, но уже 12 Сентября, «по приключившейся тяжкой болѣзни, получилъ Высочайшее соизволеніе изъ Новгорода возвратиться въ Петербургъ». 1 Мая 1832 г. Бехтѣевъ былъ уволенъ за границу впредь до излѣченія болѣзни, гдѣ еще находился въ Сентябрѣ 1836 г.

Участвовалъ въ 1813 г. въ блокадѣ Глогау; 20 Февраля 1814 г. отправленъ курьеромъ къ Государю и оставленъ при Главной квартирѣ.

Вернулся изъ Франціи въ Россію со своимъ полкомъ, а 19 Іюня 1814 г. вновь выступилъ въ походъ во Францію и участвовалъ въ смотру

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1818 г., кн. 2080; Руммель и Голубцовъ, II, 585 и 586.

при Вертю, послѣ чего вернулся съ полкомъ въ Россію.

Былъ женатъ на Прасковьѣ Григорьевнѣ Демидовой [1]).

Александръ Юрьевичъ Поливановъ 1-й, 1795 —, изъ Калужскихъ дворянъ, сынъ сослуживца Суворова, георгіевскаго кавалера ген.-майора Юрія Игнатьевича († 4 Января 1813 г.) и жены его Анастасіи Михайловны, рожд. Свѣчиной († 4 Сент. 1814 г.), 4 Апрѣля 1814 г. поступилъ эст.-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ, съ прикомандированіемъ къ Дворянскому эскадрону; 18 Декабря 1815 г. произведенъ въ корнеты, въ 1817 г. въ поручики, въ 1819 г. въ шт.-ротмистры; 18 Февраля 1820 г. переведенъ майоромъ въ Московскій драг. полкъ, а 2 Апрѣля 1823 г. уволенъ отъ службы, за болѣзнью, подполковникомъ. Женатъ не былъ. Погребенъ у церкви въ с. Никольскомъ. За отцомъ Поливанова состояло 185 душъ въ с. Никольскомъ Малоярославецкаго уѣзда [2]).

Егоръ Ивановичъ Пашковъ 3-й, 1795—, сынъ Ивана Александровича (1758—1828), наслѣдовавшаго земли и заводы извѣстнаго богача Твердышева, и Евдокіи Николаевны Яфимовичъ (1770—1838). У И. А. Пашкова было 9 дѣтей, изъ которыхъ Егоръ Ивановичъ былъ третьимъ по старшинству. Второй, Андрей, служилъ въ кавалергардахъ. Изъ его сестеръ двѣ были замужемъ за кавалергардами: Марія — за А. А. Хвостовымъ и Варвара — за кн. В. П. Долгоруковымъ. Въ Февралѣ 1819 г. Е. И. Пашковъ женился на дочери д. с. с. Ольгѣ Алексѣевнѣ Панчулидзевой, извѣстной своею красотой. Отъ этого брака родились дѣти: Алексѣй (кавалергардъ) [1]), Иванъ, Авдотья (замужемъ за ген.-ад. Д. В. Путятой), Софія (замужемъ за кавалергардомъ М. Е. Криштофовичемъ) [2]) и Ольга (замужемъ за об.-гофмейстеромъ А. П. Озеровымъ).

14 Февраля 1814 г. Е. И. Пашковъ поступилъ на службу юнкеромъ въ Гродненскій (Клястицкій) гус. полкъ; 14 Апрѣля того же года переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; 22 Января 1815 г. произведенъ въ эст.-юнкера, 18 Декабря того же года въ корнеты, а чрезъ $1^1/_2$ года, 1 Іюля 1817 г., переведенъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ; въ 1819 г. назначенъ адъютантомъ къ гр. П. А. Толстому, командиру корпуса въ Москвѣ. Въ должности адъютанта Пашковъ состоялъ семь лѣтъ и въ это время былъ произведенъ въ шт.-ротмистры (1819 г.), ротмистры (1823 г.) и въ полковники (1826 г.), съ переводомъ въ Иркутскій гус. полкъ, откуда въ томъ же году переведенъ въ Павлоградскій гус. полкъ. 1 Октября 1827 г. Пашковъ былъ назначенъ командиромъ Павлоградскаго гус. полка, съ которымъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1828 и 1829 гг. въ дѣлахъ подъ Силистріей (25 Сентября и 6 Окт.). Въ концѣ Октября пришлось снять осаду крѣпости и 27 Октября отойти за Дунай. Къ 20 Декабря Пашковъ привелъ свой полкъ къ кр. Журжѣ, при которой оставался до 27 Февр. 1829 г. Затѣмъ Павлоградскій

полкъ отступилъ въ Валахію, гдѣ расположился у Могурлы-Сербы на зимнихъ квартирахъ. Только 23 Мая Пашковъ снова подсту-

---

[1]) Полк. архивъ; Арх. Собств. Е. И. В. канцеляріи; Архивъ М. И. д., Ouvaroff, 1821 г., № 3333; Собраніе П. Я. Дашкова.

[2]) Леф. арх., Форм. сп. 1822 г., кн. 4665; Селивановъ, Родъ Поливановыхъ, 27, 36; Свѣдѣнія, сообщ. Е. Поливановой.

[1]) См. Сборникъ біографій кавалергардовъ, кн. IV.

[2]) Тамъ же.

пилъ съ полкомъ къ Силистріи, переправившись здѣсь черезъ Дунай, и въ ночь на 24-е принялъ участіе въ отбитіи непріятельской вылазки. Затѣмъ онъ участвовалъ въ Кулевчинскомъ бою и получилъ орд. св. Анны 2 ст. съ Имп. короной.

Несмотря на одержанную побѣду, Дибичъ болѣе мѣсяца оставался у Шумлы и лишь въ началѣ Іюля двинулся черезъ Балканы. Пашковъ съ своимъ полкомъ 10 Іюля переправился черезъ Камчикъ у д. Чалы-Малы и отсюда двинулся къ кр. Миссевріи, расположенной на берегу Чернаго моря. Вся наша армія придвинулась къ морю, пройдя въ девять дней 175 верстъ по незнакомой и трудно проходимой мѣстности, разсѣявъ непріятельскіе отряды. 13 Іюля павлоградцы прибыли въ Румеликіой, гдѣ простояли до 19 Іюля, послѣ чего началось движеніе на Адріанополь. 30-го Пашковъ со своими гусарами былъ уже подъ м. Ошларомъ и на другой день участвовалъ въ сраженіи при занятіи г. Сливно. Во время наступленія на Адріанополь Пашковъ участвовалъ: 2 Авг.—въ экспедиціи къ г. Казану и въ дѣлѣ подъ Башки-Жерве, 3-го—при взятіи Казана, съ 5-го по 8-е — въ походѣ къ Адріанополю, который безъ боя сдался на капитуляцію.

Гусары Пашкова 14-го выступаютъ по Константинопольской дорогѣ, 16-го они въ г. Кирклисѣ, 17-го — при с. Бунарѣ и 25-го съ другими частями 2-го корпуса занимаютъ г. Визу. Здѣсь остановилось дальнѣйшее движеніе нашей арміи: начались переговоры о мирѣ, который 2 Сентября, наконецъ, былъ подписанъ. Несмотря на это, Мустафа-паша Скодрскій, не принимавшій до сихъ поръ никакого участія въ теченіе всего похода, внезапно двинулся съ 30/т. корпусомъ албанцевъ, изъ окрестностей Виддина къ Софіи и далѣе въ Румелію, вслѣдствіе этого и русскія войска возобновили наступленіе. Пашковъ въ составѣ своей бригады принялъ участіе въ экспедиціяхъ: 6 Сентября—подъ с. Іени, 16-го—въ Кирклисѣ, 18-го—подъ Адріанополь, 20-го—къ кр. Демотику и далѣе къ с. Кіопли, а оттуда обратно къ Демотику, 29-го—подъ м. Чермень и, наконецъ, 30-го—подъ м. Мустафы-Паши, откуда возвратился къ Адріанополю. Напряженная дѣятельность въ теченіе послѣдняго періода кампаніи и неблагопріятныя климатическія условія отразились на здоровьи Пашкова: въ Адріанополѣ онъ заболѣлъ и долженъ былъ пробыть тамъ цѣлый мѣсяцъ. По выздоровленіи, 1 Ноября, отправился онъ въ предѣлы Россіи, куда и прибылъ 18 Ноября.

Прошелъ годъ, и Пашкову снова пришлось готовить свой полкъ къ войнѣ. Неожиданно вспыхнуло польское возстаніе въ Ноябрѣ 1830 г. Пашковъ съ полкомъ вступилъ 21-го Марта въ Царство Польское.

По выступленіи изъ Плоцка къ Осѣку, Павлоградскіе гусары съ двумя сотнями казаковъ образовали партизанскій отрядъ, подъ командою ген. кн. Гагарина [1]). Въ Ловичѣ Павлоградскій полкъ былъ раскомандированъ. Вслѣдствіе этого Пашковъ, по приказанію фельдмаршала Паскевича, былъ назначенъ состоять при начальникѣ Главнаго штаба арміи Толѣ. 3 Августа Пашковъ принялъ участіе при вытѣсненіи изъ д. Шиманова корпуса Ромарино.

Во время штурма Варшавскихъ укрѣпленій и самаго города (25 и 26 Авг.) Пашковъ состоялъ при Толѣ, который 26 Августа, вслѣдствіе контузіи Паскевича, сталъ неограниченнымъ распорядителемъ дѣла. За взятіе Варшавы Пашковъ былъ награжденъ орденомъ Станислава 3 ст.

Въ Сентябрѣ Пашковъ состоялъ въ главной арміи и участвовалъ въ движеніи ея отъ Варшавы для преслѣдованія остатковъ польской арміи Рыбинскаго; 20 Сентября Пашковъ прибылъ въ Раціонжъ, 21-го въ авангардѣ силъ перешелъ къ Пезуню.

27 Сентября Пашковъ повелъ свой полкъ въ Калишское воеводство, гдѣ павлоградцы и размѣстились на зимнихъ квартирахъ.

Двѣ кампаніи, въ Турціи и Польшѣ, отозвались на здоровьи Пашкова, которое снова пошатнулось: 26 Дек. 1831 г. для излѣченія болѣзни онъ отправился въ отпускъ на 4 мѣсяца, по истеченіи которыхъ былъ уволенъ еще на 5 мѣсяцевъ, но изъ этого отпуска къ полку уже болѣе не возвращался: приказомъ 25 Дек. 1832 г. онъ, за болѣзнью, былъ уволенъ отъ службы ген.-майоромъ, съ мундиромъ и пенсіею.

Графъ М. Д. Бутурлинъ въ своихъ «Запискахъ» не разъ упоминаетъ о Пашковѣ, который командовалъ Павлоградскими гусарами, когда въ томъ же полку Бутурлинъ служилъ юнкеромъ. По словамъ послѣдняго, Пашковъ является не особенно симпатичнымъ человѣкомъ и начальникомъ. «Пашковъ, какъ всѣ почти выскочки изъ адъютантовъ», говоритъ Бутурлинъ, «былъ новичкомъ по фронтовой части; были у него хорошія стороны, но вредили ему мелочность, педантство, а болѣе всего упрямство въ характерѣ. Онъ имѣлъ бѣльмо на одномъ глазу, случившееся, по словамъ иныхъ, отъ неосторожности старшаго его брата Андрея, задѣвшаго его концомъ арапника при выѣздкѣ молодыхъ лошадей въ манежѣ, когда еще оба брата были въ лейбъ-Гусарскомъ полку». Дальше гр. Бутурлинъ

---

[1]) См. біогр. кн. Ф. Ф. Гагарина.

приводитъ нѣсколько эпизодовъ, имѣвшихъ мѣсто при немъ въ Павлоградскомъ полку и характеризующихъ отчасти Пашкова, хотя, можетъ-быть, авторъ «Записокъ», предубѣжденный противъ него, нѣсколько пристрастно осуждаетъ своего командира и подчеркиваетъ поступки послѣдняго: въ одномъ случаѣ Пашковъ предалъ суду офицера Ломоносова, который весьма прозрачнымъ намекомъ назвалъ его невѣжей; въ другомъ—онъ назначилъ на службу рядовыми юнкеровъ гр. Бутурлина и Раевскаго за нарушеніе чинопочитанія въ отношеніи къ офицеру; наконецъ, въ третьемъ случаѣ онъ замѣтилъ разъѣзжавшаго по городу въ коляскѣ того же юнкера гр. Бутурлина, который, подъ видомъ больного, проживалъ въ Бухарестѣ (во время Турецкой войны, 1828 и 1829 гг.), чтобы избѣжать стоянки въ Журжѣ; желая настичь виновнаго, Пашковъ вбѣжалъ въ домъ, во дворѣ котораго удачно скрылся Бутурлинъ. Графъ и за это винитъ своего полковника, упрекая въ «мелочномъ милитаризмѣ» Пашкова.

Во время Польской кампаніи 1831 г. Пашковъ, безъ вѣдома Бутурлина, произвелъ жестокую экзекуцію надъ его крѣпостнымъ человѣкомъ, нагрубившимъ кому-то изъ офицеровъ. Узнавъ объ этомъ, Бутурлинъ выразилъ Пашкову свое неудовольствіе за подобное самоуправство. Командиръ отвѣтилъ, что онъ непосредственный начальникъ всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ его полка. Слово за слово — и дѣло кончилось тѣмъ, что подъ угрозой за ослушаніе быть представленнымъ по командѣ, Бутурлинъ долженъ былъ «уступить субординаціи», а затѣмъ и вовсе оставить полкъ. Черезъ два года послѣ этого, когда оба уже были въ отставкѣ, они встрѣтились въ Москвѣ — и все прежнее было забыто. «Безспорно, онъ былъ тяжелый по службѣ человѣкъ и педантъ», заключаетъ свое мнѣніе гр. Бутурлинъ, «но я былъ во всемъ виноватъ передъ нимъ.... А что Пашковъ былъ не дурнымъ человѣкомъ или предубѣжденнымъ заранѣе противъ меня, стоитъ только вспомнить, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ я находился съ нимъ и со всѣмъ его семействомъ въ первое время юнкерской моей службы въ Орлѣ» [1]).

В. Жерве.

---

[1]) Полк. архивъ; Указъ объ отставкѣ; Соловьевъ, II, 814—817; IV, 186 и 187; Лобановъ-Ростовскій, II, 80; Леeръ, «Обзоръ войнъ», IV, 324, 419, 471 и 483; Пузыревскій, «Польско-Русская война 1831 г.»; кн. Щербатовъ, «Фельдм. Паскевичъ»; Военный Сборникъ; Зап. гр. М. Д. Бутурлина, Р. Арх., 1897/VI, 186, 200 и друг.; Р. Стар., 1895/XI, 178; Манзей, III, 90.

Устинъ Ивановичъ Араповъ 1-й, изъ Тамбовскихъ дворянъ, началъ службу 24 Апрѣля 1814 г. въ Кавалергардскомъ полку юнкеромъ, 22 Января 1815 г. эст.-юнкеромъ и 8 Декабря того же года корнетомъ. Произведенный въ 1817 г. въ поручики, онъ въ 1818 г. былъ назначенъ адъютантомъ къ ген.-ад. графу Ламберту; въ 1819 г. произведенъ шт.-ротмистромъ, въ 1822 г. ротмистромъ, въ 1823 г. награжденъ орд. св. Анны 3 ст.; 2 Апрѣля 1826 г. отчисленъ во фронтъ, а черезъ двѣ недѣли назначенъ адъютантомъ къ гр. Витгенштейну, а въ 1827 г. старшимъ адъютантомъ штаба 2-й арміи. Участвовалъ въ Турецкой войнѣ; въ 1828 г. произведенъ въ полковники, и за отраженіе вылазки изъ Шумлы 14 Августа награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Въ 1829 г. отчисленъ по кавалеріи, а въ 1834 г. уволенъ въ отставку генералъ-майоромъ, съ мундиромъ и пенсіей. Во время холеры 1830 г. онъ былъ командированъ губернаторомъ для повѣрки кордона, расположеннаго въ Тамбовской губерніи, а затѣмъ былъ санитарнымъ попечителемъ 3-й части г. Тамбова. Въ 1836 г. Араповъ былъ избранъ Тамбовскимъ уѣзднымъ предводителемъ. На слѣдующее трехлѣтіе онъ былъ избранъ Тамбовскимъ губернскимъ предводителемъ, каковымъ служилъ два трехлѣтія (по 1846 г.). За время своей предводительской службы, Араповъ былъ награжденъ орд. св. Анны 2 ст. (въ 1841 г.) и св. Владиміра 3 ст. «за труды по учрежденію и открытію института благородныхъ дѣвицъ въ Тамбовѣ». Былъ женатъ на дочери г.-л. Сазонова, Маріѣ Ивановнѣ и имѣлъ дѣтей: Александра (1824 — †), Николая (1822 — †; кавалергардъ), Михаила (1829 — †), Кон-

стантина (р. 1832 г.), Евгенія (1833—†), Петра (1834—†; женатъ на Ольгѣ, дочери кавалергарда Андрея Николаевича Арапова), Марію (1837—†), Ивана (1841—†), Сергѣя (1843—†) и Екатерину. Имѣлъ: родовыхъ 320 душъ въ Тамбовскомъ уѣздѣ и 147 душъ въ Судогодскомъ у. Владимірской губ.; благопріобрѣтенныхъ 361 душу въ с. Шнаевѣ Городищенскаго у., Пензенской губ. и 88 душъ въ д. Бурнакъ Тамбовскаго уѣзда, да у жены благопріобрѣтенныхъ 74 души въ с. Богородицкомъ и д. Дубенской Тамбовскаго уѣзда [1]).

Петръ Ивановичъ Араповъ 2-й, 1795—, братъ предыдущаго, 24 Апр. 1814 г. поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; въ 1815 г. произведенъ въ эст.-юнкера, и въ томъ же году 18 Дек. въ корнеты, въ 1818 г. въ поручики и назначенъ дивизіоннымъ адъютантомъ 1-й Кирасирской дивизіи; въ 1819 г. произведенъ въ шт.-ротмистры, въ 1822 г. въ ротмистры. Въ 1824 г. переведенъ подполковникомъ въ Конно-егерскій короля Виртембергскаго полкъ (Лифляндскій), а въ 1826 г. уволенъ отъ службы полковникомъ, съ мундиромъ. Былъ женатъ на дочери майора Елизаветѣ Сергѣевнѣ Сафоновой, вторымъ бракомъ за Петромъ Нилов. Чернышевымъ (1800—1839) [2]).

[1]) Полк. архивъ; Арх. мин. Вн. д., св. 26.

[2]) Леф. арх., Форм. сп. 1825 г., кн. 6899; Лобановъ-Ростовскій, II, 358.

Василій Дмитріевичъ Чертковъ 2-й, 1796—1828 [1]), изъ древняго русскаго дворянскаго рода, родился 11 Апрѣля 1796 г. и былъ сынъ ген.-майора Дмитрія Васильевича (1763—1835) и второй жены его Любови Петровны, рожденной Козляниновой (1778—1806). 5 Августа 1812 г. Чертковъ поступилъ на службу прапорщикомъ въ Московское ополченіе, а послѣ его роспуска, 4 Декабря 1813 г., перешелъ въ Одесскій пѣх. полкъ. 20 Декабря 1815 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ. Въ кавалергардахъ онъ прослужилъ всего полгода и 3 Іюня 1816 г. переведенъ въ 3-й Украинскій казачій полкъ поручикомъ, въ 1818 г. произведенъ въ шт.-ротмистры; 4 Іюля 1820 г. переведенъ въ Московскій пѣх. полкъ, а меньше чѣмъ черезъ годъ переведенъ, 3 Марта 1821 г., въ Ямбургскій уланскій полкъ и 15 Февраля 1822 г. уволенъ отъ службы ротмистромъ.

Умеръ 22 Апрѣля 1828 г., не будучи женатъ [2]).

Сергѣй Николаевичъ Мухановъ, 1796—1858, изъ старинnаго дворянскаго рода, сынъ отставного бригадира, Богородскаго предводителя дворянства Николая Ильича († 1843 г.) отъ перваго его брака съ Анной Сергѣевной Кологривовой, родился 22 Іюня 1796 года; на 18 году (28 Марта 1814 года) поступилъ на службу юнкеромъ въ резервные эскадроны Кавалергардскаго полка. 22 Января 1815 г. Мухановъ былъ произведенъ въ эст.-

[1]) Лобановъ-Ростовскій, II, 363 и 364; самъ В. Д. Чертковъ показалъ въ своемъ прошеніи, въ Сентябрѣ 1821 г., 28 лѣтъ, т.-е. годъ рожденія 1793.

[2]) Леф. арх., Дѣла Инсп. деп. 1822 г., св. 339, д. 209; Лобановъ-Ростовскій, II, 363, 2 изд.

юнкера, а 18 Декабря того же года получилъ первый офицерскій чинъ. 2 Декабря 1817 г. онъ произведенъ въ поручики и 23 Декабря назначенъ адъютантомъ къ ген.-ад. Депрерадовичу. 26 Іюля 1818 г. Мухановъ перемѣщенъ на должность старшаго адъютанта 1-й Кирасирской дивизіи, 9 Ноября 1819 г. произведенъ въ шт.-ротмистры, въ 1821 г. награжденъ орд. св. Анны 3 ст., а въ 1822 г. произведенъ въ ротмистры. Когда Депрерадовичъ, послѣ наводненія 1824 г., былъ назначенъ временнымъ военнымъ губернаторомъ Васильевскаго острова, то Муханову было поручено управлять его канцеляріей. Эту должность онъ исправлялъ съ 10 Ноября 1824 г. по 15 Марта 1826 г., за что былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. (15 Августа 1826 г.). 6 Іюня 1826 г. Мухановъ былъ назначенъ адъютантомъ къ шефу жандармовъ ген.-ад. Бенкендорфу и 16 Октября того же года ему былъ пожалованъ орденъ св. Анны 2 ст. 31 Мая 1827 г. онъ былъ назначенъ и. д. дежурнаго штабъ-офицера Корпуса жандармовъ. Во время войны съ Турціей Мухановъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и за отличіе въ нихъ былъ награжденъ бантомъ къ орд. св. Владиміра и перстнемъ съ вензелемъ Его Величества (31 Мая 1828 г.). Осенью того же года онъ былъ произведенъ въ полковники. Съ 26 Мая 1829 г. по 1 Мая 1830 г. Мухановъ состоялъ приставомъ при турецкомъ посольствѣ и сопровождалъ его изъ Одессы въ Петербургъ; въ награду за исполненіе обязанностей пристава онъ получилъ перстень съ вензелемъ Государя (15 Мая 1830 г.). Еще во время исполненія этихъ обязанностей Мухановъ, 6 Апрѣля, былъ назначенъ и. д. Московскаго оберъ-полицеймейстера, съ зачисленіемъ по кавалеріи. Состоя въ этой должности, онъ былъ пожалованъ 8 Ноября 1830 г. флигель-адъютантомъ [1]).

О дѣятельности Муханова въ качествѣ оберъ-полицеймейстера находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ перепискѣ братьевъ Булгаковыхъ. Старшій изъ нихъ, А. Я., писалъ, что «оберъ-полицеймейстеры Москвы незавидные», говоря о Мухановѣ, у котораго «были нелады» съ ген.-губ. кн. Д. В. Голицынымъ. Въ Декабрѣ 1830 года, тотъ же Булгаковъ, возмущаясь объявленіемъ о снятіи карантиновъ, въ которомъ «смысла нѣтъ и никакъ нельзя понять», прибавлялъ: «Мухановъ опять слегъ, не его это мѣсто!» [2]).

Нѣкоторое понятіе о его дѣятельности даютъ его приказы по полиціи. Когда, въ началѣ 1831 г., въ Москвѣ участились мелкія кражи, и Мухановъ издалъ 10 Января слѣдующій приказъ: «Многія, хотя маловажныя, кражи и шалости даютъ поводъ заключить, что въ городѣ опять появились люди праздные, занимающіеся единственно воровствомъ, а можетъ-быть, они же и безпаспортные, почему предписываю всѣмъ гг. приставамъ и квартальнымъ надзирателямъ обратить особенное вниманіе на изловленіе таковыхъ людей; мѣста ихъ пребыванія должны быть почти извѣстны, стоитъ только нѣсколько сутокъ сряду посѣщать торговыя бани и питейные дома, и тогда они навѣрно попадутся». Изъ другихъ его распоряженій можно отмѣтить предписаніе полиціи слѣдить, чтобы въ питейныхъ домахъ не было женщинъ, и чтобы изъ города не вывозились нечистоты ранѣе 11 часовъ вечера, и запрещеніе старьевщикамъ и барышникамъ торговать старымъ носильнымъ платьемъ на перекресткахъ улицъ, въ трактирахъ и харчевняхъ (такого рода торговля была имъ разрѣшена только на Толкучемъ рынкѣ).

Послѣдній годъ пребыванія Муханова въ должности оберъ-полицеймейстера ознаменовался таинственнымъ дѣломъ, въ которомъ былъ замѣшанъ и онъ самъ. Обнаружено было тайное общество, во главѣ котораго стояли: вольнослушатель Московскаго университета Сунгуровъ, Тамбовскій помѣщикъ Гуровъ и полковникъ Козловъ. Первые два старались сблизиться со студентами и заводили съ ними разговоры о деспотизмѣ и ненависти къ студентамъ Императора Николая Павловича, казнокрадствѣ министровъ, взяточничествѣ чиновниковъ и бѣдствіяхъ народа; сообщали, что тайное общество, къ которому принадлежали декабристы, продолжаетъ существовать и скоро начнетъ дѣйствовать, и приглашали принять въ немъ участіе. Нѣсколько человѣкъ молодежи увлеклись и изъявили согласіе принять участіе въ обществѣ. Одинъ изъ нихъ (Костенецкій) разсказываетъ, что онъ встрѣчалъ у Сунгурова Муханова, съ которымъ, какъ казалось, Сунгуровъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. По словамъ Погодина, заговорщики хотѣли произвести возмущеніе 22 Августа 1832 г., въ день празднованія коронаціи, во время гулянья въ Александровскомъ саду, но главари вовсе не имѣли въ виду политическую цѣль, какъ увѣряли молодежь, а хотѣли, воспользовавшись смятеніемъ, ограбить Опекунскій совѣтъ и скрыться. Ихъ планъ былъ обнаруженъ агентомъ ген.-губернатора, сумѣвшимъ войти въ общество; князь Д. В. Голицынъ энергическими мѣрами предупредилъ ихъ замыселъ. Заговорщики были арестованы. Изъ воспоминаній Костенецкаго узнаемъ, что была учреждена слѣдственная комиссія. Сунгуровъ показалъ, что онъ

[1]) Арх. М. Вн. д., 1851 г., д. 150.
[2]) Р. Арх., 1901/III, 510, 547, 551, 552.

нарочно распространялъ слухи о существованіи тайнаго общества, такъ какъ такимъ путемъ надѣялся напасть на слѣдъ дѣйствительнаго тайнаго общества, существованіе котораго онъ подозрѣвалъ, и завязать съ нимъ сношенія, чтобы потомъ донести о немъ правительству. Его планъ и всѣ дѣйствія, по его словамъ, были извѣстны Московскому оберъ-полицеймейстеру. Но Мухановъ отрицалъ всякую солидарность съ Сунгуровымъ. Когда комиссія хотѣла устроить очную ставку между ними, то Мухановъ заявилъ, что, по важности занимаемаго имъ поста, онъ считаетъ для себя унизительнымъ явиться на очную ставку. Комиссія, какъ слышалъ Костенецкій, сдѣлала представленіе Государю, который отвѣтилъ, что передъ закономъ всѣ равны, и велѣлъ Муханову исполнить требованіе комиссіи. Но и на очной ставкѣ онъ продолжалъ отвергать всѣ показанія Сунгурова. Костенецкій склоняется къ тому мнѣнію, что Сунгуровъ былъ, дѣйствительно, полицейскимъ агентомъ, такъ какъ онъ не былъ похожъ на человѣка, способнаго пожертвовать всѣмъ изъ-за своихъ убѣжденій, но агентомъ настолько плохимъ, что Мухановъ принужденъ былъ отрицать всякую съ нимъ солидарность [1]).

24 Сентября 1833 г. Мухановъ былъ уволенъ, по разстроенному здоровью, къ статскимъ дѣламъ, съ производствомъ въ дѣйств. статскіе совѣтники. Только черезъ $2^1/_2$ года онъ вступилъ въ гражданскую службу и 10 Февраля 1836 г. былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій Министерства Финансовъ, а 20 Ноября того же года былъ перемѣщенъ на должность члена совѣта Министра Финансовъ. 6 Декабря 1839 г. Мухановъ былъ награжденъ орд. св. Владиміра 3 степени.

Служба его въ Министерствѣ Финансовъ продолжалась около 5 лѣтъ, послѣ чего онъ перешелъ въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ и 12 Ноября 1840 г. былъ назначенъ Харьковскимъ гражданскимъ губернаторомъ. 15 Іюня 1842 года Мухановъ былъ переименованъ въ ген.-майоры и назначенъ военнымъ губернаторомъ г. Харькова и Харьковскимъ гражданскимъ губернаторомъ. 1843 годъ былъ ознаменованъ посѣщеніемъ Харькова Государемъ, послѣ чего Муханову было объявлено Высочайшее благоволеніе. Кромѣ того, въ теченіе своей службы въ Харьковѣ онъ еще нѣсколько разъ получилъ знаки Монаршей милости: въ 1843 г. ему было сдѣлана прибавка къ жалованью въ 2000 руб., въ 1845 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 1 ст., въ 1847 г. св. Георгія 4 ст. за 25 лѣтъ службы, 13 Іюня 1848 г. ему было объявлено Высочайшее благоволеніе за сборъ недоимокъ и 6 Декабря того же года пожалованъ орденъ св. Анны 1 степени. Въ качествѣ предсѣдателя попечительства дѣтскихъ пріютовъ онъ удостоился получить отъ Императрицы Александры Ѳеодоровны «искреннюю признательность» (9 Октября 1848 г.) и «истинную признательность и особенное благоволеніе» (5 Ноября 1849 г., уже по удаленіи изъ Харькова).

Время управленія Мухановымъ Харьковской губерніей совпало съ предпринятымъ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ составленіемъ описаній всѣхъ частей, подвѣдомственныхъ этому министерству, и въ 1849 г. онъ представилъ въ министерство сокращенное статистическое обозрѣніе Харьковской губерніи и свѣдѣнія о каждомъ уѣздѣ въ отдѣльности, съ картами уѣздовъ и планами городовъ [1]). 25 Февраля 1849 г. Мухановъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ г. Орла и орловскимъ гражданскимъ губернаторомъ, но въ этой должности пробылъ недолго. 1 Сентября 1851 г. онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ и 3 Декабря былъ уволенъ согласно прошенію отъ службы по разстроенному здоровью, съ производствомъ въ тайные совѣтники и съ пенсіей въ 860 рублей.

Мухановъ происходилъ изъ дворянъ Саратовской губерніи, но большинство его родовыхъ имѣній было сосредоточено въ Симбирской и Тамбовской губерніяхъ. За нимъ числилось всего 2391 душа: въ Симбирской губ. 550 душъ въ Алатырскомъ у. (сельцо Кабачево) и 235—въ Ардатовскомъ, въ Тамбовской—960 душъ родовыхъ и 96 благопріобрѣтенныхъ (д. Сумерки) въ Темниковскомъ у. и 200—въ Тамбовскомъ. Кромѣ того, у него еще было 350 душъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губ.

30 Апрѣля 1830 г. Мухановъ вступилъ въ бракъ съ гр. Минодорой Карловной Сиверсъ (род. 6 Марта 1812 г., ум. 3 Апр. 1858 г.). Отъ этого брака онъ имѣлъ дочь Елену, умершую ребенкомъ въ 1841 г., и 7 сыновей: Николая (р. 1831 г., † 1862 г.), Алексѣя (р. 1832 г., † 1863 г.), Сергѣя (р. 1834 г.), Александра (р. 1835 г., † 1876 г.), Павла (р. 1840 г.), Эмануила (р. 1842 г.) и Якова (р. 1852 г., † 1900 г). Мухановъ скончался 19 Ноября 1858 г. и погребенъ рядомъ съ женой въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ. На его надгробіи, кромѣ датъ, находится только надпись: «Помяни, Господи, раба Твоего Сергія».

Н. Чулковъ.

---

[1]) Р. Арх., 1887/V, 73—77; VI, 235 и 236; Р. Стар., 1889/VII, 149.

[1]) Варадиновъ. «Исторія Мин. Вн. д.», III, кн. 3, 530.

Василій Михайловичъ Бакунинъ, 1791—1863, изъ дворянъ Могилевской губ., сынъ сенатора Михаила Михайловича и жены его Варвары Ивановны, рожд. Голенищевой-Кутузовой; въ 1812 г. поступилъ юнкеромъ въ лб.-гв. Артиллерійскую бригаду; произведенъ прапорщикомъ во 2-ю Резервную арт. бригаду; въ 1813 г. переведенъ подпоручикомъ въ Нарвскій пѣх. полкъ и въ томъ же году въ лб.-гв. Гренадерскій полкъ; за отличіе въ сраженіи подъ Лейпцигомъ произведенъ въ поручики; 23 Декабря 1815 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; въ 1816 г. назначенъ адъютантомъ къ кн. Д. В. Голицыну; въ 1818 г. произведенъ въ шт.-ротмистры, въ 1819 г. въ ротмистры; въ 1824 г. переведенъ полковникомъ въ Екатеринославскій кирасирск. полкъ, въ 1825 г. переведенъ въ Рижскій драг. полкъ; въ 1826 г. утвержденъ командиромъ дивизіона, а затѣмъ эскадрона; въ 1827 г., «по безпрерывной его болѣзни», уволенъ отъ командованія дивизіономъ; въ 1829 году вторично утвержденъ командиромъ дивизіона; въ 1831 г. снова уволенъ отъ командованія дивизіономъ, въ 1832 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью и опредѣленъ въ Комиссаріатскій штатъ. Въ 1833 г. Бакунинъ вторично былъ принятъ на военную службу полковникомъ въ Литовскій уланск. полкъ; въ 1836 г. опредѣленъ членомъ полевого аудиторіата Дѣйствующей арміи, съ зачисленіемъ по кавалеріи; въ 1840 г. уволенъ въ безсрочный отпускъ, а въ 1848 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью генералъ-майоромъ, съ мундиромъ и пенсіей ⅔ жалованья. Участвовалъ въ дѣлахъ 1813 года: при Ютербокѣ (16 Авг.), Грибовѣ (26 Авг.), Штелькендорфѣ (27 Авг.), при взятіи кр. Витенберга (28 Авг.), въ сраженіи подъ Лейпцигомъ (6 и 7 Окт.); въ 1814 г.: при блокадѣ Гамбурга, при взятіи г. Суассона (18 Февр.), подъ Краономъ (22 и 23 Февр.), при Ланѣ (26 Февр.) и при взятіи Парижа (18 Марта). Колонтаева въ своихъ воспоминаніяхъ о с. Спасскомъ разсказываетъ о посѣщеніи имъ матери писателя, В. П. Тургеневой: «Онъ такъ же любезенъ, какъ и его братъ Иванъ Михайловичъ, только моложе и красивѣе его... Онъ былъ статенъ, молодцеватъ, въ гусарскомъ мундирѣ».

Бакунинъ не былъ женатъ [1]).

Илья Ивановичъ Лизогубъ, 1787—1867, изъ Черниговскихъ дворянъ, сынъ Черниговскаго губернскаго предводителя дворянства

(1816—1819) Ивана Ильича (1712—1819) и Анны Васильевны Дунинъ-Борковской.

Въ службѣ съ 25 Ноября 1807 г. юнкеромъ въ лб.-гв. Егерскомъ полку, гдѣ въ 1808 г. портупей-юнкеромъ; 29 Мая 1809 г. произведенъ корнетомъ въ Кирасирскій Военнаго ордена полкъ. Съ этимъ полкомъ Лизогубъ участвовалъ въ Австрійскомъ походѣ 1809 года и въ Бородинскомъ боѣ, гдѣ награжденъ золотою шпагою; за Бауценское сраженіе онъ получилъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ и за Лейпцигское (4 Окт.)—орд. св. Анны 4 ст. Послѣ Лейпцига Лизогубъ былъ ординарцемъ при кн. Д. В. Голицынѣ, а въ 1814 г. ординарцемъ у кронъ-принца Виртембергскаго и 21 Апр. 1814 г. за отличіе произведенъ поручикомъ; 4 Января 1816 г. переведенъ тѣмъ же чиномъ въ кавалергарды; 18 Мая 1817 г. назначенъ адъютантомъ къ гр. Ламберту; въ 1818 г. произведенъ шт.-ротмистромъ; 26 Мая 1819 г. переведенъ адъютантомъ къ кн. Н. Г. Репнину и 14 Августа того же года произведенъ ротмистромъ, а 23 Января 1821 г. уволенъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ полковникомъ, съ мундиромъ. Въ 1819 г. Лизогубъ женился на дочери фельдмаршала гр. Гудовича, фрейлинѣ Елизаветѣ Ивановнѣ († 1872 г.); бракъ бездѣтный. Выйдя въ отставку, Лизогубъ поселился въ своемъ имѣніи м. Седневѣ Черниговскаго уѣзда.

Гудовичъ, недовольный бракомъ своей дочери, лишилъ ее наслѣдства, но послѣ его смерти братья, графы Андрей и Кириллъ Ивановичи, дали сестрѣ имѣніе въ Подольской губерніи.

Въ 1817 г. Лизогубъ поступилъ въ масоны. Онъ былъ красивый, чрезвычайно симпатичный старикъ, производилъ впечатлѣніе мягкаго, добраго человѣка.

---

[1]) Полк. арх., Леф. арх., Форм. сп. 1835 г., кн. 1609; Руммель и Голубцовъ, I, 102 и 103; Колонтаева, Ист. Вѣстн., 1885/IX, 61.

Лизогубъ съ молодыхъ лѣтъ любилъ музыку, много игралъ, къ нему часто наѣзжали музыканты, играли тріо, квартеты. Послѣдніе годы онъ жилъ въ Черниговѣ, и у него постоянно были музыкальные вечера. Онъ былъ очень образованный человѣкъ, много читалъ; онъ хорошо относится къ Тарасу Шевченку, который былъ пріятелемъ его брата Андрея Ивановича (бывшаго при освобожденіи крестьянъ членомъ губернскаго присутствія). Онъ умеръ 80 лѣтъ въ Черниговѣ въ 1867 году и погребенъ въ м. Седневѣ Черниговскаго уѣзда [1]).

Графъ Г. Милорадовичъ.

Иванъ Карловичъ Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ 1-й, 1795—, изъ дворянъ, 1 Декабря 1813 г. поступилъ юнкеромъ въ Запасную артиллерійскую бригаду; 6 Февраля 1814 г. произведенъ порт.-юнкеромъ, а 12 Октября того же года, за отличіе въ сраженіи противъ французовъ, прапорщикомъ, съ переводомъ въ 4-ю Конную роту, въ 1815 г. подпоручикомъ; 9 Января 1816 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ и 23 Мая назначенъ полковымъ адъютантомъ; 15 Іюля произведенъ поручикомъ; 17 Февраля 1817 г. Цесаревичъ предписалъ Лешерна, «какъ болѣе способнаго къ фронтовой службѣ, переименовать во фронтовые офицеры». Въ 1818 г. произведенъ шт.-ротмистромъ, 4 Сентября 1820 г. ротмистромъ, съ переводомъ въ Каргопольскій драг. полкъ подполковникомъ, въ 1830 г., за отличіе въ сраженіи противъ турокъ, произведенъ въ полковники; въ 1834 г. переведенъ въ Харьковскій уланск. полкъ и въ 1836 г. по домашнимъ обстоятельствамъ уволенъ отъ службы генералъ-майоромъ, съ мундиромъ и пенсіей. Затѣмъ, до кончины своей служилъ предсѣдателемъ Орловской казенной палаты.

Находился въ походѣ 1815 г. и былъ на смотру при Вертю; въ кампанію 1828 г. участвовалъ: въ перестрѣлкѣ подъ кр. Турно (9 Іюля); въ дѣлахъ при с. Боелештахъ (14 Сент.), гдѣ, командуя Каргопольскимъ полкомъ, мужественными атаками противъ большихъ турецкихъ колоннъ и пораженіемъ оныхъ обезпечилъ правый флангъ всего отряда и удержалъ оную позицію и награжденъ орд. св. Анны 2 ст.; при занятіи Калифата (12 Окт.). Въ кампанію 1831 г. участвовалъ въ дѣлахъ: при Порецкѣ (30 Марта), при Боремлѣ «въ атакѣ лѣса Свельно, занятаго мятежниками, и вытѣсненіи ихъ» (6 Апр.), при Боршесорѣ (2-е сраженіе при Боремлѣ 7 Апр.), при Люлинской корчмѣ (15 Апр.), при Будзиско (7 Іюня) и при Ожаровѣ и Опатовѣ (26 и 27 Іюля).

Былъ женатъ на Нарышкиной, но бракъ «по резолюціи Юстицъ-Коллегіи Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дѣлъ» расторгнутъ 27 Сентября 1824 г. [1]).

Михаилъ Федоровичъ Брадке, 1797 — 1850, родился въ Вяткѣ, гдѣ отецъ его былъ губернаторомъ. Прадѣдъ его во времена Карла XII былъ полковникомъ и Шведскимъ комендантомъ въ Любекѣ; но уже дѣдъ и братъ дѣда сражались въ рядахъ русскихъ войскъ противъ турокъ подъ начальствомъ фельдмаршала Миниха [2]). Дѣду его Императрица Екатерина пожаловала аренду на островѣ

[1]) Полк. архивъ.

[1]) Полк. арх.; Леф. арх., Форм. сп. 1835 г., кн. 1550.

[2]) Русскій Архивъ, 1875/I, 13.

Монѣ, въ Эзельскомъ округѣ, а отцу, Полоцкому коменданту, Императоръ Павелъ I написалъ слѣдующій рескриптъ: «На письмо ваше отвѣчаю: вакантныхъ арендъ ни одной нѣтъ; находя полковничье жалованье достаточнымъ, прибавлять онаго не намѣренъ. А вы, размѣряя расходъ вашъ по приходу, подадите чрезъ сіе добрый примѣръ и чрезъ нѣсколько времени найдете и самого себя богатѣе прежняго» [1]).

Въ 1814 г. онъ вступилъ въ службу въ Кавалергардскій полкъ; въ 1816 г. изъ эстандартъ-юнкеровъ былъ произведенъ въ корнеты; въ 1818 г. переведенъ въ Малороссійскій кирас. полкъ ротмистромъ; въ 1820 г. произведенъ въ майоры, а въ 1826 г. въ подполковники, съ назначеніемъ командиромъ Борисоглѣбскаго уланскаго полка. Это назначеніе совпало съ началомъ Персидской войны, въ которой Борисоглѣбскій полкъ принималъ непосредственное участіе. 2-я уланская дивизія, въ составъ которой входилъ Борисоглѣбскій полкъ, была вызвана на Кавказъ; Борисоглѣбскіе уланы прибыли въ Грузію въ то время, когда персидскія войска были уже удалены изъ русскихъ предѣловъ, и театръ войны былъ перенесенъ въ Персію. Вслѣдствіе весенней распутицы уланская дивизія съ большимъ трудомъ двигалась по кавказскимъ горнымъ ущельямъ. Только 27 Мая 1827 г. борисоглѣбцы перешли Беробдалскій перевалъ; 4 Іюня они вступили въ урочище Судагентъ, откуда 9-го же Іюня Паскевичъ послалъ Борисоглѣбскихъ и Серпуховскихъ уланъ къ Башабаранскому ущелью, которому угрожалъ Гассанъ-ханъ съ своею персидскою конницею. Вслѣдъ за занятіемъ Башабарана, 19 Іюня былъ объявленъ походъ въ Нахичевань. Верстахъ въ 50 отъ Эривани, на Гарни-чаѣ, сосредоточивались главныя силы Паскевича, которыя онъ раздѣлилъ на двѣ дивизіи и резервъ. Въ 1-й дивизіи, подъ командой ген.-майора кн. Вадбольскаго [2]), состоялъ и Брадке со своимъ полкомъ. 21 Іюня корпусъ двинулся отъ Гарничая. Переходъ этотъ низменною долиною Аракса былъ крайне труденъ. 26 Іюня передъ русскими явилась никѣмъ не защищаемая Нахичевань. Цѣлью дальнѣйшаго движенія по ту сторону Аракса была крѣпость Аббасъ-Абадъ, находившаяся въ 10 верстахъ отъ Нахичевани, на лѣвомъ берегу Аракса. 28 Іюня полковникъ Н. Н. Муравьевъ, съ двумя казачьими сотнями, былъ посланъ на рекогносцировку крѣпости; въ этой рекогносцировкѣ принималъ участіе и Брадке [3]). Осада Аббасъ-Абада была поручена отряду г.-ад. Бенкендорфа, въ которомъ участвовалъ и Брадке со своимъ полкомъ. Осада началась 1 Іюля, и уже 3 Іюля крѣпостныя стѣны во многихъ мѣстахъ рухнули, и въ слѣдующую ночь русскія войска стали приближаться ко 2-й параллели, но на этомъ осада и пріостановилась; а 4 Іюля было получено извѣстіе, что по дорогѣ съ юга приближаются значительныя персидскія силы Аббаса-Мирзы, который шелъ выручать осажденную крѣпость. На военномъ совѣтѣ было рѣшено оставить подъ Аббасъ-Абадомъ прикрытіе для осадныхъ работъ, а со всѣми остальными войсками идти впередъ и атаковать непріятеля. Утромъ 5 Іюля вся кавалерія, подъ начальствомъ Бенкендорфа, въ бродъ перешла быстрый Араксъ, за нею пѣхота и артиллерія двинулись чрезъ бурдючный мостъ. Верстахъ въ 15-и Паскевичъ подошелъ къ непріятельской позиціи, на высотахъ которой виднѣлись массы кавалеріи и нѣсколько орудій. Кн. Эристовъ атаковалъ правый флангъ арміи Аббаса-Мирзы. Борисоглѣбскіе уланы заняли чрезвычайно удачную позицію: они сами обошли непріятеля и стали какъ разъ на пути его наступленія къ Араксу [1]).

Силы непріятеля на лѣвомъ его флангѣ такимъ образомъ были парализованы. Между тѣмъ все правое крыло персіянъ было уничтожено, и центръ обойденъ. Аббасъ-Мирза, не дождавшись столкновенія съ главными силами Паскевича, отступалъ по всему протяженію боевого поля, преслѣдуемый русской конницей, а затѣмъ обратился въ бѣгство. Такъ кончилось Джеванъ-Булакское сраженіе.

За отличіе въ этомъ сраженіи Брадке былъ произведенъ въ полковники (2 Окт. 1827 г.). Черезъ три дня послѣ Джеванъ-Булакской битвы, выступивъ отъ Аббасъ-Абада 20 Іюля, Брадке 22 Іюля прибылъ съ полкомъ въ Нарабабу, гдѣ оставался до Сентября. 16 Сентября, получивъ свѣдѣніе, что Аббасъ-Мирза имѣетъ намѣреніе напасть на Нахичевань, кн. Эристовъ двинулся на Шарурскую дорогу и, встрѣтившись съ авангардомъ Аббасъ-Мирзы, сбилъ его съ занятой позиціи. Въ этомъ дѣлѣ участвовалъ и Брадке. Черезъ 8 лѣтъ, въ 1835 г., уже въ чинѣ генералъ-майора, за отличіе въ сраженіяхъ противъ персіянъ 15, 16 и 17 Сентября 1827 г., Брадке былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст. Вскорѣ затѣмъ взята была Эривань, сдался Тавризъ, и сосредоточеніе боевыхъ силъ становилось уже безполезнымъ. Паскевичъ раздѣлилъ свои войска на отряды. Въ числѣ другихъ г.-м. баронъ Розенъ получилъ отрядъ, въ составѣ котораго были и Борисоглѣбскіе уланы; этому отряду приказано было идти по

---

[1]) Русскій Архивъ, 1874/II, 959.
[2]) Кн. Вадбольскій, см. Сборн. біогр. кавалерг., II.
[3]) Формулярный списокъ.

[1]) Потто. Кавказская война, III, 354.

Тегеранской дорогѣ къ рѣчкѣ Уджану, къ которой онъ прибылъ 24 Октября [1]). Въ это время уже происходили переговоры о мирѣ съ персидскимъ правительствомъ, которое старалось затягивать эти переговоры. Паскевичъ 14 Ноября объявилъ Аббасу-Мирзѣ, что отрядъ Розена отъ р. Уджана отправляется въ г. Міану съ тѣмъ, чтобы служить постомъ для принятія денегъ за военныя издержки. Въ ночь съ 9 на 10 Февраля, ровно въ полночь, былъ подписанъ въ Туркманчаѣ миръ.

Болѣе 9 лѣтъ съ честью командовалъ Брадке Борисоглѣбскимъ полкомъ. Кромѣ указанныхъ уже наградъ за Персидскую войну, въ 1826 г. ему Всемилостивѣйше пожаловано 2 тыс. руб. с.; въ 1830 г. онъ получилъ отъ Персидскаго Шаха орд. Льва и Солнца 2 степ., украшенный алмазами; въ 1831 г.—Высочайшее благоволеніе за хорошее состояніе полка, людей и лошадей во время содержанія кордонной линіи отъ р. Дону до Азовскаго моря и еще разъ—за соотвѣтственный своему предназначенію выборъ въ образцовый кавалерійскій полкъ людей, доведеніе ихъ пѣшей выправки и верховой ѣзды, равно и выѣздки лошадей, до отличнаго состоянія; въ 1832 г. орд. св. Владиміра 3 степ.; въ 1834 г. ему пожаловано 3 тыс. руб. асс., и, наконецъ, 25 Сентября 1835 г. Брадке былъ произведенъ въ ген.-майоры, съ назначеніемъ состоять по кавалеріи.

Польская война 1830—31 гг. застала еще Брадке командиромъ Борисоглѣбскаго полка. Борисоглѣбскіе уланы только 16 Апрѣля 1831 г. выступили изъ округа своего военнаго поселенія на Волынь, когда волненія поляковъ тамъ были уже прекращены. Полкъ вошелъ въ составъ 1-й арміи, на которую возложено было водвореніе порядка въ пограничныхъ съ Царствомъ Польскимъ губерніяхъ и охраненіе тыла дѣйствующей арміи. 8 Декабря 1831 г. полкъ возвратился изъ похода. 14 Февраля 1836 г. Брадке былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 1-й уланской дивизіи, а 18 Іюня того же года—начальникомъ штаба 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса. Въ этой должности Брадке въ 1836 году получилъ въ пособіе 10 тыс. руб. асс., въ 1837 г.—орд. св. Станислава 2 ст. и въ томъ же году, въ Августѣ и Сентябрѣ,—Высочайшія благоволенія за смотры, ученья и маневры, произведенные Императоромъ Николаемъ Павловичемъ войскамъ, собраннымъ при г. Вознесенскѣ (Херсонск. г.). 13 Февраля 1841 г. состоялось назначеніе Брадке начальникомъ округовъ военнаго поселенія Кіевской и Подольской губерній. На этомъ посту, который Брадке занималъ въ теченіе $3^1/_2$ лѣтъ, онъ получилъ орд. св. Станислава 1 ст. (1841 г.), св. Георгія 4 ст. за 25-лѣтнюю службу (1842 г.) и св. Анны 1 ст. (1843 г.).

26 Сентября 1844 г. Брадке былъ назначенъ состоять по Военно-учебнымъ заведеніямъ, а вслѣдъ за тѣмъ, 11 Октября того же года,—директоромъ 1-го Московскаго кадетскаго корпуса. По словамъ ген.-майора П. Я. Остелецкаго, бывшаго кадетомъ въ этомъ корпусѣ, Брадке былъ уважаемъ персоналомъ корпусныхъ офицеровъ и преподавателей. Всѣ знали его высокую честность; несмотря на то, что онъ былъ вовсе не богатъ, онъ отъ корпуса ничѣмъ не воспользовался. А. П. Хрущовъ, служившій при Брадке батальоннымъ командиромъ, говоритъ въ своихъ запискахъ: «Я рѣдко встрѣчалъ людей съ такою, теплою душею и съ такимъ благороднымъ характеромъ. Всѣ подчиненные и кадеты любили его какъ отца, и въ его управленіе Московскій кадетскій корпусъ сдѣлалъ большіе успѣхи» [1]). Генералъ Лалаевъ [2]) свидѣтельствуетъ, что управленіе М. Ф. Брадке принесло заведенію много пользы. Человѣкъ спокойный, хладнокровный, но вмѣстѣ очень добрый и деликатный, Брадке силою личнаго своего характера замѣтно смягчалъ суровость тогдашней воспитательной дисциплины. Подчиненные относились къ нему съ большимъ довѣріемъ, зная, что справедливый директоръ никогда не потребуетъ отъ нихъ ничего, кромѣ дѣла; дѣти очень любили его, постоянно встрѣчая въ немъ самое живое участіе и расположеніе. Дѣятельно наблюдая за преподаваніемъ и нравственностью кадетъ, Брадке обращалъ особенное вниманіе на хозяйственную часть и произвелъ много капитальныхъ исправленій въ корпусѣ. Особенно много пришлось ему потрудиться съ 15 Мая 1848 г., какъ предсѣдателю комиссіи о построеніи зданій и устройству 2-го Московскаго кад. корпуса, за что онъ получилъ орд. св. Владиміра 2 ст. Матеріальное положеніе Брадке было въ это время настолько стѣснительно, что онъ рѣшился даже писать объ этомъ Я. И. Ростовцеву [3]). При назначеніи его директоромъ, въ Высочайшемъ указѣ было предписано прибавочныя столовыя деньги за службу въ военномъ поселеніи по 857 руб. 14 коп. сер. въ годъ производить до выслуги прибавочнаго жалованья по Военно-учебнымъ заведеніямъ, а это послѣднее составляло всего лишь

---

[1]) Потто, III, 552. По формул. списку Брадке, походъ къ нижеупоминаемому г. Міанѣ до горы Кафланъ-Кухъ начался только 10 Декабря 1827 г.

[1]) Русскій Архивъ 1878/III, 406.

[2]) «Историческ. очеркъ образованія и развитія 1 Моск. Кад. корп.», С.-ПБ., 1878 г.

[3]) Арх. Гл. Упр. В.-уч. зав., Разрядъ 22, 1849 г., II отдѣл., № 824.

558 руб. 10 коп. сер., т.-е., на 300 руб. сер. въ годъ меньше. Въ виду этого, Брадке просилъ Ростовцева, чтобы его не поставили на уменьшенный окладъ. Недостатокъ собственныхъ средствъ вынудилъ Брадке обратиться съ письмомъ и къ Цесаревичу Александру Николаевичу, Главному Начальнику Военн.-уч. заведеній. Цѣня честную службу М. Ф. Брадке, Цесаревичъ ходатайствовалъ о немъ передъ Государемъ и въ рескриптѣ на имя военнаго министра (отъ 9 Декабря 1849 г., за № 705) выразился, между прочимъ, такъ: «Хотя въ настоящее время и воспрещено ходатайствовать о денежныхъ выдачахъ, но, входя въ истинно затруднительное положеніе ген.-лейт. фонъ-Брадке и принимая во вниманіе его отлично усердную, лично Государю Императору извѣстную долговременную службу, я обращаюсь къ В. С. съ покорнѣйшею просьбою, если вы изволите признать возможнымъ, повергнуть на Всемилостивѣйшее Государя Императора благоусмотрѣніе всѣ вышеизложенныя обстоятельства (большая семья, недостатокъ средствъ и предстоявшій переѣздъ къ мѣсту новаго служенія) и всеподданнѣйшее мое ходатайство о назначеніи ген.-лейт. фонъ-Брадке, въ видѣ особой Монаршей милости, денежнаго на подъемъ негласнаго вспомоществованія по собственному Высочайшему Е. В. усмотрѣнію». Въ тотъ же день Цесаревичъ просилъ кн. Чернышева ходатайствовать предъ Государемъ о разрѣшеніи Брадке носить мундиръ 1 Моск. кадетскаго корпуса и при новомъ его назначеніи. Это ходатайство было милостиво принято Императоромъ; что же касается просьбы о вспомоществованіи, Государь изволилъ отозваться, что «т. к. ген.-лейт. фонъ-Брадке долженъ оставаться еще нѣкоторое время въ Москвѣ для возложенныхъ на него наблюденій по устройству кадетскихъ корпусовъ, то возобновить это ходатайство по окончаніи сего порученія» [1]). Эта воля Государя была доведена до свѣдѣнія Брадке. Къ сожалѣнію, ему не пришлось окончить этого порученія. Еще 25 Ноября 1849 г. онъ чувствовалъ себя крайне слабымъ; въ Январѣ болѣзнь приняла уже тяжелую форму, въ виду чего Цесаревичъ снова ходатайствовалъ о дачѣ ему пособія. Изъ рескрипта Наслѣдника кн. Чернышеву отъ 15 Февраля 1850 г. видно, что Брадке «уже мѣсяцъ отчаянно и, повидимому, смертельно боленъ нарывами на легкихъ и, отправивъ уже все имущество свое въ Петербургъ, находится въ Москвѣ, въ чужомъ домѣ, въ крайне недостаточномъ положеніи». Вмѣстѣ съ тѣмъ Цесаревичъ немедленно предписалъ вновь назначенному директору Грессеру выдать заимообразно изъ суммъ корпуса супругѣ Брадке тысячу рублей. 9 Марта ген.-адъют. Ростовцевъ писалъ Аннѣ Петровнѣ фонъ-Брадке, что Государь повелѣлъ выдать ей въ единовременное пособіе двѣ тысячи руб. сер., но эта послѣдняя царская милость уже не застала М. Ф. Брадке въ живыхъ: онъ скончался 6 Марта 1850 г. Погребенъ въ Москвѣ, на нѣмецкомъ кладбищѣ, на Введенскихъ горахъ. Когда Государю было донесено о его кончинѣ, Его Величество, по прочтеніи полученнаго донесенія, собственноручно изволилъ написать на немъ: «Очень жаль, большая потеря».

М. Ф. Брадке былъ женатъ на Аннѣ Петровнѣ Ланской и имѣлъ: сыновей Петра (р. 1826 г.), Михаила (р. 1830 г.) и Павла (р. 1837 г.), и дочь Анну (р. 1832 г., за Александромъ Ксенофонтовичемъ Гевличемъ).

В. Жерве.

Князь Евграфъ Матвѣевичъ Маматовъ, 1789—, въ службѣ съ 1806 г. подпрапорщикомъ въ 1-мъ Морскомъ полку, гдѣ въ 1810 г. порт.-прапорщикомъ; въ 1811 г. произведенъ, за отличіе въ дѣлахъ во время осады Данцига, прапорщикомъ, съ переводомъ въ Воронежскій пѣх. полкъ; 16 Января 1816 г. переведенъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ, а 13 Іюля того же года переведенъ поручикомъ въ Сѣверскій конно-егерскій полкъ и 15 Апрѣля 1818 г. уволенъ отъ службы, за болѣзнью, штабсъ-капитаномъ [1]).

Григорій Михайловичъ Безобразовъ, 1785—1854, происходилъ изъ древняго дворянскаго рода Московской губерніи, ведущаго свое начало отъ нѣкоего «мужа честна изъ Пруссъ», Христофора, выѣхавшаго на службу къ Московскому Великому Князю Василію Димитріевичу въ концѣ XIV в., и былъ сыномъ оберштеръ-кригсъ-комиссара бригадира Михаила Осиповича Безобразова (1747—1791) и его жены Маріи Александровны, рожд. Чириковой. Послѣ основательнаго домашняго образованія, получивъ дипломъ изъ университета, гдѣ имъ былъ выдержанъ экзаменъ, Безобразовъ поступилъ, 2 Сентября 1803 г., на службу въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ; въ 1806 г. назначенъ переводчикомъ, а 5 Мая 1809 г. уволенъ изъ Коллегіи, съ производствомъ въ колл. асессоры,

---

[1]) Отнош. Военнаго министра кн. Чернышева Наслѣднику Цесаревичу отъ 28 Дек. 1849 г., за № 12789.

[1]) Полк. арх.; Леф. арх., Форм. сп. 1817 г., кн. 1818.

и вслѣдъ затѣмъ опредѣленъ въ канцелярію статсъ-секретаря Молчанова. Отсюда 30 Марта 1812 г. Безобразовъ былъ командированъ къ ген.-интенданту 2-й Западной арміи, а съ 22 Іюня по 27 Августа состоялъ «при особыхъ порученіяхъ» при кн. Багратіонѣ, при чемъ участвовалъ въ сраженіи подъ Смоленскомъ и въ Бородинскомъ бою и награжденъ орд. св. Анны 2 ст., а 12 Декабря 1812 г. произведенъ въ надв. совѣтники. По переходѣ русской арміи за предѣлы Россіи, Безобразовъ былъ назначенъ сначала областнымъ начальникомъ Калишской области, а затѣмъ состоялъ при генералѣ Милорадовичѣ. 8 Апрѣля 1813 г. онъ былъ переименованъ въ майоры, съ зачисленіемъ по арміи и назначеніемъ адъютантомъ къ Милорадовичу. 30 Апрѣля онъ участвовалъ въ сраженіи при Бишофсверде, 7 и 8 Мая—при Бауценѣ и въ арьергардномъ дѣлѣ 10 Мая—между Рейхенбахомъ и Герлицемъ. За отличіе въ этихъ дѣлахъ Безобразовъ получилъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ и прусскій—«за заслуги». Затѣмъ Безобразовъ находился въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ и при Кульмѣ, при чемъ за отличіе въ послѣднемъ произведенъ въ подполковники, а за Лейпцигское сраженіе получилъ золотую шпагу. Въ 1814 г., за отличіе въ сраженіи при Арсисъ-сюръ-Объ (8 Марта) и при осадѣ Парижа награжденъ алмазными знаками къ орд. св. Анны. Изъ Франціи Безобразовъ возвратился въ Россію моремъ съ 1-й Гвардейской пѣх. дивизіей. 19 Іюня 1815 г. онъ былъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ 1 Резервнаго кавалерійскаго корпуса; 24 Января 1816 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ и 9 Февраля произведенъ въ полковники; 18 Іюня 1818 г. Безобразовъ назначенъ командиромъ Оренбургскаго уланскаго полка, а 18 Сентября того же года переведенъ во Владимірскій уланскій. 9 Мая 1820 г. онъ былъ зачисленъ по кавалеріи и назначенъ состоять по особымъ порученіямъ при Московскомъ ген.-губернаторѣ кн. Д. В. Голицынѣ и въ 1821 г. награжденъ орд. св. Владиміра 3 ст. Въ 1823 г., 30 Марта, Безобразовъ былъ назначенъ Московскимъ гражданскимъ губернаторомъ, съ производствомъ въ дѣйств. ст. совѣтники. По семейнымъ преданіямъ, Безобразовъ «былъ дѣятельнымъ и энергичнымъ губернаторомъ» и въ теченіе своего 3-лѣтняго пребыванія въ этой должности былъ награжденъ орд. св. Анны 1 ст. съ брил. знаками, орд. св. Владиміра 2 ст. и табакеркой съ вензелемъ. Овдовѣвъ, Безобразовъ, по разстроенному здоровью, вышелъ въ отставку въ 1826 г. и поселился въ Тульской губерніи, гдѣ у него было 400 душъ крестьянъ. Можетъ-быть, причиной оставленія имъ службы было и то огорченіе, которое причинило ему столкновеніе съ ген.-адъютантомъ гр. Орловымъ-Денисовымъ, сопровождавшимъ изъ Таганрога тѣло Императора Александра I, о чемъ говоритъ въ своихъ письмахъ къ брату А. Я. Булгаковъ: «Сказывали мнѣ, что у гр. Орлова-Денисова была ссора съ нашимъ п..... губернаторомъ Безобразовымъ. Очень можетъ быть: онъ и не п..... не знаетъ, что дѣлаетъ и говоритъ. Сказываютъ, что Орловъ въ Серпуховѣ нашелъ все въ безпорядкѣ».... «Губернаторъ Безобразовъ сказалъ князю (Д. В. Голицыну): «Дѣлайте со мной, что хотите, а я не ѣду изъ города. Говорятъ, что Орловъ его ругалъ..., то онъ боялся повторенія».

Безобразовъ былъ женатъ на дочери ген.-майора Елизаветѣ Петровнѣ Глазовой († 1854 г.) и имѣлъ отъ нея 8 сыновей, изъ которыхъ пережили отца 3—Михаилъ и Петръ (холостые) и Василій, женатъ на кн. О. П. Горчаковой. По выходѣ въ отставку онъ прожилъ въ имѣніи около 20 лѣтъ, считался хорошимъ сельскимъ хозяиномъ и былъ членомъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Умеръ 12 Марта 1854 года и похороненъ въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ [1]).

Ростиславъ Евграфовичъ Володимировъ (1-й), 1792—1837, изъ дворянъ Орловской губ., на службу поступилъ 22 Января 1814 г. въ Волынскій уланск. полкъ унт.-офицеромъ и, состоя ординарцемъ при ген.-ад. гр. Оруркѣ, участвовалъ въ дѣлахъ при Труа (20 Февр.), Суассонѣ (21 Февр.), Краонѣ и Ланѣ (22—25 Февр.) и при С.-Дизье

---

[1]) Общ. арх. Гл. Штаба, Форм. сп. съ 1816 по 1828 г., № 15154; Сборникъ, LXII; Петровъ, Род. русск. двор., 331—336; Остаф. арх., прим. Саитова къ II т., 562; Письма Булгакова, Р. Арх., 1901/VII, 354 и 363.

(14 Марта) и за отличіе произведенъ въ корнеты 10 Апрѣля 1814 г.; въ 1815 г. переведенъ въ Кіевскій драг. полкъ прапорщикомъ, 28 Января 1816 г.—въ Кавалергардскій полкъ, съ переименованіемъ въ корнеты; въ 1818 г. произведенъ въ поручики, въ 1819 г. въ шт.-ротмистры; 14 Января 1820 г. переведенъ въ Иркутскій гус. полкъ майоромъ; въ 1824 г. произведенъ въ подполковники; въ 1826 г. командированъ въ Образцовый кавалерійскій полкъ, гдѣ командовалъ эскадрономъ; въ 1829 г. назначенъ командиромъ Елисаветградскаго гусарскаго полка; въ 1836 г. за отличіе въ дѣлахъ при взятіи Варшавы произведенъ въ полковники, а 15 Января 1837 г. исключенъ изъ списковъ умершимъ.

Володимировъ не участвовалъ въ Турецкой кампаніи 1829 г., такъ какъ прибылъ къ полку въ Адріанополь по заключеніи мира. 18 Декабря 1830 г. онъ выступилъ съ полкомъ изъ г. Дмитровска Орловской губ. и участвовалъ въ дѣлахъ: при с. Игане (29 Марта), за что награжденъ орд. св. Анны 2-й ст., въ стычкѣ подъ Куфлевымъ (13 Апр.), въ дѣлахъ при м. Минскѣ (14 Апрѣля), при Андржиковѣ (Ендржевѣ, 1 Мая), Сѣдлецѣ (12 Мая), въ кавалерійскомъ дѣлѣ у с. Бронише (5 Авг.), въ стычкѣ подъ стѣнами Варшавы (12 Авг.), при взятіи передовыхъ Варшавскихъ укрѣпленій и городового вала (25 и 26 Авг.).

За нимъ состояло 140 душъ въ Орловской губ. [1]).

Іосифъ Антоновичъ Злотницкой 2-й, 1794 —, изъ дворянъ Кіевской губ., братъ Эразма Антоновича; 25 Февраля 1812 г. поступилъ юнкеромъ въ резервное ополченіе; 12 Декабря того же года произведенъ въ корнеты; 31 Января 1815 г. переведенъ въ Павлоградскій гус. полкъ; 28 Января 1816 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ. 12 Февраля 1818 г. Злотницкой назначенъ адъютантомъ къ генер.-отъ-кав. Раевскому и 19 Іюня того же года произведенъ въ шт.-ротмистры и 9 Декабря того же года уволенъ отъ службы за болѣзнью [2]).

Федоръ Евстафьевичъ Сиверсъ, 1803—, изъ Лифляндскихъ дворянъ; въ службѣ съ 24 Іюля 1812 г. въ Дворянскомъ эскадронѣ, гдѣ 17 Октября 1813 г. произведенъ корнетомъ въ Малороссійскій кирас. полкъ; 2 Февраля 1816 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, но, не прибывая къ полку, уволенъ 2 Іюня 1816 г. отъ службы поручикомъ [1]).

Николай Дмитріевичъ Чертковъ, 1794—1852, происходилъ изъ стараго дворянскаго рода, извѣстнаго съ половины XVI вѣка. Отецъ Н. Д., д. ст. сов. Дмитрій Васильевичъ (1758, † 1831), восемь трехлѣтій (1798—1822 гг.) выбирался Воронежскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а мать, Евдокія Степановна, была рожденная Тевяшева. Чертковы были очень богатые люди: за отцомъ Н. Д., по формуляру 1829 г., числилось 13/т. душъ крестьянъ въ одномъ Богучарскомъ уѣздѣ. «Благодаря выгодному положенію своихъ родителей», говоритъ историкъ Воронежскаго кадетскаго корпуса, «молодой Чертковъ получилъ самое лучшее образованіе, какое можно было имѣть въ губерніяхъ, гдѣ, впрочемъ, сравнительный уровень просвѣщенія тогда стоялъ довольно высоко».

Въ 1813 г., въ чинѣ колл. регистратора, Н. Д. Чертковъ былъ причисленъ къ дѣламъ Воронежскаго гражданскаго губернатора, почему-то обреченный, вопреки обычаю, на гражданскую службу. Между тѣмъ время особенно не способствовало мирному сидѣнію въ канцеляріи. Отечественная война и побѣды русскихъ за границей возбудили патріотическое стремленіе русской молодежи стать въ ряды арміи, и уже 8 Мая 1813 г. Чертковъ былъ принятъ на службу корнетомъ, съ зачисленіемъ въ резервный эскадронъ Александрійскаго гус. полка. Съ этимъ эскадрономъ онъ

---

[1]) Леф. арх., Форм. сп. 1835 г., кн. 1552.
[2]) Полковой архивъ.

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1815 г., кн. 3587.

прибылъ 23 Дек. 1813 г. къ дѣйствующей арміи и участвовалъ въ кампаніи 1814 г.

По формулярному списку, Чертковъ принималъ участіе въ слѣдующихъ «дѣйствительныхъ сраженіяхъ»: 11 Февраля при м. Мери, 19-го — «у прикрытія ретирующихся войскъ чрезъ р. Марну отъ м. Нелье», при чемъ награжденъ орд. св. Анны 4 ст., 24 Февраля при—г. Ланѣ и 26-го—при Краонѣ; наконецъ, 13 Марта — въ сраженіи при Фершампенуазѣ, за которое произведенъ въ поручики.

Чертковъ былъ при взятіи Парижа и по окончаніи кампаніи въ составѣ авангарда, подъ командою Ермолова, прибылъ съ полкомъ въ Краковъ на «кантониръ-квартиры». 30 Марта 1815 г., по случаю возвращенія Наполеона съ о. Эльбы, Александрійскій полкъ выступилъ въ походъ въ составѣ арміи, направленной противъ него. Послѣ смотра при Вертю полкъ возвратился въ Россію 16 Янв. 1816 г., а 29 Февраля Чертковъ былъ переведенъ въ Кавалергардскій полкъ. Въ кавалергардахъ онъ прослужилъ немного болѣе 4 лѣтъ, и за это время: 1 Марта 1817 г. былъ назначенъ полковымъ адъютантомъ, 25 Іюня 1818 г. произведенъ въ шт.-ротмистры, 19 Октября того же года отчисленъ во фронтъ и командированъ за ремонтомъ, а 9 Ноября 1819 г. произведенъ въ ротмистры.

16 Мая 1820 года Чертковъ былъ переведенъ подполковникомъ въ Ольвіопольскій гус. полкъ; 4 Января 1827 г. уволенъ за болѣзнью отъ службы полковникомъ и съ мундиромъ. Черезъ годъ (7 Февр. 1828 г.) Чертковъ снова поступилъ на службу подполковникомъ въ лб.-гв. Драгунскій полкъ и съ 15 Апрѣля по 24 Октября этого года участвовалъ въ Турецкой войнѣ, въ сраженіяхъ у д. Хаджи-Хасанъ-Лааръ (15 Сент.), при Куртепэ (18 Сент.), при р. Камчикѣ (3 Окт.). 24 Октября Чертковъ возвратился въ Россію. За Турецкую кампанію онъ былъ награжденъ орд. св. Анны 2 ст. и алмазными къ нему знаками. Вслѣдъ затѣмъ, въ концѣ 1829 года, Чертковъ, произведенный 23 Сент. 1828 г. въ полковники, былъ назначенъ командиромъ Тверского драг. полка. За время командованія этимъ полкомъ онъ былъ награжденъ орд. св. Владиміра 3 ст.; 1 Октября 1830 г. назначенъ состоять по кавалеріи, а 30 Іюля 1834 г. былъ уволенъ отъ службы генералъ-майоромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада.

Увольненіе въ отставку 40-лѣтняго Черткова состоялось помимо его желанія, и позднѣе онъ не безъ горечи писалъ въ одномъ изъ писемъ къ Вел. Кн. Михаилу Павловичу: «Служа съ 1813 г., я участвовалъ въ 5 кампаніяхъ, былъ изъ старшихъ полковниковъ къ производству при Калишскомъ смотрѣ, предъ которымъ, состоя при фельдмаршалѣ (Паскевичѣ) для особыхъ порученій, по независящимъ отъ меня причинамъ, общею мѣрою, какъ числящійся по кавалеріи, былъ отъ службы уволенъ, и всѣ ордена, въ томъ числѣ и орденъ св. Владиміра 3 ст., пожалованный мнѣ во время командованія моего Тверскимъ драг. полкомъ, получилъ грудью на полѣ сраженія»...

Но не эти боевыя заслуги, а 2-милліонное пожертвованіе на учрежденіе въ Воронежѣ кадетскаго корпуса сдѣлали имя Н. Д. Черткова извѣстнымъ въ то время всей Россіи и памятнымъ въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Мысль объ основаніи въ Воронежѣ военно-учебнаго заведенія возникла еще въ началѣ XIX столѣтія, при чемъ по «Плану военнаго воспитанія», 21 Марта 1805 г., тутъ предполагалось учредить военное училище для губерній, прилегающихъ къ Воронежской, для Кавказской области и земли Донскихъ казаковъ, при чемъ повелѣно было губернаторамъ предложить дворянствамъ принять добровольное участіе въ расходахъ по устройству училища, съ тѣмъ, однако, «дабы удаленъ былъ и малѣйшій видъ принужденія и даже самыхъ внушеній, властью или тайнымъ повелѣніемъ отзывающихся».

Послѣ единовременнаго пожертвованія, вслѣдъ за изданіемъ Высочайшаго указа, Воронежскимъ дворянствомъ 200/т. рублей, пожертвованій стало поступать мало, и капиталъ медленно увеличивался. У правительства возникла мысль учредить корпусъ въ Тамбовѣ, гдѣ уже существовало съ 1802 г. дворянское военное училище. Тогда, въ 1834 г., по предложенію губ. предводителя Тулинова, Воронежское дворянство постановило обложить дворянскія имѣнія особымъ сборомъ и одновременно ходатайствовать объ учрежденіи въ Воронежѣ кадетскаго корпуса. На это Высочайше повелѣно было «объявить дворянству, что корпусъ сей не прежде можетъ быть учрежденъ, какъ по усиленномъ сборѣ денежнаго капитала, который могъ бы быть достаточнымъ»... Но и послѣ этого сборы поступали медленно и неаккуратно, и неизвѣстно, когда бы осуществилась мысль объ учрежденіи корпуса, если бы не рѣшилъ притти на помощь родному краю Чертковъ. По свидѣтельству Аполл. Никиф. Марина, также воронежца и дальняго свойственника Черткова, въ его неизданныхъ «домашнихъ запискахъ», пожертвованіе задумано было имъ еще въ то время, когда онъ состоялъ на службѣ въ Варшавѣ при Паскевичѣ, «въ тѣсномъ кружкѣ друзей», къ которому принадлежалъ и Маринъ, бывшій въ то время

комендантомъ въ Бѣлостокѣ. Когда вѣсть о крупномъ пожертвованіи Черткова, пользовавшагося репутаціей человѣка расчетливаго, достигла Воронежа, по преданію, дворянство было удивлено и, конечно, обрадовано «внезапною щедростью скупого и бездѣтнаго богача». Въ Апрѣлѣ 1836 г. Чертковъ явился къ Главному начальнику военно-учебныхъ заведеній Вел. Кн. Михаилу Павловичу и, «желая по возможности силъ быть сопричастнымъ къ военному образованію дворянства», изъявилъ готовность пожертвовать 1 милліонъ рублей и 2/т. крестьянъ [1]), при чемъ, «какъ дворянинъ и уроженецъ Воронежской губерніи, онъ за особенную бы счелъ себѣ милость, если бы корпусъ былъ учрежденъ въ Воронежѣ». Прося принять его пожертвованіе, Чертковъ самъ отклонилъ отъ себя «самую высшую и самую лестную, въ сравненіи съ Демидовымъ и Бахтинымъ, награду» и ходатайствовалъ, чтобы корпусъ, на который употреблено будетъ его пожертвованіе, именемъ его названъ не былъ, «дабы его имя не стало наравнѣ съ великими именами Императоровъ Петра, Павла и Александра», а просилъ о наименованіи Воронежскаго кадетскаго корпуса «Михайловскимъ», въ честь Вел. Князя Михаила Павловича.

17 Апрѣля 1836 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на принятіе капитала отъ Черткова и повелѣно было: 1) «Принять его на службу нынѣ же генералъ-майоромъ, съ назначеніемъ впослѣдствіи директоромъ Воронежскаго корпуса», а до того времени — состоять при Вел. Кн. Михаилѣ Павловичѣ; 2) пожаловать его кавалеромъ орд. св. Владиміра 2 ст., и 3) выбить въ честь его почетную медаль. Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ также отклонялъ отъ себя предложеніе Черткова — дать свое имя новому корпусу — и ходатайствовалъ о наименованіи его въ честь Наслѣдника Цесаревича. Согласія Государя на это не послѣдовало.

11 Іюня 1836 г. Чертковъ получилъ орд. св. Владиміра при рескриптѣ, въ которомъ было сказано: «Подвигъ сей, достойный примѣръ доблести русскаго дворянина, обнаруживаетъ высокія чувства сердца вашего, пламенное усердіе къ благу общественному и истинной пользѣ отечества. Образованіе благороднаго юношества для службы въ рядахъ храбрыхъ защитниковъ отечества составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ Нашей постоянной заботливости и попеченія. Пожертвованіемъ вашимъ открывается возможность къ скорѣйшему учрежденію Кадетскаго корпуса въ краѣ, нуждающемся еще въ средствахъ военнаго образованія. Пріемля съ живѣйшею признательностью благотворительный подвигъ вашъ, равно достохвальный и по цѣли и по существу своему, Мы, въ ознаменованіе особеннаго Нашего благоволенія къ вамъ, всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ ордена св. Равноапостольнаго князя Владиміра 2 ст. большаго креста». Въ свою очередь Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ 20 Іюня писалъ Черткову: «Прося васъ принять душевную признательность мою какъ за высокій подвигъ вашъ на пользу Всемилостивѣйше ввѣреннаго мнѣ управленія, такъ и за доказательство чувствъ вашихъ относительно меня лично, я пріятнѣйшимъ поставляю для себя долгомъ присовокупить, что я совершенно увѣренъ, что вы непосредственнымъ попеченіемъ вашимъ впослѣдствіи о воспитанникахъ корпуса, обязаннаго вамъ первымъ своимъ основаніемъ, пріобрѣтете двойное право на титло ихъ благодѣтеля, научивъ ихъ любить Государя и отечество, по вашему собственному примѣру». Въ честь Н. Д. Черткова была выбита золотая медаль, на одной сторонѣ которой помѣщено его изображеніе, на другой—надпись: «За благотвореніе юношеству 1836 г.». Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ Іюня Чертковъ былъ принятъ Государемъ въ Петергофѣ: «Великодушное вниманіе ко мнѣ Государя», писалъ онъ потомъ Великому Князю, «милостивый пріемъ, сдѣланный мнѣ въ Петергофѣ Его Величествомъ и Вашимъ Высочествомъ, воскресили меня... Счастливый, оживленный ими, я забылъ свои огорченія»... А эти огорченія истекали изъ медленнаго хода дѣла, тормозимаго не только мелочами формальнаго дѣлопроизводства, но и завистью и интригами, которыя возмущали Черткова, человѣка «простого и душевнаго», по отзыву лицъ, его знавшихъ. «Первыя мои серіозныя мученія въ жизни», жаловался онъ, «начались съ сего времени; на меня возсталъ судъ моихъ современниковъ. Мнѣнія раздѣлились: люди благонамѣренные и истинные патріоты не только одобряли, но возвышали мой подвигъ, другіе, недоброжелательные и завистливые, искали мнѣніе о таковомъ подвигѣ не только ослабить, но даже унизить... не знаю, чего клевета и интриги не выдумали на меня

[1]) Позднѣе Чертковъ испросилъ разрѣшеніе сдѣлать измѣненія въ своемъ пожертвованіи: сначала возвысилъ сумму до 1½ м. р., съ уменьшеніемъ числа крестьянъ до 1/т. душъ, а затѣмъ, вмѣсто крестьянъ, прибавилъ еще 500/т. руб., которые и были имъ внесены въ Опекунскій Совѣтъ въ 1849 г., при чемъ онъ просилъ «оный Совѣтъ, чтобы билетъ на эту сумму былъ составленъ къ 17 Апрѣля, дню рожденія Е. И. В. Наслѣдника, въ который въ 1836 г. Всемилостивѣйше принято было мое пожертвованіе. Душевно желаю, чтобы и нынѣ въ тотъ же Августѣйшій день окончательный взносъ моего пожертвованія довершился».

за это время, и новые враги мои дошли до того, что поступокъ мой названъ зловреднымъ, и разнесся слухъ, что Государь принялъ его съ неудовольствіемъ... Я, по несчастію, все сіе зналъ и, какъ человѣкъ, не могъ не страдать, тѣмъ болѣе, что не могъ ни предвидѣть, ни ожидать сего»...

Чертковъ хлопоталъ о возможно скорѣйшемъ открытіи корпуса и предлагалъ временно занять только-что выстроенныя зданія Приказа Общественнаго Призрѣнія или даже дворянскій домъ.

Однако, признано было болѣе удобнымъ построить для корпуса спеціальное зданіе и открытіе отложить до окончанія постройки, при чемъ Императоръ Николай Павловичъ, отправляясь на смотръ въ Чугуевъ, предполагалъ заѣхать въ Воронежъ, «имѣя въ виду лично избрать удобныя на то строенія или же мѣсто для возведенія оныхъ». Переломъ ключицы около Чембара воспрепятствовалъ Государю осуществить это намѣреніе, и Воронежскому губернатору Лодыгину вмѣстѣ съ Чертковымъ предписано было, «дабы они по совокупному соглашенію избрали въ Воронежѣ удобное мѣсто для возведенія новыхъ строеній для кадетскаго корпуса, если не имѣется въ Воронежѣ строеній частныхъ или казенныхъ, кои могли бы быть пріобрѣтены покупкою и съ удобствомъ приспособлены къ помѣщенію корпуса». Когда мѣсто было избрано, Чертковъ началъ дѣлать «разныя заготовленія хозяйственными способами, весьма выгодными для правительства, въ надеждѣ на непосредственное порученіе ему постройки зданій корпуса». Губернаторъ Лодыгинъ высказался за постройку новаго зданія «на предназначенныхъ къ застройкѣ, но еще пустопорожнихъ кварталахъ». Государь одобрилъ «соображенія» губернатора и повелѣлъ учредить особую комиссію, подъ его предсѣдательствомъ, для постройки зданій, въ которую Чертковъ назначался членомъ. Этимъ, естественно, оттягивалось открытіе корпуса, что несогласно было съ желаніемъ Черткова, поэтому онъ, въ письмѣ отъ 13 Декабря 1836 года, сообщая Великому Князю о томъ, что «полный милліонъ рублей въ назначенные сроки имъ внесенъ», просилъ исходатайствовать ему предъ Государемъ «какого-либо постояннаго нынѣ же по службѣ назначенія». На это ходатайство 5 Сентября 1837 г. военный министръ гр. Чернышевъ увѣдомилъ Великаго Князя, что «Е. И. Величество желаетъ, дабы ген.-майоръ Чертковъ, по неимѣнію въ настоящее время вакансіи бригаднаго командира въ кавалеріи, каковую должность могъ бы онъ занять по чину, оставался попрежнему при Его Высочествѣ, съ тѣмъ, что онъ будетъ назначенъ директоромъ Воронежскаго Михайловскаго корпуса, по окончаніи устройства онаго». Между тѣмъ, обиженный назначеніемъ въ члены строительной комиссіи и отказываясь отъ этого званія, Чертковъ писалъ Михаилу Павловичу: «Назначеніе это послѣдовало, вѣроятно, по примѣру таковаго же назначенія генерала Бахтина, который, находясь въ бездѣйственной, болѣзненной старости и не выѣзжающій изъ помѣстья своего, а потому и никакъ не могшій участвовать въ комиссіи, былъ назначенъ членомъ оной, конечно, только для формы, моя же личная служба была при самомъ началѣ милостиво принята Вами и Государемъ Императоромъ. Вообще, Ваше И. Высочество, не припишите какому-либо тщеславію или самонадѣянности, мнѣ вовсе несвойственной, то, что я осмѣлюсь при семъ случаѣ съ откровенностью преданнаго сердца изложить Вамъ. Меня всегда огорчала безпрестанная параллель, которую дѣлали изъ меня съ ген. Бахтинымъ. Можетъ-быть, онъ несравненно меня достойнѣе, но параллели между нами почти не можетъ быть: онъ пожертвовалъ значительное имѣніе, но послѣ смерти своей, когда оно будетъ ему не нужно, онъ въ глубокой старости, уже отжилъ для удовольствія свѣта; онъ, служа подполковникомъ, получилъ чинъ полковника при отставкѣ, и никакой знакъ не показываетъ его отличія, и при всемъ этомъ онъ имѣлъ смѣлое желаніе, чтобы корпусъ носилъ его имя, наравнѣ съ великими именами Императоровъ Петра, Павла и Александра; я былъ въ отставкѣ генералъ-майоръ и, служа съ 1813 г., участвовалъ въ 5 кампаніяхъ... всѣ ордена получилъ грудью на полѣ сраженія и сдѣлалъ пожертвованіе отъ чистаго сердца и въ цвѣтѣ еще лѣтъ, не прося и не искавъ себѣ никакихъ наградъ».

14 Сентября 1837 г., въ присутствіи Вел. Кн. Михаила Павловича, состоялась закладка зданій Михайловскаго корпуса. Въ то время, какъ «строительная комиссія» принялась за возведеніе зданій для корпуса и, надо замѣтить, вела это дѣло очень медленно и даже не всегда успѣшно и удачно, Чертковъ нашелъ себѣ опредѣленную и самостоятельную дѣятельность, исходатайствовавъ себѣ право помѣщать по нѣсколько кадетъ изъ Воронежскихъ уроженцевъ въ корпуса Московскій, Тульскій и Тамбовскій и содержать ихъ на проценты съ капитала въ 500/т. рублей, который еще оставался за нимъ. Разрѣшеніе послѣдовало, но «безъ дозволенія воспитанникамъ носить особый мундиръ»; къ 1840 г. число этихъ пансіонеровъ-стипендіатовъ Черткова возросло до 40 человѣкъ. Затѣмъ на него была возложена ревизія корпусовъ Туль-

скаго и Тамбовскаго, успѣшно имъ выполненная.

5 Августа 1844 г. Тамбовскій кадетскій корпусъ былъ открытъ «торжественно и въ отличномъ порядкѣ, при многочисленномъ стеченіи не только однихъ жителей Тамбовской, но и сосѣдственныхъ губерній», какъ доносилъ главному начальнику военно-учебныхъ заведеній присутствовавшій при открытіи Чертковъ.

Между тѣмъ, 25 Октября 1837 г., Воронежское дворянство постановило въ знакъ благодарности поднести Черткову «общій отъ дворянства благодарственный адресъ и выгравировать его портретъ съ приличною надписью», при чемъ «выгравированную доску, по вытѣсненіи нужнаго числа экземпляровъ, передать въ свое время для сохраненія въ Михайловскомъ кадетскомъ корпусѣ» [1]).

Постройка зданій для корпуса тянулась болѣе 7 лѣтъ, и общая цѣнность ихъ достигла 800/т. рублей; къ 1845 г. «строительная комиссія» окончила свою задачу, и зданія корпуса признаны «не только произведенными прочно, правильно и съ особенно тщательною отдѣлкою, но и могущими служить впослѣдствіи образцовыми». Это было признано и начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній Я. И. Ростовцевымъ, прибывшимъ на открытіе корпуса.

16 Августа 1844 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе «положенія» о Михайловскомъ корпусѣ, и назначенъ персоналъ его. Директоромъ Воронежскаго корпуса, по предложенію Н. Д. Черткова, за которымъ оставлено почетное званіе попечителя, назначенъ былъ его родственникъ, полковникъ А. Д. Винтуловъ. Выборъ Черткова нужно признать скорѣе удачнымъ. По словамъ г. Тюменева, посвятившаго цѣлую статью «Винтулову, какъ педагогу», отношенія перваго директора къ своимъ питомцамъ отличались «самою теплою и неподдѣльною любовью», а по отзыву извѣстнаго педагога Де-Пуле, «этотъ человѣкъ былъ не изъ нѣжныхъ, но душа у него была не черствая и не тряпичная»... Приближалось время открытія корпуса въ Воронежѣ. «Воронежскія губернскія Вѣдомости», признавая это событіемъ первостепенной важности, называя приближающееся открытіе «великимъ днемъ», приглашали всѣ «русскія сердца» принять участіе въ торжествѣ Воронежа... 8 Ноября 1844 г. послѣдовало открытіе Михайловскаго корпуса и освѣщеніе церкви и иконы, присланной отъ Вел. Кн. Михаила Павловича, совершенное епископомъ Острогожскимъ Елпидифоромъ (Бенедиктовымъ, — братъ поэта), викаріемъ Воронежскимъ.

Въ этотъ день утромъ Ростовцевъ, прибывшій на торжество въ Воронежъ съ военнымъ губернаторомъ, предводителями дворянства, всѣми генералами и другими почетными лицами, посѣтилъ Н. Д. Черткова для принесенія ему привѣтствія съ «великимъ днемъ». Въ то же время фельдъегерь изъ Петербурга привезъ Черткову орд. св. Анны 1 ст. и поздравительное письмо отъ Вел. Кн. Михаила Павловича. При входѣ въ корпусную залу, послѣ освященія церкви, Черткову была поднесена Воронежскимъ городскимъ головою «хлѣбъ и соль». Чертковъ отклонилъ отъ себя эту честь и передалъ директору корпуса, какъ хозяину заведенія. Зала, гдѣ собрались для торжественнаго засѣданія, была украшена большимъ портретомъ Государя, у подножія котораго помѣщенъ гравированный Уткинымъ портретъ Черткова. Кругомъ были расположены гербы губерній и областей, приписанныхъ къ корпусу, соединенные внизу фамильнымъ гербомъ Чертковыхъ. Празднества по случаю открытія корпуса продолжались 3 дня.

Въ 1849 г. Чертковъ внесъ въ Московскій Опекунскій Совѣтъ послѣднія 500/т. рублей, замѣнившія собой 1000 душъ крестьянъ, которыхъ жертвователь имѣлъ намѣреніе передать корпусу послѣ своей смерти. Послѣднимъ даромъ корпусу со стороны Черткова были большіе портреты Наслѣдника Цесаревича и Вел. Кн. Михаила Павловича.

Н. Д. Чертковъ женатъ не былъ. Онъ скончался послѣ кратковременной болѣзни въ Петербургѣ, 14 Ноября 1852 г., въ $3^1/_2$ ч. дня, и былъ погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, въ церкви Св. Духа. При самомъ входѣ въ церковь, у порога, положена мраморная плита съ надписью «Николай Дмитріевичъ Чертковъ — родился 18 Іюня 1794 г. скончался 14 Ноября 1852 г.». Надъ плитой икона св. Николая Чудотворца, а подъ иконой изображеніе медали, выбитой въ честь Черткова, и гербъ его рода.

«На дняхъ получили мы», писали Воронежскія губернскія Вѣдомости, «горестное извѣстіе изъ Петербурга о кончинѣ всѣми уважаемаго, незабвеннаго для насъ ген.-лейт. Н. Д. Черткова... Вѣсть о смерти столь щедраго благотворителя бѣдныхъ сиротъ, великодушнаго сѣятеля неоцѣненнаго для государства блага, образованія юношества, глубоко тронула сердца... Нѣтъ надобности распространяться о чрезвычайной важности сдѣлан-

---

[1]) Работа была исполнена извѣстнымъ граверомъ Уткинымъ. Подъ портретомъ подпись: «Николай Дмитріевичъ Чертковъ. Признательное дворянство Воронежской губерніи на память потомству». Гравюра исполнена съ рисунка Брюлова. Подъ портретомъ видъ Михайловскаго кадетскаго корпуса.

наго покойнымъ Н. Д. добра: оно такъ велико и всякому понятно, что никакая похвала не придастъ ему еще большаго значенія»...

Въ 1870 г., въ день 25-лѣтняго юбилея Михайловскаго корпуса, въ залѣ корпуса поставленъ большой портретъ Н. Д. Черткова, а въ 1895 г., по случаю исполнившагося полустолѣтія существованія заведенія, основатель корпуса почтенъ благодарнымъ воспоминаніемъ во время празднества, и не мало строкъ посвящено его біографіи и характеристикѣ въ изданномъ корпусомъ «Юбилейномъ сборникѣ».

Память о Чертковѣ живетъ въ Воронежскомъ корпусѣ: портретъ, гравированный Уткинымъ, находится во всѣхъ ротахъ и лазаретѣ, а при входѣ, на главной площадкѣ, помѣщенъ его бюстъ съ надписью: «Дворянинъ Воронежской губерніи ген.-маіоръ Ник. Дм. Чертковъ пожертвовалъ въ 1836 г. 2/милл. руб. асс. на основаніе въ Воронежѣ кадетскаго корпуса, съ просьбою наименовать его Михайловскимъ, въ честь Е. И. В. Великаго Князя Михаила Павловича».

По свидѣтельству очевидцевъ, Императоръ Александръ III при посѣщеніи корпуса въ 1887 г., прочитавъ эту надпись, сказалъ, обращаясь къ окружающимъ: «*Вотъ истинно русскій дворянинъ*» [1]).

А. Голомбіевскій.

Ипполитъ Ивановичъ Подчаскій, 1794—1879, приписанный къ роду Полтавскихъ дворянъ Подчаскихъ, былъ сынъ дочери берейтора гр. Разумовскихъ, Прасковіи Михайловны Соболевской, бывшей позднѣе замужемъ за Ландеромъ, и считался «воспитанникомъ» гр. Льва Кирилловича Разумовскаго (1757—1818). Мать Подчаскаго была родная сестра Маріи Михайловны Соболевской, матери Перовскихъ, «воспитанниковъ» гр. А. К. Разумовскаго.

---

1) Полк. арх.; Леф. арх., Форм. сп. 1829 г., кн. 9855; Лобановъ-Ростовскій, II, 364, 2 изд.; Иверсенъ, «Медали въ честь русск. дѣятелей», въ Изв. Русск. Арх. Общ., X, 324; Ровинскій, «Словарь русск. грав. портретовъ», II, 1818 (изд. 1889 г.); Саитовъ, «Петербургскій некрополь», 146; «Юбилейный Сборникъ Мих. Воронежскаго Кадетскаго корпуса» (—статьи: Тюменева, «В. Кн. Михаилъ Павловичъ», III—XVIII, и «Винтуловъ, какъ педагогъ», 163—189; Дир. корпуса Рѣпина, «Истор. записка о корпусѣ», 1—10; свящ. Звѣрева, «Н. Д. Чертковъ, соорудитель и попечитель корпуса», 83—116; «Постройка зданій корпуса», 117—162; Былова, «Малолѣтнее отдѣленіе корпуса въ г. Тамбовѣ», 190—201); Русск. Арх., 1895/XI, 369—400 (та же статья Звѣрева); «Памятная книжка Воронежской губ. на 1894 г.», 178—194.

Въ Декабрѣ 1811 г., 17-лѣтній Подчаскій поступилъ на службу подпрапорщикомъ въ Тарнопольскій пѣх. полкъ и тотчасъ же принялъ участіе въ Отечественной войнѣ. Послѣ сраженія подъ Смоленскомъ (Августа 4—6) Подчаскій 17 Августа былъ произведенъ въ прапорщики, а за участіе въ Бородинскомъ бою, гдѣ былъ раненъ пулею въ бокъ и въ руку, награжденъ орд. св. Анны 4-й ст. По переходѣ русской арміи за границу, Подчаскій участвовалъ въ сраженіяхъ при Бауценѣ и Лейпцигѣ, а во время кампаніи 1814 г.—въ сраженіяхъ при Бріеннѣ, Баръ-сюръ-Обѣ и при взятіи Парижа. Въ Декабрѣ 1813 г. Подчаскій былъ переведенъ корнетомъ въ Орденскій кирас. полкъ, за сраженіе при Бауценѣ произведенъ въ поручики, а за Лейпцигъ пожалованъ въ шт.-ротмистры. По возвращеніи въ Россію, въ 1815 г., Подчаскій былъ назначенъ адъютантомъ къ ген.-отъ-кавалеріи Тормасову и 21 Марта 1816 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, съ оставленіемъ въ прежней должности. Въ бытность Тормасова Московскимъ губернаторомъ, Подчаскій продолжалъ состоять при немъ адъютантомъ и награжденъ въ 1817 г. орд. св. Анны 3 ст. Въ Январѣ слѣдующаго года умеръ графъ Л. К. Разумовскій. «Бѣдный Разумовскій», писалъ изъ Варшавы кн. Вяземскій Тургеневу, «если онъ умеръ, то добрымъ человѣкомъ будетъ менѣе на свѣтѣ. Сдѣлалъ ли онъ что-нибудь для сына своего, Подчацкаго». Подчаскому выдѣлено было 400 душъ въ Полтавской губерніи.

Въ 1818 г. Подчаскій былъ произведенъ въ ротмистры, а 13 Марта 1820 г. вышелъ «по болѣзни» въ отставку полковникомъ. Но уже въ Маѣ того же года онъ вновь поступилъ на службу «въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, съ причисленіемъ къ Московскому архиву» и съ переименованіемъ въ колл. совѣтники. Прослуживъ 4 года, Подчаскій былъ уволенъ въ отставку статск. совѣтникомъ въ Апрѣлѣ 1824 г., а 22 Іюля 1828 г. снова принятъ на службу и опредѣленъ управляющимъ Комиссіею по Московской ссудѣ, съ чиномъ колл. совѣтника. Въ концѣ того же года онъ былъ командированъ Московскимъ губернаторомъ «для изслѣдованія нѣкоторыхъ безпорядковъ» въ Московской Городск. Думѣ, а затѣмъ утвержденъ членомъ Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета. Состоя предсѣдателемъ Комиссіи по Московской ссудѣ до ея закрытія въ 1833 г., Подчаскій проявлялъ живую дѣятельность и по Попечительному Комитету. Во время холеры 30 года его «особенно бдительному надзору» поручены были мѣста заключенія: тюремный и пересыльный замки, временная тюрьма и арестантская больница;

затѣмъ ему поручено было наблюденіе за устройствомъ особыхъ помѣщеній для заключенныхъ «чиновнаго состоянія», помѣщаемыхъ на исправленіе, и послѣдовательно онъ состоялъ предсѣдателемъ одного изъ отдѣловъ Комитета, контролеромъ и казначеемъ его, попечителемъ Московскаго работнаго дома и, наконецъ, ему неоднократно поручалась провѣрка годовыхъ отчетовъ по Комитету.

Въ 1829 г. Подчаскій получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст., а по окончаніи холеры 30 года его называли въ числѣ кандидатовъ на должность Московскаго вице-губернатора. 19 Сентября 1833 г. онъ былъ произведенъ въ статск. совѣтники и въ Декабрѣ назначенъ за оберъ-прокурорскій столъ въ 6 департаментъ Сената. 24 Марта 1835 г. Подчаскій былъ откомандированъ для занятій въ Московскій 8 департаментъ, съ увольненіемъ отъ всѣхъ должностей по вѣдомству Попечительнаго Совѣта заведеній Общественнаго призрѣнія въ Москвѣ. 12 Октября 1838 г. онъ былъ перемѣщенъ въ С.-Петербургскій 2 департаментъ Сената, 5 Апрѣля 1839 г. назначенъ и. д. оберъ-прокурора этого департамента, а 25 Августа произведенъ въ дѣйств. ст. совѣтники и утвержденъ въ этой должности 29 Декабря 1841 г. Подчаскій получилъ орденъ св. Станислава 1 ст., а 8 Марта 1842 г. утвержденъ въ званіи члена Комитета Попечительнаго о тюрьмахъ. Въ 1843 г. на него возложена была министромъ Юстиціи ревизія судебныхъ учрежденій Новгородской и Тверской губерній. За эту ревизію, продолжавшуюся съ 23 Мая по 21 Октября, Подчаскій былъ награжденъ орд. св. Анны 1 ст.

Въ 1847 г. ему, по Высочайшему повелѣнію, назначено было обревизовать присутственныя мѣста въ Смоленской, Витебской, Могилевской и Псковской губерніяхъ. «Въ награду за отлично усердную службу и особые труды по производству ревизій означенныхъ судебскихъ мѣстъ», Подчаскій, 31 Декабря 1848 г., пожалованъ былъ орд. св. Владиміра 2 степени. Въ слѣдующемъ году, 3 Апрѣля, онъ назначенъ былъ членомъ «Консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной». Въ этой должности Подчаскій прослужилъ до половины 1851 г., когда былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ въ 8 Московскій департаментъ. Ко времени службы Подчаскаго въ Консультаціи относится слѣдующій отзывъ о немъ въ «запискахъ» сенатора Лебедева. Говоря о плохомъ ходѣ дѣлъ въ этомъ учрежденіи, онъ замѣчаетъ: «Еще есть Подчаскій, гр. Зубовъ и кн. Кочубей, которые не умѣютъ ни работать, ни понимать дѣло». 1 Января 1859 г. Подчаскій получилъ орд. Бѣлаго Орла.

Въ Августѣ 1861 г. Подчаскій былъ перемѣщенъ въ Петербургскій 7 департаментъ Сената, а 21 Мая 1863 г. — въ Межевой, при чемъ въ теченіе 1865—1867 гг. былъ въ немъ первоприсутствующимъ. 23 Января 1867 г. ему назначена была аренда въ 2500 руб. на 12 лѣтъ, продолженная затѣмъ еще на 6, и въ этомъ же году онъ перемѣщенъ въ Общее собраніе 4, 5 и Межевого департаментовъ. 1 Января 1871 г. Подчаскій былъ произведенъ въ дѣйств. тайные совѣтники. «Ослабѣвающее здоровье заставило его ходатайствовать о продолжительномъ отпускѣ для возстановленія силъ, и 29 Марта 1873 г. онъ былъ уволенъ для лѣченія въ безсрочный отпускъ за границу съ сохраненіемъ получаемаго содержанія». Проживъ нѣкоторое время за границей, Подчаскій вернулся въ Россію и поселился въ своемъ Тверскомъ имѣніи. Здѣсь онъ и скончался 19 Марта 1879 года.

И. И. Подчаскій, по словамъ біографа Разумовскихъ, Васильчикова, былъ «всѣми уважаемый и почитаемый человѣкъ», а Жемчужниковъ, племянникъ его по матери, называетъ его «милымъ, безконечно добрымъ и деликатнымъ старикомъ. Тихій и довѣрчивый, онъ не отличался прозорливостью. Его часто обманывали, и когда онъ это замѣчалъ, у него не доставало храбрости уличить или сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе, хотя въ молодости онъ служилъ въ военной службѣ офицеромъ въ дѣйствующей арміи и былъ раненъ въ грудь на вылетъ 2 пулями подъ Бородиномъ».

«У отца моей матери (О. Ал. Перовской), гр. А. К. Разумовскаго», разсказываетъ Л. М. Жемчужниковъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «былъ братъ Левъ, сынъ котораго, Подчаскій, приходился двоюроднымъ братомъ моей матери. Я уже былъ въ Пажескомъ корпусѣ, когда увидѣлъ въ первый разъ Ипп. Ив., пріѣхавшаго къ отцу моему, по случаю своего переселенія въ Петербургъ. Когда онъ напомнилъ мнѣ о моей матери и высказалъ свою любовь къ ней, сохранившуюся въ его сердцѣ, то, естественно, что и я всей душой привязался къ нему и полюбилъ его сына Левушку, въ то время 8-лѣтняго мальчика [1]). Я началъ посѣщать Ипп. Ив. по

---

1) Левъ Подчаскій, внѣбрачный сынъ неизвѣстной дворянки, родился въ Москвѣ въ 1836 г. въ приходѣ ц. св. Екатерины, на Б. Ордынкѣ, крестный сынъ кн. Н. С. Меньшикова и двор. Е. П. Крицкой, воспитанникъ сенатора И. И. Подчаскаго, учился во 2 СПб. гимназіи и въ Московскомъ университетѣ по физ.-мат. факультету. Высочайшимъ указомъ 20 Февраля 1857 г. возведенъ въ двор. достоинство и внесенъ въ I ч. родосл. кн. Московск. губ. (М. арх. М. И. дѣлъ, изъ дѣла о службѣ Л. И. Подчаскаго въ Архивѣ М. И. дѣлъ). Сначала онъ служилъ въ Моск. архивѣ М. И. дѣлъ, затѣмъ былъ суд. слѣдова-

праздникамъ, и это доставляло мнѣ большое удовольствіе, тѣмъ болѣе, что была еще другая между нами связь — общая любовь къ искусству. У него было не мало превосходныхъ картинъ и рисунковъ К. Брюлова, Штернберга, Щедрина, Орлова, Орловскаго и др. Самъ Ипп. Ив. работалъ акварелью съ большой любовью. Старикъ, въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ изъ мягкой, теплой матеріи въ родѣ байки, рисовалъ у окна, и всегда радовался, что его любовь къ искусству не умерла съ годами, доставляя ему удовольствіе и отдыхъ отъ скучныхъ служебныхъ дѣлъ». Въ 1852 г. Жемчужниковъ сопровождалъ Подчаскаго въ его поѣздкѣ по дѣламъ въ имѣніе, с. Ковалевку, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Полтавы. Въ пути онъ «радовался, глядя на добраго дядю, никогда не отказывавшаго нищимъ, а за нищихъ онъ нерѣдко принималъ крестьянъ»... Въ Ковалевѣ домъ былъ «деревянный, одноэтажный съ мезониномъ, не новый, безъ затѣй, съ самой скромной обстановкой, но безукоризненной чистоты. Дядя Ипп. Ив., вѣчно лежа, читалъ днемъ при свѣчахъ, затворивъ ставни отъ мухъ, а я бродилъ по окрестностямъ и рисовалъ съ натуры. Иногда и дядя копировалъ акварелью; мы жили дружно, и никогда не было между нами неудовольствія. Такъ было для меня, но я не подозрѣвалъ, что былъ мучителемъ старика... Я имѣлъ и тогда привычку, лежа въ постелѣ, читать на ночь, читалъ иногда долго, а дядя постоянно караулилъ, когда я потушу свѣчу, и до этого не ложился спать. Мнѣ и въ голову не приходило, что онъ боится пожара»... «Довѣренностью дяди нагло пользовался управляющій имѣніемъ, курляндецъ Карлъ Ивановичъ... Подъ вліяніемъ его наговоровъ, дядя не разъ предостерегалъ меня и совѣтовалъ быть осторожнымъ,—что «это не Россія, а народъ хитрый, бунтливый, пожалуй, и убьютъ»... Однажды дядя позвалъ меня къ себѣ и просилъ выслушать управляющаго, который жаловался на бунтъ, заявляя, что народъ не хочетъ кончить заданной жатвенной работы и говоритъ ему дерзости. Онъ просилъ дать ему разрѣшеніе отправить бунтовщиковъ къ становому для наказанія розгами, такъ какъ Ипп. Ив. не позволялъ сѣчь розгами въ усадьбѣ и былъ вообще противъ сѣченія. «Ну, вотъ видишь! Нельзя относиться къ нимъ такъ гуманно. Я самъ думаю, что лучше наказать нѣсколькихъ мужиковъ, чѣмъ ждать худшаго». Я просилъ дядю призвать сперва къ себѣ непокорныхъ... На другой день явились 5 женщинъ, 5 бунтовщиковъ, на которыхъ жаловался управляющій. Изъ нихъ оказались 3 беременныхъ, а 2 недавно родившія... Я пошелъ къ дядѣ и просилъ его выйти и посмотрѣть на «бунтовщиковъ». Увидя ихъ, дядя обомлѣлъ. Женщины были отпущены; добрякъ далъ имъ денегъ, позвалъ управляющаго и разбранилъ его за ложь и ослушаніе, такъ какъ ему запрещено было посылать на работы беременныхъ. Меня Ипп. Ив. поцѣловалъ и благодарилъ»...

Подчаскій до старости оставался холостякомъ. Только въ Августѣ 1859 г. онъ женился на гр. Елизаветѣ Петровнѣ Потемкиной, сестрѣ декабриста кн. С. П. Трубецкого. Она за годъ передъ тѣмъ овдовѣла, и ей было уже около 60 лѣтъ. Впрочемъ, это былъ поздній бракъ, завершившій собой давнюю привязанность. Гр. Потемкина не была счастлива въ своей семейной жизни: мужъ ея, гр. Сергѣй Павловичъ (1787 — 1858), расточивъ все свое состояніе, скрывался отъ кредиторовъ, она должна была хлопотать о томъ, чтобы сохранить остатки своихъ личныхъ средствъ; она страстно желала имѣть дѣтей, и ихъ у нея не было. Женщина рѣдкой красоты, она была всѣми уважаема, отличалась скромностью и простотой. Еще будучи очень молодой, въ 1822 г., она пропагандировала среди Московскихъ дамъ простоту въ нарядахъ, «а именно не носить ни блондъ, ни кружевъ, ни перьевъ, ѣздить на балы въ простыхъ креповыхъ платьяхъ безъ накладокъ; деньги же, которыя останутся дома, отдавать бѣднымъ, но, кажется», заключаетъ А. Я. Булгаковъ, «что это такъ и останется, несмотря на согласіе многихъ здѣшнихъ щеголихъ». Слѣды своей красоты Е. П. Подчаская сохранила до глубокой старости. Въ Сентябрѣ 1870 г. В. А. Мухановъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Къ обѣду пріѣхали Подчаскіе, которые очень оцѣнили обѣдъ, особливо миловидная еще и по сіе время, бывшая графиня Потемкина, нѣкогда столь славившаяся своей красотой», а гр. Бутурлинъ въ своихъ запискахъ говоритъ: «Ей отлично бы шло прозвище русской Нинонъ де л'Анкло, такъ какъ даже и въ то время (1860 г.) можно было ее включить въ ряды неувядшихъ красавицъ, а ей было за 60 лѣтъ. Она сильно измѣнилась 3 года позднѣе, когда я ее видѣлъ въ 1863 г., едва оправившуюся послѣ потери единственнаго ея сына, умершаго въ Висбаденѣ» [1]).

телемъ въ Калугѣ. По отзыву Бутурлина, это былъ веселый и всѣми любимый молодой человѣкъ. Онъ былъ недолговѣченъ и умеръ въ 1862-1863 г. въ Висбаденѣ отъ чахотки. (Р. Арх., 1898/III, 170 и 219).

[1]) Сен. Арх., Форм. 1836 и 1879 гг.; М. арх. М. Ю., Произв. Об. Прокур. 8 Департ., вяз. 139, д. 109/263; М. арх. М. И. дѣлъ, дѣла о службѣ И. И. и

Графъ Платонъ Николаевичъ Зубовъ 2-й, 1798 — 1855, младшій братъ гр. Александра Николаевича, родился 26 Іюля 1798 г. и получилъ образованіе въ Пажескомъ корпусѣ, который окончилъ съ отличіемъ: имя его было записано на мраморную доску. Еще до выпуска его изъ корпуса, 24 Августа 1815 г., король Франціи Людовикъ XVIII пожаловалъ ему орденъ Лиліи. 26 Марта 1816 г. Зубовъ былъ выпущенъ изъ камеръ-пажей корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ; 9 Ноября 1819 г. произведенъ въ поручики и назначенъ личнымъ адъютантомъ къ командиру полка; 1 Января 1822 г. произведенъ въ шт.-ротмистры и 1 Января 1825 г. въ ротмистры, а 5 Января 1827 года по домашнимъ обстоятельствамъ уволенъ отъ службы полковникомъ и съ мундиромъ, но вскорѣ послѣ увольненія подалъ прошеніе объ опредѣленіи его на службу по министерству финансовъ, на что послѣдовала резолюція гр. Канкрина: «А я душевно радъ буду имѣть такого товарища». Зубовъ былъ опредѣленъ съ чиномъ полковника и назначенъ чиновникомъ для особыхъ порученій, но прослужилъ недолго. Насколько можно судить по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, дошедшимъ до насъ, Платонъ Николаевичъ былъ любителемъ искусствъ. К. П. Брюллову онъ предложилъ написать картину на тему «Невинность, покидающая землю». «Невинность», писалъ Зубовъ Брюллову, «должна быть изображена въ видѣ молодой дѣвушки или сильфиды, уносящейся въ воздухъ; земля, на нижнемъ планѣ картины, въ видѣ толпы мужчинъ и женщинъ, лица которыхъ выражаютъ разныя порочныя страсти, какъ терзанія ревности, зависти, вѣроломство, эгоизмъ, жестокость, лицемѣріе, подлость, — словомъ — пороки, изображающіе испорченность нравовъ. Невинность—въ центрѣ картины, толпа—внизу, занимая мѣсто по крайней мѣрѣ въ четверть картины. Выполнить эту идею вполнѣ достойно вашего генія. Предоставляя выполненіе всецѣло вашему вдохновенію, я прошу только не отступать отъ моей идеи. Я ассигную на нее отъ 10 до 12 тысячъ р. асс. Сверхъ того, по окончаніи картины, если вы найдете ее хорошей, я беру на себя отправить ее на выставку въ Парижъ за свой счетъ». Неизвѣстно, какъ отнесся Брюлловъ къ этому предложенію. Состояніе Зубова было довольно значительно; часть его онъ унаслѣдовалъ отъ своего дяди кн. Платона Александровича. П. Н. Зубовъ умеръ холостымъ въ Москвѣ 16 Марта 1855 г. и погребенъ въ Сергіевой пустыни, близъ Петербурга [1]).

Л. И. Подчаскихъ; Лобановъ-Ростовскій, Русск. Род. книга, II, 85, 153 и 154; Остаф. архивъ, I, 164, 550; Васильчиковъ, Сем. Разумовскихъ, II, 168; Русск. Арх., 1881, III, 475 и 476; «Мои воспоминанія» Л. М. Жемчужникова, Вѣстн. Евр., 1900/XII, 516, 521 — 523; «Записки» сенатора Лебедева, Р. Арх., 1888, I, 621; «Дневникъ» Муханова, Р. Арх., 1897, I, 100; «Записки» Бутурлина, Р. Арх., 1898, III, 170 и 219; «Письма А. Булгакова», Р. Арх., 1901/III, 402, 403, 404, 417.

Александръ Всеволодовичъ Всеволожской, 1793 — 1864, изъ дворянъ Московской губ., сынъ камергера Всеволода Андреевича отъ брака съ Елизаветой Никитичной Бекетовой, родился 14 Сентября 1793 г.; 12 Сентября 1812 г. поступилъ на службу урядникомъ въ

[1]) Полковой архивъ; Леф. арх., Форм. сп., кн. 7591; Семейный архивъ; Р. Старина 1900 г., Прилож. къ т. CIII, 161; Висковатовъ, «Исторія Кавалергардовъ», LXI.

конный полкъ Нижегородскаго ополченія; въ 1813 г. произведенъ въ корнеты; въ томъ же году назначенъ адъютантомъ къ г.-м. кн. Багратіону; въ 1816 году: 19 Марта переведенъ въ Павлоградскій гус. полкъ, 2 Апрѣля — въ Кавалергардскій полкъ и 12 Апрѣля назначенъ адъютантомъ къ ген.-ад. Закревскому; въ 1817 г. за отличіе по службѣ произведенъ въ поручики, въ 1819 г. въ шт.-ротмистры; въ 1819 г. уволенъ отъ службы; въ 1821 г. причисленъ къ Московскому архиву Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, съ переименованіемъ въ колл. асессоры; въ 1822 году пожалованъ камеръ-юнкеромъ; въ 1827 г. произведенъ въ надв. совѣтники, въ 1832 г. въ колл. совѣтники и причисленъ къ Азіатскому департаменту и командированъ къ Петербургскому генералъ-губернатору для занятій по сношенію съ министрами чужестранныхъ дворовъ, находящимися въ Петербургѣ; въ 1833 году пожалованъ камергеромъ; въ 1836 г. опредѣленъ чиновникомъ для особыхъ порученій V класса безъ содержанія при главноначальствующемъ надъ Почтовымъ департаментомъ; въ 1837 г. пожалованъ въ церемоніймейстеры; въ 1839 г. назначенъ членомъ Почтоваго совѣта сверхъ штата; въ 1841 г. произведенъ въ дѣйств. статскіе совѣтники; въ 1842 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст.; въ 1845 г. уволенъ по прошенію отъ должности члена Совѣта, съ оставленіемъ по почтовому вѣдомству, въ званіи же церемоніймейстера болѣе не числится; въ томъ же году пожалованъ попрежнему въ званіе камергера.

Находился въ дѣлахъ: въ 1813 г. подъ Дрезденомъ (5 Окт.) и, во время блокады Гамбурга, при Эпендорфѣ и Еймобизенѣ (23 Дек., 1 — 4 Января) и награжденъ орд. св. Анны 4 ст.; при взятіи острововъ на Эльбѣ: Нейгофа, Росса, Валинсберга и Маріенвердена (28 Января, 5, 11 и 15 Февр.) и при занятіи Гамбурга (19 Мая); за эти дѣла награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ.

Въ послѣдніе годы жизни принималъ участіе въ Петербургскомъ комитетѣ объ освобожденіи крестьянъ.

Былъ женатъ на княжнѣ Софіи Ивановнѣ Трубецкой (1800 — 1852) и имѣлъ дѣтей: Дмитрія (р. 1821 г.; женатъ на кн. Ек. Никол. Трубецкой), Всеволода (р. 1822 г.; женатъ на Лидіи Александровнѣ Талызиной), Владиміра (р. 1824 г.; женатъ 1-мъ бракомъ на Анаст. Серг. Суровщиковой († 1855), 2-мъ на Еленѣ Мих. Обольяниновой), Екатерину (р. 1833 г., дѣвица), Ивана (р. 1835 г.; женатъ на кн. Ек. Дм. Волконской), Павла (р. 1839 г.; женатъ на кн. Еленѣ Вас. Кочубей); сынъ Борисъ и дочери Марія и Елизавета умерли въ молодыхъ годахъ. За Всеволожскимъ состояло нераздѣльно съ его братомъ родового: 15.962 души крестьянъ мужескаго пола въ Астраханской, Пермской, С.-Петербургской (с. Рябово), Орловской, Воронежской и Ставропольской губерніяхъ, горные заводы и золотые пріиски, рыбныя ловли въ Астраханской и Ставропольской губ., 5 домовъ въ Москвѣ, Астрахани и Нижнемъ-Новгородѣ.

Умеръ 1 Мая 1864 года [1]).

Карлъ Федоровичъ Албрехтъ 6 Января 1808 г. вышелъ въ отставку изъ прусской службы поручикомъ. Въ 1812 г., по представленію гр. С.-При, принятъ поручикомъ въ Харьковскій драг. полкъ, съ которымъ участвовалъ во всѣхъ арріергардныхъ дѣлахъ и въ Бородинскомъ боѣ. Передъ Тарутинскимъ сраженіемъ откомандированъ въ отрядъ Фигнера и за отличія въ дѣлахъ подъ Вязьмою (22 Окт.) и Ляховымъ (28 Окт.) произведенъ въ шт.-ротмистры. Съ 29 Ноября по 1 Марта 1813 г. находился съ эскадрономъ при г.-л. Эртелѣ «при разныхъ порученіяхъ», а затѣмъ вернулся къ полку и въ сраженіи подъ Яуэромъ тяжело *контуженъ* въ лѣвое ухо, правое плечо и ниже колѣна. Во время Рейхенбахскаго перемирія командированъ къ Фигнеру для сформированія «Россійско-Польскаго легіона» и находился при немъ до сраженія при Герлицѣ, когда «былъ отпущенъ ген. Бердяевымъ въ полкъ». Участвовалъ съ Харьковскимъ полкомъ въ блокадѣ Меца. Потомъ состоялъ при дежурномъ генералѣ арміи Ольденопѣ «и слѣдовалъ до г. Варшавы, откуда въ 1815 г., въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ» поступилъ на должность плацъ-адъютанта Главной квартиры Государя «до возвращенія оной изъ Франціи въ Берлинъ, откуда отправился въ полкъ; проѣздомъ чрезъ Варшаву въ томъ же году, въ Ноябрѣ, назначенъ адъютантомъ» къ Ф. П. Уварову. 2 Мая 1816 г. переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Кавалергардскій полкъ, съ оставленіемъ адъютантомъ, а 22 Января 1818 г. уволенъ въ отставку ротмистромъ. Въ Декабрѣ 1817 г. показалъ себя 38-и лѣтъ и женатымъ [2]).

---

1) Общ. арх. М. Двора, Форм. сп. 1846 г., оп. 1359, д. 34, л. 446; М. арх. М. И. д., IV — 1 — 1821 — 5; IV — 8 — 1822 — 3; IV — 13 — 1824 — 4; Лобановъ-Ростовскій, I, 124 и 125; Свѣдѣнія, сообщ. Е. В. Всеволожской.

2) Полк. арх.; Леф. арх. Инсп. д-тъ, 2 отд., 1 ст., 1818 г., св. $^{135}/_{137}$, д. 100.

Алексѣй Михайловичъ Изъѣдиновъ [1]), 1795—1844, изъ дворянъ Тверской губ. (VI кн.), сынъ гвард. прапорщика Михаила Алексѣевича и Александры Ильиничны, рожд. Ладыженской, родился въ Августѣ 1795 г. и 10 Іюня 1806 г. поступилъ актуаріусомъ въ Московскій архивъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ; 27 Августа 1812 г. переведенъ прапорщикомъ въ Московское ополченіе; 16 Іюня 1813 г. произведенъ за отличіе въ подпоручики; 8 Іюля назначенъ адъютантомъ къ начальнику штаба армій г.-л. Сабанѣеву и 21 Марта 1814 г. произведенъ за отличіе въ поручики, а 4 Сентября того же года уволенъ отъ службы. 19 Апрѣля 1816 г. Изъѣдиновъ вновь поступилъ въ Сибирскій уланск. полкъ подпоручикомъ; 8 Августа того же года переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; 26 Ноября произведенъ въ поручики, въ 1819 г. въ шт.-ротмистры, въ 1821 г. въ ротмистры; 1 Марта 1823 г. уволенъ отъ службы полковникомъ. Участвовалъ: въ дѣлахъ подъ Тарутиномъ (6 Окт. 1812 г.), подъ Кульмомъ (18 Авг. 1813 г.), въ дѣлахъ при Бріеннѣ (20 и 21 Янв. 1814 г.), при г. Арси (8 Марта) и при взятіи Парижа, за что награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бант. Изъ дѣлъ полкового архива видно, что Изъѣдиновъ былъ образцовымъ эскадроннымъ командиромъ и при выступленіи полка въ походъ въ 1821 году, несмотря на то, что былъ въ чинѣ шт.-ротмистра, назначенъ, какъ выдающійся офицеръ, начальникомъ остающейся части полка въ С.-Петербургѣ [2]). По выходѣ въ отставку Изъѣдиновъ служилъ по выборамъ и былъ въ 1830 году судьей въ Тверскомъ Совѣстномъ судѣ, а въ 1830 г. поступилъ въ Оренбургскій уланск. полкъ подполковникомъ и участвовалъ въ Польской кампаніи, въ дѣлахъ: при Маріамполѣ (10 Апр. 1831 г.), Шадовѣ (22-го), на р. Дубисѣ (29-го), при Понешмонскомъ замкѣ (5 Мая), при р. Дубисѣ (7-го), Эраголы (19-го), награжденъ орд. св. Анны 2-й ст.; на Понарскихъ высотахъ (7 Іюня), при занятіи Ковно (16-го) и при Новомястѣ (7 Іюля). 11 Декабря 1834 года назначенъ для особыхъ порученій къ Московскому генер.-губернатору кн. Д. В. Голицыну; въ 1837 г. произведенъ въ полковники, а въ 1839 г. ему пожаловано 1500 десятинъ земли. Умеръ на службѣ 27 Мая 1844 г. и похороненъ въ с. Валуевѣ-городищѣ Тверского уѣзда. Изъѣдиновъ былъ женатъ (съ 1817 г.) на дочери ум. полковника Маріи Владиміровнѣ Неклюдовой и имѣлъ дѣтей: Марію (р. 29 Марта 1820 г.), Михаила (р. 6 Окт. 1821 г.), Александру (р. 26 Февр. 1824 г.), Николая (р. 25 Апрѣля 1825 г.), Елену (р. 22 Іюля 1826 г.), Владиміра (р. 8 Сент. 1827 г.), Федора (р. 1829 г.), Варвару (р. 1830 г.) и Илью (р. 17 Мая 1833 г.). У Изъѣдинова было 600 душъ въ Старицкомъ уѣздѣ, да у жены его 70 душъ въ Тульской губерніи [1]).

Сергѣй Алексѣевичъ Горяиновъ, 1797—1860, происходилъ изъ древняго дворянскаго рода; трое изъ его предковъ были убиты въ Казанскомъ походѣ 1550 г. и записаны въ синодикъ Московскаго Успенскаго собора. Родъ Горяиновыхъ въ 1791 г. былъ записанъ въ шестую часть дворянской книги Ярославской губерніи, но впослѣдствіи С. А. Го-

---

1) А. М. Изъѣдиновъ приходился правнукомъ кавалергарду Афанасію Осиповичу Изъѣдинову. (См. Сборникъ біогр. кавалергардовъ, I).

2) Полк. приказъ 15 Апрѣля 1821 года.

1) Полк. арх.; Леф. арх., Форм. сп. 1842 г., кн. 6625; Долгорукій, II, 54; Свѣдѣнія, сообщ. В. А. Изъѣдиновымъ.

ряиновъ приписался къ дворянству Воронежской губерніи. Отецъ Горяинова, Алексѣй Алексѣевичъ, женатый на Матренѣ Ивановнѣ Малыгиной, былъ въ царствованіе Императора Павла I Тверскимъ, а впослѣдствіи Вологодскимъ губернаторомъ.

Горяиновъ родился 16 Февраля 1797 г. и 7 Января 1815 г. изъ школы колонновожатыхъ поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; 19 Января 1816 г. былъ произведенъ въ эст.-юнкера и 1 Октября того же года—въ корнеты, 16 Іюня 1818 г.—въ поручики и 26 Января 1820 г.—въ шт.-ротмистры. Въ 1820 г. Горяиновъ получилъ вызовъ на дуэль отъ товарища по полку, поручика гр. З. Г. Чернышева [1]), и это обстоятельство имѣло рѣшающее вліяніе на его служебную карьеру. Воспитатель Чернышева Joyeux такъ разсказываетъ объ этой несостоявшейся дуэли: офицеры Кавалергардскаго полка, не желая по какимъ-то причинамъ служить вмѣстѣ съ Горяиновымъ, составили къ нему письмо, въ которомъ, съ полной откровенностью указавъ мотивы, предлагали ему или перейти въ армію, или занять мѣсто адъютанта при какомъ-нибудь генералѣ; гр. Чернышевъ переписалъ это письмо и послалъ къ Горяинову безъ своей подписи, въ увѣренности, что этотъ послѣдній знаетъ его руку, но Горяиновъ сталъ говорить повсюду, что онъ получилъ анонимное письмо и желаетъ найти его автора; тогда Чернышевъ объявилъ, что письмо составлено имъ и корнетомъ Понятовскимъ [2]), и вызвалъ Горяинова на дуэль; мѣстомъ для дуэли былъ избранъ Каменный островъ, но дуэль не состоялась, такъ какъ въ ночь передъ нею и гр. Чернышевъ и Понятовскій были арестованы. Отецъ гр. Чернышева утверждалъ, что Горяиновъ изъ трусости самъ донесъ властямъ о готовящейся дуэли («un duel, qu'on a pourtant empêché par la prudence guère courageuse de la partie adverse qui l'a publiée»); Joyeux также считаетъ это болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Поступокъ гр. Чернышева возбудилъ къ нему сочувствіе въ Петербургскомъ обществѣ, и самъ Государь, при первомъ извѣстіи о дуэли приказавшій предать Чернышева военному суду, вскорѣ составилъ о немъ самое лучшее мнѣніе, особенно послѣ того, какъ гр. Чернышевъ ранѣе срока возвратился подъ арестъ изъ отпуска, дозволеннаго ему для свиданія съ больною матерью.

Для Чернышева и Понятовскаго дѣло кончилось тѣмъ только, что было повелѣно обходить ихъ производствомъ, но и это взысканіе было съ нихъ сложено черезъ полтора года. Напротивъ того, Горяиновъ долженъ былъ перейти въ армію и 8 Февраля 1820 г. былъ переведенъ маіоромъ въ Черниговскій конно-егерскій полкъ [1]); гр. Чернышевъ утверждалъ, что Горяиновъ получилъ свыше приказаніе сдѣлать это («a reçu l'ordre de présenter sa supplique pour entrer dans un régiment de campagne»). Послѣ этого Горяиновъ не долго оставался въ военной службѣ, и 22 Января 1823 года былъ уволенъ отъ нея «по домашнимъ обстоятельствамъ», съ чиномъ подполковника. Въ день коронаціи Императора Николая I (22 Авг. 1826 г.) онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, а затѣмъ причисленъ къ Азіатскому департаменту Министерства Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и дослужился до чина дѣйств. ст. совѣтника. Горяиновъ скончался 28 Сентября 1860 г. и погребенъ въ слободѣ Петровкѣ Павловскаго уѣзда, Воронежской губерніи.

Онъ былъ женатъ на дочери маіора Софьѣ Васильевнѣ Гурьевой, отъ которой имѣлъ одного сына Михаила (род. въ 1826 г.).

Жена принесла ему въ приданое вышеупомянутую слободу Петровку съ 703 душами крестьянъ. Въ этомъ имѣніи, по семейнымъ преданіямъ, Горяиновъ въ 1829 г. устроилъ огневой сахарный заводъ, который въ пятидесятыхъ годахъ былъ имъ преобразованъ въ паровой. Кромѣ этого, въ Петровкѣ были устроены ткацкая фабрика и конный заводъ; Горяиновъ занимался также винокуреніемъ и овцеводствомъ.

С. А. Горяиновъ, по свидѣтельству его внука, былъ «человѣкъ просвѣщенный, слѣдилъ за литературою, въ особенности за французскою, и любилъ говорить на изысканномъ французскомъ языкѣ» [2]).

1) См. его біографію.
2) См. его біографію.

1) Прошеніе о переводѣ въ армію подано Горяиновымъ 28 Января 1820 г.
2) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1822 г., кн. 4683; Письма къ гр. М. Ю. Вьельгорскому, сообщ. М. А. Веневитиновымъ; Свѣдѣнія, сообщ. С. М. Горяиновымъ.

Константинъ Ивановичъ Гудимъ-Левковичъ, 1797—1852, изъ дворянъ Богуславскаго у. Кіевской г., гдѣ имѣлъ 300 душъ въ деревняхъ Зарубанцахъ, Монастыри и с. Григорьевкѣ; до 1812 г. воспитывался въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ; 7 Января 1815 г. поступилъ въ Кавалергардскій полкъ юнкеромъ, 19 Января 1816 г. эст.-юнкеромъ, 1 Октября того же года корнетомъ, въ 1818 г. поручикомъ; 19 Января 1819 г. ему было исходатайствовано Н. И. Де-Прерадови-

чемъ Всемилостивѣйшее вспомоществованіе изъ Кабинета въ 2000 руб., которое онъ и получалъ до выхода въ отставку; въ 1820 г. произведенъ шт.-ротмистромъ, въ 1822 г. ротмистромъ, въ 1828 г. полковникомъ; 7 Марта 1832 г. уволенъ по домашнимъ обстоятельствамъ, съ мундиромъ. При выходѣ въ отставку былъ холостъ. К. И. Гудимъ-Левковичъ былъ первымъ командиромъ «юнкерскаго эскадрона» въ столь извѣстной въ исторіи нашей кавалеріи «Школѣ». Въ полку онъ командовалъ 6-мъ («генеральскимъ») эскадрономъ, когда 12 Іюля 1826 г. послѣдовало приказаніе о новомъ его назначеніи. «Въ число офицеровъ»... назначенныхъ въ эскадронѣ «изъ отличнѣйшихъ оберъ-офицеровъ изъ каждаго гвардейскаго кавалерійскаго полка по одному, не ниже поручичьяго чина... Е. И. В. Государю Великому Князю Михаилу Павловичу угодно было, съ Высочайшаго соизволенія, избрать командиромъ онаго эскадрона Кавалергардскаго полка ротмистра Гудима-Левковича».

О дѣятельности Гудима, какъ эскадроннаго командира Школы, имѣется мало прямыхъ указаній, но историкъ Школы называетъ его «любимымъ и уважаемымъ»; въ 1827 г., «при смотрѣ въ лагерѣ при Красномъ Селѣ», ему пожаловано, не въ зачетъ, ½-годовое жалованье, а 3 Августа 1828 г. орд. св. Анны 3 ст.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ не благоволилъ къ Гудиму, несмотря на то, что послѣдній былъ его крестникомъ: «Dans les papiers de R... il est fait mention d'un certain G...; c'est le même qui venait chez feu Hitroff? Si c'est le même, j'en sais que c'est une canaille et un gueux de la plus mauvaise espèce, connu tel par l'univers entier et étant sans foi ni loi. Son fils est mon filleul *set in titeris,* et portant mon nom, je l'ai tenu sur les fonts baptismaux du temps du couronnement de feu l'empereur à Moscou avec la Pr. Troubetskoï, née Mansouroff, sœur de celui, qui a servi au régiment d'Ismaïlow de notre temps, et ayant sa maison на Варваркѣ. Ce fils a été élevé au Lycée de Czarsko Selo et en a été chassé pour sa conduite avec injonction de ne le recevoir nulle part. Pourtant il a eu le moyen d'entrer aux chevaliers-gardes [1]) par protection et où je crois qu'il était pour le moment; c'est le camarade des fameux écrivailleurs Pouschkine et Kuchelbecker [2])».

——×——

[1]) Въ числѣ офицеровъ Кавалергардскаго полка того времени единственно Гудимъ-Левковичъ носилъ имя Константинъ.

[2]) По справкамъ въ архивѣ Лицея, К. И. Гудимъ-Левковичъ не находился въ немъ.—Полк. архивъ; Потто, «Историческій очеркъ Школы», 93; Р. Стар., 1873/IX, 393; Р. Архивъ, 1903/I, 132.

Николай Александровичъ Ивановъ (18-й), 1797—, изъ Смоленскихъ дворянъ, сынъ Александра Алексѣевича и жены его Александры Григорьевны (фам. неизв.), 13 Февраля 1815 г. поступилъ въ Кавалергардскій полкъ юнкеромъ; 19 Января 1816 г. произведенъ въ эст.-юнкера, 1 Октября того же года въ корнеты, 23 Іюня 1818 г. въ поручики, а 13 Іюля того же года переведенъ капитаномъ въ Лифляндскій конно-егерскій полкъ; въ 1820 г. произведенъ майоромъ и 3 Апрѣля 1822 г. уволенъ въ отставку за болѣзнью подполковникомъ. Женатъ на Натальѣ Евграфовнѣ (фам. неизвѣстна), имѣлъ сыновей: Александра (р. 14 Іюля 1822 г.), Николая (р. 7 Дек. 1826 г.) и Валеріана (р. 13 Марта 1830 г.). Владѣлъ с. Чепчуговымъ Вяземскаго уѣзда [1]).

——×——

Николай Афанасьевичъ Волжинъ, 1795—1850, изъ дворянъ Курской губ., сынъ сек.-майора Афанасія Максимовича и Надежды Ивановны, рожд. Стремоуховой, 26 Марта 1815 г. поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; 19 Января 1816 г. произведенъ въ эст.-юнкера, а 1 Октября въ корнеты, 6 Іюля 1818 г. въ поручики. Уволенъ въ отставку шт.-ротмистромъ 7 Января 1820 г. По выходѣ въ отставку служилъ по выборамъ, умеръ Льговскимъ уѣзднымъ предводителемъ и похороненъ въ с. Нижн. Деревенькахъ.

Былъ женатъ на дочери генерала Малютина, Надеждѣ Петровнѣ, и имѣлъ дѣтей: Павла

[1]) Полк. арх.; Леф. арх., Форм. сп. 1821 г., кн. 3986; Свѣдѣнія, сообщ. Смоленскимъ губ. предв. дворянства.

(† 1869), Софью († 1869; по мужу Шагарову), Надежду (р. 1841 г., замужемъ за гв.-капитаномъ Николаемъ Павл. Лагофетъ) [1]).

——×——

Николай Дмитріевичъ Домогацкій, 1795—, изъ дворянъ Воронежской губ., 27 Апрѣля 1815 г. поступилъ юнкеромъ въ кавалергардскій полкъ; 19 Января 1816 г. произведенъ въ эст.-юнкера и 1 Октября въ корнеты, въ 1818 г. въ поручики; въ Февралѣ 1819 г. отправленъ за ремонтомъ; 13 Марта 1819 г. назначенъ адъютантомъ къ гр. Коновницыну; въ 1820 г. произведенъ въ шт.-ротмистры; въ 1823 г. перемѣщенъ адъютантомъ къ г.-ад. П. В. Голенищеву-Кутузову; 2 Янв. 1827 г. уволенъ въ отставку полковникомъ, съ мундиромъ [2]).

——×——

Аполлонъ Никитичъ Веригинъ, 1800—1819, изъ дворянъ, 7 Мая 1815 г. поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ изъ отставныхъ прапорщиковъ Корпуса инженеровъ путей сообщенія; 19 Января 1816 г. произведенъ въ эст.-юнкера, 1 Октября того же года въ корнеты. Умеръ 25 Іюня 1819 г. и погребенъ 27 Іюня на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры [3]).

——×——

Карлъ (Готхардъ-Магнусъ) **Антоновичъ фонъ-Кнорринг,** 1798—, изъ Эстляндскихъ дворянъ, сынъ ген.-лейтенанта Антона Федоровича Кнорринга 3-го (Otto-Wilhelm, Adam-Friedrich's Sohn) и жены его, рожд. баронессы Каролины Карловны Левенвольде, родился 3 Іюня 1798 г. и 1 Августа 1815 г. изъ пажей произведенъ прапорщикомъ въ С.-Петербургскій драг. полкъ; 7 Января 1817 г. переведенъ въ кавалергарды; въ 1818 г. произведенъ въ поручики, 22 Мая 1820 г. въ шт.-ротмистры; 2 Октября того же года назначенъ адъютантомъ къ гр. Сакену и въ 1823 г. произведенъ въ ротмистры; 29 Октября 1827 г. уволенъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ полковникомъ, съ мундиромъ. Былъ женатъ на Антоніи-Амаліи ф.-Штакельбергъ (р. 24 Ноября 1802 г.) и имѣлъ дѣтей Артура-Карла-Отто (р. 5 Января 1823 г.), Анжелику-Каролину-Дарью (р. 20 Августа 1824 г.) и Габріэлу-Августу (р. 3 Декабря 1827 г.).

Владѣлъ имѣніями: Вашель Эстляндской губ., Люгденомъ, Истмацалемъ, Меексомъ и Кахкова Лифляндской губерніи [1]).

——×——

Петръ Артамоновичъ Кожинъ 1-й, 1800—1864, изъ дворянъ Псковской губ. (VI кн.), былъ сынъ полковника Артамона Осиповича и Вѣры Васильевны, рожденной Лопухиной, сестры свѣтл. князя П. В. Лопухина. 24 Мая 1815 г. Кожинъ вступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; въ 1816 г. произведенъ въ эст.-юнкера, 8 Января 1817 г. въ корнеты, въ 1818 г. въ поручики, въ 1820 г. въ шт.-ротмистры, въ 1820 г. въ ротмистры; въ 1826 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст.; въ 1828 г. произведенъ въ полковники, 1 Августа 1836 г. произведенъ въ ген.-майоры, съ назначеніемъ командиромъ 2-й бриг. 1-й Кирасирской дивизіи. Однако, эту должность Кожинъ занималъ очень недолго; 1 Ноября онъ былъ уволенъ въ отпускъ и 1 Января 1837 г. уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ, съ мундиромъ.

Былъ женатъ съ 10 Февраля 1829 г. на дочери умершаго ст. сов. Натальѣ Ив. Новиковой. Отъ этого брака имѣлъ двухъ дочерей: Марію, вышедшую замужъ за полк. Ив. Ник. Новосильцева, и Екатерину, въ замужествѣ за г.-л. Юріемъ Александр. Лошкаревымъ. Имѣлъ вмѣстѣ съ женою свыше 1250 душъ въ Петербургской, Московской и Псковской губерніяхъ. Въ 1861 г. Кожинъ былъ избранъ предводителемъ дворянства Порховскаго уѣзда Псковской губ. и, такимъ образомъ, ему пришлось вводить

---

[1]) Полковой архивъ.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же; Саитовъ, «Некрополь», 26.

[1]) Леф. арх., Форм. сп. 1826 г., кн. 7591; Инсп. д-тъ, 1827 г., 2 отд., 2 ст., св. 653; д. 1737; Свѣдѣнія, сообщ. г.-л. Пашковымъ.

великую реформу Царя-Освободителя. Отъ должности предводителя онъ отказался вслѣдствіе болѣзни лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти. Умеръ въ Петербургѣ 4 Февраля 1864 г. и погребенъ въ своемъ родовомъ имѣніи, Бѣльское устье, Порховскаго уѣзда [1]).

Петръ Николаевичъ Капнистъ, 1795 —, единственный сынъ надв. сов. Николая Васильевича и Мавры Григорьевны, рожд. Требинской, дѣтство свое провелъ въ деревнѣ, при чемъ отецъ со старшей своей дочерью жилъ въ отдѣльномъ новомъ домѣ, а мать съ остальными четырьмя дочерьми и сыномъ помѣщались въ старомъ. Любя только свою старшую дочь, отецъ совершенно не интересовался остальными дѣтьми, и если бы не заботы матери, простой и необразованной женщины, всѣ младшія дѣти остались бы неграмотными. Чтобы избѣжать гнета самодура-отца, Капнистъ просилъ объ опредѣленіи на службу, но получилъ отказъ и сдѣлалъ попытку бѣжать изъ дома. Наконецъ, отецъ исполнилъ желаніе сына и переѣхалъ со всей семьею въ Петербургъ. 11 Іюня 1815 г. Капнистъ былъ принятъ юнкеромъ въ кавалергарды; въ 1816 г. произведенъ эст.-юнкеромъ, 8 Января 1817 г. корнетомъ, въ 1818 году поручикомъ, въ 1820 г. штабсъ-ротмистромъ; въ 1822 г. поступилъ адъютантомъ къ Малороссійскому генералъ-губернатору кн. Н. Г. Репнину; въ 1823 г. ротмистромъ, а 21 Февраля 1827 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью полковникомъ и съ мундиромъ. Умирая, Н. В. Капнистъ раздѣлилъ свое имѣніе на двѣ равныя части между сыномъ и старшей дочерью, приблизительно по 500/т. каждому. Въ 1823 году, пріѣхавъ съ кн. Репнинымъ въ Петербургъ, Капнистъ случайно встрѣтилъ шестнадцатилѣтнюю красавицу, графиню Екатерину Арамановну Девонвиль, и женился на ней. Послѣ брака Капнистъ увезъ свою молодую жену въ деревню. Въ деревнѣ онъ, боясь вліянія своей семьи, предоставилъ женѣ отдѣльное помѣщеніе, а боясь своимъ присутствіемъ надоѣсть ей, почти съ нею не видѣлся. Весьма понятно, что молодая женщина стала отъ такого затворничества скучать. На слѣдующій годъ у нихъ родился сынъ, на котораго перешла любовь Капниста. По неопытности молодой матери ребенка простудили, и онъ, заболѣвъ, скончался. Обезумѣвъ отъ горя, Капнистъ хотѣлъ лишить себя жизни и предлагалъ женѣ сдѣлать то же, но получилъ отказъ и охладѣлъ къ женѣ. Весною, для поправленія здоровья жены, Капнисты уѣхали за границу, гдѣ прожили восемь лѣтъ, окончательно охладѣвъ другъ къ другу, что, однако, не мѣшало Капнисту продолжать гордиться красотою и успѣхами своей жены. За границею они встрѣтились съ г. Б...., и жена призналась мужу въ своей любви къ Б. Капнистъ посовѣтовалъ ей выйти за него замужъ, предварительно взявъ съ Б. клятву никогда не возвращаться въ Россію. Такъ какъ получить разводъ было невозможно, то ихъ обвѣнчали въ греческой церкви. Несмотря на все происшедшее, Капнистъ оставался другомъ своей бывшей жены и даже сопутствовалъ новобрачнымъ въ ихъ путешествіи. Передъ отъѣздомъ Капниста въ Россію у Екатерины Арамановны родился сынъ. Капнистъ, вернувшись въ Россію, поселился въ имѣніи, гдѣ отъ привезенной съ собою итальянки у него родилась дочь. Черезъ три года его бывшая жена съ г. Б., матерью послѣдняго и тремя дѣтьми пріѣхала къ Капнисту. Отсюда Б. уѣхалъ въ Москву, гдѣ вскорѣ женился. Екатерина Арамановна осталась у Капниста.

Чтобы чужія дѣти не получили его состоянія и для обезпеченія своей дочери, Капнистъ продалъ всѣ свои имѣнія. Затѣмъ поведеніе жены вновь заставило Капнистовъ разъѣхаться: онъ поѣхалъ въ Италію, гдѣ въ Венеціи купилъ себѣ дворецъ и поселился тамъ съ дочерью; жена же его послѣ новаго скандала, случившагося съ нею за границею, пріѣхала къ мужу въ Венецію и поселилась у него въ домѣ. Тогда Капнистъ съ дочерью покинулъ Венецію. Несмотря на все, что онъ вынесъ отъ своей жены, онъ не переставалъ съ нею переписываться, давалъ ей средства на жизнь, и когда его дочь выходила замужъ за итальянскаго графа, то выписалъ жену, которая благословила невѣсту и даже ѣздила

---

[1]) Полк. архивъ; Арх. М. В. д. 1861 г., д. 8/343; Свѣдѣнія, сообщ. Н. И. Новосильцевымъ.

съ нею въ Парижъ для закупки приданаго. Въ 1862 г. Капнистъ жилъ въ Висбаденѣ, въ собственномъ домѣ. У Капниста по «Родословной книгѣ» Лобанова-Ростовскаго показанъ сынъ Михаилъ, р. 11 Января 1835 г. [1]).

Николай Ивановичъ Шепелевъ, 1798—, младшій братъ Александра Ивановича, принятъ въ кавалергарды юнкеромъ 19 Октября 1815 г.; эст.-юнкеромъ въ 1816 г., произведенъ корнетомъ 13 Февраля 1817 г., поручикомъ въ 1818 г., шт.-ротмистромъ въ 1821 г., ротмистромъ въ 1823 г. Въ теченіе своей службы неоднократно былъ командированъ для покупки ремонта; 11 Октября 1827 г. уволенъ по домашнимъ обстоятельствамъ полковникомъ, съ мундиромъ [2]).

Князь Александръ Дмитріевичъ Львовъ, 1796—1866, потомокъ удѣльныхъ князей Ярославскихъ, сынъ генералъ-майора кн. Дмитрія Семеновича († 1854) отъ брака его съ Маріей Александровной Павловой († 1812), родился 17 Декабря 1796 г. и получилъ образованіе въ іезуитской коллегіи. Въ Отечественную войну онъ зачислился урядникомъ въ Калужское ополченіе. Когда по окончаніи войны оно было распущено, Львовъ былъ награжденъ чиномъ прапорщика. Въ 1816 г. поступилъ на военную службу эст.-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ и 7 Марта 1817 г. произведенъ въ корнеты, а 10 Ноября 1819 г., будучи уже въ чинѣ поручика (съ 15 Октября 1818 г.), уволенъ отъ службы. 30 Декабря 1821 г. кн. Львовъ опять поступилъ на службу адъютантомъ къ А. А. Закревскому. Произведенный 12 Декабря 1824 г. въ шт.-ротмистры, онъ 2 Марта 1826 г. вторично былъ уволенъ за болѣзнью отъ военной службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ переименованіемъ въ колл. асессоры и пожалованіемъ въ камеръ-юнкеры, и въ 1828 г. назначенъ членомъ Петербургской таможни. Произведенный затѣмъ въ надв. совѣтники, онъ съ 1830 по 1835 г. былъ начальникомъ отдѣленія департамента внѣшней торговли и награжденъ орд. св. Анны 3 степ. и чиномъ колл. совѣтника; въ 1835 г. назначенъ управляющимъ Московской Конторой Госуд. Комм. банка; въ 1839 г. оставилъ службу по министерству финансовъ; въ 1840 г. награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. и въ 1843 г. назначенъ членомъ попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія; въ 1844 г. произведенъ въ статскіе совѣтники, а въ 1847 г. въ дѣйств. статскіе совѣтники и назначенъ попечителемъ Сиротскаго дома, а въ 1852 г., кромѣ того, еще предсѣдателемъ комитета для надзора за фабриками и заводами въ Москвѣ; въ 1858 г. пожалованъ въ д. гофмейстера и въ 1859 г. вице-президентомъ Московской дворцовой конторы. Въ 1860 г. пожалованъ гофмейстеромъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ произведенъ въ тайные совѣтники.

Кн. Львовъ былъ женатъ на кн. Маріи Андреевнѣ Долгоруковой († 1889 г.), сестрѣ московскаго генералъ-губернатора кн. Владиміра Андреевича, и имѣлъ отъ этого брака 13 человѣкъ дѣтей, 5 сыновей и 8 дочерей: 1) кн. Марію Оболенскую; 2) кн. Евгенія, р. 1831 г., †; 3) кн. Дмитрія, р. 1832 г., † 1874 г.; 4) гр. Екатерину Бобринскую, р. 1834 г., † 1855 г.; 5) Александру Лонгинову, р. 1835 г.; 6) кн. Ольгу Долгорукову, р. 1836 г.; 7) кн. Евдокію, р. 1838 г., † 1839 г.; 8) Елизавету, въ 1-мъ бракѣ кн. Горчакова, во 2-мъ Безобразова, р. 1840 г.; 9) кн. Андрея, р. 1841 г.; 10) кн. Сергѣя, р. 1843 г., † 1844 г.; 11) кн. Василія, р. 1844 г., † 1871 г.; 12) Евдокію († 1904 г.), въ 1-мъ бракѣ кн. Шаховская, во 2-мъ Вырубова; 13) свѣтл. кн. Вѣру Волконскую.

---

[1]) Полк. архивъ; Лобановъ-Ростовскій, I, 239; Ист. Вѣстникъ, 1891/V, 352—354; 1891/VI, 599—612; 1891/VII, 53—63.

[2]) Полк. архивъ; Лобановъ-Ростовскій, II, 389.

Семья Львовыхъ пользовалась въ Москвѣ большимъ уваженіемъ. Получивъ крупное наслѣдство отъ своей тетки Ярославовой, Львовъ имѣлъ открытый, гостепріимный домъ, и москвичи считали особой честью быть у него принятыми. Такимъ же уваженіемъ пользовалась и кн. Марія Андреевна, которой многіе побаивались; къ ней примѣняли грибоѣдовское выраженіе о кн. Маріи Алексѣевнѣ.

Львовъ случайно оказалъ нѣкоторое вліяніе на судьбу Аксаковской газеты «Парусъ». 30 Ноября 1858 г. И. С. Аксаковъ писалъ М. П. Погодину: «Парусу плохо: за нимъ велѣно наблюдать строжайше, и сильно разъярены всѣ 3 вѣдомства: министерство Народнаго просвѣщенія, министерство Иностранныхъ дѣлъ, Третье отдѣленіе. Первоначальная главная причина, какъ мнѣ объяснили Кошелевъ и Оболенскій Дмитрій, это моя публикація въ газетахъ о князѣ Львовѣ. Весь Петербургъ оскорбленъ, а Долгоруковъ принялъ за личное оскорбленіе (та ему сестра); видятъ въ этомъ

умышленное нападеніе на аристократію». Къ сожалѣнію, неизвѣстно, что это за публикація, затронувшая честь Львова, и въ какихъ газетахъ она появилась.

Кн. А. Д. Львовъ скончался 21 Марта 1866 г. [1]).

---

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп., кн. 1541; Адресъ-Календари 1817—1861 гг.; Р. Архивъ, 1895/I, 235 и 236; Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», XVI, 311; Висковатовъ, «Исторія Кавалергардовъ», LXII.

Графъ Станиславъ (Станиславъ-Христіанъ) Петровичъ Сайнъ-Витгенштейнъ 2-й, 1800—1820, родился 13 Іюня 1800 г., вступилъ въ службу одновременно съ братомъ Львомъ Петровичемъ изъ камеръ-пажей корнетомъ Кавалергардскаго полка 20 Апрѣля 1817 года. 5 Февраля 1819 года онъ былъ произведенъ въ поручики и менѣе чѣмъ черезъ годъ скончался, 13 Января 1820 г., на 20 году отъ рожденія вслѣдствіе паденія съ лошади [1]).

Петръ Ивановичъ Мясоѣдовъ, 1786 —, изъ дворянъ, въ 1805 г. поступилъ актуаріусомъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, въ 1808 г. произведенъ переводчикомъ, въ 1809 г. переведенъ въ 1-й департаментъ Сената, въ 1810 г. произведенъ въ тит. совѣтники. Въ 1812 г. Мясоѣдовъ поступилъ поручикомъ въ Московскій казачій гр. Дмитріева-Мамонова полкъ, въ 1815 г. переведенъ въ 3-й Украинскій казачій полкъ, въ 1816 г. произведенъ въ шт.-ротмистры; 22 Іюня 1817 г. переведенъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ, а 20 Октября того же года переведенъ обратно въ тотъ же Украинскій каз. полкъ шт.-ротмистромъ, въ 1818 г. произведенъ въ ротмистры и въ майоры, въ 1819 г. переведенъ въ 3-й Бугскій уланскій полкъ, а 2 Января 1823 г. уволенъ отъ службы подполковникомъ, съ мундиромъ.

---

[1]) Полк. архивъ; Свѣдѣнія, сообщ. кн. Ф. Л. Витгенштейномъ. Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ сказано: «сего мѣсяца съ 12 на 13 число въ 12 ч. пополуночи отъ болѣзни первной горячки помре».

У его отца было 950 душъ въ Калужской, Владимірской и Костромской губерніяхъ [1]).

Графъ Александръ Никитичъ Панинъ, 1791—1850, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, выдвинувшагося въ XVIII в. и давшаго Россіи четырехъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей: графовъ Никиту и Петра Ивановичей, Никиту Петровича (1771—1833) и Виктора Никитича — двоюроднаго и роднаго дѣдовъ, отца и брата Александра Никитича. По матери же, графинѣ Софіи Владиміровнѣ Орловой (1774—1844), онъ принадлежалъ къ роду, подобно Панинымъ, игравшему выдающуюся роль въ царствованіе Екатерины II. Александръ Никитичъ, старшій сынъ Никиты Петровича, родился въ Москвѣ 22 Марта 1791 г. Раннее дѣтство онъ провелъ въ Россіи, а затѣмъ два года (1797—1799) прожилъ въ Берлинѣ, куда Никита Петровичъ былъ назначенъ посланникомъ. Воспитывался онъ сначала подъ непосредственнымъ надзоромъ отца. До насъ дошли два извѣстія, изображающія характеръ Панина въ дѣтствѣ: «Sacha est d'un tempérament sérieux qui a besoin d'être éveillé, égayé, encouragé par l'émulation», писалъ въ 1797 г. Панину-отцу графъ О. Н. Штакельбергъ. Самъ же Никита Петровичъ писалъ изъ Берлина: «Mon fils qui commence à penser et qui montre du goût pour l'étude me fait passer des heures très agréables» [2]). Изъ Берлина Панины переѣхали въ Петербургъ, такъ какъ Никита Петровичъ былъ назначенъ вице-канцлеромъ. Пробывъ въ этой должности около года, онъ впалъ въ немилость и былъ сосланъ въ имѣніе свое Дугино, Смоленской губ., но вскорѣ ему было разрѣшено жить въ окрестностяхъ Москвы, куда за нимъ послѣдовала и семья. Сначала Панины жили въ Петровскомъ-Разумовскомъ, а затѣмъ въ имѣніи отца графини, гр. В. Г. Орлова,—Отрадѣ. Здѣсь, въ Февралѣ 1801 г., для Александра Никитича былъ приглашенъ воспитатель — французскій аббатъ Макаръ (Macquart). По воцареніи Александра I гр. Никита Петровичъ вернулся къ государственной дѣятельности, хотя и не надолго. 30 Сентября 1801 г. онъ былъ уволенъ въ трехлѣтній отпускъ въ надеждѣ вернуться по окончаніи его въ Петербургъ, но враги не допустили его возвращенія, и въ 1805 г. онъ былъ окончательно уволенъ. 22 Іюня 1801 г. гр. Софія Владиміровна уѣхала съ дѣтьми за границу, а позже къ нимъ присоединился и Никита Петровичъ. Александръ Никитичъ не все время находился при родителяхъ. Пока они путешествовали по Италіи, молодой графъ со своимъ воспитателемъ жилъ въ Женевѣ [1]). Считая домашнее воспитаніе недостаточнымъ, Никита Петровичъ находилъ полезнымъ помѣстить сына въ учебное заведеніе, и поэтому графиня Панина поселилась въ 1805 г. съ сыномъ и съ его воспитателемъ въ Петербургѣ [2]). По свидѣтельству С. А. Маслова, А. Н. Панинъ получилъ хорошее общее образованіе [3]).

По окончаніи образованія молодой Панинъ былъ опредѣленъ 1 Мая 1809 г. на службу актуаріусомъ въ Московскій архивъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ служилъ до 1812 г., когда нашествіе французовъ заставило его выступить на защиту отечества. 17 Августа 1812 г. онъ былъ уволенъ отъ службы въ архивѣ со званіемъ переводчика, а черезъ 4 дня, 21 Августа, поступилъ прапорщикомъ въ Московское ополченіе. Отецъ самъ отвезъ его въ армію [4]), и уже черезъ нѣсколько дней онъ сражался въ ея рядахъ при Бородинѣ. За отличіе въ этой битвѣ онъ былъ произведенъ въ поручики. Во время отступленія арміи отъ Москвы состоялъ при Дохтуровѣ, а затѣмъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Тарутинѣ и Малоярославцѣ и въ преслѣдованіи непріятеля до границы. За Малоярославецъ онъ получилъ орденъ св. Анны 4 ст. [5]). 2 Іюня 1813 г. Панинъ, помимо своего желанія, былъ переведенъ въ Псковскій кирас. полкъ [6]). Во время войны 1813 г. онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Дрезденѣ и Лейпцигѣ, при чемъ въ послѣднемъ былъ *контуженъ* въ

1) Леф. арх., Форм. сп. 1882 г., кн. 4714.
2) Брикнеръ, «Матер. для жизнеописанія гр. Н. П. Панина», I, 318; III, 658.

1) Брикнеръ, VII, 67.
2) Тамъ же, 86.
3) «Журналъ сельск. хозяйства и овцеводства», 1850, №№ 3, 243.
4) Брикнеръ, VII, 131.
5) Леф. арх., Форм. сп., кн. 6109.
6) См. біографію *С. А. Горяинова.*

лѣвую ногу. За Лейпцигъ Панинъ былъ награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Кромѣ того, за эту войну получилъ прусскій орденъ «pour le mérite». Въ 1814 г. принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ при осадѣ Гамбурга и 5 Февраля былъ за отличіе произведенъ въ шт.-ротмистры. Въ 1815 г. совершилъ походъ во Францію до Парижа. 9 Августа 1816 г. Панинъ былъ переведенъ въ Екатеринославскій кирас. полкъ, а черезъ годъ, 17 Августа 1817 г., въ Кавалергардскій полкъ и 28 Февраля 1819 г. произведенъ въ ротмистры. Въ Кавалергардскомъ полку Панинъ пробылъ всего 3 года и 22 Іюля 1820 г. за участіе въ вызовѣ гр. Зах. Гр. Чернышевымъ на дуэль С. А. Горяинова былъ переведенъ въ Глуховскій кирас. полкъ подполковникомъ. Прошеніе о переводѣ въ армію подано гр. Панинымъ 3 Іюня [1]). 1 Мая 1825 г. онъ вышелъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, въ отставку, съ чиномъ полковника.

Около 5 лѣтъ пробылъ Панинъ въ отставкѣ, послѣ чего опять поступилъ на гражданскую службу; 27 Апрѣля 1830 г., по предложенію Императора Николая Павловича, онъ занялъ мѣсто чиновника для особыхъ порученій при попечителѣ Московскаго учебнаго округа, кн. С. М. Голицынѣ, при чемъ былъ переименованъ въ коллежскіе совѣтники. Попечитель поручилъ ему надзоръ надъ университетомъ съ его типографіей и частными мужскими учебными заведеніями [2]). Кромѣ того, онъ неоднократно ѣздилъ по округу для осмотра учебныхъ заведеній. Панинъ очень добросовѣстно относился къ порученному ему дѣлу, посѣщалъ экзамены въ университетѣ и вообще старался составить себѣ ясное понятіе какъ о профессорахъ, такъ и о способахъ ихъ преподаванія. Свидѣтельствомъ его знакомства съ личнымъ составомъ университета служитъ памятная записка о профессорахъ Московскаго университета, написанная имъ въ 1831 г., менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ назначенія на должность, для правителя канцеляріи попечителя, кн. Н. Н. Голицына, по поводу предположенія ходатайствовать предъ министромъ народнаго просвѣщенія кн. Ливеномъ объ очищеніи университета отъ нежелательныхъ лицъ [3]). «La note ci-jointe», писалъ Панинъ князю Голицыну, «pourra vous être de quelque utilité au cas que le ministre accède à votre demande de nettoyer l'université de Moscou pour la mettre à l'abri de nouveaux scandales» [1]). Стремясь удалить изъ университета людей вредныхъ, Панинъ, съ другой стороны, сближался съ тѣми профессорами, дѣятельность которыхъ онъ считалъ полезной. Такъ, онъ покровительствовалъ профессорамъ сельскаго хозяйства Линовскому и Желѣзнову; М. П. Погодинъ былъ очень радушно принятъ у него въ домѣ. Что же касается отношеній Панина къ студентамъ, то до насъ дошли неблагопріятные отзывы слушателей Московскаго университета того времени, графа М. В. Толстого и Вистенгофа: Панинъ ежедневно ходилъ по аудиторіямъ и особенно наблюдалъ за исправностью въ одеждѣ и прическѣ казенныхъ студентовъ; огромнаго роста, онъ, глядя сверху внизъ, очень внимательно осматривалъ ихъ головы и, если замѣчалъ длинные волосы, тотчасъ же приказывалъ остричь виновнаго по-солдатски, для чего постоянно имѣлся въ готовности цырюльникъ. Такъ же внимательно слѣдилъ онъ и за исправностью въ одеждѣ, и ни одна разстегнутая или оторванная пуговица не ускользала отъ его взгляда. На своекоштныхъ студентовъ онъ не обращалъ вниманія. По словамъ Вистенгофа, кн. С. М. Голицынъ передалъ власть своему помощнику Д. П. Голохвастову и Панину. Подобно Голохвастову, Панинъ, «ненавистная личность», по выраженію Вистенгофа, былъ «необузданный деспотъ, видѣвшій въ каждомъ студентѣ какъ бы своего личнаго врага, считавшій студентовъ опасными для всего общества и признававшій необходимымъ держать ихъ въ ежёвыхъ рукавицахъ. Онъ никогда не говорилъ съ ними, какъ съ людьми, а повелительно кричалъ на нихъ своимъ густымъ басомъ» [2]). Таковъ былъ Панинъ въ своихъ отношеніяхъ къ студентамъ, не очень мягкихъ, даже если признать отзывъ Вистенгофа слишкомъ пристрастнымъ. Между тѣмъ по отношенію къ другимъ людямъ Панинъ былъ совершенно иной: по свидѣтельству лицъ, его знавшихъ, онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми родными и знакомыми за кротость нрава и возвышенность чувствъ [3]).

Осенью 1830 г. въ Москвѣ сильно свирѣпствовала холера. Для борьбы съ этой страшной болѣзнью многія почетныя лица изъ Московскаго общества приняли на себя обязанности попечителей надъ отдѣльными полицейскими частями города. Панинъ былъ попечителемъ въ Тверской части. Упомянутый

---

[1]) Полк. архивъ.

[2]) «Русск. біограф. словарь» (Павелъ-Петръ), 177.

[3]) Записка напечатана дважды: въ «Чтеніяхъ» за 1870 г., IV, 214, и «Русск. Стар.», 1880/VIII, 280.

[1]) «Чтенія», 1870/IV, 214.

[2]) Р. Арх., 1881/II, 51; Ист. Вѣстн., XVI, 335 и 336.

[3]) Гр. В. П. Орловъ-Давыдовъ, «Очеркъ жизни гр. В. Г. Орлова», II, 283.

выше гр. М. В. Толстой, со словъ М. П. Погодина, разсказываетъ, что Панинъ при ежедневномъ посѣщеніи больницъ замѣтилъ, что больные, боясь заразы, не хотятъ садиться въ ванну; однажды онъ раздѣлся и при нихъ сѣлъ въ ванну. «Высокій примѣръ самопожертвованія», замѣчаетъ по этому поводу гр. Толстой, «въ то время, когда холера считалась столько же заразительной, какъ самая чума» [1]).

27 Апрѣля 1833 г. Панинъ былъ назначенъ на вновь учрежденную должность помощника попечителя Харьковскаго учебнаго округа. И въ Харьковѣ онъ старался о сближеніи съ нѣкоторыми изъ членовъ университетской корпораціи. Профессоръ Цыхъ писалъ Погодину: «Съ графомъ Панинымъ я познакомился очень хорошо и даже нѣсколько сблизился. Онъ человѣкъ очень, очень добрый, весьма ласковый и нисколько не гордый» [2]). Заботился онъ и о привлеченіи въ Харьковскій университетъ молодыхъ ученыхъ силъ: такъ, онъ хлопоталъ о назначеніи туда Вадима Пассека [3]). 3 Іюля 1838 г. Панинъ былъ назначенъ членомъ Главнаго правленія училищъ, съ производствомъ въ дѣйств. статскіе совѣтники, но прослужилъ въ этой должности очень недолго. Личныя дѣла, вынуждавшія его уѣзжать для управленія обширными имѣніями (у него съ братомъ Викторомъ Никитичемъ было въ разныхъ губерніяхъ 11.465 душъ), заставили его 30 Ноября 1839 г. выйти въ отставку и поселиться въ Москвѣ, поближе къ своимъ владѣніямъ [4]).

Сельское хозяйство сдѣлалось теперь главнымъ занятіемъ Панина. Въ 1839 г. онъ былъ избранъ въ члены Московскаго общества сельскаго хозяйства, а 13 Февраля 1845 г.—въ начальники перваго отдѣленія этого общества. Въ вѣдѣніи отдѣленія, во главѣ котораго сталъ гр. Панинъ, находились ученые труды по сельскому хозяйству. Онъ оказалъ много услугъ обществу. Такъ, онъ старался о привлеченіи туда лицъ, которыя могли бы принести дѣйствительную пользу, и съ этою цѣлью предложилъ избрать въ члены общества профессоровъ Московскаго университета по каѳедрѣ сельскаго хозяйства—Линовскаго и Желѣзнова. Въ 1846 г. Панинъ принялъ на себя главное наблюденіе надъ редакціей «Журнала сельскаго хозяйства и овцеводства», издававшагося обществомъ, просматривалъ всѣ статьи, печатавшіяся тамъ, и дѣлалъ на нихъ основательныя замѣчанія. Онъ продолжалъ руководить журналомъ и въ 1847 году. Въ домѣ Панина были первыя совѣщанія членовъ сельско-хозяйственнаго общества по вопросу о распространеніи грамотности въ народѣ. Подъ его предсѣдательствомъ неоднократно собирался статистическій комитетъ для хозяйственнаго описанія Московской губерніи. По свидѣтельству непремѣннаго секретаря общества С. А. Маслова, Панинъ обладалъ значительными познаніями по ботаникѣ и агрономіи. Послѣднія онъ примѣнялъ на практикѣ въ своемъ имѣніи Дугинѣ Сычевскаго уѣзда, Смоленской губерніи. Онъ любилъ заниматься и цвѣтоводствомъ и участвовалъ въ трудахъ Московскаго общества любителей садоводства, собиравшагося въ домѣ его матери, бывшей въ числѣ его учредительницъ [1]).

Въ Москвѣ Панинъ велъ очень открытый образъ жизни и часто принималъ гостей въ своемъ домѣ на Никитской, принадлежавшемъ прежде его дѣду гр. В. Г. Орлову, а потомъ его матери. 30 Декабря 1845 г. былъ имъ данъ особенно роскошный маскарадъ, подробно описанный въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» того времени, какъ выдающееся событіе въ Московской общественной жизни. Болѣе мѣсяца носились слухи о предстоящемъ маскарадѣ, а Московское высшее общество усердно готовилось къ нему. Обширныя и великолѣпно освѣщенныя залы Панинскаго дома вмѣстили до 700 человѣкъ гостей. Маскарадъ этотъ, по мнѣнію автора статьи, напечатанной въ Московской газетѣ, «принадлежитъ къ числу очень рѣдкихъ свѣтлыхъ явленій нашей довольно однообразной жизни. Мы запишемъ эту минуту въ лѣтописяхъ Москвы, она стоитъ того; она ярко выдается изъ длинной цѣпи однихъ и тѣхъ же баловъ; въ ней разыгралось радушное веселье нашего общества; тутъ слилось все вмѣстѣ: и гостепріимство добрыхъ хозяевъ, которые, казалось, были только рады веселію гостей своихъ, и роскошь, и богатство, и красота, и фантазія въ костюмахъ, и рѣзвая шутка съ примѣсью іроніи». Большой успѣхъ имѣли танцы карточныхъ королей, дамъ и валетовъ подъ музыку Крыловскаго квартета [2]).

29 Апрѣля 1823 г. гр. Панинъ женился на Александрѣ Сергѣевнѣ Толстой, дочери гвардіи капитанъ-поручика Сергѣя Васильевича и Елены Петровны, рожденной кн. Долгоруковой, сестры извѣстныхъ дѣятелей начала царствованія Александра I. Бракосочетаніе

---

[1]) Р. Арх., 1881/II, 45.
[2]) Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», IV, 140.
[3]) Р. Стар., 1876/XII, 319, 331, 649.
[4]) «Русск. біогр. Словарь», 177.

[1]) С. А. Масловъ, «Истор. обозр. Моск. общ. сельск. хозяйства», 1846 г., прилож., 138; «Журн. сельск. хоз. и овцев.», 1850 г., №№ 3, 243—245.
[2]) «Моск. Вѣд.», 1846 г., № 2.

происходило въ Москвѣ въ домовой церкви гр. В. Г. Орлова на Никитской. По словамъ двоюроднаго брата Панина, гр. В. П. Орлова-Давыдова, Александръ Никитичъ нарушилъ серіозное настроеніе присутствовавшихъ при вѣнчаніи, выпивъ по разсѣянности почти всю чашу вина. Священникъ, очень маленькаго роста, съ трудомъ могъ спасти нѣсколько капель вина [1]). Отъ брака съ Александрой Сергѣевной Панинъ имѣлъ 3 дочерей: гр. Софью Александровну — за кн. Г. А. Щербатовымъ [2]), гр. Марію Александровну († 30 Сент. 1903 г.), унаслѣдовавшую Дугино и домъ на Никитской,—за попечителемъ Московскаго учебнаго округа кн. Н. П. Мещерскимъ, и гр. Аделаиду Александровну, умершую въ младенчествѣ. Графъ А. Н. Панинъ скончался въ Москвѣ 15 Февраля 1850 г. и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

Н. Чулковъ.

Федоръ Львовичъ Кутлеръ (Kuttler), 1788 — 1840, принадлежалъ къ родовитому Виртембергскому дворянству, владѣвшему въ Монбельярѣ мѣстечкомъ Audincourt и громадной суконной мануфактурой. Во времена Великой революціи и съ переходомъ Монбельяра къ Франціи, Кутлеры лишились всего своего состоянія и нашли покровительство сначала у герцога Фридриха-Евгенія, а затѣмъ у сына его короля Виртембергскаго Фридриха I. Левъ Кутлеръ былъ личный другъ Фридриха-Евгенія. Въ память этой дружбы дочь Фридриха, Императрица Марія Ѳеодоровна, пригласила вдову Léon (рожденная Майнеръ), съ сыномъ Федоромъ и дочерью Елизаветой переѣхать въ Россію (въ 1803 г.), гдѣ до самой смерти и покровительствовала своимъ соотечественникамъ.

Ф. Л. Кутлеръ, окончивъ курсъ въ Страсбургскомъ университетѣ, въ 1803 г. поступилъ преподавателемъ французскаго языка въ Смольный монастырь и въ 1808 г. состоялъ въ чинѣ IX класса, въ 1812 г. переведенъ поручикомъ въ Казачій волонтерный полкъ бар. Боде и «во исполненіе повелѣнія г. Главнокомандующаго 1-ю арміей на вѣчное подданство Россіи присягу учинилъ». Въ 1814 г. произведенъ въ шт.-ротмистры, въ 1815 г. переведенъ въ Рижскій драгунскій полкъ, съ назначеніемъ старшимъ адъютантомъ 2-й Драгунской дивизіи. Въ 1816 г. Кутлеръ назначенъ адъютантомъ къ бар. Корфу, 26 Сентября 1817 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, съ оставленіемъ въ должности адъютанта, въ 1819 г. произведенъ въ ротмистры, въ 1824 г. въ полковники, 29 Марта 1825 г. назначенъ командиромъ Астраханскаго кирас. полка. 6 Марта 1831 г. уволенъ въ отпускъ для излѣченія болѣзни, съ зачисленіемъ по кавалеріи, а 10 Іюня 1834 г. уволенъ отъ службы за болѣзнію, съ мундиромъ и полной пенсіей.

Участвовалъ въ дѣлахъ: подъ Экау (6 Дек. 1812 г.), Алаемъ и Митавѣ (9 Дек.), Бунцлау (17 Авг.), Герлицемъ (20 Авг.), Вейссенбергомъ (21 Авг.), Бауценомъ (24 Авг.), Гросенгеймомъ (15 Сент.), Мейссеномъ (16 Сент.), въ Лейпцигскихъ бояхъ (4—7 Окт.) и получилъ Высоч. благоволеніе; подъ Маркранштетомъ (8 Окт.), Вейсефлюсомъ (9 Окт.). Въ 1814 г. въ дѣлахъ подъ С.-Обеномъ (9 и 10 Янв.), Рамри (15 Янв.), Бріенномъ (17 Янв.), при Ларотьерѣ (20 Янв.), Лаферте-су-Жуаръ (28 Янв.), Монмиралѣ (30 Янв.), Шатотьери (31 Янв.), Мери (10 Февр.), Сезаннѣ (13 Февр.), Ла-Ферте (14 Февр.), подъ г. Мо (15 Февр.), «подъ Жевръ при переправѣ чрезъ р. Уркъ» (17 Февр.), Уми-ле-шато (19 Февр.), подъ Краономъ (23 Февр.), Ланомъ (24 и 25 Февр.), при д. Круи (1 Марта), «при переправѣ чрезъ р. Энъ» (5 Марта), въ сраженіи при Фершампенуазѣ и награжденъ орд. св. Анны 4 ст.

Еще 15 Іюня 1812 г. Кутлеръ былъ награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Въ 1820 г. награжденъ брильянтовымъ перстнемъ, въ 1829 г. орденомъ св. Анны 2 ст. съ Имп. короною. Въ 1820 или 1821 г. Кутлеръ женился на дочери Тульскаго губ. предводителя Василія Ивановича Протасова, Александрѣ, и имѣлъ отъ нея трехъ сыновей: Николая (р. 1826 г.; былъ адъютантомъ гр. Перовскаго въ Оренбургѣ, потомъ гр. Тотлебена, служилъ предс. Орловской губ. земск. управы); Федора (р. 1828 г. — †; офицеръ Семеновскаго полка, раненъ подъ Севастополемъ); Павла (р. 1830 г. — †; офицеръ Семеновскаго полка, потомъ мировой судья). «Послѣ рожденія послѣдняго сына А. В. умерла чахоткой, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Кутлеръ былъ пораженъ параличемъ. Несмотря на то, что ходилъ очень плохо и говорить почти не могъ, онъ жилъ очень долго и въ старости вступилъ во второй бракъ съ немолодой тоже дѣвицей, баронессой Фогель, которая ходила за нимъ, какъ сестра милосердія».

У первой жены Кутлера было 340 душъ въ Чернскомъ у., Тульской губ., при с. Троицкомъ, 87 — Козельскомъ у., Калужской губ., при д. Дебряхъ и 94 — въ Орловской губ., при

---

[1]) «Очеркъ жизни гр. В. Г. Орлова», II, 282.
[2]) См. Сборникъ біогр. Кавалергардовъ, т. IV.

д. Арсеньевѣ. Умеръ Кутлеръ въ Петербургѣ 29 Декабря 1840 г. и похороненъ на Волковомъ лютеранскомъ кладбищѣ [1]).

Князь Леонтій Тимофѣевичъ Девлетъ-Кильдѣевъ, 1795—1835, происходилъ изъ татарскаго княжескаго рода, ведущаго свое начало изъ Крыма. Предокъ его, Байберсъ-мурза Девлетъ-Кильдѣевъ пожалованъ былъ помѣстьями въ концѣ XVI вѣка. Кн. Л. Т. Девлетъ-Кильдѣевъ воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ и былъ выпущенъ въ гражданскую службу съ чиномъ тит. совѣтника. 14 Апрѣля 1816 г. онъ поступилъ эст.-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ, 29 Ноября 1817 г. произведенъ въ корнеты, а 13 Марта 1819 г.—въ поручики. Въ томъ же году Девлетъ-Кильдѣевъ, 31 Декабря, былъ переведенъ капитаномъ въ Арзамасскій конно-егерскій полкъ. Прослуживъ въ этомъ полку всего два мѣсяца, 10 Марта 1820 г. переведенъ въ Бѣлорусскій пр. Оранскаго гусарск. полкъ. Въ 1823 г., 28 Іюля, Девлетъ-Кильдѣевъ вновь перешелъ въ гвардію и зачисленъ поручикомъ въ лб.-гв. Уланскій полкъ. Въ 1823 г. произведенъ въ шт.-ротмистры, въ 1826 г.—въ ротмистры, а 29 Янв. 1827 г. уволенъ отъ службы полковникомъ. Позднѣе, онъ снова поступилъ на службу и въ 1832 г. состоялъ по особымъ порученіямъ при принцѣ Александрѣ Виртембергскомъ.

Кн. Л. Т. Девлетъ-Кильдѣевъ умеръ 5 Октября 1835 г. въ своемъ имѣніи с. Ворыпаевѣ, Пензенской губ., Саранскаго у. и погребенъ въ Арзамасскомъ монастырѣ. Былъ женатъ два раза: 1) на дочери надв. совѣтника Варварѣ Петровнѣ Мальшиной (дѣтей не было) и 2) на дочери д. ст. совѣтника А. Чихачева, сестрѣ извѣстнаго путешественника. Отъ этого брака онъ имѣлъ 4 сыновей. Послѣ его смерти вдова его вышла за итальянск. графа Кастель-Нуово и всегда жила за границей; у нея была своя вилла въ Ниццѣ, гдѣ обыкновенно жила Императрица Александра Ѳеодоровна, которой она лично была извѣстна [2]).

Николай Афанасьевичъ Булацель, 1798—1858, изъ дворянъ Екатеринославской губ., происходилъ отъ знатнаго Молдаванскаго рода, принявшаго русское подданство при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, родился 2 Января 1798 г. и былъ единственный сынъ подполковника Афанасія Григорьевича отъ второго брака съ дочерью генералъ-аншефа Шевича, Ульяной Егоровной. Въ 1815 г. поступилъ на службу юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ, въ 1816 г. эст.-юнкеромъ, въ 1817 г. корнетомъ; въ 1819 г. назначенъ старшимъ адъютантомъ въ 1-й Резервный кавалер. корпусъ и произведенъ въ поручики; въ 1821 г. перемѣщенъ адъютантомъ къ командиру 7-го пѣх. корпуса Рудзевичу; въ томъ же году произведенъ шт.-ротмистромъ, въ 1824 г.—ротмистромъ. 28 Марта 1825 г., по домашнимъ обстоятельствамъ, уволенъ отъ службы полковникомъ.

Былъ женатъ (послѣ отставки) на помѣщицѣ Черниговской губ. Аннѣ Федоровнѣ Ширяй и имѣлъ пять сыновей (Георгія, Федора, Василья, Александра и Сергѣя) и пять дочерей.

За Булацелемъ состояло въ Екатеринославской и Черниговской губ. 3500 душъ, отчасти родовыхъ, отчасти благопріобрѣтенныхъ.

Послѣ отставки Булацель занимался исключительно и съ полнымъ успѣхомъ сельскимъ хозяйствомъ, имѣлъ два большихъ, по тому времени, винокуренныхъ завода и въ особенности интересовался овцеводствомъ и коневодствомъ. Въ домашней жизни былъ очень суровъ и строгъ. Подъ конецъ своей жизни онъ сдѣлался еще болѣе угрюмъ, вслѣдствіе ампутаціи правой ноги. Эту тяжелую операцію, которую дѣлалъ итальянскій профессоръ Ванцети, нарочно для того выписанный въ имѣніе Николаевку, онъ перенесъ съ чрезвычайнымъ мужествомъ и не позволилъ даже себя держать и привязывать къ столу въ то время, какъ пилили ему кость. Послѣднія 15 лѣтъ жизни онъ ходилъ на костыляхъ. Умеръ въ имѣніи своемъ Бол. Николаевкѣ, Славяносербскаго у. [1]).

Алексѣй Федоровичъ Шереметевъ 2-й (впослѣдствіи 1-й), 1797—1833, принадлежалъ къ вѣтви Шереметевыхъ, происходившей отъ Владиміра Петровича, брата фельдмаршала, и былъ сынъ Федора Александровича отъ брака съ Екатериной Сергѣевной Власовой; родился 10 Іюля 1797 г. и въ службу вступилъ 8 Августа 1816 г. изъ пажей въ Бѣлорусскій гусарск. (пр. Оранскаго) полкъ корне-

---

[1]) Леф. арх., Дѣла Инсп. деп., св. 679, № 402; Свѣдѣнія, сообщ. П. Н. и С. Ф. Кутлерами, графиней А. А. Толстой и А. А. Тимирязевой.

[2]) Полк. арх.; Леф. арх.; Форм. списки 1826 г., кн. 7597; «Записки бар. Фредериксъ» (Ист. Вѣстн.); свѣдѣнія, сообщ. кн. Ан. Л. Девлетъ-Кильдѣевымъ.

[1]) Полк. арх.; Свѣдѣнія, сообщ. П. Ф. Булацелемъ.

томъ; 31 Января 1818 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; 8 Іюня 1818 г. назначенъ адъютантомъ къ гр. П. А. Толстому и въ 1819 г. произведенъ поручикомъ. 15 Апрѣля 1821 г. уволенъ за болѣзнью отъ службы. Умеръ 13 Февраля 1833 г. и погребенъ въ с. Лазаревскомъ Тульской губ. Отъ брака съ Анастасіей Петровной Бибиковой имѣлъ сыновей: Петра (р. 1827 г.), Федора (1828—1886), Александра (р. 1830 г., † мл.), Бориса (1832—1886) и Василія (р. 1833 г., † мл.), и дочь Екатерину (1825—1893; была замужемъ за Энгелемъ).

Шереметевъ былъ членомъ «Союза Благоденствія», но въ числѣ прочихъ, по Высочайшему повелѣнію, оставленъ безъ вниманія, какъ отклонившійся отъ союза и не участвовавшій въ возникшихъ послѣ 1821 г. тайныхъ обществахъ [1]).

Федоръ Семеновичъ Лихачевъ, 1796—1835, изъ дворянъ Казанской губерніи, сынъ Семена Александровича († 1821 г.). 21 Декабря 1815 г. поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; въ 1817 г. произведенъ эст.-юнкеромъ, 3 Марта 1818 г. корнетомъ; въ 1819 г. поручикомъ, 24 Іюня 1821 г. назначенъ полковымъ адъютантомъ, а чрезъ $^1/_2$ мѣсяца (1 Іюня) отчисленъ во фронтъ. 1 Янв. 1822 г. произведенъ шт.-ротмистромъ, 3 Января подалъ прошеніе объ отставкѣ и того же числа сдалъ должность полк. адъютанта; 20 Іюля того же года уволенъ отъ службы, за болѣзнью («воспаленіе въ груди, отъ многократныхъ паденій съ лошадью»).

Въ 1824 г. Лихачевъ женился на Глафирѣ Ивановнѣ Панаевой, родной сестрѣ писателя Вл. Ив. Панаева, и поселился въ с. Полянкахъ-Никольскомъ, Спасскаго у. Казанской губ.

Лихачевъ служилъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, «собиралъ библіотеку, старинное оружіе, русскіе минералы и коллекцію чубуковъ; собиралъ матеріалы по исторіи Петра Великаго и оставилъ послѣ себя неоконченнымъ обширный трудъ подробнаго описанія Спасскаго уѣзда». Умеръ въ своемъ имѣніи 14 Окт. 1835 г.; у него были дѣти: Иванъ (р. 31 Марта 1826 г.; вице-адмиралъ), Екатерина (р. 9 Окт. 1828 г.), Борисъ (р. 19 Янв. 1830 г.), Логинъ (р. 9 Февр. 1831 г.), Андрей (р. 4 Іюня 1832 г.; извѣстный археологъ) и Петръ (1833 г.) [1]).

Николай Емельяновичъ Лачиновъ, 1795—1876, происходилъ изъ древняго дворянскаго рода. Предокъ его, татаринъ князь Лачинъ-бекъ, при Іоаннѣ Грозномъ перешелъ на русскую службу съ фамиліей Лачиновъ (Лачинъ по-татарски значитъ Соколъ). Родъ Лачиновыхъ записанъ во Владимірской и Воронежской губерніяхъ.

Отецъ Николая Емельяновича майоръ Емельянъ Николаевичъ († 1821 г.), женатый на Прасковьѣ Евдокимовнѣ, рожд. Шидловской, имѣлъ 7 сыновей и трехъ дочерей. Н. Е. Лачиновъ родился 16 Августа 1795 г. Такъ какъ Емельянъ Николаевичъ умеръ рано, то дѣтей воспитывала мать.

Образованіе Лачиновъ получилъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ по физ.-математическому факультету съ серебряной медалью. По своему времени онъ былъ весьма образованный человѣкъ и зналъ прекрасно французскій, нѣмецкій, англійскій и латинскій языки. 15 Апрѣля 1814 г. Лачиновъ поступилъ въ Александрійскій гус. полкъ юнкеромъ и состоялъ при генер.-отъ-кав. Кологривовѣ. 30 Окт. того же года Лачиновъ былъ произведенъ въ корнеты. 17 Іюня 1816 г. переведенъ въ Маріупольскій гус. полкъ, но до Февраля 1817 г. оставался при Кологривовѣ. Чрезъ полтора года, 19 Марта 1818 г., онъ былъ переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, гдѣ 23 Сентября 1819 г. назначенъ полковымъ казначеемъ. Аккуратный и исполнительный Лачиновъ вполнѣ исправно исполнялъ казначейскую должность (до 3 Сент. 1822 г.).

---

[1]) Полк. архивъ; Гос. арх., I, Б, д. 28; Барсуковъ, «Родословіе Шереметевыхъ», 17, 20 и 23; Свѣдѣнія, сообщ. А. П. Барсуковымъ. Р. Арх., 1901/I, 54. —Въ Форм. спискахъ Кавалергардскаго полка ошибочно названъ Александромъ.

[1]) Полк. архивъ; Лобановъ-Ростовскій, I, 336; Свѣдѣнія, сообщ. Тверской арх. комиссіей и Н. П. Лихачевымъ.

2 Августа 1822 г. назначенъ адъютантомъ къ Ф. П. Уварову и 7 Декабря 1824 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. 15 Декабря того же года «употребленъ» былъ въ должность старшаго адъютанта при штабѣ гвардейскаго корпуса. 22 Января 1825 г. назначенъ старшимъ адъютантомъ Главнаго штаба Его Величества. 4 Сентября ему Всемилостивѣйше пожаловано изъ Кабинета 3000 руб.

Въ движеніи декабристовъ Лачиновъ не принималъ участія. Имѣя много товарищей по университету, которые впослѣдствіи попали въ тайныя общества, Лачинову стоило большихъ усилій «справляться съ товарищами», которые, по его выраженію, старались «впутать» его въ это движеніе. Затрудненіе Лачинова увеличивалось еще тѣмъ, что родной братъ его Евдокимъ, квартирмейстерской части поручикъ во 2-й арміи, принадлежалъ къ тайному обществу, былъ преданъ суду въ Тирасполѣ и по Высоч. утвержденной конфирмаціи 25 Ноября 1826 г. разжалованъ въ рядовые съ лишеніемъ дворянства [1]).

14 Декабря Лачиновъ находился при особѣ Государя Николая Павловича, и 15 Дек. «объявлена ему въ числѣ прочихъ Высочайшая признательность за оказанное имъ въ сіе время усердіе и точность въ исполненіи Высочайшихъ приказаній», а 19 Марта слѣдующаго года пожалованъ орденъ св. Анны 2 ст.

2 Февраля 1827 г. онъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ «Высочайше учрежденнаго комитета для улучшенія вещей, отпускаемыхъ въ пѣхотныя войска». 30 Сентября «по опытности въ дѣлахъ» назначенъ правителемъ дѣлъ другого комитета, «учрежденнаго для опредѣленія съ точностью вещей, отпускаемыхъ на обмундированіе и снаряженіе кавалеріи». 6 Дек. ему пожалованъ орденъ св. Анны 2 ст. съ алмазами. Во время Турецкой кампаніи, 27 Мая 1828 г., Лачиновъ находился «при переправѣ войскъ черезъ Дунай у Сатунова», а затѣмъ съ 31 Мая по 29 Сентября въ Главной квартирѣ Государя при блокированіи Шумлы и осадѣ Варны. 29 Сентября за отличія произведенъ въ полковники. Послѣ отъѣзда Государя въ Россію и по прибытіи Главной квартиры въ Яссы, Дибичъ 21 Ноября поручилъ Лачинову сдѣлать «личный осмотръ госпиталей и положенія войскъ, находившихся въ Молдавіи и Валахіи», и 12 Дек. «изъявилъ совершенную благодарность за истинное стараніе и усердное рвеніе, оказанныя при исполненіи этого порученія».

По окончаніи этой командировки ему повелѣно состоять для особыхъ порученій при Дибичѣ, назначенномъ главнокомандующимъ, и 28 Февраля онъ былъ отправленъ «съ разными порученіями» въ Болгарію. По возвращеніи изъ этой командировки выступилъ 2 Апрѣля изъ Яссъ съ Главною квартирою, при которой и находился до 13 Іюля, когда былъ отправленъ главнокомандующимъ курьеромъ къ Государю съ донесеніями о переходѣ черезъ Балканы. Посылая донесенія, Дибичъ писалъ Государю: «Депеши эти имѣю счастье послать съ полковникомъ Лачиновымъ, который при исполненіи различныхъ порученій, возлагаемыхъ на него зимою, а также въ продолженіе кампаніи являлъ доказательства величайшаго усердія отличныхъ способностей и мужества, такъ же, какъ и товарищъ его Зуровъ» [1]). Дибичъ черезъ 6 дней послѣ отправки Лачинова къ Государю послалъ другого курьера сухимъ путемъ, а Лачиновъ попалъ въ штормъ, и второй курьеръ прибылъ раньше. Государь, не зная причины, почему Лачиновъ запаздываетъ, былъ недоволенъ имъ и 4 Августа писалъ Дибичу: «Лачинова еще здѣсь нѣтъ, и ваше письмо отъ 18-го прибыло четырьмя днями ранѣе письма отъ 12-го, которое онъ везъ. Мы оставались 11 дней безъ извѣстій и безпокоились; когда же письмо отъ 18-го числа прибыло, мы не могли понять, что сдѣлалось съ Лачиновымъ, и думали, что онъ пропалъ» [2]).

Наконецъ, Лачиновъ, качающійся и еле живой отъ усталости, прискакалъ прямо во дворецъ. Государь, прочитавъ донесенія, «выгналъ его вонъ», сказавъ: «Мнѣ это уже извѣстно». Впослѣдствіи Лачиновъ разсказывалъ, «что состояніе его души могъ бы понять лишь тотъ, кто испыталъ что-либо подобное!... Однако, нашлись лица изъ высокопоставленныхъ особъ, которыя рѣшились не только утѣшить, но и спасти нравственное его состояніе». Взявъ съ Лачинова обѣщаніе, что онъ не промолвится ни однимъ словомъ, ему сообщили о милости Государя, которая его ожидаетъ: Государь рѣшилъ оставить Лачинова «безъ вензелей» ровно столько дней, сколько Лачиновъ промедлилъ въ дорогѣ. Затѣмъ, по прошествіи положеннаго для наказанія срока, Государь поздравилъ 22 Августа Лачинова флигель-адъютантомъ. За эти дни Лачиновъ испытывалъ немалую нравственную пытку: «Его все время *посѣщали* и *соболѣзновали,* и онъ долженъ былъ все это сносить, не смѣя крикнуть имъ всѣмъ въ лицо: «Врете все, Государь сдѣлаетъ меня флигель-адъютантомъ!» 17 Октября Лачиновъ командированъ въ Симбирскую, Казанскую, Пермскую

---

[1]) Гос. архивъ, I, д. 147.

[1]) Русск. Старина, 1882/IV, 118.
[2]) Тамъ же, 174.

и Оренбургскую губерніи «для наблюденія за дѣйствіями по пріему рекрутъ и выбора изъ нихъ способныхъ въ полки Лейбъ-Гвардіи». Находясь въ этой командировкѣ, онъ 29 Декабря получилъ еще «секретное порученіе» по Симбирской губ. 14 Августа 1830 г. ему объявлено Высочайшее «благоволеніе» «за отличное исполненіе возложенныхъ на него порученій». 23 Августа 1830 г. Государь, «желая преподать Оренбургскому Военному Губернатору болѣе средствъ къ дѣйствительному и неослабному надзору къ прекращенію смертоносной болѣзни холера-морбусъ», командировалъ Лачинова «въ распоряженіе гр. Сухтелена, надѣясь отъ постояннаго его усердія къ службѣ, что въ семъ важномъ дѣлѣ оправдается выборъ Его Величества». По прекращеніи холеры въ Оренбургскомъ краѣ, онъ былъ награжденъ 10 Марта 1831 г. орденомъ св. Анны 2-й ст. съ Императорскою короною. 18 Мая 1831 г., по случаю появленія холеры въ западныхъ губерніяхъ, Государь, «признавъ необходимымъ усугубить мѣры къ охраненію столицы», повелѣлъ Лачинову отправиться въ городъ Нарву, чтобъ удостовѣриться, исполняются ли съ точностью мѣры по устройству обсерваціонной линіи, и «какія пособія на предметъ сей доставлены туда по распоряженію министерства Внутр. дѣлъ». Вслѣдъ за этимъ Лачиновъ получаетъ цѣлый рядъ порученій отъ Государя; такъ; 1) 18 Янв. 1832 г. ему повелѣно было привести Порховскій и Великолуцкій городскіе госпитали «въ настоящій порядокъ и устройство»; 2) «замѣтивъ крайнее неудобство и дурное состояніе строеній» Витебскаго военнаго госпиталя, Государь повелѣлъ Витебскому ген.-губернатору «принять неукоснительныя мѣры къ отводу удобнѣйшихъ строеній для помѣщенія госпиталя», и «наблюденіе за точнымъ исполненіемъ сей Высочайшей воли» поручилъ Лачинову, который 22 Января получилъ еще «секретное по городу Витебску». 28 Февраля «за отличное исполненіе сихъ... порученій» ему объявлено Высочайшее благоволеніе; 3) 23 Іюня Лачинову Высочайше повелѣно сдѣлать осмотръ 33 внутреннихъ госпиталей и обревизовать въ нихъ освидѣтельствованіе нижнихъ чиновъ, выписываемыхъ за неспособностью.

25 Декабря Лачиновъ командированъ въ распоряженіе кн. Паскевича, при чемъ ему было пожаловано 2000 рублей асс. изъ казначейства. И въ Варшавѣ онъ получаетъ самыя разнообразныя порученія: 1) 21 Іюля ему поручается обучить линейныхъ унт.-офицеровъ двухъ кавалерійскихъ дивизій боевымъ порядкамъ; 2) 16 Ноября — осмотрѣть гражданскія и военныя тюрьмы Царства Польскаго, за что 6 Декабря объявлено ему Высочайшее благоволеніе; 3) въ 1834 г. назначенъ состоять при принцѣ прусскомъ Адальбертѣ во время его пребыванія въ Варшавѣ, и награждается имъ «въ знакъ благоволенія на память» брильянтовымъ перстнемъ съ вензелемъ принца; 4) 25 Ноября Государь, «во вниманіе большой смертности въ Брестъ-Литовскомъ госпиталѣ», повелѣваетъ поручить Лачинову осмотрѣть «состояніе госпиталя... и удостовѣриться, не испытываютъ ли больные какихъ-либо невыгодъ по хозяйственной и медицинской частямъ»; 5) 15 Марта 1835 г. онъ производитъ изслѣдованіе въ Плоцкѣ, по прошенію Млавскаго помѣщика Кисельницкаго, о тѣлесномъ его наказаніи плацъ-адъютантомъ подпоручикомъ Бокманомъ; 6) 11 Апрѣля производилъ изслѣдованіе о томъ, «кто вышибъ глазъ рядовому Сѣвскаго пѣхотнаго полка Ивану Пѣтушкову и какимъ образомъ». Съ 31 Іюля по 15 Сентября Лачиновъ находился на Калишскихъ маневрахъ, гдѣ 10 Сентября произведенъ въ ген.-майоры, съ сохраненіемъ 3000 руб. асс., получаемыхъ имъ по званію флиг.-адъютанта, «впредь до назначенія къ мѣсту, гдѣ столовыя деньги опредѣлены по штату», и получилъ отъ короля прусскаго орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго.

25 Марта 1836 г. Лачиновъ назначенъ состоять при Кавказскомъ корпусѣ, гдѣ до Мая 1838 г. на него возлагался рядъ порученій: 1) 11 Іюня — осмотръ Кабардинской и Кисловодской кордонныхъ линій; съ 27 по 31 Мая 1837 г. онъ, «по желанію», участвуетъ въ экспедиціи въ Абхазію и находится при покореніи Цебельды; 2) 31 Мая ему поручается «завѣдывать всѣмъ вообще трактомъ Высочайшаго путешествія» отъ Редутъ-кале до Владикавказа, и «за устройство тракта удостоился при представленіи Его Величеству въ Тифлисѣ услышать Высочайшее благоволеніе»; 3) въ это же время корпусный командиръ предписываетъ ему «вступить въ посредничество» между старымъ и новымъ командирами линейнаго № 9 баталіона, «при чемъ ему удалось согласить обоихъ и окончить пріемъ и сдачу баталіона на законномъ основаніи»; 4) 30 Октября, по увольненіи походнаго атамана донскихъ казачьихъ войскъ, за Кавказомъ расположенныхъ, «исправлялъ эту должность до назначенія и прибытія въ Тифлисъ другого походнаго атамана, т.-е. по 1 Мая 1838 г.». 4 Мая 1838 г. назначенъ командиромъ 1-й бриг. 19-й пѣх. дивизіи и начальникомъ Джаро-Бѣлоканскаго округа.

Вслѣдствіе подчиненія генералу Фези Лачинову не удалось обнаружить качествъ боевого генерала: Фези поручилъ ему обезпеченіе тыла своихъ движеній, для чего приказалъ Лачи-

нову зимою 1837/8 гг. построить мостовое укрѣпленіе чрезъ р. Койсу у аула Зыряны.

Въ Іюнѣ Фези предписалъ Лачинову, «по совѣщаніи съ ген.-майоромъ Ахмедъ-ханомъ Мехтулинскимъ, усиливъ отрядъ, находящійся при Зырянахъ», предпринять движеніе чрезъ Койсу вверхъ по Балаканскому ущелью, если же обстоятельства будутъ благопріятствовать, то и далѣе до селенія Ашильта» (мѣстопребываніе Шамиля); но уже 23 Іюня Фези доносилъ Головину, что по прибытіи Лачинова въ Зыряны Койсубулинскія деревни изъявили покорность русскому правительству. Головинъ отозвался о Лачиновѣ въ рапортѣ своемъ военному министру отъ 18 Августа въ слѣдующихъ словахъ: «Лачиновъ былъ вездѣ и во всемъ не только ревностнымъ, но и весьма полезнымъ помощникомъ Фези. Командуя лѣвымъ флангомъ, имѣвшимъ цѣлью наблюдать за сборищемъ Гидатлинцевъ, къ душевному своему сожалѣнію, не имѣлъ случая обнаружить на полѣ сраженія пламенное желаніе свое показаться достойнымъ званія и должности, имъ занимаемой». Фези отъ 29 Сентября доносилъ Головину: «Задача Лачинова исполнена—спокойствіе поддержано».

9 Апрѣля 1839 г. Лачиновъ былъ назначенъ и. д. генералъ-интенданта Кавказскаго корпуса. Здѣсь, какъ видно изъ приказовъ по корпусу, Лачиновъ слѣдилъ за правильной и строгой отчетностью.

Лачиновъ вышелъ въ отставку 18 Ноября 1840 г. и поселился въ Воронежской губ., гдѣ, въ Землянскомъ уѣздѣ, за нимъ состояло 88 крестьянъ и дворовыхъ людей и 739 дес. «сотной» земли. Лачиновъ былъ женатъ (съ 22 Мая 1830 г.) на дочери камергера Екатеринѣ Петровнѣ Шелашниковой и отъ ея родителей получалъ — какъ это отмѣчено въ его формулярѣ—ежегодно 15 тыс. р. Средствъ было достаточно для того, чтобъ Лачиновъ могъ служить по выборамъ предводителемъ дворянства. Онъ и здѣсь проявилъ свою энергію: бралъ «самыя трудныя опеки», разбиралъ семейныя ссоры и недоразумѣнія и «жилъ, какъ высочайшая особа, почитаемый и уважаемый всей губерніей». О частной жизни Лачинова извѣстно, что онъ хорошо велъ хозяйство, былъ рѣдкій опекунъ, сумѣвшій удачно раздѣлить братьевъ и сестеръ; имѣлъ прекрасный заводъ рысистыхъ и кровно-англійскихъ лошадей (до сихъ поръ у крестьянъ его деревни хорошія лошади); имѣлъ въ заводѣ жеребца «Гея», на которомъ изображенъ Государь Александръ II, будучи наслѣдникомъ, на знаменитой гравюрѣ, гдѣ впереди галопируетъ Императоръ Николай Павловичъ на «Миломъ» завода графа Орлова Чесменскаго. Лачиновъ имѣлъ прекрасную библіотеку съ множествомъ иностранныхъ книгъ; хозяйство велъ по правиламъ науки: вводилъ машины, удобреніе сожженными костями, дѣлалъ древонасажденія и т. д.

Въ семейной жизни Лачиновъ не былъ счастливъ. Жена его, извѣстная красавица, любила выѣзды и ухаживанія... Въ Тифлисѣ она была въ близкихъ отношеніяхъ съ А. Бестужевымъ (Марлинскимъ), который упоминаетъ о ней въ одномъ изъ своихъ писемъ (отъ 3 Апр. 1837 г.), называя ее «très jolie, coquette et femme-auteur» [1]).

Чувствуя приближеніе смерти, Лачиновъ поѣхалъ въ Москву, «боясь, что въ деревнѣ его похоронятъ не по-генеральски». Погребенъ онъ въ с. Алисовѣ, Землянскаго у. (около имѣнья «Генеральское-Лачиново»), гдѣ имъ совмѣстно съ родственницей Масловой выстроена церковь.

Состояніе свое онъ завѣщалъ дочери одного изъ братьевъ, по мужу Масловой [2]).

Петръ Васильевичъ Шереметевъ 3-й (потомъ 2-й), 1799—1837, братъ Сергѣя Васильевича, родился 1 Января 1799 года. Въ службу вступилъ 22 Марта 1818 г. изъ камеръ-пажей въ Кавалергардскій полкъ корнетомъ; 29 Ноября 1819 г. произведенъ въ поручики; 10 Дек. того же года назначенъ адъютантомъ къ командиру Гвардейскаго корпуса И. В. Васильчикову; 21 Марта 1823 г. за болѣзнью уволенъ отъ службы штабсъ-ротмистромъ; 5 Мая того же года пожалованъ камеръ-юнкеромъ; 10 Сентября 1827 г. опредѣленъ къ посольству въ Парижъ; 20 Іюня 1828 г. поступилъ вторично въ Кавалергардскій полкъ, съ чиномъ поручика; 6 Апр. 1830 г. произведенъ въ шт.-ротмистры; 23 Февраля 1832 г. переведенъ въ Курляндскій уланскій полкъ майоромъ, а 6 Января 1835 г. уволенъ отъ службы подполковникомъ, съ мундиромъ.

Отъ брака (послѣ 1834 г.) съ Елизаветой Соломоновной Мартыновой онъ имѣлъ сына Василія (р. 20 Августа 1836 г., † 18 Апрѣля 1893 г.) и дочерей: Елизавету (р. 20 Мая

---

[1]) Въ 1844 г. Екатерина Петровна издала въ Петербургѣ, подъ псевдонимомъ «Е. Хамаръ-Дабанова», повѣсть «Продѣлки на Кавказѣ». По требованію военнаго министра Чернышева, книга была отобрана у книгопродавцевъ и уничтожена.

[2]) Общ. арх. Гл. штаба, Форм. сп. 1837 года, кн. 3172; Кавказск. археогр. акты, IX, 19, 282, 313, 317; Кавказск. Сборникъ, II, 10; VIII, 202, 203, 212, 216 и 217; Арх. шт. Кавказск. Военн. округа, прик. 1839 года, №№ 73, 98, 112, 148, 149; Гос. арх., I, д. 147; Свѣдѣнія, сообщ. Н. Лачиновымъ и Е. Г. Вейденбаумомъ.

1835 г.), вышедшую замужъ за Дм. Дм. Бибикова, и Татьяну (р. 19 Авг. 1837 г., † въ младенчествѣ).

У отца Шереметева было 6000 душъ въ Нижегородской, Казанской, Московской, Тамбовской и Симбирской губерніяхъ.

П. В. Шереметевъ скончался 23 Дек. 1837 г. и погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры [1]).

.....

Гаврила Васильевичъ Бобоѣдовъ, 1796 — 1872, происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, записаннаго въ VI кн. Нижегородской губ. Въ 1550 г. Якушъ и Гаврила Бобоѣдовы были жалованы помѣстьями въ Московскомъ уѣздѣ, а по взятіи Казани получили еще помѣстье въ нынѣшней Нижегородской губ., Сергачскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Ожгибовкѣ.

Отецъ Бобоѣдова, Василій Петровичъ, тит. совѣтникъ, мать Надежда Степановна, рожденная Стрѣлкова.

Гаврила Васильевичъ, старшій сынъ Василія Петровича, родился въ селѣ Ожгибовкѣ 13 Іюля 1796 г. Воспитывался онъ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ кончилъ курсъ математическихъ наукъ у профессора Мячкова, такъ какъ готовился на службу въ артиллерію (въ которой служилъ и его отецъ). Будучи еще пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, ученикомъ университетскаго пансіона, онъ возымѣлъ желаніе участвовать добровольцемъ въ Отечественной войнѣ, но не получилъ позволенія отца, который, несмотря на горькія слезы сына, увезъ его изъ Москвы въ Ожгибовку. По окончаніи курса Бобоѣдовъ пріѣхалъ въ Петербургъ для опредѣленія на службу и, по совѣту пріятеля отца, поступилъ юнкеромъ въ кавалергарды 16 Марта 1816 года; въ 1817 г. произведенъ эст.-юнкеромъ и 16 Іюня 1818 г. корнетомъ, въ 1819 г. поручикомъ, въ 1822 г. шт.-ротмистромъ и въ 1825 г. ротмистромъ.

По разсказамъ Бобоѣдова, офицеры его времени дѣлились на двѣ группы: «служакъ» и «пользующихся свѣтомъ». У служакъ, къ которымъ принадлежалъ и Бобоѣдовъ, все было въ казармахъ, гдѣ они знали каждаго солдата. По окончаніи занятій собирались у кого-нибудь изъ товарищей провести время, поговорить и пошутить. Картъ и вина совсѣмъ не было въ ходу. Чаще всего собирались у Ланскихъ, которыхъ посѣщалъ и Бобоѣдовъ, «по застѣнчивости не посѣщавшій свѣтскихъ гостиныхъ». Жизнь «служакъ» отличалась патріархальной простотою, напр., «играли въ лапту съ такимъ увлеченіемъ, что съ удовольствіемъ вспоминали объ этихъ играхъ уже 70-лѣтними стариками». Часто они читали вмѣстѣ, и если попадалась книга «юмористическаго» содержанія, то непремѣнно приглашали на чтеніе Изъѣдинова, отличавшагося «смѣшливостью».

Большинство офицеровъ жили «душа въ душу» и «составляли какъ бы одну семью». Богатые помогали бѣднымъ. Бобоѣдовъ въ особенности былъ друженъ съ братьями Шереметевыми (Сергѣемъ и Петромъ Васильевичами), Р. Е. Гринвальдомъ, Павломъ и Петромъ Петровичами Ланскими и И. А. Фитингофомъ. Неравенство состояній не мѣшало дружбѣ, въ которой «не было ни корысти, ни самолюбія, а все было просто и искренно». Напр., Ланскіе и Бобоѣдовъ помогали Фитингофу, который былъ бѣденъ. За необыкновенное добродушіе и простоту Фитингофа прозвали въ кругу товарищей «простыней», и, какъ видно изъ переписки Бобоѣдова, онъ и Фитингофъ называли другъ друга «*Бобешкой*» и «*Фишкой*».

Бобоѣдовъ сходился съ людьми самыхъ различныхъ темпераментовъ; честь полка и службы были источникомъ единенія между самыми противоположными натурами. Насколько Гринвальдъ былъ человѣкъ «сдержанный и осторожный», настолько Фитингофъ — «вспыльчивъ, хотя и добръ до безконечности». Но особенной горячностью характера отличался П. В. Шереметевъ. И Бобоѣдовъ, человѣкъ ровнаго и спокойнаго характера, умѣлъ со всѣми ладить. Съ П. В. Шереметевымъ, съ которымъ «при всемъ благородствѣ его души» не всегда легко было ужиться, Бобоѣдовъ подолгу живалъ вмѣстѣ и никогда не ссорился.

---

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1834 г., кн. 681; Свѣдѣнія, сообщ. А. П. Барсуковымъ; Саитовъ, «Некрополь», 150; см. біографію Бобоѣдова.

«Я умѣлъ съ нимъ ладить», говорилъ онъ. Нерѣдко онъ старался умѣрять вспыльчивость Шереметева, доходившаго до безразсудства. Во время лѣтней стоянки въ Новой деревнѣ разъ пришлось имъ жить вмѣстѣ. Бобоѣдовъ занималъ помѣщеніе внизу, а Шереметевъ наверху. Какъ-то вечеромъ, усталые отъ ученій, они улеглись спать и съ неудовольствіемъ услышали подъ окнами пѣніе. То проходила компанія нѣмцевъ-дачниковъ, съ пѣснями и со смѣхомъ. Разбуженный и разсерженный Шереметевъ закричалъ въ окно, чтобъ прекратили пѣніе, и, когда пѣніе не прекратилось, схватилъ кувшинъ съ водой и пустилъ въ проходящую компанію. Нѣмцы разбѣжались, но скоро снова послышались смѣхъ и пѣніе, и Бобоѣдовъ услыхалъ быстро бѣгущіе шаги по лѣстницѣ. Ожидая недобраго со стороны Шереметева, онъ сейчасъ же выбѣжалъ изъ избы и увидѣлъ Шереметева, одѣтаго въ одну рубашку, съ коломъ въ рукѣ, бѣгущаго за нѣмцами. Бобоѣдовъ бросился догонять Шереметева. Когда послѣдній поравнялся съ однимъ изъ нѣмцевъ и замахнулся на него коломъ, Бобоѣдовъ закричалъ: «Петръ Васильевичъ, какъ ты меня ушибъ»! и схватилъ себя за голову. Шереметевъ тотчасъ опомнился, бросилъ колъ и кинулся къ пріятелю: «Что? гдѣ»? съ испугомъ спрашивалъ онъ, оглядывая Бобоѣдова. Воспользовавшись удобнымъ моментомъ, оторопѣвшій пѣвецъ успѣлъ бѣжать. Тогда только Бобоѣдовъ признался, что вовсе не былъ ушибленъ, а продѣлалъ всю комедію для того, чтобъ помѣшать пріятелю сдѣлать поступокъ, о которомъ пришлось бы впослѣдствіи сожалѣть. «Да что ты, Петръ Васильевичъ, съ ума сошелъ? Вѣдь ты на повалъ могъ убить человѣка»? — «А, такъ ты притворился», возразилъ Шереметевъ, «стоитъ изъ-за этихъ дураковъ... Такъ ихъ и надо!.. Что они, черти, тутъ шляются по ночамъ»! Но потомъ Шереметевъ благодарилъ Бобоѣдова за эту своевременную услугу.

Миролюбивый характеръ Бобоѣдова сказывался и въ другихъ офицерскихъ дѣлахъ. При добрыхъ отношеніяхъ всѣхъ товарищей, бывали, конечно, и исключенія. П. В. Шереметевъ, напр., не выносилъ ***; дурного отъ послѣдняго онъ не видалъ, но всегда увѣрялъ, что не выноситъ его «противной морды», и вѣчно при всякомъ удобномъ случаѣ придирался, заводилъ ссоры и дѣлалъ непріятности. Разъ, послѣ такихъ придирокъ со стороны Шереметева, онъ же вызвалъ *** на дуэль, который, не принявъ вызова, сообщилъ объ этомъ нѣкоторымъ офицерамъ, а послѣдніе стали просить Бобоѣдова «уговорить Шереметева прекратить эту исторію». Бобоѣдову удалось уговорить Шереметева. «Ну, такъ пусть же онъ проситъ у меня извиненія въ присутствіи офицеровъ», объявилъ Шереметевъ. *** рѣшился извиниться, и всѣ офицеры собрались въ дежурной комнатѣ. «Если вы, Петръ Васильевичъ, считаете себя оскорбленнымъ мною, то я прошу извиненія, хотя виновнымъ себя не считаю», сказалъ ***. Шереметевъ слушалъ, развалившись на диванѣ. — «На, цѣлуй мою руку», произнесъ онъ, важно протягивая ее для поцѣлуя. *** ничего не отвѣтилъ и оставилъ это безъ послѣдствій.

«Ну, развѣ не . . . . . .»? говаривалъ Шереметевъ Бобоѣдову: «плюй ему въ рожу, — онъ только оботрется»!...

Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ очень любилъ «служакъ»-офицеровъ, между прочимъ и Бобоѣдова. Однако, присутствуя однажды на смотру и пропуская полкъ поэскадронно въ карьеръ, Михаилъ Павловичъ увидѣлъ, что Бобоѣдовъ, командовавшій эскадрономъ, упалъ съ лошадью, которая споткнулась. Черезъ него перескочили обѣ шеренги, и одна лошадь раздавила каску. Великій Князь сказалъ: «Жаль мнѣ Бобоѣдова; и люблю его, но все-таки для примѣра надо посадить его на гауптвахту». Бобоѣдовъ былъ отправленъ на гауптвахту, но, спустя нѣсколько часовъ, былъ освобожденъ по приказанію Михаила Павловича.

Заслуживаютъ также вниманія отношенія Бобоѣдова къ подчиненнымъ. Онъ умѣлъ пріобрѣсть любовь эскадрона, которымъ командовалъ, и съ простотой обращенія соединялъ справедливость. Занимаясь какъ строевой, такъ и хозяйственной частями, онъ осматривалъ пищу солдатъ и кормъ лошадей, при чемъ многіе изъ субалтернъ-офицеровъ раздѣляли этотъ трудъ, въ особенности помогали обученію въ манежѣ.

14 Декабря Бобоѣдовъ находился въ рядахъ полка на Дворцовой площади. Ночь онъ провелъ на Васильевскомъ островѣ, а когда возвратился въ казармы, то уже начались аресты (Анненкова и др.). За событіе 14 Декабря Бобоѣдовъ, за точное исполненіе даннаго порученія, былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени.

Прослуживъ въ Кавалергардскомъ полку 13 лѣтъ, Бобоѣдовъ вышелъ 27 Октября 1829 г. въ отставку по болѣзни полковникомъ, съ мундиромъ, и поселился въ помѣстьи своемъ Ожгибовкѣ. (Кромѣ Ожгибовки, онъ еще имѣлъ имѣніе въ сельцѣ Лопахинѣ Лукояновскаго уѣзда, Нижегородской губ.). Причиной выхода въ отставку были разстроенныя дѣла имѣній. Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ не разъ уговаривалъ Бобоѣдова остаться на службѣ и даже обѣщалъ съ своей стороны матеріальную помощь.

Поселившись въ деревнѣ, Бобоѣдовъ не забывалъ товарищей по полку. Воспоминаніе о вмѣстѣ проведенныхъ дняхъ было для него однимъ изъ «лучшихъ» воспоминаній. Во время разговоровъ о полковой жизни онъ «оживлялся и какъ бы молодѣлъ». Изъ переписки его можно судить, насколько трогательны были эти отношенія. С. В. Шереметевъ писалъ ему въ 1829 г. изъ-подъ Силистріи: «Повѣрьте, что всѣ, которые ко мнѣ были хороши, мною не забудутся; на этотъ счетъ ты меня знаешь, я не мѣняюсь», и звалъ его въ армію: «Выходи въ армію, теперь послужить случай будетъ».

Фитингофъ 16 Января 1834 г. пишетъ Бобоѣдову: «Мы все тѣ же истинные друзья, которыми были—живали въ одной комнатѣ, гдѣ дѣлили радость и печаль.... Пришли сына ко мнѣ, когда вырастетъ; онъ во мнѣ найдетъ истиннаго друга отца своего, и я полюблю его, какъ родного».... Затѣмъ Фитингофъ сообщаетъ въ письмѣ о своемъ завѣтномъ желаніи найти «подругу счастья —добрую, милую и любезную жену», выражаетъ предположеніе и желаніе встрѣтиться когда-либо (ибо «гора съ горой не сходятся, но человѣкъ съ человѣкомъ сходятся»), обѣщаетъ принять участіе въ судьбѣ двоюроднаго брата Бобоѣдова и зоветъ своего друга къ себѣ погостить, «хотя на нѣсколько дней». Письмо заканчивается словами: «обнимаю тебя съ братской любовью». Р. Е. Гринвальдъ, несмотря на свои занятія, какъ главноуправляющій Государств. коннозаводствомъ, находилъ время, чтобъ написать Бобоѣдову пространное письмо, въ которомъ разсказывалъ о своихъ семейныхъ дѣлахъ.... Сообщая о кончинѣ Фитингофа, Гринвальдъ пишетъ: «Жаль мнѣ добраго Ивана Андреевича. Онъ, ты и я составляли группу вѣрныхъ друзей. Между нами ссоры не бывало». Далѣе Гринвальдъ пишетъ, что онъ сильно недомогаетъ: «Головокруженіе до такой степени, что, то и смотри, и конецъ.... и потому службой, думаю, сквитаться и на дняхъ о томъ буду просить Государя». Изъ этого письма Гринвальда можно заключить, что Бобоѣдовъ сообщалъ ему о своей болѣзни глазъ и ноги. Гринвальдъ пишетъ ему: «Полагать должно, что твой глазъ еще не поспѣлъ къ операціи; въ такомъ случаѣ, зачѣмъ ѣхать въ Москву? Оно было бы рискованно и даже опасно. — Теперь мучаетъ сыпь, дѣлаются ранки, берегись простуды и не чеши ноги. Это самое вѣрное лѣченіе, хотя я изъ опыта знаю, какъ трудно удержаться и не чесать. Терпѣніе, а лучше сказать, молитва укрѣпитъ тебя».

Судьба привела свидѣться старымъ товарищамъ въ 1851 году во время празднованія 50-лѣтняго юбилея шефства Императрицы Александры Ѳеодоровны. Очевидецъ разсказываетъ, что встрѣча Бобоѣдова съ Фитингофомъ произвела на всѣхъ «глубокое впечатлѣніе». Ихъ «нельзя было оторвать одного отъ другого при взаимныхъ объятіяхъ и поцѣлуяхъ».

Не забывали Бобоѣдова и нижніе чины. Когда онъ былъ въ отставкѣ, къ нему являлись нижніе чины Кавалергардскаго полка, также въ отставкѣ, или отпущенные на побывку домой. «Никогда не забуду», замѣчаетъ очевидецъ, «ихъ разговоровъ—воспоминаній прошлаго, въ которыхъ чувствовалась искренность и взаимная любовь между начальникомъ и рядовыми солдатами».

Въ свободное отъ хозяйственныхъ занятій время Бобоѣдовъ занимался чтеніемъ. Онъ любилъ читать путешествія или историческія книги, преимущественно сочиненія, относящіяся до Отечественной войны; съ особеннымъ чувствомъ глубокой преданности относился къ памяти Императора Александра I, а равно и Государя Николая Павловича.

Но главныя занятія Бобоѣдова во время отставки были посвящены сельскому хозяйству. Улучшеніе быта крестьянъ составляло его заботу; онъ ввелъ много преобразованій, гуманныхъ и рѣдкихъ, вызвавшихъ неудовольствіе со стороны сосѣдей-помѣщиковъ. Во-1-хъ, запретилъ насильно выдавать замужъ и самъ никогда не выдавалъ замужъ насильно, но требовалъ браковъ по взаимному соглашенію жениха и невѣсты; во-2-хъ, вопреки обычаямъ сосѣдей, опредѣлилъ трехдневную барщину въ недѣлю, *заранѣе назначая дни барщины*. «Ни одинъ помѣщикъ этого не соблюдалъ ранѣе, а назначалъ иногда сплошь всю недѣлю, глядя по потребностямъ»... «Этой реформой» Бобоѣдовъ «вызвалъ большое неудовольствіе сосѣдей и благодарность крестьянъ». Кромѣ того, въ дни барщины «значительно сократилъ число рабочихъ часовъ». Бобоѣдовъ старался поддерживать крестьянъ какъ нравственно, такъ и матеріально, чѣмъ только могъ: «больныхъ лѣчилъ, самъ навѣщалъ, подолгу разговаривалъ съ каждымъ изъ нихъ, равно и престарѣлыхъ». Когда у крестьянина падала лошадь или корова, и онъ не въ состояніи былъ купить другой, то Бобоѣдовъ давалъ ему изъ своихъ. «Когда въ селѣ случился пожаръ, и крестьяне всѣ почти выгорѣли, то на свой счетъ обстроилъ ихъ гораздо лучше прежняго, для чего вырубилъ 40 десятинъ лѣса и доставилъ имъ даровыхъ плотниковъ». Онъ часто говорилъ: «Когда мужикъ будетъ зажиточенъ, домовитъ, хорошій семьянинъ, то будетъ и хорошій работникъ, а барину будетъ хорошо и покойно при немъ житься». Лѣнтяевъ, пьяницъ и бездѣльниковъ

Бобоѣдовъ «не любилъ и наказывалъ». Проживъ нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, Бобоѣдовъ устроилъ судъ изъ выборныхъ стариковъ. Въ народѣ, у стариковъ, до сихъ поръ сохранилась самая добрая память о немъ. По словамъ ихъ, «Гаврила Васильевичъ былъ добрый, честный баринъ; а намъ было жить у него, какъ у Христа за пазухой». Бобоѣдовъ былъ религіозный человѣкъ, имѣлъ попеченіе о храмѣ въ Ожгибовкѣ, выстроенномъ его отцомъ, и помогалъ церковнослужителямъ.

Въ 1851 г. Бобоѣдовъ въ первый разъ по выходѣ въ отставку отправился въ Петербургъ, гдѣ присутствовалъ на празднованіи юбилея Шефа. Несмотря на протекшія со времени отставки 20 лѣтъ, Государь замѣтилъ его и подозвалъ къ себѣ. Когда обрадованный Бобоѣдовъ побѣжалъ къ Государю, то послѣдній остановилъ его, сказавъ: «Не бѣгай, не бѣгай, Бобоѣдовъ, — твои ноги отстали отъ ботфорта»! Когда Бобоѣдовъ подошелъ, Государь милостиво подалъ ему руку и сказалъ: «Каковъ лейбъ-эскадронъ, которымъ ты командовалъ во время коронаціи»! Затѣмъ, разспросивъ его о жизни и семьѣ и узнавъ, что у него два сына, которыхъ онъ желаетъ опредѣлить въ Школу, чтобъ они впослѣдствіи могли выйти въ одинъ изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, Государь сказалъ: «Я бы желалъ, чтобъ сыновья служили въ тѣхъ же полкахъ, гдѣ служили ихъ отцы». На это Бобоѣдовъ отвѣчалъ, что и самъ желалъ бы того же, но не имѣетъ средствъ. Государь обѣщалъ все «устроить». Но Николая Павловича не было въ живыхъ, когда сыновья Бобоѣдова вышли въ офицеры.

11 Февраля 1872 г. Гаврила Васильевичъ скончался и погребенъ при церкви с. Ожгибовки. «*До послѣднихъ дней жизни лучшими его воспоминаніями остались: полковая жизнь и его товарищи*».

Отъ брака съ Вѣрою Михайловною Бибиковой, сиротой, воспитанной сестрою Гаврилы Васильевича, онъ имѣлъ двухъ сыновей, родившихся въ 1837 и 1838 годахъ (служили въ лб.-гв. Кирасирскомъ Ея Вел. полку), и двухъ дочерей, родившихся въ 1836 и 1847 гг. [1]).

Сергѣй Ивановичъ Терпигоревъ, 1795—, изъ дворянъ Тамбовской губ., въ 1815 г. поступилъ подпрапорщикомъ въ лб.-гв. Павловскій полкъ; въ 1816 г. порт.-прапорщикомъ; 27 Апрѣля 1817 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ эст.-юнкеромъ «для совмѣстной службы съ родственникомъ»; 19 Іюня 1818 г. произведенъ корнетомъ, въ 1819 г. поручикомъ; 20 Февраля 1821 г. переведенъ ротмистромъ въ Иркутскій гус. полкъ, а 17 Января 1823 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью майоромъ.

Былъ женатъ на дочери колл. асессора Еленѣ Полевой. Имѣлъ имѣніе въ с. Песчаномъ Козловскаго уѣзда [1]).

Яковъ Васильевичъ Тепловъ, 1794—, изъ дворянъ Пензенской губ., сынъ Василія Яковлевича и Александры Николаевны (фамилія неизвѣстна), 31 Октября 1816 г. поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; въ 1817 г. эст.-юнкеромъ, 25 Іюня 1818 г. корнетомъ, въ 1820 г. поручикомъ; 20 Февраля 1821 г. переведенъ, вслѣдствіе разстройства денежныхъ дѣлъ, ротмистромъ въ Павлоградскій гус. полкъ, а 22 Марта 1824 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью майоромъ. Владѣлъ въ Саранскомъ и Ардатовскомъ уѣздахъ 164 душами [2]).

Иванъ Николаевичъ Левшинъ, 1794—, изъ дворянъ Воронежской губ. (с. Покровское Землянскаго уѣзда), сынъ гв. прапорщика Николая Ивановича, 1 Августа 1814 г. поступилъ юнкеромъ въ 62-ю Артиллерійскую легкую роту, откуда переведенъ 5 Сентября того же года порт.-юнкеромъ въ л.-гв. Артиллерійскія учебныя роты; 28 Марта 1817 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ эст.-юнкеромъ; 25 Іюня 1818 г. произведенъ въ корнеты; 24 Декабря того же года переведенъ поручикомъ въ Митавскій драг. полкъ и 1 Марта 1820 г. уволенъ отъ службы штабсъ-капитаномъ. Съ 1834 г. по 1837 г. состоялъ Землянскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Имѣлъ 288 душъ; въ 1834 г. былъ вдовъ и имѣлъ дочь Елизавету 7 лѣтъ [3]).

Иванъ Петровичъ Богдановичъ 1-й, 1798—1819, изъ Смоленскихъ дворянъ, 30 Декабря 1816 г. поступилъ въ Кавалергардскій полкъ

---

[1]) Полк. архивъ; Долгоруковъ, IV, 298; Свѣдѣнія, доставленныя Надеждою Гавр. и Порфиріемъ Гавр. Бобоѣдовыми; Переписка Бобоѣдова.

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1822 г., кн. 4689.

[2]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1823 г., кн. 5413.

[3]) Леф. арх., Форм. сп. 1819 г., кн. 2393.

юнкеромъ; въ 1817 г. произведенъ въ эст.-юнкера, 6 Іюля 1818 г. въ корнеты.

Умеръ 19 Января 1819 г. [1]).

Николай Петровичъ Богдановичъ 2-й, 1800—1829, братъ Ивана Петровича, 30 Декабря 1816 г. поступилъ въ Кавалергардскій полкъ юнкеромъ; въ 1817 г. произведенъ въ эст.-юнкера, 6 Іюля 1818 г. въ корнеты; 17 Января 1820 г. уволенъ по болѣзни отъ службы поручикомъ; 28 Октября 1822 г. принятъ вновь на службу корнетомъ; въ 1825 г. произведенъ въ поручики.

Въ 1829 г. Богдановичъ находился въ командировкѣ за ремонтомъ и проживалъ въ имѣніи своемъ с. Шумиловѣ, въ 10 верстахъ отъ г. Бѣлаго, Смоленской губ. 3 Іюля, во время сильнѣйшей грозы, «его убило въ домѣ громомъ, когда онъ разсматривалъ градину громадныхъ размѣровъ, со словами: «Богъ далъ—Богъ взялъ». — Прекрасный урожай былъ побитъ градомъ; молнія вошла въ одно окно и вышла въ другое, убила наповалъ Богдановича, но не тронула стоявшихъ около него людей. Лосины его оказались разрѣзанными вдоль всей ноги, съ одной стороны. Послѣ его смерти, жена полковника Ахтырскаго гус. полка, Александра Захаровна Сукина, «бывшая при Богдановичѣ во время его кончины», предъявила ко взысканію заемныхъ писемъ на 150/т. рублей. Сестра же Богдановича, жена отст. полк. л.-гв. Московскаго полка Колечицкаго 2-го, «оставшаяся по брату единственной наслѣдницей», возбудила дѣло о подложности этихъ заемныхъ писемъ [2]).

Алексѣй Александровичъ Ивановъ, 1801—, изъ дворянъ Смоленской губ., 23 Января 1817 г. поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; 1 Іюля 1818 г. произведенъ въ эст.-юнк., а чрезъ пять дней въ корнеты, 26 Января 1820 г. въ поручики и 8 Февраля того же года переведенъ капитаномъ въ Лифляндскій (короля Виртембергскаго) конно-егерскій полкъ, гдѣ съ 1828 г. командовалъ эскадрономъ; 7 Августа 1829 г. произведенъ въ майоры, съ переводомъ въ Переяславскій конно-егерскій полкъ, а 26 Января 1830 г. уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ, съ мундиромъ. Два раза Ивановъ получилъ Высочайшее благоволеніе: въ 1826 г. «за усердную службу и отличное исполненіе всѣхъ обязанностей» и въ 1829 г. «за особенное усердіе къ службѣ и дѣятельность въ доведеніи ввѣренной ему части до хорошаго и примѣрнаго устройства». Въ 1829 г. за его «покойнымъ родителемъ» состояло 400 душъ въ Вяземскомъ и 700 душъ въ Дорогобужскомъ у. Смоленской губ. [1]).

Александръ Николаевичъ Араповъ 2-й, 1801—1872, братъ Пимена Николаевича, родился 21 Декабря 1801 г. въ родовомъ имѣніи Араповыхъ, въ селѣ Лашмѣ Наровчатскаго у., Пензенской губ. Четырнадцати лѣтъ отъ роду Араповъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ Аннинскую школу, откуда поступилъ на гражданскую службу колл. регистраторомъ, а затѣмъ, 20 Февраля 1817 г., поступилъ въ Кавалергардскій полкъ юнкеромъ и 22 Декабря того же года произведенъ эст.-юнкеромъ, 6 Іюля 1818 г. корнетомъ, черезъ два года поручикомъ, въ 1822 г. шт.-ротмистромъ, 1 Января 1826 г. ротмистромъ и 22 Января того же года назначенъ адъютантомъ къ ген.-адъютанту Де-Прерадовичу. Въ слѣдующемъ году (12 Ноября) отчисленъ во фронтъ и принялъ 2-й эскадронъ. Произведенный 6 Окт. 1831 г. полковникомъ, Араповъ перемѣщенъ командиромъ 5 эскадрона и назначенъ командиромъ 3 дивизіона, а затѣмъ (въ 1833 г.)—1-го дивизіона; 1 Іюля 1837 г. назначенъ флигель-адъютантомъ и 3 Февраля 1838 года—командующимъ Лейбъ-Кирасирскимъ Наслѣдника Цесаревича полкомъ. Полкъ этотъ былъ въ весьма запущенномъ, особенно по хозяйству, состояніи; Араповъ скоро привелъ

---

[1]) Полковой архивъ.

[2]) Полк. арх.; Уничт. бум. арх. Сената; Свѣдѣнія, сообщ. М. Г. Левицкимъ.

[1]) Леф. арх., Форм. сп. 1829 г., кн. 9898.

его въ блестящее положеніе; 30 Августа слѣдующаго года произведенъ генералъ-майоромъ. Кн. А. М. Дондуковъ-Корсаковъ пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Полкомъ нашимъ командовалъ А. Н. Араповъ, слывшій лучшимъ командиромъ въ гвардіи. Онъ зналъ до тонкости фронтовую службу и, дѣйствительно, какъ говорится, умѣлъ показать товаръ лицомъ. Но что для этого и дѣлалось!... Арапова, несмотря на недостатокъ образованія, отсутствіе всякой деликатности и часто неосновательную строгость, офицеры довольно любили за дѣйствительно доброе его сердце, а главное за то, что онъ такъ умѣлъ выказать полкъ, что постоянно начальство насъ хвалило и ставило въ примѣръ другимъ полкамъ» [1]).

Араповъ командовалъ синими кирасирами до 11 Апрѣля 1843 г., когда назначенъ командиромъ лб.-гв. Кирасирскаго Его Вел. полка, а въ слѣдующемъ году, оставаясь командиромъ этого полка, былъ назначенъ командующимъ 2 бригадою Гв. Кирасирской дивизіи; 3 Апр. 1849 г. произведенъ генералъ-лейтенантомъ, а 20 Янв. 1850 г. назначенъ начальникомъ 2-й Уланской дивизіи, но, не принимая ея, подалъ въ отставку и черезъ мѣсяцъ (20 Февраля 1850 г.) уволенъ по болѣзни отъ службы.

Араповъ участвовалъ съ кавалергардами въ Польской кампаніи и съ кирасирами Его Величества—въ походѣ 1849 г. Выходъ Арапова въ отставку былъ слѣдствіемъ нежеланія его командовать армейской дивизіей, и потому ему не былъ пожалованъ мундиръ кирасиръ Его Величества. Мундиръ этотъ онъ получилъ уже отъ Императора Александра II, 26 Декабря 1856 г., съ зачисленіемъ въ запасъ гвардейской кавалеріи.

Выйдя въ отставку и поселившись въ Пензенской губерніи, гдѣ онъ пріобрѣлъ большія помѣстья, Араповъ былъ избранъ въ 1854 г. губернскимъ предводителемъ дворянства, каковую должность занималъ въ теченіе 6 трехлѣтій, до дня своей кончины.

Въ 1855 г., во время Севастопольской кампаніи, онъ былъ избранъ начальникомъ Пензенскаго ополченія. Въ качествѣ почетнаго попечителя Дворянскаго института, онъ принималъ участіе во многихъ важныхъ событіяхъ его жизни, какъ-то: въ составленіи правилъ для дворянскихъ пансіоновъ и въ передачѣ зданія и суммъ Дворянскаго института въ вѣдѣніе министерства Народнаго просвѣщенія. Глубоко убѣжденный противникъ обособленія дворянства въ политическую партію, Араповъ былъ и таковымъ же противникомъ нивелированія дворянства, что, между прочимъ, доказалъ въ вопросѣ о закрытіи Пензенскаго дворянскаго института. Въ Августѣ 1863 г. послѣдовало, по Высочайшему повелѣнію, закрытіе Пензенскаго дворянскаго института. «Эта мѣра, вызванная невзносомъ дворянствомъ денегъ на содержаніе института и, слѣдовательно, вполнѣ естественная, произвела нравственное неудовольствіе въ Пензенской губ. среди тамошнихъ дворянъ», писалъ Араповъ министру Внутреннихъ дѣлъ, отъ 28 Авг. 1863 года, «Высочайшее повелѣніе исполнено. Институтъ закрытъ, и въ немъ въ настоящее время помѣщены всѣ семь классовъ Пензенской гимназіи.... Неожиданное закрытіе института глубоко потрясло чувства Пензенскаго дворянскаго сословія, что было выражено мнѣ лично многими дворянами и уѣздными предводителями... Въ немъ воспитывались наши дѣти изъ болѣе бѣдныхъ семействъ, которымъ теперь некуда приклонить свою голову. Въ уваженіе къ этому, я обязанъ представить в. впр-ву нѣкоторыя ближайшія подробности дѣла. Институтъ имѣетъ огромный, прекрасный отдѣланный домъ и, кромѣ текущихъ приходовъ на его содержаніе, имѣетъ особый капиталъ 60.000 р. сер. въ билетахъ 4% непрерывнаго дохода... Поступленіе слѣдующихъ съ дворянскихъ имѣній платежей на содержаніе института въ настоящемъ году нѣсколько пріостановилось, но это сдѣлалось потому, что большая часть дворянскихъ имѣній въ Пензенской губерніи пошло на выкупъ, и не всѣ операціи по оному кончены.... Въ настоящее время, по сдѣланнымъ мною, далеко прежде закрытія института, распоряженіямъ, означенные платежи начали уже поступать, и съ значительнымъ успѣхомъ. Ясно было, что институтъ затрудняется въ деньгахъ, но... затрудненіе это временное, и для отклоненія онаго институтъ имѣетъ въ своихъ рукахъ весьма достаточныя средства въ наличномъ капиталѣ. Министерство Народнаго просвѣщенія приняло во вниманіе затруднительность института въ платежахъ, и, конечно... докладъ г. министра Народнаго просвѣщенія... имѣетъ нѣкоторое основаніе.... Но если принять въ уваженіе... съ одной стороны, ту будущность, которая ожидаетъ воспитанниковъ института изъ самыхъ бѣднѣйшихъ семействъ... съ другой стороны, значительный капиталъ института въ 60.000 рублей, хранящійся въ билетахъ, то невольно возникаетъ вопросъ: не ближе ли было бы, въ уваженіе переходнаго состоянія дворянскихъ имѣній, по операціи выкуповъ, вмѣсто совершившагося закрытія института... часть этого капитала употребить на поддержаніе заведенія, впредь до пополненія взносовъ, слѣдующихъ на институтъ съ дворянскихъ имѣній. При такомъ взглядѣ на дѣло это, министерству Народнаго просвѣщенія осталось бы рѣшить одинъ только и самый ничтожный вопросъ, —

---

[1]) «Старина и Новизна», V, 184—186.

откуда взять заимообразно нужную для института наличную сумму на часть билетовъ его капитала? Должно полагать, что разрѣшеніе этого вопроса представлялось министерству столь затруднительнымъ, что оно рѣшилось скорѣе уничтожить вовсе учебное заведеніе, нежели поспѣшить ему на помощь ходатайствомъ о выдачѣ институту заимообразно, подъ залогъ его билетовъ, ничтожную сумму — какихъ-нибудь 10.000 рублей на извѣстный и самый короткій срокъ.

«Нераціональныя дѣйствія министерства Народнаго просвѣщенія въ этомъ дѣлѣ бросили темное пятно на все Пензенское дворянское сословіе; мы это чувствуемъ, но чувствуемъ также и то, что мы ни почему не заслужили этого пятна, и что если уже оно должно лечь на кого-либо, такъ это на самое министерство Народнаго просвѣщенія, которое такъ поспѣшно распорядилось закрытіемъ дворянскаго учебнаго заведенія по поводу будто бы критическаго положенія его дѣлъ, когда въ рукахъ того же министерства находится огромный капиталъ, принадлежащій институту. Имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство содержаніе этого письма повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества. Мы признаемъ это необходимымъ, ибо желаемъ истины въ этомъ дѣлѣ, и сердцу нашему больно, что Всемилостивѣйшій Государь нашъ могъ хотя на одно мгновеніе усомниться въ усердіи Пензенскаго дворянства въ исполненіи дѣла, на его обязанности лежащаго».

Министръ Внутреннихъ дѣлъ препроводилъ письмо Арапова къ министру Народнаго просвѣщенія, который, отвѣчая 25 Сентября, приложилъ къ своему отвѣту записку съ подробнымъ изложеніемъ обстоятельствъ, повлекшихъ за собою закрытіе Пензенскаго дворянскаго института. Изъ письма министра Народнаго просвѣщенія видно, что на это закрытіе, съ согласія министра Внутреннихъ дѣлъ, соотвѣтственно предшествовавшей между ними перепискѣ, послѣдовало Высочайшее соизволеніе, и что онъ, министръ Народнаго просвѣщенія, не встрѣчаетъ препятствія къ представленію на возрѣніе Государя Императора письма г. Арапова, которому онъ препроводилъ копіи не только со своего отвѣта, отъ 25 Сентября, но и съ объяснительной записки по дѣлу Пензенскаго дворянскаго института. Содержаніе этой записки слѣдующее:

«О недостаткѣ денежныхъ средствъ Пензенскаго дворянскаго института и о необходимости увеличить содержаніе служащихъ при немъ до уровня штатовъ гимназій впервые заявилъ еще въ 1859 г. ревизовавшій Пензенскую губернію г. сенаторъ Сафоновъ. Сознавая справедливость замѣчаній сенатора Сафонова, министерство Народнаго просвѣщенія тогда же предложило Пензенскому дворянству обратить институтъ въ гимназическій пансіонъ, чѣмъ онъ и былъ до 1843 года. Дворянство не приняло этого предложенія, пожелавъ сохранить для своего сословія отдѣльное учебное заведеніе, и на выборахъ 1860 г. постановило ассигновать къ дополнительному отпуску на институтъ, для увеличенія содержанія его чиновниковъ, до 8500 руб. сер. въ годъ. Министерство Народнаго просвѣщенія... согласилось на предоставленіе дворянамъ, въ лицѣ ихъ представителей... права непосредственнаго завѣдыванія всѣмъ имуществомъ института»...

«Исполнило ли дворянство принятую на себя добровольно обязанность, показываютъ слѣдующія цифры: въ первый же годъ (1861 г.) послѣ приведеннаго постановленія недоимка за дворянами возвысилась до 11.332 р. 76 к.; въ 1862 г., вмѣсто слѣдовавшихъ 21.131 р. 93 к., за вычетомъ прежней недоимки, поступило только 878 р. 24 к., такъ что къ 1 Янв. 1863 г. недоимка составляла уже 20.253 руб. 69 к. с. Вотъ цифры, которыя г.-л. Араповъ, въ отзывѣ своемъ, весьма снисходительно называетъ «временно нѣсколько пріостановленнымъ взносомъ полныхъ платежей».

Институтъ «изворачивался всѣми возможными средствами: обращалъ на свои потребности суммы, то переходящія, то экономическія, останавливалъ своевременную выдачу жалованья чиновникамъ и преподавателямъ, забиралъ въ долгъ припасы... Естественно, что преподаватели, не получая въ срокъ жалованья... старались найти для себя другое мѣсто службы.

«Сами гг. дворяне сознали, наконецъ, невозможность оставленія Пензенскаго института въ такомъ положеніи, и... губернскій предводитель обратился къ учебному вѣдомству съ просьбою о соединеніи института съ Пензенской гимназіей, съ условіемъ, чтобы дворянству предоставлено было право приступить къ обсужденію вопроса о преобразованіи института, такъ какъ настоящій порядокъ грозитъ ему неминуемымъ закрытіемъ.

«Въ Декабрѣ 1862 г. Араповъ обратился къ министерству черезъ т. с. Постельса и къ начальству Казанскаго учебнаго округа съ вышеизъясненнымъ предложеніемъ о соединеніи Пензенскаго института съ тамошнею гимназіею; начальство округа немедленно сообщило Арапову основанія, на коихъ можетъ быть принято это предложеніе; 23 Февраля губернскій предводитель отозвался, что онъ предложилъ уѣзднымъ предводителямъ доставить ихъ мнѣнія по сему предмету. Въ то же время директоръ института сообщилъ г. Арапову о неимѣніи суммы для раздачи жалованья. На это отъ г. предводителя отвѣта не послѣдовало, и только

г. начальникъ губерніи обязательно предложилъ директору для нѣкотораго хотя удовлетворенія служащихъ взаймы изъ собственныхъ средствъ 1200 руб. Въ Мартѣ начальство округа препроводило г. предводителю донесеніе директора о безвыходномъ положеніи института и неизбѣжности роспуска учениковъ и служителей по невозможности кормить ихъ.

«Генералъ-лейтенантъ Араповъ отвѣчалъ, что до полученія отъ уѣздныхъ предводителей отзывовъ по предположенію о соединеніи института съ гимназіею, онъ затрудняется сказать, въ какой степени возможно приступить къ предварительнымъ приготовленіямъ для осуществленія этой мѣры... Чтобы помочь хотя сколько-нибудь институту, г. управляющій округомъ, 17 Іюня, отнесся къ г. предводителю о размѣнѣ на время одного изъ билетовъ (въ 10.000 р.) основного капитала института. На это отношеніе, несмотря на все его жизненное значеніе для института, ген.-лейт. Араповъ отвѣта не далъ. Не получая отвѣта и не считая себя въ правѣ распоряжаться основнымъ капиталомъ института.... начальство Казанскаго учебнаго округа въ половинѣ Іюля по необходимости приступило къ обсужденію мѣръ, которыя можно было бы принять для спасенія института... Результатомъ этого обсужденія было временное закрытіе Пензенскаго института, нынѣ съ Высочайшаго соизволенія приведенное въ исполненіе. Министерство Народнаго просвѣщенія хотѣло предупредить эту мѣру, и съ этою цѣлью въ Іюлѣ просило министерство Внутреннихъ дѣлъ рѣшить вопросъ о соединеніи сказаннаго института съ гимназіей, не дожидаясь общаго съѣзда дворянъ въ частномъ собраніи Гг. предводителей. Скоро, однако, оказалось, что и этого собранія ждать невозможно: касса института, наконецъ, совершенно опустѣла, учители не были удовлетворены жалованьемъ, не только за Іюль, но даже и за половину Іюня...

«Что касается до капитала въ 60.000 руб., то распорядиться имъ, безъ согласія дворянства, министерство правъ не имѣло...

«Закрытіе института не только не лишило дворянскихъ воспитанниковъ способовъ къ образованію, а, напротивъ, сохранило въ цѣлости капиталъ, изъ процентовъ котораго эти воспитанники содержатся» [1]).

Сдѣлавшись въ 1859 г. предсѣдателемъ Губернской коммиссіи объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, Араповъ, несмотря на то, что былъ приверженцемъ старинныхъ дворянскихъ традицій, не только весьма сочувственно отнесся къ великой реформѣ освобожденія крестьянъ, но въ Пензенской губерніи былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ осуществленіи этой реформы. И не однимъ своимъ только личнымъ трудомъ и своимъ положеніемъ способствовалъ Араповъ къ наилучшему ея осуществленію: онъ первый изъ помѣщиковъ отпустилъ своихъ крестьянъ въ селѣ Проказнѣ на большой надѣлъ, подаривъ имъ, кромѣ луговъ, 400 десятинъ прекраснаго лѣса и простивъ имъ 35.000 р. добавочныхъ платежей, причитавшихся ему по уставной грамотѣ. Такимъ же дѣятелемъ показалъ себя Араповъ и при введеніи въ Пензенской губерніи земскихъ учрежденій.

Изъ знаковъ отличія Араповъ имѣлъ всѣ русскіе ордена до св. Александра Невскаго включительно, полученные имъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Владиміра 4 ст. съ бантомъ (въ 1831 г.), Станислава 2 ст. (въ 1833 г.), Анны 2 ст. (въ 1836 г.), Владиміра 2 ст. (въ 1842 г.), Георгія 4 ст. за 25 лѣтъ (въ 1843 г.), Станислава 1 ст. (въ 1844 г.), Анны 1 ст. съ Имп. короной (въ 1846 г.), Владиміра 2 ст. (въ 1856 г.), Бѣлаго Орла (въ 1861 г.) и Александра Невскаго (въ 1866 г.); изъ иностранныхъ орденовъ онъ имѣлъ прусскій орденъ Краснаго Орла 2 ст. (въ 1842 г.) и, кромѣ того, *золотую медаль* за предсѣдательство въ Пензенской коммиссіи по дѣлу освобожденія крестьянъ.

Араповъ, по свидѣтельству лицъ, близко знавшихъ его, обладалъ необыкновенно доброю душою, открытою въ особенности для тѣхъ, которые нуждались въ его совѣтѣ или помощи. Сострадательность его къ бѣднымъ была безгранична. Нужды и несчастія ближнихъ положительно мучили его и не давали ему покоя до тѣхъ поръ, пока онъ такъ или иначе не исправлялъ дѣла. Въ послѣднемъ случаѣ онъ пользовался всѣми зависящими отъ него средствами: то своимъ вліяніемъ, то совѣтомъ, то ходатайствомъ, но особенно щедръ былъ въ матеріальной помощи: случался ли пожаръ въ принадлежащихъ ему селеніяхъ, онъ строилъ погорѣльцамъ новые дома, нуждались ли его крестьяне въ церкви, онъ сооружалъ имъ храмъ Божій, требовалось ли устроить училище или дать средства для воспитанія сиротъ и т. п., Араповъ являлся вездѣ щедрымъ благотворителемъ. По утрамъ, выходя на прогулку, онъ раздавалъ деньги бѣднымъ, привыкшимъ въ урочный часъ собираться около дома своего благодѣтеля. Но не одни только бѣдные и нищіе, но масса служащихъ и иныхъ лицъ обязаны были генералу многими и многими благами, раздавая которыя, покойный не имѣлъ обыкновенія руководиться какими-либо посторонними расчетами, ища только въ этомъ исхода своей необыкновенной добротѣ.

Другимъ отличительнымъ качествомъ покойнаго было его замѣчательное *миролюбіе*.

---

[1]) Ист. Вѣстникъ, 1883/III, 540—547.

Вражда и разнаго рода ссоры возмущали его душу, и лишь только доходила до его слуха вѣсть о томъ, что между его ближними возникла распря, онъ приглашалъ ихъ къ себѣ на обѣдъ и здѣсь старался примирить враждующихъ. Лица, подчиненныя Арапову, въ случаѣ какихъ-либо взаимныхъ недоразумѣній или непріятностей, непремѣнно обращались къ Арапову, и рѣшенное имъ дѣло считалось окончательнымъ и не допускающимъ никакой апелляціи.

Выдающимися качествами покойнаго были также его гостепріимство и радушіе. Память объ его роскошныхъ пирахъ и объ его знаменитыхъ псовыхъ охотахъ до сихъ поръ свѣжа еще среди жителей губерніи [1]). Неудивительно поэтому, что А. Н. Араповъ, столько лѣтъ прожившій въ Пензенской губерніи и сдѣлавшій столько добра для мѣстнаго края, пользовался необыкновенною любовью населенія, особенно выразившейся въ день его кончины, послѣдовавшей 8 Ноября 1872 г., а еще болѣе въ день его погребенія, состоявшагося 13 Ноября. Въ этотъ день, желая отдать послѣдній долгъ почившему, буквально тысячныя толпы народа всѣхъ сословій и возрастовъ не только запружали улицы г. Пензы, но заполняли крыши всѣхъ тѣхъ домовъ, гдѣ должно было проходить печальное шествіе. Погребенъ Араповъ въ Пензенскомъ Спасо-Преображенскомъ мужскомъ монастырѣ.

Араповъ былъ (съ 1826 г.) женатъ на дочери умершаго надв. совѣтника и симбирскаго помѣщика Екатеринѣ Петровнѣ Мальшиной и имѣлъ двухъ сыновей: Александра [2]) (кавалергарда) и Павла, умершаго посланникомъ въ Лиссабонѣ и женатаго на Софьѣ Александровнѣ, рожд. Чекуановой, гофмейстеринѣ Великой Княгини Маріи Павловны.

В. Поповъ.

Александръ Петровичъ Ланской 1-й, 1800—1844, братъ Сергѣя Петровича; 12 Января 1818 г. изъ губернск. регистраторовъ поступилъ эст.-юнкеромъ въ кавалергарды, одновременно со своимъ младшимъ братомъ Петромъ; 1 Іюня произведенъ въ корнеты, въ 1821 г. въ поручики, въ 1822 г. въ шт.-ротмистры. 14 Декабря 1825 г. находился въ рядахъ полка противъ мятежниковъ. 1 Мая 1826 г. избранъ полковымъ казначеемъ и 25 Іюня того же года произведенъ въ ротмистры; 24 Декабря 1828 г. поступилъ во фронтъ.

А. П. Ланской «шелъ по стопамъ старшихъ членовъ семьи и ревностнымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей находился на лучшемъ счету у начальства, когда внезапно надъ нимъ стряслась бѣда, вызвавшая его, хотя и кратковременное, удаленіе изъ полковой среды... Ланской былъ друженъ съ товарищемъ, графомъ Ферзеномъ [1]), который своей рѣдкой красотой плѣнилъ дочь гр. Павла Александровича Строганова. Тщетно упрашивала она мать согласиться на ея бракъ съ любимымъ человѣкомъ: мать оставалась непреклонной, считая, что, по чужеземному происхожденію и отсутствію средствъ, графъ Ферзенъ не составляетъ подходящей для ея дочери партіи; Ферзенъ, для достиженія намѣченной цѣли, рѣшился на самый отчаянный шагъ — увезти молодую дѣвушку... Заручившись ея согласіемъ, онъ сталъ пріискивать пособниковъ и свидѣтелей для тайнаго брака. Задача была трудная. Всѣ опасались гнѣва оскорбленной матери, и вліяніе Строгановыхъ могло вызвать строгую кару на всѣхъ причастныхъ, тѣмъ болѣе, что взглядъ самого Императора Николая Павловича на подобные проступки хорошо былъ извѣстенъ. Ланской сознательно пошелъ навстрѣчу опасности, чтобы выручить товарища. Онъ и еще два другіе близкіе друга Ферзена [2]), переодѣтые кучерами, поджидали на тройкѣ графиню, умчали ее въ заранѣе приготовленную церковь, послужили шаферами и подписались свидѣтелями. Ферзенъ былъ переведенъ въ гарнизонъ Свеаборгской крѣпости; пособниковъ его хотѣли разжаловать въ солдаты, но памятный еще отзывъ Де-Прерадовича о

---

[1]) «Охота», 1890/II, 21—23; Статья Н. А. Болдарева.

[2]) См. «Сборникъ», IV.

[1]) См. біографію гр. П. К. Ферзена.

[2]) Конногвардеецъ Бревернъ и лейбъ-гусаръ Саломірскій.

братьяхъ Ланскихъ смягчилъ гнѣвъ Государя, и Александръ Петровичъ былъ только переведенъ 11 Августа 1829 г. тѣмъ же чиномъ въ Маріупольскій гусарскій полкъ.

«Находясь на безсмѣнныхъ ординарцахъ при главнокомандующемъ гр. Дибичѣ и, по случаю начавшихся мирныхъ переговоровъ съ Портою, въ первыхъ числахъ Сентября мѣсяца посланъ его с-вомъ въ приморскій городъ Эносъ для взятія находившагося подъ сей крѣпостью отряда и отвода онаго въ г. Мустафу, гдѣ, по случаю наступательнаго движенія паши Скодарскаго, сосредоточивались наши силы; вторично былъ посланъ имъ съ депешами къ пашѣ Скодарскому и командовавшему въ Балканахъ отрядомъ ген.-ад. барону Гейсмару, для прекращенія всѣхъ военныхъ дѣйствій и отступленія за Балканы и по возвращеніи въ Главную квартиру слѣдовалъ съ оною на зимовыя квартиры въ г. Бургасъ, откуда его же с-вомъ былъ командированъ въ г. Софію, для повѣрки донесеній о мятежническомъ положеніи того края, и между тѣмъ для отысканія и выручки находившихся въ ономъ русскихъ военно-плѣнныхъ и по окончаніи сихъ порученій командированъ былъ въ Константинополь съ депешами къ ген.-ад. гр. Орлову и въ Грецію, и по окончаніи онаго отправленъ былъ въ Россію».

«Нужно было доставить пашѣ, командовавшему отдѣльной частью [1]), важную бумагу, содержаніе которой было къ тому же весьма непріятно для турецкаго самолюбія. Въ то время международное право плохо уважалось, и курьеръ могъ поплатиться головой за исполненное порученіе. Вызвали охотниковъ. Опальный кавалергардъ захотѣлъ сразу заставить новыхъ товарищей уважать себя и взялся доставить посланіе. Ланскіе обладали имѣніемъ подъ самой Ѳеодосіей, и, подолгу проживая тамъ, онъ въ дѣтствѣ научился татарскому языку.

«Онъ не безпрепятственно добрался до крѣпости, передалъ бумагу, которую тутъ же паша велѣлъ громко прочесть; но, стѣсняясь присутствіемъ курьера, онъ на турецкомъ языкѣ сталъ ее обсуждать со своими приближенными. По окончаніи совѣщанія, паша обратился къ Ланскому, спрашивая, вѣдомо ли ему содержаніе бумаги. Онъ отвѣтилъ, что лишь отчасти. Тогда кто-то изъ присутствующихъ надоумилъ пашу спросить, знаетъ ли русскій курьеръ по-турецки, и могъ ли понять то, что было говорено въ его присутствіи. Сердце Ланского дрогнуло, но и въ эту минуту, когда жизнь его висѣла на волоскѣ, онъ не способенъ былъ солгать. Прямо взглянувъ на пашу, онъ чистосердечно сознался, что говоритъ немного по-татарски, и что сходство нарѣчій дало ему смутное понятіе о происходившихъ переговорахъ. Наступило зловѣщее молчаніе. Ланской мысленно уже готовился къ смерти, когда, поразмыславъ, паша благосклонно махнулъ ему рукой и вслѣдъ затѣмъ разрѣшилъ ему вернуться домой. Онъ просто не вѣрилъ счастливой звѣздѣ, выручившей его изъ опасности, и всю жизнь терялся въ догадкахъ относительно проявленнаго надъ нимъ турецкаго великодушія. Вѣрнѣе всего, что на этихъ опытныхъ оцѣнщиковъ храбрости неотразимо подѣйствовала прямодушная отвага русскаго офицера.

«Этимъ скромнымъ подвигомъ Ланской оказалъ большую услугу, и этотъ подвигъ способствовалъ переводу его, годъ спустя, по Высочайшему повелѣнію, снова въ Кавалергардскій полкъ. Но все пережитое пагубно отозвалось на его здоровьи; прослуживъ четыре года, онъ былъ вынужденъ подать въ отставку и поселился въ своемъ Крымскомъ имѣніи, гдѣ прожилъ недолго и скончался 20 Ноября 1844 г. Тѣло его было привезено оттуда въ село Лопасню, подмосковное имѣніе его зятя, кавалергарда Васильчикова, съ которымъ онъ былъ очень друженъ, и погребено тамъ, рядомъ съ его матерью». 21 Апрѣля 1830 г. Ланской былъ переведенъ обратно въ кавалергарды и участвовалъ съ полкомъ въ Польской войнѣ 1831 г., 25 Іюня 1833 г. произведенъ въ полковники, а 16 Декабря 1834 г. уволенъ за болѣзнью въ отставку, съ мундиромъ.

Имѣлъ въ 1833 г., нераздѣльно съ братьями, въ Новгородскомъ уѣздѣ 220 душъ, въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ Таврической губ. 32 души и каменный домъ въ С.-Петербургѣ.

А. П. Ланской былъ женатъ (съ 1834 г.) на Натальѣ Федоровнѣ Петрово-Солововой, отъ которой имѣлъ троихъ дѣтей: дочь Софію, замужемъ за Александромъ Александровичемъ Пушкинымъ, старшимъ сыномъ поэта, и двухъ сыновей—Павла, умершаго Тамбовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, и Петра; отъ обоихъ мужескаго потомства не осталось [1]).

Андрей Михайловичъ Львовъ 2-й, 1798—, братъ Дмитрія Михайловича, «въ службу вступилъ изъ пажей—корнетомъ» въ 1817 г. въ Кирасирскій Ея Вел. полкъ; въ 1818 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; въ 1820 г.

---

[1]) Вѣроятно, разсказъ относится до командировки Ланского въ г. Эносъ. Прим. ред.

[1]) Полк. архивъ; Лобановъ-Ростовскій, I, 300—302; А. П. Арапова, «Записка о Ланскихъ» (рукопись).

произведенъ въ поручики, въ 1822 г. въ шт.-ротмистры, въ 1827 г. въ ротмистры; 28 Января 1828 г., за болѣзнью, уволенъ отъ службы полковникомъ и съ мундиромъ; въ 1831 г. вторично поступилъ на службу въ Кавалергардскій полкъ ротмистромъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ кн. Щербатову; въ 1832 г. переведенъ въ лб.-гв. Гусарскій полкъ, съ оставленіемъ при прежней должности; въ 1832 г. прикомандированъ къ Московскому генералъ-губернатору; въ 1834 г. произведенъ въ полковники, съ назначеніемъ состоять при Московскомъ генералъ-губернаторѣ для особыхъ порученій. Въ 1838 г. назначенъ попечителемъ работнаго дома въ Москвѣ и членомъ Попечительнаго Совѣта общественнаго призрѣнія. 19 Января 1846 г., за болѣзнью уволенъ, отъ службы генералъ-майоромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ.

14 Декабря 1825 г. находился съ полкомъ на Дворцовой и Исаакіевской площадяхъ и «за точное исполненіе порученія и въ воздаяніе отличнаго усердія къ службѣ» награжденъ 2 Февраля 1826 г. орд. св. Владиміра 4-й ст. Участвовалъ съ полкомъ въ Польской кампаніи 1831 г. За дѣло при Желткахъ дозволено ему «присовокупить къ сему ордену бантъ». За храбрость и мужество при взятіи г. Варшавы награжденъ въ 1831 году орденомъ св. Анны 2-й степ. Въ 1836 году получилъ Высочайшее благоволеніе за успѣшное исполненіе порученія Комитета по постройкѣ казармъ двумъ дивизіонамъ въ с. Хорошовѣ и на Колымажномъ дворѣ, въ Москвѣ. Въ 1838 году награжденъ орд. св. Станислава 2-й степ.; въ 1841 г. орд. св. Станислава 2-й степ. съ Импер. короною; въ 1844 г. орд. св. Георгія 4-й ст. за 25 л. службы.

Былъ женатъ съ 5 Іюля 1833 г. на дочери д. статск. сов. Софьѣ Николаевнѣ Наумовой и имѣлъ дѣтей: Николая (р. 15 Окт. 1838 г.), Софью (р. 18 Авг. 1842 г.), Алексѣя (р. 1 Дек. 1843 г.), Андрея (р. 4 Марта 1847 г.), Александру (р. 11 Сент. 1848 г.), Анну и Евдокію (близнецы; р. 9 Ноября 1849 г.).

Имѣлъ 450 душъ крестьянъ въ Брянскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, доставшіяся по раздѣлу съ братомъ и сестрами [1]).

Петръ Петровичъ Ланской, 1799—1877, родился 13 Марта 1799 года, былъ младшій изъ четырехъ братьевъ, одновременно служившихъ въ кавалергардахъ; получивъ домашнее

образованіе, онъ поступилъ юнкеромъ въ полкъ въ 1818 году. Всю свою службу, до чина полковника включительно, онъ провелъ въ Кавалергардскомъ полку [1]).

Ревностной и образцовой службой онъ удостоился милостиваго расположенія Императора Николая I, который, неожиданно для всѣхъ и для самого Ланского, назначилъ его 23 Апрѣля 1834 г. флигель-адъютантомъ. 10 Октября 1843 г. Ланской произведенъ въ ген.-майоры, съ назначеніемъ состоять при Гвард. кирасирск. дивизіи, чрезъ полгода (9 Мая 1844 г.) былъ назначенъ командующимъ лб.-гв. Коннымъ полкомъ и чрезъ два года (17 Апрѣля 1846 г.) утвержденъ командиромъ. Вскорѣ за тѣмъ (7 Ноября) назначенъ въ Свиту Его Величества, съ оставленіемъ командиромъ. Привязанность его къ кавалергардской семьѣ была такъ велика, что, несмотря на отмѣнную Царскую милость, ему было тяжело надѣть конно-гвардейскую форму, являвшую въ ту пору особыя, отличныя отъ кавалергардской, традиціи. Дѣло въ томъ, что въ Конномъ полку, со временъ Анны Іоанновны, держались нѣмецкія традиціи, въ Кавалергардскомъ же, подъ вліяніемъ Екатерины II, пробудилось русское самосознаніе. По счастію, почти одновременно съ Ланскимъ его товарищъ и лучшій другъ, баронъ И. А. Фитингофъ, получилъ родной полкъ, и они дали другъ другу слово приложить всѣ старанія къ уничтоженію постояннаго антагонизма, что имъ

1) Леф. арх., Дѣла Инсп. д-та, 1 отд., 3 ст., 1846 г., св. 1454, д. 9; Руммель и Голубцовъ, I, 586; Манзей, III, 134; Фрейманъ, 199.

1) Поступилъ юнкеромъ 17 Янв. 1818 г.; произведенъ корнетомъ 25 Іюля 1818 г., въ 1820 г. поручикомъ, въ 1824 г. шт.-ротмистромъ, въ 1827 г. ротмистромъ. Получилъ ордена: въ 1835 г. св. Анны 2 ст. и прусскій св. Іоанна Іерусалимскаго; въ 1837 г.—землю по чину; въ 1839 г.—орд. св. Анны съ Имп. короною; въ 1841 г.—орд. св. Владиміра 3 ст.

отчасти и удалось. Черезъ нѣсколько лѣтъ командованія Ланского сложилась уже поговорка, что онъ принялъ отъ Эссена «*регимента*», а сдалъ гр. Ламберту «*полкъ*».

Петръ Петровичъ Ланской былъ живымъ контрастомъ своего старшаго брата Павла: насколько старшій былъ общителенъ, краснорѣчивъ, горячъ, настолько младшій былъ сдержанъ, сосредоточенъ, молчаливъ. Онъ самъ сознавалъ, что ему удалось скрыть врожденную застѣнчивость подъ броней напускной холодности, и этимъ ему случалось навлекать на себя попрекъ въ гордости, тѣмъ легче, что гордость считалась отличительной чертой Ланскихъ.

Его строгое отношеніе къ службѣ и цѣльность характера способны были порождать недовольство между подчиненными, но всѣ единогласно признавали въ немъ и высоко цѣнили рѣдкую справедливость и нелицепріятіе. Слѣдующій фактъ служитъ лучшимъ тому доказательствомъ: въ Конномъ полку открылась вакансія полкового адъютанта; при всѣмъ извѣстномъ благоволеніи Императора Николая Павловича къ своему шефскому полку, это считалось вѣрнымъ обезпеченіемъ вензелей, и честолюбцы пустили въ ходъ всѣ интриги, чтобы добиться этого назначенія. Въ теченіе полугода эту должность примѣрно исправлялъ Альбединскій [1]), и Ланской, считая его вполнѣ достойнымъ офицеромъ, рѣшился утвердить его полковымъ адъютантомъ. Альбединскій имѣлъ очень мало средствъ и никакой протекціи. Кружокъ богачей-аристократовъ имѣлъ своего кандидата, Черткова, сильнаго своими связями, и всячески агитировалъ, чтобы сломить твердое рѣшеніе командира полка. Однажды, во время пріема съ глазу на глазъ, Государь, любившій входить въ разныя подробности, спросилъ Ланского: «У тебя очищается адъютантская вакансія»? — «Такъ точно, Ваше Величество». — «Я слышалъ, ты избираешь Черткова»?

Ланской смекнулъ въ чемъ дѣло, но твердо отвѣтилъ: «Нѣтъ, Ваше Величество, я считалъ бы это несправедливостью относительно Альбединскаго. Онъ примѣрный офицеръ и въ теченіе шести мѣсяцевъ всецѣло оправдалъ возложенное на него довѣріе», и тутъ же объяснилъ руководящіе имъ доводы. Государь терпѣливо выслушалъ и съ легкой тѣнью неудовольствія промолвилъ: «А я все-таки думалъ, что ты назначишь Черткова». — «Ваше Величество! Долженъ ли я считать этотъ вопросъ изъявленіемъ Вашего желанія»? почтительно спросилъ Ланской. — «Это почему»? — «Потому что оно для всякаго становится закономъ, и только въ силу его я имѣю право обидѣть офицера». — «Нѣтъ, Ланской, всегда поступай по совѣсти. Тебѣ это ближе и лучше знать», отвѣтилъ Государь и, милостиво потрепавъ его по плечу, уже съ легкой усмѣшкой добавилъ: «Взялся поинтриговать, и не выгорѣло, а тебѣ за правду — большое спасибо. Я люблю, чтобы мнѣ такъ служили».

Твердость Ланского положила основаніе блестящей карьерѣ Альбединскаго, и впослѣдствіи, достигнувъ высшаго административнаго положенія, онъ съ теплымъ чувствомъ вспоминалъ своего заступника—командира.

Благосклонность Императора отзывалась и на его частной жизни. Когда въ 1844 г. Ланской женился на Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, вдовѣ Пушкина, Николай Павловичъ, взявшій осиротѣлую семью поэта подъ свое высокое покровительство, отнесся очень сочувственно къ этому браку и самъ вызвался быть посаженымъ отцомъ. Но невѣста настояла, чтобы свадьба совершилась какъ можно скромнѣе; сопровождаемые самыми близкими родственниками, они пѣшкомъ отправились въ Стрѣльнинскую церковь и тамъ обвѣнчались. Поэтому Ланскому не пришлось воспользоваться выпадавшей ему почестью. Государь понялъ и оцѣнилъ мотивы этого рѣшенія, прислалъ новобрачной брильянтовый фермуаръ въ подарокъ, велѣвъ при этомъ передать, что отъ будущаго кумовства не дозволитъ такъ отдѣлаться; и въ самомъ дѣлѣ, годъ спустя, когда у нихъ родилась старшая дочь Александра, Государь лично пріѣхалъ въ Стрѣльну для ея крестинъ.

Въ день освященія полкового Благовѣщенскаго собора (6 Апр. 1849 г.), постройкой котораго Николай Павловичъ живо интересовался, Ланской былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и получилъ право быть погребеннымъ въ самой церкви [1]). Одно мѣсто предназначалось кн. А. Ф. Орлову, заложившему первый камень, другое — Ланскому, какъ полковому командиру, при которомъ церковь была освящена. Сынъ князя Орлова воспользовался для покойнаго этой привилегіей, а Ланской самъ отказался отъ нея. Переживъ обожаемую жену, онъ заблаговременно приготовилъ себѣ мѣсто рядомъ съ ней въ Александро-Невской лаврѣ [2]).

---

[1]) Альбединскій — впослѣдствіи Варшавскій ген.-губернаторъ.

[1]) За время командованія полкомъ Ланской награжденъ орденами: въ 1847 г. св. Георгія 4 ст. за 25 л. службы; въ 1848 г. св. Станислава 1 ст.; въ 1851 г. св. Анны 1 ст.

[2]) На предназначенномъ ему мѣстѣ погребенъ теперь свѣтл. кн. В. Д. Голицынъ.

Прокомандовавъ Коннымъ полкомъ 9 лѣтъ, Ланской былъ произведенъ 6 Декабря 1853 г. въ ген.-лейтенанты, и при сдачѣ полка ему (28 Дек. того же года) сохраненъ мундиръ. Въ самый разгаръ Крымской войны онъ былъ командированъ въ Вятскую губернію для сформированія ополченія. Пожертвованія лились щедрой рукой, и по распущеніи ополченія (заключеніе мира остановило Вятское ополченіе на пути въ Крымъ) въ безотчетномъ вѣдѣніи Ланского оказался капиталъ, достигавшій ста тысячъ рублей. Этотъ избытокъ былъ единственный примѣръ во всей обширной Россіи. При докладѣ Императору Александру II, Ланской заявилъ объ остаткѣ, испрашивая указаніе, куда представить эти деньги. Государь весьма удивился, спросилъ, какъ поступили въ другихъ губерніяхъ, и, удостовѣрившись въ исключительности факта, промолвилъ: «Такъ ты одинъ возвратилъ ихъ, Ланской! Да, съ тобою, иначе и быть не могло», и приказалъ всю сумму передать военному министру Сухозанету; затѣмъ она быстро испарилась по разнымъ инстанціямъ [1]).

Вскорѣ послѣ этого случая, въ день коронаціи, 26 Августа 1856 г., Ланской былъ назначенъ начальникомъ 1-й Гвардейской кавалерійской дивизіи и оставался въ этой должности до 23 Апрѣля 1861 г., когда разстроенное здоровье жены вынудило его взять 11-мѣсячный отпускъ, съ отчисленіемъ въ свиту, чтобы увезти жену за границу [2]). Съ этого времени дѣятельность его переходитъ изъ фронтовой въ административную сферу: 19 Ноября 1864 г. онъ назначенъ предсѣдателемъ Высочайше учрежденной въ Петербургѣ слѣдственной (о Петербургскихъ поджогахъ) коммиссіи и 6 Апрѣля 1865 г., на время отсутствія Петербургскаго ген.-губернатора кн. Суворова, для сопровожденія Государя за границу, назначенъ исправлять должность Петербургскаго ген.-губернатора.

Въ 1866 году, послѣ перваго покушенія на жизнь Царя, было рѣшено учредить спеціальную Коммиссію для разбора и суда всѣхъ политическихъ дѣлъ. Государь, призвавъ Ланского, изъяснилъ свои ему взгляды и поручилъ предсѣдательство въ этой Коммиссіи. Онъ горячо принялся за дѣло, и все первоначальное слѣдствіе было очень успѣшно ведено подъ его руководствомъ. Но сторонники графа М. Н. Муравьева, выставляя его недавнія заслуги въ Западномъ краѣ и громкую популярность въ Россіи, заявляли о несомнѣнныхъ правахъ его на этотъ отвѣтственный постъ. Личныя симпатіи Государя были на сторонѣ Ланского, вліяніе Императрицы, опиравшейся на общественное мнѣніе, превозмогло, и, призвавъ Ланского къ себѣ, Государь встрѣтилъ его словами:

—«Я вполнѣ доволенъ твоей дѣятельностью, но мнѣ не даютъ покоя, навязывая Муравьева въ предсѣдатели Коммиссіи. Меня же удерживаетъ мысль: я не хочу тебя обидѣть».

«Ваше Величество! Я готовъ трудиться изо всѣхъ силъ, но отвѣтственность передъ Вами и Россіей такъ велика, что, видитъ Богъ, какъ я радъ сложить ее въ болѣе опытныя руки», горячо отвѣтилъ Ланской.—«И ты согласенъ остаться членомъ Коммиссіи»?—«Я счастливъ буду, гдѣ бы то ни было, своимъ трудомъ приносить крупицу пользы».—«Такъ ты не задумаешься принести мнѣ въ жертву свое самолюбіе, а я такъ боялся, что ты обидишься».—«Жалкій слуга тотъ, Ваше Величество, который въ подобныя минуты смущается такими мелочами».—«Да, я знаю твою преданность и вѣкъ ея не забуду», и взволнованный Государь обнялъ Ланского и отпустилъ его.

Вѣрный своему обѣщанію, Ланской неустанно продолжалъ трудиться на этомъ поприщѣ до самой смерти Муравьева, когда ему уже вторично довелось принять должность предсѣдателя и сохранить ее до упраздненія самой Коммиссіи, послѣдовавшей незадолго до его смерти [1]). Ланскому пришлось незадолго до своей кончины вновь потрудиться на чисто военномъ поприщѣ: 21 Января 1875 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Особой коммиссіи пересмотра положенія о судахъ общества офицеровъ. Тяжелый недугъ сразилъ его 6 Мая 1877 г., вскорѣ послѣ объявленія послѣдней войны [2]).

---

[1]) За «скорое сформированіе» и «скорое расформированіе» Вятскаго ополченія Ланскому объявлены Высочайшія благоволенія 10 Авг. 1855 г. и 19 Іюля 1857 г., а 30 Авг. 1855 г. пожалованъ орд. св. Владиміра 2 ст.; 14 Марта 1855 г. назначенъ былъ членомъ комитета Госуд. коннозаводства, каковымъ состоялъ до 30 Янв. 1859 г.

[2]) Въ 1857 г. награжденъ орд. Бѣлаго орла; въ 1859 г. получилъ табакерку съ портретомъ Его Величества; 17 Апр. 1863 г. пожаловано 4/т. десятинъ въ Самарской губерніи.

[1]) Въ 1865 г. Ланскому пожалованъ орденъ св. Александра Невск.; въ 1867 г. произведенъ въ ген.-отъ-кавалеріи; 25 Іюля 1868 г. по случаю 50-лѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ получилъ алмазные знаки къ ордену св. Александра Невск.; въ 1871 г. орд. св. Владиміра 1 ст. при особомъ рескриптѣ. Кромѣ того, въ 1872 г. онъ состоялъ при прибывшемъ въ Петербургъ королѣ Виртембергскомъ и получилъ орденъ Короны 1 ст.

[2]) По формуляру 1864 г. (Общ. арх. Гл. шт., № 1010) за Ланскимъ показано родового имѣнія въ губерніяхъ: Новгородской 297 душъ, Псковской 180 душъ и 2000 десятинъ въ Саратовской; пожалованныхъ: 4000 дес. въ Самарской губ., да за женою въ Московской губ. 650 душъ.

Онъ оставилъ послѣ себя 3 дочерей, вышедшихъ замужъ за кавалергардовъ: старшая Александра (р. 15 Мая 1845 г.) за корнета Ивана Андреевича Арапова; вторая Софія (20 Апр. 1846 г.) за поручика Николая Николаевича Шипова и младшая Елизавета (17 Марта 1848 г.) за шт.-ротмистра Николая Андреевича Арапова [1]). Прослуживъ тремъ Государямъ, Ланской во всю жизнь ничего не просилъ себѣ или своимъ. Его любимица старшая дочь, царская крестница, единственная изъ трехъ сестеръ не была фрейлиной, такъ какъ скоро вышла замужъ, и, несмотря на ея желаніе и просьбы, отецъ не допустилъ даже мысли безпокоить Государя своимъ ходатайствомъ.

Послѣ его смерти, она обратилась къ Императору Александру II съ просьбой о принятіи ея двухъ сыновей въ Пажескій корпусъ въ память заслугъ дѣда, что тотчасъ же милостиво было исполнено. При ея первой встрѣчѣ съ Государемъ, она стала его благодарить, но онъ прервалъ на первомъ словѣ: «Non, madame Arapoff, c'est à moi de vous remercier. Grâce à vous j'ai pu du moins faire cette unique bagatelle en souvenir de mon loyal et fidèle Lanskoy. Je souhaite que ses petits-fils lui ressemblent».

Императоръ Александръ III высоко цѣнилъ честность и прямодушіе Ланского. Цесаревичемъ, онъ благосклонно и тепло относился къ заслуженному старику и, вступивъ на Престолъ, наградилъ во внукахъ вѣрнаго слугу Отца и Дѣда. Первая внучка его, за двѣ недѣли передъ бракомъ съ Н. Н. Столыпинымъ, была пожалована во фрейлины къ Государынѣ Императрицѣ.

Послѣ неудачнаго экзамена, Андрей Араповъ вынужденъ былъ выйти изъ Пажескаго корпуса въ армію; мать ходатайствовала о немедленномъ прикомандированіи его къ Кавалергардскому полку; Государь, передавая ея письмо военному министру, милостиво добавилъ: «Прошу васъ, Петръ Семеновичъ, устроить это дѣло. Я обязанъ передъ памятью Ланского исполнить эту просьбу».

Слова эти, переданныя генералъ-адъютантомъ Ванновскимъ, наглядно подтверждаютъ справедливость народнаго изреченія, что за Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаютъ.

Всѣ внуки Петра Петровича Ланского какъ въ годъ юбилея полка, такъ и нынѣ служатъ въ рядахъ кавалергардовъ, являясь послѣдними отпрысками, по женской линіи, еще въ началѣ столѣтія столь многочисленнаго рода Ланскихъ [1]).

Пименъ Николаевичъ Араповъ 3-й, 1796—1861, сынъ сек.-майора Николая Андреевича († 1826 г.) и Ольги Александровны, рожд. Машковой († 1825 г). Араповъ родился 6 Авг. 1796 года въ с. Ягановкѣ Темниковскаго уѣзда, Тамбовской губерніи [2]). Родители его, богатые помѣщики Пензенской и Саратовской губерній, владѣвшіе 2229 душами крестьянъ, имѣли возможность дать ему хорошее воспитаніе и образованіе [3]). Вигель въ запискахъ разсказываетъ о родителяхъ П. Н. слѣдующее: «Ольга Александровна имѣла ростъ высокій, осанку важную, тѣло обширное и ошибалась, почитая столь же обширнымъ умъ свой. Мужъ ея былъ старинный дворянинъ, богатѣющій откупами, къ тому же знаменитѣйшій гастрономъ и, что почти всегда съ тѣмъ неразлучно, искуснѣйшій поваръ во всей нашей околодкѣ. Съ большимъ состояніемъ, — супруги скорбѣли о томъ, что не имѣютъ дѣтей, т.-е. не могутъ сохранить ихъ». Изъ четырнадцати человѣкъ дѣтей у нихъ не осталось въ живыхъ ни одного. Тогда О. А. «употребила съ великою пользою одно указанное ей средство: велѣла пригласить перваго встрѣчнаго быть воспріемникомъ новорожденнаго ею пятнадцатаго младенца и по его имени назвали его Пименомъ. Имъ заключился рядъ несовершенныхъ произведеній Ольги Александровны, и вся жизнь

---

[1]) Вторымъ бракомъ за Сергѣемъ Ильичемъ Бибиковымъ († 1903 г.).

[1]) А. П. Арапова, «Записка о Ланскихъ».
[2]) Семеновъ, «Россія», II, 343 и 346.
[3]) По смерти родителей дѣла ихъ оказались весьма запутанными, такъ какъ они оставили долговъ на 762/т. рублей.

его отзывалась симъ несовершенствомъ. Вѣчно хлопоталъ онъ около словесности, гражданской службы и красивой жены: слыветъ литераторомъ, дѣятельнымъ чиновникомъ и мужемъ, но въ исполненіи всѣхъ принятыхъ имъ обязанностей оказался совершенно несостоятельнымъ. Первый шагъ только труденъ, всѣ послѣдующіе затѣмъ семь или восемь человѣкъ дѣтей обоего пола остались живы и здравы, крѣпки и толсты».

Воспитаніе, полученное П. Н. Араповымъ, способствовало развитію въ немъ художественнаго вкуса и склонности къ литературѣ. Онъ обучался сначала въ Московскомъ пансіонѣ литератора В. В. Измайлова, затѣмъ въ «Благородномъ пансіонѣ» при Московскомъ университетѣ и въ самомъ университетѣ по «словесному отдѣленію». 6 Окт. 1814 г. онъ поступилъ на службу подпрапорщикомъ въ Преображенскій полкъ и 16 Авг. 1817 г. произведенъ въ прапорщики; 26 Іюля 1818 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, гдѣ въ 1819 г. произведенъ въ поручики; 16 Мая 1820 г. за болѣзнью уволенъ отъ службы шт.-ротмистромъ; 20 Сентября 1821 г. опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій къ министру Внутреннихъ дѣлъ, съ переименованіемъ въ тит. совѣтники. Затѣмъ, по предложенію Сперанскаго, который познакомился съ Араповымъ въ то время, какъ былъ губернаторомъ въ Пензѣ, Араповъ перешелъ въ 1822 г. въ канцелярію Сибирскаго генералъ-губернатора и произведенъ въ колл. асессоры, оттуда въ 1825 г. въ канцелярію Московскаго генералъ-губернатора и 19 Іюля 1826 г. назначенъ секретаремъ Театральнаго отдѣленія; но чрезъ мѣсяцъ (22 Августа) «за состоявшимся штатомъ» отчисленъ отъ этой должности, съ опредѣленіемъ «для управленія военнымъ отдѣленіемъ канцеляріи Моск. ген.-губернатора и награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст.», а въ 1827 г. произведенъ въ надв. совѣтники; 4 Мая 1828 г. назначенъ совѣтникомъ Московскаго губ. правленія и въ томъ же году избранъ членомъ Общества любителей Россійской словесности. «За составленіе имъ литературнаго альманаха на 1830 г. подъ названіемъ «Радуга», коего экземпляръ удостоенъ быть поднесеннымъ Государынѣ Императрицѣ, Ея Величество соизволила изъявить ему Высочайшее свое благоволеніе». Въ 1831 г. за усердіе при прекращеніи холеры въ Москвѣ произведенъ въ колл. совѣтники. Къ этому времени относятся хлопоты кн. Д. В. Голицына о назначеніи Арапова прокуроромъ въ Пензу. 28 Марта 1832 г. Араповъ вышелъ въ отставку, а чрезъ два года (4 Мая 1834 г.) вновь поступилъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій по министерству Финансовъ, а затѣмъ назначенъ начальникомъ отдѣленія департамента Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ.

Въ 1835 г. Араповъ женился на Натальѣ Аполлоновнѣ Козловой, при чемъ ему выдано пособіе въ 1500 руб. Въ 1837 г. онъ по разстроенному здоровью причисленъ безъ содержанія къ министерству; въ 1838 г. назначенъ Саратовскимъ вице-губернаторомъ, а въ 1839 г. перемѣщенъ вице-губернаторомъ въ Новгородъ, гдѣ въ 1840 году награжденъ орд. св. Анны 2 ст. и произведенъ въ статскіе совѣтники; 21 Сент. 1841 г. причисленъ къ министерству Внутреннихъ дѣлъ и въ 1842 г. назначенъ членомъ комитета «для изысканія источниковъ на устройство въ С.-Петербургѣ мостовой изъ песчаника и подземныхъ трубъ по способу, принятому въ Парижѣ и другихъ первоклассныхъ столицахъ Европы». Въ 1843 г. Араповъ получилъ командировку въ Казань членомъ Комитета «для приведенія въ извѣстность потерь отъ пожара и назначенія нуждающимся возможной помощи», а въ слѣдующемъ году ему дается порученіе: «обозрѣть по трактамъ отъ Казани до Перми и оттуда по Сибирскому тракту до С.-Петербурга переправы чрезъ рѣки, и исполняются ли прибитыя на столбахъ таксы»...

Въ 1844 г. онъ былъ командированъ въ распоряженіе Московскаго гражданскаго губернатора, гдѣ награжденъ орденами: свв. Анны съ Имп. короной (1846 г.), Владиміра 3 ст. (1848 г.) и перстнемъ (1850 г.); 19 Іюня 1851 г. уволенъ отъ службы дѣйств. статскимъ совѣтникомъ.

Араповъ пробылъ въ отставкѣ $3^1/_2$ года; 22 Декабря 1854 г. опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ Двора и 26 Августа 1856 г. произведенъ въ дѣйств. статскіе совѣтники.

Извѣстность П. Н. Арапова основана на его литературныхъ заслугахъ, какъ «перваго лѣтописца русскаго театра». Еще въ юности онъ былъ большимъ поклонникомъ театральнаго искусства, и извѣстный актеръ Дмитревскій рекомендовалъ его кн. А. А. Шаховскому и П. А. Катенину, «какъ страстнаго къ декламаціи юношу». На службѣ въ Преображенскомъ полку Араповъ сошелся очень близко съ Катенинымъ, и почвой для ихъ сближенія были театръ и искусство. Литературную карьеру свою Араповъ началъ въ 1810 г. повѣстью, переведенной съ нѣмецкаго, «Тильзитскій миръ» (М. 1810, 12—2). Это произведеніе было напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» Измайлова, гдѣ онъ помѣщалъ также и свои «Московскія записки». Въ журналахъ же Измайлова «Благонамѣренный» и «Сынъ Отечества» Араповъ помѣщалъ «политическія

и иныя статьи». Тогда же онъ началъ заниматься переводами и составленіемъ оригинальныхъ піесъ для театра и вошелъ въ близкія отношенія съ Шаховскимъ и Загоскинымъ, участвовалъ въ домашнихъ спектакляхъ. Въ «Парнасскомъ адресъ-календарѣ или росписи чиновныхъ особъ, служащихъ при дворѣ Ѳеба и въ нижнихъ земскихъ судахъ Геликона, съ краткими замѣчаніями объ ихъ жизни и заслугахъ», составленномъ «Арзамасомъ», Араповъ показанъ подъ № 48 «юнкеромъ при разныхъ министерствахъ».

Въ 1818 г. Араповъ былъ секретаремъ масонской ложи «Орла Россійскаго въ С.-Петербургѣ».

Съ 20-хъ годовъ онъ окончательно посвятилъ себя театру. Всѣхъ піесъ, написанныхъ имъ, приблизительно, около 40, но только часть ихъ напечатана. Нѣкоторые водевили его пользовались успѣхомъ на сценѣ, какъ, напр., «Медвѣдь и Паша», вод. Скриба, Спб., 1823 г., 8; «Секретарь и поваръ», вод. Скриба и Мелезвиля, съ фр., Спб., 1825 г., 8; «Чертовъ колпачекъ», написанный имъ для В. Н. Асенковой. Изъ ненапечатанныхъ піесъ успѣхъ имѣли: «Вертепъ», «Демьянова уха», «Пикасьетъ», «Волшебное стекло». Послѣднимъ драматическимъ произведеніемъ Арапова былъ водевиль «Лизанька», съ музыкою кн. Одоевскаго, написанный для Сандуновой, но успѣха не имѣлъ.

Присутствовавшій на первомъ представленіи «Лизаньки» кн. П. А. Вяземскій сказалъ слѣдующій экспромтъ:

Пименъ Араповъ состряпалъ водевиль,
Одоевскій писалъ музыку.
Пьеса брякнулась безъ крику:
Man kann nicht immer was man will.

Въ 1830 году Араповъ вмѣстѣ съ Д. Новиковымъ издалъ литературно-музыкальный альбомъ «Радуга». Въ 50-хъ годахъ вмѣстѣ съ художникомъ Раппольтомъ издалъ большой «иллюстрированный историко-біографическій драматическій альбомъ, съ 20 портретами артистовъ, въ которомъ помѣщена и піеса самого Арапова «Квартира въ Московской гостинницѣ».

Въ концѣ 1850 годовъ Араповъ, путешествуя за границею, присылалъ, по указанію В. Р. Зотова, «Путевыя замѣтки» (заключавшія главнымъ образомъ театральныя свѣдѣнія) въ «Сѣверную Пчелу». Въ Парижѣ у Лемерсье Араповъ издалъ «Драматическій букетъ»—собраніе портретовъ актрисъ и танцовщицъ Петербургскаго театра и два большіе листа портретовъ актеровъ Александринской сцены. Въ 1862 г., уже по смерти Арапова, вышла его «Лѣтопись русскаго театра». Лѣтопись доведена до 26 Ноября 1825 г.

«Лѣтопись до сихъ поръ остается цѣнной справочной книгой», говоритъ г. Венгеровъ, «читатель не найдетъ тутъ чего-либо обобщающаго, не найдетъ широкой картины хода развитія нашего театра, но скелетъ событій, факты и детали собраны со знаніемъ дѣла и тщаніемъ».

Относительно прочихъ произведеній Арапова г. Венгеровъ замѣчаетъ: «Драматическія произведенія Арапова слабы. Это все водевили съ самой примитивной интригой и разныя «pièces d'occasion», въ родѣ «Репетиціи на станціи», написанной въ видѣ сюрприза Московскому генералъ-губернатору кн. Голицыну».

Въ частной жизни Араповъ былъ «домосѣдъ и хлѣбосолъ въ полномъ смыслѣ этого слова». Матеріальныя средства его были довольно значительны и давали возможность жить на широкую ногу. Состоя на военной службѣ, онъ при жизни отца имѣлъ всего 40 душъ крестьянъ, но послѣ его смерти получилъ 500 душъ въ Керенскомъ у. Пензенской губ., въ Сердобскомъ и Аткарскомъ уѣздахъ Саратовской губ.

Умеръ 23 Марта 1861 г. и погребенъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Произведенія П. Н. Арапова (напечатаны): 1) Тильзитскій миръ, истинная повѣсть, съ нѣм. М., 1810, 12. 2) Смерть Карла пор. англ., съ нѣм. М., 1813, 8. 3) Моя жертва Наполеону, Кривой коршунъ, Притча и Кузнецкій мостъ. М., 1814, 4, въ стихахъ. 4) Статья изъ газетъ, вод. въ 1 д. Спб., 1822, 8. 5) Прихотникъ безъ денегъ, вод. въ 1 д., съ франц. Спб., 1821, 12. 6) Медвѣдь и Паша, вод. Скриба. Спб., 1821, 12. 7) Г-жи Сельмины или мужъ, жена и вдова, ком. въ 1 д., съ фр. Спб., 1824, 12. 8) Секретарь и поваръ, вод. Скриба и Мелезвиля, съ фр. Спб., 1825, 8. 9) Господинъ Блажнинъ или старый другъ лучше новыхъ двухъ, ком. въ 1 д., въ стихахъ. М., 1826, 8. 10) Ватель или потомокъ великаго человѣка, вод. въ 1 д. Скриба и Мазера, съ фр. М., 1827, 8. 11) Репетиція на станціи... анекдотич. вод., представленный въ 1827 г. 29 Октября въ с. Рождественѣ (кн. Д. В. Голицына). М., 1845, 8. 12) Польдеръ, Амстердамскій палачъ, романт. мелодрама въ 3 д. Пиксернура и Дюканэка. 13) Одушевленные цвѣты и мечтатель, 1850 г. 14) Драматическій альбомъ. М., 1850, 8, съ портретами. 15) Лизанька (актриса Сандунова), ком. Спб., 1858, 8. 16) Драматическій букетъ. Парижъ. 17) Лѣтопись русскаго театра. Спб., 1862, 8 [1]).

---

[1]) Полк. архивъ; Арх. М. Двора, оп. 1126, св. 3326, д. 153; Уничт. бумаги арх. Сената; Вигель,

Василій Михайловичъ Устиновъ, 1797—1838, изъ дворянъ Саратовской губерніи, сынъ родоначальника рода Устиновыхъ Михаила Адріановича (1730, † 1838) и жены его Марфы Андреевны (фам. неизвѣстна); поступилъ 10 Іюня 1810 г. изъ титул. совѣтниковъ Экспедиціи Государств. доходовъ юнкеромъ въ лб.-гв. Гусарскій полкъ, 28 Октября того же года портупей-юнкеромъ, 29 Декабря 1811 г. корнетомъ, въ 1812 г. поручикомъ; 5 Марта 1816 г. переведенъ ротмистромъ въ Ольвіопольскій гус. полкъ, откуда 14 Августа 1818 г. переведенъ тѣмъ же чиномъ въ кавалергарды, съ оставленіемъ адъютантомъ при гр. Милорадовичѣ; 16 Апрѣля 1819 г. переведенъ подполковникомъ въ Павлоградскій гус. полкъ; 24 Февраля 1820 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью полковникомъ. Участвовалъ въ Отечественной войнѣ, въ дѣлахъ и сраженіяхъ: подъ Вилкомиромъ (22 Іюня), Островнымъ (13 Іюля), Какувячинѣ (14 Іюля), при Бородинѣ (24 и 26 Авг.), Вороновѣ (20 Сент.), Тарутинѣ, М.-Ярославцѣ, Вязьмѣ, Дорогобужѣ (26 Окт.), Краснымъ (3—6 Ноября); въ 1813 году — при Люценѣ, Бауценѣ, Тунѣ (15 Авг.), подъ Кульмомъ (16, 17 и 18-го), гдѣ былъ *раненъ* въ правую ногу пикою и въ лѣвую руку палашомъ, и при Лейпцигѣ (4 и 6 Окт.), при чемъ былъ награжденъ орд. св. Анны 4 ст. Въ 1814 г. за хорошій приводъ ремонтныхъ лошадей объявлено ему Высочайшее благоволеніе. За отцомъ его состояло въ Саратовск. губ. 6/г. душъ. Былъ женатъ на Анастасіи Александровнѣ Языковой (1799—1854) и имѣлъ дѣтей: Марію (1822—1891), замужемъ за Серг. Мих. Кропотовымъ, Софью (1823—1892), замужемъ за Петр. Алексѣев. Ранцевымъ, Михаила (1825—1899), Ольгу (р. 1826 г.), замужемъ за Дм. Ал. Литвиновымъ, Александру (1829—1902), замужемъ за гр. Ал. Петр. Толстымъ, Александра (1831—1832) и Зинаиду (1838—утонула въ 1856).

Умеръ 7 Мая 1838 г. и похороненъ въ с. Ключевскѣ Петровскаго уѣзда, Саратовской губерніи [1]).

IV, 76 и 77; Семеновъ, «Россія», II, 343 и 346; Воейковъ, «Парнасскій адр.-календарь»; «Tableau de la Gr.-Loge Astrée pour l'an 58 17/19», p. 159; «Сѣв. Пчела», 1861 г., 68; «Русск. Инв.» 1861 г., 69; Словари: В. Р. Зотова, Геннади, Брокгауза и Ефрона, Венгерова; «Нов. Время», № 7360; Вейнбергъ (отзывъ о Лизанькѣ), Библ. для чтенія 1858 г., т. 150; Отзывъ о «Драмат. альбомѣ», Москвитянинъ, 1851 г., № 3; «Отеч. Зап.» 1851 г., № 2; «Современникъ», 1851 г., т. 25; Отзывъ о «Лѣтописи», П. Щебальскій; «Наше Время» 1862 г., № 13; «Спб. Вѣд.» 1862 г., № 21; «Ист. Вѣстникъ», 1880/III, 867.

Александръ Николаевичъ Новицкій, 1797—, изъ дворянъ, 6 Апрѣля 1817 г. поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; 17 Марта 1818 г. произведенъ въ эст.-юнкера, 15 Ноября того же года въ корнеты; 10 Мая 1819 г. назначенъ адъютантомъ къ ген.-ад. Де-Прерадовичу; въ 1821 г. въ поручики, въ 1824 г. въ шт.-ротмистры; 21 Января 1827 г. уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ ротмистромъ [2]).

Петръ Ивановичъ Нотгофтъ, 1798—1889, изъ дворянъ Витебской губ., на службу поступилъ въ 1817 г. юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ, въ 1818 г. эст.-юнкеромъ, 14 Янв. 1819 г. корнетомъ, въ 1821 г. поручикомъ, въ 1824 г. шт.-ротмистромъ; 13 Февр. 1825 г. переведенъ майоромъ въ Каргопольскій драг. полкъ, въ 1826 г.—въ Московскій драг. полкъ; 18 Дек. 1826 г. уволенъ отъ службы подполковникомъ. Въ 1834 г. принятъ вновь майоромъ въ Корпусъ жандармовъ, съ назначеніемъ Лифляндскимъ жандармскимъ шт.-офицеромъ; въ 1838 г. произведенъ въ подполковники, въ 1839 г. перемѣщенъ въ Курляндскую губ., въ 1847 г. произведенъ въ полковники, въ 1855 г. въ ген.-майоры; 8 Ноября 1859 г. уволенъ отъ службы, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада. Въ 1837 г. «за отлично-усердную и полезную службу» получилъ 2000 руб. ассигнаціями, въ 1840 и 1841 гг. получилъ Высочайшее благоволеніе. Съ 1 Авг. по 1 Сент. 1844 года исполнялъ должность Россійскаго комиссара по пограничнымъ дѣламъ съ Пруссіею. Въ 1842 г. пожалованъ годовымъ окладомъ жалованья; въ 1843 г. получилъ прусскій орденъ Краснаго Орла 3-й ст. «за содѣйствіе къ под-

[1]) Леф. арх., Форм. сп. 1819 г., кн. 2420; Манзей, III, 59; Свѣдѣнія, сообщ. А. М. Устиновымъ.

[2]) Полковой архивъ.

держанію и утвержденію дружественныхъ сношеній на границѣ обоихъ государствъ»; въ 1845 г. награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й ст., въ 1849 г.—орденомъ св. Анны 3-й ст., въ 1852 г. св. Анны 2-й ст., въ 1854 г. св. Анны 2-й ст. съ Имп. короною, въ 1858 г. орденомъ св. Владиміра 3-й ст.

Въ 1859 г. былъ вдовъ. Имѣлъ сына Константина (р. 7 Апр. 1835 г., прапорщика Московскаго драг. полка) и дочерей: Надежду (р. 22 Дек. 1837 г.), Ольгу (р. 21 Окт. 1840 г.) и Александру (р. 21 Февр. 1844 г.).

Имѣлъ 180 душъ въ имѣніи Адамово Рѣжицкаго у., Витебской губ. и благопріобрѣтенный за женой домъ въ г. Митавѣ [1]).

Федоръ Аркадьевичъ Нелидовъ 1-й, 1799—, изъ Псковскихъ дворянъ, сынъ д. тайн. сов. и почетнаго опекуна Аркадія Ивановича и гр. Софьи Федоровны Буксгевденъ, поступилъ 6 Авг. 1817 г. юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; въ 1818 г. произведенъ эст.-юнкеромъ, 28 Января 1819 г. корнетомъ, въ 1821 г. поручикомъ, въ 1825 г. шт.-ротмистромъ, въ 1828 г. ротмистромъ; 7 Ноября 1834 г. уволенъ за болѣзнью полковникомъ и съ мундиромъ.

По выходѣ въ отставку поселился въ своемъ имѣніи, с. Михайловскомъ Торопецкаго уѣзда, гдѣ и похороненъ. Женатъ не былъ [2]).

Евгеній Осиповичъ Понятовскій, 1796—185., изъ польскихъ дворянъ, дальній родственникъ короля Станислава-Августа, былъ старшій сынъ полковника польской службы Іосифа Понятовскаго и Н. Слоневской; 22 Января 1819 г. поступилъ въ Кавалергардскій полкъ корнетомъ изъ камеръ-пажей; въ 1821 г. произведенъ въ поручики, 14 Декабря 1823 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью. Въ 1826 г. женился на графинѣ Адели Іосифовнѣ Коссаковской (бракъ бездѣтный).

«Въ Таганчѣ (имѣніе Понятовскихъ, Кіевской губ., въ 1826 г.) мы», пишетъ гр. М. Д. Бутурлинъ, «застали въ медовомъ мѣсяцѣ женитьбы Евг. Осип. Понятовскаго. Жена его, урожденная Коссаковская, была сестра секретаря при Римской нашей миссіи. Она была очень нехороша собою, далеко не умна, не богата и имѣла много странностей; единственною отличительностью въ ней былъ прекрасный голосъ. Трудно допустить, чтобы послѣднимъ только могъ плѣниться человѣкъ, подобный Евг. Осип., изящный въ манерахъ, утонченно образованный, лингвистъ и изъ себя молодчина. Этотъ бракъ принадлежалъ къ числу многихъ, подобныхъ ему, необъяснимыхъ; онъ имѣлъ самыя жалкія послѣдствія: Евг. Осип. вскорѣ разъѣхался съ полупомѣшанною своею женою».

Про другое имѣніе Понятовскаго — Пшенишники—тотъ же авторъ пишетъ: «Усадьба его была вся въ живописныхъ холмахъ и долинахъ, въ которыхъ онъ завелъ виноградныя и табачныя плантаціи, но ни тотъ, ни другой продуктъ не вызрѣвали. Но онъ особенно любилъ садоводство, и была у него прекрасная теплица для экзотическихъ и тропическихъ растеній. Въ Пшенишниковскомъ своемъ домѣ онъ устроилъ кабинетъ съ окномъ, во весь размѣръ коего вставлены были, вмѣсто стеколъ, полупрозрачныя *литофаніи* съ пейзажами и сюжетами извѣстныхъ Европейскихъ различныхъ галлерей, тогда какъ обыкновенно изъ этихъ литофаній дѣлались одни только транспаранты для свѣчей». «Осенью 1837 года Понятовскій пріѣхалъ во Флоренцію, для поправленія здоровья, и съ тѣхъ поръ окончательно тамъ поселился. Изъ прежняго свѣтскаго и общественнаго человѣка онъ сдѣлался почти затворникомъ, весь предался религіозному настроенію. Впослѣдствіи Понятовскій переселился изъ города въ купленную имъ виллу, гдѣ и умеръ въ началѣ 50-хъ годовъ» [1]).

Владиміръ Ивановичъ Тимковскій, 1800—, изъ дворянъ Петербургской губ., сынъ д. ст. сов. Ивана Осиповича, извѣстнаго цензора; въ 1817 г. поступилъ юнкеромъ въ Гвардейскую

---

[1]) Общ. арх. Гл. штаба 1859 г., св. 2030, д. 1472.
[2]) Полк. архивъ; Долгорукій, II, 186; Руммель и Голубцовъ, II, 146; Свѣдѣнія, сообщ. Варв. Арк. и Вас. Вл. Нелидовыми.

[1]) Полк. архивъ; Записки гр. Бутурлина; Р. Арх., 1897/V, 69; VIII, 570; IX, 85; Свѣдѣнія, сообщ. о. Пирлингомъ; см. біографію С. А. Горяинова.

пѣшую артиллерію; 26 Января 1818 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; 4 Іюня того же года произведенъ эст.-юнкеромъ, 27 Февраля 1819 г. корнетомъ, въ 1821 г. поручикомъ, въ 1825 г. шт.-ротмистромъ, въ 1828 г. ротмистромъ, въ 1832 г. назначенъ командиромъ 2-го эскадрона; 25 Апрѣля 1836 г. переведенъ въ Новгородскій кирас. полкъ подполковникомъ, въ 1837 г. въ Стародубскій кирас. полкъ и произведенъ въ полковники. 18 Августа 1845 г. назначенъ командиромъ Стародубскаго кирас. полка, 6 Декабря 1846 г. произведенъ въ генералъ-майоры, съ оставленіемъ командиромъ полка; 28 Сентября 1848 г. назначенъ командиромъ 2 бриг. 1 Кирасирской дивизіи, 12 Марта 1850 г. назначенъ состоять по кавалеріи, а 26 Декабря того же года уволенъ отъ службы, съ мундиромъ и пенсіей $^2/_3$ жалованья. 14 Декабря 1825 г. находился въ рядахъ Кавалергардскаго полка противъ мятежниковъ. Въ 1827 г. былъ командированъ для отвода образцовой гвардейской команды въ Берлинъ и награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст., а отъ короля прусскаго получилъ командорскій крестъ орд. св. Іоанна Іерусалимскаго. Участвовалъ съ Кавалергардскимъ полкомъ въ Польской войнѣ 1831 г. и награжденъ бантомъ къ имѣвшемуся у него ордену св. Владиміра 4 ст. Въ 1841 году награжденъ орденомъ св. Станислава 2 ст., въ 1841 г. св. Георгія 4 ст., за 25 лѣтъ службы, въ 1847 г. орд. св. Анны 2 ст.

Былъ женатъ первымъ бракомъ (въ 1823 г.) на дочери подполк. Тыртова, Александрѣ Евграфовнѣ; отъ этого брака имѣлъ сына Ивана (р. 6 Янв. 1824 г.) и дочь Екатерину (р. 24 Янв. 1827 г.); вторымъ бракомъ—на дочери полковника Маріи Алексѣевнѣ Чернилевской и имѣлъ дочь Марію (р. 6 Августа 1841 г.). Умеръ въ началѣ 60-хъ годовъ и погребенъ въ Харьковѣ [1]).

Графъ Александръ Николаевичъ Толстой, 1793—1866, сынъ извѣстнаго любимца Императора Александра I, оберъ-гофмаршала гр. Николая Александровича, отъ брака его съ княжною Анной Ивановной Барятинской, теткой фельдмаршала кн. Ал. Ив. Барятинскаго, родился 21 Сентября 1793 г. Гр. Н. А. Толстой, занятый всецѣло придворной службой, не могъ лично руководить воспитаніемъ своего сына, которое было предоставлено сначала крѣпостному дядькѣ, а затѣмъ иностраннымъ учителямъ и гувернерамъ. Въ 1802 г. гр. Толстой былъ отданъ въ іезуитскій пансіонъ Грубера, гдѣ воспитаніе было ведено совершенно въ духѣ римской церкви. «На насъ (А. Н. Толстого и его товарищей, Д. П. Сѣверина и бар. Веліо)», разсказывалъ впослѣдствіи Толстой, «съ перваго дня такъ повѣяло чѣмъ-то совершенно намъ чуждымъ, что—какъ будто теперь вижу — мы усѣлись въ трехъ разныхъ углахъ и стали горько плакать. На другой же день насъ повели въ католическую церковь и начали учить латинскому языку. Впослѣдствіи всякій день насъ не только заставляли читать утреннія, трапезныя и вечернія молитвы и Евангеліе по-латыни, но во время католической обѣдни прислуживать патеру въ качествѣ церковнослужителей (enfants de chœur) и отвѣчать на ихъ латинскіе возгласы; наконецъ, Законъ Божій преподавалъ намъ по римскому катихизису патеръ Крушинскій». Впослѣдствіи, по настоянію тетки Толстого, властной и энергичной графини Маріи Алексѣевны Толстой, іезуиты были вынуждены пригласить православнаго законоучителя, но выбрали его изъ неученыхъ священниковъ, и сами умышленно старались дискредитировать его въ глазахъ воспитанниковъ; только долго спустя, этотъ законоучитель былъ замѣненъ другимъ, ученымъ священникомъ. Результатомъ такого воспитанія было то, что гр. А. Н. Толстой до конца своей жизни могъ прочесть наизусть всю римско-католическую мессу.

25 Февраля 1814 г. гр. Толстой, въ то время завзятый спортсменъ, извѣстный въ большомъ свѣтѣ подъ именемъ «Лили Толстого», поступилъ порт.-прапорщикомъ въ Астраханскій грен. полкъ. Въ рядахъ этого полка онъ вступилъ въ Парижъ и состоялъ тамъ при начальникѣ Главнаго штаба Его Импер. Величества, кн. П. М. Волконскомъ. 26 Мая 1815 г. Толстой былъ переведенъ въ Свиту Его Вел. по квартирмейстерской части колонновожатымъ и 30 Августа произведенъ въ прапорщики. 1 Января 1817 г. онъ былъ переведенъ въ Гвардейскій штабъ и 7 Мая 1818 г. произведенъ въ подпоручики. 1 Марта 1819 г. Толстой былъ переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, а 11 Марта назначенъ адъютантомъ къ ген.-ад. кн. Меншикову. Въ 1819 г. онъ былъ произведенъ въ поручики, въ 1821 г.—въ шт.-ротмистры, въ 1824 г.—въ ротмистры. 1 Сентября 1821 г. онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генералъ-адъютанту кн. Волконскому, а 2 Апрѣля 1822 г.—флигель-адъютантомъ. 21 Января 1827 г. гр. А. Н. Толстой былъ уволенъ отъ военной службы полковникомъ, съ мундиромъ.

Будучи адъютантомъ при кн. А. С. Меншиковѣ, начальникѣ Императорской Главной

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1849 г., кн. 13006; Свѣдѣнія, сообщ. Н. П. Тимковскимъ.

квартиры, гр. Толстой не разъ исполнялъ дипломатическія порученія: въ 1820 г. онъ былъ посланъ курьеромъ въ Парижъ, а оттуда на конгрессъ въ Троппау; въ 1821 г. онъ ѣздилъ изъ Лайбаха въ Константинополь къ посланнику бар. Г. А. Строганову съ депешами, касавшимися возстанія въ Придунайскихъ княжествахъ. По выходѣ изъ военной службы, Толстой нѣкоторое время состоялъ при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ въ бытность тамъ посломъ гр. Поццо-ди-Борго. Послѣднія 25 лѣтъ своей жизни гр. Толстой занималъ исключительно придворныя должности: сначала онъ былъ шталмейстеромъ, сперва двора Вел. Кн. Елены Павловны, а затѣмъ Высочайшаго двора, гофмаршаломъ, управляющимъ оберъ-гофмаршальскою частью, и, наконецъ, оберъ-шенкомъ. Въ послѣдніе годы своей жизни гр. Толстой былъ сильно удрученъ болѣзнями. Празднованіе пятидесятой годовщины взятія Парижа въ 1864 г. было послѣднимъ офиціальнымъ торжествомъ, въ которомъ онъ принималъ участіе. Осенью 1865 г. онъ отправился для лѣченія въ Ниццу, гдѣ и скончался 23 Іюня 1866 г. Тѣло его было погребено въ фамильномъ склепѣ въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры. Гр. А. Н. Толстой былъ женатъ на вдовѣ, княгинѣ Аннѣ Михайловнѣ Щербатовой, рожденной кн. Хилковой, но дѣтей не имѣлъ.

Отъ матери гр. Толстой получилъ большое наслѣдство, состоявшее изъ части огромнаго приданаго его бабки, кн. Екатерины Петровны Барятинской, рожденной принцессы Гольштейнъ-Бекской, гр. Толстой, въ своихъ имѣніяхъ бывшій, несмотря на іезуитское воспитаніе, истинно православнымъ человѣкомъ, построилъ 15 церквей, а въ 1864 году согласился на выкупъ надѣльной земли съ уступкою крестьянамъ 20% изъ выкупной суммы, что составляло 240.000 рублей [1]).

Графъ Алексѣй Петровичъ Толстой 2-й, 1798—1864, старшій сынъ извѣстнаго гр. Петра Александровича (1769—1844) и его жены, Маріи Алексѣевны, рожденной кн. Голицыной (13 Авг. 1772—25 Дек. 1826; погребена въ Донскомъ монастырѣ). А. П. Толстой получилъ блестящее домашнее воспитаніе. Въ 1812 г. онъ началъ службу прапорщикомъ въ Нижегородскомъ ополченіи, откуда, 21 Мая 1813 г., поступилъ тѣмъ же чиномъ въ свиту Е. В. по квартирмейстерской части, въ 1817 г. переведенъ въ Гвардейскій генеральный штабъ, а въ 1818 г. въ Преображенскій полкъ, съ назначеніемъ въ адъютанты къ ген.-ад. Дибичу; 20 Марта 1819 г. произведенъ въ подпоручики и переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, гдѣ 17 Апрѣля того же года произведенъ поручикомъ, въ 1821 г. шт.-ротмистромъ; въ 1822 г. назначенъ флигель-адъютантомъ; въ 1824 г. произведенъ въ ротмистры; въ 1825 г., 11 Января, «обращенъ во фронтъ» въ Кавалергардскій полкъ. 11 Февраля 1827 г. Толстой былъ откомандированъ въ дѣйствующія войска противъ Персіянъ и въ томъ же году за отличіе произведенъ полковникомъ; въ 1829 г. произведенъ генералъ-майоромъ, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества; въ 1834 г. назначенъ начальникомъ штаба 3-го Резервнаго кавал. корпуса; въ 1838 г.—командиромъ 2-й бригады 1-й Легкой кавал. дивизіи.

Гр. Толстой участвовалъ въ походѣ 1813 г. и былъ въ сраженіяхъ при д. Штрелѣ (4 Октября), подъ Дрезденомъ, при м. Донау (10 Октября), при д. Каштель (16 Октября), при занятіи Реквитскихъ высотъ и подъ Магдебургомъ (25 Декабря); въ 1814 г., 5 Февраля, на остр. Витольшубергѣ, подъ Гамбургомъ, за что награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. 14 Декабря 1825 года Толстой былъ въ рядахъ полка противъ мятежниковъ; въ 1826 году награжденъ орд. св. Анны 2-й степ. Въ Персидскую войну 1827 г. гр. Толстой находился при авангардныхъ войскахъ въ должности дежурнаго штабъ-офицера и получилъ Монаршее благоволеніе «за усердіе и расторопность» при переходѣ чрезъ Акзебіукскую гору. Былъ 14 Апрѣля въ дѣлѣ противъ Персидской конницы при д. Верхней Ахланглу; 16 Апрѣля—при разбитіи на Карасу-Баши конницы Гассанъ-хана, и награжденъ алмазными знаками ордена св. Анны 2-й ст.; 23 и 24 Іюня противъ той же конницы и Эриванскаго гарнизона; 25-го былъ при занятіи Эракліевой горы, 5 Мая при прогнаніи Карапапахской конницы Наги-хана, 9-го въ сраженіи между д. Шарли и Инчи при преслѣдованіи Персидской конницы до крѣпости Сардаръ-Абадъ, за что награжденъ чиномъ полковника; командуя 3-мъ дивизіономъ Нижегородскаго драг. полка за Джеванбулакское сраженіе награжденъ золотымъ оружіемъ; съ 14 по 20 Сентября былъ при осадѣ и взятіи крѣпости Сардаръ-Абада, съ 24-го по 1 Октября при осадѣ и взятіи Эривани.

По заключеніи мира гр. Толстой посланъ былъ съ порученіями главнокомандующаго къ Шаху, отъ котораго получилъ орденъ Льва и Солнца 2-й ст.

Во время Турецкой войны 1828 г. гр. Толстой участвовалъ въ дѣлахъ: 8 Іюля при

---

[1]) Леф. арх., кн. формул. сп. Кавалергардск. полка за 1826 г., № 7531; Руммель и Голубцовъ, II, 501; Русск. Инвалидъ, 1866 г., № 212; Иллюстр. Газета, 1866 г., № 36; Остаф. Архивъ, II, 72, 182; Р. Стар., 1894/XII, 35.

занятіи высотъ подъ Шумлою; 16-го при д. Страджи; за нихъ онъ получилъ Высочайшее благоволеніе. 14 Сентября при с. Байялешти командовалъ Новороссійскимъ драг. полкомъ и 4 орудіями; за отличіе въ этомъ дѣлѣ награжденъ орд. св. *Георгія 4 ст.* Въ 1829 г. онъ командовалъ отрядомъ войскъ между устьями рр. Ольты и Жіо. 28 Мая начальствовалъ надъ охотниками при переправѣ чрезъ Дунай и при взятіи штурмомъ г. Рахова, *раненъ* въ правую руку, близъ кисти пулею на вылетъ и награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст. 3-го Сентября, командуя своднымъ пѣх. полкомъ, былъ при занятіи г. Врацъ. 10 Августа былъ посланъ Дибичемъ къ Государю съ извѣстіемъ о взятіи въ Адріанополѣ 25 знаменъ, 5 бунчуковъ и 56 орудій и, по заключеніи мира, пожалованъ въ генералъ-майоры.

Въ 1831 г. гр. Толстой, временно командуя 1-й бриг. 2-й Драг. дивизіи, участвовалъ въ дѣлахъ: при Бабинѣ, Вроновѣ и Казимиржѣ (5 и 6 Апр.); у Каміонки и Любартова (27 и 28 Апр.), «преслѣдуя мятежниковъ къ Замостью и лично предводительствуя отрядомъ, 30 Апрѣля въ кавалерійскомъ дѣлѣ при Старомъ Замостьѣ»; за это дѣло онъ былъ награжденъ орд. св. Анны 1-й ст. При штурмѣ Варшавскихъ укрѣпленій и взятіи Варшавы, начальствуя сводной гвардейской бригадой, награжденъ орд. св. Владиміра 2-й ст.; въ 1834 г. награжденъ орд. св. Анны 1-й ст. съ Имп. короной.

Въ 1839 г. гр. Толстой назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта Царства Польскаго; въ 1841 г. — членомъ комитета прошеній; въ 1842 г.—главноуправляющимъ Конскрипціею и наборомъ въ Царствѣ Польскомъ; въ 1843 г. произведенъ въ ген.-лейтенанты; въ 1845 г. назначенъ сенаторомъ Варшавскихъ департаментовъ Пр. Сената.

Въ слѣдующемъ году, 30 Января, гр. Толстой былъ уволенъ по прошенію въ отставку, «по совершенно разстроенному здоровью», съ мундиромъ и полной пенсіей. Въ отставкѣ онъ пробылъ 3 года, но какъ только началась Венгерская кампанія, гр. Толстой изъявилъ желаніе опять поступить на службу съ тѣмъ, чтобы быть назначеннымъ въ дѣйствующія войска. 18 Марта 1849 г. Граббе записалъ въ своемъ дневникѣ: «Гр. А. П. Толстой навѣстилъ меня (въ Варшавѣ). Вчера онъ принятъ опять на службу, и тотчасъ виды на мѣста, уже занятыя и трудныя, а душа едва держится въ разстроенномъ тѣлѣ». 2 Іюня гр. Толстой прибылъ въ главную квартиру арміи, перешелъ съ ней за Карпаты и участвовалъ въ преслѣдованіи Брея. 6 Іюля онъ принялъ начальство надъ особымъ отрядомъ, назначеніе котораго было сначала прикрывать тылъ арміи, а затѣмъ ея правый флангъ. Лично начальствуя надъ этимъ отрядомъ, послѣ отдѣленія отъ него всей пѣхоты, гр. Толстой 8 Іюля между сел. Туръ и Самбокъ разбилъ непріятеля, несмотря на значительное превосходство его силъ. За это дѣло онъ былъ награжденъ орд. св. *Георгія 3 ст.* Толстой оставался въ арміи до окончанія кампаніи и только 30 Августа 1850 г. возвратился въ Варшаву, получивъ отъ императора Австрійскаго орд. Желѣзной короны 1 ст. 30 Ноября 1850 г. гр. Толстой былъ назначенъ снова сенаторомъ Варшавскихъ департаментовъ. 20 Марта 1855 г., оставаясь сенаторомъ, назначенъ командующимъ Калужскимъ ополченіемъ, а 19 Сентября того же года 2-мъ резервнымъ пѣх. корпусомъ. 7 Іюня 1856 г., по случаю упраздненія этого корпуса, оставленъ по кавалеріи и въ званіи сенатора. 15 Октября 1856 г. гр. Толстой получилъ орд. св. Александра Невскаго, а 17 Апрѣля 1860 г. произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи. Здоровье гр. Толстого въ это время было уже совершенно разстроено. Еще въ 1857 г. на вопросъ Граббе о немъ кн. Д. М. Горчаковъ выразился: «Инвалидъ, совершенно инвалидъ»!

28 Декабря 1861 г. гр. Толстой былъ уволенъ отъ службы, а 15 Марта 1864 г. умеръ въ Дрезденѣ; погребенъ онъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

Гр. П. Хр. Граббе, близко знавшій Толстого, характеризуетъ его слѣдующими словами: «On le déteste quelquefois, on l'aime toujours».

Гр. Толстой имѣлъ родовыхъ 2700 душъ въ Могилевской, Нижегородской, Костромской и Калужской губерніяхъ. Женатъ не былъ [1]).

Петръ Николаевичъ Кожинъ 2-й (потомъ 1-й), 1800—1858, изъ Московскихъ дворянъ, сынъ отст. прапорщика Семеновскаго полка Николая Осиповича (р. 1763, † до 1827) и Анастасіи Мих. Волынской (р. 1771, † до 1827; сестра послѣдняго Волынскаго); на службу поступилъ 7 Апрѣля 1817 г. юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ, въ 1818 г. эст.-юнкеромъ, 22 Марта 1819 г. корнетомъ, въ 1821 г. поручикомъ, въ 1825 г. шт.-ротмистромъ, въ 1829 г. ротмистромъ, 28 Декабря 1833 г. уволенъ отъ службы полковникомъ, съ мундиромъ. Кожинъ находился съ полкомъ противъ мятежниковъ 14 Декабря 1825 г.

---

[1]) Полк. арх.; Леф. арх., Дѣла Инсп. деп. 1827 г., св. 473, д. 473; 1829 г., св. 756, д. 1141; Общ. арх. Гл. штаба, Форм. сп., 1855 г.; П. Ѳ. Карабановъ, Р. Стар., 1871/III, 279; Долгорукій, II, 191, 492; Ист. Нижегородск. п-ка; Р. Арх., 1888/III, 238, 414; 1889/II, 651.

Былъ женатъ на дочери д. ст. сов. Людмилѣ Дмитріевнѣ Языковой и имѣлъ дѣтей: Петра (капитанъ Семеновскаго полка) и Дмитрія (р. 21 Авг. 1829 г., гв. ротмистръ). Имѣлъ въ Порховскомъ у. Псковской губ. 336 душъ [1]).

Дмитрій Николаевичъ Кожинъ 3-й (потомъ 2-й), 1802—, братъ предыдущаго, 7 Апрѣля 1819 г. началъ службу въ Кавалергардскомъ полку юнкеромъ, въ 1818 г. эст.-юнкеромъ, 27 Марта 1819 г. корнетомъ, въ 1821 г. поручикомъ, въ 1826 г. шт.-ротмистромъ, въ 1829 г. ротмистромъ. 28 Декабря 1833 г. уволенъ въ отставку, по домашнимъ обстоятельствамъ, полковникомъ, съ мундиромъ. Имѣлъ 170 душъ въ Ярославской губ. и 160 душъ въ Тверской губ. Умеръ холостымъ [2]).

Алексѣй Федоровичъ Панинъ, 1800—, изъ дворянъ Лихвинскаго у. Калужской губ., вѣроятно, сынъ прем.-майора Федора Александровича, 6 Апрѣля 1819 г. поступилъ изъ камеръ-пажей въ Кавалергардскій полкъ корнетомъ, 22 Октября 1821 г. произведенъ въ поручики, 26 Января 1823 г. уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ штабсъ-ротмистромъ [3]).

Иванъ Михайловичъ Корбе, 1800—, изъ дворянъ Полтавской губ., 15 Іюля 1817 г. поступилъ «изъ уволенныхъ отъ дѣлъ колл. регистраторовъ» юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; въ 1818 г. произведенъ въ эст.-юнкера, 6 Апрѣля 1819 г. въ корнеты, въ 1822 г. въ поручики; 21 Января 1823 г. переведенъ въ лб.-гв. Уланскій полкъ; въ 1826 г. произведенъ въ шт.-ротмистры, въ 1829 г. въ ротмистры, въ 1835 г. въ полковники; 28 Августа 1837 г. назначенъ въ Комиссаріатскій департаментъ для порученій; 24 Марта 1844 г. назначенъ управляющимъ Кіевскою комиссаріатскою комиссіею; 29 Января 1848 г. отчисленъ изъ комиссаріатскаго вѣдомства, 24 Декабря вновь переведенъ въ это вѣдомство чиновникомъ для порученій; 1 Декабря 1849 г. назначенъ управляющимъ Казанскою комиссаріатскою комиссіей; 8 Апрѣля 1851 г. произведенъ въ генералъ-майоры, а 15 Декабря 1857 г. уволенъ отъ службы, съ мундиромъ и пенсіей. Корбе имѣлъ ордена: св. Анны 2 ст., св. Владиміра 3 ст., св. Станислава 2 ст. — У него было 800 душъ въ Полтавской губ. [1]).

Князь Александръ Алексѣевичъ Голицынъ, 1798 — 1854, сынъ шталмейстера кн. Алексѣя Андреевича отъ брака его съ фрейлиной Александрой Петровной Протасовой, службу началъ въ канцеляріи министра финансовъ, откуда изъ губ. регистраторовъ опредѣленъ 7 Декабря 1817 г. въ Кавалергардскій полкъ юнкеромъ; 26 Мая 1819 г. произведенъ въ корнеты, въ 1822 г. въ поручики; 13 Января 1827 г. уволенъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ шт.-ротмистромъ. Затѣмъ онъ служилъ по выборамъ въ Смоленской губ. и былъ Гжатскимъ уѣздн. предводителемъ дворянства и попечителемъ Смоленской гимназіи. Умеръ въ 1854 г. и похороненъ въ с. Пречистомъ Гжатскаго у. Женатъ не былъ [2]).

Николай Антоновичъ Хорватъ, 1797 — 1842, изъ дворянъ Херсонской губерніи, сынъ полковника Антона Ивановича и жены его Анастасіи Петровны, рожд. кн. Гагариной, происходилъ изъ рода Австрійскихъ сербовъ

---

1) Полк. архивъ; Свѣдѣнія, сообщ. Тверской арх. комиссіей; Руммель и Голубцовъ, I, 388.

2) Полк. архивъ; Руммель и Голубцовъ, I, 388; Свѣдѣнія, сообщ. Тверской арх. комиссіей.

3) Полк. архивъ; Долгоруковъ, II, 167. Мать А. Ф. Панина звали Руфиною.

1) Полк. архивъ; Общ. арх. Гл. штаба, Форм. сп. 1856 г., кн. 557, ч. 2, стр. 154. — Вѣроятно, Корбе воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ: онъ показанъ у Висковатова (Ист. Кавалерг. полка, № 268), произведеннымъ въ корнеты 6 Апр. 1819 г. «изъ камеръ-пажей» и у Фреймана (216), но въ вышеприведенномъ его формулярномъ спискѣ, а равно въ дѣлахъ полкового архива, вовсе не упоминается о томъ, что онъ былъ пажемъ.

2) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1826 г., кн. 7591; «Родъ кн. Голицыныхъ», 171.

(«Цесарскаго шляхетства Македонской націи»), пожалованныхъ въ дворянское достоинство въ 1689 г. римскимъ императоромъ Леопольдомъ и переселившихся въ Россію въ срединѣ XVIII в. Н. А. Хорватъ службу началъ 12 Іюля 1817 г. юнкеромъ въ лб.-гвард. Драгунскомъ полку; 13 Іюля 1818 г. произведенъ въ фан.-юнкеры и 22 Октября того же года, для совмѣстной службы съ родственниками, переведенъ въ Кавалергардскій полкъ эст.-юнкеромъ; 20 Сентября 1819 г. произведенъ въ корнеты; въ 1821 г. назначенъ адъютантомъ къ ген.-отъ-кав. Раевскому; въ 1823 г. произведенъ въ поручики; 10 Марта 1826 г. уволенъ за болѣзнью отъ службы шт.-ротмистромъ; 10 Апрѣля 1829 г. опредѣленъ для особыхъ порученій въ штатъ Новороссійскаго ген.-губернатора. Во время эпидеміи чумы въ г. Одессѣ былъ назначенъ членомъ Чумной комиссіи. Въ 1834 году получилъ Высочайшее благоволеніе; въ 1835 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры, съ переименованіемъ въ колл. асессоры; въ 1838 г. пожалованъ золотою медалью съ надписью «за прекращеніе чумы въ Одессѣ 1837 г.», — для ношенія въ петлицѣ на Александр. лентѣ. Въ 1839 г. переведенъ окружнымъ начальникомъ по вѣдомству Херсонской палаты Государственныхъ имуществъ и произведенъ въ надв. совѣтники.

Имѣлъ 167 душъ родовыхъ крестьянъ въ Александрійскомъ и 21 душу въ Елизаветградскомъ уѣздахъ Херсонской губ. и благопріобрѣтеннаго за женою: домъ въ Одессѣ и хуторъ на городской землѣ. Былъ женатъ (съ 1821 г.) на дочери сербскаго выходца, умершаго колл. асесс., Любови Александровнѣ Пищевичъ. Имѣлъ дѣтей: Николая (р. 1830 г.), Ивана (р. 1832 г.), Михаила (р. 1833 г.), Леонида (р. 1834 г.), Алексѣя (р. 1836 г.; профессоръ), Георгія (р. 1838 г.), Александра (р. 1839 г.), Сергѣя (р. 1842 г.) и Ольгу (р. 1840 г.).

Умеръ 2 Апрѣля 1842 г. и похороненъ въ с. Реовкѣ, близъ Крылова, Александрійскаго у., Херсонской губерніи [1]).

Александръ Григорьевичъ Демидовъ 1-й, 1803—1853, старшій сынъ гофмейстера Григорія Александровича Демидова отъ брака его со свѣтлѣйшей княжною Екатериной Петровной Лопухиной, родился 8 Февраля 1803 г. Будучи самымъ некрасивымъ и менѣе способнымъ изъ сыновей Екатерины Петровны, онъ былъ и наименѣе всѣхъ ею любимъ. Старше на пять лѣтъ своего брата Петра и на шесть — брата Павла, которые воспитывались вмѣстѣ, онъ былъ и менѣе друженъ съ ними; скрытный же и немного завистливый его характеръ въ будущемъ былъ причиною многихъ его неудачъ, а на старости лѣтъ — извѣстной горечи отъ нѣкотораго одиночества и отъемлемости отъ семейнаго круга. Въ родовомъ раздѣлѣ, по желанію родителей, онъ вовсе не участвовалъ (въ Суксунскомъ округѣ Пермской губ., площадью свыше 800.000 дес. земли), а получилъ 851 душу съ 55.000 дес. земли въ Новгородской губ. и каменный домъ въ Демидовомъ переулкѣ.

Четырнадцати съ половиною лѣтъ отъ роду Демидовъ вступилъ на службу въ Кавалергардскій полкъ юнкеромъ 7 Сентября 1817 г.; эст.-юнкеромъ 13 Февраля 1819 г. и въ тотъ же годъ Ноября 29 корнетомъ; въ 1823 году произведенъ въ поручики (Февраля 19). Отличаясь особой аккуратностью на службѣ и принимая всѣ ея интересы близко къ сердцу, онъ считался хорошимъ строевымъ офицеромъ. Демидовъ находился въ строю полка въ день 14 Декабря 1825 г.; 22 Января 1826 г. назначенъ адъютантомъ къ полковому командиру гр. Апраксину; въ 1827 году произведенъ въ шт.-ротмистры съ оставленіемъ адъютантомъ, а 28 Января 1828 года уволенъ въ отставку ротмистромъ. Такимъ образомъ при поступленіи братьевъ въ полкъ, Демидова уже тамъ не было, и онъ не могъ закрѣпить тѣснѣе братскихъ своихъ отношеній товарищеской службой въ одномъ полку.

За годъ до выхода изъ полка (въ 1827 г.) Демидовъ вступилъ въ бракъ съ фрейлиной Ольгой Александровной Алединской, дочерью генералъ-лейтенанта.

Будучи очень самолюбивъ, Александръ Григорьевичъ по службѣ не хотѣлъ отставать отъ братьевъ, а потому вскорѣ сталъ просить министра Внутреннихъ дѣлъ о принятіи его на службу и былъ зачисленъ чиновникомъ особыхъ порученій 23 Января 1829 г., въ 1831 г.

[1]) Общ. арх. М. Двора, оп. 1359, кн. 19, л. 298; М. арх. М. И. д., II — 11 — 1828 — 16.

переименованъ въ колл. асессоры, и въ Декабрѣ того же года ему было объявлено Монаршее благоволеніе за дѣйствія къ прекращенію холеры въ С.-Петербургѣ. Въ 1833 г. произведенъ въ надв. совѣтники.

Гражданская служба тяготила, однако, Демидова: слишкомъ онъ привыкъ къ военной формѣ, да къ тому же находилъ, что съ военными въ то время обращались съ большимъ уваженіемъ, а потому началъ хлопотать о принятіи его вновь на военную службу.

Въ Октябрѣ 1833 г. онъ былъ командированъ въ помощь Эстляндск., Лифляндск. и Курляндск. генералъ-губернатору «для заготовленія продуктовъ для С.-Петербурга, потребныхъ по невозможности таковаго заготовленія по случаю неурожая въ южныхъ губерніяхъ». На долю Демидова выпалъ «строжайшій, но тайный надзоръ за дѣйствіями Провіантскихъ комиссіонерствъ» по Эстляндской губерніи. «За отличное и благоразумное исполненіе возложеннаго на него по сей операціи порученія», Демидовъ получилъ въ 1834 г. Высочайшее благоволеніе и орд. св. Анны 3 ст. Затѣмъ онъ въ 1835 г. былъ прикомандированъ къ начальнику Военно-походной Е. И. В. канцеляріи ген.-ад. Адлербергу во время Калишскихъ маневровъ и получилъ прусскій орд. св. Іоанна Іерусалимскаго, а въ 1836 г. награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст.; въ 1840 г. пожалованъ орд. св. Станислава 2 ст. и 12 Іюля 1833 г. вновь зачисленъ въ Кавалергардскій полкъ прежнимъ чиномъ шт.-ротмистра, съ назначеніемъ адъютантомъ къ Военному министру. Желая предоставить Демидову возможность догнать товарищей чиномъ, не дѣлая недовольныхъ въ томъ же полку, онъ былъ переведенъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ 30 Августа 1834 г. Въ 1835 году за отличіе произведенъ былъ въ ротмистры. Оставаясь адъютантомъ, Демидовъ въ 1842 г. былъ произведенъ за отличіе въ полковники, съ зачисленіемъ по кавалеріи.

Такимъ образомъ, пробывъ 25 лѣтъ на военной службѣ, Демидовъ въ дѣлахъ противъ непріятеля не бывалъ, между тѣмъ какъ оба брата его были, и братъ Петръ былъ давно уже флигель-адъютантомъ. А. Г. Демидовъ говаривалъ, что не былъ оцѣненъ по достоинству и часто бывалъ разочарованъ, почему вскорѣ и подалъ въ отставку. 25 Апрѣля 1844 г. уволенъ по болѣзни въ отставку, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья.

Братья, бывшіе съ нимъ наружно въ наилучшихъ отношеніяхъ, но не особенно любившіе его за завистливый характеръ, примѣнили къ нему извѣстные стихи декабриста Сергѣя Муравьева-Апостола:

«Je passerai sur cette terre
Toujours rêveur et solitaire,
Sans que personne m'aie connu.
Ce n'est qu'à la fin de ma carrière,
Que par un grand trait de lumière
On verra, ce qu'on a perdu».

А. Г. Демидовъ скончался въ 1853 г. безъ того, чтобы кто-нибудь изъ семьи или изъ постороннихъ могъ видѣть этотъ grand trait de lumière.

Бракъ его съ О. А. Алединской, заключенный болѣе по желанію Демидова обзавестись домашнимъ очагомъ, чѣмъ по пылкой страсти, былъ основанъ на чувствѣ взаимнаго уваженія другъ къ другу, еще болѣе поддерживаемому тѣмъ обстоятельствомъ, что Ольга Алекс. была женщина ума недюжиннаго, острая на языкъ, однимъ словомъ, какъ говорили тогда, — «бой-баба». За все время супружеской жизни ничто не омрачало его домашняго очага, и, если бы не тревожный характеръ и не слишкомъ развитое самолюбіе, Демидовъ могъ бы считать себя въ этомъ отношеніи вполнѣ счастливымъ человѣкомъ.

Въ воспитаніи своихъ дѣтей Ольга Александровна не давала большого простора своему мужу, признавая это исключительно своею обязанностью. Такимъ образомъ, четырехъ дѣтей, которыхъ она имѣла, въ томъ числѣ одну дочь Екатерину (род. 1828 г.), бывшую впослѣдствіи женою тайнаго совѣтника А. І. Гурко, она воспитала такъ, что на послѣдующей ихъ жизни сильно отразилось вліяніе женщины. Сынъ ея Григорій (р. 1837 г.) навсегда сохранилъ ту женственность, которая всегда замѣтна въ мальчикахъ, воспитанныхъ матерями. Складъ его ума, всѣ его большія способности были направлены на цѣль, свойственную скорѣе культурной, образованной женщинѣ, чѣмъ тому дипломату, какимъ онъ умеръ въ молодыхъ годахъ. Хорошій музыкантъ, онъ оставилъ нѣсколько красивыхъ романсовъ. Сынъ Николай, родившійся въ 1830 г., умеръ въ молодыхъ годахъ.

Ольга Александровна, оставшись вдовой въ 1853 году, прожила еще 20 лѣтъ, пользуясь болѣе теплымъ отношеніемъ въ семьѣ своего мужа, чѣмъ онъ самъ. Сынъ ихъ Александръ (р. 1829 г.) скончался въ 1902 г. А. Г. Демидовъ умеръ 30 Янв. 1853 г. и похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ.

П. Демидовъ.

Алексѣй Гавриловичъ Токаревъ, 1800—, изъ дворянъ Тульской губ., сынъ колл. асесс. Гаврилы Алексѣевича и Надежды Николаевны (фамилія неизвѣстна), на службу поступилъ 23 Апрѣля 1818 г. юнкеромъ въ Кавалер-

гардскій полкъ; 8 Марта 1819 г. эст.-юнкеромъ и 29 Ноября корнетомъ; 9 Марта 1820 г. переведенъ въ Кирасирскій Военнаго Ордена полкъ; въ 1822 г. поручикомъ, а 2 Апрѣля 1823 г. по домашнимъ обстоятельствамъ уволенъ отъ службы [1]).

Михаилъ Васильевичъ Пашковъ 1-й, 1802 — 1863, сынъ члена Государственнаго Совѣта, андреевскаго кавалера, Василія Александровича (1759 — 1834) и Екатерины Александровны, рожд. гр. Толстой (1768—1835), родился 2 Іюня 1802 г. и 15 Августа 1819 г. поступилъ юнкеромъ въ кавалергарды; 26 Ноября 1819 г. произведенъ эст.-юнкеромъ и 30 Декабря того же года корнетомъ. Черезъ годъ (10 Дек. 1820 г.) Пашковъ былъ назначенъ адъютантомъ къ гр. Закревскому; въ 1822 г. (30 Янв.) зачисленъ во фронтъ; 1823 г. произведенъ поручикомъ, въ 1827 г. шт.-ротмистромъ, а 28 Ноября 1829 г. уволенъ по болѣзни въ отставку. Пожалованъ 6 Апрѣля 1830 г. камеръ-юнкеромъ, съ причисленіемъ къ Департаменту удѣловъ; 23 Іюня 1832 г. опредѣленъ шт.-ротмистромъ въ лейбъ-гусары и 6 Декабря того же года произведенъ ротмистромъ; 30 Августа 1834 г. назначенъ флигель-адъютантомъ; 3 Апрѣля 1838 г. произведенъ полковникомъ, съ отчисленіемъ въ Свиту, а 6 Декабря 1847 г. генералъ-майоромъ, съ назначеніемъ въ Свиту Его Величества. 1 Іюня 1848 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ Пограничной стражи и вице-директоромъ департамента внѣшней торговли, въ 1850 г. назначенъ управляющимъ этого департамента. Имѣлъ ордена: св. Георгія 4 ст. за 25 л. службы, св. Владиміра 3 и 4 ст. и св. Анны 3 ст.; прусскій—св. Іоанна Іерусалимскаго, гессенъ-дармштадтскій — св. Людовика 2 кл., гессенъ-кассельскій — Золотого Льва 1 ст. и датскій — Даненброга командорскій крестъ.

Былъ женатъ на фрейлинѣ Маріѣ Трофимовнѣ, рожд. Барановой (р. 2 Апр. 1807 г., † 24 Марта 1887 г.), и имѣлъ дѣтей: Александру (р. 2 Ноября 1829 г.), замужемъ за д. ст. с. Викторомъ Владиміровичемъ Апраксинымъ (1822, † 1898), Николая (р. 28 Окт. 1830 г., † 1887 г.), женатъ на Лидіи Александровнѣ Глинской, Екатерину (р. 2 Ноября 1832 г.), за д. т. с. Петромъ Ив. Озеровымъ (†), Юлію (р. 28 Октября 1834 г.), за Владимірскимъ губернаторомъ Іосифомъ Мих. Судіенко († 1892), Марію (р. 13 Августа 1836 г.), гофмейстерина Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, вдова свѣтлѣйшаго князя Владиміра Дм. Голицына (р. 1815 г., † 1888 г.), Леониллу (р. 11 Мая 1842 г.), дѣвица, Ольгу (р. 3 Окт. 1843 г.), вдова кавалергарда Николая Ник. Бутурлина [1]), начальница Павловскаго института.

Имѣлъ въ Оренбургской и Тульской губ. 4900 душъ и мѣдноплавильный заводъ въ Оренбургской губ. — Умеръ 19 Іюня 1863 г. въ Парижѣ и погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ [2]).

Графъ Павелъ Карловичъ Ферзенъ, 1800—1884, принадлежалъ къ шведскому роду, перешедшему въ русское подданство послѣ завоеванія прибалтійскихъ провинцій Петромъ Великимъ. Родъ гр. Ферзенъ записанъ въ родословную книгу Лифляндской губ. Павелъ Карловичъ былъ внукъ перваго русскаго графа этого имени, Ивана Евстафіевича, взявшаго въ плѣнъ Костюшку въ 1791 году, и послѣдній крестникъ Императора Павла. Онъ родился 16 Февраля 1800 г., первоначальное образованіе получилъ въ домѣ родителей — Карла Ивановича и Шарлотты Густавовны, рожд. Сильвергарникъ, а затѣмъ поступилъ въ Пажескій корпусъ. По окончаніи здѣсь курса, изъ камеръ-пажей 31 Декабря 1819 года онъ былъ произведенъ въ корнеты Кавалергардскаго полка, въ рядахъ котораго про-

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1822 г., кн. 4651.—Братъ его, Николай, служилъ юнкеромъ въ Кавалергардскомъ полку и въ 1818 г. произведенъ прапорщикомъ въ Сѣверскій конноегерскій полкъ. (Полк. архивъ).

[1]) См. Сборникъ біографій Кавалергардовъ, кн. IV.

[2]) Полк. архивъ; Арх. М-ва Финансовъ; Манзей, III, 136; Лобановъ-Ростовскій, II, 80.

служилъ до Октября 1821 г., когда былъ назначенъ адъютантомъ къ гр. Витгенштейну. Въ этой должности онъ состоялъ немного болѣе года и въ Январѣ 1823 г. возвратился въ полкъ.

1829 г. былъ памятнымъ въ жизни гр. Ферзена: онъ увезъ, безъ согласія родителей, графиню Ольгу Строганову [1]) и повѣнчался съ нею тайно въ ночь съ 30 Іюня на 1 Іюля въ церкви с. Александровки, близъ мызы Таицы. 1 Іюля гр. С. В. Строганова прислала къ командиру полка зятя своего, ген.-майора гр. Строганова, который объявилъ гр. Апраксину «согласіе ея на сей бракъ, привезъ письмо отъ гр. Строгановой къ дочери, въ которомъ она, изъявляя ей свое прощеніе, приглашала ее съ гр. Ферзеномъ къ себѣ, а послѣ», доносилъ Апраксинъ, «и я получилъ отъ нея письменное дозволеніе на сей бракъ [2]), которое и представлено мною къ в. пр-ву, а какъ оно написано было заднимъ числомъ, то изъ сего и должно заключить, что гр. Строганова сама имѣла желаніе скрыть сіе происшествіе; но, не принимая сего въ оправданіе поступка шт.-ротмистра гр. Ферзена и бывшихъ свидѣтелями

его брака ротмистровъ: Ланского 1-го, Бреверна и Соломірскаго, представляю участь ихъ на благоразсмотрѣніе высшаго начальства» [1]). За этотъ поступокъ, по Высочайшему повелѣнію, Ферзенъ былъ преданъ военному суду, учрежденному при лб.-гв. Кирасирскомъ полку, и тѣмъ же чиномъ переведенъ сначала (11 Авг. 1829 г.) въ Свеаборгскій гарнизонный баталіонъ, а затѣмъ (21 Апр. 1830 г.) въ Кіевскій гус. полкъ. 9 Ноября 1830 г. онъ снова въ гвардіи въ Кирасирскомъ Ея Вел. полку, съ которымъ принялъ участіе въ Польской войнѣ. 24 Сентября 1831 г. гр. Ферзенъ удостоился Высочайшей милости — перевода въ Кавалергардскій полкъ. За взятіе Варшавы онъ, кромѣ того, получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. 1 Іюля 1831 года Ферзенъ былъ произведенъ въ ротмистры со старшинствомъ его сверстниковъ, а 14 Дек. 1833 г., за болѣзнью, уволенъ отъ службы полковникомъ, съ мундиромъ.

Черезъ три года (13 Ноября 1836 г.) Ферзенъ былъ назначенъ чиновникомъ для особыхъ порученій при министрѣ Двора, съ причисленіемъ къ Кабинету Его Величества. Переименованный въ надворные совѣтники, въ 1838 г. прикомандированъ чиновникомъ особыхъ порученій къ Комиссіи для возобновленія сгорѣвшаго передъ тѣмъ Зимняго дворца, назначенъ въ должность церемоніймейстера и произведенъ въ коллежскіе совѣтники; въ 1840 г. произведенъ въ статскіе совѣтники, съ назначеніемъ состоять въ должности шталмейстера при Вел. Кн. Александрѣ Николаевнѣ; въ 1846 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и въ томъ же году переименованъ въ должность егермейстера; въ 1848 г. назначенъ попечителемъ больницы, учрежденной въ память Великой Княгини Александры Николаевны. Въ 1852 г. ему было Высочайше поручено, «впредь до повелѣнія», управлять егермейстерскимъ вѣдѣніемъ, и чрезъ два года онъ былъ пожалованъ въ егермейстеры. Съ 1856 г. и до закрытія комитета Государственнаго коннозаводства онъ состоялъ членомъ этого комитета. 30 Августа 1862 г. гр. Ферзенъ получилъ послѣднее назначеніе оберъ-егермейстера и въ этой должности оставался до конца своей службы.

Формуляръ гр. Ферзена перечисляетъ длинный рядъ почетныхъ назначеній и наградъ, которыхъ онъ былъ удостоенъ въ теченіе своей службы по министерству Двора. Къ 50-лѣтію службы въ офицерскихъ чинахъ, отпразднованному имъ 22 Декабря 1869 г.,

---

[1]) Графиня Ольга Павловна была дочь извѣстнаго гр. Павла Александровича Строганова и Софіи Владиміровны, рожд. кн. Голицыной.

[2]) «Я, нижеподписавшаяся, имѣю желаніе вступить въ законный бракъ съ штабсъ-ротмистромъ Кавалергардскаго полка графомъ Павломъ Карловичемъ Ферзеномъ, а что ко вступленію моему въ бракъ препятствій никакихъ не имѣется, въ томъ свидѣтельствуетъ и родительница моя. 29 Іюня 1829 года. Графиня Ольга Павловна Строганова. Графиня Софія Строганова, урожденная княжна Голицына». (Полк. архивъ, Исх. журн. 1829 г., № 477).

[1]) Рап. гр. Апраксина ком-щему 1-мъ Резервн. Кавал. корпусомъ В. В. Левашеву (Исх. журн. 1829 г., № 511); А. П. Ланской 1-й, см. его біографію; Бреверн лб.-гв. Коннаго полка; Соломірскій, Павелъ Дмитріевичъ, лб.-гв. Гусарскаго полка.

гр. Ферзенъ былъ награжденъ ежегодной арендой въ 4/т. руб. въ теченіе 12 лѣтъ. Къ этому времени онъ имѣлъ уже орденъ св. Александра Невскаго съ алмазами и многіе иностранные ордена.

Блестящая карьера гр. Ферзена неожиданно была имъ погублена 29 Декабря 1870 г., когда на Царской охотѣ [1]) его роковымъ выстрѣломъ былъ убитъ егермейстеръ В. А. Скарятинъ.

Для изслѣдованія дѣла Высочайше назначена была комиссія подъ предсѣдательствомъ В. В. Зиновьева.

Комиссія пришла къ убѣжденію, что «Скарятинъ убитъ на охотѣ выстрѣломъ изъ ружья гр. Ферзена разрывною пулею въ то время, когда онъ проходилъ въ 14 шагахъ отъ послѣдняго, при чемъ гр. Ферзенъ немедленно сознаалъ въ себѣ, что убилъ Скарятина.

«Обращаясь же къ опредѣленію свойства этого смертнаго случая и имѣя въ виду, что гр. Ферзенъ, хотя видѣлъ мелькомъ Скарятина, но спускалъ курокъ, держа заряженное ружье горизонтально въ томъ направленіи, гдѣ могъ быть Скарятинъ, и не опустивъ дула къ землѣ или не поднявъ его, Комиссія нашла, что настоящее дѣло имѣетъ всѣ признаки неосторожнаго обращенія гр. Ферзена съ ружьемъ, имѣвшаго послѣдствіемъ случайный выстрѣлъ, отъ коего послѣдовала смерть Скарятина» [2]).

25 Января 1871 года на донесеніи слѣдственной комиссіи Государь начерталъ нижеслѣдующую резолюцію:

«Усматривая изъ дѣла, что смерть егермейстера Скарятина произошла отъ случайнаго выстрѣла гр. Ферзена, и признавая послѣдняго виновнымъ въ позднемъ сознаніи [3]), Я, во вниманіе къ его болѣе пятидесятилѣтней службѣ, вмѣняю ему въ наказаніе настоящее увольненіе его отъ службы. За симъ считать дѣло конченнымъ».

Гр. Ферзенъ скончался 22 Февраля 1884 г. и погребенъ въ Велико-Іоаннисѣ Феллинскаго у., Лифляндской губ., гдѣ былъ землевладѣльцемъ [4]). Былъ женатъ 2-мъ бракомъ съ 30 Дек. 1855 г. на Елисаветѣ Федоровнѣ (Елизаветѣ-Фридерикѣ-Маріи-Лаурѣ) фонъ-Раухъ, и имѣлъ дѣтей: отъ перваго брака—Павла (р. 7 Ноября 1830 г., кавалергардъ) и Софію (р. 27 Авг. 1832 г.) и отъ второго брака—дочь Александру (р. 23 Ноября 1856 г.) и сына Николая (р. 14 Іюня 1858 г.) [1]).

В. Жерве.

Александръ Андреевичъ фонъ-Рейснеръ, 1801—, изъ дворянъ Лифляндской губ., въ службу вступилъ юнкеромъ 13 Апрѣля 1819 г. въ л.-гв. Кирасирскій Его Велич. полкъ и 25 Октября того же года корнетомъ. Переведенъ въ кавалергарды 7 Февраля 1820 г., а 20 Ноября того же года уволенъ по болѣзни отъ службы [2]).

Николай Захаровичъ Зотовъ, 1797—, изъ дворянъ, сынъ извѣстнаго камердинера Императрицы Екатерины II, Захара Николаевича («Захарушки»); 18 Сентября 1813 г. поступилъ юнкеромъ въ лб.-гв. Артиллерійск. бригаду; 26 Іюня 1816 г. произведенъ порт.-юнкеромъ; 18 Авг. того же года прапорщикомъ въ 7 Конно-Артиллерійскую роту; въ 1817 году переведенъ въ 59 Батарейную роту, въ 1818 г. въ лб.-гв. Конную артиллерійскую бригаду; 13 Февраля 1820 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; 22 Мая того же года произведенъ въ поручики, въ 1823 г. въ шт.-ротмистры. 22 Декабря 1824 г. уволенъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ ротмистромъ [3]).

Графъ Григорій Андреевичъ (Готгардъ-Іоахимъ) **Мантейфель 1-й,** 1795—, сынъ гр. Готгарда-Андреаса, родился 26 Дек. 1795 г. и 15 Окт. 1808 г. поступилъ пятидесятникомъ въ Лифляндскую подвижную милицію; 11 Марта 1809 г. уволенъ отъ службы; 27 Февр. 1814 г.

---

[1]) Въ 24 верстахъ отъ ст. Мал. Вишера Николаевской жел. дороги.

[2]) Всеподданнѣйшее донесеніе слѣдственной комиссіи, «Правительственный Вѣстникъ», 27 Января 1871 г., № 23.

[3]) Онъ сознался лишь 9 Января, что смерть Скарятина послѣдовала отъ его, гр. Ферзена, выстрѣла.

[4]) По формуляру 1832 г. за нимъ показано, нераздѣльно съ братомъ: Гродненской губ., Брестъ-Литовскаго повѣта 350 душъ и Дрижиновскаго повѣта 247 душъ; Лифляндской губ., Перновскаго у. 1350 душъ, а по формуляру 1870 г. 1000 душъ родовыхъ въ Лифляндской губ. и благопріобрѣтенный каменный домъ въ Петербургѣ.

[1]) Полк. архивъ; Арх. М. Двора, оп. 31/1622, д. 13; Свѣдѣнія, сообщ. Лифляндскимъ двор. депутатскимъ собраніемъ.

[2]) Полк. архивъ; Леф. арх., Инсп. деп. 1820 г., св. 282/265, д. 1486; Свѣдѣнія, сообщ. г.-л. Пашковымъ.

[3]) Полк. архивъ; Свѣдѣнія, сообщ. игуменіею Маріею (Мандрыка) и Н. Н. Мандрыкой.

поступилъ старшимъ вахмистромъ въ Татарскій уланскій полкъ; 2 Августа того же года произведенъ въ корнеты; 31 Янв. 1816 г. переведенъ въ Кинбурнскій драг. полкъ, съ назначеніемъ ординарцемъ къ Барклаю-де-Толли, но ни въ Отечественной войнѣ, ни въ кампаніи 1813 г. не участвовалъ; въ 1814 г. находился при блокадѣ Гамбурга и въ 1815 г. въ главной квартирѣ Барклая [1]); въ 1818 г. переведенъ въ Екатеринославскій кирас. полкъ и произведенъ поручикомъ; 2 Марта 1820 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ корнетомъ и 24 Іюня того же года произведенъ поручикомъ, 8 Февр. 1824 г. шт.-ротмистромъ и 6 Апрѣля того же года назначенъ адъютантомъ къ гр. Милорадовичу, по смерти котораго пожалованъ, 1 Янв. 1825 г., флигель-адъютантомъ, съ оставленіемъ при военномъ министрѣ для особыхъ порученій; 2 Февр. 1826 г. «въ воздаяніе точнаго исполненія даннаго порученія» награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. Порученіе это состояло въ доставленіи въ Петербургъ кап. Майбороды. «M-r Manteufel», писалъ Чернышевъ 24 Декабря 1825 г. изъ Тульчина Дибичу, «ne l'ayant pas trouvé... à Balabanoffka, est venu ici faire des recherches secrètes, ce qui est parvenu à la connaissance du général en chef. Le comte l'a fait venir et l'a chargé d'un rapport pour S. M. I.»... Въ 1827 г. произведенъ ротмистромъ; въ 1828 г. находился при Главной квартирѣ Государя и за отличіе при осадѣ Варны произведенъ полковникомъ. Участвовалъ въ Турецкую кампанію 1828 г. въ дѣлахъ: при Девно (30 Іюля), Гебеджи (2 Авг.), въ дѣлахъ у кр. Варны (22 Авг., 1 и 14 Сент.), при Гаджи-Гассанъ-Ларѣ (15 Сент.), Девно (16 Сент.). Въ сраженіи при Куртепэ (18 Сент.) командовалъ 4-мя орудіями Донской казачьей артиллеріи и награжденъ золотою шпагою; находился при штурмѣ 1 бастіона кр. Варны (26 Сент.) и сдачѣ Варны (29 Сент.). Затѣмъ Мантейфель «находился при особѣ Его Величества на кораблѣ «Парижъ», а, наконецъ, состоялъ по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ гр. Дибичѣ до отбытія его къ Силистріи». 11 Мая 1831 г. командированъ къ главнокомандующему Резервной арміей гр. П. А. Толстому, «при коемъ, состоя во все время существованія оной арміи, находился во многихъ экспедиціяхъ противъ Литовскихъ мятежниковъ» и награжденъ орд. св. Анны 2 ст. 7 Мая 1836 г. уволенъ къ статскимъ дѣламъ дѣйств. статскимъ совѣтникомъ. Гр. Г. А. Мантейфель былъ вотчинникомъ имѣній Саренгофа и Егеля и владѣльцемъ имѣнія Талькгофа Лифляндской губерніи [1]).

Князь Федоръ Александровичъ Щербатовъ, 1802—1827, сынъ шталмейстера кн. Александра Федоровича (1778—1817) и кн. Варвары Петровны, рожд. кн. Оболенской (1774—1843), изъ «Московскаго учебнаго заведенія» (училище колонновожатыхъ) переведенъ 12 Февраля 1820 г. въ Кавалергардскій полкъ эст.-юнкеромъ; 21 Апрѣля того же года произведенъ въ корнеты и чрезъ три недѣли (3 Мая) назначенъ адъютантомъ къ Ф. П. Уварову. Въ 1823 г. произведенъ въ поручики. Послѣ смерти Уварова кн. Щербатовъ, не явясь въ полкъ, уѣхалъ за границу для лѣченія и весною 1826 г. доносилъ объ этомъ командиру полка изъ Парижа, гдѣ его лѣчилъ докторъ Маркъ. Въ дѣлѣ декабристовъ имѣются слѣдующія указанія на Щербатова: въ журналѣ 24 Марта—«Показанія на кн. Щербатова, по опредѣлительному отзыву главныхъ участниковъ тайнаго общества о непринадлежности къ оному, принять къ свѣдѣнію». Затѣмъ приписка: «Впослѣдствіи Кавалергардскаго полка корнетъ Александръ Муравьевъ показалъ, что онъ предлагалъ Бѣлосельскому и Щербатову вступить въ тайное общество, но они отказались, сіе (т.-е. показаніе Муравьева) осталось безъ вниманія».

Весною 1827 года Щербатовъ вернулся въ Россію, въ свою деревню, с. Башино Каширскаго у.; въ Октябрѣ подалъ изъ Москвы прошеніе объ увольненіи въ отставку, и 24 Ноября 1827 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью штабсъ-ротмистромъ. Умеръ 27 Декабря того же года [2]).

Александръ Михайловичъ Полетика 1-й, 1800—1854, изъ дворянъ Петербургской губ., сынъ извѣстнаго Михаила Ивановича Полетики (1768—1824), женатаго на дочери ген.-отъ-артилл. Мордвинова, Елизаветѣ Михайловнѣ (1776 — 1812); въ службѣ съ 12 Ноября 1819 г. юнкеромъ въ Кавалергардскомъ полку; 9 Марта 1820 г. эст.-юнкеромъ и 21 Апрѣля того же года корнетомъ, въ 1823 г. поручикомъ, 28 Января 1828 г. шт.-ротмистромъ и 10 Апрѣля того же года ротмистромъ; въ

---

[1]) Въ формулярахъ гр. Мантейфеля за 1820—28 гг., въ графѣ походовъ проставлено: *«Не бывалъ»*. Участіе въ блокадѣ Гамбурга, при чемъ сказано глухо: «и былъ въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ», безъ наименованія самыхъ дѣлъ и сраженій, добавлено уже въ формулярѣ за 1835 г.

[1]) Полк. архивъ; Гос. арх., I, В, д. 469.

[2]) Полк. архивъ; Долгоруковъ, I, 116 и 117; Леф. арх., Форм. сп. 1826 г., кн. 7591; Гос. архивъ, I, Б, д. 255 (кн. Бѣлосельскаго и кн. Щербатова).

1834 г. назначенъ командиромъ 5-го эскадрона; 1835 г. награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст.; въ 1836 г. полковникомъ; въ 1837 г. награжденъ орд. св. Станислава 2 ст., въ 1839 г. тѣмъ же орденомъ съ Имп. короною, въ 1841 г. орденомъ св. Анны 2 ст.; въ 1842 г. получилъ прусскій орденъ Краснаго Орла 3 ст. и въ 1844 г. награжденъ орд. св. Георгія 4 ст. за 25 лѣтъ службы. 11 Февраля 1845 г. уволенъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ генералъ-майоромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ $^1/_3$ жалованья.

Былъ женатъ съ 1829 г. «на воспитанницѣ графа Строганова, Идаліи Григорьевнѣ Обортей [1]) († 1889 г.), лютеранскаго вѣроисповѣданія», и въ 1845 году имѣлъ дочь Елизавету 12 лѣтъ. «Идалія Полетика», говоритъ кн. А. В. Мещерскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ», «была извѣстна въ обществѣ, какъ очень умная женщина, но съ весьма злымъ язычкомъ, въ противоположность своему мужу, котораго называли «Божіей коровкой».

А. М. Полетика имѣлъ въ Тамбовскомъ уѣздѣ, при с. Столовомъ 400 душъ [2]).

Михаилъ Михайловичъ Полетика 2-й, 1802—1889, братъ Александра Михайловича; въ службѣ съ 12 Ноября 1819 г.; въ 1820 г. эст.-юнкеромъ; 21 Апрѣля 1820 г. произведенъ корнетомъ, въ 1824 г. поручикомъ; 14 Февраля 1827 г. уволенъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ шт.-ротмистромъ.

Былъ женатъ на Екатеринѣ Калинниковой и имѣлъ сыновей: Петра и Александра [3]).

Александръ Арсеньевичъ Жеребцовъ, 1801—1859, изъ дворянъ Псковской губ., сынъ Арсенія Александровича и его жены Прасковьи Николаевны, рожд. Толстой, въ 1819 г. поступилъ на службу юнкеромъ въ 1-й Саперный баталіонъ; 17 Января 1820 г. переведенъ юнкеромъ въ кавалергарды и 22 Мая того же года произведенъ за отличіе корнетомъ; 17 Мая 1823 г. назначенъ адъютантомъ къ гр. Комаровскому; въ 1824 г. поручикомъ, въ 1828 г. шт.-ротмистромъ, а 27 Окт. 1829 г. уволенъ въ отставку за болѣзнью. Съ 1835 года по 1841 годъ служилъ по выборамъ дворянства Великолуцкаго у. Въ 1854 г. опредѣленъ въ Забайкальское казачье войско войсковымъ старшиной; въ 1858 г., состоя во 2-мъ Забайк. полку, произведенъ подполковникомъ и назначенъ командующимъ 4-мъ Забайк. полкомъ. 29 Мая 1859 года исключенъ изъ списковъ умершимъ. Былъ женатъ на дочери шт.-ротм. Сергѣя Васильевича Салтыкова, дѣвицѣ Наталіи Сергѣевнѣ [1]).

Михаилъ Михайловичъ Устиновъ, 1800—1871, изъ Саратовскихъ дворянъ, сынъ родоначальника рода Устиновыхъ, ст. сов. Михаила Адріановича (р. 1730, † 29 Дек. 1838), и рожд. Вешняковой; воспитывался въ Московскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1818 г., но считался вступившимъ на службу съ 1803 года, имѣя три года отъ роду, въ канцелярію Госуд. казначейства; въ 1806 г. произведенъ сенатскимъ регистраторомъ, въ 1812 г. колл. секретаремъ, въ 1815 г. тит. совѣтникомъ. Поступилъ въ кавалергарды юнкеромъ 30 Ноября 1819 г.; 11 Іюня 1820 г. изъ эст.-юнкеровъ произведенъ корнетомъ и 2 Января 1823 года уволенъ за болѣзнью въ отставку. 23 Февраля 1824 г. опредѣленъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. 9 Апрѣля 1829 г. отправленъ къ гр. Паскевичу вторымъ дипломатическимъ чиновникомъ; въ 1830 г. назначенъ вторымъ совѣтникомъ въ Константинополь. 6 Декабря 1832 г. Устиновъ назначенъ вице-директоромъ Азіатскаго департамента, а ровно чрезъ годъ (6 Декабря 1833 г.)

---

[1]) Идалія Григорьевна (Идалія-Марія Обортей) была дочь барона (графа) Григорія Александровича Строганова и графини Юліи Петровны Эгга. (Исход. журн., 1829 г., № 4; Свѣдѣнія, сообщ. В. Полетикою).

[2]) Полк. архивъ; Черниг. Губ. Вѣдом., 1891 г., №№ 39, 42 и 43; Р. Арх., 1900 г., III, 299; Руммель и Голубцовъ, II, 89.

[3]) Полк. архивъ; Свѣдѣнія, сообщ. В. Полетикой. Свѣдѣнія у Ermerin, 426, не вѣрны.

[1]) Полк. арх.; Общ. арх. Гл. шт., сп. майоровъ, кн. 18, стр. 4664; сп. подполк., кн. 21, стр. 7059; Арх. Гл. Упр. каз. войскъ; Долгоруковъ, IV, 98 и 99; Руммель и Голубцовъ, II, 511.

уволенъ отъ должности, по случаю продолжительной болѣзни, и уѣхалъ для лѣченія за границу, гдѣ пробылъ до 1 Августа 1835 г. Въ 1839 г. произведенъ въ дѣйств. статск. совѣтники, въ 1843 г. назначенъ непремѣннымъ членомъ совѣта министерства Иностранныхъ дѣлъ. Съ 4 Іюня 1846 г. по 11 Августа 1847 г. управлялъ нашей миссіей въ Константинополѣ; съ 1850 г. (9 Марта) назначенъ директоромъ Хозяйственнаго департамента и произведенъ въ тайн. совѣтники; онъ управлялъ департаментомъ до 26 Мая 1854 г.; въ 1856 г. ему пожалованъ орд. св. Владиміра 2 ст., а въ 1863 г. орд. Бѣлаго Орла.

Былъ женатъ на Софьи Александровнѣ, рожд. Полянской, и имѣлъ сыновей: Михаила (р. 9 Марта 1841 г.) [1]) и Александра (р. 16 Іюня 1842 г.).

Умеръ 24 Іюня 1871 года и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

М. М. Устиновъ завѣщалъ 125/т. рублей и мѣсто въ г. Саратовѣ для устройства тамъ богадѣльни. По соглашенію съ сыновьями, осуществленіе этой воли завѣщателя приняло на себя Саратовское губернское земство, и 8 Ноября 1879 г. открыта была «богадѣльня тайнаго совѣтника Михаила Михайловича Устинова» сначала на 20 мущинъ и 20 женщинъ, а съ 1885 г. число призрѣваемыхъ увеличено до 50 человѣкъ.

Въ Апрѣлѣ 1857 г. Устиновъ представилъ кн. Горчакову записку по Восточному вопросу. Въ этой замѣчательной запискѣ Устиновъ — мотивированно и настойчиво — высказалъ, что основаніемъ русской политики на Востокѣ долженъ служить національный принципъ. Россія, не опасаясь полнаго разложенія Турціи,— рано или поздно неизбѣжнаго, — должна содѣйствовать освобожденію христіанскихъ народностей Турціи, предоставляя имъ самостоятельное политическое бытіе подъ властью собственныхъ (изъ мѣстныхъ жителей) государей.

Записка Устинова была представлена Государю кн. Горчаковымъ 24 Апрѣля 1857 г.:

«Si Votre Majesté Impériale a un moment de loisir j'oserai La prier de daigner jeter un coup d'œil sur le mémoire ci-joint. Il est de M-r Oustinoff et renferme sur la question d'Orient et plus spécialement sur celle des Principautés des idées dont la plupart, à mon humble avis, méritent d'être prises en considération.—Gortchakow.—Ce 24 Avril 1857».

На докладной запискѣ князя Горчакова, при которой былъ представленъ 24 Апрѣля 1857 г. мемуаръ Устинова, Императоръ Александръ II написалъ: «Je l'ai lu avec le plus vif intérêt, et vous verrez par mes annotations ce que j'en pense. *C'est comme si Oustinow avait entendu nos conversations avec mon Père au commencement de la guerre en 1853* (курс. подл.). Nesselrode et Siniavin étaient d'un avis tout à fait contraire. J'en ai les preuves en mains que je vous montrerai» [1]).

[1]) См. его біографію, кн. IV.

Федоръ Александровичъ Ермоловъ, 1799—1846, сынъ Александра Петровича (1754—1834 г.) и его жены Елизаветы Михайловны, рожденной княжны Голицыной, происходилъ изъ стараго, но не богатаго и не знатнаго дворянскаго рода, ведущаго свое начало изъ Золотой орды. Дѣдъ Ф. Ермолова, Сергачскій помѣщикъ, прапорщикъ Петръ Леонтьевичъ Ермоловъ, извѣстенъ только тѣмъ, что Императрица Екатерина II, во время своего путешествія по Волгѣ въ 1767 г., провела день у него въ имѣніи, въ с. Черновскомъ Сергачскаго уѣзда, а отецъ Александръ Петровичъ Ермоловъ, генералъ-майоръ, дѣйствительный камергеръ и флигель-адъютантъ Императрицы, прозванный Потемкинымъ «le nègre blanc», въ теченіе 16 мѣсяцевъ (1785 — 1786 г.) пользовался особымъ расположеніемъ Екатерины II, а, удалившись отъ двора, оставилъ по себѣ память, какъ о человѣкѣ, «основными чертами характера котораго были высокая честность и откровенность, презирающая всякое сопротивленіе». Въ 1792 г. у Ермоловыхъ родился старшій сынъ Петръ, затѣмъ второй—Михаилъ, а въ 1799 г. младшій—Федоръ. Вскорѣ А. П. Ер-

[1]) Полк. арх.; Пет. арх. М. И. д.; Моск. арх. М. И. д., IV—1—1824—10; Арх. Сарат. губ. земск. управы; Свѣдѣнія, сообщ. Саратовской губ. управой.

моловъ уѣхалъ за границу и прожилъ въ Австріи до конца жизни († въ Вѣнѣ 24 Марта 1834 г.). Сыновья Ермолова провели свою молодость съ отцомъ въ Австріи и получили воспитаніе подъ руководствомъ аббата. Ф. А. Ермоловъ изрѣдка бывалъ въ Москвѣ, при чемъ останавливался у матери; старшій же братъ его, Петръ, въ Россію никогда не пріѣзжалъ. По окончаніи домашняго образованія, 20 Марта 1816 г., Ф. Ермоловъ поступилъ на службу подпрапорщикомъ въ Нарвскій пѣх. полкъ; въ томъ же году, 25 Декабря, онъ былъ произведенъ въ портупей-прапорщики, а 13 Мая 1817 г.—въ прапорщики. 21 Октября 1818 г. Ермоловъ былъ назначенъ адъютантомъ къ ген.-майору Д. В. Васильчикову 2-му, съ переводомъ въ лб.-гв. Конно-Егерскій полкъ, а 25 Іюня 1820 г. переведенъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ. Въ формулярномъ спискѣ, за время службы въ кавалергардахъ, сказано: «За отцомъ его м. п. 200 душъ крестьянъ; по-россійски, по-французски, по-нѣмецки, исторіи, географіи и математикѣ знаетъ».

Прослуживъ недолго въ строю, онъ въ 1824 г. былъ назначенъ адъютантомъ къ Московскому генералъ-губернатору кн. Д. В. Голицыну. Болѣзнь — параличъ обѣихъ ногъ — заставила его бросить службу. Въ 1835 г. братья М. и Ф. А. Ермоловы продали доставшійся имъ отъ матери Пречистенскій домъ городу подъ Пожарное депо, а вслѣдъ затѣмъ послѣдній купилъ себѣ собственный роскошный домъ на другой сторонѣ той же улицы (позднѣе Мартынова, теперь Морозовой, рядомъ съ Александро-Маріинскимъ институтомъ). Въ 1838 г. Ермоловъ, больной, разбитый параличомъ, женился на княжнѣ Анастасіи Николаевнѣ Щербатовой, дочери ген.-майора кн. Николая Григорьевича. «Въ ихъ домѣ собиралось высшее Московское общество, Ермоловъ давалъ вечера, балы, жилъ богато и гостепріимно. Онъ былъ красивъ собой, образованъ, имѣлъ музыкальныя дарованія—хорошо игралъ на скрипкѣ». Дѣтей отъ этого брака не было.

Ермоловъ умеръ въ Москвѣ въ Апрѣлѣ 1846 года и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ (?).

Въ томъ же году А. Н. Ермолова пожертвовала въ память мужа капиталъ въ Дамское Попечительство о бѣдныхъ въ Москвѣ и передала его бывшей предсѣдательницѣ и учредительницѣ этого Попечительства, своей родственницѣ, кн. Софіи Степановнѣ Щербатовой. Часть этихъ денегъ пошла на учрежденіе Маріинскаго, прежде Маріинско-Ермоловскаго, института (на набережной Москвы-рѣки), часть на Ермоловско-Федоровскій пріютъ Серпуховскаго отдѣленія Попечительства около Донского монастыря (въ настоящее время Ермоловская школа рукодѣлія).

Послѣ смерти мужа, А. Н. Ермолова уѣхала въ Швейцарію и за границей вышла второй разъ замужъ за племянника своего перваго мужа, Александра Петровича Ермолова [1]), сына старшаго его брата, который всю жизнь провелъ во Франціи, принялъ французское подданство, перешелъ въ католицизмъ и никогда не пріѣзжалъ въ Россію. «Свѣчина называла его въ послѣдніе годы своей жизни старѣйшиною окатоличенныхъ православныхъ» въ Парижѣ [2]).

А. Голомбіевскій.

——×——

Николай Игнатьевичъ Янушкевичъ, 1801 — , изъ дворянъ Псковской губ.; въ Мартѣ 1818 г. подалъ прошеніе объ опредѣленіи его юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ, но 18 Августа того же года опредѣленъ въ лб.-гв. Кирасирскій полкъ; 16 Іюня 1819 г. произведенъ въ корнеты; 28 Іюля 1820 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; 26 Апрѣля 1824 г. произведенъ въ поручики; 5 Сент. переведенъ въ лб.-гв. Финляндскій полкъ и 17 Декабря того же года назначенъ адъютантомъ къ начальнику 19-й пѣх. дивизіи г.-л. Корнилову; въ 1828 г. произведенъ въ шт.-капитаны; въ 1829 г. назначенъ адъютантомъ къ Рижскому генералъ-губернатору маркизу Паулуччи; въ 1830 г. обращенъ во фронтъ. 5 Января 1831 г. за болѣзнью уволенъ отъ службы капитаномъ. Въ 1828 г. участвовалъ въ дѣлахъ подъ крѣпостью Журжею (29 Іюня, 4 Авг. и 3 Сент.) и награжденъ орд. св. Анны 3-й ст. Былъ женатъ (съ 1823 г.) на дочери д. ст. сов., бывшаго Финляндскаго губернатора, Екатеринѣ Петровнѣ Желтухиной. Имѣлъ въ 1830 г. дочь Марію 4-хъ лѣтъ [3]).

——×——

1) Было ли потомство отъ этого брака, намъ неизвѣстно; по сообщенію М. Гр. Ермоловой, «одинъ изъ внуковъ его (Петра Алекс. Ермолова) нѣсколько лѣтъ тому назадъ служилъ въ качествѣ супрефекта въ небольшомъ городкѣ на югѣ Франціи».

2) Полк. архивъ; Долгоруковъ, I, 116; IV, 407; кн. Голицынъ, «Родъ кн. Голицыныхъ», I, 152; Гельбигъ, «Русск. Избранники», 467—472, изд. 1900 г.; Щербатовъ, «Сочиненія», II, 230; «50-лѣтіе Дамскаго Попеч. о бѣдныхъ въ Москвѣ», 31 и 32; Р. Стар., 1900/XII, 637; Мартыновъ, «Матеріалы для ист.-стат. описанія Москвы», въ Извѣст. Моск. городск. Думы: 1877 г., № 8 — «ул. Тверская»; 1879 г., № 23 — «Пречистенка»; Свѣдѣнія, сообщ. Е. П. Ермоловой, П. Д. Самаринымъ, М. Г. Ермоловой и Г. П. Ермоловымъ.

3) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1830 г., кн. 10562.

Николай Сергѣевичъ Горяиновъ, 1799—, 13 Сентября 1819 г. изъ студентовъ Демидовскаго лицея поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; въ 1820 г. эст.-юнкеромъ, 11 Февраля 1821 г. корнетомъ и 7 Мая того же года переведенъ поручикомъ въ Арзамасскій конно-егерскій полкъ, откуда 20 Марта 1824 г. уволенъ по домашнимъ обстоятельствамъ въ отставку [1]).

——×——

Алексѣй Петровичъ Батуринъ, 1803—1852, изъ Московскихъ дворянъ, усыновленный указомъ 31 Декабря 1807 г. сынъ майора Петра Алексѣевича и жены его Анны Михайловны (фамилія неизвѣстна); въ службѣ съ 21 Ноября 1819 г. въ Кавалергардскомъ полку юнкеромъ, въ 1820 г. эст.-юнкеромъ, 11 Февраля 1821 г. корнетомъ, въ 1824 г. поручикомъ; въ 1827 г. назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба 1-го Резервнаго корпуса; въ 1829 г. шт.-ротмистромъ, въ 1832 г. ротмистромъ; 10 Декабря 1833 г. уволенъ въ отставку, по домашнимъ обстоятельствамъ, полковникомъ, съ мундиромъ. 8 Января 1835 г. вновь поступилъ на на службу въ Одесскую полубригаду; въ 1836 г. произведенъ въ полковники, въ 1848 г. въ д. ст. совѣтники и 12 Февраля 1849 г. уволенъ въ отставку. Въ 1850 г., Февраля 28 прикомандированъ къ Министерству Внутр. дѣлъ. Имѣлъ орденъ св. Станислава 2 ст. съ Имп. короной и золотую медаль съ надписью: «за прекращеніе чумы въ Одессѣ».

Былъ женатъ на Авдотьѣ Павловнѣ (фамилія неизвѣстна) и имѣлъ дѣтей: Анну (р. 1831 г.), Павла (р. 1833 г.), Зинаиду (р. 1847 г.) и Алексѣя (р. 1850 г.). У отца Батурина въ 1827 г. было 46 душъ въ с-цѣ Лубнинѣ Бронницкаго у., Московской губ., 115 душъ въ д. Аксеновѣ Мышкинскаго у., Владимірской губ. и 80 душъ въ с. Кучкаевѣ Ардатовскаго у., Симбирской губ. Умеръ въ Москвѣ въ 1852 г. [2]).

——×——

Константинъ Васильевичъ Семевскій, —1822, сынъ прапорщика Василія Ивановича (1748—1829) и жены его Прасковьи Ивановны (фамилія неизвѣстна) поступилъ 6 Декабря 1819 г. юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; въ 1820 г. эст.-юнкеромъ, 11 Февраля 1821 г. корнетомъ. Заболѣлъ въ Витебскѣ 1 Марта, во время стоянки тамъ полка, и въ ночь съ 23 на 24 число скончался «отъ гнилой съ пятнами горячки». Погребенъ тамъ же 26 Марта [1]).

——×——

Павелъ Сергѣевичъ Кожинъ 4-й, 1801—1851, изъ древняго дворянскаго рода, къ которому принадлежитъ св. Макарій Калязинскій, былъ сыномъ шефа Лейбъ-Кирасирскаго полка ген.-майора Сергѣя Алексѣевича Кожина, убитаго подъ Гейльсбергомъ, и его жены Екатерины Михайловны, рожденной кн. Волконской (1777 — 1834). П. С. Кожинъ изъ камеръ-пажей произведенъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ 26 Марта 1821 года. Черезъ полтора года (19 Августа 1822 г.) назначенъ полковымъ адъютантомъ, а 20 Мая 1823 года адъютантомъ къ фельдмаршалу кн. Сакену; въ чинѣ поручика онъ получилъ ордена св. Анны 3 ст. и св. Владиміра 4 ст. и въ 1829 г. произведенъ въ шт.-ротмистры. Уволенный за болѣзнью къ статскимъ дѣламъ, съ повышеніемъ чиномъ, 21 Февраля 1831 г., онъ былъ затѣмъ причисленъ къ Департаменту удѣловъ, съ переименован. въ надв. совѣтники, вскорѣ послѣ чего уволенъ, за болѣзнью, въ отставку. Императоръ Николай повелѣлъ считать его уволеннымъ отъ службы, съ награжденіемъ чиномъ ротмистра и съ мундиромъ (6 Іюня 1833 г.).

Когда состояніе здоровья дало ему возможность вновь посвятить себя службѣ, въ 1836 году онъ былъ избранъ Гороховскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а 1 Февраля 1838 г. назначенъ Владимірскимъ вице-губернаторомъ. Въ чинѣ колл. совѣтника, въ 1842 г. онъ причисленъ къ Министерству Внутреннихъ дѣлъ, съ назначеніемъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса при министрѣ, и въ томъ же году удостоенъ Монаршаго благоволенія за службу въ должности вице-губернатора; 26 Мая 1843 года Кожинъ былъ назначенъ и. д. губернатора Рязанской губерніи, съ производствомъ въ статскіе совѣтники; 28 Іюня 1847 г. онъ былъ утвержденъ въ этой должности съ чиномъ д. ст. совѣтника. На этомъ посту ему дважды было увеличено содержаніе по 2 тыс. руб. въ годъ.

О службѣ Кожина губернаторомъ имѣются различныя свѣдѣнія. По «воспоминаніямъ» одного изъ его подчиненныхъ, С. Славутинскаго, Кожинъ «имѣлъ высокія качества, былъ безупречно честенъ, правдивъ, истинно

---

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1823 г., кн. 5396.

[2]) Полк. архивъ; Свѣдѣнія, сообщ. Московск. деп. собраніемъ.

[1]) Полк. архивъ; Руммель и Голубцовъ, II, 357.

благороденъ; при всей своей пылкости и болѣзненной склонности къ порывамъ гнѣва, — вовсе не золъ, вовсе не жестокъ; онъ даже сознательно и постоянно стремился къ добру. Административныя его способности тоже были замѣчательны, хотя къ дѣятельности административной онъ былъ подготовленъ весьма мало. Нельзя было не подивиться его неутомимости въ трудѣ, его твердому и всегда серіозному отношенію къ дѣлу, его быстрой и свѣтлой сообразительности, — когда онъ былъ хоть сколько-нибудь спокоенъ духомъ,— наконецъ, чистой правдѣ въ каждомъ дѣлѣ, попадавшемъ къ нему на разсмотрѣніе. Словомъ, онъ былъ губернаторъ, какихъ тогда было чрезвычайно немного,—и потому-то его такъ не любили въ Рязанской губерніи и чиновники, и балованные, привередливые члены губернскаго, такъ называемаго, общества». Не высокаго, однако, мнѣнія о Кожинѣ, какъ о губернаторѣ, были и современные ему администраторы, какъ, напримѣръ, гр. Закревскій. По словамъ сенатора Лебедева, когда въ Рязань былъ назначенъ губернаторомъ П. П. Новосильцевъ [1]), пользовавшійся общимъ презрѣніемъ, Закревскій сказалъ по поводу этого назначенія удивленному автору воспоминаній: «Тамъ былъ хуже!» Не раздѣляетъ, впрочемъ, этого взгляда графъ М. Д. Бутурлинъ, служившій въ Рязани при преемникѣ Кожина. По его отзыву, Кожинъ былъ «хорошій, но желчнаго темперамента человѣкъ и не въ милости у мѣстнаго дворянскаго сословія. Опала эта, впрочемъ, была для него не болѣе, какъ жужжаніе мухъ, такъ какъ онъ былъ племянникъ кн. П. М. Волконскаго. Ненависть Рязанскихъ дворянъ къ П. С. Кожину переходила за предѣлы приличій, принятыхъ у всѣхъ благовоспитанныхъ людей; интеллигентное это сословіе не поколебалось сдѣлать публичный афронтъ красавицѣ его дочери Ек. П. Кожиной. Бѣдная эта дѣвушка въ дворянскомъ собраніи на балу не получила ни одного ангажемента на танцы». «Чуть ли не единственнымъ лицомъ», по словамъ Бутурлина, «съ которымъ подружился Кожинъ, былъ предсѣдатель Казенной палаты Ник. Макс. Княжевичъ, страстный цвѣтоводъ и садоводъ». Однако, благодаря болѣзненному желчному характеру и вспыльчивости, Кожинъ впадалъ не разъ въ административныя ошибки: напр., весною 1848 г., когда крестьяне князя Голицына вышли изъ повиновенія помѣщичьей власти, въ виду того, что «бунтовщики» нашли сочувствіе среди окольныхъ селеній Государственныхъ крестьянъ, Кожинъ отправился туда и, вызвавъ къ себѣ ихъ ближайшихъ начальниковъ, разбранилъ ихъ жестоко и будто бы велѣлъ высѣчь.... Министръ Государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ будто бы замѣтилъ, что волостные и сельскіе начальники не могли быть подвергнуты тѣлесному наказанію, однако, случай этотъ, не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій для Кожина.

Во время своего губернаторства П. С. не разъ приходилось усмирять крестьянскія волненія, какъ, напримѣръ, около 300 крестьянъ помѣщика Селезнева, притѣснявшаго ихъ строгостями и крутою барщинною системою. Въ это время Кожинъ уже страдалъ болѣзнью печени, которая сильно терзала его. Между тѣмъ судьба готовила ему новую служебную непріятность, которая затѣмъ отразилась на его службѣ: это былъ процессъ отставного ротмистра И. П. П-скаго. Вскорѣ послѣ покупки села С-на И. П-скимъ у помѣщицы С-ной, одинъ изъ крестьянъ сталъ доносить, что П-скій сынъ кучера и, по своему происхожденію, не имѣетъ права владѣть имѣніемъ. Эти доносы не принесли результатовъ, а авторъ ихъ вскорѣ умеръ. Тогда племянникъ его, подавая о томъ же новыя прошенія, доносилъ и о насильственной будто бы смерти его дяди. Назначено было слѣдствіе. П-скій упорно уклонялся отъ слѣдствія, переѣзжая изъ одной столицы въ другую. Кожинъ въ это время, по болѣзни, уѣхалъ въ Карлсбадъ, и дѣло безъ него еще больше затянулось. Между тѣмъ слѣдователи выяснили обстоятельства, какъ бы подтверждавшія содержаніе доноса. Вернувшись осенью того же (1859) г. изъ-за границы, Кожинъ сталъ особенно внимательно слѣдить за дѣломъ П-скаго, странные переѣзды котораго раздражили губернатора, взволнованнаго и тѣмъ, что въ это время взбунтовалось с. Н-но. Пав. Серг. вынужденъ былъ энергичнѣе вмѣшаться въ это дѣло. Донеся о бунтѣ и о причинахъ промедленія слѣдствія изъ-за отсутствія П-скаго, Кожинъ добился высылки послѣдняго въ Рязань. Но здѣсь П-скій, ссылаясь на болѣзнь, упрямо уклонялся отъ слѣдствія, что раздражало губернатора, который сталъ вмѣшиваться въ ходъ слѣдствія уже не изъ-за наблюденія только, а въ смыслѣ прямого его направленія. Говорятъ, доходило до того, что губернаторъ хотѣлъ собственною властью посадить П-скаго въ острогъ, но не успѣлъ распорядиться такимъ образомъ. Для окончанія слѣдствія совершенно неожиданно явился въ Рязань чиновникъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, который, опросивъ П-скаго, освободилъ его, въ дѣйствіяхъ же губернатора усмотрѣлъ важную ошибку: откуда-то послѣдовало требованіе о взятіи имущества покойной помѣщицы С-ной въ опекунское завѣдываніе, губернатор-

[1]) См. біографію П. П. Новосильцева.

ская же канцелярія сочла за ея имѣніе то, которое перешло во владѣніе П-скаго, взяла его въ опеку. Кожинъ, по словамъ Славутинскаго, былъ чрезвычайно встревоженъ этою ошибкою, которая много подѣйствовала на его крайне разстроенное здоровье. Слѣдствіемъ болѣзни печени явилась брюшная водянка, отъ которой 28 Іюля 1851 г. онъ и скончался.

П. С. Кожинъ былъ женатъ на Ольгѣ Ивановнѣ Кусовой и имѣлъ дѣтей: сына Петра (р. 1829 г.), впослѣдствіи д. ст. сов. и Владимірскій губ. предв. дворянства, и дочерей: Марію (р. 1825 г.), впослѣдствіи замужемъ за свиты Е. В. ген.-майоромъ В. Н. Назимовымъ, и Екатерину (р. 1828 г., фрейлина). За Кожинымъ и за его женой въ 1851 г. числилось 788 душъ крестьянъ во Владимірской губ.; его вдовѣ назначена была полная пенсія въ размѣрѣ 857 р. 70 коп. [1]).

В. Жерве.

Князь Николай Степановичъ Мещерскій, 1800—, 26 Марта 1821 г. изъ камеръ-пажей произведенъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ; въ 1822 г. вступилъ въ бракъ съ дочерью умершаго Могилевскаго губернскаго предводителя Осипа Ив. Голынскаго — Казимірою, а 1 Марта 1823 г. уволенъ по болѣзни въ отставку поручикомъ [2]).

Графъ Александръ Петровичъ Толстой 3-й, 1800 — 1873, братъ гр. Алексѣя Петровича. Родители его, люди богатые, дали ему по тому времени хорошее домашнее воспитаніе. У него были гувернеры иностранцы, научившіе его бойко говорить по-французски и нѣмецки, танцовать и хорошимъ манерамъ. По-русски онъ умѣлъ читать и писать и имѣлъ скудныя свѣдѣнія по исторіи и географіи. Толстые были люди благочестивые и пріучали къ тому же своихъ дѣтей. Они соблюдали всѣ посты. Съ малолѣтства А. П. пріученъ былъ читать книги священнаго писанія, и его водили на всѣ церковныя службы. Любовь къ

чтенію священнаго писанія осталась у А. П. на всю жизнь. На 18 году, по желанію родителей, Толстой поступилъ 11 Ноября 1817 г. юнкеромъ въ лб.-гв. Артиллерійскую бригаду; 23 Февраля 1818 года онъ былъ произведенъ въ порт.-прапорщики, а 12 Апр. 1819 года въ прапорщики, съ переводомъ въ гвардейскую конную артиллерію. Военная служба неособенно нравилась молодому Толстому, и начальство не считало его хорошимъ строевымъ офицеромъ, хотя онъ всегда добросовѣстно относился къ своимъ обязанностямъ и былъ исполнительнымъ офицеромъ. Въ 1821 году онъ былъ переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, а черезъ годъ назначенъ адъютантомъ къ начальнику штаба 1-й арміи Дибичу; въ 1822 г. произведенъ въ поручики. Въ 1824 г. Толстой былъ командированъ въ экспедицію полковника Герха, имѣвшую цѣлью обозрѣніе береговъ Каспійскаго и Аральскаго морей и истребленіе морскихъ разбойниковъ. Въ 1825 и 1826 гг. съ этою экспедиціею онъ находился въ зимнемъ походѣ и военныхъ дѣйствіяхъ; за зиму экспедиція перенесла много лишеній. За труды въ этой экспедиціи и за отличіе въ дѣлахъ съ непріятелемъ Толстой получилъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ (1826 г., 22 Авг.). Тяжелыя условія похода вредно отразились на его здоровьѣ, и онъ просилъ объ увольненіи его отъ военной службы. Уволенный 18 Октября 1826 г. съ чиномъ штабсъ-ротмистра, Толстой, для поправленія здоровья, отправился за границу и былъ причисленъ къ нашему посольству въ Парижѣ, съ переименованіемъ въ колл. асессоры. Въ слѣдующемъ году, по Высочайшему повелѣнію, онъ былъ посланъ въ Константинополь, съ цѣлью составленія записки о военно-топографическомъ положеніи Турціи. Исполнивъ возложенное порученіе, Толстой былъ отправленъ обратно въ Парижъ черезъ Сербію и

---

[1]) Полк. архивъ; Арх. М. В. д., Форм. сп. 1851 г., д. № 154; Руммель и Голубцовъ, I, 387—391; Записки Лебедева, Р. Арх., 1888/III, 485; Зап. Бутурлина, Р. Арх., 1898/I, 163, 164, 268, 390; «Воспоминаніе» Славутинскаго, Древн. и Нов. Россія, 1878/X, 152—155; 1879/IX, 356—358, 360—363.

[2]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1822 г., кн. 4626; у Руммеля и Голубцова (II, 55) упоминается, но въ роспись не вошелъ.

Австрію, и ему было поручено по пути составить записки о политическомъ и военномъ положеніи этихъ странъ, а также собрать нужныя для нашего министерства статистическія свѣдѣнія. И это порученіе онъ исполнилъ успѣшно, за что и былъ награжденъ чиномъ надв. совѣтника. Во время войны съ Турціей Толстой просился вновь на военную службу и въ 1828 г. былъ вызванъ въ Главную квартиру арміи и зачисленъ ротмистромъ въ Кавалергардскій полкъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ начальнику Главнаго штаба Е. И. В. (3 Сент. 1828 г.). Дибичъ очень цѣнилъ знанія и исполнительность Толстого, и онъ состоялъ при немъ до окончанія войны. Во время этой войны А. П. принималъ участіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и въ дѣйствіяхъ отрядовъ, овладѣвшихъ Айдосомъ, Бургосомъ и пр. Въ 1829 г. Дибичъ былъ назначенъ главнокомандующимъ арміею, и Толстой оставался при немъ адъютантомъ. Наградами за эту войну были: назначеніе флигель-адъютантомъ, орд. св. Анны 3 ст. и 2 ст., золотая шпага.

Какъ только окончилась война, Толстой просилъ увольненія отъ военной службы. Ему хотѣлось послужить въ только-что признанной независимымъ государствомъ Греціи. Во главѣ греческаго правительства стоялъ гр. Каподистрія, дѣятельности котораго онъ сочувствовалъ.

Между тѣмъ, когда въ Маѣ 1830 года Толстой пріѣхалъ въ Грецію, назначенный первымъ секретаремъ русской миссіи въ Аѳинахъ, среди населенія, обремененнаго налогами, безпрерывной войной, господствовало всеобщее неудовольствіе и возбужденіе противъ графа Каподистрія, скоро перешедшее въ открытое возстаніе. Гр. Толстой увидалъ, что ему нельзя помочь гр. Каподистрія, и онъ пробылъ въ Греціи только до конца Февраля 1831 г., когда просилъ увольненія отъ должности секретаря миссіи. Его просьба была уважена, и онъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій министерства Внутреннихъ дѣлъ. Перемѣна службы была также вызвана и неудовольствіемъ между Толстымъ и министромъ Иностранныхъ дѣлъ. Толстой убѣдился, что гр. Нессельроде недостаточно расположенъ къ нему, а при такихъ условіяхъ ему трудно было сдѣлать что-либо полезное. 3 Дек. 1831 г. онъ былъ назначенъ директоромъ Хозяйственнаго департамента министерства Внутр. дѣлъ. Этимъ департаментомъ онъ управлялъ до назначенія его 13 Апр. 1834 г. Тверскимъ губернаторомъ. Одною изъ главнѣйшихъ обязанностей Хозяйственнаго департамента была забота о народномъ продовольствіи. За время управленія Толстымъ департаментомъ была въ Россіи холера и возстаніе въ Польшѣ. Хотя урожай 1831 г. былъ и хорошій, но саранча въ южныхъ губерніяхъ истребила много хлѣба, а въ западныхъ губерніяхъ, вслѣдствіе передвиженія войскъ, не мало пострадала его уборка; наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Саратовской губ., холера отвлекала населеніе отъ полевыхъ занятій; несмотря на эти неблагопріятныя условія, благодаря энергической дѣятельности Хозяйственнаго департамента и Комиссіи народнаго продовольствія, нужда населенія въ хлѣбѣ была своевременно устранена. Въ слѣдующемъ 1832 г. урожай былъ скудный, и въ особенности пострадали южныя губерніи и нѣкоторыя изъ среднихъ, сѣверныхъ и Сибирскихъ. Благодаря устроеннымъ губернаторами запаснымъ магазинамъ, всѣ нужды продовольствія были, однако, обезпечены собственными запасами, за исключеніемъ Камчатки и Охотскаго края, гдѣ раздавался бѣднымъ жителямъ казенный хлѣбъ изъ магазиновъ. При повсемѣстномъ неурожаѣ въ 1833 г. требовались самыя рѣшительныя мѣры къ обезпеченію продовольствія, и министерство приняло ихъ въ очень широкихъ размѣрахъ. Уже 11 Февраля 1830 года министръ Внутреннихъ дѣлъ предписалъ губернаторамъ, чтобы они привели въ извѣстность количество хлѣба и устроили магазины. Въ то же время министерство командировало въ губерніи чиновниковъ собрать свѣдѣнія о неурожаѣ. Были приняты и другія мѣры, такъ: разрѣшенъ безпошлинный привозъ хлѣба изъ-за границы, строго воспрещена перекупка хлѣба. Въ неурожайныхъ губерніяхъ пріостановлена народная перепись, отстроченъ рекрутскій наборъ, отложенъ до 1 Янв. 1836 года платежъ податей и повинностей. Выдано изъ государственнаго казначейства, частью изъ собственныхъ средствъ Его Величества и изъ продовольственныхъ капиталовъ до 8 милліоновъ руб. асс. Всѣ эти мѣры предпринимались подъ руководствомъ и при непосредственномъ участіи гр. Толстого. За свою энергичную дѣятельность онъ былъ награжденъ чиномъ дѣйств. статскаго совѣтника (1 Янв. 1834 г.). Помимо народнаго продовольствія въ Хозяйственномъ департаментѣ, во время управленія имъ гр. Толстымъ, были сосредоточены дѣла по общественному призрѣнію. Въ виду холеры, министръ Внутр. дѣлъ совершилъ путешествіе по Россіи, при чемъ нашелъ, что дѣятельность приказовъ общественнаго призрѣнія неудовлетворительна, и въ особенности плохи оказались больницы, а потому Хозяйственнымъ департаментомъ, во время управленія имъ Толстымъ (съ 1831 по 1834 г.), предпринятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ для улучшенія

приказовъ общественнаго призрѣнія. Число больницъ было увеличено, и изданы новыя правила о пріемѣ больныхъ, приведены въ извѣстность капиталы приказовъ, вызвано много новыхъ пожертвованій.

Тверскимъ губернаторомъ Толстой пробылъ съ 13 Апр. 1834 г. по 6 Дек. 1837 г., когда былъ переименованъ въ генералъ-майоры и назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Одессу, съ управленіемъ гражданскою частью. Гр. Толстой былъ доступенъ и помогалъ каждому, чѣмъ могъ. Въ бытность Тверскимъ губернаторомъ онъ, совмѣстно съ Тверскимъ архіепископомъ Григоріемъ, обратилъ вниманіе на расколъ и старался о принятіи мѣръ къ прекращенію его распространенія и къ обращенію старовѣровъ въ православіе. Эта дѣятельность Толстого привела его въ соприкосновеніе съ духовенствомъ Тверской епархіи и повлекла за собой знакомство, а затѣмъ и дружбу съ извѣстнымъ Ржевскимъ протоіереемъ о. Матвѣемъ Александровичемъ Константиновскимъ, имѣвшимъ громадное духовно-нравственное вліяніе на гр. Толстого въ теченіе всей его жизни. Чрезъ гр. А. П. съ о. Матвѣемъ познакомился позднѣе и Гоголь.

Толстой усердно занимался дѣлами, и его труды были оцѣнены: въ 1835, 36, 37 и 38 гг. онъ получалъ Высочайшія благодарности за успѣшное взысканіе податей. Министерство Внутреннихъ дѣлъ цѣнило Тверского губернатора и старалось его награждать. Въ 1835 г. онъ получилъ орд. св. Станислава 1 ст., а черезъ два года орд. св. Анны 1 ст.

Одесскимъ военнымъ губернаторомъ Толстой пробылъ до 23 Февраля 1840 г., когда вышелъ по домашнимъ обстоятельствамъ въ отставку. До 1855 г. онъ жилъ въ сторонѣ отъ общественной жизни. Это время имѣло большое значеніе въ жизни гр. Толстого въ смыслѣ окончательнаго развитія его личности и утвержденія его духовно-нравственныхъ убѣжденій. Т. И. Филипповъ, одинъ изъ ближайшихъ сослуживцевъ гр. А. П., разсказываетъ объ этомъ слѣдующее: «Я узналъ графа въ такое время его жизни, когда онъ былъ совершенно свободенъ отъ всякаго обязательнаго труда и, слѣдовательно, имѣлъ полную возможность весь свой досугъ употреблять по своему личному вкусу и усмотрѣнію. И всѣ его дни, одинъ какъ другіе, были посвящены непрерывнымъ заботамъ о внутреннемъ усовершенствованіи, о побѣдѣ надъ остаткомъ не усмиренныхъ еще страстныхъ движеній сердца, о стяжаніи дара молитвы. Для достиженія этихъ цѣлей, онъ ежедневно и помногу упражнялся въ изученіи св. писанія, знаменитыхъ его истолкователей, а также въ чтеніи безсмертныхъ произведеній великихъ отцовъ Церкви, изъ коихъ особенно любилъ св. Василія Великаго, какъ одного изъ величайшихъ учителей вселенной и недостижимо высокихъ художниковъ слова. Къ той именно порѣ, о которой я говорю, относится появленіе въ свѣтъ замѣчательнѣйшихъ твореній древнихъ подвижниковъ: Іоанна Лѣствичника, Іоанна и Варсонофія, Исаака Агрина, Аввы, Дорофея и иныхъ въ славянскомъ (Паисія Величковскаго) и русскомъ переводѣ, изданныхъ трудами Оптинной пустыни. Графъ съ жадностью вчитывался въ эти возвышенныя произведенія, въ коихъ открываются разнообразнѣйшіе пути и способы внутренняго дѣянія, примѣненные въ мѣрѣ и духовному возрасту всякаго, и изображаются особенныя, чрезвычайныя душевныя состоянія, бывающія плодомъ и мздою одержанной въ подвигѣ побѣды. Онъ усердно исполнялъ всѣ постановленія церкви и въ особенности былъ точенъ въ соблюденіи поста, который доводилъ до такой строгости, что нѣкоторыя недѣли великаго поста избѣгалъ употребленія даже постнаго масла. Вообще графъ отличался рѣдкою религіозностью. Онъ съ большимъ интересомъ относился ко всякому доходившему до его слуха христіанскому подвигу и тщательно разыскивалъ тѣхъ лицъ, безъ различія ихъ состояній, о благочестивой жизни коихъ получалъ отъ кого-нибудь свѣдѣнія. Поэтому у него въ домѣ можно было встрѣтить людей весьма разнообразныхъ, тутъ были и богомолки, юродивые и т. д., часто эти лица не заслуживали никакого уваженія, а между тѣмъ графъ, по своей довѣрчивости, считалъ ихъ благочестивыми и достойными людьми. Можно было привести нѣсколько случаевъ чрезвычайно характернаго надуватель ства, которымъ подвергалась излишняя довѣрчивость и щедрость графа». Разочарованія не заставляли А. П. быть болѣе осторожнымъ въ отношеніи къ людямъ, и онъ оставался во всю свою жизнь довѣрчивымъ и добрымъ. А. П. усердно посѣщалъ церкви не только въ праздники, но и въ будни, и какъ человѣкъ, одаренный глубокимъ, поэтическимъ чувствомъ, горячо и сознательно любилъ красоту и великолѣпіе нашего богослужебнаго чина, совершенно справедливо почитая его повсемѣстное почти разореніе одной изъ главныхъ причинъ безпрерывно усиливающагося уклоненія народа въ расколъ. «Какъ можемъ мы», говаривалъ онъ, «силою одного приказа принудить народъ уважать то, къ чему сами въявь, на его же глазахъ, показываемъ такое откровенное презрѣніе». А. П. особенно огорчало, съ одной стороны, небрежное отношеніе нашего духовенства къ богослуженію, а, съ другой — его необразованность и пьянство.

Въ бытность въ отставкѣ гр. А. П. женился на дочери извѣстнаго своимъ богатствомъ и буйнымъ нравомъ царевича грузинскаго Георгія, владѣтеля богатаго села Лыскова Нижегородской губерніи. Объ этомъ бракѣ А. О. Смирновъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что «Анна Георгіевна влюбилась въ одного молодого человѣка, за котораго ея отецъ не хотѣлъ ее выдать замужъ. Молодой человѣкъ принялъ монашество и былъ впослѣдствіи намѣстникомъ Троицко-Сергіевской лавры, а она была отправлена въ одну изъ обителей Костромской губерніи. Игуменья, умная и образованная женщина, и казначея Ханыкова замѣтили, что душа княжны была взволнована, и притомъ она не хотѣла подчиняться монастырскимъ правиламъ; письменно они извѣстили царевича, что не знаютъ, что съ ней дѣлать, и что она не создана для монастырской жизни. 35 лѣтъ княжна вышла замужъ за гр. Толстого, святого человѣка. Онъ подчинился своей чудачкѣ и жилъ съ нею, какъ братъ. Вся ея забота состояла въ томъ, чтобы графу устроить комнаты, вентиляцію и обѣдъ по его вкусу. Она видѣла только тѣхъ людей, которыхъ ея мужъ любилъ. Страшно брезгливая, она сама въ буфетѣ слѣдила за мытьемъ посуды». Тверской архіепископъ Савва въ своей «автобіографіи» такъ характеризуетъ гр. Анну Георгіевну: «Воспитанная безъ матери, которой лишилась она въ дѣтствѣ, въ совершенномъ одиночествѣ, она была близка къ мысли о монашествѣ, какъ это сама мнѣ высказывала. Между тѣмъ, по желанію родителя, который отличался строгимъ и упорнымъ характеромъ, она должна была вступить въ супружество въ весьма зрѣлыхъ уже лѣтахъ съ сосѣднимъ помѣщикомъ графомъ Толстымъ. Вслѣдствіе исключительнаго воспитанія въ домѣ родителя, графиня Анна Георгіевна всегда чуждалась шумнаго свѣтскаго общества, всегда вела уединенную жизнь, всегда отличалась искреннимъ благочестіемъ, высокою нравственностью и истинно-христіанскою благотворительностью, которой опыты имѣлъ я и на себѣ. Изъ 60-и тысячъ годового дохода она употребляла половину, какъ мнѣ съ достовѣрностью извѣстно, на дѣла благотворенія». Графиня большею частью жила въ Москвѣ и очень любила посѣщенія духовныхъ лицъ, и со многими изъ нихъ она переписывалась.

Митрополитъ Московскій Филаретъ очень уважалъ Анну Георгіевну и часто обращался къ ней за помощью. Она пожертвовала въ пользу престарѣлыхъ и больныхъ священнослужителей Московской епархіи землю и домъ. Графиня была въ большой дружбѣ съ Н. В. Гоголемъ и переписывалась съ нимъ. Гоголь очень любилъ А. Г., и вотъ что ей писалъ: «Я васъ полюбилъ искренно, полюбилъ, какъ сестру, во-первыхъ, за доброту вашу, во-вторыхъ, за ваше искреннее желаніе творить угодное Богу, Ему служить, Его любить и Ему повиноваться». Семья Толстыхъ была самая близкая къ Гоголю въ послѣдніе годы его жизни. Здѣсь, въ этой семьѣ, провелъ онъ послѣдніе дни жизни, здѣсь же, въ ихъ домѣ, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, онъ и скончался.

Въ началѣ 50 годовъ гр. Толстому много пришлось заниматься устройствомъ своихъ и жениныхъ имѣній. Въ 1852 г. скончался его тесть кн. Г. А. Грузинскій, и смерть его заставила Толстого переселиться для устройства его дѣлъ въ с. Лысково. Въ 1855 году во время Крымской войны онъ былъ выбранъ начальникомъ Нижегородскаго ополченія, съ которымъ дошелъ до Кіева. 20 Сентября 1856 г. послѣдовалъ указъ о назначеніи гр. Толстого оберъ-прокуроромъ Св. Синода; въ этомъ званіи онъ пробылъ $5^1/_2$ лѣтъ. По словамъ арх. Саввы, это назначеніе послѣдовало по указанію митрополита Московскаго Филарета. Этого мнѣнія держалось въ то время духовенство и высшее общество. Дѣйствительно, Толстой очень близко стоялъ къ знаменитому іерарху. Послѣ 20-лѣтняго, самовластнаго оберъ-прокурорства гр. Протасова назначеніе Толстого было встрѣчено высшимъ духовенствомъ весьма сочувственно. По словамъ Варшавскаго архіеп. Никанора, назначеніе это состоялось по совѣту митрополита Филарета. Глубокая религіозность гр. Толстого, его замѣчательная начитанность въ книгахъ священнаго писанія, его доброта, большія связи и дружба со многими изъ выдающихся іерарховъ русской Церкви, все предвѣщало, что онъ будетъ прекрасный оберъ-прокуроръ Св. Синода, и тяжелое положеніе Св. Синода, которое было при его предшественникѣ, окончится.

Въ трудное время пришлось Толстому быть оберъ-прокуроромъ Синода. По смерти гр. Протасова временно оберъ-прокурорскія обязанности были возложены на А. И. Карасевскаго, человѣка умнаго, но честолюбиваго. Онъ пользовался большимъ вліяніемъ у гр. Протасова, и часто это вліяніе употреблялъ во вредъ. Въ особенности нехорошую роль онъ сыгралъ въ дѣлѣ о переводѣ Библіи прот. Павскаго. Онъ завѣдывалъ всей духовно-учебной частью и былъ правителемъ дѣлъ комиссіи духовныхъ хранилищъ. Директоромъ оберъ-прокурорской канцеляріи былъ К. И. Сербиновичъ, большой формалистъ. Въ наслѣдство чиновникамъ онъ оставилъ «Сборникъ наиболѣе удачныхъ фразъ для

оберъ-прокурорской переписки съ министрами и архіереями». Гр. Толстому прежде всего пришлось позаботиться объ избраніи себѣ помощниковъ. Ему нужно отдать справедливость въ томъ отношеніи, что онъ привлекъ на службу въ свое вѣдомство и управленіе многихъ даровитыхъ, образованныхъ и практически подготовленныхъ людей, которые были потомъ лучшими его помощниками. Онъ пригласилъ на службу въ духовное вѣдомство П. И. Соломона, кн. С. Н. Урусова и Т. И. Филиппова. Давъ имъ способы ознакомиться съ устройствомъ духовныхъ, учебныхъ и административныхъ учрежденій и съ состояніемъ административной и судебной частей въ центральныхъ учрежденіяхъ и епархіяхъ, онъ поручилъ П. И. Соломону завѣдываніе синодальною канцеляріею, кн. Урусову, состоявшему до того времени за оберъ-прокурора въ 8-мъ департаментѣ Сената, завѣдываніе духовно-учебнымъ управленіемъ, съ званіемъ директора, Т. И. Филипповъ назначенъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ. Тогда же, по желанію митрополита Филарета, опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій бакалавръ Московской духовной академіи Н. А. Сергіевскій и юрисконсультомъ П. И. Польнеръ. Выборъ этихъ лицъ, которыя были ближайшими помощниками гр. Толстого, былъ очень удаченъ, и онъ имъ вполнѣ довѣрился. Филипповъ особенно хорошо зналъ дѣло съ нашимъ Востокомъ, а гр. Толстой также питалъ глубокое сочувствіе къ православному Востоку и впослѣдствіи особенно заботился о грекахъ. Н. А. Сергіевскій считался знатокомъ учебнаго дѣла, потому гр. Толстой послалъ его за границу для ознакомленія съ тамошними духовно-учебными заведеніями. Сергіевскій составилъ описаніе Малой Парижской семинаріи, но оно, хотя и было напечатано, не поступало въ продажу. Онъ былъ впослѣдствіи около 30 лѣтъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. И. И. Польнеръ, впослѣдствіи сенаторъ, былъ прекраснымъ юристомъ. Почти въ одно время съ назначеніемъ Толстого оберъ-прокуроромъ, Петербургскимъ митрополитомъ, на мѣсто скончавшагося Никанора, назначенъ былъ Казанскій митрополитъ Григорій. Гр. Толстой относился съ глубокимъ уваженіемъ къ митрополиту Григорію, но во всѣхъ важныхъ вопросахъ обращался за совѣтомъ къ Филарету (Дроздову) и иногда къ Филарету (Амфитеатрову) митрополиту Кіевскому. Въ этомъ отношеніи интересна исторія перевода священнаго писанія. Въ одномъ изъ засѣданій Синода постановлено было опредѣленіе о переводѣ священнаго писанія на русскій языкъ. Филаретъ (Дроздовъ) редактировалъ это опредѣленіе; но гр. Толстой, вступивъ въ должность оберъ-прокурора, выразилъ сомнѣніе на счетъ удобности и пользы этого дѣла, и состоявшееся по оному опредѣленіе Синода, какъ не облеченное еще въ законную форму (т.-е. не подписанное членами), препроводилъ, въ качествѣ частнаго мнѣнія Московскаго митрополита Филарета, на заключеніе Кіевскаго митрополита Филарета, и, по полученіи отзыва Кіевскаго митрополита, съ выраженнымъ въ немъ желаніемъ о прекращеніи начатаго дѣла «державными словами Государя Императора», представилъ его Государю и испрашивалъ Высочайшаго соизволенія внести оное въ Синодъ на разсмотрѣніе, но предварительно сообщить митрополиту Московскому. Съ своей стороны, Толстой находилъ необходимымъ не приступать къ этому важному дѣлу безъ сношенія съ греческою церковью. Государь написалъ на докладѣ гр. Толстого: «Согласенъ, и спасибо вамъ, что вы въ этомъ важномъ дѣлѣ поступили такъ осторожно. Любопытно знать, что митрополитъ Московскій скажетъ, прочитавъ примѣчательное письмо митрополита Кіевскаго 30 Янв. 1857 г.». Такъ осторожно и внимательно относился гр. Толстой къ своимъ обязанностямъ. 28 Февр. 1862 г. гр. Толстой, по разстроенному здоровью, былъ уволенъ отъ должности оберъ-прокурора Св. Синода и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. За время своего оберъ-прокурорства Толстой не могъ многаго сдѣлать для духовенства; онъ очень заботился какъ объ улучшеніи его матеріальнаго благосостоянія, такъ и о духовномъ его развитіи. Особое вниманіе онъ обращалъ на выборъ епархіальныхъ архіереевъ и въ этомъ отношеніи пользовался содѣйствіемъ митрополита Московскаго Филарета, какъ это видно изъ писемъ этого послѣдняго. Кромѣ того, гр. Толстой очень интересовался духовною литературою, и, благодаря его покровительству и щедрой поддержкѣ, было издано довольно много богословскихъ книгъ. Гр. А. П. Толстой относился съ горячею любовью къ своимъ обязанностямъ и готовъ былъ поддержать все, что клонилось къ лучшему устройству россійской церкви, и не его вина, что крестьянская реформа и другія важныя реформы первыхъ лѣтъ царствованія Императора Александра II не позволили ему провести нѣкоторые изъ проектовъ, о которыхъ упомянуто въ письмахъ къ Филарету и другимъ лицамъ.

Назначенный членомъ Государственнаго Совѣта, гр. А. П. большую часть года по болѣзни проводилъ за границею и только изрѣдка, и то по особымъ случаямъ, пріѣзжалъ въ Петербургъ. Въ 1873 году, совершивъ путешествіе въ Іерусалимъ, гр. Толстой 22 Сен-

тября скончался во Флоренціи; тѣло его перевезено въ Россію и погребено въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ. Рядомъ съ могилой мужа погребена и гр. А. Г. Толстая, умершая 17 Іюля 1889 г. въ Москвѣ.

При всемъ преобладаніи въ умѣ А. П. религіозныхъ идей, занятія его не ограничивались исключительно тѣми предметами, которые прямо отвѣчали этой именно потребности его духа; какъ человѣкъ, одаренный весьма тонкимъ и изящнымъ умомъ и въ высокой степени любознательный, онъ еще въ молодости старался пополнить недостатки образованія какъ усиленнымъ чтеніемъ замѣчательныхъ произведеній человѣческаго ума по разнымъ отраслямъ знаній, такъ и личнымъ общеніемъ съ людьми, достойно представлявшими ту или другую часть человѣческаго знанія; къ этому онъ имѣлъ всѣ средства какъ по своему высокому общественному положенію, такъ и по значенію, которое имѣлъ въ высшихъ сферахъ его отецъ, гр. Петръ Александровичъ. Живыя встрѣчи съ такими разнообразными представителями умственной и политической дѣятельности, каковы: Гумбольдтъ и гр. де-Местръ, Карамзинъ и гр. Капо-д'Истрія, Жуковскій и гр. Мордвиновъ, Поццо-ди-Борго и гр. Сперанскій, Пушкинъ и Гоголь, митрополитъ Филаретъ и протоіерей Горскій, Кирѣевскій, Хомяковъ и многіе другіе, не могли не оставить глубокихъ слѣдовъ въ его впечатлительномъ умѣ. Особенно близокъ былъ А. П. Толстой съ Гоголемъ. Объ отношеніяхъ Гоголя къ Толстому, С. Т. Аксаковъ въ «Исторіи моего знакомства съ Н. В. Гоголемъ», говоритъ, что «Гоголь, погруженный безпрестанно въ нравственныя размышленія, начинаетъ думать, что онъ можетъ и долженъ поучать другихъ, и что поученія его будутъ полезнѣе юмористическихъ сочиненій. Во всѣхъ его письмахъ тогдашнихъ временъ, къ кому бы они ни были писаны, уже начиналъ звучать этотъ противный мнѣ тонъ наставника. Въ это время онъ сошелся съ гр. Толстымъ, и я считаю это знакомство рѣшительно губительнымъ для Гоголя».

Гоголь познакомился съ Толстымъ еще въ 30-хъ годахъ. Въ 1839 г. Гоголь уже переписывался съ А. П. Отъ этого времени сохранилось одно письмо. Его тонъ гораздо проще, и содержаніе касается исключительно новостей дня, придворныхъ и чиновничьихъ повышеній. Съ годами это знакомство крѣпло все сильнѣе, и во второй половинѣ 40-хъ годовъ, какъ видно изъ писемъ Гоголя къ Толстому и его женѣ, достигло до наставительно-поучительнаго тона.

Объ А. П. Толстомъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ людей того времени, И. В. Кирѣевскій, сказалъ: «Легче становится жить послѣ встрѣчи съ такимъ человѣкомъ, какъ гр. Александръ Петровичъ. Человѣкъ очень богатый, гр. Толстой сдѣлалъ много добра, но онъ не любилъ, чтобы объ этомъ знали».

По отзыву прот. Брянцева, «Толстой былъ самымъ теплымъ и неустаннымъ пособникомъ и защитникомъ всякому ищущему единенія съ православной Церковью. Въ Москвѣ, въ его домѣ, всегда можно было найти того или другого неофита. Въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ обучались молодые люди на его средства. Графъ оказывалъ значительную помощь открытому Т. Б. Потемкиной въ 1866 году пріюту для крещеныхъ евреевъ. Сколько мы просили для того или другого еврея денежнаго пособія, столько и получали. Но всякое даяніе его мы обязаны были передавать, не упоминая подателя. Это было непремѣнное, непрестанно повторяемое условіе отъ графа. «Если я узнаю», говорилъ графъ, «что о моихъ жертвахъ кто-либо, даже принимающій ихъ, извѣстенъ, я прекращаю дальнѣйшее покровительство ведомому вами (т.-е. Брянцевымъ) дѣлу». Любовь къ единовѣрнымъ «еллинамъ», по словамъ архим. Никифора Пагиды, склонила Толстого въ глубокой старости къ изученію греческаго языка, который, благодаря усиленнымъ трудамъ, онъ не только сталъ прекрасно понимать, но даже могъ впослѣдствіи на немъ говорить [1]).

А. Селивановъ.

Князь Романъ Евстафьевичъ Сангушко, 1800—1881, родился 24 Апрѣля 1800 г. въ имѣніи своего отца, Славутѣ, Волынской губерніи. Послѣ раздѣла и паденія Польши кн. Сангушки поступили на русскую службу,

---

1) Воспоминаніе о гр. А. П. Толстомъ Т. И. Филиппова, «Гражданинъ», 1874 г., № 4; Воспоминаніе о А. П. Толстомъ прот. Брянцева, «Церковно-Общественный Вѣстникъ», 1874 г., № 20; Письма Филарета, митр. Московскаго, къ Высочайшимъ особамъ и другимъ лицамъ; Чистовичъ, «Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія»; Григоровичъ, «Обзоръ общихъ законоположеній и содержаній православнаго приходскаго духовенства въ Россіи»; Барсовъ, «Святѣйшій Сунодъ въ его прошломъ»; Благовидовъ, «Оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX ст.»; Н. В. Гоголь и его отношенія къ гр. А. П. Толстому, ст. Е. С. Некрасовой въ «Сборникѣ въ память С. А. Юрьева», М., 1890 г.; Записки А. О. Смирновой, Русск. Арх., 1895 г., кн. 8; Письма къ А. П. Толстому арх. Иннокентія (Христіанское чтеніе, 1896 г., № 1) и Н. В. Гоголя (Русская Старина, 1891 г., № 3); А. С. Хомяковъ (Р. Арх., 1879 г., № 2); Архіепископъ Савва, «Хроника моей жизни», т. II (1851—1862 гг.); «Собраніе мнѣній и отзывовъ митр. Филарета», тт. IV—VI.

и дѣдъ кн. Ром. Евст., князь Іеронимъ Павловичъ, былъ генералъ-поручикомъ, а отецъ его, кн. Евстафій Іеронимовичъ (1768 — 1844), въ 1812 г. былъ полковникомъ Кинбурнскаго драг. полка, перешелъ на сторону Наполеона, былъ сдѣланъ генераломъ польскихъ войскъ и весь походъ 1812 г. совершилъ при главной квартирѣ французской арміи въ званіи адъютанта императора. Имѣнія его были отобраны въ казну, но впослѣдствіи онъ получилъ прощеніе отъ Императора Александра I, возвратившаго ему его помѣстья, и въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія былъ Волынскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Князья Сангушки были обладателями громаднаго состоянія: кромѣ собственныхъ ихъ имѣній, къ нимъ перешли земельныя богатства угасшихъ родовъ князей Острожскихъ и Заславскихъ. Князю Евстафію Іеронимовичу принадлежали многочисленныя обширныя имѣнія на Волыни и въ Кіевской губерніи, перешедшія потомъ въ цѣломъ видѣ къ кн. Роману Евстафьевичу, помимо младшаго его брата Владислава. Мать кн. Р. Е., кн. Клементина Іосифовна, была дочерью послѣдняго стольника Литовскаго князя І. Чарторыйскаго изъ Корца.

Дѣтство свое и молодость кн. Р. Е. Сангушко провелъ за границей и окончилъ образованіе въ Берлинскомъ университетѣ. Двадцати лѣтъ, 7 Февр. 1820 г., Сангушко поступилъ на службу юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; въ томъ же году, 27 Іюля, произведенъ въ эст.-юнкера, а въ слѣдующемъ, 24 Апрѣля,— въ корнеты.

Въ кавалергардахъ онъ прослужилъ всего три года и 26 Января 1823 года вышелъ въ отставку по болѣзни. Оставивъ службу, Сангушко большею частью жилъ за границей и 14 Мая 1829 г. въ Вѣнѣ женился на гр. Наталіи Александровнѣ Потоцкой (р. 1807 г.). Черезъ годъ, 17 Ноября 1830 г., княгиня Сангушко умерла, оставивъ на рукахъ отца 6-мѣсячную дочь Марію-Клементину (р. 31 Марта 1830 г.).

Въ 1831 году кн. Р. Е. Сангушко вмѣстѣ съ братомъ своимъ Владиславомъ принялъ участіе въ польскомъ возстаніи, вступивъ въ ряды мятежныхъ войскъ. Участіе Сангушковъ, богатыхъ польскихъ магнатовъ, обладавшихъ большими средствами и вліятельныхъ на Волыни, конечно, было чрезвычайно важно для руководителей возстанія. Кн. Ром. Евст. былъ принятъ въ польское войско съ чиномъ капитана, оба брата назначены адъютантами къ главнокомандующему («adjutant pierwszego naczelnego wódza»), а 25 Мая 1831 года кн. Романъ получилъ золотой крестъ ордена «virtuti militari».

Намъ неизвѣстно во всѣхъ подробностяхъ участіе кн. Р. Е. въ возстаніи, но есть извѣстіе, что на третій день послѣ поступленія Сангушко въ отрядъ мятежниковъ онъ уже былъ взятъ въ плѣнъ. Такимъ образомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, активное его участіе въ возстаніи было незначительно.

Взятый съ оружіемъ въ рукахъ, какъ бывшій русскій офицеръ и измѣнникъ, Сангушко былъ судимъ и, «по Высочайше утвержденной конфирмаціи, состоявшейся 15 Ноября 1831 г., за нарушеніе вѣрноподданнической присяги, по бытности въ войскахъ польскихъ мятежниковъ и нахожденіи съ ними въ сраженіяхъ противу россійскихъ войскъ, лишенъ корнетскаго чина, княжескаго и дворянскаго достоинства и сосланъ въ Сибирь на поселеніе». Вскорѣ, однако, Сангушко, по его просьбѣ, былъ опредѣленъ, по Высочайшему повелѣнію отъ 16 Апрѣля 1832 г., рядовымъ въ Сибирскій Линейный № 1 баталіонъ. Прослуживъ тутъ нѣсколько мѣсяцевъ, Сангушко «въ виду засвидѣтельствованія командира отдѣльнаго Сибирскаго корпуса ген.-отъ-инф. Вельяминова объ отлично усердной его службѣ», 22 Октября того же года переведенъ рядовымъ на Кавказъ, «съ назначеніемъ Сангушки», какъ сказано въ Высочайшемъ повелѣніи, «въ тотъ баталіонъ, который болѣе другихъ бываетъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противу горцевъ, дабы доставить ему случай храбростью либо блистательнымъ подвигомъ загладить преждесодѣянное имъ преступленіе».

Сангушко былъ зачисленъ въ Тенгинскій пѣхотн. полкъ, входившій въ составъ отряда кавказскаго героя г.-л. Вельяминова, а 30 Января 1834 г. военный министръ приказалъ, по повелѣнію Государя, ежемѣсячно доносить о Сангушкѣ. Всѣ эти распоряженія сдѣланы были еще до прибытія Сангушки на Кавказъ. Только въ концѣ Марта этого года онъ былъ привезенъ чиновникомъ Тобольской полиціи Орломъ и сданъ въ штабъ Кавказскаго корпуса. 27 Апрѣля 1834 г. состоялся приказъ о зачисленіи его въ Тенгинскій пѣх. полкъ.

Изъ Ставрополя, куда былъ отправленъ Сангушко, генералъ Вельяминовъ немедленно препроводилъ его къ командующему Баталпашинскимъ участкомъ Кубанской линіи. «Вокругъ Вельяминова, этого знаменитаго тогда генерала, сгруппировался тогда весь цвѣтъ кавказскаго военнаго сословія; въ его же отрядѣ былъ и кружокъ декабристовъ и польскихъ магнатовъ, высланныхъ за возмущеніе 1831 г.». Въ этотъ «кружокъ несчастныхъ», какъ его называли, вошелъ и Сангушко. Члены кружка, братья Бестужевы, Одоевскій, Черкасовъ, Корниловичъ, Колюбакинъ и др., были близки съ той «аристократической молодежью, которая наѣзжала изъ Петербурга въ отрядъ Вельяминова за военными отличіями». «Сангушко», говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ фонъ-деръ-Ховенъ, «заклятый полякъ, избѣгалъ общества русскихъ и съ нами не сближался». Поляки «говорили всегда на французскомъ языкѣ, и такъ какъ между гвардейскими офицерами было болѣе говорящихъ на этомъ языкѣ, то они и приходили къ намъ въ часы досуга, чтобы развлечься и хоть минутно забыть свое горестное положеніе. Вообще можно сказать, что сосланные въ кавказскія войска поляки приносили болѣе вреда, чѣмъ пользы». Что касается до Р. Е. Сангушки, то официальныя данныя удостовѣряютъ, что вся его кавказская служба была непрерывнымъ рядомъ тяжелыхъ походовъ и боевыхъ подвиговъ. Не перечисляя безконечныхъ стычекъ и перестрѣлокъ, въ которыхъ почти ежедневно онъ участвовалъ при отбитіи непріятельскихъ партій, при разореніи непокорныхъ или мятежныхъ ауловъ, занятіи заваловъ, отраженіи нападенія непріятелей на наши укрѣпленія, конвоированіи транспортовъ и фуражировъ, при заготовленіи строительнаго матеріала, при чемъ Сангушко всегда былъ впереди въ стрѣлкахъ или охотникахъ, достаточно указать на болѣе или менѣе крупныя экспедиціи. Съ 15 по 23 Іюня 1834 г. на рѣкѣ Лабѣ «разсѣяны хищническія партіи и разорены непокорные Гаракаевскіе аулы» — и Сангушко участвовалъ въ этомъ походѣ; въ Августѣ онъ сопровождалъ транспортъ изъ Ольгинскаго редута за Кубань и обратно, при чемъ на пути приходилось отражать нападенія шапсуговъ. Въ Октябрѣ того же года, при слѣдованіи отряда отъ Абина на Геленджикъ, по свидѣтельству офиціальнаго донесенія, «рядовой Сангушко... всегда находился въ стрѣлкахъ и съ отличнымъ мужествомъ, храбростью и хладнокровіемъ противостоялъ самымъ сильнымъ натискамъ непріятеля, служа тѣмъ живымъ примѣромъ своимъ товарищамъ солдатамъ»; здѣсь 13 Октября онъ былъ *раненъ* пулею въ правую ногу на вылетъ, съ поврежденіемъ кости. Рана заставила его пробыть до 15 Января 1835 г. въ Геленджикскомъ госпиталѣ. Въ этомъ году возникло противъ Сангушки обвиненіе въ соучастіи по дѣлу «о бывшемъ предсѣдателѣ Омскаго областного правленія полковникѣ Макаревичѣ и нижнихъ чинахъ изъ польскихъ плѣнныхъ, сужденныхъ за намѣреніе произвести въ Сибири возмущеніе». Предписано было допросить Сангушку «внезапно и строго» и произвести обыскъ. Оказалось, что онъ былъ оговоренъ, и Государь, по докладу Генералъ-Аудиторіата, повелѣлъ «рядового Сангушку освободить отъ всякаго подозрѣнія».

25 Сентября, по Высочайшему повелѣнію, Сангушко былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры «за отличіе, оказанное въ 1834 г. въ экспедиціи противъ горцевъ». Съ 30-го по 5 Ноября 1835 г. онъ участвовалъ въ экспедиціи для истребленія аула бѣглаго кабардинскаго князя Ибрагима Докшукова и, по свидѣтельству г.-м. Засса, «въ его присутствіи, во время приступа къ аулу и отступленія, Сангушко находился въ стрѣлковой цѣпи и съ неустрашимою храбростью и самоотверженіемъ бросился на приближавшагося къ цѣпи непріятеля и тѣмъ подавалъ примѣръ мужества товарищамъ». Зассъ представилъ Сангушку къ наградѣ за отличіе, при чемъ въ рапортѣ своемъ отъ 19 Февраля 1836 года писалъ: «Унтеръ-офицеръ Сангушко, по состоянію въ части войскъ, въ вѣдѣніи моемъ состоящихъ, въ теченіе почти 2 лѣтъ замѣченъ мною какъ въ образѣ мыслей, такъ и въ ревностномъ усердіи къ службѣ съ отличной стороны, равно и въ томъ, что онъ, чувствуя свое преступленіе, старается всячески загладить оное своимъ поведеніемъ и отличною храбростью противу непріятеля и, несмотря на рану его въ ногѣ, полученную съ поврежденіемъ кости, въ экспедиціи противъ шапсуговъ за Кубань находился и всегда противъ непріятеля оказывалъ неустрашимую храбрость и самоотверженіе, чѣмъ, я полагаю, заслуживаетъ Высочайшаго милосердія и прощенія за оказанное имъ преступленіе». Начальникъ дивизіи ген.-лейт. Малиновскій согласился съ представленіемъ Засса и выразилъ свое ходатайство о помилованіи Сангушки въ обширномъ рапортѣ отъ 27 Февраля на имя командира корпуса генерала Вельяминова: «Тенгинскаго пѣхотнаго полка унтеръ-офицеръ Сангушко... по поведенію, усердію къ службѣ и образу мыслей аттестовался всегда во всемъ отлично-хорошо; я всегда видѣлъ, какъ здраво понимаетъ онъ содѣланное имъ преступленіе, которое съ самоотверженіемъ къ жизни, искренно каясь, желаетъ загладить и, получивъ рану въ ногу съ раздробленіемъ кости, отъ которой, при

всемъ изнуреніи силъ его, онъ былъ во всѣхъ экспедиціяхъ, подъ командою генерала Засса, гдѣ постоянно отличалъ себя примѣрнымъ мужествомъ, находясь въ рѣшительныхъ атакахъ въ охотникахъ и всегда въ стрѣлкахъ, оказывая непоколебимое усердіе къ службѣ. Поведеніе его столь кротко, и мысли до того благонамѣренны, что нельзя не поставить его на ряду людей, преданныхъ Россійскому Престолу... Несмотря на изнуреніе силъ Сангушки отъ полученной раны и отъ тѣхъ напряженій, которыя по ревности къ службѣ дѣлаетъ, чахотки въ немъ не примѣтно, и онъ объявляетъ даже желаніе продолжать службу и тогда, если бы удостоился милостиваго воззрѣнія Августѣйшаго Монарха, дабы вящше быть достойнымъ оной. По означеннымъ личнымъ его, Сангушки, достоинствамъ я по справедливости нахожу его достойнымъ Всемилостивѣйшаго прощенія возвратомъ дворянскаго и княжескаго достоинствъ, съ производствомъ въ прапорщики, каковая Монаршая милость оживитъ многихъ, подобныхъ ему, надеждою и возвыситъ духъ службы, стараясь подобно обратить вниманіе Трона, а тѣмъ самымъ, если бы и таился въ душѣ нѣкоторыхъ прежній образъ мыслей, то, примирясь съ совѣстью, станутъ ясно видѣть свои заблужденія и содѣлаются благонадежными подданными Монарха». Вслѣдствіе этого ходатайства военный министръ въ концѣ Іюля увѣдомилъ, что Сангушко, «по волѣ Государя Императора, производится за отличіе только въ прапорщики». Вслѣдъ за этимъ, 27 Сентября 1837 г., онъ былъ переведенъ въ Кавказскій линейный № 1 баталіонъ. Между тѣмъ въ этомъ году Сангушко участвовалъ въ Январѣ и Февралѣ въ экспедиціяхъ генерала Засса къ р. Бѣлой и за Кубань; въ Мартѣ и Апрѣлѣ, подъ командою полковника Рота — для истребленія аула бѣглыхъ кабардинцевъ; подъ командой генерала Малиновскаго—въ экспедиціи за Кубань для усмиренія непріязненныхъ закубанскихъ народовъ; въ Іюнѣ, подъ командой самого Вельяминова—въ движеніи изъ Ольчинскаго укрѣпленія съ транспортомъ для исправленія укрѣпленій въ Абинъ и для разработки дороги къ Николаевскому укрѣпленію; въ Августѣ и Сентябрѣ—въ движеніи до крѣпости Анапы и при сожженіи ауловъ Саудъ-Хонетъ и Хочелкъ. Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ, 28 Сентября, Сангушко былъ *раненъ* ружейною пулею въ грудь и для излѣченія раны находился въ Анапскомъ и Екатеринодарскомъ военныхъ госпиталяхъ. Сангушко былъ представленъ къ награжденію орд. св. Станислава 3 ст., при чемъ въ представленіи было сказано: «Въ экспедиціяхъ противъ горцевъ въ 1836 г., будучи унтеръ-офицерскаго званія, всегда находился въ стрѣлкахъ и присутствіемъ духа подавалъ примѣръ нижнимъ чинамъ. Въ особенности 28 Сентября, при взятіи высотъ, окружающихъ аулъ Хонетъ, прапорщикъ Сангушко первый бросился въ лѣсъ, занятый многочисленнымъ непріятелемъ, увлекъ товарищей, и непріятель былъ выбитъ». 21 Февраля 1838 года Сангушко получилъ орденъ св. Станислава 3 ст. По выздоровленіи отъ раны въ 1837 году, въ Апрѣлѣ, Сангушко участвовалъ опять въ экспедиціи генералъ-майора Штейдена «для продолженія береговой укрѣпленной линіи по берегу Чернаго моря отъ крѣпости Геленджика до устья р. Вуланъ и въ экспедиціи ген. Вельяминова для постройки укрѣпленій Новотроицкаго и Михайловскаго, до р. Вуланъ, продолжавшейся съ Мая до конца Сентября».

30 Марта 1838 г. Сангушко переведенъ обратно въ Тенгинскій пѣхотн. полкъ и, вслѣдъ затѣмъ, съ 1 Апрѣля уволенъ въ отпускъ на 4 мѣсяца. По возвращеніи изъ отпуска, 23 Октября, онъ былъ переведенъ въ Рижскій пѣх. полкъ, съ которымъ въ Августѣ 1839 г. участвовалъ въ маневрахъ и смотрахъ при с. Бородинѣ по случаю открытія памятника Бородинской битвы. Затѣмъ Сангушко былъ уволенъ въ 6-мѣсячный отпускъ съ 18 Декабря 1839 г., а 6 Іюня 1840 года произведенъ въ подпоручики.

Въ слѣдующемъ году Высочайшимъ приказомъ отъ 9 Апрѣля Сангушко былъ уволенъ, по его прошенію, за ранами отъ службы «для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ дозволеніемъ опредѣлиться на службу въ одно изъ присутственныхъ мѣстъ въ Москвѣ, но съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ въ этой столицѣ постоянное безвыѣздное жительство». 8 Іюня 1841 г., по прошенію, онъ былъ опредѣленъ въ штатъ Московскаго Губ. правленія канцелярскимъ чиновникомъ, съ переименованіемъ въ провинціальные секретари, и командированъ для занятій въ Статистическій комитетъ. Служба Сангушки въ Статистическомъ комитетѣ продолжалась недолго, и въ 1842 г., съ Высочайшаго разрѣшенія, онъ былъ уволенъ, по разстроенному здоровью, въ годовой отпускъ за границу. Сангушко уже не возвращался въ Москву; въ 1844 г. Государь разрѣшилъ ему «отправиться въ Сицилію для продолженія пользованія отъ болѣзни и въ Іерусалимъ для поклоненія свв. мѣстамъ на 6 мѣсяцевъ».

2 Декабря 1844 г. умеръ въ Славутѣ старый кн. Евст. Іер. Сангушко, а въ Мартѣ 1845 г. Р. Евст. возвратился въ Волынскую губернію и началъ хлопотать объ отставкѣ. Разстроенное здоровье отъ ранъ и глухота, явившаяся послѣдствіемъ контузіи, полученной

на Кавказѣ, дѣлали Сангушку неспособнымъ ни къ службѣ, ни къ какой бы то ни было общественной дѣятельности. Сангушко сдѣлался настолько глухъ, что, по свидѣтельству П. О. Пирлинга, «ему приходилось писать на дощечкѣ, которую онъ всегда имѣлъ при себѣ, то, что ему нужно было сказать». Высочайшимъ приказомъ 13 Мая 1847 г. Сангушко «за болѣзнью» уволенъ отъ службы съ прежнимъ чиномъ подпоручика.

Сангушко поселился въ Славутѣ и вслѣдствіе своей глухоты велъ уединенный образъ жизни, всецѣло посвятивъ себя хозяйственнымъ заботамъ въ своихъ многочисленныхъ имѣніяхъ, единственнымъ наслѣдникомъ которыхъ въ Россіи онъ сдѣлался послѣ смерти отца. Долголѣтняя, обширная и гуманная дѣятельность Сангушки имѣла большое значеніе для края и его населенія.

Вступивъ въ управленіе имѣніями, Сангушко, по семейнымъ свѣдѣніямъ, обратилъ особенное вниманіе на положеніе своихъ крестьянъ и цѣлымъ рядомъ мѣръ старался улучшить ихъ положеніе и поднять благосостояніе. Онъ началъ съ отмежеванія крестьянскихъ угодій отъ господскихъ; ввелъ многопольный сѣвооборотъ во всѣхъ экономіяхъ; крестьянамъ въ 1847 г. онъ предоставилъ право, по желанію, замѣнять барщину денежнымъ чиншемъ; завелъ очередную систему сдачи рекрутъ по жребію; устроилъ больницу для крестьянъ. Помимо сельскаго хозяйства, Сангушко былъ энергическимъ и неутомимымъ предпринимателемъ въ области фабрично-заводской промышленности. Въ видахъ развитія этой послѣдней онъ сдѣлался однимъ изъ учредителей Кіевскаго частнаго коммерческаго банка.

Сангушко первый въ Волынской губерніи ввелъ сахароваренную промышленность, которая приняла потомъ широкіе размѣры. Самъ лично онъ построилъ пять песчано-сахарныхъ заводовъ и одинъ большой сахарно-рафинадный, постепенно улучшалъ ихъ и вводилъ всѣ усовершенствованія, требуемыя современною техникою. Для удовлетворенія потребностей своихъ сахарныхъ заводовъ онъ устроилъ въ Славутѣ собственные чугунолитейный и желѣзоплавильный заводы съ механическими при нихъ мастерскими. (Заводы эти въ 1870 г. были проданы англичанину Вирду). Затѣмъ онъ устроилъ заводъ для сухой химической дистилляціи смолы и смоляныхъ продуктовъ изъ сосновыхъ корней и перестроилъ и расширилъ существовавшіе до него въ Славутѣ суконную фабрику и два писчебумажныхъ завода.

Опасаясь, при такомъ развитіи фабрично-заводской дѣятельности, за цѣлость своихъ, хотя и обширныхъ, лѣсовъ, Сангушко поручилъ еще въ концѣ 40-хъ годовъ тогдашнему директору государственныхъ лѣсовъ въ Царствѣ Польскомъ Аулейтнеру составить планъ раціональнаго лѣсного хозяйства въ его имѣніяхъ. Затративъ на это до 60/т. р. и нѣсколько лѣтъ труда, Сангушко ввелъ правильное лѣсное хозяйство и одновременно завелъ у себя обширные лѣсные питомники.

Въ Славутѣ еще съ конца XVIII столѣтія существовалъ конскій заводъ арабскихъ лошадей, основанный дѣдомъ Р. Е., кн. Іеронимомъ Павловичемъ († 18 Дек. 1812 г.). Для этого завода Сангушко въ 1798 г. привелъ арабскихъ жеребцовъ и матокъ. Будучи «истиннымъ знатокомъ и страстнымъ любителемъ лошадей», Р. Е. расширилъ и улучшилъ и этотъ заводъ. Еще въ 1844 г., во время путешествія въ Палестину, онъ лично купилъ въ Аравіи 2 чистокровныхъ арабскихъ жеребцовъ, а затѣмъ, въ 1858 г., снарядилъ для этой цѣли экспедицію, которая привела въ Славуту 4 превосходныхъ жеребцовъ. Всего имъ было пріобрѣтено для завода 11 выводныхъ арабскихъ жеребцовъ, и отъ скрещенія ихъ съ чистокровными англійскими кобылами Сангушко выводилъ англо-арабовъ, принимавшихъ участіе въ скачкахъ, при чемъ съ 1851 г. онъ завелъ первыя скачки въ Волынской губерніи въ своемъ имѣніи Антонинахъ. Цѣня опытность князя Сангушко въ коннозаводствѣ, главноуправляющій Государственнымъ коннозаводствомъ Р. Е. Гринвальдъ въ 1864 г. предложилъ ему взять въ долголѣтнюю аренду Бѣловодскіе государственные конскіе заводы, но кн. Сангушко уклонился отъ этого предложенія «по своему преклонному возрасту».

Въ 1857 году Императоръ Александръ II возвратилъ Сангушкѣ княжеское достоинство.

Кн. Р. Е. умеръ въ Славутѣ 14/26 Марта 1881 г. и тамъ же похороненъ.

Дочь его, кн. Марія-Клементина, въ 1851 г. вышла замужъ за графа Альфреда Потоцкаго. Родовыя имѣнія Сангушковъ, еще за нѣсколько лѣтъ до смерти кн. Р. Е., были переданы его наслѣднику, племяннику кн. Роману Влад. Сангушкѣ (р. 17 Окт. 1839 г.), служившему въ лб.-гв. Конномъ полку и женатому на гр. Кар. Тунъ-Гогенштейнъ [1]).

А. Голомбіевскій.

---

[1]) Указъ объ отставкѣ, выд. въ 1847 г. изъ Моск. губ. Правленія; Арх. штаба Кавк. военн. округа, 99, 1833 г., № 34; 1834 г., № 145; 1835 г., №№ 2, 25, 103, ч. 1; 1836 г., №№ 85, 168; 1837 г., № 83; Иверсенъ, «Медали въ честь русск. госуд. дѣятелей»; Изв. И. Р. Археол. общест., X, 172; Dunin-Borkowski, «Genealogie zyjacych rodów polskich», 91—95; Долго-

Александръ Павловичъ Чоглоковъ, 1801—1873, изъ дворянъ Петербургской губ., принадлежалъ къ извѣстному роду Чоглоковыхъ, происходящему отъ выходца изъ Чехіи Чоглика Пруша при св. Александрѣ Невскомъ, и былъ сынъ одного изъ участниковъ Отечественной войны ген.-лейт. Павла Николаевича († 1832 г.), женатаго на гр. Апраксиной.

Чоглоковъ родился 24 Апрѣля 1801 г. и получилъ домашнее образованіе подъ руководствомъ гувернера швейцарца. 31 Января 1820 г. Чоглоковъ поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; 27 Іюня того же года произведенъ эст.-юнкеромъ, 24 Апрѣля 1821 г. корнетомъ, въ 1826 г. поручикомъ, въ 1829 г. шт.-ротмистромъ; въ 1830 г. назначенъ адъютантомъ къ командиру полка гр. Апраксину; въ 1832 году произведенъ ротмистромъ, съ оставленіемъ адъютантомъ; въ 1833 г. ему пожаловано 1200 рублей, въ 1835 г. брильянтовый перстень и орд. св. Станислава 2 ст., въ 1837 г. снова брильянт. перстень. 31 Мая 1835 г. Чоглоковъ былъ прикомандированъ къ Образцовому кавалер. полку и 21 Апрѣля произведенъ полковникомъ, съ переводомъ въ Орденскій (пр. Вильгельма Прусскаго) кирас. полкъ, но черезъ недѣлю (28 Апр.) былъ откомандированъ къ Кавалергардскому полку «для узнанія порядка службы», ибо Образцовымъ полкомъ командовалъ тогда подполковникъ.

Принималъ участіе въ Польской войнѣ 1831 г. и награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ.

12 Апрѣля 1840 г. Чоглоковъ былъ уволенъ въ отставку полковникомъ, съ мундиромъ. Въ 1842 г. онъ былъ избранъ Шлиссельбургскимъ предводителемъ дворянства, коимъ и служилъ 8 трехлѣтій безъ перерывовъ (по 1866 г.), при чемъ былъ награжденъ чинами: статск. совѣтника (въ 1848 г.) и дѣйств. ст. совѣтника (въ 1854 г.), и орденами: св. Анны 2 ст. (въ 1852 г.), св. Анны съ Имп. короной (въ 1857 г.), св. Станислава 1 ст. (въ 1860 г.) и св. Анны 1 ст. (въ 1863 г.). Кромѣ того, имѣлъ серебряную медаль въ память освобожденія крестьянъ и съ 1867 г. состоялъ почетнымъ гражданиномъ г. Шлиссельбурга. Реформы 60-хъ годовъ были ему не по душѣ, и онъ съ 1866 г. болѣе не баллотировался.

По семейному преданію, Чоглоковъ былъ «красивъ, строенъ, всегда веселъ и остроуменъ, у женщинъ имѣлъ большой успѣхъ, прекрасно ѣздилъ верхомъ, имѣлъ отличныхъ лошадей, верховыхъ и упряжныхъ, и прекрасные выѣзды, — былъ, однимъ словомъ, блестящимъ офицеромъ. Царскою фамиліей онъ былъ всегда отличаемъ, какъ прекрасный танцоръ, приглашаемъ на всѣ балы, какъ придворные, такъ и большого свѣта.

Шутки были въ модѣ въ 30-хъ годахъ, и Чоглоковъ продѣлывалъ ихъ не мало, но онѣ были всегда безобидныя. Онъ, напримѣръ, разъ по всей Старой Деревнѣ въ полной формѣ, при кирасѣ и каскѣ, проскакалъ на коровѣ, которая, конечно, отъ испуга пала, но хозяинъ былъ щедро за нее вознагражденъ. Въ другой разъ гдѣ-то на балу онъ продѣлалъ фарсъ съ строгой старухой Мятлевой, и та на него не разсердилась, а лишь потрепала за ухо. Лучшіе его друзья были: гр. Д. Н. Шереметевъ, братья Кожины, Бутурлины, Кологривовъ, а всѣхъ ближе А. А. Жерве. Чоглоковъ былъ участникомъ всѣхъ фарсовъ Вадковскаго, этого легендарнаго шалуна. Впослѣдствіи Чоглоковъ участвовалъ въ такъ называемыхъ «похоронахъ Р. Е. Гринвальда», когда нѣкоторые офицеры полка, недовольные имъ, наняли большой катеръ, поставили пустой гробъ, накрыли чернымъ покровомъ и поѣхали съ похоронным пѣніемъ по Невѣ, мимо Елагинскаго дворца. Конечно, это надѣлало большой переполохъ, и когда ихъ спросили, кого хоронятъ, они отвѣчали, что командира полка.

Чоглокову однажды удалось уберечь Государя Николая Павловича и Государыню Александру Ѳеодоровну отъ угрожавшей имъ опасности. Это было въ Петергофѣ въ Іюльскіе праздники, вечеромъ, на иллюминаціи. Въ качествѣ дежурнаго адъютанта гр. Апраксина, Чоглоковъ ѣхалъ впереди царской линейки; по какой-то оплошности или недосмотру лошади были не взнузданы; кучеръ это замѣтилъ и сказалъ Чоглокову, который, обернувшись, поставилъ свою лошадь поперекъ и обѣими руками схватилъ уже бѣсившихся лошадей за ноздри, пока не подоспѣли конюха и не взнуздали лошадей. За это онъ былъ удостоенъ отъ Государыни подаркомъ цѣннаго перстня.

Благоволеніе Высочайшаго семейства къ Чоглокову началось съ 14 Декабря 1825 г., когда онъ былъ во внутреннемъ караулѣ Зимняго дворца, но Государь не простилъ ему отказа принять армейскій полкъ; не простилъ ему этого и Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ.

Отъ 1-го брака съ рожденной гр. Ребиндеръ Чоглоковъ имѣлъ сына Александра и дочь

руковъ, Род. книги, I, 336, 342, III, 489; Вольфъ; «Rod Gedimina»; «Мемуары князя Сангушки», Ист. Вѣсти., 1898/VIII, 671—700, Фонъ-деръ-Ховенъ, Др. и Н. Россія, I, 223; «Упраздн. двухъ автономій», Ист. Вѣстн., 1885/I; «Изъ зап. знатн. дамы»; Р. Арх., 1882 г./I, 209; Свѣдѣнія, сообщенныя кн. Р. В. Сангушко и П. О. Пирлингомъ.

Лидію, оставшуюся въ дѣвицахъ. Отъ второго брака съ французской подданной Амаліей Петровной Бурде имѣлъ двухъ сыновей—Льва и Павла.

Имѣлъ 1320 душъ въ Шлиссельбургскомъ, 297 д. въ Вологодскомъ и 221 д. въ Путивльскомъ уѣздахъ.

Подъ старость онъ отчасти разстроилъ свои дѣла, но все-таки оставилъ дѣтямъ милліонное состояніе. Хозяйство въ имѣніи С.-Петербургской губерніи велось смѣшанное: запашка барская небольшая; земли же остальныя, кромѣ лѣсовъ, на оброкѣ у крестьянъ. Въ Лифляндской губ. имѣніе Шлоссъ-Феллинъ сдавалось въ аренду бар. Гельмерсенъ.

При освобожденіи крестьянъ Чоглоковъ надѣлилъ своихъ крѣпостныхъ полными надѣлами, съ надбавкой отъ одной до двухъ десятинъ на душу, построилъ церковь, школы, больницы; подарилъ имъ, кромѣ того, амбары и хлѣбные запасы. По кончинѣ его вся Колтушская волость Шлиссельбургскаго уѣзда, около 3000 душъ, пришла въ Петербургъ за 20 и 30 верстъ, чтобъ унести на своихъ плечахъ покойнаго благодѣтеля до Колтушъ, т.-е. до мѣста погребенія. (Этотъ фактъ глубоко тронулъ Государя Александра Николаевича.)

Въ послѣдніе годы Чоглоковъ любилъ окружать себя даровитыми артистами всѣхъ родовъ искусства, но въ особенности принималъ съ удовольствіемъ знаменитыхъ итальянскихъ пѣвцовъ и французскую труппу Михайловскаго театра. Въ Колтушахъ держалъ театръ и циркъ, былъ большой гастрономъ, давалъ обѣды не болѣе какъ на 12 персонъ, держалъ французскихъ поваровъ, нерѣдко поступавшихъ отъ него къ Высочайшему двору. Вина не пилъ и не любилъ, чтобъ у него много пили, но къ столу, однако, всегда подавались лучшія вина. Вообще, жилъ роскошно и элегантно. Въ теченіе болѣе десяти лѣтъ имѣлъ счастье принимать на охотахъ въ имѣніи Колтуши Государя Александра Николаевича. Отъ придворныхъ званій всегда отказывался, считая болѣе лестнымъ быть осчастливленнымъ посѣщеніемъ Царя въ качествѣ простого смертнаго; но когда сынъ его Александръ, совершенно еще молодымъ человѣкомъ, былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ, то былъ польщенъ.

По выходѣ въ отставку, бывъ уже предводителемъ дворянства, Чоглоковъ часто ѣздилъ за границу, бывалъ на балахъ и пріемахъ у Наполеона III, путешествовалъ всегда съ пользою, сохраняя все видѣнное въ памяти и передавая весьма интересно свои впечатлѣнія. Въ Парижѣ часто встрѣчался съ бывшимъ своимъ товарищемъ по полку Дантесомъ, уже сенаторомъ, барономъ Гекерномъ».

Умеръ 20 Января 1873 г. и погребенъ въ фамильномъ склепѣ подъ церковью въ с. Колтуши, въ 18 верстахъ отъ Петербурга за Охтою [1]).

Графъ Аристъ (Эрнстъ-Готгардъ) **Андреевичъ Мантейфель 2-й,** 1801 — 1880, братъ гр. Григорія Андреевича, родился 21 Февраля 1801 г.; въ 1819 г. поступилъ юнкеромъ въ Конную гвардію; въ томъ же году эст.-юнкеромъ; переведенъ 16 Іюля 1820 г. въ Кавалергардскій полкъ; 1 Января 1822 г. произведенъ корнетомъ, въ 1826 г. поручикомъ и въ Ноябрѣ того же года назначенъ адъютантомъ на Кавказъ къ г.-л. Эмануэлю, откуда, по разстроенному здоровью, отчисленъ осенью 1827 г. во фронтъ полка, а 31 Декабря 1827 г. уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ штабсъ-ротмистромъ. Былъ вотчинникомъ имѣній Теллергофа, Ганенгофа, Егеля и Куддинга, а послѣ смерти брата Григорія—и Талькгофа. Умеръ въ Ментонѣ 20 Марта 1880 года [2]).

Константинъ Ивановичъ Коростовцевъ, 1800—, изъ дворянъ Екатеринославской губ.; сынъ статскаго совѣтника Ивана Васильевича, 4 Января 1820 г. поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; въ 1820 г. произведенъ въ эст.-юнкеры, 1 Января 1822 г. въ корнеты; 18 Мая 1824 г. переведенъ въ поселенные и резервные эскадроны Псковскаго кирас. полка поручикомъ; въ 1825 г. произведенъ въ шт.-ротмистры, а въ 1830 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью. У матери Коростовцева было 250 душъ въ Павлоградскомъ у. Екатеринославской губ. Былъ женатъ на дочери подполковника Маріи Двольгубской (Двигубской ?) [3]).

Алексѣй Петровичъ Бутурлинъ 1-й (4-й), 1802—1863, братъ Михаила Петровича, родился 13 Января 1802 г. и былъ 3-мъ сыномъ въ семьѣ. Родители его, давъ сыну хорошее домашнее образованіе, помѣстили его на службу въ л.-гв. Егерскій полкъ 25 Ноября 1819 г. По собственному желанію, молодой Бутурлинъ былъ переведенъ 8 Октября 1820 г. въ

---

[1]) Полк. архивъ; Арх. Петерб. двор. собранія, Форм. сп. 1868 г.; Свѣдѣнія, сообщ. А. А. Чоглоковымъ.

[2]) Полк. архивъ.

[3]) Леф. арх., Форм. сп. 1829 г., кн. 9886.

Кавалергардскій полкъ эст.-юнкеромъ; 11 Февраля 1821 г. произведенъ въ корнеты и затѣмъ назначенъ 9 Сентября 1823 г. полковымъ адъютантомъ.

Событіе 14 Декабря застало Бутурлина въ рядахъ Кавалергардскаго полка, одного изъ первыхъ прибывшаго для подавленія возмущенія. 1 Января 1826 г. онъ получилъ орденъ св. Анны 3 ст., а 19 Марта произведенъ въ поручики. 5 Сентября 1829 г. назначенъ флигель-адъютантомъ, съ зачисленіемъ въ свиту. Однимъ изъ первыхъ порученій, выпавшихъ на его долю, была посылка въ Адріанополь, гдѣ находилась тогда Главная квартира нашей арміи, побѣдоносно окончившей войну 1828—29 гг. Бутурлинъ везъ собственноручное письмо Государя графу Дибичу вмѣстѣ съ фельдмаршальскимъ жезломъ. Изъ Главной квартиры, по порученію главнокомандующаго, онъ отправился въ Константинополь съ депешами къ министрамъ прусскому и датскому и имѣлъ возможность лично ознакомиться съ настроеніемъ умовъ въ Турецкой столицѣ по случаю заключенія Адріанопольскаго мира. — «Полагая, что Вашему Величеству пріятно имѣть извѣстія изъ Константинополя», писалъ Государю Дибичъ, «я воспользовался отправкою нѣкоторыхъ бумагъ, чтобы послать туда адъютанта Бутурлина; онъ прибылъ какъ разъ во-время и присутствовалъ на балу, который былъ данъ сэромъ Гордономъ по случаю заключенія мира. Всѣ подробности, имъ сообщенныя, весьма интересны, равно какъ и разсказы о всеобщемъ удивленіи великодушію Вашего Величества, высказываемомъ и турками, и иностранцами, и всѣми партіями» [1]). По окончаніи войны, Бутурлинъ былъ произведенъ въ шт.-ротмистры; въ слѣдующемъ 1830 г. онъ былъ командированъ въ распоряженіе ген.-лейт., сенатора гр. Гурьева для содѣйствія при исполненіи особаго порученія въ г. Архангельскѣ. Возвратясь изъ командировки, Бутурлинъ получилъ новое назначеніе состоять при Цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ. Во время вспыхнувшаго въ 1830 г. польскаго мятежа, Бутурлинъ поступилъ въ распоряженіе гр. Паскевича и находился при немъ съ 3 Августа до окончанія кампаніи. Попавъ въ плѣнъ, изъ котораго освободился бѣгствомъ, Бутурлинъ явился къ нашимъ войскамъ недалеко отъ Варшавы, въ штурмѣ которой затѣмъ участвовалъ, и получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст.

Будучи въ томъ же году произведенъ въ ротмистры, Бутурлинъ съ 10 Августа 1832 г. по 5 Ноября 1834 г., когда онъ былъ возвращенъ во фронтъ Кавалергардскаго полка, исполнилъ успѣшно цѣлый рядъ Высочайше возложенныхъ на него порученій. Такъ, въ 1832 г. онъ былъ въ командировкѣ въ Курской губ., въ 1833 г. въ Новосильевскомъ уѣздѣ Тульской губ.; въ томъ же году ему было поручено внезапное освидѣтельствованіе Московскаго военнаго госпиталя, а въ Октябрѣ онъ имѣлъ наблюденіе за рекрутскимъ наборомъ въ губерніяхъ Московской, Тульской и Калужской и производилъ выборку людей въ гвардію. 6 Декабря 1833 г. онъ получилъ орденъ св. Станислава 3 ст., а 2 Марта 1837 г. былъ окончательно отчисленъ отъ фронта въ свиту и 25 Іюня произведенъ въ полковники.

Въ Іюлѣ 1839 г. онъ былъ при сборѣ войскъ въ Высочайшемъ присутствіи при с. Бородинѣ по случаю открытія памятника Отечественной войны, а въ Августѣ того же года получилъ командировку въ Пензу для изслѣдованія причинъ бывшаго тамъ пожара. Тѣ же вспыхивавшіе въ разныхъ мѣстахъ пожары, которые народная молва приписывала поджигателямъ, вызвала его командировку 22 Сентября въ Николаевскій уѣздъ (тогда Саратовской губ.) для арестованія подозрительныхъ лицъ. Едва окончивъ это порученіе, Бутурлинъ въ Октябрѣ долженъ былъ отправиться въ Екатеринославскую губ. для наблюденія за наборомъ рекрутъ и за управленіемъ Государственными имуществами. Въ 1837 г. онъ былъ награжденъ брильянтовымъ перстнемъ и орденомъ св. Анны 2 ст. — 1840 г. былъ также ознаменованъ въ жизни Бутурлина многочисленными и разнообразными порученіями. Едва прибывъ изъ Смоленской губ., куда былъ командированъ по случаю бывшаго тамъ неурожая, онъ былъ назначенъ присутствовать на Высочайшихъ смотрахъ въ гг. Ковно и Варшавѣ. Прямо изъ Варшавы, по данному устно порученію Государя, Бутурлинъ отправился вмѣстѣ съ другимъ фл.-адъютантомъ, кн. Уру-

[1]) Р. Старина, 1883, II, 399 и 400.

совымъ, въ Лифляндію, гдѣ происходило въ это время среди крестьянъ-латышей сильное движеніе, направленное противъ мѣстныхъ помѣщиковъ-нѣмцевъ. Будучи лично свободными, латыши, не имѣя своей земли, экономически находились совершенно въ распоряженіи своихъ бывшихъ господъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась, кромѣ того, вся административная и судебная власть. Среди крестьянъ сталъ распространяться слухъ о переселеніи и надѣленіи землей тѣхъ изъ нихъ, которые примутъ православіе. Дѣло дошло до открытаго столкновенія крестьянъ съ властями. Для разслѣдованія истинныхъ причинъ этого движенія и были посланы упомянутые флигель-адъютанты, на обязанности которыхъ лежало, сверхъ того, раскрытіе взглядовъ и намѣреній мѣстной администраціи и обнаруженіе агитаторовъ, распространявшихъ слухи о переселеніи и надѣленіи землей. Прибывъ въ Ригу, Бутурлинъ и Урусовъ въ Губернскомъ правленіи объявили собраннымъ изъ 14 помѣстьевъ, въ числѣ 47 человѣкъ, крестьянамъ и отставнымъ нижнимъ чинамъ, что «отнюдь не есть воля Государя Императора переселять лифляндскихъ крестьянъ въ другія губерніи, или дать имъ земли въ Лифляндіи, отнявъ ихъ у помѣщиковъ; что ложный слухъ объ этомъ вымышленъ злонамѣренными людьми, коихъ должно задерживать; что если кто изъ крестьянъ отъ истиннаго внутренняго убѣжденія, а не по причинѣ земныхъ выгодъ, намѣренъ присоединиться къ православію, то онъ, Государь, не можетъ и не хочетъ имъ возбранять, но что они, крестьяне, вслѣдствіе присоединенія къ православію, не уповали бы ни на какія-либо земныя выгоды, ни на переселеніе, ни на отведеніе въ собственность земель и т. п., а чтобы оставались попрежнему покойными» [1]).

Результатомъ командировокъ у обоихъ флигель-адъютантовъ явилось убѣжденіе, что религіозное движеніе среди латышей вызвано исключительно экономическими причинами. По окончаніи этой командировки Бутурлину была объявлена «за отличное и благоразумное исполненіе возложеннаго на него порученія» въ Октябрѣ особенная Е. И. Вел. благодарность. Раньше, въ Сентябрѣ, онъ получилъ Прусскій орденъ Краснаго Орла 3 ст.

Затѣмъ Бутурлинъ выполнилъ еще цѣлый рядъ командировокъ. Въ Октябрѣ 1841 г. онъ былъ въ Калужской губ. для наблюденія за наборомъ рекрутъ. Въ слѣдующемъ году съ тѣмъ же порученіемъ онъ былъ въ Курской губерніи. Въ Сентябрѣ этого же года онъ былъ командированъ въ Казань по случаю бывшаго тамъ пожара. Въ слѣдующемъ 1843 г. у него было двѣ командировки: въ посадъ Сольцы Псковской губерніи — для выясненія причинъ бывшаго тамъ пожара и въ Калужскую губ. — для наблюденія за наборомъ рекрутъ. Въ 1844 г. онъ былъ командированъ въ Борисоглѣбскій уѣздъ Тамбовской губ. по случаю возмущенія государственныхъ крестьянъ, и за отличное исполненіе этой командировки ему было объявлено 7 Іюля 1844 г. Монаршее благоволеніе. Въ этомъ же году ему Всемилостивѣйше были пожалованы золотые пріиски въ Восточной Сибири. Въ 1846 г. Бутурлинъ получилъ орденъ св. Георгія за 25 лѣтъ службы, а 1 Іюля 1846 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества, и назначенъ военнымъ и гражданскимъ губернаторомъ въ Ярославль, при чемъ ему было пожаловано прибавочное содержаніе по 2 т. руб. въ годъ, и скоро удалось заслужить Высочайшую благодарность за усмиреніе крестьянъ помѣщика Томашевскаго.

Къ исправленію этихъ важныхъ и отвѣтственныхъ должностей Бутурлинъ приступилъ безъ особой подготовки. Неудивительно поэтому, что въ самомъ началѣ губернаторской дѣятельности онъ подпалъ подъ вліяніе окружающихъ лицъ, лучше его знакомыхъ съ губернскимъ дѣлопроизводствомъ. Завѣдываніе всѣми дѣлами сосредоточилось въ рукахъ правителя губернаторской канцеляріи, типичнаго дѣльца старыхъ временъ, державшаго въ рукахъ и обиравшаго всю губернію и умѣло задерживавшаго всѣ приносимыя на него жалобы. Многочисленныя злоупотребленія, производившіяся этимъ правителемъ канцеляріи, долгое время оставались безнаказанными и вскрылись только тогда, когда вице-губернаторъ В. Н. Муравьевъ довелъ о нихъ до свѣдѣнія министра Внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, и была назначена особая слѣдственная комиссія, съ гр. Стенбокомъ во главѣ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на вышеприведенные неудачные шаги, которыми было отмѣчено начало губернаторской дѣятельности Бутурлина, видно, что онъ прилагалъ всѣ усилія къ наилучшему исполненію своихъ обязанностей. Въ 1848 г. ему пожалованъ орденъ св. Владиміра 3 ст., въ 1850 г. св. Станислава 1 ст. и въ 1854 г. св. Анны 1 ст.

Оставшись при новомъ Императорѣ на старомъ мѣстѣ, Бутурлинъ 25 Августа 1856 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ оставленіемъ въ занимаемой должности и съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи. Кромѣ наградъ чинами и орденами, Бутурлинъ получалъ и денежныя: въ Ноябрѣ 1856 г. ему было назначено прибавочнаго содержанія по

[1]) Соч. Ю. Ѳ. Самарина, VIII, 577.

512 р. 88 к. въ годъ, а въ Маѣ слѣдующаго года было еще прибавлено по 1000 р. въ годъ.

Получивъ орденъ св. Владиміра 2 ст. съ мечами и удостоившись неоднократно Монаршаго благоволенія, Бутурлинъ 1 Января 1861 г. былъ назначенъ сенаторомъ. А. П. Бутурлинъ умеръ 25 Января 1863 г.; могила его находится въ С.-Петербургѣ, въ Феодоровской церкви Александро-Невской лавры [1]). Онъ былъ женатъ (съ Ноября 1835 г.) на фрейлинѣ гр. Ольгѣ Павловнѣ Сухтеленъ; отъ этого брака у него было двѣ дочери: Александра, вышедшая замужъ за Попова, и Марія—за Найденова.

А. П. Бутурлинъ былъ владѣльцемъ большого родового имѣнія «Маріинка», Бронницкаго уѣзда Московской губерніи; въ этомъ имѣніи находился конскій заводъ.

Н. Совѣтовъ.

Павелъ Николаевичъ Демидовъ 1-й, 1798—1840, сынъ тайнаго совѣтника Николая Никитича (1773—1828) отъ брака его съ баронессою Елизаветою Александровной Строгановой († 1818), родился 6 Августа 1798 г. Будучи 14 лѣтъ отъ роду, 1 Августа 1812 г. поступилъ юнкеромъ въ Егерскій полкъ Московскаго ополченія и 26 Августа, за Бородино, произведенъ въ прапорщики и переведенъ въ Перновскій грен. полкъ. 1 Сентября 1814 г. Демидовъ назначенъ въ Свиту Е. В. по квартермистерской части; 5 Апрѣля 1815 г. командированъ въ главную квартиру и находился на смотру при Вертю, а затѣмъ поступилъ въ оккупаціонный корпусъ гр. Воронцова; въ 1817 г. произведенъ въ подпоручики, 23 Марта 1818 г. поручикомъ въ Тверской драг. полкъ; 19 Мая 1819 г. переведенъ въ Елисаветградскій гус. полкъ и въ 1819 г. произведенъ въ шт.-ротмистры; 28 Февраля 1820 г. назначенъ адъютантомъ къ Московскому генералъ-губернатору кн. Д. В. Голицыну, съ переводомъ въ л.-гв. Конно-Егерскій полкъ; 11 Января 1822 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, съ оставленіемъ адъютантомъ; 25 Іюня 1826 г. произведенъ въ ротмистры, а 27 Декабря того же года уволенъ для опредѣленія по статскимъ дѣламъ, съ переименованіемъ въ коллежскіе совѣтники.

Демидовъ ознаменовалъ свою жизнь такими щедрыми пожертвованіями, какихъ немного встрѣчается въ лѣтописяхъ русскаго благотворенія. Вотъ списокъ важнѣйшихъ его пожертвованій: на 100/тыс. рублей военныхъ снарядовъ изъ собственныхъ его заводовъ во время Турецкой войны 1829 года; 2) 625/тыс. рублей въ пользу вдовъ и сиротъ забалканскихъ воиновъ; 3) 50/тыс. руб. въ пользу семействъ, пострадавшихъ отъ холеры въ 1831 г. въ Москвѣ; 4) имѣніе «Студенецъ» Московской губ. въ пользу богоугодныхъ заведеній; 5) 75/тыс. рублей въ пользу Патріотическаго института въ 1834 г.

16 Марта 1831 г. Демидовъ былъ назначенъ Курскимъ губернаторомъ, съ производствомъ въ статскіе совѣтники, а вскорѣ затѣмъ (2 Октября) произведенъ въ дѣйств. ст. совѣтники. Онъ пробылъ губернаторомъ 3 года (до 2 Апрѣля 1834 г.), когда, по «разстроенному здоровью», причисленъ къ министерству Внутреннихъ дѣлъ и пожалованъ (28 Апрѣля) въ должность егермейстера [1]). О дѣятельности его, какъ губернатора, имѣется такой отзывъ современниковъ: «Демидовъ не былъ дѣловымъ губернаторомъ, но, какъ человѣкъ очень богатый, жилъ въ Курскѣ роскошно и давалъ безконечные балы и обѣды» [2]), а, по словамъ Кристина, онъ платилъ отъ себя большія деньги курскимъ чиновникамъ, чтобы они не брали взятокъ [3]).

Въ 1831 г., во время холеры, въ Курской губерніи у помѣщиковъ Луниныхъ умерла дворовая дѣвка отъ смертельныхъ побоевъ, нанесенныхъ ей господами; уѣздный врачъ, получивъ взятку, выдалъ свидѣтельство, что дѣвка умерла отъ холеры. Возникло дѣло, которое хотѣли замять, но не удалось. Рѣ-

---

[1]) Полк. архивъ; Р. Стар., 1883/II, 399 и 400; Самаринъ, VIII, 577; Саитовъ, «Петерб. Некрополь», 22.

[1]) Демидовъ, кромѣ наслѣдственнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, былъ награжденъ русскими орденами и получилъ иностранные: 1) Тосканскій св. Іосифа (20 Февраля 1829 г.), 2) св. Владиміра 3 ст. (24 Ноября 1830 г.), 3) Прусскій Краснаго Орла 2 ст. (21 Февраля 1831 г.), 4) св. Станислава 1 ст. (6 Декабря 1833 г.).

[2]) Р. Архивъ, 1885/VI, 303.

[3]) Тамъ же, 1884/III, Прилож., стр. 156.

шеніемъ Сената врачъ былъ исключенъ изъ службы. Тогда Льговское дворянство обратилось къ Курскому губернскому предводителю съ письмомъ, покрытымъ многочисленными подписями, прося его ходатайства о помилованіи врача, выставляя его личныя достоинства и заслуги передъ дворянствомъ. Губернскій предводитель немедленно написалъ отношеніе губернатору, изложивъ желаніе Льговскаго дворянства, и, съ своей стороны, далъ лестный отзывъ о службѣ врача.

П. Н. Демидовъ, 13 Сентября 1831 г., «почтилъ» губернскаго предводителя такимъ увѣдомленіемъ: «При всемъ моемъ желаніи дѣлать все пріятное для дворянства здѣшней губерніи, я, къ сожалѣнію, не нахожу возможнымъ предпринять ходатайства о бывшемъ Льговскомъ уѣздномъ медикѣ Лейдловѣ, ибо произведенное имъ свидѣтельство мертвому тѣлу крестьянской дѣвки Жмыревой, давшее случай сокрыть настоящую причину смерти ея, отъ побоевъ происшедшую, есть такое преступленіе, которое отнюдь не можетъ быть оправдываемо никакими другими хорошими качествами» [1]).

Демидовъ былъ женатъ на извѣстной въ свое время красавицѣ Аврорѣ Карловнѣ Шернваль. А. К., женщина рѣдкихъ добродѣтелей, была раньше невѣстой Александра Алексѣевича Муханова, скончавшагося за нѣсколько дней до бракосочетанія [2]).

Демидовъ въ теченіе 9-и лѣтъ вносилъ въ день рожденія Государя Императора Александра Николаевича (17 Апрѣля) по 20/т. р. въ Академію Наукъ на награды за лучшія по разнымъ частямъ сочиненія въ Россіи и по 5000 р. на изданіе увѣнчанныхъ Академіей рукописныхъ твореній; они получили названіе Демидовскихъ премій. Такимъ образомъ П. Н. Демидовымъ было внесено 225/т. р. Онъ же учредилъ въ Петербургѣ дѣтскую больницу, на которую, вмѣстѣ съ братомъ, внесъ особый капиталъ; нынѣ это Николаевская дѣтская больница.

П. Н. Демидовъ владѣлъ совмѣстно съ братомъ большимъ состояніемъ, оставшимся ему отъ отца, имѣлъ на Уралѣ около 1.000.000 десятинъ, съ 15.000 душами, съ желѣзными и мѣдными заводами (Нижне-Тагильскій Горный Округъ), и нѣсколько домовъ «въ разныхъ губерніяхъ».

Гоголь избѣгалъ знакомствъ съ «аристократами», въ томъ числѣ и съ Демидовымъ, но когда ему «удалось», какъ онъ самъ пишетъ въ письмѣ къ Демидову: «Услышать лично изъ устъ вашихъ (Демидова) просвѣщенный образъ вашихъ сужденій — и глубокое знаніе Россіи, рѣдкое въ государственномъ человѣкѣ, и вашъ твердый, вѣрный взглядъ на вещи, неужели я буду такъ глупъ и ими не воспользуюсь? Нѣтъ, во что бы ни стало, я долженъ васъ видѣть». Однако, послѣ свиданія Гоголь писалъ А. С. Данилевскому: «Видѣлся, наконецъ, съ Демидовымъ, но лучше бы не дѣлалъ этого. Чудакъ страшный» [1]).

П. Демидовъ.

Дмитрій Александровичъ Балашевъ, 1800—, сынъ министра Полиціи Александра Дмитріевича (1770—1837) отъ 1-го брака его съ Натальей Антипатровной Коновницыной; произведенъ изъ камеръ-пажей 9 Іюня 1819 г. прапорщикомъ въ Гвард. Генеральный штабъ; 5 Марта 1822 года переведенъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ и 11 Сентября того же года поручикомъ; 4 Янв. 1823 г. назначенъ адъютантомъ къ генералу Довре; 1 Мая уволенъ въ отпускъ за границу на 1 годъ; въ 1827 г. произведенъ шт.-ротмистромъ, а 3 Февраля 1828 г. уволенъ въ отставку за болѣзнью. Генералъ Довре въ 1825 г. аттестовалъ поведеніе Балашева по службѣ «старательнымъ», по хозяйству «бережливымъ», способности его ума «хорошими», а въ графѣ «не преданъ ли пьянству или игрѣ», написалъ: «ненавидитъ». 19 Іюля 1834 г. Балашевъ вновь поступилъ на службу майоромъ въ Александрійскій гус. полкъ, но 2 Марта 1835 г. уволенъ въ отставку, за болѣзнью, подполковникомъ [2]).

Павелъ Матвѣевичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Толстой, 1800 — 1883, сынъ тайнаго совѣтника, сенатора и камергера Матвѣя Федоровича Толстого (1772—1815) и его жены, старшей дочери князя М. Л. Кутузова-Смоленскаго, Прасковіи Михайловны (1777 — 1844), родился 10 Ноября 1800 г. и былъ третьимъ сыномъ въ многочисленной семьѣ, состоявшей изъ 8 братьевъ и 2 сестеръ. Толстые пользовались расположеніемъ Императора

---

1) Ист. Вѣстникъ, 1886/XII, 658.

2) Зап. Смирновой, см. Воспоминанія у В. А. Сологуба, Ист. Вѣстникъ, 1886/IV, 90 и 91. Овдовѣвъ въ 1840 г., А. К. вышла вторично замужъ за А. Н. Карамзина (сынъ историка, р. 1814 г., убитъ подъ Калафатомъ въ 1854 г.). Она дожила до глубокой старости, была статсъ-дамой и скончалась въ 1902 г. въ Гельсингфорсѣ.

1) Р. Стар., 1888/III; Кулишъ, «Сочиненія и письма Гоголя», V, 370 и 430.

2) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1834 г., кн. 874; Руммель и Голубцовъ, I, 106.

Павла I, благодаря чему, сынъ Павелъ сдѣлался крестникомъ Государя, который, при крещеніи пожаловалъ его командоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Толстой получилъ воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ и 18 лѣтъ, 2 Мая 1818 г., изъ пажей выпущенъ прапорщикомъ въ С.-Петербургскій гренадерскій полкъ, изъ котораго въ томъ же году, 25 Августа, переведенъ въ Преображенскій и 1 Мая 1820 г. назначенъ баталіоннымъ адъютантомъ. Въ слѣдующемъ году, 21 Августа 1821 года, назначенъ адъютантомъ къ начальнику штаба Гвардейскаго корпуса А. Х. Бенкендорфу. Въ этой должности Толстой оставался нѣсколько лѣтъ и послѣ назначенія Бенкендорфа сначала, въ Декабрѣ 1821 г., начальникомъ 1-й Кирасирской дивизіи, а затѣмъ, въ 1826 году, шефомъ жандармовъ и командующимъ Имп. Главною квартирою. Состоя адъютантомъ при Бенкендорфѣ, Толстой 25 Іюня 1822 г. былъ переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; 14 Декабря 1825 г. находился на площади при особѣ Государя и въ числѣ прочихъ получилъ Высочайшую признательность; 15 Августа 1826 года «за ревностную службу, оказанную послѣ наводненія, бывшаго въ 1824 г.», награжденъ орд. св. Анны 3-й степ., 17 Сентября того же года получилъ орд. св. Владиміра 4-й ст., а 28 Января 1827 г. произведенъ въ шт.-ротмистры. При учрежденіи корпуса жандармовъ Толстому было предложено Бенкендорфомъ перейти на службу въ жандармы, что было будто бы сдѣлано имъ по желанію самого Государя. Такъ разсказываетъ объ этомъ самъ П. М. Толстой въ своихъ «памятныхъ замѣткахъ». «Вскорѣ послѣ драмы 14 Декабря», пишетъ онъ, «прихожу я къ Бенкендорфу съ докладомъ, какъ старшій адъютантъ дивизіи. Первыя его слова были: «Здравствуйте, господинъ жандармскій офицеръ!» Я не могъ этого принять иначе, какъ въ шутку, т. к. еще не зналъ о назначеніи его шефомъ жандармовъ, и когда я, удивленный, сказалъ, что на мнѣ кавалергардскій мундиръ, а не жандармскій, который виденъ всегда при разъѣздахъ публики, онъ мнѣ сказалъ: «Я самъ буду носить этотъ мундиръ и хочу, чтобы и вы носили его». Я ему отвѣчалъ: «Ваша служба уже извѣстна всей Россіи, и вы можете возстановить и облагородить этотъ мундиръ въ глазахъ націи, мнѣ же, въ моихъ лѣтахъ и въ моемъ чинѣ, невозможно начинать военной карьеры жандармомъ». — «Итакъ, мы разстаемся», сказалъ Бенкендорфъ. Конечно, точность этого разсказа, имѣющаго въ самомъ себѣ нѣкоторыя слабыя для критики стороны, остается на отвѣтственности автора, но достовѣрно то, что и по назначеніи Бенкендорфа шефомъ Толстой оставался у него адъютантомъ. Такъ говоритъ и самъ Толстой: «На другой день я привезъ ему прошеніе объ увольненіи меня отъ должности адъютанта при немъ и о поступленіи въ полкъ, но Бенкендорфъ сказалъ мнѣ, что я могу оставить это прошеніе при себѣ, и что я остаюсь при немъ въ прежней должности». Отказавшись поступить въ жандармскій корпусъ, Толстой, тѣмъ не менѣе, видѣлъ въ немъ учрежденіе, имѣвшее благія цѣли, «важныя и благородныя», почему «лучшія фамиліи и приближенныя лица къ Государю и должны были стоять во главѣ этого учрежденія», имѣвшаго, между прочимъ, кромѣ общаго наблюденія за администраціей, задачи «ограждать государство отъ вредныхъ вліяній, подрывавшихъ внутреннюю политику Россіи», которая «въ то время была полна духомъ возмутительныхъ идей».

Во время Турецкой войны 1828 г. Толстой состоялъ при Главной квартирѣ арміи и участвовалъ въ сраженіи при Сатуновѣ (27 Мая), при взятіи кр. Исакчи (30 Мая) и при осадахъ Шумлы и Варны, а затѣмъ сопровождалъ Государя до Одессы. Отсюда, въ Сентябрѣ, Толстой опять вернулся въ дѣйствующую армію, гдѣ состоялъ при гр. Дибичѣ и награжденъ орд. св. Анны 2-й ст. и бантомъ къ орд. св. Владиміра 4-й степ., а 6 Декабря 1829 г. произведенъ въ ротмистры. 21 Января 1830 г. онъ поступилъ во фронтъ. Въ 1831 г. Толстой участвовалъ съ полкомъ въ Польскомъ походѣ и награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. съ Импер. короной. 6 Января 1832 г. пожалованъ флигель-адъютантомъ, съ оставленіемъ во фронтѣ полка, а 15 Октября 1836 г. произведенъ въ полковники. Въ Ноябрѣ 1834 г. сопровождалъ Государя въ Берлинъ и получилъ Прусскій орденъ Крас-

наго орла 3 ст. 11 Декабря 1841 г. Толстой уволенъ отъ службы, за болѣзнью, съ чиномъ дѣйств. статск. совѣтника. 7 Мая 1859 г. П. М. Толстому Высочайше разрѣшено присоединить къ родовой фамиліи—фамилію матери — Голенищевъ-Кутузовъ.

П. М. Толстой умеръ 28 Февраля 1883 г. Онъ былъ женатъ 2 раза, первымъ бракомъ на Надеждѣ Сергѣевнѣ Хитрово (р. 1800, † 24 Декабря 1831) и во второй разъ на Маріи Константиновнѣ Бенкендорфъ. Отъ второго брака онъ имѣлъ сыновей Павла (род. 1843 г., егермейстеръ) и Константина (1843 — 1848).

За Толстымъ состояло въ Московской губерніи 1100 душъ и 2 дома въ Петербургѣ и за женой въ Минской губ. 1140 душъ [1]).

Сергѣй Петровичъ Бутурлинъ 2-й, 1803—1873, младшій братъ Михаила Петровича, родился 1 Марта 1803 года. Получивъ хорошее домашнее образованіе, онъ 27 Марта 1820 г. началъ службу въ Кавалергардскомъ полку юнкеромъ; 11 Сентября 1822 г., 18-и лѣтъ, произведенъ въ корнеты. Традиціонно передававшіеся въ семьѣ Бутурлиныхъ строго консервативные идеалы, въ которыхъ былъ воспитанъ Бутурлинъ, помогли молодому офицеру устоять противъ политической агитаціи, которая происходила въ то время въ гвардейскихъ полкахъ. Наканунѣ 14 Декабря Бутурлинъ былъ въ караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Смѣнившись и приведя караулъ въ казармы, онъ, не успѣвъ переодѣться, въ той же самой формѣ отправился на мѣсто мятежа. По семейнымъ преданіямъ, гр. Бенкендорфъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого событія сообщилъ Бутурлину результатъ допроса нѣкоторыхъ изъ арестованныхъ лицъ, сознавшихся, что ихъ агитація не имѣла успѣха въ Кавалергардскомъ полку главнымъ образомъ вслѣдствіе непоколебимой твердости консервативно-монархическихъ принциповъ С. П. и его брата Алексѣя Петровича, имѣвшихъ вліяніе на товарищей [1]). Въ 1826 г. Бутурлинъ прибылъ въ Москву и находился въ числѣ офицеровъ, стоявшихъ у трона во время коронованія Императора Николая I.

Награжденный орденомъ св. Анны 4 ст. и произведенный въ Мартѣ 1826 г. въ поручики, Бутурлинъ былъ назначенъ въ адъютанты къ Н. И. Де-Прерадовичу. Въ Турецкую войну 1828 — 29 гг. онъ находился при войскахъ гвардейскаго корпуса, слѣдовавшихъ изъ Петербурга до м. Тульчина. 12 Іюля 1828 г. былъ отправленъ съ донесеніями къ фельдмаршалу гр. Витгенштейну подъ Шумлу, гдѣ оставался въ распоряженіи главнокомандующаго до 2 Августа — дня отправленія обратно къ гвардейскому корпусу, который онъ засталъ въ г. Бабадагѣ. Затѣмъ Бутурлинъ былъ посланъ къ Варненскому пашѣ для переговоровъ и оставался все время при осадѣ Варны до ея сдачи въ распоряженіи начальника штаба осаднаго отряда ген.-ад. Шеншина. 7 Октября гвардейскій корпусъ, при которомъ находился Бутурлинъ, былъ отправленъ въ Россію и, переправясь черезъ Дунай, расположился на кантониръ-квартирахъ въ м. Тульчинѣ. По окончаніи этой войны, Бутурлинъ былъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры и за отличіе при осадѣ Варны награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ [2]).

Болѣзнь, требовавшая заграничнаго лѣченія, вынудила Бутурлина выйти въ отставку 1 Октября 1830 года, но уже въ 1831 г., въ польскій мятежъ, онъ снова былъ зачисленъ въ Кавалергардскій полкъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ Дибичу, и участвовалъ въ стычкѣ съ мятежниками подъ Куорлевымъ и въ пораженіи непріятеля при м. Ендржеевѣ. Послѣ смерти Дибича, Бутурлинъ занялъ ту же должность при Паскевичѣ, въ свитѣ котораго окончилъ всю кампанію. Онъ участвовалъ въ сраженіи при Остроленкѣ и въ двухдневномъ штурмѣ Варшавы, получивъ за послѣдній орденъ св. Анны 2 ст. Когда, наконецъ, сопротивленіе поляковъ было сломлено, Бутурлинъ вмѣстѣ съ флигель-адъютантомъ кн. А. А. Суворовымъ

---

1) Леф. арх., д. Инсп. департ., 1 отд., 1836 г., св. 1064, № 1757; Р. Арх. 1866 г., 462; 1883/I, 221 и 222; Р. Стар. 1872/II, 347; Руммель и Голубцовъ, II, 517, 521 и 522.

1) Свѣдѣнія эти не подтверждаются ни въ одномъ изъ показаній декабристовъ. (Гос. архивъ, I, Б, Дѣла декабристовъ). Редакція.

2) Формуляръ.

былъ отправленъ для установленія порядка въ мѣстномъ муниципалитетѣ и выработки церемоніала встрѣчи Вел. Кн. Михаила Павловича, вступавшаго въ Варшаву во главѣ побѣдоноснаго войска. Между тѣмъ изъявившіе было покорность мятежники снова взялись за оружіе. Чтобы выиграть время и дать возможность отдѣльно дѣйствовавшимъ корпусамъ генераловъ Ридигера и Розена одолѣть отряды генераловъ Ромарино и Рожнецкаго, въ Главную польскую квартиру, находившуюся въ Модлинѣ, былъ посланъ для переговоровъ ген. Бергъ. Посредникомъ между квартирами обѣихъ армій явился Бутурлинъ, неоднократно ѣздившій съ весьма важными порученіями изъ Варшавы въ Модлинъ. Послѣ сдачи австрійцамъ корпусовъ Ромарино и Рожнецкаго, онъ былъ посланъ, 17 Сентября, парламентеромъ въ Модлинъ, съ требованіемъ отвѣта на предложеніе о сдачѣ. Крѣпость сдалась 26 Сентября, а 23-го Бутурлинъ, командированный съ партіей въ числѣ 2 офицеровъ и 50 казаковъ для сопровожденія прусскаго военнаго агента, полковника барона Калице, и для предупрежденія движенія непріятеля въ сторону р. Млавы, доставилъ въ Главную квартиру извѣстіе о переходѣ поляковъ за границу и о сдачѣ ихъ прусскимъ военнымъ властямъ [1]).

По окончаніи военныхъ дѣйствій, Паскевичъ приступилъ къ замиренію края. Одной изъ мѣръ для насажденія въ немъ благонадежныхъ элементовъ была раздача земли участникамъ войны на майоратномъ правѣ. Бутурлинъ получилъ майоратство въ Петроковѣ, приносившее 750 р. годового дохода [2]).

Дальнѣйшая служба его была такова: 16 Апрѣля 1833 г. онъ былъ переведенъ въ лб.-гв. Литовскій полкъ и въ Маѣ того же года произведенъ въ капитаны, а въ 1835 г. въ полковники. За это время онъ получилъ слѣдующіе ордена: св. Станислава 3 ст., Краснаго Орла 3 ст. (10 Сент. 1835 г., во время маневровъ въ г. Калишѣ, въ присутствіи Государя и короля прусскаго), св. Анны съ короною, ордена Краснаго Орла 2 ст. и св. Владиміра 3 ст.

Въ 1843 г. Бутурлинъ былъ назначенъ начальникомъ штаба Кавказскаго корпуса и въ слѣдующемъ 1844 г. переведенъ въ генеральный штабъ. Въ этомъ же году онъ участвовалъ въ экспедиціи ген. Нейдгарта и получилъ золотую, осыпанную брильянтами табакерку. 8 Февраля 1845 г. Бутурлинъ вышелъ въ отставку генералъ-майоромъ и оставался въ кругу своей семьи до Венгерской войны 1848 г., когда снова былъ принятъ на службу тѣмъ же чиномъ. Онъ принималъ участіе въ большей части сраженій этой кампаніи, особенно отличившись при обстоятельствахъ, сопровождавшихъ сдачу крѣпости Арада нашимъ войскамъ. Когда предводитель венгерцевъ Гёргей, окруженный со всѣхъ сторонъ желѣзнымъ кольцомъ русскихъ и австрійскихъ силъ, убѣдился въ безполезности дальнѣйшаго сопротивленія и положилъ оружіе, его примѣру послѣдовалъ комендантъ крѣпости Арадъ Даміаничъ, приславшій къ генер. Ридигеру депутатовъ съ предложеніемъ сдать крѣпость русскимъ, прибавляя, что скорѣе взорветъ ее на воздухъ, чѣмъ сдастся австрійцамъ. Фельдмаршалъ требовалъ безусловной сдачи и отправилъ Бутурлина къ Ридигеру и къ австрійскому главнокомандующему бар. Гайнау для переговоровъ объ этомъ дѣлѣ. Получивъ отъ Ридигера порученіе проѣздомъ въ главную австрійскую квартиру заѣхать въ Арадъ и попытаться склонить коменданта къ безусловной сдачѣ, Бутурлинъ съ большимъ успѣхомъ исполнилъ эту трудную задачу. Подъѣхавъ къ крѣпости, къ которой одновременно подошелъ небольшой партизанскій отрядъ полковника Хрулева (2 эскадр., 50 казаковъ), Бутурлинъ нашелъ у ея стѣнъ австрійскую бригаду ген. Шлика, уже приступившую къ осаднымъ работамъ. Введенный въ крѣпость, Бутурлинъ убѣдилъ коменданта сдаться на условіяхъ, наименѣе оскорбительныхъ для австрійскаго самолюбія. Наконецъ, Даміаничъ согласился сдать крѣпость съ тѣмъ, чтобы гарнизонъ ея считался въ плѣну у русскихъ, сохранилъ бы свой обозъ и не встрѣтилъ бы на пути ни одного австрійца; крѣпость со всѣмъ имуществомъ поступала въ руки австрійцевъ. Когда бар. Гайнау узналъ объ этихъ условіяхъ, онъ, повидимому, согласился на нихъ, но неожиданно Шликъ получилъ приказъ не отдавать обоза и въ случаѣ надобности пустить даже противъ русскихъ силу оружія («Employez même la force des armes, parce que dans ce moment nous sommes les plus forts»). Къ счастью, благоразуміе бар. Шлика, соглашавшагося скорѣе быть разстрѣляннымъ, чѣмъ исполнить это приказаніе и нарушить данное слово, предотвратило бѣду. Тѣмъ не менѣе во время выхода венгерскаго гарнизона неожиданно произошелъ переполохъ: обозъ, шедшій другимъ путемъ, былъ остановленъ, по приказанію офицера, присланнаго бар. Гайнау, и венгерцы хотѣли уже возвратиться въ крѣпость, но Бутурлинъ успѣлъ убѣдить ихъ, что это недоразумѣніе, а Шликъ приказалъ посадить подъ арестъ вызвавшаго тревогу офицера. Сдавшаяся крѣпость заключала въ себѣ 3768 человѣкъ гарнизона, 143 орудія и значительное количество

---

[1]) Формуляръ.
[2]) Формуляръ; Русск. Стар., LXXVIII, 156.

боевыхъ запасовъ, которые были переданы Бутурлинымъ Шлику [1]).

Въ эту кампанію С. П. исправлялъ обязанности заболѣвшаго генералъ-квартирмейстера Фрейтага и затѣмъ былъ назначенъ для переговоровъ съ австрійцами относительно уплаты Россіи военныхъ издержекъ въ такъ называемую Ликвидаціонную комиссію [2]).

Успѣшное исполненіе различныхъ порученій доставило ему слѣдующія награды: за отличное исполненіе обязанностей ген.-квартирмейстера онъ удостоился получить Высочайшее благоволеніе и былъ переведенъ въ генеральный штабъ, за отличіе въ сраженіи при Дебречинѣ и успѣшные переговоры съ комендантомъ крѣпости Арадъ — св. Станислава 1 ст. и, наконецъ, за участіе въ работахъ Ликвидаціонной комиссіи—св. Анны 1 ст.—Австрійскій императоръ, съ своей стороны, пожаловалъ орденъ Желѣзной Короны 1 ст. и командорскій крестъ ордена св. Стефана.

Сдавъ должность ген.-квартирмейстера, Бутурлинъ оставался въ Варшавѣ при Паскевичѣ для особыхъ порученій до Турецкой войны 1853 и 1854 гг. За это время онъ получилъ орденъ св. Георгія 4 ст. за выслугу 25 л. безпорочной службы и въ 1850 г. прусскій орденъ Краснаго Орла 2 ст.

Разрывъ съ Турціей вызвалъ занятіе Придунайскихъ княжествъ 4 и 5 пѣхотными корпусами. По желанію кн. Горчакова, ген.-квартирмейстеромъ этого отряда былъ назначенъ Бутурлинъ, временно, до пріѣзда ген.-адъют. Коцебу, совмѣстившаго съ этою должностью обязанности начальника штаба [3]). 22 Іюня Бутурлинъ переправился черезъ Прутъ при м. Скулянахъ и прибылъ со штабъ-квартирою въ г. Яссы, а оттуда въ Текучь, гдѣ сдалъ должность начальника штаба. 16 Іюля Главная квартира находилась въ Бухарестѣ, откуда С. П., по порученію кн. Горчакова, неоднократно ѣздилъ къ нашимъ передовымъ отрядамъ для осмотра ихъ расположенія и рекогносцировокъ. Съ 25-го Сентября по 1 Ноября Бутурлинъ находился при войскахъ, отряженныхъ для воспрепятствованія туркамъ перейти Дунай при м. Ольтеницѣ.

Въ кампанію 1854 г. Бутурлинъ находился въ составѣ Мало-Валахскаго отряда. Для того, чтобы воспрепятствовать вторженію турокъ изъ Калафата въ Малую Валахію, кн. Горчаковъ, подъ личнымъ своимъ начальствомъ, 16 Января двинулъ этотъ отрядъ къ Гуніи и Модловитѣ для обложенія Калафата. Бутурлинъ присутствовалъ при перестрѣлкѣ казаковъ Донского № 38 полка съ непріятелемъ, занимавшимъ села Модловиту и Голенцы-Команы, 17 Января участвовалъ при рекогносцировкѣ укрѣпленій Калафата и отбросилъ турокъ съ Калафатскихъ высотъ [1]). Послѣ объявленія

---

[1]) Р. Стар., XX, 397 и 400; *Кн. Щербатовъ*, «Г.-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ», VI, 173 — 175.

[2]) Формуляръ.

[3]) По поводу назначенія Бутурлина на должность генералъ-квартирмейстера, ген. Меньковъ въ своихъ запискахъ говоритъ слѣдующее: «Выборомъ на эту должность ген. Бутурлина кн. Горчаковъ обязанъ лично себѣ и собственному совершенному незнанію людей. Ген. Бутурлинъ, имѣя въ себѣ всѣ достоинства свѣтскаго, образованнаго, любезнаго и шаркающаго маркиза, не обладалъ ни однимъ качествомъ, необходимымъ генералу-воину вообще и генералъ-квартирмейстеру въ особенности. С. П. очень умный, но вовсе недѣловой человѣкъ; онъ много читалъ, много зналъ, быть-можетъ, даже много работалъ у себя въ кабинетѣ, но никогда не трудился трудомъ офиціальнымъ и, чуждый службы генеральнаго штаба, не зналъ простого механизма работъ этой весьма важной въ военное время части! Будучи совершенно непрактичнымъ человѣкомъ, онъ останавливался надъ мелочью и упускалъ все важное. При отсутствіи яснаго практическаго взгляда на предметы, онъ увлекался теоріями, а при любви къ болтовнѣ, безпрестанно лѣзъ съ недозрѣлыми проектами то къ Коцебу, то къ князю. Нѣмецъ съ какимъ-нибудь вздоромъ выставлялъ его князю и тѣмъ подрывалъ кредитъ и безъ того уже шаткій. При неаккуратности или, лучше сказать, мелочной аккуратности, торопливости и необдуманности въ столь важномъ управленіи, какъ квартирмейстерская часть въ военное время, дѣлались безпрестанно промахи и упущенія».

Дѣятельность Бутурлина въ кампанію 1853 г. Меньковъ въ другихъ мѣстахъ записокъ характеризуетъ слѣдующими желчными отзывами: «Описанія военныхъ подвиговъ войскъ» составлялись Меньковымъ, но «работа его обыкновенно цензуровалась первоначально ген. Бутурлинымъ, который свѣрялъ по лексикону, гдѣ писать ѣ, гдѣ е, потомъ переходила къ Коцебу и, окончательно искаженная, выходила изъ рукъ кн. Горчакова»... Главный штабъ арміи въ Букарештѣ: «попрежнему хлопоталъ командующій войсками. Такъ же мягко улыбался Пав. Евст. (Коцебу), называя каждаго «почтеннѣйшій» и «любезнѣйшій»! Попрежнему *коверкался* Бутурлинъ, обложенный грудами бумагъ. Онъ жаловался на необъятность занятій и останавливался на какомъ-либо вздорѣ. Какъ и прежде, *все предвидѣвшій* Бутурлинъ при каждомъ случившемся обстоятельствѣ *твердилъ* всѣмъ и каждому: «*Это я предвидѣлъ—я говорилъ*»!... или: «*Да, этого бы не случилось, если бы слушали меня; повѣрьте, вѣдь это все бездарность*»!... И вслѣдъ затѣмъ даровитый Бутурлинъ вступалъ въ брань съ пьянымъ *журналистомъ* и *билъ голодныхъ писарей* за пропущенную букву ѣ»... (Курсивъ автора записокъ. «Записки П. К. Менькова», I, 32, 35, 107). Ср. отз. Докудовскаго (ниже). Меньковъ считалъ авторомъ записки, поданной кн. Горчаковымъ Государю, объ отчисленіи въ 1858 году его, Менькова, изъ начальниковъ штаба 2 корп., С. П. Бутурлина, который «будто бы старался всѣми средствами ему вредить» (II, 266). Генералъ Залѣсовъ, служившій на Дунаѣ въ штабѣ арміи, говоритъ, что Бутурлинъ «имѣлъ весьма малое понятіе о своемъ дѣлѣ, но писалъ недурно; Бутурлинъ былъ остроумный, веселый собесѣдникъ и дома одѣтый à l'enfant, и что онъ былъ очень скупъ». Р. Стар., 1903/VI, 533 и 534.

[1]) Формуляръ; Донесеніе Бутурлина кн. Горчакову; Зап. Менькова, I, 103.

намъ войны тремя державами, русскія войска 11 Марта перешли черезъ Дунай у Браилова. Въ первой лодкѣ, вмѣстѣ съ начальникомъ штаба Коцебу, находился и Бутурлинъ. Едва ступивъ на непріятельскій берегъ, десантъ нашъ раздѣлился: часть его, подъ начальствомъ г.-м. Веселитскаго, направилась по дорогѣ къ Мачину, а Бутурлину было поручено съ нѣсколькими греческими волонтерами осмотрѣть лежавшую влѣво отъ дороги и закрытую камышомъ непріятельскую батарею, казавшуюся брошенной. Взойдя на эту батарею, Бутурлинъ отломилъ палку изъ тростника, навязалъ на нее носовой платокъ и, махая ею, обернулся въ сторону своихъ, чтобы показать, что благополучно достигъ цѣли. Въ это время непріятель, скрывавшійся въ ложбинѣ за батареею и въ траншеяхъ, внезапно открылъ сильный огонь и кинулся на оторопѣвшихъ волонтеровъ. Минута была критическая, и Бутурлина спасло лишь его хладнокровіе и знаніе итальянскаго языка, которымъ владѣлъ также одинъ изъ волонтеровъ. Обратившись къ нему, Бутурлинъ сказалъ: «Передай этой сволочи, что, если они сейчасъ не остановятся и не станутъ отстрѣливаться, турки непремѣнно снимутъ съ нихъ головы». Завязалась перестрѣлка, и скоро на выручку подоспѣла цѣпь Замосцкаго полка, посланная Коцебу. «За мужество и храбрость» Бутурлинъ получилъ орденъ св. Владиміра 2 ст. [1]). Съ 5 по 23 Мая и съ 8 по 12 Іюня Бутурлинъ находился при осадѣ Силистріи, участвовалъ во всѣхъ рекогносцировкахъ и былъ награжденъ золотою съ *брильянтами шпагою* съ надписью «за храбрость». Послѣ снятія осады Бутурлинъ находился въ аррьергардѣ и съ послѣдними войсками переправился на лѣвый берегъ Дуная. 4 Іюля онъ участвовалъ въ усиленномъ обозрѣніи Журжи и Слободзеи и былъ *контуженъ* ядромъ въ голову. Прибывъ въ Кишиневъ, въ главную квартиру арміи, Бутурлинъ оставался здѣсь до 13 Марта 1855 г., когда снова былъ назначенъ ген.-квартирмейстеромъ Южной арміи. Съ 24 Марта по 24 Мая онъ пробылъ на Сѣверной сторонѣ Севастополя, съ 24 же Мая по 3 Августа находился на Инкерманскихъ высотахъ въ лагерѣ. За отбитіе штурма 6 Іюня былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты; 4 Августа участвовалъ въ неудавшейся атакѣ непріятеля при р. Черной. Общій голосъ арміи обвинялъ въ этомъ ген.-квартирмейстера Бутурлина, какъ виновника безпорядковъ, доходившихъ до того, что еще до спуска съ Мекензіевыхъ высотъ многіе полки сбивались съ дороги. «Для наблюденія за правильнымъ дебошированіемъ войскъ въ долину р. Черной», пишетъ очевидецъ, «кн. Горчаковъ послалъ еще съ вечера самого Бутурлина, но тотъ, спустившись съ горы, подъѣхалъ къ бивуаку 7 дивизіи, разослалъ коверъ и преспокойно проспалъ всю ночь. Уже на утро обнаружилось, что вездѣ и во всемъ путаница и вранье» [1]).

Выдержавъ вмѣстѣ съ нашими войсками шесть ожесточенныхъ приступовъ, Бутурлинъ 14 Сентября перешелъ съ Главной квартирой въ с. Орта-Каралезь, гдѣ оставался до 12 Октября, неоднократно производя обозрѣніе непріятельскихъ позицій на р. Черной и въ Байдарской долинѣ. За службу во время обороны Севастополя онъ былъ награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла съ мечами [2]).

Во время Крымской кампаніи «*все предвидѣвшій*» теоретикъ Бутурлинъ особенно настаивалъ на принятіи мѣръ противъ такого движенія непріятельской арміи, котораго она никогда не предприняла бы, но предложенія о которомъ, какъ оказалось позднѣе, шли изъ Тюильри... Находясь при главнокомандующемъ, онъ все время не переставалъ указывать ему на опасность, угрожавшую нашимъ войскамъ, занятымъ борьбой въ юго-западномъ углу полуострова, въ томъ случаѣ, если бы непріятель догадался, высадившись въ Алуштѣ, двинуться кратчайшимъ путемъ черезъ Ангарское ущелье къ Симферополю. Пользуясь гористою, со всѣхъ сторонъ защищенною мѣстностью и тѣмъ обстоятельствомъ, что до Симферополя гораздо ближе отъ Алушты, чѣмъ отъ Севастополя, союзники, располагавшіе огромнымъ флотомъ, легко могли бы, оставивъ достаточное количество войскъ для осады этой крѣпости, отрѣзать насъ отъ Симферополя. Какъ видно изъ письма Наполеона III къ маршалу Канроберу, которое было напечатано впослѣдствіи въ сочиненіи

---

[1]) Сообщеніе С. С. Бутурлина. Меньковъ относится весьма скептически къ этому подвигу Бутурлина: «Нельзя не разсказать, что во время высадки покрыли себя неувядаемой славой ген. Бутурлинъ и фл.-ад. Мирбахъ. Съ 12 чел. охотниковъ изъ греческихъ волонтеровъ, пошли они на непріятельскую батарею, съ которой орудія были сняты и которая казалась оставленной турками. Едва охотники, Бутурлинъ и Мирбахъ, вошли на батарею, какъ изъ траншей былъ открытъ ружейный огонь. Греческіе охотники, имѣя во главѣ попрежнему Бутурлина и Мирбаха, очень поспѣшно отошли къ цѣпи!.. Всѣ вписались въ реляцію и путешествіе ген. Бутурлина съ греческими охотниками и Мирбахомъ на *пустыя* батареи... Почему на св. Руси много *печатныхъ* и мало дѣйствительныхъ героевъ! Иной истинно русскій, сидя въ глуши, окруженный семьей и занятіями гражданина, съ теплой вѣрой въ истину напечатаннаго, скажетъ: «Каковы герои Бутурлинъ и Мирбахъ!».... (Записки Менькова, I, 129, 130, 134).

[1]) Дубровинъ, Исторія Крымской войны, III, 379 и 380.

[2]) Формуляръ.

Базанкура: «L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol», такой планъ и былъ у французскаго императора, и лишь чрезмѣрная осторожность лорда Раглана воспрепятствовала его осуществленію. Понимая, что опасно ослаблять севастопольскій гарнизонъ посылкой отдѣльнаго отряда для защиты этой дороги отъ Алушты до Симферополя, Бутурлинъ настаивалъ на томъ, чтобы минировать всѣ находящіеся на этомъ пути мосты и укрѣпить позиціи при выходѣ изъ Ангарскаго ущелья. Мнѣніе ген.-квартирмейстера раздѣлялъ начальникъ штаба Коцебу, и главнокомандующій согласился, наконецъ, сдѣлать необходимыя распоряженія. Когда впослѣдствіи въ бельгійской газетѣ «L'Emancipation» появилась выдержка изъ сочиненія Базанкура, кн. Горчаковъ, передавая Бутурлину этотъ № газеты, сказалъ: «A tout seigneur tout honneur, cher général. Vous avez pressenti le plan d'attaque, que l'ennemi formait contre nous à Paris, à l'époque même, où vous m'en signalliez le danger en Crimée. Votre supposition me semblait peu probable, je l'avoue, mais voici la preuve, qu'elle était fondée» [1]).

По окончаніи военныхъ дѣйствій, Бутурлинъ остался ген.-квартирмейстеромъ при кн. Горчаковѣ, который былъ назначенъ главнокомандующимъ 1-й арміей на мѣсто Паскевича. Удостоившись во время отправленія этой должности неоднократно Высочайшаго благоволенія, Бутурлинъ въ день коронаціи Александра II получилъ золотую, украшенную брильянтами табакерку съ портретомъ Государя. Затѣмъ Бутурлинъ былъ командированъ съ депутаціей отъ русской арміи на похороны фельдмаршала гр. Радецкаго и получилъ отъ австрійскаго императора орденъ Леопольда 1 ст. Получивъ 7 Февраля 1859 г. орденъ св. Александра Невскаго и прусскій орденъ Краснаго Орла 1 ст., Бутурлинъ перечислился въ запасныя войска, съ оставленіемъ по генеральному штабу. Причиной такого перечисленія была размолвка съ кн. Горчаковымъ, поручившимъ ему написать отвѣтъ французскому генералу Ніелю, который, въ своемъ описаніи осады Севастополя, выставлялъ промахи нашихъ генераловъ и утверждалъ, что было такое время, когда кн. Горчаковъ легко могъ бы задавить союзную армію. Бутурлинъ отказался отъ этого порученія, ссылаясь на множество дѣлъ. Тогда раздосадованный князь замѣтилъ: «Позвольте въ этомъ усомниться». На другой же день Бутурлинъ сказался больнымъ и подалъ рапортъ о перечисленіи въ запасныя войска, принятый княземъ [1]).

Меньковъ относитъ Бутурлина къ числу «тѣхъ изъ начальствующихъ лицъ, которыя всегда подоспѣваютъ къ авангарду, когда знаютъ, что непріятель отошелъ, и когда представляется прекрасный случай на высокомъ курганѣ развить теорію своихъ стратегическихъ правилъ» [2]).

Взявъ безсрочный отпускъ, Бутурлинъ поселился въ Москвѣ вмѣстѣ съ престарѣлымъ тестемъ своимъ, кн. С. И. Гагаринымъ, извѣстнымъ агрономомъ и предсѣдателемъ Вольно-экономическаго общества. Теперь Бутурлинъ посвятилъ себя службѣ въ только-что открывшихся земскихъ учрежденіяхъ: сначала онъ былъ гласнымъ по Коломенскому уѣзду, а затѣмъ былъ избранъ въ губернскіе гласные и отправлялъ эту должность до 24 Іюня 1864 г., дня назначенія помощникомъ командующаго войсками Одесскаго военнаго округа.

Во время своей службы въ Одессѣ Бутурлинъ получилъ алмазные знаки къ ордену св. Александра Невскаго, 3 Августа 1869 г. былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и награжденъ табакеркой съ портретомъ Государя.

16 Апрѣля 1872 г. Бутурлинъ былъ назначенъ членомъ Военнаго совѣта, а въ слѣдующемъ 1873 г., 5 Апрѣля, умеръ въ Петербургѣ.

С. П. Бутурлинъ былъ женатъ на фрейлинѣ, княжнѣ Маріи Сергѣевнѣ Гагариной

---

[1]) «Чтенія», 1865 г., IV, 26 и 27.—Надо думать, однако, что Наполеону III было легче предлагать такія рискованныя предпріятія, чѣмъ главнокомандующимъ привести ихъ въ исполненіе подъ своей отвѣтственностью. Геройская армія Севастополя, поставленная въ безвыходное положеніе, конечно, сдѣлала бы отчаянную попытку пробиться, и если бы даже эта попытка окончилась неудачей, чего бы она стоила и союзникамъ!...

[1]) Воспоминанія г.-м. Докудовскаго въ «Трудахъ» Рязанской архивной комиссіи, XIII, вып. 3, 296.

[2]) Меньковъ, I, 95.

(р. 1815 г., † 1902). Отъ этого брака онъ имѣлъ 6 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ двое умерло въ дѣтствѣ. Старшій сынъ Сергѣй, генералъ-лейтенантъ, командуетъ 3-й гренадерской дивизіей, второй сынъ Александръ — кандидатъ Московскаго университета, третій — Дмитрій — состоитъ для особыхъ порученій при командующемъ войсками Виленскаго военнаго округа, и дочь Марія — въ замужествѣ за гр. Александромъ Львовичемъ Салтыковымъ.

Кромѣ собственнаго родового имѣнія въ Московской губерніи, Коломенскаго уѣзда, состоящаго изъ 2150 десятинъ, Бутурлинъ получилъ за женою родовыя имѣнія: въ Московскомъ, Звенигородскомъ и Можайскомъ уѣздахъ 963 десятины, въ Покровскомъ уѣздѣ Владимірской губ. 4118 десятинъ, въ Данковскомъ и Скопинскомъ уѣздахъ Рязанской губ. 1884 десятины, въ Корсунскомъ уѣздѣ Симбирской губ. 6306 десятинъ, и, сверхъ того, имѣлъ благопріобрѣтенныхъ въ Скопинскомъ уѣздѣ Рязанской губ. 348 десятинъ [1]).

Кромѣ трудовъ, обусловленныхъ его служебными обязанностями, онъ находилъ время для работъ въ интересующей его области и оставилъ послѣ себя слѣдующія произведенія: 1) Карту театра войны на Кавказѣ и въ сопредѣльныхъ съ нимъ частяхъ Персіи и Азіатской Турціи, для изученія дѣйствій русскихъ войскъ, начиная со времени Петра Великаго и спеціально въ Персидскую и Турецкую кампанію 1826 — 1829 гг., въ 40-верстномъ масштабѣ, 1844 г., испр. и доп. въ 1846 г.; 2) «О военномъ значеніи желѣзныхъ дорогъ и особенной ихъ важности для Россіи, съ проэктомъ сѣти сихъ путей и картою, составленною въ видахъ обороны Имперіи» (изъ «Чтеній при Имп. Обществѣ исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ», 1865 г., кн. IV. М., 1865 г.); 3) «Нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ Крыму въ 1854 и 1855 гг.» (Оттискъ изъ «Одесскаго Вѣстника», 1887 г., № 179). Кромѣ того, въ официальномъ, хотя и не предназначенномъ для продажи, «Сводѣ мнѣній по главнѣйшимъ вопросамъ объ устройствѣ полевого управленія арміями и корпусами въ военное время» (Спб., Типографія Удѣловъ, 1865 г.) во многихъ мѣстахъ приведены дословныя выдержки изъ мнѣнія Бутурлина. Когда вводилась военноокружная система и вмѣстѣ съ нею вырабатывалось новое положеніе объ управленіи войскъ на театрѣ войны, Военное министерство запросило 106 лицъ, которымъ разослало свой проэктъ. Мнѣніе Бутурлина, долго служившаго въ генеральномъ штабѣ и участвовавшаго почти во всѣхъ кампаніяхъ своего времени, должно было получить большой вѣсъ, особенно когда бывшій главнокомандующій въ Крыму, кн. Меншиковъ, въ письмѣ къ военному министру сообщилъ, что вполнѣ присоединяется къ этому мнѣнію. Бутурлинъ подвергъ проэктъ министерства подробному разбору и во многихъ мѣстахъ сильно съ нимъ разошелся. Съ особенною энергіей обрушился онъ на предложеніе учредить новую должность помощника главнокомандующаго въ военное время, дѣлая при этомъ ссылку на слова Бонапарта, сказавшаго, что онъ предпочитаетъ усиленіе непріятельской арміи нѣсколькими десятками тысячъ присылкѣ одного помощника. Предложеніе это было отвергнуто. Другое предложеніе, противъ котораго сильно возставалъ Бутурлинъ, касалось сліянія квартирмейстерской части съ дежурствомъ и учрежденія должности помощника начальника главнаго полевого штаба, взамѣнъ должностей ген.-квартирмейстера и дежурнаго генерала, хотя и прошло, но, оказавшись на опытѣ несостоятельнымъ, было отмѣнено впослѣдствіи. Успѣхи французскаго оружія въ началѣ текущаго столѣтія побудили составителей проэкта взять за образецъ устройство французскаго штаба, несмотря на многія слабыя стороны въ его организаціи. Эти-то стороны и подчеркиваетъ въ своемъ отзывѣ Бутурлинъ, иллюстрируя свои положенія примѣрами (?). Въ военныхъ сферахъ носились слухи, что та рѣзкость, съ которою выразилъ свое мнѣніе о проэктѣ Бутурлинъ, неблагопріятно отозвалась на его карьерѣ.

Кромѣ перечисленныхъ, послѣ смерти его остались въ рукописи еще слѣдующіе труды: 1) Описаніе Персидской войны 1826 — 28 гг.; 2) Нѣсколько краткихъ разсказовъ объ отдѣльныхъ историческихъ фактахъ времени Екатерины II и Александра I. Нѣкоторые разсказы въ анекдотической формѣ (по-французски), и 3) Записки или дневникъ С. П. Бутурлина во время путешествія его за границею, въ промежутокъ между Турецкою войною 1827 г. и Польскою 1830—31 гг. (по-французски) [1]).

Н. Совѣтовъ.

---

[1]) Формуляръ.

1) Формулярный списокъ о службѣ; Р. Стар., LXXVIII, 156; XX, 397—400; Кн. Щербатовъ, «Г. ф. кн. Паскевичъ», VI, 173—175; Чтенія, 1865, IV, 26 и 27; Воспоминанія Докудовскаго, Труды Ряз. Арх. Комиссіи, XIII, в. 3, 296; «Зап. Менькова», I, 32, 35, 107, 129, 130, 135; II, 266; Свѣдѣнія, сообщенныя С. С. Бутурлинымъ.

Владиславъ (-Иванъ-Адамъ-Іосифъ-Агриппа) **Войтѣховичъ Пусловскій,** 1801 — 1859, происходилъ изъ древняго литовскаго дворянскаго рода и былъ сынъ Войтѣха (Адальберта) Францевича (род. 21 Іюня 1762 г., † 3 Марта 1833 г.) отъ брака его съ княжной Жозефиной Друцкой-Любецкой (род. 19 Апрѣля 1776 г., † 18 Мая 1830 г.), сестрой извѣстнаго русскаго государственнаго дѣятеля царствованія Императора Николая I. В. В. Пусловскій родился 11 Іюня (н. ст.) 1801 г. въ Слонимѣ (Гродненской губ.), гдѣ отецъ его былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, занималъ эту должность нѣсколько трехлѣтій и дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ теченіе всей своей жизни В. Ф. Пусловскій оставался вѣрнымъ подданнымъ Россіи, и въ 1812 г., когда Наполеонъ появился въ Литвѣ, и большинство поляковъ поспѣшило измѣнить Александру I, онъ не пожелалъ остаться въ краѣ, занятомъ непріятелемъ, и послѣдовалъ за русской арміей, отступившей въ глубь Россіи. Но, будучи сторонникомъ Россіи, онъ въ то же время не переставалъ быть полякомъ и даже до конца жизни носилъ старопольскій нарядъ. Онъ былъ того убѣжденія, что можно, не забывая своего прошлаго и не отказываясь отъ родного языка и вѣры отцовъ, работать совмѣстно съ русскими на благо Россіи, такъ какъ заботиться о благѣ Россіи значитъ заботиться и о родномъ краѣ, вошедшемъ въ ея составъ. Въ такомъ же духѣ воспитывалъ онъ и своихъ дѣтей, которымъ вообще пришлось пройти суровую школу. Старикъ Пусловскій былъ человѣкъ стараго закала. Воспитаніе дѣтей не обходилось безъ тѣлесныхъ наказаній, при чемъ, если нужно было наказать одного, то наказывали и всѣхъ прочихъ. Стремленіе не давать предпочтенія одному передъ другими доходило до того, что лѣкарство, прописанное одному, заставляли глотать и остальныхъ. Если отецъ замѣчалъ, что ребенокъ отказывается ѣсть что-либо, то тарелка съ недоѣденнымъ или съ неначатымъ кушаньемъ ставилась передъ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не съѣдалъ всего. Подробностей объ образованіи молодого Пусловскаго не сохранилось, но, кажется, какъ онъ, такъ и его братья, учились въ Вильнѣ.

19-и лѣтъ отъ роду, 27 Іюня 1820 г., Пусловскій вступилъ въ военную службу юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; 21 Ноября того же года онъ былъ произведенъ въ эст.-юнкеры, а 11 Сентября 1822 года въ корнеты. Подобно большинству своихъ товарищей, обладавшихъ хорошимъ состояніемъ, Пусловскій велъ въ полку широкій образъ жизни, господствующей же его страстью были лошади и охота. Онъ давалъ хорошее вознагражденіе тѣмъ нижнимъ чинамъ, которые указывали ему горячихъ лошадей, и любилъ ихъ укрощать. Что же касается охоты, то онъ въ особенности любилъ ходить на медвѣдей и кабановъ. Разъ онъ даже чуть не поплатился жизнью, попавъ подъ кабана, и только шуба, изъ которой ему удалось вылѣзть, спасла его.

По производствѣ въ офицеры Пусловскій не долго оставался въ Кавалергардскомъ полку. Неблагопріятныя обстоятельства противъ воли заставили его уйти оттуда. Причиной была дуэль съ Гедеоновымъ, происшедшая слѣдующимъ образомъ: «Сего числа, пополудни въ 4 часа», всеподданнѣйше рапортовалъ гр. Апраксинъ, «командуемаго мною Кавалергардскаго полка корнетъ Пусловскій, явясь ко мнѣ, объявилъ, что онъ имѣлъ несчастіе убить на дуэли отставного артиллеріи штабсъ-капитана Гедеонова. По изслѣдованіи сего дѣла свидѣтелей, оказалось, что личности между ними начались въ минувшую субботу, въ 10 часовъ вечера, въ кондитерской лавкѣ Амбіеля; г. Пусловскій въ бытность тамъ потребовалъ мороженаго, которое во время разговора его, неизвѣстно кѣмъ, взято; на замѣчаніе со стороны Пусловскаго о неприличіи таковой шутки, г. Гедеоновъ сдѣлалъ ему грубостей и, называя его мальчикомъ, котораго проучить должно, вызвалъ на дуэль на пистолетахъ. Условіе сдѣлано нынѣшняго числа послѣ отказа парада. Свидѣтели были при дуэли: со стороны Пусловскаго Кавалергардскаго полка поручикъ князь Голицынъ и корнетъ Свиньинъ, со стороны г. Гедеонова братъ его, л.-гв. Жандармскаго полуэскадрона шт.-капитанъ Гедеоновъ, и отставной майоръ

Конобка. По увѣренію свидѣтелей дуэли и самого Пусловскаго, приняты были всѣ мѣры къ прекращенію сей ссоры, но, по характеру и настойчивости отставного Гедеонова, Пусловскій принужденъ былъ принять вызовъ».

По словамъ Пусловскаго, когда заказанное мороженое было перехвачено Гедеоновымъ, онъ подошелъ къ нему и замѣтилъ, что мороженое было заказано имъ. Гедеоновъ извинился, и тѣмъ бы дѣло и кончилось, если бъ въ это время не вошелъ братъ Гедеонова. Онъ выразилъ удивленіе, что братъ извиняется передъ полякомъ, и въ заключеніе вызвалъ Пусловскаго на дуэль. Гедеоновъ, искусный дуэлистъ, прямо заявилъ, что убьетъ противника и для этого будетъ цѣлиться въ голову; у Пусловскаго же не было такихъ кровожадныхъ замысловъ, и онъ хотѣлъ только проучить Гедеонова. Вышло, однако, наоборотъ. Выстрѣлы произведены были одновременно. Пуля Пусловскаго попала прямо въ голову Гедеонова, и онъ былъ убитъ наповалъ [1]). Пусловскому пришлось въ наказаніе нѣкоторое время просидѣть въ монастырѣ, а 31 Мая 1823 года онъ былъ переведенъ въ Арзамасскій конноегерскій полкъ поручикомъ. Не надѣясь больше послѣ дуэли и перевода въ армію достигнуть болѣе или менѣе выдающагося положенія, Пусловскій продолжалъ служить неохотно, и, числясь въ полку въ продолженіе 2 лѣтъ, онъ почти все время пробылъ въ отпуску по болѣзни. Наконецъ, 22 Марта 1825 г. по болѣзни былъ уволенъ отъ службы.

Выйдя въ отставку, Пусловскій занялся сельскимъ хозяйствомъ въ имѣніи Таурошнѣ (Ковенской губ.), уступленномъ ему отцомъ. Онъ относился къ своимъ крестьянамъ подобно послѣднему и избѣгалъ тѣлесныхъ наказаній, но отличался отъ отца тѣмъ, что былъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ. Проживъ нѣкоторое время въ имѣніи, Пусловскій уѣхалъ со старшимъ братомъ путешествовать за границу и довольно долго прожилъ въ Парижѣ. Благодаря родственнымъ связямъ съ нѣсколькими французскими аристократическими семействами, онъ былъ очень хорошо принятъ въ высшемъ парижскомъ обществѣ. Какъ страстный любитель лошадей, онъ сдѣлался членомъ недавно основаннаго жокей-клуба.

По возвращеніи въ Россію, Пусловскій былъ выбранъ дворянствомъ Виленской губ. въ губернскіе предводители дворянства, а до получения утвержденія исполнялъ обязанности Ошмянскаго уѣзднаго предводителя дворянства. Въ должности губернскаго предводителя онъ, однако, не былъ утвержденъ. Помѣшали дуэль съ Гедеоновымъ и извѣстные правительству его эмансипаціонные взгляды. Пусловскій остался только Ошмянскимъ уѣзднымъ предводителемъ. Въ продолженіе своей службы по выборамъ онъ не разъ сталкивался съ высшимъ начальствомъ и нажилъ много враговъ, что объясняется особенностями его характера. По свидѣтельству его сына, Пусловскій былъ человѣкъ неспособный притворяться, стремившійся всегда защищать обиженныхъ, но попадавшій иногда при этомъ въ положеніе Донъ-Кихота, такъ какъ часто выступалъ на защиту такихъ лицъ, которыя вовсе не были благодарны за непрошенное вмѣшательство. Онъ совершенно не былъ способенъ къ дипломатіи, напротивъ, у него было непреодолимое отвращеніе ко лжи и стремленіе всегда говорить правду, даже безъ прямой необходимости. Когда у него вышло недоразумѣніе съ Виленскимъ генералъ-губернаторомъ кн. Н. А. Долгоруковымъ, то онъ послалъ жалобу на дѣйствія послѣдняго прямо Императору Николаю Павловичу, противъ всѣхъ правилъ, но такъ какъ жалоба оказалась справедливой, то князь получилъ замѣчаніе. Это обстоятельство не помѣшало Долгорукову относиться къ Пусловскому съ уваженіемъ и даже оказать ему важную услугу. Въ его руки попала переписка Пусловскаго съ братомъ, эмигрировавшимъ послѣ 1830 г. Не давая ей дальнѣйшаго хода, князь уничтожилъ ее. Натянутыя отношенія съ начальникомъ края были непріятны Пусловскому и заставили его переселиться изъ Виленской губерніи въ Варшаву. Но и тамъ его прямой и откровенный характеръ много ему повредилъ. Его возмущала атмосфера лести, окружавшая намѣстника князя Паскевича, и всеобщее низкопоклонство, и часто въ разговорахъ онъ сравнивалъ то, что видѣлъ предъ собой теперь, съ тѣмъ временемъ, когда Паскевичъ не былъ еще ни княземъ, ни фельдмаршаломъ, и былъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ съ отцомъ Пусловскаго. Всѣ эти разговоры доходили до намѣстника и вызывали его неудовольствіе. Однажды Пусловскій былъ арестованъ и цѣлую ночь провелъ въ Саксонскомъ дворцѣ, гдѣ, впрочемъ, ему была предоставлена полная свобода. Какъ предполагаетъ сынъ Пусловскаго, Паскевичъ надѣялся, что Пусловскій воспользуется отсутствіемъ надзора, чтобы бѣжать, и этимъ еще больше повредитъ себѣ. Утромъ его выпустили, объяснивъ, что онъ былъ арестованъ по недоразумѣнію. Впослѣдствіи

---

1) Въ семейномъ преданіи Пусловскихъ неправильно называютъ Гедеонова и брата его конно-гвардейцами.

Паскевичъ неоднократно предлагалъ Пусловскому поступить на службу, но тотъ неизмѣнно отказывался.

Потерпѣвъ неудачу въ Варшавѣ, Пусловскій занялся исключительно управленіемъ своими обширными имѣніями, стараясь не только поддержать то, что было устроено отцомъ, но и произвести улучшенія. Такъ, онъ расширилъ производство на старыхъ фабрикахъ и основалъ новыя фабрики, суконную и бумажную. Машины для этихъ фабрикъ онъ выписывалъ изъ Англіи и Франціи, а свои издѣлія посылалъ на Нижегородскую ярмарку. Пусловскій былъ также учредителемъ пароходства по Нѣману. Кромѣ того, онъ принималъ участіе въ акціонерныхъ обществахъ «Пароходство по Волгѣ» и во Французскомъ обществѣ поземельнаго кредита. Имѣнія Пусловскаго были разбросаны по тремъ Литовскимъ и Минской губерніямъ. Главныя его имѣнія сосредоточивались въ Слонимскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи. Здѣсь были Пески, родовое имѣніе Пусловскихъ, Шидловицы и Сынковичи. Въ Шидловицахъ, находившихся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ уѣзднаго города, онъ жилъ обыкновенно; здѣсь была громадная фабрика, основанная старикомъ Пусловскимъ и въ честь его получившая названіе Альбертинъ (отъ имени Адальбертъ). Въ самомъ Слонимѣ у него было 3 дома. Въ Виленскомъ уѣздѣ ему принадлежали: Пукштаны (1435 дес., изъ коихъ подъ лѣсомъ 1336), Кучкуришки (102 дес.), въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Вильны, и часть виленскаго предмѣстья Антоколь. Въ Ковенской губерніи у него было вышеупомянутое имѣніе Таурошна (теперь Новоалександровскаго уѣзда). Кромѣ того, въ Литвѣ онъ владѣлъ староствомъ Рѣканцишками, пріобрѣтеннымъ на 50 лѣтъ. Въ Пинскомъ уѣздѣ Минской губерніи у него было 2 имѣнія: Кужиличины и Телеханы (42.000 дес.). Въ Привислинскомъ краѣ у Пусловскаго было 2 владѣнія: домъ въ Варшавѣ на Новомъ Свѣтѣ и имѣніе Чарковы (2644 морговъ), въ Пинговскомъ уѣздѣ Кѣлецкой губерніи, съ фольварками въ Стопницкомъ уѣздѣ. Наконецъ, во Франціи у него былъ замокъ Alesmes, близъ Бордо, съ виноградниками. Кромѣ имѣній, были у него и капиталы. Вообще все его состояніе доходило до 9 милліоновъ рублей на наши деньги. Несмотря на такое богатство, Пусловскій жилъ довольно скромно. Любя въ молодые годы роскошь и комфортъ, въ зрѣломъ возрастѣ онъ позволялъ себѣ только одну роскошь— бѣлье изъ голландскаго полотна, выписываемаго прямо изъ Голландіи. Онъ былъ очень бережливъ, и иногда даже мелкіе расходы домашнихъ сердили его, но въ то же время оставался равнодушенъ къ большимъ потерямъ. Когда ему однажды сообщили, что сгорѣла одна изъ его фабрикъ, онъ ограничился только замѣчаніемъ, что это послужитъ ему урокомъ не строить деревянныхъ домовъ. Часть его доходовъ шла на благотворительныя дѣла; такъ, на его счетъ воспитывались всегда 20 молодыхъ людей изъ бѣдныхъ дворянскихъ семействъ. Много заботъ прилагалъ онъ и къ устройству школъ для дѣтей мелкихъ служащихъ на его фабрикахъ. Поэтому-то онъ снискалъ расположеніе мелкопомѣстнаго дворянства, своихъ служащихъ и крестьянъ, между тѣмъ какъ лица, равныя ему по положенію и высшія, большею частью не долюбливали его.

Не будучи собственно ни коллекціонеромъ, ни знатокомъ искусства, Пусловскій любилъ покупать предметы стариннаго искусства, въ особенности во время своего пребыванія въ Римѣ и въ Парижѣ, и въ концѣ концовъ у него составилось порядочное собраніе гобеленовъ, картинъ итальянскихъ и голландскихъ художниковъ XVII и XVIII вв. и мебели итальянской и данцигской работы. Послѣ него осталась также библіотека въ нѣсколько тысячъ томовъ, не заключавшая въ себѣ, впрочемъ, ничего замѣчательнаго.

Выше было указано, въ какомъ духѣ Пусловскій-отецъ воспитывалъ своихъ дѣтей. Сынъ всецѣло проникся убѣжденіями отца и до конца жизни оставался полякомъ, преданнымъ Россіи. Польское возстаніе 1830 г. онъ всегда порицалъ. Но преданность Россіи не мѣшала ему открыто указывать на злоупотребленія русскихъ чиновниковъ, которыя онъ обнаруживалъ.

Въ Маѣ 1839 г. Пусловскій женился въ Петербургѣ на своей двоюродной сестрѣ, княжнѣ Женевьевѣ Ксаверьевнѣ Друцкой-Любецкой (р. 20 Іюня 1820 г., † 23 Февр. 1867 г.), дочери члена Государственнаго Совѣта и извѣстнаго финансиста. Въ 1849 г. супруги принуждены были разстаться. Пусловская была слабаго здоровья и для поправленія его переселилась за границу, живя попеременно то во Франціи, то въ Италіи. Дѣла по управленію имѣніями заставляли самого Пусловскаго жить въ Россіи, и онъ только 3 или 4 раза въ годъ ѣздилъ на короткое время за границу на свиданіе съ семьей. Въ 1859 г. Женевьева Ксаверьевна пріѣхала съ дѣтьми къ мужу въ Варшаву, но чрезъ 2 недѣли послѣ ея пріѣзда Пусловскій скончался 4 Октября 1859 г. Погребенъ онъ былъ въ родовомъ имѣніи Пескахъ одновременно со старшимъ братомъ, умершимъ за полтора мѣсяца до него. Пусловскій оставилъ 2 сыновей: Франца-Ксаверія (р. 22 Марта

1847 г.) и Сигизмунда (р. 17 Дек. 1848 г.), получившихъ отъ папы Пія IX графскій титулъ, не признанный въ Россіи [1]).

Н. Чулковъ.

Федоръ Алексѣевичъ Пашковъ 2-й, 1804—1829, изъ дворянъ Московской губ., сынъ бригадира Алексѣя Александровича (1760—1831) и Натальи Федоровны, рожд. Новиковой; 7 Января 1821 г. поступилъ юнкеромъ въ Оренбургскій ул. полкъ; 8 Іюня 1822 г. произведенъ въ корнеты; 20 Ноября переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; въ 1826 г. поручикомъ; въ 1828 г. назначенъ адъютантомъ къ герц. Александру Виртембергскому; въ 1829 г. шт.-ротмистромъ. Умеръ 18 Января 1829 г. Былъ женатъ съ 1827 г. на дочери умершаго д. ст. совѣтника Вѣрѣ Ивановнѣ Аничковой и имѣлъ дѣтей: Алексѣя и Елизавету, умершихъ въ младенчествѣ. У Пашкова въ Моршанскомъ и Кирсановскомъ уу. Тамбовской губ. было 5000 душъ и каменный домъ въ Москвѣ [2]).

Князь Андрей Николаевичъ Вяземскій 1-й, 1802—1856, старшій сынъ отст. полковника кн. Николая Семеновича († 1833) и Александры Петровны, рожд. Римской-Корсаковой († 1823), и старшій братъ кавалергарда кн. Александра Вяземскаго, воспитывался дома, подъ руководствомъ матери, которой не легко жилось съ мужемъ, человѣкомъ «добраго сердца, но бѣшенаго и невыносимаго нрава». «Сестра», пишетъ Е. А. Янькова, «мнѣ открывалась не разъ, что ей часто очень тяжело; мужъ разсердится за пустякъ и бездѣлицу и недѣли по двѣ дуется. Мальчикамъ Вяземскимъ было уже 17 и 16 лѣтъ; они все это видѣли; сестра старалась скрыть отъ нихъ безалаберность отца, брала на себя быть веселой, обращала въ шутку, что князь не въ духѣ, и все это ей стоило не малаго труда. Князь Андрей, старшій изъ моихъ племянниковъ, былъ высокъ ростомъ, прекрасно сложенъ, строенъ, лицомъ очень красивъ и имѣлъ въ то время прекрасный цвѣтъ лица и такую нѣжность кожи, что скорѣе былъ похожъ на дѣвочку, отчего его товарищи иногда и дразнили, называли его *Катенькой,* и онъ очень этимъ обижался. Характеромъ онъ былъ кротокъ и мягокъ, откровененъ, къ матери ласковъ, и потому и отецъ и мать замѣтно его больше любили, чѣмъ его брата. Князю Андрею никогда не было ни въ чемъ удачи»... Службу началъ онъ въ 1820 г. юнкеромъ въ 1-мъ Учебномъ карабинерномъ полку; въ томъ же году произведенъ въ порт.-юнкеры и въ прапорщики; 31 Декабря 1823 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ корнетомъ. Въ то время, какъ кн. Александръ попалъ въ члены тайнаго общества, Андрей «служилъ всегда законному Государю вѣрой и правдой; онъ хорошо былъ принятъ на придворныхъ балахъ и былъ изъ числа тѣхъ кавалеровъ, къ которымъ благоволила Императрица Александра Ѳеодоровна, и весьма часто онъ удостоивался чести съ нею танцовать. Знатныя старухи его ласкали и прочили ему своихъ внучекъ; такъ, кн. Н. П. Голицына желала, чтобы онъ женился на ея внучкѣ Строгановой, вышедшей потомъ за гр. Ферзена, но этотъ бракъ почему-то не состоялся; кн. Ил. В. Васильчиковъ сватлъ ему свою дочь [1]), прекрасную и премилую дѣвушку, которая и ему нравилась, но дѣло разошлось по скупости князя Николая Семеновича». Въ 1826 г. онъ произведенъ въ поручики и во время коронаціи Государя стоялъ у ступеней трона. Въ 1829 г. произведенъ въ шт.-ротмистры, въ 1834 г. въ ротмистры; 7 Марта 1837 г. назначенъ къ Московскому генералъ-губернатору для особыхъ порученій; въ 1839 г. произведенъ въ полковники, съ зачисленіемъ по кавалеріи; въ 1846 г. назначенъ командовать резервною

[1]) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп., кн. 6133; Dunin-Borkowski, Genealogie Zyjacych rodów polskich, 746; Свѣдѣнія, сообщенныя Сигизмундомъ Владиславовичемъ Пусловскимъ, сыномъ В. В. Пусловскаго, и П. О. Пирлингомъ.

[2]) Полк. архивъ; Лобановъ-Ростовскій, II, 81.

[1]) Екатерина Иларіоновна († 1842), въ замужествѣ за ген.-м. Лужинымъ.

бригадою 1-й Легкой кавалерійской дивизіи. За упраздненіемъ резервныхъ эскадроновъ въ 1848 г. прикомандированъ къ Образцовому кавалерійскому полку. Въ 1848 г. произведенъ въ ген.-майоры, съ назначеніемъ состоять при 1-й Кирасирской дивизіи; въ 1849 г. назначенъ состоять при министерствѣ Внутр. дѣлъ; въ 1852 г. назначенъ и. д. Подольскаго губернатора; въ 1854 г. причисленъ къ министерству Внутр. дѣлъ; 25 Іюля 1855 г. отчисленъ отъ министерства, съ оставленіемъ по кавалеріи. 24 Мая 1856 г. исключенъ изъ списковъ умершимъ.

Князь Вяземскій находился 14 Декабря 1825 г. въ строю съ полкомъ на Дворцовой и Исаакіевской площадяхъ; участвовалъ въ войнѣ 1831 г. и за взятіе г. Варшавы награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст.; въ 1835 г. награжденъ орд. св. Анны 3-й ст.; въ 1838 г. получилъ Высочайшее благоволеніе за пожертвованіе матеріаловъ «на устроеніе для Владимірскаго пѣх. полка экзерциць-гауза и учебныхъ квартиръ»; въ 1841 г. орд. св. Станислава 2-й ст.

По поводу его служебной карьеры, Е. А. Янькова говоритъ: «Блестящая ожидала его будущность, умѣй онъ умненько воспользоваться благопріятствовавшими ему обстоятельствами: такъ нѣтъ же, все не въ прокъ ему пошло.

Первое, что ему повредило — это особенная его дикость и излишняя боязливость показаться навязчивымъ: ему предлагаютъ, а онъ совѣстится, отказывается. Потомъ ему было великою помѣхою то, что онъ былъ слишкомъ влюбчивъ и охотникъ кружить головы молодымъ женщинамъ. Самъ красавецъ и достаточно уменъ, чтобы быть любезнымъ, онъ не часто встрѣчалъ жестокихъ красавицъ. Несмотря на всю его скромность и осторожность, многое всплывало кверху и навлекало на него ненависть и вражду людей сильныхъ».

Кн. Вяземскій былъ женатъ на воспитанницѣ оберъ-гофмаршала Нарышкина Натальѣ Александровнѣ Моршанской, по 1 браку Гурьевой. Женитьба его также не обошлась безъ романа. Онъ женился на Гурьевой въ 1834 г. «Мужъ этой молодой красавицы былъ человѣкъ очень богатый и съ тѣмъ вмѣстѣ большой игрокъ, который велъ очень разсѣянную жизнь; прекрасную свою жену онъ любилъ, баловалъ, но должно быть плохо за нею смотрѣлъ и, выигрывая въ карты, проигралъ жену: она понравилась кн. Андрею, а онъ ей»... Она согласилась сдѣлаться его женой, если получитъ разводъ. Кн. Вяземскій началъ хлопотать объ этомъ и добился своего, заплативъ до 40/т. асс. — Кн. Наталія была очень видная и статная женщина, прекрасная собой; ей было лѣтъ около 30, и, по годамъ и по наружности, это была прекрасная пара, она была премилая и преласковая... со всѣми особенно учтива: и лакеямъ и горничнымъ, своимъ и чужимъ, всегда говорила вы, что казалось смѣшнымъ и страннымъ. Говорятъ даже, что у себя въ деревнѣ она говорила бурмистру: «Послушайте, бурмистръ, я хотѣла васъ попросить». Это уже черезчуръ по-иностранному... Она не умѣла сдѣлать мужа счастливымъ, была слишкомъ мотовата, охотница рядиться и излишними тратами ввела мужа въ долги и разстроила состояніе. Милая женщина, а совершенная пустодомка: «Я скорѣе буду ѣсть размазню безъ масла и готова отказывать себѣ во всемъ, но люблю, чтобы то, что я на себя надѣваю, было хорошо», говаривала она. Кн. Н. А. Вяземская умерла за границей въ 1876-1877 г. и тамъ же похоронена; у нихъ была одна дочь, Лидія (род. 28 Января 1840 г.; въ замужествѣ за Іорданъ).

За отцомъ кн. Вяземскаго состояло 550 душъ въ Тульской и 250 въ Рязанской губ. При этомъ отецъ предъ смертью († 20 Авг. 1833 г.) все имѣніе завѣщалъ одному князю Андрею, лишивъ другого сына наслѣдства. «Кн. Н. С. Вяземскій не могъ въ душѣ простить кн. Александру, что онъ попалъ въ заговоръ противъ Государя, а тутъ онъ еще повредилъ себѣ тѣмъ, что женился почти-что противъ воли отца на Корсаковой. «Я хочу, тетушка, скрыть отъ брата духовную и, какъ слѣдуетъ, все съ нимъ подѣлить пополамъ: имѣніе, движимость и деньги». — «Это ты доброе дѣло сдѣлаешь и грѣхъ съ отцовской души снимешь», говорю я. Онъ духовную отца изорвалъ и съ братомъ все пополамъ раздѣлилъ. Себѣ взялъ Студенцы, Велевское имѣніе и половину Рязанскаго, а остальное все отдалъ брату, такъ что тому пришлось еще больше,

чѣмъ ему. Онъ не пожадничалъ и, поступивъ по совѣсти, былъ этимъ очень успокоенъ, а брату ничего не сказалъ: на что было его вооружать противъ памяти отца? Честный и хорошій былъ человѣкъ князь Андрей Николаевичъ», заканчиваетъ Янькова [1]).

Петръ Васильевичъ Веригинъ, 1800—, изъ дворянъ Слободской-Украинской губ., гдѣ за отцомъ его состояло 800 душъ; 27 Іюня 1820 г. изъ отставныхъ прапорщиковъ Корпуса инженеръ-путей сообщенія поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ и чрезъ 6 мѣсяцевъ (21 Ноября) произведенъ въ эст.-юнкера, а 13 Марта 1823 г. въ корнеты; чрезъ три мѣсяца по производству въ офицеры (24 Іюня 1823 г.) переведенъ поручикомъ въ Казанскій драг. полкъ; въ 1828 г. произведенъ въ шт.-капитаны, а въ 1832 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью капитаномъ [2]).

Князь Никита Петровичъ Трубецкой, 1804—, сынъ д. ст. сов. кн. Петра Сергѣевича (1760—1817) и его второй жены кн. Маріи Петровны, рожд. Кроминой, поступилъ 2 Апр. 1823 г. изъ камеръ-пажей въ Кавалергардскій полкъ корнетомъ. Въ Сентябрѣ 1825 г. вступилъ въ бракъ съ дочерью премьеръ-майорши Анны Нелидовой, фрейлиною Александрой Александровной Нелидовой, и тогда же (26 Сент.) подалъ въ отставку. 21 Янв. 1827 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью поручикомъ, а 22 Іюля того же года опредѣленъ въ Иностранную коллегію, съ переименованіемъ въ поручики и пожалованіемъ камеръ-юнкеромъ; въ 1830 г. произведенъ въ титул. совѣтники и 13 Мая 1832 г. уволенъ, по прошенію, въ отставку. 1838 г., Ноября 27, вновь опредѣленъ на службу въ Почтовый департаментъ, съ жалованіемъ по 4500 р. въ годъ; въ 1839 г. «во вниманіе къ отлично успѣшному исполненію возложеннаго на него порученія» произведенъ въ колл. асессоры и пожалованъ церемоніймейстеромъ; въ 1842 г. произведенъ въ надв. совѣтники. Въ 1843 г. причисленъ къ министерству Внутреннихъ дѣлъ. Съ Іюня 1844 г. по Сентябрь 1846 г. кн. Трубецкой былъ командированъ въ Нижегородскую губернію для описанія оной въ статистическомъ отношеніи; въ 1847 г. произведенъ въ колл. совѣтники; въ 1849 г. произведенъ въ церемоніймейстеры и въ 1852 г. назначенъ членомъ Капитула орденовъ.

Былъ женатъ на Александрѣ Александровнѣ Нелидовой и имѣлъ дѣтей: Петра (р. 24 Іюня 1826 г.), Сергѣя (р. 10 Іюня 1829 г.), Екатерину (р. 6 Авг. 1831 г.) и Александру (р. 12 Марта 1836 г.).

Имѣлъ 400 душъ родовыхъ въ Нижегородской губ., за женой 100 душъ родовыхъ въ Смоленской губерніи [1]).

Графъ Дмитрій Николаевичъ Шереметевъ, 1803—1871, изъ древняго рода, извѣстнаго еще съ XIV вѣка; графское достоинство пожаловано Петромъ I въ 1706 г. боярину и фельдмаршалу Б. П. Шереметеву. Отецъ графа Дмитрія Николаевича, графъ Николай Петровичъ, внукъ знаменитаго фельдмаршала, былъ товарищемъ дѣтства Императора Павла I и оберъ-камергеромъ его двора. Онъ женился въ 1801 г. на своей крестьянкѣ, Прасковьѣ Ивановнѣ Ковалевой. 3 Февраля 1803 г. въ Петербургѣ у графа Шереметева родился сынъ Дмитрій, а двадцать дней спустя, умерла графиня Прасковья Ивановна [2]).

Шесть лѣтъ спустя, въ началѣ 1809 года, умеръ и отецъ, взявъ обѣщаніе съ друга покойной своей жены, Татьяны Васильевны Шлыковой, не выходить замужъ и не покидать его сына. Надъ сиротой назначена опека, при

---

1) Общ. арх. Главн. штаба, Форм. сп. 1854 г., кн. 16866; Долгоруковъ, I, 157; «Разсказы бабушки», Благово, 333, 355, 420, 444, 445, 450—452, 454.

2) Полк. архивъ; Леф. арх., Форм. сп. 1831 г., кн. 11174.

1) Полк. архивъ; Арх. М. Двора, оп. 31/1622, д. 3, л. 424; Долгоруковъ, I, 324 и 325; Благово, «Разск. бабушки», 448 и 449.

2) «Столѣтніе отголоски».

чемъ главнымъ попечителемъ былъ знаменитый Д. П. Трощинскій. Гр. Д. Н. Шереметевъ получилъ домашнее образованіе. Съ малыхъ лѣтъ онъ былъ принятъ при дворѣ вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны. 13 Іюля 1819 г. онъ впервые представлялся Государю. «Учитесь прилежно», сказалъ ему при этомъ Императоръ Александръ I, «отъ васъ потребуется больше, какъ отъ другихъ; вы имѣете на то всѣ средства. Въ службу входить не спѣшите; богатство безъ наукъ, безъ знанія, безъ просвѣщенія — ничто. Можете быть увѣрены, что мною забыты и оставлены не будете».

3 Февраля 1820 г. гр. Шереметевъ, достигнувъ 17-и лѣтъ, вступилъ въ управленіе своимъ громаднымъ имуществомъ. Тогда же онъ былъ пожалованъ въ камеръ-пажи, а 20 Апрѣля 1823 г. поступилъ на службу корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ. Онъ «не отличался крѣпкимъ тѣлосложеніемъ; воспитаніе получилъ странное: весьма мало заботились объ укрѣпленіи его здоровья въ виду предстоящей военной службы. Онъ никогда не былъ хорошимъ кавалеристомъ. Начало его службы и самое поступленіе были не легки. Если принять во вниманіе строгости тогдашней службы, то нельзя удивляться, что въ немъ рано развились нерѣшительность и недовѣріе къ себѣ, излишняя осмотрительность на ряду съ излишнимъ довѣріемъ, при врожденной застѣнчивости и отчужденности его воспитанія». Тѣмъ не менѣе, «службою своею въ полку онъ вообще былъ доволенъ» и, когда «встрѣчался со старыми товарищами, тотчасъ оживлялся—вспоминалъ прошлое, молодѣлъ»...

Въ 1827 г. гр. Шереметевъ былъ произведенъ въ поручики, въ 1830 г.—въ шт.-ротмистры, въ 1834 г.—въ ротмистры; въ 1833 г. назначенъ флигель-адъютантомъ, съ оставленіемъ во фронтѣ; въ 1831 г. награжденъ за Польскій походъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ; въ 1835 г. орденомъ св. Анны 3 ст.

Современники свидѣтельствуютъ о какомъ-то предубѣжденіи противъ молодого кавалергарда со стороны Императора Александра I, противорѣчившемъ тому «живѣйшему участію», какое Государь принималъ ранѣе въ судьбѣ малолѣтняго графа. Разсказываютъ, что при представленіи Императору молодого корнета Александръ I, какъ бы съ ироніей, сказалъ: «Покажите мнѣ этого богача»; въ другой разъ, когда гр. Шереметевъ подходилъ къ Александру I въ караулѣ и держалъ палашъ *подъ высь,* Государь строго замѣтилъ, что клинокъ очень хорошъ, и прибавилъ: «Щегольство не у мѣста». Въ полку графъ Шереметевъ пользовался сочувствіемъ товарищей. Почти всѣ офицеры полка знали Т. В. Шлыкову, которая сдѣлалась постоянной посѣтительницей смотровъ и ученій кавалергардовъ, при чемъ ея каретѣ всегда отводили удобное мѣсто. «Иныхъ она любила, напр., А. П. Бутурлина и кн. Н. П. Трубецкого». Кромѣ того, товарищами гр. Шереметева были—Чоглоковъ, Кожины, Араповы, Пантелѣевъ... «Одно время имѣлъ на него вліяніе Врасскій [1]), благодаря своеобразному мистическому настроенію». Въ эти года гр. Шереметевъ «не разъ задумывался о женитьбѣ».

14 Декабря 1825 года гр. Шереметевъ находился съ полкомъ на площади противъ мятежниковъ; въ этотъ день онъ возвратился домой съ площади совсѣмъ закоченѣлымъ. Воспитатель Д. Н. Шереметева, Simonin, «не долюбливалъ нѣкоторыхъ товарищей графа и предостерегалъ его отъ декабристовъ».

Торжество коронаціи Императора Николая I оставило у гр. Шереметева самыя свѣтлыя воспоминанія. Ребенкомъ онъ часто бывалъ у Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая ласкала его, называла «mon petit chou» и часто приглашала его къ себѣ въ Павловскъ, гдѣ онъ встрѣчался съ Великими Князьями Николаемъ и Михаиломъ Павловичами. Теперь, во время коронаціи, Государь, знавшій гр. Шереметева съ дѣтства, былъ къ нему чрезвычайно милостивъ. Пребываніе въ любимой Москвѣ, обиліе разнообразныхъ впечатлѣній, знакомство съ родными, особенно съ семействомъ С. В. Шереметева, заставили гр. Шереметева считать осень 1826 г. «счастливѣйшимъ временемъ» его жизни.

Въ 1830 г., во время холеры, Шереметевъ предоставилъ свой Воздвиженскій домъ для призрѣнія бѣдныхъ и давалъ имъ полное содер-

---

[1]) См. ихъ біографіи, кнн. III и IV.

жаніе; при этомъ онъ благодарилъ кн. Д. В. Голицына «за великую честь и удовольствіе», которыя тотъ сдѣлалъ ему, «пріобщивъ его къ числу его соотчичей, подающихъ въ столь тяжкую годину помощь страждущему человѣчеству».

Во время Польскаго возстанія 1830 года гр. Д. Н. Шереметевъ съ полкомъ долженъ былъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, но, по болѣзни, не могъ выступить одновременно съ полкомъ, который догналъ только подъ Варшавой.

Въ 1835 г. въ Воронежѣ гр. Шереметевъ заболѣлъ очень опасно. Возвращеніе графа къ жизни Пушкинъ привѣтствовалъ стихотвореніемъ «На выздоровленіе Лукулла», которое заканчивалось слѣдующимъ обращеніемъ къ самому гр. Шереметеву:

«Такъ, жизнь тебѣ возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: безцѣнный даръ она,—
Умѣй же пользоваться ею;
Укрась ее; года летятъ;
Пора! введи въ свои чертоги
Жену-красавицу,—и боги
Вашъ бракъ благословятъ».

Пожеланіе великаго поэта исполнилось черезъ два года. Въ 1838 г. гр. Шереметевъ вступилъ въ бракъ съ дочерью С. В. Шереметева, фрейлиной Анной Сергѣевной (р. 8 Мая 1810 г.), которую зналъ съ дѣтства. Вѣнчаніе было 18 Апрѣля въ церкви Аничкова дворца въ присутствіи Ихъ Величествъ. Императрица, по обычаю, «убирала» свою фрейлину; Императоръ Николай Павловичъ самъ проводилъ новобрачныхъ въ домъ ихъ, при чемъ пожелалъ встрѣтить молодыхъ съ хлѣбомъ-солью, чтобы, какъ онъ говорилъ, новобрачная «не иначе вошла въ домъ, какъ съ благословеніемъ».

Въ томъ же году гр. Шереметевъ вышелъ въ отставку. По поводу командировки его въ Архангельскъ къ набору рекрутъ произошло какое-то недоразумѣніе: «переговоры съ военнымъ министромъ Чернышевымъ, неудачная и неточная передача словъ, гнѣвъ Николая Павловича и отставка, которую Николай Павловичъ никогда не могъ ему простить». 3 Декабря гр. Шереметевъ былъ уволенъ отъ военной службы, съ производствомъ въ коллежскіе совѣтники, и пожалованъ камергеромъ.

Съ этого времени гр. Шереметевъ удалился въ частную жизнь. Домашній хоръ графа въ это время получилъ извѣстность, благодаря его регенту, талантливому Г. Я. Ломакину, который съ 1830 года руководилъ хоромъ. Делеръ писалъ музыку для него, а Францъ Листъ слушалъ пѣвчихъ графа со слезами восхищенія.

15 Апрѣля 1839 г. у Шереметевыхъ родился сынъ Николай, воспріемникомъ котораго былъ Императоръ Николай Павловичъ. Ребенокъ на пятомъ году (20 Октября 1843 г.) умеръ. Въ слѣдующемъ году, 14 Ноября 1844 г., родился второй сынъ, названный Сергѣемъ [1]). Пять лѣтъ спустя, 11 Іюня 1849 г., умерла въ Кусковѣ гр. Анна Сергѣевна; она погребена въ Знаменской церкви Новоспасскаго монастыря, усыпальницѣ рода Шереметевыхъ.

Послѣ смерти жены, гр. Шереметевъ сталъ вести замкнутую жизнь. Его утѣшеніемъ являлась религія и особенно благолѣпное служеніе въ его Петербургской домовой церкви св. Варвары при пѣніи его несравненнаго хора. Въ эту церковь, особенно на «ефимоны» и службы Страстной и Пасхальной недѣль, являлись и знатоки художественнаго пѣнія, и ревнители церковнаго благолѣпія.

Хоромъ занимался гр. Шереметевъ до конца своей жизни.

Въ 1856 г., во время коронаціи Александра II, при выборѣ мѣстопребыванія для Ихъ Величествъ на время говѣнія, Государь остановился на селѣ Останкинѣ гр. Шереметева, близъ Москвы [2]). Гр. Шереметевъ не пожалѣлъ средствъ для достойнаго пріема Августѣйшихъ гостей, которые прибыли въ Останкино 18 Августа 1856 г. Отслушавъ молебенъ въ мѣстной церкви, Ихъ Величества перешли въ домъ, гдѣ гр. Шереметевъ поднесъ имъ хлѣбъ-соль на золотомъ блюдѣ. Государь изъявилъ графу свое удовольствіе и затѣмъ, въ сопровожденіи его, осмотрѣлъ весь домъ. По окончаніи говѣнія Ихъ Величества, 25 Августа, отбыли въ Москву, сдѣлавъ богатые вклады въ Останкинскую церковь Св. Троицы. Въ день коронованія, 26 Авг., гр. Шереметевъ былъ пожалованъ въ гофмейстеры; 30 Августа награжденъ орденомъ св. Станислава 1 ст.— Императоръ Александръ Николаевичъ и въ слѣдующіе годы неоднократно обнаруживалъ свое благоволеніе къ Шереметеву, и 27 Августа 1858 г. Ихъ Величества снова посѣтили Останкино и провели тамъ три дня. Здѣсь былъ подписанъ Александромъ II «знаменательный манифестъ». Тогда же гр. Шереметевъ получилъ орденъ св. Анны 1 ст.; въ 1871 г. — св. Владиміра 2 ст.

---

[1]) См. его біографію, кн. IV.

[2]) Останкино, въ 3 верстахъ отъ Москвы на сѣверъ, между Крестовскою и Бутырскою заставами. Въ этомъ имѣніи, перешедшемъ къ гр. Шереметевымъ отъ кн. Черкасскихъ, находятся: церковь во имя Св. Троицы, построенная въ 1668 году и представляющая одинъ изъ лучшихъ образцовъ русской архитектуры; великолѣпный домъ, построенный въ 1797 г. гр. Н. П. Шереметевымъ, подъ наблюденіемъ крѣпостного архитектора Дикушева.

Въ 1857 г. гр. Д. Н. Шереметевъ женился на Александрѣ Григорьевнѣ Мельниковой (род. въ 1825 г.), смоленской дворянкѣ; отъ этого второго брака родились: 27 Февраля 1859 г. сынъ Александръ [1]), 26 Октября 1860 г. дочь Екатерина, вскорѣ умершая.

Графъ Д. Н. Шереметевъ вставалъ рано, долго ходилъ въ халатѣ, но никогда не опаздывалъ въ церковь, просматривалъ бумаги, но никогда не читалъ и не получалъ газетъ. «Необыкновенная подвижность не покидала его до послѣднихъ лѣтъ, тяжелый на подъемъ, онъ рѣдко выѣзжалъ, тѣмъ болѣе куда-либо далеко, но много и быстро ходилъ». «Никакой моды не признавалъ», «цѣнилъ тонкій столъ... охотно бесѣдовалъ съ поваромъ и любилъ сочувствующихъ и понимающихъ это дѣло. Посты соблюдалъ строго». «Любилъ духовныхъ разнаго чина» и зналъ многихъ Петербургскихъ гробовщиковъ. «Чувство скупости было ему непонятно и противно», кромѣ того, онъ «былъ очень разсѣянъ, и не мало съ нимъ бывало забавныхъ случаевъ». При этомъ онъ «былъ необыкновенно вспыльчивъ, и нерѣдко этимъ пользовались, нарочно доводили его до раздраженія, чтобы потомъ ему стало жаль»... «Необыкновенно чуткаго ко всякому проявленію сочувствія и расположенія, его привлекала простота и ласковый привѣтъ» и, наоборотъ, «коробила и сжимала сухость, холодность и заносчивость». Онъ былъ «смѣшливъ и подмѣчалъ забавное, но бывали дни, когда на него находила безпричинная тоска». Онъ былъ «очень мнителенъ, нерѣдко придавалъ значеніе случайностямъ»; кромѣ того, «у него были свои привычки и причуды; зрѣніе было прекрасное... Музыкальный слухъ былъ необыкновенно чуткій», и у него былъ пріятный теноровый голосъ.

12 Сентября 1871 г., въ 4 часа дня, гр. Шереметевъ въ Кусковѣ, подходя въ кабинетѣ къ письменному столу, упалъ и внезапно скончался отъ разрыва сердца. Тѣло его было перевезено въ Петербургъ и погребено въ Александро-Невской лаврѣ, въ церкви св. Лазаря. Очевидецъ погребенія былъ пораженъ разнообразіемъ присутствовавшей въ церкви толпы крестьянъ [2]).

Князь Александръ Тарасовичъ Дадіанъ, 1799—, 25 Апр. 1823 г. изъ «отставныхъ» [1]) камеръ-пажей произведенъ въ Кавалергардскій полкъ корнетомъ; 3 Апр. 1827 г. произведенъ поручикомъ, а 9 Ноября того же года уволенъ отъ службы за болѣзнью [2]).

Петръ Петровичъ Новосильцевъ, 1797—[3]), происходилъ изъ дворянской фамиліи, получившей гербъ и дворянскій дипломъ лишь въ 1786 г. и не имѣющей ничего общаго съ древнимъ дворянскимъ родомъ Новосильцовыхъ, къ которому принадлежалъ извѣстный сподвижникъ Александра I, Н. Н. Новосильцовъ. Хотя, по свидѣтельству диплома 1786 г., Новосильцевы происходятъ «отъ древнихъ и благородныхъ предковъ», тѣмъ не менѣе дѣдъ П. П. Новосильцева, Иванъ, былъ мценскій мѣщанинъ, дослужившійся до перваго офицерскаго чина въ половинѣ XVIII столѣтія. Отецъ Новосильцева, Петръ Ивановичъ, началъ службу секретаремъ Саратовской колоніальной конторы и постепенно достигъ должности генералъ-провіантмейстера и званія сенатора. Возвышеніе его объясняется не однимъ только его «рѣдкимъ умомъ и дарованіями», но, повидимому, и бракомъ съ Екатериной Александровной Торсуковой, братъ которой былъ женатъ на племянницѣ извѣстной М. С. Перекусихиной.

Новосильцевъ былъ младшій изъ троихъ сыновей Петра Ивановича [4]). Получивъ домашнее образованіе, онъ 17 Октября 1810 г. поступилъ на службу въ министерство Внутреннихъ дѣлъ. 1 Апрѣля 1812 г. былъ приписанъ къ канцеляріи министерства, а 15 Января 1813 года опредѣленъ въ находившійся въ С.-Петербургѣ Эстляндскій комитетъ. 31 Декабря 1814 г. онъ былъ произведенъ въ тит. совѣтники; 18 Марта 1815 г., по прошенію, уволенъ изъ гражданской службы и 14 Апрѣля 1816 г., по экзамену, принятъ въ свиту Е. В. по квартирмейстерской части колонновожатымъ. 12 Августа 1817 г. онъ былъ произведенъ въ прапорщики, но 19 Мая 1818 г., за болѣзнью, уволенъ въ отставку прежнимъ чиномъ. 19 Сентября 1820 г. онъ снова поступилъ въ военную службу и былъ опре-

---

[1]) См. его біографію, кн. IV.

[2]) Полк. арх., Форм. сп.; «Столѣтніе отголоски»; «Домашняя старина» (гр. С. Д. Шереметева), 8—12, 22, 23, 25—30, 47, 69, 70, 79, 82, 83, 85—87; «Гр. Д. Н. Шереметевъ» (его же), 9, 12; «Гр. А. С. Шереметева» (его же), 9 и 10; Р. Арх., 1882/III, 177; 1889/I, 519; 1892/II, 417 и 418; 1896/II, 474—476, 480, 509, 512; 1897/III, 514 и 515; 1898/I, 439 и 440; II, 196; «Чтенія», 1872/II, 223 и 224; Тарасенковъ, «Воспом. о Шеремет. больницѣ», 8; Фрейманъ, III, 241; Любецкій, С. Останкино, 29—31; Р. Стар., L, 313—323; Шильдеръ, IV, 211.

[1]) Производство изъ Пажескаго корпуса въ 1823 г. было 20 Апрѣля.

[2]) Полковой архивъ.

[3]) По формуляру 1858 г. Новосильцеву было 56 лѣтъ. Но Новосильцевъ вообще молодился и убавлялъ себѣ всегда именно 5 лѣтъ. (Р. Арх., 1898/II, 12).

[4]) Старшій его братъ, Николай Петровичъ, былъ статсъ-секретаремъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

дѣленъ, съ чиномъ корнета, въ Лейбъ-Кирасирскій Ея Вел. полкъ, а 19 Ноября того же года произведенъ въ поручики. 10 Октября 1822 года переведенъ въ лб.-гв. Кирасирскій Его Вел. полкъ, а 4 Сентября 1823 г. — въ Кавалергардскій; 8 Ноября 1828 г. произведенъ въ шт.-ротмистры, а 10 Апрѣля 1832 г. — въ ротмистры. Новосильцевъ числился въ Кавалергардскомъ полку до 1838 г., но не несъ дѣйствительной службы.

Еще 15 Декабря 1821 г. онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ Московскому генералъ-губернатору кн. Д. В. Голицыну и съ того времени постоянно жилъ въ Москвѣ. 7 Февраля 1838 г. Новосильцевъ назначенъ Московскимъ вице-губернаторомъ, съ переименованіемъ въ колл. совѣтники. Эту должность занималъ до 5 Сентября 1851 г., до назначенія губернаторомъ въ Рязань. Въ Москвѣ Новосильцевъ получилъ рядъ наградъ, начиная съ ордена св. Анны 3 ст. (5 Сент. 1826 г.) и кончая орд. св. Анны 1 ст. (23 Апр. 1850 г.).

Кн. Д. В. Голицынъ до конца жизни относился къ нему съ неизмѣннымъ расположеніемъ и довѣріемъ и, считая его способнымъ и исполнительнымъ человѣкомъ, возлагалъ на него разныя порученія. Послѣ кончины Александра I, кн. Голицынъ «открылъ за тайну» Новосильцеву, что въ Успенскомъ соборѣ хранится пакетъ съ завѣщаніемъ Государя; его же онъ послалъ въ Петербургъ съ присяжными листами Императору Константину, при чемъ ему поручено было развѣдать о положеніи дѣлъ въ сѣверной столицѣ. Московскіе знакомые Новосильцева считали его просвѣщеннымъ человѣкомъ, пріятнымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ. Погодинъ, проводившій вмѣстѣ съ Новосильцевымъ лѣто въ селѣ Знаменскомъ, подмосковномъ имѣніи кн. Трубецкихъ [1]), отмѣчалъ его «необыкновенную учтивость» и любовь къ просвѣщенію. Вмѣстѣ съ Погодинымъ Новосильцевъ сѣтовалъ на «препоны къ просвѣщенію» и «восхищался» только - что вышедшимъ десятымъ томомъ «Исторіи Государства Россійскаго»; онъ же являлся заступникомъ Погодина передъ генералъ-губернаторомъ во всякихъ «журнальныхъ непріятностяхъ». Въ обществѣ Новосильцевъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «Casse-noisette», при чемъ основаніемъ для этого прозвища послужила безобразившая его, выдававшаяся сильно впередъ, нижняя челюсть. Московскіе шутники прозвали Новосильцева «Московскимъ Ангулемскимъ», сопоставляя усмиреніе имъ бунта крестьянъ помѣщика Баскакова съ испанской экспедиціей племянника Людовика XVIII. Но существуютъ и болѣе рѣзкіе о немъ отзывы. Утверждали, что при учрежденіи корпуса жандармовъ Новосильцевъ писалъ къ гр. Бенкендорфу, «вызываясь, на основаніи своей приближенности къ князю (Голицыну), быть шпіономъ при своемъ благодѣтелѣ». По увѣренію сенатора Лебедева, Новосильцевъ въ Москвѣ «пользовался общимъ презрѣніемъ».

По поводу назначенія Новосильцева Рязанскимъ губернаторомъ ходили слухи, что онъ былъ «сбытъ» изъ Москвы «по предстательству» генералъ-губернатора гр. Закревскаго, который будто бы на вопросъ о томъ, почему Новосильцевъ назначенъ въ Рязань, говорилъ, что «тамъ былъ еще хуже». Но самъ Новосильцевъ обыкновенно «чванился» тѣмъ, что онъ былъ назначенъ въ Рязань на особыхъ условіяхъ, а именно: яко бы онъ выговорилъ себѣ освобожденіе отъ всякаго рода ревизій черезъ чиновниковъ министерства Внутреннихъ дѣлъ и право прочитывать всѣ донесенія мѣстнаго жандармскаго штабъ-офицера своему начальству. Несомнѣнно, что первая привилегія была нарушаема министерствомъ. По вступленіи въ должность губернатора (8 Нояб. 1851 г.), Новосильцевъ старался показать себя энергичнымъ и тактичнымъ администраторомъ. Онъ не смѣнилъ никого изъ служившихъ при его предшественникѣ, С. П. Кожинѣ [1]), и даже хотѣлъ выказать уваженіе къ его памяти особенно торжественной панихидой по немъ. Въ то же время онъ старался, такъ или иначе, почтить заслуги живыхъ представителей Рязанской администраціи; съ этой цѣлью онъ придумалъ праздновать «съ нѣкоторою официальностью» пятидесятилѣтній юбилей службы вице-губернатора, ветерана Отечественной войны, С. С. Веселовскаго. Особенно сблизился Новосильцевъ съ благочестивымъ и простодушнымъ архіепископомъ Гавріиломъ (Розановымъ). Это было тѣмъ естественнѣе, что губернаторъ отличался большимъ внѣшнимъ благочестіемъ. Видя бѣдность своей приходской Вознесенской церкви, Новосильцевъ пожелалъ быть избраннымъ въ старосты, завелъ при ней хоръ изъ воспитанниковъ училища, дѣтей канцелярскихъ служителей, и самъ ходилъ съ блюдомъ. Вслѣдствіе этого весь «бо-мондъ стремился туда посмотрѣть, какъ губернаторъ шествуетъ по церкви съ тарелкою въ рукахъ». Это увеличило средства церкви, и при ней были устроены два придѣла, изъ которыхъ одинъ былъ посвященъ св. Петру митрополиту, патрону губернатора.

Съ самаго начала Новосильцевъ усердно принялся за дѣла и три раза въ недѣлю сидѣлъ по нѣскольку часовъ въ губернскомъ правле-

---

[1]) Кн. Ив. Дм. Трубецкой былъ женатъ на Е. А. Мансуровой, родственницѣ первой жены Новосильцева.

[1]) Смотри его біографію.

ніи. Для контроля надъ мѣстной администраціей онъ лично производилъ ревизіи въ уѣздахъ. Обративъ вниманіе на крайне плохое состояніе путей сообщенія въ предѣлахъ Рязанской губерніи, онъ старался упорядочить дѣятельность губернской Строительной и Дорожной коммиссіи, которую въ шутку называлъ «безпутной».

Недоимки взыскивались при Новосильцевѣ такъ успѣшно, что черезъ два года по назначеніи его въ Рязань губернаторомъ ему было объявлено (11 Окт. 1853 г.) Высочайшее благоволеніе за «уменьшеніе недоимокъ». Большую энергію проявлялъ Новосильцевъ по отношенію къ расколу и молоканству. Губернаторъ самъ принималъ участіе въ увѣщаніи раскольниковъ вмѣстѣ съ епархіальнымъ архіереемъ и отправлялся въ уѣздные города для запечатыванія ихъ молеленъ, при чемъ въ Зарайскѣ ему удалось заставить перейти въ единовѣріе 28 человѣкъ. Крымская война потребовала отъ губернатора особой дѣятельности, и, по словамъ Новосильцева, онъ «личнымъ нравственнымъ вліяніемъ на дворянство и весь край успѣлъ, съ сохраненіемъ выгодъ казны, выполнить многочисленныя требованія правительства». Въ то же время «губернаторъ», по словамъ гр. Бутурлина, «считалъ общественныя удовольствія не изъ послѣднихъ нуждъ городской жизни». Въ этомъ онъ имѣлъ усердную сотрудницу въ лицѣ своей второй жены, Меропы Александровны, урожденной Берингъ, обладавшей искусствомъ «tenir son salon».

Не столь успѣшной оказалась административная дѣятельность Новосильцева. Причиной этого были прежде всего самый характеръ губернатора и его административные пріемы. «Нельзя не сознаться», пишетъ Бутурлинъ, «что серіозной стороны не было въ его характерѣ, и легкомысліе его взглядовъ на иные вопросы, возбуждающіе общественный интересъ, было таково, что давало поводъ сомнѣваться, имѣлъ ли этотъ добрѣйшій человѣкъ какія-нибудь убѣжденія. Были, правда, случаи, когда онъ высказывалъ то, что могло казаться его убѣжденіемъ, но послѣдовательности у него не было, и дѣйствія противорѣчили словамъ.... Административная его терпимость граничила съ несправедливостью, въ томъ отношеніи, что, терпя одинаково лѣнивыхъ и трудящихся чиновниковъ, не оказывалъ онъ поощренія послѣднимъ. «Ахъ, mon cher», говаривалъ губернаторъ, «ну, напишу въ министерство, чтобы ихъ смѣнили, и пришлютъ мнѣ, пожалуй, еще худшихъ; этихъ я умѣю по крайней мѣрѣ держать въ извѣстныхъ границахъ». Новосильцевъ не нашелъ въ Рязани надежныхъ себѣ помощниковъ, но и потомъ не сумѣлъ ихъ найти, при чемъ явно даже покровительствовалъ недостойнымъ людямъ, какъ, напримѣръ, рязанскому исправнику того времени, преступная дѣятельность котораго губернаторомъ открыто покрывалась. Все это не могло способствовать упорядоченію управленія Рязанскою губерніей. «Не могу не сознаться», пишетъ Бутурлинъ, «что подъ конецъ административный строй былъ распущенъ». Это было извѣстно и въ Петербургѣ. Самъ Новосильцевъ всегда увѣрялъ, что пользуется особымъ благоволеніемъ Императора Николая I и утверждалъ, будто при послѣднемъ свиданіи Государь сказалъ ему: «Продолжай вести себя и служить, какъ ты это дѣлалъ, я не останусь у тебя въ долгу». Зато министръ Внутреннихъ дѣлъ Бибиковъ, по словамъ Бутурлина, постоянно «открыто высказывалъ нерасположеніе къ личности» Новосильцева и «не цѣнилъ его безкорыстья». «Придирки» Бибикова «были до того невыносимы», что Бутурлинъ «удивлялся долготерпѣнію» Новосильцева.

Извѣстіе о кончинѣ Николая Павловича очень «опечалило и разстроило» Новосильцева. Но перемѣна царствованія повлекла отставку Бибикова, и для Новосильцева «наступила болѣе благопріятная эра». Онъ, не получившій въ теченіе 6 лѣтъ ни одной награды, 31 Декабря 1855 г. былъ награжденъ короной на орденъ св. Анны 1-й ст. Вскорѣ, однако, и новый министръ, Ланской, убѣдился въ томъ, что Новосильцевъ «распустилъ губернію». Весной 1856 г. Новосильцевъ испросилъ себѣ шестимѣсячный отпускъ для поѣздки въ Неаполь, гдѣ жила его больная чахоткой дочь, кн. Ек. П. Вяземская. Всѣ были увѣрены, что онъ уже не возвратится въ Рязань, такъ какъ для управленія губерніей нарочно былъ присланъ изъ Петербурга вице-директоръ департамента Исполнительной полиціи гр. Д. Н. Толстой. Но Новосильцевъ, узнавъ, что губернаторомъ предполагается утвердить въ Рязани гр. Толстого, а ему дать другое назначеніе, поспѣшилъ осенью 1856 г. въ Петербургъ и здѣсь «убѣдительно присталъ къ С. С. Ланскому, чтобы не сдѣлали ему подобнаго афронта, и, если онъ, дѣйствительно, распустилъ губернію, то кому же другому и исправить ее, какъ не ему самому». Министръ согласился, и гр. Толстой былъ назначенъ въ Калугу. Но при новомъ направленіи во внутренней политикѣ правительства Новосильцевъ не долго удержался на мѣстѣ. Въ 1857 г. онъ испыталъ крупную по тому времени непріятность «попасть» въ «Колоколъ» за усмиреніе бунта въ с. Дѣдновѣ Зарайскаго уѣзда.

Въ это время были начаты приготовленія къ крестьянской реформѣ. Вслѣдствіе несочувствія Новосильцева видамъ правительства,

8 Февраля 1858 г. онъ былъ уволенъ отъ должности губернатора и причисленъ къ министерству Внутреннихъ дѣлъ. «По полученіи Высочайшаго указа объ освобожденіи крестьянъ», писалъ въ 1865 г. Новосильцевъ Государю, «и послѣ того, какъ мною были приняты мѣры къ составленію Губернскаго комитета, я совершенно неожиданно былъ удаленъ отъ занимаемой мною должности.... Глубоко огорченный этимъ обстоятельствомъ, я прибылъ въ Петербургъ, желая объяснить себѣ, если не причину, то по крайней мѣрѣ предлогъ принятой противъ меня мѣры. Здѣсь я узналъ отъ князя В. А. Долгорукаго, что на меня былъ сдѣланъ доносъ: будто бы я ѣздилъ въ Москву для свиданія съ гр. Закревскимъ; что отъ него я будто бы слышалъ, что предполагаемая мѣра не можетъ быть приведена въ исполненіе, и что по возвращеніи моемъ въ Рязань на данномъ мнѣ дворянствомъ обѣдѣ объяснилъ, что я раздѣляю мнѣніе гр. Закревскаго... Но въ Москвѣ я не былъ, никакого обѣда отъ дворянъ не принималъ, и могъ ли я себѣ дозволить мысль противиться священной волѣ Вашего Величества на пути святого дѣла. Доносъ этотъ былъ чистая ложь, въ чемъ нынѣ самъ кн. Долгоруковъ вполнѣ убѣжденъ, тѣмъ не менѣе, по принятому порядку, г. шефъ жандармовъ сообщилъ о доносѣ гр. Ланскому. Гр. Ланской, не давъ себѣ времени узнать обстоятельствъ дѣла, и, вѣроятно, подъ вліяніемъ окружавшихъ его людей, лично мнѣ враждебныхъ, представилъ меня къ удаленію отъ занимаемой мной должности. Оной мѣрой я лишенъ былъ столь драгоцѣннаго для меня довѣрія Вашего Величества, лишенъ былъ чести участвовать трудомъ и долголѣтнею опытностью въ знаменитѣйшемъ событіи моего отечества и поставленъ въ рядъ неспособныхъ и вредныхъ людей».

Иначе представляетъ дѣло гр. Бутурлинъ, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ человѣка, «довольно близкаго» къ Новосильцеву. «По полученіи извѣстнаго циркуляра», пишетъ Бутурлинъ, «Петръ Петровичъ отвѣчалъ, что изъ объясненій съ дворянами онъ узналъ, что они не находятъ своевременнымъ приступать къ измѣненію чего-либо въ настоящихъ отношеніяхъ между помѣщиками и крѣпостными ихъ людьми, съ каковымъ взглядомъ и онъ, губернаторъ, вполнѣ согласенъ; и затѣмъ онъ указывалъ на пагубныя для государства послѣдствія, могущія возникнуть отъ нарушенія крѣпостного начала при незрѣлости нашихъ крестьянъ. Подобное мнѣніе губернатора, хотя оно шло въ разрѣзъ съ правительственною тенденціею и обличало человѣка, не понимающаго знаменій времени, все-таки показываетъ нѣкоторую отважность... Но не выдержалъ характера легкомысленный Петръ Петровичъ... Н. А. Дивовъ замѣтилъ ему, что онъ затѣваетъ немаловажное для себя затрудненіе этимъ оффиціальнымъ протестомъ противъ очевидной Монаршей воли. Слова моего кузена заставили, вѣроятно, Петра Петровича потрезвѣе разобрать pro и contra этого вопроса, и онъ, измѣнивъ прежній свой образъ дѣйствій, черезъ недѣлю вторично донесъ министру, что послѣ перваго своего донесенія онъ имѣлъ случай снова бесѣдовать съ рязанскимъ дворянствомъ, которое заявило ему, что находитъ своевременнымъ приступить къ коренной реформѣ крестьянскаго быта, съ чѣмъ и онъ, какъ губернаторъ, вполнѣ согласенъ. Какъ ни покровительствовалъ ему дотолѣ С. С. Ланской, но столь явная непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ губернатора была уже слишкомъ разительна». По другимъ свѣдѣніямъ Новосильцевъ, находя, что «изъятія мелкихъ имѣній изъ крѣпостного состоянія принесло бы государству несомнѣнную пользу», возставалъ противъ совершеннаго упраздненія крѣпостного права, которое называлъ «однимъ изъ главныхъ устоевъ государственнаго строя, освященнымъ въ Россіи столѣтіями и согласнымъ съ основными постановленіями Россійскаго государства».

Извѣстно также, что въ Январѣ 1858 г. министерство Внутреннихъ дѣлъ было вынуждено разъяснить рязанскому губернатору (и вмѣстѣ съ нимъ семи предводителямъ разныхъ губерній), что «правительство не отступитъ отъ своего намѣренія» касательно крестьянской реформы.

По оставленіи поста губернатора, Новосильцевъ большею частью жилъ за границей. Оставаясь причисленнымъ къ министерству, 3 Ноября 1861 г. онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники.

Отъ перваго брака съ узаконенной дочерью сенатора Мансурова, Натальей Павловной († 1830 г.), Новосильцевъ имѣлъ дочь Екатерину (р. 1825 г.), бывшую замужемъ за кн. Н. С. Вяземскимъ, и сына Ивана (р. 1827 г.); отъ второго брака, съ дочерью капитана Меропой Александровной Берингъ, — одну только дочь Софью (р. 1846 г.) [1]).

А. Голомбіевскій.

---

[1]) Арх. М. Вн. дѣлъ, Форм. сп. 1858 г., за № 30; Всеподданнѣйшее письмо Новосильцева къ Государю 25 Марта 1865 г.; Долгоруковъ, IV, 168; его же, «Mémoires», 163 и 164; Бобринскій, II, 410; Барсуковъ, «Жизнь и Труды Погодина», I, 175, 238, 276; III, 84, 105; Р. Арх., 1867 г., 1315 и 1316; 1870 г., 1166 и слѣд.; 1872 г., 2102; 1888/I, 485; 1898/I, 276, 388—399, 404, 405, 418; II, 11—17, 19, 20—23, 36, 304, 306, 324, 327, 407—409, 417, 419, 422, 426, 427, 436/437, 544, 564—566; 1901/V, 28; Русск. Стар., 1889/VII, 145; XXXI, 3 и 4.

Адамъ Станиславовичъ Могучій, 1799—1863, изъ дворянъ Витебской губерніи (VI часть), былъ сынъ Станислава Мартыновича, лб.-медика Императрицы Екатерины II и потомъ Витебскаго вице-губернатора, и жены его Іозефы, дочери генерала Снарскаго, сестры жены фельдмаршала князя Витгенштейна; по окончаніи полнаго курса наукъ въ Полоцкой іезуитской академіи, поступилъ въ 1811 г. на службу канцеляристомъ въ Витебскій главный судъ; въ 1813 г. произведенъ въ городовые секретари; въ 1814 г. уволенъ по прошенію отъ службы; въ 1815 г. поступилъ порт.-прапорщикомъ въ Сѣвскій пѣх. полкъ; въ томъ же году переведенъ въ Калужскій пѣх. полкъ; въ 1817 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1819 г. въ подпоручики, въ 1820 г. въ поручики; въ томъ же году переведенъ въ Харьковскій драг. полкъ; въ 1822 г. назначенъ адъютантомъ къ дежурному генералу 2-й арміи (Байкову); 6 Сентября 1823 г. переведенъ лб.-гв. въ Конно-егерскій полкъ, а 26 Ноября того же года въ Кавалергардскій полкъ, съ оставленіемъ адъютантомъ; въ 1826 г. награжденъ годовымъ не въ зачетъ жалованьемъ; въ 1828 г. награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. и произведенъ въ шт.-ротмистры; въ 1829 г. отчисленъ во фронтъ, но, не прибывая къ полку, переведенъ 21 Апрѣля 1830 г. майоромъ въ Черниговскій конно-егерскій полкъ; 11 Іюля 1831 г. переведенъ обратно въ Кавалергардскій полкъ шт.-ротмистромъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ генералу Довре, а 30 Декабря того же года уволенъ отъ службы за болѣзнью подполковникомъ; въ 1839 г. избранъ судьей въ Витебскій совѣстный судъ и вступилъ въ должность предсѣдателя коммиссіи для ревизіи Витебскаго дворянскаго депутатскаго собранія; въ 1843 г., по прошенію и за болѣзнью, уволенъ отъ службы; въ 1844 г. награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й ст.; въ томъ же году вновь вступилъ въ должность совѣстнаго судьи; въ 1846 г., по прошенію и за болѣзнью, уволенъ отъ службы; въ 1856 г., по выбору дворянства, опредѣленъ предсѣдателемъ Витебской гражданской палаты; въ 1857 г. утвержденъ директоромъ попечительнаго о тюрьмахъ комитета; въ 1858 г. назначенъ непремѣннымъ членомъ въ редакціонную коммиссію Витебскаго губ. комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ; въ 1860 г. награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст. Участвовалъ въ походѣ 1828 г. Былъ женатъ на Могилевской помѣщицѣ Юліи Насѣкиной и имѣлъ сына Станислава, умершаго 14 Декабря 1861 г. А. С. Могучій умеръ на службѣ 23 Апрѣля 1863 г. и похороненъ на фамильномъ кладбищѣ въ родовомъ имѣніи «Городня».

За нимъ состояло 108 душъ Витебской губерніи и уѣзда, въ имѣніи «Городня» [1]).

Николай Акимовичъ Гудимъ-Левковичъ, 1796 — 1866, сынъ поручика Акима Ивановича; по окончаніи въ 1818 г. не полнаго курса въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ вступилъ въ службу въ 1819 году подпрапорщикомъ въ Псковскій пѣх. полкъ; въ 1820 г. порт.-прапорщикомъ; 20 Ноября 1820 г. переведенъ эст.-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ «для совмѣстной службы съ родственникомъ»; 22 Февраля 1824 г. произведенъ корнетомъ, въ 1827 г. поручикомъ; 24 Декабря 1828 г. избранъ полк. казначеемъ, въ 1832 г. произведенъ шт.-ротмистромъ, въ 1834 г. ротмистромъ; 12 Января 1837 г. уволенъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ полковникомъ, съ мундиромъ; 14 Декабря 1825 г. находился въ рядахъ полка противъ мятежниковъ; участвовалъ съ полкомъ въ Польской войнѣ 1831 г. и награжденъ орд. св. Анны 3 ст. съ бантомъ. Въ 1833 г. «за благоразумное распоряженіе, способствовавшее къ скорому прекращенію пожара» служившаго близъ казармъ полка, получилъ Монаршее благоволеніе. При выходѣ Гудимъ-Левковича изъ полка было отдано въ полковыхъ приказахъ 15 и 24 Января 1837 г.: «Пріятнѣйшимъ долгомъ считаю изъявить совершенную мою благодарность г. ротмистру Гудиму-Левковичу за исправность, съ которою сдана должность полкового казначея, тѣмъ болѣе, что найденный порядокъ и устройство служатъ доказательствомъ постоянныхъ его трудовъ, съ коими управлялъ онъ сею должностію въ продолженіе восьмилѣтняго времени».

---

[1]) Полк. арх.; Свѣдѣнія, сообщ. А. С. Могучимъ.

«При сдачѣ школы кантонистовъ и пѣвческой команды я вновь усмотрѣлъ, въ какомъ отличномъ, исправномъ состояніи суть сіи части, и сколько были полезны занятія завѣдывающаго оными ротмистра Гудима-Левковича. Неусыпные труды и благоразумныя распоряженія ротмистра Гудима-Левковича въ исправленіи столь обширной казначейской должности, при заботахъ управленіемъ кантонистской школы и пѣвческой команды, хотя и всегда обнаруживались по исправному ходу дѣлъ первой и очевидному успѣху по остальнымъ частямъ, но при самой сдачѣ ихъ я могъ еще болѣе убѣдиться, до какой степени имъ заведенъ былъ и сохранялся тотъ порядокъ, которымъ сіи части подымались, невзирая на многочисленныя затрудненія при вступленіи его въ казначейскую должность. Будучи увѣренъ, что признательность моя за труды г. ротмистра Гудима-Левковича, которыми онъ меня совершенно обезпечилъ во время исправленія должности, и нынѣ, при сдачѣ ея, имъ будетъ принята новымъ доказательствомъ искренней моей благодарности, я обязанностію считаю сію мою благодарность вторично сдѣлать извѣстной по полку». Съ 1844 г. по 1861 г. былъ избираемъ Васильковскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и награжденъ орд. св. Анны 2 ст. (1846 г.), тѣмъ же орденомъ съ Имп. короной (1857 г.) и св. Владиміра 4 ст. (1857 г.).

Былъ женатъ на Екатеринѣ Ивановнѣ и имѣлъ дѣтей: Сергѣя (Кіевскій губ—ръ; р. 12 Августа 1842 г., † 1886 г.; женатъ на Варварѣ Павл. Алферьевой), Екатерину (р. 5 Ноября 1846 г.), Александра (†, женатъ на дочери кавалергарда Николая Ник. Бахметева [1]) Софьѣ).

Имѣлъ 718 душъ при с. Тельшовкѣ Васильковскаго у., Кіевской губерніи [2]).

Урбанъ Каетановичъ Бобръ-Піотровицкій, 1799—, изъ дворянъ Виленской губ.; 27 Іюня 1820 г. поступилъ въ Кавалергардскій полкъ юнкеромъ; въ 1821 г. произведенъ въ эст.-юнкера, 22 Февраля 1824 г. въ корнеты, въ 1827 г. въ поручики; 23 Февраля 1829 г. уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ шт.-ротмистромъ. Былъ женатъ на дѣвицѣ Рцишевской; бракъ бездѣтный; впослѣдствіи она вышла замужъ за Карвицкаго.

У отца Бобръ-Піотровицкаго было въ Виленской губ. около 1000 душъ [3]).

---

[1]) См. Сборникъ біогр. кавалергардовъ, кн. IV.

[2]) Полк. архивъ; Свѣдѣнія, сообщ. Н. Н. Бахметевымъ.

[3]) Полк. архивъ; Свѣдѣнія, сообщ. о. Пирлингомъ.

Павелъ Ивановичъ Тимковскій 2-й, 1803—1875, братъ Владиміра Ивановича, родился 4 Января 1803 г.; воспитаніе получилъ во 2 Петербургской гимназіи, гдѣ его отецъ былъ директоромъ; на службу поступилъ 7 Ноября 1820 г. юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; въ 1821 г. произведенъ въ эст.-юнкера, 22 Февраля 1824 г. въ корнеты, въ 1827 г. въ поручики, въ 1832 г. въ шт.-ротмистры; 27 Ноября 1832 г. уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ; въ 1834 г. опредѣленъ вновь на службу майоромъ въ Бѣлгородскій уланск. полкъ; 27 Октября 1837 г. уволенъ за болѣзнью отъ службы, съ чиномъ надв. совѣтника, и въ 1838 г. причисленъ къ Департаменту Удѣловъ; въ 1841 г. переименованъ въ майоры, съ назначеніемъ Каменецъ-Подольскимъ жандармскимъ губернскимъ шт.-офицеромъ; въ 1842 г. произведенъ въ подполковники; въ 1846 г. перемѣщенъ въ Витебскую губернію, въ 1848 г. въ Рязанскую губернію; въ 1850 г. произведенъ въ полковники; въ 1854 г. назначенъ командовать 3 дивизіономъ (резервнымъ) Клястицкаго гус. полка; 1 Сентября 1858 г., за болѣзнью, уволенъ отъ службы генер.-майоромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья.

Участвовалъ съ Кавалергардскимъ полкомъ въ походѣ 1831 г. и награжденъ орд. св. Анны 3 ст.; 14 Декабря 1825 г. находился въ строю на Дворцовой и Исакіевской площадяхъ. Въ 1830 г., по случаю женитьбы, получилъ въ единовременное вспомоществованіе годовой окладъ жалованья, 780 р. ассигн.; въ 1845 г. награжденъ орд. св. Станислава 2-й ст., въ 1848 г. орд. св. Анны 2-й ст., въ 1853 г. орд. св. Георгія 4-й ст. за 25 л. службы и въ 1856 г. орд. св. Станислава 2-й ст. съ Имп. короною.

Въ 1829 г. женился на дочери умершаго полковника Генер. штаба Андрея Мартыновича

Буцковскаго — Елизаветѣ; въ 1858 году былъ вдовъ и имѣлъ дѣтей: Николая (р. 20 Окт. 1830 г.; подпоручикъ Олонецкаго пѣх. полка), Андрея (р. 13 Января 1837 г.; прапорщикъ Кексгольмскаго гренадерск. полка), Александра (р. 13 Ноября 1844 г.; находился въ 1-мъ С.-Петерб. кад. корпусѣ), Ивана (р. 21 Янв. 1849 г.), и дочерей: Екатерину (р. 4 Окт. 1832 года; вдова полковн. Норова), Лидію (р. 21 Марта 1834 г.; вдова умершаго отъ ранъ шт.-капитана Глазе), Татьяну (р. 10 Янв. 1840 г.; въ Московскомъ Екатерининскомъ институтѣ), Ольгу (р. 14 Дек. 1841 г.) и Марію (р. 28 Апрѣля 1843 г.; въ Смольномъ монастырѣ).

Умеръ 14 Ноября 1875 г. и погребенъ на кладбищѣ Большой Охты [1]).

Графъ Болеславъ Станиславовичъ Потоцкій, 1801—1893, былъ сынъ графа Станислава-Феликса (Щенскаго) Францевича († 3/15 Марта 1805 г.) и извѣстной гречанки Софіи-Челиче Клявона, матери гр. И. О. Витта; въ службу вступилъ 23 Ноября 1821 г. порт.-юнкеромъ въ 1-й Украинскій уланск. полкъ; въ 1823 г. корнетомъ; 14 Мая 1824 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ и 5 Января 1827 г. уволенъ въ отставку поручикомъ; 27 Ноября 1828 г. причисленъ къ департаменту Удѣловъ, съ переименованіемъ въ тит. совѣтники, и 6 Декабря пожалованъ камеръ-юнкеромъ; 11 Декабря 1834 г. уволенъ по прошенію въ отставку, а черезъ два года (11 Янв. 1836 г.) вновь опредѣленъ на службу въ министерство Народнаго Просвѣщенія, съ пожалованіемъ камеръ-юнкеромъ. Гр. Потоцкій былъ, по щедрой благотворительности, однимъ изъ выдающихся дѣятелей по народному образованію.

Вторичное поступленіе его на службу совпало съ заботами его объ учрежденіи гимназіи въ принадлежавшемъ ему м. Немировѣ. Въ 1838 г., «за значительныя пожертвованія въ пользу учебныхъ заведеній министерства Народн. Просвѣщенія», былъ пожалованъ камергеромъ и избранъ дворянствомъ почетнымъ попечителемъ Немировской гимназіи. Въ слѣдующемъ (1839) году ему объявлено Высоч. благоволеніе «за значительное пожертвованіе на устройство и содержаніе въ м. Богополѣ уѣзднаго для дворянъ училища»; въ 1840 г. пожалованъ орд. св. Анны 2 ст.; въ 1842 г. произведенъ въ колл. асессоры. Въ 1847 г. гр. Потоцкій вновь получилъ Выс. благоволеніе «за постройку зданія для закрытаго заведенія при Немировской гимназіи». До 1850 г. онъ каждое трехлѣтіе былъ избираемъ почетнымъ попечителемъ, а въ 1851 г., «по Высоч. утвержденному положенію Комитета Министровъ, за значительныя пожертвованія на учрежденіе Немировской гимназіи и другія похвальныя дѣйствія его на пользу воспитанія юношества, утвержденъ поч. попечителемъ этой гимназіи на неопредѣленное время». Въ 1852 г., «за примѣрное усердіе и пожертвованіе на устройство православныхъ церквей, какъ въ имѣніяхъ его, такъ равно и въ Немировской гимназіи и въ учрежденномъ имъ Сиротскомъ домѣ», удостоенъ Высочайшаго благоволенія; въ 1854 г., «не въ примѣръ другимъ», пожалованъ церемоніймейстеромъ и «за усердіе къ войскамъ, выражающее вѣрноподданническія его чувства», награжденъ орд. св. Владиміра 3 ст. Въ 1856 г. произведенъ въ дѣйств. статск. совѣтники, въ 1859 г. пожалованъ орд. св. Станислава 1 ст., въ 1861 г. — гофмейстеромъ, въ 1866 г., когда исполнилось 25 лѣтъ состоянія его почетн. попечителемъ Немировской гимназіи, — орденомъ св. Анны 1 ст.

23 Ноября 1866 г. Потоцкій былъ уволенъ, согласно прошенія, отъ службы, но ровно черезъ мѣсяцъ (23 Декабря) вновь опредѣленъ состоящимъ при министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Въ 1871 г. онъ получилъ орд. св. Владиміра 2 ст., въ 1874 г. пожалованъ оберъ-шенкомъ, въ 1877 г. орденомъ Бѣлаго Орла и, при коронаціи Императора Александра III, орден. св. Александра Невскаго.

Былъ женатъ съ 1825 г. на княжнѣ Маріи Александровнѣ Салтыковой (1806—1845) и имѣлъ дочь Марію (†), замужемъ за графомъ Г. С. Строгановымъ [1]).

Графъ Алексѣй Алексѣевичъ Бобринской, 1800—1868, родился 6 Января 1800 г. и принадлежалъ ко второму колѣну недавняго, но высокаго по происхожденію рода Бобринскихъ. Собственноручнымъ письмомъ отъ 2 Апрѣля 1781 г. Императрица Екатерина II извѣстила Алексѣя Григорьевича Бобринского († 20 Іюня 1813 г.), что рожденіе его послѣдовало 11 Апрѣля 1762 г. Другимъ письмомъ, того же числа, она пожаловала ему гербъ. Павелъ I, чрезъ пять дней по восшествіи своемъ на престолъ, 12 Ноября 1796 г., воз-

1) Полк. арх.; Общ. арх. Гл. штаба, 3 ст., 1 отд., 1858 г., св. 1973, д. 1218, л. 27; Свѣдѣнія, сообщ. Н. П. Тимковскимъ.

1) Полк. арх.; Архивъ М. Двора, оп. 31/1622, д. 13, лл. 258—266; Уничт. дѣла арх. Сената; Долгоруковъ, II, 80; Свѣдѣнія, сообщ. гр. Потоцкими и о. Пирлингомъ.

велъ Б—го въ «графское Россійской имперіи достоинство».

Отецъ гр. Алекс. Алекс. не былъ выдающимся человѣкомъ, мать — Анна Владиміровна, рожденная баронесса Унгернъ-Штернбергъ (1769—1846)—представляла изъ себя тотъ цѣльный до художественности, угасшій нынѣ типъ свѣтской женщины, такъ неотразимо влекущій къ себѣ и такъ властно и мягко царившій въ старинныхъ салонахъ; она «имѣла много изъ тѣхъ качествъ и дарованій, которыя даютъ и освящаютъ эту власть» [1]). Ихъ бракъ былъ счастливъ, но непродолжителенъ. Поселившись послѣ смерти мужа въ деревнѣ, гр. Анна Вл. горячо занялась устройствомъ своихъ обширныхъ имѣній и воспитаніемъ и образованіемъ своихъ дѣтей. Когда дѣти подросли, она снова переселилась въ Петербургъ и отдала сыновей въ славившуюся тогда «Муравьевскую школу».

10 Іюля 1817 г. Бобринской былъ переведенъ въ Свиту Е. В. по квартермистерской части, а 15 Октября того же года въ л.-гв. Гусарскій полкъ эст.-юнкеромъ и 2 Февраля 1819 г. произведенъ въ корнеты; въ 1822 г.— поручикомъ и 17 Апрѣля 1824 г. переведенъ въ кавалергарды. 21 Января 1827 г. онъ [2])

вышелъ въ отставку, съ чиномъ шт.-ротмистра, и 31 Октября того же года поступилъ на службу сначала въ департаментъ Удѣловъ, а затѣмъ (съ 17 Ноября 1833 г.) въ министерство Финансовъ, гдѣ и служилъ съ перерывами до 1846 г. [3]). Все это время семья Бобринскихъ, оставаясь въ Петербургѣ, «жила открытымъ домомъ»—этою особенною жизнью салоновъ, которою такъ славились раньше западныя столицы. Въ этой атмосферѣ изящества и благородства и сложился окончательно характеръ Бобринского.

Вотъ какъ говоритъ о немъ кн. П. А. Вяземскій. «Онъ былъ свѣтлое, стройное изваяніе, которымъ любовались ближніе и достойные цѣнители изящнаго» [1]). Таковъ былъ Бобринской съ внѣшней стороны, — таковъ былъ и съ внутренней: «все грубое, рѣзкое, шероховатое было тяжело его душѣ; все свѣтлое и высокое неотразимо влекло его чистую душу».

То же подтверждаетъ А. О. Смирнова: «Характеръ его былъ самый благородный, и души онъ высокой» [2]).

«Графъ Бобринской былъ либералъ въ лучшемъ и возвышеннѣйшемъ значеніи этого слова», пишетъ тотъ же кн. Вяземскій. «Либерализмъ его былъ не чисто политическій, который можно легко позаимствовать, брать на прокатъ и усвоивать себѣ изъ памфлетовъ и газетъ. Либерализмъ его заключался въ прирожденномъ чувствѣ, во внутреннемъ, никогда не развлекаемомъ и ничѣмъ не соблазняемомъ служеніи вѣчнымъ началамъ любви человѣческой, законности, правосудности и правомѣрія, которое не имѣетъ двухъ вѣсовъ и двухъ мѣръ, смотря по тому, какъ приходится судить—направо или налѣво» [3]).

Такъ же тепло и сочувственно отзывается князь Вяземскій и о женѣ Бобринского: «Графиня С. А. Бобринская, рожденная гр. Самойлова, была женщина рѣдкой любезности, спокойной, но неотразимой очаровательности» [4]).

Не одинъ кн. Вяземскій—всѣ современники, близко знавшіе семью Бобринскихъ, подтверждаютъ въ своихъ воспоминаніяхъ справедливость этой характеристики.

Вотъ, напр., что читаемъ мы въ записной книжкѣ гр. П. Х. Граббе: «Жена его... милая и умная женщина... Достойное, благородное семейство! Хозяйка, съ высокой душой, умомъ отличнымъ и съ привѣтливостью луч-

---

1) Кн. Вяземскій, «Гр. А. А. Бобринской», Р. Архивъ, 1868 г., стр. 2035 и 2036.

2) Полк. архивъ, Исх. журн. 1826 г.

3) 31 Октября 1827 г. переименованъ въ колл. асесс. и пожалованъ въ камеръ-юнкеры; въ 1834 г.— камергеромъ и въ должность церемоніймейстера; въ 1835 г. назначенъ членомъ Мануфактуръ-совѣта; въ 1836 г. надв. совѣтникомъ, въ 1841 г. статскимъ совѣтникомъ, въ 1845 г. д. ст. совѣтникомъ; въ 1846 г. въ должность шталмейстера и награжденъ орденомъ св. Станислава 1 ст., въ 1848 г. орд. св. Анны 1 ст.; 1854 г. пожалованъ шталмейстеромъ; въ 1863 г. награжденъ орд. св. Владиміра 2 ст. и въ 1865 г. орденомъ Бѣлаго Орла.

1) Р. Архивъ, 1868 г., стр. 2028.

2) Тамъ же, 1895/VII, 330.

3) Тамъ же, 1868 г., стр. 2032.

4) Р. Архивъ, 1868 г., стр. 2037.—О ней много данныхъ у академика Веселовскаго въ «В. А. Жуковскій» (СПБ., 1904 г.).

шаго тона... Графиня — образецъ женщины свѣтской, сохранившей вѣру во все высокое и благородное» [1]).

Имя гр. А. А. Бобринского прежде всего связано у насъ съ возникновеніемъ свекло-сахарной промышленности. И, дѣйствительно, стоитъ только вспомнить, сколько труда, времени и капиталовъ было вложено гр. А. А. въ это дѣло, чтобы отдать полную справедливость словамъ князя Вяземскаго: «Онъ вынесъ ее на своихъ плечахъ и далъ ей важность и размѣры государственной промышленности» [2]). Свекло-сахарная промышленность появилась у насъ въ самомъ началѣ (1802 г.) прошлаго столѣтія въ очень скромныхъ размѣрахъ, при щедрой поддержкѣ правительства, и находилась всецѣло въ рукахъ англичанъ. Несмотря на государственную субсидію, цѣны на сахаръ стояли прямо баснословныя: послѣ 1812 г., напримѣръ, 1 ф. сахару стоилъ 1 р. 20 коп., а съ 1820 г. за пудъ сахару платили 80 руб. ассигнаціями. Государственной власти пришлось поневолѣ свыкнуться съ такимъ положеніемъ дѣлъ, а потому, когда выступилъ гр. Бобринской съ своими проектами насажденія отечественной промышленности, то встрѣтилъ сильный отпоръ въ лицѣ министровъ финансовъ — Канкрина и Вронченка; и тотъ и другой утверждали, что русское свекловичное производство не можетъ развиться до такихъ размѣровъ, чтобы государство извлекало себѣ изъ этого выгоды, а потому всячески тормозили это новое дѣло.

Однако, гр. Бобринской не страшился борьбы. Въ 1824 г. въ с. Михайловскомъ Тульской губ. онъ построилъ свой первый свекло-сахарный заводъ; дѣла пошли хорошо, и вскорѣ имъ былъ открытъ второй заводъ въ мѣстечкѣ Смѣлѣ Кіевской губ. Этотъ заводъ сдѣлался образцовымъ не только въ Россіи, но и за границей, и сыгралъ выдающуюся роль въ дѣлѣ возникновенія и развитія у насъ свекло-сахарнаго производства; при заводѣ были устроены мастерскія, лабораторія, и сдѣлано все необходимое для производства чисто-научныхъ опытовъ, пробы всевозможныхъ приборовъ и нововведеній въ этой области [3]).

Чтобы видѣть успѣхи въ возрождающейся промышленности, обѣщающей огромныя выгоды отечеству, онъ трудился часто, какъ простой работникъ, сутокъ по-двое безъ отдыха, чтобы вполнѣ прослѣдить нововведенія и предполагаемыя улучшенія [4]).

1) Р. Архивъ, 1889/IV, 528, 551 и 565.
2) Тамъ же, 1868 г., стр. 2046.
3) «Восп. о гр. Бобринскомъ». М., 1868 г.
4) Тамъ же; Шишковъ, 18 и 19.

Но далеко не съ своекорыстными цѣлями предпринимались графомъ всѣ эти, иногда очень дорого стоющія, затѣи: всѣмъ желающимъ безпрепятственно показывались самыя послѣднія новинки въ этой области; имъ даже былъ устроенъ особый пріютъ для подготовки мастеровъ, которые потомъ разсылались на другіе заводы, чтобы улучшить, укрѣпить и прочно водворить сахарное производство на родинѣ. Онъ угадалъ его огромное значеніе для Россіи и, направивъ всю свою энергію на его процвѣтаніе, достигъ ожидаемыхъ плодовъ. «Онъ нашелъ себѣ» многихъ послѣдователей, которые дѣйствовали такъ успѣшно, что въ настоящее время Россія можетъ уже довольствоваться своимъ сахаромъ, не завися отъ привоза иностраннаго [1]).

Не менѣе важна для государства была дѣятельность гр. Бобринского въ сферѣ развитія у насъ желѣзныхъ дорогъ: онъ первый далъ мощный толчокъ къ водворенію у насъ желѣзно-дорожнаго строительства.

Какъ извѣстно, около 1833 г., въ Петербургъ явился австрійскій подданный, инженеръ Герстнеръ, съ предложеніемъ своихъ услугъ для постройки желѣзной дороги въ Россіи. Предложеніе это было встрѣчено очень холодно, какъ несбыточное. Одинъ гр. Бобринской заинтересовался предложеніемъ Герстнера, сталъ его изучать, ближе сошелся съ самимъ Герстнеромъ, вскорѣ сдѣлался горячимъ защитникомъ этого предложенія и даже помогъ дѣлу денежными средствами [2]).

Чтобы нагляднѣе пропагандировать идеи Герстнера, онъ «построилъ въ своемъ саду, за домомъ своимъ, въ Галерной, рельсовый путь

1) «Восп. о гр. Бобринскомъ». М., 1868 г.; Воспоминаніе С. А. Маслова, 6.
2) Записка гр. А. А. Бобринского.

на шпалахъ, длиною въ десятокъ саженей, на которомъ была поставлена на колесахъ платформа, нагруженная камнями, около 500 пудовъ, и открылъ садъ посѣтителямъ. Ежедневно стекались сюда любопытные, никогда не видавшіе ничего подобнаго, и удивлялись легкости, съ которою подобный грузъ передвигался по рельсамъ съ помощью одной только лошади» [1]).

На ряду съ этимъ онъ энергично отстаивалъ цѣлесообразность и необходимость устройства желѣзныхъ дорогъ и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Наконецъ по свидѣтельству его сына, «рѣшено было графомъ Бобринскимъ сдѣлать, для почина, желѣзную дорогу до Царскаго Села и Павловска» [2]). Но и относительно этой небольшой вѣтви ему пришлось встрѣтить массу препятствій; «наконецъ, не безъ труда, преодолѣвъ предразсудки и отстранивъ препятствія недоброжелателей, гр. Алексѣй Алексѣевичъ, подъ личнымъ покровительствомъ Императора Николая, который одинъ почти держалъ его сторону,—приступилъ къ работамъ [3]). Въ самомъ началѣ работъ Герстнеръ по дѣламъ уѣхалъ въ Америку. «Въ его отсутствіе, продолжавшееся мѣсяца 4, всѣми распоряженіями по устройству Царскосельской жел. дороги завѣдывалъ графъ А. А.» [4]).

Онъ «остался и тутъ вѣренъ своему характеру и входилъ во всѣ подробности. Онъ наблюдалъ за постройкой зданій, укладкой рельсовъ, проводилъ дни у обжиганія кокса до тѣхъ поръ, пока дѣло это не было приведено въ желаемый порядокъ; сочинялъ форму для билетовъ; не разъ прошелъ по рельсамъ всѣ 20 верстъ до самаго Царскаго Села, провѣряя укладку рельсовъ и т. п. Примѣровъ не откуда было брать; приходилось все измышлять самому» [5]). Такимъ образомъ, несмотря на всѣ препятствія и продолжавшуюся оппозицію, графъ Бобринской энергично велъ дѣло дальше, и къ 1838 г. уставъ былъ утвержденъ, и дорога открыта [6]).

«Императоръ Николай I, желая показать сочувствіе желѣзной дорогѣ, рѣшилъ, что весенній переѣздъ двора изъ Петербурга въ Царское Село будетъ совершенъ по желѣзной дорогѣ» [7]).

Послѣ поѣздки Государя по желѣзной дорогѣ, дѣло стало на прочную почву, и можно было подумать объ устройствѣ желѣзной дороги и между столицами. Несмотря, однако, на опытъ Царскосельской ж. д., сопротивленіе новому проекту было едва ли не болѣе, чѣмъ прежде.

Для обсужденія вопроса, Государь собралъ особое совѣщаніе; въ числѣ лицъ, приглашенныхъ на засѣданіе, находился и гр. Бобринской.

Большинство членовъ высказалось противъ постройки; несмотря на это, Императоръ Николай [1]) назначилъ особый комитетъ и строительную комиссію; въ послѣднюю вошелъ и гр. А. А. Такъ же неутомимо работалъ онъ и здѣсь, энергично устраняя всѣ препятствія и горячо ратуя за это молодое, многообѣщавшее дѣло. Его труды не остались напрасными.

Николаевская дорога была выстроена. Затѣмъ, въ слѣдующее царствованіе Россія покрылась цѣлой сѣтью путей. Царскосельская дорога сдѣлалась, «какъ ботикъ Петра I, первымъ опытомъ дѣла, которому предстояло достигнуть большого развитія» [2]).

Не мало труда, времени и капиталовъ положилъ гр. Бобринской и на улучшеніе земледѣлія. «Въ теченіе 30 лѣтъ», говоритъ Бенардаки, «онъ измѣнилъ весь строй сельско-хозяйственной дѣятельности нашего края. Онъ первый ввелъ у насъ глубокую обработку земли, удобреніе, правильную рубку лѣсовъ, травосѣяніе и употребленіе усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій. Примѣръ графа А. А. служилъ закономъ для насъ всѣхъ» [3]). Графъ Бобринской лично занялся усовершенствованіемъ и изобрѣтеніемъ различныхъ земледѣльческихъ орудій: придуманы плуги, получившіе названіе плуговъ Бобринского, разные углубители, катки, сѣялки, распашники и т. д.

Садоводство у него было такъ прекрасно поставлено, что «садовникъ короля Прусскаго, бывши въ С.-Петербургѣ, не могъ надивиться тому превосходному состоянію и необыкновенному цвѣтенію растеній по методѣ графа» [4]). Онъ, между прочимъ, вывелъ розу, большую, темно-пунцовую, извѣстную подъ именемъ Rose Bobrinskoy.

Но, несмотря на самое разумное использованіе обширныхъ лѣсныхъ угодій, заводы гр. Бобринского потребляли такое количество топлива, что лѣса стали рѣдѣть, и дрова повысились въ цѣнѣ. Тогда графъ А. А. сталъ искать въ своихъ имѣніяхъ торфа, нашелъ его, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ имъ отапливался Михайловскій заводъ. Вслѣдъ за торфомъ былъ найденъ лигнитъ, какъ переходный

---

1) Записка гр. А. А. Бобринского.
2) Тамъ же.
3) Тамъ же.
4) «Восп. о гр. Бобринскомъ», 15.
5) Записка гр. А. А. Бобринского.
6) Тамъ же.
7) Тамъ же.

---

1) Р. Старина, 1885/V, 315.
2) Записка гр. А. А. Бобринского.
3) «Воспом. о гр. Бобринскомъ», 33.
4) Тамъ же.

слой къ каменному углю, а затѣмъ удалось открыть и обширныя залежи каменнаго угля. Эта находка, обезпечившая топливомъ его заводы, сыграла выдающуюся роль въ развитіи у насъ добычи угля. Послѣ доказательства пригодности каменнаго угля для топлива не только заводовъ, но и паровозовъ, начались обширныя изысканія угля и правительствомъ, и частными лицами. Въ заключеніе приведемъ взглядъ на значеніе каменнаго угля для жел. дорогъ извѣстнаго геолога Гельмерсена: «Мы смотримъ на это дѣло, какъ на выигранное, какъ на побѣду надъ упорными предубѣжденіями, и охотно приносимъ искренній долгъ благодарности настойчивости и энергіи владѣльцевъ Малевки и Товаркова (имѣнія графовъ Бобринскихъ) за то, что они не уставали въ трудной борьбѣ противъ предразсудковъ, и что создали промышленность, которая, сильно поддерживаемая устройствомъ желѣзной дороги, дастъ новое значеніе центральной Россіи» [1]).

Дѣятельность графа Бобринского по достоинству была оцѣнена современниками: 12 ученыхъ обществъ, въ томъ числѣ Вольно-экономическое, Московское общество сельскаго хозяйства, университетъ св. Владиміра и другія [2]) избрали его своимъ почетнымъ членомъ, а послѣ его смерти большинство изъ нихъ постановило увѣковѣчить память почившаго дѣятеля и повѣсить его портретъ въ залѣ своихъ засѣданій. Его смерть вызвала самое искреннее сожалѣніе у всѣхъ знавшихъ его и его полезную дѣятельность.

Графъ А. А. Бобринской умеръ 4 Октября 1868 года; «12 дней тѣло его оставалось въ Смѣлѣ; въ продолженіе всего этого времени служащіе при заводѣ устроили очередь и поперемѣнно, неотлучно, дежурили при гробѣ. Бывшіе крестьяне его приходили, поодиночно и цѣлыми волостями, помолиться за упокой души горячо любимаго помѣщика своего; когда повезли тѣло въ Петербургъ, около 2000 человѣкъ провожали его и, отложивъ лошадей, везли гробъ на себѣ за нѣсколько верстъ отъ Смѣлы. Такъ провожали графа въ послѣдній разъ люди, столь долго зависѣвшіе отъ него!» [1]). Тѣло гр. Бобринского было отправлено въ Петербургъ для погребенія въ Александро-Невской лаврѣ.

Графъ А. А. Бобринской былъ женатъ на гр. Софьѣ Александровнѣ Самойловой (4 Окт. 1799 — 11 Ноября 1866 г.) и имѣлъ трехъ сыновей: Александра (17 Мая 1823—24 Февр. 1903 г.), Владиміра (2 Окт. 1824 — 28 Мая 1898 г.) и Льва (р. 8 Ноября 1831 г.) [2]).

Н. Петровъ.

Памятникъ гр. А. А. Бобринскому въ Кіевѣ.

1) «Воспом. о гр. Бобринскомъ», 31.
2) Записка гр. А. А. Бобринского.

Вильгельмъ - Генрихъ Фрезеръ (Fräzer), 1802—, изъ португальскихъ дворянъ [3]), поступилъ 22 Апрѣля 1821 г. вольноопредѣляющимся въ Кавалергардскій полкъ [4]); «по хода-

1) Тамъ же, 3.
2) Полк. архивъ; Долгоруковъ, II, 174; Р. Архивъ, 1868 г., стр. 2026—2048; 1870 г., стр. 2016; 1879/VI, 257; 1884/V, 136; Р. Старина, 1885/V, 314—317; 1890/II, 322; 1890/IV, 221—224; «Воспоминаніе о гр. А. А. Бобринскомъ», М., 1868; Голосъ, 1868 г., № 295; Иллюстрир. газета, 1868 г., № 41, стр. 255; Записка гр. А. А. Бобринского (рукопись).
3) «Certifions que le chevalier Guillaume-Henri Fräzer est le fils légitime du général de brigade Henri-David Fräzer et petit-fils du général de cavalerie Jean Forbes de-Skellater, qui a commandé en chef les troupes Portugaises qui, réunies aux troupes Espagnoles, ont fait la campagne du Roussillon contre la République Française en 1793; certifions pareillement que par sa mère et sa grand'mère ledit Guillaume-Henri Fräzer est allié aux familles les plus illustres et les plus distinguées de la noblesse du Royaume de Portugal. Vicomte de Lapa». (Португ. посланникъ). «St-Pétersbourg, 22 Décembre 1820/3 Janvier 1821». (Полк. архивъ).
4) «Проситъ Королевства Португальскаго подданный, дворянинъ шевалье Вильгельмъ Фрезеръ о нижеслѣдующемъ: прибывъ въ Россію съ чрезвычайнымъ посломъ Его Величества Короля Португальскаго и уполномочнымъ министромъ при дворѣ В. И. Вел. виконтомъ де-Лаппе, единственная ревность моя вступить въ военную В. И. Вел. службу возбудило во мнѣ желаніе слѣдовать въ С.-Петербургъ, а потому всеподданнѣйше прошу»....

тайству австрійскаго посланника барона Лебцельтерна, Высочайше повелѣно переимнеовать въ юнкера со времени опредѣленія его въ полкъ»; 10 Декабря произведенъ въ эст.-юнкера. Полкъ тотчасъ же представилъ Фрезера къ производству въ офицеры въ Лейбъ-Кирасирскій Ея Вел. полкъ, но онъ былъ оставленъ въ кавалергардахъ и 27 Сентября 1824 г. въ корнеты. 14 Октября 1826 г. Фрезеръ былъ уволенъ за границу въ отпускъ, ибо имѣлъ, какъ писалъ онъ въ прошеніи, «крайнюю и необходимую надобность быть въ отпуску въ королевствѣ Шотландскомъ, въ провинціи Абердинъ, для принятія во владѣніе имѣнія, доставшагося по наслѣдству отъ внучатнаго дяди его Вильгельма Форбесъ де-Скельтеръ въ 1820 г., съ тѣмъ именно условіемъ, что вступить въ оное въ будущемъ 1827 г., и для раздѣла части сего же имѣнія съ сестрами въ королевствѣ Португальскомъ, въ г. Лиссабонѣ».... Въ 1827 г. произведенъ въ поручики; 1 Января 1828 г. назначенъ адъютантомъ къ ген.-ад. гр. Палену 1-му (Петру Петр.). 18 Іюня 1825 г., «въ воздаяніи похвальнымъ человѣколюбивымъ подвигамъ, оказаннымъ во время бывшаго въ С.-Петербургѣ 7 Ноября 1824 г. наводненія», Всемилостивѣйше пожалованъ орд. св. Анны 3 ст.—14 Декабря 1825 г. находился въ строю Кавалергардскаго полка противъ мятежниковъ. Въ 1829 г. Фрезеръ былъ уволенъ въ отпускъ въ Лиссабонъ, но на обратномъ пути заболѣлъ въ Парижѣ [1]). 15 Января 1830 г. отчисленъ отъ должности адъютанта, а 13 Февраля того же года уволенъ отъ службы за болѣзнью [2]).

19 Марта 1832 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью шт.-ротмистромъ. Делингаузенъ находился въ строю Кавалергардскаго полка на Дворцовой площади 14 Декабря 1825 г. Съ 1857 г. переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ въ 1883 г. умеръ и похороненъ. Женатъ не былъ. У отца его было въ Эстляндской губ. 2500 душъ и каменные дома въ Петербургѣ и Ревелѣ [1]).

Баронъ Федоръ (Фридрихъ) **Федоровичъ Делингаузенъ 1-й,** 1805—1883, изъ дворянъ Эстляндской губ., сынъ бар. Федора отъ брака съ рожд. Крузенштернъ, родился 22 Февр. 1805 г.; 31 Января 1822 г. поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; 20 Іюля 1824 г. произведенъ эст.-юнкеромъ, 22 Декабря того же года корнетомъ, въ 1828 году поручикомъ;

1) «Le désir de rejoindre son chef dans le plus bref délai possible l'avait porté à faire ce voyage à franc étrier. Arrivé à Paris, les fatigues de la route et l'échauffement qui s'en est suivi, ont valu à cet officier une maladie de vessie dont il souffre depuis près de quatre mois et qui le rend incapable de rentrer dans ce moment en activité de service. Le médecin qui le traite a conseillé de se rendre à Aix en Savoie, afin d'y prendre les eaux». (Письмо Поццо-ди-Борго Нессельроде изъ Парижа 17/23 Авг. 1829 г., М. Арх. М. И. д., II—11—1829—29).

2) Полк. архивъ; см. Р. Арх., 1886/VI, 265 и 266. — Мы нигдѣ не могли найти свѣдѣній, подтверждающихъ предположеніе гр. З. Гр. Чернышева о Фрезерѣ.

Александръ Ивановичъ Тимковскій 3-й, 1804 — 1883, братъ Владиміра Ивановича; воспитаніе получилъ въ частномъ учебномъ заведеніи; службу началъ 10 Октября 1822 г.

1) Полк. архивъ; Исх. журн. 1829 г., № 286.

юнкеромъ въ Кавалергардскомъ полку; въ 1823 г. эст.-юнкеромъ, 1 Янв. 1825 г. корнетомъ, въ 1828 г. поручикомъ, въ 1832 г. шт.-ротмистромъ, а 4 Янв. 1833 г. переведенъ въ Новгородскій кирас. полкъ майоромъ; въ 1835 г. переведенъ въ Малороссійскій кирас. полкъ и произведенъ въ подполковники; въ 1845 г. произведенъ въ полковники; въ 1846 г. переведенъ въ Бѣлгородскій уланск. полкъ; въ 1848 г. назначенъ командиромъ Бѣлгородскаго уланск. полка; въ 1853 г. произведенъ въ ген.-майоры; въ 1855 г. зачисленъ по армейской кавалеріи; въ 1857 г. — въ запасныя войска; 11 Апр. 1861 г. произведенъ въ ген.-лейт. и уволенъ отъ службы, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада по 1145 руб. сер. въ годъ.—Участвовалъ съ Кавалергардскимъ полкомъ въ походѣ 1831 г.—14 Дек. 1825 г. «находился въ строю» въ войскахъ Гвардейскаго корпуса на Дворцовой и Исаакіевской площадяхъ. Въ 1837 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст.; въ 1844 г. орд. св. Станислава 2-й ст.; въ 1848 г. св. Георгія 4-й ст. за 25 лѣтъ службы; въ 1850 г. орд. св. Анны 2-й ст.; въ 1852 г. орд. св. Анны 2-й ст. съ Имп. короной и въ 1859 г. единовременнымъ пособіемъ въ 430 руб. сер. — Былъ женатъ на дочери колл. совѣтника Маріи Захаровнѣ Яковлевой. Дѣтей не имѣлъ. Умеръ въ 1883 г. въ С.-Петербургѣ и погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ [1]).

Аркадій Аркадіевичъ Нелидовъ, 1807—, братъ Федора Аркадіевича, кончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ и 18 Ноября 1822 года поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ. Въ 1823 году произведенъ въ эст.-юнкеры, 16 Марта 1825 г. въ корнеты; 4 Іюня 1827 г. назначенъ адъютантомъ къ гр. Сакену; въ 1828 г. произведенъ въ поручики. 24 Февраля 1832 г. уволенъ въ отставку шт.-ротмистромъ. По выходѣ въ отставку былъ избранъ въ 1849 г. Курскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Въ 1852 г. былъ снова избранъ, но не утвержденъ въ должности, а утвержденъ Д. Н. Кирѣевскій, 2-й кандидатъ.

Въ 1849 году прибывшіе на губернскіе выборы въ г. Курскъ дворяне разсуждали между прочимъ о незаконныхъ, по ихъ мнѣнію, дѣйствіяхъ бывшаго въ то время губернатора А. П. Устимовича, направленныхъ противъ дворянъ. Между многими случаями указывали, какъ на поразительный примѣръ, что губернаторъ, вопреки дарованной Императрицею Екатериною II грамотѣ, безъ суда посадилъ въ острогъ помѣщика Анненкова, награжденнаго за постройку въ г. Кіевѣ церкви, подъ названіемъ «Десятинной», орденомъ св. Владиміра. Таковой поступокъ губернатора Устимовича возмутилъ Курскихъ дворянъ; они обратились къ губернскому предводителю П. А. Солнцеву (служившему передъ тѣмъ Орловскимъ губернаторомъ) за разъясненіемъ, не можетъ ли онъ сообщить имъ, на какомъ основаніи такъ незаконно, по ихъ мнѣнію, дѣйствуетъ губернаторъ, и почему онъ самъ, какъ губернскій предводитель, не принялъ никакихъ мѣръ по дѣлу Анненкова? Солнцевъ сначала давалъ уклончивые отвѣты, а затѣмъ объяснилъ, что онъ не счелъ возможнымъ заступиться за Анненкова въ виду неблаговидныхъ его поступковъ, недостойныхъ званія дворянина, приводя нѣкоторые изъ нихъ. Гг. дворяне остались недовольны объясненіями Солнцева и находили, что губернскій предводитель, какъ представитель всего дворянства, во всякомъ случаѣ обязанъ оберегать права дворянъ.

Вслѣдствіе такихъ недоразумѣній Солнцевъ отказался баллотироваться въ губернскіе предводители, и нужно было выбрать, вмѣсто него, другого, «болѣе энергичнаго и дѣятельнаго», какъ разсуждали дворяне. Остановились на прибывшемъ въ первый разъ на выборы Аркадіѣ Аркадіевичѣ Нелидовѣ, имѣвшемъ тогда, какъ предполагалось, большія связи при дворѣ черезъ его сестру, фрейлину Варвару Аркадіевну Нелидову.

Онъ былъ избранъ громаднымъ большинствомъ голосовъ. Нелидовъ, чтобы оправдать довѣріе дворянъ, поступивъ на должность губернскаго предводителя, сталъ въ другія отношенія къ губернатору Устимовичу, чѣмъ бывшій Солнцевъ. Въ то время почему-то считалось нужнымъ для достоинства губернскаго предводителя быть не въ ладу съ губернаторомъ, что замѣчалось во многихъ губерніяхъ. Между тѣмъ вышло новое узаконеніе, по которому губернатору предоставлялось право, по 3-му пункту, увольнять отъ службы полицейскихъ чиновниковъ, хотя бы служившихъ по выборамъ дворянства, безъ объясненія причинъ увольненія. Губернаторъ Устимовичъ пользовался этимъ правомъ по своему усмотрѣнію.

При всякомъ такомъ случаѣ Нелидовъ старался отстаивать этихъ чиновниковъ, «считая», какъ онъ говорилъ, «нравственною своею обязанностью, какъ губернскій предводитель,

---

[1]) Общ. арх. Гл. шт., 3 ст., I отд., 1861 г., д. 285, л. 179.

заступаться за дворянъ», отчего часто между ними происходили несогласія и пререканія. Нелидовъ уѣхалъ въ Петербургъ и вскорѣ увѣдомилъ оттуда своихъ знакомыхъ въ Курскѣ, что, по Высочайшему повелѣнію, въ Курской губерніи назначается сенаторская ревизія. Это извѣстіе еще болѣе подняло Нелидова во мнѣніи дворянъ.

Осенью въ 1850-мъ году прибылъ на ревизію сенаторъ Ф. А. Дурасовъ. Прошло мѣсяцевъ восемь по прибытіи сенатора Дурасова; черезъ городъ Курскъ долженъ былъ проѣзжать Государь Николай Павловичъ.

За день до пріѣзда, сенаторъ получилъ эстафету съ приказаніемъ выѣхать навстрѣчу Императору на маленькую почтовую станцію въ 17-и верстахъ отъ Курска, гдѣ назначенъ былъ обѣдъ для Государя, вмѣсто предполагаемаго въ Курскѣ. Сенаторъ, при своемъ представленіи Императору, докладывалъ ему на станціи о результатахъ своей ревизіи и при этомъ, вѣроятно, далъ отзывы неудовлетворительные о губернаторѣ Устимовичѣ, судя по тому, что, когда Государь пріѣхалъ въ Курскъ, и у подъѣзда дома, назначеннаго для его помѣщенія, встрѣтилъ его губернаторъ Устимовичъ съ почетнымъ рапортомъ въ рукахъ, то Государь рапорта не принялъ и грозно сказалъ ему, что онъ отрѣшается отъ должности губернатора и предается суду, должность же его передается вице-губернатору, впредь до назначенія новаго губернатора. Затѣмъ, не выходя изъ коляски, Государь, сверхъ ожиданія, проѣхалъ Курскъ...

Наступилъ новый срокъ дворянскихъ выборовъ въ 1852 году. Нелидовъ опять былъ блистательно выбранъ въ губернскіе предводители [1]). Послѣ выборовъ Нелидовъ, отличавшійся оригинальностью, нашелъ нужнымъ разослать всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ циркулярныя письма, которыя начинались такъ: «Свершилось нравственное мое торжество»... Но не суждено было исполниться его ожиданіямъ. Въ то время губернаторомъ въ Курскѣ былъ В. А. Казадаевъ.

У него съ Нелидовымъ также явились пререканія по разнымъ дѣламъ, касающимся дворянъ.

Послѣ новаго избранія Нелидова, Казадаевъ, въ свою очередь, отправился въ Петербургъ и, представляясь Государю, доложилъ ему, что Нелидовъ своимъ вліяніемъ на служащихъ въ губерніи чиновниковъ часто противодѣйствуетъ ему въ его административныхъ распоряженіяхъ, подвергая ихъ превратнымъ толкованіямъ, и тѣмъ препятствуетъ его дѣйствіямъ, какъ губернатора.

Когда министромъ Внутреннихъ дѣлъ представленъ былъ Государю докладъ объ избранныхъ двухъ кандидатахъ на должность губернскаго предводителя въ Курской губерніи, то онъ утвердилъ не перваго, Нелидова, а второго, Кирѣевскаго [1]). Это неожиданное утвержденіе второго кандидата, какъ не бывалое никогда въ Курской губерніи, произвело между дворянами большую сенсацію. Каждый толковалъ по-своему, но всѣ были твердо убѣждены, что Государь измѣнилъ свое мнѣніе о Нелидовѣ.

Нельзя не вспомнить Нелидова по его оригинальностямъ, которыми онъ обращалъ на себя общее вниманіе.

Въ семи верстахъ отъ Курска у него было устроено прелестное имѣніе, дача «Маква» близъ рѣки Сейма. Всѣ барскія затѣи того времени были имъ приведены въ исполненіе, но во всемъ виденъ былъ отпечатокъ оригинальности хозяина. Всѣ постройки имѣли какую-то вычурную особенность; даже церковь, отстоявшая недалеко отъ дома, была выстроена такъ, что алтарь приходился не на Востокъ, какъ это обыкновенно бываетъ, а въ противоположную сторону для того, чтобы изъ господскаго дома былъ виденъ ея лицевой фасадъ, и тѣмъ не нарушалась бы общая гармонія, какъ говорилъ Нелидовъ. Живя съ дочерью въ Курскѣ, онъ часто давалъ балы и обѣды, всегда роскошные; но гости должны были соблюдать нѣкоторыя церемоніи, выдуманныя хозяиномъ въ своихъ программахъ, заранѣе заготовленныхъ. Курское общество иногда роптало на такія нововведенія, называло его китайскимъ мандариномъ; но тѣмъ не менѣе всѣ ѣздили къ нему, такъ какъ Нелидовъ, нужно отдать ему справедливость, былъ со всѣми одинаковъ и никому не отдавалъ предпочтенія, а, главное, угощалъ на славу. Однажды, на послѣдній день масляницы, у Нелидова назначенъ былъ балъ и ужинъ. Въ разосланныхъ приглашеніяхъ значилось, что балъ откроется въ 8 часовъ, ужинъ — въ 11, а въ 12 начнется великопостная молитва покаянія. Собрались гости; веселье было въ полномъ разгарѣ, въ особенности за роскошнымъ ужиномъ, сервированнымъ на маленькихъ столикахъ, за которыми послѣ мазурки танцовавшіе размѣстились по одной парѣ. Бьетъ 12-ть часовъ; оркестръ мгновенно умолкаетъ; по приглашенію хозяина всѣ гости встаютъ

---

[1]) Нелидовъ получилъ 258 избирательныхъ и 63 неизбир. шаровъ, а Кирѣевскій — 195 и 126 шаровъ (Арх. М. Вн. дѣлъ).

[1]) Высоч. прик. по гражд. вѣдомству 4 Ноября 1852 г., № 220.

изъ-за ужина и направляются въ противоположную часть дома, въ домовую церковь, гдѣ передъ алтаремъ застаютъ священника въ черной ризѣ. Это производитъ поразительный эффектъ на всѣхъ присутствующихъ; къ тому же священникъ унылымъ голосомъ произноситъ: «Господи и Владыко живота моего»... По окончаніи молитвы гости, по обычаю, просятъ другъ у друга прощенія въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Затѣмъ всѣ разъѣзжаются, а хозяинъ остается въ полномъ удовольствіи, что не нарушилась программа его церемоніала.

Когда умерла у Нелидова старшая дочь Лиза, онъ былъ уже вдовцомъ. Похороны дочери онъ устроилъ торжественныя и пышныя. Когда окончилось отпѣванье, Нелидовъ приблизился для послѣдняго прощанія, поцѣловалъ усопшую и, вынувъ изъ кармана запечатанный конвертъ, произнесъ такую рѣчь: «Милая дочь моя Лиза! Ты отправляешься къ матери, передай ей отъ меня письмо; скажи ей, что я надѣюсь увидѣться съ ней и прошу ее, чтобы она молилась за меня и позаботилась приготовить мнѣ мѣсто злачное подлѣ себя». Затѣмъ онъ вложилъ письмо въ руки умершей. Что было въ немъ написано, осталось никому неизвѣстнымъ.

13 Ноября 1852 г. произведенъ въ статскіе совѣтники и пожалованъ камергеромъ.

Нелидовъ былъ женатъ на Елисаветѣ Петровнѣ Ильинской и въ 1852 г. имѣлъ еще дочь Зинаиду (р. 20 Марта 1840 г.), которую также пережилъ.

Имѣлъ 250 душъ крестьянъ и седьмую часть имѣнья покойной жены (300 душъ), которыя передалъ своимъ племянникамъ, сыновьямъ сестры своей Любови Арк. Волковой, Николаю и Петру Петровичамъ. Похороненъ въ Маквѣ [1]).

Александръ Андреевичъ Шнель, 1792—, изъ дворянъ Лифляндской губ., евангелическаго исповѣданія, службу началъ въ 1795 г. подпрапорщикомъ въ 1-мъ Морскомъ полку, откуда 5 Апрѣля 1797 г. былъ уволенъ въ отставку. Въ 1806 г. переименованъ губ. регистраторомъ и опредѣленъ въ Ораніенбаумскій уѣздный судъ; въ 1809 г. произведенъ въ колл. регистраторы; въ 1812 г. переведенъ въ Медицинскій департаментъ Военнаго министерства и произведенъ въ губ. секретари; въ 1813 году опредѣленъ подпоручикомъ въ Сумскій гус. полкъ; въ 1815 г. переведенъ въ Новороссійскій драг. полкъ и назначенъ полковымъ адъютантомъ; въ 1816 г. произведенъ въ поручики и переведенъ въ Стародубовскій кирас. полкъ, гдѣ въ 1817 г. назначенъ полковымъ адъютантомъ; въ 1818 г. произведенъ въ шт.-ротмистры и назначенъ адъютантомъ къ генер.-отъ-кавал. Воинову; въ 1820 г. переведенъ въ лб.-гв. Кирасирскій Его Вел. полкъ; въ 1822 г. произведенъ въ ротмистры; 24 Марта 1825 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, съ оставленіемъ при прежней должности; въ 1829 г. переведенъ полковникомъ въ Дерптскій конно-егерскій полкъ; въ 1830 г. переведенъ въ Сѣверскій конно-егерскій полкъ; въ 1832 г. въ Корпусъ жандармовъ. Въ 1837 г. назначенъ и. д. начальника 5 округа Корпуса жандармовъ, въ 1838 г. утвержденъ въ этой должности, съ производствомъ въ ген.-майоры. Въ 1849 г. произведенъ въ ген.-лейтенанты. Въ 1852 г. назначенъ начальникомъ 6 Округа корпуса жандармовъ. 9 Января 1853 г. уволенъ за болѣзнью отъ службы, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья.

Былъ въ походахъ 1814 и 1815 гг., но въ дѣлахъ не участвовалъ; въ 1828 г. — въ дѣлахъ при блокадѣ Браилова; въ сраженіи при Буланлыкѣ и награжденъ орд. св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ; при д. Чифлыкъ (19 Іюля) и награжденъ орд. св. Анны 2 ст.; 14 Августа «при отбитіи непріятельскаго редута» (дѣло у Мараша, 14 Авг.) и при отраженіи вылазки 20 Сентября.

Въ 1829 г., при блокадѣ Силистріи, въ сраженіи при с. Кулевчѣ и при осадѣ Шумлы.

Въ 1825 г. награжденъ перстнемъ съ алмазомъ, въ 1826 г. орд. св. Анны 3 ст., въ 1828 г. «бантомъ» къ этому ордену, въ 1835 г. орд. св. Анны 2 ст. съ Имп. короной и орд. св. Георгія 4-й ст. за 25 л. службы. Въ 1837 г. пожалована аренда на 12 лѣтъ въ 800 руб.; въ 1842 году награжденъ орд. св. Владиміра 3 ст. и въ 1842 г. получилъ медаль за содѣйствіе къ прекращенію чумы въ Одессѣ; въ 1844 г. награжденъ «по чину» участкомъ земли; въ 1846 г.—орд. св. Станислава 1 ст.

Имѣлъ 8 душъ мужескаго и 7 душъ женскаго пола дворовыхъ людей и два каменныхъ дома въ Одессѣ [1]).

---

[1]) Полк. архивъ; Арх. М. Вн. д., 1852 г., д. 113/6015; Арх. М. Двора, оп. 31/1622, д. 5; Долгорукій, II, 186; Р. Арх., 1885/XII, 539—543; Руммель и Голубцовъ, II, 146; Свѣдѣнія, сообщ. Варварой Арк., Вас. Влад. и Ал. Влад. Нелидовыми.

[1]) Леф. архивъ, Дѣла Инсп. деп., 1 отд., 3 ст., 1853 г., св. 1693, д. 37.

Порфирій Николаевичъ Дубенскій, 1808—1861, изъ древняго, извѣстнаго съ XV в., дворянскаго рода, сынъ сенатора Николая Порфиріевича и жены его Елизаветы Петровны, рожд. Гартонгъ, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, гдѣ имя его занесено на мраморную доску; 13 Апрѣля 1825 г. изъ камеръ-пажей произведенъ въ корнеты, 23 Января 1828 г. въ поручики и 21 Апрѣля назначенъ адъютантомъ къ А. И. Чернышеву. По семейнымъ преданіямъ, «нѣкоторые изъ полковыхъ товарищей, принадлежавшіе къ тайному обществу, усиленно желали сблизиться съ Дубенскимъ, но онъ, ничего не зная о ихъ замыслахъ, по предчувствію отдалялся отъ нихъ, хотя и сознавалъ, что ихъ личныя качества дѣлали ихъ самыми пріятными товарищами и собесѣдниками». Въ 1831 г. произведенъ въ шт.-ротмистры, въ 1834 г. за отличіе въ ротмистры; 28 Сентября 1837 г. уволенъ отъ службы полковникомъ, съ мундиромъ. Имѣлъ орд. св. Анны 3 ст. (1831 г.), св. Владиміра 4 ст. (1833 г.) и св. Станислава 2 ст. (1835 г.), а 18 Апрѣля 1837 г. получилъ «подарокъ въ 1000 руб. асс.», и это обстоятельство вызвало приказаніе его отца выйти въ отставку. Въ 1845 г. Дубенскій былъ избранъ Пензенскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, въ 1847 г., за увольненіемъ Пензенскаго губернскаго предводителя въ отставку, утвержденъ и. д. губернскаго предводителя, въ 1849 г. избранъ губернскимъ предводителемъ. У него было 630 душъ въ Пензенскомъ уѣздѣ, въ с. Дурасовкѣ. Женатъ не былъ. Умеръ въ 1861 году въ Тёплицѣ и погребенъ въ с. Дурасовкѣ [1]).

---

[1]) Полк. архивъ; Арх. М. Вн. д., 1849 г., св. 32; Долгоруковъ, IV, 395; Р. Стар., 1894/I, 18; Свѣдѣнія, сообщ. А. Н. Дубенскимъ.